

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ III

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Л П

1893

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИЦА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть вторая. I—VI. (Продолженіе). П. Н. Полеваго	5
II. Воспоминанія Н. П. Брусилова. Съ предисловіемъ В. Ф. Воиановскаго	37
III. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XI. (Продолженіе)	72
IV. Былыя встрѣчи. III. Въ артистическомъ мірѣ. (Продолженіе). В. М. Сикевича	90
V. Очерки Москвы. IX—X. (Продолженіе). Д. А. Покровскаго	116
VI. По пути въ «варягъ въ греки». (Путевыя впечатлѣнія). VI—VIII. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева	133
Иллюстраціи: 1) Устье канала Александра II въ Шлиссельбургѣ.—2) Рулевой на баркѣ.—3) Село Черное на каналѣ Александра II.—4) Городъ Новая Ладога.—5) Старо-Ладожская крѣпость. (Никольскій монастырь. Общій видъ крѣпости. Юговосточная башня. Планъ крѣпости. Входъ въ крѣпость).—6) Въ Старо-Ладожской крѣпости. (Деревянная перковь св. Дмитрія Солунскаго. Каменная перковь св. Георгія. Фреска, изображающая св. Георгія Побѣдоносца въ диаконникѣ церкви св. Георгія. Рамка, составленная по орнаментамъ въ куполѣ церкви св. Георгія).—7) Ладожскій Никольскій монастырь.	
VII. Нападеніе повстанцевъ на Яблочинскій православный монастырь въ 1862 году. Л. Омелянскаго	157
VIII. Бунтъ раскольниковъ въ 1859 году. (Изъ воспоминаній о Сибири). Е. Р.	162
IX. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій въ Россіи. (1723—1745). А. Г. Врикнера	169
Иллюстрація: Портретъ принца Людвигъ Гессенъ-Гомбургскаго.	
X. Новое направленіе въ исторической наукѣ. М. Ф. Ладвинскаго	177
XI. Изъ воспоминаній о Японіи. XI—XII. (Продолженіе). Женщины-врача. А. А. Черевковой	187
Иллюстраціи: 1) Карасаки, древнѣйшая сосна въ мірѣ.—2) Японская гостиница.—3) Сборъ чая.—4) Посадка риса.	
XII. Театральная цевзура при Наполеонѣ III. Вл. З.	207
XIII. Секретарь челоѣчества. В. Т.	220
Иллюстрація: Портретъ Ипполита Тэна.	
XIV. Второй бракъ Наполеона. В. Т.	229
Иллюстраціи: 1) Наполеонъ I.—2) Императрица Жозефина.—3) Разводъ Наполеона I съ императрицей Жозефиной.—4) Императрица Марія-Луиза.	
XV. Критика и библиографія	263
1) Р. В. Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изданіе археографической комиссіи. Спб. 1893. Д. Корсанова.—2) Историческое Обзорѣніе. Сборникъ историческаго общества при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева (1892 г.). Томъ четвертый. Спб. 1892. С. А—ва.—3) Mythologiae Lituanae Monumenta. Zródła do Mytologii Litewskiej od Tacyta do konca XIII wieku. Zebral, ocenil i objasnil Antoni Mierzynski. War-	

См. слѣд. строк.

szawa. 1892. Н. Л.—ча.—4) К. В. Газенвинкель. Книги разрядныя въ офіціальных ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка. Казань. 1892. С. А — ва. — 5) Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892. М. М.—6) Н. Н. Фирсовъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Казань. 1893. В. Б.	
XVI. Историческія мелочи	272
1) Последній день Севастополя.—2) Процессъ и смерть маршала Нея.—3) Историческій подвѣчникъ.	
XVII. Заграничныя историческія новости	282
XVIII. Изъ прошлаго	291
1) Царскій подарокъ. П. Юдина.—2) Эпизодъ изъ жизни И. А. Введенскаго. В. Святловскаго.	
XIX. Смѣсь	295
1) Освященіе бюста императора Александра II.—2) Торжественное собраніе славянскаго общества.—3) Пятнадцатилѣтіе Санъ-Стефанскаго договора.—4) Юрьевъ и Двинскъ.—5) Могила Гончарова.—6) Авксентій Ковневецкій.—7) Некрологи: С. П. Сущковъ; В. О. Поплавскій; В. В. Звѣринскій; И. П. Можайскій; А. А. Родзянко.	
XX. Замѣтки и поправки	302
1) Кто такой профессоръ Ивангофъ. Д-ра А. Я. Доброворскаго.—2) Могила Маріи Потоцкой въ Саратовѣ. А. Нуланова.—3) Письмо въ редакцію. Евгени Бернгутъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ великой княгини Анны Павловны.—2) Дочь народа. (La tribuna). Историческая новелла Эмилии Пардо-Базанъ. Переводъ съ испанскаго Е. И. Уманецъ. XXV — XXIX.—3) Объявленія.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г. — Вѣячесносный хирургъ.—Петръ Великій въ Дентфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первыя балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссылки.—Дочь Бирона.—Убіиство Сякклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Однѣ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирьяново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подручникъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнѣмое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

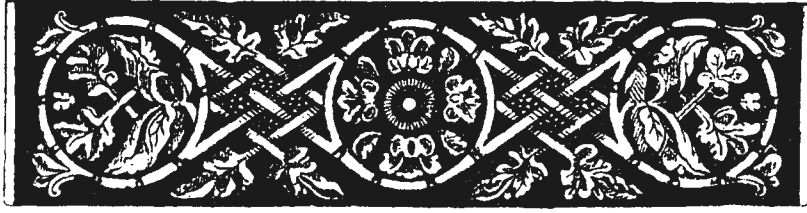

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ АННА ПАВЛОВНА.
Съ гравированнаго портрета Меку.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СФВ., 22 МАРТА 1893 г.

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

Il y a dans le coeur humain des abîmes
impossibles à sonder... En présence de
ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée:
Dieu seul peut les juger avec équité...

(Mém. du prince P. Dolgorouky, 39).

Часть вторая.

I.

АУШНАЯ, гнетущая неостывшимъ зноемъ, июньская
ночь давно уже опустилась на ветхія стѣны и
башни Покровскаго дѣвичьяго монастыря, оку-
тавъ всю окрестность непроницаемо-темнымъ
пологомъ. Въ воздухѣ тишина ненарушимая;
на небѣ ни звѣздочки... Лишь изрѣдка вспыхи-
вающія то тамъ, то здѣсь, трепетныя зарницы
освѣщаютъ темные холмистые края небольшою
ложбины, въ углу которой пріютился Покровскій монастырь, а
вдали обливаютъ мгновеннымъ блескомъ грозныя твердыни Спасо-
Евфиміевской обители, гордо возвышающейся надъ долиною и дре-
внимъ, богоспасаемымъ городомъ Суздалемъ. И тьма послѣ зарницы
кажется еще чернѣе, и пологъ ночнаго мрака еще гуще, а застоившійся
въ долинѣ воздухъ еще болѣе давить грудь и стѣснять дыха-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 657.

ніе... Тяжкая ночь, душная ночь, не дающая отдыха изможденному тѣлу, не смежающая утомленных вѣки благодатнымъ, чуднымъ сномъ, обновляющимъ душу! Не вѣрится, чтобы въ такую ночь сладко спалось даже и отрекшимся отъ міра скромнымъ затворницамъ Покровской дѣвичьей обители. И точно: вонъ въ одномъ изъ угловъ монастырской ограды, въ большихъ брусяныхъ кельяхъ, пристроенныхъ къ самымъ воротамъ и рѣзными переходами связанныхъ съ надворотными храмами, какъ будто звякнуло оконцо, распахнутое чьей-то нетерпѣливой рукой, какъ будто блѣдный лучъ свѣта мелькнулъ, и на тускломъ фонѣ этого свѣта обрисовался женскій профиль...

— Душно мнѣ! Жутко мнѣ! — шепчуть уста молодой затворницы, беспомощно опустившей голову на руки, опертыя о подоконникъ. — Давитъ меня и воздухъ здѣшній, и стѣны эти проклятыя, каменные, тюремныя, безжалостныя, и тоска гнететъ, тоска — змѣя лютая, подколотная!..

И она не выдержала, разрыдалась, и тихія рыданія ея, надрывавшія душу, гулко раздались среди ночной тишины, нарушая ее и пробуждая въ молчаливыхъ стѣнахъ и башняхъ зловѣщее эхо...

— Матушка царица! — раздался позади затворницы знакомый ей голосъ старицы Капитолины. — Да ты еще, кажись, и не ложилась и тѣла послѣ дневныхъ трудовъ не упокоивала?

Инокиня, къ которой старица Капитолина обращалась со своею рѣчью, даже не шевельнулась и головы не обернула въ сторону говорившей, продолжая по-прежнему тихо рыдать, то приподымая голову, то вздрагивая плечами...

— Уймись, государыня! Не слези ты своихъ очей ясныхъ, не тумань ты своего лица бѣлаго, прекраснаго! — продолжала причитывать старица Капитолина, осторожно, кошачьей повадочкой, подходя къ царственной затворницѣ и слегка прикасаясь къ ея плечу.

Царица Евдокія вдругъ поднялась съ подоконника и такъ быстро обернулась къ старицѣ, сверкнувъ на нее своими темными глазами, что старица невольно попятилась отъ нея къ углу кельи...

— Отстань! Сгинь съ глазъ моихъ долой, — крикнула царица-инокиня, гнѣвно топнувъ ногой. — И безъ тебя тошнохонько — и еще ты тутъ со своими причитаніями!

— О-о-охъ, матушка царица! Тебя жалѣючи, — застонала плаксиво и жалобно старица Капитолина, стараясь придать своей пухлой и весноватой физиономіи выраженіе искренней горести.

— На что мнѣ твоя жалость! Изъ нея, чай, не шубу спить... Свои забыли, близкіе отвергли... Сынъ родной отвернулся!.. А она тутъ суется со своею жалостью...

И царица-инокиня, бросивъ презрительный взглядъ на старицу Капитолину, отвернулась отъ нея и вновь стала упорно смотрѣть

въ непроницаемую мглу ночи, изрѣдка вспыхивавшую то тамъ, то здѣсь трепетными зарницами.

Но старицу Капитолину не легко было сбить съ толку, если ужъ она намѣчала себѣ путь и рѣшалась ему слѣдовать... Подперевъ обвислый подбородокъ пухлою рукою, она вздохнула раза два очень внушительно и громко, какъ бы для того, чтобы обратить на себя вниманіе царицы-инокини, а потомъ добавила вслухъ:

— Не забыли тебя свои, и близкіе не отвергли... И сынъ не отвернулся... Хоть и держать всѣхъ ихъ смертный страхъ въ уздѣ, а чуетъ мое сердечушко, что ужъ не надолго...

— Не надолго?? Ври больше, благо языкъ-то безъ костей, все мелеть,—гнѣвно воскликнула Евдокія.—Я тутъ ужъ восемь лѣтъ томлюсь, восемь лѣтъ вяну, какъ трава за стѣнью, а она, поди-ка ты, пророчица какая! чуетъ, что не надолго...

— О-охъ, государыня! Смѣни ты гнѣвъ на милость! Дай рабѣ своей вѣрной словечушко вымолвить! Знаю, что восемь лѣтъ ты въ заточеніи томишься и по быломъ счастью слезы льешь, да не гнѣви же ты Бога-то: вѣдь не къ худому идетъ дѣло-то, къ хорошему...

— Къ хорошему? А! къ хорошему? Ты это потому говоришь что въ послѣдній годъ мольбамъ моимъ слезнымъ вняли, кельи мнѣ новыя срубили, не держатъ больше въ старой гнилой избѣ, да о кормахъ моихъ заботы немного болѣе прежняго прилагать стали: рыбой да пирогами царицу бывшую побаловываютъ... Ха, ха! Такъ что ли?

— Нѣтъ, государыня, не туда я рѣчь веду,—вкрадчиво и мягко заговорила старица Капитолина, зорко вглядываясь въ лицо царицы-инокини.—Веду рѣчь къ тому, что царское твое дѣтище подрастаетъ и, Богъ далъ, въ добромъ здравіи обрѣтается...

— Что ты толкуешь мнѣ о дѣтищѣ? — дрогнувшимъ голосомъ произнесла Евдокія.—Нѣтъ у меня дѣтища! Завладѣли его душою бусурмане нечистые, оторвали его сердце отъ моего сердца, заказали мнѣ всѣ пути къ нему и страшными клятвами закликали... Нѣтъ къ нему доступу ни слезамъ моимъ, ни моленіямъ...

И она опять зарыдала и въ невыразимомъ отчаяніи стала ломать свои прекрасныя руки, попережнему украшенныя дорогими перстнями.

— Вотъ то-то я и говорю,—затараторила старица Капитолина, постепенно овладѣвая вниманіемъ царицы-инокини:—то-то я и говорю: не гнѣви Бога, государыня! Давно-ли сынъ твой изъ пеленъ вылупился? Давно-ли ему дозволено по своей-то волѣ на Москвѣ-то жить? А то вѣдь все кругомъ глазъ да глазъ, да всякіе тайные смотрѣльщики, а изъ-за ихъ спины смертный страхъ грозы царской... Словно жаръ-птица въ клѣткѣ, тремя стѣнами каменными обложенъ... До слезъ-ли тутъ материнскихъ, какъ за себя на всякій часъ дрожать приходится... Сама посуди!

Царица-инокиня отерла слезы и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ приготовилась слушать, что скажетъ далѣе сладкорѣчивая келейница.

— А припомни-ка ты, что тебѣ на прошлой недѣлѣ отецъ игумень говорилъ?—продолжала лукавая старица.—Говорилъ онъ тебѣ, что минеть скоро твое безвременіе, что времена на лучшія переи́мъются... А ужъ Досіеѣй-игумень не таковъ человѣкъ, чтобы даромъ слово молвилъ: святъ мужъ и пророчить, и провидить, и гласы отъ иконъ ему бывають, и видѣнія...

— Охъ, кабы его слово сбылось!—со вздохомъ проговорила Евдокія.—Кабы и точно просіяло на меня, горемычную, солнце красное, кабы вспомнилъ обо мнѣ мой ненаглядный Алѣшенька...

Въ это мгновеніе яркая молнія вдругъ опоясала половину неба, и въ ту же минуту короткій, сухой и рѣзкій ударъ грома грохнулъ гдѣ-то близѣхонько отъ монастыря и горошкомъ разсыпался надъ всею долиною.

Царица въ испугѣ отскочила отъ оконца, спѣшно крестясь и шепча слова молитвы, а старица Капитолина, притворяя окошко, не упустила случая проговорить:

— Ишь какъ къ слову твоему царскому громъ откликнулся! Видно, услышаны у Господа твои святые молитвы!

— Пойди, зажги громовую свѣчу передъ Владычицей!—прошептала царица-инокиня.—Да Агаеюшкѣ скажи, чтобы сюда изъ своего чулана приволоклась, да у моихъ дверей легла... Авось я помолившись и засну... Благо разговорила ты меня, разогнала тоску мою...

И Евдокія направилась изъ передней кельи въ опочивальню, гдѣ расторопная старица Капитолина успѣла мигомъ и громовую свѣчу зажечь, и зголовьице пуховое на царской кровати взбить, и перинку вздуть горкою...

Когда она вышла изъ опочивальни, притворивъ за собою дверь, царица-инокиня опустилась на колѣни передъ божницею, освѣщенною тремя лампадами, и попыталась молиться... Новый, еще болѣе близкій, еще болѣе страшный и оглушительный ударъ грома разразился надъ самою обителью...

«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его»,—шептали уста Евдокіи. Но мысли ея были далеко отъ угла той низкой и убогой кельи, въ которой она, колѣнопреклоненная, стояла передъ иконами. «Врази Его» напоминали ей о ея врагахъ, о тѣхъ, кто лишилъ ея молодую жизнь и красы, и блеска, и радостей, кто развѣнчалъ и съ престола столкнулъ въ юдоль стенанія и плача, бесплодныхъ сокрушеній и зубовнаго скрежета безильной злобы. Изъ-за тѣсныхъ, безмолвныхъ стѣнъ ея невольной тюрьмы, ея воображеніе рисовало узорчатые, прихотливо-расписанные и разукрашенные терема Московскаго дворца,

полные раболѣпныхъ царедворцевъ, вѣрныхъ слугъ и пестрой многоглавой толпы людей, со всѣхъ концовъ Руси явившихся на поклонъ государынѣ-царицѣ... И всюду блескъ, и свѣтъ, и краски, и роскошь, и богатство; и всюду люди готовые ей служить, ее тѣшить и забавлять, и всюду шумъ и движеніе, и жизнь, ключомъ бьющая вокругъ и доносящая сюда свои отголоски живою струею стоустой неугомонной молвы...

И царица-инокиня пытается отогнать отъ себя эти мучительныя воспоминанія, пытается вновь вернуться къ молитвѣ и направить свои мысли на иной ладъ.

— «Яко исчезаетъ дымъ... да исчезнутъ! яко таетъ воскъ отъ лица огня...

И снова болѣзненно настроенное воображеніе ея цѣпляется за слова молитвы и изъ словъ создаетъ дивныя, прихотливые образы...

— Да, какъ дымъ, исчезло, какъ воскъ, растаяло счастье мое и вотъ, вотъ, вмѣсто свѣтлыхъ царскихъ ризъ, вмѣсто узороцій безцѣнныхъ, вотъ во что я облечена!—шепчетъ про себя Евдокія, съ озлобленіемъ оглядывая свою темную, поношенную рясу.

И вотъ уже, покинувъ молитву, она поднимается съ колѣнъ, она распускаетъ на себѣ кожаный поясъ, сбрасываетъ съ головы иноческую скуфью, поспѣшно срываетъ съ плечъ тяжелую иноческую одежду и исподнюю фѣрязь и, бросившись на пуховую постель, закрываетъ глаза, хочетъ забыться сномъ... Но и здѣсь тщетны оказываются ея усилія! Изголовье жжетъ ея разгорѣвшееся лицо, обнаженныя плеча и шею; мягкій пуховикъ, въ которомъ потонуло ея молодое, здоровое, роскошно развитое тѣло, сжимаетъ ее словно въ объятіяхъ... Она пугливо прислушивается къ ворчливому шепоту карлицы Агаѣи, которая у самаго порога ея двери располагается и ворочается на жесткомъ соломенникѣ; она то скидываетъ съ себя одѣяло, то вновь въ него кутается, охваченная какою-то странной дрожью, неизъяснимой среди этой духоты и жара. Вотъ, наконецъ, легкая дремота начинаетъ опускаться на ея утомленныя очи и туманить ея умъ; но въ то же время ею овладѣваетъ страхъ: ей чудится, что кто-то крадется къ ея постели, и подошелъ и наклонился къ ея изголовью и шепчетъ ей безумныя, горячія рѣчи любви, зажигающія въ ней желанія жгучія, неутолимыя... Ея объятія ищутъ объятій, ея уста стремятся на встрѣчу устъ, готовыхъ впитаться въ нее и заставить ее забыть все на свѣтѣ: даже сына, даже враговъ и царственное прошлое!.. Но кругомъ и около все пусто: тѣ же темныя, скудно освѣщенные углы кельи, всюду кругомъ тѣ же стѣны, изъ которыхъ одинъ выходъ—въ храмъ Божій...

— И какъ она это сказала: услышаны у Господа твои святыя молитвы... Словно посмѣяться надо мною хотѣла, лукавица... Не до молитвъ мнѣ: грѣхъ у меня на умѣ, и сладокъ онъ

мнѣ кажется и манить меня... манить... Господи! Дай силы побороть сатанинское навожденіе! Дай силы!

Но истомленнымъ очамъ въ полудремотѣ вновь чудятся соблазнительныя картины мірской жизни—дѣвки пляшутъ, цѣлуются и обнимаются съ парнями въ шумномъ Купальскомъ хороводѣ, соловьи заливаются въ кустахъ надъ рѣкою своими страстными, пѣснями... И этимъ пѣснямъ вторятъ въ непроницаемой тѣни кустовъ звонкіе, сочные поцѣлуди и нѣжный, замирающій шепотъ рѣчей...

II.

На другой день, чуть только успѣла отойти въ Спасо-Евфиміевской обители ранняя обѣдня, и даже братія еще не успѣла разбрестись по кельямъ, какъ ужъ игумень Досиѣей, взявъ посохъ свой изъ рукъ келейника, подоткнулъ и подобралъ края своего подрясника и мантии, оправилъ клубокъ на головѣ и направился къ монастырскимъ воротамъ, на пути сопровождаемый поклонами и почтительными привѣтствіями встрѣчныхъ иноковъ и мірянъ. Выйдя изъ воротъ, онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ своихъ черныхъ острыхъ очей всю открывавшуюся передъ нимъ ложбину, по которой крутыми серебристыми излучинами извивалась рѣчка Каменка; глянулъ вдаль на башни, храмы и стѣны Покровскаго монастыря, возвышавшіяся на краю ложбины, среди зеленой чащи старыхъ ивъ и вязовъ, разросшихся надъ небольшими прудками, и сталъ спускаться съ горы по дорогѣ, которая идетъ изъ Суздаля къ Покровскому дѣвичьему монастырю и дальше къ Боголюбову.

Игумень Досиѣей былъ человѣкъ еще не старый: на видъ ему было сорокъ лѣтъ не болѣе. Но, по живости глазъ, по общей подвижности и быстротѣ движеній, нѣсколько угловатыхъ и порывистыхъ, онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Притомъ, во всемъ складѣ его не высокой, но коренастой фигуры, въ выраженіи его некрасиваго рябватаго лица, обросшаго густою, курчавою рыжеватою бородою, было столько энергіи, столько силы и подвижности, что отецъ Досиѣей каждому, съ перваго взгляда, представлялся человѣкомъ несокрушимымъ и неутомимымъ, для котораго лишній десятокъ лѣтъ не составилъ бы замѣтнаго бремени... Шель отецъ Досиѣей очень скоро, тою крѣпкою и легкою походкою всѣхъ сильныхъ людей, которымъ приходилось много ходить на своемъ вѣку, и шель, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружавшую его очень живописную мѣстность, не наслаждаясь чуднымъ прохладнымъ воздухомъ утра, наступившаго послѣ ночной грозы, освѣжившей воздухъ: онъ шагаль, опираясь на посохъ одною рукою и другою придерживая свою мантию, и весь былъ погруженъ въ свои мысли. «Вѣсти» изъ Москвы были получены важныя, давно желанныя и ожидаемыя, ихъ надо было немедля передать «Покровской затворницѣ», нѣчто съ нею обсу-

дить и къ «нѣкому начинаю оную побудить»... Вотъ зачѣмъ такъ спѣшилъ отецъ Досиѣей изъ своей мужской обители по знакомой ему дорогѣ въ сосѣднюю женскую обитель, въ которой онъ сталъ бывать въ послѣднее время довольно часто.

Старый привратникъ широко распахнулъ передъ отцомъ Досиѣемъ воротную калитку и поспѣшилъ подойти къ нему поды благоговѣніе. Едва миновавъ ворота, отецъ Досиѣей почти наткнулся на старицу игуменью Марѳу, которая, помахивая своей клюкою, покрикивала на бѣлицъ, рывшихся въ грядкахъ огорода, и въ то же время выслушивала докладъ старицы-казначей, матери Маремьяны, высокой и сухой монахини, съ совершенно выпцвѣтшими безжизненными глазами и желто-прозрачнымъ, какъ бы восковымъ цвѣтомъ лица.

— Благоговѣніе дому твоему!—произнесъ отецъ Досиѣей, привѣтствуя игуменью Марѳу съ матерью-казначеей. — Все, небось, въ хлопотахъ... Червь капусту не ѣсть-ли?

— Охъ, ѣсть, отецъ преподобный! Вотъ какъ ѣсть,—затараторила мать игуменьи.

— Пришли ко мнѣ слугу, снадобница дамъ. Какъ рукой снять!

— Пришлю, пришлю, родимый! По гробъ жизни обяжешь, дай Христа ради... А то безъ капусты останемся, грѣшныя!

— Вотъ, вотъ! радъ служить по сусѣдству!—продолжалъ отецъ Досиѣей, отворачиваясь отъ матери-игуменьи и собираясь подняться на лѣсенку, которая вела изъ огорода въ подворотную церковь Благовѣщенія.

— А ты, отецъ преподобный, куда же путь держишь?—спросила его въ догонку игуменья Марѳа.

— Туда же! По долгу пастырскому: скорбныя утѣшати, темныя просвѣщати,—коротко и сухо отвѣтилъ отецъ Досиѣей.

Затѣмъ, поднявшись на лѣстницу, онъ спѣшно мимоходомъ перекрестился на храмъ, мимо дверей котораго ему приходилось проходить по узенькимъ переходамъ, свернулъ въ сторону и привычною рукою постучался у какой-то узенькой боковой дверки, сопровождая стукъ свой обычнымъ возгласомъ.

— «Аминь!»—раздался изъ-за двери голосъ старицы Капитолины, защелка отодвинулась, и отецъ Досиѣей, встрѣченный низкими поклонами и привѣтствіями царицыной келейницы, вступилъ въ темный корридоръ, который мимо кельи Капитолины и мимо чулановъ царицыной служни велъ къ кельѣ Евдокии.

Многозначительно подмигнувъ Капитолинѣ и тихо-тихо на ушко перешепнувшись съ нею, отецъ Досиѣей отправилъ ее впередъ узнать, приметъ-ли его царица-инокиня, и когда дверь ея кельи широко растворилась передъ нимъ, переступилъ порогъ ея съ благоговѣніемъ и громкимъ возгласомъ:

— Дому сему миръ и благословеніе живущимъ въ немъ!

Царица-инокиня поднялась со своего мѣста и стремительно бросилась подъ благословеніе отца Досиѣея.

— Забылъ и ты меня, бѣдную, отецъ преподобный! Хотѣлъ быть черезъ два дня, а тѣмъ временемъ недѣля протечь успѣла,— проговорила съ волненіемъ царица-инокиня, усаживая отца игумена на лавку, крытую ковромъ и приставленную къ окну.

— Откровенія выжидалъ, — тайственно замѣтилъ Досиѣей, передавая свой посохъ суетившейся около него старицѣ Капитолинѣ и усаживаясь на лавку противъ Евдокіи.—Притомъ и прещеніе нѣкое было на меня наложено вышними моими, — добавилъ онъ, опуская глаза въ землю и перебирая на своей грубой волосатой рукѣ простыя четки изъ какихъ-то темныхъ зеренъ.

— Откровеніе?.. Прещеніе?—въ недоумѣніи проговорила Евдокія, поднимая на Досиѣея свои прекрасныя очи.

— Да! Да! Не дивись, государыня! Прещеніе отъ вышнихъ... Владыко нашъ митрополитъ въ Ростовъ меня къ себѣ вызывалъ и говорилъ мнѣ...

Досиѣей сторожливо оглянулся на старицу Капитолину, которая поняла его взглядъ и мигомъ исчезла за дверью царицыной кельи.

— Говорилъ мнѣ по тайности съ очей на очи: чего де ты безвременно и почасту къ царицѣ-инокинѣ шатаешься? Человѣкъ ты еще не старый—и развѣ не знаешь, какіе случаи бываютъ? Бѣсъ-то вѣдь и въ тебѣ силенъ, а въ ней еще сильнѣе.— И онъ быстро глянулъ въ лицо Евдокіи своими острыми черными глазами и видѣлъ, какъ оно вдругъ зардѣлось яркимъ румянцемъ.

Евдокія такъ смутилась отъ словъ Досиѣея, что съ минуту не могла даже совладать съ собою, не могла произнести ни одного слова: она чувствовала на себѣ всю глубокую истину предостереженій митрополита Иларіона, она чувствовала, что бѣсъ въ ней точно забралъ великую силу... такую силу, что даже вотъ этотъ мужиковатый, рыжій и рябой монахъ не былъ ей противенъ...

— Да, да, остерегалъ отъ тебя святой владыка и даже такъ говорилъ: что ты съ ней возишься? ради какой благодѣтели? То де не въ милость вамъ и не въ жалованье, что она къ вамъ въ обитель прислана... То де лютой огонь: пожжетъ и погубитъ васъ! Быть вамъ всѣмъ изъ-за нея безъ головъ и безъ животовъ!

— Съ нами крестная сила! — прошептала царица-инокиня, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ.

— И не дерзнулъ бы я, рабъ грѣшный и окаянный, преступити прещеніе владычне, — смиренно произнесъ Досиѣей, — ежели бы нѣкто отъ выше владыки сущихъ не посѣтилъ меня нѣкимъ откровеніемъ...

Досиѣей приостановился, погладилъ бороду и, бросивъ бѣглый

взглядъ на Евдокію, которая такъ и впиалась въ него глазами, продолжалъ:

— Въ прошлый четвертокъ, по ночномъ вельми долгомъ молитвенномъ бдѣніи, уже дню свѣтающу, ощутилъ я слабость плоти моей и впалъ въ дремотное усыпленіе. И се вижу себя не въ келии, а въ ризницѣ нашей обительской и великое сіяніе въ углу вижу, и откуда свѣтъ исходитъ, не могу постигнуть... Приблизился и слышу гласъ, изъ того свѣта исходящій: «гряди, рабъ вѣрный, и упреди многострадальную рабу Евдокію, да возрадуется, яко переходитъ нынѣ година бѣдствій ея и на прежняя вскорѣ возвратится... И затѣмъ и гласъ смолкъ, и свѣтъ многосіянный померкъ... И я, очнувшись отъ дремотнаго усыпленія, услышалъ первый звонъ къ заутрени...

— Ахъ, Господи! Что же это?.. Какъ понять, какъ постигнуть?—прошептала Евдокія, до глубины души взволнованная разговоромъ о видѣніи.

— И самъ я, государыня-царица, хотя и испытанный въ видѣніяхъ и прообразованіяхъ, задумался!—сказалъ Досиѳей.—«Гряди и упреди» и прямо на тебя указываетъ перстъ свыше... А о чемъ упредить—не вѣдаю. А вчера въ навечеріе все мнѣ и уяснилось, и прозрѣлъ я уже «не яко зеркаломъ въ гаданіи, а яко лицомъ къ лицу»...

— Опять видѣніе?—съ волненіемъ и страхомъ перебила его Евдокія.

— Нѣтъ, государыня! Вѣсти добрыя отъ ближнихъ пришли изъ царствующаго града и принесъ ихъ человекъ добрый, Игнатій Босой...

— Волосяничниезъ!?!—воскликнула Евдокія.—Ну, знаю, знаю его... Говори!

— Пишутъ мнѣ оттуда покрытыми словесы: глава де наша въ шведскомъ болотѣ столь крѣпко увязъ, что вернется ли оттолѣ живъ и цѣлъ, то невѣдомо. Столь увязъ, что и о сынѣ забылъ, и въ бусурманство его болѣе сольститъ: не тцится; а сынъ голову подъялъ и всѣмъ намъ глаголетъ: «что де отецъ со стрѣльцами за свою мать сдѣлалъ, то де и я знаю, съ кѣмъ сдѣлаю»...

— Ахъ!—вырвалось невольнымъ вздохомъ у Евдокіи, которая въ невыразимомъ волненіи закрыла лицо руками, между тѣмъ какъ грудь ея высоко и быстро поднималась...

— И то еще не все, государыня! Пишутъ мнѣ ближніе, что зѣло они на Москвѣ окрылатѣли духомъ, и просятъ меня, дабы я упредилъ тебя... (Вотъ оно видѣніе-то гдѣ сбылось!), что придетъ день и, быть можетъ, уже не вельми далекъ, въ онъ же ангель свѣтлый въ твою обитель слетитъ и узы твои разрѣшитъ...

— Боже! Что ты говоришь? Чѣмъ манишь, чѣмъ смущаешь меня, черницу смиренную, забвенную!—воскликнула Евдокія, готовая разразиться слезами и воплями.

Досиеей вдругъ крѣпко схватилъ ее за руку, стиснулъ ее руку, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, и бросилъ на нее суровый взглядъ.

— Не черница ты, а царица! Не черничное и платье на тебѣ, а узническое, плѣнническое, вретище тюремное! Вольна ты его на всякій часъ съ себя скинуть и подъ пятой растоптать... Не волею ты его на себя одѣвала, а приказомъ царя мучителя!

— Да вѣдь пострижена я!—съ отчаяніемъ проговорила Евдокія.

— Тотъ подстригъ не въ подстригъ, и властью намъ данной мы тебя отъ обѣта насильнаго разрѣшаемъ... И больше тебѣ скажу: облекись въ ризы мірскія, въ ризы свѣтлыя, въ народъ показывайся, по окрестнымъ обителямъ на богомолье ѣзди, къ себѣ на поклонъ добрыхъ людей принимай, дабы и самый сынъ твой не засталъ тебя въ чернеческомъ образѣ, дабы и въ народѣ видали, что ты царица, а не черница, и царю законная жена...

Царица-инокиня поднялась со своего мѣста... Голова у ней кружилась; глаза горѣли. Смѣло устремивъ ихъ на Досиеея, она проговорила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— И ты... отецъ преподобный... разрѣшаешь меня отъ обѣта?..

— Твой невольный обѣтъ не въ обѣтъ, а въ поруганіе твоимъ насильникамъ... На ихъ головы и падеть клятва Господа за нарушеніе его... Грядетъ часъ, и ты, государыня, должна быть по вся дни къ нему готова, когда взыщешься ты отъ кельи смиренной для иной доли!

— Присные твои и Абрамъ Θεодоровичъ, и Настасія Θεодоровна, и князь Семень Щербатовъ—всѣ пишутъ мнѣ, что уже инымъ вѣтромъ нынѣ подуло, и они сами, отъ страха прежняго отрекаясь, шлютъ тебѣ вскорѣ сюда и ризы свѣтлыя, въ нихъ же облечешься, и слугъ многихъ, и отнынѣ ни въ чемъ не будешь болѣе знать оскудѣнія...

Произнеся все это торжественно и величаво, Досиеей поднялся со своего мѣста, осѣнилъ Евдокію, преклонившую передъ нимъ, и, ласково кивнувъ ей головою, направился къ выходу.

— Уповай и надѣйся, государыня! Съ вѣстями къ тебѣ я не замедлю,—сказалъ онъ, переступая порогъ царской кельи.

И едва только успѣлъ онъ скрыться за дверью, какъ Евдокія бросилась въ опочивальню, съ лихорадочною поспѣшностью разыскала въ рѣзномъ ларцѣ какой-то мудреный ключъ, выдвинула изъ-подъ кровати небольшой окованный сундучекъ, дрожащими руками отперла его замокъ, откинула крышку и вынула изъ сундучка легкій, синій, суконный кунтушъ и круглую бархатную шапочку, отороченную соболемъ...

Вынула, развернула, раскинула на кровати, долго осматривала его и нѣжно гладила рукою, и вдругъ, въ порывѣ охватившаго ее счастья, стала прижимать къ груди и осыпать нѣжными поцѣлуями

это мірское платье, восемь лѣтъ тому назадъ орошенное потоками ея горькихъ, никому не видимыхъ слезъ.

— Боже мой!... Боже правый!... Неужели услышаны Тобою мои грѣшныя молитвы! — шептала Евдокія, не смѣя вѣрить проблескамъ грядущаго счастья.

III.

Въ самый Спасъ Преображенья, старый знакомецъ нашъ, Игнатій Босой, на возвратномъ пути изъ Суздаля, гдѣ онъ нѣсколько дней гостилъ у своихъ знакомцевъ и милостивцевъ, входилъ въ Москву раннимъ утромъ и, миновавъ заставу лазейкою черезъ осыпъ вала, шелъ по знакомымъ улицамъ съ нѣкоторою опаскою и оглядкою:

— Кто моль ихъ знаетъ? Въ Москвѣ я лѣтъ съ восемь не бывалъ... А тутъ, говорятъ, всякіе новые порядки завелись, такъ какъ бы гдѣ шейю въ петлю не угодить...

Во внѣшности онъ измѣнился очень мало: такой же сухой, высокій, сутулый; такой же смуглый, только въ черныхъ прядяхъ волосъ, которые изъ-подъ колпака падаютъ на плеча, и въ жиденькой бороденкѣ кое-гдѣ серебрится сѣдина. Тѣ же, кажется, на немъ и лохмотья: драный, засаленный подрясничекъ, заплатанный въ десяти мѣстахъ неоднотвѣтными заплатами, подтянутый ремненнымъ поясомъ, поверхъ волосяницы, которая тутъ и тамъ видна изъ-подъ лохмотьевъ. Та же тыквенная фляжка болтается у него на поясѣ, заткнутая тряпичей. Та же крошечная берестяная котомочка приложена къ плечамъ веревочными петлями. Тотъ же самый посохъ у него въ рукѣ, пудовый желѣзный, съ крестомъ вмѣсто рукояти, и также онъ на него опирается, широко шагая своими босыми ногами, ни зимою ни лѣтомъ не вѣдавшими никакой обуви.

Каждый, кто знавалъ Игнатія Босаго лѣтъ восемь назадъ, конечно, и теперь, при встрѣчѣ, тотчасъ же узналъ бы его. Босой на это рассчитывалъ; но, до нѣкоторой степени, имѣлъ основаніе опасаться кое-какихъ не совсѣмъ пріятныхъ встрѣчъ и потому именно, проходя по болѣе люднымъ улицамъ, очень сторожливо и зорко вглядывался во всѣхъ встрѣчныхъ, готовый шмыгнуть въ проходной дворъ или въ боковой переулокъ при малѣйшемъ опасеніи...

Но чѣмъ далѣе онъ шагаль по Москвѣ, тѣмъ болѣе онъ успокоивался, потому что видѣлъ мало новаго въ Бѣлокаменной: тотъ же былъ всюду шумъ и движеніе, та же толкотня и грязь, тѣ же толпы нищихъ и странниковъ въ церковныхъ оградахъ и на папертяхъ; та же кулачная расправа на каждомъ шагу. Правда, въ толпѣ много было видно людей въ нѣмецкомъ короткомъ платьѣ и въ такъ называемыхъ венгерскихъ кафтанахъ, и въ рядахъ, и на торжномъ,

расхаживали какіе-то подьячіе въ высокихъ треухахъ и въ форменныхъ полукафтаныахъ со свѣтлыми пуговицами; много толкалось по улицамъ солдатъ; много встрѣчалось между рядскими торговцами совсѣмъ бритыхъ фізіономій или, по крайней мѣрѣ, съ гладко остриженными бородами... Но рядомъ съ этими новинками было видно и много долгополага русскаго платья, строго воспрещеннаго указами, и очень много лицъ съ бородами всякихъ размѣровъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ, и никто ихъ, очевидно, не преслѣдовалъ и не обращалъ на нихъ, повидимому, никакого вниманія...

— Видно, новымъ-то вѣтромъ повѣяло, — подумалъ про себя Босой, — да не въ его сторонку понесло!... Вражье-то лѣпко, да и Божье-то крѣпко...

И для того, чтобы окончательно ознакомиться и освоиться съ новыми московскими порядками, Босой рѣшился, прежде всего, заглянуть въ Залеты, гдѣ, какъ слышно было, кабакъ держалъ все тотъ же плѣшивый дядя Климъ.

— Авось, тамъ все, что нужно, разузнаю, да, можетъ, не встрѣчу ли кого изъ прежнихъ старыхъ знакомцевъ?

Добравшись до Залетовъ, которые попрежнему стояли на томъ же бойкомъ мѣстѣ, пониже Покровскихъ воротъ, повыше Живаго моста и не вдаль отъ Рыбниковъ, Босой увидѣлъ передъ собою то же давно знакомое ему зданіе, съ той же обтрепанной елочкой надъ крышей, съ тѣмъ же скрипучимъ, нѣсколько покривившимся крыльцомъ; тѣ же пестрыя кучки народа на площадкѣ передъ входомъ, въ узкихъ, темныхъ и грязныхъ сѣняхъ, и въ обширной комнатѣ передъ стойкой. Толпа галдѣла также нескладно и громко, какъ прежде, и нисколько не измѣнила своего характера отъ того, что среди нея вертѣлось десятка два бритыхъ «кургузниковъ».

Одно только поразило Босаго: за стойкой онъ увидѣлъ того же плѣшиваго дядю Клима, гладко выбритаго и переряженнаго въ засаленный «саксонскій» кафтанецъ и полосатый нѣмецкій камзолъ, прикрытый бѣлымъ фартукомъ...

Его, этого дядю Клима, завѣдомаго сторонника древляго благочестія, Босой никакъ не ожидалъ увидѣть въ этомъ обновленномъ, опозоренномъ видѣ... Пробившись сквозь толпу, онъ подошелъ къ стойкѣ и произнесъ обычное свое привѣтствіе:

— Дому благодать, а дядѣ Климу—наливать!

Дядя Климъ глянувъ на него своими маленькими залпывшими, но острыми глазками, и видимо тотчасъ призналъ его, потому что самъ поднесъ крючекъ вина и жирнымъ подбородкомъ мотнулъ въ сторону, какъ бы указывая Босому на мѣсто ближайшее къ стойкѣ.

Босой выпилъ крючокъ залпомъ, поставилъ свой посохъ въ уголокъ около стойки и, опустившись на лавочку, близѣхонько къ дядѣ Климу, потребовалъ себѣ жбанъ хмѣльной браги.

— Давненько тебя здѣсь не бывало,—процѣдилъ сквозь зубы дядя Клима, чуть примѣтно косясь на Босаго.

— Давненько. Съ той самой поры, какъ царь здѣсь у васъ по Бѣлому городу стрѣлецкія туши развѣшиваль...

— Отъ дѣла лытаешь, аль дѣла пытаешь?—перебилъ его дядя Клима обычнымъ вопросомъ, который только привычное и тонкое ухо Босаго могло разобрать среди общаго шума и гама.

— Вѣстимо не съ пустыми руками къ московскимъ чудотворцамъ прибрель!—отвѣчалъ Босой.—Да вотъ вашихъ новѣшнихъ порядковъ не вѣдаю... и пріятелей поистерялъ... такъ опаска беретъ...

Дядя Клима оглядѣлъ изъ-за стойки всѣ углы избы и проговорилъ какъ будто про себя:

— Не время, знать, еще... а посидишь здѣсь, такъ разыщешь... А гдѣ же тотъ, что съ тобой-то ходилъ, изъ поповъ что ли?..

— Ѳедоръ Пустынный?.. Милуетъ его Богъ! Теперь хорошо пристроился: ключаремъ при Суздальскомъ соборѣ служить...

— Изъ петли ушелъ!—прошепталъ дядя Клима. — Ну, да дай ему Богъ, пастырь онъ добрый! Чай, тамъ около плѣнныхъ теперь высокое гнѣздо съ Досиѣемъ советъ! Вѣдь и тотъ тамъ же?

Босой, пораженный загадочными рѣчами дяди Клима, который, повидимому, отлично зналъ все, что происходило въ Суздаль, собирался было ему отвѣтить, когда ему въ глаза бросилась знакомая фигура высокаго и плотнаго мужчины, съ темнорусой бородой, только что переступившаго порогъ кабака и зорко озиравашаго всѣхъ присутствующихъ.

— Никакъ это онъ?—проговорилъ Босой, вопросительно взглядывая въ сторону невозмутимаго дяди Клима.—Никакъ Мишка!..

— Цыцъ, молчокъ! — процѣдилъ сквозь зубы дядя Клима.— Теперь эта овца въ другой шкурѣ ходить, такъ чтобы объ той и помину не было...

— Понимаемъ, — прошепталъ Босой и сталъ пытливо выжидать, когда Мишка Ослопъ (а это былъ несомнѣнно онъ!) подойдетъ къ стойкѣ и самъ замѣтитъ стараго знакомаго.

Мишка, дѣйствительно, какъ бы отыскивая кого-то въ толпѣ завсегдатаевъ дяди Клима, обошелъ всю избу, заглянулъ во всѣ углы и только тогда приблизился къ стойкѣ.

— Видно, не бывалъ еще? — обратился онъ съ вопросомъ къ дядѣ Климу, тыча пальцемъ въ чарку.

— Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ, а гдѣ шелъ, тамъ слѣдъ, — проговорилъ таинственно дядя Клима, наливая чарку изъ особой сулеи.

— Счастливъ его Богъ!—проворчалъ Мишка Ослопъ и какъ будто спохватился, оглянувшись въ сторону Босаго, сидѣвшаго на лавкѣ рядомъ со стойкой.

Глаза ихъ встрѣтились, и Босой понялъ, что Мишка узналъ его сразу.

— Милости прошу къ нашему шалашу!—проговорилъ Босой въ полголоса.—Никакъ старые знакомцы?

— Въ одномъ кузовѣ у бабы за спиной тряслись, у Сенихи, небось?—отвѣчалъ Мишка, охотно присаживаясь на лавку около Босаго.

— Будь другъ, научи уму разуму: я здѣсь лѣтъ съ восемь не бывалъ—брожу, какъ въ лѣсу: ничего не знаю, не вѣдаю. Куда сунуться, гдѣ голову приклонить, и то все для меня потѣмки...

— А отколь тебя Богъ несетъ? И куда къ какимъ угодникамъ путь держишь?—опасливо оглядываясь, спросилъ Мишка.

— Отъ Суздальскихъ чудотворцевъ просфору несу освященную, пробираюсь къ угоднику Божию Авраамію, вѣчному молитвеннику и предстателю о душахъ нашихъ.

— Ну, въ тотъ приходъ и мнѣ путь лежитъ; пойдѣмъ, пожалуй, хоть вмѣстѣ?

И Мишка поднялся съ лавки; за нимъ подвѣлся и Босой, вытащилъ изъ-за пазухи свою тощую кошну и хотѣлъ расплатиться за жбанъ браги, но дядя Климъ мотнулъ головой и сказалъ:

— Съ тебя не возьму. Угощу и еще, по времени. Захаживай! Свои люди!

Босой кивнулъ ему въ отвѣтъ на эти слова, взялъ изъ угла свой посохъ и поспѣшилъ вслѣдъ за Мишкой.

По выходѣ изъ «Залѣтовъ» Мишка перемигнулся и перекинулся нѣсколькими мимолетными словечками съ кучкою человѣкъ въ пять какихъ-то молодцевъ, стоявшихъ, очевидно, на-сторожѣ; потомъ свернулъ влѣво, спустился на берегъ Москвы рѣки и быстро запагалъ между рядами дрянныхъ и грязныхъ лавчонокъ и обжорныхъ балагановъ, среди пестрой, шумной, полупьяной, безсвязно галдѣвшей толпы какого-то темнаго люда.

— Ты, значить, къ Абраму Федоровичу оттолѣ съ вѣстями аль съ грамотами присланъ?—сказалъ Мишка, наклоняясь къ Босому, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, добавилъ:

— Теперь, слава тѣ Господи, онъ здѣсь наибольшимъ сталъ, въ силу вошелъ великую и свое дѣло, ухъ, какъ тонко ведетъ! Только тебѣ, другъ, нельзя къ нему напрямки соваться... Тутъ вѣдь смотрѣльщикова за нимъ много!.. А такъ надо тебѣ издали, да обинякомъ, да стороночкой; не то всю обѣдню испортишь...

— За то же я и со спросомъ къ тебѣ: не знавши броду, не суюсь въ воду!

— А ты вотъ какъ: по праздникамъ къ нему во дворъ, передъ вечерними, сходитя нищая братія за милостыней... Вотъ съ этою нищею братіей и ты приходи и тамъ становись, гдѣ я съ моими молодцами стоять буду, тоже нищими выражены. И какъ подойдетъ бояринъ къ намъ съ милостыней, такъ ты и пади на землю,

словно бы пѣморокъ тебя ударилъ... Мы тебя въ избу людскую стащимъ; а тамъ ужъ самъ увидишь, что дѣлать надо...

— Ишь ты какъ хитро,—пробормоталъ Босой:—мнѣ бы этакое и въ голову не вмѣстилось...

— Ничего не подблаещь, другъ! Осторожка такая во всемъ да сноровка нужна, что бѣда! У этого царя вездѣ уши, и вотъ только теперь, какъ онъ тамъ со шведомъ воюеть, намъ и житье. Царевичъ-то не туда смотритъ, гдѣ ужъ! Да и бояре тоже, пока самого здѣсь нѣтъ,—не въ руку тянуть! И надъ боярами-то надъ всѣми нашъ бояринъ, Абрамъ Ѳеодоровичъ. Съ княземъ Ромодановскимъ породнился (за себя его дочку взялъ) и самого его въ руки во какъ забралъ... Тотъ его душой думаетъ, его рукой пишеть... Ну, значить, всѣ нашему боярину въ поясъ! Безъ него къ Ромодановскому и пути нѣтъ!

— Вотъ оно что! Женился на Ромодановскаго дочкѣ... Ну, а та-то гдѣ же? Акулиша Сенихина.

— Та тоже за мужемъ! За любимцемъ царевича Алексѣя Петровича, за Ѳеодоромъ Цымбальщикомъ. У него, въ Преображенскомъ, при его дворцѣ и живутъ, въ большихъ милостяхъ...

— Ну, а самъ-то ты бытто крѣпешься... Нашепталъ мнѣ что-то дядя Климъ...

— Да, это ты не запомятуй: Мишка Ослопъ въ Окѣ лѣтъ пять тому назадъ утонулъ, какъ гнались за нимъ царскіе приставы... У нихъ на глазахъ, съ конемъ вмѣстѣ, какъ ключъ ко дну пошелъ, тутъ ему и славу поютъ дѣ въку! А вышелъ-то онъ изъ Оки Артемьемъ Губаномъ; Губаномъ и досель слыветъ, и Губана всякъ бѣглый холопъ отъ Москвы верстъ на двѣсти кругомъ во-какъ знаетъ! Вотъ, голубчикъ,—добавилъ онъ, останавливаясь на углу узкаго и грязнаго переулка,—по этой улкѣ пойдешь, какъ разъ въ бояриновъ домъ упруешься, что на Ильинку выходитъ... А мнѣ теперь съ тобой дальше идти не рука... ждуть меня въ «Залетахъ» мои ребята, дѣльце есть... Прощенья просимъ!..

И, быстро отвернувшись отъ Босаго, онъ почти бѣгомъ побѣжалъ обратно къ Рыбникамъ, между тѣмъ какъ волосняничникъ, тихо напѣвая какой-то духовный стихъ, медленно зашагалъ по переулку, который послѣ многихъ колѣнъ и поворотовъ долженъ былъ вывести его на Ильинку, къ дому Абрама Ѳеодоровича Лопухина.

IV.

Въ той самой комнатѣ обширнаго Лопухинскаго дома, въ которой скочался нѣкогда старый бояринъ Петръ Абрамовичъ, нынѣ была устроена Абрамомъ Ѳеодоровичемъ его рабочая комната, въ которую доступъ былъ открытъ только самымъ близкимъ людямъ: чужіе сюда не допускались... Комната была уютная по размѣрамъ

и уютно-устроенная. Стѣны, поверхъ гладко стесанныхъ брусевъ, были обвѣшаны богатыми мягкими коврами. Около стѣнъ широкія лавки, съ положенными на нихъ тюфяками, прикрытыми цвѣтнымъ суконнымъ полавочникомъ. Въ переднемъ углу богатый, рѣзной кіотъ съ иконами и неугасимыми лампадами; въ двухъ другихъ огромный кованный сундукъ съ мудренымъ нѣмецкимъ, висячимъ замочкомъ и большая фигурная печь изъ поливныхъ изразцовъ, въ третьемъ порядочная полочка съ книгами, переплетенными въ темную кожу и въ бѣлый пергаментъ (между послѣдними много итальянскихъ). Поближе къ кіоту и къ окнамъ къ лавкѣ приставленъ небольшой столикъ, сплошь заваленный бумагами, столбцами и грамотами, поверхъ которыхъ лежала любимая книга покойнаго боярина Петра Абрамовича—толстая писанная псалтырь, переплетенная въ потемнѣвшій кожаный переплетъ съ серебряными жуками и застежками. Въ эту книгу покойный заглядывалъ каждый день, перечитывая псаломъ за псалмомъ; по ней любилъ онъ и гадать въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. За этимъ столомъ, погруженный въ глубокую думу, сидѣлъ высокій и красивый мужчина лѣтъ тридцати, въ которомъ не легко было бы узнать бывшаго стольника Абрама Ѳеодоровича Лопухина: такъ сильно успѣлъ онъ измѣниться и возмужать за эти послѣднія восемь лѣтъ!.. Запустивъ тонкіе красивые пальцы бѣлыхъ рукъ въ густые темные волосы, волнистыми кудрями спадавшіе ему на плечи, и опираясь локтями на груды писанной бумаги, онъ былъ углубленъ въ чтеніе письма, писаннаго довольно мудреною цыфирью, съ которою притомъ писавшій справлялся не особенно ловко... Абраму Ѳеодоровичу то и дѣло приходилось заглядывать въ ключъ къ цыфири, мѣдный кружокъ, расчерченный концентрическими кругами и въ клѣтку размѣщенными цыфрами и буквами... Но содержаніе письма было настолько интересно и важно, что читавшій не могъ отъ него оторваться; насупивъ густыя брови и наморщивъ высокій лобъ, онъ нетерпѣливо поглаживалъ свой бритый подбородокъ, быстро перебѣгая глазами со строки на строку, и шепталъ про себя:

— Ай да Досиѳей, ай да отецъ духовный! Этого бы можно хоть въ воеводы... На всѣ руки мастеръ!.. И откуда онъ этакое сокровище откопалъ?..

И, продолжая читать письмо, почти вслухъ начиналъ разбирать слово за словомъ:

— Человѣкъ надежный... разнять себя на части... дать, а выдать не выдать... довѣрить, что хопъ, все можно... А въ глазахъ, какъ ни глянь, семь умовъ у него свѣтятся...

— Ну, да ужъ не даромъ Досиѳей и съ родни, и землякъ!.. Вотъ этакихъ-то людей побольше бы, не такъ бы онъ, проклятый, всѣхъ въ руки забралъ, не такъ бы крушилъ да вершилъ, а самъ бы...

Стукъ колесъ повозки, въѣзжавшей съ грохотомъ съ улицы черезъ ворота во дворъ, отвлекъ вниманіе Абрама Ѳедоровича въ другую сторону. Онъ приподнял паловочникъ, опустилъ и цифирное письмо и ключъ къ нему въ потайной ларецъ, скрытый подъ половицей, и подошелъ къ окну.

— А! Глѣбовъ Степанъ, да Щербатовъ Семень!—прошепталъ про себя Абрамъ, взглядываясь въ лица тѣхъ двоихъ гостей, которые вылѣзали у крыльца изъ колымаги.—Вась-то мнѣ и нужно.

И, отодвинувъ защелку двери, онъ вышелъ на встрѣчу желаннымъ гостямъ.

Онъ встрѣтилъ ихъ на верхней ступени крыльца и дружески обнялся съ ними, цѣлуя ихъ въ обѣ щеки. Глѣбовъ, въ то время уже полковникъ, былъ человѣкъ большаго роста и богатырскаго сложенія. Крупныя черты его лица, моложаваго и красиваго, дышали жизнью и энергіей; а въ его голосѣ, въ его движеніяхъ, въ его громкомъ и раскатистомъ смѣхѣ было что-то привлекательное, сразу къ нему располагавшее.

Князь Семень Щербатовъ, сухощавый, некрасивый, подслѣповатый и рябой, представлялъ собою типъ совершенно противоположный: это было олицетвореніе холерика, желчнаго, сумрачнаго, недовѣрчиваго и сухаго. Въ его прищуренныхъ сѣрыхъ глазкахъ, въ его подвижныхъ бровяхъ, въ его тонкихъ и блѣдныхъ губахъ постоянно сквозила какая-то недосказанная мысль, какой-то тревожный вопросъ или сомнѣніе...

— Милости просимъ! Гости дорогіе-желанные, давно-жданые!—съ привѣтливой улыбкой говорилъ Абрамъ Лопухинъ, запахивая полы своего просторнаго шелковаго кафтана и поглядывая съ улыбкой на нѣмецкое платье князя Щербатова, которое сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ.

— Къ тебѣ пріѣдешь, словно въ рай попадешь!—проговорилъ, оглядываясь кругомъ, Глѣбовъ.—Все по старинѣ, по обычаю, словно въ прежній боярскій домъ вошелъ; какъ въ бывшее время, такъ и теперь все ведется. И самъ хозяинъ въ русскомъ платьѣ, и хозяйка въ тѣлорѣзѣ и въ кикѣ!.. И угощаютъ по старинному мѣдомъ и брагою... Да какой брагой!

— Полно тебѣ, бражникъ! Разлакомился!—заговорилъ князь Семень.—Пока до угощенья не дошло дѣло, надо бы намъ съ хозяиномъ, самъ знаешь, о чемъ поговорить...

— Авось, дѣло-то не медвѣдь! Въ лѣсъ не уйдетъ!—отвѣчалъ Глѣбовъ.—А дай и ты мнѣ въ Абрама Ѳедоровича домѣ отъ своего житья скареднаго отдохнуть,—гдѣ хозяйка, третій годъ хвора, въ постели лежитъ и въ каждомъ углу мерзость и заустѣніе!..

— Ну, ну, дружище!—привѣтливо замѣтилъ Абрамъ, взявъ Глѣбова за руку.—Напихъ горей не избыть, да изъ-за нихъ Божьяго дѣла нельзя же покинуть... Оно впередъ всѣхъ идти должно! Пойдемъ, потолкуемъ, а тамъ и позабавимся...

— Пойдемъ, пойдемъ, есть вѣсти! — озабоченно проговорилъ князь Семень, увлекая Абрама въ его комнату.

Когда друзья заперлись въ ней, Семень сообщилъ Абраму только что полученныя имъ изъ Астрахани вѣсти о тамошнемъ бунтѣ, о жестокой расправѣ съ начальными людьми и нѣмцами; о томъ, что мятежники дѣйствуютъ смѣло и начинаютъ уже сносятся съ поволжскими городами, призывая и ихъ къ участию въ бунтѣ, а Шереметевъ медлитъ въ Казани и не рѣшается идти противъ мятежниковъ безъ государева указа...

Абрамъ Ѳедоровичъ внимательно выслушалъ князя Семена съ тѣмъ умѣніемъ и тактомъ, которымъ обладаютъ только очень умные люди; онъ ни разу не перебилъ его, не вставилъ ни одного своего слова въ рѣчь князя, далъ ему высказаться до-чиста, и только тогда, когда увидѣлъ, что у князя нѣтъ болѣе ничего въ запасѣ, сказалъ совершенно спокойно:

— Вѣсти важныя! Чтò и говорить? Но я о нихъ ужъ слышалъ... Знаю, что и за указомъ къ государю послано...

— Слышалъ?!.. Знаешь?!—съ изумленіемъ проговорилъ князь Семень, недовѣрчиво поглядывая на Абрама Ѳедоровича.—Да откуда же ты знаешь, когда я только сегодня поутру за тайну эту вѣсть съ мѣста получилъ!

Абрамъ улыбнулся своею серьезной и гордой улыбкой.

— Не дивись, князь Семень,—сказалъ онъ скромно и сдержанно.—Въ моихъ рукахъ многія нити изъ разныхъ клубковъ сходятся: диво-ли мнѣ знать? Я самъ, друзья мои, хотѣлъ къ вамъ ѣхать и повидать васъ для переговоровъ... Есть и у меня вѣсти...

— Ну, ну, сказывай!—нетерпѣливо заговорили и Глѣбовъ, и князь Семень Щербатовъ.

— На Дону неспокойно! Замутился славный тихій Донъ,—началъ Абрамъ, понижая голосъ, и въ яркихъ чертахъ, живо и образно передалъ все, что было ему извѣстно о броженіи, начинавшемся среди донскихъ станицъ.

Онъ говорилъ плавно, увлекательно; набрасывалъ широкую картину того бунта, который могъ разгорѣться на югѣ Россіи, если бы донцы нашли себѣ сочувствіе въ Запорожьѣ и сумѣли увлечь за собою толпы всякой бѣглою вольницы, которая, не смотря на всю строгость указовъ, непрерывно бѣжала и бѣжала на Донъ, заселяя его притоки и образуя всюду новые поселки.

— Не даромъ они говорятъ,—горячо продолжалъ Абрамъ:—земля подъ нами не разступится, и на небо не взлетишь! Придется имъ не сегодня-завтра за копые да за саблю браться, чтобы отъ царскихъ сыщиковъ отбиться...

— А коли они теперъ возьмутся, много могутъ дѣла натворить... Онъ самъ тамъ со шведомъ возится; все войско къ себѣ

стянуль; города всё пусты, и противъ мятежа стоять некому! Такъ тутъ, если вспыхнетъ пожаръ, будетъ около чего погрѣть руки...

— Да, да, между двухъ огней ставши, пожалуй, что и сдается,— злобно проговорилъ Щербатовъ.—И отъ бусурманщины своей откажется, и намъ князьямъ да боярамъ поклонится.

— И вотъ прежде всего,—сказалъ Абрамъ, не слушая Щербатова и какъ бы продолжая свою прежнюю рѣчь:—прежде всего тебѣ, Степанъ, мы дѣло по плечу нашли...

— Ну, ну, рассказывай, какое? Радъ служить вамъ... А то, пожалуй, еще царь къ себѣ на службу потребуетъ, да двинетъ куда нибудь съ полкомъ въ литовскія дебри и болота...

— Нѣтъ, мы тебя поближе пошлемъ... Въ Воронежъ, въ Суздаль, въ Ярославль, какъ будто для набора... Ты и рекруть набирай, да и посматривай, какъ тамъ въ народѣ, куда потянетъ вѣтромъ? И все намъ доноси... Ну, по части бѣглыхъ тоже, разыскивай ихъ и всѣмъ путь на Донъ кажи, подъ страхомъ жестокаго наказанія...

— Ай да Абрамъ! Вотъ такъ придумалъ мнѣ дѣло! Это точно что по душѣ мнѣ.

— А будешь набирать наборъ, да будешь слышать въ народѣ какія рѣчи или ропотъ, всѣмъ говори, что вотъ, молъ, недалеко время, когда всё тягости съ нихъ царевичъ сниметъ... Что онъ ужъ и подросъ, и возмужалъ, и что его мать царица, какъ на царство вернется, первая будетъ за чернь заступница...

— А развѣ есть какіе слухи?—тревожно заговорилъ князь Семень, недовѣрчиво поглядывая на Абрама.

— Слуховъ нѣтъ,—спокойно произнесъ Абрамъ,—а все же нельзя сестры-царицы забыть... Въ случаѣ перемѣны какой,—а вѣдь и всё мы подъ Богомъ ходимъ,—царица Евдокія, знаешь, какую намъ можетъ помочь оказать!

— Такъ-то такъ, да бязно немного,—проговорилъ, переминаясь и ежась, князь Семень.

— Ну, коли боявно кому, тотъ не суйся съ нами!—строго замѣтилъ Абрамъ Лопухинъ.—А коли въ нашу руку гнешь, ступай, куда велятъ, безъ оглядки...

Князь Семень хотѣлъ что-то возразить Абраму Ѳедоровичу, въ видѣ оправданія своихъ сомнѣній и страховъ, но въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса, и кто-то легонько стукнулъ въ дверь условнымъ стукомъ, дважды въ перебой.

Абрамъ поднялся съ лавки, отперъ дверь и уступилъ дорогу тремъ женщинамъ, богато одѣтымъ въ русское платье, въ широкія парчевыя тѣлогрѣйки, въ высокія кики, низанныя крупными жемчугами. Впереди всѣхъ павою выступала Настасья Ѳедоровна Троекурова, за нею шла Настасья Петровна Голицына—обѣ красивыя, видныя, бойкія; а за Голицыной шла жена Абрама Ѳедоровича,

Феодосія Феодоровна, дочь князя кесаря, невзрачная и некрасивая, но чрезвычайно пріятная въ обращеніи и привѣтливая со всѣми. На серебряномъ подносѣ она несла для мужа и его гостей большую братину съ медомъ, обставленную кубками и чарочками.

— А, вотъ онѣ, наши бѣлыя лебедушки!—заговорилъ Глѣбовъ, поднимаясь со своего мѣста и раскланиваясь съ княгинями.—А за бѣлыми лебедушками и солнышко красное, хозяйка ласковая! Да еще и съ угощеніемъ...

Послѣ обычныхъ привѣтствій и вопросовъ, хозяйка всѣхъ обошла съ низкими поклонами, и даже обѣихъ княгинь гостей своихъ заставила поставить передъ собою по чарочкѣ меду, прося ихъ «хоть пригубить».

— Охъ, голубушка!—проговорила со вздохомъ княгиня Троекурова.—Ни питья медвянаго, ни ѣствы сахарной душа не принимаетъ, какъ подумаешь, что мы здѣсь пьемъ и ѣдимъ, прохлаждаемся, а она-то тамъ, сестрица желанная, голубушка-то наша... сухую корку гложетъ, въ воду мокаючи...

И княгиня прослезилась и смолкла, всхлипывая и утирая глаза рукавомъ.

— Таково-то жалостно пишеть къ мужу,—вступилась Феодосія Феодоровна,—«хоша я вамъ и прискучила, да что, молъ, дѣлать... Покамѣстъ жива, пойте да кормите, да одѣвайте нищую»...

Настасья Феодоровна Троекурова, не выдержавъ, разрыдалась громко.

— Полно, сестрица!—спокойно и твердо сказалъ Абрамъ Феодоровичъ.—Не прискучила намъ сестрица наша Евдокія, и всѣ мы ей помогать и рады, и горазды... Теперь же и пути къ ней прямые есть... Снабжать ее будемъ вдосталь всякими потребами... Да и не то скажу тебѣ въ утѣху: дѣло царицыно растетъ и зрѣетъ, доживетъ она скоро до красныхъ дней, какихъ теперь и сама еще не чаеть...

Потомъ, взявъ въ руки стопу съ медомъ, онъ поднялъ ее высоко надъ головою и, оглянувъ всѣхъ присутствующихъ, произнесъ торжественно:

— Во здравіе благовѣрной царицы Евдокіи и на процвѣтаніе ея пресвѣтлаго, царственнаго корени!

— Вотъ это дѣло!.. Лучше во здравіе пить, чѣмъ попусту слезы лить!—воскликнулъ Глѣбовъ.

Всѣ собесѣдники звучно чокнулись своими стопами и чарками и осушили ихъ разомъ до дна.

V.

Долго просидѣли и пробесѣдовали гости, угощаемые щедрыми и радушными хозяевами, и стало уже вечерѣть, когда княгини съ хозяйкою дома удалились на ея половину, а Глѣбовъ и князь Щербатовъ стали прощаться съ хозяиномъ, который ихъ не удерживалъ, видимо чѣмъ-то озабоченный и мысленно-занятый.

Проводивъ пріятелей, Абрамъ Ѳеодоровичъ, проходя мимо стараго Савелья, сказалъ ему мимоходомъ вполголоса, такъ что другіе слуги не могли слышать.

— Тамъ Мишки нѣтъ-ли? Обо мнѣ не спрашивалъ-ли?

— Давно здѣсь. Давно къ тебѣ просится... Да доложить тебѣ не смѣли.

— А! Ну, такъ пошли его ко мнѣ скорѣе...

И онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, только притворивъ дверь за собою. Черезъ нѣсколько минутъ раздались за дверью осторожные шаги, и за дверью кто-то произнесъ нѣсколько нараспѣвъ.

— Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй ны!

— Аминь!—отозвался Абрамъ Ѳеодоровичъ, п Мишка Ослопъ, переодѣтый монахомъ, вошелъ въ комнату и тщательно притворилъ за собою дверь.

— Все ли у тебя готово?—спросилъ Лопухинъ.

— Все наготовѣ. Хоть на зарѣ и въ путь.

— Кто же съ тобою ѣдетъ?

— Бывшій придворный карло царицынъ, Иванъ Терентьевъ, да шестеро изъ твоей дворни, въ дневальные да въ сторожа при обители, да запасъ изрядный ѣствы и питья; а на завтра шестерикъ коней и каретка ковравая, а при ней трое конюховъ.

— Смотри же, помни: сто верстъ крюку сдѣлаешь, а черезъ всѣ наши вотчины проѣдешь; а оттуда, поодинокѣ, пробирайтесь въ Суздаль, къ Досиѣю; тотъ укажетъ, куда кому идти... И конюхамъ вели тѣмъ же путемъ ѣхать, да въ вотчинахъ, пообождавъ недѣли съ три, каретку въ тотъ же Спасо-Евфиміевъ монастырь отвезть, къ игумену. Онъ ужъ пусть распорядится...

— Все какъ сказано, такъ и исполню.

— А самъ скорѣе возвращайся оттуда. Ты мнѣ здѣсь нуженъ... А кто приставленъ за фискаломъ слѣдить?

— Четверо молодцовъ за нимъ всюду по пятамъ ходятъ... А пятый изъ Апраксинскихъ ребятъ, такой-то шустрый, даромъ что его Кисельной Бородой зовутъ... Тотъ даже въ услуженье къ нему пошелъ... Небось, не выпустить его ни изъ рукъ, ни изъ глазъ.

— Ну, такъ съ Богомъ! Да вотъ еще, возьми съ собою для Досиѣя эти листки и передай ему съ очей на очи. Скажи, что тутъ за здравіе царевича молитва написана, которую мы здѣсь ежедѣнь

читаеъ, и онъ пусть тамъ ее въ обители между попами пустить... Съ Богомъ!

Мишка принялъ листки изъ рукъ Абрама Ѳеодоровича, бережно свернулъ ихъ и сунулъ за пазуху; затѣмъ, поцѣловавъ руку Лопухина, онъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ и скрылся за дверью.

— Съ такимъ не мудрено дѣло вести,—подумалъ вслѣдъ ему Лопухинъ:—съ такимъ ни хитрить, ни скрываться не надобно. Не Глѣбову и не Щербатову чета! Одинъ сорви-голова, россійскій богатырь, все кулакомъ расшибить хочеть; и храбръ безъ толку, и силенъ безъ проку... А другой—трусливъ, и робокъ, и недовѣрчивъ; любить за чужую спину городиться да изъ-за нея врага пугать... А если бы до дѣлежа дошло, такъ онъ бы вѣрно первый!»...

Но онъ вдругъ припомнилъ что-то, заторопился, заперъ дверь на защолку, накрылъ голову шапкой, накинулъ на плечи легкій опашень и, подойдя къ кованному сундуку, быстро отодвинулъ одну изъ его стѣнокъ. За стѣнкой открылось темное, пустое пространство, въ которое Абрамъ сталъ спускаться по узенькой лѣсенкѣ, задвинувъ за собой стѣнку сундука. Пройдя нѣсколько шаговъ ощупью по темному подвалу, Абрамъ Лопухинъ боковою дверкой выбрался изъ него въ длинный и узкій потайной ходъ, примыкавшій къ другому просторному подвалу, заставленному бочками. Въ одномъ изъ дальнихъ и темныхъ уголковъ его тускло мерцалъ огонекъ, и къ нему-то направился Абрамъ Ѳеодоровичъ.

Въ этомъ уголку, за небольшимъ столомъ, обставленнымъ простыми лавками, опершись о столъ рукою, сидѣла какая-то женщина, окутанная бѣлою фатою и слабо освѣщенная свѣчемъ, горѣвшею въ мѣдномъ тяжеломъ шандалѣ. Когда Абрамъ приблизился къ столу, женщина поднялась съ своего мѣста, пристально вперяя взоръ въ темноту, и вдругъ, бросившись на встрѣчу Лопухину, упала передъ нимъ на колѣни и стала горячо, страстно цѣловать его руки.

— Да полно, полно! Встань, Акулиша, сядемъ здѣсь на лавочкѣ, потолкуемъ... Что ты это?—говорилъ Абрамъ Ѳеодоровичъ, стараясь поднять ее и отнимая у нея свои руки.

— Голубчикъ ты мой!.. Сокровище! Жизнь моя... Солнышко красное!—шептала между тѣмъ чуть слышно Акулиша, порывисто и спѣшно покрывая поцѣлуями его руки, которыхъ она не выпускала изъ своихъ.

Наконецъ, Абраму удалось поднять ее и усадить около себя на лавку.

Онъ откинулъ ея фату, ласково погладилъ ее по щекѣ и нѣжно посмотрѣлъ ей въ очи.

— Ну, голубка! Сказывай, что у тебя для меня новенькаго припасено?

— Охъ, дай вздохнуть! Дай насмотрѣться, налюбоваться мнѣ

на тебя, ненаглядный ты мой. Сколько времени тебя не видала! Сколько времени не слыхала голоса твоего...

И она наклонилась къ нему; она хотѣла обнять его, заглянуть ему въ очи... Но онъ сурово сдвинулъ брови и быстро отодвинулся отъ нея.

— Акулина!—сказалъ онъ твердо.—Мы съ тобою здѣсь сходимся не шутки шутить, не въ любовь играть... Вспомни ты, какую мы съ тобой клятву дали! Какъ мы всю жизнь нашему злодѣю мстить клялись! Было для любви время, какъ ты красной дѣвкой, вольной пташкой была, и я холостъ ходилъ... Теперь ты мужняя жена, и я съ Θεодосеей Θεодоровной въ Божьей церкви вѣнчанъ... Теперь намъ не о любви думать надо, а о клятвѣ нашей...

— О-охъ, помню я, радость моя, каково намъ разставаться-то было! Не по вольной волюшкѣ я замужъ шла, по твоему приказу. Не съ доброй воли и ты жену взялъ, а чтобы съ княземъ кесаремъ породниться, чтобы дѣло свое подспорить, чтобы силы побольше въ руки забрать... Бѣдные мы съ тобой, горемычные!

Голосъ ея задрожалъ. Въ немъ послышались слезы...

— Полно, голубка моя! Поздно старое вспоминать... Не о томъ намъ теперь думать надо: благо, наше дѣло растетъ да растетъ, и, быть можетъ, ужъ не далекъ тотъ день, когда мы съ тобою за свой родъ-племя, за поруганную старину русскую, за кровь и терзанія ближнихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, отплатимъ ему, злодѣю, сторицею... Вотъ о чемъ думай и чѣмъ себя утѣшай...

Онъ смолкъ, провелъ рукой по волосамъ и спокойно проговорилъ;

— Ну, такъ какія же у тебя вѣсти, Акулиша-голубушка!

— Все тѣ же... Не гораздо надеженъ твой царевичъ... Живетъ во дворцѣ Преображенскомъ ни дать ни взять, какъ монахъ-затворникъ; сходить поутру въ церковь, съѣздить въ Нѣмецкую слободу къ токарному мастеру, посмотреть, какъ Никифоръ, учитель его, голубей погоняетъ, и опять за то же...

— Что же такое?

— А извѣстно что! Протопопъ Алексѣй подойдетъ къ обѣду, попъ Леонтій съ Грязной слободки, да Иванъ, ключарь Благовѣщенскій, да Нарышкины придуть, да Колычевъ, да Вяземскій— ну, и пошли закусывать, да спорить, когда какія стихиры за службой поють, да какую въ какой праздникъ службу служить надо... а тамъ мирскую пѣсню затянуть такую, что святыхъ вонъ неси! Попъ Иванъ, подобравши рясу, первый въ плясъ пустится, а за нимъ и Нарышкины; въ мѣдный тазъ вѣнникомъ бьютъ и присвистываютъ... Такой содомъ поднять, что вчужѣ за нихъ совѣстно...

— Этого попа Ивана прежде всѣхъ смѣнить надо, — сказалъ какъ бы про себя Лопухинъ.—У меня на его мѣсто ужъ и чело-вѣкъ намѣченъ...

— О! Да онъ ли одинъ! Ихъ всѣхъ отъ царевича поразогнать слѣдуетъ... Развѣ они ему ровня? Не книжны, не грамотны. Одно пьянство да блудъ на умѣ... И ему то же внушаютъ... Его на то же наводятъ. Послѣ обѣда выпались, да въ церковь, а за ужиномъ опять по-та пьютъ, пока ихъ Вяземскій по постелямъ разгонитъ.

— А все же мнѣ милѣе эти пьяницы да забуддыги, нежели прежніе его нѣмцы-учителя! Если удастся около царевича такого духовника поставить, который бы его въ руки забралъ да и этихъ-то всѣхъ порядкомъ встряхнулъ, тогда иначе дѣло на ладъ пойдетъ!.. Да надо съ матерью его свести, о ней ему напомнить, противъ отца его настроить въ конецъ, чтобы ничто ихъ не примирило..

— Охъ, Абрамъ Ѳеодоровичъ, не легко это сдѣлать! Онъ отца и теперь не любитъ, даже ненавидитъ, по многимъ пьянымъ рѣчамъ его судя, но все же, какъ огня боится, какъ смерти! Чуть только ему объ отцѣ напомнятъ, задрожитъ весь, озираться начнетъ, замолкнетъ, да поскорѣе въ свой уголь. А что ты насчетъ матери его, твоей сестрицы, говоришь, такъ объ этомъ и помыслить даже не возможно. Онъ объ ней ни упомянуть, ни заговорить не даетъ...

— А развѣ кто-нибудь ему о ней напоминаетъ?

— Да вотъ самъ посуди! Случилось какъ-то, что нищій Вяземскому подаль въ церкви грамотку и скрылся. Тотъ развернулъ и видитъ—отъ царицы письмо! При мужѣ моемъ, при Ѳеодорѣ, царевичу ту грамотку кажетъ, и говоритъ: такъ и такъ, молъ, пишетъ, милостыни у тебя просить... И ты бы, говоритъ, послалъ ей что-нибудь... А тотъ поблѣднѣлъ весь, затрясся даже, да и говоритъ: «брось, брось скорѣе грамотку въ печку!... И заговаривать со мною не смѣй!... Нѣчто ты меня погубить хочешь?»... А потомъ, спустя немного, и на мужа на моего разсердился...

— За что же на него-то? — съ удивленіемъ спросилъ Лопухинъ.—Вѣдь онъ къ нему какъ милостивъ былъ!

— А за то и разсердился, что тотъ ему пѣсню спѣлъ, какъ мать въ плѣну татарскомъ о сынѣ тужить, а тотъ себѣ по степи разгуливаетъ, и въ усъ не дуетъ!... Какъ ему Ѳеодоръ эту пѣсню спѣлъ (а поетъ онъ ее прекрасно), такъ царевичъ расплакался, съ глазъ его прогнать велѣлъ и два дня за нимъ не посылалъ: это ты мнѣ въ обиду ту пѣсню спѣлъ... Никогда больше ее при мнѣ не смѣй вспоминать!

— Трусъ! Маловѣръ неблагодарный! Заколдованъ онъ, что-ли, у отца, что и за тысячу верстъ передъ нимъ дрожить!?

— Пуще огня его боится. Тотъ ему въ послѣдній проѣздъ сказалъ: съ Абрамомъ видѣться не смѣй! Такъ онъ и всѣмъ своимъ-то заказалъ къ тебѣ ходить: для Бога, говоритъ, Абрама Ѳеодоровича берегитесь весьма, коли вамъ головы ващи дороги!

— Знаю, — проговорилъ Абрамъ мрачно...—И такъ ихъ всѣхъ

отъ меня зачураль, что, еслибъ не ты съ мужемъ, до меня бы отътуда и слуха никакого не дошло!... Все у нихъ шито, крыто... Ну, а съ тобою какъ у него?

Акулина опустила глаза, смущаясь и краснѣя, и, перебирая край фаты, проговорила въ полголоса:

— Да все... попржнему...

— То-есть, какъ же это попржнему?—сказаль Абрамъ, вперяя взоръ ей въ очи, словно въ душу заглядывая.

— Да все пристаешь ко мнѣ... А пьяный и лѣзетъ, и на шею вѣшается... А я все его легонько... отваживаю...

— Ну, то-то же легонько! Не оборви такъ сразу-то... Дай намъ туда своего человѣка запустить, который всѣхъ ихъ приберетъ къ рукамъ и намъ, вмѣсто тебя, станетъ службу вѣрную служить...

Акулина вдругъ блеснула темными очами изъ-подъ насупленныхъ бровей...

— Да хорошо тебѣ такъ говорить: сразу не обрывай да поманивай его! — произнесла она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—А ты бы мнѣ въ душу-то заглянулъ! Что тамъ подчасъ творится! Кабы не для тебя я на тотъ грѣхъ пошла, не соблазнили бы меня ни жемчуги его, ни червонцы... И мужъ-то меня корить то тобою, то имъ... Любить вѣдь онъ меня, окаянную! Говорить, если ты еще царевичу любовницей будешь, я на себя руки наложу... Охъ, Господи! Вотъ мѣла-то мѣченская!

И она, опершись локтями на столъ, закрыла лицо руками.

Абрамъ поднялся, положилъ ей руку на плечо и проговорилъ тихо и торжественно:

— Все забудь, всѣмъ пренебреги! Только клятву нашу помни! А я тебѣ вотъ что скажу: есть у меня надежда, что если еще потерпимъ мало и не ослабѣемъ... мы одолѣемъ, мы свое возьмемъ! А помнишь ли ты, что тогда тебѣ обѣщано?

— Помню, помню!—проговорила Акулина, быстро вскакивая со своего мѣста и вновь бросаясь цѣловать руки Абрама.

— Ну, съ Богомъ, Акулиша!—сказаль онъ ей, провожая ее къ потайному выходу изъ подвала въ садъ.—Терпи и надѣйся!

Она послѣдній разъ оглянулася на него въ темнотѣ, окуталась фатою и, легкимъ призракомъ мелькнувъ передъ Абрамомъ, исчезла за поворотомъ хода...

VI.

28-го сентября, спозаранокъ, нѣсколько колясокъ и карета поданы были къ крыльцу дворца въ Преображенскомъ, и въ этихъ экипажахъ съ великимъ трудомъ размѣстился царевичъ Алексѣй Петровичъ со всею свитою своихъ приближенныхъ. Царевичъ вѣхаль на освященіе новаго придѣла во имя св. Евстаѣя, только

что сооруженнаго на его средства въ церкви у Боровицкаго моста. И не смотря на то, что, по отъѣздѣ царевича и его приближенныхъ, Преображенскій дворець опустѣлъ, въ немъ всеже было замѣтно, среди служни, какое-то особое, небывалое оживленіе. Слуги суетились, то внося, то вынося изъ дворца на дворъ мебель, то встряхивая ковры и полавочники, то засыпая на дворѣ лужи пескомъ и сметая въ кучи накопившійся соръ. На погребѣ особые купоры, призванные изъ Москвы въ Преображенское на этотъ день, слѣшно обряжали вина, процѣживали настойки и наливки. Въ кухнѣ два десятка поваровъ и помясовъ съ своими приспѣшниками неумолкаемо стучали ножами о доски, брянчали и звякали мѣдной посудой и сковородками, не забывая при этомъ такъ усердно работать языкомъ, что гулъ ихъ голосовъ и рассыпчатый смѣхъ далеко разносился по дворцовому двору и саду. Въ столовой палатѣ, подѣ строгимъ присмотромъ царевичева дворецкаго, Романа Тугаринова, старые дворцовые слуги, вызванные изъ Московскаго Большаго дворца, накрывали на столъ, разставляли на немъ въ строгомъ и опредѣленномъ порядкѣ тяжеловѣсныя серебряныя блюда, крошки, четвертины и судки, еще наканунѣ привезенныя въ Преображенское изъ мастерской палаты на особой подводѣ. У царевича въ этотъ день уже не по первый годъ велось св. Евстаѣю праздновать и, кромѣ всѣхъ своихъ приближенныхъ, принимать къ обѣду и стариковъ бояръ, и угощать на славу.

Въ то время, когда вся царевичева служня была такъ дѣятельно занята внутри дворца приготовленіями къ столу, а внѣ дворца очисткою двора и украшеніемъ его дверей, оконъ и воротъ разноцвѣтными флагами и фонариками, къ боковому флигельку дворца, выходявшему заднею стороною въ небольшой, сильно запущенный огородъ, подходили двое, очевидно, никѣмъ не жданныхъ и никѣмъ не званыхъ гостей. Опасливо озираясь и осторожно пробираясь кустами, глушившими огородъ около стѣнъ флигелька, увязая на каждомъ шагу то въ рытвинахъ, то въ размокшихъ грядахъ, оба гостя, однако же, не прерывали между собою бесѣды, которую, очевидно, слѣшили закончить, прежде нежели войти въ домъ. Оба одѣты были въ поношенныя, темныя странническія ряски, въ замасленныя скуфейки, у обоихъ были обычные рѣзные странническіе посохи въ рукахъ и котомочки за плечами; но котомочки, очевидно, очень легонькія, не обременявшія плеча странникамъ. Тотъ изъ нихъ, который былъ повыше и поплотнѣе, и въ которомъ присмотрѣвшись не трудно было узнать Абрама Θεодоровича, шелъ впереди, какъ бы указывая дорогу своему спутнику, человѣку небольшого роста и довольно тщедушнаго сложенія, но обладавшаго такимъ выразительнымъ и подвижнымъ лицомъ, что каждый, увидавшій его хоть разъ въ жизни, едва-ли могъ бы потомъ забыть это странное, необыкновенное лицо. Прозрачно блѣдное, съ

желтоватымъ отгѣнкомъ, сухощавое, опущенное небольшою жиденькою бородкой, лицо этого человѣка представляло образецъ замѣчательной двойственности. Красиво очерченный ротъ его весьма легко и охотно складывался въ чрезвычайно пріятную и повидимому добродушнѣйшую улыбку, а въ тонкой и прямой линіи его носа, въ прямыхъ почти недвижныхъ бровяхъ и въ очень большихъ, глубокихъ и ясныхъ, свѣтло-сѣрыхъ глазахъ сказывалась такая сила воли, противъ которой трудно было устоять.

— Тутъ намъ сейчасъ на крылечко, да сѣнничками, отецъ Яковъ,—говорилъ Лопухинъ, оборачиваясь на ходу въ сторону своего спутника.—А тамъ насъ Акулиша проведетъ въ особый тайничекъ, и въ немъ замкнетъ... Изъ тайничка того окошечко выходитъ въ столовую палату, и мы все оттуда увидимъ и услышимъ...

— Безъ того нельзя,—мягко отозвался отецъ Яковъ.— Имѣющій уши да слышать и разумѣть... А мнѣ всѣхъ ихъ, веселящихся духовнѣ и тѣлеснѣ, и видѣти, и слышати надлежитъ...

— Всѣхъ и увидишь, и услышишь, и уразумѣешь, каковъ вертоградъ вокругъ царевича заплелся? Дай Боже, кабы только мнѣ удалось запустить тебя въ тотъ вертоградъ, новое вино слѣдуетъ влить въ новые мѣхи...

И затѣмъ, поднявшись по скользкому и грязному черному крылечку, оба странника вошли въ длинные и темныя сѣни флигелька.

Къ полудню собрались всѣ приглашенные изъ Преображенскаго и изъ Москвы гости, бояре и духовные сановники, въ томъ числѣ и Стефанъ Яворскій и чудовскій архимандритъ Θεодосій, и грозный князь-кесарь, Θεодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, и многіе генералы и старые придворные. Не замедлилъ пріѣхать отъ обѣдни и самъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, съ своимъ наставникомъ Вяземскимъ, съ мужемъ кормилицы, Васильемъ Колычевымъ, и цѣлою ватагою своихъ неразлучныхъ спутниковъ Нарышкиныхъ. Въ виду торжественности пріема, назначеннаго на Евстаѣевъ день, вслѣдъ за царевичемъ въ столовую палату прослѣдовали только эти лица; вся же остальная, меньшая братія постоянныхъ царевичевыхъ кумпанейцевъ и потѣшниковъ осталась въ передней комнатѣ, гдѣ для нея накрытъ былъ и особый столъ не на серебрѣ, а на оловѣ, и вина и всякіе напитки наряжены были попроще, чѣмъ на большомъ столѣ.

Царевичъ, встрѣченный почтительными поклонами старыхъ бояръ и старшаго духовенства, раскланивался со всѣми направо и налево и затѣмъ поспѣшилъ обойти всѣхъ своихъ почетныхъ гостей, стараясь выказать себя какъ можно болѣе любезнымъ и внимательнымъ.

Одѣтый въ темнозеленый съ широкими отворотами и свѣтлыми пуговицами суконный кафтанъ, въ темный длинный камзолъ изъ-

за котораго выпущена была тонкая, сборчатая, батистовая манишка, въ темныхъ чулкахъ и башмакахъ съ металлическими пряжками, въ высокій напудренный и взбитый парикъ, который спускался локонами почти до плечъ, царевичъ при своей худобѣ казался не по лѣтамъ высокъ ростомъ. Но во всей его фигурѣ, тонкой, хрупкой, не доразвившейся, чувствовалось что-то физически слабое, незаконченное, незрѣлое. То же самое еще яснѣе выражалось въ тонкихъ, нѣжныхъ чертахъ его юношескаго лица, не лишенныхъ пріятности, и въ особенности въ его темныхъ глазахъ, въ которыхъ по временамъ свѣтилась такая нерѣшительность, такая запуганность и робость, что на царевича жаль было смотрѣть со стороны...

Послѣ обычныхъ привѣтствій и установленныхъ обычныхъ вопросовъ о здравіи съ поздравленіями по поводу праздника, Стефанъ Яворскій благословилъ трапезу, гости разсѣлись по старшинству, причемъ съ правой руки отъ царевича помѣстились старшіе изъ духовныхъ сановниковъ, а по лѣвой рукѣ старшіе бояре, съ Ромодановскимъ во главѣ, обѣдъ начался и потянулся, скучный, вялый, несносно-чопорный и для всѣхъ одинаково тягостный. Не было ни проблеска какой-бы-то-ни-было веселости, ни общаго разговора между гостями, ни обычнаго шума праздничныхъ пиршествъ. Ромодановскій и бояре упорно молчали, не желая заговаривать съ приближенными царевича; Стефанъ Яворскій пытался неоднократно повести рѣчь съ царевичемъ о разныхъ предметахъ, но царевичъ отвѣчалъ ему полусловами и односложными фразами и смущенно опускалъ глаза въ тарелку.

Дважды поднимался со своего мѣста царевичъ, предлагая тосты за здоровье «высокочтимаго родителя своего, благовѣрнаго государя Петра Алексѣевича» и за почетнѣйшихъ гостей. Одинъ разъ поднялся со своего мѣста и князь Ромодановскій и провозгласилъ здравіе «благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича». На всѣ три тоста гости отвѣчали выраженіями совершенно-официальнаго восторга... Но вотъ наконецъ это тягостное пиршество окончилось. Стефанъ Яворскій первый подаль примѣръ гостямъ: переглянулся съ ближайшими духовными лицами, поднялся со своего мѣста и заявилъ, что гостямъ «пора и честь знать, и хозяину отдыхъ дать»... Всѣ почетные гости поняли, что это въ равной степени относилось и къ мірянамъ, и къ духовнымъ властямъ, а потому и Ромодановскій, поднявшись вслѣдъ за Стефаномъ, сталъ съ царевичемъ раскланиваться, прощаться, благодарить за угощеніе и вмѣстѣ съ остальными боярами пятиться къ выходнымъ дверямъ. Царевичъ былъ до такой степени доволенъ догадливостью своихъ гостей, что даже не рѣшился и изъ пріличія ихъ удерживать, даже не сумѣлъ скрыть своего удовольствія, и какъ только послѣдній изъ гостей переступилъ черезъ по-

рогъ сѣней, царевичъ Алексѣй словно преобразился и просіялъ лицомъ...

Щеголевато опустивъ свои тонкія, худыя руки въ широкіе карманы камзола, царевичъ подозвалъ къ себѣ Романа Тугаринова и сказалъ ему на ухо:

— Всѣхъ дворцовыхъ слугъ обирай къ себѣ да угости ихъ... А къ намъ, чтобы наша домашняя челядь шла. Да Федора Цымбальщика зови, и Акулина чтобы насъ вишневкой обнесла.

Старые дворцовые слуги удалились, и намѣсто ихъ явились царевичевы челядинцы, молодые ребята въ цвѣтныхъ чекменяхъ, обшитыхъ желтой тесьмой, и явились не съ пустыми руками: одинъ несъ боченокъ водки, другой ведро хмѣльнаго пива прямо со льду, третій—пузатый жбанъ съ малиновымъ медомъ, четвертый лукошко моченой морошки и пареной клюквы въ сахарѣ...

— Ну, вотъ теперь не та канитель пойдетъ!—гаркнулъ на всю столовую Андрей Нарышкинъ, извѣстный въ кумпаніи царевича подъ кличкою «Сатаны».

— Теперь повеселимся, старыхъ пьяницъ проводивши!—закричалъ ему въ отвѣтъ Василій Колычевъ, наливая себѣ огромный стаканъ меда.

— Повеселимся!—подхватилъ своимъ тоненькимъ голоскомъ царевичъ, подпрыгивая и прищелкивая языкомъ. — Эй, вы, тамъ! Ссылные, опальные, что въ передней сидѣли, всѣ вались сюда, за нашъ столъ! Жибанда, Захлюстка, Грачъ, Голубчикъ, ко мнѣ поближе! А ты, отецъ Корова, садись-ка рядомъ съ Благодѣтелемъ! Вотъ такъ! Тугариновъ, давай мнѣ меду...

— Чего тамъ меду, словно маленькій! Выпей-ка сначала водки для храбрости!—крикнулъ одинъ изъ монаховъ, вышедшій въ столовую изъ передней и отзывавшійся на прозвище Корова.

— Ужъ чья бы корова мычала, а эта бы молчала!—съ досадою проговорилъ Никифоръ Вяземскій. —Небось, и такъ успѣете сегодня нализаться?

— Водки такъ водки! Отлично!—закричалъ царевичъ, не слушая своего учителя.—Батюшка-то мой, тотъ водку больше всѣхъ винъ любить... Ну, разомъ всѣ!

Всѣ чокнулись съ царевичемъ и выпили; потомъ безъ всякой передышки, еще и еще, потомъ пили въ круговую, изъ одного ковша, то медъ, то пиво, и каждый при этомъ либо подпѣвалъ какіе нибудь вирши, либо возбуждалъ общій хохотъ тяжеловатыми прибаутками, въ родѣ:

«Пиво хощь со Средней Прѣсни,
«А все же, пузо, не тресни».

Или:

«Пей сразу до пяти ковшей,
«Не то шестой нальютъ вашей».

Не прошло и получаса, какъ чинное праздничное пиршество обратилось ужъ въ довольно шумную попойку. Послышались во всѣхъ углахъ стола и восклицанія, и говоръ, и смѣхъ, и споры, и просто какой-то нескладный гамъ.

Царевичъ, у котораго блѣдное лицо покрылось пятнистымъ румянцемъ, и въ глазахъ явился блескъ неестественнаго возбужденія, все что-то кричалъ Роману Тугаринову, побуждая его почаще обносить гостей, и, насупившись, сосредоточенно прихлебывалъ малиновый квасъ изъ стакана.

Вдругъ въ дверяхъ появились новыя лица: высокій и худощавый малый съ русой курчавой бородой и большими очень красивыми и выразительными темно-синими глазами. Онъ былъ одѣтъ въ «чистое» русское крестьянское платье и несъ въ рукахъ большіе стекольчатые цымбалы. За нимъ слѣдомъ шла Акулина, разряженная въ богатый парчевый сарафанъ, въ низанную жемчугами кикку съ привѣсками и поднизями: красивая, высокая и стройная, она несла въ рукахъ большой подносъ съ тремя сулеями и полдюжиной старинныхъ пузатыхъ серебряныхъ чарокъ.

— А! Вотъ кстати и еще наши!—развязно крикнулъ царевичъ, приподымаясь на своемъ мѣстѣ. — Ѳедоръ, садись противъ меня, чтобы мнѣ слышнѣе было... Акулина! Мнѣ прежде всѣхъ давай своей наливки, потомъ другіе сами возьмутъ; а ты рядомъ, рядомъ со мною садись на лавку...

Акулиша молча поднесла ему налитую чарку вишневки и поклонилась въ поясъ, прося выкупать; и между тѣмъ какъ царевичъ быстро опрокидывалъ эту чарку, Ѳедоръ Цымбальщикъ усаживался на лавку противъ него между двумя Нарышкинами...

— Что будешь пѣть намъ, соловушко сладкогласный? — спросилъ протопопъ Алексѣй, прозывавшійся въ кумпаніи Грачемъ.

— Спою про свадьбу Алеши Поповича,—заявилъ цымбальщикъ, оглядывая смолкнувшихъ гостей царевича.

— Вотъ, вотъ спой про свадьбу!—закричалъ царевичъ, вырывая подносъ у Акулины и силою усаживая ее около себя на лавку.— У насъ, кстати, братъ Сатана жениться собирается.

— Полно врать!—обрѣзалъ его Андрей Нарышкинъ. — Не таковъ я дуракъ, чтобы далъ себя ущемить въ щемильцахъ!..

Царевичъ хотѣлъ что-то отвѣтить ему, но Ѳедоръ запѣлъ, въ пору и въ мѣру перебирая пробочными колотушками стеклянные клавиши, — и всѣ заслушались, даже пить забыли... Онъ такъ сильно, такъ задушевно, такъ выразительно произносилъ каждое слово всѣмъ знакомой былинны, что никто отъ его пѣсни оторваться не могъ. А когда онъ дошелъ до того мѣста, въ которомъ рассказывалось, какъ Добрыня, uznанный женою, обращается съ укорами къ Алѣшѣ Поповичу, всѣмъ показалось, что онъ гнѣвно глянулъ

на царевича, который пытался обнять Акулишу и ластился къ ней, и громовымъ голосомъ произнесъ слова:

«Взялъ бы я тебя за желты кудри,
«Грянулъ бы тебя я о кирпичать полъ!»

— Не смѣй такъ смотрѣть на меня!—вдругъ крикнулъ на него царевичъ, ударивъ кулакомъ о столъ.—Какъ смѣешь!.. Прочь отсюда!

— Я и такъ уйду,—глухо проговорилъ Федоръ Цымбальщикъ, поднимаясь съ своего мѣста.—Я больше пѣть не стану! Ты меня не слушаешь...

Онъ сдѣлалъ Акулинѣ знакъ головой и, никому не поклонившись, медленно направился къ выходу. Всѣ были такъ озадачены этой сценой, что въ первую минуту никто не произнесъ ни одного слова; чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, всѣ обратились къ напиткамъ, и круговой ковшъ пошелъ опять гулять кругомъ стола. Царевичъ первый бросился на сулею съ наливкой и подъ рядъ, залпомъ выпилъ, три стакана. Глаза его сразу подернулись туманомъ, мертвенная блѣдность разлилась по лицу. Опершись локтями на столъ, угрюмый и мрачный, онъ долго сидѣлъ одинокимъ среди разгоравшагося кругомъ него шума и хмѣльнаго веселья, ворча про себя:

— Какъ онъ смѣеть!.. Мѣшать мнѣ... Не сегодня—завтра царемъ буду, не хуже батюшки. У меня все, какъ у батюшки... И компанія такая же... Я и повѣшу его... не хуже батюшки! Какъ онъ смѣеть?.. Позвать сюда Акулину!—крикнулъ онъ вдругъ во весь голосъ, стуча каблукомъ въ полъ, но уже не въ силахъ будучи подняться съ мѣста.

— Шель бы ты спать, государь!—съ искреннимъ сожалѣніемъ посовѣтовалъ ему Никифоръ Вяземскій.— Не хорошо вѣдь такъ-то, не...

Но онъ не успѣлъ докончить увѣщанія, потому что получилъ отъ царевича полновѣсную оплеуху.

— Въ тюрьму его, въ застѣнокъ!—кричалъ совершенно опявѣвшій юноша, бессмысленно размахивая руками.—Я не сегодня-завтра царь... а онъ... смѣеть!

Но ужъ Василій Колычевъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ успѣли овладѣть его тонкими безсильными руками и при помощи подъячаго Евварлакова повели въ опочивальню, уговаривая его не шумѣть и не буянить, хотя никто кругомъ уже не замѣчалъ этого эпизода попойки.

«Грачъ», подобравъ рясу и сбивъ скуфью на ухо, выплясывалъ въ присядку, стараясь переплясать Засынку, который турманомъ кружился по столовой палатѣ; Сатана съ Захлюсткой пробовали силу, загибая края серебряныхъ тарелокъ; а Василій

Нарышкинъ, безмысленно смѣясь, пригоршнями раскидывалъ кругомъ моченую морошку и клюкву.

Хохотъ дикій и неистовый, крики, брань, чмоканье сочныхъ поцѣлуевъ, пѣсни и взвизгиванья и топотъ бѣшеной пляски—все это сливалось въ одинъ какой-то страшный хаосъ, отъ котораго невольно содрогались и Лопухинъ, и его таинственный спутникъ, все видѣвшіе и все слышавшіе изъ своего тайника.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ Н. П. БРУСИЛОВА.

«И оду ужъ его тисненью предають,
«И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають.
«Дмитріевъ».

ВСЯКАЯ въ какомъ бы то ни было отношеніи выдающаяся, незаурядная личность всегда и вездѣ имѣла своихъ подражателей, въ свое время игравшихъ нѣкоторую роль, но забывавшихся впоследствии. Къ числу такого рода «спутниковъ» нужно отнести и писателя начала XIX вѣка—Николая Петровича Брусилова, интересныя воспоминанія котораго печатаются ниже. Онъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ послѣдователей Карамзина, человѣкомъ передовымъ для своего времени, занималъ не послѣднее мѣсто среди второстепенныхъ литераторовъ, но «время» прошло, и Брусиловъ теперь забытъ¹⁾. Его біографія никому неизвѣстна. Послѣднее, впрочемъ, произошло не столько вслѣдствіе его незначительности, сколько потому, что для этого онъ не оставилъ никакихъ матеріаловъ. «Воспоминанія» представляютъ собой главный источникъ и появляются въ печати только теперь. Они доставлены въ редакцію «Историческаго Вѣстника» внучкой Брусилова — Анной Егоровной Краснораменской, сообщившей также нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Воспоминанія были написаны Брусиловымъ въ декабрѣ 1848 года, то-есть за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, и въ редакцію поступилъ его автографъ—небольшая тетрадка въ четвертку. Редакція поручила мнѣ приготовить ихъ къ печати, то-есть написать предисловіе и сдѣлать пояснительныя примѣчанія къ тексту. Трудъ составленія послѣднихъ взялъ на себя, по моей просьбѣ, В. И. Саятовъ, за что и приношу ему глубокую благодарность.

¹⁾ Академикъ Гротъ смѣшивалъ его даже съ Ник. Ив. Брусиловымъ, директоромъ бумаго-прядильной фабрики. Сочиненія Державина, т. VI (изданіе академіи наукъ), стр. 93. Ошибку Грота повторилъ въ своемъ «Словарѣ» Геннади.

Н. П. Брусиловъ, родился какъ это видно изъ его «Воспоминаній», въ 1782 году ¹⁾, въ Орловской губерніи, гдѣ отецъ его былъ помѣщикомъ, и восьми лѣтъ поступилъ въ пажескій корпусъ, откуда въ 1796 году, не пройдя полнаго курса, вмѣстѣ съ другими своими товарищами, по приказанію Павла I, былъ выпущенъ поручикомъ въ армію ²⁾ въ Московскій гренадерскій полкъ. Извѣстно, какъ тяжело жилось военнымъ, въ короткое царствованіе Павла I, переполненное арестами, ссылками, разжалованіями. Число лицъ, возвратившихся на службу благодаря манифесту Александра I и исключенныхъ Павломъ I, простиралось до 12.000 человекъ ³⁾. Гвардейскіе офицеры всегда носили съ собой запасъ денегъ на случай, если бы прямо со смотра пришлось отправиться въ сибирскія тундры. Примѣры такого рода бывали, а потому Брусиловъ, не смотря на всѣ свои симпатіи къ военной службѣ, года черезъ два вышелъ въ отставку и поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній на высочайшее имя. Въ 1820 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ до 1834 года. Вологда обязана ему устройствомъ бульвара и сада, разведеннаго на соборной горѣ ⁴⁾. Женатъ онъ былъ два раза. Первая жена его умерла отъ холеры, вслѣдствіе чего самъ Брусиловъ всегда очень боялся этой болѣзни ⁵⁾. Въ 1834 году онъ вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ 27 апрѣля 1849 году ⁶⁾. Погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Вотъ и все, что можно сказать о его біографіи. Что касается его литературной дѣятельности, то началась она очень рано. Еще будучи въ корпусѣ, онъ издавалъ рукописную газету, въ которой «осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей». Первой печатной работой его былъ переводъ комедіи Мерсье «Гваделупскій житель», сдѣланный подъ руководствомъ дяди. Всѣ послѣдующія работы были или переводами, или подражаніями. Самъ Брусиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ такимъ образомъ говоритъ о своей литературной дѣятельности: «Карамзинъ и Дмитріевъ издали «Бездѣлки», ну, какъ же мнѣ отстать отъ нихъ? и я издалъ «Бездѣлки» ⁷⁾. Мало этого, написалъ «Бѣдную Машу», въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ», «Мое путешествіе» въ подражаніе де-Метру и еще двѣ или три повѣсти, въ подражаніе не знаю ужъ кому».

Дѣйствительно, всю литературную дѣятельность Брусилова нужно разсматривать, какъ сплошное подражаніе главнымъ образомъ Карамзину, съ которыми онъ во многихъ случаяхъ сходилъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Всѣ повѣсти Брусилова отличаются тѣмъ же сентиментализмомъ, отцомъ котораго считается Карамзинъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что идеаломъ

¹⁾ Брусиловъ окончилъ корпусъ въ 1786 г., по его словамъ, 14 лѣтъ.

²⁾ «Матеріалы для ист. Пажескаго корпуса». Изд. Гр. Милорадовичемъ. Кіевъ. 1876 г., стр. 141.

³⁾ А. Н. Пылинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, Спб., 1885 г., стр. 62.

⁴⁾ «Вологодская старина». Историко-археологич. сборн. Сост. И. К. Степановскій. Вологда. 1890 г., стр. 314.

⁵⁾ «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 1689.

⁶⁾ «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 94, стр. 574.

⁷⁾ Рецензія на «Бездѣлки» Брусилова была напечатана въ «Сѣверн. Меркуріи» 1803 г., ч. II, стр. 41.

Брусилова была натура, реальность ¹⁾, специальныхъ атрибутовъ сентиментальности онъ старался избѣгать, хотя, конечно, и не въ состояніи былъ отъ нихъ освободиться совершенно. «Есть ли въ книжкѣ сей,—писалъ онъ въ заключеніи одной изъ своихъ повѣстей,—найдешь ты мало сентиментальности (курсивъ Брусилова), оставляю въ концѣ оной двѣ бѣлыя страницы, пиши на нихъ, дополний что тебѣ надобно. Опиши живописнымъ перомъ то, чѣмъ всѣ романы наполнены и чего нѣтъ въ моей повѣсти, то-есть: пріятную долину, ручеекъ, журчащій по камешкамъ между прекраснаго лѣска, заходящее солнце... Скажи, какъ милый звукъ счастливаго пастушка, игравшаго на свирѣли, отражаемый крутыми горами, ограждающими сію долину, живо отдавался въ твоемъ сердцѣ, не позабудь бленія овечекъ, лаянія какой нибудь фидельки, словомъ вмѣсти въ сихъ страницахъ побольше сентиментальности, заставь милую красавицу, читая твое дополненіе, выронить нѣжную слезку» ²⁾... Въ другомъ мѣстѣ, отличительнымъ признакомъ сентиментальныхъ «нѣжныхъ слезокъ» онъ называетъ то обстоятельство, что «положенныя на бумагу онѣ возбуждаютъ смѣхъ въ читателяхъ» ³⁾, а самую «сентиментальность» признаетъ «сумасбродствомъ» ⁴⁾.

До такихъ крайностей и до большаго злоупотребленія сентиментализмомъ, какъ писатели въ родѣ князя Шаликова, Брусиловъ не доходилъ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ его рассказы должны быть названы сентиментальными. Всѣ они не чужды нѣжныхъ слезокъ, патетическихъ восклицаній, разнаго рода ужасовъ и часто кончаются чуть не тремя убійствами ⁵⁾. «Исторія бѣдной Марьи», написанная по словамъ самого Брусилова въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина, носить на себѣ всѣ слѣды Карамзинскаго вліянія, посвящена «нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцамъ», герой исторіи — Милоновъ, «бѣдный поселенинъ», влюбленный въ Марію, дочь богатаго отступника, убиваетъ себя кинжаломъ при видѣ Маріи, выходящей изъ церкви съ любимымъ мужемъ. Марія, любившая Милона, бросаетъ мужа, отца, родину и удаляется въ бѣдную хижину. Тамъ, «въ цвѣтущей молодости, окончила она дни свои, произнося имя Милона, — имя любезное ея сердцу». Исключеніе представляетъ собой повѣсть «Бѣдный Леандръ», «всѣ происшествія которой на столько обыкновенны, что Брусиловъ въ предисловіи «охотникамъ чрезвычайностей» совѣтуетъ лучше оставить «Бѣднаго Леандра» и читать Тайнства Удольфскія и Бову Королевича, но зато и повѣсть нельзя назвать повѣстью, а скорѣе довольно примитивной сатирой на страсть къ авторству. Нужно замѣтить, что всѣ вообще сочиненія Брусилова отличаются сатирическимъ, обличительнымъ характеромъ, въ особенности издававшійся имъ «Журналъ».

¹⁾ Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ риторики. Соч. Н. Брусилова, Спб., 1803 г., стр. 4. Также: «Мое путешествіе», Спб., 1803 г., стр. 156.

²⁾ Ibid.

³⁾ «Журналъ Россійской Словесности», изд. Н. Брусиловымъ, Спб., 1805 г., № 12, стр. 177.

⁴⁾ Ibid., № 8, стр. 196. Также, № 2, стр. 78 и др.

⁵⁾ «Старецъ, или превратность судьбы», Спб., 1803 г.; «Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ риторики», Спб., 1803 г.; «Леандоръ и Лиза, или Клятва» («Журналъ Россійской Словесности», Спб., 1805 г., № 8, стр. 175); «Исторія бѣдной Марьи» (ibid., № 9). Ср. «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 101.

«Журналъ Россійской словесности» издавался только одинъ годъ (1805 г.). Онъ выходилъ не большими, страничекъ въ 50, нумерами, заключающими въ себѣ четыре отдѣла: въ первомъ помѣщались — «русскія повѣсти, отрывки о русской словесности, нравственности, театрѣ», извлеченія изъ произведеній русской и иностранной литературы и проч., во второмъ — стихотворенія, въ третьемъ — извѣстія о новыхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы, и послѣдній отдѣлъ — смѣсь, наполнявшійся разнаго рода анекдотами. Почти всѣ оригинальныя и переводныя прозаическія статьи принадлежатъ Брусилову. Кромѣ него, въ журналѣ сотрудничали — И. Н. Пнинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свой независимый характеръ ¹⁾, Бенитцкій, А. Измайловъ, Н. Остолоповъ, Н. Гречъ, И. Похвисневъ и др., однимъ словомъ лучшіе члены «Вольнаго общества любителей словесности» ²⁾. Это обстоятельство до нѣкоторой степени опредѣляетъ характеръ журнала, его направленіе. «Вольное общество», какъ извѣстно, помимо интересовъ чисто историко-литературныхъ, увлекалось интересами общественными и было до нѣкоторой степени ячейкой, изъ которой развилось декабристское движеніе ³⁾. Пнинъ и Бенитцкій, бывшіе особенно яркими представителями этого направленія, внесли общественный интересъ и въ «Журналъ» Брусилова, имѣли весомиѣнное вліяніе и на самого Брусилова. Всѣ почти стихотворенія и басни Пнина, Бенитцкаго, Измайлова и др. отличаются общественнымъ характеромъ. Здѣсь, на примѣръ, помѣщена была извѣстная басня Измайлова: «Истина во дворцѣ», проводящая мысль, что «счастлива та страна, въ которой кроткой царь правдиво говоритъ себѣ не запрещаетъ», басня Пнина «Царь и придворный», въ которой придворный изъ лести сравниваетъ царя съ верхнимъ камнемъ пирамиды, а нижніе основные камни съ народомъ, созданнымъ только для него, а царь на лестъ отвѣчаетъ словами:

«Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,
«Разбился бѣ въ прахъ — частей его не отыскали,
«Когда бѣ минуто хоть одну,
«Поддерживать его другіе перестали».

Такимъ же характеромъ отличается его «Ода на правосудіе», письмо къ издателю «Сочинитель и цензоръ» и др. Первые годы царствованія Александра I, подававшіе такія блестящія надежды, съ такимъ восторгомъ встрѣченныя лучшей частью русскаго общества, нашли себѣ сочувствіе и въ «Журналѣ Россійской словесности». Чуть не на каждой страницѣ, въ стихахъ и прозѣ, находимъ мы панегирикъ Александру I, «водворившему любовь къ наукамъ», этому «Титу россовъ, одаренному всеми добродѣтелями, царю и челоуѣку свойственными» ⁴⁾. Если суммировать всѣ общественные вопросы, которые обсуждались въ журналѣ Брусилова и въ большинствѣ случаевъ имъ же самимъ, то они сведутся къ слѣдующему.

¹⁾ Л. Н. Майковъ. Батюшковъ. Спб. 1887 г., стр. 44.

²⁾ Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ было основано въ 1801 г. и прекратило свое существованіе въ 1824 г. Въ 1802—1803 гг. «Обществомъ» былъ изданъ альманахъ, «Свитокъ музъ» въ 2-хъ частяхъ, въ 1804 г. — «Періодическое изданіе» и въ 1812 г. — «С.-Петербургскій вѣстникъ».

³⁾ Критико-біографическій словарь С. А. Венгерова, Спб., 1891 г., т. II, стр. 232.

⁴⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 51, 55, 132, ч. II, стр. 52 и др.

Больше всего и чаще всего останавливался Брусиловъ на галломаніи, на увлеченіи современнаго ему общества французами. Въ статьѣ о воспитаніи, помѣщенной въ первомъ же номерѣ «Журнала»¹⁾, Брусиловъ говоритъ: «нельзя безъ прискорбія видѣть, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ иностранцевъ», при томъ же «недостойныхъ сего званія, взятыхъ съ площади, парикмахеровъ и лакеевъ». Этимъ объясняетъ онъ пристрастіе ко всему иностранному съ одной стороны и съ другой прерзительное отношеніе ко всему своему, незнаніе роднаго языка, русской литературы, полнѣйшее невѣжество относительно всего русскаго. Объ этомъ онъ говоритъ не разъ не только въ журналѣ²⁾, но и въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ отдѣльно, при всякомъ удобномъ случаѣ. Входитъ онъ, напримеръ, въ ресторанъ, подають ему обѣдъ, изготовленный французскимъ поваромъ. «Настоящее,—воскликаетъ онъ,—родитъ будущее. Мнѣ пришло въ голову пристрастіе, царствующее у насъ, ко всему иностранному... Ахъ! Пусть въ образованіи ума и вкуса слѣдуютъ иностранцамъ, но желалъ бы я, чтобы сердца русскихъ были образованы русскими, чтобы характеръ національной пребылъ неизмѣняемъ!»³⁾. «Презрѣніемъ» къ родному языку объясняетъ Брусиловъ упадокъ русской литературы, отсутствіе выдающихся авторовъ⁴⁾. Его возмущали галлицизмъ и иностранныя слова, которыми современные ему авторы пестрили свои произведенія. «Зачѣмъ употреблять иностранныя слова,—писалъ онъ,—когда мы имѣемъ собственныя имъ равносильныя?»⁵⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ врагомъ «словъ и реченій, бывшихъ въ модѣ у нашихъ предковъ», русскихъ архаизмовъ⁶⁾. Его возмущали выраженія въ родѣ слѣдующаго: «Я вошелъ въ теплую избу—quel bonheur! Неужели сочинитель думалъ,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—что слово счастье не такъ выразительно, какъ bonheur?»⁷⁾.

Гораздо рѣже, и то лишь говоря о мотовствѣ и жизни помѣщиковъ, касался Брусиловъ печальнаго положенія крестьянъ и дворовыхъ людей. «Если бы,—говоритъ онъ,—молодые люди знали, съ какою трудностью добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, если бы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдають иногда послѣднее рублище для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему на какія нибудь новыя моды, то, конечно, умѣрили бы издержки свои, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страшные оброки, ими налагаемые». Дальше уменьшенія оброковъ Брусиловъ не пошелъ, да и объ этомъ высказался какъ-то вскользь⁸⁾. Это тѣмъ болѣе странно, что Брусиловъ былъ, повидимому, горячимъ поборникомъ реформъ Александра I, который хотѣлъ «сдѣлать россіянъ свободными, чувствуя, что управлять рабами не лестно»⁹⁾. Положимъ, что даже такіе люди, какъ В. Н. Каразинъ, признавали необходимость крѣпостнаго права. Но въ то время, какъ Кара-

1) «Журналъ», ч. I, стр. 9.

2) «Журналъ», ч. I, стр. 18, 19, 22, 23, 24, 67, 183, 184 и др.

3) «Мое путешествіе», Спб., 1803 г., стр. 43, 153, 157; «Бездѣлки», Спб., 1803 г., стр. 11—13.

4) «Бѣдный Леандръ», Спб., 1803 г., стр. 32.

5) «Журналъ», ч. I, стр. 142.

6) Ibid., стр. 141.

7) Ibid.

8) «Журналъ», ч. I, стр. 28, 68, ч. II, стр. 12.

9) «Журналъ», ч. II, стр. 165.

винъ изображалъ всѣ ужасы современнаго ему положенія крестьянъ, поставленныхъ въ полную зависимость отъ произвола грубыхъ помѣщиковъ, изыскивалъ средства для улучшенія этого положенія на словахъ и на дѣлѣ, Брусилловъ въ своихъ сочиненіяхъ не только не обращаетъ вниманія на этотъ предметъ, но склоненъ иной разъ даже идеализировать бытъ «поселянъ»¹⁾. Вскользь говоритъ онъ о неприглядной обстановкѣ крестьянскаго быта, о «бѣдности и нищетѣ, о развалившихся хижинахъ, выбитыхъ сте-клахъ»²⁾. Но останавливаясь на экономическомъ положеніи крестьянъ, Брусилловъ ничего не говоритъ о ихъ нравственномъ развитіи, о школахъ. Въ «Письмѣ о театрѣ» мы находимъ мысль, что для народа необходимо устроить театръ съ особымъ репертуаромъ. Это, по его мнѣнію, имѣло бы огромное воспитательное значеніе. «Я вывелъ бы,—говоритъ онъ,—пьяницу, пропивающаго свое имѣніе, слугу, который ослушивается своего господина, и показалъ бы всѣ ужасныя слѣдствія непослушанія (?), какую нибудь ханжу..., бабу ворожею, крестьянина, который не рыдаетъ о томъ, что его отдадутъ въ солдаты, но который, повинувся священному долгу, оставляетъ отца, мать, жену, дѣтей, домъ отцовскій, родину, и идетъ охотою въ солдаты»³⁾. Понятно, что устроить народные театры не только тогда, но даже и теперь гораздо труднѣе, чѣмъ школы. Брусилловъ заговорилъ о народномъ театрѣ совершенно случайно, говоря о театрѣ вообще, и это единственный случай, гдѣ онъ высказался о народномъ образованіи.

Другой вопросъ, который Брусилловъ затрогиваетъ въ журналѣ⁴⁾, отчасти въ другихъ произведеніяхъ, можетъ быть названъ женскимъ вопросомъ. Въ статьѣ: «Завѣщаніе умирающаго отца своей дочери»⁵⁾, авторъ изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ. «Женщина, по его мнѣнію, должна учиться хозяйственнымъ или домашнимъ добродѣтелямъ», такъ какъ здѣсь главная сфера ея дѣятельности, какъ жены и матери. Въ то же время, она не должна чуждаться образованія и свободное время употреблять «на чтеніе полезнѣйшихъ книгъ», къ числу которыхъ Брусилловъ относитъ: «книги Закона Божія» и исторію. Все это рекомендуется дѣлать въ виду той роли, которую женщина можетъ играть въ обществѣ. «Ни одинъ витія не сдѣлаетъ такого впечатлѣнія на сердце молодаго человѣка, какое можетъ сдѣлать дѣвица, воспитанная въ вѣрѣ и добродѣтели». На моды, на костюмы и вообще на внѣшность дѣвица особеннаго вниманія обращать не должна. Матери, оставляющія дѣтей на попеченіе кормилицъ и нянекъ, вызываютъ у Брусилова порицаніе. Мать должна сама кормить своего ребенка, такъ какъ «дѣтя почерпаетъ нравъ и способности той, которая его

¹⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 72, 73; «Мое путешествіе», Спб., 1803 г., стр. 130.

²⁾ Ibid., стр. 70.

³⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 66. Александръ I не думалъ, чтобы послѣднее, то-есть добровольное поступленіе въ солдаты, было возможно. Имѣя въ виду, что «поступавшіе на службу должны находиться въ отдаленіи отъ своей родины, въ разлукѣ со своими семействами и родными, что естественно устрашаетъ ихъ и тоскою по родинѣ ослабляетъ ихъ силы и новое ихъ состояніе дѣлаетъ несноснымъ», пробовалъ дать войскамъ осѣдлость, устроилъ военныя поселенія. «Сборникъ матеріаловъ, извлеч. изъ арх. собств. Е. И. В. Канцеляріи», вып. V, Спб., 1892 г., стр. 140.

⁴⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 200, ч. II, стр. 74.

⁵⁾ «Плоды моего досуга», М., 1805 г.; «Мое путешествіе», стр. 22—25.

питаеть»¹⁾. Женщина, не удовлетворяющая этимъ требованіямъ, вызываетъ рядъ сатирическихъ нападокъ.

Не одні женщины давали матеріалъ для скромной сатиры Брусилова. Въ своихъ статьяхъ: «Путешествіе на островъ Подлецовъ», «Исторія чаровъ», «Зеркало истины» и др., Брусиловъ осмѣиваетъ всѣхъ, начиная съ молодящихся старыхъ женщинъ и кончая писателями, учеными, медиками. Особенно часто достается отъ него послѣднимъ. «Если бы я не имѣлъ совѣсти,—говоритъ онъ,—я желалъ бы быть медикомъ»²⁾. Придворныхъ онъ упрекаетъ за лесть и низкопоклонство, ученыхъ за педантизмъ, поэтовъ за «прославленіе людей, недостойныхъ похвалъ», судей за взятки, помѣщиковъ за негуманное отношеніе къ крестьянамъ и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сатиры Брусилова не представляютъ собой пасквилей на отдѣльныя личности. Въ данномъ случаѣ онъ держался правила, высказаннаго имъ въ статьѣ о театрѣ: «...Нравы исправляютъ не бранью—браня ожесточаетъ только сердца. Мольеръ и Фонвизинъ осмѣивали пороки, старались людямъ, зараженнымъ ими, открыть глаза и показать ихъ заблужденія: они обращали въ смѣхъ пороки, заставляли краснѣть людей, зараженныхъ ими, но не бранили ихъ»³⁾. Правило старое, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время забытое нѣкоторыми представителями реальной школы, которые въ своемъ фотографированіи окружающей среды дошли до такой степени беззащитничности, что выводятъ въ своихъ твореніяхъ своихъ знакомыхъ, копаются въ ихъ интимной жизни и результаты этихъ копаній сообщаютъ, не смущаясь, въ своихъ «романахъ» и «повѣстяхъ», плодахъ своего творчества». Брусиловъ, впрочемъ, не стѣснялся писать эпиграммы, на ту или другую личность. Но это были эпиграммы, а не пасквили. Въ нихъ осмѣивался недостатокъ той или другой личности, не составлявшій секрета ни для кого. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикой «книжныя извѣстія» мы находимъ слѣдующее сообщеніе: «Сочиненія нѣкоего стихотворца въ 7 томахъ въ 4-ю долю листа, содержащія въ себѣ разнаго рода поэмы, сонеты, идилліи, эпиграммы, эпиграфы, эпиграммы, сатиры и пр., и пр. самой лучшей доброты, раздавались прежде даромъ; но какъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ не разошлось ни одного экземпляра, то сочинитель симъ объявляетъ, что сочиненія его впредъ раздаваться будутъ желающимъ съ придачею двухъ рублей»⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь Брусиловъ разумѣлъ пѣту гр. Хвостова, давѣстнаго но столько своими поэтическими произведеніями, сколько способомъ ихъ распространенія. Такимъ же, можно сказать, невиннымъ характеромъ отличается его эпиграмма на Державина, или вѣрнѣе на его стихотворенія⁵⁾.

Что касается критики, то Брусиловъ относился къ ней очень серьезно. По его мнѣнію, рецензентъ долженъ былъ внимательно изучить книгу, обращая вниманіе не только на недостатки, но указывать также и мысли,

¹⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 16; «Бездѣлки», кн. I, Спб., 1803 г., стр. 8.

²⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 13—14, 68.

³⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 64.

⁴⁾ «Журналъ», ч. IV, стр. 179.

⁵⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 45. Въ отвѣтной эпиграммѣ Державинъ называетъ Брусилова Булавкинымъ и говоритъ, что ему «чуть слышна булавки боль» («Другъ Просвѣщенія», 1805 г., стр. 198). «Сборн. Русск. Словесн.», т. V, вып. I, стр. 69.

заслуживающія вниманія, избѣгать колкостей и насмѣшекъ, избѣгать елочности, ставящей въ упрекъ автору опечатки ¹⁾ и т. д. Въ своемъ журналѣ онъ, правда, помѣщалъ рецензіи, написанныя спокойнымъ тономъ, книжки обыкновенно хвалилъ, но нельзя сказать, чтобы въ своихъ статьяхъ обнаружилъ сколько нибудь развитое критическое чутье. Какъ на примѣръ, достаточно указать на его разборъ книги Боброва «Херсонида, или картина лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ» (Спб., 1804 г.). «Херсонида,—начинаетъ Брусиловъ статью,—есть твореніе генія. Словесность наша можетъ ею гордиться такъ же, какъ сочиненіями Ломоносова и Державина». Рецензія состоитъ почти вся изъ выписокъ, «взятыхъ на удачу», и заканчивается восклицаніемъ: «Счастлива та страна, которая имѣетъ такихъ поэтовъ!» ²⁾. Всѣ рецензіи, которыхъ, кромѣ того, было очень не много, отличаются такимъ же характеромъ, и если не хуже, то во всякомъ случаѣ и не лучше рецензій, помѣщавшихся въ другихъ журналахъ того времени.

Кромѣ характеристики литературныхъ и общественныхъ воззрѣній Брусилова, «Журналъ» даетъ еще вѣкоторое понятіе о его взглядахъ политическихъ. Участіе въ «Вольномъ Обществѣ», относившемся съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ Радищеву, къ Филанфіери, Беккари, Вольнею и др., дружба съ Пнинымъ и Бенитцимъ на первый взглядъ позволяютъ предполагать и въ Брусиловѣ симпатію къ освободительнымъ идеямъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Брусиловъ очень несочувственно относился къ освободительнымъ стремленіямъ Западной Европы. Въ одномъ мѣстѣ, на примѣръ, онъ рассказываетъ, какъ случайно попалъ въ «страну равенства».—«Ба, здорово собрать,—встрѣтили его тамъ,—у насъ недостаетъ пятисотаго члена въ совѣтъ, ты заступишь его мѣсто; но прежде надо снять тебѣ голову... для того, что ты цѣлою головою насъ выше, а земля сія есть земля равенства!»—«Будьте равны сколько угодно, но я не хочу быть съ вами равенъ».—«А, это аристократъ,—закричали они,—его надобно утопить!»—тотчасъ взвели меня на гору и столкнули въ море» ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, какъ одинъ «знатной русской путешественникъ» былъ въ Женевѣ во время междоусобныхъ ея несогласій. Раздоры малѣйшей республики въ свѣтѣ не обращали вниманія Европы, но женевцы занимались симъ также, какъ бы и революціей міра. Когда донесли путешественнику о сихъ раздорахъ, болѣе смѣшныхъ, нежели важныхъ: «миѣ кажется,—сказалъ онъ,—что это буря въ стаканѣ воды». «Слово тонкое,—замѣчаетъ по этому поводу Брусиловъ,—ежели взять въ разсужденіе, что все государство Женевское не составляло пятой части нашей Москвы» ⁴⁾. Очевидно, что, подобно Карамзину, и Брусиловъ все вниманіе обратилъ на внѣшнюю сторону событій конца XVIII в. и проглядѣлъ поэтому ихъ сущность. Такимъ только отношеніемъ къ данному вопросу можемъ мы объяснить себѣ появленіе на страницахъ «Журнала» ⁵⁾ неуклюжей по мысли и формѣ, какъ и всѣ творенія графа Хвостова, оды «Безначаліе», заключающей въ себѣ тираду такого рода:

¹⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 5—8, ч. II, стр. 11; «Бѣдный Леандръ», Спб., 1803 г., стр. 20; «Старецъ или превратность судьбы», Спб., 1803 г., стр. 65—69.

²⁾ Ibid., ч. I, стр. 113—120.

³⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 198.

⁴⁾ Ibid., ч. III, стр. 24.

⁵⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 107.

«Несмысленны и духомъ бѣдны,
 «Недѣльныхъ призраковъ творцы,
 «О вы, учителя зловредны!
 «Печальны въ мірѣ мудрецы.
 «Самыхъ небесъ вы были чужды,
 «Въ царяхъ не находили нужды,
 «Вы свѣтъ—безъ васъ мерцала тьма,
 «Или текуща кровь и свары,
 «Опустошеніе, пожары,
 «Есть плодъ крылатаго ума?»

Такой если не враждебностью, то во всякомъ случаѣ полнѣйшимъ индифферентизмомъ къ вопросамъ общественной жизни только и можно объяснить то обстоятельство, что авторъ, будучи современникомъ такихъ важныхъ моментовъ въ русской исторіи, какъ конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ ограничивается сообщеніемъ вышншихъ фактовъ придворной жизни при Екатеринѣ II, сообщаетъ кое-что о царствованіи Александра I и ни словомъ не обмолвился ни о декабристахъ, ни о царствованіи Павла I.

Впрочемъ, не смотря на несочувственное отношеніе къ французской революціи, а также сознаніе того, что «Вольтеръ много сдѣлалъ вреда Франціи», что «переворотъ, сдѣлавшійся въ оной», былъ результатомъ «большаго» частью его и другихъ философовъ Франціи сочиненіямъ»¹⁾, Брусиловъ помѣщалъ въ своемъ «Журналѣ» массу извлеченій именно изъ этого писателя. Этимъ онъ платилъ известную дань «Вольному Обществу» и его главѣ Пнину. Нужно, однако, замѣтить, что Брусиловъ не принадлежалъ къ «вольтерьянцамъ». Вольтеръ «несносенъ» для Брусилова, «опровергая христіанскій законъ». «Если бы Вольтеръ былъ истиннымъ христіаниномъ, я бы почиталъ его первѣйшимъ изъ человѣковъ!»²⁾. Объ этомъ же говоритъ Брусиловъ и въ своихъ воспоминаніяхъ: «Начитавшись Вольтера и прочихъ его собратій, я чуть было не впалъ въ коншунство; одинъ благодѣтельный челоѣкъ обратилъ меня на путь истинны». Не соглашаясь съ религіозными воззрѣніями Вольтера, Брусиловъ очень цѣнилъ его, какъ писателя и философа, вслѣдствіе чего переводилъ отрывки изъ его сочиненій—«о самолюбіи», «о лестіи», «о роскоши», «о слезахъ» и т. п. предметахъ, съ идеями которыхъ соглашался, писалъ также въ подражаніе Вольтеру самостоятельныя статьи («Путешествіе въ храмъ вкуса») и т. д.

Совершенно особнякомъ стоятъ научныя работы Брусилова. Двѣ его статьи по нумизматикѣ: «О древней русской монетѣ»³⁾ и «Описаніе древнерусскихъ монетъ»⁴⁾, не представляютъ собой ничего выдающагося. Это простое описаніе монетъ, сдѣланное сообразно съ требованіями нумизматики, съ попытками опредѣленія хронологіи. Двѣ другія статьи относятся къ варяжскому вопросу. Въ первой статьѣ отразились и славянофильскія симпатіи Брусилова. Главная идея статьи этой («Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства») заключается въ томъ, что авторъ довольно подробно развиваетъ мысль Болтина, а именно, что «руссы, какъ побѣдили,

¹⁾ «Бѣдный Леандръ», Спб., 1803 г., стр. 30.

²⁾ Ibid., стр. 31.

³⁾ «Вѣстникъ Европы», 1812 г., ч. 63, № 11, стр. 225.

⁴⁾ «Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей», М., 1824 г., ч. II, стр. 135.

заставили принять свое имя; но, будучи малочисленнѣе народовъ, ими покоренныхъ, вмѣсто того, чтобы славянъ превратить въ руссовъ, преобразились сами въ славянъ и втеченіе вѣка исчезли совершенно¹⁾. Во второй статьѣ («Догадки о причинѣ нашествія нормановъ на славянъ») Брусиловъ говоритъ, что покорили норманы Русь съ той цѣлью, чтобы быть сосѣдями съ Византіей, куда иначе не могли попасть. Этимъ же онъ объясняетъ и походъ Олега на Кіевъ изъ Новгорода²⁾. Главный же его научный трудъ «Описаніе Вологодской губерніи», изданный въ 1833 году академіей наукъ³⁾, представляетъ собой довольно полное описаніе губерніи въ географическомъ, статистическомъ и даже этнографическомъ отношеніи. Брусиловъ собралъ не мало интересныхъ данныхъ о характерѣ населенія, о его занятіяхъ, сообщилъ нѣсколько данныхъ «о половникахъ» въ Устюжскомъ уѣздѣ, о зырянахъ и т. д. Изложеніе строго фактическое.

Подводя итогъ всему сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ сочиненія Брусилова заключаютъ въ себѣ очень мало оригинальнаго, лично ему принадлежащаго. Съ одной стороны, въ своихъ повѣстяхъ, онъ является подражателемъ Карамзина, или даже переводчикомъ, съ другой стороны, въ журнальныхъ статьяхъ, повторяетъ мысли, въ то время далеко не новыя. Вопросы общественной жизни, повидимому, его занимали очень мало, или даже вѣрнѣе—совершенно не занимали. Что касается до его характеристики, какъ человѣка, въ его взглядовъ литературныхъ и общественныхъ, то по словамъ одного изъ людей, лично съ нимъ знакомаго, Брусиловъ былъ «благородный, правдивый, чувствительный и добрый товарищъ»⁴⁾.

Вл. Бодяновскій.

I.

Дѣтство.—Прививка оспы.—Ученіе дома.—Поступленіе въ Пажескій корпусъ.—Товарищи.—Жизнь въ корпусѣ.—Ученые и учителя.—Шалости пажей.—Форма.

Воспоминанія мои не заключаютъ въ себѣ ничего ни политическаго, ни историческаго; это просто воспоминанія былаго. Я рассказываю не красно, но вѣрно, такъ, какъ я видѣлъ и какъ понималъ вещи. Легко можетъ быть, что въ запискахъ моихъ читатель не найдетъ ничего любопытнаго. Не ища славы авторской, я и тѣмъ буду доволенъ, если эти записки приведутъ на память былое, или доставятъ хотя нѣкоторое развлеченіе, или хотя даже минуту сладкаго сна; а сколько толстыхъ книгъ изъ того только и бьются!

Я помню себя съ трехъ лѣтъ. Воспитывался я у бабушки, которая, какъ всѣ бабушки вообще, любила меня безъ памяти и ба-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1811 г., ч. 55, № IV, стр. 284.

²⁾ «Записки и Труды Общ. Исторіи и Древн. Росс.», М., 1824 г., ч. II, стр. 60—67.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 1689.

⁴⁾ Записки С. П. Жихарева.

ловала на пропалую. Я былъ упрямъ и до крайности застѣнчивъ. Много стоило трудовъ втолкать меня въ гостиную, если кто нибудь былъ тамъ посторонній, а особливо дамы: я боялся ихъ какъ огня. Эти милыя качества и до сѣдины меня не оставили. Въ то время только вводилось прививаніе натуральной оспы. Въ уѣздахъ были плохіе медики, нашъ уѣздный эскулапъ не умѣлъ прививать оспы; меня повезли въ Москву. Медикъ, который долженъ былъ дѣлать эту операцію, по большимъ своимъ занятіямъ, не могъ пріѣхать въ квартиру; меня повезли къ нему. Довезти было не трудно, но вынуть изъ кареты труднѣе: я поднялъ ужасный крикъ; дѣлать было нечего, медикъ рѣшился привить мнѣ оспу въ каретѣ; и такимъ образомъ совершилась эта операція среди бѣла дня на улицѣ бѣлокаменной Москвы: происшествіе довольно необыкновенное. Можно бы изъ этого вывести заключеніе, что вся жизнь моя будетъ сцѣпленіемъ странныхъ приключеній, однако-жъ все обстоитъ благополучно. Привезя упрянца домой, вздумали одѣть меня туркомъ. Я носилъ чалму, желтые сапоги, деревянный ятаганъ. Не знаю, не это ли было причиною впослѣдствіи необыкновеннаго моего влеченія къ нѣжному полу. Я во всѣхъ влюблялся. Стоило мнѣ только увидѣть стройную талію, коротенькій башмачекъ, чтобы потерять сердце недѣли на двѣ до другой встрѣчи.

По шестому году посадили меня за букварь и часовникъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ смѣшно такое образованіе, но такое начало не совсѣмъ худо. Оно съ юныхъ ногтей знакомитъ съ роднымъ языкомъ и научаеъ страху Божію. Тогда еще не учили порусски на французскій манеръ, не было ни а, ни бе, а были просто азъ, буки, вѣди и проч. Признаюсь, я и теперь не могу равнодушно слышать, какъ русскія дѣти складываютъ бе, а—ба; мнѣ кажется понятнѣе: буки, азъ—ба. Славянская азбука есть вмѣстѣ и молитва, и законъ. Что значать для русскаго всѣ бе, а, ве: совершенно никакого понятія съ этимъ не сопрягается, кромѣ пустаго звона словъ, между тѣмъ, какъ читая славянскую азбуку, я научаюсь многому: азъ вѣдый глаголь, добро есть живете земля иже и; како люди мыслѣте; нашъ онъ покой; рцы слово твердо. Вотъ съ первымъ понятіемъ ребенка, съ первымъ началомъ, прежде еще складовъ, говоритъ ему Господь, что онъ вѣдаетъ помыслы людей, знаетъ, какъ живутъ они на землѣ, на коей суть; вмѣстѣ съ тѣмъ люди признають, что одинъ Богъ упокоиваетъ ихъ, и обязуются хранить данное слово. Гг. филологи, не хвалитесь мудростію вашею!.. Однакожъ я удалился отъ своего предмета; извините, старики болтливы.

Восьми лѣтъ повезли меня въ Петербургъ и чрезъ посредство благодѣтельнаго родственника В. ¹⁾ приняли меня въ Пажескій

¹⁾ Вѣроятно, Петръ Петровичъ Воейковъ, секундъ-маіоръ Преображенскаго полка, одинъ изъ немногихъ приверженцевъ Петра III. О немъ см. «Осьмнадцатый Вѣкъ», кн. III, стр. 353—354.

корпусъ. Это тогда было довольно важно, ибо весь комплектъ состоялъ только изъ 60 пажей, большею частью дѣтей знатныхъ особъ. Для принятія въ число ихъ сына секундъ-маіора, и очень небогатаго, надобна была сильная протекція. Она и была у меня. В., о которомъ я упомянулъ, былъ при императрицѣ Елисаветѣ капитаномъ гвардіи и пользовался особенною милостію наслѣдника. По кончинѣ Петра III, В. переведенъ былъ въ армію капитаномъ и скоро оставилъ службу съ чиномъ секундъ-маіора. Онъ жилъ всегда въ Москвѣ и, сколько по прежней извѣстности своей при дворѣ, столько и по характеру честному, твердому, прямому, настоящему русскому, пользовался общимъ уваженіемъ. Съ отцемъ тогдашняго временщика ¹⁾ онъ былъ въ дружеской связи, но былъ столь высокъ духомъ, что связь эту употреблялъ только на услуги ближнимъ; для себя не хотѣлъ ничего. Стороной предложено ему было, что онъ можетъ быть сравненъ съ сверстниками, которые давно уже были генералы; онъ отклонилъ это предложеніе. «Безъ заслугъ не хочу награды,—отвѣчалъ онъ,—и В. никогда Чупятовымъ не будетъ» ²⁾. Ну, милостивые государи, подумайте-ка, многіе ли изъ насъ могутъ дать такой отвѣтъ?

Наконецъ, я въ корпусѣ. Матушка плакала, оставила меня подъ присмотромъ дядки и поручила попеченію дальняго родственника***, честнаго, добраго, почтеннаго ветерана, бывшаго казначеемъ военнаго ордена. Онъ, К., Ж. и Д. благодѣтельствовали мнѣ, но болѣе всѣхъ баловалъ меня В. и Н. О. Д. Она, по излишней добротѣ своей, первые ласками своими и отличіями отъ другихъ дѣтей поселили во мнѣ какую-то самонадѣянность, которую я причисляю къ моимъ прочимъ достоинствамъ, то-есть упрямству, капризамъ и застѣнчивости. Послѣдняя втеченіе моей жизни надѣлала мнѣ много хлопотъ. И смѣшно, и жалко, какъ вспомнишь бывшее, и еще смѣшнѣе, что и теперь, на седьмомъ десяткѣ, я точно тотъ же застѣнчивый кадетъ, какимъ былъ восьми лѣтъ. Когда я занималъ въ послѣдствіи довольно важныя должности, многіе поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, какъ застѣнчивость. Я иногда не кланялся, не отвѣчалъ, точно по застѣнчивости.

¹⁾ П. А. Зубовъ.

²⁾ Чупятовъ, Василій Анисимовичъ (ум. 1792 г. О немъ: Л. Н. Майковъ Очерки изъ исторіи русской литературы, Спб., 1889, стр. 356—368), извѣстный мѣщанинъ въ 1790-хъ годахъ, называлъ себя женихомъ марокской принцессы, носилъ ея портретъ, ходилъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ звѣздахъ и лентахъ всѣхъ цвѣтовъ.

Всякъ думаетъ, что онъ Чупятовъ,
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

(Державинъ, 1-е ак. изд., т. I, 627).

Безъ всякаго самолюбія могу сказать, что у меня доставало столько ума, чтобы не быть гордымъ; да и чѣмъ гордиться?

Въ корпусѣ, который тогда совсѣмъ не такъ былъ устроенъ, какъ нынѣ учебныя заведенія, не было общихъ дортуаровъ, а пажы размѣщались по разнымъ; жило вмѣстѣ по три, по четыре и даже по одному, смотря по величинѣ. У всякаго былъ свой дядька; это еще болѣе умножало безпорядокъ. Въ той каморкѣ, въ третьемъ этажѣ, гдѣ жилъ я, помѣщались С., Ч., Л. и И. О. П. ¹⁾. Лишь только шеваље де-Вильнёвъ, бывший нашимъ гувернеромъ, помѣстилъ меня въ эту каморку, дядька, чтобы утѣшить меня на новосельѣ, купилъ мнѣ кедровыхъ орѣховъ. Я забылъ горе; но лишь только развернулъ бумагу, какой-то шалуни ударилъ по бумагѣ, орѣхи разсыпались по полу, шалуны начали ихъ хватать, топтать ногами; я заревѣлъ во все горло; злодѣи тотчасъ положили ревъ мой на музыку, назвали пьесу «Плачь Брусикова» и принялись разыгрывать въ двѣ скрипки. Наконецъ, легкія мои должны были уступить соединеннымъ силамъ скрипокъ.

Этотъ урокъ не послужилъ мнѣ въ пользу: я все остался такимъ же капризнымъ и плаксою. Много терпѣлъ я насмѣшекъ; это меня озлило; я далъ волю языку; на бѣду, некому было унять меня, и это послужило къ конечному моему несчастію. Злыми насмѣшками я всѣхъ отъ себя отталкивалъ и потому во всю жизнь не имѣлъ друга. «Обрѣтый друга обрѣте сокровище, — говоритъ Сирахъ, — и есть другъ общникъ трапезамъ и не пребудетъ въ день скорби твоея».

Съ самаго малолѣтства вселилась въ меня страсть къ авторству. Въ корпусѣ началъ я издавать рукописную газету, въ которой осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей. Благоразумный Клостерманъ, инспекторъ классовъ, запретилъ мнѣ эту шалость. «*S'il continue, —* сказалъ онъ, *— il deviendra un autre ***.*»

Порядокъ въ корпусѣ былъ тогда совсѣмъ иной. Я сказалъ уже, что дортуаровъ не было; постелей и платя казенныхъ также не было. Всякій одѣвался какъ хотѣлъ, формы никакой не было. Чай у всякаго былъ свой, только столъ для пажей былъ общій. Камеръ-пажи къ столу не ходили; имъ носили кушанье въ комнаты. На столъ отпускалось на каждаго пажа по рублю въ день; правда, что всегда было шесть блюдъ, но я думаю, что m-g Masiose находилъ тутъ порядочный счетецъ. Къ столу насъ призывали по колокольчику; мы не въ порядкѣ шли, а бѣжали, какъ шалуны; кто первый прибѣгалъ, тотъ садился, гдѣ хотѣлъ. Шумъ, крикъ и шалости всякаго рода, я думаю, и на улицѣ давали знать, что мы

¹⁾ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, впоследствии свѣтлѣйшій князь Варшавскій, гр. Эриванскій (р. 1782 г., † 1857 г.). Поступилъ въ корпусъ 20 февраля 1794 г., выпущенъ 5 октября 1800 г.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1893 г., т. LV.

обѣдали; но когда приходили къ столу гувернеры, тогда столъ продолжался смирно. Въ половинѣ восьмага часа утра звонокъ сзывалъ насъ въ классы. Ихъ было четыре: въ первомъ учили русской грамотѣ и начальнымъ правиламъ ариеметики; во второмъ—греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, грамматикѣ, древней и новой исторіи, географіи и ариеметикѣ и алгебрѣ; въ третьемъ продолжались тѣ же предметы и, сверхъ того, преподавали геометрію, минералогію, учили фехтованію; въ четвертомъ классѣ—высшія науки и фортификацію. Танцовальный и рисовальный классы были общіе. Верховой ѣздѣ обучали въ придворномъ манежѣ.

Миръ вамъ, почившіе наставники! Дѣло прошлое, но, *sauf l'honneur*, справедливость требуетъ сказать, что учили очень небрежно. Учили погречески и полатыни, но едва ли кто изъ насъ умѣлъ читать полатыни и едва ли кто зналъ греческую азбуку отъ альфы до омеги. Нѣмецкій и французскій языки также были въ небреженіи, и если кто изъ насъ зналъ что нибудь, то только тѣ, которые брали частныхъ учителей. Инспекторъ классовъ, почтенный Клостерманъ ¹⁾, былъ человекъ очень образованный даже ученый; но по старости лѣтъ мало занимался нашими успѣхами; а гувернеръ шевалье де-Вильнёвъ, лишившійся руки при штурмѣ Очакова, былъ храбрый офицеръ, исполненный чести во всей силѣ слова, но рѣдко принималъ на себя трудъ заглядывать въ классы. Мы славились шалостями; были даже такіе пажи, которые вовсе не ходили въ классы; другіе брали особыхъ учителей, не полагаясь много на познанія своихъ. М-г *Lelieure* мастеръ былъ чинить перья, и весь классъ проходилъ въ томъ, что онъ очинивалъ цѣлыя пучки. Учитель греческаго языка не подвинулъ меня дальше дельты. М-г *Pingo*, танцовальный учитель, толстый италіанецъ, училъ насъ, сидя въ креслахъ и, имѣя страсть къ хиромантіи, больше занимался нашими руками, нежели ногами. Онъ предсказывалъ намъ будущее, смѣшилъ насъ и самъ смѣялся, а прочіе дѣлали свои *salto mortale* по столамъ и скамьямъ. Это назывался танцовальный классъ. Предсказанія м-г *Pingo* бывали, однакожь, иногда удачны. Однажды, посмотрѣвъ на ладонь И. Θ. П., онъ сказалъ: «Ты будешь великій генераль!». Самый скучный классъ былъ минералогическій; но, по счастью, учитель нашъ получилъ страсть къ французскому языку. Насъ было двое въ третьемъ классѣ, которые лучше другихъ умѣли говорить пофранцузски: И. Θ. П. и я. Мы тотчасъ приняли мѣры: когда приходилъ учитель давать уроки минералогіи, одинъ изъ насъ приносилъ французскіе разговоры; тогда учитель садился на лавку, а ученики учились въ чехарду-ѣзду; такимъ образомъ благополучно проходили наши два минералогическіе часа. Учителя

¹⁾ Иванъ Германовичъ Клостерманъ (родился 1730 года, умеръ 1810 года).

рисованія пажы не любили. Это былъ старикъ въ рыжемъ парикѣ, очень строгій и взыскательный. Классъ его бывалъ по средамъ послѣ обѣда; тогда всѣ скамьи сдвигались къ окнамъ, чтобы свѣтлѣе было рисовать; а столикъ учителя съ разложенными рисунками оставался среди комнаты. Что же сдѣлали палуны: къ столу учителя привязали двѣ веревочки и протянули въ равные концы комнаты. Лишь только учитель усѣлся и разложилъ свои рисунки, вдругъ дернули за одну веревочку: столъ полетѣлъ въ сторону. Эта шалость кончилась тѣмъ, что бѣднаго старика вытолкали, а парикъ его и рисунки изорвали въ клочки. Составъ пажей былъ довольно страненъ. Тѣхъ, которые были познатнѣе, производили въ камеръ-пажи; и это былъ важный шагъ, ибо изъ камеръ-пажей выпускали въ гвардію поручиками, что тогда равнялось маіорскому чину. Производство въ камеръ-пажи имѣло характеръ рыцарскій. Паждъ преклонялъ колѣна, государыня дотрогивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Пажи, которые пробыли въ корпусѣ болѣе 9 лѣтъ, выпускались въ армію капитанами, наравнѣ съ сержантами гвардіи; а тѣ, которые служили менѣе десяти и болѣе шести лѣтъ, выпускались въ армію поручиками. Паждамъ производилось жалованья 37 рублей 50 копеекъ въ треть, да на мундиръ ежегодно по сту рублей. У кого былъ хорошій дядька, то деньги прибиралъ къ себѣ; а палуны тратили ихъ на пряники, сбитень и прочія лакомства. Я помню забавный анекдотъ. Одинъ паждъ, получивъ третное жалованье, все тотчасъ проматывалъ на яблоки, сбитень, пряники и проч. Дядька журилъ его, но, не видя толку, рѣшился пожаловаться его дядѣ. Строгій дядюшка не умѣлъ лучше распорядиться, какъ велѣлъ шалуна по истеченіи трети представлять ему отчетъ, куда дѣвалъ онъ 37 рублей 50 копеекъ. Приходитъ треть, наступаетъ время отчета. Ну, что написать въ графахъ расходной книжки? Онъ выдумалъ расходъ законный. Дядьку звали Токой. Шалунъ пишетъ въ расходъ: 1-го числа Тока на баню 10 копеекъ, 2-го числа Тока на баню 10 копеекъ, и такимъ образомъ Тока всѣ четыре мѣсяца ежедневно ходилъ въ баню. Кажется, что и шалунъ-контролеръ имѣлъ свою баню. Обыкновенный мундиръ у пажей былъ свѣтло-зеленаго сукна, подбитый краснымъ стамедомъ. Отъ воротника до подола, по обѣимъ сторонамъ, и сзади, на фалдахъ, были золотыя петлицы съ дутыми желтыми пуговицами; камзолъ красный съ золотыми петлицами; нижнее платье красное съ золотыми шифами, башмаки съ красными каблуками, шляпа треугольная, голова въ пудрѣ, съ буклями, и кошелекъ. У камеръ-пажей былъ такой же мундиръ, но камзолъ шитый золотомъ, по манеру маіорскаго галуна, и шпага. Парадный мундиръ былъ богатый: свѣтло-зеленаго бархата, шитый по всѣмъ швамъ золотомъ, камзолъ красный бархатный, шитый золотомъ, нижнее платье зеленое бархат-

ное, шляпа шитая золотомъ. Мундиръ богатый, и въ тогдашнее время, когда рубль серебра былъ въ рубль мѣди, мундиръ стоилъ до 700 рублей. Мундиръ этотъ былъ казенный и хранился въ придворной кладовой. Въ торжественные дни выдавали его пажамъ, а потомъ опять относили въ кладовую. Такъ какъ мундиры эти шиты были уже давно, то весьма не многіе приходились въ пору, и очень часто на маленькаго пажа надѣвали мундиръ, шитый на большой ростъ; мундиръ едва не волочился по полу, рукава надобно было засучить, застегнуть мундира не было возможности: онъ сидѣлъ кулемъ. Не смотря на богатство наряда, мы были въ немъ не очень ловки. Сами мы это чувствовали, и какъ счастливы изъ насъ былъ тотъ, кому хотя нѣсколько мундиръ приходился въ пору! Совсѣмъ тѣмъ богатый нарядъ не мало внушалъ уваженія. Я помню, однажды, въ какой-то праздникъ мы, дежурные, нарядились въ свои золотые кафтаны и предъ отправленіемъ во дворецъ явились къ гувернеру. У него тогда былъ какой-то маркизъ *chevalier de S. Louis*. Де-Вильнёвъ хотѣлъ везти его во дворецъ къ выходу; но, сдѣлавшись нездоровъ, поручилъ намъ довести маркиза. Увидя придворную карету, въ которой насъ возили, *m-g le marquis* началъ отвѣшивать намъ пренизкіе поклоны. Мы на этотъ разъ сохранили важность и даже не улыбнулись. Насилу усадили маркиза на переднюю лавочку; но когда подъѣхали къ крыльцу, маркизъ, какъ учтивый кавалеръ, хотѣлъ выдти изъ кареты первый; но какъ обернуться спиною къ такимъ золотымъ господамъ? Маркизъ началъ вылѣзать изъ кареты задомъ. Тутъ мы ужъ не выдержали, захохотали во все горло и бросились опрометью на верхъ, оставя *m-g le marquis* у подъѣзда. Не знаю, попалъ ли онъ во дворецъ.

II.

Дежурства при дворѣ.—Екатерина II въ домашней обстановкѣ.—Ея рассказы.—Выходки Суворова.—Большіе и малые выходы Екатерины II.—Жизнь императрицы въ Царскомъ Селѣ.—Игра въ знамена.—Шутки пажей при дворѣ.

Въ обыкновенные дни наряжались на дежурство восемь пажей: четъре на половину государыни и четыре на половину наслѣдника; но, такъ какъ наслѣдникъ жилъ въ Гатчинѣ и только по праздникамъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то всѣ восемь пажей были на половинѣ императрицы. Должность наша состояла въ слѣдующемъ: у дверей кавалерской комнаты стояло по два пажа, два у входа въ тронную и два у входа въ бриллиантовую комнату. Когда великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и великія княжны Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны приходили поутру къ императрицѣ, что бывало ежедневно, мы открывали двери. У обѣденнаго стола государынѣ служили два камеръ-

пажа, а пажи служили за тѣми особами, которыя находились за столомъ императрицы. Обѣдъ былъ въ два часа въ брилліантовой комнатѣ. Не знаю, какъ прежде, но съ 1793 года за столомъ государыни были ежедневно князь Зубовъ, А. С. Протасовъ ¹⁾, П. Б. Пассекъ ²⁾ и гофмаршалъ князь Ѡ. С. Барятинскій ³⁾. Часто приглашались графиня Скавронская ⁴⁾, графъ Зубовъ, графъ и графиня Браницкіе ⁵⁾, графъ Ангальтъ ⁶⁾, княгиня Дашкова, графъ Эстергази ⁷⁾, М. Л. Кутузовъ, князь Юсуповъ ⁸⁾, С. Л. Львовъ ⁹⁾, графъ Строгановъ ¹⁰⁾, Куселевъ ¹¹⁾, и другіе. Графъ Браницкій носилъ тогда еще польское платье. Въ дни совѣта приглашались къ столу: графъ Остерманъ ¹²⁾, графъ Безбородко ¹³⁾, Стрекаловъ ¹⁴⁾, графъ Самойловъ ¹⁵⁾, графъ Завадовскій ¹⁶⁾. Столъ былъ круглый; тогда кушанья всѣ становились на столъ, блюда всѣ были покрыты

¹⁾ Графиня Анна Степановна Протасова (р. 1745 г. † 1826 г.), камеръ-фрейлина императрицы.

²⁾ Петръ Богдановичъ Пассекъ (р. 1736 г. † 1804 г.), генераль-аншефъ дѣйствит. камергеръ.

³⁾ Кн. Ѡддоръ Сергѣевичъ Барятинскій, оберъ-гофмаршалъ (р. 1742 г. † 1814 г.).

⁴⁾ Графиня Екатерина Васильевна Скавронская (р. 1761 г. † 1829 г.), ур. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина, жена гр. Павла Мартыновича Скавронскаго († 1794 г.); во второмъ бракѣ была за гр. Ю. П. Литтой.

⁵⁾ Гр. Ксаверій Петровичъ, бывшій коронный гетманъ († 1819 г.), и жена его Александра Васильевна (р. 1754 г. † 1838 г.), ур. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина.

⁶⁾ Гр. Ѡддоръ Евстаѣевичъ Ангальтъ (р. 1732 г. † 1794 г.), генераль-адъютантъ императрицы, директоръ 1-го сухопутнаго шляхетскаго корпуса.

⁷⁾ Эстергази, гр. Валентинъ (р. 1740 г. † 1805 г.). Былъ посланъ въ Россію (1791 г.) братьями гр. д'Артуа для обсужденія мѣръ къ восстановленію французской монархіи. Остался въ Россіи, получивъ помѣстья на Волынѣ.

⁸⁾ Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ (р. 1750 г. † 1831 г.), дѣйств. камергеръ, былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Потемкиной, ур. Энгельгардтъ.

⁹⁾ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ (р. 1740 г. † 1812 г.), адъютантъ кн. Потемкина, извѣстный острякъ.

¹⁰⁾ Гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (р. 1733 г. † 1811 г.), оберъ-камергеръ, президентъ академіи художествъ.

¹¹⁾ Григорій Григорьевичъ Куселевъ (р. 1754 г. † 1833 г.), состоялъ при наследникѣ престола, впоследствии графъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, любимецъ Павла I.

¹²⁾ Гр. Иванъ Андреевичъ Остерманъ (род. 1725 г. † 1811 г.), вице-канцлеръ.

¹³⁾ Князь Александръ Андреевичъ Безбородко (род. 1747 г. † 1799 г.), канцлеръ.

¹⁴⁾ Степанъ Ѡддоровичъ Стрекаловъ (род. 1728 г. † 1805 г.), сенаторъ, статсъ-секретарь императрицы.

¹⁵⁾ Гр. Александръ Николаевичъ Самойловъ (род. 1744 г. † 1814 г.), генераль-прокуроръ, по матери родной племянникъ кн. Потемкина.

¹⁶⁾ Петръ Васильевичъ Завадовскій (род. 1739 г. † 1812 г.), статсъ-секретарь императрицы, впоследствии графъ и министръ народнаго просвѣщенія.

крышками. Приглашенные всѣ собирались въ брилліантовую комнату и ожидали выхода государыни. Предъ выходомъ камердинеръ З. К. Зотовъ, отворивъ дверь, кричалъ: «крышки!» Сейчасъ крышки съ блюдъ снимались, и входила государыня; за нею иногда калмычекъ и одна или двѣ англійскія собачки. По правую руку государыни всегда сидѣла А. С. Протасова, возлѣ нея князь Зубовъ; князь Барятинскій противъ государыни, Пассекъ возлѣ него. На столъ ставились четыре золотыя чаши, а иногда предъ государынею ставили горшокъ русскихъ щей, обернутый салфеткою и покрытый золотой крышкой, и она сама разливала. Государыня кушала на золотомъ приборѣ, прочіе на серебрянѣ.

Государыня кушала очень тихо, обмакивала кусочки хлѣба въ соусъ и кормила собачекъ. Разговоръ за столомъ былъ непринужденный, веселый, по большей части порусски. Говорили, шутили, смѣялись безъ всякаго принужденія. Я помню, однажды зашла рѣчь о русскихъ пѣсняхъ. *** сказалъ о какой-то совѣмъ мало извѣстной. Его заставили спѣть нѣсколько куплетовъ, и старикъ хриплымъ голосомъ затянулъ. Мы повыскакали за ширмы; нельзя было утерпѣть, чтобы не хохотать, а смѣяться было нельзя, даже по той маленькой причинѣ, что мы и розги были въ его командѣ. За столомъ не было никакихъ разговоровъ политическихъ или даже о дѣлахъ. Однажды зашла рѣчь о Калиостро. Государыня изволила рассказывать, что этотъ фокусникъ взялъ у одного изъ придворныхъ перстень и бросилъ его за окно.—«Помилуй, что ты дѣлаешь?»—«Не беспокойтесь,—отвѣчалъ Калиостро, указывая на ѣздоваго, который на хромой лошади ковылялъ по площади,—прикажите остановить этого ѣздоваго, перстень у него на рукѣ». Остановили ѣздоваго, и точно перстень былъ у него на пальцѣ. Иногда государыня рассказывала о своемъ вояжѣ. Въ Бѣлоруссіи,—говорила она,—назначенъ былъ обѣдъ въ домѣ одного помѣщика. Съ большой дороги къ дому вела длинная аллея. Вся эта аллея была усыпана свѣжими розами. Кто-то изъ свиты государыни хотѣлъ обратить на это ея вниманіе. «Ну, чтожъ,—отвѣчала императрица съ ея небесною улыбкой:—эта почестъ скорѣе для моихъ лошадей». Изъ обыкновенныхъ обѣдовъ я помню одинъ весьма замѣчательный.

По взятіи Варшавы, славный Суворовъ прибылъ ко двору. Ему отведенъ былъ Таврическій дворецъ. Здѣсь, по обычаю своему, завѣсивъ всѣ зеркала и лежа на соломѣ, принималъ онъ корпусъ гвардейскихъ офицеровъ.

Онъ приглашенъ былъ къ столу императрицы. Въ тотъ же день приглашена была дочь его, графиня Зубова, съ мужемъ. Всѣ собрались въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ накрытъ былъ столъ и ожидали государыню. Суворовъ вбѣжалъ въ комнату, подскочилъ,

такъ сказать, къ дочери ¹⁾), перекрестилъ ее, потомъ перекрестилъ ей животъ (она была въ тягости).

Тотчасъ вошла государыня и посадила героя возлѣ себя по лѣвую руку. Суворовъ былъ въ парадномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, шитомъ по всѣмъ швамъ золотомъ, на немъ были бриллиантовые знаки св. Андрея, бриллиантовый эполетъ и большой бриллиантовый бантъ на шляпѣ. Весь столъ рассказывалъ онъ о штурмѣ. Лестно отзывался онъ о своемъ дежурномъ генералѣ Исленьевѣ ²⁾), который также былъ приглашенъ къ столу. Исленьевъ былъ прекрасный мужчина въ бѣломъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и Владиміромъ чрезъ плечо: другой ленты у него не было. Настоящій Эфестіонъ новаго Александра!

Я упомянулъ уже, что государыня кушала тихо. Чтобы не задерживать стола, кушанья подавались своимъ чередомъ, и государыня метръ д'отели подавали на двухъ, а иногда на четырехъ тарелкахъ тѣ блюда, которыя уже были обнесены. Она выбирала какое нибудь одно.

Суворовъ, рассказывая о штурмѣ, также отсталъ отъ прочихъ тремя или четырьмя блюдами. Государыня взглянула на Барятинскаго, и тотчасъ два метръ д'отеля поднесли Суворову съ каждой стороны по двѣ тарелки. Онъ, будто не зная, что съ ними дѣлать, сложилъ все на свою тарелку, перемѣшалъ и началъ кушать.

Никто даже не улыбнулся. По окончаніи стола государыня изволила отойти во внутренніе апартаменты. Суворовъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, началъ ципать калмыченка, прыгать около него, тормошить. Тотъ бросился бѣжать, Суворовъ за нимъ, изъ комнаты въ комнату, наконецъ въ бѣлую залу. Не догнавъ калмыченка, швырнулъ въ него своею шляпою съ бриллиантовымъ бантомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Какое чудное смѣшеніе высокаго ума, честолюбія и гордости!

Въ воскресные дни бывали малые выходы въ церковь. Государыня безъ всякой церемоніи изволила шествовать чрезъ столовую комнату и въ церкви стояла иногда въ фонарикѣ, а иногда въ столовой у открытыхъ дверей въ фонарикѣ церковный, облокотясь на спинку стула. Въ большіе праздники бывали большіе выходы. Государыня изволила идти въ предшествіи придворнаго штата чрезъ тронную въ церковь. Въ такихъ случаяхъ она имѣла на себѣ ордена св. Андрея, Георгія и Владиміра, а иногда и малую бриллиантовую корону. По сторонамъ ея шли дежурный гене-

¹⁾ Наталья Александровна (род. 1775 г. † 1844 г.), была замужемъ за гр. Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ (род. 1763 г. † 1805 г.).

²⁾ Петръ Александровичъ Исленьевъ († 1811 г.), генераль-поручикъ.

раль-адъютантъ ¹⁾ и вахмистръ кавалергардовъ ²⁾, за нею вся царская фамилія. По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, государыня останавливалась въ кавалерской комнатѣ—здѣсь подходили къ рукѣ; въ два часа былъ выходъ въ столовую комнату, гдѣ къ столу приглашалось человѣкъ до 40 и болѣе. Въ высокаторжественные дни и кавалерскіе праздники столы бывали въ Георгіевской залѣ, тогда государыня кушала на тронѣ, въ малой коронѣ, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имѣла на себѣ платье гвардейскаго полка, то-есть дамское платье свѣтлозеленаго сукна, обложенное золотымъ галуномъ. Въ кавалерскіе дни св. Андрея кавалеры имѣли красные чулки, башмаки съ бантами, мантию зеленаго бархата съ глазетовымъ воротникомъ, поверхъ его Андреевская цѣпь и круглая шляпа съ загнутымъ полемъ напереди и съ страусовыми перьями. Шляпъ не снимали даже за столомъ; только во время провозглашенія здоровья кавалеры, вставая, снимали шляпы. Александровскіе кавалеры имѣли мантии малиновыя. Въ Георгіевской залѣ, когда государыня кушала на тронѣ, столъ накрывался покоемъ, а въ срединѣ, противъ трона, особый столъ для духовенства. Хоры музыки и знаменитая тогда Маджіорлетта оглашали залу пиршествъ. Богатство одежда придало особенное великолѣпіе двору. Камергеры и камеръ-юнкеры и всѣ придворные чины были во французскихъ кафтаныхъ, облитыхъ золотомъ. Одежда кавалергардовъ особенно была блистательна. Ихъ было шестьдесятъ человѣкъ; всѣ рослые люди.

Всѣ они имѣли капитанскіе и поручичьи чины, капраль ихъ—чинъ подполковника, вахмистръ—бригадира, князь Зубовъ былъ поручикомъ, а государыня капитаномъ. Въ будни кавалергарды имѣли на груди и спинѣ серебряные сюперверсты, палаши, ружья и лядунки серебряныя, шляпы съ галуномъ и чернымъ плюмажемъ. Парадная форма была: сюперверсты, палаши, ружья, все кованаго серебра; на рукахъ, на ногахъ, на сапогахъ серебряныя накладки, шлемы серебряныя съ черными перьями. Это были совершенно серебряныя латы, и надобно было выбирать молодцевъ, которые бы могли снести такую тяжесть. Разъ въ недѣлю бывали театры въ Эрмитажѣ и вечера въ бриллиантовой комнатѣ. Играли въ карты. У государыни были особенныя карты, она играла въ бостонъ. Князь Зубовъ и старикъ Ч. ³⁾ составляли всегдашнюю ея партію,

¹⁾ Въ послѣднее время ихъ было два: князь Зубовъ и Пассекъ. Они дежурили поведѣльно. Дежурный имѣлъ трость чернаго дерева съ золотыми кистями и съ костянымъ набалдашникомъ, на которомъ изображенъ былъ двуглавый орелъ. Флигель-адъютантовъ было двое: графъ Буксгевденъ (Фед. Фед., р. 1750 г., ум. 1811 г.) и С. Л. Львовъ.

²⁾ Вахмистръ кавалергардовъ имѣлъ чинъ бригадира, капраль—чинъ подполковника. Вахмистромъ былъ Зайцевъ, капраломъ Храповъ.

³⁾ Евграфъ Александровичъ Чертковъ († 1799 г.), дѣйств. камергеръ, одинъ изъ сторонниковъ Екатерины II при вступленіи ея на престолъ.

четвертый переменялся. Старикъ Ч. за бостономъ горячился и даже до того забывался, что иногда кричалъ: это забавляло государыню. На святкахъ въ тронной бывали куртаги. Пѣли святочные пѣсни, хоронили золото, играли въ фанты, въ веревочку. Государыня мастерица была ловить въ веревочку. Когда бывало среди круга подойдетъ къ комунибудь и станетъ разговаривать, тотъ возьметъ свои мѣры, сниметъ руки съ веревочки, и вдругъ она ударить, человекъ черезъ три, того, который и не воображалъ быть пойманъ. Куртаги оканчивались всегда танцами. Въ Царскомъ Селѣ государыня жила, какъ помѣщица. Вся стража состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рядовыхъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ командою гвардіи офицера, такъ что въ дворцовомъ караулѣ стоялъ унтеръ-офицеръ. О сержантахъ гвардіи, этой особенной кастѣ людей, которыхъ давно уже нѣтъ, можно бы было многое сказать; но они такъ вѣрно въ своихъ семи жилетахъ изображены въ «Лебедянской ярмонкѣ»¹⁾, что объ этомъ и говорить не хочется. Въ хорошіе вечера государыня гуляла со всѣмъ дворомъ въ саду и, возвратясь съ прогулки, садилась на скамейкѣ противъ монумента Румянцева. Здѣсь начиналась игра à la guette, или, какъ называли, въ знамена. Кавалеры и фрейлины раздѣлялись на двѣ партіи: одна становилась у дворца, другая къ сторонѣ концертной залы. У каждой было свое знамя; кто отбивалъ знамя, тотъ одерживалъ побѣду. Арбитромъ былъ князь Барятинской; онъ садился на ступеньки монумента. Attention, messieurs!— кричалъ онъ, и игра начиналась, бѣгали, ловили другъ друга, употребляли всѣ хитрости, чтобы отбить знамя. Въ этой игрѣ князь Зубовъ и камергеръ М. П.²⁾ отличались. Быстрѣ ихъ никто не бѣгалъ. Осенью императрица жила въ Таврическомъ дворцѣ. Туда всѣ пріѣзжали во фракахъ, часто танцовали и даже въ саду. Бывали и русскія пляски; великія княжны Александра и Елена Павловны участвовали въ сихъ пляскахъ, кавалеромъ ихъ былъ графъ Ч., который плохо говоритъ порусски, но плясалъ порусски въ совершенствѣ. Пажи въ то время славились шалостями. Это велось въ корпусѣ еще отъ временъ Елисаветинскихъ. Всегда въ корпусѣ былъ одинъ какъ бы атаманъ шалуновъ; имена этихъ атамановъ съ почтеніемъ переходили изъ рода въ родъ шалуновъ. Въ мое время атаманомъ былъ Н.,—шалунъ, какого, я думаю, не бывало. Шалости пажей временъ прошедшихъ сохранились въ устномъ преданіи. Такимъ образомъ рассказывали, что при Елисаветѣ какой-то старичекъ генералъ пріѣхалъ во дворецъ и ждалъ выхода императрицы. Шалуны тотчасъ замѣтили провинціала, об-

¹⁾ «Обращенный мизантропъ, или Лебедянская ярмонка», комедія въ 5 д. Ал. Дан. Копіева, Спб., 1794 г.

²⁾ Ник. Мих. Мусинъ-Пушкинъ († 13 мая 1812 г.).

ступили его, прицѣпили крючекъ къ его парикъ, конецъ шнурка привязали къ стулу и старались удержать его на одномъ мѣстѣ. Входитъ государыня, старикъ поклонился, парикъ слетѣлъ съ головы. При Екатеринѣ эти шалости пажей продолжались. Любимая забава наша была таскать патроны у караульныхъ кавалергардовъ и сержантовъ. Лишь только задремлетъ кто изъ нихъ (что иногда случалось), тотчасъ патронъ вытащентъ изъ сумы и летѣлъ въ каминъ. Эти хлопущки насъ забавляли, хотя за это и больно наказывали. Послѣ этой шалости лучшая была катанье по бѣлой залѣ. Къ шляпѣ, не смотря на то, что она была шита золотомъ (о простыхъ уже и говорить нечего), привязывали три платка; на шляпу садился шалунъ, а другіе, взявшись за концы платковъ, катали тройкой по всей залѣ, зато и шляпы были всѣ въ клочкахъ: одинъ такой променадъ по залѣ и новую шляпу дѣлалъ въ дырахъ. Маленькихъ придворныхъ пѣвчихъ мы очень боялись—это были наши придворные враги. Длинными своими рукавами они ловко щелкали насъ по шелковымъ чулкамъ. Наконецъ, одна шалость была не простительная и надѣлала много шуму въ городѣ. Приѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа. При дворѣ былъ балъ. Не знаю, какой злой духъ вложилъ въ голову шалунамъ писать на спинахъ кресты на зеленыхъ пѣхотныхъ, синихъ каварелійскихъ и красныхъ артиллерійскихъ мундирахъ мѣломъ, а на бѣлыхъ морскихъ мундирахъ углемъ. Шалуны перекрестили почти всѣхъ, но этого имъ было мало: надобно было поставить крестъ архіепископу, бывшему въ свитѣ принца. Онъ сидѣлъ у карточного стола государыни. Самый отчаянный изъ шалуновъ Н. подошелъ къ столу и во всю длину мантии архіепископа поставилъ крестъ. Шалость, или, правильнѣе сказать, преступленіе было слишкомъ велико; однакожъ дѣло кончилось исправительнымъ наказаніемъ.

III.

Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича.—Фейерверкъ на Невѣ.— Народныя празднества на дворцовой площади.—Персидскій принцъ.—Забавное воровство во дворцѣ.—Приѣздъ шведскаго короля.—Предзнаменованія.—Метеоръ.—Безпричинный дымъ.—Болѣзнь и смерть Екатерины II.

Я началъ дежурить съ 1793 года. Помню бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича ¹⁾, великолѣпный фейерверкъ, бывшій на Невѣ, и быковъ на дворцовой площади. Это были послѣдніе быки. Противъ фонарика на половинѣ императрицы строился высокой помостъ со ступенями. Всѣ ступени были уложены жа-

¹⁾ Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ принцессою Кобургскою, Анной Ѳедоровной, происходило 12-го февраля 1796 г.

ренными гусями, утками, курами, окороками и проч., наверху помоста стоялъ быкъ съ позолоченными рогами; голова быка была утверждена на желѣзномъ болтѣ, такъ что стоило труда ее отнять. Все это сверху до низу закрывалось зеленою тафтяною занавѣсою. Другой такой же быкъ, съ посеребренными рогами, ставился противъ подъѣзда наслѣдника. Кругомъ были фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ. Все это окружено было цѣпью часовыхъ, полицейскихъ и веревками, такъ что площадь была пуста, а народъ въ ожиданіи сигнала толпился за веревками и въ прилегающихъ къ площади улицахъ. Государыня являлась въ фонарикѣ: это было знакомъ къ началу. Народъ съ крикомъ бросался на добычу, тафта въ нѣсколько секундъ иворвана была въ клочки, молодцы, по большей части, мясники, собирались артелями и бросались на быковъ, одни взлѣзали на быка и начинали работать около головы, за которую выдавалось съ золотыми рогами сто рублей, съ серебряными пятьдесятъ; между тѣмъ остальная шайка отбивала народъ, бросая въ него окороками, гусями, индѣйками. Наконецъ, если шайка была сильна и успѣла отбить другихъ, она въ торжествѣ несла голову на дворцовый подъездъ; случалось, что во время этого триумфальнаго шествія другая шайка нападала — тутъ начинался настоящій кулачный бой, иногда отбивали голову, и награду получалъ не тотъ, кто отдѣлилъ ее отъ туловища. Зрѣлище, конечно, дикое; но изъ дворца смотрѣть было забавно.

Другая картина была еще забавнѣе. Пьяницы, не помышляя о быкахъ и наградахъ, прямо бросались къ виннымъ фонтанамъ, иной прямо попадалъ въ бассейнъ и оттуда, черпая шапкою, обливалъ народъ. Одинъ взлѣзъ и сѣлъ на трубку фонтана, разумѣется, онъ пересталъ дѣйствовать, огорченные пьяницы начали швырять въ него шапками, палками, чѣмъ попало, наконецъ, сбили врага — онъ рухнулъ въ бассейнъ, и фонтанъ опять заигралъ. Не помню, въ 1793 или въ 1794 году явился при дворѣ персидскій принцъ. У его свѣтлости была прекрасная черная борода и ногти выкрашены красною краскою. Былъ и посоль персидскій; этотъ ѣздилъ на сѣромъ жеребцѣ, у котораго нижняя часть хвоста выкрашена была красною краскою, какъ будто въ крови. Приличное украшеніе варвара! Вслѣдъ за этими господами явился и слонъ. Когда государыня подошла къ окну, онъ сталъ на колѣна и положилъ хоботъ на голову. Послѣ этого подали ему цѣлый лотокъ саякъ и большой кулекъ яблокъ; онъ все это благополучно скушалъ. Около этого времени случилось въ Зимнемъ дворцѣ забавное воровство. Въ тронной было пять серебряныхъ люстръ. Однажды является къ гоффурьеру подмастерье придворнаго серебряныхъ дѣлъ мастера и говоритъ ему, что заказано сдѣлать шестую люстру такого же фасона, и мастеръ прислалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ

для образца одинъ подсвѣчникъ. Гоффуриеръ, который лично зналъ этого подмастерья, нимало не усомнился, велѣлъ гайдукамъ подать лѣстницу, и подмастерье полѣзъ отвинчивать подсвѣчникъ. Гоффуриеръ еще берегъ его: «смотри, не упади, голубчикъ»,—говорилъ онъ. — «Не беспокойтесь, Алексѣй Петровичъ, — отвѣчалъ плуть,—дѣло знакомое!» Отвинтилъ подсвѣчникъ и былъ таковъ. Люстра эта такъ и оставалась безъ одного подсвѣчника... Дѣло въ томъ, что этотъ подмастерье отошелъ отъ мастера, а гоффуриеръ этого не зналъ. Въ 1796 году прибылъ въ Петербургъ молодой шведскій король съ дядею своимъ герцогомъ Зюдерманландскимъ¹⁾. Герцогъ былъ маленькій сѣдой старичекъ, въ черномъ платьѣ и съ черною короткою мантиею на плечахъ, на шпагѣ нитяной темлякъ. Король высокій, стройный мужчина, довольно пріятной наружности. Въ прогулкахъ по набережной, гдѣ онъ жилъ, въ домѣ шведскаго посланника, носилъ онъ длинный синій скюртукъ съ высокими и узкими лифомъ, что казалось очень страннымъ, потому что тогда въ Петербургѣ носили лифа очень широкіе и очень низкіе. По случаю пріѣзда короля вельможи давали пиры, одинъ богаче другаго. Въ день бала, даннаго генераль-прокуроромъ графомъ Самойловымъ въ домѣ его, гдѣ нынѣ губернскія присутственныя мѣста, въ ту минуту, какъ государыня выходила изъ кареты, явился извѣстный метеоръ, освѣтившій и перепугавшій весь городъ и имѣвшій даже вліяніе на умъ великой Екатерины. Она почла это дурнымъ предзнаменованіемъ. Лѣтомъ 1796 года въ золотой залѣ Царскосельскаго дворца праздновали рожденіе великаго князя Николая Павловича²⁾, нынѣ благополучно царствующаго государя. Я былъ тогда дежурнымъ и съ чувствомъ пріятной гордости вспоминаю этотъ радостный день, радостный для Россіи, радостный для всего человѣчества.

Кромѣ метеора, были и другія предзнаменованія. Какъ бы кто ни думалъ, но жизнь великихъ и сильныхъ земли имѣетъ связь съ силами небесными. Простой человѣкъ родится и обращается въ персть, отъ которой взятъ; рожденіе и кончина великихъ, потрясающихъ вселенную, предвозвѣщается намъ свыше, какъ доказательство, что они исполнители воли Господней, что они суть отблескъ божества. Того лѣта въ Царскомъ Селѣ ночью сдѣлался безъ всякой причины такой сильный дымъ, что испугались, не горитъ ли гдѣ. Разбудили князя Зубова, онъ вышелъ; дымъ былъ сильный и болѣе подъ окнами почивальни государыни. Осмотрѣли весь дворецъ, нигдѣ не было огня; полагали, что горитъ лѣсъ въ окрестности, посылали во всѣ стороны, нигдѣ ничего не нашли.

¹⁾ Король шведскій Густавъ IV Адольфъ и дядя его, Карлъ Зюдерманландскій, прибыли въ Петербургъ 14-го августа 1796 г.

²⁾ Императоръ Николай родился 25-го іюня 1796 г.

Въ началѣ ноября 1796 года государыня чувствовала себя не совсѣмъ здоровою. 4-го ноября за столомъ она говорила, что Рожерсонъ (лейбъ-медикъ) совѣтуетъ ей пустить кровь; «но я,—прибавила государыня,—хочу это сдѣлать послѣ праздниковъ». Я былъ дежурнымъ за столомъ и самъ это слышалъ. 6-го ноября, поутру, мы, дежурные, пріѣхали во дворець. Гофурьеръ Шмаковъ сказалъ намъ: «ступайте, дѣти, домой, стола не будетъ». Мы не заставили себя повторить это два раза и поѣхали въ корпусъ. Въ тотъ день выпалъ первый снѣгъ. Послѣ обѣда пошелъ я съ товарищемъ гулять. Лишь только вышли мы на Дворцовую площадь, какъ увидѣли у фонарика нѣсколько каретъ. Мы были оба дежурные, кареты у подвѣзда убѣждали насъ, что при дворѣ столъ, а насъ нѣтъ. Мы подумали, что Шмаковъ обманулъ насъ (онъ любитъ иногда балагурить), побѣжали въ корпусъ, одѣлись и явились во дворець. Было часа три за полдень. Первое, что мнѣ представилось, при входѣ въ тронную, былъ скороходъ, который, облокотясь на экранъ у камина, горько плакалъ. Я думалъ, что онъ что нибудь напроказилъ, и что Шмаковъ велѣлъ посадить его въ свѣчную,—обыкновенное наказаніе нижнихъ придворныхъ служителей. Я спросилъ скорохода, но не могъ добиться отъ него отвѣта. Тутъ у окна увидѣлъ я гайдука въ слезахъ. Вотъ и этотъ плачетъ! Что это такое? Вхожу я въ кавалерскую комнату и нахожу тутъ князя Барятинскаго, Н. П. Архарова ¹⁾ и еще нѣкоторыхъ, даже члена придворной конторы Н., который никогда не приглашался къ обыкновенному столу императрицы. У всѣхъ блѣдныя лица, всѣ шепчутся и безпрестанно входятъ въ брилліантовую комнату.

Любопытство мое возрастало; наконецъ, я узналъ печальную истину: съ государыней сдѣлался ударъ. Часъ отъ часу кавалерская комната наполнялась, къ вечеру съѣхалось много, сѣни были наполнены любопытными, ибо печальная вѣсть рознеслась уже по городу. Въ эту минуту можно было видѣть, сколько императрица была любима.

IV.

Вступленіе на престолъ Павла I.—Перенесеніе гроба Петра III въ Зимній дворець.—Погребеніе Екатерины II.—Пережѣны при дворѣ.—Служба въ Смоленскѣ.—Ложная тревога.—Отставка.

Къ наслѣднику посланъ былъ оберъ-шталмейстеръ графъ Н. А. Зубовъ ²⁾. Наслѣдника ожидали изъ Гатчины всякую минуту. Часовъ въ восемь вечера наслѣдникъ прибылъ. Любимецъ покойной импе-

¹⁾ Николай Петровичъ Архаровъ (р. 1742 г. † 1815 г.), сперва московскій губернаторъ, а затѣмъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ при Екатеринѣ II, извѣстный своей полицейской дѣятельностью.

²⁾ Графъ Ник. Александровичъ Зубовъ (род. 1763 г., ум. 1805 г.), братъ временщика.

ратрицы графъ П. А. Зубовъ, въ мундирѣ, растрепанный, безъ пудры, съ отчаяніемъ на лицѣ, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ и въ тронной упалъ къ ногамъ наслѣдника и великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Государь поднялъ его и пошелъ во внутренніе апартаменты императрицы. Въ ту же ночь объявлено было о восшествіи на престолъ Павла Петровича, и началась присяга. На другой день мы допущены были къ тѣлу государыни въ ея опочивальнѣ. Черезъ нѣсколько дней поставили гробъ на тронъ, а потомъ перенесли на катафалкѣ въ бѣлую залу. Итакъ, не стало Екатерины!

«Не стало Великой,
 «Чья слава, яко громъ,
 «Катяся въ обширности эмира,
 «Всю землю обтекла кругомъ
 «И удивила царства міра!».

Тотчасъ по восшествіи императора Павла Петровича на престолъ открыта была могила Петра III въ церкви Александровской лавры, и гробъ въ другомъ новомъ гробѣ, съ золотою короною на крышѣ, поставленъ среди церкви. Пажи также дежурили при гробѣ. На другой день императоръ Павелъ пріѣхалъ вечеромъ въ лавру, насъ всѣхъ выслали изъ церкви въ корридоръ, въ церкви оставались государь, митрополитъ Гавріилъ и нѣсколько монаховъ. Что тамъ происходило, мнѣ неизвѣстно; но когда намъ велѣно было войти въ церковь и занять мѣста около гроба, монахи накрывали его покровомъ, а государь отиралъ слезы. Перенесеніе останковъ Петра III въ Зимній дворецъ было великолѣпно. Морозъ былъ очень сильный, шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, и намъ въ башмакахъ и чулкахъ было очень чувствительно. Потомъ съ такою же церемоніею оба гроба перенесены въ Петропавловскую крѣпость. Морозъ былъ еще сильнѣе, при жестокомъ вѣтрѣ. Мостъ наведенъ былъ отъ дворца прямо въ крѣпость; тутъ переходъ не великъ, но такъ какъ на такомъ маломъ пространствѣ не могъ вытянуться весь кортежъ, то передовые были собраны у Исаакіевскаго собора и, двинувшись оттуда и поровнявшись съ дворцомъ, остановились, пока вынесли гроба и остальной кортежъ присоединился. Это продолжалось также нѣсколько часовъ.

Съ новымъ царствованіемъ все измѣнилось при дворѣ. Тѣ, которые почитали себя на верху почестей, увидѣли себя очень малыми. Одни истинныя достоинства не подвергаются перемѣнамъ. Великолѣпный Зубовъ изъ блестящаго своего мундира нарядился въ скромный темнозеленый мундиръ. Тотъ, передъ кѣмъ все трепетало и унижалось, предъ кѣмъ все разступалось и давало дорогу, теперь никѣмъ не былъ замѣченъ и охотно вступалъ въ разговоры съ такими людьми, которыхъ во время своего величія не удостоивалъ и взглядомъ. Таковы люди! таковъ дворъ! И великій Суво-

ровъ говариваль, что онъ раненъ въ сраженіи три раза и семь разъ при дворѣ. Въ декабрѣ 1796 года государь повелѣлъ выпустить 22 пажа въ армію, а на мѣсто ихъ взять въ пажи изъ кадетъ 1-го корпуса. Въ число этихъ пажей попалъ и я, хотя мнѣ было только 14 лѣтъ. Не могу выразить той радости, когда въ первый разъ надѣлъ я мундиръ Московскаго гренадерскаго полка. Все, что было въ моемъ карманѣ (не много, правда), отдалъ я часовому, который въ первый разъ въ жизни моей отдалъ мнѣ честь. Я былъ страстенъ къ военной службѣ и хорошій фронтовикъ. На 15-мъ году командоваль я ротой по фронтовой части. Быть на ученѣ для меня было лучшимъ занятіемъ, я готовъ былъ учить солдатъ съ утра до вечера. Боже мой, какая радость была, когда я въ первый разъ пошелъ за капитана въ главный караулъ. Я воображалъ себя не менѣе, какъ главнокомандующимъ. Это командованіе ротой довело меня до бѣды. Инспекторомъ войскъ и военнымъ губернаторомъ въ Смоленскѣ былъ генераль-отъ-инфантеріи М. М. Философовъ, извѣстный по дружбѣ къ нему Петра III и по копенгагенскому происшествію, старикъ, едва передвигавшій ноги¹⁾. Въ Смоленскѣ дошли слухи, что государь въ Гатчинѣ дѣлалъ ночную тревогу и былъ весьма довленъ тѣми войсками, которыя прежде другихъ явились на сборное мѣсто. Генераль, бывший и шефомъ нашего полка, объявилъ на вахтѣ-парадѣ, что онъ намѣренъ сдѣлать такую же тревогу, и что по пушечному выстрѣлу всѣ войска должны придти на площадь, называемую Облонье. Не знаю, почему вообразилось мнѣ, что эта тревога должна быть въ ту же ночь; да на повѣрку вышло, что не одному мнѣ такъ вообразилось. Тогда въ гарнизонѣ Смоленска было три полка: Московскій гренадерскій, Смоленскій мушкатерскій и гарнизонный Воеводскаго. Надобно знать, что Смоленскій и гарнизонный полки были уже въ новой формѣ, въ темнозеленомъ сукнѣ, а Московскій, не знаю почему, кромѣ офицеровъ, былъ въ старой формѣ: красные шаровары, свѣтлозеленыя куртки и каски съ бѣлымъ волосомъ. Ночь, какъ на бѣду, была бурная, темная, дождь лилъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ бушеваль и стучалъ ставнями. Придя съ вахтѣ-парада домой, я тотчасъ распорядился, приказаль ротѣ одѣться въ полную форму и съ вечера собраться на ротный дворъ, а самъ спозаранку надѣлъ юберъ-рокъ, сѣлъ подъ окномъ и прислушивался къ пушечному выстрѣлу, въ радостной надеждѣ скорого похода

¹⁾ Мих. Мих. Философовъ (род. 1731 г., ум. 1811 г.), министръ при датскомъ дворѣ, при Екатеринѣ—директоръ сухопутнаго шляхетскаго корпуса, при Павлѣ—смоленскій военный губернаторъ, при Александрѣ—генераль-отъ-инфантеріи и членъ государственнаго совѣта. Ведъ переговоры объ утвержденіи Голштейнъ-Готторпа за Петромъ III. Переговоры эти привели къ заключенію соответствующаго договора (1767 г.), но Философовъ внезапно удалился изъ Копенгагена, не добившись его исполненія, благодаря интригамъ Фалькеншельда.

на Облонье. Разъ двадцать вскакивалъ я, мнѣ все казалось, что палятъ пушки, между тѣмъ какъ это стучали ставни. Вдругъ бѣжить фельдфебель, видно, такой же вѣтренникъ, какъ и я. «Ваше благородіе! пушка сигнальная выпалила, и Смоленскій полкъ уже на мосту». Я сейчасъ маршъ-маршъ на Облонье. Постою же, думалъ я, смоленцамъ не поспѣть прежде меня, вѣдь я ближе. Въ самомъ дѣлѣ, весь Смоленскій полкъ, которому также, видно, чудились выстрѣлы, бросился на мостъ (онъ квартировалъ за Днѣпромъ). Мостъ былъ высокій, шумъ отъ идущаго полка встревожилъ караульнаго офицера, бывшаго у Днѣпровскихъ воротъ; онъ догадался запереть ворота, и это спасло смоленцевъ, они остались въ крѣпости. Гарнизонный полкъ вышелъ на площадь, но такъ какъ онъ былъ въ темнозеленыхъ мундирахъ, то его и не видно было въ потемкахъ, и полкъ полегоньку убрался, когда услышалъ, что дѣлалось въ моей ротѣ; а я выстроилъ роту прямо предъ домомъ военнаго губернатора. Онъ тогда ужиналъ. Дворецкій, подойдя къ окну, чтобы взять какое-то блюдо, взглянулъ въ окно и, увидѣвъ бѣлыя каски, выронилъ блюдо изъ рукъ. Военный губернаторъ въ одномъ мундирѣ, безъ шляпы, выбѣжалъ на площадь со всѣми бывшими у него за столомъ. Скоро дѣло объяснилось, онъ видѣлъ тутъ одно только легкомысліе и былъ такъ добръ, что даже и выговора не сдѣлалъ. Мнѣ съ ротою приказано было идти домой, а о тревогѣ больше и въ поминѣ не было. Этимъ заключилъ я мои воинскіе подвиги. Опасаясь новыхъ проказъ, которыя, можетъ быть, не такъ бы легко сошли съ рукъ, батюшка взялъ меня въ отставку и опредѣлилъ по гражданской службѣ; но военный жаръ во мнѣ не простылъ. Открылась славная кампанія 1799 года. Я слѣдилъ шагъ за шагомъ за всѣми движеніями войскъ, горячо вступался, если кто осмѣливался критиковать дѣйствія русской арміи, и однажды чуть не подрался съ m-r Delphast, моимъ французскимъ учителемъ.

V.

Литературная дѣятельность.—Театръ.—Русская, французская, итальянская и нѣмецкая труппы.—Балетъ.—Живанъ въ деревнѣ.—Обученіе крестьянъ военнымъ приемамъ.—Курьезный смотръ.—Служба въ канцеляріи у принятія прошеній на Высочайшее имя.—Курьезные проэкты.—Александръ I въ Вологдѣ.

Война кончилась, и военный жаръ мой началъ простывать; но другая страсть, въ тысячу разъ гибельнѣе, родилась во мнѣ: страсть къ бумагомаранію. Начитавшись Вольтера и прочихъ его собратій, я чуть было не впалъ въ кощунство; одинъ благодѣтельный человѣкъ обратилъ меня на путь истинный. Ахъ, если бы нашелся тогда человѣкъ, который отвратилъ бы меня отъ писанія! Первый дебютъ мой былъ переводъ комедіи Мерсье; такъ какъ

этотъ переводъ сдѣланъ былъ подѣ руководствомъ дяди, то это таки шло куда нибудь; но дядя скоро уѣхалъ, я остался на свободѣ, и давай писать.

Карамзинъ и Дмитріевъ издали Бездѣлки, ну, какъ же мнѣ отстать отъ нихъ? и я издалъ «Бездѣлки», и во всей силѣ слова бездѣльныя. Мало этого: написалъ «Бѣдную Машу» въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ», «Мое путешествіе» въ подражаніе де-Метру ¹⁾, и еще двѣ или три повѣсти—въ подражаніе не знаю ужъ кому. Наконецъ, началъ издавать журналъ, который, правду сказать, хотя былъ очень плохъ, однако-жъ имѣлъ одно достоинство: былъ дешевъ, если, впрочемъ, не дорого за вздоръ платить семь рублей. Увы! много согрѣшилъ я, окаянный, зато много и пилюль проглотилъ. Какой-то злодѣй, учитель словесности, журналъ мой предлагалъ ученикамъ своимъ, какъ образецъ незнанія грамматики. О! эти обиды, какъ камень, легли у меня на сердцѣ ²⁾. Тогда существовало Общество любителей наукъ, словесности и художествъ, я втерся туда какъ-то въ члены. Предсѣдателемъ былъ В. В. Пугаевъ, членами: И. П. Пнинъ, Д. И. Языковъ, А. Е. Измайловъ, А. А. Писаревъ, К. Н. Батюшковъ, Дм. Вас. Дашковъ, Н. И. Гречъ, Н. Ѳ. Остолоповъ, А. С. Грибоѣдовъ и многіе другіе. Мы переважно собирались, читали свои сочиненія, составляли протоколы засѣданій и, наконецъ, приступили къ изданію журнала, который, *sauf l'honneur*, кажется, не многимъ перещегоолялъ мой! Въ это время я былъ страстнымъ любителемъ театра и бывалъ въ спектаклѣ почти всякій день. Тогдашнія труппы русская, французская, итальянская и нѣмецкая и балетъ имѣли много прекрасныхъ сюжетовъ. Старикъ Оффренъ, Леруа, Каланъ, Дюранъ, Бергамень, Фрожеръ были отличнѣйшіе актеры. Какъ неподражаемъ былъ Леруа въ «Водовозѣ»! Дюранъ въ роляхъ маркиза былъ истинный маркизъ. Бергамень въ роли *Brid'oison* ³⁾ морилъ со смѣху, стоило только взглянуть на него, на лицо его, чтобы покатиться со смѣху. Въ роли слуги, помнится въ *auberge pleine*, онъ былъ неоцѣнимъ. Онъ накрываетъ столъ и нѣсколько минутъ ничего не говоритъ, но весь театръ хохочетъ. Кажется ему ножикъ не чистымъ,—онъ чиститъ его между половицами, не чиста ложка—онъ

¹⁾ *Maistre, Xavier*—р. 1764 г., ум. въ Спб. 1852 г. Въ Россію прибылъ въ 1802 г. «*Voyage autour de ma chambre*» (1794 г.) было написано авторомъ не для печати. Здѣсь онъ говоритъ обо всемъ. Изящная форма и «чувствительная» тенденція находила де-Метру многихъ поклонниковъ.

²⁾ Впослѣдствіи я былъ однако-жъ нѣсколько утѣшенъ на литературномъ моемъ поприщѣ. Историческіе отрывки мои были помѣщены въ «Вѣстникъ Европы» и въ «Сочиненіяхъ Общества исторіи и древностей русскихъ», которое удостоило меня званія дѣйствительнаго члена, а императорская академія наукъ званія почетнаго члена и издала мой «Опытъ описанія Вологодской губерніи».

³⁾ Комическая роль въ ком. Бомарше «*Mariage de Figaro*».

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LV.

поплюетъ и вытираетъ носовымъ платкомъ. Ставитъ на столъ бутылку вина. Грѣшный человѣкъ! вино его соблазняетъ, онъ отпииваетъ отъ бутылки и доликаетъ водой. Надобно вѣкъ сидѣть въ лакейской, чтобы перенять это! Трагедія французская была слаба. Оффрень ¹⁾ былъ старъ, голосъ его дрожалъ, и вѣчный угрожительный жестъ, одинъ и тотъ же, наводилъ скуку; но явилась m-lle George ²⁾, великолѣпная царица сцены, и рукоплесканія не умолкали. А опера, а несравненная Philis! Какъ она была мила въ «Fouchon la vieillesse» ³⁾, а m-lle Tonrain? Можно ли быть лучше въ роли субретокъ?! Яковлевъ ⁴⁾, Крутицкій ⁵⁾, Шушеринъ ⁶⁾, Воробьевъ ⁷⁾, Самойловъ ⁸⁾, Пономаревъ ⁹⁾, Плавильщиковъ ¹⁰⁾, Черникова ¹¹⁾, Болина ¹²⁾ украшали русскую сцену. Всѣ эти актеры слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ. Въ особенности Самойлову принадлежитъ честь возстановленія русской оперы. Въ нѣмецкой труппѣ отличался Линденштейнъ. Торжествомъ его была «Русалка» и «Kolus rumprenginele». Въ балетахъ блистали Дидло ¹³⁾, Дюпоръ ¹⁴⁾, Колосова ¹⁵⁾, Огюсть ¹⁶⁾, Вальберхъ ¹⁷⁾, Люстихъ ¹⁸⁾.

¹⁾ Aufresne, Jean (р. въ Женевѣ 1720 г., † въ Спб. 1806 г.). Обращалъ на себя вниманіе простымъ, натуральнымъ чтеніемъ. Въ Россію былъ приглашенъ Екатериной II.

²⁾ George (р. 1787 г., † 1867 г.), знаменитая французская актриса, посѣтившая Петербургъ и Москву въ 1808—1812 г.

³⁾ Комедія-водевиль Буйли (Bouilly) въ 3 актахъ.

⁴⁾ Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ (р. 1778 г., † 1817 г.), трагическій актеръ и писатель.

⁵⁾ Антонъ Вас. Крутицкій (р. 1754 г., † 1803 г.), комическій актеръ, живописецъ, музыкантъ и писатель.

⁶⁾ Шушерина Брусиловъ ставилъ на ряду съ Дмитревскимъ и Крутицкимъ.

⁷⁾ Яковъ Степ. Воробьевъ (р. 1769 г., † 1810 г.), извѣстный комикъ.

⁸⁾ Василій Мих. Самойловъ (р. 1782 г., † 1839 г.), извѣстный пѣвецъ и драматическій артистъ.

⁹⁾ Александръ Ефимовичъ Пономаревъ, драматическій артистъ.

¹⁰⁾ Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ (р. 1760 г., † 1812 г.), извѣстный драматическій артистъ и писатель.

¹¹⁾ Прасковья Петровна Черникова, имѣвшая особенный успѣхъ въ роляхъ старыхъ бабъ и нянекъ.

¹²⁾ Болинъ, драматическая актриса и пѣвица.

¹³⁾ Дидло, Карлъ (р. 1767 г., † 1837 г.), извѣстный балетмейстеръ, прибывшій въ Россію въ 1801 г. Балеты его, по словамъ А. С. Пушкина, были «исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной».

¹⁴⁾ Дюпоръ (р. 1781 г., † 1853 г.), хореографическая знаменитость. Приѣхавъ въ Россію въ 1808 г., вмѣстѣ съ Жоржъ, возвратился во Францію въ 1812 г. Получалъ за спектакль 1.200 р. серебромъ.

¹⁵⁾ Евгенія Ивановна Колосова, ур. Неелова (р. 1780 г., † 1869 г.), танцовщица, извѣстная своей пантомимной игрой. Мать А. М. Колосовой (Каратыгиной).

¹⁶⁾ Огюсть (Августъ Пуаро), балетмейстеръ и режиссеръ балетной труппы.

¹⁷⁾ Иванъ Ивановичъ Вальберхъ (р. 1766 г., † 1819 г.), талантливый балетмейстеръ.

¹⁸⁾ Люстихъ († 1825 г.), танцовщикъ и балетмейстеръ.

Огюсть прекрасно плясалъ порусски и очень былъ забавенъ въ «Деревенскомъ женихѣ». Итальянская труппа была отличная: Маджорлетти (которой, впрочемъ, пѣть бы слѣдовало, закрывшись платкомъ, потому что она была очень некрасива, хотя имѣла соловьиный голосъ), Канавасси, Паски, Ронкони, Непчини, Замболи. Последніе два буффа были неподражаемы въ «La molinara» и въ «Santatrici villane»¹⁾. Въ послѣдней Замболи²⁾ дирижировалъ оркестромъ на сценѣ и морилъ со смѣху. Давались и большія оперы, напримѣръ, «Zinobia in Palmuga», гдѣ, кажется, въ первый разъ на сценѣ явилась колесница съ настоящими лошадьми. Содержатель итальянскаго театра былъ Казацци или Казасси³⁾. Не смотря, однако-жъ, на превосходную музыку и отличныхъ пѣвцовъ, итальянскій театръ рѣдко былъ полонъ. Однажды, во время представленія «La molinara», случилось очень забавное происшествіе. Канавасси какъ-то замедлила выйти на сцену, въ театрѣ была тишина. Вдругъ какъ нарочно кто-то чихнулъ въ третьемъ ярусѣ, да такъ громко, что раздавалось по всему театру. Сдѣлался хохотъ, посыпались аплодисменты, и партеръ закричалъ: «желаю здравствовать!». Едва унялся шумъ, какъ проказникъ всталъ и, выставясь изъ ложи, громкимъ голосомъ сказалъ: «покорнѣйше благодарю, милостивые государи!» Забавно отшутился.

Въ 1807 году, находясь въ деревнѣ, я опять имѣлъ случай повоевать. Составлялась милиція, военная кровь опять у меня разыгралась. Мундиръ, эполеты, шпоры радовали меня, какъ малое дитя. Сколько разъ дѣлалъ я планы кампаніи, на голову разбивалъ французовъ, гналъ Наполеона, бралъ его въ плѣнъ, съ мечемъ и пламенемъ обтекалъ вселенную и въ самомъ дѣлѣ, однажды, чуть не разбилъ вдребезги своего уѣзднаго начальника. То былъ толстый помѣщикъ, отставной ассессоръ, въ рыжемъ парикѣ. Ему вздумалось осмотрѣть мой баталіонъ; пики наши, на всякій случай, были заперты въ сараѣ, который мы изъ учтивости называли цейхгаузомъ. Все наше оружіе состояло въ шапкахъ. Приготовляясь къ этому инспекторскому смотру, я кое-какъ выучилъ мой баталіонъ строиться въ три шеренги и въ два темпаса имать шапки по командѣ: «шапки долой!». И вотъ батальонъ вытянуть въ линію, сотники и пятиде-

¹⁾ Опера-буффа, Фіоравенти. Первый разъ поставлена была въ Парижѣ въ 1797 году.

²⁾ Итальянскій пѣвецъ, р. 1767 г., † 1837 г.

³⁾ Казасси, Антонъ Ивановичъ († 1832 г.), импресарио итальянской оперы въ Спб., строитель и директоръ первоначальнаго Малаго театра. Среди знакомыхъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Тарабара-кули». Прозвище это было ему дано по слѣдующему поводу. Послѣ панихиды по одной танцовщицѣ, Казасси спросилъ одного изъ присутствовавшихъ, что значить «тарабара-кули». Оказывается, что онъ добывался значенія словъ, часто повторяемыхъ священникомъ: «рабы твоя».

сятники по взводамъ, я предъ фронтомъ, ждемъ отца командира. Нелегкая угораздила его прѣѣхать въ дрожкахъ, да еще такихъ курьезныхъ, какихъ теперь и въ провинціи уже нѣтъ. Онъ былъ плотно застегнуть кожаныиъ фартукомъ. Лишь показался мой главнокомандующій ассессоръ, я скомандовалъ: шапки долой! Одинъ мужикъ, видно отъ избытка усердія, шибко махнулъ, шапка вырвалась изъ рукъ и ударила прямо въ морду лошади; та съ непривычки къ военнымъ эволюціямъ бросилась въ сторону, дрожки на бокъ, шляпа и парикъ слетѣли съ моего командира, и толстая фигура ассессора безъ парика влачила въ предъ фронтомъ. Послѣ столь блистательной побѣды я рѣшилъ отдохнуть на лаврахъ, поѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній. Подъ благодѣтельнымъ начальствомъ П. С. Молчанова ¹⁾ дни мои текли мирно, и военныхъ дѣйствій больше не было. При моей службѣ въ такомъ мѣстѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекаются люди всякаго званія, случались забавныя происшествія. Одна дама, пожилыхъ лѣтъ, просила о принятіи ея ко дворцу во фрейлины.

— Сударыня,—сказалъ ей П. С.,—во фрейлины берутъ дѣвицъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—отвѣчала она просто-душно,—на милость образца нѣтъ.

Одинъ старичекъ всякій день ходилъ въ канцелярію навѣдываться о своей просьбѣ.

— Да о чемъ вы просите?—спросилъ я его однажды.

— Я прошу объ опредѣленіи меня въ карантинъ, — отвѣчалъ онъ.

Тогда была чума въ южной Россіи.

— Въ карантинъ!—вскричалъ я, какъ страшный трусъ во всѣхъ болѣзняхъ,—вы охотно проситесь въ карантинъ?!

— Да помилуйте,—отвѣчалъ онъ,—храни Богъ, чума кончится, вѣдь я пропалъ!

Одинъ титулярный совѣтникъ безпрестанно подавалъ проэскты то о постройкѣ линейныхъ кораблей изъ парусины, доказывая пресерьезно, что они будутъ легче на ходу и гораздо дешевле стоять, то о фабрикаціи пушекъ изъ папье-маше и проч., и проч.; наконецъ, предъ началомъ кампаніи 1812 года, подалъ проэсктъ о сформированіи легіона изъ хорошенькихъ женщинъ. Этотъ легіонъ, писалъ проэсктеръ, нужно будетъ поставить въ головѣ боевой линіи. Французы народъ учтивый: увидя красавицъ, они побросаютъ оружіе и бросятся на колѣна; тутъ всю армію можно забрать руками. Натурально, что такіе проэскты оставлялись безъ вниманія; но онъ всякій пріемный день являлся узнать, что по его проэскту послѣдовало. Однажды, вмѣсто его пришла его сестра, премиленъкая

¹⁾ Петръ Стапановичъ Молчановъ (родился 1770 г., умеръ 1881 г.), переводчикъ «Неистоваго Роланда» и сотрудникъ многихъ журналовъ XVIII в.

собою, и требовала отъ П. С., чтобы онъ доложилъ о проэктѣ ея брата. П. С. поделикатился сказать ей, что братъ ея сумашедшій; онъ отдѣлался отъ нея очень остроумно.

— Да знаете ли вы, сударыня, — сказалъ онъ ей, — въ чемъ состоитъ проэктъ вашего брата?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, такъ я вамъ скажу, — продолжалъ онъ, — братецъ вашъ предлагаетъ составить полкъ изъ прекрасныхъ женщинъ. Если проэктъ его утвердится, вѣдь вы первая попадете въ рекрута...

Сестрица захохотала, и съ тѣхъ поръ ни братецъ, ни сестрица болѣе не появлялись.

Всѣмъ извѣстно, какую рѣдкую память имѣлъ блаженной памяти Александръ Благословенный.

Одинъ отставной офицеръ просилъ пособія. При докладѣ просьбы его, государь изволилъ спросить статсъ-секретаря:

— Не тотъ ли это, который при покойной бабушкѣ доносилъ на Суворова во взяткахъ?

— Не знаю, государь.

— Справься.

Справились. Точно такъ: онъ дѣлалъ на великаго мужа этотъ нелѣпый доносъ. Правда, что случай рѣдкій, но чрезъ двадцать лѣтъ вспомнить фамилію такого человѣка, какая удивительная память! Въ 1824 году я имѣлъ счастье встрѣчать Благословеннаго въ Вологдѣ. Его императорское величество прибылъ въ Вологду 15-го октября въ 8 часу вечера. Время было самое ненастное; дождь, снѣгъ, слякоть, морозъ мѣнялись безпрестанно, дорога совершенно испортилась, въ лѣтнемъ экипажѣ ѣхать было трудно, и государь, оставя свои экипажи на дорогѣ, изволилъ прибыть въ открытыхъ саняхъ. На крыльцѣ теплаго Воскресенскаго собора встрѣтилъ его преосвященный Онисифоръ ¹⁾ съ крестомъ и святою водою и привѣтствовалъ краткою рѣчью. По окончаніи молебствія, государь въ дорожномъ экипажѣ изволилъ отправиться въ приготовленный для него домъ купца Витушешникова. Здѣсь, пройдя по фронту караула внутренней стражи и поздоровавшись съ рядовыми, изволилъ отпустить карауль и въ домѣ остался только одинъ часовой у входа. Здѣсь я имѣлъ счастье подать его величеству рапортъ о состояніи губерніи. Войдя въ свои покои, государь принялъ генераль-губернатора С. И. Миницкаго ²⁾, потомъ удостоилъ принять

¹⁾ Онисифоръ — въ мірѣ Онисимъ Боровикъ (умеръ 20-го апрѣля 1828 года). Сперва былъ подьячимъ священникомъ (1792—1813 гг.) и участвовалъ въ разныхъ походахъ. Въ 1813 году постригся въ монаха, а въ 1814 году былъ назначенъ епископомъ вологодскимъ. О немъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія въ своихъ запискахъ И. П. Сахаровъ. (Русскій Архивъ, 1873 г., № 6).

²⁾ Степанъ Ивановичъ Миницкій, вице-адмиралъ, съ 1823 по 1830 гг. генераль-губернаторъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерній и главный

меня въ своемъ кабинетѣ. Около получаса государь изволилъ говорить со мною, разспрашивалъ о городѣ, о губерніи, о службѣ моей, о семействѣ, вспомнилъ дядю моего и двоюроднаго брата, наконецъ изволилъ говорить о своемъ вояжѣ. Изволилъ также говорить, что въ Вятской губерніи, въ лѣсу, медвѣдь напугалъ было его лошадей.

— Мы,—съ улыбкою сказалъ государь,—были и въ такой сторонѣ, гдѣ водятся медвѣди.

Наконецъ, изволилъ спрашивать о бытѣ крестьянъ, и когда коснулась рѣчь до постройки, онъ изволилъ сказать:

— Это правда, тѣсная постройка деревень даетъ пищу пожарамъ. Были проекты строить крестьянскіе дома отдѣльно одинъ отъ другаго: конечно, для пожарныхъ случаевъ это полезно; но въ нашемъ климатѣ это не совсѣмъ удобно. Тѣсная постройка на сѣверѣ необходима, здѣсь сосѣди грѣютъ меня съ двухъ сторонъ.

Какое глубокомысленное и справедливое замѣчаніе!.. Между прочимъ, государь изволилъ спросить о домѣ, мною занимаемомъ. Я воспользовался этимъ случаемъ и доложилъ его величеству, сколь прискорбно для меня, что я не имѣлъ счастья принять его въ домѣ, мною занимаемомъ, причемъ я объяснилъ причины.

— Это все равно,—изволилъ онъ сказать,—я домомъ очень доволенъ; это приготовлено твоимъ же попеченіемъ, слѣдственно все равно, какъ бы я былъ у тебя.

Дѣйствительно, домъ Витушешникова былъ отдѣланъ прекрасно. Для росписанія плафоновъ выписаны были изъ Петербурга живописцы Скотти. Витушешниковъ, по чистому усердію своему, ничего не щадилъ для достойнаго приѣма столь великаго гостя. На другой день государь, послѣ представленія чиновниковъ, изволилъ осматривать гимназію, всѣ заведенія приказа общественнаго призрѣнія и тюремный замокъ. Послѣ того, удостоивъ посѣщеніемъ архіерея, Духовъ и женскій монастыри, изволилъ ѣздить въ Прилуцкій монастырь за 4 версты отъ города. При возвращеніи оттуда, вдругъ одна крестьянка подбѣжала къ коляскѣ и бросилась на колѣни. Государь приказалъ остановиться и изволилъ спросить, что ей надобно.

— Ничего, батюшка, хотѣла взглянуть на тебя,—отвѣчала она, положила крестное знаменіе,—больше мнѣ ничего не надо!

Какое сильное, завидное чувство преданности! Въ эту ночь, въ домѣ Витушешниковыхъ случилось событіе, которое навсегда сохранится въ памяти ихъ семейства.

У софы, гдѣ почивалъ государь, былъ поставленъ круглый столикъ. Одна изъ ножекъ этого столика была нѣсколько длиннѣе,

---

командиръ Архангельскаго порта. 8-го апрѣля 1830 г. уволенъ отъ службы за предосудительныя и пользамъ службы не соотвѣтственные поступки. (Общій морской списокъ, ч. IV, Спб., 1890 г., стр. 363—365).

и отъ того онъ стоялъ неровно. Государь ночью изволилъ спросить ручную пилку и самъ своими руками уравнилъ ножки столика. Витупешниковъ обдѣлалъ этотъ столикъ въ серебро съ надписью событія, а ножку, отпиленную государемъ, отдѣлалъ въ золото. Столикъ этотъ хранится въ домѣ Витупешникова, какъ истинная драгоценность.

18-го октября, въ день городского праздника, государь, отслушавъ раннюю литургію въ церкви Всемиловитиваго Спаса, въ 9 часовъ утра изволилъ отбыть изъ Вологды, осыпавъ насъ милостями своими. Эти три незабвенные дня составляютъ эпоху Вологды и служатъ украшеніемъ ея исторіи.

Вологда не можетъ и не должна забыть пребыванія въ стѣнахъ ея ангела кротости, котораго такъ прекрасно изобразилъ знаменитый поэтъ.

«Вождь вождей, царей диктаторъ».

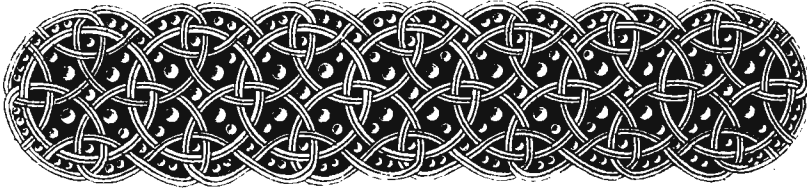
Вотъ лучшая надпись къ изображенію Благословеннаго.

Заключаю воспоминанія мои стариннымъ изреченіемъ: Отцы и братія! еже я гдѣ описахъ или не дописахъ, или переписахъ, чтите исправливая, а не кляните.

Н. П. Брусиловъ.

12 декабря 1848 г.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

ХІ.

Шалинскіе окопы.—Хаджи-Муратъ.—Назначеніе къ Слѣпцову; его біографія.—Пріѣздъ молодыхъ Воронцовыхъ; княгиня Марья Васильевна.—Общее поклоненіе; жизнь въ штабѣ.—Приглашеніе на праздникъ Слѣпцовымъ въ Урусь-Мартанъ.—Баль въ Грозной у Козловскихъ.—Роковое извѣстіе: Слѣпцовъ убитъ.—Письмо Циммермана и характеристика покойнаго.—Возвращеніе въ Воздвиженское.—Скандалъ изъ-за Хаджи-Мурата.—Назначеніе Барятинскаго.—Лорисъ.—Прощальный обѣдъ Козловскому у князя Simon.

НЕРВОЕ извѣстіе для новаго 1851 года было получено у насъ о дѣлѣ Слѣпцова въ ущельѣ Шаладжи, гдѣ палъ смертью храбрыхъ мой пріятель, милый Николай Хомутовъ.

На третій день Новаго года былъ у насъ сборъ отряда лѣваго фланга подъ начальствомъ храбрѣйшаго «какъ, какъ»; къ нему начальникомъ штаба былъ назначенъ свиты генераль-маіоръ князь Барятинскій, а начальникомъ всей пѣхоты отряда—нашъ баронъ Меллеръ. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, партія въ сборѣ была громадная и во главѣ ея достохвальный боецъ—Хаджи-Муратъ. Итакъ, отрядъ нашъ изъ 9-ти батальоновъ пѣхоты, 12-ти сотенъ линейныхъ казаковъ и 32 орудій выступилъ изъ Воздвиженскаго въ Большую Чечню.

Непріятель 7-го числа представился глазамъ нашимъ въ огромныхъ скопищахъ съ безчисленнымъ количествомъ значковъ. Изъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. II, стр. 723.

Веденя къ партіи прибыль самъ Шамиль, съ намѣреніемъ, конечно, разбить и уничтожить русскій отрядъ. Съ фронта передъ нами грозно смотрѣли на насъ сильныя укрѣпленія, вытянутыя поперекъ просѣки, отъ одной опушки до другой. Гарнизонъ Чеченскій строго охранялъ окопы, и изъ лагеря нашего простымъ глазомъ было видно, какъ смѣнялся онъ по утрамъ и усиливался по ночамъ. По ночамъ же то и дѣло шныряли въ лагерь благодородные лазутчики, за звонкіе карбованцы продавая нашему начальству всѣ тайныя распоряженія имама. Закутанные въ бурки и башлыки такъ, чтобы нельзя было узнать ихъ честныхъ фізіономій, они подползали къ нашей цѣпи и, выдавая себя за кунаковъ русскихъ, тайкомъ велись къ ставкѣ начальника отряда. Результатомъ этихъ патріотическихъ чувствъ было то, что всѣ приготовленія и энергическія старанія чеченцевъ—удержать нашъ натискъ въ глубь дорогихъ полей Большой Чечни за Шалинскимъ лѣсомъ, разлетѣлись, какъ дымъ, и 8-го января мы обошли укрѣпленную ихъ позицію и сюрпризомъ появились у нихъ въ тылу. Во время движенія нашей колонны еще до разсвѣта, обходнымъ путемъ со стороны р. Басса, непріятель, не ожидавшій насъ съ этой стороны, зорко слѣдилъ лишь за войсками, оставшимися въ лагерь и буквально прозѣвалъ обходной маневръ нашъ. Отчаянное усиліе горцевъ удержать стремительное движеніе нашихъ батальоновъ, конечно, ни къ чему не повело. Картечь съ гранатами, ружейный огонь и нѣсколько лихихъ атакъ кавалеріи нашей не замедлили разсѣять огромныя полчища имама, и они, уступая силѣ натиска, дружно стали спасаться бѣгствомъ. Въ десять часовъ утра мы хозяйничали на непріятельскомъ валу, съ котораго, увы, уже исчезли ихъ орудія. Разсматривая теперь подробно укрѣпленія, мы должны были сознаться, что не удайся намъ обходное движеніе, то штурмъ окоповъ съ фронта, прямо въ лобъ, повлекъ бы за собой огромныя потери и, быть можетъ, совсѣмъ бы не удался.

Послѣ срытія Шалинскихъ окоповъ мы расположились лагерь въ вырубленной просѣкѣ, занимаясь время отъ времени болѣе или менѣе горячими перестрѣлками съ непріателемъ и развлекаясь разказами о прибытіи изъ Дагестана въ Чечню легендарнаго богатыря—Хаджи-Мурата. Какія чудеса трубятъ объ этомъ аварскомъ хватѣ! Если вѣрить на половину тому, что воспѣваютъ о его безумной отвагѣ и невѣроятной дерзости, то и тогда придется удивляться, какъ Аллахъ спасалъ его сумасбродную голову. Военная слава Хаджи-Мурата ни въ комъ не встрѣчаетъ себѣ соперничества, и популярность его гремитъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря. Шамиль его не долюбливаетъ, но уважаетъ и боится болѣе, чѣмъ султана Елисуйскаго. А это не шутка въ глазахъ посвященныхъ въ отношенія имама къ этимъ двумъ крупнѣйшимъ личностямъ на Кавказѣ.

15-го февраля, подъ начальствомъ новаго командира Кабардинскаго полка (принявшаго полкъ отъ князя Барятинскаго), Егора Ивановича Майделя, пошла наша колонна въ лѣсъ, по направленію къ р. Бассу, на обычное занятіе рубкой лѣса и расчисткой полянъ, какъ вдругъ около 11 часовъ вдали показалась громадная партія чеченцовъ, вскорѣ затѣмъ открывшая по насъ артиллерійскій огонь. Какъ только пролетѣли первыя ядра, Майдель приказалъ отъ нашего батальона выдвинуть двѣ роты съ дивизиономъ артиллеріи на позицію впередъ. Съ назначенными ротами, 5-й и 6-й, пошелъ я, а съ орудіями—Тришатный. Отойдя отъ колонны съ полъ-версты и избравъ возвышенную и довольно открытую плоскость, дивизионъ снялъ орудія съ передковъ, а я построилъ развернутымъ фронтомъ справа 5-ю, а слѣва 6-ю роту. Положеніе было не изъ пріятныхъ: рѣдкій непріятельскій снарядъ не достигалъ цѣли и не уносилъ одной, двухъ и даже трехъ жертвъ изъ рядовъ нашихъ. Линейные артиллеристы работали съ изумительной энергіей и на каждый выстрѣлъ непріятели посылали отвѣтный снарядъ моментально и мѣтко, но заставить молчать или подбить его орудія, не смотря на всѣ старанія Тришатнаго, имъ не удавалось. Приказавъ людямъ моимъ просто лечь на землю, чтобы не представлять изъ себя видной мишени, я самъ не считалъ себя вправѣ не только нагибаться или прилечь, но даже и сѣсть на барабанъ. Снаряды одно время буквально осыпали нашу позицію, становилось жутко, невыносимо. Я храбрился, всячески стараюсь выказать полное равнодушіе и презрѣніе къ мимолетающимъ снарядамъ. Улыбаясь, я не переставалъ шутить... но на душѣ было скверно, кошки мучительно скребли на сердцѣ! Тришатный, всецѣло увлеченный дѣятельнымъ мщеніемъ непріятели, самъ лично наводилъ орудія, самъ поднималъ и опускалъ уголь возвышенія и былъ на столько физически занятъ, что не могъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ, какъ я, злополучный, обреченный на полное бездѣйствіе. Да, обязанность моя—прикрывать въ тотъ роковой день артиллерію, была по истинѣ ужасная! Втеченіе многихъ часовъ сряду стоять, подобно истукану, и съ терзаніемъ въ душѣ смотрѣть и выжидать, когда черезъ часъ по ложкѣ, каждая пять-шесть минутъ, со стороны непріятели покажется дымокъ, а, нѣсколько секундъ спустя, раздастся гулъ выстрѣла и вслѣдъ затѣмъ предательскій свистъ снаряда, который, кажется, вотъ-вотъ тебя и разорветъ на части,—такое мученіе, съ которымъ, конечно, нельзя сравнить не только самой жаркой перестрѣлки, но даже и рукопашной схватки. Стоя впереди обѣихъ ротъ, я истощалъ всѣ силы, чтобы скрыть внутреннія страданія, и наружно одержалъ надъ ними полную побѣду, но, всетаки, не понимаю, какъ никто изъ товарищей не замѣтилъ неестественнаго состоянія моего, тогда какъ я самъ чувствовалъ и, увы, слишкомъ явственно дрожь въ колѣняхъ и неудержимое сотрясеніе нервовъ во всемъ тѣлѣ.

Въ ожиданіи кровавой развязки кровь стыла въ жилахъ, пульсъ замеръ, но я сознавалъ, что какъ бы плохо ни было, а на лицѣ моемъ пріятная улыбка мнѣ не измѣнила, и я въ силахъ еще обморочить зрителей... Дзинь!.. Раздался, наконецъ, стеклянный трескъ снаряда, разорваннаго на сосну мелкихъ, но острыхъ и губительныхъ осколковъ, шумно разлетѣвшихся спиралью во всѣ стороны. Меня оглушило, но, Богъ милостивъ, не задѣло, а въ трехъ разныхъ направленіяхъ послышались стоны.

— Второе!—нараспѣвъ провозгласилъ Тришатный, и съ гуломъ откатилось второе орудіе.

— Третье!—опять крикнулъ Костя, ставъ колоссомъ Родосскимъ впереди дивизіона.

Но одновременно съ командой фейерверкера: «пли», непріятельское 9-ти фунтовое ядро, какъ будто захлебываясь чрезмѣрною поспѣшностью своего полета, нырнуло какъ разъ между самыхъ ногъ отважнаго начальника нашей артиллеріи. Тришатный на глазахъ нашихъ сильно пошатнулся, нѣсколько секундъ усиленно боролся устоять и, наконецъ, рухнулъ на землю. Но, слава Богу, ноги цѣлы, и только правая сильно контужена. Отправивъ его на перевязочный пунктъ, я еще болѣе двухъ часовъ испытывалъ истязанія прикрывать свою батарею. Но вотъ, наконецъ, раздался сигналъ отступленія, мы тронулись, непріятель насѣлъ, и завязался настоящій бой въ аррьергардѣ. Изъ пассивнаго положенія я сразу попалъ въ пылъ сраженія; на меня обрушилась теперь вся тяжесть отступленія, сравнительно, однако, легкая и отрадная при воспоминаніи всего пережитаго передъ тѣмъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ я записку изъ штаба дивизіи. Вскрываю конвертъ и вижу высочайшій приказъ, въ которомъ моя фамилія подчеркнута краснымъ карандашемъ; не вѣря глазамъ, читаю: «за особенное мужество и отвагу, оказанныя въ дѣлахъ съ непріателемъ 7-го и 15-го февраля сего 1851 года, золотую пашку съ надписью: «за храбрость». Тришатный, обѣдавшій въ тотъ день у меня, вырвалъ изъ рукъ моихъ приказъ и прочелъ то же. Итакъ, тутъ нѣтъ ошибки. У меня, единственнаго оберъ-офицера не въ одномъ Куринскомъ полку, а во всей 20-й дивизіи нашей, золотая пашка—награда почетная и рѣдко здѣсь даваемая даже и штабъ-офицерамъ. Тришатный тоже получилъ Владиміра съ бантомъ и, кромѣ того, государь императоръ, усмотрѣвъ изъ списка раненыхъ за зимнюю экспедицію эсаула Тришатнаго, контуженнаго ядромъ, и зная стѣсненное положеніе его, вслѣдствіе горестнаго происшествія съ отцомъ, высочайше приказалъ препроводить на имя эсаула изъ собственной его величества шкатулки 500 рублей на излеченіе болѣзни, отъ раны происшедшей, но съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ вниманіемъ, чтобы пожалованная сумма была вручена ему Тришатному въ руки, а отнюдь не въ пополне-

ніе долговъ его. Получивъ эту сумму, Тришатный съ сіяющимъ лицомъ пріѣхалъ ко мнѣ и еще издали кричалъ мнѣ:

— Поздравь меня, Володя, я кривъ! У меня 500 рублей въ кармаѣ. Теперь, мой другъ,—заговорилъ онъ,—надо подумать, какъ на пожалованныя мнѣ деньги умнѣе распорядиться. Во-первыхъ, мнѣ необходимо окипироваться, я обносился, просто срамъ, даже совсѣмъ бѣлья нѣтъ! Съ этою-то цѣлью я нарочно и пріѣхалъ сюда. Вавиль, пошли, голубчикъ, моего урядника!

Минуту спустя, стройный казакъ показался въ дверяхъ.

— Хорошеньковъ, — обращаясь къ нему, продолжалъ Тришатный,—сбѣгай въ лавки съ краснымъ товаромъ (это было въ Грозной) и выбери мнѣ ситцу на рубашки. Но смотри, дружокъ, не ошибись и смотри въ оба, самого лучшаго! Слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе,—отчеканилъ молодецъ ординарецъ, быстро повернувшись на носкахъ налѣво кругомъ и бѣгомъ пустившись исполнять приказаніе начальства.

Не долго заставилъ ждать насъ Хорошеньковъ. Запыхавшись отъ спѣшнаго хода, явился онъ передъ нами съ цѣлымъ пучкомъ разноцвѣтныхъ образчиковъ ситцевъ, различныхъ качествъ и цѣны. Тришатный принялся внимательно разбирать лоскуты и остановился на двухъ, голубомъ и розовомъ.

— Хороша ли доброта ихъ?—спросилъ онъ.

— Первый сортъ, ваше благородіе, да къ тому же и очень веселенькій ситчикъ,—отрапортовалъ урядникъ.

— А, можетъ быть, полиняетъ?—замѣтилъ эсаулъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, пока бѣгъ сюда изъ лавки, все время муслилъ ихъ, анъ, краска не подалась.

— Ну, въ такомъ случаѣ, — глубокомысленно разсудилъ Тришатный, рѣшительно махнувъ рукой,—возьми, Хорошеньковъ, по этимъ образчикамъ ситцу на двѣ рубашки.

Этимъ широкимъ распоряженіемъ и кончилась вся окипировка расхोдившагося эсаула, а оставшійся капиталъ отъ щедрыхъ монаршихъ милостей возымѣлъ другое назначеніе: «царя поздравить». И вотъ Тришатный сталъ благодарить пріятелей и знакомыхъ за ихъ всегдашнее къ себѣ гостепріимство; въ результатѣ деньги быстро исчезли, и опять наступила прежняя нужда.

Между тѣмъ лѣтніе мѣсяцы 1851 года знаменательны для меня еще и по участію моему въ экспедиціи съ генераломъ Слѣпцовымъ, молодымъ начальникомъ Сунженскаго отряда. Не разъ я уже упоминалъ о наружности и многихъ достоинствахъ этого замѣчательнаго богатыря не по росту и физической силѣ, но по душевнымъ качествамъ. Біографія его коротка. Родился онъ въ Пензенской губерніи въ 1820 году, былъ въ юнкерской школѣ, откуда вышелъ въ

армію въ 1838 году и въ 1845 году перешель на Кавказъ адъютантомъ къ генералу Трескину. Здѣсь съ первой экспедиціи онъ выказалъ непомѣрное мужество и отвагу, былъ отличенъ отъ прочихъ сослуживцевъ и въ чинѣ маіора назначенъ формировать и командовать Сунженскимъ казачьимъ полкомъ, который предрѣшено было создать изъ переселенцевъ-казаковъ съ Терской и Кубанской линій. Въ первое время Слѣпцовъ испыталъ не мало горя, хлопотъ и затрудненій, съ пришельцами изъ всѣхъ полковъ кавказскихъ казаковъ, такъ какъ, само собою разумѣется, каждый командиръ старался спихнуть и сбить ему людей самыхъ безпокойныхъ, плохихъ и бездомныхъ. Съ ними пришлось возиться Слѣпцову цѣлыя годы, теряя часто всякую надежду добиться желаемого успѣха. Но энергія и неусыпная дѣятельность увѣнчались наконецъ блестящимъ результатомъ, и не прошло трехъ, четырехъ лѣтъ со времени существованія 1-го Сунженскаго полка, какъ разношерстные, сбродные линейные казаки, заселивъ берега Сунжи богатыми станицами, основали Сунженскую линію и сплотились водино съ такою боевой славой, что сдѣлались страшилищемъ непріятели и предметомъ зависти всего войска. Самъ Слѣпцовъ, взявъ съ боя георгіевскій крестъ, завоевалъ своимъ сунженцамъ георгіевскій штабдартъ; на сколько боготворили его казаки, на столько страшились сосѣди, горцы. Съ перваго дня моего появленія въ отрядѣ Николай Павловичъ обворожилъ меня своимъ милымъ и радушнымъ приѣмомъ. Служить подъ его начальствомъ было особенно пріятно. Цѣль экспедиціи была — сооруженіе укрѣпленной станицы какъ разъ на срединѣ пути между Грозной и Закать-Юртомъ, около трехъ братьевъ-кургановъ; новая станица называлась Алханъ-Юртомъ. Пришлось участвовать вмѣстѣ и въ дѣлахъ. Въ одномъ изъ нихъ, 15-го іюня, въ ущельѣ Шеладжи, Слѣпцовъ былъ раненъ, и курины должны были на себѣ вынести отступленіе до соединенія съ главной колонной пѣхоты и артиллеріи, оставшейся не вдалекѣ. Въ этомъ же дѣлѣ былъ тяжело раненъ симпатичный капитанъ генеральнаго штаба Коведяевъ и молодой офицеръ моей роты Ипполитовъ.

Итакъ, лѣтняя экспедиція подъ конецъ была отравлена раной Слѣпцова, котораго отнесли въ Ачхой, къ его пріятелю Сергѣю Мезенцову, а насъ, куриновъ, препроводили въ Грозную, гдѣ уже шли дѣятельныя приготовленія для встрѣчи новаго командира съ супругой, сына свѣтлѣйшаго, Семена Михайловича Воронцова. Втораго ноября наконецъ прибыли къ намъ главнокомандующій съ княгиней Елизаветой Ксаверьевной и новобрачными. По предварительному распоряженію, наши роты поставлены были уступами по пути слѣдованія поѣзда, и мнѣ пришлось встрѣчать начальство у самаго Ермоловскаго кургана. Послѣ двухъ-часоваго ожиданія наконецъ-то по дорогѣ поднялись столбы пыли, и вслѣдъ затѣмъ

въ Халь-Кальскомъ ущельѣ показалась несущаяся кавалерія, прикрывающая цѣлую вереницу экипажей. Скомандовавъ «на плечо» и «мирно», я ожидалъ приближенія передней коляски. Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей роты, и маститый нашъ шефъ, быстро выскочивъ на дорогу, зашагалъ къ фронту.

— Здоровы, братцы мои, куринцы! — весело привѣтствовалъ свѣтлѣйшій.

«Ура», «ура» и безчисленное «ура» прогремѣло ему въ отвѣтъ.

— Ахъ, здравствуй, милый мой Полторацкій, — особенно нѣжно обратился ко мнѣ князь, обнявъ меня и слѣдуя такъ вдоль фронта. — А ты и молодецкая твоя рота опять и опять нѣсколько разъ сряду особенно отличилась. Душевно благодарю тебя, мой дорогой! — и затѣмъ сталъ разспрашивать моихъ солдатъ первой шеренги, почти сплошь увѣшанныхъ крестами, когда и за что они ихъ получили. «За Зерены, ваша свѣтлость!». «За Ичкерію, ваша свѣтлость!». «За Ахульго!». «За Андію!». «За Дарго!». Но вдругъ шестой съ праваго фланга, бравый Гавриченко, хватилъ: «За выручку Дарговъ, ваша свѣтлость». «За что, за что?» — переспросилъ князь. «За выручку-съ», — гордо отчеканилъ кавалеръ. Старика покорило, онъ невольно сдѣлалъ гримасу, но тотчасъ же оправился и, сладко улыбаясь, похвалилъ Гавриченка за его молодецкій видъ. вмѣстѣ съ тѣмъ князь Михаилъ Семеновичъ ужъ не сталъ больше разспрашивать своихъ милыхъ куринцевъ, а, обратясь къ княгинѣ, сидѣвшей въ его коляскѣ, и показывая ее рукой солдатамъ, громко объявилъ: «А вотъ, братцы, и моя старуха!». Въ отвѣтъ снова раздалось громкое «ура». Тѣмъ временемъ около меня очутился и князь Семень Михайловичъ, радостно бросившійся ко мнѣ на шею. Едва тронулся экипажъ главнокомандующаго, какъ князь Simon увлекъ меня къ слѣдующей коляскѣ представлять супругѣ своей Марьѣ Васильевнѣ, сумѣвшей въ одинъ мигъ завоевать къ себѣ мое восторженное поклоненіе... Не успѣлъ я поблагодарить княгиню за тѣмъ лестныхъ фразъ, какъ очутился въ крѣпкихъ объятіяхъ ея брата Николая, моего однокашника по Пажескому корпусу. По отъѣздѣ ихъ я еще нѣсколько минутъ оставался въ оцѣпенѣніи, смутно отдавая себѣ отчетъ послѣ безчисленныхъ лобзаній и привѣтствій исчезнувшей толпы. Изъ всего видѣннаго и слышаннаго ясно рисовался передо мной только образъ чудной красоты и изящности нашей новой командирши. Впослѣдствіи я состоялъ ея безсмѣннымъ ординарцемъ и въ домѣ Воронцова былъ принятъ, какъ свой, чему, конечно, не мало способствовали мои дружескія отношенія къ Николаю. Княгиня Марья Васильевна, эта очаровательнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣчать потомъ въ жизни, мила, любезна и внимательна до *pes plus ultra*. Ея стройный станъ, ростъ, а главное — выраженіе прелестнаго лица съ дивно блестящими глазами и нѣжнѣйшею улыбкой дополняются еще

рѣчью, полною ума, жизни и вдохновенія. Скуки въ Воздвиженскомъ, гдѣ они поселились, какъ не бывало. Каждый день я у нихъ обѣдалъ, игралъ въ вистъ и засиживался до полуночи, а когда княгиня вздумалось писать съ меня портретъ, и я долженъ былъ каждое утро просиживать передъ ней неподвижно, то обязанность эта была уже совсѣмъ не по силамъ, потому что глядѣть на нее не восторгаясь человѣку, въ жилахъ котораго течетъ не прѣсное молоко, а горячая, молодая кровь, было невозможно. А вѣдь ей-то невыносимо скучно должно было показаться такое существованіе. Послѣ Петербурга, двора и большаго свѣта, попасть въ труппу, какъ укрѣпленіе на Кавказѣ, къ тому же на передовую линію, штука не веселая. Не могли же мы, сколько насъ тутъ ни было, заинтересовать съ дѣтства избалованную красавицу. Впрочемъ *à la guerre comme à la guerre*, и княгиня, повидимому, мирилась со всѣмъ и развлекалась какъ могла. Познакомилась она и съ нашимъ любимымъ героемъ Слѣпцовымъ, которымъ и была приглашена съ княземъ на Гехинку, гдѣ онъ давалъ 11-го декабря въ честь ея большой праздникъ. День этотъ былъ выбранъ самою княгиней, такъ какъ 9-го она хотѣла ѣхать на именины къ Аннѣ Васильевнѣ Козловской, а оттуда уже прямо черезъ Алханъ-Юрть и Урусъ-Мартанъ пробраться къ начальнику Сунженской линіи. 8-го числа вся компанія наша: князь съ княгиней Воронцовы, Трубецкой, Ушаковы, многіе другіе и я, въ лучшемъ настроеніи духа, отправилась съ оказіей въ Грозную. Въ торжественный день ангела добрѣйшей Анны Васильевны мы съ утра у нея пировали. Викентій Михайловичъ, всегда любившій принимать у себя гостей, былъ въ восторгѣ отъ посѣщенія Воронцовыхъ и всей компаніи нашей. Онъ расхаживалъ въ необыкновенно счастливомъ настроеніи, хохоталъ безъ умолку и всячески старался занять гостей своихъ забавными рассказами, которые, увы! все же по большей части вертѣлись на неизбѣжномъ: какъ, какъ и какъ! Какъ бы то ни было, но совокупныя старанія радушныхъ хозяевъ занять и веселить гостей были на столько искренни и очевидны, что всѣ мы остались вполне довольными. Впрочемъ, дѣйствительно завтракъ, обѣдъ и многолюдный балъ прошли очень оживленно и удачно. На другое утро, послѣ семейнаго завтрака, распростившись съ милѣйшими Козловскими, мы тронулись къ Сунженской линіи подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ. Выѣхали мы не рано, дни были короткіе, и мы только къ ночи добрались до Урусъ-Мартана. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости мы стали ясно различать гулъ отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ и, конечно, не безъ основанія предположили эту канонаду въ отрядѣ генерала Слѣпцова, такъ какъ по линіи звука насъ раздѣляло верстъ 12, не болѣе. У крѣпостныхъ воротъ насъ встрѣтилъ съ рапортомъ подполковникъ Ляшенко, тутъ же подтвердившій наши догадки свѣдѣніями, что какъ

сегодня, такъ и вчера, у Слѣпцова были стычки съ непріателемъ. Тѣмъ не менѣе на утро мы рѣшили рано выѣхать въ Гехинку, а потому и разбредлись поскорѣе спать, князь съ княгиней, въ домѣ командира, а Трубецкой, Тришатный и я въ сосѣднемъ, вновь выстроенномъ флигелѣ. Не увлекаясь на этотъ разъ разговорами, мы очень скоро потушили огонь и заснули богатырскимъ сномъ, но вскорѣ я былъ разбуженъ необычайнымъ движеніемъ на улицѣ. Открывъ глаза, я вскочилъ къ окну, но по случаю ночной темноты ничего разглядѣть не могъ, хотя отчетливо слышалъ тяжелые шаги проходящаго мимо нашего дома многочисленнаго люда. На разсвѣтѣ я задремалъ, но былъ разбуженъ, какъ и оба мои товарища, рѣзко хлопнувшей дверью. Опять вскочилъ я, но на этотъ разъ увидалъ передъ собою князя Семена Михайловича. Но на что онъ былъ похожъ! Блѣдный, съ осунувшимся лицомъ и нервною дрожью на губахъ, мутнымъ взглядомъ обведа насъ всѣхъ, съ разстановкой, сильно захлебываясь и съ трудомъ глотая рыданія, онъ съ усиленіемъ проговорилъ: «Господа, Слѣпцовъ... убить!». Всѣ мы громко и отчаянно взвыли. Наскоро одѣвшись, Тришатный, Трубецкой и я поспѣшили въ домъ Ляшенка, гдѣ застали тенгинскаго офицера, конвоировавшаго ночью раненыхъ изъ лагеря. Онъ, какъ лично участвовавшій въ дѣлѣ, и сообщилъ намъ всѣ подробности, но лучшей и вѣрной характеристикой покойнаго и его послѣднихъ минутъ служить нижеслѣдующее письмо Циммермана изъ станицы Сунженской, копію съ котораго я снялъ впоследствии у Ольшевскаго.

«10-го декабря 1861 года Гехинскій отрядъ подъ предводительствомъ генералъ-маіора Слѣпцова имѣлъ жаркое и блистательное дѣло на правомъ берегу рѣки Гехи.

«Еще раньше черезъ лазутчиковъ узнали мы, что непріателемъ въ лѣсу устроены огромные завалы, и что чеченцы намѣрены вывезти орудія и стрѣлять по лагерю. Вслѣдствіе того сдѣланы генераломъ Слѣпцовымъ слѣдующія распоряженія, чтобы выбить непріателя изъ заваловъ и, если будетъ можно, захватить орудія. Одна колонна изъ спѣшенныхъ казаковъ-охотниковъ и 2-го тенгинскаго баталіона должна была войти въ лѣсъ, идущій по правую сторону рѣки, и по первому выстрѣлу изъ непріательскаго орудія броситься на путь отступленія чеченцевъ и штурмовать тамъ завалы. Центральная колонна, подъ личнымъ предводительствомъ генерала изъ баталіона пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ конныхъ орудій, по первому же выстрѣлу должна была кинуться по правому берегу рѣки, кавалерія прямо летѣть на завалы и орудія. Наконецъ, третьей колоннѣ, болѣе прочихъ по составу, назначено было стоять на лѣвомъ берегу Гехи, на Нуриковской полянѣ, рубить лѣсъ и быть въ готовности, въ случаѣ появленія непріателя съ орудіемъ, перейти на правый берегъ и содѣйствовать колоннѣ генерала.

«9-е число прошло въ ожиданіяхъ. 10-го лазутчики пришли съ донесеніемъ, что въ этотъ день чеченцы будутъ стрѣлять изъ орудій по пѣхотѣ, рубящей лѣсъ. Часовъ въ 10 войска были на назначенныхъ мѣстахъ. Въ 1-мъ часу генераль приказалъ командѣ охотниковъ тихо войти въ лѣсъ и залечь тамъ. Онъ былъ въ большомъ нетерпѣніи... Наконецъ раздался выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія. Генераль вскочилъ на лошадь, бросился къ кавалеріи, закричалъ ей: «На конь! На конь!» и, поѣхавъ правымъ берегомъ рысью, пустился потомъ скакать. Я находился при немъ. Двѣ сотни неслись за нами на полномъ карьерѣ. Мы проскакали уже версты полторы и были уже на одной высотѣ съ колонной, находившейся на лѣвомъ берегу. Кавалерія стала переходить рѣку; генераль, скакавшій впереди, сказалъ: «Господа, кричите «ура!» Кричите «ура!»». Мы вынули пашки, продолжая нестись во весь духъ, и влетѣли на поляну, усѣянную рѣдкими деревьями. Тутъ былъ непріятель и привѣтствовалъ насъ градомъ пуль, но, приведенный въ замѣшательство появленіемъ кавалеріи, которой онъ не ожидалъ съ этой стороны, ошеломленный ея ударомъ, услышавъ слѣва «ура!» охотниковъ, заходившихъ ему въ тылъ, онъ бросился бѣжать. Казаки догоняли и рубили плѣнныхъ чеченцевъ. Много ихъ здѣсь погибло. Кавалерія вся въ рассыпномъ строѣ скакала впередъ, перепрыгивая черезъ срубленные и наваленныя деревья. Въ лѣсу раздавался грохотъ отъ перестрѣлки и гремѣло всюду русское «ура!». Бѣгущій непріятель прикрылся завалами и открылъ сильный огонь. Генераль послалъ меня съ приказаніемъ къ пѣхотѣ идти какъ можно скорѣй. Черезъ 10 минутъ приведенъ былъ батальонъ навагинцевъ; густая цѣпь ихъ открыла сильный огонь и, подойдя къ завалу, который тянулся длиною линіей, залегла за нимъ. Непріятель быстро отступалъ. Лѣсъ былъ покрытъ бѣгущими чеченцами. Генераль стоялъ правѣ навагинской цѣпи, окруженный лишь своимъ казачьимъ эскортомъ. При немъ не находилось въ эту минуту ни одного офицера (все были разсланы съ приказаніями). Онъ былъ на своемъ знаменитомъ конѣ (на которомъ онъ скакалъ на Шалинскій окопъ, былъ въ Шаладжинскомъ дѣлѣ и въ Нуркахъ, гдѣ его ранили). Издали можно было его различить по шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ кричалъ навагинцамъ: «впередъ, ребята, черезъ завалы!». Вдругъ пуля ударила его въ грудь подъ ложечку; онъ круто повернулъ коня направо, сказавъ своимъ конвойнымъ казакамъ: «возьмите меня», ухватился за гриву и сталъ валиться съ лошади. Въ это время я подскакалъ къ нему. Издали еще я кричалъ: «прикажете ли, ваше превосходительство, пѣхотѣ идти черезъ завалы?» и удивлялся, что онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Подѣхавъ ближе, я увидѣлъ, что его снимаютъ съ лошади. Онъ былъ очень блѣденъ и молчалъ. Никто не зналъ, куда онъ раненъ, крови не было видно. Его положили

на бурку и понесли изъ огня. Минуты черезъ двѣ онъ сказалъ: «Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ; гдѣ баронъ Сталь?» (отрядный квартирмейстеръ). Приѣхалъ баронъ Сталь, онъ повторилъ ему это приказаніе. Его понесли далѣе. Явился докторъ. Генерала положили на землю и стали раздѣвать; докторъ отстегнулъ его кинжалъ, снялъ поясъ съ пистолетомъ, разстегнулъ черкеску, бешметъ. Тогда на бѣлой рубашкѣ показалось небольшое кровавое пятно. Докторъ опустилъ зондъ въ рану, не ощупалъ пули и вынулъ тотчасъ назадъ зондъ. Я отвелъ его въ сторону и спросилъ, какова рана. «Смертельная,—отвѣчалъ онъ,—безполезно даже искать пулю». Его понесли далѣе; отъ солдатъ и кавалеріи скрыли смерть любимаго начальника. Генераль Слѣпцовъ испустилъ духъ, когда его переносили черезъ рѣку. Докторъ Лужинскій находился при немъ до послѣдней минуты и помнитъ всѣ его слова. Онъ спросилъ: «Взята ли пушка?» Ему отвѣчали: «Нѣтъ, но зато много побито чеченцевъ!». Онъ сказалъ: «Ну, и это хорошо!». Мысль о войскахъ не оставляла его, онъ вслушивался въ гулъ перестрѣлки, гремѣвшей въ лѣсу, спрашивалъ, соединились ли съ колонною охотниковъ, велика ли потеря у насъ. Сталь молился: «Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному!». Онъ глубоко былъ религіозенъ и умиралъ съ твердою вѣрою въ вѣчную жизнь. Онъ не страдалъ, агонія не была мучительна. Ни одного крика или стога. Жилъ онъ еще съ полчаса послѣ роковаго удара и тихо заснулъ. Трупъ его былъ принесенъ казаками въ лагерь.

«Такъ палъ смертью героя доблестный генераль Слѣпцовъ, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ! Всѣ жалѣютъ о немъ, отъ начальниковъ до послѣдняго солдата. Скорбь общая и нелицемѣрная! Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (33-хъ), совершивъ уже блистательную карьеру, составивъ себѣ имя, громкое въ кавказскихъ войскахъ, грозное для чеченцевъ, имѣя ничѣмъ не запятанную репутацію. Память его будетъ священна для всѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать. Онъ былъ средняго роста, худъ и сухъ; блѣдное лицо его было очень красиво. Строгій, благородный профиль, орлиный носъ, густые короткіе усы, бакенбарды, обходившія кругомъ лица, и черные глаза, которыхъ обыкновенное выраженіе было мягко и ласково, но которые въ минуту одушевленія и гнѣва сверкали какъ угли,—составляли одну изъ тѣхъ фizioномій, которыхъ нельзя забыть.

«Я какъ будто теперь гляжу на него, какъ онъ сидитъ, бывало, задумавшись, около палатки, въ своей высокой шапкѣ, желтой черкескѣ и короткой шубѣ. Волосы его были густые, курчавые и черные, какъ смоль; серебро сѣдинъ стало пробиваться въ нихъ. Онъ быстро ходилъ, движенія и жесты его были рѣзкія; говорилъ скоро; когда былъ въ волненіи, то немного заикался; голосъ его былъ пріятенъ, особеннаго тона, въ минуту же гнѣва и раздраженія дѣлался

необыкновенно громкимъ и крикливымъ. Онъ былъ вспыльчивъ, какъ порохъ, но варывъ страсти скоро проходилъ, и онъ, если былъ неправъ, спѣшилъ извиниться. Преобладающія военныя качества: отвага безоглядная; не было преграды, которой бы онъ утратился, или опасности, которая бы его остановила, предпріятія военнаго, которое онъ счелъ бы неисполнимымъ. Это былъ баярдъ кавказской арміи, рыцарь безъ страха и упрека. Про него сложи- лась пѣсня:

«Стая на небѣ орловъ
«Тучу разсѣкаетъ,
«На чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
«Съ Сунжи налетаетъ».

«Онъ имѣлъ всѣ типическія свойства русскаго человѣка: го- степріименъ, радушенъ, хлѣбосоль. Домъ его и карманъ были от- крыты для всѣхъ. Онъ истратилъ все свое состояніе на Сунжен- скій полкъ. Въ кошелекѣ его послѣ смерти нашли одинъ гривен- никъ!..

«Выражался онъ просто, не любилъ фразъ; въ разговорѣ лю- билъ употреблять уменьшительныя слова, былъ чрезвычайно ла- сковъ и привѣтливъ.

«У генерала Слѣпцова были и свои странности. Онъ, столь от- важный и смѣлый, прославившійся своимъ безстрашіемъ, боялся, и какъ еще, разныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся, боялся ихъ, какъ левъ боится пѣтушиного крику. Когда, бывало, онъ увидитъ гадину, то сейчасъ измѣнится въ лицѣ. Въ станицѣ Са- машки много ядовитыхъ пауковъ; онъ не любилъ тамъ бывать и говаривалъ: «тамъ пауки есть!». Когда онъ пріѣзжалъ туда и си- дѣлъ у станичнаго начальника, то всегда осматривался: ему каза- лось, что по немъ ползаютъ пауки. Къ сверчкамъ особенно имѣлъ страшное отвращеніе. При мнѣ разъ въ Ачхоѣ онъ увидѣлъ въ комнатѣ сверчка, сейчасъ поблѣднѣлъ и закричалъ: «Ларька, Ларька, лови сверчка, возьми его, не убивай и неси вонъ изъ укрѣпленія». Съ непокорными чеченцами онъ велъ открытую и рыцарскую войну, но народъ любилъ и много заботился о тѣхъ, кто къ намъ переселялся. Съ плѣнными не былъ вовсе жестокъ. Къ смерти былъ готовъ каждую минуту, боялся только умереть въ постели отъ болѣзни; эта готовность и ожиданіе ея было особенно странно въ молодомъ, красивомъ и здоровомъ человѣкѣ.

«Встрѣча праха его на Сунжѣ исполнена была мрачной тор- жественности. За нѣсколько верстъ старики, женщины и дѣти вышли встрѣчать его тѣло; больные, хворые, всѣ устремились на встрѣчу тому, кто поселилъ ихъ, водворилъ, заботился о всѣхъ ихъ нуждахъ, защищалъ, берегъ и погибъ за нихъ. Клади груд- ныхъ младенцевъ на гробъ, отовсюду слышны были восклицанія: «онъ меня изъ плѣна выкупилъ», или: «онъ семью нашу под-

держалъ послѣ смерти отца». Каждый изъ нихъ лично зналъ Слѣпцова, вѣдавшаго всѣ ихъ нужды. Онъ сдѣлался для казаковъ столь необходимымъ, что они не могли свыкнуться съ его потерей, все думали, раздастся его призывный крикъ: «На конь, за мной, Сунжа!». Три дня стояло его тѣло въ Сунженской; день и ночь тѣснился народъ у гроба, рыдалъ, цѣловалъ его руки. Казаки говорили: «если бы могъ онъ хоть на минуту воскреснуть, онъ увидѣлъ бы, какъ мы его любили!». Такая скорбь и любовь—высшая ему награда. 14-го декабря были похороны. Генералъ лежалъ въ гробу съ открытымъ лицомъ, онъ былъ одѣтъ въ мундиръ Сунженскаго полка; казаки и слышать не хотѣли, чтобы на него надѣли парадный генеральскій: «пусть положить его въ нашей казацкой одежѣ», — говорили они. За колесницей несли полковое знамя и вели бѣлаго коня генерала, на которомъ онъ былъ убитъ. Казаки къ нему подходили и говорили ему въ своей наивной горести: «ты не добрый конь, на тебѣ былъ убитъ нашъ отецъ, на тебѣ же онъ былъ и раненъ, ты не берегъ его; если бы онъ былъ на гнѣдомъ, то остался бы живъ, тотъ былъ добрый конь и часто былъ раненъ подъ нимъ, а тебя ни разу не ранили». Наконецъ прогѣли послѣднюю «вѣчную память», гробъ засыпали, и ничего не осталось на землѣ отъ убиеннаго боярина Николая, кромѣ громкой славы, пока жить будетъ казачій народъ на Сунжѣ.

«Дѣло 10-го декабря было удачно. Особенно отличились казачіе охотники подъ предводительствомъ Предимірова и маіора Меркулова. Они взяли завалы и аулъ. Непрiятель бѣжалъ, какъ бы пораженный паническимъ страхомъ. Ночью лишь узнали въ горахъ о смерти ихъ грознаго врага».

Послѣ панихиды въ Урусъ-Мартанѣ по Слѣпцовѣ, въ тотъ самый день, когда мы рассчитывали праздновать у него въ Гехинкѣ, мы всѣ въ печальномъ настроеніи вернулись въ Воздвиженское. Тутъ мало-по-малу жизнь вступила въ свои права, и на сцену выступили ежедневные интересы. Въ послѣднее время, не смотря на таинственность, которою облекалъ свои дѣянiя князь Семень Михайловичъ, я случайно уловилъ нѣсколько несомнѣнныхъ признаковъ его тревожной дѣятельности въ сношенiяхъ съ какими-то чеченскими личностями. Два вечера сряду появленiя переводчика съ закутанными байгушами непрiятно прерывали нашъ вистъ. Князь бросалъ карты, уходилъ съ пришельцами въ кабинетъ и по получасу заставлялъ насъ ожидать, а послѣдній разъ совѣщался съ ними около двухъ часовъ. Наконецъ, спровадивъ посѣтителей, князь вернулся въ гостинную, видимо озабоченный, но вмѣстѣ и въ отличномъ расположеніи духа. Предложивъ намъ бросить глупый вистъ, онъ потребовалъ шампанскаго и въ силу плохо скрываемаго возбужденiя, вопреки обыкновенiю, залпомъ осушилъ два

стакана. Мы переглянулись между собою, ничего не понимая, а онъ упорно хранилъ тайну. Не зналъ я тогда, что тайна эта разыграется такимъ сильнымъ скандаломъ между начальствомъ. По разсѣянности князь три раза переспрашивалъ меня, я ли назначенъ назавтра вести колонну въ лѣсъ, и, получая утвердительный отвѣтъ, что-то непонятное мычалъ себѣ подъ носъ и только по четвертому разу, что вызвало взрывъ хохота Николая и княгини, обратясь ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, его свѣтлость загадочно замѣтилъ: «значитъ, мы рано увидимся!». На слѣдующій день, согласно съ приказомъ по войскамъ гарнизона, три роты 2-го батальона, подъ моимъ начальствомъ, назначены были идти въ 7 часовъ утра въ лѣсъ за дровами. Только что я успѣлъ за Чахкеринскими воротами поздороваться съ людьми моей колонны, какъ за мною вслѣдъ выѣхалъ изъ крѣпости князь Семенъ Михайловичъ, торопливо приказавшій мнѣ отправить двѣ роты съ обозомъ въ лѣсъ, а самому мнѣ съ 6-ю ротой идти съ нимъ къ Аргунскому ущелью. Сдѣлавъ должныя распоряженія, мы молча тронулись впередъ; князь ѣхалъ рядомъ со мною, но не проронилъ ни одного слова. За полверсты отъ лѣса онъ приказалъ остановить мою роту и рассыпать впереди застрѣльщиковъ, съ которыми я и самъ направился къ опушкѣ лѣса, предварительно получивъ инструкцію его свѣтлости принять и доставить къ нему, ожидаемую имъ, очень важную личность. Минуту спустя, князь не выдержалъ, далъ шпоры своему Нарзану, въ нѣсколько лансадъ нагналъ меня и таинственно спросилъ: «Et vous ne devinez pas encore qui est l'individu que j'attends?» — «Mais non, mon prince, je n'en ai pas l'idée!» — отвѣтилъ я. — «Eh bien, c'est... c'est... ni plus, ni moins, c'est Hadji-Murat, en personne!» — торжественно пояснилъ онъ ¹⁾. Только что подскакалъ я къ 3-му взводу, какъ изъ опушки лѣса показалось нѣсколько всадниковъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ красивый, статный бронецъ, въ щегольской бѣлаго сукна черкескѣ, увѣшанный дорогимъ, въ золотой оправѣ, оружіемъ. Умное и энергическое лицо его, съ блестящими черными глазами, выражало полное спокойствіе и самонадѣянность. Подѣхавъ ко мнѣ, онъ остановилъ коня такъ близко, что мы целкнулись съ нимъ стремениами. Пріятельски протянувъ мнѣ руку, онъ развязно сказалъ мнѣ на аварскомъ языкѣ привѣтствіе и, вопросительно махнувъ рукою въ сторону князя, вмѣстѣ со мною направился къ нему. Это былъ самъ Хаджи-Муратъ, а по обѣимъ его сторонамъ, по два почетныхъ лица, всѣ украшенные на груди металлическими бляхами, въ родѣ звѣздъ, точь въ точь, какъ взятая нами въ 1847 году у набга Дубы.

---

¹⁾ И вы до сихъ поръ не догадываетесь, кто этотъ неизвѣстный, котораго я жду?—Нѣтъ, князь, не имѣю никакого понятія.—Это... это... это, ни больше ни меньше, самъ Хаджи-Муратъ!

Состоящій при князѣ переводчикъ тутъ же передалъ суть всего сказаннаго эксъ-ханомъ аварскимъ, а именно: «что онъ, Хаджи-Муратъ, давно уже помышлялъ помириться съ русскими, которыхъ всегда уважалъ, но не могъ оставить Шамиля, пока ихъ соединяли узы дружбы и согласія; теперъ же, по измѣнившимся между ними отношеніямъ, онъ поспѣшилъ осуществить давно заглаженное желаніе передаться русскому правительству и избралъ явиться къ представителю власти, именно къ князю Воронцову, вслѣдствіе особеннаго и глубокаго къ его особѣ уваженія».

Очень довольный князь порывисто обнялъ Хаджи-Мурата, крѣпко пожалъ руки всей его свитѣ и, отпустивъ меня съ ротой въ лѣсъ къ моей колоннѣ, самъ вмѣстѣ съ новыми вѣрноподанными царя русскаго курць-галопомъ поскакалъ къ крѣпости. Часа три спустя, ничего не подозрѣвая о случившемся въ Воздвиженскомъ, я вернулся съ колонною въ крѣпость; но, явившись къ барону Меллеру, имъ принять не былъ по нездоровью. Не придавая никакого значенія этому обстоятельству, я переодѣлся и по обыкновенію направился въ домъ Воронцовыхъ, гдѣ засталъ страшную кутерму, жалобы, негодованіе и даже со стороны княгини слезы. Увидя меня, она въ большомъ волненіи приступила къ объясненію.

Князь Семенъ Михайловичъ, разставшись со мною, привезъ прямо къ себѣ въ домъ Хаджи-Мурата и поспѣшилъ его представить княгинѣ. Хаджи-Муратъ сначала дичился въ обществѣ женщины, но ловкость, умъ и привѣтливость хозяйки скоро ободрили эксъ-аварскаго хана, и онъ не только принялъ предложенный ему кофе, но и обласкалъ 8-милѣтняго сына княгини. Въ свою очередь Булька, за нѣсколько до того минутъ взиравшій исподлобья и даже со страхомъ на страшнаго по молвѣ наиба, почувствовалъ къ нему симпатію, влѣзъ къ нему на колѣни и со свойственной его возрасту любознательностью сталъ разглядывать блестящее его оружіе. Хаджи-Муратъ, строго придерживаясь кореннаго обычая на востокѣ относительно пешкешей ¹⁾, поспѣшилъ снять съ себя кинжалъ, привлекшій вниманіе балованнаго мальчика, и тутъ же любезно опоясалъ имъ Бульку. Словомъ, въ какой нибудь часъ времени знакомство и даже дружескія отношенія между Хаджи-Муратомъ и Воронцовыми установились сами собой, когда вдругъ явился адъютантъ Меллера съ приказаніемъ сію же минуту представить къ нему выбѣжавшаго изъ горъ Хаджи-Мурата.

Князь Семенъ Михайловичъ, смекнувъ возможность неприятой для его гостя выходки со стороны Меллера (какъ старшаго начальника въ крѣпости), вздумалъ для отвращенія грозы не только самъ сопровождать Хаджи-Мурата къ командующему войсками Воздвиженскаго гарнизона, но и пригласилъ идти съ ними Марью

¹⁾ Подарки.

Васильевну. Триумвиратъ пѣшкомъ черезъ площадь отправился къ дому барона Меллера, нетерпѣливо и страшно раздраженно ожидавшаго появленія знаменитаго выходца. Увидѣвъ наконецъ изъ окна подходящаго наиба, но не одного, а въ обществѣ Воронцовыхъ, баронъ выскочилъ на встрѣчу къ нимъ въ сѣни и, вѣжливо пригласивъ княгиню на половину жены своей, а Хаджи-Мурата оставивъ въ залѣ подъ наблюдениемъ адъютанта Соболевскаго, попросилъ князя къ себѣ въ кабинетъ. Тутъ произошло между ними крупное объясненіе, вызвавшее бурную сцену, при чемъ Меллеръ позволилъ себѣ рѣзкое выраженіе, за которое князь едва не нанесъ ему личнаго оскорбленія. На страшный шумъ туда ворвались обѣ жены, и сцена должна была прекратиться, но Меллеръ арестовалъ на особой квартирѣ Хаджи-Мурата за офицерскимъ при немъ карауломъ и послалъ съ нарочнымъ донесеніе начальнику лѣваго фланга. Последнее обстоятельство вызвало и князя Воронцова сейчасъ же отправить письмо генералу Козловскому. Воображаю положеніе бѣднаго Викентія Михайловича, при полученіи этихъ обоюдныхъ протестовъ. «Какъ, какъ? Ну, какъ же поступить мнѣ, Анна Васильевна, какъ?» Но нашъ тихоня Козловскій оказался премудрымъ Соломономъ. Получивъ оба донесенія, его превосходительство ночью же прислалъ предписаніе немедленно же яблоко раздора, то-есть Хаджи-Мурата, препроводить къ нему въ Грозную. Коротко и ясно!

Поступокъ князя относительно исторіи изъ-за Хаджи-Мурата въ служебномъ отношеніи его, конечно, не оправдываетъ. Меллеръ-Закомельскій высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ былъ командовать войсками въ Воздвиженскомъ, а князь Воронцовъ только командиръ Куринскаго полка, а потому первый былъ облеченъ правами и обязанностями всѣхъ внѣшнихъ сношеній съ окружающимъ насъ непріателемъ, а второй только внутреннимъ управленіемъ одного полка. Изъ этого ясно, что князь Воронцовъ не имѣлъ никакого права прямо и помимо вѣдома барона Меллера вступать лично отъ себя въ какіе бы ни было переговоры съ непокорною намъ личностью и принимать ее непосредственно подъ свое покровительство.

Наканунѣ Рождества насъ ждала великая новость. Козловскій назначенъ былъ въ Ставрополь вмѣсто скончавшагося Завадовскаго, а начальникомъ лѣваго фланга и 20-й пѣхотной дивизіи сдѣланъ генераль-адъютантъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Викентій Михайловичъ на третій день Рождества долженъ былъ пріѣхать къ намъ въ Воздвиженское, чтобы проститься съ Куринскимъ полкомъ.

По донесенію Козловскаго главнокомандующему о замиреніи и выходѣ къ намъ Хаджи-Мурата, изъ Тифлиса командированъ былъ въ Грозную Лорисъ-Меликовъ, чтобы привезти бывшаго хана

аварскаго въ столицу Грузіи. Михаилъ Таріеловичъ вмѣстѣ съ почетнымъ пока плѣнникомъ занималъ временно бывшую квартиру Меллера. Я былъ у него, и Лорисъ очень любопытствовалъ узнать подробности войны алой и бѣлой розы въ Воздвиженскомъ; онъ, какъ ловкій дипломатъ, вытянулъ у меня все на чистоту, а самъ высказался очень туманно о томъ, какъ принята исторія изъ-за Хаджи-Мурата при Тифлискомъ дворѣ. Во всякомъ случаѣ не князь тутъ пострадаетъ.

На третій день праздника князь Семенъ Михайловичъ давалъ въ честь генерала Козловскаго большой обѣдъ всему полку.

Задолго еще до назначеннаго часа мы увидали изъ окна въ саду сосредоточенно двигающагося генерала Козловскаго, медленно шевелящаго губами и ничего, казалось, кругомъ не замѣчающаго. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ придумывалъ и заучивалъ приличный и въ данномъ случаѣ необходимый спичъ на обѣдѣ съ полкомъ бывшей его дивизіи, съ такимъ полкомъ, боевую исторію котораго онъ изучилъ по всѣмъ перипетіямъ собственной втеченіе болѣе 30-ти лѣтъ кавказской службы. Судя по усиленной умственной работѣ, заставляющей его такъ упорно искать одиночества, во мнѣ рождалось сомнѣніе, признаюсь, очень тягостное, въ благополучномъ разрѣшеніи задачи; кромѣ того, мнѣ искренно хотѣлось опровергнуть нѣкоторыя насмѣшки надъ Козловскимъ жестокій сегодня Марьи Васильевны.

— Le pauvre homme,—говорила она,—est absorbé par la besogne bien pénible pour lui de tenir un spitch. Бѣдный старикашка, какъ мнѣ его жаль, съ его-то краснорѣчіемъ!

Время близилось къ парадному обѣду. Уже въ столовой стали собираться приглашенные, а Викентій Михайловичъ все еще шагаль по саду. Наконецъ, онъ взвошелъ въ столовую, привѣтливо раскланялся со всѣми наличными офицерами и съ овабоченнымъ и краснымъ, какъ ракъ, лицомъ, тяжело отпыхиваясь, опустился на кресло въ гостиной. Княгиня, взглянувъ на него, лукаво подмигнула мнѣ и съ участіемъ стала разспрашивать Викентія Михайловича о его здоровьѣ.

Въ эту минуту дворецкій возвѣстилъ, que madame la princesse est servie, и Марья Васильевна, граціозно округливъ свою прелественную руку, повела почетнаго гостя въ столовую.

Сначала обѣдъ шелъ обычнымъ порядкомъ, но вотъ подали жареное, а съ нимъ и роковая минута появленія шампанскаго, слѣдовательно, и ожидаемаго спича. Меня начала бить лихорадка нетерпѣнія, а болѣе страха. За спиной княгини (я, вѣсело, сидѣлъ у ней съ правой стороны), взглянувъ на ея сосѣда слѣва, я испугался страдальческаго его лица. Наконецъ, въ бокалахъ заискрилось шампанское, Викентій Михайловичъ откашлялся, обвелъ всѣхъ глазами, потянулся, съ трудомъ досталъ изъ задняго кармана но-

совой платокъ и началъ сморкаться. Напряженное ожиданіе обмануло нетерпѣливую публику. Княгиня съ очаровательной улыбкой взглянула на генерала. Меня окончательно бросило въ жаръ, а когда въ эту минуту вдругъ вскочилъ со стула Козловскій, сердце громко застучало. Воцарилось молчаніе. Взоры всѣхъ присутствующихъ, не исключая многочисленной прислуги, которая по знаку князя замерла на мѣстѣ, устремились на старика, все еще переводящаго духъ. Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія, и онъ дрожащимъ голосомъ началъ:

— Господа офицеры, какъ, дорогаго сердцу моему, какъ, Куринскаго полка! По высочайшей его величества волѣ, я уѣзжаю отъ васъ, расстаюсь съ вами! Но какъ бы ни былъ я далеко, считайте меня всегда, какъ, съ вами... Вамъ, господа, знакома, какъ, истина, одинъ въ полѣ не воинъ! Поэтому все, чѣмъ я на службѣ моей, какъ, награжденъ; все, какъ, чѣмъ осыпанъ великими щедротами государя императора, всѣмъ положеніемъ и, какъ, добрымъ именемъ моимъ, всѣмъ, всѣмъ, рѣшительно, какъ, — здѣсь голосъ его еще сильнѣе задрожалъ, — я только, какъ, обязанъ вамъ и однимъ вамъ, дорогіе друзья мои!..—Выступившіе на старческихъ глазахъ слезы покатались по сморщеннымъ щекамъ его.—Отъ всего сердца приношу вамъ, какъ, мою искреннюю, задушевную признательность!—Слезы душили его. Не въ силахъ подавить волненіе, Козловскій зарыдалъ и порывисто бросился обнимать офицеровъ, всѣхъ отъ перваго до послѣднаго. Княгиня закрыла лице платкомъ: она плакала. Даже князь Семенъ Михайловичъ, какъ-то странно скривя ротъ, заморгалъ глазами.

Впечатлѣніе немногихъ словъ Козловскаго было поразительное.

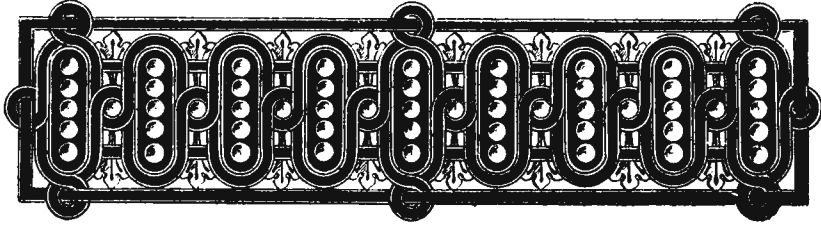
— J'ai en tort, je l'avoue, —шепнула мнѣ княгиня.

На слѣдующій день почти весь наличный составъ офицеровъ верхомъ провожалъ Викентія Михайловича до Большаго Кургана, гдѣ въ послѣдній разъ мы осушили по бакалу шампанскаго за его здоровье съ пожеланіями ему счастливаго пути и всякаго благополучія на новомъ посту.

Итакъ поляны и лѣса чеченскіе уже не увидятъ у себя храбрѣйшаго генерала Козловскаго во главѣ побѣдоносныхъ его отрядовъ. Ближайшая чрезъ нѣсколько дней назначенная экспедиція должна уже состоятся подъ командой вновь восходящей, но уже очень блестящей звѣзды кавказской, князя Александра Ивановича Барятинскаго.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЫЯ ВСТРЪЧИ ¹⁾.

III.

Въ артистическомъ мірѣ.

ВЪ ОДНОМЪ изъ весеннихъ номеровъ еженедѣльной газеты «Русскій Міръ», въ 1862 году, была помѣщена статья подъ заглавіемъ: Русская артистка Леонова. Статья эта произвела тогда рѣшительную сенсацію въ театральномъ мірѣ и стоила не малыхъ хлопотъ автору ея, скрывшему свою фамилію подъ псевдонимомъ Мелетьевъ. Черезъ тридцать лѣтъ можно сознаться, что эту статью написалъ я, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

До тѣхъ поръ я зналъ почтенную Дарію Михайловну Леонову только по сценѣ; ближе, чѣмъ партеръ отъ сцены, я никогда и не видѣлъ знаменитой тогда артистки, что не мѣшало мнѣ, однако, быть ей глубоко обязаннымъ многими часами высокаго наслажденія, которымъ дарила она посѣтителей Маріинскаго театра; во мнѣ и теперь живо еще впечатлѣніе, испытанное мной, когда я первый разъ услышалъ ея незабываемое: ахъ, не мнѣ бѣдному.

Но вотъ кончился театральнй сезонъ; прекратилась на цѣлые семь мѣсяцевъ возможность упиваться театральными восторгами, и насталъ скучнѣйшій сезонъ концертовъ съ неизбѣжными живыми

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LI, стр. 758.

картинами. Театры и особенно Маринскій были единственнымъ развлечениемъ, которое сильно отвлекало меня отъ занятій, такъ что съ наступлениемъ великаго поста я усилилъ свою работу, довольный, что застрахованъ теперь до будущей осени отъ всякихъ соблазновъ.

Вдругъ мнѣ попадаетъ афиша, изъ которой узнаю, что на дняхъ въ залѣ Благороднаго Собранія имѣеть быть концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ медико-хирургической академіи, при благосклонномъ участіи артистки императорскихъ театровъ Д. М. Леоновой.

Ну, какъ не пойти? Во-первыхъ, и цѣль очень хорошая, а главное,—въ концертѣ участвуетъ Леонова.

Зала Благороднаго Собранія была переполнена публикой; начало концерта замедлилось вслѣдствіе неприбытія одного изъ участвующихъ артистовъ, который долженъ былъ пѣть въ первомъ номерѣ; объ этомъ стало извѣстнымъ и публикѣ отъ распорядившейся внѣшней стороною концерта академической молодежи, и потому, въ числѣ другихъ, я направился въ буфетъ покурить и выпить стаканъ чаю; но не успѣлъ я сдѣлать ни того ни другого, какъ въ залѣ раздались аккорды фортепіано, и вслѣдъ за ними покотился широкой волной чудный голосъ Леоновой, № которой стоялъ въ афишѣ вторымъ по порядку. Всѣ, кто былъ въ буфетѣ, поспѣшили въ залу и этимъ произвели неизбежный шумъ; боясь быть невольнымъ участникомъ въ этомъ безпорядкѣ, я остановился у двери, а такъ какъ тутъ же рядомъ находилась комната, откуда исполнители концерта выходили на эстраду, то я, признаюсь, не безъ робости вошелъ въ эту комнату, чтобы ближе слушать пѣніе знаменитой артистки. Теперь я не помню, что она пѣла тогда, но лишь затихъ послѣдній звукъ дивнаго ея голоса, какъ взрывъ и цѣлая буря аплодисментовъ огласили залу; оваціи шли все *crescendo*, и артистка, спѣвъ на *bis* какой-то романсъ, не скоро могла покинуть эстраду. Глубоко взволнованная, со слезами на глазахъ, она вошла въ ту комнату, гдѣ находились другіе исполнители, и куда и я попалъ, какъ выше сказано, совершенно случайно. И въ этой комнатѣ встрѣтили ее дружные аплодисменты, причемъ распорядители стали выражать ей глубокую благодарность за то, что она открыла концертъ не въ очередь своего нумера.

— А Васильева, всетаки, нѣтъ,—сказалъ одинъ изъ распорядителей:— что это значить? пріѣдетъ ли онъ и нужно ли оповѣстить публику объ измѣненіи концертной программы?

— Оповѣщайте, — отвѣчала Леонова, — я увѣрена, что онъ не пріѣдетъ.

— Но почему?

— Потому что я участвую въ концертѣ.

Всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на артистку.

— Васъ это удивляетъ?—обратилась она къ распорядителямъ съ грустной улыбкой:—вы, быть можетъ, подумали, что мы съ Васильевымъ въ ссорѣ? нисколько; онъ не правъ только предъ вами, давъ слово участвовать въ концертѣ и не сдержавъ своего слова; относительно же своихъ выгодъ онъ поступилъ вполне практично, и этотъ поступокъ его будетъ оцѣненъ по достоинству.

— Кѣмъ оцѣненъ?—спросилъ кто-то.

— Павломъ Степановичемъ Ѳедоровымъ, кѣмъ же другимъ,—отвѣчала Леонова, какъ будто удивленная обращеннымъ къ ней вопросомъ.

Слѣдующій номеръ былъ А. Г. Контскаго и, пока онъ исполнялъ на эстрадѣ этотъ номеръ, мнѣ пришлось услышать грустную повѣсть изъ закулиснаго міра нашей артистки.

— Развѣ вы ничего этого не знаете?—обратилась она къ окружающимъ.—Отъ благоволенія Ѳедорова, такъ же какъ отъ немилости его, зависитъ и вся сценическая судьба и самое существованіе каждаго артиста. Я больше чѣмъ въ немилости у этого сильнаго человѣка. Я въ полной у него опалѣ. Почему, этого я не могу сказать; это дѣло его и моей совѣсти... И вотъ, понятно, чтобы угодить ему, нужно чѣмъ нибудь досадить мнѣ; и чѣмъ значительнѣе будетъ эта моя досада, тѣмъ большее выйдетъ угожденіе моему врагу-начальнику. Вотъ почему Васильевъ отказался участвовать въ одномъ со мной концертѣ! Завтра, конечно, Ѳедоровъ узнаетъ объ этомъ и усилитъ къ нему свою благосклонность; но мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно, а главное не больно...

Леонова остановилась, глубоко взволнованная, и на глазахъ ея показались слезы.

— Да, господа, бываетъ больно, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вотъ тутъ, среди васъ, я спокойна, по крайней мѣрѣ, за свою личную безопасность. Вотъ тамъ, на эстрадѣ, я пѣла, меня слушали, аплодировали, добрая публика растрогала меня своимъ лестнымъ вниманіемъ, и я прямо съ эстрады спокойно вошла въ эту комнату. А знаете ли, во что обходятся мнѣ такіе аплодисменты и вниманіе публики тамъ, за кулисами Маринскаго театра? Не успѣютъ опустить занавѣсъ, не успѣю я добраться до своей уборной, какъ меня встрѣчаетъ иногда такой толчокъ въ бокъ или спину, конечно, нечаянно, съ извиненіемъ, что у меня въ глазахъ потемнѣетъ, голова закружится. Какой нибудь добрый, а главное смѣлый человѣкъ дастъ мнѣ воды, я выпиваю глотокъ, мнѣ не много лучше... а тамъ, въ театральной залѣ, гулъ стоитъ отъ аплодисментовъ и вызововъ; публика зоветъ меня на сцену; это придаетъ мнѣ силъ, я собираюсь съ ними, выхожу, улыбаюсь сквозь душащія меня слезы, чувствую себя сразу сугубо вознагражденною за нанесенное мнѣ за кулисами оскорбленіе и въ то же время

трепещу при мысли, что съ опущеніемъ занавѣса я вновь подвергнусь грубой обидѣ. И, повѣрьте, я строго не осуждаю этихъ кулисныхъ моихъ обидчиковъ; въ сущности, это не злой народъ, и я глубоко убѣждена, что при встрѣчѣ со мной внѣ сцены имъ совѣстно въ глаза мнѣ взглянуть; но имъ хлѣба нужно, нужно жить, и вотъ они добываютъ этотъ хлѣбъ, насилуя большей частью свою совѣсть и стараясь всячески заслужить милость и благоволеніе человѣка, отъ воли котораго зависитъ вся ихъ судьба.

Я до глубины души былъ возмущенъ тѣмъ, что мнѣ нечаянно пришлось услышать; съ нетерпѣніемъ ждалъ я окончанія концерта, котораго не могъ покинуть только потому, что послѣднее отдѣленіе заканчивалось нумеромъ Леоновой. Прийдя домой, я схватилъ перо и написалъ горячую статью: «Русская артистка Леонова». Это было въ пятницу, а въ субботу статья моя уже набиралась въ типографіи для воскреснаго № «Русскаго Мира». Редактора-издателя А. С. Героглифова я успокоилъ на счетъ статьи, увѣривъ его, что свѣдѣнія, сообщаемыя мной, почерпнуты изъ самовѣрнѣйшаго источника, и что я беру на себя всю отвѣтственность за послѣдствія, если бы таковыя приключились. За пропускъ моей статьи цензоромъ я не боялся, во-первыхъ, потому, что, кромѣ фамиліи Леоновой, въ ней не были упомянуты другія фамиліи, такъ же какъ и источникъ моихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается за кулисами императорскихъ театровъ, а, во-вторыхъ, въ началѣ 1862 года цензура наша была еще довольно благосклонна и не нагоняла на пишущую братію тѣхъ ужасовъ, которые пришлось мнѣ испытывать впослѣдствіи, особенно во время моего редакторства.

Въ концѣ настоящей главы я расскажу о непріятныхъ для меня послѣдствіяхъ отъ этой статьи, а теперь скажу о ближайшихъ и неожиданно пріятныхъ ея послѣдствіяхъ.

Въ воскресенье утромъ мнѣ принесли № «Русскаго Мира», и я съ удовольствіемъ прочиталъ въ немъ пропущенное цѣликомъ свое произведеніе. Не успѣлъ я, окончивъ чай, приняться за работу, которая была на очереди, какъ ко мнѣ постучали въ дверь, и затѣмъ предо мной предсталъ незнакомый господинъ.

— Позвольте узнать, вы господинъ Сикевичъ? — сказалъ вошедшій.

— Къ вашимъ услугамъ, — отвѣчалъ я, подходя къ гостю.

— Имѣю честь представиться — Ал. Ив. Г—ерь.

— Чему обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ?

— Я мужъ артистки Леоновой и явился къ вамъ по поводу статьи вашей, помѣщенной въ сегодняшнемъ № «Русскаго Мира».

Прежде всего я почему-то почувствовалъ себя сконфуженнымъ такимъ неожиданнымъ признаніемъ моего посѣтителя, и во мнѣ явилась рѣшимость отказаться отъ авторства.

— О какой статьѣ говорите вы?—спросилъ я съ притворнымъ удивленіемъ.

Гость мой въ свою очередь тоже не мало удивился.

— О статьѣ: «Русская артистка Леонова»...—недоумѣло произнесъ онъ:—вѣдь это ваша статья,—продолжалъ онъ, доставъ изъ кармана № газеты и указывая мнѣ на заглавіе статьи.

— Нѣтъ, не моя; вы ошиблись,—отвѣчалъ я, чувствуя, что плохо владѣю собою и съ трудомъ побѣждаю смѣхъ.

— Извините... мнѣ сказали... какъ же это... простите, пожалуйста...—и мой гость, сконфуженный, поспѣшилъ удалиться.

По уходѣ моего посѣтителя мнѣ стало неловко и совѣстно предъ нимъ. И откуда онъ узналъ о моемъ авторствѣ? — думалъ я. И какъ это, она—Леонова, а онъ, мужъ ея,—Г—ерь? Зачѣмъ онъ съ такой поспѣшностью отыскалъ меня и явился? А что, если эта статья произвела непріятное впечатлѣніе на Леонову, и она прислала ко мнѣ мужа своего, чтобы потребовать объясненій, какъ объ источникѣ сообщенныхъ мной свѣдѣній изъ закулиснаго міра, такъ и о правѣ, по которому я позволилъ себѣ, безъ личнаго на то разрѣшенія артистки, огласить въ печати ея положеніе въ этомъ мірѣ? Вотъ, пожалуй, и оправдается пословица: не спросяся броду..., и чувство глубокой симпатіи къ артисткѣ Леоновой и негодованіе къ ея обидчикамъ преподнесутъ мнѣ въ концѣ концовъ одно изъ донкихотскихъ вознагражденій.

Среди такихъ размышленій я услыхалъ новый стукъ въ мою дверь, и предъ моими глазами предсталъ тотъ же недавній посѣтитель мой, назвавшійся мужемъ артистки Леоновой.

— Нѣтъ, какъ хотите, а я такъ отъ васъ не уйду, — началъ онъ:—я сейчасъ опять былъ въ редакціи «Русскаго Міра», и мнѣ навѣрное сказали, что статью: «Русская артистка Леонова», написали вы.

— Ну, хорошо, положимъ и я; что же вамъ угодно?—обратился я къ гостю.

— Такъ вы? сознаетесь?—схватилъ тотъ мои руки.

— Я.

— Дорогой! ѣдемъ-те, пожалуйста, скорѣе!

— Куда?—изумился я.

— Къ моей женѣ, къ Даріи Михайловнѣ; она приказала мнѣ безъ васъ не возвращаться домой... Ради Бога, поспѣшите доставить ей великое удовольствіе познакомиться съ вами и отъ души поблагодарить васъ за вашу горячую защиту.

— Но помилуйте... началъ было я.

— Неужели вы откажетесь порадовать мою жену? Неужели захотите, чтобы она сама была сейчасъ вотъ тутъ у васъ?

— Что вы, что вы!...—отвѣчалъ я, торопясь собраться.

Черезъ полчаса я былъ у Даріи Михайловны, на углу Могилевской улицы и набережной Фонтанки, у цѣпнаго Египетскаго моста.

— Садитесь, пожалуйста; жена сейчасъ выйдетъ... Съ этими словами мой новый знакомый, оставивъ меня въ гостинной, поспѣшно ушелъ въ другія комнаты. Я сѣлъ у окна и сталъ разсматривать богатую и главное художественную обстановку гостинной. Вотъ не думалъ, не гадалъ очутиться у артистки Леоновой; и какъ мнѣ неловко будетъ выслушивать отъ нея благодарность, да и за что?... хорошо ли я сдѣлалъ, что призналъ свое авторство? хорошо ли сдѣлалъ, согласившись поѣхать сюда?...— Дашенька! спой романсъ!—раздалось у меня надъ самымъ ухомъ; я вскоцилъ, осмотрѣлся кругомъ и тутъ только замѣтилъ, что рядомъ со мной стоитъ громадная клѣтка съ сѣрымъ попугаемъ. Въ то же время гдѣ-то тамъ, вдали, раздался звонкій, неудержимый смѣхъ, ко мнѣ подбѣжали три граціозныя левретки и вслѣдъ за ними вошла хозяйка.

— А мой попка успѣлъ уже представиться вамъ,—начала она, продолжая хохотать... Голубчикъ! какъ мнѣ выразить вамъ свою благодарность за вашу благородную защиту, — сказала Леонова, взявъ мои руки, и на глазахъ ея блеснули слезы.

— О, помилуйте... за что меня благодарить... — бормоталъ я, совсѣмъ сконфуженный.

— За что благодарить... — съ грустью продолжала Леонова.— Какъ же не благодарить, когда мое исключительное положеніе въ закулисномъ мірѣ не тайна для петербургскаго общества, и между тѣмъ вы первый такъ громко и смѣло возвысили вашъ голосъ въ мою пользу!

Съ этого дня началось знакомство мое съ артисткой Леоновой, и я получилъ приглашеніе бывать у нея по субботамъ. Дарія Михайловна вообще отличалась широкимъ, истинно русскимъ гостепріимствомъ, а въ субботники свои она, сверхъ того, вносила столько артистической умѣлости, столько художественнаго вкуса, что, вращаясь потомъ въ разныхъ сферахъ петербургскаго общества, я не помню ассамблей, которыя представляли бы столько высокаго интереса, какъ субботнія ассамблеи Леоновой. Помимо хозяйки, которая всегда была главнымъ центромъ общаго оживленія на своихъ вечерахъ, этому интересу не мало способствовалъ и самый подборъ большинства гостей ея. Начну съ покойнаго композитора А. Н. Сѣрова.

Сѣровъ, помимо музыкальнаго своего таланта, владѣлъ литературнымъ перомъ и даромъ живаго слова. Разсказывалъ онъ увлекательно, не жалѣя, конечно, краснаго словца, и свою рѣчь умѣлъ часто подчеркнуть такимъ юморомъ, что общій гомерическій смѣхъ иногда на цѣлую минуту прерывалъ продолженіе интереснаго разсказа, а самъ разсказчикъ въ продолженіе этой минуты смотрѣлъ

на смѣющихся, казалось, недоумѣлыми глазами, словно не понимая, въ чемъ дѣло, и это выраженіе лица его еще болѣе усиливало смѣхъ и общее веселое настроеніе. Въ моей памяти, при помощи дневника, и теперь сохранились два его разсказа: одинъ о томъ, какъ онъ, будучи маленькимъ чиновникомъ и служа гдѣ-то на югѣ Россіи, привелъ въ неописанный ужасъ мѣстнаго губернатора и жандармскаго полковника словомъ діапазонъ. Слово это онъ помѣстилъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ отчетѣ о концертѣ какой-то профѣзжей артистки или артиста. И вотъ, когда появился № «Губернскихъ Вѣдомостей» съ этой статьей, вся губернская публика, а пуще всего предрержація власти стали вступикъ. Всѣ задались вопросами: что бы могло означать это слово діапазонъ? Губернаторъ и жандармскій полковникъ были люди крайне благонамѣренные и чрезвычайно чуткіе ко всякаго рода новшествами; обоихъ ихъ діапазонъ сперва смутилъ, а потомъ повергъ въ немалую тревогу; къ тому же,—говорилъ Сѣровъ,— и время было непутевое: конецъ сороковыхъ годовъ; съ запада и особенно съ сосѣдней австрійской границы шли разные неблагоприятные запахи; а тутъ я почему-то попалъ въ мѣстные либералы; а тутъ вдругъ этотъ діапазонъ... Было надъ чѣмъ задуматься властямъ. Думали онѣ, думали и рѣшились на слѣдующую невинную хитрость: сажу я,—говорилъ Сѣровъ,—у себя на квартирѣ и подумаю о превратности судебъ, закинувшихъ меня въ глухую даль отъ центра жизни вообще и отъ музыкальнаго міра, къ которому всегда рвался я всей душой, въ особенности. Входитъ ко мнѣ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и сразу бросается въ мои объятія.

— Здравствуйте, дорогой Александръ Николаевичъ! Явился обнять васъ, разцѣловать и поблагодарить и отъ себя и отъ нашихъ милыхъ дамъ и отъ моего принципала за вашу неподобную статью въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Какая прелесть! сколько знанія, сколько знанія! ну, и потомъ... какъ хотите... одинъ уже стиль вашъ чего стоитъ... это такъ мило и притомъ такъ ново... вотъ хотя бы этотъ... діапазонъ... просто!... кстати, скажите, пожалуйста, кто изъ насъ правъ; мы сегодня порядкомъ таки поспорили о точномъ значеніи этого слова... Что вы собственно разумѣете подъ этимъ словомъ?

По возбужденному лицу, съ которымъ неожиданно предсталъ предо мной гость, по плохо замаскированному его любопытству, я сразу смекнулъ, что онъ не спроста ко мнѣ явился; когда же онъ договорился до діапазона и, широко раскрывъ глаза, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ждалъ моего отвѣта, я почти догадался, въ чемъ дѣло.

— Извините,—отвѣчалъ я упавшимъ голосомъ и робко опустивъ глаза:—я не могу отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Но почему?—вскинулся чиновникъ, привскочивъ на мѣстѣ и хватая мою руку.

— Видите ли,—отвѣчалъ я совсѣмъ уже оробѣвшимъ голосомъ,— я васъ очень уважаю и нахожу ложь несомнѣстной съ чувствами, которыя къ вамъ питаю; сказать же правду... будьте такъ любезны, перемѣнимъ этотъ тяжелый для меня разговоръ.

Я выстрѣлилъ безъ промаха; возбужденію моего гостя не было предѣловъ. Прежде всего пошли въ ходъ сердечныя изліянія.

— Александръ Николаевичъ! дорогой! За что, за что такая обида? Я ли далъ вамъ поводъ сомнѣваться въ моемъ идеальнѣйшемъ къ вамъ уваженіи и въ чувствахъ самоотверженной дружбы? Вотъ вы изволили сказать, что уважаете меня, и повѣрьте, никакое благоволеніе ко мнѣ моего начальства не вызоветъ такого восторга, какое я испыталъ отъ лестнаго вашего признанія... За что же вдругъ такое незаслуженное, обидное недоверіе?

— Довольно!—воскличаю я, схвативъ руки собесѣдника и крѣпко ихъ пожимая:—вы меня тронули; вамъ я готовъ раскрыть всю мою душу... Вѣрю, что вы не употребите во зло мое доверіе, не выдадите меня; знайте же: діапазонъ—это условный революціонный терминъ; онъ означаетъ: читай между строчекъ.

— Можете вообразить, что изъ всего этого вышло?—закончилъ свой рассказъ Александръ Николаевичъ.—На другой же день зоветъ меня къ себѣ губернаторъ и настрого приказываетъ, чтобы я, подъ опасеніемъ быть выгнаннымъ въ 24 часа туда, куда Макарь телятъ не гоняетъ, не смѣлъ печатать гдѣ бы то ни было ни единой строчки.

— Вы думаете, — кричалъ онъ, — что вы здѣсь единственный умница, что между вашими строчками никто ужъ и прочитатъ не съумѣетъ?.. Я вамъ задамъ такого діапазона, что вы будете имъ же самимъ, этимъ діапазономъ, до новыхъ вѣнниковъ почесываться.

Въ другомъ рассказѣ Сѣровъ передавалъ намъ событія изъ жизни знаменитаго въ своемъ родѣ композитора Лазарева, слышаго въ то время въ Петербургѣ подъ именемъ абиссинскаго маэстро, а также и подробности о концертѣ, устроенномъ этимъ Лазаревымъ въ домѣ Кононова, гдѣ маэстро, дирижируя громаднымъ оркестромъ, хотѣлъ познакомить избранную петербургскую публику съ своей гениальной ораторіей Сотвореніе міра.

— Титулъ абиссинскаго маэстро,—разсказывалъ Сѣровъ, — получилъ Лазаревъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Задумавъ писать свою гениальную ораторію, Лазаревъ отправился на востокъ, съ цѣлью изучить на мѣстѣ первозданной природы всѣ тѣ ея явленія, которыми могло обозначаться сотвореніе міра; ему нужно было подслушать тамъ и тихое дуновеніе легкаго зефира и всей смертоносной бури, мелодическій лепетъ горнаго ручья и рокоть волнъ бушующаго моря, сладкое щebetанье райской птички и страшный

ревъ разъяреннаго тигра; ему нужно было тамъ установить гармоническую закономерность тѣхъ звуковъ природы, которыми сопровождалась борьба стихій, появленіе среди тьмы перваго свѣтлаго луча, отдѣленіе воды отъ земли, прозябаніе первыхъ травъ, появленіе рыбъ, птицъ, безсловесныхъ тварей и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего, человѣка съ его первымъ крикомъ жизнерадостнаго восторга. И вотъ Лазаревъ, одинъ, съ печатью безсмертнаго генія на высокомъ челѣ своемъ, обходитъ города и веси, моря и рѣки, холмы и долины, чутко прислушиваясь къ звукамъ окружающей его природы и, при помощи никогда не разлучнаго съ нимъ тромбона, внося въ эти звуки гармоническую закономерность и подчиняя ихъ законамъ музыкальнаго ритма.

— Долго ли, мало ли, начавъ свою музыкальную экскурсію съ долины Тигра и Евфрата, путешествовалъ нашъ сѣверный Гайднъ по азіатскимъ стогнамъ, весямъ и дубравамъ, и вотъ гениальная звѣзда его, служившая ему вмѣсто путеводнаго компаса, привела его къ африканскимъ побережьямъ. Еще и раньше тучная корпуленція пилигримма начала томиться отъ невыносимаго зноя, такъ что онъ постепенно освобождалъ себя отъ верхнихъ покрововъ одежды, и, приближаясь къ Африкѣ, могъ еще оставаться въ одномъ лишь бѣльѣ; здѣсь же и этотъ туалетъ явился для него тяжелымъ грузомъ, и онъ, томимый африканскимъ зноемъ, заблагоразсудилъ очутиться въ одѣяніи праотца Адама. Въ такомъ видѣ, не измѣняя лишь своему вѣрному тромбону, шелъ онъ впередъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, словно изъ засады, выскочила горсть чернокожихъ, мгновенно окружила Лазарева и съ сіяющими отъ восторга лицами схватила его и понесла на головахъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Черезъ какой нибудь часъ быстрой бѣготни эіопы внесли свою драгоцѣнную ношу въ роскошный шатеръ и бережно положили ее у ногъ своего эіопскаго повелителя. Послѣдній, забывъ подобающее его сану величавое спокойствіе, вскочилъ съ мѣста и, дико захохотавъ, сталъ какъ мальчишка прыгать вокругъ распластанной находки, издавая восторженные звуки и ударяя въ ладоши. Немедленно въ шатеръ вошелъ широкоплечій эіопъ съ блеснувшимъ въ его рукахъ, какъ молнія, широкимъ ножомъ и первымъ дѣломъ поставилъ тромбониста на ноги; тутъ между вошедшимъ и повелителемъ произошелъ какой-то оживленный разговоръ, во время котораго повелитель давалъ щелчки по спинѣ и ляжкамъ Лазарева, сопровождая каждый такой щелчокъ неистовымъ почмокиваніемъ губами; себе-сѣдникъ же его, напротивъ, прикладывая ножъ плашмя къ болѣе выпуклымъ пунктамъ сверкавшаго своей бѣлизной тѣла, почти-точно отстаивалъ свои соображенія. Весь погрузившись въ музыкальное творчество, Лазаревъ до сихъ поръ не замѣчалъ ни того, что онъ схваченъ эіопами, ни того, что онъ очутился въ шатрѣ и служить

предметомъ общаго нескрываемаго восторга и спора между любующимися его тѣломъ собесѣдниками; но когда, вѣроятно, въ защиту своихъ доводовъ одинъ изъ этихъ собесѣдниковъ моментально отхватилъ ножомъ кусочекъ изъ самой рельефной части его тѣла и преподнесъ на томъ же ножѣ своему владыкѣ въ подтвержденіе своихъ соображеній, Лазаревъ изъ міра звуковъ вдругъ очутился во власти болѣзненнаго ощущенія и, вскрикнувъ отъ боли, проговорилъ: «что это хотятъ со мной дѣлать?». Въ числѣ окружающихъ владыку оказался драгоманъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, и тотъ повелъ съ Лазаревымъ слѣдующую бесѣду: «Великій нашъ абиссинскій повелитель удостоиваетъ тебя, о счастливѣйшій изъ человѣковъ, величайшей чести и славы, какая только можетъ быть суждена смертному. Онъ повелѣваетъ предстоящему здѣсь придворному своему повару приготовить изъ тебя восемнадцать блюдъ къ сегодняшнему обѣду. Ты, о избранникъ отъ рожденныхъ бѣлою женщиной, сподобишься сегодня неувядаемой славы, усладить чрево великаго нашего владыки въ четырехъ разнovidныхъ паштетахъ, въ котлетахъ подъ четырьмя различными соусами, въ четырехъ ростбифахъ и столькихъ же бифштексахъ; башка твоя, гарнированная черепахами, цѣликомъ пойдетъ подъ студень, а оконечности предназначены для супа изъ потроховъ. Возблагодари же, о счастливѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ, лучезарную судьбу свою и отправляйся своимъ райскимъ путемъ въ котель съ кипяченой водой, откуда, согласно волѣ и вкусу нашего владыки, ты будешь вынуть для точнаго распредѣленія по сковородамъ и кастрюлямъ!»

— Когда драгоманъ окончилъ свое воззваніе, сопровождавшееся нетерпѣливымъ почмокиваніемъ губъ эіопскаго повелителя, Лазаревъ поднесъ къ своимъ губамъ тромбонъ и сталъ отчаянно трубить тотъ хоръ архангеловъ, которые, по его музыкальному замыслу, должны были возвѣстить будущей земной планетѣ о предстоящемъ ея возникновеніи... Но тутъ произошла никѣмъ непредвидѣнная случайность: позади повелительскаго трона заколыхался ковровый пологъ, и оттуда одна за другой ринулись въ средину шатра двѣнадцать чернокожихъ дѣвъ; окруживъ со всѣхъ сторонъ тромбониста колѣнопреклоненной лентой, онѣ стали умолять своего владыку отказаться отъ его гастрономическихъ вожделѣній и подарить имъ цѣликомъ и живьемъ вкуснаго бѣлаго музыканта. Сначала повелитель эіоповъ и слышать не хотѣлъ о такомъ небывало дерзостномъ домогательствѣ своихъ женъ; онъ заткнулъ пальцами свои уши и, продолжая неистово чмокать губами, издалъ такой, полный ужаса ревъ, что заглушилъ было музыкальное *furioso* тромбона, но въ концѣ концовъ, видя, что настоянія всѣхъ двѣнадцати женъ принимаютъ уже революціонные размѣры, долженъ былъ сдаться и тутъ же порѣшилъ отказаться отъ своихъ чревоугодныхъ замысловъ, даровавъ бѣлому, вкусному музыканту жизнь,

а съ ней и званіе придворнаго абиссинскаго маэстро. Но плотоядный владыка схитрилъ передъ своими очаровательницами, о чемъ одна изъ нихъ тотчасъ же провѣдала и предостерегла маэстро, что рано или поздно, а, можетъ быть, и очень скоро ему не уйдти отъ котла съ кипяченой водой, отъ сковородъ и кастрюлей, ибо повелитель ихъ отъ разъ разыгравшагося аппетита къ бѣлому мясу не способенъ былъ отказаться, какъ были тому неоднократно уже примѣры. Сія же измѣнница эіопскому гарему доставила великому маэстро случай и возможность бѣжать изъ плѣна.

— И вотъ онъ въ Петербургѣ. Окончивъ свою бессмертную ораторію, Лазаревъ организовалъ оркестръ изъ четырехсотъ человѣкъ, работалъ съ ними нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, оповѣстивъ огромными, въ видѣ простыней, афишами петербургскую публику, что онъ дастъ свою ораторію подъ личнымъ дирижерствомъ въ домѣ Руадзе (нынѣ Кононова). Въ концертъ собралось столько публики, что яблоку негдѣ было упасть; здѣсь былъ весь петербургскій beau-monde. Исполнители заняли свои мѣста на огромной эстрадѣ; послѣ третьяго звонка въ залѣ воцарилась глубокая тишина, и Лазаревъ съ дирижерской палочкой въ одной рукѣ, съ конспектомъ ораторіи въ другой вошелъ и занялъ мѣсто впереди музыкантовъ.

«Борьба стихій, и вслѣдъ затѣмъ первый лучъ свѣта пронизываетъ сѣрую мглу!»—громко прокричалъ онъ и, высоко поднявъ палочку, махнулъ ею надъ своей головой. Загрохотали барабаны, загудѣли басы и контрабасы, завывли гобои и волторны... Въ это время произошло нѣчто экстраординарное: изъ среднихъ рядовъ публики на эстраду полетѣло нѣсколько картофелинъ; одна угораздила въ самый ротъ дирижеру, другая, скользя рикошетомъ по контрабасу, задѣла по носу одного изъ скрипачей... «Злой духъ врывается въ сферу Божьяго міроздавія!»—кричитъ Лазаревъ, неистово махая своей палочкой и ободряя растерявшихся музыкантовъ, которые, такъ же какъ и публика, повѣрили этому, думая, что неожиданный картофельный инцидентъ явился составнымъ элементомъ концертной программы. Черезъ полминуты общее смятеніе затихло, и музыканты принялись за прерванное дѣло... «Тьму одолеваетъ свѣтъ!»—кричитъ Лазаревъ, махнувъ палочкой направо, оттуда взвизгнули флейты и фаготы; въ то же время послѣдовала новая, безпощадная уже бомбардировка эстрады пѣлымъ градомъ картофеля, причемъ въ первыхъ рядахъ публики на кресло вскочилъ нѣкій господинъ и громко прокричалъ: «эта ораторія—глумленіе надъ музыкой, профанация, позоръ искусства!» Тутъ уже произошло окончательное, близкое къ переполоху, смятеніе въ публикѣ, которая быстро стала удаляться изъ залы.

— И конецъ?—спросилъ кто-то изъ слушателей, когда Сѣровъ на этомъ остановился, умолкъ и сѣлъ въ углу гостиной.

— Да, на этомъ конецъ концерта,—сказалъ онъ, привскочивъ съ мѣста.—Публика, не смотря на увѣренія Лазарева, что сейчасъ она услышитъ, какъ заплещутъ волны океана, заколышатся дѣвственныя дубравы, оглашенныя хвалебной одой пернатыхъ пѣснопѣвцевъ, быстро, другъ за другомъ покидала концертную залу. Но, по мѣрѣ того, какъ пустѣла эта зала, вокругъ господина, осмѣливагося прокричать, что ораторія Лазарева глумится надъ музыкой, все тѣснѣе и тѣснѣе группировалась толпа полицейскихъ фараоновъ. «Взять его!»—прогремѣлъ у него надъ самымъ ухомъ грозный голосъ... Ну, и взяли, и свезли раба божія въ полицейскій участокъ. На другой день доставляютъ этого скандалиста къ оберъ-полицеймейстеру И. В. Анненкову.

— Кто ты? — кричитъ Анненковъ, не давъ ему опомниться.

— Статскій совѣтникъ Сѣровъ,—отвѣчаетъ приведенный арестантъ.

Грозное лицо оберъ-полицеймейстера моментально расплывается въ растерянное недоумѣнiе; онъ вопросительно смотритъ на частного пристава и квартальнаго надзирателя; тѣ, смущенные, молчать.

— Что же это?!...—говоритъ Анненковъ упавшимъ голосомъ:— вы кого это ко мнѣ привели?—накидывается онъ на пристава.

— Того самаго, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ приставъ, предварительно откашлявшись.

— Какъ—того самаго! Развѣ не слышите, что этотъ господинъ статскій совѣтникъ?

— Ваше превосходительство!—заявляетъ находчивый квартальный надзиратель:—показанiе этого господина, что онъ статскій совѣтникъ, требуетъ тщательной провѣрки.

Оберъ-полицеймейстеръ переводитъ свой взглядъ съ квартальнаго надзирателя на статскаго совѣтника.

— Что вы на это скажете?—обращается онъ къ послѣднему.

— Скажу то же, что и говорилъ уже; я несомнѣнный статскій совѣтникъ.

— Но какъ вы очутились подъ арестомъ?

— По приказанiю вашего превосходительства.

— Этого быть не можетъ. Я приказалъ арестовать какого-то буяна, мальчишку, который позволилъ себѣ устроить дерзкій скандалъ во вчерашнемъ концертѣ.

— Это я самъ.

— Какъ!..—растерянно произнесъ Анненковъ:—и вы сознаетесь?

— И не помышлялъ отречься.

— Что же васъ къ этому побудило?

— Ваше превосходительство, вы понимаете музыку?

— Это что еще за вопросъ!

— Простите. Этотъ вопросъ, быть можетъ, и очень смѣлъ съ моей стороны, но онъ неизбеженъ для того, чтобы выяснить дѣло. Вѣдь вы же въ настоящую минуту судья мой, я вашъ подсудимый; это одно уже обязываетъ насъ другъ передъ другомъ къ самому распространенному объясненію. Я вотъ что хочу сказать: слушая музыку, понимаете ли вы ее въ такихъ подробностяхъ, какъ книжку, которую читаете? Я думаю, что нѣтъ, и въ этомъ убѣждаетъ меня теперешнее мое, нѣсколько исключительное для статскаго совѣтника, положеніе. Вѣдь если бы къ вамъ явился вотъ этотъ самый частный приставъ и началъ свою рѣчь такъ: имѣю честь рапортовать вашему превосходительству, что у алжирскаго бея на носу выскочила шишка, и это феноменальное событіе случилось какъ разъ въ ту секунду, когда солнце, вынырнувъ изъ-за звѣздъ, огорошило луну полнолѣсной затрещиной... Вѣдь вы, ваше превосходительство, соизволили бы немедленно приказать свести его, раба божія, господина частнаго пристава, въ нѣкую желтую юдоль съ холодными ваннами.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— А то хочу я сказать, что я страстный музыкантъ, что музыка—вторая религія моя, что, слушая музыку, я такъ же понимаю каждое движеніе, каждый звукъ ея, какъ вы понимаете книжку, которую читаете. Затѣмъ я хочу сказать, что одно начало вчерашней ораторіи Лазарева сразу открыло мнѣ, что предъ публикой появился сумасшедшій, которому, вмѣсто того, чтобы давать концерты, слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, на цѣпи сидѣть въ той же самой желтой юдоли.

— Если бы это было даже и такъ,—сказалъ И. В. Анненковъ:—то какое вы имѣли право устраивать вашу демонстрацію въ формѣ публичнаго скандала?

— Погорячился и потому наказанъ не совсѣмъ удобнымъ ночлегомъ, но я объ этомъ ни мало не жалѣю; цѣль моя достигнута, и Лазаревъ не дастъ другаго концерта, не устроитъ вторичнаго глумленія надъ музыкой и посмѣянія надъ публикой. Между тѣмъ, если бы я не устроилъ вчерашняго скандала, концертъ доведенъ былъ бы до конца, публикѣ и въ голову не пришло бы, что всѣ эти скрипки, флейты, кларнеты, гобои и волторны изображаютъ шишку на носу алжирскаго бея, а—чего добраго—нашлись бы музыкальные критики, которые, ничто же сумняшеся, поставили бы безумную бредню сумасшедшаго Лазарева въ разрядъ гениальныхъ произведеній музыки. На этомъ,—заклучилъ Сѣровъ,—и окончилось мое объясненіе съ оберъ-полицеймейстеромъ; онъ освободилъ меня изъ-подъ ареста, объявивъ, что я могу оставаться на свободѣ впредь до собранія о мнѣ справокъ по мѣсту службы моей.

Окончивъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ и вдоволь насмѣшивъ публику, среди которой то и дѣло раздавался звонкій смѣхъ

хозяйки, А. Н. Сѣровъ усаживался гдѣ нибудь въ углу и дѣлался молчаливымъ, сосредоточеннымъ слушателемъ музыки или пѣнія, которыя входили въ программу субботника Д. М. Леоновой. Когда же по этой программѣ очередь доходила до него, онъ садился за рояль, и при первыхъ же аккордахъ лицо его принимало вдохновенное выраженіе. Въ то время онъ заканчивалъ первую свою оперу «Юдиѳъ» и знакомилъ гостей Даріи Михайловны съ нѣкоторыми отдѣльными частями этой оперы. Нѣкоторымъ изъ такихъ мѣстъ Сѣровъ предпосылалъ краткое поясненіе. «Бунтъ въ воинскомъ лагерѣ!»—восклицалъ онъ, наклоняясь всей фигурой надъ клавишами, и лицо его принимало какое-то изступленное выраженіе. «Юдиѳъ надѣваетъ виссонъ и рѣшается идти къ Олоферну на свой великій подвигъ»,—тихо произноситъ Сѣровъ, откинувшись назадъ, и нѣжные звуки рояли дѣлаютъ лицо композитора необыкновенно мягкимъ, въ глазахъ его сверкають слезы.

— Эта опера, — говорилъ Сѣровъ, — будетъ имѣть для меня рѣшающее значеніе; отъ успѣха ея, отъ того, какъ она будетъ принята публикой, зависитъ все: или я вступлю смѣлымъ шагомъ въ сонмъ русскихъ композиторовъ, или же снова возьмусь за музыкальную критику и буду смущать нѣкія предержавшія власти своими діапазонами, да бомбардировать картофелемъ всякія музыкальныя бездарности.

Наконецъ, сначала газетныя объявленія, а затѣмъ и афиши оповѣстили петербургскую публику о томъ, что въ Маринскомъ театрѣ представлена будетъ въ 1-й разъ опера «Юдиѳъ» А. Н. Сѣрова; оркестромъ будетъ дирижировать самъ композиторъ. Я былъ на этомъ первомъ представленіи и былъ очевидцемъ громаднаго успѣха «Юдиѳи», рѣшившаго дальнѣйшую музыкальную карьеру автора «Рогнѣды» и «Вражьей силы». Этотъ успѣхъ перваго представленія «Юдиѳи» имѣлъ еще и то значеніе, что А. Н. Сѣровъ быстро измѣнился: изъ словоохотливаго до болтливости остроумнаго говоруна онъ сразу сдѣлался солиднымъ, сосредоточеннымъ и, продолжая посѣщать субботники Д. М. Леоновой, не смѣшилъ уже публику своимъ интереснымъ красноречивымъ. Когда ему замѣчали о такой съ нимъ перемѣнѣ и спрашивали о причинѣ ея, онъ отвѣчалъ, что всецѣло находится въ неотразимой власти одной обаятельной особы, которая забрала его въ свои цѣпкія ручонки и строго приказываетъ ему поменьше болтать и побольше о ней думать. На дальнѣйшіе разспросы, особенно дамъ, интересовавшихся знать, кто эта деспотическая владычица Александра Николаевича, онъ отвѣчалъ, что не можетъ удовлетворить ихъ любопытству, можетъ одно лишь, и то подъ большимъ секретомъ, сказать, что имя этой очаровательницы Рогнѣда.

Въ то время, знаменитый теперь, А. Г. Рубинштейнъ былъ пока еще, такъ сказать, на половинной высотѣ той музыкальной виртуозности, какой онъ достигъ впоследствии, а потому въ концертахъ съ большимъ успѣхомъ игралъ придворный пианистъ Антонъ Григорьевичъ Контскій. Постоянный посѣтитель субботниковъ Д. М. Леоновой, Контскій каждый разъ приготовлялъ какойнибудь маленькій музыкальный сюрпризъ милой хозяйкѣ и ея гостямъ. Такъ, однажды, спросивъ полотенце и покрывъ имъ фортепианную клавиатуру, онъ, къ немалому удивленію присутствующихъ, сыгралъ какой-то блестящій вальсъ, но такъ, какъ бы клавиатура была совершенно открыта, причемъ forte гремѣло у него такъ, какъ бы онъ сразу игралъ двумя лѣвыми руками, а pianissimo доходило до неподражаемаго совершенства замирающихъ гдѣ-то вдаль мелодическихъ звуковъ. Другой разъ, Контскій сыгралъ Славься изъ «Жизни за царя», причемъ въ концѣ финала знаменитой оперы онъ извлекъ изъ фортепиано такую массу звона церковныхъ колоколовъ и большихъ, и среднихъ, и самыхъ маленькихъ, и такъ у него все это сочеталось съ основной темой музыки, что часть публики, находившаяся въ другой комнатѣ, бросилась сюда въ предположеніи, что пианистъ, кромѣ фортепиано, орудуетъ еще другими инструментами. Контскій былъ большой и идеальнѣйшій поклонникъ прекраснаго пола; безъ благоговѣйнаго поклоненія какому бы то ни было идолу, въ лицѣ своихъ знакомыхъ, Контскій жить не могъ; въ этомъ случаѣ онъ былъ, однако, политеистомъ, потому что божества его постоянно смѣнялись. Контскій вообще былъ даровитый виртуозъ и не безъ творческаго огонька, который въ немъ иногда ярко вспыхивалъ; къ серьезной, устойчивой музыкальной мысли онъ не былъ способенъ по свойству своего сангвиническаго темперамента; онъ за многое съ жаромъ принимался, искренно увлекался настроеніемъ минуты, причемъ обнаруживалъ несомнѣнный композиторскій талантъ, но такая минута не сливалась у него съ часами, днями глубоко обдуманной, систематической работы. Контскій давно носился съ мыслью написать большую оперу на сюжетъ изъ русской исторіи; сблизившись со мной на тѣхъ же субботникахъ Д. М. Леоновой, онъ нерѣдко, возвращаясь со мной, по дорогѣ, уговаривалъ заѣхать къ нему переночевать. Жилъ онъ тогда въ домѣ Руадѣ, нынѣ Кононова, съ Кирпичнаго переулка. Однажды, мы засидѣлись съ нимъ за стаканомъ венгерскаго долѣе обыкновеннаго; я дѣлился съ нимъ своими познаніями изъ русской исторіи конца семнадцатаго вѣка; Контскаго сильно интересовала личность царевны Софіи, и онъ помышлялъ написать оперу подъ этимъ названіемъ; сначала онъ съ большимъ интересомъ слушалъ, поминутно закидывая меня вопросами о личности и характерѣ царевны и Василя Голицына. Замѣтивъ затѣмъ по сосредоточенному и устремленному куда-то вдаль его взгляду,

что царевна Софья въ данную минуту меньше всего занимает моего слушателя, я замолчалъ.

— Вѣдь это одна изъ обаятельнѣйшихъ женщинъ! — воскликнулъ Контскій.

— Въ чемъ же вы находите особенно ея обаяніе?

— Во всемъ... и прежде всего въ этомъ, вѣчно стыдливомъ ея взглядѣ... Боже, какъ она умѣетъ подчасъ взглянуть!... Я думаю, думаю, и понять не могу, какъ она могла выдти за этого человѣка, полюбить его... да и любить ли?...

— Да вы о комъ, Антонъ Григорьевичъ?

— Ну, конечно, о м-ше...—и онъ назвалъ жену одного артиста, которая была въ тотъ вечеръ вмѣстѣ съ нами у Леоновой.

— Знаете ли,—сказалъ онъ однажды, заѣхавъ ко мнѣ,—чѣмъ больше вдумываюсь я въ сюжетъ нашей оперы ¹⁾, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что музыка должна быть глубоко драматичная. И вотъ я хочу сначала испробовать себя въ этомъ родѣ на какомъ нибудь небольшомъ образчикѣ; дайте мнѣ сюжетъ; дайте мнѣ что нибудь такое, гдѣ бы клокотало горе, отчаянье, борьба и все это кончилось бы неотразимой смертью; это должно быть что нибудь сильное, но въ то же время маленькое по объему, на два не болѣе нотные листа; вы увидите, что я изъ этого сдѣлаю, и какъ бы вы обязали меня, исполнивъ мою просьбу поскорѣе; я эти дни какъ разъ настроенъ для такой работы.

Я обѣщаль, если удастся, на другой же день исполнить желаніе Контскаго и зайти къ нему послѣ одиннадцати часовъ вечера прямо изъ театра. Контскій ждалъ меня; онъ быстро шагаль по своей большой залѣ, гдѣ стояло два рояля.

— А я подумываль уже, что вы не исполните вашего милого обѣщанія, — встрѣтилъ онъ меня, и мы отправились въ столовую пить чай.

Завязался разговоръ; я рассказаль ему объ оперѣ, которую прослушаль, объ исполненіи, о встрѣчѣ съ знакомыми.

— А Н. была въ театрѣ? — живо воскликнулъ Контскій.

— Была; я заходилъ къ ней въ ложу, и мы весь первый антрактъ проговорили съ ней о васъ.

— Вѣдь вотъ! — привскочилъ Контскій, — не даромъ предчувствіе сегодня влекло меня въ театръ; но что прикажете дѣлать! вѣдь я только около десяти часовъ отдѣлался отъ уроковъ ²⁾. Знаете ли, — заговорилъ Контскій, быстро зашагавъ вокругъ стола, — эта женщина почему-то напоминаетъ мнѣ таинственную богиню древнихъ

¹⁾ Я обѣщаль Контскому быть его либреттистомъ.

²⁾ А. Г. Контскій даваль тогда уроки музыки во многихъ аристократическихъ домахъ, начиная съ великокняжескихъ дворцовъ, и эти занятія были главнымъ подспорьемъ болѣе чѣмъ безбѣдному его существованію.

карагеяннъ Такисту; помимо очаровательнаго лица ея, въ ней есть что-то безтѣлесно прекрасное; поклоненіе ей можно возвести въ высочайшій религіозный культъ; она мнѣ представляется идеаломъ цѣломудреннѣйшей стыдливости; она духовно слишкомъ хрупка для какого бы то ни было грубаго къ ней прикосновенія.

Я взглянулъ на часы; была уже половина второго, а мой хозяинъ не умолкалъ въ превознесеніи своей Такисты превыше облака ходячаго.

— Вы, Антонъ Григорьевичъ, такъ мило и торжественно теперь настроены,—сказалъ я, собираясь уходить:—что я не хочу портить этого настроенія сообщеніемъ вамъ той драматической темы, о которой вы меня просили.

Контскій бросился обнимать меня и увѣрять, что, напротивъ, онъ теперь какъ разъ настроенъ для драматическаго вдохновенія. Я сдался на его просьбу и прочелъ ему написанное утромъ того дня мое стихотвореніе «У колыбельки», предпославъ этому чтенію слѣдующее объясненіе. Въ колыбельныхъ пѣсняхъ матери большею частью погружаются въ думу о будущности своего ребенка, и очень понятно, что любовь къ своему дитяти подсказываетъ имъ эту будущность въ розовомъ свѣтѣ; тутъ убаюкиваемое дитя представляется будущимъ героемъ, великимъ гражданиномъ, ученымъ, поэтомъ, опорой материнской старости; въ моей же колыбельной пѣснѣ ничего этого нѣтъ; тутъ горе, холодъ, голодъ и борьба со смертью шевелятъ устами матери, убаюкивающей своего сына.

— Ради Бога, читайте скорѣе свое стихотвореніе!—вскричалъ Контскій, схвативъ мои руки. Я прочелъ ему слѣдующее:

У колыбели.

«Не спать мой сынъ... Святая Дѣва!
 «Явись къ намъ, бѣднымъ, пѣсню спой;
 «Подъ звуки райскаго напѣва
 «Авось заснетъ малютка мой.
 «А я межъ тѣмъ свой лютый голодъ
 «Хоть черствой коркой утолю;
 «Согрѣться нужно.. Экой холодъ!..
 «Спи, сынъ мой, баюшки-баю..»

«Ты спой ему про мѣсяцъ, звѣзды,
 «Про сонмы ангеловъ святыхъ,
 «Про пташекъ, какъ свиваютъ гнѣзды,
 «Какъ кормятъ птенчиковъ своихъ;
 «А я межъ тѣмъ хоть на минутку
 «Забудусь, силы подкрѣплю..
 «Ты-жъ убаюкай мнѣ малютку..
 «Спи, сынъ мой.. баюшки-баю..»

«Уснулъ!.. Кажись, онъ легче дышитъ...
 «Святая Дѣва! пой теперь,
 «Пой громче,—пусть онъ не услышитъ,
 «Какъ отъ мороза скрипнетъ дверь...
 «Въ хлѣву сосѣдская коровка:
 «Авось удастся—подою...
 «Нѣтъ, страшно!.. крикомъ: мать воровка!
 «Разбудятъ... баюшки-баю...

«Побереги-жь его съ любовью,
 «А я рассвѣта не проспю;
 «Не молокомъ, такъ самой кровью
 «Раненько сына накормлю.
 «Онъ будетъ сытъ, его согрѣю,
 «Чѣмъ Богъ пошлетъ намъ—истоплю...
 «Святая Дѣва... Я слабѣю...
 «Спаси насъ... сынъ мой... коченѣю...
 «Годубчикъ... баю»...

Чтеніе мое произвело глубокое впечатлѣніе на Контскаго. Не сказавъ ни слова, онъ бросился сначала въ спальню, гдѣ провелъ минуты двѣ; затѣмъ пробѣжалъ въ залу, взявъ нѣсколько бурныхъ аккордовъ и предсталъ предо мной, блѣдный, со слезами на глазахъ.

— Я ни за что не отпущу васъ,—сказалъ онъ, взявъ меня за руку, — умоляю васъ, останьтесь у меня переночевать; вы мнѣ нужны теперь, какъ живой источникъ вдохновенія; я подавленъ, потрясенъ...

Я сдался на просьбу Контскаго и остался ночевать у него. Черезъ часъ мы были въ постеляхъ; Контскій на своей кровати, я у противоположной стѣнки на диванѣ; не долго еще разговаривали мы, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ сосѣд мой значительно уже похрапывалъ; мнѣ спать еще не хотѣлось и, погасивъ свѣчу, я смотрѣлъ на мягкій свѣтъ лампадки, теплившейся предъ образомъ у изголовья хозяина; прошло съ полчаса времени, меня начала уже одолевать дремота, — вдругъ Контскій пробуждается, привскакиваетъ съ постели и, взглянувъ въ мою сторону, всталъ, опустился на колѣни и началъ горячо молиться передъ образомъ. *Matka boska!*—произносилъ онъ шепотомъ, ударяя себя въ грудь; затѣмъ, надѣвъ туфли, онъ въ одномъ бѣльѣ тихонько пробрался въ залу, плотно затворивъ за собою дверь изъ спальни и столовой, и сталъ играть сначала тихо, потомъ все громче и громче; подъ конецъ музыка его покатила широкой волной какого-то страстнаго мотива. Я заснулъ и не слышалъ, когда окончился этотъ странный и неожиданный сеансъ вдохновенія. На другой день, за кофе, Контскій сталъ извиняться за безпокойство, причиненное его музыкой.

— Вѣдь вы слышали?—спросилъ онъ меня.

— Какъ же, и слышалъ, и видѣлъ,—отвѣчалъ я.

— Что же вы видѣли?

— Видѣлъ, какъ вы, проснувшись, сначала молились, а потомъ пошли туда, въ залу, и играли что-то очень бурное.

Контскій нѣсколько сконфузился, а я пожалѣлъ о своей откровенности.

— Это всегда со мной такъ бываетъ,—сказалъ онъ,—вдохновеніе большей частью захватываетъ меня во снѣ; я пробуждаюсь отъ усиленной работы не то мозга, не то фантазіи, которая охватила меня, и первымъ дѣломъ ощущаю сильную потребность въ молитвѣ, а затѣмъ неодолимая сила влечетъ меня къ роялю... Знаете, я ночью кое-что записалъ изъ всего этого... а теперь нужно на свѣжую память провѣрить себя; пойдете, и вы мнѣ скажете ваше мнѣніе.

Мы отправились въ залу, и Контскій, пробѣжавъ какія-то ремарки, набросанныя карандашемъ на листѣ нотной бумаги, сѣлъ за рояль и сыгралъ новорожденную свою мазурку на слова: «Чародѣйка моя, ты не любишь меня».

— Эту мазурку,—сказалъ онъ, вставъ съ табурета,—я посвящу Дарѣ Михайловнѣ; воображаю, какой фуроръ произведетъ она.

Контскій не ошибся; Леонова дѣйствительно производила громадный фуроръ исполненіемъ Чародѣйки.

Когда Д. М. Леонова первый разъ спѣла у себя Чародѣйку, причемъ композиторъ восторженно игралъ свою мазурку, всѣ пришли въ восхищеніе. Въ числѣ гостей Д. М. находился молодой, начинавшій тогда композиторъ П. С. Макаровъ ¹⁾. Мы сидѣли рядомъ съ Макаровымъ, и когда кончились общія оваціи и композитору, и исполнительницѣ, я рассказалъ своему сосѣду про условія, при которыхъ была написана Чародѣйка на моихъ глазахъ, причемъ шутя я рассказалъ и то, какъ я былъ озадаченъ, услыхавъ эту мазурку вмѣсто ожидаемой мной драматической музыки на слова колыбельной моей пѣсни. Макаровъ тутъ же попросилъ у меня позволенія списать слова этой пѣсни, на что я согласился. Черезъ нѣсколько дней Макаровъ заѣзжаетъ ко мнѣ и объявляетъ, что онъ сочинилъ драматическую фантазію на мои слова, съ посвященіемъ Д. М. Леоновой, и проситъ моего разрѣшенія отдать свое произведеніе въ печать Лейброку. Я сказалъ, что ничего противъ этого не имѣю, но что во всякомъ случаѣ нужно предупредить объ этомъ Контскаго; по просьбѣ Макарова, я взялъ на себя эту миссію; захожу къ Контскому и говорю ему, въ чемъ дѣло. Выслушавъ меня, Контскій раземѣялся.

— Удивительно самонадѣянна теперь эта молодежь!—сказалъ

¹⁾ Впослѣдствіи издатель журнала Музыкальный Свѣтъ и редакторъ Биржевыхъ Вѣдомостей. Умеръ 24-го мая 1892 г.

онь.—Ну, куда же ему, молокососу, справиться съ такой задачей? Я чѣмъ болѣе вдумываюсь въ слова «У колыбели», тѣмъ больше сознаю всю глубокую драматичность, весь трагизмъ этихъ словъ и жду особеннаго, исключительнаго настроенія, чтобы взяться за такую музыку. Пусть печатаетъ; увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Вѣдь это право принадлежитъ вамъ, а не мнѣ.

Вскорѣ послѣ этого Д. М. Леонова спѣла въ своемъ концертѣ музыкальную фантазію Макарова «У колыбели»; успѣхъ былъ громадный. Контскій былъ въ этомъ концертѣ и, разставаясь со мной, сказалъ нѣсколько холодно:

— Я не ожидалъ, что стихотвореніе, которое вы написали собственнo для меня, вы будете отдавать всякому молокососу.

Это маленькое событіе не имѣло, однако, значенія въ дальнѣйшихъ нашихъ отношеніяхъ съ Контскимъ, съ которымъ мы оставались пріятелями до самаго выѣзда моего изъ Петербурга. Закаччивая мои воспоминанія объ А. Г. Контскомъ, не могу не сказать, что онъ имѣлъ прекрасное сердце и рыцарскій характеръ.

Безъ сомнѣнія, самыми интересными моментами субботниковъ Д. М. Леоновой были тѣ, когда сама хозяйка вмѣстѣ съ О. К. Никольскимъ подходили къ рояли. Тутъ всѣ присутствовавшіе притаивали, какъ говорится, дыханіе. Никольскій былъ тогда въ алогеѣ своего дивнаго, могучаго голоса, и спорить съ нимъ въ дуэтѣ, какъ по регистру, такъ и по діапазону голоса, могла лишь одна Леонова; въ дуэтахъ оба эти артиста какъ будто подспаривали, подбодряли другъ друга, и когда дѣло доходило у нихъ до высокаго fortissimo, они оба въ равной, неоспоримой степени оказывались на высотѣ и своихъ могучихъ голосовъ, и своей виртуозности.

Федоръ Калинычъ Никольскій поздно выступилъ на артистическую арену; ему было уже лѣтъ за сорокъ, когда онъ продолжалъ еще пѣть солистомъ въ придворной пѣвческой капеллѣ. Исторію его артистической карьеры рассказывали такъ: не помню, въ придворной ли церкви, или въ зданіи пѣвческой капеллы, Никольскій пѣлъ по обыкновенію теноровую партію solo и привелъ въ восторгъ слушающихъ; тутъ была великая княгиня Елена Павловна. Въ то время были въ большой славѣ ея концертные вечера, на которые приглашался весь артистическій цвѣтъ Петербурга, и гдѣ пальма первенства всегда оставалась за неподражаемымъ Тамберликомъ. И вотъ, когда этотъ волшебный пѣвецъ приводилъ въ восторгъ весь великосвѣтскій салонъ великой княгини, августѣйшая хозяйка задумывалась и дѣлилась съ нѣкоторыми изъ гостей своихъ думой о томъ, почему наша богатая дивными голосами Россія не можетъ представить обществу своего, роднаго

Тамберлика. Такая мысль осынила Елену Павловну въ то время, когда она слушала исполненіе Никольскимъ духовнаго концерта. Она пригласила дирижера придворной пѣвческой капеллы разучить съ Никольскимъ нѣсколько русскихъ романсовъ и особенно романсъ «Скажите ей», который въ то время былъ въ большой модѣ, и въ которомъ былъ такъ неподражаемъ Тамберликъ. На слѣдующій затѣмъ концертный вечеръ великая княгиня пригласила покойнаго государя, и здѣсь впервые передъ избранной публикой и въ присутствіи того же Тамберлика Никольскій спѣлъ «Скажите ей». Успѣхъ Никольскаго былъ громаднѣйшій и превзошелъ даже ожиданія самой хозяйки. Тутъ же рѣшена была и участь перваго тенора духовной пѣвческой капеллы. По настоянію великой княгини, государь приказалъ Никольскому готовиться для поступленія на сцену русской оперы. Никольскимъ немедленно занялось театральное начальство, и при дружномъ содѣйствіи будущихъ его товарищей по сценѣ онъ явился въ партіи Сабинина и сразу взялъ себѣ постъ соперника Тамберлику; въ подготовкѣ на сцену Никольскаго самое дѣятельное участіе принимала Леонова, и вотъ почему въ то время, о которомъ я пишу, Никольскій, не смотря на преслѣдованія Леоновой со стороны начальника репертуара императорскихъ театровъ, не переставалъ посѣщать опальную артистку, которой онъ сознавалъ себя много обязаннымъ. Не долговѣчна, но громка была слава Никольскаго. Плохой актеръ, не могшій никакъ совладать съ умѣніемъ доржать себя на сценѣ, Никольскій заставлялъ забывать всѣ эти недостатки, ради феноменальнаго своего голоса; но зато тамъ, гдѣ не требовалось игры, и именно въ концертахъ, онъ былъ волшебень. Одно имя его на афишахъ дѣлало полнѣйшіе сборы въ концертахъ съ возвышенными цѣнами. Правда, что и русскій Орфей нашъ не стѣснялся въ предъявленіи своихъ условій: за участіе въ концертѣ онъ получалъ по триста и болѣе рублей, и едва ли онъ не первый далъ понятъ петербургскому обществу, что не одни лишь заѣзжіе артисты могутъ у насъ цѣнить свои таланты на вѣсъ золота. Зенитомъ артистическаго триумфа Никольскаго былъ слѣдующій случай: меломаны того времени помнятъ, какое потрясающее впечатлѣніе производилъ Тамберликъ своимъ *Ut diez* въ известной партіи «Отелло». Говорили, что Тамберликъ единственный во всемъ мірѣ владѣлецъ этой сверхъестественной ноты, и что за право обладанія этой нотой онъ получаетъ изъ парижской консерваторіи премію въ сто тысячъ франковъ. До Тамберлика всѣ исполнители Отелловской партіи брали эту ноту *falcetto*, и лишь онъ одинъ могъ взять ее полной грудью. Друзья Никольскаго стали уговаривать его испытать свои силы въ этомъ *tour de force* вокальнаго искусства. И вотъ въ Маріинскомъ театрѣ былъ, не помню теперь, чей—кажется, самого Никольскаго—концертъ, составленный

изъ разныхъ оперныхъ арій и романсовъ; въ программѣ стояла и арія изъ Отелло. Такъ какъ Никольскій положительно не обѣщаль еще состязаться на этотъ разъ съ Тамберликомъ и говорилъ своимъ пріятелиамъ, что это будетъ зависѣть отъ настроенія, отъ момента, то объ этомъ и не было разглашаемо до самаго концертнаго вечера, хотя по нѣкоторой настороженности публики, наполнившей театральную залу, и появленію въ ложахъ итальянскихъ артистовъ, можно было догадываться, что въ публикѣ что-то ожидается отъ нынѣшняго концерта. Можно судить, что произошло въ театрѣ и что послѣдовало вслѣдъ за тѣмъ, когда Никольскій, допѣвъ арію до знаменитаго *Ut diez'a*, вдругъ, безъ всякаго усилія, полной грудью хватилъ эту ноту. Въ театрѣ долго не умолкалъ стонъ и гулъ отъ аплодисментовъ, а итальянскіе артисты мигомъ скрылись изъ ложъ и очутились за кулисами, чтобы прівѣтствовать въ Никольскомъ достойнаго соперника Тамберлику. Повторяю, громка, но скоротечна была артистическая слава *Ө. К. Никольскаго*; онъ держался на высотѣ ея не болѣе трехъ лѣтъ; что съ нимъ случилось и почему онъ очутился на наклонной плоскости, по которой сталъ быстро опускаться, я, покинувъ Петербургъ въ 1865 году и не заглядывая туда цѣлыхъ восемь лѣтъ, такъ ничего и не знаю. Когда въ 1873 году я посѣтилъ Маріинскій театръ, тамъ пѣлъ еще Никольскій, но онъ былъ уже неузнаваемъ.

Въ числѣ гостей Леоновой постоянно бывалъ и *С. С. Гулакъ-Артемовскій*. Когда-то въ молодости значительный басъ его былъ въ это время значительно уже ослабѣвшимъ и не отличавшимся чистотой звуковъ; но комическимъ талантомъ своимъ, особенно въ Москалѣ Чаривникѣ, г. Артемовскій производилъ фуроръ на сценѣ Маріинскаго театра; покойный государь Александръ Николаевичъ очень любилъ эту малороссійскую оперетту и всегда отъ души смѣялся, глядя на комическую фигуру Чупруна, въ которомъ былъ такъ неподражаемъ Гулакъ-Артемовскій. Въ то время Семень Степановичъ писалъ свою малороссійскую оперу «Запорожцы за Дунаемъ» и повѣрялъ себя на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ этой оперы у *Д. М. Леоновой*, для которой предназначалась имъ главная партія. Мы всѣ были очень заинтересованы скорѣйшимъ окончаніемъ труда Гулакъ-Артемовскаго, такъ какъ знали, что успѣхъ тутъ будетъ обусловленъ главнымъ образомъ игрою и сценическимъ интересомъ; лично я былъ тутъ заинтересованъ еще и потому, что, какъ знатокъ малороссійскаго языка, я принималъ маленькое участіе въ соотвѣтственномъ музыкальному ритму измѣненіи нѣкоторыхъ мѣстъ либретто, составленнаго *Н. И. Костомаровымъ*, котораго на ту спѣшную пору не было въ Петербургѣ. Но вотъ опера готова; композиторъ поставилъ ее въ свой бене-

фисъ; она имѣла успѣхъ, благодаря талантливому исполненію своей партіи Д. М. Леоновой и высокой комической игрѣ автора. Но музыкальная критика нашла музыку слишкомъ компилятивной, составленной изъ общеизвѣстныхъ мотивовъ малорусскихъ пѣсень. Продержавшись одинъ сезонъ, Запорожцы за Дунаемъ сошли со столичной сцены, хотя не безъ успѣха и теперь еще даются на провинціальныхъ сценахъ труппами малороссовъ.

Во едину отъ субботъ къ числу обычныхъ посѣтителей Д. М. Леоновой прибавилось еще двое: то былъ гвардейскій офицеръ Тваневъ съ молодой и симпатичной своей супругой. Эта барынька очень мило спѣла нѣсколько романсовъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась постоянной посѣтительницей Леоновскихъ вечеровъ; на слѣдующій сезонъ, благодаря руководительству Леоновой, Тванева уже съ успѣхомъ пѣла на сценѣ Маринскаго театра подъ именемъ Платоновой и годъ изъ году все больше и больше завоевывала себѣ вниманіе и любовь петербургской публики.

Въ числѣ постоянныхъ гостей Леоновой вспоминается мнѣ и Вильбуа, талантливый авторъ многихъ романсовъ, между прочимъ, извѣстнаго дуэта Моряки, и композиторъ оперы «Наташа». Въ описываемое мною время Вильбуа трудился надъ пересозданіемъ своей «Наташи», которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была имъ поставлена на оперной сценѣ и потерпѣла неудачу. Теперь композиторъ особенно много работалъ надъ главною партіей мамушки, которая назначалась имъ для Леоновой и на которой сосредоточивался весь интересъ оперы. Вильбуа несомнѣнно былъ очень талантливъ, но пристрастіе къ вину много вредило этому таланту. Интересно было послушать его, подчасъ сильно охмелѣвшаго, когда онъ садился за рояль и хриплымъ, почти беззвучнымъ голосомъ пѣлъ «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ» или что нибудь изъ другихъ излюбленныхъ своихъ произведеній; тутъ и исполнитель нерѣдко плакалъ и въ то же время извлекалъ неудержимыя слезы у своихъ слушателей, которые по цѣлымъ часамъ бывало не отпускаютъ безголосаго пѣвца отъ рояля, уговаривая его еще и еще продолжать неподражаемо мастерское пѣніе. Когда «Наташа» была вновь окончена, она пошла въ бенефисъ Леоновой и имѣла большой успѣхъ, благодаря главнымъ образомъ таланту бенефициантки. Помню, въ этотъ вечеръ особенный фуроръ произвела Леонова исполненіемъ пѣсни мамушки, въ которой та говоритъ о своей беззавѣтной любви къ Наташѣ; пѣсня эта заканчивалась такъ:

«Ужъ не я-ль для ней молодчика
«Жениха по сердцу выбрала,
«Выбирала, на подборъ брала,
«Словно сокола для горлинки».

По окончаніи оперы публика нѣсколько разъ вызывала Леонову вмѣстѣ съ композиторомъ; этотъ моментъ былъ великимъ торжествомъ для Вильбуа. Прямо изъ театра мы большей компаніей были приглашены Даріей Михайловной на чай; всѣ, вмѣстѣ съ хозяйкой, были уже въ полномъ сборѣ, когда явился и Вильбуа и, подбѣжавъ къ хозяйкѣ, упалъ ей въ ноги. — «Спасибо, голубушка, родная, выручила, вынесла,» — произнесъ онъ, глубоко взволнованный, и разрыдался.

Въ слѣдующій зимній сезонъ у Леоновой впервые появился Монаховъ, пріѣхавшій изъ Кіева и искавшій сближенія съ артистическимъ міромъ, куда влекло его гораздо больше, чѣмъ къ міру служебному, для котораго онъ промѣнялъ свой родной городъ на столицу. Я зналъ И. И. Монахова по Кіевскому университету; онъ шелъ двумя курсами ниже меня по историко-филологическому факультету. На первыхъ же порахъ юный студентъ обратилъ на себя общее вниманіе своимъ замѣчательнымъ подражательнымъ талантомъ. Онъ такъ артистически копировалъ каждаго префессора, что, вобразившись на кафедре и пригласивъ студентовъ закрыть глаза, онъ производилъ волшебное впечатлѣніе; въ теченіе какихъ нибудь десяти минутъ студенты слышали, съ малѣйшими оттѣнками голоса, всѣхъ своихъ профессоровъ, говорившихъ каждый о своемъ предметѣ съ свойственной ему интонаціей и манерой профессорскихъ пріемовъ. Особенно былъ неподражаемо хорошъ Монаховъ въ интонаціи профессора русской словесности А. И. Селина; тутъ сходство въ голосѣ, въ манерѣ и особенно въ нѣсколько своеобразныхъ пріемахъ ораторскаго таланта доходило до полнѣйшей иллюзіи. Будучи страстнымъ театраломъ, Монаховъ постоянно посѣщалъ кіевскій городской театръ и послѣ каждаго спектакля онъ въ совершенствѣ копировалъ актеровъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя произвели на него особенное впечатлѣніе. Когда Кіевъ посѣтилъ извѣстный трагикъ Ольдридъжъ и привелъ въ восторженный трепетъ всю университетскую молодежь своимъ геніальнымъ исполненіемъ Шекспировскаго репертуара, мы на другой день послѣ каждаго спектакля слышали Монахова въ выдающихся монологахъ то Отелло, то Шейлока, то Лира, и все это передавалось имъ съ такой точностью, что, закрывъ глаза, можно было подумать, что передъ вами не маленькій бѣлобрысый студентикъ, а самъ величественный мавръ Ольдридъжъ. Когда покойный теперь профессоръ Селинъ узналъ о такомъ талантѣ Монахова, онъ пожелалъ лично въ томъ убѣдиться и попросилъ юнаго студента скопировать ему кого нибудь изъ знакомыхъ. Монаховъ, не задумавшись, принялъ серьезный видъ, сѣлъ въ кресло, склонилъ на бокъ голову, поправилъ сперва манжеты, потомъ воротничекъ и произнесъ: «Милостивыя государыни и милостивые государи!». Присутствовавшіе при этомъ студенты тотъ-

часть чуть не прыснули отъ смѣху, а профессоръ смотрѣлъ на всѣхъ недоумѣло, все еще не догадываясь, въ чемъ дѣло; но когда Монаховъ, откинувъ назадъ голову и проведши по ней лѣвой рукой, сказалъ: «въ прошлой лекціи, говоря о вліяніи французскихъ энциклопедистовъ на русскую образованность», Селинъ разразился гомерическимъ смѣхомъ, и за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе. Услыхавъ потомъ, какъ Монаховъ копируетъ Ольдриджа, Селинъ сказалъ о его талантѣ слѣдующее: «Не знаю, есть ли у Монахова самобытный актерскій талантъ и какъ великъ онъ, но несомнѣнно, что подражательныя способности у него необыкновенны; ему нужны хорошіе сценическіе образцы, и чѣмъ они будутъ выше, типичнѣе, тѣмъ лучше Монаховъ съ ними справится».

А сценическими образцами для Монахова были въ то время два излюбленные имъ кіевскіе актера: Никитинъ и комикъ Ивановъ. Никитинъ, помимо большаго актерскаго таланта, былъ, какъ извѣстно, образцовый и, кажется, непревзойденный чтець. Едва ли не онъ былъ родоначальникомъ этого новаго у насъ типа искусства, которое онъ самъ же приладилъ къ такъ называемымъ куплетамъ. По крайней мѣрѣ въ Петербургѣ никто еще и не слышалъ другихъ куплетовъ, кромѣ тѣхъ, которыми изобиловали старинныя водевили; тогда какъ въ Кіевѣ Никитинъ производилъ уже фуроръ и образцовымъ чтеніемъ и образцовой передачей подъ акомпанементъ музыки «Какъ яблочко румянъ» и другихъ куплетовъ.

Я не скажу, чтобы Монаховъ былъ искуснѣе Никитина въ передачѣ этого Беранжевскаго стихотворенія, такъ удачно переведеннаго, или лучше сказать, передѣланнаго В. С. Курочкинымъ; здѣсь онъ не отставалъ отъ Никитина по стольку, по скольку съ неподражаемой точностью копировалъ послѣдняго; но въ словахъ «ей, ей, умру отъ смѣха» Монаховъ далеко превзошелъ Никитина, здѣсь его, повидимому, искренній, неудержимый смѣхъ доходилъ до полной виртуозности, и когда послѣ каждаго такого куплета слушатель долго еще продолжалъ надрываться отъ смѣха, Монаховъ моментально изъ раскиснувшаго, казалось, въ смѣхѣ принималъ свое обычное, серьезное выраженіе лица и этимъ еще болѣе усиливалъ впечатлѣнія комизма.

Вотъ съ какими данными и задатками прибылъ Монаховъ въ Петербургъ и немедленно попалъ въ салонъ Д. М. Леоновой. Помню, было много гостей у Даріи Михайловны; вечеръ былъ оживленъ и очень разнообразенъ по своей музыкальной и вокальной программѣ. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ университетскимъ товарищемъ, который скромно сидѣлъ въ уголку, прислушиваясь и присматриваясь къ обществу. — Что вы будете дѣлать въ Петербургѣ? — спросилъ я его. — «Поступлю на службу въ сенатъ», — отвѣчалъ онъ. — А театръ, сцена, о которыхъ вы мечтали въ университетѣ? — «Это,

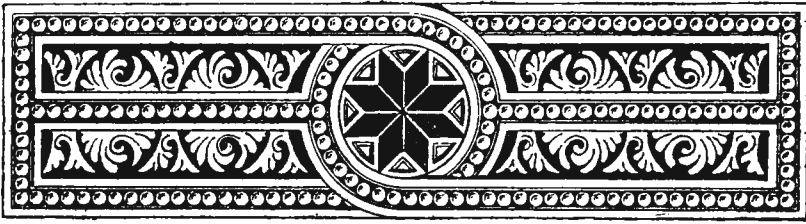

какъ случится, а пока далъ слово отцу, что буду служить». Я сказалъ хозяйкѣ, что не мѣшало бы уговорить юнаго провинціала спѣть Какъ яблочко румяно. Монаховъ сначала не соглашался, стѣснялся предъ новой, а главное артистической публикой, наконецъ, долженъ былъ уступить усиленной просьбѣ хозяйки и сѣлъ за рояль. Это былъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ на вечерахъ Леоновой; до сихъ поръ гости Даріи Михайловны испытывали чувства наслажденія и восторга отъ чудной музыки и дивнаго пѣнія; все это сопровождалось серьезнымъ, сознательнымъ отношеніемъ къ искусству и его высокимъ представителямъ; послѣ артистической игры Контскаго или Сѣрова, послѣ пѣнія Никольскаго и самой хозяйки всѣ слушатели, какъ очарованные, долго не могли и не хотѣли отдѣлаться отъ того впечатлѣнія мягкой сосредоточенности и тихой думы, какую навѣвала на нихъ чудная музыка и пѣніе. Здѣсь же случилось нѣчто новое, особенное. Когда Монаховъ при словахъ: «ей, ей, умру отъ смѣха», откинулся назадъ и сталъ кичнуть въ какомъ-то нервно-болѣзненномъ смѣхѣ отпѣтаго, не то чтобы очень пьянаго, но веселаго безконечно шлопая, зала потрясена была отъ гомерическаго смѣха. Уже Монаховъ, какъ ни въ чемъ не бывало, давно сидѣлъ въ углу съ серьезной физиономіей, а смѣхъ, неудержимый, здоровый, новый смѣхъ все еще одолѣвалъ съ удивленіемъ глядѣвшую на новый, своеобразный талантъ публику. Этотъ вечеръ рѣшилъ дальнѣйшую артистическую карьеру Монахова. Профессоръ Селинъ былъ правъ, сказавъ, что Монахову нужны хорошіе образцы; онъ встрѣтилъ ихъ и въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ, чрезъ которую проѣзжалъ до столицы и гдѣ успѣлъ завернуть въ Малый театръ, а тамъ еще жили и подвизались на сценѣ Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Живокини.

Заканчивая воспоминанія о знакомствѣ съ Д. М. Леоновой и незабвенныхъ ея субботникахъ, шлю издалика привѣтъ и сердечную благодарность почтенной артисткѣ за минуты, часы высокаго наслажденія, которые она давала своимъ гостямъ и талантомъ своимъ, и подборомъ общества, и своимъ широкимъ, истинно русскимъ гостепріимствомъ.

Въ началѣ главы я сказалъ, что статья моя о Леоновой въ «Русскомъ Мирѣ» стоила мнѣ немалыхъ хлопотъ. Дѣйствительно, мнѣ грозили и изъ министерства двора, и изъ третьяго отдѣленія, стараясь вывѣдать отъ меня источникъ сообщенныхъ мною свѣдѣній о закулисномъ положеніи артистки, и всѣмъ этимъ орудоваль, какъ я потомъ узналъ, П. С. Ѳедоровъ, — да простятся ему вся вольная и невольная!

В. Сикевичъ.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ ¹⁾.

IX.

Барашевская церковь и преданіе о ней.—Протоіерей Протопоповъ и его бабушка на курьихъ ножкахъ.—Домъ М. А. Мазуринной.—Дворецъ В. Е. Морозова.

НРОТИВЪ дома Боткина открывается съ Покровки переулкъ, ведущій мимо двухъ церквей: Воскресенія и Введенія въ Барашахъ (переплетчики, обойщики, полировщики), къ храму Иліи Пророка, на Воронцово поле. Съ древнихъ временъ и доселѣ 20-го іюля многочисленныя святыни Кремля, съ многочисленнымъ духовенствомъ, сопровождаемая колокольнымъ звономъ попутныхъ и окрестныхъ церквей и несмѣтными толпами богомольцевъ, шествуютъ изъ Кремля чрезъ Ильинку и Ильинскія ворота, по Покровкѣ, до этого переулка, и сворачиваютъ сначала къ Введенскому храму, а затѣмъ и во Введенскій переулкъ. По силѣ благочестивыхъ московскихъ преданій, вся Покровка отъ Ильинскихъ воротъ до этого мѣста, на томъ основаніи, что по ней два раза проносятъ святыню, считаетъ и на своей улицѣ праздникъ, и всѣ пріюты праздничнаго веселья на этомъ же основаніи бывають въ этотъ день на всемъ ея протяженіи биткомъ набиты гуляками, которые до свѣту рады празднику.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 778.

Объ, сосѣднія одна съ другой, церкви Барашевской слободы отличаются обширностью и благолѣпіемъ своихъ храмовъ, а съ Воскресенскою, стоящею на самой Покровкѣ, въ памяти москвичей связано одно любопытное преданіе изъ временъ прошлаго столѣтія,— преданіе, о которомъ отъ московскихъ старожиловъ намъ приходилось слышать, какъ о достовѣрномъ, но потомъ читать въ разное время и въ разныхъ газетахъ и журналахъ о томъ, что оно есть, будто бы, плодъ обыкновеннаго вымысла. Во всякомъ случаѣ, не вдаваясь въ критическую оцѣнку его исторической правдивости, считаемъ нелишнимъ упомянуть о немъ хотя бы потому, что оно доселѣ живетъ среди москвичей и не изглаживается изъ ихъ памяти, а передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Преданіе гласитъ, что въ этомъ именно храмѣ, тогда еще стоявшемъ въ подмосковной Барашевской слободкѣ, совершенно было въ самой скромной, почти тайной обстановкѣ, безъ всякихъ церемоній и торжествъ, вѣнчаніе знаменитаго впослѣдствіи подданнаго съ его повелительницей: когда древніе старики, помнившіе чуму, рассказывали намъ объ этомъ замалчиваемомъ исторіею фактѣ, какъ о слышанномъ ими отъ его современниковъ, и мы выражали имъ свое недовѣріе и сомнѣніе, они, для вящшаго нашего убѣжденія, указывали на одну изъ главъ этого храма, какъ на лучшую, по ихъ мнѣнію, свидѣтельница правдивости ихъ рассказовъ. Дѣло въ томъ, что одна изъ главъ храма представляетъ дѣйствительно точное подобіе царской короны, и такой главы нѣтъ больше ни на одномъ изъ московскихъ храмовъ. Вотъ и объясняютъ ея появленіе на храмѣ тѣмъ, что будто бы августѣйшая невѣста, выходя изъ церкви молодою женой своего раба, и въ самомъ дѣлѣ едва только выведеннаго ею изъ рабскаго состоянія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, пожелаала, чтобы церковь, стѣны которой видѣли совершившееся въ ней рѣдкое событіе, навсегда сохранила въ чемъ либо память о немъ, и тогда же соизволила украсить храмъ своею короной. Повторяемъ, за что купили, за то и продаемъ, но именно такое объясненіе слышали не одинъ разъ, и въ томъ числѣ отъ лица, которому, по обстоятельству его происхожденія, имѣли нѣкоторое право довѣрять.

Противъ паперти Воскресенскаго храма, на углу Покровки и Барашевскаго переулка, еще не такъ давно, какихъ нибудь лѣтъ 15—20 назадъ, смиренно прижавшись къ великолѣпному дому IV-й гимназіи, стояла, на удивленіе и потѣху всѣхъ проѣзжихъ и прохожихъ, жалкая избушка на курьихъ ножкахъ, составлявшая собственность протоіерея Воскресенской церкви, Ст. Тим. Протопопова, о которомъ, равно какъ и о его пресловутой избушкѣ, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ.

Достопочтенный протоіерей всюю своею жизнью представлялъ рѣдкій образецъ того, какъ трудно бороться противъ безжалостной судьбы, и какъ иногда полнота личнаго и семейнаго благополучія

можетъ гибельно отражаться на всей житейской карьерѣ человѣка. Въ молодости, блистательно окончивъ курсъ въ Московской духовной академіи и тѣмъ отличивъ себя передъ страшнымъ судьбою всѣхъ и учащихъ, и учащихся въ академіи, митрополитомъ Филаретомъ, Степанъ Тимоѣевичъ удостоился отъ него рѣдкой чести, какая выпадала на долю одного студента изъ всего кончающаго курсъ класса,—оставленія при академіи въ званіи бакалавра и въ должности младшаго преподавателя, для приготовленія къ профессорской каедрѣ. Въ то счастливое время ученый юноша, естественно, мечталъ и объ ученой дѣятельности, но потомъ, не успѣвъ дожидаться назначенія экстра-ординарнымъ профессоромъ, какъ-то такъ вышло, что взялъ да и женился, по всѣмъ правиламъ, какія предписывалъ тогдашній обычай на этотъ случай для всѣхъ, какъ ихъ звали въ средѣ духовенства, «кончалыхъ академикомъ». То-есть, получилъ отъ «свахи по духовенству» предложеніе, не угодно ли жениться на дочери одного московскаго протопопа, посмотрѣлъ невѣсту, нашелъ себѣ по душѣ какъ ее, такъ и ея приданое, въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей денегъ и нѣсколькихъ сундуковъ тряпья, и ударилъ по рукамъ. Молодые зажили счастливо, еслибъ ихъ личное благополучіе не омрачалось двумя обстоятельствами: образцовымъ плодородіемъ молодой профессорши, дарившей любимаго супруга съ рѣдкой аккуратностью, черезъ сроки отъ 9 до 10 мѣсяцевъ, или наслѣдникомъ, или наслѣдницей, да стѣсненностью матеріальныхъ обстоятельствъ. Въ тѣ времена труженики духовно-учебнаго вѣдомства вознаграждались поистинѣ жалкимъ гонораромъ, такъ что ординарные профессора духовныхъ академій получали жалованья 850 рублей съ чѣмъ-то въ годъ, а экстраординарные и бакалавры ровно вдвое меньше, что-то около 35—37 рублей въ мѣсяцъ. Митрополитъ же не только не находилъ этого страннымъ или обиднымъ для ихъ ученаго достоинства, но чуть ли не усматривалъ въ ихъ нищенскихъ окладахъ могущественнаго средства къ охраненію ихъ отъ суетной роскоши и непозволительныхъ для ученаго мужа излишествъ. Немудрено, что черезъ нѣсколько лѣтъ, посвященныхъ голодной наукѣ да черезчуръ успѣшному обзаведенію себя потомствомъ, Степанъ Тимоѣевичъ отъ женина приданого сохранилъ одно лишь воспоминаніе, а такъ какъ жить съ большою уже семьей, требовавшей и нянекъ, и кормилицъ, на 35 руб. и 8 руб. съ копейками магистерской пожизненной пенсіи представлялось невозможнымъ, то онъ и вынужденъ былъ прибѣгнуть къ обычному въ подобныхъ обстоятельствахъ средству поправить свое матеріальное положеніе, перемѣнить карьеру профессора на карьеру приходскаго священника въ Москвѣ. Филаретъ не особенно любилъ, когда ученые измѣняли своей профессіи изъ соображеній матеріальнаго свойства, но, съ другой стороны, считалъ не бесполезнымъ, чтобы личный составъ духовенства время отъ времени освѣждался всту-

племѣмъ въ его ряды и очень умныхъ, и безспорно просвѣщенныхъ людей, и охотно далъ просителю священническое мѣсто въ приходѣ хотя и не слишкомъ богатомъ, но, всетаки, съ доходомъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо большимъ академическаго жалованья. Но и семья не переставала и расти, и увеличиваться, такъ что скоро и этотъ доходъ оказался недостаточнымъ: пришлось опять прибѣгнуть къ митрополичьей милости. Филаретъ поморщился, но перевелъ Степана Тимоѣевича въ приходъ Іоанна Предтечи, что у Креста, близъ Крестовской заставы. Приходъ этотъ былъ небольшой, довольно грязный по населенію, но, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ богатѣйшихъ: церкви принадлежала огромная полоса земли, заключенная между Переяславской слободой и Пятницкимъ кладбищемъ съ одной стороны, и Ярославскимъ шоссе и Краснымъ прудомъ съ другой. Земля эта издавна сдавалась въ аренду огородникамъ и приносила такой доходъ, что даже половина его, поступавшая въ пользу причта, составляла солидную сумму, и $\frac{1}{4}$, приходившаяся на долю священника, равнялась нѣсколькимъ тысячамъ рублей.

Увы, не на долю, однако, Степана Тимоѣевича выпало собирать даровыя тысячи: переходъ его къ этой церкви состоялся передъ самымъ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги. Прошелъ годъ съ небольшимъ его служенія въ новомъ приходѣ, какъ начали обнаруживаться самые зловѣщіе признаки для его благосостоянія: около церкви и въ окрестностяхъ ея то и дѣло стали появляться какіе-то люди съ астролябіями и цѣпями, громыханье которыхъ скоро навело панику и на причтъ, и на его арендаторовъ. Разнеслась молва, что по ихъ огородамъ пройдетъ чугунка; слухъ не замедлилъ подтвердиться. Вскорѣ къ митрополиту было прислано почтительное увѣдомленіе отъ распорядителей постройкою Николаевской дороги, что принадлежащая Крестовской церкви земля отходить подъ полотно для рельсовыхъ путей, и что церковь въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть вознаграждена за это отчужденіе ея собственности.

Однакожъ, выраженіе «въ непродолжительномъ времени» оказалось не совсѣмъ точнымъ; прошелъ годъ, прошелъ другой, отъ церковныхъ огородовъ слѣда не осталось, по нимъ знай-себѣ весело свистали паровозы да громыхали поѣзда, церковь успѣла обѣднѣть, оставленная съ одними убогими прихожанами, принадлежавшими къ бѣднѣйшему типу призаставнаго люда. У причта, и особливо у его настоятеля, животы подвело, ибо семья его къ этому времени увеличилась до цифры просто неприличной, чуть ли не до десятка сыновей и дочерей. Пришлось ему и тутъ маяться попрежнему, пока хватало терпѣнія. Но еще черезъ годъ, два, оно лопнуло, и почтенный протоіерей, къ этому времени считавшій между своими товарищами и извѣстныхъ ученыхъ, и архіереевъ, и знатныхъ чиновниковъ, опять съ сокрушеннымъ сердцемъ поникъ головой

передъ митрополитомъ. «Ужь не знаю, что мнѣ съ тобой и дѣлать!—изрекъ сей:—нигдѣ-то тебѣ не сидится!». Однако смилостивился предостерегъ отъ возможной новой ошибки: «Смотри, не лучше ли, повременить, потерпѣть?»—вопросилъ онъ и послѣ отрицательнаго отвѣта обѣщаль что нибудь сдѣлать.

Вскорѣ освободилась вакансія настоятеля при Воскресенской въ Барашахъ церкви, и Степанъ Тимоѣевичъ былъ на нее переведенъ, чтобы здѣсь скончать и дни свои. Впрочемъ, разъ было онъ покушался бѣжать и отсюда, и опять на старое пепелище, ко Кресту: было это, если не ошибаемся, или въ концѣ 50-хъ, или въ началѣ 60-хъ годовъ. Управление Николаевской дороги, наконецъ, само вспомнило, что за нимъ есть небольшой должокъ, да еще кому? Крестителю Іоанну! и распорядилось сразу уплатить стоимость отнятой у церкви земли съ начисленіемъ $\frac{1}{100}$ за всѣ годы, протекшіе со времени отчужденія. Церковь получила громадную сумму, $\frac{1}{100}$ съ которой составляютъ гораздо больше, чѣмъ сколько давали огороды, и приходъ снова разбогатѣлъ, и причтъ, уже новый, сразу поправился. И тутъ судьба безпощадно насмѣялась надъ Степаномъ Тимоѣевичемъ! А онъ, обуреваемый семьею въ двѣнадцать, не то четырнадцать душъ, изъ которыхъ старшіе уже кончали ученье, а младшіе сидѣли на рукахъ у кормилицъ, и здѣсь испытывалъ самые острые приступы нужды. Первымъ движеніемъ его послѣ этого счастливаго для Крестовской церкви событія было идти къ митрополиту и проситься опять въ прежній приходъ, но Филарету онъ ужъ надоѣлъ своими нуждами и просьбами, и нарвался, какъ рассказывали, на очень рѣзкій отказъ. «Да что я тебѣ за нянька, и что ты за ребенокъ?»—прикрикнулъ, будто бы, чуть не восьмидесятилѣтній митрополитъ на чуть не шестидесятилѣтняго, увѣщаннаго, по его же милости, крестами и орденами, и такъ и оставилъ его въ Барашахъ доживать вѣкъ.

Домишко его, маленькій, деревянный, полусгнившій, вросставшій въ землю и кривившійся на бокъ, поистинѣ былъ позоромъ всей Покровки, представляя прискорбный и забавный контрастъ окружавшимъ его великолѣпнымъ зданіямъ; низенькія стѣны его были обвѣшаны огромными вывѣсками цирюльника, занимавшаго половину дома; самъ же протоіерей, со всѣмъ многочисленнымъ потомствомъ, ютился въ задней квартиркѣ съ крошечными комнатами, изъ которыхъ не было ни одной такой, гдѣ бы могла сразу помѣститься вся наличная семья его. Вчужѣ было умиительно созерцать эту рѣдкую картину явнаго благословенія Божія, какая представлялась взорамъ посѣтителя чуть не каждый вечеръ въ этихъ маленькихъ каморкахъ: за самоваромъ, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, сидитъ матушка и разливаетъ чай; изъ дѣтской то и дѣло прибѣгаютъ мальчишки-семинаристы, сыновья, за чаемъ; въ сосѣдней комнатѣ слышится разговоръ дочерей-дѣвицъ съ замужнею сестрой;

рядомъ съ о. протоіереемъ сидитъ старшій сынъ, священникъ, третій сынъ—студентъ академіи, зять—тоже священникъ, и вся эта компанія ведетъ или поучительную бесѣду, или вспоминаетъ о покойномъ второмъ сынѣ, который составлялъ не малое утѣшеніе родителямъ, отлично учился, кончилъ курсъ въ академіи такъ же, какъ и отецъ магистромъ, и вслѣдъ за назначеніемъ въ профессоры семинаріи скончался отъ скоротечной чахотки.

На такихъ семейныхъ вечерахъ не было никакого напоминанія о нуждѣ, о бѣдности, о стѣсненныхъ обстоятельствахъ; но и то, и другое, и третье какъ-то чувствовалось само собою, ощущалось въ воздухѣ, проглядывало и сквозь чистенькія дешевенькія занавѣски на окнахъ и сквозь рѣшетчатыя сидѣнья «кондитерскихъ» стульевъ, и сквозь всю незатѣйливую опрятность обстановки, но особенно выступало тогда, когда о. протоіерей начиналъ говорить о своемъ товарищѣ архіепископѣ, о своемъ ученикѣ, попечителѣ учебнаго округа, о своемъ другѣ, ректорѣ академіи, и пр. т. п. И какъ-то невольно, какъ разъ въ эти минуты, приходило въ голову: а сколько, однако, надо заплатить сапожнику и башмачнику, чтобы обуть такую семьющу, портному и портнихѣ, чтобы хоть какъ нибудь ее одѣть, не говоря уже о томъ, чтобы свозить въ театръ, на прогулку въ Петровскій паркъ или Сокольники, и т. п.?

Даже избушка-то эта своимъ существованіемъ обязана была стѣсненнымъ средствамъ о. протоіерея: церковный староста давно готовъ былъ купить ее у него, сломать на дрова и выстроить хорошій каменный домъ на ея мѣстѣ. Но это грозило тяжкими убытками ея хозяину, ибо съ парикмахерской и съ нѣсколькихъ лавокъ, устроенныхъ въ жалкой сараюшкѣ, онъ ежегодно получалъ наемной платы не меньше того, сколько она стоила, и понятно, что страшился прекращенія этого дохода, какъ подспорья къ доходамъ отъ церкви. И только послѣ его смерти сняли съ Покровки этотъ живой позоръ, и застроили мѣсто большимъ каменнымъ домомъ, принадлежащимъ церкви.

Введенскій переулокъ къ Воронцову полю не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, и о немъ едва ли бы стоило говорить, еслибъ онъ не оканчивался, на углу Воронцовской улицы, небольшимъ деревяннымъ домикомъ на каменномъ фундаментѣ, принадлежавшимъ той самой М. А. Мазуриной, которой мы посвятили столько страницъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Въ этотъ-то неказистый снаружи домикъ вынужденъ былъ влѣзать въ окно съ улицы весь полицейскій персоналъ мѣстной части, и на обширномъ дворѣ его выдержать жестокую атаку Мазуринскихъ псовъ, изъ которой едва-едва вышелъ побѣдителемъ.

Не особенно давно Введенскій переулокъ пріобрѣлъ новаго богатаго обывателя въ лицѣ Викулы Елисеѣвича Морозова, одного

изъ внуковъ знаменитаго Саввы, родившагося гуслицкимъ мужикомъ, а умершаго архи-милліонеромъ, царькомъ московскихъ мануфактуристовъ и владѣльцемъ необъятно-громадной Орѣхово-Зуевской Никольской мануфактуры, вполсѣдствіи столь печально прославившей его старшаго сына Тимоѳея Саввича Морозова.

Замѣчательно странное и не особенно выгодное совпаденіе: почти всѣ московскіе мануфактуристы-милліонеры ведутъ свое начало изъ Гуслиць, знаменитаго прежняго гнѣзда фальшивыхъ монетчиковъ. Хлудовы, Зимины, Тюляевы и множество другихъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ маленькимъ племенемъ теперешнихъ Морозовыхъ—всѣ происхожденіемъ изъ гуслицкихъ мужиковъ. Такимъ же мужикомъ былъ и основатель Морозовскихъ богатствъ и фирмы «Саввы Морозова съ сыновьями». Послѣднихъ было нѣсколько: Тимоѳей, Елисѣй, Захаръ и, кажется еще двое, исчезнувшихъ изъ мануфактурныхъ лѣтописей. Тимоѳей Саввичъ унаслѣдовалъ большую часть Никольской фабрики, Елисѣй Саввичъ меньшую, Захаръ Саввичъ—Богородско-Глуховскую мануфактуру. Всѣ они умерли, и послѣдніе два уже давненько. Захару Саввичу наслѣдоваль Иванъ Захаровичъ, который тоже умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ, оставивъ послѣ себя Арсенія и Давыда Ивановичей, не безъизвѣстныхъ покровителей и благодѣтелей литературы, въ лицѣ издателей погибшихъ «Голоса Москвы» и «Русскаго Дѣла» и здравствующаго «Русскаго Обзорѣнія». Послѣ Тимоѳея Саввича остался теперешній представитель фирмы Савва Тимоѳеичъ и, наконецъ, послѣ Елисѣя Саввича,—Викулъ Елисѣичъ, обыватель Введенскаго переулка. Почти всѣ Морозовы, кромѣ Богородско-Глуховскихъ, живущихъ въ наемной квартирѣ на Новой Басманной, имѣютъ собственные дома-дворцы въ Москвѣ. Такъ, извѣстная жертвовательница В. А. Морозова, урожденная Хлудова, дочь Алексѣя Ивановича, владѣетъ великолѣпнымъ домомъ бывшимъ гг. Лихачевыхъ, на Пречистенкѣ. Савва Тимоѳеичъ живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ съ серебрянымъ фонаремъ, близъ Лужскаго бульвара, въ Трехсвятительскомъ переулкѣ, который покойнымъ Кокоревымъ былъ купленъ въ развалинахъ у какого-то князя, возобновленъ самымъ безобразно-роскошнымъ манеромъ, служилъ ему нѣсколько лѣтъ самому резиденціей и потомъ, при какой-то заминкѣ въ дѣлахъ, проданъ имъ Т. С. Морозову. Это тотъ самый домъ, въ которомъ, въ званіи почетнаго дворецкаго, проживаль у него извѣстный севастопольскій герой, отставной генераль.

Викулъ Елисѣичъ не захотѣлъ отставать отъ родителей и воздвигъ себѣ палаты въ Введенскомъ переулкѣ, давящія тѣсную улицу своей громадой и, кромѣ этого, ни архитектурой, ничѣмъ инымъ не замѣчательныя. За то ихъ самъ хозяинъ изо всѣхъ Морозовыхъ одинъ выдѣляется замѣчательною гуманностью къ фабричнымъ, служащимъ и всѣмъ, съ нимъ и его фирмой дѣла имѣющимъ. Это за-

свидѣтельствовали самые нелюбимые свидѣтели бунтовщики, разграбившіе Никольскую мануфактуру его покойнаго непривѣтливаго дядюшки. Во все время безпорядковъ въ зданіяхъ Викулы Елисѣича не было разбито ни одного стекла, не вынута ни одного гвоздя, и чтобы спасти имущество или строеніе, нужно было только сказать, что оно Викула Елисѣича: «а, ну, не трогай, коли такъ!» распоряжались коноводы мануфактурнаго мятежа. Точно также и служащіе В. Е. свободно и неприкосновенно входили и выходили изъ своихъ домовъ, гуляли среди бунтарей, тогда какъ служащіе Тимоѣея Саввича вынуждены были дрожать отъ страха въ своихъ квартирахъ подъ замкомъ, а своихъ дѣтей и беременныхъ женъ прятать отъ буйства безобразниковъ по чердакамъ и подваламъ. Лучшая рекомендація мануфактурной добросовѣстности!

X.

А. И. Лобковъ и его домъ.—Подрядчикъ Малкѣль и еврейская колонія близъ Покровки—Машковъ переулочъ и его достопримѣчательности: грязь и «Развлеченье».—Ө. Б. Миллеръ.—Характеръ и судьба его журнала.—Домъ князей Голицыныхъ и Свиныхъ.—Новиченковское наслѣдство и его исторія.—Храмъ Іоанна Предтечи и его колокольня.

Усадьба гг. Боткиныхъ граничитъ съ обширною усадьбой, нѣкогда принадлежавшей не безъизвѣстному въ свое время московскому богачу Алексѣю Ивановичу Лобкову, а къ нему въ руки попавшей, какъ намъ приходилось слышать, отъ какого-то родовитаго барина за долги. Судя по мрачной, непривѣтливой архитектурѣ и флигелей, и главнаго дома, типомъ своимъ напоминающаго казематы старинной Иностранной Коллегіи, зданія эти едва ли не старше Петровской эпохи и, очевидно, безъ особенныхъ измѣненій достояли до Алексѣя Ивановича, да и послѣ него, кромѣ небольшихъ поправокъ и перекрасокъ, ничего не испытали. Сзади печальныхъ и сумрачныхъ хоромъ уцѣлѣлъ и старинный, такой же угрюмый и мрачный съ виду, обширный садъ, длиннымъ деревяннымъ заборомъ отдѣленный отъ Криваго переулка, соединяющаго Машковъ переулочъ съ Чистопруднымъ проѣздомъ.

О прежнемъ владѣльцѣ этой усадьбы А. И. Лобковѣ сохранилась въ Москвѣ память и какъ отчасти о филантропѣ, и какъ преимущественно о крупномъ дисконтерѣ стараго закала, и вообще какъ о человѣкѣ гордомъ, самолюбивомъ и надменномъ. Будучи, по рожденію своему, происхожденія мѣщанскаго, онъ быстро разбогатѣлъ и скоро достигъ всѣхъ тѣхъ отличій, какія были тогда доступны купеческимъ богачамъ. Но всѣ эти отличія даже и не замяли того червячка, который сосалъ его честолюбивое сердце и

надменную душу: онъ смотрѣлъ дальше, и почетное гражданство, хотя бы и потомственное, да пару-другую золотыхъ медалей, хотя бы по полфунта вѣсомъ, вовсе не считалъ геркулесовыми столпами для своихъ вождельнй и былъ едва ли не первымъ изъ московскихъ купцевъ, цѣною пожертвованй и всякаго другаго сорта мздовоздаянй, достигшимъ до купленнаго генеральства. Но ему и этого было мало: самъ сдѣлавшись превосходительствомъ, онъ уже не могъ и мысли допустить о томъ, чтобы дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. И. Лобкова могла выйти замужъ не за генерала. А. И. посвятилъ всѣ свои заботы осуществленію этой именно мечты и благополучно добился своей цѣли. Да оно не мудрено и было: единственная дочь была полной наслѣдницей всѣхъ его богатствъ, а на такихъ невѣстъ и въ тѣ времена находились охотники даже изъ настоящей родовой знати, а изъ выслуженной и подавно.

И вотъ дѣйствительно дочь А. И. вышла замужъ за генерала Егорова, котораго знатность была отнюдь не перваго, а только втораго разряда. Но дѣйствительный статскій совѣтникъ накладнаго серебра, какъ въ насмѣшку звали его среди купечества, былъ вполне удовлетворенъ, когда его дочь стала настоящимъ ея превосходительствомъ, въ званіи супруги самаго заправскаго генераль-майора. Судьбѣ неугодно было, чтобъ А. И. долго наслаждался своимъ генеральствомъ и окружившимъ его родственнымъ генералитетомъ, тѣмъ не менѣе онъ умеръ въ гордомъ сознаниі, что его самолюбивыя мечты осуществились въ полномъ размѣрѣ, какъ онъ этого всю жизнь желалъ. Про его чванство, какъ мѣщанина во дворянствѣ, ходило не мало розказней, и изъ нихъ мы приведемъ одинъ разказъ потому именно, что лице, передавшее его намъ, слышало его лично отъ самого Лобкова.

Не столько въ качествѣ купческаго генерала, сколько въ качествѣ крупнаго и щедрaго благотворителя, извѣстный митрополиту Филарету и даже входій къ нему, А. И. однажды пріѣхалъ къ нему, но не былъ принятъ, потому что митрополитъ былъ занятъ съ какимъ-то другимъ, болѣе высокопоставленнымъ гостемъ. Взбѣсило это чваннаго гордеца, и задумалъ онъ отмстить своему архипастырю такую тяжкую обиду. И вотъ, когда будто бы черезъ нѣсколько времени митрополитъ самъ пріѣхалъ навѣстить его, то А. И. приказалъ прислугѣ сказать, что онъ не можетъ принять гостя. Такъ будто бы Филаретъ и повернулъ отъ крыльца лошадей. Говоримъ: будто бы, ибо сомнѣваемся въ этой второй половинѣ разказа. О митрополитѣ Филаретѣ извѣстно, что онъ вовсе не былъ охотникомъ до визитовъ, и если посѣщалъ извѣдка нѣсколько самыхъ аристократическихъ домовъ, то лишь потому, что съ ихъ хозяевами, какъ, на примѣръ, съ княземъ С. М. Голицынымъ, былъ въ отношеніяхъ и дѣловыхъ, и вмѣстѣ личной пріязни. Дома

эти въ Москвѣ были наперечеть, и между москвичами было даже принято опредѣлять наивысшую знатность и вмѣстѣ нравственное достоинство того или другаго дворянскаго гнѣзда тѣмъ обстоятельствомъ, бываетъ тамъ или нѣтъ митрополитъ. «У него Филаретъ бываетъ» — это значило, что знатнѣе и пышнѣ такого барина и не найти. И потому-то сомнителенъ фактъ непринятія митрополита какимъ нибудь Лобковымъ.

Послѣ смерти Алексѣя Ивановича его мрачная резиденція долго пустовала, такъ какъ наслѣдники его не пожелали переселиться въ нее. Наконецъ, и домъ и флигеля были наняты не безъизвѣстнымъ въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ евреемъ-подрядчикомъ Самуиломъ Мироновичемъ Малкіелемъ. Сей мужъ израильскій пролетѣлъ надъ Москвой какъ бы трескучимъ метеоромъ съ своимъ богатствомъ, о которомъ рассказывали въ то время самыя вздорныя небылицы. Пророчили ему такую же колоссальную финансовую извѣстность, какъ и его соплеменнику Полякову, и обстоятельства нѣкоторое время такъ расположились, что, пожалуй, можно было и вѣрить тому: проживъ нѣсколько лѣтъ въ Лобковскомъ гнѣздѣ, вдругъ Малкіель покупаетъ двѣ громадныя недвижимости въ лучшей части Тверской, близъ Страстнаго монастыря и Тверскаго бульвара, одну — у наслѣдниковъ графа Гурьева, другую — *vis-à-vis* съ первой, у князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, обѣ съ громадными домами на Тверскую и съ безконечными флигелями въ переулкахъ; Гурьевскій домъ отдѣлываетъ специально подъ Пушкинскій театръ, а княжескій палаццо и безъ того великолѣпный и роскошный подъ свою квартиру, нижній этажъ которой сдаетъ соотчиму своему портному Корпусу. Перебравшись со всѣми своими Ривками и Хайками, Нухимами и Лейзерами на пепелище одной изъ знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій Русскаго царства, еврейскій скоробогачъ, однако, скоро началъ замѣчать, что онъ не ко двору на новомъ мѣстѣ: дѣла его стали ухудшаться, финансовая слава меркнуть, и едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ онъ вынужденъ былъ одинъ домъ, съ Пушкинскимъ театромъ, продать банкирамъ Гинцбургамъ, тѣмъ самымъ, которые теперь трудятся надъ благополучнымъ выворачиваніемъ своихъ коммерческихъ кафтановъ, а другой, въ которомъ самъ жилъ, и еще того обиднѣе — одному изъ самыхъ закоренѣлыхъ русаковъ, извѣстному богачу, преображенскому фабриканту Носову. Но, исчезнувъ безслѣдно самъ и для Покровки, и для Тверской, онъ и той и другой оставилъ прочную о себѣ память въ двухъ еврейскихъ колоніяхъ, основавшихся въ окрестностяхъ обѣихъ его резиденцій.

Давно извѣстно, что самая завидная и для евреевъ благодѣтельная черта ихъ національнаго характера выражается въ той цѣпкости, съ какою еврейская нищета цѣлыми гнѣздами липнетъ къ тому своему собрату, котораго Іегова благословилъ матеріаль-

нымъ достаткомъ, и въ той готовности, съ какою каждый таковой растопыриваетъ во всѣ стороны свои руки для возможной поддержки меньшей своей братіи: естественно, что какъ только Малкіель поселился для осѣдлой жизни на Покровкѣ, такъ вся эта мѣстность и подверглась мирному завоеванію со стороны израильскаго племени. И дѣйствительно: съ половины шестидесятыхъ до второй половины семидесятыхъ годовъ всѣ переулки, прилегающіе къ ней, наводнились массою евреевъ, глядѣвшихъ изо всѣхъ оконъ, выползавшихъ со всѣхъ дворовъ и торчавшихъ у cadaго дома; не прошло года, какъ мѣстность глядѣла уже совершеннымъ еврейскимъ кварталомъ: появились контрабандисты-чайники, табачники, подотнянщики; ростовщики-сапожники и ростовщики-портные; ростовщики-часовщики и просто тайные закладчики. Основалась даже и официальная кредитная контора, во образѣ ссудной кассы еврейкупца Наркирбера. Ни въ Машковомъ, ни въ Кривомъ, ни въ Фурманномъ переулкахъ, ни въ Доброй слободкѣ не осталось ни одного дома, въ которомъ бы не гнѣздились по нѣскольку еврейскихъ семействъ, и всѣ они до того осѣдло расселились по нимъ, что чувствовали себя какъ дома, и не только въ своихъ логовахъ безпрепятственно справляли всѣ обрядности и празднества своей религіи, но выполняли съ ними наружу, совершая ихъ, когда это было неизбѣжно, даже и на открытомъ воздухѣ, въ виду множества свидѣтелей. Съ особенною откровенностью праздновали они свои такъ называемыя кучки, то-есть праздникъ Кущей. Для этого выбирался какой нибудь дворъ попросторнѣй, гдѣ нибудь въ уголкѣ раскидывалась палатка (куща), въ нее собиралось, втеченіе нѣсколькихъ осеннихъ вечеровъ подъ рядъ, все еврейское населеніе изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ домовъ, тѣсная палатка загоралась множествомъ свѣчей, и цѣлый часъ и болѣе продолжалось въ ней религиозное еврейское торжество и пиршество. Православное населеніе такого двора относилось къ этимъ сборищамъ и съ полною терпимостью, и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ ихъ благочестивому характеру, и съ значительной долей любопытства. Подъ покровомъ осенняго вечерняго мрака вокругъ еврейской кущи собирались толпы православныхъ мастеровыхъ съ ихъ ребятишками, и внимательно, хотя всегда скромно и сдержанно, наблюдали за всѣмъ, что происходило въ палаткѣ. Въ одной Доброй слободкѣ, переулкѣ не свыше $\frac{1}{4}$ версты протяженіемъ, помнимъ, этихъ кущей воздвигалось на задахъ обывательскихъ дворовъ до пяти на разныхъ дворахъ, и въ каждую кущу сходилось богомольцевъ-евреевъ отъ 40 до 50 душъ. То же было и въ сосѣднихъ переулкахъ.

Когда Малкіель покинулъ Лобковскія руины для новаго чертога на Тверской, вслѣдъ за нимъ перекочевали и его единовѣрцы въ окрестности Тверской, въ переулки Бронныхъ, но только тѣ, которымъ почему либо не везло на Покровкѣ; всѣ же тѣ, кто пу-

стиль около нея прочные корни, естественно не нуждаясь въ особенномъ покровительствѣ богатаго соплеменника, остались на прежнихъ мѣстахъ, такъ что если эта колонія съ отъѣздомъ его и сократилась, то не на большую цифру, но зато въ ней остались только члены, которые черезчуръ плотно усѣлись на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ еврейство втеченіе послѣднихъ 30 лѣтъ разселялось постепенно по всей Москвѣ и, наконецъ, заполонило ее до такой степени, что понадобились въ послѣднее время суровыя мѣры къ изгавленію ея отъ еврейскаго излишка.

Послѣ Малкіеля Лобковское гнѣздо, не измѣнивъ своего виѣшняго вида, круто измѣнило характеръ своего населенія: въ немъ завелась чья-то типографія, и даже русская, и главный домъ отданъ былъ подъ помѣщеніе московской земской управы, которая, если не ошибаемся, здѣсь и доселѣ коротааетъ свой вѣкъ.

Машковъ переулкъ, соединяющій Покровку съ Харитоньевскимъ, а чрезъ него и съ Мясницкой, знаменитъ, во-первыхъ, своими грязями, которыя просыхаютъ развѣ къ серединѣ лѣта, да и то, если оно бываетъ черезчуръ знойное, и притомъ до перваго дождя; во-вторыхъ—тоже грязями, только литературными, и давно уже притомъ высохшими. Въ этомъ переулкѣ, и какъ разъ въ наигрязнѣйшемъ его пунктѣ, и началъ и окончилъ свое литературное поприще учитель московскихъ кадетскихъ корпусовъ и издатель-редакторъ журнала «Развлеченіе» Ѡ. В. Миллеръ, чуть ли не четверть вѣка окачивавшій грязью и помоями самыхъ именитыхъ представителей московскаго купечества, и на этой грязи успѣвшій соорудить цѣлую усадьбу прочныхъ и доходныхъ домиковъ тутъ же, въ Машковомъ переулкѣ, да такую же усадьбу прекрасныхъ и еще болѣе доходныхъ дачъ въ извѣстномъ дачномъ подмосковномъ селѣ Пушкинѣ. Какъ журналъ, и притомъ иллюстрированный, «Развлеченіе» всегда носило характеръ убожества, ибо и начиналось, и продолжалось на деньги по истинѣ мѣдныя: рисунки поражали уродливостью и аляповатостью, а литературный гонораръ колебался между 20 и 25 рублями за очень плотный и содержательный печатный листъ въ 36 тысячъ буквъ. Но какъ бездонная обличительная помойная яма, въ которую еженедѣльно, по волѣ редактора, усаживали какогонибудь именитаго или популярнаго московскаго купца, журналъ шелъ бойко и давалъ прекрасные барыши. Издавался онъ, конечно, подъ предварительную цензурой, но чтобы она не могла мѣшать его обличительному направленію, а слѣдовательно и его доходности, Ѡедоръ Богдановичъ изобрѣлъ средство, которое съ тѣхъ поръ получило широкое распространеніе въ нашей періодической литературѣ и до сихъ поръ въ ходу между поденщиками наиболѣе низкопробной уличной прессы. Средство это заключалось въ такомъ измѣненіи фамилій обличаемыхъ и шельмуемыхъ лицъ, что и редакторъ, и авторъ оказыва-

лись рѣшительно не уязвимыми ни законами о печати, ни общими законами о наказаніяхъ, и въ то же время обличаемаго подъ видоизмѣненной кличкой безошибочно узнавала вся читающая Москва. Если, напримѣръ, хотѣли пробрать Вакселя, то изъ него выходилъ Ваксинъ, изъ Алексѣева—Лисѣевъ, Пастухова—Пѣтуховъ, Мазурина—Мазурикъ и т. д., и можно себѣ представить нравственное угнетеніе всѣхъ этихъ Плутмировъ, Ватрушкиныхъ, Плетюшкиныхъ и проч., когда и они сами, и ихъ пріятели, и знакомые, подъ этими вымышленными фамиліями безъ малѣйшаго труда угадывали ихъ собственныя

Такъ какъ поступки, приписываемые имъ, всегда отличались и безнравственностью, и глупостью, то имъ прежде всего было стыдно доказывать свою идентичность съ описываемыми лицами; а потомъ—и для суда не было основаній усматривать въ оскорбляемомъ печатію Ваксинъ непремѣнно Вакселя, хотя бы и по собственному его удостовѣренію. Сотрудниками «Развлеченья», или, какъ тогда ихъ называли въ Москвѣ, «Развлеченцами», были и сапожники (въ буквальномъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, Суховъ), и купеческіе молодцы, обличавшіе своихъ хозяевъ, и ренегаты купеческаго сословія, и изгои ежедневной печати, и вообще всякій сбродъ. Въ этомъ отношеніи Ѳ. Б—чъ отличался безграничною широтой воззрѣній, быть можетъ, и потому, что такой-то именно сбродъ и не опасенъ былъ въ смыслѣ излишней притязательности на счетъ гонорара, и между тѣмъ дѣлалъ свое дѣло, являя замѣчательную неистощимость въ основательныхъ или фиктивныхъ обличеніяхъ, все равно.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что и изъ этого сброда выработывались если не таланты, то во всякомъ случаѣ бойкіе писаки и не совѣмъ блѣдные фельетонисты: таковъ былъ, напримѣръ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Мицманъ Жевакинъ, болтовня котораго, напоминая легковѣсную, но удобочитаемую болтовню парижскихъ фельетонистовъ, къ тому же не лишенная юмора, всегда читалась съ удовольствіемъ. Кромѣ этого Мицмана, было въ рядахъ «Развлеченцевъ» и еще нѣсколько не безталантныхъ писаковъ, вполнѣдствіи вышедшихъ на болѣе торную дорогу ежедневной уличной прессы.

Федоръ Богдановичъ рачительно занимался своимъ журналомъ, какъ и большая часть русскихъ журналистовъ, только до тѣхъ поръ, пока не нажилъ себѣ отъ него порядочнаго состоянія, а какъ только это случилось, вдругъ его энергія и ослабѣла, что, при возникшей конкуренціи «Будильника» и вновь основаннаго журнальчика «Свѣтъ и Тѣни», быстро отразилось на подписномъ благополучіи «Развлеченія», которое въ послѣдніе годы жизни Миллера постепенно умалось, а съ его смертію и вовсе рушилось, и журналъ, отвергнутый его прямыми наслѣдниками, началъ ходить по

газетному рынку изъ рукъ въ руки и еле-еле влачить свое существованіе, нынче у одного хозяина, завтра у другаго и т. д. Умеръ Ѳедоръ Богдановичъ хотя и въ преклонныхъ годахъ, но отнюдь еще не дряхлымъ старикомъ, и совершенно неожиданно: въ концѣ 80-го, помнится, или въ началѣ 81-го года, намъ случилось быть въ загремѣвшемъ тогда въ Москвѣ новомъ Пушкинскомъ театрѣ въ д. Малкіеля, на Тверской. Тамъ мы встрѣтили и Миллера, и въ антрактахъ раза два сталкивались съ нимъ въ корридорахъ и каждый разъ обмѣнивались коротенькими разговорами. Онъ былъ на видъ совершенно здоровъ, бодръ и даже, какъ намъ показалось, веселъ, и мы были глубоко поражены, узнавъ на слѣдующій день о постигшей его мгновенной и безболѣзненной кончинѣ.

По пути отъ Машкова переулка до Землянаго вала особенно не на чемъ остановить вниманіе, кромѣ, развѣ, родовой усадьбы князей Голицыныхъ, наслѣдниковъ покойнаго князя Михаила Ѳедоровича, да сосѣдней съ ней Свинынской усадьбы, да пресловутыхъ Новиченковскихъ руинъ, почти сорокъ лѣтъ ищущихъ хозяина, который бы сколько нибудь образилъ ихъ, и все его не обрѣтавшихъ.

Что касается Голицынской усадьбы, то она, помимо того похвально благообразнаго вида, въ какомъ поддерживается доселѣ съ неизмѣнною рачительностью, замѣчательна уже тѣмъ однимъ, что на всемъ болѣе чѣмъ 5-ти верстномъ протяженіи Покровки отъ Ильинскихъ воротъ до Яузы представляетъ единственную недвижимую собственность, не попавшую въ цѣпкія лапы какого нибудь «золотаго мѣшка» первой гильдіи, а оставшуюся во владѣніи того родовитаго боярскаго семейства, предки котораго возстановили ее послѣ пожара 1812 года на мѣстѣ сгорѣвшаго стариннаго ихъ гнѣзда.

Уступка духу времени сдѣлана лишь тѣмъ, что барственные апартаменты главнаго дома съ нѣкоторыхъ поръ отдаются въ наймы подъ квартиру, если не ошибаемся, желѣзнодорожнаго клуба, но съ такою уступкою во всякомъ случаѣ легче помириться, нежели съ отчужденіемъ ея въ чьи либо коммерческія руки.

Послѣднее, къ прискорбію, случилось съ ея сосѣдкой, Свинынской усадьбой, которую господа Свиныны долго берегли и не выпускали изъ своихъ рукъ, но потомъ, всетаки, не отвертѣлись, продавъ ее гг. Мозеру и Блессингу, извѣстнымъ въ Москвѣ конструкторамъ музыкальныхъ машинъ и, если не ошибаемся, купцамъ еврейскаго происхожденія. Домъ бывшій Новиченкова съ флигелями, послѣ смерти своего владѣльца, прославился тѣмъ, что чуть не сорокъ лѣтъ ищетъ себѣ хозяина и никакъ не найдетъ, а какіе и наклеиваются, то немедленно перессорятся между собой, вступають въ нескончаемую тяжбу и въ концѣ концовъ, всетаки, отступятъ отъ него, какъ будто это не обыкновенный каменный домъ,

отъ ветхости и безпризорности разваливающійся, а какой-то таинственный кладъ, никому не дающійся въ руки. Исторія этого дома за послѣднія почти чотырдесятилѣтія не лишена и интереса, и заслуживаетъ того, чтобы дать о ней понятіе.

До половины пятидесятыхъ годовъ жилъ въ немъ, купно съ своей невѣсткой, богатый купецъ Новиченковъ. Въ 1855 году, собираясь на тотъ свѣтъ, совершилъ онъ духовное завѣщаніе, которымъ все свое состояніе въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, вмѣстѣ и съ этимъ домомъ, отказалъ тогдашнему дому московскаго городского общества съ тѣмъ, чтобы $\frac{1}{2}$ съ этого капитала употреблялись на богоугодныя и благотворительныя дѣла, а въ самомъ домѣ устроена богадѣльня. Впрочемъ, въ завѣщаніи оказался и крючекъ, на который въ то время никто не обратилъ вниманія, но котораго оказалось достаточно, чтобы все завѣщаніе пошло прахомъ. Крючекъ заключался въ томъ, что невѣсткѣ завѣщателя предоставлено было пожизненное владѣніе домомъ, и что только послѣ ея смерти можно было заняться устройствомъ въ немъ указаннаго благотворительнаго заведенія.

Совершивъ завѣщаніе, Новиченковъ не замедлил и умереть въ томъ же 1855 году, и его душеприказчики своевременно внесли въ домъ московскаго городского общества всѣ оставшіяся послѣ него деньги, въ количествѣ 323.514 рублей 55 копеекъ, въ домѣ же осталась доживать свой вѣкъ мѣщанка Новиченкова и прожила еще 13 лѣтъ.

Въ этотъ промежутокъ времени совершилась реформа городского управленія, причемъ всѣ права, функціи и обязанности уничтожавшагося дома городского общества перешли къ купеческой управѣ, и сія послѣдняя, въ 1866 г., удостовѣрившись въ смерти пожизненной владѣлицы завѣщаннаго дома, сочла своимъ долгомъ предъ-явить суду ходатайство о ввводѣ ея во владѣніе имъ.

Но—увы!—окружной судъ отказалъ управѣ на томъ основаніи, что домъ завѣщанъ не въ безусловное ея распоряженіе, а на опредѣленную благотворительную цѣль; судебная же палата—на томъ, что упраздненное городское общество состояло не изъ одного купеческаго сословія, и что за его небытіемъ право распоряженія завѣщаннымъ домомъ должно принадлежать отнюдь не купеческому обществу, а всей думѣ, какъ объединившей въ себѣ всѣ сословія.

Воспользовавшись такимъ оборотомъ дѣла, дума поспѣшила въ 1870 году сама утвердить себя въ правахъ наслѣдства на домъ, а, добившись этого, потребовала отъ купеческой управы и полученные ею по завѣщанію капиталы. Деньги, однако, у насъ не принято отдавать иначе, какъ по исполнительнымъ листамъ, и купеческая управа начинаетъ передъ думой отписываться, а дума съ ней переписываться, и этотъ индифферентный обмѣнъ мыслей

между Воздвиженкой и Юшковымъ переулкомъ, на протяженіи какой нибудь версты съ небольшимъ, тянулся ровно 6 лѣтъ, и кончился политичною размолвкой между двумя муниципальными учрежденіями: городская управа рѣшила требовать съ купеческой деньги судомъ и ассигновала даже на судебные расходы 2.254 рубля. Но тутъ вышло непредвидѣнное препятствіе: ассигновку эту должна была утвердить своимъ приговоромъ дума и почему-то цѣлыхъ два года только собиралась это сдѣлать, а потомъ вдругъ рѣшила, что не стоитъ процесса затѣвать. Пусть купцы владѣютъ тѣмъ, что въ ихъ руки попало! Этотъ благодушный стихъ напалъ на думу какъ разъ въ 1878 году, т. е. ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти пожизненной владѣлицы дома.

Но такъ какъ не даромъ существуетъ юридическое правило, въ силу коего пусть *percat mundus*, лишь бы *fiat justitia*, то и это благодушное рѣшеніе думы было опротестовано губернскимъ присутствіемъ и затѣмъ отмѣнено, и думу, такъ сказать, насильно заставили-таки вступить въ юридическую потасовку съ купеческой управой. Отъ этой потасовки поживились одни только адвокаты обѣихъ соперницъ, ибо думѣ вчинать иска уже и смысла не было, за истеченіемъ срока давности, который она прозѣвала во время многолѣтней бесплодной переписки съ купеческой управой, и ей было отказано во всѣхъ трехъ инстанціяхъ. Между тѣмъ нѣкогда прочный и цѣнный домъ, въ одной изъ лучшихъ мѣстностей города, могшій давать огромные доходы при надлежащей о немъ заботливости, цѣлыя десять лѣтъ стоялъ на выморочномъ положеніи, ветшалъ и валился, пока не обратился въ развалины, составляя такой же позоръ всей Покровки, какимъ была для нея раньше деревянная гнилушка Барашевского протопопа. Въ какомъ положеніи вопросъ о Новиченковскомъ домѣ въ настоящее время, о томъ не имѣемъ свѣдѣній, но знаемъ, что послѣдній разъ дума занималась имъ въ началѣ 1887 года, когда и было рѣшено на запросъ губернатора отвѣтить, что городское управленіе лишено возможности исполнить волю завѣщателя, о чемъ и просить его представить чрезъ комитетъ министровъ на высочайшее воззрѣніе.

Въ прошломъ году, однако, то-есть почти черезъ пять лѣтъ послѣ этого рѣшенія, Новиченковскія развалины попрежнему, во всемъ величій своего безобразія, косились на Покровку, и всѣ проѣзжіе и прохожіе, при взглядѣ на нихъ, попрежнему выражали то же недоумѣніе, къ какому привыкли втеченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ.

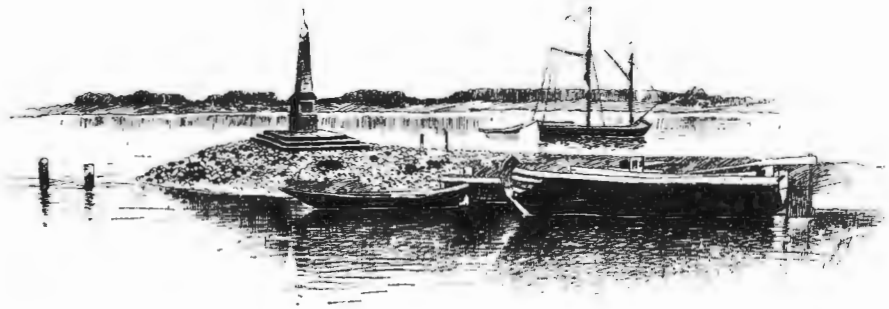
На границѣ Землянаго, также какъ и Бѣлаго города, Покровка не измѣнила своему благочестивому характеру: раскинувшаяся у самага Землянаго вала слобода Казенная, прорѣзанная двумя переулками, въ своемъ переднемъ углу, выходявшемъ одною стороною на Покровку, воздвигла обширный храмъ во имя Іоанна Пред-

течи, извѣстный и теперь подѣ обоими обозначеніями: «что въ Казенной» и «что на Земляномъ валу». Въ настоящее время храмъ этотъ благоукрашенъ, на подобіе многихъ московскихъ храмовъ, средствами различныхъ жертвователей, но раньше онъ былъ далеко не столь благолѣпнымъ и даже не каменнымъ, а деревяннымъ, и колокольню, на подобіе многихъ сельскихъ храмовъ, имѣлъ не въ общей связи съ церковью, а на извѣстномъ отъ нея разстояніи, въ видѣ отдѣльнаго сооруженія. При перестройкѣ храма изъ деревяннаго въ каменный, и колокольня сооружена отдѣльно отъ него, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла и деревянная. А такъ какъ она выходила на самую улицу, то меркантильныя соображенія надоумили надстроить ее надъ обширнымъ двухъэтажнымъ жилымъ домомъ, выстроеннымъ на церковной землѣ и приносящимъ немалый доходъ церкви отъ множества расположенныхъ въ немъ квартиръ и магазиновъ. И какихъ только лавочекъ и магазиновъ не прикрито этою колокольней! Прямо подѣ нею свѣчная лавочка; въ одну сторону отъ нея, къ святымъ воротамъ, помнится, табачно-галантерейная торговля и сапожное заведеніе; въ другую, къ углу Садовой, игрушечная лавка, парикмахерская, на самой стрѣлкѣ— колбасная и по Садовой—стекольная и мучная. Такъ, по крайней мѣрѣ, это было нѣсколько лѣтъ назадъ и на многихъ благочестивыхъ москвичей производило не слишкомъ пріятное впечатлѣніе: они привыкли считать колокольню нераздѣльною частью храма, и наличность подѣ нею чуть не цѣлаго рынка сильно задѣвала ихъ религіозное чувство.

Д. Покровский.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

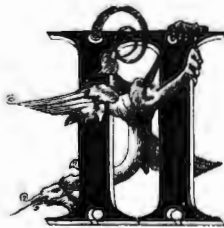

Устье канала Александра III въ Шлиссельбургѣ.

ПО ПУТИ ИЗЪ «ВАРЯГЪ ВЪ ГРЕКИ» ¹⁾.

(Путевыя впечатлѣнія).

VI.

ПАРОХОДЪ «Первенецъ», отправлявшійся по каналу въ Новую Ладугу, рѣзко отличался своей внѣшностью отъ обыкновенныхъ невскихъ пароходовъ; у него почти не было палубы, исключая небольшой площадки у трубы, остальное же пространство было занято рубками перваго класса на кормѣ и втораго — на носу. Труба построена такъ скромно, что ее не сразу разглядишь; будка рулевого на крышѣ возвышается надъ всею окружающимъ, словомъ типъ получается крайне оригинальный, хотя о красотѣ его лучше умолчу.

Мы рѣшили ѣхать во второмъ классѣ и, придя въ свою каюту-рубку, нашли ее наполненною исключительно женщинами; былъ еще, впрочемъ, старикъ въ длинномъ армякѣ и большомъ картузѣ.

Размѣстившись четверомъ на трехъ оставшихся свободными мѣстахъ, мы стали разсматривать нашихъ случайныхъ спутницъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 804.

Изъ интеллигенціи здѣсь были только двѣ нѣмки и одна еще не старая дѣвушка, какъ оказалось впоследствии, дочь священника изъ Ладоги; остальные же были богомолки, возвращавшіяся съ Валаама, торговли и проч. Противъ насъ у стѣны помѣщались двѣ кухарки изъ Петербурга, очевидно, живущія по «барамъ» и потому державшія себя съ достоинствомъ.

Мы еще не успѣли хорошенько оглядѣться, какъ за дверью послышались грузные, нетвердые шаги и чье-то тревожное уговариванье:

— Тятинька-съ! тятинька съ! пожалуйста-съ въ первый классъ, тамъ никого нѣтъ-съ; я тамъ вамъ особую-съ каютку занялъ...

Дверь быстро распахнулась, ударившись въ стѣну, и на порогъ выросла дюжая фигура купца въ длинномъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ съ калошами и съ большимъ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ. Онъ обвелъ всѣхъ посоловѣвшими глазами, промычалъ что-то непонятное и качнулся въ сторону.

Видѣніе это продолжалось не болѣе двухъ-трехъ секундъ; чья-то невидимая рука, позади купца, поспѣшно захлопнула дверь, и шаги начали удаляться.

— Ишь ломится, по мужицкой манерѣ! — обратилась къ сосѣдямъ кухарка: — навѣрно, дровяникъ, изъ Питера ѣдетъ; радуется, что выгодно продалъ. Десятки народу теперь обсчиталъ, нищими сдѣлалъ, а самъ куражится! Поди-ка, теперь въ Питерѣ не одинъ мужичекъ бѣдный изъ-за него плачетъ, которые работали-то! А онъ что? купилъ да перепродалъ, вотъ и все; никакого его труда и не было, а денежки въ карманъ положилъ. Рабочіе плачутъ, а онъ пьянствуетъ, ломается. У! знаю я ихъ, мужиковъ, посмотрѣлась!

Старикъ въ большомъ картузѣ, сидѣвшій противъ нея на продольномъ, среднемъ диванѣ, глубокомысленно промолчалъ и потупился въ землю.

— А вы развѣ его одобряете? Или, по вашему, можно такое поведеніе одобрить? — не унималась кухарка.

— Кто-жъ его одобрить, — нехотя процѣдилъ старикъ: — а только какъ онъ мой знакомый и я хорошо знаю...

— А вѣдь правда, что дровяникъ онъ?

— Дровяникъ.

Пароходъ тронулся. Часовня и прибрежныя постройки тихо ползли мимо нашего окна; съ противоположной стороны въ окнахъ показался силуэтъ крѣпости и, плавно двигаясь отъ окна къ окну, исчезъ за стѣною. Пароходъ вошелъ въ каналъ.

— Что же мы такъ тихо идемъ? — удивлялись мои спутники.

Дѣйствительно, нашъ «Первенецъ» подвигался отнюдь не скорѣе простой, хорошей лодки.

Мы вышли на площадку къ трубѣ. Тамъ одинъ изъ матросовъ

возился съ увѣсистой корзиною, поднимая ее на стоявшіе въ сторонкѣ ящики. Пароходъ шелъ тѣмъ же черепашымъ шагомъ.

— У васъ машина не испортилась ли?—обратились мои спутники къ матросу.

Тотъ оставилъ корзину, выпрямился и оглядѣлся.

— Машина? Нѣтъ, кажись, цѣла... А что?

— Такъ отчего же мы такъ тихо идемъ?

Матросъ посмотрѣлъ на берегъ.

— Идемъ какъ слѣдуетъ,—отвѣчалъ онъ.

— Неужели вы все время такъ и пойдете?

— Такъ и пойдемъ.

— Въ которомъ же часу мы придемъ въ Ладугу?

— Да если какое судно поперегъ не станетъ, такъ придемъ завтра часу въ седьмомъ утра.

— А бываетъ, что и становятся?

— Бываетъ.

Вернувшись въ каюту, мы принялись за выкладки. Длина канала 104 версты; мы выѣхали въ 3 часа по полудни, до 6 часовъ слѣдующаго утра выходило 15 часовъ, и въ результатъ оказывалось, что пароходъ нашъ движется со скоростью не болѣе 7 верстъ въ часъ.

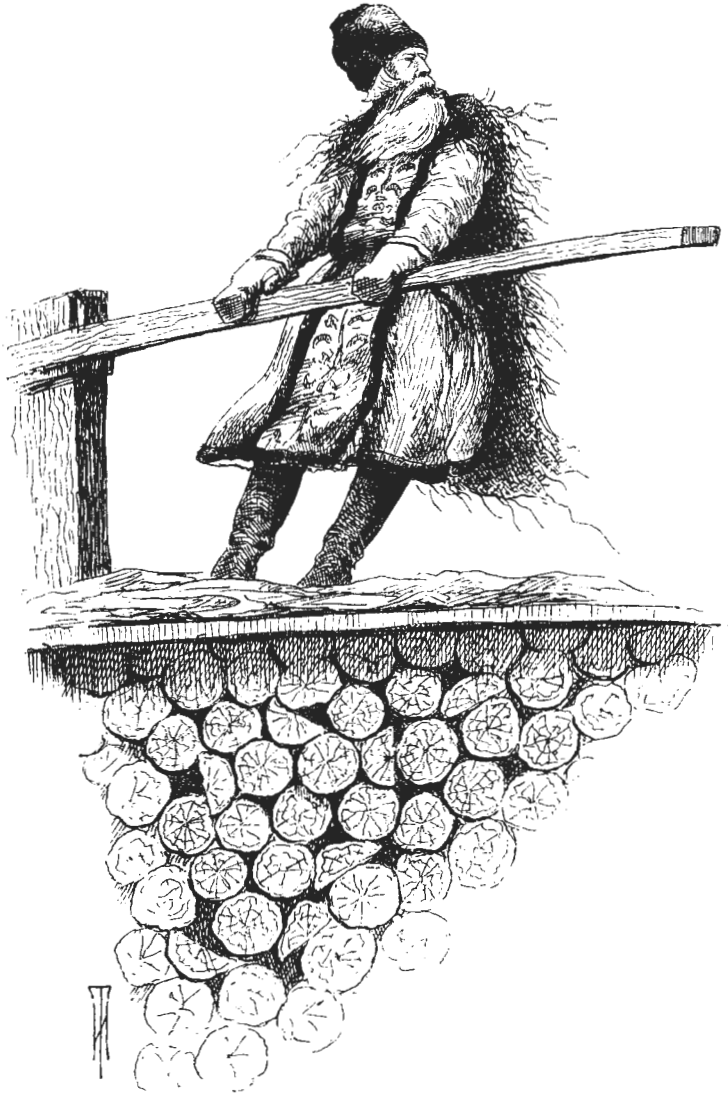
— Однако ѣзда-то дѣйствительно «канальская»,—вырвалось у одного изъ моихъ спутниковъ.

— Терпѣніемъ стяжите души ваши,—замѣтилъ другой.

Между тѣмъ, за окномъ нескончаемой вереницей потянулись барки съ дровами. По лѣвому берегу канала (если стать лицомъ къ Невѣ) устроенъ бичевникъ со спусками къ водѣ. Тоція лошаденки, по четыре въ рядъ, но поставленныя наискось, по діагонали, тащили тяжелыя, высоко нагруженныя барки, съ громадными, высокими рулями. Фигуры рулевыхъ, взгромоздившихся на дрова и сосредоточенно смотрѣвшихъ съ своей высоты вдаль, были иногда очень типичны; одинъ изъ нихъ, старикъ, покрытый вмѣсто плаща, старою рогожей, особенно привлекъ наше вниманіе: чѣмъ-то древнимъ, своеобразнымъ, вѣяло отъ всей этой фигуры.

У праваго берега, узкою полосою отдѣлявшаго каналъ отъ Ладожскаго озера, было гораздо спокойнѣе. Тамъ неподвижно стояли барки на отдыхѣ. Онѣ были привязаны съ носа и съ кормы къ столбамъ, нарочно поставленнымъ на берегу для этой цѣли. Рабочіе и рулевые—кто спалъ, кто собирался варить кашу, кто просто бродилъ по берегу. Отличительную черту этого берега составляла непрерывная линія молодыхъ деревьевъ, искусственно посаженныхъ вдоль гребня на протяженіи почти всего канала.

Спокойствіе царило и въ нашей каютѣ; каждый занятъ дѣломъ сообразно своимъ вкусамъ. Товарищи зачерчиваютъ въ альбомъ носовую рѣзбу на встрѣчающихся баркахъ, мотивы дѣйст-

Рулевой на баркѣ.

вительно попадаютъ очень интересные; нѣмки углубились въ чтеніе газетъ, богомолки спятъ, старикъ бесѣдуетъ съ какою-то торговкой и не безъ самодовольства рассказываетъ ей, что дочь его держитъ въ Петербургѣ меблированныя комнаты; худая кухарка читаетъ, толстая смотритъ въ окно на бичевникъ.

— И что только за лошаденки,—произносить она, ни къ кому, въ сущности, не обращаясь:—одно слово—«веретеномъ тряхнуть»!

Не даромъ тутъ чуть не каждый годъ сибирская язва проявляется; а все нажива—не кормятъ, не смотрятъ; хотятъ, чтобы не ѣвши работали.

Дверь съ шумомъ отворяется; вваливается купецъ, которому въ первомъ классѣ, очевидно, не сидится. Пошатываясь, онъ направляется къ дальнему углу каюты и, покачнувшись въ сторону, хватается за читающую кухарку.

— А ты, старичекъ, потише толкайся-то!—вступается толстая.

— Какой я старичекъ, — еле внятно лепечетъ купецъ: — мнѣ сорокъ первый годъ. Я еще вотъ какъ могу!—Онъ пробуетъ пройти фертомъ, но его понятие о равновѣси, вѣроятно, осталось на берегу, въ одномъ изъ шлиссельбургскихъ буфетовъ, и онъ спѣшитъ остановиться.

— Говоришь, сорокъ одинъ годъ вамъ?—прищуривается кухарка.

— Сорокъ одинъ!

— А сынку-то вашему тогда сколько же?

— Какому сынку?

— Да вотъ, что приходилъ-то съ тобой.

— Это не сынъ мнѣ, не сынъ... А-а-а мнѣ сорокъ одинъ годъ,—вотъ и все!

— Зачѣмъ вы пьяны-то напились?—начинаетъ кухарка.—Развѣ это хорошо?

— Д-да рази я пьянъ? Я вовсе не пьянъ. Чего толкуешь-то?

— Вы живете, какъ языческій богъ Бахусъ велить.

— У нашего хозяина...

— А ты, стало быть, работникъ? — снова прищуривается кухарка.

— Я приказчикъ.

— Приказчикъ? Значить грошъ въ ящикъ, а рубль за сапогъ,—такъ что ли?

Купецъ улыбается.

— Ты говоришь—пьянъ,—подхватываетъ онъ:—а если деньги есть, такъ нешто нельзя выпить?

— Вы слуга Бахуса: что прикажетъ вамъ, то и дѣлаете.

— Вотъ и врешь! У меня бабушки-то отъ роду не бывало.

— Не бабушки, а Бахуса, бога идоловъ. У язычниковъ разные боги были, а Бахусъ богъ пьянства.

— Пойдемъ въ первый классъ!

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Такъ не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, и сиди!

По уходѣ его, старикъ начинаетъ рассказывать, что купецъ

дѣйствительно не старъ, что онъ дровяной подрядчикъ и чело-
вѣкъ денежный.

Отъ нечего дѣлать, я сталъ изучать росписаніе пароходнаго
движенія по каналу.

А въ окнахъ попрежнему тянутся барки съ своими двух-
аршинными дровяными стѣнами надъ бортомъ. Суда съ другимъ
грузомъ встрѣчаются крайне рѣдко. Въ числѣ дровяныхъ барожъ
попадается одна, нагруженная значительно ниже, чѣмъ остальные,
везуть тѣ же четыре лошади.

— Что мало положилъ?—кричатъ рулевому съ парохода.

— Да вѣдь утопленниковъ веземъ-то,—смѣется рулевой.

Дрова, значить, во время гонки долго пробыли въ водѣ и ус-
пѣли набухнуть.

Купецъ снова является съ визитомъ и, раскачиваясь во всеѣ
стороны, направляется къ старику, который расположился спать,
и начинаетъ будить его, но будить, очевидно, для шутки.

— Вставай! Что ты на моемъ мѣстѣ разлегся!

Старикъ притворяется крѣпко спящимъ.

— Это Семенъ Саввичъ Кошкинъ,—обращается купецъ къ пу-
бликѣ:—знаменитый! У него дочь на Стремянной мебелированныя
комнаты держитъ.

Семенъ Саввичъ потягивается.

— Вы не смотрите, что онъ такой,—продолжаетъ купецъ,—де-
негъ у него много; не одинъ десятокъ найдется.

— Что ты, что ты! Пустое говоришь!—пугается старикъ и са-
дится на лавкѣ.

Купецъ грузно опускается на мѣсто рядомъ съ нимъ, противъ
кухарки, и вступаетъ съ нею въ разговоръ.

— Я раскольникъ!—слышится черезъ нѣсколько времени его
голосъ.

— Что-то мнѣ не вѣрится,—тянетъ кухарка, щурясь и покачи-
вая головою.

— Я раскольникъ,—вѣрно! У васъ что? Ну, скажи!

— У насъ Троица.

— Троица?—переспрашиваетъ купецъ.—А это что такое?—онъ
складываетъ пальцы поправославному и тычетъ ими въ носъ со-
бесѣдницѣ:—это что? я у тебя спрашиваю. Щепоткой табакъ
нюхать?

— А у васъ что? Сорочій хвостъ?—тычетъ въ отвѣтъ кухарка
два протянутыхъ пальца.

— А у насъ вотъ какъ: Богородице Дѣво, радуйся, обрадова-
ная Марія...—но языкъ ему измѣняетъ.

Диспутъ продолжается долго; въ концѣ концовъ доводы купца
переходятъ въ брань, отъ которой нѣмки начинаютъ нетерпѣливо
поворачиваться.

— Ёшь больше, говори меньше,—обрываетъ его собесѣдница.— Здѣсь ругаться не смѣй.

Купецъ направляется къ выходу и вдругъ, покачнувшись, съ рывкомъ падаетъ всѣмъ грузомъ на спящую подлѣ богомолку. Та вскакиваетъ и сначала не можетъ понять, что случилось, но пока приходитъ въ себя, купецъ кое-какъ успѣваетъ добраться до двери.

Въ Шальдихѣ кухарки и старикъ выходятъ.

Лишь только пароходъ отчалилъ отъ пристани, какъ купецъ уже снова появился въ каютѣ; увы! мѣста его собесѣдниковъ были пусты.

Покачавшись нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ, онъ рѣшился завести новое знакомство и мимо пустыхъ мѣстъ направился въ уголъ къ мирно спавшей торговкѣ.

Опять началось буженіе:

— Эй, тетка, вставай, это мое мѣсто и т. д. — Но «тетка» только огрызнулась, причѣмъ обнаружила такой могучій контральто, что купецъ вскорѣ же оставилъ ее въ покоѣ и ретировался въ свой первый классъ, гдѣ, по всей вѣроятности, и легъ спать, ибо къ намъ уже болѣе не являлся.

Мы вышли на площадку подышать свѣжимъ воздухомъ. Я выглянулъ за перила: и впереди, и позади насъ берега какъ будто бы сливались другъ съ другомъ, такъ что впечатлѣніе получалось, точно мы плывемъ посреди какого-то овальнаго пруда. Каналь вообще не широкъ, и если какая нибудь барка начнетъ переправляться отъ одного берега къ другому, то путь преграждается, и остальнымъ приходится ожидать. Пароходъ нашъ держится больше праваго берега и лишь только приблизится къ нему, какъ подъ берегомъ появляется рѣзвая, бѣлоголовая волна, которая, точно живая, бѣжитъ за нами, перескакивая черезъ камни, заливая кочки, прорываясь сквозь кусты и подтачивая берегъ. У берега очень замѣтное теченіе отъ Ладоги къ Шлиссельбургу. Дно канала отъ Волхова до устья Нази (на протяженіи 84 верстъ) заложено горизонтально, а отъ Нази до выхода въ Неву—съ уклономъ въ 2 фута, соответственно склону самого озера къ Невѣ.

Часовъ около девяти вечера, недалеко отъ Кабоны, мы снова вышли на площадку полюбоваться красивымъ закатомъ. Впереди насъ, точно въ просвѣтѣ громадной арки, открывалось чистое небо, залитое теплыми, золотистыми тонами. Надъ нами и позади насъ правильнымъ, гигантскимъ сводомъ лежали сплошныя, угрюмыя тучи. На ярко-оранжевомъ фонѣ краевъ этого мрачнаго свода неслись легкія розоватыя облачка, точно послы отъ царства свѣта въ царство ночи. Солнце уже скрывалось за горизонтомъ, а съ противоположной стороны, изъ глубины свода, вѣяло какимъ-то зловѣщимъ холодомъ. Много драматизма чувствовалось въ этомъ контрастѣ.

Солнце сѣло. Пароходъ подошелъ къ Кабонѣ, подобно всѣмъ остальнымъ селеніямъ канала, раскинутой на лѣвомъ берегу. Кажется, большинство этихъ поселковъ возникло на Петровскомъ каналѣ и затѣмъ уже распространилось по направленію къ новому каналу. Въ Кабонѣ мы видѣли бѣлую каменную церковь о пяти главахъ; она стояла нѣсколько поодаль отъ берега, вѣроятно, посреди селенія.

Въ Ледневѣ, на озерномъ берегу, противъ селенія, меня поразили сараи съ пристроенными по бокамъ мачтами, по двѣ и по три у cadaго. Я обратился за разъясненіемъ къ матросу.

— А это рыбацкіе,—отвѣчалъ онъ.—Рыбаки тутъ все по берегу-то живутъ, озерные, такъ для сѣтей, для мережь и пристроено, чинить значить. Подыметъ ее на блокъ и смотритъ, гдѣ порвалось, гдѣ что, ну, его и вычинить. Такъ-то оно способнѣе, сразу видать.

За Ледневымъ мы отправились отыскивать буфетъ и нашли внизу подъ палубой, въ помѣщеніи третьяго класса, расположеннаго впереди и позади машины. На сколько въ нашей второклассной свѣтилицѣ было привольно и весело, на столько же здѣсь темно и душно. Мы заказали ужинъ и поспѣшили вернуться на площадку.

Селеніе Черная, на мой взглядъ, едва ли не самое красивое мѣсто на каналѣ. Оно расположено на правомъ берегу и предстало предъ нами въ поэтической обстановкѣ лѣтнихъ сумерекъ. Вдали догорали послѣднія краски заката, отражаясь въ водѣ, гладкой, какъ зеркало; а передъ нами выросъ красивый силуэтъ церкви, окруженной деревьями и домами, часть которыхъ небольшими уступами спускалась къ каналу.

Я оглянулся назадъ: тамъ свѣтлыми пятнами вырѣзывались широкія барки на фонѣ утопавшаго въ глубокихъ тонахъ берега.

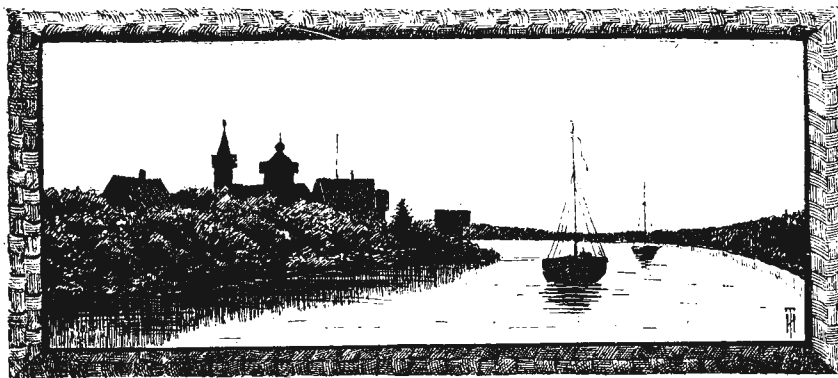
Отъ Черной до Ладѣги считается 47 верстъ, большая часть пути была пройдена. Начинало темнѣть, и мы по выѣздѣ изъ Черной, проводивъ глазами нѣсколько грузныхъ, но красивыхъ полуботовъ съ большими деревьями, отправились въ каюту, гдѣ послѣ ужина размѣстились на покой.

Я проснулся въ три часа утра и вышелъ на площадку. Солнце еще не высоко поднялось надъ горизонтомъ, но лучи его уже были ослѣпительно ярки. Погода стоитъ прекрасная; чувствуется утренняя укрѣпляющая свѣжесть, тянетъ холодкомъ. Птицы такъ и заливаются въ прибрежныхъ кустахъ. На каналѣ тихо, трудовой день еще не начался, и только неугомонная волна, серебрясь на солнышкѣ, гонится попрежнему вдоль берега за пароходомъ.

Часовъ около шести утра показалась вдали и Новая Ладога, но каналъ, вѣроятно, не хотѣлъ отпустить насъ, не познакомивъ съ тѣми случайностями, которыя могутъ на немъ встрѣтиться. Барки

мало-по-малу начинали пускаться въ путь, переправляясь отъ праваго берега къ бичевнику. Одна изъ нихъ, при этой переправѣ, стала впереди насъ поперегъ канала, и путь нашъ, въ виду самой дѣли путешествія, былъ прегражденъ. Вчерашній матросъ оказался пророкомъ.

Но задержка продолжалась недолго. Нашъ «Первенецъ» смѣло подошелъ къ судну вплотную, зачалилъ его, безъ дальнихъ разсужденій, за носъ, повернулъ на средину, такъ что барка встала опять параллельно съ берегомъ, и отправился далѣе. Я ожидалъ громкихъ протестовъ со стороны рулеваго на баркѣ, но съ его вышки не раздалось ни одного восклицанія: оказывается, что по правиламъ всѣ суда должны давать дорогу пароходамъ.

Село Черное на каналѣ Александра II.

VII.

Въ 6 часовъ мы уже огибали Ладогу и входили въ Волховъ. Городокъ, основанный Петромъ I въ 1704 году, раскинулся по лѣвому берегу рѣки; онъ не великъ, строенія большею частію деревянные, много амбаровъ, складовъ и т. п. Здѣсь, въ прошломъ столѣтіи, нѣсколько времени жилъ Суворовъ, будучи еще простымъ командиромъ Суздальскаго полка, и построилъ небольшую деревянную церковь во имя св. Георгія ¹⁾. Городокъ долгое время влачилъ жалкое существованіе при Екатеринѣ II; здѣсь было всего 600 жителей. Льготы, дарованныя ему Александромъ Благословеннымъ, подняли его благосостояніе. Лѣтомъ, благодаря работамъ на каналахъ, сюда собирается народу тысячь до семидесяти, и пригоняется

¹⁾ Рисунки церкви и дома, гдѣ квартировалъ Суворовъ, помѣщены въ Иллюстраціи 1848 г., №№ 5 и 8.

огромное количество лошадей; такое скопление въ одномъ мѣстѣ людей и животныхъ, при самыхъ дурныхъ условіяхъ жизни, почти ежегодно дѣлаетъ Новую Ладугу очагомъ различныхъ эпидемій, причемъ сибирская язва на скотѣ играетъ одну изъ первыхъ ролей.

Пароходъ нашъ миновалъ устье стараго канала, прошелъ мимо старинной, каменной церкви съ одною, зеленою главою, стоящей на самомъ берегу Волхова, и подошелъ къ пристани.

Такъ какъ часть остававшагося у насъ свободнаго времени мы хотѣли посвятить на осмотръ Старой Ладуги, то, выйдя на берегъ, тотчасъ же отправились на пристань Волховскаго пароходства, у которой, какъ мы замѣтили еще ранѣе, стоялъ небольшой пароходъ «Рюрикъ», но за «Рюрикомъ» скрывался у самой пристани другой крохотный пароходикъ «Ваня-Вѣра». На немъ еще никого не было, только у трубы сидѣли машинистъ съ кочегаромъ и пили чай.

— Вамъ куда, милые?—обратился онъ къ намъ.

— Въ Старую Ладугу, — отвѣчали мы, направляясь къ «Рюрику».

— Такъ вамъ, миленькіе, съ нами надо, на нашемъ пароходѣ. А «Рюрикъ» тотъ въ другую сторону, по деревнямъ пойдетъ. Вотъ сядьте въ каютку, посидите. Теперь не долго ждать-то.

— А когда мы будемъ въ Старой Ладогѣ?

— Часу въ девятомъ и пріѣдемъ. Да вѣдь вы, поди, мимоѣздомъ?

— Мимоѣздомъ; а когда же можно будетъ дальше?

— А мы опять за вами, милые, зайдемъ. Мы до Дуббвика-то два раза въ день ходимъ. Теперь васъ въ Ладугу отвеземъ, а въ 5 часовъ и опять за вами заѣдемъ и въ Дуббвикъ отвеземъ.

— А за Дуббвикомъ?

— Тамъ вамъ ужъ придется, милые, на делижанѣ берегомъ до Гостинопольской пристани.

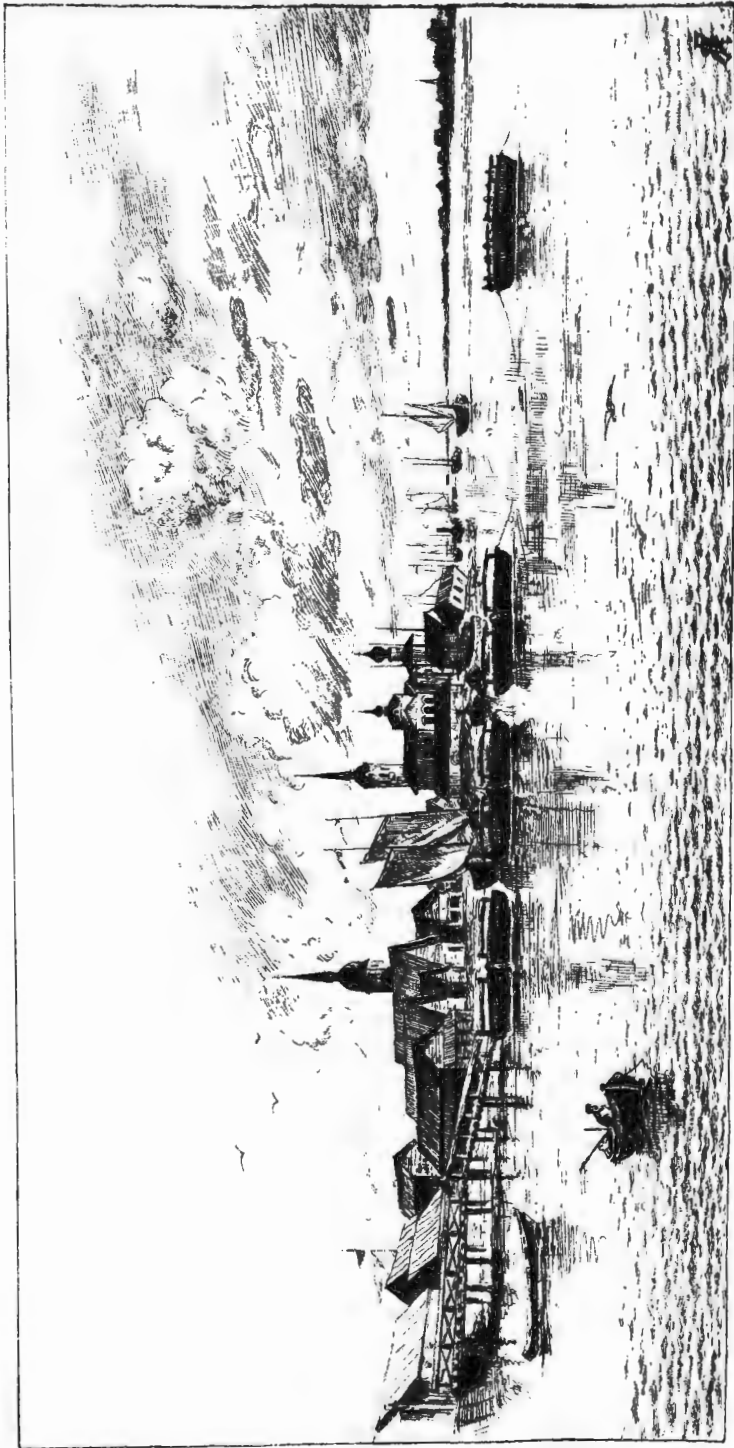
— А водою?

— Неудобно, потому пороги тамъ. Ходили мы прежде до Гостинопольской, да потомъ бросили, не стоитъ.

Онъ накрылъ свою чашку, всполоснулъ посуду и спустился въ машину.

Крошечная рубка 1-го класса (человѣкъ на 10, не больше) помѣщалась въ кормѣ и особою опрятностью не отличалась. Мы вышли снова на палубу полюбоваться Волховомъ.

Видъ, дѣйствительно, былъ красивый: во всю ширину раскидывалось передъ нами, сверкавшее на солнцѣ, Волховское устье, сливаясь на горизонтѣ съ безграничною далью озера. На лѣвомъ берегу противъ насъ возвышались церкви Новой Ладуги: соборъ, церковь св. Климента и «Никола-старая», какъ пояснилъ кочегаръ, та самая древняя церковь, о которой я упомянулъ выше.

Городъ Новая Ладога.

На берегу тѣснились разныя деревянныя постройки. На первомъ планѣ находился спускъ къ парому, который только что отчалилъ отъ берега, нагруженный телѣгами, лошадьми и цѣлою толпою народа. На правомъ берегу былъ расположенъ большой поселокъ близъ устья Сязьскаго канала, соединяющаго Волховъ со Свирью, въ обходъ озера (Сязь, притокъ Свири, соединяется съ каналомъ въ 10 верстахъ отъ Ладоги). Отъ общаго вида вѣяло ширью, просторомъ.

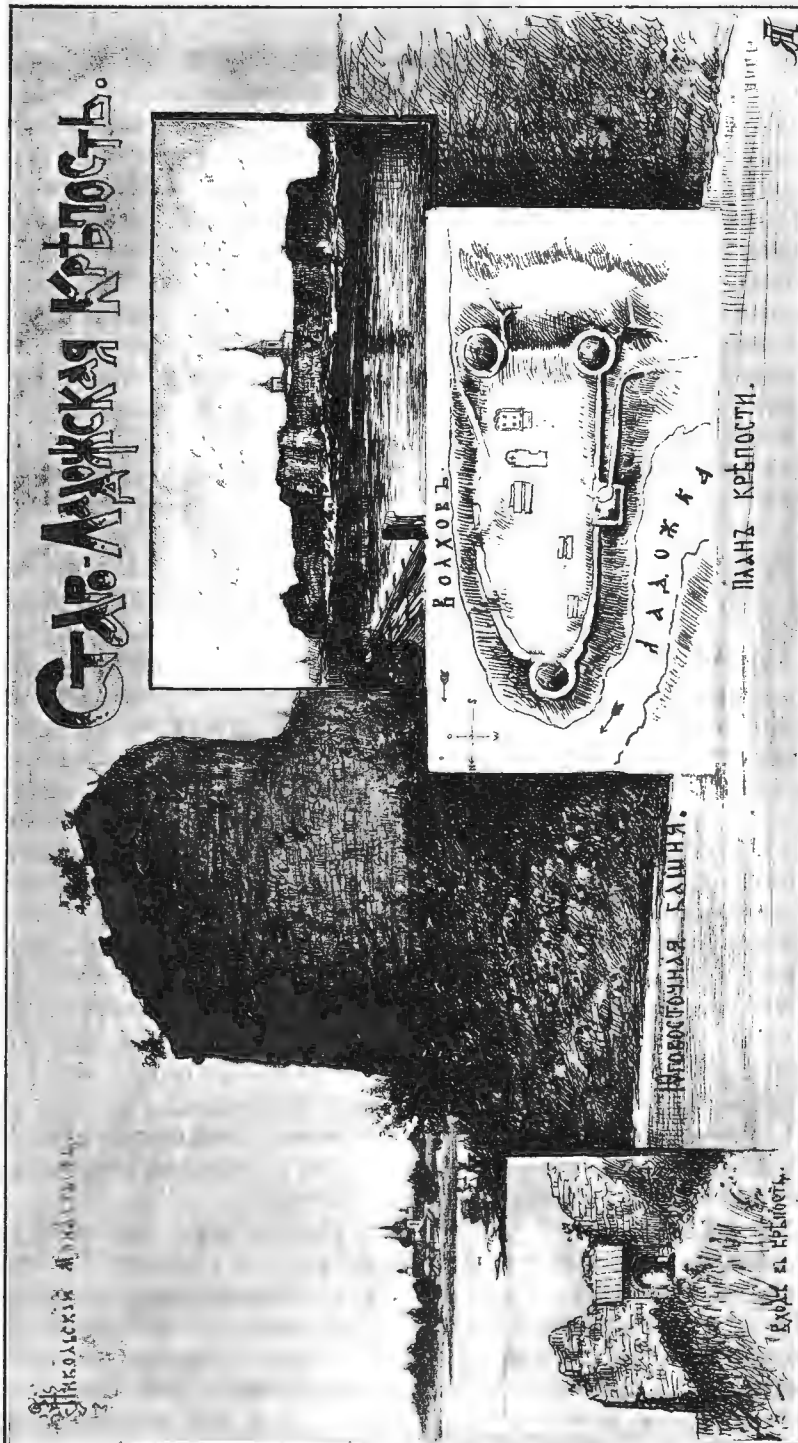
«Рюрикъ», принявъ на бортъ счетомъ двухъ бабъ съ какими-то корзинами, отошелъ отъ пристани. Вскорѣ и на нашъ пароходъ стала собираться публика, послышались свистки, и минутъ черезъ десять «Ваня-Вѣра» также тронулся въ путь.

Берега Волхова, съ воды, очень красивы и не лишены оттѣнка нѣкоторой грандіозности. Сама рѣка кажется здѣсь (близъ устья) больше Невы, красота ея пустынная, своеобразная; песчаные берега высоки и обрывисты; на лѣвомъ берегу песокъ красный, на правомъ—бѣлый.

Первая станція, село Изсады, съ каменной церковью въ Тоновскомъ стилѣ, окрашенной въ рыжій и бѣлый цвѣта, неприятно пестрящіе въ глазахъ. Дальше село «Покрову», какъ сказали мнѣ одинъ мужичекъ на палубѣ; здѣсь церковь постарше. Затѣмъ мы проѣхали большую усадьбу Рыбина и стали приближаться къ Старой Ладогѣ, находящейся всего въ 13 верстахъ отъ Новой.

На вершинахъ лѣваго берега начали показываться холмы, очень похожіе на курганы, и вскорѣ впереди, на лѣвомъ же берегу, открылась и сама Ладога, едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ городовъ сѣверной Руси, а теперь жалкій, бѣдный поселокъ, ютящійся подлѣ древнихъ развалинъ.

Разсказывая о призваніи первыхъ князей, наши лѣтописи расходятся въ указаніи города, гдѣ поселился Рюрикъ. Однѣ указываютъ прямо на Новгородъ, другія, какъ, напримѣръ, Ипатьевская, Хлѣбниковская, Кенигсбергская, говорятъ, что онъ прежде поселился въ Ладогѣ, срубивъ тамъ «городъ», и только черезъ два года послѣ смерти братьевъ переехалъ къ Ильменю. Карамзинъ держится перваго предположенія, Соловьевъ — втораго. Какъ бы тамъ ни было, но древность Ладоги не подлежитъ сомнѣнію; самъ Карамзинъ допускаетъ, что этотъ городъ, извѣстный у скандинавовъ подъ именемъ Альдейгаборга, могъ быть построенъ варягами въ VIII или IX вѣкѣ. Покойный издатель «Христіанскихъ древностей», В. А. Прохоровъ, разсказываетъ, что однажды, при разрытіи могилы въ Староладожской крѣпости, найдена арабская золотая монета начала VIII вѣка, еще не истертая отъ употребленія, такъ что время потери ея можно полагать близкимъ ко времени ея чеканки. Вопреки южнымъ лѣтописцамъ, помѣщающимъ могилу Олега близъ Кіева, первая новгородская лѣтопись говорить: «Иде

Олегъ къ Новгороду, и оттуда въ Ладогу. Друзи же говорятъ, яко идущю ему за море, и уклюну зміа въ ногу, и с того умре; есть могила его въ Ладозѣ». Первое уже вполне достовѣрное извѣстіе о Ладозѣ относится къ временамъ Владиміра и Ярослава и находится въ хроникѣ Стурлезона. По новгородской писцовой книгѣ 1500 года, Ладога, какъ и Новгородъ, имѣла свои пять концовъ и много церквей, отъ которыхъ почти ничего не осталось.

Видъ Ладоги съ Волхова не лишень живописности. На первомъ планѣ на высокой зеленой горѣ показалась бѣлая, старинная церковь Иоанна Предтечи, за нею, подъ горой, зданія женскаго монастыря, далѣе устье рѣчки Ладожки и развалины старой крѣпости, а изъ-за нихъ, на фонѣ лѣса, виднѣлся Никольскій мужской монастырь.

Мы оставили свои вещи въ гостинницѣ женскаго монастыря, находящейся противъ самой пристани, и налегкѣ отправились осматривать достопримѣчательности.

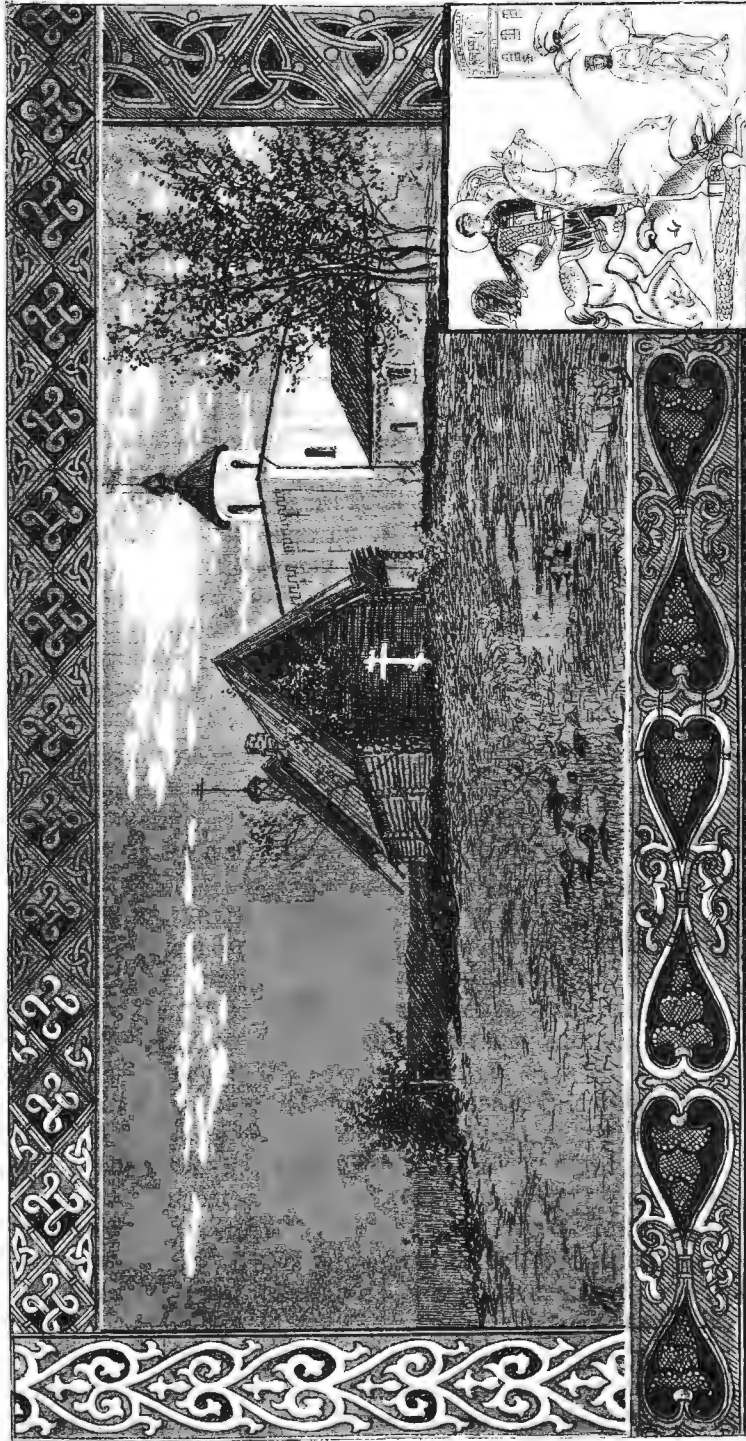
Пройдя нѣсколько шаговъ по непролазной грязи, мы уже очутились надъ устьемъ рѣчки Ладожки, за которою на мысу, между нею и Волховомъ, возвышались развалины Рюриковой крѣпости.

Названіе это, строго говоря, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ мы имѣемъ въ лѣтописи положительныя данныя, что крѣпость, уцѣлѣвшая до нашего времени, построена не Рюрикомъ, а ладожскимъ посадникомъ Павломъ въ 1116 году. Находящаяся въ крѣпости древняя церковь святаго Георгія относится Прохоровымъ къ этому же времени. Онъ полагаетъ, что строителемъ ея былъ князь Мстиславъ, княжившій тогда въ Новгородѣ и называвшійся во св. крещеніи Георгіемъ. Другіе же, основываясь на правописаніи найденныхъ на древней штукатуркѣ поминальныхъ надписей, относятъ ее къ XI вѣку и полагаютъ, что это памятникъ Ярослава I.

Мы пошли къ мосту, перекинутому черезъ Ладожку позади крѣпости, и, перейдя на другую сторону, поднялись по тропинкѣ къ западной стѣнѣ, гдѣ находится четырехугольная башня, ведущая въ крѣпость. Южная стѣна этой башни, заключавшая въ себѣ ворота, обвалилась, и древняя арка замѣнена теперь новою, кирпичною. Другая арка, еще сохранившаяся въ крѣпостной стѣнѣ, служить входомъ изъ башни въ самую крѣпость.

Мы вошли и ахнули отъ восторга. Передъ нами, во всей своей прелести, открылась картина сѣдой, нетронутой старины. На пригоркѣ, окруженная молодыми деревцами и высокими кустами пышной зелени, стояла небольшая, деревянная церковь св. Дмитрія Солунскаго съ характернымъ куполкомъ и еще болѣе характернымъ, обветшавшимъ крылечкомъ. Вокругъ нея раскинуто небольшое кладбище, а изъ-за ветхой крыши поднимаются 800-лѣтнія, бѣлыя стѣны церкви св. Георгія. Чѣмъ-то новымъ, неизвѣданнымъ

Въ Старо-Ладожской крѣпости.

- 1) Деревянная церковь св. Дмитрія Солунскаго.—2) Каменная церковь св. Георгія.—3) Фреска, изображающая св. Георгія Побѣдоносца въ діаконикѣ церкви св. Георгія.—4) Рамка, составленная по орнаментамъ въ куполѣ церкви св. Георгія.

пахнуло на насъ отъ этой величавой въ своемъ безмолвіи, картины.

— Пейзажисты русскіе, гдѣ вы?—воскликнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчаливаго созерцанія.

— Не до того имъ,—замѣтилъ другой:—имъ съ своими болотцами да сѣренькими деньками дай Богъ справиться, вѣдь сколько еще болотъ осталось ненаписанными, а тропинокъ въ лѣсу? а заглохшихъ парковъ?

— Въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ третій:—давно ли мы въ дорогѣ, проѣхали всего какихъ нибудь 200 верстъ, а между тѣмъ сколько уже видѣли прекрасныхъ, серьезныхъ мотивовъ чисто историческаго пейзажа: Красныя Сосны, Шлиссельбургская крѣпость, Преображенская гора, Старая Ладога, наконецъ сама эта древняя крѣпость, заключающая въ себѣ столько интереснаго какъ для археолога, такъ и для художника, но археологъ можетъ дать лишь описаніе, размѣры, архитектурный чертежъ, поэзія же, впечатлѣніе—не его дѣло; для этого требуется особая творческая душа, богатая фантазійей, одаренная глубиною мысли, способная и чувствовать, и передать свое чувство. Въ историческомъ жанрѣ мы уже имѣемъ Шварца, но пейзажистовъ, вѣроятно, еще придется подождать.

Къ намъ подошелъ сторожъ и предложилъ показать церкви.

Въ каменномъ храмѣ, къ сожалѣнію, испорченномъ пристройкою новой шаблонно-рутинной колокольни, замѣчательны фрески XII-го вѣка, подробно описанныя В. А. Прохоровымъ. Онѣ открыты случайно въ концѣ прошлаго вѣка.

Въ 1780 году митрополитъ новгородскій Гавріилъ проѣздомъ въ Петербургъ посѣтилъ Старую Ладогу. Войдя въ церковь св. Георгія, онъ обратилъ вниманіе на обвалившуюся мѣстами штукатурку, подъ которою былъ ясно виденъ другой слой, расписанный масляными красками. Въ надеждѣ найти на немъ какую нибудь надпись о времени сооруженія храма, владыка приказалъ отбить верхнюю штукатурку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но при отбиваніи былъ частію разбитъ и второй слой, а подъ нимъ обнаружился третій, древнѣйшій, съ фресковыми изображеніями, который и составляетъ одну изъ драгоцѣнностей русской археологіи.

Но на сколько пріятенъ самъ по себѣ фактъ открытія фресокъ, на столько же печальна ихъ дальнѣйшая исторія, служащая яркимъ доказательствомъ того пренебреженія, съ какимъ русскій человѣкъ относится къ своей родной старинѣ.

Слои были сняты крайне грубо, небрежно, гдѣ ихъ было снято два, гдѣ одинъ, стѣны были обезображены и немало смущали прихожанъ церкви, которыхъ только недостатокъ средствъ удерживалъ отъ приданія стѣнамъ должнаго благолѣпія. Ждали «благодѣтеля»,

и благодѣтель нашелся, какъ водится, изъ купцовъ. Въ 1849 году почти всѣ фрески были сбиты со стѣнъ топорами и ломами и выброшены, какъ мусоръ, въ одну изъ башенъ крѣпости. Уцѣлѣли только тѣ, которыхъ штукатуры не сочли нужнымъ отбивать и прямо замазали слоємъ извести. Прохоровъ около трехъ недѣль рылся съ помощниками въ грудъ выброшенныхъ изъ церкви обломковъ, но, кромѣ самыхъ ничтожныхъ частей, ему не удалось составить ничего болѣе или менѣе полнаго.

Ладожскій Никольскій монастырь.

Добившись «благолѣпія» внутри, благодѣтели перенесли свои заботы и на наружное благолѣпіе: они сломали трапезу, пристроенную въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка, замѣнили ее другою, продолговатою, и возвели колокольню, которая не вяжется ни съ чѣмъ остальнымъ и только портитъ общее впечатлѣніе.

Изъ оставшихся фресокъ наиболѣе интересными показались намъ: Вознесеніе Господне въ куполѣ, хорошо сохранившееся, быть можетъ, благодаря значительной высотѣ, на которой оно находится, и св. Георгій Побѣдоносецъ на восточной стѣнѣ діаконника. Въ

Вознесеніи Спаситель изображенъ сидящимъ на радугѣ, въ голубомъ кругѣ, который поддерживается ангелами; внизу Богоматерь и апостолы, раздѣленные другъ отъ друга палмовыми деревьями; еще ниже, между окнами, представлены пророки; раздѣляющія ихъ ниши украшены разнообразнымъ, причудливымъ орнаментомъ. На фрескѣ, изображающей Святаго Георгія, мы видимъ и спасенную имъ царевну и побѣжденное чудовище, которое она ведетъ за собою на бѣлой лентѣ, и даже башню, гдѣ помѣщаются зрители совершившагося чуда. Побѣдоносецъ изображенъ въ воинскихъ доспѣхахъ, верхомъ на бѣломъ конѣ. Принимая во вниманіе, что обычай изображать этого святаго на конѣ введенъ нашими иконописцами и отъ нихъ уже впоследствии перешелъ въ Грецію, надо признать эту фреску однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ изображеній св. великомученика.

Плѣнившая насъ своимъ наружнымъ видомъ деревянная церковь св. Димитрія представляетъ внутри крайне печальную картину бѣдности и заустѣнія. По бокамъ интересныхъ, старинныхъ царскихъ вратъ поставлены мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери разной величины и формы, очевидно, сборныя. Лѣвѣе Богоматери боковая дверь, ведущая въ алтарь, а за Спасителемъ въ иконостасѣ торчатъ однѣ голыя доски. Клиросы покривились и еле держатся. За лѣвымъ клиросомъ мы замѣтили большой, рѣзной крестъ, сооруженный въ 1728 году, «по обещанію р. б. Григорія Ѳедорова сына Курнищева», и поставленный сначала на мѣстѣ перенесенной Петромъ отсюда въ Новую Ладугу церкви св. Климента, а теперь хранящійся здѣсь, у св. Димитрія ¹⁾. При выходѣ спутники мои зачертили интересный, старинный замѣкъ, изображенный на наружной двери.

Мы обошли кругомъ всю крѣпость; стѣны, за исключеніемъ западной, почти всѣ обвалились, и только три башни, подобно могучимъ, коренастымъ богатырямъ, стоятъ по угламъ на стражѣ. Подъ двумя изъ этихъ башенъ (юговосточной и сѣверной) есть

¹⁾ По поводу Старо-Ладожской церкви св. Климента, для лицъ, интересующихся археологіей, могу сдѣлать слѣдующую замѣтку: Въ 1-й Новгородской лѣтописи подъ 6661 (1153) г. сказано: «Иде боголюбивый архіепископъ Нифонтъ въ Ладугу и заложи церковь камяну святаго Климента». Извѣстный авторъ «Археологическаго описанія церковныхъ древностей въ Новгородѣ», архимандритъ Макарій, основываясь на извѣстіи III Новгородской лѣтописи, относящей эту закладку къ церкви св. Климента въ Новгородѣ, объясняетъ слова 1-й лѣтописи такимъ образомъ, что св. Нифонтъ положилъ основаніе Новгородской Климентовской церкви въ то время, когда нужно было идти ему въ Ладугу. Но почтенный изслѣдователь, вѣроятно, не обратилъ вниманія на то мѣсто I лѣтописи (подъ 1156 годомъ), гдѣ лѣтописецъ, оправдывая св. Нифонта отъ клеветы, будто онъ «полуплъ св. Софію», прямо говорить, что покойный архіепископъ, наоборотъ, украсилъ се и, кромѣ того, выстроилъ двѣ церкви: одну — св. Спаса во Псковѣ, «другую въ Ладозѣ св. Климента».

тайники. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ тайникѣ юго-восточной башни спускался мѣстный мѣщанинъ Ананьевъ. Онъ нашель тамъ ходъ подъ стѣною, по направленію къ Волхову, выложенный изъ плитняка, со сводомъ; въ другомъ концѣ ходъ упирался въ желѣзную дверь, запертую замкомъ. Теперь входъ въ эти тайники заваленъ камнями и мусоромъ, и доступъ къ нимъ почти невозможенъ.

Съ вершины югозападной башни сторожъ показалъ намъ вдали, на берегу Ладожки, остатки древней каменной церкви, появившейся на свѣтъ Божій, благодаря раскопкамъ Н. Е. Бранденбурга. Другая церковь, открытая имъ же, находится въ самой Ладогѣ. Судя по плану, обѣ церкви принадлежатъ къ древнему трехъ-абсидному типу, образцомъ котораго можетъ служить крѣпостная церковь св. Георгія. Въ церквахъ этихъ уцѣлѣли части, покрывавшаго стѣны, орнамента, довольно грубаго рисунка. Кромѣ того, въ одной изъ нихъ найдено было хорошо сохранившееся бронзовое паникадило и разныя серебряныя подвѣски къ иконамъ, очень древнія.

Изъ крѣпости мы отправились берегомъ Волхова къ лежащему выше по рѣкѣ Никольскому монастырю. На той сторонѣ Волхова тянулось село—Васильевскій погостъ, съ небольшою каменною, также очень древнею церквою; прежде тамъ былъ монастырь, но онъ давно уже уничтоженъ.

— Позвольте, господа,—обратился къ намъ одинъ изъ спутниковъ, заглянувъ въ свою записную книжку:— какъ, повашему, называется монастырь, къ которому мы идемъ?

— Никольскій,—отвѣчалъ другой.

— А помоему—Николо-Медвѣдицкій.

Возгорѣлся споръ. Одинъ, ссылаясь на Пушкарева (описаніе Петербургской губерніи) и Полеваго (Художественная Россія), доказывалъ, что Николо-Медвѣдицкій монастырь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Новая Ладога, другой, основываясь на статьѣ Милюкова о Старой Ладогѣ («Древняя и Новая Россія», 1876 г.), утверждалъ, что монастырь этотъ и посейчасъ находится въ Старой Ладогѣ.

Дѣйствительно, въ то время, какъ Пушкаревъ и Полевой говорятъ, что Петръ Великій, пользуясь выгоднымъ мѣстоположеніемъ Николо-Медвѣдицкаго монастыря, обратилъ его въ зерно вновь возникшаго городка Новой Ладоги, окопалъ его рвами, обвелъ валомъ и проч., Милюковъ, упоминая о послѣднемъ освященіи церкви св. Георгія въ Староладожской крѣпости въ XVII столѣтіи, дѣлаеть изъ современнаго освященію документа выписку, гдѣ встрѣчаются слѣдующія слова: «а святиль храмъ Николая Чудотворца Медвѣдицкаго монастыря игумень Феодорить», и затѣмъ продолжаетъ: «Николаевскій монастырь, о которомъ упоминается въ этомъ до-

кументъ, находится недалеко отъ крѣпости, на самомъ берегу Волхова», и т. д. Костомаровъ въ статьѣ: «Монастыри Новгородской и Псковской земли» («Живописная Россія»), пишетъ: «на устьѣ Волхова находился Медвѣдицкій монастырь; въ Ладогѣ на посадѣ—Никольскій».

— Какъ называется вашъ монастырь? — спросилъ я послушника, стоявшаго у воротъ.

— Николо-Медвѣдицкій.

Вопросъ такъ и остался открытымъ.

Въ монастырѣ, впрочемъ, ничего особенно замѣчательнаго не оказалось. Характерна развѣ только форма монастырскихъ воротъ. По поводу этихъ воротъ Милюковъ сообщаетъ мѣстное преданіе, что въ 1612 году, во время нашествія Делагарди, въ нихъ съ торжествомъ внесены были въ обитель, перенесенныя съ Валаама, мощи валаамскихъ угодниковъ Сергія и Германа, остававшіяся здѣсь до временъ Петра. Объ этомъ перенесеніи мощей говорить и Муравьевъ въ своемъ «Путешествіи по св. мѣстамъ русскимъ». Но здѣсь опять не знаешь, кому вѣрить. Стоитъ только открыть исторію Валаамскаго монастыря, составленную Елагинимъ, чтобы найти совершенно иныя извѣстія. Послѣднее (уже 4-е) перенесеніе мощей въ Новгородъ и возвращеніе ихъ черезъ 15 лѣтъ въ монастырь, по Елагину, произошло еще въ 1179 или 1180 году; во время же нашествія Делагарди св. мощи все время оставались на Валаамѣ и даже наказали шведовъ, хотѣвшихъ надругаться надъ ними, разными болѣзнями, причемъ пораженные чудомъ шведы сами поставили надъ могилою святыхъ часовню (въ 1685 году).

Вернувшись обратно въ селеніе, мы спросили, какъ пройти къ церкви Іоанна Предтечи, которая такъ понравилась намъ съ парохода.

— Да, если угодно, я могу проводить васъ, — отозвался одинъ изъ мѣстныхъ жителей. — По прямой дорогѣ грязно, а я васъ кругомъ проведу.

Онъ повелъ насъ сначала берегомъ, потомъ вдоль стѣнъ Успенскаго женскаго монастыря и, наконецъ, вывелъ на большую Архангельскую дорогу, видѣнную нами въ Шлиссельбургѣ.

Я освѣдомился о церкви Іоанна Предтечи и узналъ, что она хотя и находится рядомъ съ женскимъ монастыремъ, но приписана къ мужскому.

— А это вотъ Алексѣевская церковь и кладбище, — указалъ провожатыйъ влѣво отъ дороги:— это ужъ къ женскому монастырю. А вонъ тамъ, подалее-то, на горкѣ, — указалъ онъ на деревню:— это Рахманова гора прозывается, а попросту другое ей названіе есть: Весельникъ.

На планѣ Ладogi въ «Христіанскихъ древностяхъ» Прохорова эта гора названа Ахматовою.

Тотчасъ же за монастыремъ открылась и Предтеченская гора съ одиноко стоящею на вершинѣ ея церковью; тропка, окаймленная двумя рядами высокихъ березъ, вела отъ дороги на гору.

Пока мы любовались открывавшимся съ горы прекраснымъ видомъ на Волховъ, Ладогу и окрестные курганы, нашъ путеводитель отыскалъ церковнаго сторожа.

Внутренность храма очень помѣстительна. Стѣны закрашены бѣлою известью. Столбы, поддерживающіе куполь, довольно оригинальны по формѣ: въ планѣ они, благодаря снятымъ угламъ, имѣютъ осьмиугольную форму, которая вверху переходитъ въ четырехугольную и расходится въ арки. Къ главному, пятиглавому Предтеченскому храму съ сѣверной стороны сдѣлана пристройка съ придѣломъ во имя св. Параскевы-Пятницы. Въ трапезѣ этой пристройки мы замѣтили какое-то отгороженное помѣщеніе.

— А тутъ, говорятъ, игуменъ жилъ за стѣнкою-то,—пояснилъ сторожъ.

— Такъ здѣсь былъ монастырь?

— Какъ же, монастырь, мужской; только давно ужъ прикончился.

— И не осталось ни келій, ни стѣнъ?

— Стѣны-то, не знаю, были ли, а кельи подъ церковью и посейчасъ остались. Вотъ тутъ и спускъ былъ,—указалъ онъ на мѣсто въ трапезѣ главнаго храма,—да теперь ужъ заложенъ.

Въ этой же трапезѣ, направо отъ входа, находится большая плита надъ могилою нѣкоего Александра Васильевича Лосева; надпись гласитъ, что онъ былъ послушникомъ Никольскаго монастыря и взялъ на себя подвигъ добровольнаго юродства. Онъ утонулъ въ декабрѣ 1847 года, тѣло же его найдено въ маѣ 1848 года почти сохранившимся и погребено здѣсь архимандритомъ Аполлосомъ съ братією, въ присутствіи игуменіи Успенскаго монастыря Ѳевроніи съ сестрами. Это подробное упоминаніе именъ участниковъ погребенія свидѣтельствуетъ, что на покойника смотрѣли не какъ на простаго человѣка.

VIII.

Часа черезъ полтора мы уже снова сидѣли въ каюткѣ «Вани-Вѣры», везшаго насъ теперь въ Дубовикъ, конечную пѣль своихъ ежедневныхъ рейсовъ. Погода испортилась, и любоваться Волховомъ приходилось сквозь мутныя, залитыя дождемъ окна. На высокихъ берегахъ потянулся лѣсъ, песчаные обрывы, мѣстами попадались плитныя ломки; внизу на рѣкѣ тянулись плоты изъ бревенъ, кое-гдѣ грузились дрова (которыми, кстати сказать, и въ Ладогѣ завалены всѣ берега).

Но вотъ и Дубовикъ, По скользкому, почти отвѣсному откосу праваго берега пришлось карабкаться, какъ на стѣну непріятельской крѣпости. Наверху ждала насъ ямская долгуша; но мѣста на ней пришлось брать чуть не съ боя. Наконецъ, всѣ кое-какъ размѣстились, и долгуша, покачиваясь, тронулась въ путь. Дождь прошелъ, но грязь стояла ужасная. Мы ѣхали по самому краю высокаго, обрывистаго берега, ежеминутно рискуя, благодаря тѣснотѣ и глубокимъ колеямъ, слетѣть съ мѣста и взять прохладительную ванну въ громадныхъ лужахъ, цѣликомъ покрывавшихъ дорогу.

На лѣвомъ берегу, на фонѣ лѣса, покрытая синеватою дымкою дождя заблѣлась каменная церковь Михаила Архангела. Здѣсь кончаются пороги, и встарину близъ церкви было устроено большое складочное мѣсто для товаровъ, которые перегружались здѣсь изъ мелкихъ судовъ, приспособленныхъ для прохода порогами, въ большія грузовыя суда. Не далеко отъ этого селенія находятся два большихъ кургана. Одинъ изъ нихъ особенно поражалъ громадностью своихъ размѣровъ, такъ что Н. Е. Бранденбургъ даже заподозрѣлъ въ немъ пресловутую могилу Олега, о которой выше я цитировалъ слова лѣтописи.

Онъ предпринялъ раскопку кургана, но результаты не оправдали ожиданій. Изъ вещественныхъ остатковъ почти ничего не найдено; интересъ представляло только могиле, огибавшее подножіе кургана съ юго-восточной стороны. Въ немъ найдено 14 скелетовъ, два изъ которыхъ положены на столько близко другъ къ другу, что половина одного прикрывала половину другаго, и черепъ верхняго скелета покоился на плечѣ нижняго. У нижняго всѣ шейные позвонки лежали правильно, а черепъ оказался на аршинъ въ сторонѣ отъ скелета. Самый курганъ нѣкоторыми своими особенностями еще разъ доказалъ, и теперь уже вполне ясно, существованіе въ Волховскихъ курганахъ особаго типа, не сходнаго съ типами другихъ приладожскихъ кургановъ.

Мы ѣхали противъ теченія, и, слѣдовательно, для насъ церковь Михаила Архангела была гранью не конца, а начала пороговъ. Теченіе въ нихъ очень неровно. Вода мѣстами точно приостанавливается, мѣстами рвется впередъ; показываются даже волны съ бѣлыми гребнями, то узкія, то широкія, но въ общемъ, всетаки, особенно сверху, пороги, благодаря ширинѣ рѣки, не показались намъ представляющими большой опасности.

Гораздо серьезнѣе были пороги на сухомъ пути. Долгуша то ныряла въ глубокія ямы, то всползала на гребни, поминутно раскачиваясь изъ стороны въ сторону и зловѣще потрескивая, точно корабль въ бурю. Къ довершенію, мимо насъ промчался галопомъ какой-то верховой и обдалъ насъ грязью такъ ловко, какъ не всегда удается и экипажу на резиновыхъ шинахъ.

Чтобы нѣсколько разсѣяться послѣ этого злключенія, мы стали искать глазами тотъ порогъ, на которомъ чуть было не погибъ одинъ изъ спутниковъ Олеарія, Симонъ Фризе, но долгуша вѣхала въ лѣсъ, и мученія наши удвоились.

— Э-эхъ! милыя, хуже этого не будетъ!— обратился ямщикъ къ лошадямъ.

И дѣйствительно хуже этого трудно себѣ что нибудь представить!

Но наконецъ, какъ все на свѣтѣ, кончился и лѣсъ; дорога стала нѣсколько глаже. Впереди показалось село Ельцы (на картѣ— Вельсы), за которымъ потянулось большое, широкое поле надъ самымъ берегомъ рѣки. Быть можетъ, здѣсь и находилось то извѣстное Гостиное поле, близъ монастыря св. Николая, въ началѣ пороговъ, на которомъ встарину было устроено складочное мѣсто для новгородскихъ и заморскихъ товаровъ, перегружавшихся здѣсь изъ крупныхъ судовъ въ мелкія и наоборотъ. Пороги были уже позади насъ, а въ концѣ поля виднѣлась и старая церковь святителя Николая. Миновавъ церковь, мы вскорѣ вѣхали и въ Гостинопольскую пристань, довольно значительное селеніе съ большими, красивыми домами; каменныхъ построекъ, правда, мы не замѣтили, но деревянныя, особенно по берегу Волхова, большею частію строены въ два этажа и производятъ очень пріятное впечатлѣніе.

У пристани противъ селенія ужъ стоялъ пароходъ «Волховъ», отправлявшійся ночью въ Соснинскую пристань. Пароходъ былъ на этотъ разъ настоящій, колесный, не чета канальнымъ и ладожскимъ карликамъ.

Мы были такъ утомлены, что, закусивъ наскоро у хозяйки нашей приснопамятной долгуши, не замедлили спуститься на пароходъ и воспользоваться пароходными диванами.

Между Гостинопольской и Соснинской пристанями находятся слѣдующія станицы: Городище, Пчева, Сольцы, Тигода и Грузино, но, увы! ни Городища, ни Пчевы, ни Сольцевъ мы не видали, такъ какъ проспали ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Погода стояла такая сырая и холодная, что мы лишь не надолго рисковали выходить на палубу.

Въ Грузинѣ все еще какъ будто вѣетъ тяжелымъ духомъ Аракчеева. Его постройки: соборъ, видимый изъ-за деревьевъ, каменные башни на берегу, по бокамъ пристани, могли бы даже назваться красивыми, если бы не отпечатокъ какой-то сухой казенщины, лежащей на нихъ и на всемъ окружающемъ.

Въ Сосницкой пристани (Волховская станиця тожъ) мы пересѣли на другой пароходъ, идущій уже прямо до Новгорода.

На сколько чинно и въ то же время холодно Аракчеевское Грузино, на столько мила и симпатична Державинская Званка.

Она расположена на высокомъ кургано-образномъ холмѣ и почти вся скрыта отъ глазъ зеленою оградю окружающей ее чуть не столѣтней рощи. Теперь тамъ, по завѣщанію жены поэта, устроенъ дѣвичій монастырь. Старый Державинскій домъ на самой вершинѣ холма, извѣстный по гравюрамъ, нѣсколько перестроенъ, но его легко можно узнать.

Званка вскорѣ исчезла изъ вида, и мы вступили въ область военныхъ штабовъ, расположенныхъ по обоямъ берегамъ Волхова.

Погода стояла холодная, вѣтряная, и мы только изрѣдка выходили на палубу, тѣмъ болѣе, что и по берегамъ интереснаго было не много. Они давнымъ давно уже успѣли понизиться и перешли теперь въ большіе, поемные луга, прерываемые кое-гдѣ небольшими возвышеніями. Покосы здѣсь, дѣйствительно, должны быть хороши, и Волховское сѣно не даромъ славится въ Петербургѣ.

Въ 16-ти верстахъ отъ Новгорода, на лѣвомъ берегу показались Кречевицкія казармы и наискосокъ отъ нихъ, на правомъ, древняя Хутынь, передовая твердыня святынь новгородскихъ.

За Хутыню мы миновали монастырь Деревяницкій, основанный въ XIV столѣтіи и возобновленный Фотіемъ на средства графини А. А. Орловой. Въ этомъ монастырѣ любилъ уединяться на время великаго поста извѣстный артистъ Николаевскаго времени А. М. Максимовъ; онъ такъ любилъ эту обитель, что даже завѣщалъ и похоронить себя въ любимыхъ Деревяницахъ. Монастырь теперь изъ мужскаго обращенъ въ женскій; здѣсь находится женское епархіальное училище, помѣщающееся въ особомъ зданіи, построенномъ на средства покойнаго митрополита Исидора.

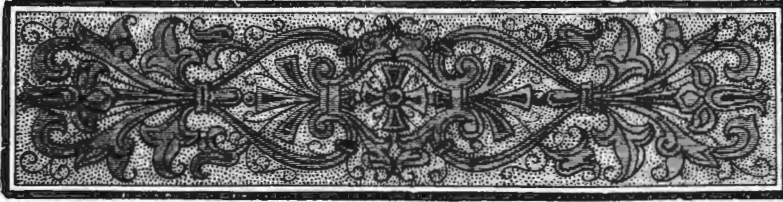
Вскорѣ на берегахъ показались и Новгородскія предмѣстья; все какъ будто оживилось; вдали забѣлѣли: Колтово, Антоньевъ монастырь, показались древнія стѣны Дѣтинца, мостъ, Торговая сторона, и черезъ нѣсколько минутъ во всю ширь развернулся передъ нами развѣнчанный, молчаливый, а когда-то неугомонный

«Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ»;

господинъ Великій Новгородъ.

И. Тюменевъ

НАПАДЕНІЕ ПОВСТАНЦЕВЪ НА ЯБЛОЧИНСКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ 1862 ГОДУ ¹⁾.

ЯБЛОЧИНСКІЙ монастырь, находящійся въ Сѣдлецкой губерніи, въ 30 верстахъ отъ Брестъ-Литовска, извѣстенъ своею неизмѣнною преданностію православною вѣрѣ. Было время, когда онъ одинъ стоялъ на окраинѣ Россіи на стражѣ православія, окруженный населеніемъ, совращеннымъ въ унию. За эту преданность вѣрѣ онъ перенесъ жестокія гоненія отъ католиковъ и особенно униатовъ, не стѣснявшихся въ выборѣ средствъ къ совращенію монастыря: у него отняли земельный надѣлъ, доставшійся монастырю по записямъ фундаторовъ, православныхъ вельможъ, Богумей, а также позднѣйшихъ покровителей монастыря, помѣщиковъ Лещинскихъ, совратили въ унию монастырскихъ прихожанъ въ селѣ Яблочинѣ и построили для нихъ въ томъ же селѣ новую униатскую церковь; близъ дороги въ монастырь построили католическую часовню и переманивали въ нее богомольцевъ, причемъ ксендзы поносили православныхъ иноковъ и православную церковь; униатскіе священники перевѣнчивали въ монастырской церкви повѣнчанныхъ уже тамъ православныхъ, утверждая, что не можетъ быть признанъ законнымъ бракъ, совершенный лицомъ, не получившимъ благодати священства отъ папы; наконецъ, въ 1754 году, униаты били православныхъ монаховъ, расхитили монастырское имущество и уничтожили богатый архивъ

¹⁾ Свѣдѣнія, послужившія матеріаломъ для разсказа, получены мною отъ монаховъ Яблочинскаго монастыря, непосредственныхъ свидѣтелей описываемаго здѣсь событія.

съ документами, по которому можно было бы возстановить скорбную исторію не только монастыря, но и всей русской окраины. Слухъ о бѣдственномъ положеніи монастыря доходилъ до русскаго правительства, которое со времени Петра Великаго не разъ защищало предъ польскими королями права монастыря, и только этому могущественному ходатайству онъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ окончательнаго уничтоженія. Но гоненія, всетаки, продолжались до времени послѣдняго раздѣла Польши.

Новая, счастливая эра начинается для Яблочинскаго монастыря съ присоединеніемъ къ Россіи царства Польскаго и смежныхъ съ нимъ древнихъ русскихъ областей. Русское правительство позаботилось возстановить во всей красѣ этотъ древній памятникъ православія и обезпечить монастырь матеріальными средствами. Монастырскія строенія приведены въ порядокъ, причѣмъ деревянныя постройки замѣнены каменными. Особенная заботливость видна въ благоустройствѣ монастырской церкви; не блещетъ она богатыми приношеніями, но плѣняетъ великолѣпными иконами, произведеніями кисти лучшихъ русскихъ мастеровъ середины настоящаго столѣтія. На содержаніе монастыря ежегодно ассигнуется изъ государственнаго казначейства сумма по штату первоклассныхъ монастырей, и, кромѣ того, данъ земельный надѣлъ.

Монастырь могъ такимъ образомъ спокойно и съ успѣхомъ продолжить свою просвѣтительную дѣятельность, привлекая къ православію окрестное населеніе великолѣпнымъ православнаго богослуженія, которое было умышленно искажено въ униатскихъ церквахъ, а съ 30-хъ годовъ воспитывая въ своей школѣ въ православномъ духѣ 30 мальчиковъ изъ окрестныхъ селъ.

Казалось, нельзя было ожидать, чтобы какое нибудь бѣдствіе, напоминающее о бѣдствіяхъ прежняго времени, могло случиться съ монастыремъ въ новомъ его положеніи. А между тѣмъ въ 1862 году пришлось ему испытать еще одну невзгуду въ томъ же родѣ.

Яблочинскій монастырь расположенъ въ мѣстности уединенной. Берегъ Западнаго Буга, густая роща, да двѣ-три крестьянскихъ хаты, въ которыхъ живутъ монастырскіе рабочіе,—вотъ что представляютъ ближайшія окрестности монастыря. Такое пустынное мѣстоположеніе, благопріятное для мирной иноческой жизни, возбуждало крайнія опасенія во время мятежа. Лишь только пронеслась вѣсть о возмущеніи въ Варшавѣ, монастырь въ страхѣ ожидалъ со дня на день нападенія поляковъ и просилъ объ охранѣ его военною силой. Къ сожалѣнію, просьба монастыря не могла быть въ пору удовлетворена. Событія слишкомъ быстро слѣдовали одно за другимъ, и прежде чѣмъ прибылъ военный отрядъ для охраны, беззащитный монастырь подвергся нападенію.

Не помню, какого мѣсяца и числа, поляки напали на монастырь, но случилось это въ самомъ началѣ возстанія, когда впервые стали

появляться шайки вооруженныхъ повстанцевъ. Одна изъ такихъ шайкъ, человекъ до 100, подошла къ монастырю и расположилась противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, поставивъ вокругъ караулы. Предводитель съ 14-ю вооруженными повстанцами вошелъ въ монастырскую ограду. Въ это время, по случаю вечерняго богослуженія, былъ открытъ главный монастырскій храмъ. Поляки съ шумомъ вошли въ церковь, въ полномъ вооруженіи, не снявъ своихъ конфедератокъ, и очутились среди молящейся братіи въ храмѣ, который уже однимъ внѣшнимъ благолѣпіемъ располагалъ къ молитвѣ. Богослуженіе, однако, не прервалось, и по порядку церковной службы послушникъ Хрисанеъ читалъ псалтырь среди церкви. Къ нему подошелъ повстанецъ и потребовалъ прекратить чтеніе.

— Перестань читать чортъ знаетъ что, — сказалъ онъ. — Укажи лучше, гдѣ хранятся церковныя деньги.

Послушникъ не отвѣтилъ повстанцу, даже не посмотрѣлъ на него и продолжалъ чтеніе псалтыря.

Повстанецъ повторилъ требованіе, но, не получивъ и на этотъ разъ отвѣта, плюнулъ и приказалъ своимъ подчиненнымъ розыскать денежный ящикъ. Ящикъ былъ отысканъ, и поляки взяли всѣ хранившіяся въ немъ деньги, а было тамъ нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

Въ церкви на богослуженіи присутствовалъ и настоятель монастыря, достопочтенный архимандритъ Анастасій. Крайне возмущенный нахальнымъ поведеніемъ поляковъ, онъ вышелъ изъ алтаря и сталъ увѣщевать ихъ не обижать монастыря и не осквернять святыни.

— Ты кто таковъ, что позволяешь себѣ такія рѣчи? — спросилъ повстанецъ.

— Я — настоятель монастыря.

— А! тебя-то намъ и надо. Пойдемъ въ твой покои!

Настоятель долженъ былъ ожидать для себя лично всего дурнаго отъ этихъ незваныхъ гостей. Но не о своихъ личныхъ выгодахъ думалъ онъ, а боялся за церковное имущество, какъ бы не расхитили его повстанцы, и потому радъ былъ случаю удалить ихъ изъ церкви. Онъ поспѣшилъ выдти изъ церкви вмѣстѣ съ повстанцами и братіей, за исключеніемъ священнодѣйствовавшаго іеромонаха и нѣсколькихъ клирошанъ, оставшихся, по распоряженію настоятеля, кончать богослуженіе.

Въ Яблочинскомъ монастырѣ отведено для настоятеля три комнаты въ общемъ братскомъ корпусѣ. При настоятелѣ Анастасіи эти комнаты были обставлены скромно, но содержались опрятно. Поляки вошли въ настоятельскіе покои. Предводитель, оставивъ рядовыхъ повстанцевъ въ первой комнатѣ, самъ перешелъ въ гостинную и, окинувъ взглядомъ помѣщеніе, сказалъ архимандриту:

— Хорошо, братъ, ты устроился. Видно, монастырь твой очень богатъ. Давай деньги.

Настоятель отвѣтилъ, что монастырь бѣденъ, и что едва хватаетъ средствъ на удовлетвореніе его насущныхъ потребностей.

— Что ты болтаешь вздоръ!— замѣтилъ полякъ.— Понастроилъ столько зданій, а говоришь, что нѣтъ денегъ. Открой-ка ящики своего комода!

Порывшись въ ящикахъ, онъ розыскалъ 100 рублей и спряталъ въ свой карманъ.

Въ это время вошелъ къ настоятелю казначей монастыря, красивый, но довольно тучный іеромонахъ Евсеій. «Ухъ, какая свинья»,— послышалось со стороны поляковъ. Узнавъ, что это казначей монастыря, они перепли въ его келію и взяли у него 50 рублей.

Тутъ произошелъ инцидентъ, который заставилъ опѣшить самихъ повстанцевъ. Въ монастырѣ былъ на эпитиміи іеродіаконъ Александръ, извѣстный нетрезвою жизнію. Онъ ворвался въ комнату казначея съ крикомъ: «гдѣ поляки?». Затѣмъ, раскрывъ грудь, набросился на нихъ съ словами: «мятежники, измѣнники! рѣжьте, колите, кровопійцы». Поляки попятились къ стѣнѣ и, въ недоумѣніи поглядывая другъ на друга, повторяли: «вотъ, должно быть, негодяй!» Конечно, они не подумали, прежде чѣмъ дѣлать такой отзывъ о достойномъ сожалѣнія за свою несчастную болѣзнь іеродіаконѣ, сравнить патріотическій во всякомъ случаѣ поступокъ его съ своими безобразными поступками въ монастырѣ.

Дальнѣйшая реквизиція въ монашескихъ келіяхъ осталась для поляковъ безъ результата: нечего было тамъ взять. Но въ послѣдней келіи пришлось имъ еще разъ встрѣтиться съ послушникомъ Хрисанеомъ и получить отъ него нѣмой нравственный урокъ. Дверь келіи была заперта. По требованію поляковъ, послушникъ Хрисанеъ пришелъ изъ церкви, раскрылъ дверь,— и вотъ какая картина представилась полякамъ: противъ двери во всю стѣну распятіе, налѣво у стѣны деревянная скамья съ такимъ же деревяннымъ изголовьемъ безъ всякой постели, у правой стѣны столъ и стулъ для работы. Хрисанеъ трижды осѣнилъ себя большимъ русскимъ крестомъ и положилъ столько же земныхъ поклоновъ предъ распятіемъ. То была искренняя молитва о Божьей помощи въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Поляки тоже стали креститься ¹⁾.

¹⁾ Послушникъ Хрисанеъ—извѣстный впоследствии на Волыни народный учитель, а потомъ замѣчательный священникъ, рукоположенный во священники неженатымъ, во вниманіе къ отличнымъ его нравственнымъ качествамъ. Еще на школьной скамьѣ онъ почувствовалъ расположеніе къ иноческой жизни. Но прежде чѣмъ поступить въ монастырь, онъ, по окончаніи курса въ Волынской духовной семинаріи, рѣшился обратиться за совѣтомъ и благословеніемъ къ митрополиту кіевскому Филарету, достопамятному своею подвижническою жизнію и носившему, какъ извѣстно, высшій монашескій образъ схимника послѣднія семнадцать лѣтъ своей жизни. Митрополитъ Филаретъ далъ совѣтъ Хрисанеу не уходить отъ общества, а послужить ему въ благодарность за воспитаніе. И

Вскорѣ затѣмъ они ушли изъ монастыря.

Если сравнить нападавшихъ на монастырь повстанцевъ съ католиками и уніатами, надѣлавшими столько бѣдъ монастырю въ прежнее время, то въ нравственномъ направленіи тѣхъ и другихъ, не смотря на большое раздѣляющее ихъ разстояніе времени, окажется поразительное сходство: та же слѣпая ненависть къ православію, то же кощунственное отношеніе къ православной святынѣ съ поразительнымъ невниманіемъ къ религіозному чувству православныхъ, тѣ же хищническіе инстинкты. Съ другой стороны, отрадно видѣть, что послѣ многихъ лѣтъ мирной, благополучной жизни монастыря въ обитателяхъ его сохранилась та нравственная сила и преданность православію, которая съ такимъ постоянствомъ проявлялась въ прежнее время въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Л. Омелянскій.

вотъ Хрисанъ, повинуясь наставленію святителя, послѣ долгихъ странствованій по русскимъ монастырямъ, остановился на Яблочинскомъ монастырѣ, гдѣ и началъ свою службу обществу въ званіи послушника, принявъ на себя обязанность заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ монастырской школѣ.

БУНТЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ВЪ 1859 ГОДУ.

(Изъ воспоминаній о Сибири).

АБАЙКАЛЬСКАЯ область, находящаяся въ Восточной Сибири, представляетъ громаднѣйшій интересъ для изслѣдователей. Едва ли есть на земномъ шарѣ другая мѣстность, которая на небольшой территории давала бы образцы всѣхъ переходовъ культурной жизни челоука и въ то же время была бы мѣстомъ ссылки какъ обыкновенныхъ преступниковъ, такъ и политическихъ, слѣдовательно и въ нравственномъ отношеніи представляла бы крайніе типы со всѣми ихъ развѣтвленіями. Наконецъ, Забайкальская область занимаетъ также и весьма интересное положеніе въ географическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этой области встрѣчаются представители всѣхъ видовъ развитія культуры, начиная съ нисшей до высшей ступени. Въ сѣверной ея части, около Баргузина, находятся тунгусы, живущіе исключительно охотой на соболей и платящіе подать (ясакъ) звѣриными шкурами. На юго-западѣ, за Читой, скитаются буряты, занимающіеся скотоводствомъ и питающіеся однимъ бараньимъ мясомъ. Какъ тунгусы, такъ и буряты живутъ въ войлочныхъ юртахъ въ теченіе круглаго года и, не смотря на всѣ старанія администраціи, не могутъ привыкнуть къ жизни въ домахъ, хотя морозы въ Забайкальѣ доходятъ до 45 и даже 50° по Реомюру. Единственно, что допускаютъ буряты для охраненія себя отъ холода, это перекочевку на зимнее время изъ открытыхъ мѣстъ въ мѣста, защищенныя горами. Стада буряты держатъ изъ барановъ и верблюдовъ: первые для своего прокормленія и торговли, вторые

для перекочевокъ. Независимо отъ кочующихъ бурятъ, въ Забайкальѣ есть буряты и осѣдлые, которые занимаются земледѣіемъ, питаются уже хлѣбомъ и даже имѣютъ школы. Наконецъ, буряты же вошли въ составъ казачьяго войска, поселеннаго на границѣ съ Китаемъ, и достигли культуры почти равной съ русскими, обучаются въ войсковыхъ школахъ и дослуживаются до офицерскихъ чиновъ.

Главное населеніе Забайкальской области состоитъ, разумѣется, изъ русскихъ, переселившихся добровольно и сосланныхъ. Въ числѣ послѣднихъ необходимо отмѣтить малороссіянъ и раскольниковъ, сосланныхъ при Екатеринѣ II административнымъ порядкомъ и составляющихъ теперь уже нѣсколько волостей. Интересно, что малороссіане и раскольники, вслѣдствіе поселенія ихъ отдѣльными селеніями, сохранили всѣ свойственныя имъ черты въ жизни и характерѣ, такъ что, вѣзжая въ деревню къ малороссамъ, вы совершенно переноситесь въ Малороссію, какъ будто перелетѣли на коврѣ-самолетѣ въ Полтавскую губернію; вѣзжая къ раскольникамъ, вы переноситесь въ Семеновскій или Николаевскій уѣзды: тѣ же типы, тѣ же нравы, тѣ же постройки, тотъ же характеръ жизни и хозяйства. Въ Забайкальской же области находится знаменитая Кяхта, весьма недавно еще снабжавшая чаемъ всю Россію, и еще болѣе знаменитые Нерчинскіе рудники и Каръ, куда до послѣдняго времени ссылались на каторгу всѣ преступники, которые, по отбываніи срока своего наказанія, поселялись въ области, смѣшиваясь съ ея населеніемъ. Наконецъ, Забайкальская же область была почти до нашихъ дней мѣстомъ ссылки всѣхъ политическихъ преступниковъ поляковъ и русскихъ, а въ томъ числѣ и декабристовъ, оставившихъ по себѣ въ Сибири глубокую память.

Я пріѣхалъ въ Забайкалье уже послѣ амністіи политическихъ преступниковъ, но засталъ еще тамъ трехъ декабристовъ: Кюхельбекера, Бестужева и Завалишина, и, кромѣ того, тамъ же встрѣтилъ Петрашевскаго и знаменитаго Бакунина, бѣжавшаго впоследствии въ Америку и оттуда въ Лондонъ. Кромѣ русскихъ, я встрѣтилъ также поляковъ изъ сосланныхъ послѣ 1831 года, изъ которыхъ многіе женились въ Сибири и не хотѣли оставить ее, а другіе возвращались при мнѣ на родину, не зная, что найдутъ они у себя дома.

Гдѣ, въ какомъ уголкѣ міра, можно найти скученными на небольшомъ пространствѣ элементы всѣхъ цивилизацій, представителей всѣхъ культурныхъ наслоеній, гдѣ можно встрѣтить рядомъ такія крайности культуры и нравственныхъ проявленій? Весьма интересно было бы выяснить вліяніе на коренное населеніе всѣхъ этихъ элементовъ, отличающихся во всякомъ случаѣ исключительной энергіей и страстностью; интересно это въ особенности потому,

что Забайкалью, по его географическому положенію, принадлежала и будетъ принадлежать выдающаяся роль въ судьбахъ Сибири.

Часть этой роли Забайкальская область уже выполнила, такъ какъ не подлежитъ спору, что мирное завоеваніе великаго воднаго пути въ океанъ сдѣлано исключительно забайкальцами; ихъ руками сбиты были плоты, сплавившіе первыхъ переселенцевъ съ хлѣбомъ и скотомъ и въ свою очередь послужившіе матеріаломъ для постройки деревень на пустынныхъ берегахъ р. Амура. Многие изъ этихъ пионеровъ заселенія Амура заплатились своей жизнью: умирали они отъ голода, отъ холода, отъ болѣзней и отъ разныхъ неурядиць, неизбѣжныхъ при такихъ крупныхъ историческихъ событіяхъ. Какъ теперь, вижу я эти плоты съ казаками, скотомъ и утварью, плывущіе по безлюдной рѣкѣ на неизвѣстное безлюдное мѣсто. Никто не знаетъ, сколько погибло этихъ несчастныхъ отъ лихорадки, тифа и горя; они безропотно исполняли свою миссію и безспорно заслужили благодарность Россіи. Мы поставили на Амурѣ памятникъ графу Муравьеву, слѣдовало бы поставить на той же рѣкѣ памятникъ и забайкальскому казачьему войску, также исполнившему свой долгъ предъ царемъ и родиной при взятіи и заселеніи амурскихъ владѣній. Войску этому не разъ еще придется отстаивать своей грудью интересы Россіи въ силу географическаго положенія Забайкальской области.

Отрѣзанная отъ остальной Сибири огромнымъ озеромъ Байкаломъ, растянувшимся на 900 верстъ, и высокими горами по южному его берегу, чрезъ которыя нѣтъ тѣлѣжнаго пути, и соединенная съ Амуромъ судоходнымъ притокомъ Шилкой (вѣрнѣе, что Шилка составляетъ верховье Амура), Забайкальская область, независимо отъ непосредственнаго соприкосновенія съ Китаемъ вдоль всей ея южной границы на разстояніи около 1.000 верстъ, должна естественно первая придти на помощь амурскимъ войскамъ въ случаѣ нападенія Китая и задержатъ его силы, пока Иркутскъ не вышлетъ подкрѣпленія чрезъ Байкаль.

Я прожилъ три года въ Забайкальской области и извѣздилъ ее во всѣхъ направленіяхъ: я спалъ въ юртѣ съ тунгусами, пилъ кирпичный чай съ масломъ и солью у бурятовъ, участвовалъ на облавѣ волковъ на китайской границѣ съ казаками, закупалъ хлѣбъ для ссыльно-каторжныхъ въ Нерчинскѣ и по поводу ревизіи училищъ посѣтилъ всѣ главныя крестьянскія поселенія.

Въ числѣ этихъ поселеній мнѣ пришлось побывать и у раскольниковъ, вслѣдствіе ихъ открытаго возстанія противъ властей, о которомъ я и хочу рассказать.

Это было въ 1859 году. Я пріѣхалъ по дѣламъ службы въ Верхнеудинскъ и при свиданіи съ исправникомъ узналъ, что къ нему только что прискакалъ старшина изъ раскольниковъ съ донесеніемъ о возмущеніи раскольниковъ и объ избіеніи ими становаго пристава.

Изъ переговоровъ съ старшиной (православнымъ), страшно испуганнымъ и пріѣхавшимъ потихоньку окольнымъ путемъ, дѣло выяснилось слѣдующимъ образомъ.

Раскольники эти не признаютъ православнаго духовенства, но не отвергаютъ права рукоположенія епископовъ, а потому принимаютъ нашихъ священниковъ лишь съ обязательствомъ, чтобы они отказались отъ іерархическаго подчиненія и скрывались бы у нихъ тайно. Приобрѣтать такого бѣглаго священника въ Сибири совершенно невозможно, такъ какъ тамъ все на виду, и сейчасъ бы узнали о попыткахъ сектантовъ соблазнить кого либо изъ священнослужителей, а потому сектанты привозятъ себѣ пастырей изъ Европейской Россіи, изъ монаховъ бѣдныхъ монастырей или вдовыхъ священниковъ невоздержной жизни. По словамъ старшины, у сектантовъ не было священника втеченіе 22-хъ лѣтъ, то-есть съ 1837 года, и потому втеченіе всего этого времени у нихъ не совершалось никакихъ таинствъ и обрядовъ.

Въ 1837 году сектантамъ удалось добыть себѣ священника изъ Европейской Россіи, и когда мѣстная администрація потребовала его выдачи, то раскольники наотрѣзъ отказались исполнить это требованіе и дорого заплатились за свое неповиновеніе. Рассказываютъ, что генераль-губернаторъ принужденъ былъ, въ виду фанатизма раскольниковъ, пустить въ нихъ для усмиренія нѣсколько залповъ не только изъ ружей, но даже изъ пушекъ. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что 1837 годъ остался въ памяти раскольниковъ, и они такъ были напуганы принятыми тогда мѣрами, что надолго отказались отъ всякой мысли привезти священника и только въ 1859 году рѣшились вновь выписать себѣ монаха изъ одного бѣднаго монастыря. Привезенный священникъ долженъ былъ перекрестить, перевѣнчать и отпѣть всѣхъ людей, родившихся, женившихся и умершихъ втеченіе этихъ 22-хъ лѣтъ. Съ ранняго утра до поздней ночи совершалъ священникъ таинства и обряды, ѣздилъ изъ деревни въ деревню, обходя избу за избой для исполненія всѣхъ требъ. Все раскольничье населеніе было въ страшномъ возбужденіи какъ отъ появленія среди нихъ духовнаго отца, котораго они не имѣли втеченіе 22-хъ лѣтъ, такъ и отъ боязни вновь потерять его.

Въ одной изъ самыхъ большихъ деревень раскольничьей волости находилось мѣстопребываніе становаго пристава, который, разумѣется, не могъ не догадаться по царившему среди раскольниковъ возбужденію, что въ ихъ жизни совершилось нѣчто серьезное. Приставъ началъ разспрашивать и присматриваться и, наконецъ, узналъ, что раскольники привезли къ себѣ вновь священника. Получивъ затѣмъ доносъ о переѣздѣ священника изъ одной деревни въ другую, онъ устроилъ на пути между этими деревнями засаду и, захвативъ священника, отправилъ его немедленно съ конвоемъ въ большое православное село, отстоящее за 15 верстъ.

Событіе это произвело такое смятеніе среди населенія, что старики, весьма уважаемые среди раскольниковъ, не въ силахъ были справиться не только съ молодежью, требовавшей обратнаго ваятія священника силой, но даже и съ бабами, ревѣвшими, какъ сумасшедшія. Въ одну изъ минутъ такого общаго волненія, доходившаго до изступленія, когда весь народъ въ селеніи, въ которомъ жилъ становой приставъ, былъ на улицѣ и не зналъ еще, на что рѣшиться, вдругъ показывается тройка лошадей съ приставомъ, возвращавшимся на свою квартиру,—всѣ бросаются на него и начинаютъ бить чѣмъ и во что попало. Два старика раскольника, предвидя неминуемую бѣду, бросаются въ сани становаго пристава и, защищая его своимъ тѣломъ, погоняютъ лошадей. Но молодежь, не помня себя, верхомъ на лошадяхъ преслѣдуетъ сани, осыпая сѣдковъ палочными ударами. Съ такимъ эскортомъ проскакали становой версты четыре по деревнѣ, пока, наконецъ, не удалось старикамъ завернуть лошадей во дворъ одной избы и запереть ворота. Но и это препятствіе не надолго задержало потерявшихъ голову фанатиковъ: молодежь выломала ворота, ворвалась въ избу, куда спрятался становой, и заставила его подъ ударами написать приказъ объ освобожденіи священника.

Съ этимъ приказомъ въ рукахъ раскольники, вооруженные ружьями, отправились на пяти тройкахъ въ православное село, гдѣ содержался бѣглый священникъ, и предъявили свое требованіе волостному старшинѣ.

Приказъ, написанный на клочкѣ сѣрой бумаги самымъ ужаснымъ почеркомъ и въ странныхъ выраженіяхъ, былъ признанъ старшиною по совѣщаніи съ православнымъ священникомъ подложнымъ, а потому въ выдачѣ бѣглаго священника старшина отказалъ. Сдѣлавъ съ досады нѣсколько выстрѣловъ, раскольники вернулись къ становому и, предположивъ, что онъ дѣйствительно написалъ имъ фальшивый приказъ, еще съ большимъ ожесточеніемъ начали бить его и вытребовали отъ него второй приказъ. По этому приказу, написанному съ мольбами и воплями, раскольники получили, наконецъ, своего священника и временно успокоились.

Я читалъ эти приказы и очень жалѣю, что не сохранилъ съ нихъ копій. Такихъ приказовъ нельзя ни выдумать, ни даже запомнить, но невозможно и забыть.

Выяснивъ себѣ положеніе дѣла изъ разсказа старшины и дополнительныхъ объясненій исправника, я рѣшился послать тотчасъ эстафетой донесеніе генералъ-губернатору въ Иркутскъ, а самому вмѣстѣ съ исправникомъ ѣхать на мѣсто происшествія, вызвавъ предварительно изъ Кяхты баталіоннаго командира, въ вѣдѣніи котораго находилась расположенная вблизи взбунтовавшагося раскольничьяго селенія рота солдатъ.

Я боялся отпустить одного исправника, человекѣка нетрезваго и безъ образованія, боялся, чтобы онъ еще больше не раздражил несчастныхъ людей, которые въ пылу религіознаго фанатизма не знали, что творили.

Испуганный старшина хотя и увѣрялъ, что раскольники насъ непременно схватятъ, но мы доѣхали совершенно спокойно до границы раскольничьяго селенія и, остановившись въ послѣдней православной деревнѣ, вызвали къ себѣ главныхъ стариковъ, вмѣстѣ съ которыми пріѣхалъ къ намъ и батальонный командиръ.

На импровизированномъ военномъ совѣтѣ мы рѣшили, не помню по чьему предложенію, повидаться съ попомъ и убѣдить его сдать генераль-губернатору или тому лицу, которое имъ будетъ командировано. Старики съ апостольскимъ видомъ горько каялись въ постигшемъ ихъ несчастіи и, передавая всѣ разсказанныя мною подробности, честью завѣряли, что они не могли справиться съ молодежью и только тѣломъ своимъ защитили становаго пристава отъ неминуемой смерти.

Въ сопровожденіи стариковъ отправились мы всѣ въ взбунтовавшуюся деревню и спокойно доѣхали до квартиры для чиновниковъ, которая вездѣ отводится въ Сибири. Но не успѣли мы взойти на крыльцо, какъ намъ бросились въ ноги ревуція женщины съ мольбою не брать у нихъ попа. Мы успокоили бѣдныхъ женщинъ и дали имъ слово, что мы лично не возьмемъ ихъ попа, пока не получится предписанія генераль-губернатора. Послѣ долгихъ совѣщаній старики порѣшили исполнить наше требованіе о свиданіи съ попомъ и на другой день утромъ отвели насъ на другой конецъ деревни къ дому, занимаемому попомъ.

Мы вошли въ чистую избу, на двухъ стѣнахъ которой висѣли образа, а въ срединѣ стоялъ накрытый столъ съ водкой и закуской. Въ избѣ никого не было, и прошло, по крайней мѣрѣ, десять минутъ, какъ отворилась дверь и вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ въ архалукѣ, обшитомъ котикомъ, въ сопровожденіи 20—25 стариковъ, которые, поклонившись, остановились около двери.

— «Вотъ и я»,—сказалъ нѣсколько нахально и подбоченившись бѣглый попъ и пригласилъ насъ сѣсть къ столу. Затѣмъ я объяснилъ попу: правительство не можетъ потерпѣть и оставить безнаказаннымъ самоуправство крестьянъ, и теперь нужно только подумать о томъ, чтобы не увеличивать бѣды и безпрекословно исполнить всѣ требованія генераль-губернатора. 22 года тому назадъ была такая же исторія. Начальство, вслѣдствіе упорства крестьянъ, принуждено было стрѣлять въ нихъ. Мы пріѣхали сюда съ той цѣлью, чтобы предупредить повтореніе подобнаго несчастія, а такъ какъ толпу убѣждать невозможно, то мы рѣшились повидаться съ вами и убѣдить васъ спасти крестьянъ, которые изъ-за васъ попали въ страшную бѣду. Если вы не захотите сдать сами, по

требованію генераль-губернатора, то, разумѣется, крестьяне васъ не выдадутъ, и повторится исторія 1837 года. А потому вы, какъ понимающій положеніе свое и крестьянъ, должны дать намъ слово, что добровольно сдадитесь и спасете этимъ все населеніе.

Бѣглый попъ вполнѣ согласился съ моими доводами и, обѣщавъ повліять на крестьянъ и успокоить ихъ, рассказалъ намъ исторію своего бѣгства. Овдовѣвъ 30-ти лѣтъ и не имѣя дѣтей, онъ задумалъ постричься въ монахи въ Троицкую лавру, но туда его почему-то не приняли, и попалъ онъ въ бѣдный монастырь Калужской губерніи. Отъ скуки и одиночества онъ посѣщаль старушку, жившую не вдалекѣ отъ монастыря, у которой и забывался за чаркой водки. Сибирскіе раскольники давно уже искали себѣ попа и, извѣщенные, вѣроятно, старушкой о пьянствѣ монаха, окружили его всѣми соблазнами и окончательно споили скруга. «Такъ пьяный, — рассказывалъ бѣглый попъ, — я и уѣхалъ изъ Калужской губерніи. Ъхали мы долго, все пьянствовали; пріѣхавъ сюда, я день и ночь долженъ былъ крестить и вѣнчать, а чрезъ двѣ недѣли по прибытіи захватилъ меня становой приставъ. Я не боюсь сдатьса, я знаю, что мнѣ ничего не будетъ, пошлютъ только въ монастырь на покаяніе».

Этими словами кончилъ бѣглый попъ свой рассказъ, и мы, взявъ съ него еще разъ слово сдатьса генераль-губернатору, распростились и уѣхали обратно въ Верхнеудинскъ ожидать распоряженія изъ Иркутска. Чрезъ два, три дня пріѣхалъ графъ Муравьевъ-Амурскій и, выслушавъ нашъ отчетъ, поѣхалъ съ адъютантомъ на мѣсто происшествія.

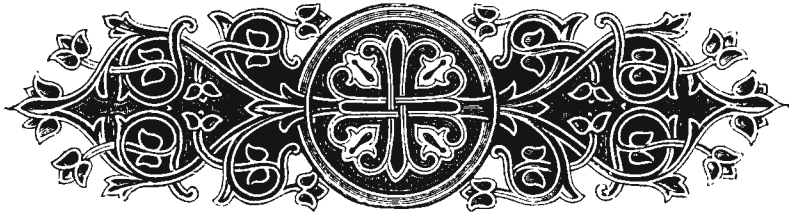
Не смотря на нашу подготовку и указаніе вызвать изъ толпы Абрама, самаго разсудительнаго изъ стариковъ, графъ Муравьевъ, всетаки, принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ и, приказавъ всей толпѣ встать на колѣни, велѣлъ ротѣ солдатъ взвести курки.

Къ счастью, этой угрозой дѣло и ограничилось; едва успѣла раздаться команда, какъ бѣглый попъ вышелъ изъ толпы и сдался въ распоряженіе генераль-губернатора.

Вслѣдствіе раскаянія крестьянъ и выдачи бѣглаго монаха, генераль-губернаторъ оставилъ это дѣло почти безъ послѣдствій, ограничившись временной высылкой пяти стариковъ въ Иркутскую губернію.

Я всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминаю объ этомъ событіи изъ моей жизни и радуюсь, что своимъ вмѣшательствомъ въ это дѣло я, можетъ быть, помогъ его мирному исходу.

Е. Р.

ПРИНЦЪ ГЕССЕНЪ-ГОМБУРГСКІЙ ВЪ РОССІИ ¹⁾.

(1723—1745).

МЕЖДУ иностранцами, вступившими въ русскую военную службу при Петрѣ Великомъ и участвовавшими въ послѣдующія царствованія въ разныхъ походахъ, мы встрѣчаемъ молодаго принца Гомбургскаго, имя котораго упоминается и въ запискахъ нѣкоторыхъ современниковъ царствованій Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны рядомъ съ именами Миниха, Манштейна, Ласси, Кейта, принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго и друг. Появившаяся недавно въ Германіи монографія г. Шульце о принцѣ Гомбургскомъ представляетъ тѣмъ болѣе удобный случай вспомнить о пребываніи этого иностранца въ Россіи, что въ трудѣ г. Шульце, занимавшаго шестнадцать лѣтъ мѣсто директора училища при Реформатской церкви въ С. Петербургѣ, мы находимъ нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ чертъ для характеристики лицъ и событій въ Россіи въ первую половину XVIII вѣка. Г. Шульце имѣлъ возможность воспользоваться при составленіи своего труда рукописными матеріалами, хранящимися въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ. Онъ подвергаетъ критикѣ нѣкоторыя данныя, встрѣчаемыя въ запискахъ недоброжелателей принца Гомбургскаго, Миниха и Манштейна.

Отецъ принца Людвигъ Груно, Фридрихъ III Яковъ Гессенъ-Гомбургскій, находился въ голландской службѣ и неоднократно

¹⁾ Ernst Schulze, Lebensbeschreibung des Prinzen Ludwig Gruno von Hessen-Homburg. Homburg v. d. Höhe. 1892. 168 стр.

сражался противъ Людовика XIV. Среди тревогъ войны за испанское наслѣдство родился принцъ Людвигъ Груно въ Гомбургѣ, въ 1705 году. Годомъ позже родился второй сынъ Фридриха III, Карль. Оба брата вступили сначала въ военную службу ландграфу Гессенъ-Дармштатскаго, а затѣмъ, въ 1722 году, были студентами въ Гессенскомъ университетѣ. Между тѣмъ, Петръ Великій, лично познакомившись въ Голландіи съ отцомъ принцевъ, выразилъ желаніе, чтобы этотъ опытный генералъ посвятилъ себя русской службѣ. Фридрихъ III, не считая возможнымъ принять сдѣланное ему предложеніе, упросилъ Петра взять на службу его сыновей. Петръ согласился и въ то самое время, когда занимался приготовлениями къ персидской войнѣ, отправилъ Ягужинскаго въ Германію съ порученіемъ пригласить обоихъ принцевъ къ вступленію въ русскую службу на довольно выгодныхъ условіяхъ. Ягужинскій прибылъ въ Гомбургъ въ январѣ 1723 года, и оба принца тотчасъ же отправились въ Россію, въ сопровожденіи барона Лёвенвольде. По приѣздѣ въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1723 года, они были представлены Петру и Екатеринѣ и затѣмъ участвовали въ разныхъ придворныхъ празднествахъ и въ поѣздкахъ Петра въ Кроншлотъ, Петергофъ и проч. Осенью этого же года старшій принцъ былъ назначенъ полковникомъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Ревелѣ, а младшій капитаномъ гвардіи. Въ одномъ изъ писемъ старшаго принца къ отцу упомянуто о пирушкѣ, которую оба брата устроили въ честь императора, и для которой былъ приготовленъ великолѣпный фейерверкъ. Однако, при Петрѣ, какъ кажется, возникли нѣкоторыя недоразумѣнія между принцами съ одной стороны и княземъ Меншиковымъ съ другой. Послѣдній, въ качествѣ фельдмаршала, въ декабрѣ 1723 г. приказалъ старшему принцу отправиться въ Ревель для занятія мѣста, на которое онъ былъ назначенъ. Принцъ не поѣхалъ, объявивъ, что не сдѣлаетъ этого безъ особеннаго, подписаннаго самимъ государемъ, ордера и останется, согласно желанію, выраженному самимъ Петромъ, при особѣ императора. Быть можетъ, этимъ эпизодомъ объясняется враждебное отношеніе князя Меншикова къ обоимъ принцамъ при Екатеринѣ I. Послѣ кончины Петра, оба принца сочли неудобнымъ участвовать въ церемоніи похоронъ государя, потому что въ траурномъ шествіи имъ не было предоставлено мѣста, соотвѣтствующаго ихъ знатному происхожденію. На всѣ празднества, устраиваемыя Меншиковымъ, оба принца не получали приглашеній. Когда они, по случаю сговора дочери Меншикова съ графомъ Сапѣгою, пришли съ поздравленіемъ къ князю, послѣдній, пригласивъ ихъ остаться обѣдать, посадилъ ихъ на менѣ почетное мѣсто (den untershen Platz der Tafel). При громадномъ значеніи и сильномъ вліяніи князя Меншикова нельзя было не думать о средствахъ поправить неблагопріятныя отноше-

нія къ временщику. Къ тому же возникла мысль о доставленіи младшему принцу Курляндскаго герцогства. Для достиженія этой цѣли наставникъ принцевъ, Поникау, задумалъ было женить принца Карла на дочери Меншикова, причемъ была выражена надежда, что, благодаря вліянію всемогущаго тестя, принцъ сдѣлается герцогомъ курляндскимъ. Понятно, что всѣ эти проекты оказались неудобоосуществимыми, тѣмъ болѣе, что самъ Меншиковъ, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, домогался герцогства Курляндскаго для себя самого; что же касается его дочерей, то онъ подыскивалъ для нихъ жениховъ познатнѣе принцевъ Гомбургскихъ.

Хотя по кончинѣ Екатерины I и воцареніи Петра II баронъ Остерманъ объявилъ принцамъ, что будетъ ходатайствовать за нихъ у новаго государя, ихъ положеніе оставалось неловкимъ. Во время погребенія императрицы Екатерины, Меншиковъ не хотѣлъ дозволить, чтобы одинъ изъ братьевъ шелъ рядомъ съ цесаревной Елисаветою Петровною въ траурной процессіи. Когда нѣсколько позже оба брата, ссылаясь на сдѣланныя имъ при вступленіи въ русскую службу обѣщанія, просили о выдачѣ болѣе значительной суммы денегъ, секретарь верховнаго тайнаго совѣта отказалъ имъ въ исполненіи просьбы, намекая на возможность увольненія обоихъ въ отставку и отправленія на родину.

Паденіе Меншикова не измѣнило въ сущности положенія принцевъ. Остерманъ былъ расположенъ въ ихъ пользу, но въ то же время говорилъ о невозможности покровительствовать иностранцамъ, къ которымъ Долгорукіе и ихъ приверженцы въ это время относились враждебно. Младшій принцъ, Карлъ, въ апрѣлѣ 1728 г. умеръ отъ оспы въ Феллинѣ, гдѣ командовалъ гарнизономъ. Старшій, Людвигъ Груно, служившій въ Ригѣ въ чинѣ генерал-маіора, неоднократно имѣлъ столкновенія съ тамошнимъ губернаторомъ Чернышевымъ. Иногда принцъ, любившій музыку, устраивалъ въ Ригѣ концерты, въ которыхъ участвовали городской оркестръ и ученики Рижской гимназіи.

Въ началѣ февраля 1730 г. совсѣмъ неожиданно въ Ригѣ распространились извѣстія о какихъ-то важныхъ событіяхъ, происходившихъ въ Москвѣ. Въ письмѣ Занно, одного изъ кавалеровъ, окружавшихъ принца Гомбургскаго, сказано: «Князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Голицынъ и князь Трубецкой вдругъ пріѣхали сюда изъ Москвы, пробывъ въ дорогѣ не болѣе 4¹/₂ дней. Они направились въ замокъ къ губернатору, генералу Ласси, обѣдали тамъ съ принцемъ, а затѣмъ, ex abrupto вставъ изъ-за стола, усѣлись въ сани, запряженные свѣжими лошадьми, и помчались въ Митаву. Никто не знаетъ, что такое все это могло бы значить. Узнали лишь о томъ, что государь заболѣлъ оспою. Даже самъ принцъ ничего болѣе не узналъ».

Такъ какъ серьезность факта путешествія столь важныхъ сановниковъ въ Митаву возбудила толки и волненіе, Занно былъ тотчасъ же отправленъ въ Митаву въ слѣдъ за знатными путешественниками и здѣсь вскорѣ узналъ о кончинѣ Петра II и объ избраніи на царство Анны Иоанновны. Возвратившись въ ту же ночь въ Ригу, Занно сообщилъ принцу о важной перемѣнѣ. Принцъ тотчасъ же поскакалъ въ Митаву поздравить новую государыню, которая, принявъ его благосклонно, обѣщала ему свое покровительство.

Въ письмахъ самого принца къ отцу говорится о восстановленіи самодержавной власти, послѣ того какъ была сдѣлана попытка ограничить ее въ пользу членовъ верховнаго тайнаго совѣта, о трагической судьбѣ Долгорукихъ и проч. ¹⁾

Коренная перемѣна въ положеніи Долгорукихъ для принца Гомбургскаго имѣла особенное значеніе. Онъ до воцаренія императрицы Анны Иоанновны мечталъ о бракѣ съ младшею дочерью князя Алексѣя Долгорукаго ²⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ. Теперь же нельзя было думать о родствѣ съ Долгорукими. Зато мысль о Курляндіи не покидала честолюбиваго принца. Онъ уже въ это время думалъ о вступленіи въ бракъ со вдовою князя Кантемира, урожденною Трубецкою. Въ письмѣ къ отцу, гдѣ сказано объ оставленіи мысли о женитбѣ на княжнѣ Долгорукой (*Das vorgewesene Project retrahirt sich jetzt von sich selber*), онъ расхваливаетъ качества своей будущей супруги, ея красоту, познанія и пр. ³⁾ и высказываетъ надежду, что путемъ заключенія этого брака онъ авось достигнетъ и другой цѣли. «Курляндія,—сказано въ этомъ письмѣ,—всегда останется цѣлью моихъ желаній. Женившись на этой принцессѣ и завладѣвъ Курляндіею, я бы могъ быть совершенно доволенъ и считать себя обезпеченнымъ до гроба».

Принцъ не сдѣлался герцогомъ курляндскимъ. Жениться на вдовѣ Кантемира императрица Анна Иоанновна сначала не хотѣла ему дозволить. Она даже строго запретила ему думать объ этомъ бракѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ принцъ, страстно любя княгиню, не могъ не повиноваться волѣ государыни.

¹⁾ Довольно подробно принцъ Лудвигъ Груно писалъ отцу о случаѣ съ молодымъ повѣскою французомъ (Annaudre), который за легкомысленно распространенныя сплетни въ ущербъ репутаціи нѣкоторыхъ московскихъ дамъ былъ наказанъ розгами «*par deux grosses servantes à bon bras, en lui faisant mettre culotte bas*» и проч. Объ этомъ эпизодѣ пишетъ леди Рондо; см. ея «Письма» (русское изданіе), стр. 43.

²⁾ Объ этомъ проектѣ брака принца Гомбургскаго съ княжною Долгорукою баронъ Остерманъ рассказывалъ въ январѣ 1730 года, такъ сказать, наканунѣ кончины Петра II, австрійскому посланнику графу Вратиславу, какъ видно изъ донесенія сего послѣдняго отъ 12-го января (Вѣнскій архивъ).

³⁾ «Она говоритъ пофранцузски, пошведски, поитальянски и понѣмецки».

Принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій.

Однако, бракъ, всетаки, состоялся, но не раньше, какъ въ началѣ 1738 года. Анна Иоанновна, разрѣшивъ, наконецъ, этотъ бракъ, относилась къ обоимъ супругамъ чрезвычайно благосклонно. При заключеніи брачнаго договора было постановлено, чтобы дѣти отъ этого брака воспитывались въ реформатскомъ исповѣданіи, но чтобы супруга принца имѣла полную свободу отправленія православнаго богослуженія, и для этой цѣли, даже во время путешествій за границую, при ней долженъ былъ находиться священникъ.

Дѣтей отъ этого брака не было. Нѣтъ сомнѣнія, что бракъ былъ счастливъ. Не даромъ въ письмахъ къ отцу принцъ расхваливалъ добрыя качества вдовы Кантемира. Очень недавно, то-есть въ 1887 году явилось въ Парижѣ великолѣпное изданіе «Les princes Troubetzkoï». Въ немъ, между прочимъ, помѣщенъ (стр. 153—165) біографическій очеркъ Анастасіи Ивановны, въ которомъ говорится о ея близкой дружбѣ съ цесаревною Елисаветою Петровою¹⁾ и участіи въ государственномъ переворотѣ 1741 года.

Въ началѣ царствованія императрицы Анны счастье относительно служебной карьеры улыбалось принцу Гомбургскому. Онъ сдѣлался маіоромъ Преображенскаго гвардейскаго полка и въ этомъ званіи былъ начальникомъ бомбардировъ и фейерверкеровъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ тайнаго военнаго совѣта и, наконецъ, президентомъ военной коллегіи. Въ 1732 и 1733 годахъ принцъ участвовалъ въ походахъ къ берегамъ Каспійскаго моря, въ 1734 и 1735 годахъ сражался въ Польшѣ и пожалованъ генераль-фельдцейхмейстеромъ. Во время участія принца въ турецкой войнѣ между нимъ и фельдмаршаломъ Минихомъ возникли враждебныя отношенія. Манштейнъ въ своихъ запискахъ рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій принца; однако при чтеніи монографіи Шульце мы выносимъ впечатлѣніе, что принцъ не безъ основанія не одобрялъ образа дѣйствій главнокомандующаго. Принцъ до такой степени былъ возмущенъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ Миниха съ солдатами, что даже счелъ нужнымъ сообщить о поступкахъ его въ Петербургъ. Разумѣется, онъ этимъ навлекъ на себя непримиримую ненависть Миниха. Нельзя отрицать, что доносъ принца на своего начальника производитъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе; съ другой стороны онъ былъ правъ, протестуя противъ слишкомъ безцеремоннаго обращенія главнокомандующаго съ жизнью солдатъ. Впрочемъ принцъ продолжалъ участвовать въ военныхъ операціяхъ и даже содѣйствовалъ взятію Очакова. Послѣ этого, пользуясь отпускомъ, онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ женился и откуда предпринялъ съ своею супругою путешествіе въ Германію подъ именемъ графа Шереметева. Побывавъ у отца и въ Дармштадтѣ, а также въ Дрезденѣ и Берлинѣ, принцъ и принцесса вернулись въ Россію, гдѣ вскорѣ послѣ ихъ возвращенія скончалась императрица Анна Иоанновна.

Не смотря на нерасположеніе къ нему Бирона, принцъ не подвергся гоненію со стороны временщика. Во время краткаго царствованія императора Іоанна Антоновича онъ занималъ мѣсто предсѣдателя учрежденной при артиллерійскомъ департаментѣ комис-

¹⁾ Въ изданіи исторіи князей Трубецкихъ рассказано на стр. 159, будто молодой принцъ Гомбургскій просилъ руки Елизаветы Петровны, въ чемъ ему было отказано. Въ сочиненіи Шульце нѣтъ никакихъ данныхъ объ этомъ.

сии для реформъ въ этомъ вѣдомствѣ и надзиралъ надъ работами въ оружейныхъ заводахъ и надъ постройками въ Кронштадтѣ.

Послѣ государственнаго переворота, доставившаго престолъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, принцъ имѣлъ порученіе командовать гвардейскими полками и дѣйствовать въ случаѣ надобности въ пользу новой государыни. Любопытно письмо принцессы Анастасіи Ивановны къ тестю объ этомъ событіи. «Императрица Елисавета,—писала она,—послѣ многолѣтнихъ и неслыханно тяжкихъ испытаній завладѣла имперією, короною и скипетромъ самымъ героическимъ и чуднымъ образомъ; солдаты, видя на престолѣ императрицу, имѣвшую право на корону, чрезвычайно рады и счастливы», и пр. Затѣмъ Анастасія Ивановна рассказываетъ, что императрица тотчасъ же послѣ воцаренія удостоила возложить на нее орденъ св. Екатерины, и что въ первое время послѣ государственнаго переворота принцъ неотлучно находился при императрицѣ, постоянно исполняя даваемые ему Елисаветою порученія. Въ другомъ письмѣ сказано: «Во время самой революціи мой возлюбленный принцъ придерживался чисто пассивной роли; какъ скоро, однако, дѣло было рѣшено, онъ дѣлалъ все возможное для того, чтобы оказаться достойнымъ довѣрія ея императорскаго величества и дѣйствовать въ интересахъ имперіи и сообразно съ началами человѣколюбія и справедливости, не давая ни малѣйшаго простора чувству мести или частнымъ выгодамъ».

Очевидно, послѣднія выраженія относятся къ Миниху, враждебно относившемуся къ принцу. О немъ Анастасія Ивановна писала: «Всѣмъ извѣстно и всѣ видѣли съ крайнимъ огорченіемъ, сколь жестоко подло (*niederträchtig*) и легкомысленно (*leichtfertig*) Минихъ до самаго послѣдняго времени обращался съ моимъ принцемъ и въ какой мѣрѣ онъ старался погубить насъ. Никто не можетъ думать, чтобы мы были чѣмъ либо обязаны Миниху. Тѣмъ не менѣе мой мужъ никоимъ образомъ, ни словомъ, ни дѣломъ не старался вредить графу. Мы, напротивъ, сдѣлали все отъ насъ зависящее для того, чтобы облегчить судьбу Миниха и его семейства. Благодаря нашему ходатайству, братъ фельдмаршала, тайный совѣтникъ, не былъ арестованъ и оставленъ въ прежней должности. Баронъ Менгенъ и его родственники отдаютъ намъ полную справедливость въ томъ, что наше ходатайство и имъ принесло пользу». Въ концѣ января принцесса писала: «Мои родители и я съ ними, по приказанію императрицы, помѣстились во дворцѣ, такъ что ея величество во всякое время можетъ приходить къ намъ». Далѣе Анастасія Ивановна сообщаетъ тестю, что Елисавета Петровна хотѣла было пожаловать принцу званіе генералъ-фельдмаршала, но что принцъ пока отклонилъ отъ себя это назначеніе; затѣмъ сообщаются данныя о драгоцѣнныхъ подаркахъ, полученныхъ принцемъ и принцессою отъ императрицы, и пр. (143—146).

Во время путешествія императрицы въ Москву, въ февралѣ 1742 года, принцъ и принцесса находились въ ея свитѣ и участвовали въ разныхъ празднествахъ и поѣздкахъ Елисаветы, которая подарила имъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ. Здѣсь они устроили въ день рожденія Анастаси Ивановны великолѣпный праздникъ, на которомъ присутствовала императрица, подарившая принцессѣ разные драгоценныя вещи, цѣнностью въ 20.000 рублей.

Въ 1745 году принцъ началъ хворать. Доктора совѣтовали ему лечиться за границу. Предпринявъ путешествіе въ Германію, принцъ умеръ въ Берлинѣ въ октябрѣ этого же года. Анастасія Ивановна возвратилась въ Россію, гдѣ и скончалась въ 1755 году.

А. Брикнеръ.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

«Политика эпохи заключается не въ ея философіи, а въ ея экономикѣ».

Энгельсъ.

ИСТОРИЯ въ ея современномъ состояніи—не наука. Если иногда и дають ей это почетное названіе, то лишь *honoris causa*. Наукой можно назвать только такую дисциплину, которая разсматриваетъ извѣстныя явленія въ ихъ причинной зависимости и указываетъ управляющіе ими законы. Между тѣмъ, печальная особенность исторіи человѣчества, — говоритъ Бокль, — состоитъ «въ томъ, что хотя ея отдѣльныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣньемъ, но едва ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь. Во всѣхъ другихъ великихъ отрасляхъ изслѣдованія необходимость обобщенія допускается всѣми, и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлью открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого возрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только рассказывать факты, по временамъ оживляя ихъ такими политическими и нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными». При такомъ отношеніи къ исторіи со стороны спеціалистовъ предметъ ихъ изученія легко можетъ показаться недостойнымъ вниманія людей науки, философовъ. Шопенгауэръ, напримѣръ, смотритъ на исторію человѣчества, какъ на длинное, тяжелое, запутанное сновидѣніе; онъ замѣчаетъ: «Одна исторія не можетъ войти въ рядъ наукъ, ибо

ей недостаетъ основнаго характера науки, субординаціи познаваемаго, вмѣсто которой она ограничивается простой ея координаціей. Поэтому и нѣтъ системы исторіи, какъ другихъ наукъ. Это знаніе, а не наука».

Сторонники мнѣнія, что исторія должна всегда оставаться въ своемъ настоящемъ эмпирическомъ состояніи и никогда не можетъ быть возведена на степень науки, говорятъ: «Всегда есть нѣсколько великихъ руководителей, людей съ исключительнымъ гениемъ или счастьемъ, безотчетныя мнѣнія и распоряженія которыхъ заправляютъ всею націею. Отъ времени до времени возникаютъ критическія положенія, сраженія, щекотливые переговоры, въ которыхъ малѣйшія случайности могутъ измѣнить ходъ событій. Исторія Европы зависѣла одно мгновеніе отъ того, замѣтитъ ли, или не замѣтитъ часовой на кораблѣ Нельсона корабль экспедиціи Наполеона въ Египетъ, проходившій не вдалькѣ. Такимъ образомъ въ человѣческихъ дѣлахъ малѣйшія причины могутъ производить величайшія дѣйствія, и о дѣйствительномъ примѣненіи научнаго метода не можетъ быть и рѣчи». Тѣмъ не менѣе, человѣческій умъ, которому свойственно во всемъ видѣть причинность, закономерность, не можетъ окончательно примириться съ мыслью о случайности, беспорядочности историческихъ явленій; а потому попытки внести философскій синтезъ въ область исторіи, имѣвшія мѣсто еще въ древности, продолжаются до сихъ поръ. Эти попытки ¹⁾ вообще нельзя назвать удачными, и такъ называемые «законы исторіи» обыкновенно не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что обозначается такимъ терминомъ въ естественныхъ наукахъ. Ихъ исторія представляетъ не мало даже курьезнаго. По мнѣнію однихъ, напримѣръ, въ исторіи есть такой же простой «законъ», какъ и въ астрономіи: «дѣлай для людей то, что ты хотѣлъ бы, чтобы люди тебѣ дѣлали» (Гратри); другіе указывали, какъ на «историческій законъ», на распространеніе цивилизаціи въ направленіи видимаго движенія солнца и т. п. Въ лучшихъ случаяхъ за историческіе законы признаются эмпирическія обобщенія сходныхъ фактовъ,—обобщенія, въ сущности ничего не объясняющія.

Видя неудачу подобныхъ попытокъ и не желая, однако, отказаться отъ надежды возвести исторію на степень науки, нѣкоторые ученые пришли къ тому выводу, что исторія—наука особаго порядка,—наука, не имѣющая своихъ специальныхъ законовъ. Такъ, профессоръ Н. И. Карѣевъ, авторъ обширнаго сочиненія по философіи исторіи, относитъ историческіе законы «къ области химеръ» и ставитъ на ихъ мѣсто законы психологіи и соціологіи. «Исторіей,—разсуждаетъ онъ,—мы называемъ измѣняющуюся во

¹⁾ Обзоръ ихъ см. въ книгѣ Н. И. Карѣева: «Основные вопросы философіи исторіи».

времени совокупность фактовъ духовной и общественной жизни челоуѣка, а эти факты, какъ явленія духовной и общественной природы, и управляются законами, которые должны изслѣдовать психологія и соціологія. Поэтому для исторической науки достаточно законовъ психологическихъ и соціологическихъ, и нѣтъ надобности прибѣгать къ открытію спеціально-историческихъ законовъ... Послѣднихъ и не существуетъ, если только понимать слово законъ въ строго научномъ смыслѣ». Такъ ли это? Дѣйствительно ли историки должны оставить всякую надежду на открытіе законовъ, свойственныхъ одной ихъ области,—законовъ, которые объясняли бы историческія явленія, какъ таковыя, а не составныя ихъ части только? Сводить законы исторіи къ законамъ низшихъ наукъ, каковы психологія и соціологія, не значитъ ли то же самое, что замѣнять законы біологіи законами химіи? Въ біологическихъ явленіяхъ есть химическая сторона, но безъ спеціально-біологическихъ законовъ невозможна наука біологія. Почему же возможна наука исторія безъ законовъ чисто-историческихъ?

Отрицая существованіе историческихъ законовъ, г. Карѣевъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: «Законъ въ строгомъ смыслѣ есть выраженіе опредѣленнаго постоянства въ отношеніи между двумя одновременными или послѣдовательными явленіями, наблюдаемыми каждый разъ, когда это отношеніе дается». Чтобы найти неизмѣнное и постоянное отношеніе подобнаго рода, необходимо имѣть рядъ повторяющихся или могущихъ повторяться въ постоянной связи однородныхъ явленій. Между тѣмъ, историческій процессъ состоитъ изъ послѣдовательной смѣны явленій, представляющихся намъ въ извѣстной совокупности лишь однажды, т. е. историческіе факты не повторяются, они вполне индивидуальны... Словомъ, нашъ авторъ повторяетъ, въ сущности, то же самое, что высказано Шопенгауэромъ, хотя онъ и считаетъ возможною науку исторіи.

Подобная аргументація допускаетъ существенныя возраженія. Правда, историческія явленія индивидуальны, событіе, случившееся однажды, не повторится болѣе въ томъ же самомъ видѣ, что было—не будетъ... Но не то же ли мы видимъ и въ физической природѣ? И здѣсь всякое явленіе индивидуально: ни одно дерево не бываетъ совершенно похоже на другое, нѣтъ двухъ совершенно одинаковыхъ животныхъ, гроза, землетрясеніе и т. п. явленія никогда не повторяются въ одномъ и томъ же видѣ, матерія и сила постоянно принимаютъ все новыя и новыя комбинаціи. Тѣмъ не менѣе, натуралисты открываютъ законы природы. Для этого имъ нѣтъ нужды изучать всѣ явленія одного порядка, а достаточно изучить только ихъ сущность, игнорируя все случайное. А такой методъ приложимъ и къ изученію историческихъ явленій: задача историка-философа также должна состоять въ изу-

ченіи общаго, присущаго индивидуальнымъ явленіямъ,—въ открытіи между ними причинной связи. Правда, задача ученаго, изслѣдующаго историческія явленія, гораздо сложнѣе, чѣмъ задача естествоиспытателя. Въ этомъ, по мнѣнію Бокля, главная причина того, что историческіе законы такъ долго остаются искомымъ искомъ. Историкъ-философъ встрѣчаетъ трудности гораздо страшнѣе тѣхъ, которыя представляются естествоиспытателю, потому что, съ одной стороны, въ его наблюденіяхъ болѣе возможны ошибки, происходящія отъ предубѣжденія и страсти, съ другой же, онъ не располагаетъ пособіемъ опыта, который упрощаетъ самыя запутанныя проблемы въ области внѣшняго міра. А если такъ, то открытіе историческихъ законовъ—вопросъ времени, и всякая серьезная попытка рѣшенія этого вопроса заслуживаетъ полнаго вниманія людей, интересующихся философскою стороною исторіи. Къ числу такихъ попытокъ относится и гипотеза экономическаго матеріализма, которой посвящена большая часть вышедшей недавно книги: «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ», соціологическій этюдъ П. Николаева (Москва, 1892 г.). Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью познакомить, въ общихъ чертахъ, читателей «Историческаго Вѣстника» съ названною гипотезой.

Эта гипотеза не получила еще надлежащаго развитія и проверки. Ея «литературный багажъ» составляютъ: два большихъ сочиненія Энгельса (Herr Dühring's Unvalzung der Wissenschaft и Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats), книги Н. И. Зиберы («Очерки первобытной экономической культуры»), Лафарга (Matérialisme economique de Ch. Marx) и Вейсентрюна («Законы развитія человѣчества»), статьи Кауцкаго (появившіяся на русскомъ языкѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»), рядъ этюдовъ, замѣтокъ, газетныхъ и журнальныхъ статей. Нѣтъ «ни одного основательнаго историческаго изслѣдованія, гдѣ бы проводилась послѣдовательно эта гипотеза, ни одного философскаго историческаго разсужденія, ни одной попытки проверки гипотезы примѣненіемъ ея къ изслѣдованію явленій культурной или прагматической исторіи».

Основное положеніе гипотезы выражено Марксомъ, примѣнившимъ ее къ эволюціи экономическихъ формъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Экономическое строеніе общества есть реальное основаніе, на которомъ находятся юридическія и политическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы самосознанія». Энгельсъ, разсмотрѣвшій подъ этимъ угломъ зрѣнія нѣкоторыя соціальныя явленія, резюмируетъ свои выводы фразой: «Политика эпохи заключается не въ ея философіи, а въ ея экономикѣ». Подробнѣе: все развитіе человѣчества происходитъ на матеріальномъ

экономическомъ базисѣ. Юридическое, политическое, философское и литературное движеніе нужно разсматривать, какъ сосуществующій элементъ. Эти два элемента относятся другъ къ другу, какъ социальная форма и социальное содержаніе. Ихъ взаимное отношеніе опредѣляется двумя историческими законами: а) социальная форма развивается послѣ социальнаго содержанія и б) социальная форма переживаетъ социальное содержаніе. Въ историческомъ процессѣ нужно различать четыре фазы: 1) такъ называемый первобытный коммунизмъ, — въ концѣ его начинается классовая борьба; 2) эпоха рабства, — господствуетъ форма производства, основанная на рабствѣ; 3) феодальная эпоха, — господствующія отношенія обуславливаются отношеніями между феодальными господами и крѣпостными и между городскими корпораціями; въ концѣ періода появляется мануфактура; 4) съ переходомъ мануфактуры къ крупному капиталистическому производству, наступаетъ современная капиталистическая эпоха.

Борьба классовъ, начавшаяся еще въ первой фазѣ развитія человѣчества, усиливаясь все болѣе и болѣе, дѣлается, наконецъ, главнымъ факторомъ исторіи. Это — красная нить, которая проходитъ чрезъ всѣ эпохи и проявляется во всѣхъ историческихъ явленіяхъ и которую такъ долго и безуспѣшно искали философы исторіи. Ея открытіе, по мнѣнію Вейзенгруна, должно имѣть такое же значеніе въ исторической наукѣ, какое имѣетъ теорія Дарвина въ биологіи, т. е. гипотеза экономическаго матеріализма даетъ естественное, ясное пониманіе всеобщаго процесса историческаго развитія, независимо отъ ошибокъ въ деталяхъ при его изображеніи.

Въ качествѣ примѣра того, какимъ образомъ гипотеза объясняетъ происхожденіе идеальныхъ «надстроекъ» (юридическихъ, политическихъ, философскихъ, литературныхъ и т. п. формъ) отъ матеріальныхъ факторовъ, г. Николаевъ приводитъ разсужденіе Энгельса о происхожденіи современной идеи равенства. Чтобы изъ первоначальнаго представленія о томъ, что всѣ люди имѣютъ общее между собою, развилось представленіе относительно равноправія въ государствѣ и обществѣ, — должны были пройти десятки вѣковъ. Пока существовало рабство, не могло быть и рѣчи о чемънибудь подобномъ. Къ уничтоженію же этого института Европа пришла вслѣдствіе экономическаго прогресса. Втеченіе среднихъ вѣковъ образовался классъ, сдѣлавшійся впоследствии носителемъ идеи о равенствѣ, — буржуазія, которая довела до сравнительно высокой степени промышленно-ремесленное производство и обмѣнъ продуктовъ. Крупная торговля требовала свободныхъ товаровладельцевъ, равноправныхъ, какъ торговцы. Переходъ отъ ремесла къ мануфактурѣ предполагалъ существованіе извѣстнаго количества свободныхъ рабочихъ, могущихъ продавать свой трудъ фа-

бриканту и равноправныхъ ему, въ качествѣ контрагентовъ. Но политическій порядокъ на каждомъ шагѣ ставилъ цеховыя узы, привилегіи, неравенства, стѣснявшія экономическое развитіе общества. Требованіе освобожденія отъ этихъ наслѣдій феодализма, поставленное въ интересахъ торговли и промышленности, не могло игнорировать и крестьянъ: иначе нельзя было уничтожить свободу дворянства отъ налоговъ и политическія привилегіи высшихъ сословій. При системѣ независимыхъ государствъ, съ болѣе или менѣе одинаковою степенью гражданскаго развитія, требованіе равноправности получило всеобщій, выходящій изъ предѣловъ отдѣльной страны, характеръ, и свобода и равенство были объявлены «человѣческими правами». Буржуазный характеръ этихъ «человѣческихъ правъ» ясно выразился въ томъ, что американская конституція, впервые признавшая «права человѣка», узаконила рабство цвѣтныхъ... Притомъ,—отмѣчаетъ Вейзенгрюнъ,—они были прокламированы во Франціи и въ Америкѣ, но не въ Англіи, такъ какъ въ послѣдней буржуазія развилась экономически раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и ей не приходилось, въ борьбѣ съ привилегированными сословіями, опираться на народъ.

Основатели гипотезы экономическаго матеріализма только въ самыхъ общихъ чертахъ разсмотрѣли съ этой точки зрѣнія эволюцію явленій экономическихъ и производныхъ отъ нихъ политическихъ, ограничиваясь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о болѣе идеальныхъ элементахъ общественной надстройки. Особенно не разработанъ вопросъ о генезисѣ литературныхъ явленій. Любопытны въ данномъ отношеніи слова Вейзенгрюна о зависимости поэзіи Байрона отъ экономики и политики Англіи: «Байронъ родился въ эпоху, когда господствовалъ цѣлый рядъ социальныхъ противорѣчій, обусловленныхъ экономическими причинами. Промышленность сильно прогрессировала, и классовыя различія были уже очень развиты. Но, съ другой стороны, политическое положеніе Англіи далеко не соответствовало экономическому. Это было время броженія, которое никакъ не могло закончиться. И такъ какъ эти противорѣчія не могли выразиться на экономически-политическомъ пути, они проявлялись социальнo-формальнымъ путемъ. Въ поэзіи Байрона отразились болѣе или менѣе ясно условія, производящія испорченность нравовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лицемеріе, извѣстные сантиментальные шаблоны. Этими условіями объясняются всѣ противорѣчія его натуры, а также и глубокое сознаніе своего личнаго «я». Оно, это «я», противопоставляется внѣшнимъ противорѣчіямъ, какъ нѣчто цѣлостное».

Но какъ бы ни были могущественны экономическія условія, сколь ни велико ихъ значеніе въ исторіи человѣчества, тѣмъ не менѣе разсматриваемая нами гипотеза не говоритъ, чтобы классовая борьба была единственнымъ историческимъ факторомъ для

всѣхъ вѣковъ. Хотя творцы гипотезы останавливаютъ свое вниманіе почти исключительно на этомъ факторѣ, но только потому, что онъ является дѣйствующимъ въ наше и ближайшее къ намъ время. Былъ періодъ въ исторіи человѣчества, когда классовой борьбы не существовало, а господствовали семейныя, родовыя отношенія. Она началась лишь съ разложениемъ рода, происшедшимъ вслѣдствіе увеличенія роли экономическихъ отношеній. Такимъ образомъ, прошедшее человѣчества раздѣляется на двѣ части: историческій факторъ первой части есть семья, а второй — классовая борьба. «Первая часть процесса имѣетъ цѣлью производство индивидуумовъ, въ ней господствуютъ семейныя отношенія при сосуществованіи экономическихъ, во второй части процесса цѣль—производство продуктовъ, въ ней господствуютъ экономическія отношенія, при сосуществованіи элементовъ общественной надстройки, главнымъ образомъ, политическихъ и интеллектуальныхъ отношеній».

Что же будетъ потомъ? Неужели человѣчеству суждено вѣчно находиться подъ гнетомъ экономическихъ условій, неужели высшія проявленія его природы будутъ всегда зависѣть отъ «хлѣба насущнаго», и его разумъ никогда не сдѣлается господиномъ матеріальной обстановки? Если бы излагаемая гипотеза навсегда приковывала людей, съ ихъ идеальными стремленіями, къ матеріальной основѣ, то ее можно было бы признать несостоятельною по чисто субъективнымъ основаніямъ, во имя самыхъ идеальныхъ стремленій, осуществленіе которыхъ составляетъ желанную цѣль всѣхъ лучшихъ людей... Въ дѣйствительности, однако, эта гипотеза (не смотря на свое названіе) не только не отрицаетъ возможности господства человѣческаго интеллекта надъ экономикой, но даже необходимо предполагаетъ его въ будущемъ. «Съ начала цивилизаціи,—говоритъ Энгельсъ,—ростъ богатства столь громаденъ, формы его столь разнообразны, управленіе имъ такъ приспособлено къ интересамъ собственниковъ, что богатство стало для народовъ непреодолимою силой. Человѣческой умъ является безпомощнымъ предъ своимъ собственнымъ созданіемъ. И, однако, придетъ время, когда онъ сдѣлается сильнымъ надъ богатствомъ». Какъ въ первой части историческаго процесса изъ господствующихъ семейныхъ отношеній выдѣлились экономическія, такъ и во второй его части изъ экономическаго базиса долженъ выдѣлиться новый факторъ интеллектуальный. Въ дальнѣйшей исторіи человѣчества интеллектуальныя отношенія будутъ составлять фундаментъ общества, а политическіе элементы общественной надстройки сдѣлаются сопутствующими; «цѣль процесса будетъ состоять въ производствѣ (если можно такъ выразиться) интеллектуальныхъ и политическихъ условій дальнѣйшаго существованія человѣчества».

На возможность такого выдѣленія и самостоятельнаго суще-

ствования интеллектуальных и политических отношений имѣются фактическія указанія. Признавая, напримѣръ, французскую революцію результатомъ экономическихъ отношений, нельзя въ то же время отрицать въ ней и политическихъ элементовъ: политическія идеи, проникшія изъ Англіи, развились во Франціи очень быстро и были въ значительной степени независимы отъ уровня экономического развитія страны. Особенно же рельефно это выдѣленіе проявляется въ странахъ, поздно вступившихъ въ сферу вліянія европейской культуры. Какъ на примѣръ такой «новой» страны, указываютъ на Румынію, которая до 1864 года представляла собою совершенно феодальное государство. Господствующимъ классомъ были здѣсь бояре-землевладѣльцы; въ городахъ не существовало средняго сословія, которое бы организовалось въ корпораціи; даже ремесла не были развиты; торговля большею частью находилась въ рукахъ чужестранцевъ: грековъ, евреевъ, армянъ. Сама собою, путемъ эволюціи, Румынія не могла бы скоро перейти къ новому экономическому строю. И если послѣднее произошло, то только потому, что сюда были перенесены политическія идеи, развивавшіяся на экономической основѣ болѣе культурныхъ государствъ. Благодаря ихъ вліянію, въ 1848 году произошла революція, а въ 1864 году освобождены крестьяне; вслѣдъ затѣмъ и феодальный способъ производства началъ переходить въ капиталистическій.

Къ вышесказанному нужно прибавить, что прогрессъ человечества въ указанномъ направленіи совершается все быстрѣе и быстрѣе. Тогда какъ на первыхъ ступеняхъ историческаго процесса развитіе совершалось крайне медленно, позднѣйшій, переживаемый нами, фазисъ экономическихъ отношений характеризуется быстрымъ развитіемъ политическихъ идей и знаній. Это явленіе ускоренія прогресса, несомнѣнно, растущая функція, и выдѣленіе интеллектуальныхъ элементовъ надстройки въ самостоятельное существованіе «объщаетъ человечеству блестящее и отрадное будущее».

Ограничиваясь этимъ краткимъ изложеніемъ сущности гипотезы экономического матеріализма, считаемъ нужнымъ замѣтить, что хотя она является созданіемъ извѣстной школы экономистовъ (даже «партіи», что въ значительной степени препятствуетъ ея распространенію), но ея основные элементы не чужды и писателямъ другихъ иногда совершенно противоположныхъ направленій. Слабые зачатки ея можно видѣть у утопистовъ Сенъ-Симона и Фурье. Первый разсуждаетъ о «политикѣ на базисѣ экономики», второй также считаетъ политику неотдѣлимую отъ экономической почвы. Нѣкоторыя идеи экономического матеріализма встрѣчаемъ

у Лассаля и Луи-Блана. Нашли онѣ мѣсто и въ новѣйшей литературѣ. Такъ, Юлій Липпертъ, въ сочиненіи: *Kulturgeschichte der Menschheit in ihren organischen Aufbau*, всѣ органическіе элементы культурной исторіи человѣчества сводить къ одному главному фактору—къ заботѣ о существованіи (*Lebensfürsorge*): «Все то,—читаемъ у него,—что, кажется, лежитъ совершенно внѣ области этой заботы, всѣ идеальныя задачи человѣчества, сущность которыхъ вполне чужда всякаго эгоизма, какими бы странными развѣтвленіями ни казались онѣ на древѣ человѣческой жизни, корнями своими получаютъ первое питаніе, всетаки, изъ той же подпочвы. Одна нить (идей и учрежденій) прядется за другой, но однимъ концомъ онѣ всегда исходятъ изъ первичной заботы о жизни, общей человѣку съ самыми низшими организмами, но далеко уводящей его накопленіемъ и дифференцированіемъ средствъ своего удовлетворенія. Въ стремленіи къ изслѣдованію и познанію, въ склонности къ идеаламъ, въ любви къ искусству, въ благоволеніи ко всему сущему, культурный человѣкъ завоевалъ себѣ блага, которыхъ, повидимому, не отъ міра сего, не подчинены его законамъ, и, однако, вездѣ видна ихъ генетическая связь съ этимъ первичнымъ естественнымъ мотивомъ». Липпертъ предполагаетъ, что человѣкъ въ первое время жизни на землѣ питался сырою растительною пищею, которая и была причиною пассивнаго характера первобытныхъ расъ (вегетаріанцы-буддисты пришли къ сознанію, что бытіе есть необходимый источникъ страданія). Выдѣленіе расъ активныхъ (а вмѣстѣ съ этимъ и прогрессъ вообще) началось вслѣдствіе улучшенія питанія: употребленіе животной пищи освобождало силы, шедшія прежде на перевариваніе пищи, и дало возможность появиться умственной дѣятельности, выразившейся прежде всего въ изобрѣтеніи орудій, лучшихъ способовъ охоты и проч. И въ послѣдующей исторіи человѣчества расовыя отличія находятся въ зависимости отъ социальныхъ организацій, построенныхъ на экономикѣ. Отсюда возможность такихъ фактовъ, что красная раса, рядомъ съ типомъ краснокожаго Америки, произвела египтянина, замѣчательнаго своими организаторскими талантами, а бѣлая поставила на арену исторіи римлянина, кельта и сармата...

Шарль Летурно говоритъ (въ *L'evolution de la propriété*, 1889): «Право собственности это тотъ гигантъ, который, по народнымъ представленіямъ, лежитъ подъ вулканомъ и каждое движеніе котораго производитъ землетрясеніе. Не было ни одной великой революціи, которая не имѣла бы соотношеній съ видоизмѣненіями права собственности; всякое преобразование въ области права собственности влечетъ за собою и политическія видоизмѣненія». Роль экономическихъ условий, по мнѣнію Летурно, на столько важна, что господствующія въ странѣ формы землепользованія оказываютъ сильное вліяніе на характеръ населенія, на его «духъ», на разви-

тіе въ немъ альтруистическихъ или эгоистическихъ чувствъ и проч. ¹⁾).

Только что цитированные нами авторы или совсѣмъ незнакомы съ гипотезой экономического матеріализма, или «не проникли въ ея сущность». Отсюда слѣдуетъ, что данная гипотеза не составляетъ искусственнаго изобрѣтенія школы, къ которой принадлежать ея основатели, а является естественнымъ результатомъ научныхъ изслѣдованій нашего времени, подсказывается самими историческими фактами.

М. Ладвинскій.

---

¹⁾ Въ последнее время экономическое направленіе прививается и въ нашей историографіи. Главнымъ представителемъ его можно считать профессора В. О. Ключевского, въ высоко талантливыхъ работахъ котораго по отечественной исторіи впервые обращено серьезное вниманіе на «соціальный составъ управленія» и на экономическіе интересы классовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. За нимъ слѣдуютъ историки молодой генерации. Назовемъ, на примѣръ, г. Миллюкова. Въ его недавно вышедшемъ сочиненіи: «Государственное хозяйство Россіи и реформы Петра Великаго» находимъ совершенно новое освѣщеніе Петровскихъ реформъ, велѣдствіе выясненія экономическихъ условій того времени.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНІИ ¹⁾.

ХІ.

Священное озеро Бива. Городъ Отцу. Древнѣйшая въ мірѣ сосна.

ЗЕРО БИВА находится приблизительно въ 20-ти верстахъ отъ Кіото. Желѣзная дорога, соединяющая обѣ столицы Японіи, древнюю и новую (Кіото и Токіо), огибаетъ юго-восточную часть этого озера, самаго большаго изъ всѣхъ озеръ страны: длина его равняется 45 верстамъ, наибольшая ширина 15 верстамъ, къ югу оно суживается, тогда какъ къ сѣверу, постепенно расширяясь, принимаетъ, наконецъ, совершенно овальную форму, что дѣлаетъ его похожимъ на китайскую гитару, откуда и названіе озера: Бива, что значитъ китайская гитара. Замѣчательно, что какъ высота этого озера надъ уровнемъ моря, такъ и наибольшая глубина его, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, совершенно одинаковы: 100 метровъ.

На западномъ берегу горные хребты подходятъ почти вплотную къ озеру, тогда какъ отъ восточнаго его берега открывается обширная равнина. Туземное преданіе говоритъ, что и озеро Бива, и священная гора Японіи Фузи-яма явились разомъ, въ одну ночь, въ годъ, соответствующій 286 г. до Р. Хр. Появленію ихъ предшествовало будто бы страшное землетрясеніе.

Городъ Отцу лежитъ въ юго-западномъ углу озера. Онъ очень растянутъ, не особенно великъ, но производитъ впечатлѣніе зажи-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 850.

точности. Есть нѣсколько каменныхъ строеній европейскаго типа, гдѣ помѣщаются: присутственныя мѣста, общество электрическаго освѣщенія, и проч. Отзу ведетъ значительную торговлю съ городами и селами, расположенными по берегамъ озера. Этотъ небольшой японскій городокъ получилъ недавно всесвѣтную извѣстность, благодаря совершившемуся на одной изъ его улицъ покушенію на жизнь Наслѣдника Цесаревича, произведенному мѣстнымъ полицейскимъ, Тсуда-Санцо. Граждане Отзу были такъ опечалены этимъ происшествіемъ, что ходатайствовали передъ правительствомъ о разрѣшеніи перемѣнить названіе города, но просьба ихъ не была уважена.

Главную достопримѣчательность Отзу составляетъ храмъ Ми-деръ, расположенный на высокомъ холмѣ и основанный въ VII столѣтіи нашей эры однимъ японскимъ императоромъ въ честь богини Кваннонъ. Съ площадки, на которой онъ стоитъ, открывается очень красивый видъ на раскинувшійся внизу городъ, озеро Бива, прямую линію канала, проведеннаго недавно для соединенія озера съ рѣкой Камо-гавой, и окрестныя горы. Тутъ же, на площадкѣ, въ особой оградѣ помѣщается каменный обелискъ, воздвигнутый городомъ въ память 179 солдатъ, уроженцевъ этой мѣстности, погибшихъ за Микадо въ послѣдней междоусобной войнѣ, извѣстной подъ именемъ Сатсумскаго возстанія.

Храмъ самъ по себѣ не представляетъ ничего интереснаго. Позади его растетъ густой, вѣковой сосновый лѣсъ. Извилистая дорожка, проложенная въ этомъ лѣсу, приводитъ къ колокольнѣ храма, стоящей на холмѣ и заключающей въ себѣ знаменитый бронзовый колоколь, подаренный храму миѣическимъ народнымъ героемъ «Товара-Тода-Хидезато». Хидезато есть собственное имя, а Товара-Тода значить въ переводѣ: «его свѣтлость мѣшокъ съ рисомъ».

О происхожденіи этого колокола существуетъ слѣдующая легенда. Привожу ее, какъ образецъ поэтическихъ народныхъ японскихъ сказаній.

Хидезато былъ знаменитый воинъ, всю свою жизнь проводившій въ схваткахъ съ врагами Микадо. Однажды ему понадобилось перейти длинный мостъ въ Сета, перекинутый черезъ рѣку Иодогаву, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она вытекаетъ изъ озера Бива. Подойдя къ мосту, онъ увидѣлъ, что на немъ лежитъ чудовищная змѣя, блистающая на солнцѣ своею чешуею. Это страшилище заставило уже многихъ людей вернуться обратно; но герой нашъ, какъ ни въ чемъ не бывало, перешагнулъ черезъ змѣю и даже назадъ не оглянулся. Моментально змѣя обратилась въ карлика, который, упавъ передъ Хидезато на колѣни и трижды стукнувшись лбомъ о доски моста, молвилъ: «Ты — настоящій герой! О, да! Ты таковъ, какимъ долженъ быть настоящій герой! Много времени я лежу здѣсь, ожидая человѣка, который отомстилъ бы за

меня моему страшному врагу; но всё бѣжали отъ меня. Ты одинъ сможешь помочь мнѣ. Не правда ли: ты не откажешься сдѣлать это? Я живу на днѣ озера. Мой врагъ — страшная тысяченожка, которая живетъ на вершинѣ вонъ той горы и приходитъ по ночамъ терзать меня. Умоляю тебя: иди со мною, иначе я совсѣмъ погибъ». Герой съ удовольствіемъ согласился: это было для него такое новое и такое интересное приключеніе. Они спустились въ лѣтній подводный дворецъ карлика. Дворецъ представлялъ странное и прелестное сооруженіе: онъ былъ сдѣланъ изъ коралловыхъ и металлическихъ вѣтвей, которымъ была придана форма различныхъ красивыхъ водяныхъ растений. Прислугу и тѣлохранителей составляли краббы, такіе огромные, какъ люди, и странныя водяныя обезьяны, и морскія ящерицы, и другія удивительныя созданія. Насталъ вечеръ. Слуги подали обѣдъ на подносахъ, сдѣланныхъ въ видѣ листьевъ водяной лиліи. Тарелками и блюдами служили листья крессъ-салата, но не настоящія, а гораздо болѣе красивыя, ибо они были сдѣланы изъ прозрачнаго свѣтло-зеленаго фарфора, въ который были вкраплены блестики золота. Палочки ¹⁾ были изъ прекраснаго окаменѣлаго дерева, гладкаго и блестящаго, точно черная слоновая кость. Вино своей прозрачностью и чистотой походило на воду горнаго ручья. Обѣдъ, затянувшійся до полуночи, приходилъ уже къ концу, какъ вдругъ послышался страшный шумъ, точно гулъ подземнаго удара: это спускалась съ горы ужасная тысяченожка; длина ея тѣла равнялась двумъ верстамъ; съ обѣихъ боковъ торчало по тысячѣ ногъ, которыя свѣтились, точно горящіе факелы, каплями смертоноснаго яда, выступавшаго изъ всѣхъ ихъ поръ. Страпилице было уже на половинѣ горы, когда Хидезато рѣшилъ пустить въ него одну изъ своихъ трехъ стрѣлъ. Стрѣла угодила въ бронзовый лобъ тысяченожки, но отскочила, не оставивъ даже слѣда. Вторая стрѣла выпущена съ тѣмъ же результатомъ. Чудовище готовилось уже погрузиться въ воды озера, чтобы отравить ихъ своимъ ядомъ. Въ этотъ критическій моментъ, Хидезато, сказавъ карлику, что ничто не дѣйствуетъ такъ губительно на животныхъ, какъ слюна человѣка, смочилъ собственной слюной остріе послѣдней стрѣлы и пустилъ ее въ непріятеля, — на этотъ разъ удачно: тысячи горящихъ огней сверкнули предсмертнымъ пламенемъ и погасли, и огромный трупъ чудовища покатылся по землѣ, потрясши шумомъ всю окрестную страну.

Хидезато затѣмъ былъ вдругъ перенесенъ въ свой замокъ, гдѣ увидѣлъ себя окруженнымъ цѣлымъ рядомъ подарковъ, съ надписью на каждомъ: «Отъ благодарнаго карлика». Здѣсь былъ, во-первыхъ, прелестный колоколь, отлитый изъ бронзы, во-вторыхъ, мечъ, обла-

¹⁾ Рѣчь идетъ о палочкахъ, которыя японцы употребляютъ вмѣсто нашихъ ножей, вилокъ и ложекъ.

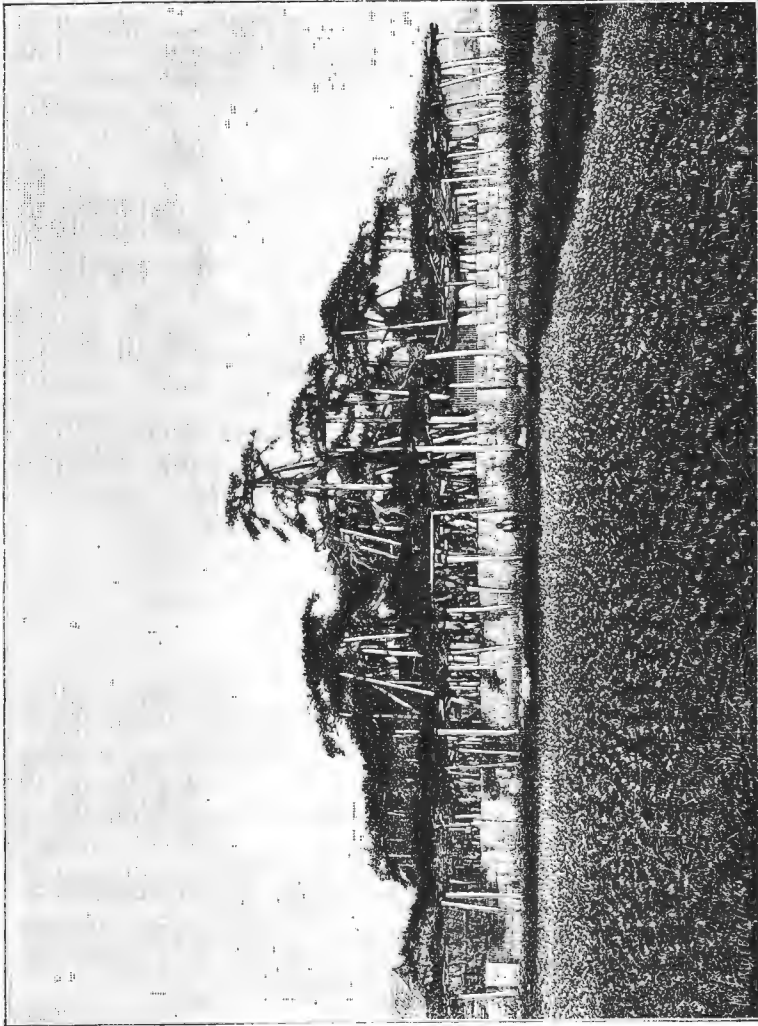
датель котораго становился непобѣдимымъ, въ-третьихъ, полное рыцарское вооруженіе, непроницаемое для непріятельскихъ ударовъ, въ-четвертыхъ, кусокъ шелковой ткани, которая никогда не уменьшалась, сколько бы отъ нея ни отрѣзывали на платье, и, наконецъ, въ-пятыхъ, чудесный мѣшокъ съ рисомъ, остававшійся всегда полнымъ, сколько бы ни брали изъ него рису для кушанья. Отъ этого пятаго и послѣдняго подарка герой и получилъ свой титулъ: «его свѣтлость мѣшокъ съ рисомъ», ибо въ глазахъ народа нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ такой чудесный мѣшокъ.

Хидезато, будучи очень благочестивымъ человѣкомъ, подарилъ колоколь въ храмъ Міидера. Но одинъ изъ приближенныхъ героя, нѣкто Бенкей, такъ плѣнился звуками чудеснаго колокола, что укралъ его изъ храма и перенесъ на вершину горы, гдѣ онъ жилъ. Здѣсь онъ каждую ночь началъ наслаждаться колокольнымъ звономъ. Бонзы Міидера въ отчаяніи стали неотступно молить Бенкея возвратитъ назадъ похищенное сокровище. Долго онъ не соглашался, наконецъ смиловался; но условіемъ возвращенія въ храмъ колокола поставилъ, чтобы бонзы дали ему, Бенкею, столько супу (изъ гороха и крупы), сколько онъ можетъ съѣсть за одинъ разъ. Тутъ же въ монастырѣ показываютъ желѣзный котель, въ которомъ варился этотъ знаменитый супъ: котель имѣетъ 5 футъ въ окружности и достаточно свидѣтельствуеетъ объ аппетитѣ японскаго Ильи Муромца. Въ другой разъ знаменитый колоколь былъ украденъ монахами сосѣдняго монастыря; но единственный звукъ, какой послѣдніе могли извлечь изъ него, походилъ на слѣдующія слова: «я хочу назадъ, въ Міидера». Взбѣшенные монахи сбросили колоколь съ вершины горы, чѣмъ и объясняется множество царапинъ, покрывающихъ его наружную поверхность.

Вечерній звонъ въ Міидера представляетъ одно изъ 8-ми прелестей озера Бива. Въ японской поэзіи (въ подражаніе китайской поэмѣ о восьми красотахъ священнаго озера Сіао-Сіанга) воспѣты слѣдующія восемь красотъ озера Бива: 1) видъ луны осенью на горѣ Иши-яма, 2) видъ зимняго снѣга при заходѣ солнца на горѣ Хира-яма, 3) вечерняя заря въ Сетѣ, 4) вечерній звонъ въ Міидера, 5) видъ судовъ, отплывающихъ отъ Ябазе, 6) обширный просторъ въ Аватзу, 7) летъ дикихъ гусей въ Катада и 8) ночной дождь подъ сосной Карасаки.

Сосна «Карасаки» представляетъ не одну только мѣстную достопримѣчательность. Это—одно изъ удивительнѣйшихъ чудесъ не только Японіи, но, пожалуй, и всего свѣта: несомнѣнно, что Карасаки—самая старая и самая большая сосна на землѣ, если не по высотѣ, то по величинѣ покрываемаго ею пространства земли, по толщинѣ ствола и вѣтвей. Она растетъ близъ села Карасаки, въ одномъ часѣ, приблизительно, ѣзды на дженерикчахъ отъ города Отзу.

Впечатлѣніе, которое произвела на меня эта сосна, было одно изъ самыхъ сильныхъ, испытанныхъ мною во время путешествій по Японіи и другимъ странамъ Востока. Представьте себѣ не особенно высокое, приземистое дерево, главный стволъ котораго имѣетъ въ окружности болѣе пяти саженъ; десятки громаднхъ вѣтвей,

Карасаки, древнѣйшая сосна въ мірѣ.

выпущенныхъ имъ, кажутся не вѣтвями, а скорѣе какими-то неуклюжими, чудовищными бревнами; отъ нихъ, въ свою очередь, пошли сотни другихъ стволовъ, и все сплелось въ одинъ лѣсъ, широко раскинувшійся и надъ землей, и надъ водами Бивы. Масса подпорокъ каменныхъ и деревянныхъ поднимаются отовсюду на поддержку вѣтвей, которыя безъ этой предосторожности давно бы

сломались отъ собственной тяжести. Нѣсколько такихъ подпорокъ вбиты даже въ дно озера, чтобы поддержать висящія надъ нимъ вѣтви. Въ общемъ получается какой-то лабиринтъ мертвыхъ лѣсницъ и живыхъ вѣтвей, слившихся вмѣстѣ какъ бы въ одно неразрывное цѣлое, поражающее своими размѣрами и крайне оригинальнымъ видомъ. И все дерево покрыто свѣжей зеленью и продолжаетъ жить и увеличиваться. Для предохраненія нѣжной верхушки отъ дождя надъ ней устроена крошечная деревянная покрывка, а всѣ пустоты тщательно задѣланы глиной. Вотъ нѣсколько цифръ о размѣрахъ Карасаки: высота дерева равняется 20 футамъ, окружность главнаго ствола—37 футамъ, длина вѣтвей съ востока на западъ—240 футамъ, съ сѣвера на югъ—288 футамъ; число большихъ вѣтвей свыше 380.

Знаменитая сосна обнесена оградой, внутри которой помѣщается маленькая часовня, гдѣ живетъ священникъ, обязанный заботиться о священномъ деревѣ; онъ же продаетъ здѣсь печатные и фотографическіе снимки этого дерева.

По туземнымъ преданіямъ, сосна Карасаки была посажена въ годъ воцаренія перваго императора Японіи Джинму Тенно (въ 660 году до Р. Хр.) и является такимъ образомъ въ глазахъ японцевъ современницей началу ихъ государства.

Каналь озера Бива, о которомъ я упомянула вскользь выше, стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Исторія его устройства весьма интересна, въ смыслѣ доказательства того вниманія, съ какимъ нынѣшнее японское правительство относится къ потребностямъ страны и къ людямъ таланта и знанія. Нѣкто, Танабе Сакуро, студентъ инженернаго факультета Токійскаго университета, представилъ, при окончаніи курса, диссертацию на получение выпускнаго диплома, гдѣ подробно, съ массой чертежей и выкладокъ, изложилъ планъ устройства канала для соединенія озера Бива съ рѣкой Камо-гавой, весьма полезнаго для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей. Идея этого трактата, какъ и самый трактатъ обратили на себя вниманіе не только факультета, но и правительства, которое и предложило молодому человѣку, едва соскочившему со школьной скамьи, привести свой планъ въ исполненіе на практикѣ и открыло ему необходимый для этого кредитъ. Танабе Сакуро блистательно выполнилъ возложенное на него порученіе и сразу занялъ мѣсто въ ряду выдающихся инженеровъ страны. Каналь озера Бивы, начатый въ 1885 году, былъ открытъ для движенія весною 1890 года. Онъ состоитъ изъ двухъ вѣтвей, длиною въ общей сложности около 11-ти верстъ, и нѣкоторые участки его проходятъ по длиннымъ туннелямъ.

XII.

Сто верстъ на дженерикчахъ.

24-го мая мы выѣхали изъ Кіото въ Нару. Нара, бывшая нѣкогда столицей Японскаго государства, имѣеть въ настоящее время интересъ, какъ священное мѣсто, наполненное старинными храмами и монастырями, заключающими въ себѣ много рѣдкихъ памятниковъ прежняго искусства. Отъ Кіото до Нары — около 50 верстъ, и единственный прямой способъ сообщенія здѣсь — дженерикчи. Хозяинъ отеля Ями помогъ намъ выбрать здоровыхъ людей и удобныя колясочки; на одну колясочку въ такой длинный путь полагается по два человѣка; плата съ cadaго пассажира — 5 долларовъ (около 6¹/₂ рублей золотомъ), причѣмъ мы условились такимъ образомъ, чтобы изъ Нары не возвращаться обратно въ Кіото, а въ Осаку, такъ какъ Нара лежитъ почти въ равномъ разстояніи отъ обоихъ этихъ городовъ. Теперь существуетъ уже желѣзная дорога между Нарой и Осакой, но весною 1890 года она только что еще строилась. Такимъ образомъ, намъ предстояло проѣхать около 100 верстъ по одному изъ интереснѣйшихъ уголковъ страны, въ прелестное время года, когда на поляхъ идетъ уборка чая, созрѣвшаго хлѣба и приготовленіе пашенъ подъ посѣвъ риса. Мы выѣхали въ девятомъ часу утра, причѣмъ наши люди запряглись пугомъ: задній держаль оглобли коляски руками, а передній надѣлъ крестъ на крестъ черезъ плечи лямку, которую и привязалъ къ оглоблямъ. Потянулись безконечныя улицы города, затѣмъ предмѣстья и, наконецъ, показались поля, покрытыя желтымъ, очевидно, уже созрѣвшимъ страннымъ растеніемъ въ видѣ метелокъ. Оказалось, что изъ сѣмянъ этого растенія добывается масло, служащее смазочнымъ и освѣтительнымъ матеріаломъ. Мѣстность низменная, ровная, не представляющая ничего замѣчательнаго. Широкая, хорошо утрамбованная дорога усажена зарослями японской ивы и бамбука. Тамъ и сямъ виднѣются отдѣльные домики и деревушки. Первое большое селеніе на нашемъ пути — городокъ Фусими, бывшій въ 1868 году театромъ кровопролитнаго сраженія между шогунальными и императорскими войсками. Правитель Хидейёши имѣлъ нѣкогда здѣсь свой замокъ, откуда онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось при Кіотскомъ дворѣ. Большая часть собранныхъ имъ здѣсь художественныхъ сокровищъ была перенесена послѣ его смерти въ монастырь Ниши-Хон-гванжа, въ Кіото. Городъ вытянулся въ одну длинную улицу, ничѣмъ не отличающуюся отъ обыкновенныхъ деревенскихъ улицъ; минутъ 15 быстрой ѣзды понадобилось, однако, чтобы проѣхать ее изъ конца въ конецъ.

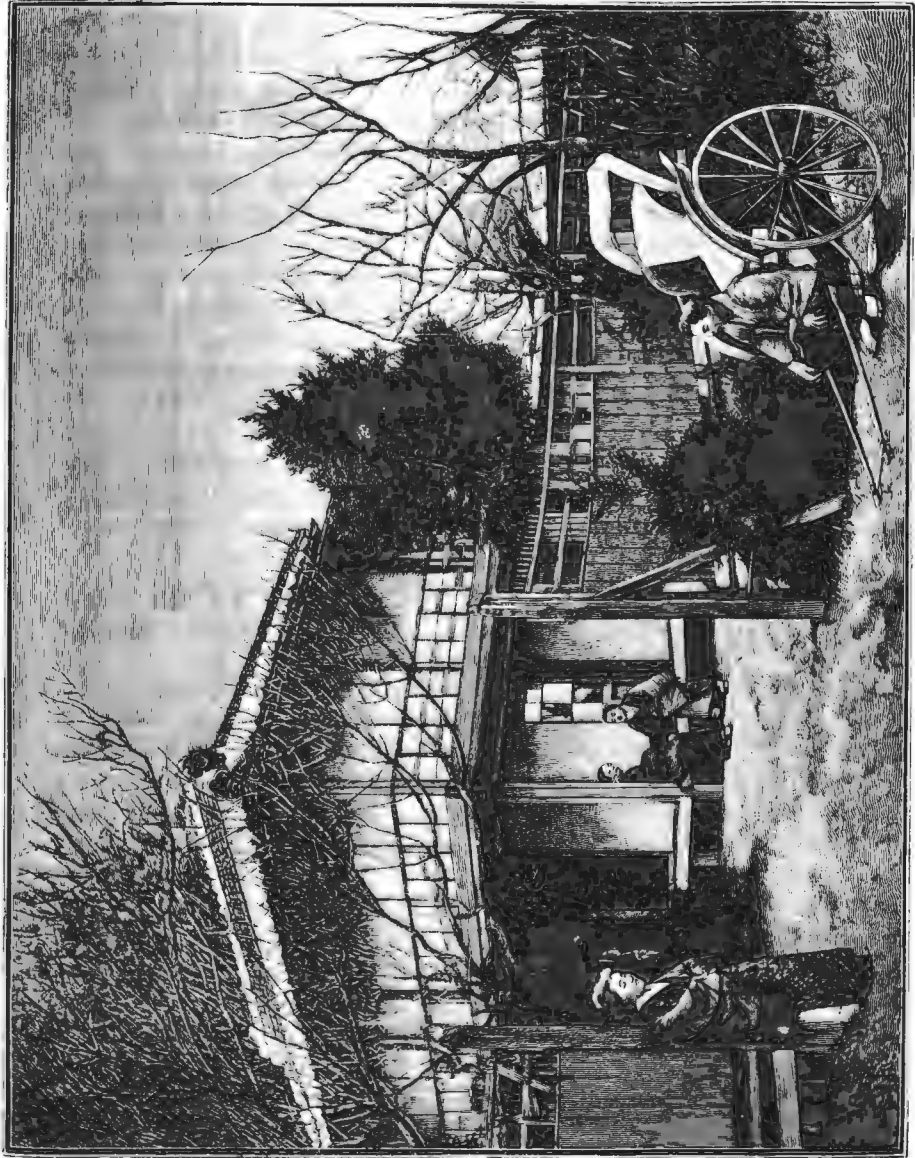
За Фусими мы пересѣкаемъ рѣку Иодогаву, которая называется здѣсь Аджикавой. Путь теряетъ свой монотонный характеръ. Провѣзжаемъ черезъ бамбуковую рощу, свѣтлая зелень которой, еще влажная отъ ночнаго дождя, такъ красиво отливаетъ въ лучахъ яркаго солнца. За бамбуковой рощей дорога идетъ межъ двухъ большихъ озеръ; вдали синѣютъ горы, по лощинамъ которыхъ, на встрѣчу лучамъ утренняго солнца, медленно выползаютъ густыя, клочковатыя облака тумана. Мы вступаемъ въ чайное царство: здѣсь, въ окрестностяхъ Кіото, растутъ лучшіе чай Японіи. Повсюду, куда ни глянешь, на склонахъ холмовъ и на равнинахъ, виднѣются правильные ряды чайныхъ кустарниковъ. Чайныя поля даютъ тонъ всей мѣстности. Овощи и хлѣба отступаютъ какъ-то на второй планъ. Они иногда очень живописно перемѣшаны съ чаемъ; такъ, напримѣръ, идетъ рядъ чайныхъ кустовъ, затѣмъ два ряда картофеля или гигантской рѣдьки, и опять рядъ чая, и такъ—все поле; или: рядъ чая, лента золотистаго хлѣба, и снова рядъ чая. Эта послѣдняя комбинація, гдѣ зелень чайныхъ кустовъ рисуется на золотомъ фонѣ хлѣбнаго поля, особенно красива. Иногда вдругъ покажутся гряды ячменя, или овощей, окруженныя со всѣхъ сторонъ чаемъ, какъ живой изгородью. Комбинацій—множество, и картина, не смотря на однообразіе своихъ основныхъ мотивовъ, кажется постоянно новой и эффектной. Среди полей то и дѣло попадаются отдѣльно-стоящія деревья, или небольшія группы ихъ, въ видѣ, напримѣръ, миниатюрной бамбуковой рощицы, изъ-за листы которой иногда смотритъ крошечная часовня.

Тутъ же рядомъ съ чайными плантаціями разбиты прямо на поляхъ, часто вдали отъ жилья, фруКТовые сады: видны персики, груши, сливы, вишни. Всѣ эти деревья не высоки, лишнія вѣтви и листья удалены, вершины срѣзаны, и растутъ они какъ-то въ ширь, далеко раскидывая свои вѣтви. Между правильными рядами ихъ поднимаются отъ земли особыя подпорки, образующія своего рода изгородь, на которой и покоятся вѣтви деревьевъ. Иногда между двумя рядами деревьевъ виднѣются гряды пшеницы, овощей или ряды чайныхъ кустовъ. Поля изрѣзаны правильными каналами, наполненными водой. Водю же залиты мѣста, приготовляемыя подъ посѣвъ риса, и эти длинныя, прямоугольные пруды кажутся блестящими зеркалами, въ ровной глади которыхъ отражаются и фруКТовые сады, и чайные кусты, и далекое, мягкое голубое небо.

Приѣхали въ Нагаике, большое село, растянувшееся вдоль дороги. Предъ каждымъ почти домомъ видны разостланныя по землѣ циновки, на которыхъ сушатся листья чая.

Сборъ чая въ Японіи производится въ апрѣлѣ, маѣ и началѣ іюня. Наилучшій чай получается при первомъ сборѣ, когда листъ отличается нѣжностью и особымъ ароматомъ. Этотъ сборъ даетъ

Японская гостиница.

самый дорогой чай. Майскій и июньскій сборы даютъ болѣе грубыя листья и болѣе простые чаи.

Собранный чай подвергается послѣдовательно подвяливанію на открытомъ воздухѣ, въ тѣни, отжиманію, поджариванію, сушкѣ и упаковкѣ. Если чай предназначается для вывоза, то онъ, по доставленіи въ порта отправки, подвергается здѣсь снова поджариванію, просѣванію и сортировкѣ, послѣ чего уже упаковывается окончательно для доставки на пароходы. Въ среднемъ выводѣ за послѣднія пять лѣтъ количество чая, вывозимаго ежегодно изъ Японіи за границу (японскій чай идетъ исключительно почти въ Америку), равняется 50 милліонамъ фунтовъ, на сумму приблизительно въ $6\frac{1}{4}$ милліоновъ серебряныхъ долларовъ. Считаютъ, что для внутренняго потребленія остается приблизительно такое же количество чая въ странѣ. Японцы не дѣлаютъ черныхъ чаевъ, а только зеленые. Самые дорогіе сорта (уджи) доходятъ до 5 долларовъ за фунтъ на мѣстѣ; но обыкновенно довольствуются гораздо болѣе дешевыми сортами: въ хорошихъ японскихъ домахъ для повседневнаго обихода употребляютъ чай, цѣною въ 25—30 к. зол. фунтъ; чай отъ 60 к. зол. до 1 р. зол. является уже, какъ особое угощеніе для почетныхъ гостей; что касается низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ населенія, то обыкновенно они пьютъ тотъ сортъ чая, который стоитъ только 5 центовъ (около 6 коп. зол.) фунтъ. Этотъ послѣдній сортъ выдѣлывается изъ мелкой пыли, обломковъ чайныхъ листьевъ и корешковъ ихъ, остающихся, какъ отбросъ, при обработкѣ хорошихъ сортовъ.

Чай былъ ввезенъ въ Японію однимъ буддійскимъ священникомъ, Денчио Дайши, въ 805 году христіанской эры; но воздѣлываніе этого растенія не имѣло большаго успѣха до XII вѣка, когда другой буддійскій монахъ (Миоэ), получивъ новыя сѣмена изъ Китая, посѣялъ ихъ близъ Кіота; выросшіе здѣсь кусты были пересажены въ Уджи, которое и сдѣлалось съ тѣхъ поръ однимъ изъ главныхъ пунктовъ чайной культуры, давши въ то же время могучій толчекъ новой важной отрасли туземнаго производства. Употребленіе чая быстро привилось при дворѣ и въ аристократіи, но въ низшихъ классахъ населенія оно получило широкое распространеніе не ранѣе конца XVII столѣтія.

Въ Нагаике наши люди остановились на нѣсколько минутъ покурить и проглотить одну-другую крошечную чашечку своего свѣтло-зеленаго чая, и сами поскорѣе тронулись дальше.

Бѣдемъ полями. Все та же картина: чай, чай и чай, то сплошными зарослями, то въ перемежку съ пшеницей и овощами. Близъ чайныхъ кустовъ видны группы женщинъ, съ огромными корзинами въ рукахъ: ножницами онѣ обрѣзаютъ чайные листья и складываютъ ихъ въ эти корзины.

Въ Тамамидзу наши люди остановились для завтрака. Завтракъ, какъ и обѣдъ, состоялъ у нихъ изъ варенаго безъ соли риса и чая. Какъ умудряются они выдерживать такой тяжелый трудъ при подобной скудной пищѣ, это тайна организма японской расы, быть можетъ, самой умѣренной среди расъ человѣчества. Хозяйка чайнаго дома, у котораго остановились наши дженерикчи, обратилась къ намъ съ поклонами, приглашая зайти къ ней. Мы, конечно, не отказались. Небольшой домъ представлялъ цѣлый рядъ уютныхъ, чистыхъ, выстланныхъ свѣжими циновками, комнатъ безъ всякихъ признаковъ мебели. Насъ ввели въ гостинную, разомъ раздвинули стѣны, и предъ нами выросъ вдругъ прелестный садикъ въ чистѣйшемъ японскомъ стилѣ. Пошли обычныя угощенія: о-ча, кастеро, миканы и сласти. Время летѣло незамѣтно, и когда наши люди объявили, что можно ѣхать дальше, я не безъ сожалѣнія разсталась съ этимъ уютнымъ уголкомъ. Мы рѣшили пройти деревню пѣшкомъ. Народу вездѣ много, и появленіе наше служить, конечно, большимъ развлеченіемъ для публики. По дорогѣ мы остановились передъ довольно большимъ сараемъ, наполненнымъ ручными ткацкими станками, за которыми работали нѣсколько десятковъ женщинъ. Намъ хотѣлось взглянуть на работу, но не тутъ-то было: моментально станки остановились, и женщины гурьбою кинулись къ рѣшетчатой стѣнѣ сарая, выходившей на улицу. Между ними началась самая оживленная болтовня, предметомъ которой были мы, само собою разумѣется. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ бросилась мнѣ въ глаза своею типичною, чисто-японскою красотою. Я сказала ей пояпонски, что она красавица. Это вызвало взрывъ восторженнаго смѣха со стороны ея товарокъ, безъ всякаго оттѣнка зависти къ хорошенькой дѣвушкѣ. Обмѣнявшись съ ней еще нѣсколькими фразами изъ нашего, къ сожалѣнію, весьма скуднаго запаса словъ, мы разстались, провожаемые добродушными криками: «сайнора, аната!» (до свиданья!).

Дорога за этой деревней становится чрезвычайно живописной, ровная мѣстность смѣняется холмами, покрытыми кудрявой темной зеленью лѣсовъ. Долины между горъ хорошо обработаны. Тамъ и сямъ виднѣются деревни. Вотъ потянулась насыпь будущей желѣзной дороги, гдѣ копошатся кучки рабочихъ. Перепраляемся черезъ нѣсколько рѣчекъ, почти безводныхъ, и ѣдемъ вдоль Кидзу-гавы. Съ шумомъ несетъ эта быстрая рѣка свои мутныя волны черезъ многочисленныя каменные глыбы, запрудившія ея ложе. Высокіе берега ея—это рядъ горныхъ пейзажей, одинъ живописнѣе другаго. Черезъ рѣку переброшенъ длинный мостъ, за которымъ расположено селеніе Кидзу. До Нары считается отсюда 10 верстъ. Начинается подъемъ въ горы. Дорога причудливо вьется по склонамъ хребтовъ. Наши люди указы-

ваютъ на отдѣльно-лежащій священный камень и большое каменное изображеніе Кваннонъ. Вотъ мы медленно перебрались черезъ холмъ Навазаки. Еще одинъ подъемъ, и предъ нами священный городъ Нара.

Нара въ настоящее время небольшой городокъ съ 20-тысячнымъ населеніемъ, но въ VIII вѣкѣ нашей эры она была резиденціей императоровъ и являлась огромнымъ городомъ, превосходившимъ своими размѣрами нынѣшнюю Нару, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ. Отъ 708 по 782 годъ здѣсь царствовало семь государей, изъ нихъ четыре были женщины; японскіе историки говорятъ, что правленіе послѣднихъ было славно и ознаменовалось процвѣтаніемъ искусствъ, наукъ и литературы.

Здѣсь въ 711 году началось составленіе древнѣйшаго сочиненія по исторіи страны. Послы изъ Китая и множество знаменитыхъ буддійскихъ священниковъ изъ того же Китая, Сіама и Индіи побывали тогда въ Нарѣ. Одинъ изъ китайскихъ монаховъ привезъ сюда бібліотеку въ пять тысячъ томовъ буддійскихъ сочиненій. Здѣсь же былъ изданъ въ 749 году императорскій указъ, воспретившій подданнымъ Микадо убивать въ пищу животныхъ.

Главная улица, по которой мы ѣдемъ, прорѣзываетъ городъ во всю его длину. Чисто, не особенно оживленно, дѣтей, впрочемъ, много повсюду. Темные деревянные дома даютъ общій сумрачный колоритъ городу. Выѣзжаемъ за городъ, гдѣ среди холмовъ и расположились всѣ храмы и священные роци. Здѣсь же находится и лучшая мѣстная гостинница Мусса-шино, расположенная у подножія высокаго холма. Было 3 часа по полудни, когда мы остановились у воротъ гостинницы. Итакъ, путь въ 40 слишкомъ верстъ наши люди сдѣлали въ 5 часовъ (отъ 8^{1/2} часовъ утра до 3-хъ по полудни, положимъ, 6^{1/2} часовъ, но 1^{1/2} часа ушло на завтракъ и другія остановки), то-есть они бѣжали со средней скоростью почти 9 верстъ въ часъ.

Мусса-шино состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ въ двѣ, три и болѣе комнатъ. Каждый такой домикъ представляетъ одинъ номеръ и отводится весь цѣликомъ въ распоряженіе одного путешественника или путешествующей семьи. Всѣ эти оригинальные номера разбросаны въ саду. Заказавъ нашимъ хозяевамъ хорошій японскій обѣдъ, мы отправились осматривать ближайшіе храмы. Прежде всего насъ повели въ храмъ Козуга. Входимъ въ роскошный паркъ, совершенно темный отъ густой зелени его столѣтнихъ криптомерій и дубовъ. Солнечные лучи почти не проникаютъ сквозь чащу ихъ вершинъ. Предъ нами открывается широкая аллея, во всю длину уставленная саженными каменными фонарями, близко тѣснящимися другъ къ другу. Каждый такой фонарь представляетъ каменный столбъ, опирающійся на каменный ступенчатый фундаментъ, а на верху заканчивающійся квадратнымъ, тоже камен-

Сборъ чая.

нымъ ящикомъ съ крышей, похожей на крышу храма; ящикъ, полый внутри, имѣетъ въ четырехъ своихъ стѣнкахъ небольшія отверстія въ видѣ различныхъ фазъ луны. Неподалеку отъ входа въ эту аллею находится фонтанъ въ формѣ большого бронзоваго оленя, лежащаго на высокомъ постаментѣ въ лѣнливо-созерцательной позѣ; во рту онъ держитъ металлическую трубку, изображающую кусокъ бамбука, изъ котораго лется широкая струя холодной ключевой, очень вкусной воды. Обширная лужайка ярко-зеленой травы, съ рѣдко разбросанными по ней гигантскими деревьями, покрыта группами пасущихся пестрыхъ оленей. Нѣкоторые изъ нихъ подходятъ къ намъ, ожидая, очевидно, подачи. Это священные олени. Они наслаждаются здѣсь полной свободой и безопасностью. Хорошій кормъ и беззаботная жизнь обратили этихъ рѣзвыхъ, изящныхъ животныхъ въ довольно неуклюжія существа, съ блестящей, лоснящейся шерстью, лѣнливо передвигающія свои ноги, кажущіяся короткими отъ обвислаго живота.

Преданіе говоритъ, что одинъ изъ боговъ, отыскивая себѣ жилище на землѣ, пріѣхалъ нѣкогда на бѣломъ оленѣ въ Нару, которая такъ понравилась ему, что онъ здѣсь и поселился. Отсюда и идетъ обычай почитанія при храмѣ Козуга оленей. Самый храмъ состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ деревянныхъ часовенъ, соединенныхъ между собою крытыми галереями. Всѣ священныя зданія выкрашены въ ярко красный цвѣтъ, который рѣзко бьетъ въ глаза среди темной зелени парка. Два раза въ году (въ февралѣ и августѣ) здѣсь бывають большіе храмовые праздники, на которые стекается множество народа изъ Нары и ея окрестностей. По ночамъ, во время этихъ празднествъ, всѣ каменные фонари главной аллеи освѣщаются, и эффектъ этихъ сотенъ огней, рисующихся въ видѣ фазъ луны въ таинственномъ сумракѣ вѣковаго лѣса, вѣроятно, очень оригиналенъ. Въ старину, когда на такое освѣщеніе существовала ежегодная спеціальная подписка между жителями, оно производилось каждый вечеръ. Въ оградѣ храма есть длинная зала, или, вѣрнѣе, открытая сцена, гдѣ жрицы храма танцуютъ древній священный танецъ «Кагура». Его можно видѣть, когда угодно, стоитъ только заплатить столько серебряныхъ долларовъ, сколько танцовщицъ приметъ въ немъ участіе. Мы ограничились пятью: черезъ нѣсколько минутъ явились три священника, съ барабаномъ и флейтами, и пять молодыхъ дѣвушекъ, которыя были бы недурны, если бы не густо набѣленные лица, дѣлавшія ихъ похожими скорѣе на какія-то маски. Костюмы ихъ поразили меня своей оригинальностью: на ногахъ у нихъ были надѣты широкіе шальвары изъ краснаго шелка; на плечи накинутъ бѣлый просторный кимоно, а сверху длинная, съ треномъ, газовая, шелковая мантия съ широкими рукавами. Мантия украшена гербами храма; волосы у каждой дѣвушки заплетены въ одну косу,

спущенную внизъ; на головѣ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Началась музыка, монотонная, заунывная музыка, отъ странныхъ звуковъ которой вѣетъ чѣмъ-то первобытнымъ. Въ рукахъ у каждой танцовщицы было по колокольчику и вѣеру. Я не буду, впрочемъ, описывать этихъ странныхъ танцевъ: ихъ надо видѣть. Скажу только, что они состоятъ изъ ряда мимическихъ движеній, медленныхъ, стройныхъ, напоминающихъ танцы древняго Египта, какъ они дошли къ намъ по описаніямъ.

Кагура представляетъ древнѣйшій видъ японскаго хореграфическаго искусства: она ведетъ свое происхожденіе отъ тѣхъ танцевъ, которые нѣкогда устроили боги, чтобы выманить лучезарную богиню солнца изъ той пещеры, куда она бѣжала отъ преслѣдованій своего злаго брата, погрузивъ весь міръ въ темноту.

Изъ храма Козуга мы отправились въ большой буддійскій храмъ, заключающій въ себѣ величайшую изъ всѣхъ японскихъ статуй Будды. Чтобы дать понятіе о ея величинѣ, скажу только, что среди лучей сіянія, окружающаго ея голову, помѣщается восемь сидячихъ фигуръ, величиною каждая въ большой человѣческой ростъ.

Вечерѣло, когда мы, кончивъ осмотръ послѣдняго храма, отправились въ гостиницу. Проходимъ мимо высокаго холма, который зовется «Горой свѣжей травы»: она вся покрыта густой, свѣтло-зеленой травой; ни одного деревца не видно на этой горѣ, округленныя вершины которой мягко рисуются въ вечернемъ небѣ. У подножія ея, недалеко отъ нашего отеля, расположенъ рядъ лавокъ, въ которыхъ продаются мѣстныя издѣлія изъ оленьяго рога, и прекрасные кинжалы и сабли съ ножнами въ формѣ обыкновенныхъ палокъ.

Японскій обѣдъ, приготовленный намъ въ гостиницѣ, оказался очень печальнымъ, и хотя наши хозяева взяли за него ровно въ 10 разъ больше того, что онъ стоилъ, мы, всетаки, очутились бы въ положеніи голодающихъ, если бы не остатки нашей провизіи, взятой изъ Кіото. Эти хитрые японцы, вѣроятно, сочли, что окружающая насъ обстановка въ состояніи заставить забыть все, и что при ней даже плохой обѣдъ сойдетъ за хорошій. А дѣйствительно, какая прелесть кругомъ! Чистота въ комнатахъ идеальная; каждая изъ нихъ напоминаетъ внутренность бомбоньерки. Хотя намъ принесли стулья, но мы сидимъ на циновкахъ: не идетъ эта грубая европейская мебель къ оригинальной изящной обстановкѣ японскаго дома; да и такъ пріятно, снявъ обувь, поваляться на этомъ мягкомъ полу, отъ котораго пахнетъ какой-то странной травой. Предъ нами, съ одной стороны «Гора свѣтло-зеленой травы», по тропинкамъ которой движутся вереницы темныхъ фигурокъ японцевъ, большихъ любителей горныхъ экскурсій; съ другой—густые, темные парки храмовъ.

Хозяйка предлагает взять ванну. Тут же въ саду стоять отдѣльный домикъ, родъ нашей бани. Ванная—довольно большая комната, съ каменнымъ поломъ, каменнымъ бассейномъ и сводчатымъ потолкомъ, красиво выкрашеннымъ; маленькая уборная блестятъ безукоризненной чистотой.

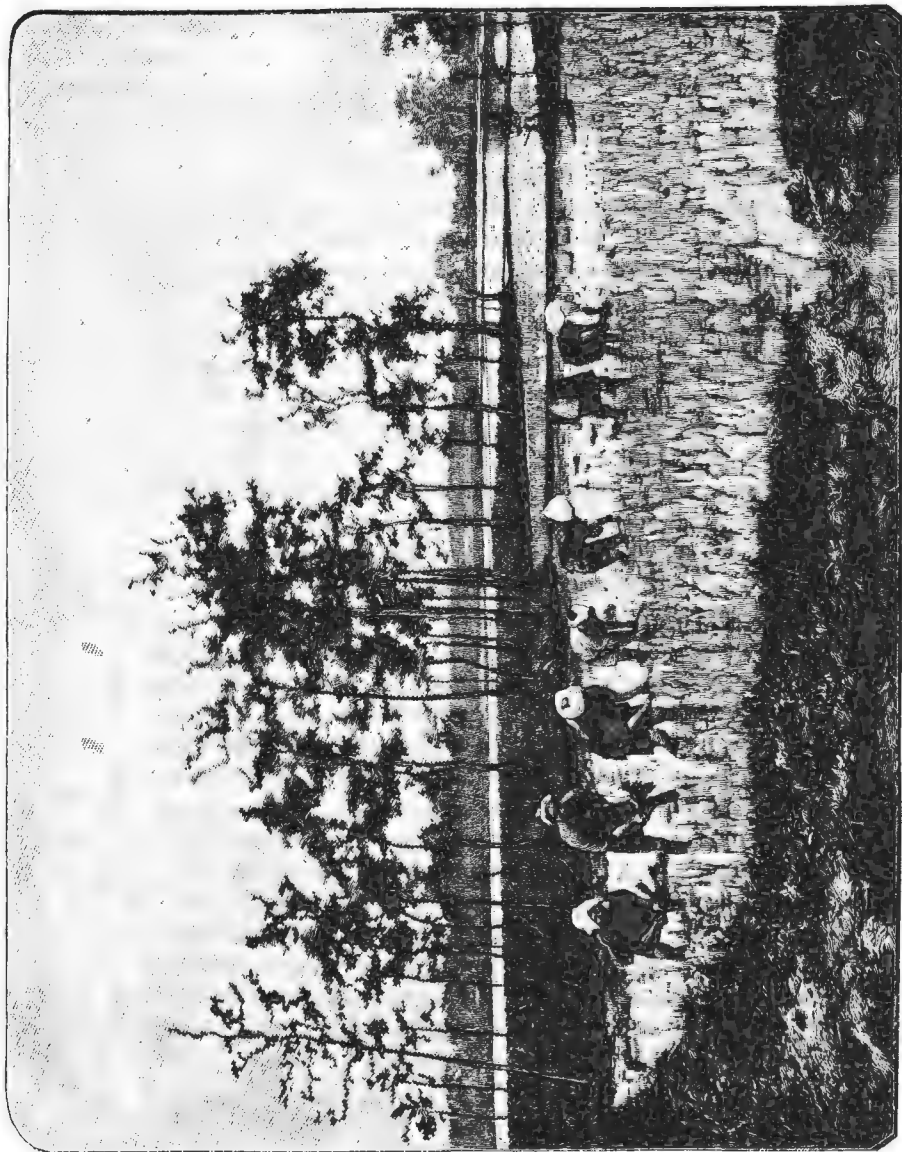
Настала ночь темная, звѣздная, теплая, пропитанная ароматами окрестныхъ горъ и лѣсовъ. Дневная усталость брала, однако, свое: волей-неволей пришлось задвинуть стѣны нашего домика и подумать о ночлегѣ. Намъ притащили множество толстыхъ одѣялъ, настлали ихъ другъ на друга, и въ результатѣ получились очень хорошія мягкія постели; но въ такихъ глухихъ мѣстахъ трудно найти постельное бѣлье, и, отправляясь въ подобное путешествіе, его надо имѣть съ собою.

На другой день, съ ранняго утра, мы снова принялись за осмотръ храмовъ и другихъ мѣстныхъ достопримѣчательностей. Изъ нихъ упомяну только о пяти-этажной деревянной пагодѣ, построенной въ 730 г. нашей эры, и небольшомъ храмѣ, который на шесть лѣтъ старше своей почтенной сосѣдки. Оба эти старика производятъ такое впечатлѣніе, что они простоятъ еще много вѣковъ, если только не будутъ истреблены пожаромъ: они точно закаменѣли. Передъ храмомъ растетъ чудовищная сосна, толстыя вѣтви которой подпираются снизу множествомъ деревянныхъ подпорокъ; эта сосна была посажена великимъ буддійскимъ священникомъ Кобо-Дайши тысячу лѣтъ тому назадъ, какъ постоянное приношеніе, вмѣсто цвѣтовъ, которые буддисты приносятъ ежедневно въ храмъ, какъ жертву богу.

Неподалеку отсюда лежитъ прекрасный прудъ, наполненный сотнями священныхъ рыбъ. Съ этимъ прудомъ связана слѣдующая поэтическая японская легенда: при дворѣ одного изъ императоровъ, жившихъ въ Нарѣ, была красавица фрейлина; много придворныхъ ухаживало за ней; многіе знатные господа предлагали ей руку и сердце, но она всѣмъ отказывала, потому что любила втайнѣ самаго микадо; послѣдній, наконецъ, обратилъ на нее вниманіе, но вскорѣ бросилъ ее; тогда покинутая красавица ночью утопилась въ этомъ самомъ пруду. Японцы и японки донынѣ ходятъ къ нему, какъ у насъ нѣкогда ходили къ тому знаменитому пруду, гдѣ утопилась Карамзинская «Вѣдная Лиза».

Окончивъ осмотръ Нары и пользуясь хорошей погодой, мы тронулись въ Осаку. Выѣхали мы часовъ въ 12-ть. Кругомъ Нары, въ особенности къ югу отъ нея, разбросано множество буддійскихъ монастырей. Возникновеніе ихъ относится къ тому времени, когда Нара была еще царственнымъ городомъ Японіи. Вплоть до города Коріяма мы ѣдемъ по священной землѣ. Говорятъ, что Нара, во времена своего процвѣтанія, простиралась до стѣнъ этого города. Все время, направо и налѣво отъ пути, предъ нами видѣются высоко выдающіяся надъ остальными зданіями крыши храмовъ

Посадка риса.

и многоэтажные пагоды. Коряма—небольшой городокъ съ 15-тысячнымъ населеніемъ, лежитъ на ровной низменной мѣстности. Единственная достопримѣчательность его — развалины стариннаго княжескаго замка.

Пересѣкаемъ рѣку Томино-Гаву и ѣдемъ нѣкоторое время полями золотистаго, совсѣмъ уже созрѣвшаго хлѣба. Во многихъ мѣстахъ хлѣбъ уже скошенъ. Впрочемъ, слово «скошенъ» не идетъ здѣсь: японцы не косятъ и не жнутъ своего хлѣба, какъ наши крестьяне, а тщательно срѣзаютъ каждый колосъ ножницами, почти у самаго основанія его. Такимъ образомъ, хлѣбъ не осыпается отъ грубыхъ ударовъ косою или серпомъ, и зерно не теряется, такъ какъ колосья падаютъ не на землю, а въ корзины. Подобный способъ уборки хлѣба возможенъ, конечно, при миниатюрности здѣшнихъ полей и облегчается огороднымъ способомъ посѣва, вслѣдствіе котораго къ каждому кустику колосевъ можно подойти, не рискуя измять сосѣднюю грядку. Солома, то-есть стебли, остающіеся послѣ срѣзки колосевъ, вырываются затѣмъ руками, причемъ земля у корней тщательно здѣсь же отряхивается, и идутъ на кормъ буйволамъ, или сжигаются для удобренія.

По дорогѣ дальше мы останавливаемся у Хозни-у-джи, одного изъ семи великихъ монастырей Нары; онъ былъ основанъ въ 607 году и представляетъ старѣйшій монастырь Японіи; пагода и главный храмъ его суть самыя древнія деревянныя постройки въ странѣ: ихъ возрастъ равняется болѣе, чѣмъ 12¹/₂ вѣкамъ. Монастырь этотъ представляетъ цѣлый городъ храмовъ, часовенъ и другихъ священныхъ зданій, наполненныхъ драгоценнѣйшими памятниками японскаго искусства. Цѣнность собранныхъ здѣсь сокровищъ обратила на себя вниманіе нынѣшняго правительства, которое и ассигновало въ 1887 году десять тысячъ долларовъ на поддержку этого національнаго музея. Я не стану описывать его: это было бы слишкомъ долго, скучно и утомительно. Назову только то, что мнѣ больше всего бросилось въ глаза: въ одномъ храмѣ стѣны буквально закрыты сверху до низу множествомъ металлическихъ зеркалъ различной величины и массой короткихъ сабель. Это — все жертвы мужчинъ и женщинъ, молитвы которыхъ о восстановленіи здоровья, принесенныя въ этомъ храмѣ, были услышаны. Въ другомъ священномъ зданіи находится колоссальная картина, изображающая смерть Будды и главные восемь періодовъ его жизни. Въ третьемъ храмѣ имѣется зала, представляющая, какъ говорятъ, точную копию съ главной пріемной залы въ бывшемъ Нарскомъ дворцѣ. Еще въ одномъ зданіи я помню стѣны, росписанныя буддѣйскими картинами: работа чудная, рѣзко отличающаяся отъ работъ туземныхъ мастеровъ; она весьма древняго происхожденія и приписывается корейскимъ художникамъ VII—VIII вѣка нашей эры.

За монастыремъ опять потянулись поля. Чаю здѣсь меньше,

все больше ячмень и пшеница; на поляхъ—множество женщинъ, убирающихъ хлѣбъ: онѣ не сгибаются въ три погибели, какъ наши жнеи, а только слегка наклоняются; лѣвой рукой онѣ захватываютъ пучекъ колосевъ, а правой срѣзаютъ его, какъ мы срѣзаемъ цвѣты. Собранные колосья сушатся затѣмъ на солнцѣ. Въ деревняхъ, которыя мы проѣзжаемъ, повсюду виднѣются цыновки съ разостланнымъ на нихъ для просушки хлѣбомъ; когда зерно достаточно высохло, женщины и дѣти постарше легко вылуциваютъ его, растирая колосъ руками; чистое зерно снова сушится на солнцѣ. Погода хмурится, собирается какъ будто дождь. Начинаютъ попадаться крестьяне въ своихъ дорожныхъ уборахъ на случай ненастья, т. е. въ накидкахъ, или плащахъ изъ грубо-сплетенной соломы, наброшенныхъ сверху на кимоно, полы котораго высоко подвязаны кверху; на голову нахлобучена большущая шляпа въ видѣ зонтика, защищающая и отъ солнца и отъ дождя. Удивительно-комичную фигуру представляютъ одѣтые въ такой костюмъ ребяташки.

Рядомъ съ полями, покрытыми сжатымъ хлѣбомъ, встрѣчаются и поля, залитыя водой и уже совсѣмъ готовые для рисоваго посѣва, или еще только запахиваемыя. Тяжелую картину представляетъ японская пашня, на которой грузно тащатся, утопая по колѣни въ жидкой грязи, и пахарь, и его вѣрный слуга—буйволъ, или конь, запряженные въ первобытный плугъ. Цѣль запашки здѣсь сначала взбить землю въ мельчайшій порошокъ, а затѣмъ, когда поле залито водой и жидкими удобреніями, перемѣшать основательно землю съ этими веществами. Тамъ и сямъ виднѣются крестьяне, сажающіе уже рисъ. Длинными палками они дѣлаютъ правильные ряды отверстій въ мягкой, вязкой, влажной землѣ, а женщины осторожно вкладываютъ въ каждое отверстие пучекъ рисовой рассады, который затѣмъ тщательно укрѣпляется той же землей. Все время затѣмъ крестьяне очищаютъ поле отъ сорныхъ травъ и поливаютъ жидкими удобреніями. Когда рисъ начинаетъ созрѣвать, поле окончательно осушаютъ и жатву собираютъ между половиной сентября и концомъ октября.

Бѣдемъ дальше. Мѣстность понемногу становится холмистой. Предъ нами рѣка Ямато-гава, черезъ которую перекинуть мостъ. Извилистая долина рѣки очень красива: кругомъ холмы, покрытые лѣсомъ; у подножія ихъ и по склонамъ—множество деревень. Большое оживленіе по дорогѣ.

Наши люди всю дорогу подбадриваютъ другъ друга; говоръ и смѣхъ у нихъ не прекращаются. Что за удивительно-выносливый народъ!

Но вотъ и Осака. Мчимся по безконечнымъ торговымъ улицамъ города, именно мчимся; небо вотъ-вотъ прыснетъ майскимъ ливнемъ. Проѣзжаемъ по длинной, многолюдной улицѣ, дома которой состоятъ главнымъ образомъ изъ кондитерскихъ. Запахъ пекущагося сладкаго тѣста аппетитно разносится по воздуху; въ магази-

нахъ, наполненныхъ горами бисквитовъ всевозможнаго вида и формы, стоятъ ящики, въ которыхъ тутъ же и укладываютъ этотъ сладкій товаръ. Еще нѣсколько поворотовъ, и мы въ отелѣ Джиутей, единственной мѣстной гостинницѣ, устроенной на европейскій ладъ. Мы провели здѣсь нѣсколько дней, знакомясь съ Осакой и ея достопримѣчательностями.

Рѣка и цѣлая сѣтъ глубокихъ каналовъ, пересекающихъ городъ по всѣмъ направленіямъ, дали европейцамъ поводъ прозвать его Японской Венеціей.

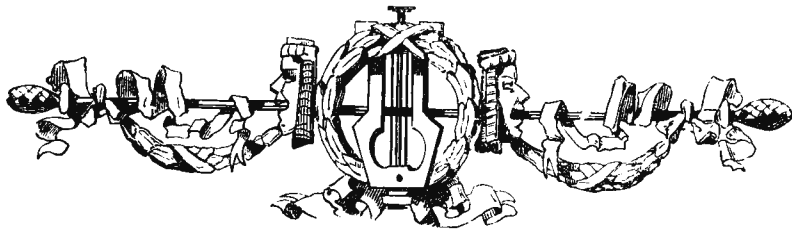
Такъ какъ Осака—одинъ изъ самыхъ богатыхъ, промышленныхъ и бойкихъ центровъ Японіи, то сюда стекается множество артистовъ, танцовщицъ, гейшъ и фокусниковъ, славящихся на весь міръ своей удивительной гибкостью и ловкостью. Здѣсь есть цѣлый большой кварталъ, наполненный почти исключительно театрами. Нѣкоторыя новыя театральныя зданія очень изящны и украшены прекрасной рѣзьбой. Всѣ они построены изъ дерева. На главномъ фасадѣ ихъ красуются огромныя вывѣски, изображающія эффектныя яркія сцены изъ разыгрываемыхъ пьесъ, или же какіе нибудь фокусы, вродѣ проглатыванія сабель и т. п. Среди театровъ разбросаны кухмистерскія, лавчонки съ разными туземными лакомствами и шикарныя рестораны. Словомъ, и «хлѣба», и «зрѣлищъ» здѣсь достаточно. Рестораны, двухъ—трехъ этажныя зданія, со всевозможными украшеніями въ видѣ легкихъ галлерей и затѣйливыхъ балкончиковъ, постоянно полны публики. Осака кипитъ жизнью: по рѣкѣ и каналамъ плывутъ сотни барокъ, нагруженныхъ товарами, снуютъ пароходики и шлюпки; на улицахъ господствуетъ большое оживленіе; магазины, мастерскія, увеселительныя заведенія кишатъ народомъ.

Постоянная выставка и базаръ (канкоба) Осаки заслуживаютъ особеннаго вниманія по величинѣ, богатству и разнообразію выставленныхъ въ нихъ предметовъ: они даютъ хорошее представленіе о промышленности страны вообще и о предметахъ, производящихся въ самой Осакѣ и ея окрестностяхъ въ особенности. Городская цитадель, или замокъ, являющаяся одною изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Осаки, есть колоссальное сооруженіе, насчитывающее больше трехъ сотенъ лѣтъ своего существованія. Когда-то въ немъ находился дворецъ правителей страны (шогуновъ), но онъ сгорѣлъ до основанія, и теперь здѣсь помѣщается часть войскъ мѣстнаго гарнизона.

О монетномъ дворѣ, единственномъ въ странѣ учрежденіи для чеканки монеты, скажу только, что работа производится здѣсь современными европейскими паровыми машинами, но весь персоналъ служащихъ, начиная отъ директора до послѣдняго рабочаго, теперь исключительно состоитъ изъ японцевъ.

Женщина-врачъ А. А. Черевкова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЦЕНзуРА ПРИ НАПОЛЕОНѢ III.

ВЪ ПАРИЖѢ, неизвѣстнымъ авторомъ, скрывшимъ свое имя подъ тремя звѣздочками, издана недавно интересная книга «La censure sous Napoléon III», представляющая весьма курьезный сборникъ донесеній комитета парижской театральной цензуры министру внутреннихъ дѣлъ, за время съ 1852 по 1865 годъ, обо всѣхъ представленныхъ на разсмотрѣнiе комитета пьесахъ, которыя цензоры вовсе не находили возможнымъ допустить къ представленiю, или въ которыхъ требовали, по своимъ соображенiямъ, разныхъ выпусковъ и измѣненiй. Всѣ эти цензорскiя требованiя подробно и обстоятельно мотивированы въ донесенiяхъ комитета и иногда еще иллюстрированы письмами и прошенiями злосчастныхъ авторовъ и резолюцiями министра на представленныхъ ему докладахъ. Непонятно, какимъ образомъ попали въ руки неизвѣстнаго автора эти документы совершенно официальнаго и къ тому же конфиденциальнаго характера, и авторъ въ предисловiи къ своему сборнику уклончиво говоритъ, что «объясненiе было бы слишкомъ длинно и не представило бы интереса для читателей». Впрочемъ, далѣе онъ прибавляетъ: «Одинъ только случай игралъ въ этомъ роль; достаточно вспомнить, что послѣ 4-го сентября 1870 года архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ и другiя, до того времени тщательно закрытыя для всѣхъ учрежденiя, неоднократно посѣщали и пересматривали люди, стоявшiе тогда у власти». Какъ бы то ни было, но извлеченные изъ этого архива и собранные въ книгѣ документы перелистывать весьма интересно: въ этихъ донесенiяхъ

цензурнаго комитета мы нерѣдко знакомимся съ такъ называемыми «высшими правительственными соображеніями» и можемъ прослѣдить направленіе политическихъ и дипломатическихъ вѣяній Франціи того времени, искусно улавливаемыхъ тонкимъ чутьемъ господъ цензоровъ. А на ряду съ этимъ,—и въ томъ-то, пожалуй, и состоитъ главный интересъ и цѣль всего сборника,—въ немъ мы безъ труда можемъ собрать такой махровый букетъ цензорскихъ нелѣпостей, что предъ измышленіями французскихъ гасильниковъ готовы порой поблѣднѣть подвиги нашихъ пресловутыхъ доморощенныхъ Красовскихъ и Елагиныхъ, воспоминанія о которыхъ не разъ доставляли намъ столько минутъ самаго благодушнаго веселья.

Въ сборникѣ помѣщены отзывы комитета о семидесяти восьми пьесахъ разныхъ авторовъ. Всѣ лучшіе драматическіе писатели Франціи того времени проходятъ предъ нами въ этомъ печальномъ кортежѣ: Дюма отецъ и сынъ, Мюссе, Ожье, Сандо, де-Виньи, Деннери, Понсаръ, Барьеръ,—всѣхъ ихъ комитетъ взваливалъ одного за другимъ на свое прокустово ложе и распорядился ихъ произведеніями съ такою наивною безцеремонностью, которая могла оправдываться только глубиною «цивическаго чувства» господъ цензоровъ, какъ извѣстно, всегда и во всѣхъ странахъ желающихъ быть болѣе католиками, нежели самъ папа. Но, кромѣ французскихъ драматурговъ, попали въ лапы комитета и міровые гении—Гёте съ его «Фаустомъ», Шекспиръ съ «Королемъ Лиромъ»; досталось, между прочимъ, и нашему Гоголю съ состряпаннымъ кѣмъ-то переводомъ его «Ревизора». Мы ознакомимъ читателей съ болѣе интересными докладами комитета, помѣщенными въ сборникѣ въ хронологическомъ порядкѣ; для насъ тоже было бы излишнимъ трудомъ группировать цензорскія донесенія въ тѣ или другія категоріи по ихъ содержанію, и мы будемъ останавливаться на нихъ въ порядкѣ помѣщенія ихъ въ книгѣ.

Первыя донесенія въ книгѣ касаются знаменитой, съ тѣхъ поръ обошедшей театры всего міра и игранный на всевозможныхъ языкахъ, драмы Дюма-сына «*La dame aux camélias*». Комитетъ посвятилъ этой пьесѣ цѣлыхъ три доклада и въ нихъ съ ужасомъ вопіетъ о вредѣ и безнравственности этого произведенія, кончая каждый изъ своихъ докладовъ самымъ суровымъ и непоколебимымъ «*veto*». Тщетно авторъ къ каждому послѣдующему чтенію пьесы комитетомъ дѣлалъ въ ней измѣненія, указанныя предыдущимъ докладомъ,—цензора не смягчали своего благороднаго негодованія и, вѣроятно, выведенные, наконецъ, изъ терпѣнія писателемъ, надоѣдавшимъ имъ своимъ произведеніемъ, даже помѣстили въ официальномъ докладѣ глубокомысленное соображеніе, что только человѣкъ, самъ распутный и безнравственный, можетъ быть авторомъ подобной пьесы. Эту благосклонную атестацію Александръ Дюма узнаетъ только теперь, послѣ изданія разбираемой нами

книги, но слѣдуетъ прибавить, что въ то время всѣ усилія комитета цѣли своей не достигли: друзья писателя нашли случай прибѣгнуть къ вмѣшательству всеильнаго герцога Морни, человѣка, безспорно, гораздо болѣе распутнаго, чѣмъ былъ Дюма, по мнѣнію цензоровъ, но который, всетаки, любилъ литературу и самъ слегка ею занимался. Морни настоялъ на томъ, чтобы вопли комитета были оставлены безъ вниманія, пьесу разрѣшили поставить на театрѣ «Водевиля», и она прошла съ громаднѣйшимъ успѣхомъ.

Историческую драму Эмиля Ожье «Діана», гдѣ центральною фигурою является кардиналь Ришельё, и дѣло идетъ объ угрожающемъ его жизни заговорѣ политическихъ враговъ, комитетъ рѣшительно не одобрилъ. «Покушеніе на жизнь перваго министра, управляющаго всею политикою Франціи,—говорится въ докладѣ комитета,—не должно быть темою сценическаго представленія». Это курьезное заключеніе будетъ еще понятно, если мы вспомнимъ, что докладъ составляли прямые подчиненные министра внутреннихъ дѣлъ, но департаментскіе критики художественныхъ произведеній идутъ и далѣе. Такъ въ пьесѣ одинъ изъ заговорщиковъ, говоря о Ришельё, произноситъ стихъ: «Sa mort est juste, puisqu'elle est nécessaire». Эта красивая, эффектная фраза вызываетъ глубочайшее цензорское негодованіе и своимъ политическимъ смысломъ: «не слѣдуетъ бросать публикѣ мысли, что смерть перваго министра можетъ быть когда либо необходима», и въ то же время и въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ «жизнь человѣческая есть даръ Божій, и преступно оправдывать насильственное ея отнятіе». Эти умозаключенія перепуганныхъ членовъ комитета сдѣлали, однако, свое дѣло: драму «Діана» запретили, и она была дана лишь нѣсколько лѣтъ спустя, и послѣ того, какъ авторъ исключилъ изъ нея не мало лучшихъ стиховъ, указанныхъ цензорами.

Не посчастливилось и другой пьесѣ того же Ожье—извѣстной «Mariage d'Olympe». Комитетъ отказался допустить ее на сцену главнымъ образомъ изъ-за развязки, въ которой раньше авторъ заставлялъ стараго маркиза, узнавшаго прошлое и характеръ своей невѣстки, убить ее, спасая честь семьи и счастье племянника, притомъ убить съ согласія своей престарѣлой жены, благословлявшей его на это дѣло, и затѣмъ застрѣлиться. Все это, конечно, было найдено оскорбляющимъ и нравственность и религію, и комитетъ предложилъ писателю окончаніе собственнаго изобрѣтенія: маркизь долженъ убить Олимпію непредумышленно, мгновенно раздраженный ея дерзкимъ съ нимъ обращеніемъ; жена маркиза никакого участія въ этомъ убійствѣ не принимаетъ, и самъ онъ не кончаетъ самоубійствомъ, чтобы на глазахъ всей публики не уйти отъ искупленія своей вины надлежащимъ уголовнымъ судомъ. Эта благонамѣренная развязка, конечно, обезличивала все произведеніе, прямо уничижала ту мысль, которую хотѣлъ провести въ немъ

авторъ, но что за дѣло! — цензурная мораль была спасена, никакія «основы» не колебались. Ожъ очень хотѣлось видѣть свою піесу на сценѣ, а въ 1854 году конца Наполеоновскому режиму далеко еще не предвидѣлось, и онъ имѣлъ малодушіе согласиться на навязываемое ему измѣненіе. Съ новой своей развязкой пьеса была дана въ *Comédie Française*, но полного успѣха не имѣла, именно благодаря допущенному ея обезображенію. Только уже въ концѣ царствованія Наполеона III, когда правительство стало сдаваться на требованія либеральной оппозиціи и, между прочимъ, смягчило суровость цензуры, сдѣлалось возможнымъ возобновить драму съ ея дѣйствительнымъ, логическимъ и потрясающимъ окончаніемъ, и она имѣла громаднѣйшій, вполне заслуженный успѣхъ, сначала отнятый у нея заступившимися за куртизанку блюстителями нравственности и приличія.

Въ самый разгаръ Крымской кампаніи, когда во Франціи возникъ естественный интересъ ко всему русскому, кто-то вздумалъ перевести для театра *Porte-Saint-Martin* Гоголевскаго «Ревизора». Представленный комитету переводъ сначала не былъ имъ дозволенъ къ представленію, и такъ какъ дѣло касается піесы, составляющей лучшее украшеніе русской сцены, то мы приведемъ въ переводѣ все заключеніе представленнаго комитетомъ министру внутреннихъ дѣлъ доклада. «Комитетъ полагаетъ, что представленіе пьесы, все содержаніе которой состоитъ въ изобличеніи злоупотребленій, допускаемыхъ правительственными чиновниками, хотя бы и иностраннаго государства, не можетъ быть удобно и желательно, въ особенности на сценѣ бульварнаго театра. Смягчающимъ обстоятельствомъ является, правда, что въ пьесѣ изображаются дурные государственные и общественные порядки, существующіе именно въ Россіи, но и при всемъ томъ мы не можемъ согласиться, чтобы въ пьесѣ былъ выведенъ начальникъ почтовой части въ городѣ, имѣющій обыкновеніе, притомъ съ вѣдома, а слѣдовательно и одобренія губернатора (такъ называетъ комитетъ городничаго, не подѣскавъ иного слова для перевода), вскрывать поступающія въ почтовую контору письма». Это особо подчеркиваемое комитетомъ возмущеніе наивною любознательностью нашего милѣйшаго Шпекина головою выдаетъ заведенные тогда во Франціи порядки: какъ извѣстно, усиленная «перлюстрація» процвѣтала во время второй имперіи, и цензоры справедливо опасались той аналогіи, которую легко могла сдѣлать публика при указаніи со сцены на этотъ способъ правительства знакомиться съ мыслями и намѣреніями своихъ подданныхъ.

«Мы указали переводчику, — оканчиваетъ комитетъ свое донесеніе, — на вышеприведенное неудобство, и хотя онъ объясняетъ, что въ такомъ именно видѣ піеса разрѣшена цензурою и идетъ на театрахъ въ Россіи, но, тѣмъ не менѣе, мы предоставляемъ вопросъ рѣ-

пенію его превосходительства г. министра, сами же остаемся при томъ мнѣніи, что въ настоящемъ своемъ видѣ пьеса къ представленію допущена быть не можетъ». Въ концѣ концовъ министръ согласился съ заключеніемъ комитета, и роль Шпекина была измѣнена, такъ что онъ уже не дѣлалъ со сцены откровеннаго признанія о своей любознательности къ тайнамъ чужой корреспонденціи, а письмо Хлестакова къ своему пріятелю Тряпичкину, будучи небрежно запечатано, случайно раскрылось при переборкѣ писемъ въ почтовой конторѣ, и такимъ образомъ содержаніе его сдѣлалось извѣстнымъ. Съ этимъ измѣненіемъ пьеса дана была въ Парижѣ, подъ довольно ядовито придуманнымъ переводчикомъ названіемъ «Les Russes peints par eux-mêmes», но публикою не была понята, успѣха не имѣла и послѣ немногихъ представленій была окончательно снята со сцены.

Осенью 1854 года хотѣли поставить на театрѣ «Variétés» водевиль «La hausse des loyers», посвященный модному въ то время въ Парижѣ вопросу чрезвычайнаго вздорожанія квартиръ. Въ водевилѣ какой-то маленькій квартирантъ сначала мечетъ громы и молніи противъ алчности лавочника-домовладѣльца, но какъ только получаетъ возможность, хотя и ошибочно, считать себя хозяиномъ дома, въ которомъ живетъ, то сразу становится гораздо жаднѣе прежняго владѣльца и дѣлаетъ на всѣ квартиры, даже на собственную, такія надбавки, о какихъ и не мечталъ его предшественникъ. Чтò можетъ быть безобиднѣе и безличнѣе этой пустой вещицы, но комитетъ нашелъ и ее опасною и въ своемъ донесеніи министру называетъ ее «вреднѣйшею діатрибою противъ права собственности вообще, силащюся возстановить неимущіе классы общества противъ уважаемаго сословія собственниковъ и владѣльцевъ». Ничего подобнаго, разумѣется, и не снилось автору водевиля, который безъ всякаго зловреднаго умысла скропалъ его на текущую злобу дня, но «пуганья воробы» комитета высказались за рѣшительное недозволеніе пьесы къ представленію, приложивъ, впрочемъ, къ своему докладу, на усмотрѣніе министра, письмо къ послѣднему автору водевиля, просившаго объ отмѣнѣ постановленія комитета. Въ этомъ письмѣ незначительный, теперь забытый водевилистъ Любизъ изображаетъ довольно зло и желчно дѣйствительно незавидное положеніе драматическаго писателя. «Намъ запрещено,—пишетъ онъ,—касаться государственныхъ учреждений и соціальныхъ порядковъ; мы не можемъ выводить ни военныхъ, ни духовенства, ни чиновниковъ, и если у насъ теперь отнимаютъ даже лавочниковъ, то намъ только и останется, что осмѣивать... однихъ водевилистовъ. Но вѣдь если ничего нельзя писать и ставить на сцену, то публика перестанетъ ходить въ театры, и тогда не вздумается ли ей со скуки требовать чего нибудь посерьезнѣе запрещеннаго водевиля? Я позволяю себѣ думать, что нападки на домовладѣльцевъ

въ концѣ концовъ гораздо безопаснѣе для правительства, чѣмъ нападки послѣдняго на журналистовъ и писателей». Всѣ эти вѣскія замѣчанія Любиза, однако, не помогли, министръ поддержаль мнѣніе комитета, и водевилъ сценическихъ подмостковъ не увидѣлъ.

И на сколько притомъ серьезно вступилось правительство за «лабочниковъ», видно изъ того, что когда, спустя три года, опять попробовали было провести на сцену водевилъ «Garde à vous, portier!», также содержащій въ себѣ выходки противъ домовладѣльцевъ, то комитетъ снова завопилъ о «колебаніи священныхъ основъ собственности» и въ своемъ докладѣ уже прямо сослался на «распоряженіе г. министра о непроездѣ къ представленію піесъ, направленныхъ противъ капиталистовъ и собственниковъ вообще». И такъ и этому второму водевилю суждено было «отцвѣсти, не успѣвши расцвѣсть».

По поводу представленнаго въ комитетъ, сдѣланнаго Девикомъ и Кризафулли для одного изъ бульварныхъ театровъ перевода Шекспировскаго «Короля Лира», комитетъ составилъ очень оригинальное донесеніе, въ которомъ воспротивился дозволенію представить піесу, и, какъ бы вы думали, по какимъ основаніямъ? «Представленіе этой трагедіи,—разсуждаетъ комитетъ,—не смотря на всѣ несомнѣнныя ея достоинства (довольно наивно это выданное Шекспиру цензорское одобреніе!), можетъ возбудить, особенно въ публикѣ бульварнаго театра, нѣкоторыя нежелательныя сопоставленія и соображенія, которыя, быть можетъ, и не имѣли бы мѣста, еслибъ пьеса давалась на одной изъ лучшихъ сценъ Парижа, для публики избранной и литературно образованной. Зрители же болѣе низменныхъ классовъ общества не увидятъ въ ней ничего (sic!), кромѣ уничтоженія монархической власти въ образѣ этого короля, который такъ неосмысленно отрекается отъ власти и царства въ пользу дочерей и въ награду за то терпитъ отъ нихъ лишь оскорбленія, а затѣмъ нищимъ, въ сообществѣ одного только шута, бродить по сценѣ, пока окончательно не лишается разсудка». Къ счастью, такое по истинѣ каннибальское воззрѣніе на глубокомысленнѣйшій послѣ Гамлета характеръ Шекспировскаго творчества,—воззрѣніе, совершенно напрасно навязываемое комитетомъ «низшимъ классамъ общества», которые, конечно, явились бы гораздо болѣе осмысленными критиками этого гениальнаго произведенія, не было раздѣлено министромъ, вѣроятно, не совсѣмъ ласково отзывавшимся объ авторахъ доклада при чтеніи ихъ курьезныхъ измышленій. Докладъ утвержденъ не былъ, и «Король Лиръ» поставленъ и прошелъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Поль Фуше, передѣлавшій въ драму романъ Гюго «Notre-Dame de Paris», представилъ свою піесу въ комитетъ въ 1857 году, хотя семь лѣтъ тому назадъ, при несуществованіи тогда театральной цензуры, піеса уже давалась въ Парижѣ съ огромнымъ и совер-

шенно понятнымъ успѣхомъ. Но теперь комитетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ противъ дозволенія пьесы и, конечно, не столько изъ-за ея содержанія, сколько для того, чтобъ устранить возможность неминуемыхъ овацій Виктору Гюго, непримиримому врагу «маленькаго Цезаря» и его прихвостней. Тщетно Фүше, бывший только литературнымъ промышленникомъ, коверкалъ пьесу въ угоду комитету, выбрасывалъ изъ нея лучшія сцены, вычеркивалъ всѣ сколько нибудь рѣзкія выраженія, даже сдѣлалъ, наконецъ, Клода Фролло изъ священника просто иконописцемъ, а Квазимодо его лакеемъ, ничто не могло сломить упорство цензоровъ. Пять донесеній составлено ими объ этой пьесѣ, и въ нихъ подъ безсодержательными общими фразами о вредѣ и безнравственности драмы слышится личная, вполне «вѣрнопопданническая» ненависть къ автору романа. Министръ также, конечно, утвердилъ постановленіе комитета, и драма «Notre-Dame de Paris» такъ и не была дана.

Для театра «Odéon» назначена была историческая драма Шарля Эдмона «La Florentine». Дѣйствіе въ ней происходитъ во Франціи въ 1617 году, и она даетъ изображеніе придворныхъ интригъ и борьбы партій того времени. Комитетъ ее запретилъ, ссылаясь на рѣзкость нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы, но особенно указавъ на «возмутительную» фразу: «дорога къ власти—преступленіе!».. Конечно, съ цензорской точки зрѣнія такая фраза могла быть сочтена неумѣстнымъ намекомъ на свѣжій еще въ памяти Парижа декабрьскій переворотъ. Тщетно авторъ предлагалъ сдѣлать въ драмѣ всѣ измѣненія, какія отъ него потребуютъ, комитетъ не смягчился и изъ-за одной фразы, вѣроятно, брошенной неумышленно, но коловшей правительству глаза, пьесу окончательно запретили.

Драмѣ А. де-Виньи «Чаттертонъ» сильно досталось отъ комитета. Онъ не возражалъ противъ основной идеи пьесы и соглашался ее дозволить къ представленію, но немилосердно вычеркивалъ въ ней цѣлыя сцены и отдѣльныя фразы, въ родѣ «скоро люди признаютъ своимъ богомъ золотой слитокъ, а королемъ ростовщика-еврея» или «сколько уже было распято людей съ воображеніемъ и талантомъ! Нищета и презрѣніе приковываютъ ихъ къ кресту»... Въ этомъ обезображенномъ видѣ пьеса была дана, но успѣхъ имѣла самый скромный; конечно, онъ былъ бы гораздо больше, еслибъ комитетъ не приложилъ къ драмѣ своихъ отеческихъ попеченій.

О комедіи Дюма-сына «Le fils naturel» комитетъ далъ слѣдующій отзывъ: «Пьеса написана чрезвычайно умно и талантливо; благороднѣйшія чувства, въ особенности семейное, въ ней преобладаютъ; ничто ни въ замыслѣ пьесы, ни въ отдѣльныхъ сценахъ и фразахъ не способно оскорбить нравственности». Казалось бы, послѣ этого можно было дозволить комедію обѣими руками, однако ко-

митетъ неожиданно оканчиваетъ свое донесеніе: «Но такъ какъ въ этомъ трудѣ, замѣчательномъ въ столькихъ отношеніяхъ, авторъ касается нѣкоторыхъ социальныхъ вопросовъ извѣстной важности, то, быть можетъ, было бы благоразумнѣе пьесу къ представленію не дозволять». Впрочемъ, министръ не согласился съ этимъ диковиннымъ переходомъ изъ мажорнаго тона въ минорный, и драма съ успѣхомъ была поставлена на театрѣ «Gymnase».

Препятствіе подобнаго же рода встрѣтила и пьеса Леона Гозлана «Il faut que jeunesse se paye». Герой ея, молодой офицеръ, по неопытности и пылкости чувствъ запутывается въ очень сложную интригу, могущую окончиться для него весьма неблагоприятно, но, опомнившись во-время, разрываетъ опутывавшія его сѣти, и все оканчивается благополучно, торжественнымъ наказаніемъ порока и побѣдою свихнувшейся было добродѣтели. Комитетъ изрекъ: «Совершенно признавая, что комедія полна достоинствъ, задумана съ цѣлью безспорно нравственною, мы сожалѣемъ, что авторъ, для проведенія своей мысли, придалъ герою професію, которая должна быть вполне ограждена отъ возможности выставять ее, хотя бы временно и случайно, въ сколько нибудь неблагоприятномъ свѣтѣ». Поэтому комитетъ полагалъ дозволить пьесу, только если герой ея сдѣланъ будетъ статскимъ, но такъ какъ этого сдѣлать было нельзя, не разрушая всего сюжета, то комедію и не дали, не смотря на объясненія автора, что его офицеръ не дѣлаетъ вѣдь ничего преступнаго и къ развязкѣ пьесы остается вполне честнымъ человѣкомъ.

Дѣйствіе драмы Бушарди «L'esclave Micaël» происходило въ Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и узелъ сюжета заключался въ обрисованныхъ рѣзкими красками отношеніяхъ помѣщика, русскаго князя, къ своимъ крѣпостнымъ. Комитетъ,—это было въ 1859 году,—нашелъ, что въ виду стараній тогдашняго французскаго правительства по возможности сблизиться съ Россіей было бы не тактично давать пьесу, которая изображеніемъ въ ней ужасовъ крѣпостнаго гнѣта могла бы названному государству дать поводъ къ недовольству. «Если, впрочемъ,—глубокомысленно заключаетъ комитетъ свой докладъ,—изъ драмы будетъ вовсе исключенъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и порождаемыхъ имъ отношеніяхъ, то пьесу можно дозволить». Комитетъ только немножко не сообразилъ: если исключить изъ драмы этотъ вопросъ, на которомъ исключительно она и построена, то что же останется отъ самой пьесы?

Точно также по дипломатическимъ соображеніямъ запрещена была драма «La guerre des Indes», которая рядомъ картинъ изображала возстаніе сипаевъ и взятіе Дели. Пьеса была безспорно плоха, скомпонована наскоро и назначалась для театра Hippodrome, какъ интересовавшая парижскую публику «actualité». Однако, не ничтожностью ея объяснялась постигшая пьесу судьба, а специаль-

ными «высшими соображеніями», въ которыхъ комитетъ даже запутался до нѣкоторой степени въ своихъ двухъ донесеніяхъ министру. Сперва комитетъ представилъ заключеніе, что драму допускать къ представленію не слѣдуетъ, такъ какъ она рисуетъ въ оскорбительномъ для англійскаго самолюбія видѣ возмутительное и жестокое управленіе Англіею индійскими владѣніями, бывшее причиною возстанія въ нихъ. Но затѣмъ послѣдовалъ новый докладъ, что, не смотря на указанное обстоятельство, повидимому, слѣдуетъ разрѣшить пьесу, такъ какъ въ то время, вслѣдъ за окончаніемъ Крымской кампаніи, гдѣ Франція и Англія совмѣстно боролись съ Россіей, между обоими союзными государствами послѣдовала, какъ извѣстно, все увеличившаяся холодность, «и потому французскому правительству, можетъ быть, именно желательно было бы постановкою подобной пьесы сдѣлать Англіи извѣстную непріятность и тѣмъ,—если, конечно, это имѣется въ виду,—усилить возникшее со стороны Англіи враждебное къ Франціи отношеніе». Эти тончайшія и глубокомысленнѣйшія соображенія комитетъ подвергъ усмотрѣнію министра, и послѣднимъ, по сношеніи съ императоромъ Луи-Наполеономъ, рѣшено было, наконецъ, чтобы не усложнять событій, драму «*La guerre des Indes*» на сценѣ не ставить.

Комедию Арсена Гуссе «*Le Roi Soleil*» комитетъ запретилъ тоже по весьма оригинальному соображенію: не за то, что, можетъ быть, было въ пьесѣ вреднаго и въ цензурномъ отношеніи недопустимаго, а именно за то, чего въ ней вовсе не было. Въ самомъ дѣлѣ, комитетъ въ своемъ донесеніи призналъ, что комедія эта не можетъ оскорбить ни нравственнаго чувства, ни монархическаго принципа, что противъ личности самого Людовика XIV или членовъ королевской семьи въ ней нѣтъ рѣшительно никакихъ неумѣстныхъ и оскорбительныхъ выходовъ. «Но къ крайнему сожалѣнію,—говоритъ комитетъ,—авторъ изображаетъ въ своемъ произведеніи исключительно придворныя интриги, любовныя похождения, балы и празднества, роскошную дворцовую жизнь, и ни словомъ не касается дѣйствительныхъ дѣяній славнаго царствованія, мѣръ внутренней политики, блестящихъ завоеваній, какъ будто бы Людовикъ XIV получилъ названіе «*короля-солнца*» только за то, что веселился въ кругу своихъ приближенныхъ, мѣнялъ своихъ любовницъ и удивлялъ Францію и всю Европу великолѣпіемъ и роскошью придворной обстановки». Положимъ, такъ оно, въ сущности, и было, но не комитету, конечно, въ этомъ признаваться, и мы такимъ образомъ видимъ, что пьесу постигло запрещеніе только за то, что она написана не такъ, какъ хотѣлось бы господамъ цензорамъ. За это до сихъ поръ нигдѣ еще авторовъ не карали, но пьесу, всетаки, не позволили поставить, хотя Гуссе и предлагалъ даже замѣнить названіе «*Le Roi Soleil*» какимъ угодно другимъ по усмотрѣнію комитета.

Не прошелъ чрезъ «Кавдинскіе фуркулы» комитета и Гетевскій «Фаустъ», приспособленный для сцены и въ сущности сильно искалѣченный извѣстнымъ драматургомъ Деннери. Но и здѣсь комитетъ разсуждаетъ не съ точки зрѣнія литературнаго вкуса, вступается не за неуважительное обращеніе съ геніальнымъ произведеніемъ, а ставитъ исключительно свои цензурныя соображенія, между другими доводами говоря, на примѣръ, что неумѣстно допускать, чтобы богъ какъ бы держалъ пари съ дьяволомъ о судьбѣ Фауста и вообще нельзя придавать Мефистофелю слишкомъ много могущества и силы, сколько духу тьмы не приписывается ученіемъ христіанской религіи. Эта маленькая лекція богословія одобрена была и министромъ, и хотя Деннери было предложено, чтобъ видѣть на сценѣ своего «Фауста», еще немножко его передѣлать, но на это писатель уже не осмѣлился.

Театръ du Boulevard du Temple пожелалъ возобновить въ 1860 году драму «Les cosaques» Арно и Жюдиси, дававшуюся уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Комитетъ, однако, этому воспротивился, и вотъ что говоритъ онъ въ своемъ донесеніи: «Пьеса «Les cosaques» имѣла успѣхъ восемь лѣтъ тому назадъ, благодаря исключительно враждебнымъ отношеніямъ, существовавшимъ тогда между Франціей и Россіей. Постановка этой пьесы произвела, какъ говорятъ, живое впечатлѣніе въ С.-Петербургѣ, которое не осталось безъ вліянія (?) на политическія событія, имѣвшія результатомъ объявленіе войны. Но славный миръ и очевидное сближеніе двухъ государствъ, которое Англія въ своемъ опасеніи считаетъ уже союзомъ, замѣнили прежнюю вражду, и потому не было бы умѣстно возобновлять произведеніе, рисующее Россію, по крайней мѣрѣ, со стороны ея военныхъ силъ, страню не европейскою и мало цивилизованною».

Той же участи запрещенія подверглась въ 1863 году и драма неизвѣстнаго автора «Les polonais», посвященная польскому возстанію 1831 года и изображающая поляковъ героями мужества и добродѣтели, а русскихъ извергами и палачами. Хотя въ то время и французскій народъ и правительство сочувствовали вторичной попыткѣ поляковъ отложиться отъ Россіи, и съ этой точки зрѣнія представленіе подобной пьесы могло даже содѣйствовать правительственнымъ видамъ, но комитетъ все же представилъ вопросъ усмотрѣнію министра. И такъ какъ въ сущности Луи-Наполеонъ, въ своихъ расчетахъ, только обнадеживалъ польскихъ инсургентовъ обѣщаніями помощи и заступничества, а до открытаго разрыва съ Россіей доводитъ вовсе не хотѣлъ, то пьеса была запрещена, изъ опасенія обострить и безъ того уже натянутыя отношенія.

Одновременно съ предъидущей пьесой запрещена была и другая—комедія «L'étrangère», которая тоже изображала русскихъ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ. Въ этой комедіи, а вѣрнѣе

фарсѣ, дѣло шло о любовныхъ похиженіяхъ парижскихъ дамъ высшаго общества, и во главѣ этой разгульной компаніи поставлена русская княгиня Измайлова. Среди другихъ скабрзныхъ выходокъ, она забирается въ квартиру великосвѣтской кокетки Нины Каструччи и, удаливъ ту подъ какимъ-то предлогомъ, занимаетъ на вечеръ ея мѣсто и принимаетъ посѣтителей, въ томъ числѣ своего мужа, думающаго, что онъ имѣетъ дѣло съ кокеткой, и представленнаго расслабленнымъ, отвратительнымъ кретиномъ. Все это грязно, неправдоподобно и просто бессмысленно и, запретивъ такую комедію, комитетъ былъ безусловно правъ, кажется, единственный разъ во всей разбираемой нами книгѣ.

Мы закончимъ пересмотръ этой книги исторіей постановки на сцену исторической драмы Луи Булье «Faustine». Драма эта, не лишенная серьезныхъ достоинствъ, но въ сущности сухая и не особенно сценичная, посвящена была исторіи Рима въ царствованіе императора Марка-Аврелія. Она представлена была комитету въ октябрѣ 1863 года, какъ предназначенная для театра Porte-Saint-Martin. Комитетъ, находя ее «написанною въ самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ», одобрилъ ее къ постановкѣ и только нашель, въ своемъ донесеніи, что слова «императоръ», «имперія», которыя по условіямъ сюжета, разумѣется, въ ней часто повторяются, слѣдовало бы замѣнить: въ первомъ случаѣ собственнымъ именемъ Марка-Аврелія, а во второмъ словами: Римъ, государство, отечество, такъ какъ не всѣ лица драмы поклонники и сторонники цезаря, и обширной партіи его политическихъ враговъ, даже умышляющихъ въ пьесѣ на его жизнь, иногда приходится произносить выраженія: «жалкая имперія», «презрѣнный императоръ». «А подобныхъ сочетаній,— прибавляетъ комитетъ,—отнюдь не слѣдуетъ провозглашать со сцены, чтобы не давать зачастую враждебно къ правительству настроенной публикѣ поводовъ дѣлать хоть и совершенно неосновательныя, но тѣмъ болѣе неумѣстныя сопоставленія, иногда служащія даже причиною возникающихъ въ театрѣ прискорбныхъ скандаловъ». Въ поясненіе этой кудрявой, хоть и нѣсколько запутанной фразы, мы должны прибавить, что въ то время настроеніе если не всей еще Франціи, то, по крайней мѣрѣ, Парижа, совершенно разувѣрившагося въ прелестяхъ Луи-Наполеоноваго режима, было далеко не благоприятно и императору, и его правительству. Повторялись случаи уличныхъ скандаловъ, гдѣ освистывали нѣкоторыхъ министровъ и высшихъ сановниковъ, но особенно часты были скандалы въ театрахъ, гдѣ молодежь, журналисты, студенты, художники, ловили въ пьесахъ возможность воспользоваться для своихъ цѣлей какойнибудь фразой или сценой и горячо аплодировали всякому враждебному намеку на современные событія. Поэтому-то комитетъ и опасался за выраженія въ родѣ «презрѣннаго императора», предполагая, что оно можетъ быть отнесено зрителями не къ римскому,

а къ французскому властителю... Авторъ драмы сдѣлалъ требуемую комитетомъ замѣну нѣкоторыхъ выраженій, но когда пьеса читалась во второй разъ, то цензоры увидѣли въ ней еще одно серьезное неудобство, ускользнувшее отъ ихъ вниманія при первомъ чтеніи. Во второмъ актѣ драмы происходитъ даваемый Фаустиною праздникъ, и дѣйствующія лица весело пируютъ, какъ вдругъ входитъ глава сената Рутіліанъ и восклицаетъ: «императоръ скончался!». Пораженные этимъ извѣстіемъ, которое въ слѣдующемъ актѣ оказывается, однако, ложнымъ, пирующие мгновенно прекращаютъ танцы, бросаютъ кубки, застольныя пѣсни замолкаютъ, огни тухнутъ, и дѣйствіе кончается среди смятенія и криковъ разбѣгающихся гостей. Комитетъ остановился на этой сценѣ и выразилъ сомнѣніе, будетъ ли она умѣстна, тѣмъ болѣе въ такое время, и еще на театрѣ, въ которомъ антиправительственныя выходки имѣли мѣсто всего чаще. «А что, если при объявленіи со сцены извѣстія о смерти императора публика, или хотя часть ея, зааплодируетъ? Не будутъ ли тогда правительство и самъ монархъ имѣть право обвинить прежде всего комитетъ за пропускъ пьесы, подавшей поводъ къ подобному скандалу!». Поэтому цензоры отказывались сами рѣшить вопросъ о пропускѣ драмы и предоставляли это министру. Послѣдній, лично высказываясь за разрѣшеніе, счелъ, однако, лучшимъ внести дѣло на заключеніе совѣта министровъ, а этотъ, когда въ концѣ января 1864 года докладъ о пьесѣ былъ выслушанъ, постановилъ, не запрещая пьесы, отложить, однако, ея постановку на нѣкоторое время. Но тогда министръ внутреннихъ дѣлъ сталъ настаивать уже на совершенномъ отказѣ въ дозволеніи, потому что какъ разъ въ январѣ было произведено на жизнь Луи-Наполеона неудавшееся покушеніе Орсини, а въ драмѣ Булье есть и сцена заговора противъ Марка-Аврелія и сдѣланное на него покушеніе. Опять благодарный для публики предлогъ къ «сопоставленіямъ», шуму и скандаламъ!... И такъ какъ въ прессѣ, живо интересовавшейся судьбою драмы, уже появились насмѣшливыя замѣтки, что комитетъ въ четыре мѣсяца не можетъ прочесть внесенной въ него пьесы, то, чтобъ покончить съ этимъ дѣломъ, оно было представлено на усмотрѣніе самого Луи-Наполеона. У того оказалось больше храбрости и благоразумія, чѣмъ у его чиновниковъ, и въ книгѣ напечатана коротенькая записка за подписью маршала Вальяна, извѣщающая, что «его величество изволилъ приказать, чтобъ пьеса Луи Булье «Faustine» была немедленно же и безъ всякихъ дальнѣйшихъ въ ней измѣненій передана дирекціи театра для постановки». Весною драма была дана, прошла безъ всякихъ скандаловъ, но успѣхъ имѣла лишь весьма незначительный и вскорѣ же снята была съ афиши...

Мы пересмотрѣли всю книгу, выбравъ изъ нея для передачи двадцать болѣе интересныхъ «дѣлъ» комитета о всевозможныхъ

драматическихъ произведеніяхъ. Но мы могли, еслибъ не боялись увеличить размѣры нашей статьи, привести изъ этого любопытнаго сборника гораздо болѣе выдержекъ. Такъ мы вовсе не останавливались на мелкихъ случаяхъ съ нѣкоторыми пьесами, гдѣ комитетъ, одобряя самое произведеніе, казнилъ и истреблялъ въ немъ какое нибудь одно, кажущееся ему зловреднымъ, словечко или фразу. Напримѣръ, въ пьесѣ «Henriette Maréchal» Гонкура отецъ даритъ дочери золотой крестикъ, говоря: «Носи эту маленькую бездѣлку». Фраза была вычеркнута, и даже предложено подарить вмѣсто крестика брошку или медальонъ. Въ какомъ-то водевилѣ посетитель ресторана требуетъ себѣ къ заказанной порціи салатъ «barbe de carpein». Это послѣднее выраженіе комитетъ нашелъ неумѣстнымъ и просилъ автора замѣнить его какимъ нибудь другимъ салатомъ. Въ комедіи «Coeur et la dot» Фелисьена Мальфиля, въ одномъ изъ актовъ дѣйствіе происходитъ въ саду, и героиня, сидя съ работой на скамьѣ, отмахивается отъ летающей вокругъ нея пчелы. «Эти противныя пчелы!» — наконецъ вскрикиваетъ она, разсердясь. Восклицаніе было запрещено по той причинѣ, что пчелы составляли такое же гербовое украшеніе фамиліи Бонапартовъ, какъ лилія дома Бурбоновъ. Мало того: комитетъ такъ тщательно оберегалъ отъ малѣйшихъ покушеній достоинство правительства, министровъ въ особенности, что въ пьесѣ Скриба и Легуве «Les doigts de fée» заставилъ маркизу Менневиль, добрую и благородную старушку, которая сперва по афишѣ была сестрою министра, сдѣлать сестрою директора желѣзнодорожной компаніи; одинъ водевилъ вообще запретили только потому, что онъ носилъ названіе «Un regard de ministre». Теперь все это, конечно, только смѣшно, но каково же было въ Наполеоновской Франціи положеніе драматическихъ писателей, которые должны были жить и работать при подобныхъ условіяхъ?...

Вл. З.

СЕКРЕТАРЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ОСЛѢ Ренана сошелъ въ могилу Тэнъ. Пять мѣсяцевъ онъ былъ безспорнымъ главаремъ современной французской литературы, не имѣя ни одного соперника, а теперь онъ исчезъ, не оставивъ прямого наслѣдника. Некому занять его мѣсто также просто, естественно и безъ малѣйшихъ пререканій, какъ онъ замѣнилъ Ренана. Самой крупной литературной личностью, конечно, представляется Золя, и ему тѣмъ болѣе приличествуетъ быть преемникомъ автора «Исторіи англійской литературы», что онъ прямой его ученикъ, примѣнившій къ роману знаменитую теорію позитивиста-критика о вліяніи наслѣдственности и среды, но многіе съ чисто литературной точки зрѣнія будутъ оспаривать права апостола натурализма на славное наслѣдіе Вольтера, Шатобріана, Виктора Гюго, Ренана и Тэна; уже раздаются подобные голоса, какъ, на примѣръ, авторитетное мнѣніе Эмиля Фагэ, профессора литературы въ Сорбоннѣ и выдающагося критика, который въ «Revue Bleue» категорически говоритъ, что надо ждать тридцать лѣтъ, пока найдется достойный преемникъ человѣка, царившаго впродолженіе двухъ поколѣній надъ французской учащейся молодежью. Дѣйствительно, главная заслуга Тэна заключалась въ томъ, что во время растлѣвающаго вліянія Декабрской имперіи онъ сумѣлъ втеченіе двадцати лѣтъ направлять молодые умы подростующихъ поколѣній къ трезвымъ, научнымъ занятіямъ, подъ руководствомъ строгаго научнаго, позитивистскаго метода. Его вліяніе было не менѣе вліянія Ренана, хотя по существу совершенно разнилось отъ него: Ренанъ указалъ новый путь французскому міросозерцанію второй половины XIX вѣка, а Тэнъ придалъ критикѣ и исторіи, а вмѣстѣ

съ тѣмъ всѣмъ занятіямъ учащейся молодежи новый, естественно-историческій методъ. Одинъ проповѣдовалъ идеи, а другой училъ искусству трезво, ясно отдавать себѣ отчетъ въ лабиринтъ идей и фактовъ, подвергая опытному изслѣдованію всѣ проявленія человѣческаго духа. Въ этомъ заключалось громадное различіе между ними, но, благодаря этому, Тэнъ уступалъ только Ренану преимство въ роли учителя современныхъ французскихъ поколѣній, и потому такъ трудно, по мнѣнію многихъ интеллигентныхъ французовъ, найти ему достойнаго преемника при теперешнемъ общемъ упадкѣ литературы. Онъ самъ находилъ, что его соотечественники отличаются предъ всѣми образованными націями характеристической особенностью, состоящей въ умѣніи просто, ясно, конкретно разобратъ между многочисленными, разнообразными, часто противорѣчивыми, фактами и придать каждой идеѣ понятную, блестящую, изящную форму. На основаніи этой выдающейся способности французовъ, онъ остроумно окрестилъ ихъ «секретарями человечества», и трудно придумать для него самого болѣе подходящее названіе. Это былъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ секретарь человечества; какъ способный, работающій, серьезный секретарь, онъ составлялъ блестящіе, полные, нѣсколько тяжеловѣсные, но зато изобилующіе фактами доклады человечеству о всѣхъ занимавшихъ его вопросахъ по исторіи, литературѣ и изящнымъ искусствамъ. Эти трезвые, научно-выработанные доклады, въ формѣ лекцій, книгъ и журнальныхъ статей составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ общечеловѣческую сокровищницу знанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ его работа была всегда чисто секретарская, и, внеся въ исторію и критику новый методъ, онъ не внесъ въ нихъ ни одной новой идеи. Поэтому Поль Буржэ въ своемъ очеркѣ о Тэнѣ въ «Essais de psychologie contemporaine» вполне правъ, не признавая его ни великимъ историкомъ, ни великимъ критикомъ, ни великимъ художникомъ, но ошибается только въ томъ, что считаетъ его философомъ во всѣхъ его трудахъ историческихъ, критическихъ, эстетическихъ и даже фантастическихъ. Нельзя быть истиннымъ философомъ, не имѣя опредѣленныхъ, глубокихъ идей, а довольствуясь только примѣненіемъ при обсужденіи всѣхъ вопросовъ строго научнаго пессимистическаго метода позитивистовъ, лишеннаго, однако, ихъ вѣры въ человечество. Отъ этого онъ и не былъ апостоломъ человечества, а только его секретаремъ. Не вѣря ничему, отрицающій всѣ возвышенныя стремленія и видя въ самой наукѣ только удобный методъ къ составленію своихъ докладовъ, этотъ секретарь человечества находилъ, по своимъ собственнымъ словамъ, задачей жизни: «слѣдовать своему призванію и искать въ громадномъ полѣ труда того мѣста, гдѣ можно съ болѣею пользою рыть свою борозду, или свою могилу». Онъ дѣйствительно оставилъ на великомъ полѣ умственнаго труда глубокую борозду, научивъ молодыхъ поколѣнія примѣнять

къ своимъ занятіямъ строго научный, позитивистскій методъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не служа проповѣдникомъ великихъ идей прогресса, а даже часто отрицая ихъ, онъ вырылъ себѣ могилу, оставивъ, по остроумному замѣчанію парижскаго публициста Лепельтье, послѣ столькихъ трудовъ по собранію самыхъ мелочныхъ фактовъ, тщательно изученныхъ имъ подъ микроскопомъ своего могучаго, но узкаго ума, только то, что, по его же словамъ, остается отъ греческаго искусства: «ясно видимая доселѣ пустота, гдѣ возвышался пьедесталъ Паллады, съ котораго исчезла ея великая фигура».

Жизнь Тэна, какъ всякаго ученаго, не представляетъ интересныхъ драматическихъ перипетій. Онъ родился въ Арденнахъ, въ маленькомъ городкѣ Вузье въ 1823 году, и насчетъ его дѣтства имѣются очень скудныя свѣдѣнія; извѣстно только, что онъ принадлежалъ къ небогатой буржуазной семьѣ, что отецъ его отличался литературными вкусами, что бабушка была англичанка, и что одинъ дядя, жившій долго въ Америкѣ, научилъ его очень рано английскому языку. Въ виду этихъ обстоятельствъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Тэнъ нисколько не походилъ на обычный типъ французскаго писателя и не отличался ни одной характеристической чертой гальской природы, а напротивъ скорѣе походилъ по внѣшности, характеру и строю ума на нѣмецкаго, или английскаго ученаго. Блестяще окончивъ курсъ въ Бонапартовскомъ лицей, онъ получилъ первую награду по риторикѣ на общемъ конкурсѣ всѣхъ парижскихъ школъ и первымъ поступилъ въ Нормальную школу, то-есть учительскую семинарію, гдѣ его товарищами были Абу и Сарсэ. Не смотря на блестящія способности Абу и общую любовь къ нему профессоровъ, считавшихъ его новымъ Вольтеромъ, Тэнъ, болѣе скромный, но болѣе основательный ученикъ, сумѣлъ поддержать втеченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ школѣ, свое преемство, но на окончательномъ экзаменѣ хотя онъ и получилъ по всѣмъ предметамъ лучшія отмѣтки, ему отказали въ выдачѣ диплома на степень «*agrégé de philosophie*», такъ какъ, по мнѣнію профессоровъ, онъ отличался слишкомъ независимымъ умомъ и слишкомъ смѣло проводилъ границу между философіей и католическимъ богословіемъ. Однако одинъ изъ его тогдашнихъ профессоровъ, Жюль Симонъ, свидѣтельствуетъ, что молодой Тэнъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ среди ученой молодежи, и что университетъ былъ вполне не правъ, отказавъ ему въ каедрѣ философіи подъ тѣмъ предлогомъ, что съ его идеями безопаснѣе учить дѣтей грамматикѣ въ провинціальныхъ лицеехъ. Подобная несправедливость возбудила общее негодованіе товарищей, которые считали Тэна великимъ философомъ, почтительно называли его «*monsieur Taine*» и таинственно сообщали другъ другу на ухо, что у него выработана своя система, которая перевернетъ вверхъ дномъ царившую тогда официальную философію Кузена. Дѣйствительно, въ двад-

Ишполять Тэвэ.

цать три года Тэнъ уже былъ настоящимъ ученымъ; у него были въ рукахъ всѣ орудія знанія: знакомство съ латинскимъ, греческимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, и привычка собирать, сортировать факты. Онъ уже прочелъ всю историческую и философскую библіотеку Нормальной школы, а также часть литературной, и выписалъ на отдѣльныхъ листкахъ нѣсколько тысячъ знаменательныхъ фактовъ. Въ сущности онъ всю жизнь только продолжалъ этотъ трудъ, только подбиралъ факты, только классифицировалъ ихъ и болѣе ничего. Однако, дѣлать было нечего, и юному философу пришлось начать свою ученую дѣятельность съ учительства въ провинціальныхъ лицеяхъ, и онъ спокойно, хладнокровно исполнялъ эти скромныя обязанности прежде въ Неверѣ, потомъ въ Пуатье, но когда наконецъ его назначили исполняющимъ должность учителя шестаго класса въ Безансонѣ, онъ не выдержалъ и, видя, что ему нечего ожидать отъ университетскаго начальства, кромѣ, быть можетъ, назначенія преподавателемъ въ первоначальную школу, онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Парижъ. Однако, онъ еще не хотѣлъ навсегда порвать съ профессурой и рѣшилъ добиться степени доктора «литературы», что дало бы ему право, наконецъ, сдѣлаться профессоромъ. Онъ выбралъ для своей диссертации странную, неожиданную тему: «Басни Лафонтена», и обработалъ ее такъ оригинально, такъ смѣло вывелъ въ ней свою знаменитую систему о вліяніи среды, что университетское начальство снова пришло въ ужасъ, но было вынуждено принять талантливаго автора въ число своихъ докторовъ. Хотя въ слѣдующемъ году Тэнъ получилъ премію отъ французской академіи за свой «Опытъ о Титѣ Ливіи», отличившійся такой же оригинальностью взглядовъ, онъ понялъ, что его призваніе быть не профессоромъ, а литераторомъ, а потому отказался отъ кафедры и только впослѣдствіи онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ лекціи эстетики въ Школѣ Изыщныхъ Искусствъ. Съ цѣлью окончить свою интеллектуальную подготовку въ качествѣ позитивиста философа, въ которой онъ съ такимъ блескомъ дебютировалъ въ своихъ первыхъ двухъ ученыхъ трудахъ, будущій авторъ «Исторіи Англійской литературы» три года слушалъ лекціи по естественнымъ наукамъ въ Музеумѣ и Медицинской академіи, а въ свободное время началъ писать критическія статьи въ «Revue de l'Instruction Publique», въ «Journal de Débats», и въ «Revue des deux Mondes». Чрезмѣрная работа разстроила его здоровье, и доктора посоветовали ему отправиться на югъ, но у него не было ни гроша. По словамъ Сарсэ, его тогда выручилъ извѣстный парижскій издатель Гашеть, который сказалъ ему: «Поѣзжайте въ Пиренеи на нашъ счетъ и напишите намъ путеводитель». Тэнъ отправился въ путь, пожилъ въ горахъ, отдохнулъ, поправилъ свое здоровье и привезъ съ собою «Путешествіе по Пиренеямъ», въ которомъ онъ

проявилъ себя уже не только ученымъ и философомъ, но поэтомъ и художникомъ. «Это совѣмъ не то, что я у васъ просилъ,—сказалъ Гашетъ, прочитавъ рукопись,—но если это не путеводитель, зато первоклассная книга; я ее напечатаю, и вамъ не о чемъ болѣе беспокоиться: ваша слава и состояніе обезпечены». Спустя годъ, появился новый трудъ Тэна «Французскіе философы XIX столѣтія», въ которомъ онъ бросилъ перчатку Кузену и его сторонникамъ, державшимъ учащуюся молодежь подъ фѣрулой своего официальнаго спиритуализма. Эта рѣзкая, оригинальная, блестящая, но серьезная критика молодаго иконоклеста окончательно обезпечила его вліяніе надъ всѣми молодыми умами тогдашней Франціи, и съ тѣхъ поръ до паденія Декабрьской имперіи Тэнъ безусловно царилъ надъ умами двухъ поколѣній, указывая имъ, какъ слѣдовало учиться, думать и писать.

Дальнѣйшая жизнь Тэна была проведена въ кабинетѣ и различныхъ бібліотекахъ, частью въ Парижѣ, частью въ маленькомъ помѣстьѣ, которое онъ купилъ въ Савойѣ, на берегу озера Анеси. Скромный труженикъ, любившій одиночество, онъ, по словамъ Альфонса Додэ, «не терпѣлъ шума и блеска, а просилъ только одного, чтобъ его оставили въ покоѣ»; поэтому онъ жилъ очень тихо, уединенно, въ небольшомъ кружкѣ своей семьи, состоявшей изъ жены и двухъ дѣтей, а также немногочисленныхъ друзей. Онъ никогда не принималъ къ себѣ репортеровъ, не позволялъ снимать съ себя фотографій, и съ трудомъ его уговорили посидѣть для извѣстнаго портрета, работы Бонна, и для картины Бери, изображающей редакцію «Journal des Débats». Среди такой обстановки онъ работалъ, работалъ безъ усталы до послѣднихъ мѣсяцевъ, когда у него открылась сахарная болѣзнь; впрочемъ, его унесъ въ могилу на шестьдесятъ-пятомъ году жизни не этотъ недугъ, а случайное воспаленіе въ легкихъ. Также скромны, какъ его жизнь, были и похороны Тэна, но они изумили весь Парижъ тѣмъ, что имѣли христіанскій, да еще протестантскій характеръ. Дѣло въ томъ, что Тэнъ, первоначально католикъ, а потомъ благодаря своимъ сочиненіямъ ненавистный католической церкви не менѣе Ренана и называемый извѣстнымъ епископомъ Орлеанскимъ: «общественнымъ отравителемъ», воспиталъ своихъ дѣтей въ протестантской вѣрѣ, находя, что она изъ всѣхъ христіанскихъ религій наиболѣе раціональна. Поэтому, познакомившись съ пасторомъ Голларомъ, приготовившимъ къ конфирмаціи его сына и дочь, онъ выражалъ неоднократно желаніе, чтобъ этотъ пасторъ священнодѣйствовалъ при его похоронахъ. Вотъ почему его тѣло было отпѣто въ протестантской церкви улицы Сэнтъ-Онорэ и послѣ проповѣди, въ которой Голларъ указалъ, что хотя Тэнъ не былъ христіаниномъ, но считалъ, всетаки, христіанство «могучей силой, придававшей милліонамъ человѣческихъ существъ крылья для того, чтобъ под-

няться добротой и душевной чистотой надъ узкими горизонтами», — останки знаменитаго ученаго отправлены въ Савойское его помястье для погребенія, причемъ согласно его часто выраженному желанію не было произнесено ни одной рѣчи. Конечно, вся парижская печать откликнулась на смерть столь виднаго, если не общественнаго, то умственнаго дѣятеля, но какъ при жизни, такъ и при смерти Тэнъ послужилъ предметомъ самой горячей полемики. Одни видятъ въ немъ свѣтлаго искателя правды и великаго философа, другіе называютъ его матеріалистомъ и чуть не антихристомъ, третьи проклинаятъ его, какъ врага прогресса и отступника отъ прежнихъ его радикальныхъ теорій; Вогюэ ухитряется видѣть въ немъ «мысль Спинозы, свѣтящуюся сквозь воображеніе Шекспира»; Золя считаетъ его однимъ изъ самыхъ обширныхъ умовъ нашего времени; Додэ хвалитъ въ немъ, кромѣ неутомимаго труженика, прекраснаго человѣка, достойнаго любви и уваженія; Людовикъ Галеви приводитъ о немъ мнѣніе Прево Парадоля: «Тэнъ всегда будетъ первымъ»; «Figaro» доказываетъ, что отличительной чертой его была ненависть къ государству, которое только возвышаетъ посредственныхъ людей и угнетаетъ всѣхъ; наконецъ «Temps» старается доказать, что онъ не былъ вовсе такимъ исключительнымъ пессимистомъ, какъ доказываютъ его сочиненія, а напротивъ самъ говорилъ въ послѣдніе года: «Я серьезно думаю, что міръ идетъ къ лучшей будущности, и что добро имѣетъ реальное значеніе, а потому я искренно присоединяюсь къ молитвѣ смиренныхъ людей: «Да придетъ царствіе Твое». Но всѣ эти разнообразныя цѣнители умершаго ученаго согласны въ одномъ—въ его громадной заслугѣ, состоящей въ томъ, что онъ придалъ французской исторіи и критикѣ новый научный, позитивистскій методъ.

Въ этомъ, конечно, заключается вся суть громадной литературной работы Тэна, обнимающей болѣе двадцати отдѣльныхъ названій. Излишне приводить всѣ заглавія его книгъ и достаточно указать, что онѣ распадаются на четыре главные отдѣла: философскій, критическій, эстетическій и историческій. Къ первому относится его обширный трудъ «De l'intelligence» (Объ умѣ), въ которомъ мастерски резюмированъ его позитивистскій методъ, ко второму—его сочиненія по французской и англійской литературѣ, къ третьему—его изслѣдованія по философіи искусства въ Италиі, Греціи и Голландіи, къ четвертому—«Основы современной Франціи». Кромѣ того, Тэнъ написалъ еще, повидимому, совершенно ему несродные фельетонные очерки Парижа, подъ названіемъ: «Vie et opinion de M. Frederic-Thomas Graindorge», отличающіеся хотя тяжеловѣснымъ, но блестящимъ остроуміемъ, и во всѣхъ отношеніяхъ образцовые по интересу и здравымъ взглядамъ «Очерки Англии». Въ своихъ замѣчательныхъ трудахъ Тэнъ остается всюду и всегда позитивистомъ-критикомъ, подбирающимъ безъ устали свой матеріалъ и

строго классифицирующимъ его. Но при этомъ подборѣ и классификаціи онъ заботится болѣе о количествѣ, чѣмъ о качествѣ собранныхъ имъ документовъ. Главный же его недостатокъ заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ въ литературѣ, какъ ботаникъ, собирающій и классифицирующій мертвыя растенія. По мѣткому выраженію Луи Блана, «онъ кормитъ своихъ читателей консервами, которые потеряли свой естественный ароматъ». Всѣ его произведенія представляютъ удивительную мозаику, въ которой есть все—и ученость, и знаніе, и блескъ, но не достаетъ одного—жизни. Этотъ усидчивый, трудолюбивый бенедиктинецъ не видѣлъ ничего за предѣлами своего кабинета, или библиотекъ, въ которыхъ онъ работалъ. Онъ до такой степени былъ чуждъ окружающей его жизни, что серьезно отвѣчалъ на упрекъ Роз-Коллара въ желаніи сдѣлать всѣхъ французовъ революціонерами: «Это до меня не касается; развѣ есть французы?». Онъ доходилъ даже до того въ своемъ отреченіи отъ міра сего во имя науки, что выражалъ сожалѣніе, что не писалъ своихъ книгъ на латинскомъ языкѣ. Однажды только онъ посмотрѣлъ на окружающую его жизнь, именно онъ видѣлъ въ окно своего кабинета событія Парижской коммуны 1871 года, и нельзя не пожалѣть, что онъ въ этомъ случаѣ измѣнилъ своему всегдашнему обычаю ограничивать свой горизонтъ стѣнами кабинета. То, что онъ увидѣлъ въ эти злополучные дни, такъ подѣйствовало на него, что онъ сдѣлался самымъ жестокимъ врагомъ демократіи, не смотря на то, что онъ же самъ такъ смѣло и радикально демократизировалъ историческій и критическій методы, сводя все на вліяніе среды, расы и времени, а также неопровержимо доказалъ въ столькихъ цѣнныхъ трудахъ справедливость позитивистской системы, основанной, по его же словамъ, на коренномъ принципѣ, что «порокъ и добродѣтель такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахаръ». Слѣдствіемъ его новаго настроенія явилась прежде небольшая, но злобная брошюра противъ всеобщей подачи голосовъ, а затѣмъ пять томовъ самой обширной его книги, оставшейся неоконченной: «Основы современной Франціи». Этимъ характеристичнымъ и наиболѣе мозаичнымъ своимъ трудомъ Тэнъ одинаково возстановилъ противъ себя радикаловъ и бонапартистовъ, такъ какъ онъ съ совершенно непривычнымъ для него азартомъ выставилъ дѣятелей революціи кровавыми животными, негодяями, преступниками, а Наполеона чудовищемъ, итальянскимъ кондотьеромъ, тираномъ безъ сердца, совѣсти и даже ума; но зато онъ расположилъ въ свою сторону легитимистовъ и консерваторовъ, которые въ виду его бичеванія всего, что имъ ненавистно, помирились съ его прежними грѣхами и даже съ его рѣзкими нападками на порядки старинной монархіи въ первомъ томѣ его «Основъ современной Франціи». Изъ антихриста онъ сдѣлался ихъ балованнымъ дѣтищемъ, и они провели его во французскую академію, куда ему доступъ

былъ до тѣхъ поръ закрытъ, и гдѣ онъ сдѣлался пламеннымъ сторонникомъ герцога Омальскаго. Но въ этой перемѣнѣ убѣжденій нельзя винить Тэна, какъ въ безчестномъ или корыстномъ поступкѣ. Онъ просто относительно революціи и Наполеона слѣдовалъ своему обычному методу работы; онъ подобралъ всѣ мелкіе факты, составилъ изъ нихъ мозаику и не замѣтилъ среди этого кропотливаго труда одного—революціи и Наполеона. Въ его обычномъ секретарскомъ докладѣ человечеству онъ не пропустилъ ни одной мелочи, а если выставилъ болѣе рельефно тѣ мелочи, которыя бросали мрачный свѣтъ на событія великой эпохи, то сдѣлалъ это совершенно добросовѣстно, подъ впечатлѣніемъ зарева Парижскихъ пожаровъ 1871 года. Никогда не видя жизни и случайно увидавъ ея роковую, мрачную сторону, онъ естественно сталъ жмурить свои глаза, а потому и впечатлѣніе, полученное имъ не только отъ этого зрѣлища, но и отъ картинъ прошедшаго, на которыя онъ смотрѣлъ тѣми же, зажмуренными глазами, представляется одностороннимъ, узкимъ, сомнительнымъ. Но этотъ результатъ его послѣдняго труда, который, всетаки, остается драгоценнымъ вкладомъ въ историческую науку, нимало не шатаетъ его основнаго, научнаго, позитивистскаго метода, а только доказываетъ, какъ опасно даже его творцу отступать отъ его сущности, хотя и подъ личиной формальнаго, внѣшняго его примѣненія. Напротивъ, его другой обширный трудъ, несомнѣнный его *chef-d'oeuvre* «Исторія англійской литературы», служитъ яркимъ примѣромъ, до чего можетъ достигъ этотъ методъ при разумномъ, широко и безпристрастномъ пользованіи имъ. Эта книга совершила крутой переворотъ не только во французской, но и во всей общевропейской критикѣ, и навсегда останется лучшимъ памятникомъ «секретаря человечества».

В. Т.

ВТОРОЙ БРАКЪ НАПОЛЕОНА ¹⁾.

РАНЦУЗСКАЯ литература, кажется, никогда не договорится досыта о Наполеонѣ; его имя до сихъ поръ имѣетъ удивительную, притягательную силу, и какъ книги, такъ и журнальныя статьи о различныхъ фазахъ его колоссальной дѣятельности, о разнообразныхъ сторонахъ его характера, о всевозможныхъ эпизодахъ его романической жизни, появляются въ Парижѣ чуть ли не каждый день. Эта быстро разрастающаяся и уже громадная Наполеоновская литература обнимаетъ собою мемуары и личныя воспоминанія современниковъ, серьезные историческіе труды, основанные на вновь открываемыхъ, подлинныхъ документахъ, спеціальныя монографіи, составленныя по извѣстнымъ уже матеріаламъ, всякаго рода компиляціи, полемическія брошюры, характеристики, очерки и т. д. Въ настоящую минуту общее вниманіе въ Парижѣ сосредоточиваютъ на себѣ двѣ,

---

¹⁾ Napoleon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier empire, par Albert Vandal. I vol.—De Tilsit à Erfurt. Paris. 1891. II vol.—1809, Le second mariage de Napoléon. Déclin de l'alliance. Paris. 1893. (Наполеонъ и Александръ I. Русскій союзъ во времена Первой имперіи, соч. Альбера Вандала, I томъ—Отъ Тильзита до Эрфурга; II томъ—1809: Второй бракъ Наполеона. Упадокъ союза).

Napoleon intime, par Arthur Levy, Paris, 1893. (Наполеонъ въ частной жизни, соч. Артюра Леви).

Alexandre I et Napoléon, par Serge Tatistcheff, Paris, 1891. ((Александръ I и Наполеонъ, соч. Сергѣя Татищева).

Le divorce de Napoléon, par Henri Welschinger, Paris, 1889. (Разводъ Наполеона, соч. Генри Велшингера).

только что вышедшія книги: второй томъ почтеннаго труда Вандала объ отношеніяхъ между Наполеономъ и Александромъ I и сочиненіе молодого, еще неизвѣстнаго писателя, Артюра Леви о частной жизни Наполеона. Первая книга имѣетъ серьезное историческое значеніе и представляетъ новыя, драгоцѣнныя свѣдѣнія о постепенномъ упадкѣ союза между Франціей и Россіей, заключеннаго на легендарномъ плоту въ Тильзитѣ, повидимому, скрѣпленнаго на блестящихъ праздникахъ въ Эрфуртѣ и мало-по-малу распатаннаго, благодаря событіямъ и ошибкамъ съ обѣихъ сторонъ, до такой степени, что союзъ окончился кровавой борьбой. Главная заслуга Вандала заключается въ томъ, что какъ въ первой, такъ и въ второй частяхъ его глубоко интереснаго труда, живой, рельефный и даже мѣстами блестящій въ литературномъ отношеніи рассказъ зиждется на основательной, твердой подкладкѣ официальныхъ документовъ и дипломатической переписки, которые онъ лично изучилъ въ архивахъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ и Петербургѣ. Передавая такимъ образомъ новыя, любопытныя свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воздерживается отъ собственной оцѣнки рассказываемыхъ событій, а если и высказываетъ иногда свои взгляды, то они отличаются замѣчательнымъ безпристрастіемъ и трезвымъ воздержаніемъ отъ пламеннаго восхваленія, или систематическаго осужденія Наполеона, къ чему вообще такъ падки авторы книгъ и статей о немъ. Совершенно инымъ характеромъ отличается сочиненіе Леви; это болѣе ничего, какъ монографія, но полная и старательно составленная по извѣстнымъ уже матеріаламъ, съ цѣлью защитить Наполеона, какъ семьянина и частнаго человѣка, отъ всѣхъ нападокъ и клеветъ, сыпавшихся и продолжающихся сыпаться на него обильнымъ дождемъ. Эта компилятивная и полемическая форма, а также отсутствіе всякаго литературнаго и художественнаго достоинства, лишаетъ трудъ Леви исторической важности, но онъ несомнѣнно имѣетъ извѣстную цѣну, какъ сборникъ всего, что можно найти у современниковъ и всевозможныхъ авторовъ, писавшихъ о Наполеонѣ, насчетъ его частной жизни. Появленіе въ одно и то же время сочиненій Вандала и Леви тѣмъ болѣе кстати, что, благодаря имъ, впервые можно составить себѣ полное понятіе о разводѣ, сватовствѣ и второмъ бракѣ Наполеона. Мастерской, документальный и вполне достовѣрный рассказъ объ этомъ интересномъ эпизодѣ исторіи Наполеона, составляющій самыя интересныя страницы во второмъ томѣ Вандала, пополняется и рельефно иллюстрируется, сообщаемыми въ книгѣ Леви, фактами и мнѣніями современниковъ о домашней жизни Наполеона, объ его отношеніяхъ къ Жозефинѣ, объ его интимныхъ связяхъ съ другими женщинами и объ его роли, какъ мужа Маріи-Луизы. Пользуясь этими матеріалами, а также отчасти и вышедшими ранѣе сочиненіями Татищева «Александръ I

и Наполеонъ» и Вельшинжера «Разводъ Наполеона», мы постараемся набросать картинку драматическихъ перипетій развода, сватовства и второго брака Наполеона.

I.

Какъ извѣстно, Наполеонъ женился первый разъ по любви и, по всей вѣроятности, его пламенная страсть къ Жозефинѣ была первой его любовью. Серьезный, трудолюбивый, сосредоточенный въ себѣ, заботящійся о своей многочисленной семьѣ и находящійся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ не имѣлъ ни времени, ни охоты, къ романтическимъ приключеніямъ во время своей ранней молодости, но отличался очень рано буржуазной склонностью къ женитьбѣ. Въ мемуарахъ Бурьена и въ письмахъ Наполеона къ его брату Іосифу можно найти слѣды о его намѣреніи юнымъ офицеромъ жениться на дочери богатаго Марсельскаго купца Клари, сестра которой вышла замужъ за его брата Іосифа. Это желаніе онъ сохранилъ и во время пребыванія въ Парижѣ молодымъ генераломъ безъ дѣла, послѣ его первыхъ подвиговъ въ Тулонѣ и Италіи. Онъ нѣсколько разъ просилъ брата устроить эту свадьбу, но, повидимому, молодая дѣвушка не питала къ нему никакого расположенія, или не считала его выгоднымъ женихомъ. Ей, однако, суждено было раздѣлить съ своимъ мужемъ престолъ, но не французскій, а шведскій, такъ какъ она впослѣдствіи вышла замужъ за Бернадота. Не смотря на неожиданный проблескъ въ его временно-униженномъ положеніи и пріобрѣтеніе громаднаго вліянія послѣ одержанной имъ побѣды 13-го Вендемера во главѣ войскъ Конвента, вслѣдствіе чего онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ парижской арміи, Наполеонъ остался вѣренъ своему намѣренію жениться и сдѣлалъ предложеніе недавно овдовѣвшей г-жѣ Пермонъ, мужъ которой былъ другомъ всей Наполеоновской семьи. Вдова съ двумя дѣтьми, она не захотѣла связать своей судьбы съ блестящимъ молодымъ генераломъ, передъ которымъ открывался путь ко всевозможнымъ почестямъ, но и къ неизбѣжнымъ тревоженіямъ. Встрѣчно получивъ отказъ, Наполеонъ не пришелъ въ уныніе и въ слѣдующемъ году женился на другой вдовѣ и также съ двумя дѣтьми, на знаменитой Жозефинѣ Богарнэ. Но на этотъ разъ имъ уже руководило не только буржуазное стремленіе къ домашнему очагу, но и пламенная страсть. Онъ по уши влюбился въ красивую, обворожительную женщину, которая сильно кокетничала съ нимъ, и женился на ней, очертя голову, не смотря на всѣ слухи объ ея болѣе чѣмъ легкомъ поведеніи. Хотя враги Наполеона и враждебно относящіяся къ нему историки увѣряють, что Жозефина была любовницей Барра и принесла въ приданое Наполеону назна-

ченіе главнокомандующимъ итальянской арміей, но ни тотъ, ни другой фактъ не подтверждены достовѣрными данными, и во всякомъ случаѣ существуетъ подлинное свидѣтельство Карно о томъ, что онъ предложилъ Директоріи назначить Бонапарта главнокомандующимъ итальянской арміей, а Жюмини въ своей «Исторіи Наполеона» прямо говоритъ, что «Бонапартъ не былъ обязанъ своимъ назначеніемъ ни своей свадьбой, ни Барра, а исключительно всеми признаваемой военной компетенціи Карно, который оцѣнилъ достоинство составленнаго имъ плана войны, и расположилъ въ его пользу большинство директоровъ». Но если ничѣмъ не доказана корыстная цѣль Наполеона при заключеніи его перваго брака, то очевидно, Жозефина вышла за него замужъ не по любви, а изъ расчета. Она прямо писала одной изъ своихъ пріятельницъ передъ самой свадьбой, что «чувствуетъ къ нему ни любовь, ни отвращеніе, а только не нравящуюся ей холодность». Какъ бы то ни было, этотъ бракъ совершился въ гражданскомъ порядкѣ 9-го марта 1796 года. Медовый ихъ мѣсяцъ продолжался только два дня, и Наполеонъ отправился въ Италію, гдѣ одна побѣда за другой доставили ему громкую славу. Но среди своихъ безумныхъ успѣховъ онъ не забывалъ молодой жены, писалъ къ ней самыя страстныя письма и постоянно звалъ ее къ себѣ. Однако Жозефина подъ всякими предлогами откладывала свой отъѣздъ изъ Парижа, гдѣ она вела веселую, свѣтскую жизнь, гордилась тѣмъ, что ее называли въ виду побѣдъ мужа «Notre Dame des Victoires», и на убѣжденія друзей отправиться въ Италію отвѣчала съ пренебреженіемъ: «Что мнѣ тамъ дѣлать съ этимъ чудачкомъ Бонапартомъ?» Наконецъ, ей пришлось исполнить пламенныя мольбы мужа, и она поѣхала въ Миланъ, гдѣ и оставалась все остальное время итальянскаго похода Наполеона. По словамъ Мармона, котораго нельзя заподозрѣть въ излишней склонности къ знаменитому другу своей юности: «генераль Бонапартъ, свидѣвшись съ женой, былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ, такъ какъ никогда въ человѣческомъ сердцѣ не было болѣе искренной и пламенной любви къ женщинѣ, какъ та, которую онъ ощущалъ къ своей женѣ». Но и въ Италіи продолжается то же: Наполеонъ пользуется каждой свободной минутой, чтобы лѣтъ къ Жозефинѣ, и въ остальное время пишетъ къ ней пламенныя письма, а она обнаруживаетъ прежнюю холодность, ведетъ шумную, свѣтскую жизнь, даже уѣзжаетъ изъ Милана, когда туда долженъ пріѣхать ея мужъ, и веселится на балахъ въ Генуѣ съ молодымъ офицеромъ Иполитомъ Шарлемъ, который, по свидѣтельству многихъ современниковъ, находился съ нею въ близкихъ отношеніяхъ. Наконецъ, Наполеонъ узналъ всю правду о поведеніи жены, которую всегда окружала блестящая молодежь, и, скрывъ въ своемъ сердцѣ жгучую ревность, сталъ мало-по-малу охладѣвать къ ней. Но, все-

Наполеонъ I.

Съ портрета, нарисованнаго во время Эрфуртскаго свиданія, съ натуры, карандашемъ, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича, Килемъ. (Подлинникъ принадлежитъ П. Я. Дашкову).

таки, оставаясь преданнымъ своей всегдашней идеѣ о необходимости для человѣка домашняго очага, онъ превратился изъ влюбленнаго юноши въ буржуазнаго мужа. Во время египетскаго похода Жозефина продолжала въ Парижѣ свои скандальныя похождения съ Шарлемъ, а Наполеонъ впервые сталъ ухаживать за

красивыми молодыми женщинами, и вся армія знала объ его интимныхъ отношеніяхъ съ хорошенькой женой кавалерійскаго офицера Фуррэ, котораго онъ нарочно отправилъ съ депешами во Францію. Вернувшись въ Парижъ и не заставъ дома Жозефины, которая поѣхала къ нему на встрѣчу въ Ліонъ другой дорогой, Наполеонъ пришелъ въ такой азартъ, что объявилъ твердое намѣреніе развестись съ ней, но ея слезы и кокетство, а такъ же мольбы ея дѣтей Гортензіи и Евгенія, которыхъ онъ очень любилъ, побудили его помириться и вести прежнюю буржуазную семейную жизнь.

Но съ этой минуты мужъ и жена перемѣнились ролями: онъ сталъ холоденъ, хотя всегда приличенъ, предупредителенъ и заботливъ въ отношеніи ея, а она начала выказывать все большую и большую привязанность къ нему и постоянно выражала ревнивое желаніе слѣдовать за нимъ всюду во время его походовъ, отъ чего онъ напротивъ отдѣлывался подъ различными предлогами. Съ внѣшней точки зрѣнія ихъ домашняя жизнь была образцовой, и ближайшіе ея очевидцы свидѣтельствуютъ о томъ, что Наполеонъ консуломъ и императоромъ былъ очень нѣжнымъ, добрымъ мужемъ и до коронаціи, которой предшествовалъ тайный церковный бракъ съ Жозефиной, такъ какъ папа иначе отказывался короновать ее императрицей, постоянно раздѣлялъ съ Жозефиной ея спальню, и только послѣ этого событія они стали жить на особыхъ половинкахъ, но онъ часто посѣщалъ ее по ночамъ, что доставляло ей большую радость, и, по свидѣтельству мемуаровъ Констанана, она на слѣдующее утро постоянно говорила всѣмъ, потирая съ удовольствіемъ свои хорошенькія, маленькія ручки: «Je me suis levé tard aujourd'hui, mais voyez vous, c'est que Bonaparte est venu passer la nuit avec moi». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Наполеонъ позволялъ себѣ обманывать жену, слѣдуя и въ этомъ примѣру буржуазныхъ мужей, но всѣ рассказы объ его колоссальномъ развратѣ и о близкихъ отношеніяхъ съ дочерью Жозефины Гортензіей и своей собственной сестрой Полиной, женой принца Боргезе, не основаны ни на какихъ достовѣрныхъ данныхъ, а упоминаются лишь его личными врагами. Что касается до его извѣстныхъ связей, то ихъ рядъ открывается некрасивой, но талантливой пѣвицей г-жей Браншю, а затѣмъ идутъ: знаменитая по своему генію и красотѣ актриса Жоржъ, итальянская пѣвица Грассини, лектриса императрицы г-жа Кондэ, жена одного придворнаго чиновника, г-жа Дюшатель, и обворожительная итальянка г-жа Гацани. Всѣ эти отношенія были случайныя и скоро проходящія, причемъ ни одна изъ женщинъ, пользовавшихся его временнымъ расположеніемъ, не имѣла никакого вліянія на него. Вотъ въ какомъ положеніи, какъ мужъ и частный человѣкъ, находился Наполеонъ, когда поставленъ былъ серьезно вопросъ о разводѣ и его вторичномъ бракѣ, такъ какъ

прежній планъ его брата Люсьена развести его съ Жозефиною и женить на испанской инфантѣ Изабеллѣ не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій, и Наполеонъ, по свидѣтельству мемуаровъ Редерера, прямо сказалъ: «Мой интересъ и интересъ моей страны требуютъ втораго брака, но, по всей справедливости, я не могу прогнать своей доброй жены только потому, что я достигъ величія. Это сверхъ моихъ силъ. У меня человѣческое сердце, и я не рожденъ тигромъ; я не хочу сдѣлать ее несчастной».

II.

На Тильзитскомъ свиданіи въ дружескихъ бесѣдахъ между Наполеономъ и Александромъ не было произнесено ни одного слова о возможномъ разводѣ французскаго императора съ Жозефиною и новаго его брака съ цѣлью упрочить свою династію. Но, по словамъ Татищева, русскій императоръ, воспылавшій энтузіазмомъ къ своему новому союзнику, первый заявилъ мысль о томъ, чтобъ укрѣпить ихъ дружбу родственнымъ союзомъ и предложилъ руку своей сестры великой княжны Екатерины Павловны брату Наполеона Герониму, котораго союзники прежде предполагали сдѣлать великимъ герцогомъ Варшавскимъ, а потомъ провозгласили королемъ Вестфальскимъ. Эта комбинація будто бы не удалась, потому что Геронимъ былъ уже тайно помолвленъ съ дочерью короля виртембергскаго; впрочемъ, Вандадь вовсе не упоминаетъ о подобномъ предложеніи Александра и прямо говоритъ, что хотя дѣйствительно между обоими императорами былъ въ Тильзитѣ разговоръ о бракѣ принца Геронима, и, всего вѣроятнѣе, дѣло шло объ его женитьбѣ на дочери саксонскаго короля, но не существуетъ официальныхъ документальныхъ свѣдѣній объ этомъ эпизодѣ тильзитскаго свиданія. Какъ бы то ни было, послѣ возвращенія Наполеона въ Парижъ и продолженіе медоваго мѣсяца франко-русскаго союза, продолжавшагося до новаго свиданія императоровъ въ Эрфуртѣ, стали распространяться слухи не только во Франціи, но и въ Россіи, что Наполеонъ разводится съ Жозефиною и женится на русской великой княжнѣ. Самъ Наполеонъ, достигшій зенита своей славы, естественно заботился о наслѣдникѣ созданнаго имъ престола и серьезно думалъ о разводѣ съ цѣлью немедленно заключить второй бракъ, но долго онъ никакъ не могъ рѣшиться на подобный шагъ, хотя ясныя признаки, именно замѣтная холодность къ Жозефинѣ, прозрачныя намеки въ бесѣдахъ съ приближенными и многія мелочныя обстоятельства придворной жизни, предсказывали близость готовившагося разрыва его семейныхъ узъ. Въ виду столь важнаго событія, могущаго совершиться неожиданно каждый день, всполошились двѣ придворныя партіи, которыя вели между собою упорную борьбу: бонапартистская—подъ главенствомъ сестры

Наполеона, принцессы Каролины Мюрать, и богарнэсская — подъ руководствомъ королевы Гортенвіи, дочери Жозефины. Послѣдняя имѣла большее вліяніе на Наполеона, чѣмъ сама Жозефина, но ея положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей ея партіи, сильно поколебалось недавней смертію ея сына принца Шарля, котораго императоръ по временамъ считалъ своимъ наслѣдникомъ. Напротивъ, бонапартисты чрезвычайно усилились, благодаря этому факту и энергичной дѣятельности ихъ руководителя, знаменитаго Фушэ, начальника французской полиціи. Онъ всегда ненавидѣлъ Жозефину и теперь рѣшился путемъ ловкихъ интригъ побороть нерѣшительность Наполеона; его-то искусной агитаціи и были обязаны своимъ происхожденіемъ слухи о разводѣ и второмъ бракѣ императора, которые мало-по-малу приняли такую силу, что о нихъ стали упоминать и въ своей дипломатической перепискѣ представители обоихъ государствъ. Французскій посоль въ Петербургѣ Коленкуръ передавалъ своему правительству свѣтскіе толки о томъ, что всѣ увѣрены въ бракѣ великой княжны Екатерины съ императоромъ Наполеономъ, что она для этой цѣли училась танцовать французскую кадрили и что въ отвѣтъ на высказываемое придворными сожалѣніе объ ея отъѣздѣ изъ Россіи она будто бы отвѣчала: «Объ этомъ нельзя сожалѣть, такъ какъ я выхожу замужъ за величайшаго человѣка на свѣтѣ и буду служить залогомъ вѣчнаго мира для моей родины». Съ своей стороны русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Румянцевъ писалъ послу въ Парижѣ, графу Толстому: «Прошу васъ убѣдительно сообщить мнѣ вапше мнѣніе объ этомъ проектѣ: дѣйствительно ли онъ существуетъ? Возможно ли предложеніе подобнаго семейнаго союза?» Наведя всѣ необходимыя справки, Толстой отвѣчалъ, что онъ вѣритъ не только въ возможность развода Наполеона, но и въ намѣреніе его жениться на русской великой княжнѣ; онъ говорилъ объ этомъ съ ужасомъ, но прибавлялъ: «Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда самое невозможное можетъ быть самымъ вѣроятнымъ». Подстрекаемый своимъ успѣхомъ, Фушэ рискнулъ на еще болѣе смѣлый шагъ и прямо написалъ Жозефинѣ, совѣтуя ей самой принести себя въ жертву и, предложивъ разводъ, выговорить у императора выгодныя условія для своего будущаго положенія. Она со слезами потребовала объясненія у Наполеона, который былъ взятъ врасплохъ и не только не воспользовался этимъ случаемъ для разрыва, но успокоилъ Жозефину увѣряя, что все это пустяки, и сдѣлалъ рѣзкій выговоръ Фушэ. Но послѣдній не унимался, предугадывая, что въ сущности онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Наполеона и когда нибудь заслужитъ его благодарность; начатая интрига продолжалась съ новой силой, и въ ней принялъ еще участіе архи-интригантъ того времени, пресловутый Талейранъ. Наконецъ, колебаніямъ императора, повидимому, наступилъ конецъ, и въ началѣ марта 1808 года онъ

рѣшился на роковое объясненіе съ Жозефиной. Цѣлую ночь онъ уговаривалъ ее согласиться на добровольный разводъ, онъ упрашивалъ, сердился, грозилъ, упрекалъ, но въ концѣ концовъ ея слезы и твердость одержали верхъ, и дѣло кончилось, по словамъ одного изъ современниковъ, «безумными ласками». Рассказывая этотъ эпизодъ въ своей депешѣ отъ 6-го марта того же года, Толстой прибавляетъ: «Спустя два дня, императоръ снова повторилъ свою атаку, но столь же безуспѣшно. Въ порывѣ негодованія онъ пригрозилъ ей, что узаконить своихъ побочныхъ сыновей. Она быстро отвѣчала, что вполнѣ согласна ихъ признать. Пораженный такой неожиданной податливостью съ ея стороны, онъ объявилъ, что послѣ такого благороднаго поступка онъ никогда не рѣшится на разрывъ съ нею. Но я, напротивъ, боюсь, что онъ на это рѣшится очень скоро, и если императрица будетъ попрежнему упорствовать, то онъ обойдется безъ ея согласія и отъ своего имени потребуетъ развода».

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о разводѣ, когда произошло Эрфуртское свиданіе. Наполеонъ, по словамъ Вандаля, все еще колебался, но считалъ полезнымъ заручиться на всякій случай согласіемъ императора Александра на бракъ съ сестрой, если когда нибудь онъ рѣшится на разводъ. Очевидно, онъ желалъ связать Александра, не принявъ на себя никакого обязательства, и повести дѣло такъ, чтобъ первое слово было сказано не имъ, а русскимъ императоромъ. Для этой цѣли онъ подослалъ къ Александру Талейрана и Коленкура, которые должны были ловко подготовить почву. Наполеонъ такъ живо интересовался этимъ дѣломъ, что указалъ своимъ посланнымъ, какъ поставить вопросъ и какими аргументами вызвать ихъ державнаго собесѣдника на удовлетворительный отвѣтъ; имъ слѣдовало сказать, что разводъ имѣлъ европейское значеніе, и новый бракъ могъ умѣрить столь страшныя всѣмъ военныя стремленія императора, возбуждивъ въ немъ любовь къ домашнему очагу. Но въ своей безпредѣльной гордости Наполеонъ не хотѣлъ признаться даже передъ своими приближенными, что ухаживаетъ за кѣмъ нибудь, и старался ихъ увѣрить, что онъ рѣшился на этотъ шагъ лишь для испытанія дружескихъ чувствъ Александра: «Я хочу удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ мнѣ другъ,—говорилъ онъ,—и принимаетъ ли онъ искренній интересъ въ счастіи Франціи, а я люблю Жозефину и никогда не буду счастливъ безъ нея; разводъ съ нею былъ бы большой жертвой съ моей стороны». И, однако, въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ высказалъ, что всѣ родственники и ближайшіе совѣтники спрашиваютъ его рѣшиться на этотъ шагъ, такъ какъ ихъ пугаетъ будущность Франціи. Дѣйствительно, что станетъ съ имперіей послѣ него? Братья не годятся въ его преемники, а хотя многіе предлагали ему усыновить Евгенія, но это

былъ плохой способъ упроченія династїи. «Правда, сынъ былъ бы мнѣ очень полезенъ!» — воскликнулъ Наполеонъ и, болѣе прежняго обнаруживая свои тайные замыслы, онъ сталъ спрашивать Коленкура о русскихъ великихъ княжнахъ. Посоль въ Петербургѣ отвѣчалъ, что только одна изъ нихъ, великая княжна Екатерина, была такого возраста, что могла немедленно выйти замужъ, но онъ не могъ ручаться за согласіе императорской семьи. Различіе вѣры было бы главнымъ препятствіемъ, такъ какъ русскія принцессы съ трудомъ мѣняли свою вѣру, и по этой же причинѣ не состоялся бракъ старшей сестры Александра съ шведскимъ королемъ. Наполеону очень не понравилось это замѣчаніе, и онъ презрительно пожалъ плечами. Какое ему было дѣло до обычаевъ и традицій? Его нельзя же ставить на доску съ какимъ-то королемъ. «Впрочемъ, — поспѣшилъ онъ прибавить: — я еще ни на что не рѣшился и желаю только узнать, одобрить ли союзный дворъ разводъ, не поразить ли онъ неприятно Россію, и какого мнѣнія о немъ Александръ». Но его собесѣдники поняли, что мысли императора опережали его слова, и что увѣренность въ согласіи Александра могла ускорить его рѣшимость. Они ловко повели дѣло, и русскій императоръ согласился первый заговорить съ Наполеономъ о щекотливомъ вопросѣ, такъ какъ онъ желалъ выяснить свое неловкое положеніе относительно всѣми обсуждаемаго въ Европѣ, но официально не поставленнаго, вопроса о возможномъ бракѣ между Наполеономъ и русской великой княжной. «При русскомъ дворѣ, — рассказываетъ Вандаль: — передъ Эрфуртскимъ свиданіемъ существовало два противоположныхъ теченія относительно этого брачнаго проекта. Вдовствующая императрица, имѣвшая по распоряженію покойнаго ея мужа право распоряжаться судьбой своихъ дочерей, ненавидѣла французскаго императора, ни за что не хотѣла согласиться на бракъ великой княжны Александры съ узурпаторомъ и дѣятельно искала ей жениха, надѣясь, что быстрымъ бракомъ оградить ее отъ грозившей опасности. Сначала вопросъ шелъ объ ея свадьбѣ съ наследникомъ баварскаго престола, потомъ говорили о герцогѣ Кобургскомъ и о какомъ-то австрійскомъ эрцъ-герцогѣ, наконецъ, прїѣхалъ въ Петербургъ принцъ Георгій Ольденбургскій и поступилъ на русскую службу. Вдовствующая императрица стала чрезвычайно благоволить къ этому некрасивому, болѣзненному молодому человѣку, предпочитая отдать за него свою дочь, чѣмъ видѣть ее на первомъ престолѣ въ свѣтѣ рядомъ съ похитителемъ короны. Но, съ другой стороны, императоръ Александръ не желалъ, чтобъ подобное ускореніе брака сестры было принято Наполеономъ за намѣреніе избѣгнуть его предложенія, а, быть можетъ, онъ хотѣлъ оставить въ своихъ рукахъ средство дать Наполеону окончательное доказательство своего довѣрія и сочувствія, еслибъ онъ, наконецъ, рѣшился прямо поставить во-

Императрица Жозефина.

прось о своемъ бракѣ, поэтому подѣ разными предлогами Александръ отдалялъ рѣшеніе судьбы своей сестры, и, не смотря на всю милость вдовствующей императрицы къ принцу Ольденбургскому, его бракъ оставался неразрѣшеннымъ, а рука великой княжны свободной». Согласно своему обѣщанію Александръ началъ разговоръ съ Наполеономъ и выразилъ, что всѣ его подданные и друзья одинаково желали упроченія его великаго дѣла и ди-

настин новымъ бракомъ. Наполеонъ принялъ эти слова, какъ доказательство дружескаго расположенія, и высказалъ свою горячую признательность. Между ними былъ возбужденъ вопросъ о возможномъ брачномъ союзѣ, но Наполеонъ такъ старательно избѣгалъ всего, могущаго имѣть характеръ обязательства, что ограничивался самыми туманными выраженіями и говорилъ о своемъ разводѣ и его послѣдствіяхъ, только какъ о возможныхъ событіяхъ будущаго. Въ виду такой постановки вопроса, не было и рѣчи о великой княжнѣ Екатеринѣ, возрастъ которой обязывалъ русскій дворъ немедленно озаботиться объ ея бракѣ, а только было упомянуто и то очень легко объ ея младшей сестрѣ Аннѣ. Успокоенный насчетъ настоящаго, Александръ былъ очень доволенъ, что его не заставляли немедленно дать рѣшительный отвѣтъ, а напротивъ ему предоставляли возможность убѣдиться съ теченіемъ времени въ результатахъ политическаго союза. Такимъ образомъ разговоръ ничѣмъ не кончился, и вопросъ остался открытымъ. Но, спустя недѣлю послѣ возвращенія Александра въ Петербургъ, была официально объявлена помолвка великой княжны Екатерины съ принцемъ Ольденбургскимъ. По мнѣнію Вандалья, еслибъ Наполеонъ прямо потребовалъ руки великой княжны Александры Павловны, то русскій императоръ не рѣшился бы ему отказать, конечно, подъ условіемъ добиться согласія матери, на что онъ прямо указалъ въ разговорѣ съ Коленкуромъ. Но Наполеонъ отложилъ вопросъ на неопредѣленное время и упомянулъ только о младшей сестрѣ Александра, отдавать руку которой было еще рано въ виду ея юнаго возраста, а потому онъ воздержался отъ прямого согласія на неопредѣленное предложеніе. Вообще въ Эрфуртѣ брачный вопросъ былъ неловко поставленъ и окруженъ такими недомолвками, доказывавшими съ одной стороны нерѣшительность, а съ другой — отсутствіе искренняго желанія превратить эту нерѣшительность въ твердую рѣшимость, что между двумя императорами въ сущности возникъ новый вопросъ и самый щекотливый, для разрѣшенія котораго не было сдѣлано ни одного шага. Изъ этого ясно видно, что Вандаль считаетъ нерѣшительность Наполеона главной причиной неудачнаго исхода Эрфуртскаго свиданія относительно его брака съ великой княжной Екатериной, но Татищевъ объясняетъ холодность въ этомъ отношеніи императора Александра, которая, быть можетъ, удержала Наполеона отъ прямого предложенія, тайными интригами Талейрана, который, какъ извѣстно, вмѣсто того, чтобъ отстаивать интересы своего государя, старался возбудить въ сердцѣ впечатлительнаго Александра недоувѣріе къ Наполеону, доказать ему, что великое зданіе французской имперіи основано на пескѣ, и убѣдить его, что русскому императору надлежало спасти Европу, оказывая сопротивленіе могучему колоссу, подъ ногами котораго уже колебалась почва.

III.

Изъ Эрфурта и во время послѣдовавшихъ за тѣмъ кампаній въ Испаніи и Австріи Наполеонъ продолжалъ писать Жозефинѣ самыя дружескія письма. Такъ передъ отъѣздомъ изъ Эрфурта онъ писалъ: «все идетъ прекрасно, я очень доволенъ Александромъ, и еслибъ онъ былъ женщиной, то я влюбился бы въ него; я скоро буду у тебя, будь здорова и смотри, чтобъ я нашелъ тебя толстой и свѣжей». Изъ Вальядолида онъ посылаетъ шуточное письмо, въ которомъ говоритъ: «я тебѣ совѣтую беречься привидѣній; въ одну прекрасную ночь, часа въ два, ты увидишь мой призракъ». Въ Шенбрунѣ послѣ Ваграмской побѣды онъ повторяетъ ту же шутку, предостерегаетъ Жозефину, что она вскорѣ ночью услышитъ шумъ въ своей спальнѣ, и прибавляетъ: «я радуюсь мыслью, что увижу тебя, и жду этой минуты съ нетерпѣніемъ». Но въ то время, когда Наполеонъ писалъ эти строки, онъ уже положилъ конецъ всѣмъ своимъ колебаніямъ и твердо рѣшился на разводъ, а въ Шенбрунѣ онъ находился въ обществѣ единственной женщины, съ которой его соединяли узы дѣйствительной любви и которая подарила ему незадолго передъ тѣмъ сына, что убѣдило его окончательно въ возможности имѣть законнаго наследника императорскаго престола. Эта женщина была красивая, обворожительная полька, графиня Валевская, съ которой онъ познакомился въ Варшавѣ въ 1807 году; его отношенія съ нею составляли единственную идилію въ его жизни, и этотъ «ангелъ, столь же прекрасный душой, какъ тѣломъ», по собственному его выраженію, питала къ нему самую искреннюю, глубокую любовь, что въ послѣдствіи доказала своимъ посѣщеніемъ падшаго императора на островѣ Эльбѣ. Эта серьезная связь, не имѣвшая ничего общаго съ прежними мимолетными капризами Наполеона, продолжалась послѣ отъѣзда его изъ Варшавы. Онъ вызвалъ графиню Валевскую въ Шенбрунъ, и рожденіе ею тамъ сына, бывшаго потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III, еще болѣе возвысило ее въ глазахъ Наполеона, которому она этимъ оказала громадную услугу. Вернувшись въ Парижъ съ твердой мыслью немедленно приступить къ желанному, но столь долго пугавшему его разводу, Наполеонъ принялъ на этотъ разъ энергичныя мѣры къ тому, чтобъ уговорить Жозефину на добровольное расторженіе ихъ брачнаго союза. По свидѣтельству мемуаровъ Констана, онъ рѣшительно и твердо, но въ нѣжныхъ выраженіяхъ и со всевозможной деликатностью, подготовилъ Жозефину къ этому роковому событію. Она уже давно знала, что рано или поздно ей грозитъ печальная судьба сдѣлаться разведенной женой, и хотя не разъ, по увѣренію г-жи Ремюза, говорила Наполеону, что уступить только

прямому насилію, она нашла болѣе достойнымъ покончить дѣло миролюбиво. Но, всетаки, она прежде разыграла патетическую сцену отчаянія, надѣясь на силу своего вліянія, которое до сихъ поръ удерживало Наполеона отъ роковаго для нея шага. 13-го ноября 1809 года, вечеромъ, послѣ обѣда, императоръ остался наединѣ съ Жозефиной и объявилъ ей, что черезъ двѣ недѣли будетъ официально обнародованъ ихъ разводъ. Что произошло между ними, никому неизвѣстно, но дворцовый префектъ, Боссэ, въ своихъ мемуарахъ рельефно описываетъ происшедшую за тѣмъ сцену. «Я стоялъ въ сосѣдней съ императорской гостиной комнатѣ,—разсказываетъ онъ,—когда услыхалъ жалобные крики императрицы. Черезъ нѣсколько минутъ императоръ пріотворилъ дверь и, увидавъ меня, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Войдите, Боссэ». Я вошелъ въ гостиную и увидалъ императрицу, лежавшую на коврѣ. Среди воплей и слезъ несчастная произносила: «Нѣтъ, я этого не переживу». Наполеонъ сказалъ мнѣ: «Вы достаточно сильны, чтобъ перенести Жозефину въ ея комнату по внутренней лѣстницѣ?» Съ помощью императора я поднялъ ее и понесъ, а онъ, взявъ подсвѣчникъ со стола, отворилъ дверь и сталъ мнѣ свѣтить. Но на площадкѣ лѣстницы я остановился и сказалъ, что она слишкомъ увка, и я боюсь упасть съ своей ношей. Тогда Наполеонъ позвалъ пажу, обязанность котораго была носить его портфель, и отдалъ ему подсвѣчникъ, а самъ помогъ мнѣ нести Жозефину, поддерживая ее за ноги. Изъ боязни уронить императрицу я, должно быть, слишкомъ крѣпко сжалъ ее, и она шепотомъ сказала мнѣ: «Вы меня слишкомъ сжимаете». Я тогда понялъ, что нечего было бояться за ея здоровье, и что она ни на минуту не теряла чувства. Но волненіе и безпокойство императора были безграничны. Онъ былъ такъ смущенъ, что объяснилъ мнѣ причину происшедшаго; онъ говорилъ отрывисто и съ трудомъ, а въ глазахъ его виднѣлись слезы. Онъ очевидно былъ внѣ себя, такъ какъ иначе не сталъ бы сообщать такія подробности мнѣ, никогда не пользовавшемуся его довѣріемъ. Вся эта сцена продолжалась не болѣе семи или восьми минутъ. Наполеонъ тотчасъ послалъ за докторомъ Корвизаромъ и королевой Гортензіей, а прежде чѣмъ уйти къ себѣ, онъ лично убѣдился, что Жозефина нѣсколько успокоилась и, повидимому, примирилась съ своей судьбой». По свидѣтельству другаго современника, Наполеонъ сказалъ Жозефинѣ послѣ этой исторической сцены: «Не старайся болѣе меня растрогать; я попрежнему тебя люблю, но у политики нѣтъ сердца, а только голова».

Спустя два дня, пріѣхалъ въ Парижъ выписанный изъ Италіи принцъ Евгеній, и при немъ Наполеонъ имѣлъ окончательное объясненіе съ его матерью. Видя, что все кончено, она подчинилась волѣ императора, прямо заявившаго, что разводъ былъ политической необходимостью, и старалась выговорить себѣ

и своимъ дѣтямъ самыя выгодныя условія предстоявшей имъ жизни вдали отъ престола. Она соглашалась пожертвовать собою, но требовала, чтобъ ея сынъ былъ сдѣланъ королемъ Италіи, которой онъ управлялъ съ титуломъ вице-короля. Но Евгенийъ горячо протестовалъ, говоря: «Вашъ сынъ не приметъ короны, которая будетъ цѣной вашего развода». Наполеонъ былъ тронутъ его благородствомъ и сказалъ: «Я узнаю въ этихъ словахъ сердце Евгенія; онъ правъ, что полагается на мою привязанность». Дѣйствительно Наполеонъ поступилъ въ этомъ случаѣ очень великодушно и щедро. Жозефинѣ сохраненъ титулъ коронованной императрицы-королевы,

Разводъ Наполеона I съ императрицей Жозефиной.

Съ литографіи того времени.

ей предоставленъ въ полную собственность Мальмезонскій дворецъ и назначенъ ежегодный пенсіонъ въ два милліона франковъ, который впослѣдствіи увеличенъ до трехъ. Ея дѣти продолжали пользоваться до конца царствованія императора его прежними милостями и дружескимъ расположеніемъ. 15-го декабря официально подписанъ актъ о разведѣ императорской четы послѣ четырнадцатилѣтней брачной жизни. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ императора былъ собранъ совѣтъ изъ всѣхъ членовъ семей Наполеона и Жозефины и въ присутствіи всѣхъ этихъ королей, королевъ, принцевъ и принцессъ, а также матери Напо-

13*

леона, никогда не хотѣвшей принять другаго титула, какъ «Madame Mége», были произнесены рѣчи самимъ императоромъ и императрицей, въ которыхъ они торжественно заявили свое добровольное согласіе на разводъ. Обѣ рѣчи были заранѣе подготовлены Камбасересомъ и Марэ, но тотъ и другая прибавили къ официальному тексту свои собственные выраженія, отъ чего ихъ рѣчи, по свидѣтельству очевидцевъ, получили теплый, трогательный характеръ. Къ политическимъ поводамъ развода Наполеонъ прибавилъ нѣсколько словъ, выражавшихъ нѣжную признательность «за счастье, которое доставила ему его дорогая и досточтимая жена впродолженіе столькихъ лѣтъ, и за приносимую ему благородную жертву, на которую онъ согласился только для блага Франціи»; кромѣ того, онъ выразилъ обязательство остаться всегда ея лучшимъ другомъ и сохранить къ ней навѣки самыя нѣжныя чувства. Точно также и Жозефина, признавая необходимость расторженія брака, который не удостоился небеснаго благословенія и не далъ Франціи наслѣдника, торжественно заявила, что они оба гордятся той жертвой, которую они приносятъ родинѣ. «Я всегда останусь лучшимъ другомъ императора, хотя и вдали отъ него, — произнесла отъ себя Жозефина, — и радуюсь, что могу дать ему величайшее доказательство любви и преданности, которое когда либо дано женой своему мужу». Эти слова такъ взволновали ее, что она не могла продолжать чтенія своей рѣчи и передала ее государственному секретарю, который дочиталъ ее до конца. Затѣмъ оба супруга и всѣ свидѣтели подписали актъ о разводѣ, который на слѣдующій день былъ утвержденъ сенатомъ, послѣ рѣчи принца Евгенія, сказавшаго между прочимъ, что «его мать, сестра и онъ, обязанные всѣмъ императору, желаютъ только видѣть, чтобъ основатель четвертой французской династіи дожилъ до глубокой старости, окруженный своими собственными дѣтьми». Въ тотъ же вечеръ Жозефина покинула Тюльери; Наполеону также, по его собственнымъ словамъ, этотъ дворецъ сталъ противенъ своей пустотой, и онъ поселился до второй свадьбы въ Трианонъ, гдѣ посѣщала его иногда Жозефина. Онъ самъ ѣздилъ часто въ Малмезонъ и постоянно писалъ къ ней самыя дружескія письма. Такъ, черезъ три дня послѣ развода, онъ писалъ ей: «Если ты меня любишь, то должна не грустить и спать хорошо; я этого хочу». Даже послѣ своей свадьбы Наполеонъ продолжалъ эту переписку; тотчасъ послѣ прибытія въ Парижъ Маріи-Луизы онъ писалъ ей: «Никогда не сомнѣвайся во мнѣ, я сохраню навсегда мои чувства къ тебѣ». Когда у него родился сынъ, то онъ въ тотъ же день увѣдомилъ объ этомъ Жозефину, а впослѣдствіи нѣсколько разъ посылалъ къ ней маленькаго Римскаго короля, котораго она непременно желала видѣть. Въ послѣднемъ извѣстномъ письмѣ Наполеона къ своей первой женѣ онъ съ характеристичнымъ буржуазнымъ добродушіемъ, ле-

жавшимъ въ основѣ его натуры, какъ частнаго человѣка, говорить: «Пиши мнѣ, что ты здорова; говорятъ, что ты толстѣешь, какъ хорошая нормандская фермерша».

Покончивъ съ разводомъ въ гражданскомъ порядкѣ, не смотря на то, что въ статутѣ, которымъ были установлены правила для императорской семьи, категорично говорилось: «разводъ запрещенъ для членовъ императорскаго дома всѣхъ половъ и возрастовъ», Наполеонъ долженъ былъ озаботиться и насчетъ расторженія духовнаго брака, такъ какъ при новой свадьбѣ могли возникнуть затрудненія въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно письмо, полученное австрійскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Шварценбергомъ отъ Меттерниха, который уже давно составилъ планъ о брачныхъ узакн между побѣдителемъ и побѣжденнымъ подъ Ваграмомъ; въ этомъ письмѣ онъ прямо говорилъ: «Его величество никогда не согласится на бракъ своей дочери, иначе какъ по всѣмъ правиламъ нашей религіи». Католическая же церковь не допускала новаго брака безъ формальнаго расторженія стараго, но подобнаго расторженія тайнаго обряда, совершеннаго кардиналомъ Фешемъ наканунѣ коронаціи Наполеона, было очень трудно добиться, такъ какъ императоръ не могъ обратиться съ подобной просьбой къ папѣ, который находился фактическимъ его плѣнникомъ въ Савойѣ и торжественно отлучилъ его отъ церкви. Не зная, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, Наполеонъ обратился за совѣтомъ къ Камбасерессу, и этотъ тонкій юристъ придумалъ хотя ловкую, но недостойную комедію. Въ Парижѣ существовалъ епархіальный духовный совѣтъ для расторженія браковъ простыхъ смертныхъ и, между прочимъ, Наполеонъ уже прибѣгалъ къ его юрисдикціи по поводу расторженія брака его брата Иеронима съ американкой Елизаветой Петерсонъ. Хотя папа и не утвердилъ постановленія епархіальнаго совѣта по этому вопросу, но дѣло обошлось безъ него, и Иеронимъ благополучно женился на Виртембергской принцессѣ. Относительно самого Наполеона можно было продѣлать то же самое, и подъ руководствомъ Камбасересса два скромные патера и еще болѣе скромные ихъ два помощника, составлявшіе этотъ совѣтъ, явились послушными орудіями императорской воли. Впрочемъ, чтобъ снять съ себя всякую отвѣтственность, они сначала признали себя не компетентными въ этомъ дѣлѣ и только приступили къ его разсмотрѣнію, когда ихъ компетентность была признана духовной комиссіей, собранной императоромъ и состоявшей изъ нѣсколькихъ епископовъ, съ двумя кардиналами во главѣ. Ни Вандаль, ни Леви, не говорятъ ни слова о производствѣ духовнаго развода, но въ книжкѣ Вельшинжера находятя очень любопытныя подробности объ этомъ эпизодѣ, а такъ какъ онѣ основаны главнымъ образомъ на очень рѣдкой брошюрѣ одного изъ

членовъ епархіального совѣта, аббата Рюдемара, то имѣютъ характеръ достовѣрности. Странно сказать, но все это дѣло представляетъ комическую ноту въ печальномъ и драматическомъ событіи, отъ котораго начался поворотъ въ безумно счастливой жизни Наполеона къ ея роковому концу. Нельзя безъ улыбки читать протоколовъ разбирательства этихъ почтенныхъ патеровъ, которые допрашивали единственныхъ свидѣтелей тайнаго духовнаго брака императора: кардинала Феша, Дюрока, Бертье и Талейрана, и серьезно записывали ихъ показанія о томъ, что этотъ бракъ былъ совершенъ безъ необходимыхъ формальностей, а главное безъ внутренняго согласія императора, который смотрѣлъ на совершенную церемонію только, какъ на средство успокоить Жозефину, непременно требовавшую каноническаго обряда, на что онъ не былъ согласенъ. Мотивируя этими двумя причинами свое постановленіе, то-есть отсутствіемъ каноническихъ формальностей и согласія императора, епархіальный совѣтъ призналъ, что этотъ бракъ не дѣйствителенъ, и что императорская чета не должна считаться далѣе мужемъ и женой. Это болѣе чѣмъ странное постановленіе было утверждено другимъ духовнымъ столичнымъ совѣтомъ, и хотя оно признано неправильнымъ по формѣ и содержанію, какъ приговоръ некомпетентнаго суда, священной конгрегаціей въ Римѣ, вслѣдствіе чего кардиналы отказались отъ присутствія на свадьбѣ Наполеона съ Маріей-Луизой, но его цѣль была вполнѣ достигнута, и австрійскій императоръ призналъ этотъ духовный разводъ достаточнымъ, чтобъ отдать руку дочери своему побѣдителю.

IV.

Параллельно съ двойнымъ разводомъ, Наполеонъ повелъ дѣло и о двойномъ сватовствѣ. Рѣшившись упрочить свою династію новымъ бракомъ и заключить родственныи союзъ съ однимъ изъ царствующихъ европейскихъ дворовъ, онъ не имѣлъ большаго выбора: ему предстояло остановиться только на одной изъ двухъ державныхъ молодыхъ невѣстъ: на сестрѣ русскаго императора, великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, или на дочери австрійскаго императора, принцессѣ Маріи-Луизѣ. Правда, поговаривали, какъ о возможной его невѣстѣ, о дочери короля саксонскаго, который въ это время находился съ нею и съ женою въ Парижѣ, но при колоссальномъ самолюбіи Наполеона и его громаднхъ политическихъ планахъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы онъ породнился съ второстепеннымъ нѣмецкимъ дворомъ, и, очевидно, онъ вызвалъ въ Парижъ саксонскаго короля съ цѣлью не заключенія саксонскаго брака, а подготовленія русскаго, такъ какъ ему необходимо было добиться отъ него согласія на нѣкоторыя требова-

нія Александра по поводу Варшавскаго герцогства. Дѣйствительно, Наполеонъ, не колеблясь ни минуты, остановилъ свой выборъ на русской великой княжнѣ, и если онъ сталъ почти въ одно время свататься на ней и на австрійской принцессѣ, то лишь изъ опасенія, чтобы первый излюбленный планъ не удался, и по обычной своей привычкѣ, осуществляя одинъ проектъ, имѣть всегда въ резервѣ другую комбинацію на случай неупѣха: «Я постоянно рѣшаю каждую задачу нѣсколькими разными способами»,—говорилъ онъ самъ. При этомъ оба сватовства рѣзко различались другъ отъ друга. Въ Петербургѣ Наполеонъ началъ переговоры и всѣми средствами добивался получить удовлетворительный отвѣтъ, а въ Вѣнѣ, напротивъ, дѣло начато съ австрійской стороны, и ему оставалось только принять протягиваемую ему руку. Поэтому онъ сначала исключительно велъ дѣло о русскомъ бракѣ, и только когда въ его умѣ возникло сомнѣніе въ счастливомъ его исходѣ, то перемѣнилъ тактику и съ одинаковой энергіей тайно продолжалъ сватовство уже на два фронта. «Предпочтеніе, оказанное Наполеономъ сестрѣ Александра, по словамъ Вандаля, было естественное, законное и почти обязательное. Между обоими императорами этотъ вопросъ былъ уже затронутъ, и въ Эрфуртѣ они уже говорили о второмъ бракѣ Наполеона, причемъ прямо было упомянуто имя младшей дочери Павла I. Тогда великая княжна Анна Павловна только что вышла изъ дѣтства, и могла быть рѣчь объ ея свадьбѣ только въ видѣ излюбленнаго плана, осуществимаго въ будущемъ. Но теперь прошло тринадцать мѣсяцевъ, великая княжна окончивала свой пятнадцатый годъ жизни и, очевидно, достигла возраста для брака; ея молодость уже не могла быть препятствіемъ, и такъ какъ почва къ этой свадьбѣ уже была нѣкоторымъ образомъ подготовлена, то Наполеонъ рассчитывалъ, что дѣло пойдетъ какъ по маслу и увѣнчается успѣхомъ скорѣе, чѣмъ всякое другое сватовство, а быстрота въ этомъ случаѣ была для него необходимымъ условіемъ, потому что онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе замѣнить на своемъ престолѣ разведенную жену новой и успокоиться насчетъ прямого законнаго наслѣдника императорской короны». Онъ даже считалъ, по его собственнымъ словамъ, «долгомъ чести не начинать никакого другого сватовства, прежде чѣмъ выяснится вопросъ о русскомъ бракѣ», такъ какъ иначе онъ нарушилъ бы всѣ правила приличія и дружескія узы, связывавшія его съ Александромъ. Напротивъ, семейный союзъ могъ только укрѣпить эти узы, которыя въ послѣднее время нѣсколько ослабли. Такимъ образомъ, и съ политической точки зрѣнія этотъ бракъ представлялся наиболѣе желательнымъ. Хотя русскій императоръ продолжалъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ распространяться о своихъ дружескихъ чувствахъ и безпредѣльномъ, восторженномъ удивленіи къ своему союзнику, но онъ не шелъ да-

лѣе словъ, и во время только что окончившейся войны между Франціей и Австріей, которую, по замѣчанію Вандали, «онъ могъ предупредить энергичнымъ воздѣйствіемъ на Австрію», Александръ игралъ очень осторожную роль, официально объявивъ войну Австріи, но тайно всячески мирволя ей, и не только не принимая дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но прямо мѣшая комбинаціямъ своего союзника постоянными проводочками и прямымъ противодѣйствіемъ энергично помогавшей ему польской арміи Понятовскаго. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, русско-французская дружба нѣсколько охладѣла, и съ одной стороны Наполеонъ сердился на Александра за недостатокъ искренности въ его дѣйствіяхъ, а съ другой — русскій императоръ жаловался на то, что, заключая миръ съ Австріей въ Вѣнѣ, Наполеонъ недостаточно позаботился объ интересахъ Россіи, уступивъ ей только небольшую часть Галиціи и предоставивъ львиную долю герцогству Варшавскому. Лучшимъ средствомъ выйти изъ этого неловкаго положенія казался Наполеону брачный союзъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ обязать Александра къ дальнѣйшей общей съ нимъ искренно-дружеской дѣятельности, доказать Европѣ, что союзъ съ Россіей не только не пошатнулся, но утверждень на незыблемомъ основаніи, и представить міру великолѣпное зрѣлище пріѣзда въ Парижъ русскаго императора, отдающаго руку своей сестры преемнику Карла Великаго и готоваго соединить Востокъ съ Западомъ для окончательнаго уничтоженія Англіи, этого вѣчнаго врага Франціи.

Составивъ такой блестящій планъ, Наполеонъ приступилъ къ его исполненію со всей своей энергіей и умѣньемъ очаровывать, которымъ онъ пользовался съ изумительной ловкостью. Съ одной стороны, онъ сталъ всячески ухаживать за русскимъ дворомъ, окружалъ русскаго посла въ Парижѣ, князя Куракина, самымъ лестнымъ вниманіемъ и старался всевозможными способами расположить къ себѣ Александра, соглашаясь на всѣ его политическія требованія, даже пытаясь ихъ предупредить. Такъ, торжественно открывая засѣданія законодательнаго корпуса, онъ прямо объявилъ, что русскій императоръ присоединилъ къ своей имперіи Молдавію и Валахію, одинъ изъ округовъ Галиціи и Финляндію, хотя дѣло о присоединеніи турецкихъ провинцій не было еще окончено, а въ депешахъ къ французскому послу въ Петербургѣ, Коленкуру, онъ приказывалъ соглашаться на какія угодно русскому императору уступки по польскому вопросу и заключить по этому предмету такой трактатъ, какового только потребуетъ Александръ. Съ другой стороны, онъ категорично поставилъ вопросъ о своемъ бракѣ, указывая въ перепискѣ, веденной отъ его имени министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи съ Коленкуромъ, что быстрымъ согласіемъ на этотъ бракъ Александръ

докажетъ, наконецъ, искренность своей дружбы послѣ столькихъ колебаній. Въ первый разъ упоминается объ этомъ брачномъ проектѣ въ депешѣ отъ 22-го ноября, имѣющей самый конфиденціаль- ный характеръ, шифрованной лично министромъ и содержаніе ко-

Императрица Марія-Луиза.

торой Коленкуръ долженъ былъ сообщить только русскому импе- ратору, не упомянувъ ни слова министру иностранныхъ дѣлъ Румянцеву. «Императоръ Александръ, — говорилось въ этой де- пешѣ, — долженъ припомнить, что въ Эрфуртѣ, узнавъ о распро- странившихся слухахъ насчетъ развода императора Наполеона, онъ

говорилъ съ нимъ объ этомъ и прямо сказалъ, что рука его сестры Анны была въ распоряженіи нашего императора. Теперь онъ желаетъ, чтобъ вы, господинъ посоль, просто и откровенно возбудили этотъ вопросъ въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ и объяснили бы ему дѣло въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я имѣю основаніе полагать, что императоръ, побуждаемый всей Франціей, намѣренъ приступить къ разводу. Имѣю ли я право сообщить, что можно рассчитывать на руку вашей сестры? Не угодно ли вашему величеству подумать два дня и дать мнѣ откровенный отвѣтъ, не какъ французскому послу, а какъ человѣку, глубоко преданному обѣимъ державнымъ семьямъ. Я не обращаюсь къ вамъ съ оффиціальнымъ предложеніемъ, а прошу, чтобъ вы искренно высказали ваши намѣренія. Я рѣшаюсь на этотъ шагъ, потому что привыкъ говорить вашему величеству все, что думаю, нимало не боясь, чтобъ вы меня скомпрометировали». Не получивъ еще отвѣта на эту депешу, черезъ двадцать дней и за сорокъ восемь часовъ до подписи акта о разводѣ, именно 13-го декабря, Наполеонъ посылаетъ новую депешу Коленкуру, увѣдомляя его о разводѣ, какъ о совершившемся фактѣ, и требуя, чтобъ онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ относительно русскаго брака тремя принципами: «1) императоръ предпочитаетъ жениться на сестрѣ Александра, если вы не представите доводовъ, которые могутъ перемѣнить его мнѣніе; 2) въ Парижѣ считаютъ минуты, потому что это вопросъ политическій, и императоръ спѣшитъ обезпечить свои интересы рожденіемъ дѣтей; 3) здѣсь не обратятъ вниманія ни на какія условія, даже имѣющія религіозный характеръ». Далѣе еще разъ повторяется, что, дѣйствуя вполне по своему усмотренію, Коленкуръ долженъ только имѣть въ виду желаніе императора какъ можно скорѣе обзавестись дѣтьми, а слѣдовательно быстрота необходимѣе всего, такъ что окончательный отвѣтъ долженъ быть полученъ не позднѣе конца января. вмѣстѣ съ отправкой этой депеши, Наполеонъ принимаетъ двѣ мѣры, которыя, онъ зналъ, расположатъ къ нему Александра: въ «Монитерѣ» объявлено объ открытіи подписки на русскій заемъ подъ нравственнымъ ручательствомъ французскаго правительства, и министръ внутреннихъ дѣлъ, Монталивэ, въ прочитанномъ имъ въ законодательномъ корпусѣ докладѣ о положеніи Французской имперіи, упоминая о вопросахъ внѣшней политики, категорически выразился: «Его величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши». Такимъ образомъ удовлетворялись заразъ и финансовыя и политическія требованія Россіи, такъ какъ она въ то время нуждалась въ иностранномъ займѣ, а опасенія о постепенномъ превращеніи герцогства Варшавскаго въ независимую Польшу составляли основную причину политическихъ колебаній Александра и его, если не ясно обнаруживаемаго, то, всетаки, очевидно чувствовавшагося охлажденія къ Наполеону.

Первой помѣхой къ быстрому окончанію дѣла о русскомъ бракѣ представилось случайное отсутствіе изъ Петербурга Александра. Французская депеша отъ 22-го ноября была получена только 14-го декабря, благодаря задержкѣ курьера на пути снѣжными завалами и официальными формальностями на границѣ, а 10-го русской императоръ уѣхалъ въ Москву и Тверь, къ своей сестрѣ принцессѣ Ольденбургской, откуда онъ вернулся лишь 26-го декабря. На другой же день Коленкуръ приступилъ къ исполненію своей двойной обязанности: заключить трактатъ между Франціей и Россіей насчетъ Польши и добиться согласія Александра на брачный проектъ. Первое дѣло быстро устроилось, и Коленкуръ вмѣстѣ съ Румянцевымъ составили и подписали трактатъ, имѣвшій прямо цѣлью обязать Наполеона не только не дѣйствовать въ пользу поляковъ, но прямо противодѣйствовать всѣмъ ихъ стремленіямъ къ независимости въ какой бы то ни было формѣ. Прежде всего было постановлено, что Польское королевство никогда не возстановится, а далѣе, что самыя названія Польши и поляковъ исчезнутъ изъ всѣхъ официальныхъ актовъ, что Варшавское княжество никогда не увеличится территоріями прежняго королевства, и что Наполеонъ гарантируетъ исполненіе трактата королемъ Саксонскимъ. Александръ былъ чрезвычайно доволенъ подобнымъ результатомъ давно продолжающихся переговоровъ, немедленно скрѣпилъ трактатъ своей ратификаціей, написалъ сердечное письмо Наполеону, благодаря его за всѣ принятые имъ дружескія мѣры и извиняясь за свои прежнія жалобы и упреки, а также сказалъ Коленкуру: «Теперь я только буду искать случая доказать императору, на сколько велика моя привязанность къ нему». Этими словами воспользовался Коленкуръ и 28-го декабря послѣ обѣда во дворцѣ возбудилъ брачный вопросъ. Сидя вдвоемъ съ Коленкуромъ въ кабинетѣ, Александръ распространился о своихъ дружескихъ чувствахъ къ Наполеону и выразилъ заботливыя опасенія о томъ, что станется съ Франціей, если случится что нибудь съ императоромъ, такъ какъ одна Россія его вѣрный союзникъ, не только преданный его системѣ, но и династіи. Поэтому онъ отозвался очень сочувственно о разводѣ и вполне одобрилъ намѣреніе Наполеона наконецъ озаботиться объ обезпеченіи своей династіи. Тогда Коленкуръ объяснилъ императору содержаніе полученной имъ депеши и просилъ дать ему рѣшительный отвѣтъ черезъ два дня, расположенъ ли онъ выдать замужъ сестру за Наполеона, если послѣдній сдѣлаетъ официальное предложеніе. Александръ тотчасъ отвѣчалъ, но болѣе любезно, чѣмъ удовлетворительно: «Эта идея мнѣ очень улыбается, и даже откровенно скажу вамъ, что, по моему мнѣнію, сестра не можетъ сдѣлать лучшаго выбора. Но вы помните, что я вамъ говорилъ въ Эрфуртѣ. Указъ и послѣдняя воля отца предоставляютъ полную свободу моей матери насчетъ распоряженія судьбой ея

дочерей. Ея идеи не всегда согласны съ моими желаніями, съ политикой и даже съ благоразуміемъ. Еслибъ это зависѣло отъ меня, то вы, не выходя изъ этого кабинета, получили бы удовлетворительный отвѣтъ, потому что, повторяю, эта идея мнѣ улыбается. Я подумаю и дамъ вамъ отвѣтъ, но мнѣ надо на это, по крайней мѣрѣ, десять дней». Спустя сорокъ восемь часовъ, о такомъ секретномъ и щекотливомъ вопросѣ заговорилъ съ Коленкуромъ, къ его величайшему удивленію, Румянцевъ, которому императоръ открылъ порученную ему тайну. Русскій министръ высказался вообще противъ подобнаго брачнаго союза, такъ какъ исторія, по его мнѣнію, доказывала, что политическіе союзы всегда охлаждаются брачными, и наивно спросилъ своего собесѣдника: отъ кого шла инициатива этого дѣла, такъ какъ если посоль говорилъ отъ имени императора, то его желаніе надо было во всякомъ случаѣ уважить, а если лично отъ себя, то лучше было объ этомъ и не говорить вдовствующей императрицѣ. Коленкуръ не попался въ разставленную ему ловушку и отказался отъ всякихъ объясненій по этому вопросу съ министромъ. 3-го января Александръ самъ возобновилъ разговоръ съ французскимъ посломъ и высказалъ ему, что онъ еще не говорилъ съ матерью, такъ какъ его затрудняютъ многія обстоятельства, особливо религіозный вопросъ. На это Коленкуръ возразилъ, что великая княжна, сдѣлавшись французской императрицей, сохранить свою вѣру и будетъ свободно исполнять всѣ религіозные обряды. «Но,—спросилъ Александръ,—будетъ у ней свой священникъ и своя часовня, да обяжетесь ли вы письменно гарантировать ей то и другое?» «Да»,—отвѣчалъ посоль. Александръ продолжалъ: «Отчего вы не просили прежде руки великой княжны Екатерины? Ея умъ, характеръ и возрастъ были гораздо подходяще для васъ». Онъ, повидимому, хотѣлъ отпугать Наполеона «мелкими семейными дразгмами» и угрозой, что у него будетъ упрямая, деспотичная теща, которая могла выказать притязанія на вмѣшательство въ домашнюю его жизнь. Императрица Марія Теодоровна, по его словамъ, такъ начинала дочерей своими идеями и предразсудками, что они теряли на всю жизнь свою личность, а ея вліяніе сохраняло свою силу даже издали; примѣромъ этого были ея двѣ старшія дочери, которыя продолжали послѣ свадьбы писать ей ежедневно. Эти доводы нисколько не испугали Коленкура, тѣмъ болѣе, что онъ уже получилъ вторую депешу Шампаньи и, основываясь на ней, заявилъ, что онъ теперь не формулируетъ, какъ прежде, вопросъ, а прямо дѣлаетъ предложеніе по приказу императора. Прижатый къ стѣнѣ, Александръ обѣщалъ переговорить съ матерью и прибавилъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ одержать успѣхъ, такъ какъ лично онъ былъ бы очень счастливъ соединиться съ Наполеономъ еще большими узами, но онъ снималъ съ себя заранее всякую отвѣтственность за послѣдствія. «Если въ

результатъ явятся непріятности,—замѣтилъ онъ,—то дипломатамъ придется выйти изъ затрудненій; вы этого захотѣли и пеняйте тогда на себя».

Черезъ два дня Александръ сообщилъ Коленкуру о своихъ переговорахъ съ матерью. Императрица не дурно приняла предложеніе; отъ нея можно было ожидать принципиальнаго упорства, но ничего подобнаго не было на дѣлѣ, и она обсуждала вопросъ, что уже было большимъ шагомъ впередъ. Но она требовала времени, чтобъ подумать и посоветоваться. Она написала въ Тверь, чтобъ узнать мнѣніе своей дочери Екатерины, и Александръ не сомнѣвался, что отвѣтъ изъ Твери получится удовлетворительный, для чего, однако, необходима была новая отсрочка на десять дней. На ловко замаскированный вопросъ Коленкура, не можетъ ли императоръ, послѣ просьбъ и увѣщаній, прибѣгнуть къ повелительному тону въ разговорахъ съ матерью, Александръ отвѣчалъ, что онъ не можетъ изъ уваженія къ волѣ отца и авторитету матери выдвинуть впередъ прерогативы государя. Его всемогущество имѣло границей порогъ Гатчинскаго дворца, гдѣ онъ былъ только посломъ посла. При этомъ онъ обязанъ былъ дѣйствовать очень осторожно въ интересахъ самого Наполеона и съ цѣлью сохранить его достоинство, для чего онъ, какъ вѣрный другъ, ничего не говорилъ матери о сообщеніяхъ Коленкура, а упоминалъ о возможномъ бракѣ Наполеона съ его сестрой, какъ о событіи, которое могло возникнуть при настоящихъ обстоятельствахъ. Этой системой дѣйствія онъ обезпечивалъ всѣ интересы и, поступая деликатно, желалъ, чтобъ и другіе поступали съ нимъ точно также. «Если дѣло не удастся,—прибавилъ онъ,—то никто объ этомъ не узнаетъ, такъ какъ все, что говорятъ Румянцеву, умираетъ въ немъ. Даже императоръ Наполеонъ ничѣмъ не обязанъ передъ мною и свободенъ если угодно ретироваться».

Передавая въ своихъ депешахъ эти объясненія съ русскимъ императоромъ, Коленкуръ указывалъ, что онъ никогда не пользовался такимъ вниманіемъ, довѣріемъ и даже дружбой Александра, какъ въ эту минуту; русскій императоръ готовъ былъ также для Наполеона на все и даже давалъ понять, что не воспротивится принятію Наполеономъ титула императора Западной имперіи, какъ о томъ ходили слухи. Что касается до его собственнаго мнѣнія, то посолъ выражалъ полную увѣренность въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, такъ какъ Александръ, очевидно, хотѣлъ этого брака и совершенно искренно дѣйствовалъ въ пользу своего союзника. Что касается до предполагаемой невѣсты, то Коленкуръ сообщалъ, что великой княжнѣ только что минуло пятнадцать лѣтъ, что она была очень велика для своего возраста и, судя по ея талии, плечамъ и придворнымъ толкамъ, была совершенно готова для замужества, что у нея были прекрасные глаза, добрый взглядъ, нѣжная фizioно-

мѣя, и вообще ея наружность отличалась если не красотой, то пріятной миловидностью. Характеръ у нея былъ мягкій, спокойный и добрый, въ чемъ она рѣзко отличалась отъ сестры, имѣвшей рѣшительную, повелительную натуру; какъ всѣ великія княжны, она была хорошо воспитана, образована и уже поражала достоинствомъ, необходимымъ для государыни. Судя по слухамъ, она походила на свою мать по формамъ и темпераменту, а слѣдовательно все предвѣщало въ ней хорошую, плодovitую мать. Этими свѣдѣніями оканчивались депеши, ожидаемыя съ такимъ нетерпѣніемъ въ Парижѣ.

V.

Извѣстія изъ Петербурга произвели удручающее впечатлѣніе на Наполеона. Читая между строками, онъ заподозрѣлъ искренность Александра и пришелъ къ заключенію, что всѣ проволочки русскаго двора и ссылки императора на его мать были только уловками для того, чтобъ отдѣлаться, подъ удобными предлогами, отъ щекотливаго вопроса, не разрѣшая его въ корнѣ. «Я знаю грековъ,—сказалъ онъ, согласно мемуарамъ Эрнуфа:— это недурно придуманная игра, чтобъ продлить дѣло и подготовить почву для отказа». На ловкость византійца онъ рѣшился отвѣчать хитростью итальянца и, приказавъ Шампаньи написать Коленкуру очень сухо, что отъ него ожидаютъ съ слѣдующимъ курьеромъ болѣе подробныя свѣдѣнія, необходимыя для окончательнаго рѣшенія дѣла, онъ приступилъ ко второй фазѣ своего сватовства. Уже давно носились слухи о возможности брака съ австрійской принцессой, и еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ Меттернихъ, сдѣлавшійся первымъ министромъ Австріи, прямо поручилъ послу въ Парижѣ, князю Шварценбергу, вступить въ переговоры о брачномъ трактатѣ, если со стороны Наполеона будетъ возбужденъ объ этомъ вопросъ. Меттернихъ считалъ этотъ планъ самымъ выгоднымъ для возвышенія побѣжденной Австріи и всячески старался содѣйствовать его исполненію, откровенно объясняясь въ этомъ смыслѣ съ французскими дипломатами. Его жена, находясь въ Парижѣ, дѣйствовала въ томъ же духѣ, и существуютъ безспорныя доказательства, что, послѣ развода Жозефины она имѣла съ бывшей императрицей интимное объясненіе, въ которомъ послѣдняя согласилась, что выборъ Наполеономъ австрійской принцессы въ ея преемницы самый благоразумный. Даже существуетъ разсказъ о томъ, что госпожа Меттернихъ имѣла объ этомъ разговоръ съ самимъ императоромъ, который однажды въ маскарадѣ, въ домино, спросилъ у нея: согласится ли австрійскій императоръ на бракъ его дочери съ своимъ побѣдителемъ, на что будто бы она, узнавъ своего собесѣдника, отвѣчала, что отказъ неизбеженъ, а импера-

торъ тогда замѣтилъ съ улыбкой: «Вы злая, напишите вашему мужу и спросите его мнѣніе по этому вопросу». Мнѣніе Меттерниха было всѣмъ извѣстно и открыто высказывалось; согласіе самого австрійскаго императора также не подлежало сомнѣнію, такъ какъ онъ еще въ 1804 году, по свидѣтельству французскаго посланника Алкье, въ депешѣ къ Талейрану, сказалъ на придворномъ обѣдѣ, что еслибъ Бонапартъ, который тогда былъ первымъ консуломъ, попросилъ руки его дочери, то онъ несомнѣнно далъ бы удовлетворительный отвѣтъ. Даже сама Марія-Луиза знала, что рѣчь идетъ объ ея бракѣ съ Наполеономъ, и писала 23-го января своей бывшей гувернанткѣ, графинѣ Колоредо: «всѣ говорятъ въ Вѣнѣ о моей свадьбѣ съ великимъ Наполеономъ; я надѣюсь, что это не осуществится; но если на мое несчастье случится противное, то я готова пожертвовать собою для пользы государства». Четыре дня спустя, Наполеонъ созвалъ въ Тюльери совѣтъ изъ своихъ родственниковъ и высшихъ сановниковъ для разрѣшенія вопроса о предстоящемъ бракѣ. Онъ прямо объяснилъ, что можетъ жениться на австрійской принцессѣ, русской великой княжнѣ, дочери короля саксонскаго и на французенкѣ, но что послѣдній, хотя самый для него пріятный, исходъ нарушилъ бы высшіе государственные интересы. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, онъ просилъ совѣта у представителей своей семьи, арміи, сената, законодательнаго корпуса и высшей администраціи. Большинство, подъ предводительствомъ принца Евгенія и Талейрана, высказалось въ пользу австрійскаго брака, Мюрать и Камбасересъ тянули на сторону русскаго, а нѣсколько голосовъ выразило сочувствіе и къ саксонскому. Наполеонъ спокойно выслушалъ всѣ мнѣнія и самъ не обнаружилъ своего предпочтенія, а одинаково опровергнулъ рѣзкія нападки какъ на Австрію, такъ и на Россію; поэтому хотя ничего не было рѣшено, но одинаково сохранялась возможность того и другаго брака. Подготовивъ подобнымъ образомъ общественное мнѣніе къ австрійскому браку, еслибъ русскій не удался, и вполнѣ убѣдившись наведенными дипломатическими справками въ согласіи императора Франца II, Наполеонъ сталъ спокойнѣе ждать втораго курьера изъ Петербурга.

Этотъ курьеръ прибылъ ночью 5-го февраля, и на другой день Наполеонъ познакомился съ содержаніемъ привезенныхъ имъ двухъ шифрованныхъ депешъ отъ Коленкура. Онѣ попрежнему не представляли рѣшительнаго отвѣта. Переговоры между Александромъ и его матерью продолжались ежедневно, и онъ постоянно сообщалъ объ ихъ результатѣ французскому послу. Отвѣтъ изъ Твери былъ полученъ вполнѣ удовлетворительный, но, все-таки, вдовствующая императрица никакъ не могла рѣшиться и высказать согласіе или отказъ. Она то ссылалась на молодость дочери и на примѣръ ея двухъ старшихъ сестеръ, умершихъ именно

отъ того, что онѣ слишкомъ рано вышли замужъ, то затруднялась отдать руку дочери разведенному мужу, тѣмъ болѣе, что по кодексу Наполеона нельзя было жениться ранѣе двухъ лѣтъ послѣ развода, то сомнѣвалась, чтобъ Наполеонъ могъ имѣть дѣтей, и выражала опасеніе, чтобы, въ случаѣ неосуществленія прямой цѣли его втораго брака онъ не развелся и съ новой женой. Всѣ эти доводы Александръ передавалъ Коленкуру и самъ приходилъ въ негодованіе отъ проволочекъ и неблагоприятныхъ аргументовъ матери. По его словамъ, онъ никогда не вель такихъ трудныхъ переговоровъ, но, всетаки, не унывалъ, потому что считалъ подобный бракъ выгоднымъ для всѣхъ. «Это было бы новымъ залогомъ нашего союза, — прибавлялъ онъ, — и хотя для меня это излишне, но я былъ бы счастливъ мыслью, что наши наслѣдники будутъ продолжать начатое нами дѣло». вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ распространялся въ похвалахъ Наполеону и его добрымъ качествамъ, увѣряя, что сама вдовствующая императрица не питаетъ къ нему никакой антипатіи. Эти слова императора подтверждалъ Румянцевъ, который передалъ французскому послу, что императрица Марія Ѳеодоровна одобряла разводъ Наполеона и прямо говорила: «Многіе ошибаются насчетъ моего мнѣнія объ императорѣ Наполеонѣ; я мать и хотѣла бы, чтобъ мои сыновья походили на него; онъ имѣетъ качества не только великаго полководца, но и государственнаго человѣка: лучше его нельзя управлять страной». Въ результатѣ получались одни любезныя слова, и болѣе ничего. Вторая десятидневная отсрочка прошла, а, всетаки, рѣшительнаго отвѣта не давали, и на всѣ настоятельныя просьбы Коленкура ускорить дѣло Александръ отвѣчалъ, что императрица не выражаетъ прямого сопротивленія, а только колеблется по своей всегдашней привычкѣ, и что онъ будетъ стараться уговорить ее, хотя не хочетъ своей чрезмѣрной поспѣшностью скомпрометировать Наполеона. Сообщая все это, посоль попрежнему прибавлялъ, что надѣется вскорѣ дать удовлетворительный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе высшихъ классовъ не относилось враждебно къ предполагаемому браку.

Напротивъ, Наполеонъ убѣдился изъ этихъ депешъ, что всѣ проволочки окончатся отказомъ, и рѣшилъ отомстить Россіи заключеніемъ брачнаго союза съ Австріей, прежде чѣмъ получится этотъ ожидаемый имъ отказъ. Въ тотъ же день онъ послалъ къ князю Шварценбергу принца Евгенія съ предложеніемъ тотчасъ подписать брачный трактатъ. Австрійскій посоль очень обрадовался такому счастливому обороту дѣла, но сначала не хотѣлъ безъ особыхъ инструкцій своего государя приступить къ составленію такого важнаго акта, и только когда ему пригрозили принять всякую отсрочку за отказъ, вслѣдствіе чего Наполеонъ выбереть другую невѣсту, то онъ на все согласился. Принцъ Евгеній

немедленно передалъ результатъ даннаго ему порученія императору, и, по его словамъ, послѣдній пришелъ въ «невообразимый, шумный и безумный восторгъ». Онъ не только достигъ своей цѣли и нашелъ себѣ достойную невѣсту, но возвышалъ еще свою славу бракомъ съ представительницей Габсбурговъ, что почти узаконило его положеніе, какъ монарха въ глазахъ Европы, и въ то же время гарантировалъ себя противъ отказа Россіи. Спустя нѣсколько часовъ, вторично былъ собранъ чрезвычайный совѣтъ изъ первыхъ сановниковъ государства, и послѣ прочтенія депешъ Коленкура снова имъ предложенъ вопросъ о бракѣ императора. Слухи о томъ, что Наполеонъ не желалъ ждать, пока вдовствующая русская императрица заявитъ свое согласіе, и уже покончилъ дѣло съ Австріей, распространились въ Парижѣ, и всѣ на этотъ разъ высказались противъ русскаго брака и за австрійскій. Тогда Наполеонъ объявилъ свое рѣшеніе и закрылъ совѣтъ, собранный только для формы. Въ ту же ночь онъ приказалъ написать Коленкуру макиавелевскую депешу, въ которой сообщалось, что проволокки Россіи ставятъ императора въ безвыходное положеніе, такъ какъ общественное мнѣніе торопитъ его съ выборомъ невѣсты, и что онъ считаетъ себя свободнымъ въ виду нежеланія русскаго двора быстро кончить дѣло, тѣмъ болѣе, что религіозныя требованія Россіи произвели дурное впечатлѣніе на французовъ. Слѣдующій день былъ посвященъ окончательному устройству австрійскаго брака. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ отыскали брачный контрактъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты, упростили его фразеологию и представили къ подписи князя Шварценберга. Онъ смѣло подписалъ этотъ важный актъ, не имѣя прямого полномочія отъ своего государя, и немедленно отправилъ его въ Вѣну для ратификаціи. Пока это событіе совершалось, къ дому министерства иностранныхъ дѣлъ подѣхалъ князь Куракинъ, не выходявшій изъ дома два дня изъ-за тяжелаго припадка подагры и ничего не подозрѣвавшій. Онъ хотѣлъ только узнать, ратификованъ ли императоромъ польскій трактатъ; но его не приняли, и онъ уѣхалъ ни съ чѣмъ, пока французскіе и австрійскіе дипломаты поздравляли другъ друга съ успѣхомъ ихъ анти-русской политики, а Наполеонъ принималъ самыя энергичныя мѣры къ быстрому осуществленію заключеннаго брачнаго трактата. Онъ рассчиталъ, что этотъ трактатъ могъ достигнуть Вѣны 13-го февраля, и его ратификація вернется въ Парижъ къ 21-му числу, а потому онъ рѣшилъ, что 22-го Бертье, герцога Нешательскій, въ качествѣ чрезвычайнаго посла и замѣстителя Наполеона отправится въ Вѣну, и 2-го марта будетъ совершенъ бракъ по уполномочію, 7-го новая императрица выѣдетъ изъ Вѣны и прибудетъ въ Парижъ къ 26-му числу. Наполеонъ при этомъ не упустилъ изъ виду ни одной мелкой подробности и требовалъ немедленной

высылки изъ Вѣны туфли и платья невѣсты, чтобъ приготовить въ Парижѣ приданое; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣлилъ заранѣе составъ двора новой императрицы и назначилъ сумму для ея содержанія. Одно только онъ отложилъ до слѣдующаго дня — наведеніе справокъ въ Вѣнѣ насчетъ внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ невѣсты, но и въ этомъ отношеніи ему суждено было успокоиться до вечера, такъ какъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ, на всякій случай, сообщилъ въ своей депешѣ, полученной наканунѣ, свѣдѣнія по этому вопросу. «Я посѣтилъ молодую принцессу, — пишетъ онъ, — и нашелъ ее наединѣ съ гувернанткой, но въ парадномъ костюмѣ. Ей восемнадцать лѣтъ, она большаго роста и хорошо сложена. У нея благородная осанка, пріятныя черты лица, нѣжное выраженіе, возбуждающее довѣріе, и граціозныя манеры. Она, повидимому, получила хорошее воспитаніе, поетъ, прекрасно играетъ на фортепіано и рисуетъ масляными красками. Я обратилъ разговоръ на эти искусства, и она говорила обо всемъ очень умно и съ той обворожительной скромностью, которая служитъ украшеніемъ молодости». Но Наполеонъ не хотѣлъ лечь спать въ этотъ памятный день, не порвавъ окончательно переговоровъ съ Россіей, и потому продиктовалъ Шампаньи вторую депешу, которая въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, но не безъ горечи и оскорбленнаго самолюбія, сообщала рѣшеніе, принятое императоромъ, благодаря непонятной медленности Россіи. Но, взваливая всю вину на русскія проволочки и ссылаясь на аргументы противъ русскаго брака со стороны ближайшихъ совѣтниковъ императора на основаніи чрезмѣрной молодости великой княжны и чрезвычайныхъ религіозныхъ требованій Россіи, императоръ ясно выразилъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, что онъ во всемъ винитъ вдовствующую императрицу, а не Александра, съ которымъ онъ попрежнему остается въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. «Бракъ императора съ австрійской принцессой, — писалъ Шампаньи со словъ Наполеона: — нисколько не измѣняетъ политическаго положенія. Напротивъ, нашъ союзъ съ Россіей еще болѣе укрѣпится и, быть можетъ, вполнѣнствіи къ нему присоединятся брачныя узы, которыя не встрѣтять теперешнихъ препятствій. Вообще будьте, господинъ посоль, въ своихъ сообщеніяхъ русскому двору мягки, осторожны и дружественны; воздержитесь отъ всего, что могло бы показаться оскорбительнымъ, но дайте почувствовать, что постоянныя проволочки, назначеніе двадцатидневнаго срока послѣ десятидневнаго и, наконецъ, отложеніе отвѣта на безсрочное время показались императору отказомъ, который обязывалъ его принять немедленное рѣшеніе, и онъ ни въ чемъ не виноватъ, если Россія не воспользовалась благопріятнымъ для нея случаемъ».

Курьеры, которые везли въ Петербургъ послѣднія двѣ депеши

французскаго правительства, встрѣтились на дорогѣ съ курьеромъ, слѣшившимъ въ Парижъ съ окончательнымъ отвѣтомъ Россіи. Этотъ отвѣтъ былъ отказъ, какъ предвидѣлъ Наполеонъ. Еще пятнадцать дней Александръ держалъ Коленкура въ лихорадочномъ ожиданіи, постоянно увѣряя его, что еще ничего не рѣшено, но императоръ можетъ рассчитывать на него, потому что онъ «служить ему такъ же, какъ посолъ, всѣмъ сердцемъ и душой». Наконецъ, 4-го февраля онъ объявилъ, что императрица рѣшила не соглашаться на свадьбу дочери раньше двухъ лѣтъ, въ виду ея чрезмѣрной молодости. Самъ Александръ понималъ, что эта отсрочка означала отказъ, и, распространившись о своемъ сожалѣніи, что ихъ планъ не удался, а также увѣряя, что дружескій союзъ между императорами остается въ прежнемъ видѣ, онъ возвращалъ Наполеону полную свободу, тѣмъ болѣе, что во все время переговоровъ его имя не было компрометировано. «Я знаю,—прибавилъ онъ буквально,—что его величество торопится, и это понятно; заявивъ Европѣ, что онъ желаетъ имѣть дѣтей, онъ не можетъ ждать; мнѣ, къ сожалѣнію, остается только желать ему полного счастья и, не имѣя возможности дать ему руку сестры, какъ гарантію своей дружбы, воспитывать своихъ братьевъ такъ, чтобъ они питали сочувствіе къ нашему союзу и общимъ интересамъ обоихъ государствъ». На всѣ просьбы Коленкура, чтобъ Александръ выказалъ въ дѣлѣ свой авторитетъ, онъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сдѣлать. «Еслибъ Наполеонъ заговорилъ ранѣе и далъ бы болѣе времени,—замѣтилъ онъ,—то все можно было бы устроить. А теперь я не могу возражать матери, которая оплакиваетъ двухъ дочерей, умершихъ отъ слишкомъ раннихъ браковъ. Я очень сожалѣю объ этомъ и знаю, что сестра была бы счастлива; предстоявшая ей судьба не можетъ сравниться съ глупыми свадьбами моихъ другихъ сестеръ. Но въ виду ея молодости и упорства матери, было бы униженіемъ для императора и меня просить ее измѣнить свою рѣшимость». Передавая въ своей книгѣ этотъ официальный отвѣтъ Россіи въ подлинникѣ, Вандаль указываетъ, что въ сущности Александръ не былъ такъ далекъ отъ настоящихъ взглядовъ своей матери на французскій бракъ, какъ онъ говорилъ, и что основная причина отказа Россіи породниться съ Наполеономъ заключалась не въ молодости великой княжны, а въ недовѣрїи къ наполеоновской политикѣ. «Вдовствующая императрица, по словамъ Вандалья, прямо выражала, что Наполеонъ дружить съ Россіей не по принципу и по сочувствію, а изъ временныхъ интересовъ, желая парализовать Сѣверъ, пока онъ подчинитъ себѣ Югъ. Она олицетворяла въ Петербургѣ духъ коалиціи монархической Европы противъ узурпатора, и вся Россія поддерживала ее въ нежеланіи совершить бесполезную и унижительную *mésalliance*, такъ какъ нельзя было рассчитывать на дружбу Наполеона». Что касается до *veto* императрицы, то нашъ авторъ считаетъ это несерьезнымъ аргумен-

томъ, и Коленкуръ впослѣдствіи убѣдился, что императрица уступила бы желанію сына, еслибъ онъ твердо заявилъ свою волю. Но дѣло именно заключалось въ томъ, что онъ не хотѣлъ этого брака, и только для приличія и изъ политическихъ видовъ распространялся о своемъ согласіи, вваливая всю вину за отказъ на свою мать. Его осторожность оказалась вполне благоразумной въ виду быстраго поворота Наполеона и заключенія брачнаго трактата съ Австріей, прежде чѣмъ окончены были переговоры съ Россіей. «Какое счастье, — сказалъ онъ самъ Коленкуру послѣ полученія неожиданныхъ извѣстій изъ Парижа, — что возрастъ моей сестры насъ остановилъ. Еслибъ я не ограничился въ своихъ объясненіяхъ съ матерью указаніемъ, что дѣйствовалъ только отъ своего имени, и выказалъ бы менѣе уваженія къ ея правамъ, то въ какомъ положеніи мы теперь находились бы? Съ какими бы упреками я тогда обратился къ вамъ? Медленность, на которую вы такъ жаловались, оказывается, была только мудростью».

Спустя нѣсколько дней, въ Петербургѣ была получена еще болѣе непріятная вѣсть, именно отказъ Наполеона отъ ратификаціи трактата насчетъ Польши, подписаннаго въ Петербургѣ и который онъ предлагалъ замѣнить другимъ трактатомъ гораздо болѣе мягкимъ относительно Польши. Александръ и Румянцевъ пришли въ негодованіе, отказались отъ подписи неудовлетворительнаго трактата и прямо въ объясненіяхъ съ Коленкуромъ стали обвинять Наполеона въ двойной игрѣ и въ желаніи порвать союзъ между обоими государствами. Въ свою очередь Наполеонъ, среди своихъ приготовленій къ свадьбѣ и подобострастныхъ выраженій преданности со стороны Австріи, государь которой уже называлъ его «своимъ усыновленнымъ сыномъ», вышелъ изъ себя отъ такихъ рѣзкихъ заявленій со стороны Россіи и приказалъ отвѣчать на нихъ самымъ крутымъ образомъ, снова сваливая всю вину на Россію и указывая, что онъ не виноватъ, если русскій императоръ не былъ главой въ своей семьѣ, если Австрія въ двадцать четыре часа покончила дѣло, которое Россія тянула такъ долго, и если онъ не могъ утвердить трактата, въ который были включены нелѣпости. Конечно, Шампаньи ослабилъ рѣзкій тонъ и неприличную форму этого отвѣта, но, всетаки, съ этихъ поръ наступило окончательное охлажденіе между обоими государями, хотя они продолжали увѣрять другъ друга въ своей дружбѣ. Хотя, по справедливому замѣчанію Вандаля, нельзя видѣть въ неуспѣхѣ русскаго брака прямую причину превращенія русско-французскаго союза въ открытую борьбу, но это событіе, вмѣстѣ съ обострившимся польскимъ вопросомъ, мало-по-малу подточило дружбу тильзитскихъ союзниковъ и возвратило ихъ въ прежнее положеніе заклятыхъ враговъ.

VI.

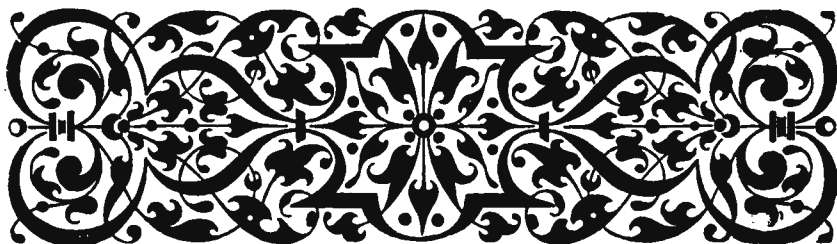
Австрийскій бракъ совершился по заранѣе составленной программѣ Наполеона, съ необычайнымъ блескомъ, прежде по уполномочію въ Вѣнѣ 11-го марта гражданскимъ порядкомъ, а потомъ въ Парижѣ 2-го апрѣля въ духовномъ отношеніи. Конечно, главную роль при этомъ играли австрийцы, съ Меттернихомъ во главѣ. Онъ сіялъ радостью, что его давнившій планъ удался, и поражалъ всѣхъ своими удачными, остроумными выходками: такъ во время параднаго дипломатическаго завтрака въ Луврѣ онъ подошелъ къ отворенному окну съ бокаломъ въ рукѣ и крикнулъ стоявшей извнѣ толпѣ: «да здравствуетъ король римскій», титулъ, которымъ было уговорено заранѣе называть будущаго сына Наполеона, а когда больной, старый князь Куракинъ старался скрыть свое неловкое положеніе чрезмѣрными похвалами красотѣ Маріи-Луизы, то онъ громко сказалъ: «Правда, ея величество удивительно развилась въ послѣдніе три года и отличается граціей, достоинствомъ и здоровьемъ, но она не красавица». Самъ Наполеонъ былъ вполне доволенъ своей новой женой, и въ книгѣ Леви приведено много любопытныхъ подробностей о томъ, что въ это время въ немъ проснулись чувства чловѣка помимо политическихъ официальныхъ демонстрацій; онъ просто радовался, что женится на молодой, невинной дѣвушкѣ, и старался всѣми силами ей понравиться. Съ этой цѣлью онъ даже перемѣнилъ весь свой гардеробъ, слѣдуя примѣру царя моды Мюрата, и до пріѣзда Маріи-Луизы бралъ уроки танцевъ, желая ловко танцовать вальсъ. Но свое искреннее чувство къ молодой женѣ онъ доказалъ всего яснѣе нарушеніемъ установленнаго этикета и церемоніала при ея встрѣчѣ; было рѣшено, что они свидятся въ парадныхъ палаткахъ, разставленныхъ на большой дорогѣ между Компьеномъ и Суасономъ, но Наполеонъ, узнавъ, что Марія-Луиза выѣхала изъ Витри, вскочилъ въ коляску и поскакалъ съ Мюратомъ, сохраняя самое строгое инкогнито. Въ Курселѣ онъ встрѣтилъ парадный поѣздъ императрицы, выскочилъ изъ коляски и подбѣжалъ къ ея экипажу; конюхъ отворилъ дверцу съ крикомъ: «императоръ», и Наполеонъ бросился на шею женѣ. Вмѣстѣ съ ней онъ вернулся въ Компьенъ и тамъ еще болѣе нарушилъ придворный этикетъ; спросивъ за ужиномъ у кардинала Феша: «не правда ли, мы совсѣмъ женаты?» и получивъ въ отвѣтъ: «да, въ гражданскомъ порядкѣ», онъ ночью пошелъ въ спальню къ своей юной женѣ, а на другое утро сказалъ камердинеру Констану: «а что замѣтили вы, какъ я перевернулъ вверхъ дномъ всю программу?».

Какъ извѣстно, бракъ съ Маріей-Луизой не принесъ счастья Наполеону и окончился постыдной измѣной съ ея стороны. До своего паденія онъ всегда обнаруживалъ къ ней чувства добраго

и нѣжнаго мужа, оставаясь вполне вѣрнымъ своимъ постояннымъ стремленіямъ къ домашнему очагу; но она сначала отзывалась во всѣхъ своихъ письмахъ самымъ лестнымъ образомъ о мужѣ и удостоверяла, что совершенно счастлива. Когда же судьба отвернулась отъ Наполеона, то она стала увѣрять, что никогда не питала нѣжныхъ чувствъ къ нему, и не только отказалась послѣдовать за нимъ на островъ Эльбу, но уже въ половинѣ 1814 года вступила въ незаконную связь съ австрійскимъ генераломъ Нейпергомъ, отъ котораго имѣла сына, а впоследствии вышла замужъ за графа Бомбея. Такимъ образомъ, по словамъ Леви, Наполеону суждено было быть обманутымъ обѣими своими женами, съ тѣмъ только различіемъ, что Жозефина, не теряя времени, сдѣлала ему рога и потомъ его искренно любила, а Марія-Луиза никогда не питала къ нему искренняго чувства и измѣнила ему черезъ четыре года, какъ только счастье отвернулось отъ него.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Р. В. Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговомъ княжествѣ въ татарское время. Изданіе археографической комиссіи. Спб. 1893.

НИГА Р. В. ЗОТОВА представляетъ весьма отрадное явленіе среди монографій по мѣстной, областной, исторіи Россіи, столь важной для правильнаго пониманія общей русской исторіи.

Черниговско-Сѣверская земля, своеобразная и по племенной особенноти своего населенія, и по своей исторической роли, и по судьбѣ своихъ княжескихъ поколѣній,—имѣетъ уже специальныхъ историковъ въ лицѣ двухъ южно-русскихъ ученыхъ: Д. И. Багалѣя и П. В. Голубовскаго; кромѣ того, многіе отдѣльные вопросы изъ исторіи этой земли давно привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, вопросы о Тмутараканскомъ краѣ, о походѣ Игоря, князя сѣверскаго, на половцевъ, воспомѣтъ въ знаменитомъ «Словѣ о полку Игоревѣ», о происхожденіи Болховскихъ князей и о характерѣ ихъ власти, о покореніи черниговско-сѣверскихъ княжествъ литовскими Гедиминовичами.

Но, не смотря на такое, повидимому, обиліе вопросовъ изъ мѣстной черниговско-сѣверской исторіи и на существованіе двухъ ученыхъ изслѣдованій по обзору всей исторической судьбы этой земли,—исторія ея далеко не выяснена, въ особенноти темна исторія ста слишкомъ послѣднихъ лѣтъ независимаго существованія черниговско-сѣверскихъ княжествъ, отъ разгрома ихъ татарами до подпаденія подъ власть Гедиминовичей литовскихъ, то-есть съ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до семидесятыхъ годовъ XIV вѣка. Главнѣйшей причиною этой темноты является отсутствіе спе-

ціальнихъ черниговско-сѣверскихъ лѣтописей. Всѣ извѣстія по исторіи этой земли разбросаны въ другихъ лѣтописяхъ: кievской, галицко-волынской, сувдальской и позднѣйшихъ московскихъ и литовскихъ лѣтописныхъ сводахъ, а потому каждому новымъ источникомъ для исторіи Черниговско-Сѣверской земли мы должны особенно дорожить. Такимъ источникомъ является такъ называемый Любецкій синодикъ, дошедшій до насъ въ позднѣйшей копіи XVIII вѣка и впервые обнародованный (въ сокращенномъ изданіи) графомъ Г. А. Милорадовичемъ въ 1860 году въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾. Затѣмъ изученіемъ синодика занимались: извѣстный историкъ русской церкви, черниговскій архіепископъ Филаретъ Гумилевскій и мѣстный исследователь тверскихъ древностей Квашининъ-Самаринъ.

Р. В. Зотовъ пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ въ разработкѣ этого историческаго источника: онъ задался мыслию подвергнуть тщательному историко-критическому изученію «Любецкій синодикъ», исправивъ ошибки, допущенныя при его объясненіи преосвящ. Филаретомъ, и извлечь изъ него новыя данныя для исторіи Черниговско-Сѣверской земли. Молодой ученый, только что выступающій на поприще русской, исторической науки, исполнилъ свою задачу вполне удачно и совершенно научно, и намъ остается только искренно пожелать г. Зотову дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ имъ пути.

Болѣе половины разсматриваемой книги занято историко-критическимъ анализомъ «Любецкаго синодика» (стр. 6—182); затѣмъ слѣдуютъ: краткій очеркъ исторіи Черниговскаго княжества въ татарское время (стр. 182—236), заключеніе (стр. 236—239) и четыре генеалогическихъ приложения: 1) родовая черниговскихъ князей по Любецкому синодику; 2) тоже, составленная преосвящ. Филаретомъ; 3) списокъ великихъ князей Черниговскихъ въ порядкѣ преемства ихъ; 4) полная, поколѣнная роспись потомства князя Святослава Ярославича Черниговскаго.

Уже изъ этого краткаго обзора состава книги Р. В. Зотова видно, что она имѣетъ спеціальной задачей изученіе генеалогическихъ данныхъ. Всякій, кто работалъ въ этомъ направленіи, особенно изучалъ столь мало еще обследованные у насъ источники, какъ синодики,—очень хорошо пойметъ, сколько трудностей долженъ былъ преодолѣть г. Зотовъ при ученомъ анализѣ «Любецкаго синодика». Наши синодики—это «образы безъ лицъ», названія, смыслъ которыхъ утраченъ: имена, имена, имена—и больше ничего! Опрежденіе реальныхъ личностей, скрывающихся подъ этими именами, систематизація ихъ и затѣмъ изученіе, то-есть сопоставленіе цѣлаго ряда частныхъ и мелочныхъ фактовъ, дающихъ для этихъ личностей историческій комментарий, почерпнутый изъ различныхъ источниковъ, и, наконецъ, выводы изъ этого ряда фактовъ, имѣющіе общее значеніе, выводы, уясняющіе подробности и особенности цѣлой группы историческихъ явленій,—вотъ что предстояло сдѣлать Р. В. Зотову, и онъ весьма успѣшно выполнилъ эту

¹⁾ Синодикъ этотъ хранится въ Антоніевомъ мужскомъ, упраздненномъ нынѣ, монастырѣ, близъ города Любеча, Черниговской губерніи. Два послѣдующихъ полныхъ изданія Синодика принадлежатъ тому же графу Милорадовичу и появились въ «Чт. Моск. Общ. ист. и др. Росс.» 1871 года, кн. 2, и въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1886 года.

задачу относительно черниговско-сѣверской исторіи. Въ этомъ состоитъ его неоспоримая ученая заслуга. Само собою, что по сущности такого источника, какъ «Любецкій синодикъ», ученый исследователь въ иныхъ случаяхъ не могъ идти дальше гипотезъ и иногда даже не обосновывалъ ихъ должнымъ образомъ, но это обстоятельство не умаляетъ ученыхъ достоинствъ труда г. Зотова. Это неиабѣжный результатъ критической разработки новаго источника. Г. Зотовъ прежде всего восполняетъ пробѣлы въ исторіи земли Черниговско-Сѣверской за все время татарскаго владычества. До сихъ поръ мы почти ничего не знали о судьбѣ черниговско-сѣверскихъ княжествъ вообще за это время и еще менѣе имѣли свѣдѣній о сѣверо-восточныхъ княжествахъ этой земли, подчинившихся не Ольгерду Литовскому и его потомству, а княжествамъ Смоленскому, Московскому и Рязанскому. Г. Зотовъ далъ много новаго и интереснаго по этимъ вопросамъ, тщательно собравъ данныя географическія, генеалогическія и историческія, нѣрѣдко мелочныя, но тѣмъ не менѣе весьма важныя въ научномъ отношеніи: только путемъ изученія частныхъ и подробностей исторіи въ правѣ доходить до обобщеній.

Изъ обильнаго запаса этихъ любопытныхъ частныхъ позволимъ себѣ остановиться на замѣткахъ г. Зотова о князьяхъ (Болховскихъ, Мышецкихъ и Мачевскихъ).

О Болховскихъ князьяхъ существуетъ у насъ цѣлая литература. Важность вопроса о нихъ заключается въ томъ, что Галицко-Волынская летопись называетъ ихъ особіи князи, что подало поводъ Н. И. Костомарову и Н. П. Дашкевичу считать ихъ князьями не изъ потомства Владиміра Святаго. Костомаровъ признаетъ ихъ потомками древнѣйшихъ и исконныхъ племенныхъ славянскихъ князей Подольской земли; а проф. Дашкевичъ считаетъ Болховскихъ князей за выборныхъ народныхъ владѣтелей западной части Кіевской земли. Г. Зотовъ, слѣдуя Соловьеву и Квашнину-Самарину, видитъ въ Болховскихъ князьяхъ потомковъ Черниговской вѣтви. Что же касается до князей Мышецкихъ, то до сихъ поръ происхожденіе ихъ было неизвѣстно и предковъ ихъ выводили даже изъ Германіи (Е. П. Карновичъ). Р. В. Зотовъ весьма основательно ведетъ ихъ родословную отъ Мышагскихъ князей Торусскаго удѣла Черниговско-Сѣверской земли, составлявшаго владѣніе князя Юрія Михайловича, меньшаго сына св. князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ въ 1246 году.

Судьба Мачевскихъ князей, происходящихъ отъ Ростислава, старшаго сына того же св. Михаила, особенно любопытна. Она вводитъ насъ въ исторію отношеній русскихъ земель до-Монгольской эпохи къ Византіи, южнымъ и западнымъ славянамъ, венграмъ и вѣмцамъ. Хотя и у насъ, и въ исторіографіи другихъ славянскихъ народовъ сдѣлано уже кое-что по монографическимъ изученіямъ этого вопроса, тѣмъ не менѣе къ нимъ не подведены итоги, и большинство русской образованной публики недостаточно ясно представляетъ себѣ то общеніе, которое существовало у большинства русскихъ земель съ народами южной, западной и сѣверо-западной Европы съ самаго зачина русской исторической жизни до исхода XIII вѣка, то-есть до порабощенія сѣверо-восточной Руси татарами. Той отчужденности отъ славянства и Западной Европы, которою поражается исследователь въ исторіи Московскаго государства XIV—XVII вѣковъ, не существовало въ западныхъ и юго-западныхъ русскихъ земляхъ до исхода XIII вѣка, а отво-

шенія ихъ къ Византіи были въ то время весьма близки. Однимъ изъ доказательствъ того и другаго является, между прочимъ, судьба Мачевскихъ князей, болѣе выясненная г. Зотовымъ, чѣмъ въ предшествовавшихъ ему изслѣдованіяхъ. Венгерскій король Бела IV, чешскій король-патріотъ, отчаянный борець противъ нѣмцевъ изъ-за національной автономіи Чехіи, Оттокаръ II, польскій король Лешекъ-Черный, наконецъ, возстановитель Болгарскаго царства Іоаннъ Асѣнь и византійскій императоръ Мануиль— вотъ личности, въ родственныхъ отношеніяхъ съ которыми находилась черниговская отрасль Мачевскихъ князей, вошедшая во второй половинѣ XIII вѣка въ политическіе и національные интересы Чехіи, Польши, Дунайской Болгаріи и Византіи. По этимъ родственнымъ связямъ князья Мачевскіе владѣли дунайскимъ округомъ Мачвой и Босной.

Что касается до намѣренія почтеннаго изслѣдователя явиться, такъ сказать, защитникомъ Черниговскихъ Ольговичей, то попытка эта представляется намъ недостаточно обоснованной и неточно сформулированной. Этими недостатками страдаютъ всѣ послѣдніе тезисы изслѣдованія г. Зотова, съ 17-го по 21-й включительно, не имѣя должнаго подтвержденія ни въ общезвѣстныхъ доселѣ историческихъ фактахъ, ни въ приводимыхъ г. Зотовымъ соображеніяхъ (см. стр. 222—236). Говоря, наприимѣръ, объ обычаяхъ у русскихъ князей наслѣдованія столовъ по праву родоваго старшинства, нашъ авторъ полемизируетъ съ г. Погодинымъ, утверждавшимъ, что это право принесено къ намъ съ сѣвера и заявляетъ совершенно правильно, что право это имѣло мѣстное происхожденіе. Но при этомъ онъ не подвергаетъ должному анализу ни теорій родоваго княжескаго быта Соловьева и Кавелина, ни земско-вѣчеваго элемента, игравшаго видную роль въ этихъ отношеніяхъ и въ подробностяхъ разработаннаго И. Д. Вѣляевымъ и В. И. Сергѣевичемъ. Послѣ изысканій названныхъ ученыхъ, вопросъ о туземности русскихъ родовыхъ (правильнѣе родственныхъ) междукняжескихъ отношеній, по нашему мнѣнію, иначе не можетъ быть разрѣшенъ, какъ въ положительномъ смыслѣ.

Хронологическимъ предѣломъ, которымъ заканчивается книга г. Зотова, исторія Черниговско-Сѣверской земли не заканчивается. Важна и своеобразна судьба этой земли въ послѣдующей общерусской исторической жизни. Колебаніе потомковъ бывшихъ владѣтельныхъ князей между государствами Московскимъ и Литовскимъ въ XV вѣкѣ вызываетъ цѣлый рядъ повемельныхъ и политическихъ недоразумѣній между этими государствами, приводящихъ къ взаимному ихъ военному столкновенію, которое, въ свою очередь, обостряетъ отношенія между Москвой и Литвой, перенося недружелюбіе Москвы на Польшу послѣ окончательнаго соединенія ея съ Литвой во второй половинѣ XVI вѣка. «Князата» черниговско-сѣверскіе являютъ собою значительный контингентъ въ числѣ служилыхъ людей Московскаго государства XVI—XVII вѣковъ, составляя послѣ поколѣній ростовско-суздальскихъ «князатъ» наибольшую группу фамилій среди московской знати царскаго періода. Роль «Сѣверщины» въ смутное время и состояніе лѣвобережной Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка имѣютъ существенное значеніе для выясненія обще-русскихъ историческихъ явленій XVII вѣка. Но всѣ эти важные вопросы могутъ быть выяснены лишь путемъ тщательнаго изученія дальнѣйшихъ мѣстныхъ историческихъ условій земли Черниговско-Сѣверской.

Позволимъ себѣ выразить надежду, что Р. В. Зотовъ не оставитъ ихъ безъ изслѣдованія и, заявивъ уже въ своей книгѣ, что работаетъ надъ изученіемъ потомства св. Михаила Черниговскаго, подаритъ русскую историческую науку еще цѣлымъ рядомъ ученыхъ изысканій по исторіи Черниговско-Сѣверской земли XIV—XVII вѣковъ, когда она потеряла свое независимое политическое бытіе, но продолжала проявлять свое культурно-національное существованіе, войдя въ составъ государствъ Московскаго и Польско-Литовскаго.

Д. Корсаковъ.

Историческое Обзорѣніе. Сборникъ историческаго общества при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева (1892 г.). Томъ четвертый. Спб. 1892.

Въ четвертый томъ «Историческаго Обзорѣнія» вошло 8 статей. Первое мѣсто занимаетъ статья Н. И. Карѣева «Замѣтки объ экономическомъ направленіи въ исторіи». Въ этой статьѣ уважаемый профессоръ возвращается къ той же темѣ, которая послужила основаніемъ для реферата, появившагося во второмъ томѣ «Историческаго Обзорѣнія», подъ заглавіемъ «Политическая экономія и теорія историческаго процесса». Указавъ на тѣсную связь, соединяющую въ настоящее время изученіе исторіи и политической экономіи, Н. И. Карѣевъ разбираетъ теоретическую обоснованность «экономическаго матеріализма» и «историческаго экономизма», то-есть стремленія представить всю исторію, какъ результатъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ народовъ, и изучать политическую экономію съ исторической точки зрѣнія. Выводомъ статьи проф. Карѣева является то положеніе, что экономическая сущность историческаго процесса фигурируетъ въ современной исторіографіи въ качествѣ подразумеваемаго постулата, и что попытки экономистовъ обосновать истинность этого постулата приводятъ къ послѣдствію діаметрально противоположному—открываютъ его несостоятельность. Характеръ научныхъ изслѣдованій носятъ статьи: М. М. Ковалевскаго «Учредительное собраніе и борьба венеціанскаго правительства въ его политическихъ принципахъ» и Н. Н. Дебольскаго «Древнерусскія междукняжескія отношенія по договорамъ». Первая представляетъ картину послѣднихъ дней венеціанской олигархіи, сдѣланную на основаніи новаго архивнаго матеріала; вторая же есть пересмотръ стараго, но все еще нерѣшеннаго вопроса о характерѣ отношеній между удѣльными князьями. Тщательное рассмотрѣніе междукняжескихъ договоровъ дало возможность автору довольно прочно установить два положенія: во-первыхъ, со временъ Симеона Гордаго князья удѣльные были въ нѣкоторой зависимости отъ великихъ, сперва какъ младшіе члены семьи, потомъ какъ вассалы; во-вторыхъ, въ то же время великіе князья были самостоятельными (въ вѣншихъ отношеніяхъ) владѣтелями. Ихъ договоры—договоры международные. Далѣе отмѣтимъ статью С. В. Лурье «Секта ессеевъ», затрогивающую крайне любопытный вопросъ объ еврейской сектѣ, имѣвшей тѣсную связь съ появленіемъ христіанства. Но скудость свѣдѣній по этому предмету, съ одной стороны, и крайняя осторожность автора, съ другой, послужили причиною того, что названная статья не даетъ яснаго понятія о сущности ученія ессеевъ. Исторіографическаго направленія придерживаются статьи С. Л. Пташиц-

каго «Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи конца XVIII в.» и А. С. Вязигина «Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ». Значительный интерес возбуждаетъ статья «Очерки современнаго историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа», составленная двумя нашими молодыми учеными во время ихъ заграничной командировки, именно И. М. Гревсомъ и П. Д. Погодинымъ. Эта статья въ интересномъ изложеніи знакомитъ насъ съ характеромъ преподаванія въ «Faculté des lettres de Paris» и въ «École libre des sciences politiques». Передъ читателемъ проходитъ длинный рядъ характеристикъ лучшихъ современныхъ французскихъ историковъ и ихъ курсовъ. Отдѣлъ «Исторической хроники» ведется попрежнему весьма тщательно и поражаетъ обиліемъ свѣдѣній, интересныхъ для каждаго лица, имѣющаго хоть какое нибудь касательство къ ученому міру. «Историческое Обзорѣніе» единственный органъ, въ которомъ мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія о различныхъ ученыхъ обществахъ, объ историческомъ преподаваніи въ университетахъ и т. п.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ протоколы историческаго общества съ изложеніемъ содержанія читанныхъ въ немъ рефератовъ, а также дополнительный списокъ членовъ общества, число которыхъ теперь доходитъ до 263. Историческое общество растетъ. Можемъ только пожелать ему всякаго успѣха и процвѣтанія.

С. А.—въ.

Mythologiae Lituanicae Monumenta. Zródła do Mytologii Litewskiej od Tacyta do konca XIII wieku. Zebral, ocenil i objasnil Antoni Mierzynski. Warszawa. 1892.

Г. Мѣржинскій, бывший профессоръ Варшавскаго университета, уже много лѣтъ занимается литовскою мифологіею. Результаты нѣкоторыхъ своихъ исследованийъ онъ сообщалъ на археологическихъ съѣздахъ въ Кіевѣ, Одессѣ и послѣднемъ московскомъ (1890 г.). По мнѣнію г. Мѣржинскаго, причина незначительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ до настоящаго времени въ дѣлѣ знакомства съ литовскою мифологіею, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что прежніе исследователи не знали всѣхъ источниковъ своего предмета, не занялись серьезною критикою ихъ и не обращали должнаго вниманія на народную поэзію и преданія. Вслѣдствіе этого свои личныя фантазіи и измышленія они выдавали за научные выводы. Нельзя съ этимъ вполне не согласиться съ авторомъ, въ особенности по отношенію къ трудамъ польскихъ исследователей литовской мифологіи, какъ, напримѣръ, Нарбута, Крашевскаго и другихъ.

Съ цѣлью создать болѣе прочный фундаментъ для изученія литовской мифологіи, г. Мѣржинскій рѣшилъ предпринять, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ указанному выше его труду, изданіе источниковъ, занимающихся описаніемъ литовскихъ божествъ, а также собрать разсѣянные въ хроникахъ и различныхъ документахъ указанія относительно мифологіи литовцевъ и ихъ религіозныхъ обрядовъ. Оставляетъ онъ только въ сторонѣ народную литературу въ виду существованія уже хорошихъ сборниковъ литовскихъ пѣсней, преданій и тому подобныхъ произведеній народной словесности. Въ появившейся недавно части «Mythologiae Lituanicae Monumenta» авторомъ приводятся въ хронологическомъ порядкѣ извле-

ченія изъ самыхъ различныхъ источниковъ всего, что только тамъ говорится о литовской миѳологіи. Начинаетъ г. Мѣржинскій съ Тацита и кончаетъ папскими буллами, хрониками и лѣтописями XIII в. Каждому отрывку онъ предпосылаетъ сперва краткія извѣстія о самомъ источникѣ и его авторѣ; а затѣмъ подробно комментируетъ приведенное имъ изъ источника мѣсто. Иногда такой комментарий разрастается почти въ маленькую монографію, какъ, напримѣръ, мы видимъ это при разборѣ г. Мѣржинскимъ нѣсколькихъ строчекъ изъ Оливера схоластика. Тутъ мы встрѣчаемъ массу интересныхъ указаній относительно взгляда литовцевъ на окружающую ихъ природу и на обоготвореніе ея. Намъ, впрочемъ, кажется, что такой способъ комментирования представить при дальнѣйшемъ продолженіи труда большія неудобства, такъ какъ автору придется часто возвращаться къ сказанному уже ранѣе, или онъ долженъ будетъ прибѣгать къ не всегда удобнымъ въ такихъ случаяхъ ссылкамъ на прежнія свои объясненія.

Н. Л—чъ.

К. Б. Газенвинкель. Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка.

Казань. 1892.

I. Газенвинкель рассмотрѣлъ книги разрядныя, изданныя еще въ пятидесятыхъ годахъ Вторымъ Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, извлекъ оттуда весь матеріалъ, имѣющій отношеніе къ сибирской исторіи, и очень тщательно обработалъ его. Весь трудъ г. Газенвинкеля распадается на три главы, изъ которыхъ первая представляетъ оцѣнку достовѣрности разрядныхъ книгъ. Вторая глава посвящена характеристикѣ правительственной организаціи въ Сибири и, между прочимъ, даетъ перечень воеводъ, ихъ товарищей, дьяковъ и письменныхъ головъ въ сибирскихъ городахъ и острогахъ за время отъ 1615 по 1636 г. (Разрядныя книги, которыми пользовался г. Газенвинкель, относятся именно къ этимъ годамъ). Составляя этотъ списокъ, авторъ натолкнулся на вопросы о времени основанія Кузнецкаго и Енисейскаго остроговъ и, не имѣя данныхъ для окончательнаго разрѣшенія, оставилъ вопросы открытыми, ограничившись только предположеніями. Такъ, основаніе Енисейскаго острога г. Газенвинкель гадательно относитъ къ 1617 году. Догадка совершенно справедливая, такъ какъ это событіе приурочено къ тому же году и въ такъ называемомъ «Сибирскомъ Лѣтописцѣ» (напечатанъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1826 г. и въ 1892 г. переизданъ Е. В. Кузнецовымъ отдѣльной брошюрой). «Сибирскій Лѣтописецъ», оставшійся неизвѣстнымъ автору разбираемаго труда, даетъ возможность также удобно рѣшить и годъ основанія Енисейска. Г. Газенвинкель относитъ это къ 1619 г., но въ упомянутомъ лѣтописцѣ прямо сказано, что Енисейскій острогъ поставленъ «пелымскаго города сыномъ боярскимъ Петромъ Албычевымъ да сотникомъ стрѣleckимъ Черкасомъ Рукинымъ» въ 1618 году. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Газенвинкель констатируетъ тотъ любопытный фактъ, что «по окончаніи своей сибирской службы воевода неизмѣнно отъѣзжалъ въ Москву и нѣкоторое время, обыкновенно, не получалъ никакого назначенія». Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно стоитъ въ связи съ тѣмъ взглядомъ, который правительство имѣло на сибирскихъ воеводъ вообще. Во всѣхъ наказахъ воеводамъ, дошедшихъ до насъ, слышится одна и та же нотка

полнаго недвѣрія къ честности лицъ, посылаемыхъ на службу въ Сибирь. Каждый вновь назначенный воевода обивался не только учесть своего предшественника, но и публично, передъ собранными въ сѣзжую избу служилыми, жилацкими, торговыми людьми и инородцами,—торжественно, въ нарядномъ платьѣ, объявить о «воровствѣ» своего предшественника, общая съ своей стороны всякую защиту и помощь. Понятно, что не успѣвалъ старый воевода доѣхать до Москвы, какъ на него сыпались жалобы, по которымъ обыкновенно производился судъ. Начинаясь извѣстная московская волокита, тянувшаяся безконечно, въ большинствѣ случаевъ хотя и разрѣшавшаяся благополучно для обвиняемыхъ, но, все-таки, задерживавшая ихъ назначеніе на новое мѣсто (стр. 51—52). Г. Газенвинкель не упоминаетъ тутъ о другомъ интересномъ проявленіи московской подозрительности по отношенію къ воеводамъ: именно, почти послѣ каждой смѣны воеводъ правительство посылало въ Сибирь особыхъ «сыщиковъ», чтобы на мѣстѣ развѣдать, каковъ былъ оставленный начальникъ. Такъ, въ 1622 г. послали князя Федора Андреевича Елецкаго сыскать про воеводу князя Ивана Семеновича Куракина, въ 1624 г. прѣѣзжалъ Иванъ Володиміровъ Спасителевъ для сыска про Матвѣя Михайловича Годунова и т. д. (см. «Сибирскій Лѣтописецъ»). Что касается до третьей главы, то въ ней авторъ устанавливаетъ численность и составъ сибирскихъ войскъ за 1625—1636 гг. Оказывается, что въ концѣ этого періода на всю Сибирь приходилось всего 5.000 человекъ войска, въ которыхъ главной силой являлись казаки, пѣшіе и конные.

С. А.—въ.

Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892.

«Составъ этой книжки,—по словамъ самого автора,—довольно разнообразный, имѣетъ, однако, нѣкоторую внутреннюю связь: сюда вошли статьи, касающіяся вопросовъ нравственности и эстетики. Къ первой категоріи изъ болѣе крупныхъ по объему статей относятся: «Воспоминанія о поѣздкѣ на Аѳонъ» (1881 г.), «Толки о Л. Н. Толстомъ» (1891 г.), «Справедливость, милосердіе и святость» (1892 г.). Вопросамъ эстетики посвящены статьи: «Изъ поѣздки въ Италію», «Два письма изъ Рима», «Крымскія впечатлѣнія», «Ночь на Днѣпрѣ» и пр. Наибольшій интересъ представляютъ статьи первой группы. На Аѳонъ авторъ отправился не съ спеціальной цѣлью, а изъ желанія просто «увидѣть что нибудь новое». Въ Европу его не тянуло потому, что, по его мнѣнію, «Европу вѣдь можно видѣть въ Петербургѣ». Не останавливаясь на подробностяхъ путешествія, авторъ главнымъ образомъ передаетъ тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на него жизнь аѳонскихъ монаховъ и особенно ихъ молитвенные подвиги. Результаты получились самые благопріятные, и авторъ вспоминаетъ о монастырской жизни съ восторгомъ. Статья о Толстомъ, центръ интереса всей книжки, написана очень задушевно и выставляетъ положительныя заслуги великаго писателя, причѣмъ авторъ, обративъ исключительное вниманіе на нравственное ученіе Толстого, совершенно обошелъ тѣ вопросы, которые касаются внѣшнихъ условій нашего общественнаго и религіознаго быта. Этотъ обходъ былъ своевременно указанъ г. Страхову какимъ-то неизвѣстнымъ и вызвалъ съ его стороны «Отвѣтъ», въ которомъ авторъ, отмахиваясь отъ существеннаго параграфа Толстовской проповѣди,

заявилъ: «Отъ всего подобнаго я воздержался именно потому, что вполне понималъ важность этихъ вопросовъ, зналъ, какъ трудно объ нихъ говорить, и вовсе не хотѣлъ ихъ касаться». А между тѣмъ въ нихъ-то вся и суть, ибо въ нравственныхъ Толстовскихъ тезисахъ врядъ ли кто сомнѣвается, и едва ли потребно кого либо увѣрять въ ихъ непреложности. И если бы г. Страховъ обратилъ свое вниманіе на пройденные имъ мимо вопросы, то вся бы восторженная защита рухнула, и ему бы пришлось помѣстить Толстого въ разрядъ людей, называемыхъ авторомъ «нигилистами», для которыхъ «религія, государство, патриотизмъ—чистые предрасудки».

Въ концѣ книжки напечатаны стихотворенія г. Страхова, или, какъ онъ выражается, «небольшія попытки художественнаго писанія». Самъ авторъ не имѣетъ на нихъ «большихъ притязаній»: имъ, конечно, руководило желаніе собрать эти попытки главнымъ образомъ для себя. М. М.

Н. Н. Өирсовъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Казань. 1893.

Брошюра г. Өирсова, напечатанная первоначально въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (1892 г., № 282), представляетъ собой новый опытъ сжатой характеристики Ивана Грознаго. Нельзя сказать, чтобы автору удалось характеризовать, объяснить вполне загадочную личность Ивана IV; несомнѣнно, однако, что черта, подмѣченная впервые г. Өирсовымъ, должна была играть большую роль въ жизни Ивана Грознаго: авторъ обращаетъ вниманіе на полнѣйшее одиночество Ивана IV, «всю жизнь безплодно искавшаго друга, который его пожалѣлъ бы», съ которымъ можно было бы душу отвести. Въ основу своей характеристики авторъ кладетъ жалобу самого Грознаго: «тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлить; ждалъ я, кто бы со мной поскорбѣлъ, и нѣтъ никого утѣшающихъ, я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь»... Сильвестръ, въ которомъ онъ хотѣлъ найти такого друга, котораго взялъ «для духовнаго совѣта», превратился черезъ нѣкоторое время въ опекуна, предписывавшаго Ивану Грозному жить по Домострою, мѣшавшагося въ государственныя дѣла. Это былъ «попъ-невѣжда», по уму и характеру своему полная противоположность Ивану IV. Какъ ни старался послѣдній быть послушнымъ, но не могъ, и удалилъ его отъ себя.

Единственный другъ, отзвываясь на его горе, первая жена, умерла, и Грозный остался совершенно одинокимъ со своей разочарованностью въ людяхъ, мнительностью, разстроенными нервами. В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ПОСЛѢДНІЙ день Севастополя. Съ прошлаго года американскій журналъ «Scribner's Magazine» помѣщаетъ серію статей подъ общимъ заглавіемъ: «Историческіе моменты». Различныя, болѣе или менѣе извѣстныя американскіе и европейскіе авторы описываютъ въ краткихъ, рельефныхъ очеркахъ важнѣйшія политическія и общественныя событія послѣднихъ лѣтъ, которыхъ они были сами очевидцами. Какъ широка и разнообразна программа этихъ живыхъ, историческихъ картинокъ, доказывается уже тѣмъ, что въ вышедшихъ статьяхъ относительно Новаго Свѣта разсказывается объ отправкѣ первой телеграммы по первому американскому телеграфу, объ окончательной спайкѣ послѣдняго рельса желѣзной дороги, соединившей Атлантическій океанъ съ Тихимъ, объ объявленіи приговора въ дѣлѣ по обвиненію президента Джонсона въ государственныхъ преступленіяхъ и о смерти извѣстнаго американскаго дѣятеля, бывшаго одно время и президентомъ, Джона Квинси Адамса въ засѣданіи конгресса; что касается до Старога Свѣта, то напечатаны еще только два очерка: «Торжественное вступленіе Вильгельма I въ Берлинъ, 16-го іюня 1871 года», Арчибалда Форбеса, извѣстнаго корреспондента англійской газеты «Daily News», и «Паденіе Севастополя, 8-го сентября 1855 года», Вилліама Росселя, Нестора военныхъ корреспондентовъ и автора знаменитыхъ писемъ въ «Times» о Крымской войнѣ. Эта послѣдняя статья, конечно, всего интереснѣе для насъ, тѣмъ болѣе, что она отличается замѣчательнымъ безпристрастіемъ, и почтенный авторъ съ одинаковой справедливостью описываетъ мужество русскихъ, успѣхи французовъ и пораженіе англичанъ. Впрочемъ, Россель всегда, какъ во время Крымской кампаніи, такъ и съ тѣхъ поръ, при всякомъ удобномъ случаѣ, очень сочувственно отзывался о русской арміи; такъ недавно посѣтившему его сотруднику «Strand Magazine» вотъ здоровенный семидесятидвухлѣтній старикъ, лично принимавшій участіе, какъ представитель первой газеты въ свѣтѣ, во всѣхъ войнахъ второй половины XIX вѣка, показывавалъ мѣднаго орла съ каски

русскаго солдата, севастопольца, и съ глубокимъ чувствомъ сказалъ: «Я никогда не видалъ такого храбреца, какъ тотъ человѣкъ, у котораго я снялъ на память этого орла. Онъ выбѣжалъ изъ рядовъ колонны, которая въ одной изъ вылазокъ обратила въ бѣгство шотландскихъ стрѣлковъ, и прямо бросился на знамя нашихъ гвардейцевъ; онъ схватилъ одной рукой древко, а другой отчаянно защищался отъ офицеровъ и солдатъ, буквально рубившихъ его на куски саблями и пронзавшихъ его тѣло штыками. Нѣсколько минутъ онъ продолжалъ этотъ неравный бой, пока не упалъ мертвымъ, и положительно я никогда не видалъ болѣе блестящаго примѣра безнадёжной человѣческой храбрости».

Объяснивъ вкратцѣ дѣйствія русскихъ и союзниковъ подъ Севастополемъ до роковаго дня, 8-го сентября, Россель живыми красками рисуетъ картину послѣдняго приступа къ могучей твердынѣ, при чемъ отдаетъ полную справедливость прекраснымъ распоряженіямъ французовъ, съ замѣчательнымъ умѣніемъ обезпечившихъ себѣ успѣхъ, и злобно отзывается о неумѣлости англійскихъ военныхъ властей, которыя пустили въ дѣло разрозненные части различныхъ полковъ, не имѣвшихъ между собой ничего общаго, а главное оставившихъ въ резервѣ безъ всякаго движенія самыя лучшія войска. «Было ровно пятьдесятъ пять минутъ двѣнадцатаго,—рассказываетъ Россель:—когда, стоя на Каткартовой горѣ, я услышалъ крикъ одного офицера: «Чортъ воьми! французы идутъ на Малаховъ курганъ». Между этимъ курганомъ и ближайшей французской траншеею было всего пятьдесятъ или шестьдесятъ шаговъ. Дѣйствительно, я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что зуавы, какъ осенніе листья, гонимые вѣтромъ, перелетѣли черезъ канаву и ввобрались на парашетъ прежде, чѣмъ русскіе выстрѣлили изъ одного орудія. Но мгновенно раздался залпы, доказывавшіе, что они очнулись отъ своего удивленія. Наступила страшная борьба какъ внѣ, такъ и внутри знаменитаго укрѣпленія, взытіе котораго доставило Франціи славу побѣдителя Севастополя, а Пелисье титулъ герцога. Это первоначально была круглая башня, построенная по капризу частнаго владѣльца до войны, и, находясь на вершинѣ конической горы, она повелѣвала всей окрестностью; Тотлебенъ немедленно занялъ ее по открытіи военныхъ дѣйствій союзниками и превратилъ въ настоящую крѣпость въ триста пятьдесятъ ярдовъ длины и сто пятьдесятъ ширины, съ громадными парашетами, снабженными амбразурами. Я смотрѣлъ во всѣ глаза, но облака дыма мѣшали мнѣ видѣть: «Глядите,—снова раздался голосъ офицера:— на курганѣ флагъ! нѣтъ, два флага! трехцвѣтный и нашъ! Намъ теперь дѣйствовать». Это былъ сигналъ для атаки англичанами Большаго Редана. Всѣ зрительныя трубы и бинокли были направлены на нашу пятую параллель, и сердце каждаго стало лихорадочно биться при видѣ, какъ красные мундиры перелѣзали черезъ парашетъ и пустились бѣгомъ къ Редану. Но въ ту же минуту раздался страшные выстрѣлы изъ этого укрѣпленія; открылись въ немъ неподозрѣваемые нами амбразуры и ядра, картечь и пули изъ пушекъ и ружей посыпались дождемъ. Въ нѣсколько мгновеній, скорѣе чѣмъ читатель прочтетъ эти слова, передовые ряды штурмующихъ были уничтожены. Всѣ шедшіе впереди офицеры погибли. Роты, снабженныя лѣстницами, саперы и стрѣлки падали горами подъ роковымъ огнемъ. Всегаки колонны шли впередъ, но имъ приходилось переступать черезъ павшихъ товарищей, и ихъ ряды также быстро пустѣли. Не смотря на это, мы видѣли, что красные мундиры показались на вершинѣ

Редана, и были увѣрены, что онъ нашъ. Но этому не было суждено осуществиться. Густой дымъ скрывалъ борьбу внутри, куда уже достигли сотни нашихъ солдатъ. Извнѣ застилали землю груды труповъ, и какъ мы ни смотрѣли въ сторону нашихъ паралелей, гдѣ неподвижно стояли наши лучшіе полки, не видно было, чтобы ихъ двинули на помощь. Напротивъ, русскіе ежеминутно усиливались сотнями солдатъ съ Малахова Кургана. Намъ казалась каждая минута цѣлымъ часомъ. Всюду слышались гнѣвные восклицанія: «Гдѣ же резервы? Наши отступаютъ! Когда же двинуть резервы? Боже мой, какой позоръ!». Хотя весь фронтъ Севастополя принималъ участіе въ страшной канонадѣ и на Малаховомъ Курганѣ бой становился ежеминутно сильнѣе, но мы видѣли только одно—отступление нашихъ солдатъ. Виндамъ, принявшій начальство надъ штурмующими колоннами, послалъ нѣсколько офицеровъ съ мольбой о помощи, но они не вернулись; одни были убиты, а другіе тяжело ранены. Тогда самъ Виндамъ спустился съ Редана и, войдя въ ближайшую паралель, сталъ просить у сэра Эдуарда Каддингтона немедленной послыки всѣхъ резервовъ. Но пока они переговаривались, наступилъ конецъ; мы съ ужасомъ увидѣли, что красные мундиры выбѣжали изъ амбразуръ и бросились въ ровъ; русскіе слѣдовали за ними, стрѣляя изъ ружей, а на Реданѣ поднялся крикъ радости. Солдаты махали касками и фуражками, но въ ту же минуту всѣ англійскія батареи открыли губительный огонь, и Реданъ замолчалъ. Но это было плохое для насъ утѣшеніе. Мы потеряли въ полтора часа сто пятьдесятъ три офицера и двѣ тысячи четырехста сорокъ семь солдатъ, а главное мы потеряли нѣчто болѣе, потеряли право раздѣлить съ Франціей честь взятія Севастополя. Французы также понесли большія потери и были отбиты вездѣ, но имъ удалось удержать за собой Малаховъ Курганъ, а наши храбрѣйшіе, лучшие люди безъ всякой пользы устилали своими трупами всю мѣстность вокругъ Редана.

Въ виду побѣды Пелисье и продолжающагося огня со стороны русскихъ, англичане рѣшили возобновить штурмъ Редана на слѣдующее утро въ пять часовъ, но въ полночь раздались страшные взрывы въ Севастополѣ, который покрылся заревомъ пожара. Одинъ шотландскій солдатъ пробрался на колѣнкахъ изъ своей паралели на гласисъ Редана и съ удивленіемъ увидѣлъ, что укрѣпленіе было оставлено русскими. Затѣмъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ взрывы русскихъ пороховыхъ магазиновъ и укрѣпленій, а когда стало свѣтать, то союзники увидели неожиданное зрѣлище: Севастополь представлялъ океанъ огня, все было въ немъ разрушено, флотъ потопленъ и русскіе войска, перейдя черезъ мостъ на южную сторону, уничтожили и его по минованіи въ немъ надобности. «Отступление Горчакова,—замѣчаетъ Россель,—было совершенно съ мастерскимъ искусствомъ. Передъ самымъ закатомъ солнца наканунѣ онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы выбить французовъ изъ Малахова Кургана, а когда это не удалось, то онъ приказалъ очищать Севастополь, для чего мѣры уже давно были подготовлены съ удивительнымъ умѣніемъ. Прикрывъ свой тылъ горящимъ городомъ и роковыми взрывами, парализовавшими всякое наступательное движеніе союзниковъ, онъ перевелъ свою армію узкими колоннами черезъ глубокой рукавъ моря въ виду двухъ сильнѣйшихъ флотовъ въ свѣтѣ. Онъ какъ на парадѣ провелъ свои полки, взорвалъ свои укрѣпленія и потопилъ свои корабли, тихо, спокойно, передъ глазами торжествующаго врага; мало того, онъ взялъ съ собою оружіе, полевую артиллерію, остатки фуража и всѣ знамена. На

слѣдующее утро, рано, я посѣтилъ разрушенный Севастополь. Воспоминаніе о тѣхъ ужасахъ, которые я тамъ увидалъ, долго печалило меня въ часы уединеннаго размыслиенія въ послѣдующіе годы моей жизни, и теперь память о нихъ сохраняется съ страшной ясностью, хотя прошло тридцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ мнѣ суждено было присутствовать при многихъ кровавыхъ битвахъ».

Процессъ и смерть маршала Нея. Вышедшая недѣли три тому назадъ брошюра г. Вельшингера даетъ интересный очеркъ жизни знаменитѣйшаго изъ Наполеоновскихъ полководцевъ, маршала Нея, «le brave des braves», какъ онъ былъ названъ самимъ императоромъ. Извлекаемъ изъ брошюры любопытныя подробности о процессѣ и смерти Нея.

Извѣстно, что въ 1814 году, въ Фонтенбло, во время перваго отреченія Наполеона, Ней изъ всѣхъ Наполеоновскихъ генераловъ выражалъ наибольшее нетерпѣніе скорѣе покончить съ императорскимъ режимомъ. Какъ и всѣ прочіе маршалы, онъ былъ назначенъ перомъ и получилъ высокое положеніе въ военномъ вѣдомствѣ; но, какъ и всѣмъ прочимъ, и ему пришлось терпѣть ежедневные уколы и презрительное обращеніе придворныхъ, что нѣсколько не соответствовало официально оказывавшимся ему милостямъ. «Я не хочу, чтобы жена моя каждый день возвращалась домой вся въ слезахъ отъ перенесенныхъ оскорбленій»,—говорилъ онъ Лекурбу и, наконецъ, чтобы покончить съ вѣчными исторіями, въ январѣ 1815 года, онъ удалился въ свое помѣстье въ Кудро, около Шатодэна. Но 6-го марта къ нему неожиданно явился адъютантъ военнаго министра Сульта съ приказомъ прибыть къ министру. Офицеръ ни слова не сказалъ ему при этомъ о случившихся событіяхъ. 7-го числа, прибывъ въ Парижъ, Ней узналъ отъ своего нотаріуса Батарди о высадкѣ Наполеона въ заливѣ Жуанъ. Онъ былъ крайне непріятно пораженъ этимъ и искренно выражалъ свое негодованіе противъ нарушителя мира. Сультъ приказалъ ему немедля ни минуты отправиться въ Безансонъ, чтобы собрать всѣ войска шестаго военнаго участка. Ней настоятельно просилъ аудіенціи у короля; будучи принятъ въ Тюльери въ одиннадцать часовъ вечера, онъ поцѣловалъ руку монарха, съ жаромъ говорилъ о мѣрахъ, которыя нужно предпринять для задержанія Бонапарта, строго осуждалъ безумца, который, по его словамъ, «стоялъ того, чтобы быть посаженнымъ въ Шаревтонскую тюрьму или привезеннымъ въ Парижъ въ желѣзной клѣткѣ». 10-го марта, въ тотъ день, когда Наполеонъ вступалъ въ Ліонъ, Ней принялъ въ Безансонѣ главное начальство надъ сосредоточенными тамъ силами; онъ едва доходилъ до 6.000 человекъ, съ весьма незначительной артиллеріею. Изъ нихъ онъ сформировалъ двѣ бригады подъ начальствомъ Бурмона и Лекурба и выступилъ изъ города. Съ 10 по 13 онъ въ письмахъ къ министру энергично требовалъ поддержаній, лошадей, аммуниціи и, по свидѣтельству достовѣрныхъ данныхъ изъ роялистскихъ источниковъ, въ сильныхъ выраженіяхъ осуждалъ Наполеона. 13-го марта, когда съ каждымъ гонцемъ стали приходять плохія вѣсти, сообщавшія о послѣдовательномъ переходѣ войскъ на сторону императора, о потерѣ артиллерійскихъ парковъ, возмущеніи сосѣднихъ городовъ Масона, Шельна и Дижона, Ней продолжалъ организовывать защиту, строго наказывая тѣхъ, кого онъ называлъ смутителями. 14-го числа, въ 1 часъ дня, онъ велѣлъ собрать войска на главной площади Лионъ-ле-Сольнье; вскорѣ показался онъ самъ въ сопровожденіи Бурмона и Лекурба и вынулъ изъ кармана бумагу. Это была зна-

менитая прокламація, которая начиналась словами: «Дѣло Бурбоновъ погибло разъ навсегда», и кончалась слѣдующимъ образомъ: «Солдаты, я васъ часто водилъ къ побѣдамъ, теперь я хочу привести васъ къ той безсмертной фалангѣ, которую Наполеонъ ведетъ къ Парижу и которая будетъ тамъ черезъ немного дней; тамъ, наконецъ, окончательно осуществятся наша надежда и наше счастье. Да здравствуетъ императоръ!». Шесть или семь офицеровъ печально вышли изъ рядовъ войскъ; съ восторгомъ подхватили кликъ вождя всѣ прочіе при единодушной поддержкѣ солдатъ.

Что совершилось въ душѣ Нея? Какой переворотъ произошелъ въ ней въ такой непродолжительный срокъ? Обвинительный актъ потому настаивалъ на преднамѣренной измѣнѣ, но имѣется ли достаточно оснований предполагать это? «Ней былъ человѣкъ мгновения; до крайности впечатлительный, легко возбуждаемый, крайне подвижной. На сколько онъ былъ твердъ, кратокъ и рѣшителенъ на полѣ битвы, на столько же былъ слабъ, многорѣчивъ и нерѣшителенъ на политическомъ поприщѣ». Цѣлыхъ три дня этому нерѣшительному человѣку пришлось испытывать сильнѣйшую нравственную борьбу. Снова на почву Франціи вступилъ человѣкъ, который такъ долго дивной силою своей личности господствовалъ надъ всѣмъ окружающимъ. Съ одной стороны онъ видѣлъ нерѣшительныхъ, слабыхъ, испыталъ рядъ оскорбленій отъ легитимистовъ; съ другой—воочию являлся передъ нимъ могучій образъ гениальнаго полководца, котораго онъ, правда, очень не любилъ, но съ именемъ котораго были связаны всѣ его воспоминанія, вся слава его карьеры. Эта борьба противорѣчивыхъ чувствъ волновала Нея, какъ волновала и каждого изъ его солдатъ. Вездѣ, впереди него, полки переходили къ императору; въ его рукахъ оставалось лишь нѣсколько тысячъ автоматовъ, души которыхъ неслись навстрѣчу надвигавшейся на нихъ исполинской лавинѣ. Что солдаты и населеніе сочувствовали Наполеону, въ этомъ согласны всѣ свидѣтельства, и еще 12-го числа Ней писалъ Сюше, что «зараза даетъ себя знать среди солдатъ». Народъ поступалъ такъ же, какъ и войска; горожане топили тѣ пушки, которыя Ней отъ нихъ требовалъ. Годъ тому назадъ, этотъ народъ, уставшій отъ многолѣтней бойни, принялъ реставрацію со вздохомъ облегченія; но быстро онъ снова возмущился подъ неловкой рукой стараго своего господина; ему показалось, что появляются вновь страшные фантомы прошлаго. Одинъ изъ современниковъ былъ правъ, говоря: «Духъ равенства привелъ навстрѣчу Наполеону тысячи ратниковъ... Духъ равенства отдалъ ему въ руки всю армію»...

Мгновенный переворотъ произошелъ въ умахъ какъ народа, такъ и солдатъ. Лучшимъ свидѣтелемъ этого могутъ служить тѣ вѣрные своей клятвѣ генералы Людовика XVIII, которые не нашли другаго исхода, какъ бѣгство. Но могъ ли рѣшиться на подобный исходъ Ней, человѣкъ дѣла, безтрепетный въ минуту опасности, первый при нападеніяхъ, послѣдній при отступленіи.

Таково было его душевное состояніе, когда ночью съ 13-го на 14-е онъ принялъ двухъ курьеровъ великаго маршала Бертрапа. Курьеры привезли ему приказъ о маршрутѣ, диктованный Наполеономъ, какъ будто бы Ней все еще занималъ свое прежнее положеніе въ генеральномъ штабѣ императора. Они повторили урокъ, который былъ имъ данъ раньше: отплытіе съ Эльбы произошло съ согласія Австріи, миръ съ Европою гарантированъ этимъ соглашеніемъ, возстановленіе имперіи требуется голосомъ всего народа; они настаивали на тяжелой отвѣтственности того, кто возбудитъ гра-

жданскую войну, стараясь воспрепятствовать этому непреодолимому движению. Наконец, они вручили маршалу прокламацію, которую тотъ долженъ былъ прочесть 14-го марта. По крайней мѣрѣ, Ней всегда утверждалъ, что этотъ документъ перешелъ къ нему отъ Бертрана. Г. Вельшингеръ высказываетъ нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ; ему удалось найти въ бумагахъ генерала Мермэ другой текстъ прокламаціи, написанный рукою самого маршала, съ вариантами, содержащими еще большія нападки на Бурбоновъ. 14-го марта утромъ въ душѣ Ней созрѣло окончательное рѣшеніе; онъ сообщилъ его генераламъ Бурмону и Лекурбу. По его словамъ, ни тотъ, ни другой не высказались противъ него. Бурмонъ впоследствии протестовалъ и сильно обвинялъ прежняго своего начальника; фактъ, однако, тотъ, что оба генерала сопровождали маршала на смотръ и вмѣстѣ съ нимъ присутствовали вечеромъ на собраніи офицеровъ.

Остальное извѣстно: вступленіе въ Оксеръ и соединеніе въ этомъ городѣ съ Наполеономъ, встрѣтившимъ перебѣжчика съ распростертыми объятіями. Въ Парижѣ, однако, Ней скоро замѣтилъ, что прежняго довѣрія къ нему нѣтъ уже и тѣни: императоръ не могъ ему простить сцены въ Фонтенбло. Онъ лишь ухудшилъ свое преступленіе неудачною похвалбою, будто онъ обманывалъ Людовика XVIII, чтобы лучше послужить Наполеону; это была неправда, и этотъ цинизмъ довершилъ охлажденіе къ нему императора. Недовольный собою и другими, Ней сыгралъ опять роль обиженнаго и удалился въ свое имѣніе, и оставилъ его лишь для того, чтобы поспѣшить на поле битвы при Ватерлоо. И для него здѣсь совершился послѣдній актъ жизненной драмы. Онъ это прекрасно понималъ самъ и потому воскликнулъ въ разговорѣ съ д'Эрлономъ: «Ты и я, мы не умираемъ здѣсь отъ пуля англичанъ; намъ ничего больше не остается, какъ жалкая смерть подъ пулями эмигрантовъ». Подъ нимъ было убито четыре лошади; его излишняя стремительность, за которую его обвиняли и которая имѣла вліяніе на несчастный исходъ битвы, происходила лишь отъ нетерпѣнія скорѣе найти смерть. Она его уже намѣтила, но не хотѣла предстать ему такой прекрасной.

Вернувшись въ Парижъ, этотъ бѣдный политикъ совершилъ послѣднюю неловкость. Въ палатѣ пэровъ, 22-го іюня, онъ произнесъ рѣчь, въ которой призналъ все потеряннымъ и говорилъ, что нужно немедленно начать переговоры съ союзниками. Такой рѣчи отъ Ней не ожидали, и она произвела весьма дурное впечатлѣніе на всѣхъ. Затѣмъ, онъ просилъ выдать ему видъ для проѣзда въ Швейцарію подъ чужимъ именемъ; одно время у него былъ проектъ отправиться въ Соединенные Штаты; въ концѣ концовъ, онъ отправился въ Ліонъ и оттуда на воды въ Сенъ-Албанъ въ департаментѣ Лауры, гдѣ письмо отъ супруги извѣстило его о приказахъ короля отъ 24-го іюля.

Приверженцы Бурбоновъ вернулись съ той жаждою мщенія, которая всегда слѣдуетъ за унизительной паникою. Вторая реставрація вообще отличалась болѣе крутымъ и негуманнымъ характеромъ, чѣмъ первая. Непріятнѣе всего при этомъ поражаетъ зрителя тотъ фактъ, что на этотъ разъ главнѣйшими дѣятелями репрессій, воротилами реакціи являются не эмигранты, которыми многое можно было бы извинить, а лица, сами замѣшанные въ тѣхъ измѣнахъ, которыя имъ теперь приходилось наказывать... Это были Фушэ, бывший министръ полиціи при Наполеонѣ, и двуличный Талейранъ. Фушэ изготовлялъ проскрипціонные списки рукою, навывшею къ этому занятію уже въ 1793 году. «Герцогъ Отрантскій,—сказалъ ему Талейранъ,—мигъ ка-

жется, что въ вашемъ списокѣ достаточное количество невинныхъ!». И Фушѣ отвѣчалъ словами, которыя онъ могъ бы употребить уже въ 1793 году и которыя всегда будутъ у мѣста, гдѣ разыгрываются политическія страсти: «Желають именъ!».

Онъ вписалъ пятьдесятъ семь именъ въ приказъ 24-го іюля; тридцать восемь для изгнанія или отдачи подъ надворъ до окончательнаго рѣшенія палатъ; девятнадцать должны были предстать передъ военный судъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали генералы, наиболѣе скомпрометированные въ переходѣ войскъ къ императору; имя Нея открывало списокъ. Предупрежденный женою, онъ укрылся въ Канталъ, въ замкъ одной изъ своихъ родственницъ, г-жи де-Бессони. Вслѣдствіе доноса какого-то ревностнаго роялиста, префектъ отрядилъ жандармовъ оцѣпить замокъ. Ней изъ окна замѣтилъ капитана. «Кого вы ищите?»—спросилъ онъ офицера. «Маршала Нея». «Взойдите сюда, милостивый государь, я покажу его вамъ». И онъ отдалъ себя въ руки жандармовъ. Его подъ конвоемъ отвезли въ Парижъ. Дорогой ему пришлось перенести оскорбленія со стороны толпы и, что еще хуже, дерзкое обращеніе виртембергцевъ, занимавшихъ въ то время Нивернъ. Послѣдніе выдали камнями въ почтовую телѣгу, на которой везли плѣнника. 19-го августа Ней былъ заключенъ въ Консьержери.

На первомъ допросѣ его спросили, преднамѣренно ли онъ измѣнилъ королю, и чѣмъ объясняется его поведеніе 14-го марта. Ней отвѣчалъ на это вполне искренно: «Казалось, точно плотина прорвалась! Всему виною увѣренія агентовъ Бонапарте. Все казалось потеряннымъ... Я былъ увлеченъ обстоятельствами!». Приступлено было къ образованію военного суда. Это была задача нелегкая, такъ какъ нѣкоторые изъ маршаловъ наотрѣвъ отказались принять участіе въ немъ. Наконецъ, 30-го августа совѣтъ окончательно былъ сформированъ. Въ немъ приняли участіе: Журданъ, председатель, Массенъ, Ожеро, Мортъе, Мэзонъ, Вилаттъ, Клапаредъ, Жуанвилль и Грюндлеръ. Защищалъ Нея знаменитый Беррье, отецъ не менѣе знаменитаго, чѣмъ и онъ самъ, адвоката.

Рѣчь, произнесенная защитникомъ, была необыкновенно цвѣтиста и веле-рѣчива, совершенно въ стилѣ того времени. Въ концѣ ея Ней не утерпѣлъ и, наклонившись къ оратору, сказалъ ему: «Какая жалость, что вы не поступили въ военные! Прекрасный у васъ голосъ для команды!».

Маршалы нашли неудобнымъ и неловкимъ для себя судить бывшаго товарища, примѣру котораго сами они подражали, съ большей только ловкостью и меньшимъ рискомъ. Они большинствомъ голосовъ рѣшили, что это дѣло не подлежитъ ихъ компетенціи. Ней и его защитники смотрѣли на это, какъ на доброе предзнаменованіе. «О, господинъ Беррье!—воскликнулъ Ней,—какую вы мнѣ оказали услугу! Посмотрите-ка, эти бестіи такъ убили бы меня, какъ какуюнибудь бѣлку!».

Нельзя сказать, чтобы Ней на самомъ дѣлѣ имѣлъ поводъ радоваться. Роялисты были крайне возмущены осторожной ретирадою военныхъ судей; они смотрѣли на этотъ поступокъ, какъ на измѣну королю, и уже боялись одно время, какъ бы жертва у нихъ не выскользнула изъ рукъ. Достаточно слѣдующихъ свидѣтельствъ современниковъ, чтобы судить о томъ, до чего доходила ненависть легитимистовъ къ маршалу:

«Ультрароялисты были въ состояніи какого-то яростнаго бѣшенства»...
...«Самыя смиренныя женщины превратились въ какихъ-то фурій и безъ

всякихъ обиняковъ прямо выражали кровожадное нетерпѣніе, оживлявшее ихъ. Нѣкто сказалъ, что считаетъ варварствомъ продолжать пустыми проволочками существованіе человѣка, участь котораго уже не можетъ внушать сомнѣній.—«Хорошо же,—закричала одна изъ этихъ женщинъ,—такъ пусть не томить его больше, да и насъ также!»...

...«Нѣкоторыя женщины при одной мысли, что Ней можетъ избѣгнуть смерти, впадали въ такое бѣшенство или горе, что приходилось просто содрогаться»...

Современники не скрываютъ и давленія, которое производилось дипломатическими представителями нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ.

Рѣшено было не тратить времени. 21-го декабря состоялось первое публичное засѣданіе пѣрвовъ, суду которыхъ былъ преданъ Ней. На засѣданіи присутствовали принцъ Августъ прусскій, принцъ Виртембергскій, Меттернихъ, Гольцъ и цѣлый рядъ русскихъ и англійскихъ офицеровъ въ полной формѣ. Ней въ защиту не произнесъ ни слова и лишь просилъ оставить за защитниками своими всѣ дозволяемыя закономъ права. По настоянію послѣднихъ послѣ втораго засѣданія удалось выговорить отсрочку слѣдующихъ засѣданій на одну недѣлю.

Жена маршала въ это время старалась, на сколько могла, облегчить участь своего несчастнаго мужа. Она обращалась вездѣ тщетно, и къ королю, и къ Талейрану, Фушѣ и Ришельё. Также тщетными остались ея обращенія къ представителямъ союзныхъ державъ: ей отвѣчали вѣжливо, но уклончиво. Отвѣтъ же Веллингтона, рѣшителя судебъ Франціи въ это время, дѣлаетъ мало чести побѣдителю при Ватерлоо по своей черствости и сухости.

Въ назначенный день начались совѣщанія, продолжавшіяся безъ перерыва три часа. Настроеніе пѣрвовъ предрѣшало дѣло, такъ что защита не играла почти никакой роли. 6-го декабря Ней въ послѣдній разъ отвѣчалъ. Онъ произнесъ короткую рѣчь, которая кончалась словами: «Я поступаю, какъ Морé; я апеллирую къ Европѣ и къ потомкамъ».

Въ пять часовъ вечера того же дня состоялась подача голосовъ. Изъ 161 присутствовавшихъ членовъ, 160 на вопросъ о виновности отвѣтали: «да»; лишь одинъ отвѣтилъ: «нѣтъ», объяснивъ свое рѣшеніе слѣдующими высокоправдивыми словами: «Есть такія событія, которыя по своей природѣ и своему значенію превышаютъ человѣческое правосудіе, оставаясь тѣмъ не менѣе преступными и передъ Богомъ и передъ людьми». Этотъ урокъ мужества и высокой мудрости исходилъ отъ наиболѣе юнаго изъ пѣрвовъ, Виктора де-Брольи. Имя это прославилось рядомъ блестящихъ подвиговъ на войнѣ и въ мирное время; но никогда, вѣроятно, не постояло оно лучше за себя какъ въ этотъ день, когда молодой человѣкъ совершенно одиноко противосталъ слѣпымъ страстямъ цѣлаго собранія и цѣлой эпохи.

Казнь была приведена въ исполненіе черезъ нѣсколько часовъ послѣ произнесенія приговора. Ней встрѣтилъ смерть смѣло и прямо, какъ истинный солдатъ. Между тѣмъ какъ трупъ маршала лежалъ уже бездыханный на землѣ, жена его, проливая потоки слезъ, дожидалась въ передней короля, у котораго она въ послѣдній разъ просила аудіенціи. Она еще утромъ видѣлась со своимъ супругомъ, приводила къ нему въ послѣдній разъ четверыхъ своихъ дѣтей; твердая надежда на королевскую милость все еще ее поддерживала. Въ половинѣ десятаго вышелъ изъ кабинета герцогъ де-Дюрâ;

онъ ей церемонно поклонился со словами: «Сударыня, аудіенція, которой вы требуете, теперь уже излишня».

Историческій подсвѣчникъ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, появляющихся почти ежедневно въ парижской газетѣ «Temps», подъ общимъ заглавіемъ «Mon petit journal», Жюль Симонъ рассказываетъ интересную исторію подсвѣчника Людовика XIV, которымъ будто бы пользовался германскій императоръ Вильгельмъ во время его пребыванія въ Версалѣ. Какъ извѣстно, этотъ знаменитый подсвѣчникъ игралъ важную роль при дворѣ «короля-солнца». Людовикъ XIV проводилъ всѣ свои вечера среди придворнаго блеска, и въ залахъ Версальскаго дворца сидѣли очень поздно за игрой и разговорами, но онъ всегда уходилъ спать въ положенный часъ, такъ какъ не допускалъ въ своей жизни ничего непредвидѣннаго. Его шестіе въ спальню было обставлено опредѣленнымъ цереміаломъ, и передъ нимъ несли серебряный, позолоченный подсвѣчникъ съ зажженной свѣчой. Отыскивая во всемъ орудіе власти и средство привлечь къ себѣ вельможъ, король каждый вечеръ избиралъ новую знатную особу для того, чтобъ нести этотъ подсвѣчникъ, и исполненіе подобной обязанности возвышало на минуту счастливица надъ всѣми его товарищами. Какъ только являлся королевскій камердинеръ Бонтанъ съ зажженной свѣчой, толпа царедворцевъ выстраивалась передъ королею, и каждый, низко кланаясь, старался обратить на себя его вниманіе. Людовикъ внимательно осматривалъ всѣхъ и громко называлъ избранника, который еще ниже кланялся, снималъ перчатку, бралъ изъ рукъ камердинера подсвѣчникъ и шелъ, пятясь передъ королемъ въ какихъ нибудь двухъ шагахъ до баллюстрады, гдѣ Бонтанъ снова принималъ подсвѣчникъ изъ его рукъ. Вся эта церемонія продолжалась не болѣе пяти минутъ, но изъ-за нея ежедневно происходила борьба придворнаго самолюбія. Никому неизвѣстно, что случилось съ этимъ историческимъ подсвѣчникомъ, и всѣ поиски его членами французской академіи надписей остались до сихъ поръ тщетными. Когда Вильгельмъ, осаждая Парижъ, поселился въ версальской префектурѣ, то цѣлая коммиссія нѣмецкихъ ученыхъ была вызвана изъ Берлина для устройства его помѣщенія, и они приняли всѣ мѣры, чтобъ окружить своего государя драгоценными предметами, напоминавшими царствованіе Людовика XIV, къ которому Вильгельмъ питалъ большое сочувствіе. Между прочимъ они стали разыскивать историческій подсвѣчникъ и, не найдя его, замѣнили этотъ памятникъ старинныя изыщнымъ, также серебрянымъ съ позолотой, подсвѣчникомъ, но принадлежавшимъ не Людовику XIV, а Людовику-Филиппу, который еще герцогомъ Орлеанскимъ употреблялъ его раза два во время охоты въ Рамбульѣ. Вильгельму не была извѣстна эта подмѣна, и онъ очень дорожилъ своимъ историческимъ подсвѣчникомъ, который стоялъ на каминѣ въ его кабинетѣ; ежедневно, отправляясь спать, онъ самъ бралъ его и собственноручно зажигалъ свѣчу. Когда же онъ покинулъ префектуру, то увезъ подсвѣчникъ, причемъ разыгралась очень характеристичная сцена. Въ назначенный часъ германскій императоръ вышелъ изъ дома среди блестящей свиты и при барабанномъ боѣ выстроенныхъ шпалерами солдатъ сѣлъ въ экипажъ, который долженъ былъ отвезти его въ Парижъ. За рѣшеткой стояла громадная безмолвная толпа, а во дворѣ, по приказанію императора, была собрана вся прислуга въ парадныхъ ливреяхъ, съ швейцаромъ префектуры во главѣ. Вильгельмъ, по словамъ Симона, обходился очень учтиво со всѣми слугами,

но обнаруживалъ замѣчательную скупость и никому не далъ ни малѣйшей награды. Экипажъ двинулся, но въ воротахъ императоръ его остановилъ и, высунувшись въ окно кареты, махнулъ рукой швейцару, который быстро подбѣжалъ къ дверцѣ въ надеждѣ получить наконецъ щедрую подачку. Вильгельмъ показалъ ему подсвѣчникъ, который держалъ въ рукахъ, и сказалъ: «Я взялъ его на память и нарочно позвалъ васъ, чтобъ предупредить объ этомъ; иначе могли бы быть неприятели». И болѣе ничего. Экипажъ быстро повесся по дорогѣ въ Парижъ, а черезъ часъ всѣ окна префектуры были открыты, и вся прислуга энергично выбивала нѣмецкую пыль изъ французской мебели.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Политика равновѣсія въ оцѣнкѣ русскаго дипломата.—Русскій чиновникъ, опровергающій въ Америкѣ клеветы на Россію.—Нѣмецкій переводъ сочиненій Г. Успенскаго и С. Н. Терпигорева.—Журнальныя статьи о Россіи.—Французскій историкъ искусства въ Самаркандѣ.—Воспоминанія о послѣдней войнѣ съ Турціею.—Англійская сестра милосердія у русскихъ прокаженных.—Биографія лорда Абердина.—Мемуары мистриссъ Кроссъ.—Нѣмецкій романъ о паденіи Наполеона III.

ВЪ ПАРИЖѢ вышла книга нашего соотечественника г. Новикова «Борьба между человѣческими обществами и ея послѣдовательныя фазисы» (*Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives*). Въ международныхъ сношеніяхъ важную роль играетъ принципъ политическаго равновѣсія, изобрѣтенный дипломатами, но понимаемый ими весьма своеобразно. Такъ, французы говорятъ, что равновѣсіе это не возстановится, пока имъ не возвратятъ Эльзаса-Лотарингіи, а нѣмцы утверждаютъ, что тогда-то именно принципъ этотъ и нарушится. Кто же изъ нихъ правъ? Въ Европѣ въ настоящее время 24 независимыхъ государства пространствомъ отъ 22 до 5 милліоновъ верстъ, съ населеніемъ отъ 6 тысячъ до 96 милліоновъ. Какое же равновѣсіе можетъ существовать между Андорской республикой и Россіей, между Сан-Марино и Германіей? Если не принимать въ расчетъ ни обширности страны, ни числа ея жителей, на чемъ же основывать равновѣсіе? На силѣ, но какой: физической, экономической, культурной? Вотъ теоретикъ современной политики Францъ въ своемъ сочиненіи «Weltpolitik» утверждаетъ, что Россія слишкомъ сильна и что ее надо отбросить за Двину. Но не ея ли сила охраняетъ европейскій миръ, который готовы нарушить другія державы? Мысль уничтожить силы какой либо націи также нелѣпа, какъ желаніе установить равновѣсіе между ею и сосѣднею державою. Другой нѣмецкій историкъ писалъ: «надо отнять у французовъ всѣ сѣверныя

провинціи, Пикардію, Нормандію, Бретань и отдать ихъ Бельгіи, Италіи уступить лѣвый берегъ Роны, Германіи—занять всю территорію отъ Мезьера до Ліона,—тогда Европа будетъ наслаждаться миромъ и спокойствіемъ. Наполеонъ, изъ 340 тысячъ кв. километровъ прусскихъ владѣній съ десятью милліонами жителей, оставилъ королю только 160.000 километровъ и 5 милліоновъ подданныхъ: ихъ было въ восемь разъ меньше, чѣмъ французовъ, не считая странъ, вассальныхъ имперіи, какъ Италия, Иллирія, Вестфалія и др. И, всетаки, Пруссія не погибла и вернула себѣ съ лихвой все, отнятое у нея завоевателемъ. Въ 1859 году Италия была раздѣлена между семью независимыми государствами, но нашла возможность соединить 25 милліоновъ итальянцевъ въ одно королевство. Какъ же предполагать, что Франція не найдетъ силы возвратить себѣ отторгнутыя у нея провинціи? Россію отодвигай хоть за Днѣпръ, она будетъ, всетаки, сильнѣе Германіи, не говоря уже о томъ, что русское населеніе каждый годъ увеличивается вътрое больше, чѣмъ нѣмцевъ. Францію нѣмцы отодвинули за Вогезы, но чего же они достигли этимъ? что французская армія изъ трехсотъ тысячъ усилилась теперь до трехъ милліоновъ, и нѣмцы, сознавая, что у нихъ солдатъ меньше, требуютъ отъ своего народа новыхъ жертвъ людьми и налогами, все, вѣроятно, для равновѣсія, о которомъ пора бы перестать разсуждать, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ этой любопытной книги. Онъ описываетъ борьбу за существованіе, всеобщую и вѣчную, только проявляющуюся въ различныхъ формахъ. Сначала война велась за пріобрѣтеніе средствъ къ жизни, потомъ для завладѣнія чужимъ богатствомъ, что повело къ захвату чужихъ земель и утвержденію своей власти надъ большимъ числомъ племенъ. Последнимъ звеномъ въ этой цѣпи послѣдовательныхъ завоеваній была асимилация покоренныхъ обычаемъ побѣдителя, и въ этомъ фазисѣ, по мнѣнію г. Новикова, явятся будущія войны. Но это нравственное завоеваніе можетъ совершиться только съ помощью развитія истинныхъ интересовъ человѣчества, на которые укажетъ социологія. Поэтому авторъ полагаетъ, что социализмъ включаетъ въ себѣ зачатки будущихъ обществъ, такъ какъ онъ одинъ отвергаетъ всѣ связи съ прошлымъ, за которое держатся всѣ другія партіи и ученія. Но идеаль интеллигентнаго рабочаго — реформатора общества—такая же утопія, какъ и всѣ другія.

— Русская публика не разъ высказывала сожалѣніе о томъ, что на нелѣпныя и клеветническія статьи о Россіи, появляющіяся въ иностранной печати, не возражаетъ никто изъ официальныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ вопросами, которыхъ касается эта печать. Этой странной системѣ умалчиванія не слѣдовало секретарь нашего посольства въ Вашингтонѣ, г. Боткинъ, напечатавшій въ лучшемъ сѣверо-американскомъ журналѣ «Century» дѣльную и горячую статью, подъ названіемъ «Голосъ за Россію» (A voice for Russia). Журналъ самъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что на его страницахъ появлялись статьи, рисующія печальное положеніе сибирскихъ тюремъ и русскихъ евреевъ, и проситъ теперь выслушать и другую сторону, такъ какъ едва ли не въ первый разъ чиновнику русскаго правительства было разрѣшено выступить передъ американскою публикой со статьей, излагающей его взглядъ на внутренній дѣла своего отечества. Г. Боткинъ говорить въ началѣ статьи, что его не поражаетъ невѣжество американцевъ относительно Россіи, которая такъ далека отъ Америки, но его удивляютъ недружелюбныя чувства, высказываемыя американскою печатью даже въ

виду фактических доказательствъ дружбы между двумя націями и особенно послѣ присылки американцами кораблей съ хлѣбомъ въ помощь голодавшимъ губерніямъ. Авторъ возражаетъ на обвиненія, что Россія — страна страшная, деспотическая, что она притѣсняетъ евреевъ, подвергаетъ всѣхъ насильственному обрусенію, православіе невѣротерпимо, и говорить, что наша страна страшна только врагамъ, что она молода и сильна и такое же естественное автократическое государство, какъ Соединенные Штаты — естественная республика. Упомянувъ о статьяхъ Кеннана, представлявшего въ «Century» сибирскія тюрьмы въ самомъ ужасномъ видѣ, г. Боткинъ приводитъ совершенно противоположное мнѣніе международнаго тюремнаго конгресса 1891 года и англичанина Прейса, высказанное въ его путешествіи отъ Арктическаго океана до Желтаго моря. (Мы разбирали эту книгу въ I томѣ «Историческаго Вѣстника», стр. 533). Религіозной нетерпимости въ Россіи нѣтъ, вопросъ еврейскій — чисто экономическій и административный. Гражданскія права евреевъ ограничены единственно для защиты русскихъ крестьянъ отъ хищническихъ инстинктовъ этого паразитнаго племени. Вообще на всѣ обвиненія г. Боткинъ возражаетъ съ авторитетомъ вполне компетентнаго лица. Убѣдить ли оны только нашихъ враговъ, — сомнительно.

— Въ Лейпцигѣ вышла интересная для русскихъ книга подъ заглавіемъ: «Обищаніе крестьянъ и дворянства въ Россіи по Г. И. Успенскому и С. И. Терпигореву» («Verlumpund der Bauern und des Adels in Russland nach G. I. Uspensky und S. I. Terpigoreff»). Нѣмецкій переводчикъ Викторъ Франкъ соединилъ въ общій томъ «Дневникъ» Глѣба Успенскаго, посвященный крестьянскому обездоленію, и «Оскудѣніе» С. Н. Терпигорева, избравшаго предметомъ своихъ наблюденій русское дворянство пореформеннаго періода. Книга эта явилась какъ отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ и почему могла дойти до страшнаго голода и до экономического разоренія такая огромная страна, какъ Россія, богатая людьми и тѣмъ сырымъ матеріаломъ, изъ котораго культурные народы создаютъ великія народныя богатства. Разумѣется, глядя издали на Россію, Франкъ видитъ ее въ мрачномъ свѣтѣ, оны считаютъ Россію «смертельно больной» и думаетъ, что мы съ нарастающей быстротой приближаемся къ полному нравственному и физическому вымиранію. Хотя оны и отмѣчаютъ въ своей книгѣ, что картины, изображенныя Глѣбомъ Успенскимъ и С. Н. Терпигоревымъ, дышатъ сатирическимъ негодованіемъ, и гнѣвный голосъ ихъ дрожитъ отъ слезъ, однако же оны считаютъ необходимымъ для нѣмецкихъ цѣлей придать ихъ сатирическимъ штрихамъ характеръ неоспоримой подлинности и сатирическимъ картинамъ ихъ — авторитетность фотографическихъ снимковъ. Но, помимо этого освѣщенія литературнаго значенія «Дневника» Глѣба Успенскаго и «Оскудѣнія» С. Н. Терпигорева, — освѣщенія нѣмецко-тенденціознаго и умышленно яркаго, съ которымъ должно спорить, интересна точка зрѣнія лейпцигскаго издателя на внутреннюю, художественную сторону названныхъ произведеній. Въ предисловіи Франкъ говоритъ: «Что касается художественной стороны этихъ произведеній, то читатель, не колеблясь, подтвердитъ, что они должны быть отнесены безусловно къ лучшимъ сатирическимъ описаніямъ нравовъ, которые только существуютъ во всемірной литературѣ». «И особенно это слѣдуетъ сказать о Терпигоревѣ: сатирическій порывъ идетъ у него объ руку съ патріотической скорбью, можетъ быть, это единственный примѣръ сатирическаго вдохновенія, выражающагося въ такой

исключительной формѣ». Тамъ же Франкъ говоритъ: «Это не холодныя сатиры, не сатиры для сатиры—и читатель, смѣясь, часто не знаетъ, не лучше ли ему заплакать». Въ то время, когда наша критика или совсѣмъ игнорируетъ замѣчательныхъ русскихъ писателей, или, благодаря тому, что она за лѣсомъ деревьевъ не видитъ, или по мелкимъ кружковымъ соображеніямъ дурного тона, за границей все болѣе и болѣе устанавливается правильная и справедливая точка зрѣнія на нашихъ современныхъ дѣятелей литературы, и они оцѣниваются тамъ по достоинству. С. Н. Терпигоревъ не единственный примѣръ. И это тѣмъ болѣе знаменательно и краснорѣчиво, что нѣмцы, французы и англичане до сихъ поръ еще смотрятъ на насъ, какъ на варваровъ, у которыхъ нѣтъ ничего хорошаго. Но факты бьютъ въ глаза, и каждый выдающійся русскій писатель, признанный за границей, долженъ быть почтенъ нами, какъ пионеръ того интеллектуальнаго и нравственнаго воздѣйствія нашего на Европу, котораго мы должны добиваться и которое прочнѣе и благотворнѣе для насъ самихъ всѣхъ вліяній дипломатическаго и военнаго характера. Это сила духа.

— Въ англійскихъ журналахъ не мало статей о Россіи: въ «Contemporary» Форбесъ, опровергая социалиста Ланина, говоритъ съ энтузіазмомъ о нашемъ верховномъ вождѣ. Въ «Dublin review» леди Гербертъ съ теплымъ чувствомъ относится къ русской церкви и укоряетъ католическаго патера Ванутелли, хотя и отыивающагося съ уваженіемъ о догматахъ православія, но напрасно утверждающаго, что оно совершенно готово соединиться съ папствомъ. Въ «Edinburgh Review» помѣщена уже черезчуръ мрачная статья о «Бѣдствіяхъ въ Россіи». Авторъ говоритъ, что Россія превращается въ обширную степь, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ; часть Астраханской губерніи—до 800 англійскихъ миль — покрылась пескомъ; въ Ставропольской губерніи исчезло множество деревень; рѣки высыхаютъ, почва истощается, Волга потеряла 24 милліона кубическаго объема воды, Днѣпръ и Ока обмелѣли. Все это, конечно, преувеличено. Нѣмецкіе журналы молчатъ о насъ, но французскіе наполнены статьями о Россіи: «Revue des revues» переводитъ «Суратскую кофейню» Л. Н. Толстого и статью Н. Грота о моральныхъ идеяхъ нашего времени изъ «Вопросовъ философіи и психологіи». Эдуардъ Бланъ помѣтилъ въ «Revue des deux mondes» обширную статью о Самаркандѣ (Samarkande). Это весьма обстоятельное описаніе города съ топографической и архитектурной точки зрѣнія. Авторъ говоритъ, что теперь поѣздка изъ Парижа въ древнюю Согдіану и столицу Тамерлана по Закаспійской желѣзной дорогѣ въ 1.400 верстъ является увеселительною прогулкою, на которую не отправляются только потому, что ѣхать немножко далеко. Архитектура древнихъ городовъ Средней Азіи поражаетъ своею грандіозностью, не смотря на ея мрачный колоритъ и на то, что почти всѣ зданія въ развалинахъ. Авторъ начинаетъ съ описанія Регистана, главной городской площади, занимающей вершину холма съ отлогими спусками. По тремъ сторонамъ площади возвышаются три «медресе», зданія, служащія въ одно время школою, семинаріею и мѣстомъ молитвы. Иногда въ нихъ помѣщается и бібліотека. Самаркандскія медресе относятся къ XV вѣку и представляютъ замѣтные слѣды разрушенія, но мѣстами сохранились фасады изъ эмальированныхъ кирпичей темнобирюзоваго цвѣта, съ вычурными арабесками и надписями. На медресе Шир-даръ видны слѣды геральдическихъ львовъ безъ гривъ. Въ маленькихъ кельяхъ этихъ зданій,

выходящихъ на внутренній дворъ, живутъ муллы и студенты. Въ медресе Тилла-хари такихъ келій 70, и въ каждой живетъ по два студента. Третье такое зданіе носитъ названіе медресе мирзы Улугъ-бега, внука Тамерлана, покровителя наукъ (мирза—значитъ ученый). Онъ былъ убитъ во время возстанія, поднятаго его сыномъ, Абдуль-Латифомъ, въ 1450 году, и съ нимъ кончилась эпоха процвѣтанія династіи туркестанскихъ Тимуровъ. На площади Регистана ежедневно открывается рынокъ, на который собираются коренные жители города, сарты, въ своихъ пестрыхъ халатахъ и остроконечныхъ шапкахъ тене, обвернутыхъ муслиномъ въ формѣ тюрбана. Являются изъ окрестностей узбеки, въ кожаныхъ тулупахъ, въ низкихъ бараньихъ шапкахъ, фокусники, плясуны, акробаты, показыватели разныхъ диковинокъ, до которыхъ туркмены большіе охотники. Тутъ же провозносятся проповѣди, устрояются кухни съ горячими кушаньями, предлагаются кальяны и трубки съ правомъ на извѣстное число ватыжекъ, даютъ представленія ученія козы, однимъ словомъ сосредоточивается вся уличная жизнь восточнаго города. Также подробно описываетъ авторъ и другія замѣчательныя зданія Самарканда: мечеть Бяби-Хане, любимой жены Тамерлана, его гробницу Гур-эмиръ, Шах-Зиндехъ — соединеніе семи мечетей въ одной оградѣ, Хаджи-Даніаръ — гробницу пророка Даніила, пещеры Афразиба, баснословнаго туркестанскаго царя, старую цитадель — Урду, съ надіумомъ города «Кок-ташъ», зеленымъ камнемъ, огромнымъ монолитомъ, на которомъ короновались всѣ бухарскіе эмиры, кромѣ послѣдняго, бывшаго недавно нашимъ гостемъ. Когда онъ вступилъ на тронъ, Самаркандъ не былъ уже городомъ Вухарскаго ханства, а принадлежалъ къ русскому Туркестану, и потому эмиръ прислалъ въ священный городъ только подушку, которую положили на Кокъ-ташъ и потомъ возвратили въ Бухару, гдѣ подушка эта служила сидѣньемъ хану при обрядѣ коронаціи. Но если на Кок-ташъ и не садятся теперь эмиры, то на этомъ камнѣ и не рубятъ головъ ихъ родственниковъ, навлекшихъ на себя неудовольствіе подозрительныхъ деспотовъ. Цитадель Урда замѣчательна геройской защитой въ 1868 году горстью русскихъ противъ огромныхъ полчищъ возставшихъ жителей, шесть дней и ночей сряду осаждавшихъ нашъ слабый гарнизонъ въ стѣнахъ, простиравшихся на версту въ окружности и которыя оттаивали не только больные и раненые, оставленные въ госпиталѣ крѣпости, но и ампутированныя солдаты, пока на выручку ихъ не явился Кауфманъ. За это возстаніе Самаркандъ и Катты-Курганъ были присоединены со своими округами къ нашимъ владѣніямъ, а эмиру были даны въ замѣнъ ихъ двѣ области на границахъ Афганистана, Гиссаръ и Дарвассъ. Любопытное описаніе Самарканда, подробнѣе котораго мы не читали и на русскомъ языкѣ, оканчивается историческимъ очеркомъ города. О теперешней администраціи его французскій авторъ не говоритъ ничего.

— Не лишено интереса описаніе путешествія ротмистра гродненскаго гусарскаго полка Роберта Геймана верхомъ изъ Варшавы въ Константинополь (*A cheval de Varsovie à Constantinople*), выдержавшее въ Парижѣ уже два изданія. Авторъ набрасываетъ сначала отрывочныя, но живыя картины войны 1877 г., въ которой онъ участвовалъ, какъ волонтеръ, а потомъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ гусарскій полкъ. Описывается переправа черезъ Дунай, Горный Дубнякъ, Телишъ, осада и взятіе Плевны, Балканы, Филиппополь, Сан-Стефано, причемъ передается много анекдотовъ и сценъ военной жизни и, между прочимъ, какъ интенданты и поставщики заставляли

голодать русскую армию; драматическими эпизодами полонъ переходъ черезъ Балканы. Книга явилась уже въ переводѣ и на русскій языкъ.

— Бывшая у насъ прошлою зимою англійская сестра милосердія миссъ Кетъ Марденъ издала подробное описаніе своего путешествія «въ саняхъ и верхомъ къ отверженнымъ сибирскимъ прокаженнымъ» (*On sledge and horseback to the outcast Syberian lepers*). Эта самоотверженная женщина рѣшилась прѣхать изъ Англіи въ Вилюйскій округъ, Якутской области, чтобы на мѣстѣ изучить положеніе несчастныхъ, пораженныхъ страшною болѣзью. Тысячи верстъ пришлось ей проѣхать, начиная отъ Златоуста, въ саняхъ, тарантасѣ и верхомъ, переносить всевозможныя лишенія, даже голодъ и нападенія волковъ, ночевать въ курныхъ ябахъ. Но она преодолѣла всѣ трудности пути и увидѣла, наконецъ, прокаженныхъ, живущихъ вдали отъ человѣческаго жилья, въ грязи и тѣсотѣ, среди тяжелыхъ страданій, безъ всякой надежды на исцѣленіе. На обратномъ пути и въ Москвѣ гуманная англичанка нашла нѣсколько монахинь и сестеръ милосердія, рѣшившихся посвятить себя уходу за несчастными. Собравъ пожертвованія, миссъ Марденъ составила планъ устройства колоніи для прокаженныхъ, съ больницею и возможными удобствами. Въ пользу ихъ издала она и свою книгу съ портретами королевы Викторіи, русской императрицы и ея собственнымъ, со сценами изъ путешествія, снимками съ официальныхъ документовъ и пр. Она надѣется, что книга ея возбудитъ въ Англіи и Америкѣ симпатію къ самымъ жалкимъ членамъ человѣческаго рода. О Россіи, гдѣ она нашла такую серьезную помощь, англичанка отзывается съ особеннымъ сочувствіемъ, и доброе дѣло ея не окажется, конечно, бесплоднымъ.

— Въ Лондонѣ давно уже выходитъ серія біографій подъ общимъ названіемъ «первые министры королевы Викторіи». Вышедшая теперь характеристика графа Абердина (*The earl of Aberdeen*) написана его сыномъ Артуромъ Гордономъ. Этотъ министръ былъ скорѣе политическимъ философомъ, чѣмъ государственнымъ дѣятелемъ, хотя Гладстонъ ставитъ его очень высоко. Дипломатическая карьера его началась съ 1813 года, когда онъ отправленъ былъ въ Вѣну съ порученіемъ склонить австрійскаго императора къ войнѣ съ Наполеономъ, и былъ принятъ особенно любезно. Онъ былъ поклонникомъ Метерниха, а въ кабинетѣ Веллингтона противникомъ освобожденія Греціи. Онъ не признавалъ современныхъ грековъ потомками древнихъ племенъ и считалъ ихъ смѣсью славянъ, румынъ, венеціанцевъ и другихъ народностей и не желалъ сдѣлать изъ Аѳинъ «русскую сатрапію». Въмѣстѣ съ Пальмерстономъ онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ избранія на греческій престолъ баварскаго принца Оттона, учрежденія въ Греціи самодержавнаго правленія и нѣмецкаго совѣта. Онъ тотчасъ же призналъ іюльскую монархію и захватъ власти Луи-Наполеономъ, но отвѣтственность за объявленіе Россіи войны въ 1853 году лежитъ больше на Джонѣ Росселѣ, чѣмъ на Абердинѣ. Большинство палаты не было на сторонѣ войны, но Абердинъ, опасаясь низверженія кабинета, поддержалъ его всѣми средствами. Его обвиняли въ томъ, что онъ велъ очень вяло войну, и 1-го февраля 1855 года онъ отказался отъ званія перваго министра, проживъ потомъ еще пять лѣтъ и пользуясь большимъ вліяніемъ въ палатѣ лордовъ.

— Мистриссъ Кроссъ издала свои воспоминанія подъ названіемъ «Красные дни моей жизни» (*Red-letter days of my life*). Она знала многихъ ученыхъ и выдающихся людей и набросала интересныя характеристики Фардея, Лайеля, Бебеджа, Витстона, Мурчисона, Ландора, Кинглека и своего

мужа эсквайра Андрю Кресса, занимавшагося электрическими опытами. Ученый и литературный миръ Англии съ тридцатыхъ годовъ рельефно изображенъ въ этихъ воспоминаніяхъ, наполненныхъ анекдотами. Поэтъ Ландоръ былъ большимъ пріятелемъ Луи-Наполеона, когда тотъ жилъ въ Лондонѣ. Будущій императоръ подарилъ поэту свое сочиненіе съ надписью: «одному изъ благороднѣйшихъ друзей свободы». Но когда въ 1849 году президентъ республики послалъ въ Римъ французскія войска для возстановленія папской власти, Ландоръ отослалъ обратно книгу «человѣку, измѣнившему дѣлу свободы». Геологъ Мурчисонъ, принятый очень ласково Николаемъ I въ Петербургѣ, обѣдалъ въ Лондонѣ у министра, когда пришло извѣстіе о сраженіи при Альмѣ. Хозяинъ приказалъ подать вина, чтобы выпить за успѣхъ англійскаго оружія. Мурчисонъ отказался отъ вина.—«Какъ, вы англичанинъ, и не хотите пить за англійскую армію»,—замѣтилъ хозяинъ.—«Я не хочу пить за успѣхъ бесполезной войны»,—отвѣчалъ ученый,—мое уваженіе къ императору Николаю не позволяетъ мнѣ этого». Подобныхъ анекдотовъ много въ воспоминаніяхъ мистриссъ Крессъ.

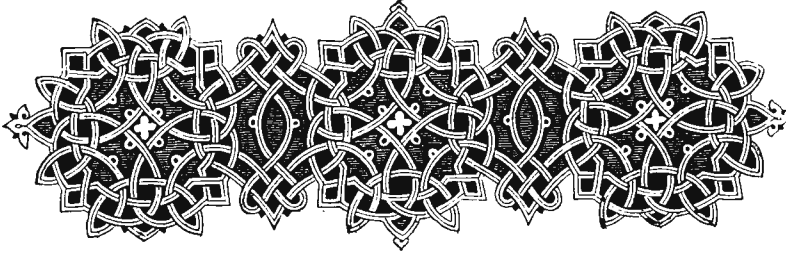
— Странную книгу написалъ Германъ Вагенеръ, «дѣйствительный тайный совѣтникъ высшаго управленія», какъ его титулуютъ въ заголовкѣ. Вышла она въ Берлинѣ уже третьимъ изданіемъ и называется «Паденіе Наполеона III» (*Der Niedergang Napoleons III*). Объ этомъ предметѣ вышло много сочиненій у нѣмцевъ и французовъ, но авторъ говоритъ объ немъ много новаго и любопытнаго. Къ сожалѣнію, всё сообщаемыя имъ новыя свѣдѣнія не подкрѣпляются никакими официальными документами, не основываются ни на какихъ достовѣрныхъ источникахъ. Во всей книгѣ нѣтъ ни одного указанія, откуда авторъ почерпнулъ свои извѣстія, ни одной ссылки на свидѣтельство другихъ лицъ. Нельзя же полагать, что высшее берлинское управленіе, гдѣ служитъ Вагенеръ, обладаетъ свѣдѣніями, неизвѣстными историкамъ другихъ странъ, да и читая его книгу, убѣждаешься съ первыхъ же страницъ, что это не болѣе, какъ сенсационный, мнимо-историческій романъ въ родѣ «Тайнъ Парижскаго двора» и тому подобныхъ произведеній, бьющихъ на стремленіе публики къ эффектнымъ романтическимъ, но мало вѣроятнымъ событіямъ. Почти всѣ 17 главъ книги наполнены діалогами и бесѣдами историческихъ лицъ, явно придуманными сочинителемъ или развитыми имъ изъ двухъ-трехъ фразъ, переданныхъ историками этой эпохи. Мѣстами передаются разговоры двухъ лицъ съ такими подробностями, какъ будто авторъ самъ былъ при этомъ, что уже совершенно уничтожаетъ всякое довѣріе къ его рассказамъ. Въ исторіи паденія Наполеона III онъ видитъ только неизбѣжный фатализмъ, какъ и въ паденіи его дяди, и начинаетъ свою книгу съ весьма сомнительнаго признанія Наполеона I, что его влечетъ неотразимая сила къ невѣдомой ему цѣли, но что, достигнувъ ея, онъ будетъ тотчасъ же ниввергнуть. Это же подтверждаютъ слова его, будто бы сказанныя графу Стадіону, когда, побѣдивъ Австрію, онъ требовалъ отъ нея уступки нѣкоторыхъ областей: «не понимаю, почему вы не хотите согласиться на это: вѣдь вы потомъ получите все обратно». Драма паденія Наполеона III начинается бесѣдою двухъ іезуитовъ въ концѣ июня 1870 года о положеніи дѣла. Императоръ хочетъ войны, потому что цифра 17 играетъ важную роль въ его жизни: онъ родился въ 1808 году и сумма этихъ цифръ равна 17-ти, Евгенія родилась въ 1826 году, гдѣ та же цифра, какъ и въ году ихъ свадьбы—1853. Такую же роль играетъ цифра 18 въ жизни Луи-Филиппа: годъ его рожде-

нія 1773, рожденія его жены—1782, ихъ свадьбы—1809 и продолжительность его царствованія равны 18-ти. Наполеонъ III царствовалъ 17 лѣтъ. Послѣ этихъ мистическихъ выкладокъ, разговоръ продолжается еще на 12-ти страницахъ въ клерикально-католическомъ духѣ, что дѣлается понятнымъ, если мы вспомнимъ, что авторъ этой странной исторіи—въ то же время основатель газеты «Kreuzzeitung», органа партіи нѣмецкихъ фанатиковъ и ретроградовъ. Слѣдующая глава уже прямо доказываетъ, что читатель имѣетъ дѣло съ романомъ, состряпаннымъ по образцу всякихъ «придворныхъ тайнъ». Наполеонъ III сидитъ въ своемъ кабинетѣ въ Тюльери и вдыхая произноситъ чувствительный монологъ: «что изъ меня сдѣлала болѣзнь! золотые сны первыхъ лѣтъ моего правленія, мои надежды утвердить тронъ Наполеонидовъ, что изъ этого выйдетъ, когда смерть закроетъ мои глаза? Все мнѣ удавалось: я смирилъ Россію, побѣдилъ Австрію, располагаю судьбами Италіи, приковалъ Англію къ моей побѣдной колесницѣ, и между тѣмъ громъ битвы при Садовой послалъ мнѣ предостереженіе. Меня хотятъ увлечь въ войну—и это будетъ моя послѣдняя война. Мечъ молодого великана Пруссіи самый острый въ Европѣ, а графъ Бисмаркъ такой дипломатическій противникъ въ головѣ котораго, какъ въ желѣзномъ ящикѣ, хранятся тайны, которыхъ никто не ислѣдовалъ». Послѣ этого мелодраматическаго монолога является графъ Бенедетти, начинается политическій діалогъ, прерываемый приходомъ сына императора, въ мундирѣ, съ ружьемъ Шаспо и моделью мицральезы, которую онъ тащитъ за собою на суркѣ. Тутъ авторъ не подумалъ, что принцу въ это время шель уже пятнадцатый годъ, а въ эти годы наслѣдники престола не играютъ уже въ игрушки.—«Куда это ты собрался?»—спрашиваетъ отецъ.—«Въ Берлинъ!»—отвѣчаетъ сынъ.—«Что же ты будешь тамъ дѣлать?»—«Сниму съ Бранденбургскихъ воротъ чугунную колесницу съ четырьмя конями и привезу ее во второй разъ въ Парижъ».—«Ну, это не такъ легко».—«Французскому императору все легко сдѣлать, особенно если его сопровождаетъ благословеніе церкви».—«Хорошо, мой сынъ, вернись теперь къ своей матери и скажи ей, что ты прекрасно отвѣтилъ вытверженный тобою урокъ». Эта сцена исторически вѣрна, хотя, конечно, и не происходила въ дѣйствительности. Затѣмъ является на сцену Евгенія и всѣми силами отстаиваетъ необходимость войны, потомъ авторъ переноситъ читателя въ Варцинь, гдѣ Бисмаркъ получаетъ депеши, отдаетъ приказанія Бухеру и рассказываетъ ему анекдоты о парижской выставкѣ 1867 года, гдѣ однажды императрица спросила великаго князя Константина, кто, по его мнѣнію, лучше изъ всѣхъ женщинъ. Она ждала, конечно, комплимента, но князь отвѣчалъ: «я варваръ, ваше величество, и для меня лучше всѣхъ женщинъ—моя жена». Между депешами, полученными изъ Петербурга, Бухеръ читаетъ одну о движеніи въ кружкахъ панславизма въ пользу Франціи. Бисмаркъ замѣчаетъ, что тутъ все дѣло въ личномъ самолюбіи князя Горчакова, который никакъ не можетъ переварить, что многіе считаютъ нѣмецкаго канцлера умнѣ русскаго. Притомъ же въ Петербургѣ не хотятъ примириться съ мыслью, что прекрасные дни императора Николая давно прошли и не вернуться больше. Наполеона III Бисмаркъ называетъ совершеннымъ ничтожествомъ. «Онъ считаетъ себя своимъ дядей, а можетъ быть развѣ только своей теткой; политика его—азартная игра фатализма; Евгенія—фанатичная католичка, считающая себя оскорбленною тѣмъ, что на ея родинѣ хо-

тѣлъ царствовать Гогенцоллернъ». Изъ Вардина дѣйствіе переносится опять въ Парижъ, на сходку «непримиримыхъ», гдѣ между Гамбетой, Фавромъ, Рошфоромъ, Симономъ является почему-то пройдоха и опортунистъ Ферри, вынырнувшій было изъ политическаго болота, но умершій внезапно, не запачкавшись, по крайней мѣрѣ, въ панамской грязи. Затѣмъ Наполеонъ поручаетъ Руэру положить въ лондонскій банкъ на имя Евгенія съ сыномъ портфель съ денежными бумагами, а другой—Ротшильду на имя известной дамы съ тремя дѣтьми, и съ условіемъ, чтобы суммы были раздѣлены поровну на четверыхъ. Отъѣзжая въ армію, онъ говоритъ: «Если сынъ мой найдетъ свою могилу въ чужихъ странахъ, пусть онъ знаетъ, что эту могилу приготовила ему его мать». Войны, которую Евгенія называла «моею войною», авторъ не описываетъ, а заставляеть только Наполеона декламировать монологи въ Вильгельмсеге, потомъ выводитъ на сцену Вильгельма I въ Версали. Романтическая исторія оканчивается эпилогомъ въ Чивальгоретѣ, гдѣ изгнанный принцъ говоритъ своему отцу: «Вѣроятно, моя мать напрасно молилась святымъ, а церковь молчала передъ криками «ура!» нѣмецкихъ еретиковъ. Я получалъ выговоры за то, что надѣялся больше на войско, чѣмъ на молитвы, и говорилъ, что нѣмецкая армія не вся же состоитъ изъ еретиковъ, а что она разбила католическихъ австрійцевъ».— «Вѣрно, твоя мать обращалась не къ тѣмъ святымъ, которые намъ покровительствуютъ»,—отвѣчалъ Наполеонъ съ горькой улыбкой. Евгенія онъ говоритъ: «я былъ большимъ дуракомъ, не послушавъ Руэра и промѣнявъ имперію на мечъ. Теперь я излечился отъ всѣхъ иллюзій и особенно отъ надеждъ на реставрацію бонапартизма». Еще прежде онъ высказывалъ, что ни одна реставрація не могла нигдѣ прочно укорениться, начиная со Стюартовъ и кончая Бурбонами и имперією. Евгенія упрекаетъ его въ малодушія, обнадеживаетъ помощью папы, молитвами котораго Богъ пошлетъ легіоны ангеловъ на помощь французской арміи.—«Зачѣмъ наполнять воображеніе ребенка несбыточными надеждами?»—замѣчаетъ низверженный императоръ.—«А зачѣмъ лишать его единственнаго, остающагося ему утѣшенія?»—возразила Евгенія.—«Самообманъ не утѣшеніе. Сынъ долженъ уважать церковь, но не всему вѣрить, что проповѣдуютъ изъ личныхъ выгодъ ея служители». Съ Мак-Магономъ Наполеонъ прощается до свиданія въ Елисейскихъ поляхъ, «если онъ вѣритъ въ нихъ». Но даже заканчивая свой романъ, авторъ не можетъ скрыть своихъ клерикальных опасеній, припоминая слова Наполеона I, что Европа будетъ республиканскою или казацкою.—«А что же такое панславизмъ, какъ не казачество, расширяющее сферу своихъ дѣйствій»,—прибавляетъ авторъ, сознающійся, что славянство неизбежно объединится, какъ объединились Германія и Италія.

Таковъ романъ Вагенера, легко читающійся и интересный для массы. Авторъ его умеръ три года тому назадъ и вмѣсто упоминанія о томъ, что онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, приличнѣе было бы напомнить о его главномъ трудѣ «Словарѣ политическихъ наукъ» (24 тома, 1858—1868 г.), замѣчательномъ, не смотря на его католическія и ретроградныя тенденціи. А говорить о его государственной службѣ не слѣдовало уже и потому, что она кончилась печальною необходимостью—подать въ отставку, послѣ того, какъ Ласкеръ въ 1873 году публично обвинилъ въ прусскомъ ландтагѣ этого члена правительства и тайнаго совѣтника въ явномъ мошенничествѣ и взяточничествѣ по концесіямъ желѣзныхъ дорогъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Царскій подарокъ.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ I отличался рѣдкой добротой и былъ доступенъ каждому изъ своего народа, что подтверждается множествомъ примѣровъ и особенно извѣстнымъ указомъ, даннымъ 6-го января 1819 года, на имя министра полиціи Вязьмитинова ¹⁾, въ которомъ государь требовалъ, чтобы во время его путешествій всѣ, безъ различія званія, съ своими нуждами допускались къ нему безпрепятственно.

Часто путешествуя по Россіи, заѣзжая даже въ отдаленные уголки ея, его величество многихъ осчастливилъ своими милостями. Разсказовъ о добротѣ и ласковомъ обращеніи Александра I такъ много, что нѣкоторые изъ нихъ уже приняли легендарную окраску; но есть много и такихъ, которые подтверждаются фактическими данными. Одинъ изъ послѣднихъ, какъ вполне достовѣрный ²⁾, очень ярко обрисовываетъ мягкосердечный характеръ покойнаго императора.

Путешествуя въ 1824 году по Россіи, его величество, между прочимъ, посѣтилъ и Оренбургскій край, въ то время мало извѣстный и считавшійся весьма отдаленнымъ, и проѣздомъ изъ г. Оренбурга, центра военнаго управленія краемъ, на уральскіе горные заводы, осчастливилъ своимъ пребываніемъ г. Уфу, резиденцію тогдашняго гражданскаго управленія всей обширной Оренбургской губерніей.

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.», т. XLIX, стр. 154.

²⁾ Разсказъ приводимъ изъ письма отъ 23-го декабря 1892 г. М. И. Вавилова, секретаря дворянства Уфимской губерніи, которое хранится у автора на стоящей зампѣткѣ.

Въ городъ этотъ императоръ, при колокольномъ звонѣ и при восторженныхъ кликахъ народныхъ, въѣхалъ 16-го сентября, въ 7 час. вечера, и остановился сначала въ домѣ казачьяго полковаго атамана Давиды Андреевича Патранина.

Посѣщеніе дома Патранина государемъ произошло совершенно случайно, неожиданно.

Новый деревянный домъ этотъ, выдѣлявшійся прекрасной наружной отдѣлкой и находившійся на набережной р. Бѣлой, саженьяхъ въ полутора отъ Бѣлорѣченской переправы, стоялъ какъ разъ на пути слѣдованія его величества. Переправившись черезъ Бѣлую и проѣзжая мимо по набережной, государь обратилъ на него особенное вниманіе и спросилъ: «кому онъ принадлежитъ?» Когда ему доложили фамилію хозяина, его величество приказалъ ѣхать во дворъ (подъѣздныхъ крылецъ у дома не было, и входъ въ домъ былъ со двора). Обрадованный хозяинъ, не ожидая такого рѣдкаго и высокаго посѣщенія, не помня себя отъ радости, выскочилъ на крыльцо принять дорогаго гостя съ низкими поклонами. Давида Андреевичъ отдалъ въ полное распоряженіе свой домъ пріѣзжимъ случайнымъ гостямъ. Государемъ и свитой были заняты переднія комнаты: зало, гостинная, кабинетъ и угловая.

Черезъ нѣсколько времени были приготовлены закуска и самоваръ. Камердинеръ заварилъ находившійся у него прекрасный душистый чай, и всѣ были приглашены къ столу, въ томъ числѣ и Патранинъ.

Во время чая его величество милостиво разговаривалъ съ хозяиномъ, спрашивая его о состояніи Уфимскаго края; затѣмъ приказалъ ему представить семью, состоявшую изъ жены, Палагеи Степановны, и двухъ дочерей, Прасковьи и Татьяны, изъ коихъ первой было тогда десять, а второй двѣнадцать лѣтъ отъ роду.

Государь нѣсколько времени бесѣдовалъ съ женой Патранина, спрашивая о ихъ житѣй-бытѣ, ласкалъ дѣтей и въ заключеніе на прощанье подарилъ Палагеѣ Степановнѣ дорогой брилліантовый перстень, а дочерямъ—каждой по фермуару, усыпанному брилліантами, самому же Патранину пожаловалъ тысячу рублей.

Отдавая дочерямъ фермуары, его величество сказалъ:

— Вотъ вамъ, дѣти, на память обо мнѣ: поминайте меня, когда я умру.

Впослѣдствіи одна изъ дочерей Патранина вышла замужъ за дворянина Ивана Вавилова. Подаренный ей фермуаръ, какъ драгоцѣнный памятникъ, сохраняется и понынѣ у внучки ея, Маріи Михайловны, дочери Михаила Ивановича Вавилова, секретаря уфимскаго дворянства, находящейся теперь замужемъ за дворяниномъ Березовскимъ. Завѣтъ царя строго соблюдается: послѣ кончины императора имя его величества было внесено въ поминальникъ рода Патранина и поминается до настоящаго времени ежедневно за упокойной литургіей.

Напившись чаю въ домѣ Патранина и переодѣвшись въ парадную форму, его величество поѣхалъ на молебенъ въ Смоленскій соборъ, гдѣ его уже дожидались всѣ начальствующія лица г. Уфы и епископъ Амвросій съ синклитомъ уфимскаго духовенства, а оттуда отправился на заранѣе приготовленную ему квартиру, въ домѣ губернатора Нелидова.

Д. А. Патранинъ, цѣня высоко и почитая за особенное счастье посѣщеніе своего дома государемъ императоромъ, устраивалъ въ гостинной ком-

натѣ (гдѣ Александръ Павловичъ бесѣдовалъ съ нимъ), передъ диваномъ, памятникъ, заключающійся въ томъ, что въ широкой деревянной рамѣ, художественной, по тогдашнему времени, работы, было вставлено толстое, діаметромъ около аршина, стекло, на внутренней, покрытой голубою ¹⁾ краскою сторонѣ коего крупными (въ родѣ литографированныхъ) золотыми, буквами были обозначены годъ, мѣсяцъ и число посѣщенія дома государемъ, а также перечислены подаренныя вещи и кому.

Послѣ смерти Патранина домъ этотъ по наслѣдству перешелъ во владѣніе дочери его, Татьяны Даниловны, и памятникъ, устроенный отцомъ ея, сохранился на томъ же самомъ мѣстѣ до 1857 года, когда въ іюнѣ, во время ночнаго пожара на Набережной улицѣ, домъ сгорѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ сгорѣло и драгоценное стекло. Вновь домъ не возводился и даже нѣтъ признаковъ, что было здѣсь когда либо жилое строеніе. Самая набережная утратила свой первоначальный видъ, вслѣдствіе постояннаго прибоа воды, особенно въ весеннее время. За семьдесятъ лѣтъ послѣ этого событія она значительно обвалилась и находится дальше отъ Бѣлорѣченской переправы, чѣмъ была прежде. Теперь на мѣстѣ дома, гдѣ его величество осчастливилъ цѣлую дворянскую семью, стоятъ громадныя лабазы купца Блохина для склада хлѣба, заготовляемаго къ весеннему сплаву по р. Бѣлой.

П. Юдинъ.

Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго.

Разбирая бумаги моего покойнаго отца, генераль-маіора В. В. Святловскаго, я нашелъ въ нихъ крайне любопытное описаніе одного эпизода изъ жизни нашего извѣстнаго переводчика романовъ Дикенса. И. И. Введенскій былъ тогда учителемъ русской словесности въ старшихъ классахъ Дворянскаго полка (что нынѣ Константиновское военное училище), а мой отецъ тамъ же помощникомъ инспектора классовъ. Никто изъ воспитанниковъ этихъ классовъ того времени не запомнитъ случая, чтобы Введенскій опоздалъ на урокъ, хотя нѣсколькими минутами, или вышелъ съ урока, не досидѣвъ до конца; о совершенномъ же пропускѣ урока и говорить нечего; словомъ это былъ одинъ изъ исправнѣйшихъ и аккуратнѣйшихъ учителей заведенія, что, придавая къ его несомнѣннымъ дарованіямъ, какъ преподавателя, еще большую ему цѣну въ глазахъ начальства, не менѣе сильно возвышало, сложившіяся среди воспитанниковъ старшихъ классовъ, справедливо заслуженныя имъ, любовь и уваженіе съ себѣ. Но вотъ разнесся слухъ, дошедшій, разумѣется, и до воспитанниковъ, что Введенскій женится.

Обстоятельство это вызвало тотчасъ между ними толки и предположенія о томъ, что наконецъ настало время, что и ему придется измѣнить обычной своей акуратности и пропустить не одинъ, а, можетъ быть, нѣсколько уроковъ. Толковали о якобы существующемъ постановленіи, что преподаватель, вступающій въ бракъ, освобождается отъ служебныхъ заня-

¹⁾ Національный цвѣтъ оренбургскаго казачьяго войска. Въ то время станца Уфимская, въ которой были казаки, входила въ составъ этого войска.

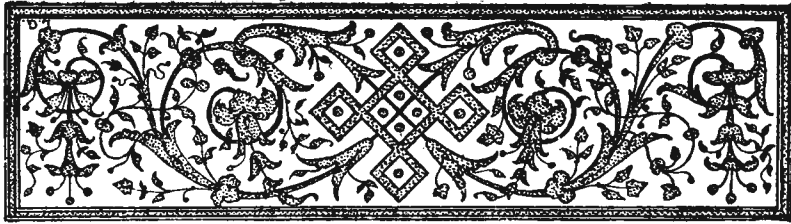
тій втеченіе опредѣленнаго довольно продолжительнаго срока. Воспитанники всегда чутко относились къ случайнымъ часамъ отдыха, которые представлялись имъ въ болѣе или менѣе рѣдкихъ случаяхъ пропусковъ учителями уроковъ, но тутъ главнымъ образомъ руководило ими чувство любопытства: какъ поступитъ Введенскій, ни разу еще ни по какому случаю не промакировавшій ни въ какомъ классѣ ни одного урока. Наконецъ, стало всѣмъ извѣстно, что на такой-то недѣлѣ, въ такой-то день и часъ, вечеромъ состоится свадьба Введенскаго.

Уроки въ то время не такъ, какъ это принято въ военно-учебныхъ заведеніяхъ теперь, дѣлились на утренніе и вечерніе или послѣобѣденные. Утромъ они начинались часовъ около 8 или 9 и оканчивались около полудня, послѣобѣденные же начинались съ 3-хъ часовъ и продолжались до 6 вечера. Промежутокъ между урочными занятіями предоставлялся фронту, обѣду и необходимому отдыху. Вотъ наступила и ожидаемая недѣля съ назначеннымъ свадебнымъ днемъ. Кадеты откуда-то даже пронюхали, что Введенскій женится на молоденькой, красивой особѣ, въ которую влюбленъ безъ памяти. Любопытство воспитанниковъ, возроставшее съ каждымъ днемъ наступившей недѣли, дошло до послѣдняго предѣла. Во всемъ заведеніи только и было толковъ, что о свадьбѣ любимаго преподавателя. А между тѣмъ Введенскій, что ни день, попрежнему аккуратно являлся на уроки; пришелъ и на утренніе уроки знаменательнаго въ его жизни дня, пришелъ и на вечерніе того же дня, значитъ, окончивъ послѣдній урокъ и уйдя изъ заведенія въ 6 часовъ вечера, могъ едва только успѣть переодѣться, чтобы во время попасть въ церковь въ качествѣ вѣнчающагося въ тотъ вечеръ жениха. Любопытные подмѣтили даже, что изъ корпуса онъ ушелъ по обыкновенію пѣшкомъ и ни разу во время послѣдняго урока, тоже по обыкновенію, не взглянулъ на карманные часы. А въ довершеніе недоумѣнія кадетъ на другой же день послѣ свадьбы въ 8 часовъ утра Введенскій сидѣлъ уже въ обычной своей позѣ на каедрѣ того класса, въ которомъ ему слѣдовало быть по росписанію.

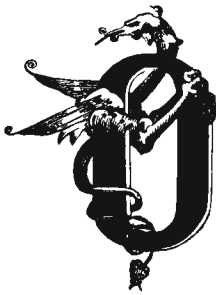
Кадеты послѣ этого эпизода еще болѣе прониклись уваженіемъ къ своему чудачу-учителю, который съ такою трогательною аккуратностью смотрѣлъ на священныя обязанности преподавателя.

В. Святловскій.

СМѢСЬ.

СВЯЩЕНІЕ бюста императора Александра II. 19-го февраля, въ Александровской больницѣ въ память 19 го февраля 1861 года происходило торжество освященія бюста Александра II, поставленнаго на набережной Фонтанки передъ фасадомъ больницы. Въ церкви больницы было совершено молебствіе, въ присутствіи административнаго и медицинскаго персонала. Духовенство, въ бѣлыхъ ризахъ, въ сопровожденіи присутствовавшихъ, вышло на набережную къ памятнику; при пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя», архіерей обошелъ памятникъ, съ котораго сдернули завѣсу. Архіерей окропилъ памятникъ. Архидіаконъ возгласилъ многолѣтіе Государю и царствующему дому, вѣчную память императору Александру II и многолѣтіе начальствующимъ, благотворителямъ, служащимъ. Обѣ стороны набережной были заняты толпами народа. Бронзовый бюстъ Царя Освободителя стоитъ на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ. Бюстъ превосходной работы, по модели профессора Лаврецкаго. На пьедесталѣ памятника надписи: на лицевой сторонѣ: «Императору Александру II, основателю больницы», на правой сторонѣ: «сооруженъ городскимъ общественнымъ управленіемъ въ 1892 г.», на лѣвой—«больница основана въ память 19-го февраля 1861 г.». За завтракомъ Н. Н. Медвѣлевъ произнесъ рѣчь, въ которой ознакомилъ присутствовавшихъ съ исторіею больницы: она беретъ свое начало изъ временнаго лазарета для чернорабочихъ, основаннаго по повелѣнію Николая I въ 1841 г. Вслѣдъ за объявленіемъ въ 1861 г. манифеста объ освобожденіи крестьянъ, дума постановила принести отъ имени всего городского общества въ даръ городской домъ, бывшій Межуева, и на вырученный отъ его продажи капиталъ учредить больницу для рабочаго населенія, назвавъ ее Александровской. Дѣломъ 1864 г. зданіе заложено, въ 1866 г. окончено и 30-го августа состоялось ея открытіе; покойный государь въ этотъ день ее посѣтилъ, осматривалъ и пожертвовалъ икону св. Александра-Невскаго. 24-го августа 1892 г. Государь Императоръ въ холерное время посѣтилъ

больницу и этимъ ознаменовалъ довѣріе къ городскому завѣдыванію больницами. Свою рѣчь г. Медвѣдевъ закончилъ указаніемъ, какъ замѣтно идетъ смягченіе нравовъ, какъ народъ самъ начинаетъ лечиться, ведетъ борьбу съ пьянствомъ, учится грамотности—это все плоды дня 19-го февраля 1861 г., «Да исчезнетъ же рознь сословная,—сказалъ онъ,—не провозглашаю тоста, но пусть каждый въ душѣ скажетъ вѣчную память Царю Освободителю». Всѣ въ молчаніи встали съ мѣстъ. Г. Медвѣдевъ предложилъ тостъ за хорошій уходъ за больными: первый поклонъ—сестрамъ милосердія, затѣмъ фельдшерамъ и сидѣлкамъ.

Торжественное собраніе Славянскаго Общества, состоявшееся въ день памяти св. Кирилла, первоучителя славянскаго, было чрезвычайно многолюдно. Предсѣдатель Общества гр. Н. П. Игнатьевъ прочелъ извлеченіе изъ отчета. Въ 1892 г. въ Обществѣ состояло 494 члена; изъ нихъ: почетныхъ—32, пожизненныхъ—70 и дѣйствительныхъ—392. Втеченіе года были избраны въ пожизненные члены четверо и въ дѣйствительные—35. Въ этомъ году скончались члены Общества: митрополитъ Исидоръ—участникъ въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ и переводчикъ библии на русскій языкъ; генералъ И. А. Лишинъ, работавшій по снаряженію добровольцевъ въ Сербію, гдѣ и самъ принималъ участіе въ битвахъ съ турками, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и затѣмъ выдавался виднымъ земскимъ дѣятелемъ; генералъ Н. Н. Вельяминовъ—участникъ въ венгерскомъ походѣ, крымской кампаніи, усмиреніи польскихъ мятежниковъ и въ послѣдней русско-турецкой войнѣ; генералъ А. К. Гейнсъ—участвовавшій въ оборонѣ Севастополя и во взятіи Самарканда и занимавшій должности гражданскаго губернатора въ Туркестанѣ и Казани; морякъ А. Д. Сатинъ—участникъ синопскаго боя и защитникъ Севастополя; генералъ Н. М. Шевцовъ—строитель Ковенской крѣпости, и С. М. Третьяковъ—благотворитель и любитель искусствъ. Втеченіе года дѣйствовали комисиі: издательская, которою напечатаны: вторымъ изданіемъ «Славянская азбука» Гильфердинга, первымъ изданіемъ «Русско-словенскій словарь» и печатаются «Гусь и его отношенія къ православнои церкви; ревизіонная комисиія, для разработкы вопроса о празднованіи истекающаго 25-лѣтія существованія Славянскаго Общества, и комисиія для разработкы предложенія И. И. Домонтовича о сооруженіи въ Петербургѣ на средства членовъ Славянскаго Общества памятника С. Т. Аксакову и его двумъ сыновьямъ Константину и Ивану. Собранія было: три торжественныхъ и одно общее, засѣданій совѣта было 15. На пооченіи Общества состояло 28 стипендіатовъ и 7 стипендіатокъ: 4 въ Петербургскомъ университетѣ; 8—въ военно-медицинской академіи, 1—въ академіи художествъ, 3—въ технологическомъ институтѣ, 1—въ лѣсномъ, 1—въ придворной капеллѣ и остальные въ другихъ училищахъ. По національностямъ они были: болгары, сербы, герцеговинцы, черногорцы и чехи обихъ половъ. Въ собраніяхъ Общества происходилъ обмѣнъ мыслей и дѣлались сообщенія по славянскимъ вопросамъ. Собранія стипендіатовъ охотно посѣщались молодежью и были посвящаемы чтенію и обсужденію рефератовъ по научнымъ вопросамъ. Собранія сербской молодежи были рѣдки въ виду того, что большинство сербовъ—студенты медики, были заняты дѣломъ борьбы съ холерою, преимущественно въ провинціи. Въ изданіяхъ общества произошла перемѣна. Редакторъ «Славянскаго Обозрѣнія» А. С. Будиловичъ, назначенный ректоромъ Юрьевскаго университета, сложилъ съ себя званіе редактора и потому совѣтъ Общества постановилъ издавать въ 1893 году повременные сборники, по мѣрѣ накопленія матеріала. Денежный отчетъ—блестящъ: по смѣтѣ доходовъ ожидалось 23.572 руб., поступило же 33.216 руб. За выполненіемъ смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ въ кассѣ Общества къ 1-му января 1893 г. оставалось 223.366 руб. Денежная помощь славянамъ и пособия имъ выдавались въ большемъ размѣрѣ, не-

жели предположено было по смѣтѣ. Кромѣ того, совѣтъ выдавалъ временныя пособія для перваго обзаведенія славянамъ, прїѣхавшимъ въ Россію. Отчеты,—сказалъ предсѣдатель,—обнародуются Обществомъ для того, чтобы отдавать точный и гласный отчетъ о всякой общественной копейкѣ и чтобы показать тѣмъ недругамъ, которые утверждаютъ, что благопріятныя и неблагопріятныя событія въ славянскихъ земляхъ совершаются только потому, что тамъ катятся массами русскіе рубли,—сколькими именно рублями располагаетъ Славянское Общество, которое, по словамъ графа, правды не чуждается, свѣта не боится и дѣйствуетъ всегда открыто и гласно.

Пятнадцатилѣтіе Сан-Стефанскаго договора. Въ Казанскомъ соборѣ 19-го февраля молились за императора Александра II освобожденные имъ славяне: болгары, македонцы, чехи, хорваты и другіе представители славянскаго міра. Въ этотъ день исполнилось пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ графъ Н. П. Игнатьевъ подписалъ въ Сан-Стефано договоръ съ турками. Перо, которымъ былъ подписанъ этотъ историческій документъ, хранится въ семьѣ графа въ ларчикѣ, отдѣланномъ серебромъ и голубой шелковой матеріей. Это—дешевенькая желтенькая палочка съ бѣлымъ стальнымъ крупнымъ перомъ, съ сохранившимися еще на немъ засохшими чернилами. На палочкѣ съ одной стороны выжжено раскаленнымъ остриемъ гвоздя «S-Stéphano», а съ другой—дата. Въ соборѣ молились и Славянское Благотворительное Общество, славянскіе эмигранты и молодежь. Изъ собора всѣ отправились на квартиру къ гр. Н. П. Игнатьеву. Здѣсь собрались всѣ живущіе въ Петербургѣ славяне. Отъ лица Славянскаго Общества настоятель Казанскаго собора поднесъ икону, настоятель собора св. Спиридонія—также икону, хлѣбъ и соль въ серебряной солонкѣ и секретарь Общества прочелъ адресъ. Графъ Н. П. Игнатьевъ отвѣтилъ, что ему на его вѣку пришлось претерпѣть и выстрадать не мало, но онъ всегда вѣрилъ въ мощь, силу и крѣпость русскаго народа. Онъ служилъ вѣрою и правдою родинѣ и славянству. Отъ лица македонцевъ выступилъ капитанъ Македонскій и прочелъ слѣдующій адресъ: «Нашему родному краю не суждено было воспользоваться дарованной въ Сан-Стефано свободой. Нашли на европейскомъ Западѣ христіанскія державы, которыя, во имя цивилизаціи, сочли освобожденіе цѣлокупнаго славянскаго племени преступнымъ. Соединенныя воедино, эти державы отторгли нашу Македонію отъ обще-болгарскаго отечества и вырвали изъ нашихъ рукъ право свободныхъ людей. Но то, съ чѣмъ онѣ не могли, не могутъ и трудно имъ будетъ насъ разлучить,—это непоколебимая наша вѣра въ близкое освобожденіе. Двухмиліонное населеніе живетъ этою вѣрою, лечитъ ею свои страданія и въ ней находитъ правственный отдыхъ. Для всѣхъ этихъ страдальцевъ сан-стефанскій договоръ болѣе, чѣмъ политическій актъ: онъ ихъ общественный идеалъ, ихъ политическій катехизисъ». Далѣе сказалъ горячую рѣчь отъ имени болгарской молодежи одинъ изъ молодыхъ учащихся славявъ. Молодежь вѣритъ только въ то, что ея заступница и руководительница—это Россія. Молодежь считаетъ для себя честью учиться въ Россіи, чтобы быть потомъ работниками у себя на родинѣ. Болгары поднесли отъ себя слѣдующій адресъ: «Имя ваше особенно и на вѣки неразрывно связано съ величайшимъ знаменательнѣйшимъ событіемъ во всей исторіи жизни нашего народа. Ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ кровопролитнѣйшей освободительной войнѣ положенъ былъ конецъ подписаніемъ вами у самыхъ стѣнъ Царьграда, въ Сан-Стефано, мирнаго договора, конемъ нашъ народъ навсегда избавлялся отъ турецкаго ига. Извѣстно, сколько было горькихъ разочарованій, когда этотъ договоръ кознями и зловѣщимъ упорствомъ враговъ славявъ былъ недолго спустя совершенно искаженъ въ Берлинѣ... А въ настоящее время тѣ же исконныя враги славявъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы окончательно низвести къ нулю весь смыслъ, всѣ результаты, увѣнчавшіе кро-

вавые подвиги сыновъ великой славянской земли въ благороднѣйшей изъ войнъ, которыя когда либо велись въ мірѣ. Мы глубоко убѣждены, что наши общіе зложелатели совершенно ошибаются въ своихъ расчетахъ. Если, благодаря ряду прискорбныхъ ошибокъ и недоразумѣній, на нашей родинѣ, къ великому сожалѣнію, нашлись люди, которые вотъ уже подрядъ нѣсколько лѣтъ путемъ неслыханныхъ насилій удерживаютъ въ оковахъ свободное проявленіе народной совѣсти, то изъ этого еще далеко не слѣдуетъ приходиться въ нелѣпное преждевременное разочарованіе. Въ сердцахъ нашего юнаго народа, надъ которымъ столь еще недавно возсіяла заря свободы, слишкомъ еще жива благодарная память о томъ, кто его истинные друзья и кто — враги. На скрижаляхъ же болгарской исторіи ваше имя останется вѣчно начертаннымъ, а Сан-Стефанскій договоръ — политическимъ завѣтомъ всего болгарскаго племени».

Юрьевъ и Двинскъ. Высочайшимъ повелѣніемъ переименованы города Дерптъ и Динабургъ въ Юрьевъ и Двинскъ, а также крѣпости Динамюнде — въ кр. Усть-Двинскъ, и приказомъ объявлено о переименованіи 98-го пѣхотнаго Дерптскаго полка въ 98-й пѣхотный Юрьевскій полкъ, 178-го пѣхотнаго резервнаго Юрьевского полка въ 178-й пѣхотный резервный Изборскій полкъ, 180-го пѣхотнаго резервнаго Динамюндскаго полка въ 180-й пѣхотный резервный Усть-Двинскій полкъ, Динабургскаго резервнаго баталіона въ Оровайскій резервный баталіонъ и Риго-Динамюндскаго крѣпостнаго пѣхотнаго баталіона въ Усть-Двинскій такой же баталіонъ. Въ виду этихъ переименованій, небезынтересно припомнить историческія данныя относительно пунктовъ, названія которыхъ измѣнены въ настоящее время, а также относительно тѣхъ важныхъ въ исторіи нашего отечества событій и воспоминаній, которыя послужили поводомъ къ возстановленію утратившихся названій войсковыхъ частей.

Городъ Дерптъ основанъ въ 1030 году великимъ княземъ Юріемъ Ярославичемъ и назывался первоначально Юрьевомъ. Первые 200 лѣтъ городъ принадлежалъ Россіи, но въ 1224 г. подпалъ подъ власть рижскаго епископа Альберта и тогда же получилъ и названіе Дерпта. Съ 1503 г. Дерптское епископство платило дань русскому царю. Въ 1559 г. Дерптъ сдался на капитуляцію боярину Шуйскому, и Дерптское епископство было упразднено. Съ паденіемъ Ливонскаго ордена, Дерптъ, вмѣстѣ со всею Лифляндіею, перешелъ подъ власть Польши; въ 1600 г. онъ былъ взятъ штурмомъ шведами, но въ 1603 г. поляки вновь отбили городъ и удержали его за собою до завоеванія Лифляндіи Густавомъ Адольфомъ въ 1625 г. Въ 1650 г. Дерптомъ овладѣли русскіе, но въ 1661 г. онъ снова перешелъ къ Швеціи, а въ 1704 г. былъ опять взятъ Петромъ I.

Замокъ Динабургъ построенъ въ 1274 г. магистромъ Ливонскаго ордена Эрнестомъ Расбургскимъ. Съ 1315 по 1418 г. неоднократно переходилъ въ руки литовскихъ князей, а въ 1481 г. былъ взятъ великимъ княземъ московскимъ Иоанномъ III. Съ паденіемъ Ливонскаго ордена въ 1561 г. Динабургъ присоединенъ къ Польшѣ и въ 1566 г. сдѣланъ главнымъ городомъ Инфлянтскаго воеводства. Во время войны Иоанна Грознаго съ королемъ Баторіемъ царь овладѣлъ въ 1577 г. Динабургомъ, который въ слѣдующемъ году снова былъ взятъ поляками. Прішедшій въ разрушеніе Динабургскій замокъ былъ перенесенъ Стефаномъ Баторіемъ, къ 1532 г., на теперешнее мѣсто (до того замокъ находился въ 17 верстахъ выше нынѣшняго города). Въ 1606 г. герцогъ Зюдерманландскій, вторгнувшійся въ Инфлянты, осадилъ Динабургъ и взялъ его приступомъ, а въ 1626 г. пытался овладѣть городомъ Густавъ-Адольфъ. 30-го іюля 1656 г. царь Алексѣй Михайловичъ съ 3.400 ратными людьми подступилъ къ Динабургу, взялъ его, сжегъ дворы и костелы и захватилъ всякіе пушечные запасы. Слѣствъ съ тѣмъ царь велѣлъ построить въ Динабургѣ церковь Бориса и Глѣба и назвалъ городъ

Борисоглѣбовымъ. По Андрусовскому договору (1667 г.) Динабургъ опять перешелъ къ Польшѣ, а въ 1772 г. окончательно присоединенъ къ Россіи и назначенъ провинціальнымъ городомъ Двинской провинціи, входившей въ составъ Псковской губерніи; въ 1777 г. Динабургъ обращенъ въ уѣздный городъ Полоцкой губерніи, а въ 1802 году нынѣшней Витебской губерніи.

Могила Гончарова. На обрывѣ Никольскаго кладбища Александро-Невской лавры находится могила Гончарова. Грустное впечатлѣніе производитъ запущенный видъ этой могилы. Кругомъ и рядомъ съ ней богатѣйшіе надгробные склепы, а надъ ней убогій деревянный крестъ грязно-бѣлаго цвѣта. Пять-шесть вѣнковъ небрежно спутались въ кучу на насыпи, одинъ изъ нихъ валяется позади креста. Все это поблекло, металлическіе листья полиняли, надписи на вѣнкахъ исчезли. Постарѣвшая деревянная ограда, съ покрывившеюся калиткой, дополняетъ убожество могилы. Нѣтъ никакого слѣда заботливой руки родственниковъ и близкихъ покойнаго. Только неугасимая лампада предъ миниатюрнымъ образомъ на крестѣ напоминаетъ, что не совсѣмъ еще забыта могила Гончарова. Полтора года прошло, какъ умеръ нашъ первоклассный писатель († 15-го сентября 1891 г.), но до сихъ поръ никто не позаботился объ украшеніи его могилы: ни близкіе къ покойному, въ главѣ съ душеприказчикомъ М. М. Стасюлевичемъ, ни литературный фондъ, которому Гончаровъ завѣщалъ часть своего имущества, ни поклонники и поклонницы его произведеній. Надо надѣяться, что съ наступленіемъ весны проснется благодарное потомство и не на словахъ, а на дѣлѣ покажетъ, что оно умѣетъ цѣнить память лучшихъ русскихъ писателей.

Авксентій Коневецкій. Въ церкви Ростовскаго уѣзда, села Горокъ, есть икона преп. Авксентія, которому прихожане этой церкви лишь три года тому назадъ прекратили правднованіе. Происхожденіе этой иконы не лишено интереса, тѣмъ болѣе, что оно соединено съ состояніемъ рабства русскаго народа во время крѣпостного права. Въ концѣ сороковыхъ годовъ здѣсь жила помѣщица Е. П. Леонтьева, которая такъ жестоко обращалась съ своими крѣпостными, что одинъ изъ нихъ рѣшился тайно уйти въ Петербургъ и просить защиты у государя. Монархъ распорядился разобрать дѣла крестьянъ съ помѣщицей, но челобитчику приказалъ, вопреки его желанію, возвратиться на родину къ своей строгой барынѣ. Узнавъ поступокъ своего крѣпостного, Леонтьева хотѣла сдать его въ солдаты или сослать въ ссылку, но ей, до окончанія дѣла, этого позволено не было. Между тѣмъ изъ Ростова пріѣхалъ земскій судъ. Пошли допросы; крестьяне оживились. Но ростовскіе судьи, собирая днемъ свѣдѣнія съ крестьянъ объ истязаніяхъ ихъ помѣщицей, на вечеръ для препровожденія времени отправлялись къ ней въ усадьбу. Понятно, что при такой обстановкѣ дѣла жалоба крестьянъ не имѣла для нихъ благотвельныхъ послѣдствій. Точно также поступилъ болѣе высшій судъ, пріѣхавшій изъ Ярославля. Но, должно быть, чуяло царское сердце, что не даромъ крестьянинъ съ такимъ рискомъ явился къ нему жаловаться: судъ надъ злой помѣщицей тѣмъ не кончился. Въ сентябрѣ 1848 г. изъ Петербурга въ село Горки, имѣніе Леонтьевой, былъ присланъ особый чиновникъ Авксентій Коневецкій. Этотъ безкорыстный царскій судья, какъ называли его крестьяне, повелъ дѣло съ помѣщицей совсѣмъ иначе: онъ не ходилъ къ ней, жилъ въ крестьянскомъ домѣ, допрашивалъ не только крѣпостныхъ, но и сосѣднихъ крестьянъ, и не выѣхалъ изъ усадьбы до тѣхъ поръ, пока, представивъ слѣдствіе, не получилъ приказанія выселить помѣщицу изъ усадьбы въ 24 часа, что и послѣдовало въ ночь на новый годъ. Радости крестьянъ, понятно, не было конца. Между тѣмъ виновникъ ихъ избавленія Авксентій Коневецкій уѣхалъ обратно. Но русскій человѣкъ не бываетъ неблагодаренъ. Желая выразить ему свою

глубокую признательность, крестьяне устроили въ своей церкви въ честь его ангела икону Авксентія и праздновали ему въ продолженіе 40 лѣтъ. Къ сожалѣнію, событіе это теперь почти изгладилось изъ памяти крестьянъ, и едва удалось узнать о немъ отъ одной старушки, бывшей въ свое время въ услуженіи у Леонтьевой и помнящей всѣ подробности этого ужаснаго для нихъ времени. Въ настоящее время, когда для научныхъ изслѣдованій сдѣлались доступны всѣ архивы, возможно прослѣдить это дѣло при помощи живыхъ свидѣтелей. Кромѣ того, можетъ быть, у г. Коневецкаго есть родственники, которымъ должно быть интересно узнать въ большей подробности, какой прекрасной памятью пользовалось его имя въ селѣ Горкахъ.

† 5-го февраля, 77 лѣтъ, бывший, съ 1874 по 1881 годъ, главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника», Сергій Петровичъ Сушковъ. Онъ родился въ 1816 году и получилъ образованіе въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, произведенъ въ офицеры и на Кавказѣ, принимая участіе въ дѣлахъ съ горцами, раненъ въ голову и переведенъ въ гвардейскую артилерію. Выйдя въ отставку въ 1842 г., онъ вновь поступилъ на службу въ 1855 г. и въ чинѣ штабсъ-капитана командовалъ одною изъ дружинъ московскаго ополченія. Выйдя, по окончаніи войны, вторично въ отставку, С. П. уѣхалъ въ 1857 г. за границу и поселился во Франціи, гдѣ и оставался до 1862 г. Въ эти пять лѣтъ пребыванія за границею онъ обратился къ ученой дѣятельности и, живя въ Парижѣ, изучилъ богословіе. Въ 1859 г., когда протоіерей Васильевъ съ абатомъ, а затѣмъ православнымъ священникомъ Владиміромъ Гетте, началъ издавать «L'union Chrétienne», С. П. принималъ въ этомъ изданіи большое участіе. Въ то же время написано имъ нѣсколько брошюръ, направленныхъ противъ римской церкви. За труды его ему была объявлена благодарность, присланная изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по высочайшему повелѣнію. По возвращеніи изъ Парижа, въ 1862 г., Сушковъ поступилъ на службу по духовному вѣдомству и написалъ, по порученію оберъ-прокурора, книги: «Объ училищахъ для дѣтей лицъ духовнаго званія» и «О нововведеніяхъ князя Кузы въ румынской церкви». Въ 1869 г. С. П. вышелъ въ отставку въ третій разъ и вновь вступилъ на службу, въ 1873 г., въ главное управленіе по дѣламъ печати. Ему было поручено составленіе обзорной русскихъ газетъ и журналовъ, ежедневно представляемыхъ государю. Послѣдніе годы жизни С. П., состоя по главному управленію по дѣламъ печати, занимался чтеніемъ порученныхъ ему газетъ. Онъ возобновилъ также свои богословскія занятія и въ 1890 г. за сочиненіе «Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ римской церкви» получилъ премію митрополита Макарія». Въ томъ же году С. П. выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе сочиненій своей сестры, графини Е. П. Ростопчиной. Нерѣдко появлялись также статьи его по вопросамъ богословскимъ и философскимъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ.

† 16-го февраля, въ Москвѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ, принявъ большую дозу опія, Василій Осиповичъ Поплавскій. Онъ родился въ 1869 г. Окончивъ въ 1888 г. житомирскую классическую гимназію, онъ поступилъ въ петербургскій историко-филологическій институтъ. По окончаніи перваго курса, въ 1889 г. перешелъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Въ 1888 г., вмѣстѣ съ А. І. Лященко, онъ составилъ «Повторительный курсъ по русской исторіи отъ Владиміра до Ивана Грознаго», встрѣченный очень сочувственно спеціальной критикой. Кромѣ того, писалъ въ газетѣ «Волынъ», журналахъ «Артистъ» и «Стрекова». Онъ всю жизнь добывалъ самостоятельно средства къ существованію, тратилъ на это все свое время и не могъ, серьезно работая, заниматься, что постоянно его мучило и было одной изъ главныхъ причинъ его самоубійства. Среди товарищей онъ пользовался большими симпатіями.

† 23-го февраля, старшій редакторъ центрального статистическаго комитета Василій Васильевичъ Звѣринскій. Имя покойнаго пользуется заслуженною извѣстностью, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ статистиковъ, занимавшагося въ продолженіе болѣе 25 лѣтъ собираніемъ и группировкой цифрового матеріала, характеризующаго многія стороны русской жизни. Въ началѣ 70-хъ годовъ Звѣринскій принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Международной статистики», предложенной на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Гаагѣ и по сіе время еще недоконченной. На долю покойнаго выпало составленіе статистики рѣчнаго судоходства въ Россіи, что и было имъ обстоятельно и пространно разработано. Нѣсколько ранѣе Звѣринскій составилъ статистическое обзорѣніе Тобольской губерніи, изданное въ сборникѣ статистическаго комитета подъ заглавіемъ: «Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи». Этотъ трудъ разсѣялъ многія неясности, которыми были покрыты наши отдаленныя окраины. Когда географическое общество занялось обстоятельными изданіями и привлекло въ свою среду просвѣщенныхъ людей, Звѣринскій явился дѣятельнымъ исполнителемъ тѣхъ предпріятій Общества, которыя касались географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Онъ много работалъ для географическаго словаря Россійской имперіи и за эти труды былъ награжденъ золотой медалью географическаго общества. Изъ другихъ капитальныхъ работъ его выдѣляется историко-статистическое изслѣдованіе о монастыряхъ въ Россіи, составляющее до сихъ поръ почти единственный источникъ по этому предмету. Въ послѣднее время Звѣринскій занимался разработкой исторіи общества второй половины XIX столѣтія и уже закончилъ первое десятилѣтіе.

† 21-го февраля, одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Новгорода, инспекторъ народныхъ училищъ Иванъ Павловичъ Можайскій, на 65-мъ году. Послѣ Петербургскаго университета онъ началъ свою службу въ Новгородѣ въ качествѣ уѣзднаго учителя почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, затѣмъ состоялъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища, а при образованіи дирекціи народныхъ училищъ опредѣленъ на должность инспектора, которую и занималъ до самой смерти. Это былъ человекъ весьма дѣятельный. Помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, требовавшихъ много энергіи и труда, онъ свободное время посвящалъ литературнымъ занятіямъ, помѣщая свои статьи въ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, составилъ учебникъ географіи Новгородской губерніи для начальныхъ школъ, вышедшій недавно вторымъ изданіемъ. Какъ инспекторъ, онъ отличался добротою и гуманностью. Въ «Наблюдателѣ» еще въ 1892 г. печатались его стихотворенія.

† Въ Кіевѣ Аделаида Алексѣевна Родзянко, бывшая до 1883 г. въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ начальницей кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Покойная подъ псевдонимомъ Тальцевой написала нѣсколько драматическихъ произведеній, напечатанныхъ въ 50-хъ годахъ въ «Пантеонѣ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ, нѣсколько повѣстей въ «Сынѣ Отечества» 1852 г. Нѣсколько мелкихъ комедій ея были поставлены на Александринской сценѣ. Лучшій романъ ея «Три жизни» въ «Пантеонѣ» 1854 г. Она — урожденная Зубова.

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Кто такой профессоръ Ивангофъфъ.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ въ числѣ «Историческихъ мелочей» помѣщено извлеченіе изъ статьи «Правда о смерти Гамбетты» журнала «Revue Illustrée». Въ этомъ извлеченіи говорится, что докторъ Веккеръ, производившій удаленіе большого глаза Гамбетты, передалъ послѣ операциі глазъ для анатомическаго изслѣдованія профессору Ивангофъфу, знаменитому своими анатомо-патологическими изслѣдованіями глазъ, учителю принца Баварскаго. Что это за профессоръ Ивангофъфъ? Не правда ли странно, что первая половина фамиліи принадлежитъ чисто русскому слову Иванъ, а вторая нѣмецкому. Но дѣло объясняется очень просто. Знаменитый профессоръ Ивангофъфъ—это Александръ Владиміровичъ Ивановъ, жизнь котораго, выражаясь поэтически, блеснула метеоромъ въ медицинскомъ мірѣ. Тавричскій мѣщанинъ, родившійся въ Курской губерніи, онъ изъ курской гимназіи поступилъ въ Московскій университетъ, откуда, 23-хъ лѣтъ отъ роду, въ 1859 году, вышелъ докторантомъ медицины и съ задатками тяжелаго недуга, проявившагося кровохарканьемъ, которое заставило его отправиться за границу для леченія. Здѣсь онъ, не смотря на шаткость здоровья, съ увлеченіемъ отдается офтальмологіи, можно сказать, лихорадочно работаетъ. Достаточно сказать, что за этотъ періодъ заграничной жизни, съ 1859 по 1867 гг., онъ успѣваетъ сдѣлать девять солидныхъ самостоятельныхъ работъ, помѣщенныхъ въ нѣмецкихъ журналахъ, и его имя становится въ ряду первоклассныхъ ученыхъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ получаетъ степень доктора медицины, на два года снова уѣзжаетъ и попрежнему отдается своей работѣ. 33-хъ лѣтъ, нося славное имя въ наукѣ, получаетъ кеедру офтальмологіи въ Кіевскомъ университетѣ и служить красою не только этого заведенія и русскаго медицинскаго сословія, но и всего ученаго міра. Въ 1876 году въ третій и послѣдній разъ отправляется за границу, гдѣ чахотка легкихъ въ 1880 году въ Ментонѣ прерываетъ жизнь профессора Иванова въ вѣнѣтъ его славы. Всего написано имъ работъ до 20, и всѣ онѣ были таковы, что заставляли громко о себѣ говорить. Въ то время это былъ едва ли не единственный въ своемъ родѣ авторитетъ по патологической анатоміи глазъ, гремѣвшій въ Германіи, Франціи и Россіи. Не даромъ герцогъ Карлъ Баварскій, высокопоставленный товарищъ по профессіи таврическаго мѣщанина, работалъ подъ руководствомъ послѣдняго и написалъ довольно почтенный трудъ по офтальмологіи. Нѣмецкіе ученые считали за честь имѣть въ составѣ сотрудниковъ въ ученыхъ изданіяхъ этого человѣка. А я лично, скромный питомецъ Московскаго университета, не могу вспомнить безъ умиленія того благоговѣйнаго и трогательнаго преклоненія предъ великимъ авторитетомъ Иванова со стороны профессора, нашего извѣстнаго офтальмолога Брауна, какое онъ высказывалъ всегда, когда заходила рѣчь объ Александрѣ Владиміровичѣ. Впервые же на лекціяхъ университетскихъ

я услыхалъ отъ Брауна, что глазъ Гамбетты находится въ рукахъ профессора Иванова; это было въ 1878 году. Такъ вотъ кто фигурируетъ подъ исковерканнымъ именемъ профессора Ивангоффа.

Докторъ А. Я. Добротворскій.

II.

Могила Маріи Потоцкой въ Саратовѣ.

Въ очеркахъ и воспоминаніяхъ Н. М. Колмыкова, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» за 1886 годъ подъ общимъ заглавіемъ «Старый судъ», между прочимъ, упоминается о дѣлѣ графа Михаила Потоцкаго. Женившись на бѣдной, простой дворянкѣ Швейковской, Потоцкій, по словамъ Колмыкова, выказалъ въ послѣдствіи по отношенію къ ней грубые и дерзкіе поступки, изъ чего началось дѣло, кончившееся тѣмъ, что Потоцкій былъ удаленъ изъ мѣста жительства, обширныя его имѣнія Тульчино и Ольховотское, Подольской губерніи, взяты были въ администрацію III Отдѣленія, которое и назначило для управленія этими громадными имѣніями особаго чиновника. Не такъ давно въ одной изъ южныхъ провинціальныхъ газетъ были напечатаны воспоминанія о Потоцкомъ, гдѣ упомянуто, что онъ по дѣлу съ женою былъ сосланъ въ одну изъ восточныхъ губерній. Сосланъ онъ былъ именно въ Саратовъ, служившій мѣстомъ ссылки и еще долго послѣ того. Потоцкій пробылъ въ Саратовѣ довольно продолжительное время и оставилъ его приблизительно въ 1848—1849 годахъ. О жизни его здѣсь сохранилось мало воспоминаній, ибо ничѣмъ выдающимся, присущимъ характеру Потоцкаго, она не отличалась. Ссылка, очевидно, смирила этого безпокойнаго человѣка, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ, ибо въ саратовскихъ архивахъ, какъ намъ передавали, имѣется кое-что, касающееся его походовъ. Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о Потоцкомъ упоминается, между прочимъ, о его дочери (отъ Швейковской), но съ кѣмъ она жила послѣ разрыва семейной жизни, свѣдѣній не имѣется. Лѣтомъ прошлаго года, бродя по Воскресенскому кладбищу (въ просторѣчьи «Пичугинское»), на которомъ погребены Н. Г. Чернышевскій и извѣстный литераторъ 20-хъ годовъ (см. «Воспоминанія Старцевскаго»), переводчикъ «Вильгельма Телля» Ротчевъ (забытая могила!), я совершенно случайно натолкнулся между обывательскими могилами на надгробный памятникъ съ французской надписью, которая являлась рѣзкимъ исключеніемъ на провинціальномъ православномъ кладбищѣ. Памятникъ имѣетъ видъ обившейся восьмигранной колонны изъ такъ называемаго лещаднаго камня, не болѣе аршина высотой; на половину ушедшій въ землю, онъ кругомъ заросъ сорной травой и склонился на сторону.

Плохо разбираемая, дословно списанная мною, надпись гласила:

Ici repose
Marie Gabriele
fille unique
du Comte M. Potocki
née le 3 septembre 1839
morte le 21 août 1847.

Мѣстные старожилы рассказываютъ, что въ склепѣ М. Потоцкой было сдѣлано окно, чрезъ которое отецъ, приходя на кладбище, подолгу смотрѣлъ на трупъ дочери, лежавшій въ открытомъ гробу. Но вскорѣ по распоряженію администраціи гробъ былъ закрытъ крышкою, и окно уничтожено.

А. Кулаковъ.

III.

Письмо въ редакцію.

Какъ внучка К. Ѡ. Калайдовича (дочь его единственнаго сына Николая), прошу васъ напечатать слѣдующія поправки и дополненія къ статьѣ г. Ширяева о моемъ дѣдѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

К. Ѡ. Калайдовичъ родился не въ Ельцѣ, а въ Кіевѣ, и умеръ не 19-го, а 16-го апрѣля 1832 г. Онъ оставилъ послѣ себя сына и трехъ дочерей (а не сына и одну дочь, какъ говоритъ г. Ширяевъ), изъ которыхъ одна еще жива. Портретъ моего дѣда находится въ Румянцевскомъ музеѣ, а другой у моей тетки, а его дочери. Снимокъ съ этого портрета былъ помѣщенъ въ № 5 «Библиографическихъ Записокъ» 1892 г. при статьѣ «Матеріалы для біографіи и учено-литературной дѣятельности К. Ѡ. Калайдовича». «Кромѣ того, тѣмъ же авторомъ напечатанъ краткій біографическій очеркъ жизни К. Ѡ. Калайдовича въ № 137 «Московскихъ Вѣдомостей» 1892 г.

Евгенія Беркутъ.

— Уйдемте, мистеръ Шмитъ... Онѣ не вѣдаютъ, что творять... Придетъ время, что здѣсь никто не посмѣетъ насъ обидѣть.

Но папиросницы не унимались и не переставали пускать въ нихъ чѣмъ попало. Англичанинъ былъ весь облѣпленъ съѣстными припасами.

Невдалекѣ отъ этой сцены расхаживалъ жандармъ; онъ не могъ не видѣть того, что происходило, но старался смотрѣть въ сторону отъ этой травли. Только тогда, когда непрощенные проповѣдники совсѣмъ скрылись изъ глазъ, а папиросницы все еще не переставали волноваться, онъ подошелъ къ нимъ и добродушно спросилъ:

— Что такое здѣсь происходитъ, сеньоры?

XXV.

Анна была въ восторгѣ отъ праздника. Когда, съ наступленіемъ ночи, стали падать на землю первыя капли дождя, явился ея капитанъ и предложилъ ей свою руку и зонть. Глядя, какъ эта парочка удаляется по темнымъ улицамъ, Ампаро почувствовала грусть. За послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ политическія дѣла были, повидимому, въ застоѣ, ею нерѣдко овладѣвало это грустное настроеніе, такъ не свойственное ея веселому, энергичному характеру. Для того, чтобы развлечься, она чаще говорила съ Анной о любовныхъ дѣлахъ, чѣмъ о политическихъ. «Кумушка» была этому, въ сущности, очень рада, и Ампаро уже наизусть знала всѣ привычки, вкусы, капризы и вѣчное обѣщаніе жениться ея капитана. Исполненіе этого обѣщанія всегда откладывалось по какимъ нибудь непредвидѣннымъ, но уважительнымъ причинамъ.

— Конечно,—говорила Анна,—еслибъ я захотѣла выйти замужъ за какого нибудь ремесленника, сапожника или столяра, то мнѣ не было бы отбоя отъ жениховъ. Но съ какой стати буду я это дѣлать? Чтобъ окружить себя семьей и сдѣлаться рабою необразованнаго человѣка? Нѣтъ, ужъ такой глупости, я никогда не сдѣлаю!

— А если твой Раймундо тебя броситъ?—спросила Ампаро въ откровенномъ разговорѣ, называя по имени капитана.

— Съ какой стати онъ это сдѣлаетъ, милая, что ты... Десять лѣтъ отношеній! И потомъ, онъ такъ привыкъ къ моему деликатному обращенію, что ему никто не замѣнитъ меня.

Но Ампаро не соглашалась съ ней; она, какъ сторонница Сѣверной униі, стояла на томъ, что честь и нравственность—прежде всего.

— Неужели ты надѣешься, что Собрадо женится на тебѣ?—ѣдко спросила ее Анна.

— Собрадо? Да что же у меня общаго съ Собрадо?

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1893 г., т. III.

— Онъ такъ и ходилъ по твоимъ слѣдамъ, и еслибъ его не услали отсюда, то Богъ знаетъ, чѣмъ это кончилось бы... Да ужъ ты не защищайся, не оправдывайся! Я много разъ видѣла, какъ онъ бродилъ около фабрики.

— Прекрасно, прекрасно, но что-жъ изъ этого? Почему бы ему и не жениться на мнѣ? Чѣмъ я хуже другихъ бѣдныхъ дѣвушекъ? Вѣдь бывали примѣры... Развѣ ты не помнишь, что Негреро была сардинницей, потомъ такой же папиросницей, какъ и я, а вышла замужъ за богача и теперь ходитъ въ шелковыхъ платьяхъ... А помнишь эту хорошенькую Альваресъ, она также вотъ, какъ мы съ тобой, крутила гильзы, а теперь имѣетъ трехэтажный домъ и хорошую лавку. Да, много примѣровъ! Теперь всѣ сословія равны. Говорятъ, что новый король самъ подаетъ всѣмъ руку, а жена его цѣлуется даже съ прачкой, а если будетъ федеративный образъ правленія, тогда...

— Да, да, поговори такъ съ доньей Долоресъ Собрадо!

— Подумаешь, какъ страшно! Собрадо сами не аристократы. Я знаю лицъ, которыя помнятъ, какъ они носили тяжести... Они также трудились, какъ мы съ тобой, только имъ посчастливилось разбогатѣть—вотъ и все.

— Но вѣдь, милая, всѣмъ извѣстно ихъ тщеславіе. У нихъ сынъ военный, такъ они и воображаютъ, что онъ пара только герцогинѣ Астурійской... Вѣдь теперь, когда они узнали, что Гарчіа проиграла процессъ, они почти поссорились съ нею... Только старшая изъ Собрадо, Лола, не хочетъ разставаться со своей подругой и ходитъ къ ней...

— Ну, прекрасно, если они не хотятъ насъ знать, то вѣдь и мы не очень-то нуждаемся въ нихъ. Если ихъ сынъ интересуется мною, то для этого существуетъ законный бракъ, а иначе я ни за что не соглашусь...

«Кумушка» расхоталась и назвала ей нѣсколько примѣровъ тутъ же, на фабрикѣ. Антонія, Леоконида, Пепита были не глупѣ Ампаро, а ничего не достигли. Тѣ, которыя вышли за ремесленниковъ, ну, тѣ еще счастливѣе, а сеньорито всегда сумѣютъ обойти бѣдную дѣвушку и доказать ей, что черное бѣло.

— Если бы я захотѣла потерять себя,—воскликнула разсерженная Ампаро:—то давно могла бы это сдѣлать, какъ другія...

— Это только оттого, что ты боишься, чтобъ тебя не бросили. А въ концѣ-концовъ ты сама поймешь, что не стоитъ быть честной... Никто не вѣритъ въ честность бѣдныхъ дѣвушекъ.

— Но это вовсе несправедливо.

— Конечно... но что дѣлать, если всѣ такъ думаютъ!

Ампаро задумалась. Дѣйствительно, трудовая, фабричная жизнь часто толкаетъ на дурные поступки. Анна, пожалуй, и права. Стоитъ ли быть безупречной, если люди этому не вѣрятъ; если

отвертываться отъ того и отъ другаго, то придется всю жизнь гнуть спину изъ-за какого нибудь жалкаго заработка. А съ другой стороны, развѣ она не видитъ тутъ же въ мастерской честныхъ, хорошихъ дѣвушекъ? Да взять хоть Гвардіану, она чуть не нищая и недурна собой, а вѣдь не занимается же всѣми этими глупостями. Значить, и въ бѣдности можно быть честной. Гвардіана говорить, что каждую недѣлю исповѣдуется, и это останавливаетъ ее отъ многого дурного.

Ампаро дѣлалась все задумчивѣе и задумчивѣе; она теряла почву подъ ногами и говорила себѣ:

— Я тоже охотно стала бы исповѣдываться... Но... если патерь узнаетъ, что я занимаюсь политическими дѣлами?.. Нѣтъ, довольно съ меня исповѣди и въ страстную недѣлю, тѣмъ болѣе, что пока, благодаря Бога, я вѣдь не страшная грѣшница...

XXVI.

Бальтазаръ вернулся изъ Наварры и твердо рѣшился не трать жизни даромъ, а взять отъ нея все, что возможно. Онъ насмотрѣлся вблизи на гражданскую войну и понялъ, что она будетъ такъ же упорна, какъ и продолжительна. Ему, какъ человеку, долго сдерживавшему себя, захотѣлось сразу окунуться въ омутъ жизненныхъ удовольствій и страстей. Когда онъ издалека взвѣшивалъ общественное мнѣніе своего роднаго города, оно не казалось ему уже такимъ страшнымъ.

Не разъ во время своихъ небольшихъ походовъ онъ вспоминалъ объ Ампаро, и она представлялась ему въ красной мантильѣ, привѣтствующей депутатовъ, или въ маскарадномъ костюмѣ, танцующей на фабричномъ дворѣ. Женщины, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ Наваррѣ, не занимали его, такъ какъ это были по большей части смуглыя загорѣлыя поселанки и яростныя партизанки, которыя вмѣсто того, чтобъ улыбаться молодому офицеру, посылали ему вслѣдъ тысячи проклятій. Къ тому же, холодный и сдержанный по натурѣ Бальтазаръ не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ на быстрыя побѣды.

Вернувшись въ Маринеду, онъ уже не ограничивался тѣмъ, что изъ-за угла посматривалъ на Ампаро. Теперь онъ сталъ ее провожать до дома, тѣмъ болѣе, что она помѣстилась теперь въ уединенной улицѣ San-Hilario, на краю города. Со смерти отца Розендо и съ тѣхъ поръ, какъ Чивто ушелъ отъ нихъ, квартира въ улицѣ Кастро была уже слишкомъ дорога для Ампаро и ея матери. Ея окна теперь выходили въ поле, а, какъ извѣстно, уединеніе и природа какъ нельзя болѣе покровительствуютъ влюбленнымъ мечтателямъ.

Они сошлись въ день Благовѣщенія, весною. Въ этотъ день, по народному повѣрью, птицы празднуютъ свои свадьбы и выбираютъ себѣ мѣста на обнаженныхъ еще вѣтвяхъ деревьевъ для будущиxъ гнѣздъ.

На фабрикѣ къ этому празднику готовились съ вечера. Папиросницы клали на алтари розмариновые вѣнки и ставили въ изобиліи восковыя свѣчи. Одна большая свѣча ломалась на нѣсколько маленькихъ, и такимъ образомъ иконостасы казались залитыми свѣтомъ.

Есть повѣрье, что дѣти, умершія до крещенія, блуждаютъ въ вѣчной темнотѣ и только одинъ разъ въ году, въ день Благовѣщенія, когда ихъ матери ставятъ свѣчи, они видятъ свѣтъ и радуются ангельской радостью.

Понятно, что изъ маринедскихъ папиросницъ, число которыхъ доходило до четырехъ тысячъ, нашлось много матерей, желавшихъ послать своимъ умершимъ дѣтямъ эту загробную ласку и освѣтить мракъ того свѣта. Съ другой стороны тѣ изъ женщинъ, у которыхъ не было дѣтей ни умершихъ, ни живыхъ, также охотно несли въ церковь свои вѣнки.

Вечеромъ, въ день Благовѣщенія, Ампаро, вся сіяя веселіемъ и здоровіемъ, шла домой. Такъ какъ это былъ праздникъ, то Бальтазаръ не пошелъ ждать ее у фабрики, а ждалъ около ея дома.

Молодой человѣкъ переживалъ самый острый періодъ влюбленности. Это не была нѣжная или пылкая безумная страсть, но онъ испытывалъ то, что испытываетъ человѣкъ, долго сдерживавшій себя отъ куренія сигаръ. Ампаро, съ ея красивымъ выразительнымъ лицомъ, черными блестящими глазами, съ этимъ запасомъ здоровой жизненной силы, такъ и бывшей въ ней ключемъ, казалась ему самой тонкой, самой соблазнительной регаліей, которая сама говоритъ ему: «Выкури меня». При одномъ ея приближеніи къ нему, его охватывало такое ощущеніе, какое охватываетъ юношей, когда они въ первый разъ затягиваются нѣсколькими глотками ароматнаго дыма. Словомъ, Ампаро окончательно вскружила ему голову.

Онъ цѣлый день ждалъ ее въ аллеѣ, недалеко отъ ея дома. Они сѣли рядомъ на краю небольшого овражка близъ дороги и наслаждались тишиной природы, любуясь красивымъ пейзажемъ. Солнце клонилось къ закату. Вдали виднѣлось тихое, спокойное море съ одинокимъ неподвижнымъ парусомъ. Два большихъ парохода безшумно выпускали дымъ изъ своихъ трубъ. Маленькая легкая гондола, управляемая двумя гондольерами, легко скользила по серебрястой поверхности воды. Солнце, прячась за горы, начинало бросать на море темныя тѣни.

По мѣрѣ того, какъ тѣни сгущались, легкій туманъ подымался надъ водой, и свѣжіи вѣтерокъ шевелилъ концы платка Ампаро

и золотистые волосы Бальтазара. Скоро Маринедка погрузилась въ темноту, и тамъ и сямъ замелькали фонари. Вѣтеръ усилился. Становилось свѣжо. Ампаро и Бальтазаръ ближе прижались другъ къ другу, но разговоръ шель о постороннихъ предметахъ, не переходя на личную почву.

— Маринедка красивѣе, чѣмъ Бильбао и Сантандеръ, хотя сантандерцы и большіе патріоты,—говорилъ Бальтазаръ.—Знаете, что дѣлаетъ Маринеду особенно красивой? Это чистыя широкія улицы, бульваръ, море... Скоро у насъ построятъ цѣлыя новые кварталы, вплоть до набережной.

— А Мадридъ? Онъ лучше Маринеды?—спросила Ампаро, играя концами своего краснаго головнаго платка.

— Ахъ, Мадридъ! Видите ли, ужь одно то, что это столица... Одна улица Alcalà чего стоитъ...

Этотъ спокойный разговоръ подымалъ цѣлую бурю въ душѣ Бальтазара; но онъ зналъ, что молодая дѣвушка пользуется хорошей репутаціей, что она горда и живетъ трудами рукъ своихъ, и понималъ, что долженъ дѣйствовать осторожно. Онъ выказывалъ ей уваженіе, къ которому простыя дѣвушки такъ же чувствительны, какъ и свѣтскія сеньоры. Любезныя фразы и нѣжные взгляды подкупаютъ женщинъ менѣе, чѣмъ выказываемое имъ уваженіе.

Ампаро съ удовольствіемъ замѣчала, что молодой офицеръ относится къ ней, какъ къ сеньоритѣ, и это возвысило его въ ея глазахъ. Но съ наступленіемъ ночи, когда звѣзды усеяли ясное небо, Бальтазаръ сдѣлался смѣлѣе и хотѣлъ взять эту смуглую руку въ свою. Но Ампаро его оттолкнула.

— Оставьте меня, — прошептала она. — Я вѣдь уже два раза сказала, что этого не нужно.

— Зачѣмъ вы такъ обращаетесь со мною?—спросилъ онъ приторно-грустнымъ тономъ, не признавая въ душѣ плебейской честности.—Что дурнаго въ томъ, что я возьму вашу руку?...

— Зачѣмъ?—просто произнесла молодая дѣвушка.—Я вовсе не хочу губить себя ни ради васъ, ни ради кого другаго. Я не настолько глупа, чтобы все принимать серьезно. Вы напрасно думаете, что всѣ фабричныя рады ухаживаньямъ сеньорито. Почему вы не займетесь Гарціей или другими сеньоритами вашего круга?

— «Чортъ побери! Она не глупа!»—подумалъ Бальтазаръ.

Затѣмъ, сразу перемѣнивъ тактику, онъ началъ горячо говорить ей, что влюбленъ въ нее, и очень серьезно, что для него не существуетъ различія общественныхъ классовъ въ любви, что Ампаро такая же сеньорита, какъ и другія, и что если онъ позволилъ себѣ что нибудь, то просто желая ей выказать свою ласку, а не изъ неуваженія къ ней.

Ампаро высказала ему свои принципы.

— Я вовсе не хочу потерять себя, какъ это дѣлають многія мои подруги, ни съ того, ни съ сего... Я знаю мужчинъ; они думаютъ, что простыя дѣвушки созданы для того, чтобы быть игрушками въ ихъ рукахъ. Никогда не допущу я себя до этого. Посидѣть, поболтать, въ этомъ нѣтъ еще большаго грѣха, но позволять себѣ что нибудь лишнее—никогда! Имѣйте это въ виду.

— Клянусь честью, что мною руководятъ самыя чистыя, самыя святыя намѣренія,—увѣрялъ онъ.—Я ни разу въ жизни еще никого не любилъ такъ искренно, какъ люблю васъ, напрасно вы не довѣряете мнѣ...

И среди этихъ увѣреній, среди споровъ, ея рука какъ-то незамѣтно очутилась въ его рукахъ. Она ея уже не отнимала и казалась довѣрчивѣе.

— Сегодня птицы справляютъ свои свадьбы... — прошепталъ Бальтазаръ, помолчавъ съ минуту.

— Да, въ Благовѣщеніе онѣ справляютъ свои свадьбы...—повторила она дрожавшимъ голосомъ, чувствуя, какъ ея руку съ жаромъ сжимаетъ рука Бальтазара.

Но онъ былъ скромнѣе и не желалъ такъ скоро пользоваться своей побѣдой. Стало совсѣмъ свѣжо, и Ампаро поднялась съ земли. Онъ проводилъ ее до дома, и они простились нѣжнымъ взаимнымъ пожатіемъ рукъ.

XXVII.

Время отъ времени Ампаро ходила въ улицу Кастро навѣстить своихъ подругъ. Нѣсколько дней спустя послѣ Благовѣщенія, она отправилась туда.

Здѣсь все было попрежнему. Цирюльникъ, стригшій какого-то сержанта, ласково поздоровался съ ней. Она увидала Поррета у дверей ея дома. Акушерка, еще болѣе потолстѣвшая за это время, сидѣла на низенькомъ стулѣ, причемъ ея толстыя ноги въ мужскихъ сапогахъ смотрѣли одна на сѣверъ, другая на югъ. Маленькая дѣвочка, ея племянница, расчесывала ей ея длинныя, спутанные волосы, а Поррета не теряла времени и быстро вязала чулокъ, звеня спицами. Увидя Ампаро, она встрѣтила ее смѣхомъ.

— А здравствуй... братство и свобода! Какъ поживаетъ твоя мать? А когда же мы дождемся революціи? Когда меня провозгласятъ королевой Испаніи?

Ампаро торопливо прошла мимо нея, сдѣлавъ видъ, что не слышитъ. Старуха захохотала такъ громко, что вся затряслась отъ смѣха, и закричала ей вслѣдъ.

— Да, убѣгай, убѣгай... Теперь бѣжишь отъ меня... Подожди, придетъ время, когда и я тебѣ понадобится! Слышишь, Ампаро?

Когда понадобится, не забудь акушерку Поррету! Безъ меня вѣдь не обойдешься!

— Нѣтъ, ужъ это пусть другія васъ зовутъ, а я, благодаря Бога, обойдусь и безъ васъ! — высокомерно отвѣтила ей Ампаро, уходя.

— Да, да, разговаривай! Время все покажетъ! — проворчала Поррета и нагнулась, чтобы поднять клубокъ, скатившійся у нея съ колѣнъ, когда она смѣялась.

Ампаро подошла къ окну кружевницы Кармелы и постучалась; къ ея великому удивленію, окно не отворилось, а дверь распахнулась настежь, и Кармела вышла навстрѣчу подругѣ, вся сіяющая, радостная, съ блестящими глазами.

— Войди, войди, — сказала она ей.

Папиросница вошла. Комната была въ безпорядкѣ, на столѣ лежала куча кружевъ, на полу стоялъ почти уложенный сундукъ, на стѣнахъ не видно было лубочныхъ картинъ религіознаго содержанія, висѣвшихъ прежде на нихъ.

— Что это? Ты какъ будто собираешься въ дорогу? — спросила Ампаро.

Кружевница крѣпко обвила ей шею руками и отвѣтила прерывающимся отъ радости голосомъ:

— Развѣ ты не знаешь, развѣ ты не слышала, что Богъ помогъ мнѣ? У меня есть вкладъ, милая... Я ѣду въ Портомаръ узнать, примутъ ли меня въ монастырь.

— Теперь, когда всѣ говорятъ, что монастыри упраздняютъ? — изумилась Ампаро.

— Въ Портомарѣ монастыри остаются, да, милая... Въ Мадридѣ есть какой-то сеньоръ, который просилъ за нихъ...

— Но... кто же тебѣ далъ вкладъ?

— Вотъ увидишь... Я каждый мѣсяцъ брала билетъ въ лотерею... каждый мѣсяцъ... Ты вѣдь знаешь, что тетьа заставляла меня работать даже въ воскресенье утромъ, но по вечерамъ она мнѣ говорила: «Пойди, Кармела, прогуляйся, да зайди въ церковь». Хорошо. Но вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, что же я дѣлала? Я плела узенькія кружева, тайкомъ отъ тети, и продавала ихъ одной торговкѣ. Я всегда говорила Божіей Матери: «Не поставь мнѣ въ прегрѣшеніе то, что я дѣлаю, потому что если я выиграю въ лотерею, то сдѣлаюсь монахиней...». И такимъ образомъ каждый мѣсяцъ я брала билетъ на имя какогонибудь святаго. То я брала на счастье Санъ-Хуана Батиста, то на Санъ-Антоніо, то на Санту-Барбару, и ничего! Ни какихънибудь жалкихъ пять дурро! Тогда, думаю я себѣ, надо перемѣнить счастье, эти святые плохіе помощники. И что же? Я взяла билетъ на имя Христа-младенца, и говорю Ему: «Ну, Jesusito, если я выиграю, я половину отдамъ тебѣ». У него было въ это время такое веселое личико, какъ будто онъ слышалъ меня. Вынула билетъ...

Тутъ Кармела остановилась, чтобы усилить эффектъ разсказа.

— Да, вынула билетъ тысячу двѣсти второй и выиграла... Въ первую минуту я даже глазамъ своимъ не вѣрила. Выигрышъ былъ большой, около тысячи піастровъ. Но такъ какъ мнѣ помочь младенецъ-Христосъ, то я большую часть отдала Ему, а себѣ оставила только вкладъ.

— А тетѣ?—спросила Ампаро, желая обсудить поступокъ своей подруги.

— Я предложила ей спрятать вкладъ и остаться съ нею до ея смерти, но она отказалась. Она говоритъ, что по всему видно, что Богъ призываетъ меня. Она ищетъ себѣ мѣста у какого нибудь патера, такъ какъ она полуслѣпая и не можетъ взяться за трудную работу. Ахъ, если-бъ ты знала, Ампаро, какъ я плакала отъ радости! Какіе счастливые дни я пережила! Лучше дѣлать гильзы, чѣмъ кружева. Люди курятъ круглый годъ. А зимой кружева идутъ плохо, и корпятся надъ ними, словно надъ паутиной!

Она встала и, взявъ съ окна горшокъ цвѣтовъ, подала его Ампаро, со словами:

— Возьми, я рада, что ты пришла... Я очень люблю эту мальву, но боюсь, что въ дорогѣ горшокъ разобьется...

Папиросница взяла цвѣтокъ и стала нюхать его. Кружевница глядѣла на нее своимъ спокойнымъ, меланхолическимъ взглядомъ.

— Ампаро...—произнесла она вдругъ.

— А?...—отвѣтила та, вся вздрогнувъ, какъ отъ неожиданнаго удара.

— Ты не разсердишься, если я тебѣ скажу одну вещь?

— Нѣтъ, милая... за что же бы я стала сердиться?—отвѣтила Ампаро, устремивъ свои большіе блестящіе глаза на будущую монахиню.

— Такъ вотъ я хотѣла тебѣ сказать... что здѣсь тебя прозвали однимъ словомъ...

— Словомъ? Что же,—дурнымъ?

— Да ужъ я право не знаю! Тебя зовутъ: la Tribuna.

— Кто же меня такъ зоветъ?

— Сеньориты и мужчины. Говорятъ, что когда пріѣзжали эти депутаты,—ты только не сердись на меня,—но мнѣ разсказывали, что одинъ изъ нихъ тебя обнялъ и назвалъ тебя...

— Онъ назвалъ меня Трибуной, то-есть защитницей народа!—съ гордостью воскликнула молодая дѣвушка. — Конечно, онъ назвалъ меня такъ!

— Что же это такое значить, милая?

— Что?

— Что такое народная Трибуна?

— Это... это, вотъ видишь ли, милая, такъ какъ ты не читаешь газетъ...

— Это все равно... ты мнѣ можешь объяснить.

— Видишь ли, такъ зовутъ женщину, которая... которая одна говорить за всѣхъ...

— Какая говорить за всѣхъ? И это онъ сказалъ тебѣ прямо въ лице? Хорошее прозванье, нечего сказать!

— Ахъ, глупая! Да вѣдь это не брань какаянибудь... Это значить говорить о нуждахъ народа, о томъ, чѣмъ можно ему помочь, стараться соединить всѣ классы населенія...

— Это въ родѣ школьной учительницы? Я старалась тебя защитить. Но здѣсь всѣ смѣются, когда произносятъ это слово, всѣ относятся къ тебѣ...

— А пусть ихъ смѣются на здоровье!

— Про тебя еще говорятъ одну вещь...

— Что такое?

— Мнѣ рассказывали... мало ли что болтаютъ... рассказывали, что за тобой ухаживаетъ одинъ сеньорито... изъ военныхъ.

— А если бы и такъ?

— Если такъ, то это очень плохо, милая. Изъ ихъ ухаживаній за бѣдными, простыми дѣвушками ничего путнаго не выходитъ... А если дѣвушка честная, то она этого и не допустить.

— Ахъ, Кармела, будь покойна, ко мнѣ ни одинъ попусту не пристанетъ... А если мнѣ и нравится ктонибудь, то вѣдь у каждаго свои вкусы. Нынче всѣ сословія равны, нѣтъ ни сеньорито, ни чиновниковъ...

— Милая, вѣдь я говорю это для твоего же блага и не хочу тебя обидѣть... Мнѣ хотѣлось только предупредить тебя. Оставь ты эту политику, оставь сеньорито, не будь дура. Мнѣ вѣдь все равно, я вѣдь тебѣ добра желаю.

Ампаро, взявъ свою мальву, хотѣла уйти, но ласковая Кармела поцѣловала ее и произнесла дрогнувшимъ голосомъ:

— Я не хочу, чтобы мы разставались въ ссорѣ... Ты сердилась на меня? Богъ видитъ, что я говорила, любя тебя... Пиши мнѣ въ Портомаръ... Я буду тебѣ описывать все, все.

И она вышла проводить свою подругу и долго стояла у двери, пока наконецъ Ампаро не скрылась за поворотомъ.

XXVIII.

Съ прибытіемъ короля Амедео I, папиросницы Маринеды приписывали ему всякіе ужасы. Когда новый король вѣхалъ въ Испанію, на фабрикахъ съ особеннымъ энтузіазмомъ читались газеты, въ которыхъ говорилось, что онъ не пріѣдетъ. Но онъ пріѣхалъ, къ великому удивленію и неудовольствію папиросницъ, привыкшихъ читать въ революціонныхъ изданіяхъ, что «монархія это безжиз-

ненный трущъ, осужденный цивилизаціей не вставать изъ могилы».

Нѣкоторыя папиросницы заступались за сына Виктора-Эммануила, считая его королемъ либеральнымъ, всѣмъ подающимъ руку, но большинство утверждало, что король, всетаки, король, и что монархическое управленіе не есть федеративная республика, такъ горячо ожидаемая всѣми.

Были и еще причины, раздражавшія папиросницъ. Имъ стали выдавать или слишкомъ сухой табачный листъ, или совсѣмъ сырой. Изъ такого матеріала не было никакой возможности вертѣть сигары и папиросы. Листъ разсыпался при работѣ или не свертывался отъ сырости, и такимъ образомъ на одну сигару теперь требовалось столько времени, сколько прежде на двѣ. А изъ-за медленности работы вдвойнѣ уменьшался и заработокъ. Папиросницы со вла мляли въ рукахъ и хорошіе листья.

Всѣ были такъ возмущены этой задержкой въ работѣ, что когда надзирательницы проходили по мастерскимъ, то работницы бросали имъ чуть не въ лицо табачную пыль; директора и управляющіе тоже не пользовались любезнымъ пріемомъ. Напрасно нѣкоторыя надзирательницы обѣщали, что скоро будутъ выдавать свѣжій матеріалъ, папиросницы проклинали этихъ властей, присылающихъ имъ не табачный листъ, а какую-то дрянь, съ очевиднымъ намѣреніемъ не платить за работу.

Дни проходили за днями, а табакъ оставался все тотъ же. Сначала роптали потихоньку, а потомъ начали высказывать и громко свое неудовольствіе. Каждый разъ, какъ надзирательница проходила по мастерской, находился чей нибудь недовольный голосъ, который кричалъ:

— А когда же намъ выдадутъ жалованье?

Инстинктивно, ища въ комъ нибудь защиты, папиросницы обратились къ Ампаро. Но ораторша не приняла горячо къ сердцу этого дѣла. Она внимательно выслушала ихъ, согласилась съ тѣмъ, что каждый долженъ получить заработанное, и спокойно продолжала крутить свои гильзы. Всѣ были удивлены такимъ холоднымъ отношеніемъ. Онѣ удивились бы еще болѣе, еслибы узнали, какія мысли волнуютъ Ампаро. Ея пылокое воображеніе рисовало ей обольстительныя картины, въ которыхъ она фигурировала, какъ сенъора Собрадо.

Ея равнодушіе приписали другой причинѣ. Ампаро жила собственнымъ трудомъ и не могла бросать работу; конечно, это сокращеніе платы не могло такъ сильно отразиться на ней, какъ на другихъ женщинахъ, которымъ надо содержать своей работой цѣлую семью, но всетаки... Время шло, а обстоятельства уныніе: дѣти просятъ ѣсть, нельзя же дать имъ камень вмѣсто хлѣба!

Гвардіана съ такимъ неподдѣльнымъ горемъ говорила о своей глухонѣмой сестрѣ, что при этомъ у всѣхъ сердца сжимались отъ жалости.

— Я скорѣе соглашусь умереть,—говорила она:—чѣмъ липить дѣвочку пряника и куска бѣлаго хлѣба. Дойдетъ до того, что и пойду просить милостыню, мнѣ не привыкать-стать!

— Просить милостыню! Какое униженіе для фабрики!— восклицали ея товарки.

Нѣтъ, онѣ сообща помогутъ ей. И открывались кошельки. И всякій, кто только могъ, дѣлился съ ней послѣднимъ.

Разъ на фабрикѣ прошелъ ужасный слухъ: Рита Рибериля, сигарочница, поймана въ воровствѣ табаку. Эта блѣдная женщина съ глазами, вѣчно распухшими отъ слезъ, такая скромная, тихая, и вдругъ попалась въ воровствѣ.

Но нашлись кумушки, которыя объяснили со смѣхомъ, что она только прикидывается такою, что у нея вѣчно подвязана щека не отъ зубной боли, а оттого, что мужъ колотитъ ее каждый вечеръ. Разъ, когда она пришла прихрамывая и объяснила, что это отъ ревматизма, то это была неправда: это мужъ чуть не сломалъ ей ноги.

Когда виновную привели къ директору, она вмѣсто отвѣта горько разрыдалась и только послѣ долгихъ разспросовъ призналась, что мужъ каждый вечеръ встрѣчалъ ее побоями, если она не приносила ему трехъ сигаръ.

Анна, присутствовавшая при допросѣ, рассказывала потомъ своимъ подругамъ въ комическомъ тонѣ о признаніи Риты Рибериля.

— Три сигаары... сеньоръ, только три сигаары... Вотъ сейчасъ съ мѣста не сойти... Я знаю, что это стыдъ, но мужъ камнемъ хватилъ меня въ груудь... я готова показать съ вашего позволенія, и сейчасъ еще есть раана... А онъ просялъ табаку только для того, чтобы курить, а не для того, чтобы продавать... клянусь Богомъ... А теперь я потеряю работу, и мои дѣти останутся безъ куска хлѣбааа... Простите, ради Создателя... простивите... Мужъ мнѣ сказалъ: «Ты ужъ мѣсяцъ не приносишь домой заработанныхъ денегъ, такъ приноси хоть сигары»... Простите, сеньоръ!..

Всѣ мастерицы, посмѣявшись надъ комическими жестами Анны, единогласно выразили свое сожалѣніе къ бѣдной Ритѣ. Конечно, кто говоритъ, воровать не хорошо, но надо вникнуть въ положеніе человѣка. Что было дѣлать этой несчастной, если мужъ изводилъ ее побоями? Во всякомъ случаѣ нельзя же допустить ее умереть съ голоду. Фабричныя помогали многимъ бѣднымъ города; само собою разумѣется, что онѣ должны помочь теперь своей товаркѣ.

Надзирательница обошла мастерскую, держа за концы свой передникъ, и въ него въ изобиліи посыпались монеты разныхъ величинъ. Когда она остановилась передъ Ампаро, то молодая дѣ-

вухка сдѣлала поступокъ, снова вернувшій ей всеобщую популярность и довѣріе. Ампаро уже съ недѣлю жила въ долгъ, такъ какъ ея привычка хорошо одѣваться поглотила всѣ ея сбереженія. Когда надзирательница подошла къ ней, то у будущей сеньоры Собрадо въ кошелькѣ не было ни одного охаво. Но мѣсяць тому назадъ, во время своихъ политическихъ агитацій, она купила себѣ золотыя серьги, составлявшія предметъ ея гордости. Безъ малѣйшаго колебанія она вынула ихъ изъ ушей и опустила въ передникъ надзирательницы.

Этотъ поступокъ такъ обворожилъ всѣхъ, что у многихъ даже слезы выступили на глазахъ. Примѣры какъ дурные, такъ и хорошіе заразительны; тотчасъ же кто-то опустилъ рядомъ съ мѣдными деньгами серебряный наперстокъ и такую же брошь.

Въ этотъ вечеръ, выходя изъ мастерской, папиросницы увидели дощечку на выходной двери съ надписью:

«Пойманная въ воровствѣ табаку, мастерица общей сигарочной мастерской № 3, отдѣленія № 11, Рита Рибериля навсегда изгоняется изъ фабрики.

«Директоръ фабрики Фулаво де-Таль».

По обѣимъ сторонамъ высокой лѣстницы стояли надзирательницы и осматривали каждую мастерицу. Папиросницы вывертывали свои карманы и отрясли свои юбки, чтобы показать, что онѣ ничего не украли. Въ то время, какъ группы женщинъ, спускавшихся по лѣстницѣ, съ низко опущенной отъ стыда головой, выходили на фабричный дворъ, часы медленно, съ разстановкой пробили шесть ударовъ.

XXIX.

Улица San-Hilario, въ которой жила Ампаро, была населена преимущественно бѣдными людьми: папиросницами, рыбаками, торговками. Шоссе пересѣкало ее, и время отъ времени кареты и коляски нарушали тишину этой тихой, почти загородной жизни. По обѣимъ сторонамъ большой дороги росли деревья, за которыми тянулось поле.

Самымъ характернымъ элементомъ улицы были ребятишки, выползавшіе изъ своихъ домовъ съ восходомъ солнца. Здѣсь, верхомъ на палкахъ, скакали дѣти съ восхитительными ангельскими личиками, достойными кисти художника, и чумазые мальчуганы съ лицами, изрытыми оспой, но съ удивительной граціей въ каждомъ движеніи. Костюмы ихъ также были довольно своеобразны. То длинная жакетка старшаго брата висѣла на маленькихъ плечахъ, какъ Тришкинъ кафтанъ, то панталоны были выше коленъ. Замѣчалось также необыкновенное разнообразіе шляпъ. Тутъ были всѣ цвѣта: и зеленый, и желтый, и голубой, и крас-

ный. Головы дѣвочекъ были покрыты пестрыми ситцевыми платками, завязанными такъ изящно, что нерѣдко концы ихъ походили на заячьи уши.

Почему-то шляпы пользовались особеннымъ уваженіемъ. Можно было вернуться домой безъ рукава отъ рубашки, безъ панталонъ, но никакъ не безъ шляпы.

Всѣ обитатели улицы San-Hilario жили въ большой дружбѣ между собою. Сосѣдки постоянно занимали одна у другой то дрова, то молоко, то муку, то спички. Если какойнибудь шалунъ очень напраказничаетъ, и матери некогда его выдрать, то вся улица охотно беретса за эту интересную экзекуцію.

Мать Ампаро скоро привыкла къ своему новому сосѣдству. Кровать ея была придвинута къ окну, и никто не проходилъ мимо, чтобы не остановиться и не поболтать минуточку. Рыбачки приносили ей подъ окно свой товаръ, она покупала рыбу и оливки, радуясь, что дышетъ чистымъ воздухомъ и слышитъ уличный шумъ. Бѣдные люди знаютъ, что у нихъ нечего украсть, и потому двери и окна всѣхъ домовъ всегда были растворены настежь. Больная могла изъ своего окна наблюдать не только улицу, но даже и то, что дѣлается въ домахъ.

Ампаро была королевой квартала. Рыбаки, весело улыбаясь, кланялись ей, когда она проходила мимо нихъ, охотники подносили ей цвѣты. Въ сущности всѣ были польщены тѣмъ, что за ней ухаживаетъ сеньорито изъ Нижняго квартала.

Съ тѣхъ поръ, какъ у Ампаро завелись секреты, она инстинктивно привязалась больше къ Аннѣ, чѣмъ къ Гвардіанѣ, тѣмъ болѣе, что бѣдная дѣвушка въ послѣднее время все жаловалась на нездоровье и упадокъ силъ. Она ходила блѣдная и грустная, думая о томъ, на кого останутся ея сироты, если она умретъ.

Ампаро всегда казалось, что Гвардіана слишкомъ чиста, слишкомъ невинна, чтобы интересоваться любовными дѣлами, между тѣмъ какъ Анна, вѣчно веселая и болтливая, сама вызывала Ампаро на разговоръ. И молодая дѣвушка взяла ее не только въ свои повѣренныя, но даже и въ спутницы. Анна въ данное время была соломенной вдовой своего капитана, уѣхавшаго куда-то по торговымъ дѣламъ, и съ большимъ удовольствіемъ сопровождала своей подругѣ на прогулкахъ. Бальтазаръ въ свою очередь не разставался съ Борреномъ. Влюбленные находились еще въ періодъ откровенности.

— Что же, онъ обѣщалъ жениться на тебѣ?—спрашивала «кумушка» Ампаро.

— Нѣтъ, но я сама осторожно навела его на этотъ разговоръ... Я ему разъ высказалась. Конечно, еслибъ у него не было такой семьи. Особенно эта мать, чтобъ ее!...

И Ампаро сжала кулаки.

— О, значить тебѣ придется потерпѣть лѣтъ одиннадцать, какъ мнѣ... А тамъ, что будетъ, то будетъ!

— Нѣтъ, я посмотрю, какъ пойдутъ дѣла. Если онъ не женится, то я его оставлю.

Анна сдѣлала заключеніе изъ этихъ словъ, что твердость ея подруги слабѣетъ. Она была убѣждена, что даже самая красивая и умная дѣвушка непременно падетъ въ свое время, какъ пала она.

Ампаро, Анна, Бальтазаръ и Борренъ сходились почти каждый праздничный вечеръ. Борренъ ухаживалъ за Анной въ то время, какъ Бальтазаръ не отходилъ отъ Ампаро. «Кумушка», знавшая все на свѣтѣ, прекрасно изучила характеръ Боррена, его безбидное ухаживаніе и позволяла себѣ съ нимъ всякія вольности. Молодой человѣкъ зналъ въ свою очередь, что она принадлежитъ другому, и былъ спокоенъ относительно своей независимости.

Они собирались по вечерамъ подъ деревьями у шоссеиной дороги. Стояли чудные весенніе дни. Поле, разстилавшееся за шоссе, хоть и не представляло особенно поэтичнаго пейзажа, но пестрѣло цвѣтами. Тутъ были и синіе васильки, и бѣлые глазки полевой ромашки, и маргаритки. Бальтазаръ былъ очень доволенъ этимъ уединеннымъ мѣстечкомъ, гдѣ онъ могъ скрыться отъ любопытныхъ взоровъ, и гдѣ репутація его не страдала отъ общественнаго мнѣнія. Но онъ не умѣлъ этого скрыть, и Ампаро понимала, что онъ какъ бы стыдится ея общества.

Невдалекѣ находилась глубокая ложбинка, по дну которой протекалъ чистый, быстрый ручей. Нѣсколько высокихъ деревьевъ возвышалось на берегу, поросшемъ кустами земляники. Это было излюбленное мѣсто Ампаро и Бальтазара. Разъ, въ одинъ изъ воскресныхъ майскихъ дней, молодые люди собрались сюда собирать ягоды.

— Донъ Энрико,—обратилась Анна къ Боррену,—сколько вы набрали? Полторы ягоды? Въ такомъ случаѣ намъ придется попробовать ихъ не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ! Вы не годитесь даже и на то, чтобы собирать ягоды!

— Какъ такъ? Взгляните-ка, какую крупную я нашель. Увѣр-рю васъ, Аннита, что я, какъ нельзя, болѣе гожусь для этого, вотъ посмотрите...

— Покажите-ка! Да вѣдь это волчьи ягоды! Отъ нихъ можно умереть!—воскликнула Анна.

— Что вы, полноте!

— Да вотъ вамъ—и что вы!

И Анна бросила ему вѣтку прямо въ лицо. Борренъ преспокойно вытеръ щеку платкомъ.

Ампаро и Бальтазаръ въ это время отделились отъ нихъ и сѣли у ручья подъ развѣсистымъ тополемъ. Въ рукахъ молодой дѣвушки была корзинка съ ягодами, и она, въ волненіи, машинально, клала ихъ въ ротъ одну за другою.

— Не уходите такъ далеко!—кричала имъ Анна.

Борренъ поглядывалъ на нихъ издали нѣжнымъ, отеческимъ взглядомъ. Ампаро разспрашивала, а Бальтазаръ очень любезно отвѣчалъ ей.

— Такъ вы не были на бульварѣ?

— Нѣтъ, дорогая... я не пошелъ туда для кого-то... Вѣдь сегодня воскресенье, тамъ будетъ масса народа, музыка, но я и не думаю туда идти.

— Конечно, въ праздникъ... Еще этого не доставало. Это единственный свободный день, и вдругъ вы ушли бы на гулянье! Но вчера? Развѣ вы не были въ церкви св. Ефрема, вѣдь тамъ пѣла Гарчіа?

— Но ее вовсе не стоитъ слушать. Она поетъ, какъ пѣтухъ.

— А она говоритъ, что всѣ военные собираются въ церковь слушать ее,—настаивала Ампаро.

— Почему я знаю? Я не видаль ее тысячу лѣтъ... Эта ягодка моя!—воскликнулъ онъ, завладѣвъ земляничкой, которую Ампаро подносила къ губамъ.

Она уступила ему ее, вся красная отъ смущенія, но довольная.

— А у нея дома... вы также не бываете?

— Также не бываю, моя ревнивица. Почему мы все говоримъ о Гарчіи, а не о тебѣ? А не о насъ? — прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

Молодая дѣвушка почувствовала, какъ горячая волна разлилась по ея жиламъ, и какъ сладко замерло ея сердце. Но въ эту минуту Борренъ подошелъ къ влюбленной парочкѣ, держа ягоды въ пригоршнѣ.

— Ну, у меня колѣни разболѣлись отъ ползанья на четверенькахъ,—сказалъ онъ.— Теперь мы можемъ угощаться, не правда ли, красавица?

— Конечно...—произнесла Ампаро, дрогнувшимъ голосомъ.

Анна подошла со сверткомъ въ рукахъ, изъ котораго она вынула конфеты и бутылку мускатъ-люнеля, подарокъ Бальтазара. Всѣмъ приходилось пить изъ одного стакана, такъ какъ другаго не было. Но Анна отличалась брезгливостью и предпочла пить прямо изъ бутылки. Она очень оживилась, сдѣлалась болтлива и начала кидать въ Боррена комками земли. Затѣмъ, шумно поднявшись съ мѣста, она предложила ему играть въ горѣлки. Борренъ отказался, но она насильно потащила его за руку, и онъ, волей неволей, побѣжалъ за ней. Она шаловливо скользила между деревьевъ, между тѣмъ, какъ молодой человѣкъ, весь красный отъ бѣготни, напрасно старался поймать ее.

Вдругъ вмѣсто звонкаго смѣха Анны раздался ея рѣзкій крикъ. Она оступилась и упала въ ручей.

Ампаро и Бальтазаръ вскочили и бросились ей на помощь. «Кумушка», вся блѣдная, старалась подняться изъ воды. Бальта-

варъ вытащилъ ее, но она долго не могла прійти въ себя. Ампаро растегнула ей лифъ, стала оттирать руки. Черезъ нѣсколько минутъ Анна поднялась, вся дрожа отъ холода. Мокрое платье такъ и прилипало къ ея тѣлу.

— Милая, пойдѣмъ ко мнѣ, я дамъ тебѣ мое платье,—предложила ей Ампаро.

— Нѣтъ, я хочу скорѣе домой... въ теплую постель.

— Пойдемъ ночевать ко мнѣ.

— Нѣтъ, лучше домой, — настаивала «кумушка», не попадая зубъ на зубъ.— У меня начинается лихорадка. Прощайте.

— Возьми хоть мою мантилью,—просила подруга.

— Ну, давай... У меня всѣ внутренности дрожать.

Анна своей худощавой рукой сдѣлала всѣмъ прощальный жестъ и пошла къ шоссе. Тогда Бальтазаръ пристально и выразительно взглянулъ на Боррена. Тотъ понялъ его, но вовсе не былъ расположенъ слѣдовать за Анной. Болтать и любезничать одно, а провожать совсѣмъ другое. Но, тѣмъ не менѣе, когда товарищъ снова бросилъ на него краснорѣчивый взглядъ, онъ, безнадежно пожавъ плечами, крикнулъ:

— Подождите, Аннита, я васъ провожу. Подождите, съ вами можетъ случиться чтонибудь дорогой.

Анна замедлила шаги. Нѣкоторое время они шли молча. Папирсница все куталась въ свою мантилью. Входя въ освѣщенную улицу, она остановилась и смѣрила Боррена съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ.

— Что съ вами?—спросилъ онъ, не понимая ея.

— Ничего!—рѣзко отвѣтила она и затѣмъ, снова устремивъ на него свои зеленоватые глаза, прибавила: — донъ-Енрико, знаете, что я подумала?

— Нѣтъ, не знаю; скажите...

— Что вы порядочный негодяй.

— За что вы такъ сердитесь на меня, прелестная Аннита?—любезно спросилъ Борренъ, къ которому теперь, среди оживленной улицы, вернулся весь его апломбъ.

— За то, что... вѣдь вы видите, что мнѣ нехорошо... Зачѣмъ же вы идете за мной? Ахъ, эти мужчины всегда одинаковы! До свиданья... мнѣ нездоровится, я тороплюсь домой...

— Я пойду съ вами, чтобы...

— Вы, всетаки, пойдете? Зачѣмъ? Если васъ увидятъ на улицѣ съ папирсницей, то... До свиданья!

И она быстро скрылась въ переулокъ, оставивъ его одного.

Когда Бальтазаръ остался вдвоемъ съ ораторшей, уже совсѣмъ стемнѣло. По вечернѣющему небу медленно плыли облака; издали доносился шумъ моря; Ампаро вдругъ стало страшно.

— Я пойду домой,—произнесла она, вставая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть вторая. VII—XII. (Продолженіе). П. Н. Полеваго	305
II. Т. Г. Шевченко въ Нижнемъ Новгородѣ. (1857—1858 гг.). Г. П. Демьянова	337
III. Типы современной деревни. (Продолженіе). V. Канюкъ. А. В. Круглова	345
IV. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XIII. (Продолженіе)	355
V. Былыя встрѣчи. IV. Необдуманная затѣя.—V. Литературный вечеръ. В. М. Сикевича	373
VI. Очерки Москвы. XI—XIII. (Продолженіе). Д. А. Покровскаго	389
VII. Современные литературные дѣятели. I. И. Ясинскій. К. П. Медвѣдскаго	412
VIII. Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князя Абамеликѣ. А. А. Дмитриева	425
IX. К. А. Трутовскій. Ф. И. Вулгакова	448
Иллюстраціи: 1) Портретъ Константина Александровича Трутовскаго. — 2) Помѣщики-политики.—3) Сладкая дремота.—4) Свиданіе.—5) Богомолка.—6) Малороссіянка, брѣющая своего мужа.—7) Заблудившіеся.—8) Базаръ въ уѣздномъ городѣ.—9) Гарбузь.—10) Рисунокъ къ баснѣ И. А. Крылова «Ручей и Водопадъ». — 11) Рисунокъ къ баснѣ И. А. Крылова «Слонъ и Моська». — 12) Рисунокъ къ баснѣ И. А. Крылова «Левъ и Комаръ».	
X. Черные и бѣлые клубуки. (Историческая справка)	465
XI. Новая теорія происхожденія Руси. В. В.	468
XII. Изъ воспоминаній о Японіи. XIII—XV. (Продолженіе). Женщины-врача А. А. Черевковой	473
Иллюстраціи: 1) Храмъ бога войны Хачимава.—2) Бронзовая статуя Будды.	
XIII. Послѣдній французскій король. В. З—а	490
Иллюстрація: Портретъ короля Луи-Филиппа.	
XIV. Критика и библиографія	507
1) Палестина. Сочиненіе А. А. Суворина. Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова. Выпуски 1—4. Спб. 1893. С. Ш.—2) К. В. Газенвинкель: 1) Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в. Казань. 1892. 2) Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ. 1892. Тобольскъ. 3) Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подьячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII вѣка. Тобольскъ. 1892. Д. Норсанова.—3) Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1891—1892 г. Второй годъ. Изданіе дирекціи театровъ. 1893. В. З.—4) Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893. Критическія статьи. Его же. Спб. 1893. Эстетика и поэзія. Его же. Спб. 1893. А. Фаресова.—5) Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1857 гг.). Изданіе А. Бриквера. Томъ VII. Спб. 1892. Е. И.—снога.—6) К. К. Казанскій. Вблизи Памировъ. (Путевныя впечатлѣнія). Съ картою. Ташкентъ. 1892. С. У—ца.—7) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ второй. Москва. 1893. Ж. М.—8) Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828).	

См. слѣд. стр.

Время императрицы Маріи Теодоровны. Е. Лихачевой. Спб. 1893. М. С.—снаго. — 9) Всеобщая исторія литературы. Выпуски XVIII и XXVIII. Обзоръ литературы XIX столѣтія (окончаніе). Спб. 1892. В. 3. — 10) Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и законченнаго послѣ смерти автора докторомъ Фридрихомъ Веберомъ. Томъ пятнадцатый. Часть вторая. Съ портретомъ автора. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893. А. И.—ва. — 11) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Выпускъ V. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1892. В. Б. — 12) Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго П. В. Мокіевскаго. Спб. 1892. М. С. — 13) Э. Берендтс. Меркантилисты и физиократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи. Ярославль. 1892. Н. О. — 14) Виленскій православный некрополь. Архимандрита, нуніа епископа Юсифа. Вильна. 1892. В. Б. — 15) Исторія Бастиліи. (Историческая монографія). Сед. Дж. Ахшарумова. Съ приложеніемъ вида и плана Бастиліи. Спб. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. 1893. С. А.—ва. — 16) Историческія чтенія (Lectures historiques). Древняя исторія. Египетъ, Ассирія. М. Масперо. Переводъ съ французскаго съ 192 рисунками. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. Спб. 1892. С. А.—ва.

XV. Историческія мелочи	538
1) Наполеонъ I на Эльбѣ. — 2) Последніе Наполеоновскіе ветераны. — 3) Австрійскій Камилъ Демулень. — 4) Стратегическая важность Египта въ различныя историческія эпохи. — 5) Два юбилея.	
XVI. Заграничныя историческія новости	548
XVII. Смѣсь	556
1) Двухсотсемидесятилѣтняя годовщина воцаренія дома Романовыхъ. — 2) Шестидесятилѣтній юбилей графа Милютина. — 3) Археологическое общество. — 4) Галера Екатерины II. — 5) Годовщина рожденія Коменскаго. — 6) Отчетъ о дѣятельности Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1891 годъ. — 7) Некролога: И. А. Вашковъ; Г. Г. Вульфійусъ; А. Я. Головачева.	
XVIII. Замятки и поправки	563
1) Е. Е. Скайлеръ. М. Веневитинова. — 2) Солдатъ Нагиба. Павла Абрамова. — 3) Домъ Лобкова. Петра Бахчеванова. — 4) Письмо въ редакцію. Н. П. Тимоеева.	
XIX. Периодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году.	
I. Периодическая печать. Л. Павленковъ	569

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Г. Г. Ясинскаго. — 2) Дочь народа. (La tribuna). Историческая новелла Эмиліи Бардо-Вазанъ. Переводъ съ испанскаго Е. И. Уманецъ. XXX—XXXV. (Оковчаніе). — 3) Объявленія.

ПОД НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

VII.

КАКЪ ни любилъ князь-кесарь свою дочку, выданную замужъ за Абрама Лопухина, какъ ни благоволилъ, какъ ни «поважалъ» своего умнаго зятя, а все же въ домѣ ихъ бывалъ рѣдкимъ гостемъ. Много-много, если удосужится на Святой у зятя съ дочкой отобѣдать, да на Масляной блиновъ поѣсть, а во все остальное время сидитъ себѣ, словно медвѣдь въ берлогѣ, въ своемъ домѣ въ селѣ Преображенскомъ, бокъ-о-бокъ со своимъ страшнымъ Приказомъ, вѣчно занятый выслушиваньемъ своихъ сыщиковъ, либо дячихъ докладовъ о всякомъ «разбойномъ и воровскомъ промыслѣ»; а если и поднимется со своего насиженнаго логова, такъ только затѣмъ, чтобы «грабежные животы» пересмотрѣть, либо при себѣ велѣть злодѣямъ очную ставку чинить, либо слушать ихъ пыточные рѣчи, прерываемыя взвизгиваніями и столами. Да вотъ еще, разъ въ недѣлю, въ тяжелѣйшемъ рыдванѣ, запряженномъ шестерикомъ сытыхъ, гладкихъ, разукрашенныхъ коней, по новому своему званію министра, выѣзжалъ князь-кесарь изъ своего заколдованнаго Преображенскаго царства и ѣхалъ помолчать, грузно опустившись въ кресло, въ общемъ засѣданіи совѣта министровъ или консиліи.

Но, кромѣ Свѣтлаго праздника и масляной, былъ и еще одинъ день въ году, когда князь Θεодоръ Юрьевичъ покидалъ свой домъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LI, стр. 778.
«истор. вѣстн.», май, 1893 г., т. LI.

и Приказъ, и вѣчную возню съ колодниками и, чувствуя большой церковный праздникъ, вполне отдавался своей семейной радости. Въ этотъ день, 22-го октября, въ самую Казанскую, Абрамъ Θεодоровичъ праздновалъ рожденіе и именины своей жены, Θεодосіи Θεодоровны, и князь Θεодоръ Юрьевичъ былъ всегда непремѣннымъ гостемъ у своей дорогой именинницы. Въ этотъ день, даже и сказать странно, князь-кесарь бывалъ неузнаваемъ: привѣтливо шутилъ онъ съ гостями родственниками, приглашенными къ именинному столу, заигрывалъ со своими внучатами, покачивая ихъ на колѣняхъ, и уѣзжалъ отъ Лопухиныхъ подь вечеръ, когда всѣ гости, «забравъ въ румяный лобъ хмѣлинь», по выраженію поэта, становились и шумны, и не въ мѣру говорливы, что никогда не правилось обычно сумрачному и молчаливому князю-кесарю.

Въ нынѣшніе именины дочери князь-кесарь, противъ своего обыкновенія, на обѣдъ пріѣхалъ поздно, жаловался на нездоровье, сидѣлъ все время хмурый, едва отхлебывая изъ кружки свое любимое ренское вино, и поднялся, ссылаясь на неотложныя дѣла, къ которымъ онъ спѣшилъ воротиться въ Преображенское. Когда, простившись со всѣми, онъ сталъ сходить съ крыльца къ рыдвану, поддерживаемый подь руки Абрамомъ Θεодоровичемъ и Θεодосеей Θεодоровной, онъ успѣлъ сказать вполголоса зятю:

— Мои неотложныя дѣла и тебя, Абрамъ, касаются... Завтра, подь вечеръ ко мнѣ изволь пожаловать... въ Преображенское...

Зять почтительно поцѣловалъ руку тестя и, усадивъ его въ рыдванъ, кланялся ему до тѣхъ поръ, пока рыдванъ, круто завернувъ отъ крыльца, не покатился къ воротамъ, грузно покачиваясь на своихъ толстѣйшихъ ременныхъ подвѣсахъ и гибкихъ подпорахъ, подложенныхъ подь кузовъ.

— Знаю, знаю, зачѣмъ ты меня къ себѣ зовешь, тесть дорогой! Знаю, что у тебя на сердцѣ! — думалъ Абрамъ Θεодоровичъ, поднимаясь по ступенямъ крыльца и направляясь къ гостямъ въ столовую палату, откуда слышался веселый смѣхъ и шумный говоръ.

На другой день вечеромъ, когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, Абрамъ Θεодоровичъ приказалъ себѣ подать коня къ крыльцу и занесть уже ногу въ стремя, когда Савелій, провожавшій его, сказалъ ему вполголоса:

— На всякій случай я приказалъ одѣться и сѣсть на конь двоимъ вершникамъ тебѣ въ провозатые. Вѣдь все же ночное дѣло! Такъ — какъ прикажешь?

— Спасибо, старикъ, за заботу; а поѣду все же одинъ... Мнѣ лишніе глаза сегодня не надобны...

Съ этими словами онъ вскочилъ въ сѣдло, усѣлся въ немъ поудобнѣе и двинулъ коня съ мѣста. Ночь была холодная, съ по-

рядочнымъ морозцемъ, разлитымъ въ воздухъ, но тихая, свѣтлая, звѣздная, полная луна, несоразмѣрно большая и румяная, огромнымъ шаромъ только что поднималась изъ-за горизонта. Все кругомъ было видно на далекое разстояніе: каждая колея дороги, прихваченная морозцемъ, явственною, темною чертою тянулась вдаль; каждый кустикъ, каждый клокъ засохшей травы, рѣзко выдѣлялся на ярко освѣщенномъ фонѣ картины, отбрасывая нитеобразныя тѣни...

Абрамъ гналъ коня во всю прыть, почти не замѣчая ничего кругомъ и передумывая все только одну и ту же думу:

— Если спросить, все скажу ему: ничего не скрою! Пусть, что хочетъ, то со мной и дѣлаеть, а мнѣ ужъ поздно съ правой стороны на неправую перекачиваться!..

— Кто идетъ! — крикнулъ почти надъ самымъ ухомъ Абрама грубый голосъ, и часовые, скрестивъ ружья, загородили дорогу его коню, котораго онъ съ трудомъ могъ сдержать.

Передъ нимъ была придорожная застава села Преображенскаго, съ часовыми у будокъ, поставленныхъ по бокамъ заставы съ выскою, деревянною караулкою по ту сторону.

Абрамъ назвалъ себя дьякомъ Абрамовымъ и сказалъ, что ѣдетъ изъ Москвы по приказанію князя Феодора Юрьевича Ромодановскаго.

— Много васъ тутъ по дѣламъ къ нему ѣздить, всѣхъ не разберешь! — проворчалъ часовой и постучалъ прикладомъ въ дверь караулки.

— Вонъ! Къ князю Ромодановскому ѣдетъ, проводите! — сказалъ часовой двумъ приставамъ, появившимся на порогѣ караулки; тѣ взяли Абрамову лошадь подъ-узды и сдали его съ рукъ на руки другимъ приставамъ, охранявшимъ дворъ князя. Одинъ изъ нихъ, который былъ постарше, попристальнѣе приглядѣлся къ Абраму и, признавъ его, почтительно снялъ шапку:

— Пожалуй прямо къ крыльцу, батюшка Абрамъ Феодоровичъ! О тебѣ у князя особый даже и приказъ отданъ!

Всюду встрѣчаемый съ почетомъ и поклонами, какъ дорогой гость, Абрамъ былъ проведенъ на особую вышку, гдѣ князь-кесарь недавно устроилъ себѣ опочивальню, въ которую и удалялся иногда, когда чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и желалъ, чтобы его никто не беспокоилъ. Поэтому слуга и не рѣшился войти въ опочивальню князя, а только молча указалъ Абраму на дверь ея, а самъ на цыпочкахъ, тихонько, попятился къ двери сѣней и исчезъ за нею.

— Тестюшка! Это я! — проговорилъ Абрамъ, легонько постучавъ въ дверь.

— А! Ну, входи! — раздался изъ-за двери голосъ князя.

Абрамъ толкнулъ дверь, переступилъ порогъ, перекрестился на

богатыя иконы въ темномъ кіотѣ, ярко освѣщенныя лампадами, и увидѣлъ князя-кесаря, медленно, съ видимымъ усиленіемъ слѣзавшаго съ жаркой лежанки, на которой онъ лежалъ, прикрывъ ноги кафтаномъ.

— Аль недужится, батюшка? — участливо спросилъ Абрамъ, подходя къ тестю.

— Недужится? — проворчалъ князь-кесарь. — Въ тебѣ недугъ-то весь мой, въ тебѣ и худоумье мое... Сходи-ка, дверь въ сѣничахъ запри на крюкъ, чтобы никто насъ не подслушалъ!

Когда Абрамъ исполнилъ приказъ князя и, вернувшись въ опочивальню, плотно притворилъ за собою дверь, князь Θεодоръ Юрьевичъ вздулъ огонь, зажегъ свѣчу и, сѣвъ къ столу въ кресло, указалъ Абраму на стулъ, противъ себя.

Съ минуту продолжалось довольно тягостное молчаніе... Наконецъ, князь-кесарь не выдержалъ и прервалъ его первый.

— Сѣдинъ ты моихъ не жалѣешь, зятенѣкъ! Вотъ что!.. Не хочешь ты мнѣ дать умереть спокойно. Хочешь ты и весь нашъ старинный боярскій родъ къ такой же опалѣ привести, какъ и свой Лопухинскій! Да что — къ опалѣ! Хуже! На плаху что ли мнѣ голову нести изъ-за тебя?..

Абрамъ молчалъ и прямо смотрѣлъ въ лицо тестя своими умными, выразительными глазами.

— Ну, самъ-то ты пойми! Вѣдь умная ты голова, вѣдь съ мозгомъ!.. Что ты затѣваешь? Съ кѣмъ ты лѣзешь на борьбу? Ну, самъ ты оглянись на себя: ну, великъ ли ты есть?.. И весь-то?.. Ну?

— Не великъ я, батюшка, и не силенъ; да правда-то велика и сильна во вѣки, и «симъ побѣдиши!» — твердо отвѣчалъ Абрамъ. — Не сильнѣе меня Давидъ былъ...

— Э-эхъ! Дурь-то молодая у тебя все еще, что чадъ въ головѣ сидитъ! Ну, что ты мнѣ о Давидѣ говоришь? Я вотъ какъ старый охотникъ тебѣ скажу и медвѣжатникъ... Вотъ двѣ берлоги рядомъ. Изъ одной медвѣдя поднялъ, ступай на него одинъ на одинъ, сажай на рогатину, бери ножъ въ руки — будетъ твой! Изъ другой какъ только вылѣзъ онъ, какъ зарычалъ, ужъ вижу, звѣрь не тотъ! Отъ этого давай Богъ ноги! Этому и сердце насквозь рогатиной просадишь, а все же онъ и тебя уложить, и еще полдюжины кругомъ тебя перековеркаетъ... И тутъ, братъ, тоже, ужъ повѣрь ты мнѣ — звѣрь не тотъ, и ты все это дѣло брось, коли не хочешь...

— Тебя ли слышу, батюшка? Божью правду бросить, обиду горькую свою забыть, племянника роднаго на погибель обречь въ семь свѣтъ и въ будущемъ, и на вѣру, и на старину святую махнуть рукой?..

— Ну, замололъ! — нетерпѣливо перебилъ князь-кесарь. — Думай тамъ про себя, что хочешь... ну, не угождай ему, сиди въ своемъ

углу, пока онъ попускаетъ. Да крамолу противъ него не строй—на тебя же все обрушится, тебя же раздавить!

— Да что же ты, батюшка, крамолой называешь?—горячо возразилъ Абрамъ. — То, что сестру родную, царицу, плѣнницу горе-мычную, кормлю и одѣваю, помимо его приказа? Или то, что къ сыну его царевичу на мѣсто пьяницъ и развратниковъ поставилъ въ духовники Якова Игнатъева, который его и въ Бога научить вѣровать, и церковь Божью чтить, и грѣха удалаться?.. Въ этомъ-ли крамола?..

Князь-кесарь тревожно наморщилъ лобъ и посмотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы подыскивая слова для отвѣта зятю...

— Да неужто же ты вѣришь,—воскликнулъ наконецъ князь-кесарь,—что изъ мальчишки изъ этого будетъ прокъ? Неужто вѣришь, что онъ его допуститъ царствовать? Что онъ съ нимъ не поступитъ, какъ съ матерью царицей? Плохо же ты знаешь царя Петра!..

— Да какъ же онъ дерзнетъ? Законнаго наслѣдника... Развѣ ужъ поступитъ съ нимъ, какъ Годуновъ съ царевичемъ Димитриемъ!?

— Дерзнетъ!? Да знаешь-ли ты, что онъ теперь жениться отъ живой жены собираетъ? Ну, если женится, да отъ этой жены родится сынъ, тогда ты какъ бы думалъ: кому онъ царство завѣщаетъ?..

— Да вѣдь есть же законъ, есть совѣсть! Есть церковь, есть народъ!—воскликнулъ Абрамъ въ такомъ порывѣ, какого отъ него не ожидалъ князь-кесарь.

— Я тебѣ одно скажу, Абрамъ,—звѣрь не тотъ! Со всякимъ другимъ бороться можно, всякаго другаго въ западню какую ни на есть заманишь... А съ этимъ — Боже упаси! Нутра въ немъ вовсе нѣтъ; вотъ, чтобы какъ у насъ съ тобой,—ну, дѣти тамъ, жена, сестра... ну, близкіе, родные... Для него все это тринь-трава! Главное, чтобы воля его была исполнена, и чтобы ее исполнить и на своемъ поставить, онъ брату голову снять, цѣлый родъ боярскій загубить, жену упрячетъ въ дальнюю обитель, церковь встряхнетъ, народъ, какъ мухъ, мереть заставить и на костяхъ ихъ городъ построить... И противиться ему нельзя: сила въ немъ какая-то сидитъ не здѣшняя... Вѣдь вотъ почто ужъ я тебя люблю тебѣ мирволю, какъ никому: ну, а войди онъ сюда, да крикни: руби Абраму голову! Я бы... я бы не посмѣлъ перечить...

— А! такъ вотъ въ чемъ его сила не здѣшняя!—горячо заговорилъ Абрамъ:—въ нашей трусости, въ нашей слабости... Такъ нѣтъ же, батюшка, не всѣхъ онъ своей желѣзной волей гнетъ! Да и что же ты думаешь? Что смерти нѣтъ на него? Нѣтъ, ближніе-то пишутъ, что онъ все болѣетъ, все неудачи терпитъ...

И Абрамъ раскинулъ передъ тестемъ мрачную картину всѣхъ

затрудненій, въ которыя Петръ былъ поставленъ своею упорною борьбою съ Карломъ... Все войско на западѣ, въ Литвѣ, увязло въ болотахъ и со дня на день ждетъ пораженія отъ Карла, къ которому отовсюду идутъ свѣжія войска. Польша лукавитъ и, слышно, уже отступилась отъ союза. Самъ онъ попытался въ Финляндіи со шведомъ воевать, Выборгъ осадилъ, да не взялъ и отбить съ урономъ... Вотъ и заболѣлъ, и вторую недѣлю опасно боленъ...

— Да откуда ты все это знаешь?—съ изумленіемъ прошептала Ромодановскій,—когда и мы, министры, о томъ не свѣдомы!

— А на югъ-то оглянись!—продолжалъ Абрамъ, какъ бы не обращая вниманія на восклицаніе князя-кесаря. — Въ Астрахани только поунылись, пообразумились,—теперь башкиры бунтуютъ, на Дону тревожно... съ Запорожьемъ сносятся... Бѣглые туда идутъ толпами...

Князь-кесарь даже поднялся съ мѣста и прошелся раза два по комнатѣ.

— Что же ты думаешь?—проговорилъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ Абрамомъ.—Что мы наканунѣ новой разинщины живемъ?

— Не знаю я... Да и кто же можетъ знать? А знаю только, что и у казаковъ, и у бѣглыхъ, и у народа, на устахъ одно проклятье для царя Петра; а царевичъ всѣмъ имъ и миль, и любъ, всѣ молятся о здравіи его... И мы всѣ должны не забывать, что царь Петръ тоже смертенъ, а царевичъ Алексѣй пока еще его наслѣдникъ...

Ромодановскій опустился въ кресло, оперся локтями на столъ и на минуту закрылъ лицо руками въ глубокомъ раздумьѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—проговорилъ онъ наконецъ, откидываясь на спинку кресла и тяжело переводя дыханіе отъ волненья.—Вижу я одно: ты и царевича, и себя погубишь! Торчатъ и твоей головѣ на желѣзныхъ ножнахъ... О-хъ, не дай мнѣ, Господи, дожить до этого позора!

VIII.

Въ душевной и тѣсной коморкѣ съ однимъ небольшимъ оконцемъ, выходящимъ въ огородъ, среди всякаго домашняго скарба и хлама, которымъ была завалена и заставлена эта коморка, служившая вдовому попу Алексѣю Сугоняю и чуланомъ и кладовой,—у столика, приставленнаго къ оконцу, сидѣли два человѣка, занятые однимъ и тѣмъ же дѣломъ: самъ попу Алексѣй Сугоняй, высокій, савонитый мужчина среднихъ лѣтъ, и его пріятель, знакомый намъ Митька Алтыновъ, въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ измѣнившійся до неузнаваемости. Гладко выбритый, аккуратно подстриженный и облеченный въ опрятное, ловко сшитое нѣмецкое платье,

Митька совсѣмъ не походилъ на того сумрачнаго и понураго Нарышкинскаго холопа, который когда-то принималъ такое дѣятельное участіе въ страшномъ стрѣлцкомъ розыскѣ. Принятый на службу къ Меньшикову, онъ успѣлъ и свѣта повидать, и между людьми потереться, и приобрести нѣкоторую увѣренность въ себѣ, такъ какъ природныя склонности этого ловкаго сыщика и дозорщика успѣли уже обратить на него вниманіе государева фаворита и сулили ему въ будущемъ хорошее обезпеченное положеніе.

Упираясь локтями въ столъ и подпирая руками свою большую, кудластую голову, Митька внимательно слѣдилъ своими быстрыми, рысьими глазками за тѣмъ, что попъ Алексѣй выводилъ и выписывалъ на большомъ листѣ челобитной.

— Ишь вѣдь пишетъ какъ!—не безъ зависти говорилъ Митька, приглядываясь къ кудреватымъ размашистымъ выкрутасамъ поповскаго почерка.—Золотое у тебя перо! Будь у меня такое, да умѣй я такъ писать, и-и-ихъ куда бы ушелъ! Рукой бы не достать меня было!

— У всякаго свой даръ, Дмитрій Ивановичъ!—глубокомысленно замѣтилъ попъ Сугоной, обцелкивая объ столъ свое перо.—Овому таланъ, овому два! Ты умѣешь высмотрѣть, подмѣтить, наблюсти и равнюхатъ... А я тебѣ перомъ служить могу! Не забудь только, милостивецъ, своего обѣщанія...

— Ужъ какъ это забыть, отецъ Алексѣй?! Ужъ я тебѣ говорю, коли только Александръ Данилычъ меня въ прибыльщики выведетъ, безпремѣнно тебя въ секлетари возьму... А какъ вотъ такую челобитную мы ему теперь подкатимъ, какъ откроемъ глаза-то на здѣшнія дѣла... такъ въ люди сразу выйдемъ... А ну-ка, ну! Прочти, какъ тамъ у тебя объ Абрамѣ-то написано?...

— «Воистину, государь, бояре здѣсь на Москвѣ царскимъ указомъ учиняются очищены, а одного Абрама Лопухина слушаютъ, и въ него, какъ въ Бога, вѣруютъ и боятся его, и онъ, Абрамъ, всѣмъ завладѣлъ и что онъ имъ придумаетъ, такъ и дѣлаютъ, кого велитъ обвинить, того обвинятъ, кого оправить, того оправятъ, кого захочетъ отъ службы отставить, того отставятъ, а кого захочетъ послать, того пошлютъ. И таковъ былъ случай, какъ его, Абрама, спросили, быть ли Троекуровымъ дѣтямъ за моремъ, а онъ, Абрамъ, посмѣялся: еще тотъ не родился человѣкъ, кому насъ посылать; развѣ Абрама Лопухина на семь свѣтѣ не будетъ, тогда моимъ сродникамъ за море иттить»...

— Хорошо, ей-ей, хорошо!—перебилъ Митька попа Сугоная.—И вѣрно отъ слова до слова какъ есть! Все вѣрно... Золотое твое перо!... А написалъ ли о томъ, какъ за нимъ, Абрамомъ, и за его сродниками бѣглыхъ крестьянъ премножество многое и донынѣ?..

— Все написалъ! И о сборищахъ, и о томъ, какъ онъ царевича мутитъ, и какъ съ Суздальскими брадатými сносится, все изобразилъ... Только, признаться, и боязно, о-охъ, какъ боязно мнѣ...

— Чего боязно-то?—спросилъ Митька, съ нѣкоторой тревогой оглядываясь кругомъ и невольно понижая голосъ.

— Да все то же!—тайнственно замѣтилъ попъ Сугоной.—Отъ тѣхъ же странъ и на меня гроза подымается...

— Отъ тѣхъ же? Да неужто прознали, что ты мнѣ пособничаешь?...

— Еще бы не прознали? У нихъ вѣдь всюду глаза да уши... Вечорось и я, признаться, понабрался страху...

— Да, ну, ну, что такое? Говори скорѣе!—торопилъ Митька попа Сугоная.

— Сижу я этта послѣ вечеренъ, подь окошкомъ, сумерничаю... Вдругъ изъ-за забора камень въ окошко—бумъ!.. Ажъ рама затрещала!.. Малость самую въ оконницу не угодилъ, былъ бы я тогда съ праздникомъ... Я сорвался съ мѣста, выскочилъ на дворъ, смотрю: никого! А камень подь окномъ лежитъ, и къ нему писуля подвзвана, а въ той писулѣ прописано:

«Митькѣ челобитныя строчишь,
«А на себя ножъ точишь!»

— Вотъ тѣ Христось—самъ посмотри, коли не вѣришь? Я ту писулю спряталъ...—попъ Сугоной вынулъ изъ-за пазухи засаленную бумажку и сунулъ ее въ руки Алтынова.

— Анаемы этакія!—прошенталъ Митька, замѣтно блѣднѣя и вертя писулю въ рукахъ.—Видно, отъ нихъ никуда не уйдешь, не укроешься!..

Онъ вскочилъ со своего мѣста и порывисто прошелся нѣсколько разъ по коморкѣ...

— Вотъ то-то и оно, Дмитрій Ивановичъ,—добродушно замѣтилъ попъ Сугоной.—И хорошо твое ремесло, да не само... Можно въ большіе люди проивойти, да какъ бы только безъ головы не остаться...

— Ну, да нѣтъ же! Я имъ живой въ руки не дамся!—проворчалъ Митька Алтыновъ.—Давно они за мною, какъ выжлецы, гоняются, и такъ и этакъ обойти норовять... Да, небось, не много взяли...

— Однакожъ, приходится тебѣ отъ нихъ, какъ зайцу, бѣгать... Смотри не споткнись, не зацѣпись... А попадешь въ ихъ лапы, не сдобровать тебѣ будетъ...

— Знаю! И раза два вотъ-вотъ изъ подь-ножа увернулся!.. Особенно тутъ есть изъ Лопухинскихъ одинъ, онъ въ бѣгахъ числится, а живетъ-то у него на подворьѣ, у самого Абрама, такъ тотъ вотъ за мною такъ слѣдъ въ слѣдъ и ходитъ. Разъ вотъ какъ носъ къ носу мы съ нимъ въ кружалѣ встрѣтились... Вижу, онъ такъ и впился въ меня глазами и руку все за пазухой держать... Вижу, что у него и ребята есть подь рукой... Такъ я-то прямо подошелъ и говорю: «знаю, пріятель, тебя, ты тутъ съ Лопухинскими да съ

Апраксинскими головорѣзами; такъ, не думай, и за моей спиной съ полдюжины стоитъ». Онъ будто замѣшался, сталъ смотрѣть по сторонамъ, а я тѣмъ временемъ къ солдатамъ примкнулъ да съ ними и ускользнулъ изъ кружала.

— Разъ ускользнулъ, два ускользнулъ, — печально покачивая головой, проговорилъ попъ Сугонай, — а какъ наткнешься-то на ножъ, такъ дѣлу государеву великая поруха можетъ быть... Ты объ этомъ подумалъ ли, Дмитрій Ивановичъ?

— Да чего тутъ думать? Вѣдь челобитная написана, и все въ ней, какъ пальцемъ, указано, сегодня, какъ завечерѣетъ, свезу ее къ Курбатову (тотъ завтра въ Питеръ нарочнаго шлетъ), а самъ-то въ Суздаль прѣду: тамъ еще порыться, поразобратъся надо... Слухъ такой идетъ...

— Э-эхъ, Дмитрій Ивановичъ! Какъ ни какъ, дай тебѣ Богъ удачи и пронеси Господь, а только я придумалъ и отъ себя лажейку: не прогнѣвайся! Не одну вѣдь я челобитную-то настрочилъ, а двѣ... Одна передъ тобой, бери и относи ее къ Курбатову... а другая-то на всякій случай у меня за пазухой! Случись съ тобой что грѣшнымъ дѣломъ, или съ тѣмъ нарочнымъ... А моя-то пѣшкомъ до Питера дойдетъ, къ кресту у плотника-пріятеля, у кума моего, поуязана.

— Что-жъ, отецъ Алексѣй, это ты, пожалуй, ладно затѣялъ? — сказалъ въ раздумѣ Алтыновъ. — Пусть и двѣ идутъ, вреда не будетъ...

— Какой тутъ вредъ! — горячо заговорилъ попъ Сугонай, поднимаясь во весь ростъ и энергично размахивая руками. — Наболѣло и у меня на сердцѣ! Не для награды, не для корысти какой стараюсь, а мочи не стало терпѣть отъ столповыхъ-то здѣшнихъ бояръ, да енараловъ, все ихъ супостатство! Царя ругаютъ, поносятъ, и въ народѣ его въ антихриста рядятъ, а сами благодѣтельныхъ его указовъ къ общей пользѣ не исполняютъ и подъ сукно кладутъ! Подъ ихъ-то властью всѣмъ намъ пропасть надо. Нѣтъ царя на Москвѣ, нѣтъ и правды; а его государство въ разореніе приходитъ... Нѣтъ, ужъ пусть лучше я отъ Лопухинцевъ пропаду, а будетъ царь Петръ Алексѣевичъ всю правду матку знать про здѣшнія продѣлки!

Попъ Сугонай приостановился на мгновение, какъ бы собираясь съ духомъ, чтобы продолжать свою горячую рѣчь, которую Митька Алтыновъ слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, и вдругъ оба насторожились... Съ надворья ясно доносился стукъ въ кольцо калитки и лай собаки...

— Это свой, — сказалъ попъ Сугонай. — По лаю собаки слышу. Должно быть, не отецъ ли дьяконъ за тобой на своей кобылкѣ пріѣхалъ? Я ему такъ и велѣлъ: какъ смеркнется, молъ, пріѣзжай да отвези-ка гостя дорогаго.

Попъ поспѣшилъ изъ коморки на крыльцо, а Митька Алтыновъ сталъ тщательно свертывать и укладывать въ боковой карманъ полукафтанья объемистую челобитную, написанную горячимъ поклонникомъ Петра и ненавистникомъ боярскихъ порядковъ. Уложивъ ее тщательно и застегнувъ карманъ, Митька Алтыновъ внимательно осмотрѣлъ пару пистолей, которыя опустилъ въ кожаные карманы исподняго платья, накиннулъ толстый темный плащъ и надвинулъ себѣ на глаза мягкую пуховую шляпу съ отгибнымъ краемъ.

Едва успѣлъ онъ окончить всѣ эти приготовленія, какъ попъ Сугонай, облеченный въ широкій опашень и съ суковатою палкою въ рукахъ, явился на порогѣ коморки.

— Ъдемъ!—сказалъ онъ Алтынову.—Вѣдь отсюда изъ Толмачей на Лубянку не ближній свѣтъ! А и кобыла-то у отца дьякона не изъ бойкихъ... А все лучше тебѣ ѣхать, чѣмъ пѣшкомъ въ темноту по здѣшнимъ мѣстамъ брести...

На дворѣ было уже темно, когда Митька Алтыновъ со своимъ спутникомъ вышелъ изъ низенькаго поповскаго домика на крыльцо, около котораго стояла одноколка отца дьякона.

— Свежи гостя дорогаго въ Лубянку, отецъ дьяконъ, да обращай живѣй, чтобы дьяконица твоя по тебѣ не тревожилась, — сказалъ заботливый попъ, обращаясь къ дьякону, громадному, плечистому мужичинѣ, которому не даромъ дано было прозвище «Верзилы».

— Да обереги его отъ всякой напасти, смотри, на твоей душѣ отвѣтъ за него.

— Ладно, ладно!—пробасилъ дьяконъ, трогая кобылку съ мѣста.—Небось, доставлю къ мѣсту!

И между тѣмъ, какъ одноколка, постукивая и поскрипывая, покатила въ открытыя настежь ворота поповскаго двора, попъ Сугонай приказалъ работнику Сидоркѣ запереть накрѣпко ворота да спустить цѣпныхъ собакъ, да самому «посматривать и поглядывать и ухо вострѣ держать», и только отдавъ эти приказанія, онъ рѣшился выйти за ворота. Снявъ шапку и набожно перекрестившись на свой приходскій храмъ, попъ Сугонай оглянулся во всѣ стороны и, кутаясь въ свой толстый опашень отъ вечерняго холода, двинулся вверхъ по Толмачевскому переулку, широко шагая и твердо опираясь на свою толстую суковатую палку.

Онъ и не замѣтилъ, какъ на противоположной сторонѣ улицы отдѣлились отъ темной церковной ограды двѣ высокія темныя фигуры и выступили на середину переулка, и какъ двѣ другія вернулись изъ-за угла сосѣдняго дома и мигомъ подбѣжали къ нимъ.

— Вы двое ступайте за попомъ поодаль, — сказалъ одинъ изъ высокихъ, въ которомъ не трудно было по голосу узнать Мишку

Ослопа. — Да чуръ попа не трогать... А только выслѣдить, куда пойдетъ.

— Знамо дѣло!—отвѣчали тѣ въ полголоса и двинулись вслѣдъ за попомъ.

— А намъ съ тобою, Кисельная Борода, по горячему слѣду гнать надобно... Чтобъ не ушелъ отъ насъ красный звѣрь!—быстро проговорилъ Мишка Ослопъ, чуть не бѣгомъ пускаясь въ ту сторону, куда поворотила изъ воротъ одноколка дьякона Верзилы.

— Небось! На сей разъ не уйдетъ отъ насъ красный звѣрь!—слегка посмѣиваясь, отвѣчалъ Мишкѣ его спутникъ.—Я у дьяконской кобылы супонь-то перерѣзалъ... Такъ безъ супони-то не далеко уѣдутъ!

— Да на пути къ Москвѣ рѣкѣ три нашихъ заставы стоятъ! Въ которойнибудь да зацѣпится... А тутъ и мы ужъ подоспѣемъ...

И оба скрылись во мракѣ за темнымъ выступомъ церковной паперти.

IX.

Федоръ Цымбальщикъ поднялся съ постели ранешенько, когда еще во всемъ Преображенскомъ дворцѣ никто изъ дворни не разставался съ изголовіемъ и не проявлялъ признаковъ жизни и дѣятельности. Поднялся, оглянулся кругомъ, какъ бы припоминая что-то, и увидѣлъ, что кровать жены пуста, что на стѣнѣ нѣтъ ея темнаго пугая, ни того убруса, которымъ она прикрывала кикю, выходя изъ дома...

Тягостное чувство какой-то неопредѣленной тревоги, какого-то опасенія за Акулину и за себя самого, какой-то непонятной, но мучительной тоски овладѣло всѣмъ его существомъ и не давало ему покоя. Онъ давно уже привыкъ къ тому, что Акулина вдругъ исчезала куда-то на нѣсколько часовъ, не сказываясь ему и не отдавая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, давно присмотрѣлся къ тѣмъ какимъ-то странникамъ, монахамъ и нищимъ, которые къ ней по временамъ являлись, вызывали ее въ сѣни или на черное крыльцо, перешептывались съ ней, передавали ей какіе-то узелки и свертки и отъ нея тоже что-то получали и поспѣшно совали за пазуху.

Вся эта таинственная обстановка его жизни, нисколько не нарушавшая ихъ согласія и его довѣрія къ женѣ, давно уже перестала его тревожить... «Но сегодня ночью, — припоминалъ онъ, — сегодня ночью случилось не вѣсть что... страшное такое, что и вспомнить-то жутко»...

И онъ припомнилъ впечатлѣнія, смутно отразившіяся въ его сознаниі, не вполне освободившемся отъ сна... Кто-то постучался въ оконцо дважды... Акулина вскочила съ кровати, — ему показалось, что она спала не раздѣтая, — накинута тѣлогрѣю на плечи и

бросилась къ окну... Свѣжая струя воздуха, пахнувшая изъ приоткрытой оконницы, заставила Ѳедора невольно прикутаться въ одѣяло, и въ то же время онъ приподнялъ голову съ изголовья, желая разслышать тотъ полусшепотъ, который явственно достигалъ до его ушей среди мертвой ночной тишины...

— Чтожъ? ему очень худо?—спрашивала Акулина.

— Бокъ прострѣленъ пистолей... Руды никакъ остановить не можемъ... Говорить, ты слово такое знаешь?.. Молить, чтобъ пришла...

— Ахъ, Господи! Какъ жалко... А тотъ ужели ускользнулъ?

— Нѣтъ... Гдѣ ужъ! Прикончили, и всѣ бумаги у насъ... Только вотъ Мишка-то поплатился... Помирать собирается...

Тутъ Ѳедоръ не разслышалъ дальнѣйшей рѣчи, потому что сонъ сталъ его одолаживать. До него ясно донеслись только слова Акулины:

— Скажи, приду!

Онъ даже помнилъ, что хотѣлъ спросить Акулину, когда она вернулась отъ окна къ кровати, съ кѣмъ она говорила и куда собирается идти, но вмѣсто этого вопроса пробормоталъ что-то невнятное и безсильно ткнулся въ изголовье...

А теперь, смутно припоминая эти мимолетныя впечатлѣнія, онъ невольно пугался ихъ и тяготился своими черными думами и неопредѣленными опасеніями...

— Хоть далъ бы Господь намъ выбраться отсюда поскорѣе подобра-поздорову! — думалъ Ѳедоръ Цымбальщикъ, шагая изъ угла въ уголь по своей низенькой сводчатой комнатѣ, между тѣмъ какъ въ смежныхъ сѣняхъ уже слышались грузные шаги и громкіе голоса проснувшейся дворцовой служни.

Вдругъ дверь отворилась, и вошла Акулина блѣдная, сумрачная.. Брови ея были сдвинуты, на глазахъ блистали слезы...

— Акулинушка! — воскликнулъ Ѳедоръ, бросаясь къ ней на встрѣчу, и хотѣлъ добавить:—гдѣ ты была?—но слова невольно замерли у него на устахъ...

Акулина прошла мимо его молча, прямо подошла къ божницѣ въ углу и, опустившись на колѣни, стала класть земные поклоны, шепча слова молитвы...

— Акулинушка! за кого ты это молишься? — смѣлился спросить Ѳедоръ, касаясь ея плеча.

— За упокой души молюсь... Пріятель матушкинъ и бабушкинъ померъ...

— Убить!?—невольно сорвалось у Ѳедора.

— Не знаю,—спокойно отвѣчала Акулина и поднялась съ колѣнъ, готовясь распутывать свой убрूसъ и разстегивать шугай.

— Какъ? Не знаешь?.. Да вѣдь я слышалъ... Я не спалъ...

— Слышалъ? — какъ-то странно переспросила его Акулина, прямо взглянувъ ему въ очи.—Коли слышалъ, такъ про себя храни...

И пошла къ печкѣ, собираясь ее затопить и приняться за уборку. Ѳедоръ схватился за голову, повернулся къ дверямъ и вышелъ въ сѣни, не сказавъ ни слова.

— Хоть бы вынесъ Богъ отсюда!—вертѣлось у него въ головѣ.— Вышелъ бы изъ этого омута...

И вдругъ остановился, столкнувшись лицомъ къ лицу съ новымъ духовникомъ царевича, отцомъ Яковомъ, который шелъ по сѣнямъ, опираясь на посохъ, и облеченный въ простую темную рясу и темную скуфейку.

Ѳедоръ отвѣсилъ ему низкій поклонъ и подошелъ поды благословеніе.

— Что съ тобою, чадо мое?—спросилъ его отецъ Яковъ, вглядываясь въ лицо его своими большими очами.

Ѳедоръ молчалъ, смущенный тѣмъ, что духовникъ царевича такъ угадалъ его душевное настроеніе.

— Не смущайся, говори, — сказалъ отецъ Яковъ, отходя въ темный уголокъ сѣней, гдѣ меньше сновало всякаго народа.

— Да что говорить-то, отче!—почти съ отчаяніемъ проговорилъ Ѳедоръ, ломая руки,—что говорить-то? Опостылѣлъ мнѣ здѣшній омутъ! Вырваться бы мнѣ отсюда... Бѣжалъ-бы, кажется, безъ оглядки, кабы воля моя...

— Да развѣ же ты кабальный царевичевъ? Или изъ холопей его?—спросилъ духовникъ, продолжая вглядываться въ открытое лицо Ѳедора.

— Не кабальный я и не холопъ, вольная птица. Да держитъ онъ меня!.. Не отпускаетъ... Просился вѣдь ужъ я не разъ...

— Коли ты не подневольный человѣкъ, такъ кто же можетъ удержать тебя? — сказалъ какъ-то особенно внушительно отецъ Яковъ.—Приди сегодня въ обѣдъ и попросись еще разъ, я за тебя замолвлю словечко...

— Ахъ, батюшка! Да я... я вѣкъ готовъ за тебя Богу молить... Да я тебѣ въ ноги поклонюсь...

И онъ точно собирался поклониться въ ноги, но отецъ Яковъ не допустилъ:

— Говорю тебѣ, приходи въ обѣдъ и просись смѣло, — твердо сказалъ отецъ Яковъ и пошелъ далѣе по сѣнямъ, легкимъ кивкомъ головы отвѣчая на низкіе поклоны встрѣчной царевичевой служни.

Къ обѣду, въ столовой дворцовой палатѣ, обычные собесѣдники царевича собрались хмурые и невеселые. На всѣхъ лицахъ было написано недовольство.

И Василій Колычевъ, и Нарышкины, и протопопъ Алексѣй— всѣ были видимо чѣмъ-то озлоблены. вмѣсто обычныхъ шутокъ, привѣтствій, смѣха и намековъ на то, что пора бы было присту-

пить къ трапезѣ,—все толковали между собой съ очевиднымъ раздраженіемъ о томъ, что всѣхъ приближенныхъ царевича одинаково волновало и гнѣвило въ послѣдніе дни.

— Да и откуда онъ взялся? Откуда выискался? — горячился больше всѣхъ Андрей Нарышкинъ.

— Откуда? должно быть, не Абрамъ ли выискалъ такого! — язвительно замѣтилъ Колычевъ.

— Рязанскій вишь съ письмомъ прислалъ къ царевичу, и такъ въ письмѣ и написалъ: вотъ, молъ, духовникъ тебѣ.

— Какой ужъ это духовникъ! — воскликнулъ Андрей Нарышкинъ.—Да это господинъ и повелитель!.. Такъ нѣтъ же, мы не дадимъ ему царевича, не уступимъ, сразу оборвемъ... Забудетъ важничать и носъ-то задирасть!..

— Тсс! Тше... Идутъ!

И точно изъ смежной комнаты выступилъ царевичъ, сопровождаемый своимъ учителемъ Никифоромъ Вяземскимъ и духовникомъ Яковомъ Игнатьевымъ. Вяземскій шелъ молча и понуривъ голову; царевичъ казался смущеннымъ и растеряннымъ, а отецъ Яковъ, переступая порогъ столовой палаты, продолжалъ начатую рѣчь къ царевичу:

— Оттого и не спокоенъ ты, и духомъ мятешься, государь благородный, что трудишься недостаточно и молитвѣ прилежишь мало... Вѣдь вотъ и сегодня раннюю обѣдню проспалъ изволилъ...

Царевичъ, встрѣченный общимъ молчаливымъ поклономъ своихъ приспѣшниковъ, отвѣтилъ имъ кивкомъ головы, перекрестился и собирался сѣсть за столъ. Отецъ Яковъ остановилъ его:

— Не обычно, государь, такъ садиться за трапезу... Помолимся Подателю благихъ, благословимъ яства и тогда возсядемъ...

Царевичъ закусилъ губу; придворные переглянулись между собою; довольно внятный ропотъ пронесся между ними. Но Яковъ Игнатьевъ, не обращая ни на что вниманія, прочелъ длинную молитву, осѣнилъ разставленные на столѣ кушанья и только тогда опустился на свое мѣсто около царевича.

— Водки нѣтъ! Гдѣ же водка? Гдѣ настойки? — слышались голоса съ противоположнаго конца стола.

— Нѣтъ водки, и обѣдъ не лѣзетъ въ глотки... — сострилъ кто-то въ полголоса.

— Что же это? Гдѣ же водка? Гдѣ вино? — спросилъ смущенно царевичъ, оглядывая столъ.—Ромашка! Гдѣ у тебя голова сегодня?

Романъ Тугариновъ подошелъ къ столу и съ очень язвительной усмѣшкой объявилъ, указывая на отца Якова:

— Я, государь, тутъ не причемъ... А вотъ изволь отца честного спросить, онъ лучше меня знаетъ.

Царевичъ съ удивленіемъ оглянулся на своего духовника.

— Да, это я такъ распорядился, — сказалъ тотъ весьма спо-

койно и строго. — Сегодня день постный, и безъ хмельнаго питья обойтись можемъ. Довольно съ насъ и квасу будетъ.

— То съ васъ, а не съ насъ,—грубо крикнулъ Андрей Нарышкинъ. — Государь царевичъ, прикажи хмельнаго дать — душа горитъ! Пуцай пустынножитель твой не пьетъ, да насъ-то, гостей твоихъ, не мори!

— Дай имъ вина! — крикнулъ царевичъ Роману Тугаринову, видимо сдѣлавъ усиліе надъ собою и не смѣя взглянуть въ сторону отца Якова, который опустилъ глаза въ тарелку и не прикасался къ кушаньямъ.

Вино тотчасъ явилось за столомъ и разлилось по стаканамъ; послышались смѣшки и грубыя шутки. Только царевичъ да Никифоръ Вяземскій съ духовникомъ не послѣдовали примѣру остальныхъ.

— Новый Нейбауровъ явился у царевича... Смоемъ и этого, какъ того смыли... Наставникъ какой, учитель благий, безъ вина насъ хотѣлъ оставить! — слышалось въ разныхъ концахъ стола, среди усердныхъ чоканій и возліаній.

— Добрый есть у тебя слуга, господинъ царевичъ! — началъ отецъ Яковъ, обращаясь къ Алексѣю Петровичу, который прислушивался къ рѣчамъ придворныхъ. — Добрый слуга, и вѣрный, и честный... Жаль только, что тебя покинуть хочетъ.

— Мой слуга? Меня покинуть хочетъ... Кто же бы это былъ?

— Ѳедоръ Цымбальщикъ. И пѣвецъ-то онъ какой прекрасный... Заслушался я нынче, какъ пѣлъ онъ псалмы... Жаль его... По дому встосковался...

— Ѳедька Цымбальщикъ? Да какъ онъ смѣетъ?—вдругъ крикнулъ царевичъ, вспыхнувъ.—Эй, позвать его сюда!

Слуги бросились исполнять приказаніе. Черезъ минуту, среди общаго молчанія, Ѳедоръ вступилъ въ столовую палату и низко поклонился царевичу.

— Правда ли?... Я слышалъ... будто... Сказывалъ ты, что хочешь домой проситься?—заговорилъ царевичъ, волнуясь и путаясь въ словахъ.

— Правда, государь! Не въ терпежъ мнѣ здѣсь становится... Отпусти меня домой, Христа-ради, не прогнѣвайся!...

Онъ опустился на колѣни и поклонился въ землю; въ голосѣ его слышались слезы...

Гнѣвная вспышка царевича прошла какъ-то разомъ... Онъ смягчился и только проговорилъ:

— Ты какъ же? одинъ домой собираешься? Или и Акулину... съ собой... возьмешь?

— И Акулина со мной сбирается, государь!—отвѣчалъ Ѳедоръ, опять кланяясь...

— Гдѣ мужу, тамъ и женѣ подобаетъ быть,—строго и наста-

вительно произнесъ отецъ Яковъ, обращаясь къ царевичу, который робко и смущенно оглянулся на своихъ пріятелей.

— Это все твоего новаго духовника штуки!—крикнулъ на весь столъ Андрей Нарышкинъ.—Это онъ, онъ подуцаетъ да мутить!..

— То насъ безъ водки хотѣлъ оставить,—раздались другіе голоса, — то теперь безъ музыки, безъ пѣсенъ, да безъ красоты!... А кто же ренскимъ-то насъ станетъ обносить, какъ Акулины не будетъ?

— Государь!—громко сказалъ отецъ Яковъ,—загради уста твоимъ приспѣшникамъ, въ окаяствѣ погрязшимъ! Исполни просьбу раба твоего и помни, что не они, а ты глава здѣсь...

— Что-жъ? Слушайся попа, царевичъ! Ѳедьку отпусти, а Акулину при себѣ оставь, — опять громче всѣхъ крикнулъ Андрей Нарышкинъ.

— Д-да! Несогласенъ,—упрямо заговорилъ царевичъ, безпокойно перебѣгая глазами отъ своей компаніи то къ Ѳедору, то къ духовнику.—Несогласенъ!... Не отпускаю тебя!... А если хочешь идти, иди одинъ...

— Государь, — произнесъ торжественно Яковъ Игнатьевъ,—мой долгъ напомнить тебѣ, что ты не по закону поступаешь: что Богъ соединилъ, того человекъ не разъединяетъ...

— Молчи! Надокучилъ ты мнѣ! Не хочу я тебя слушать!—крикнулъ царевичъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Общій смѣхъ огласилъ столъ:

— Такъ, такъ его, государь!... Залетѣла ворона въ высокіе хоромы, зазналася? Ха-ха-ха!

Яковъ Игнатьевъ, не обращая вниманія на этотъ смѣхъ, поднялся изъ-за стола, поклонился царевичу въ поясъ и сказалъ:

— Прости, государь! Вижу, что я твоему благородію не нуженъ... Ты и безъ духовника проживешь... Тебѣ и твои приспѣшники уговають путь твой... А я отрясаю прахъ отъ ногъ моихъ и ухожу...

— Ну, и проваливай! И скатертью дорога тебѣ, черный воронъ! — крикнулъ порядочно уже охмелѣвшій Андрей Нарышкинъ.—Нечто безъ тебя попа не найдется?

Отецъ Яковъ обернулся вдругъ въ его сторону и устремилъ на него пламенный взглядъ. Вся небольшая, худощавая фигура его вдругъ освѣтилась какимъ-то особымъ вдохновеніемъ...

— Рабъ лукавый!—произнесъ онъ громовымъ голосомъ.—Рабъ слѣпой! Невѣдущій, куда ведешь господина твоего по дебрямъ жизни, и куда приведешь! Ты царскую пресвѣтлую трапезу держашь обращать въ пиршество Іезавелино... Ты забываешь, злочестивый, о смертномъ часѣ, веселя утробу брашнами и питьемъ пьянственнымъ, а смерть всепожирающая изъ-за спины твоей на

тебя, какъ на брашно лакомое, смотреть... Опомнись и покайся въ окаянствѣ своемъ!

Съ этими словами онъ быстро вышелъ изъ столовой палаты, оставивъ всѣхъ, сидѣвшихъ за столомъ, подѣ тягостнымъ впечатлѣніемъ чего-то страшнаго, какъ бы внезапно осѣнившаго всѣхъ. Наглый и полупьяный Андрей Нарышкинъ попробовалъ было сказать:

— Ну, провалился! И чортъ съ нимъ! Давайте-ка всѣ разомъ чарку дернемъ круговую, а тамъ...

Но, оглянувши всѣхъ своихъ собесѣдниковъ, онъ прочелъ на ихъ лицахъ только недоумѣніе и недовольство собою... Всѣ молчали угрюмо, и никому не шла на умъ «круговая чарка»...

Х.

Дня три спустя выпалъ ночью первый снѣгъ, и ровной гладкой пеленою покрывалъ землю. И пошла потѣха! «Порѣша! Порѣша!»—послышались спозаранокъ возгласы охотниковъ, и сердца ихъ наполнились непреодолимымъ желаніемъ порыскать въ отъѣзжемъ полѣ...

Старый доѣзжачій князя Θεодора Юрьевича Ромодоновскаго, Семень Журавель, чуть только увидалъ порошу на разсвѣтѣ, какъ уже бросился на псарный дворъ, спѣшно сдѣлалъ кое-какія распоряженія, потомъ побѣжалъ въ конюшню будить конюховъ и приказалъ имъ сѣдлать лошадей, а затѣмъ, облекшись во всю свою охотничью «крутѣ», привѣсивъ ножъ къ кованому поясу и взявъ арапникъ въ руки, онъ направился къ боярскимъ хоромамъ и сталъ громко, безъ всякой опаски, стучать въ сѣнныя двери.

— Кто тамъ стучать смѣеть?—закричали изъ-за двери холопи князя.—Въ этакую рань! Не приведи Богъ, князь услышитъ!

— Отворяй, Филька, Васька! Я князя будить иду... Порѣша выпала!

— Порѣша!? — и двери разомъ распахнулись настезь, и Журавель вошелъ съ подобающей важностью въ княжіе хоромы и черезъ всѣ комнаты направился къ опочивальнѣ князя-кесаря.

Постучавъ легонько въ дверь опочивальни, Журавель произнесъ нараспѣвъ:

— Изволь, князь-государь, вставать умываться, въ полевое платье облекаться, хороша се ночь порѣша выпала.

Князь Θεодоръ Юрьевичъ не спалъ, но и вставать еще не собирался, занятый въ постелѣ своими тяжелыми заботами и думами; но когда онъ слышалъ въ сосѣдней комнатѣ такіе смѣлые шаги и говоръ голосовъ, а потомъ голосъ Журавля, онъ сразу догадался, въ чемъ дѣло... Сердце забилось въ груди стараго охотника, хотя

и отяжелѣвшаго, подрыхлѣвшаго въ послѣдніе годы; онъ разомъ поднялся на постели и захопалъ въ ладони, призывая холопей. Вмѣстѣ съ холопами вошелъ и Журавель, низко кланяясь князю.

— Что братъ? Порѣша? Хороша ли?

— Хороша, князь-государь. Легла гладенько и лежитъ бѣленько, слѣдъ держитъ, тебя въ отъѣзжее поле зазываетъ...

— А все ли у тебя готово? Вся ли охота въ сборѣ?—спросилъ князь, разглаживая морщины своего чела и добродушно, почти ласково посматривая на своего слугу.

— Вся охота въ сборѣ, у псовъ морды на заборѣ, твою приказа ждуть-пожидаютъ, до трубы скулятъ, а не лаютъ.

— Прежде чѣмъ трубить, сбѣгай къ сыну Ивану, разбуди его, спосылай сейчасъ во дворецъ къ царевичу, чтобы шелъ да царевича съ его ближними на нашу потѣху полевою звалъ... Что-ужъ? Потѣшимся новѣчь, можетъ, въ остатній разъ, пока Богъ не послалъ по душу грѣшную...

И между тѣмъ, какъ Журавель опрометью бросился къ княжичу, старый князь съ необычною поспѣшностью сталъ мыться и одѣваться, удивляя своихъ холопей проявившеюся въ немъ бодростью духа и оживленностью движеній. Казалось, князь Феодоръ Юрьевичъ помолодѣлъ на десять лѣтъ, и онъ самъ это чувствовалъ, самъ этому радовался...

Изъ-подъ тѣсныхъ давящихъ сводовъ Преображенскаго приказа, подъ которыми протекала вся его жизнь, ему еще разъ захотѣлось полюбоваться своими красавцами-псами, захотѣлось хоть издали взглянуть на дикую удалъ охотниковъ, на бѣшеную скачку ихъ вслѣдъ за борвыми, которыя стелятся по полю въ догонку за звѣремъ... «Можетъ, и въ остатній разъ»,—шевелилось невольно въ просвѣтлѣвшей душѣ стараго, страстнаго охотника.

Не прошло и часа, какъ уже все было готово къ выѣзду на охоту, и князь уже нетерпѣливо расхаживалъ по сѣнямъ, собираясь выйдти на крыльцо и поставить ногу въ стремя; а холопи, которымъ отданъ былъ приказъ сторожить у воротъ и извѣстить князя, когда покажется изъ воротъ дворца царевичъ со свитою, стояли вытянувшись въ струнку и внимательно устремивъ взоры вдаль.

А сборы царевича не походили на сборы князя. Среди его приближенныхъ не было страстныхъ охотниковъ, да притомъ имъ было не до порѣши: всѣ спали мертвымъ сномъ людей, до поздняго вечера просидѣвшихъ наканунѣ за сытнымъ и пьянымъ ужиномъ, за безтолковымъ и смутнымъ бражничаньемъ. Когда князь Иванъ Ромодановскій пришелъ будить царевича и звать на охоту «по первой порѣшѣ» со старымъ отцомъ, царевичъ очень обрадовался этой новой для него забавѣ и приказалъ будить Нарышкиныхъ, Колычева и Вяземскаго. Но это было не легко, и

много времени пришлось царевичу ждать въ своей комнатѣ, покаместъ вся его свита собралась на крыльцѣ. Когда онъ, наряженный въ полевое платье и мѣховой соболій колпакъ, съ большимъ охотничьимъ ножомъ на поясѣ, вышелъ на крыльцо съ Никифоромъ Вяземскимъ, заспанные конюха только что подводили къ крыльцу осѣдланыхъ коней.

— Садитесь впередъ, да выѣзжайте помаленьку! А тамъ и мы съ царевичемъ за вами потрусимъ,—сказалъ Никифоръ Вяземскій приближеннымъ царевича.

— А ты на какомъ же конѣ поѣдешь!—спросилъ царевичъ, обращаясь къ Андрею Θεодоровичу Нарышкину. — Вѣдь твой буланый хромаеть?

— А я поѣду на томъ ворономъ чортѣ, что намени у цыгана вымѣнялъ—вонъ онъ стоитъ!

— Ха, ха, ха! Самъ «Сатана» да на чортѣ поѣдетъ!—сострилъ кто-то изъ Нарышкиныхъ, и всѣ разсмѣялись громко и раскатисто.

— Давай его сюда! Чорта-то моего! Я вамъ покажу, какова его прыть!—сказалъ Андрей Нарышкинъ, выступая впередъ и оправляя плеть за поясомъ.

Двое конюховъ не безъ труда подвели къ крыльцу подъ уздцы вороного коня, который косился на толпу придворныхъ, храпѣлъ и выплясывалъ на мѣстѣ.

— Стой! Стой! Дай сѣсть-то... Тамъ-то ужъ проучу тебя, промну и умаю!—проговорилъ Андрей Θεодоровичъ, вскакивая въ сѣдло и собирая въ руки поводья.

Но едва только конюхи отошли въ стороны, конь поднялся на дыбы и шарахнулся въ сторону.

— Шалишь, чортушка! Справлюсь съ тобой!—проворчалъ сквозь зубы Нарышкинъ, натягивая поводья и выправляя плеть изъ-за пояса. Но онъ не успѣлъ опомниться, какъ конь сдѣлалъ новый отчаянный прыжокъ въ сторону, взмахнулъ задомъ, вышибъ сѣдока изъ сѣдла, запнулся о подворотню и рухнулъ на него всею тушею...

Общій крикъ ужаса огласилъ весь дворъ... Конюхи, челядь, воротники, бросились поднимать лошадь и всадника, но вороной никого не подпустилъ къ себѣ, вскочилъ на ноги и стремглавъ бросился изъ воротъ на улицу, волоча за собою Андрея Нарышкина, запутавшагося ногою въ стремя...

— Ахъ!... Ахъ!... Боже мой!... Спасите, спасите его!...—закричалъ пронзительнымъ голосомъ царевичъ, перепуганный на смерть, и вдругъ зашатался. Колычевъ и Вяземскій едва успѣли подхватить его на руки и понесли въ комнату.

Поднялась по всему селу страшная тревога, суетня, крики: всѣ забѣгали, всѣ бросились ловить взбѣсившагося коня... Едва-

едва успѣли его наконецъ сдержать у заставы, опутавъ арканомъ и подняли бездыханное тѣло Андрея Нарышкина, страшно изуродованное, истерзанное бѣшеной скачкой... Голова была разбита и расплющена объ ворота, грудь раздавлена тяжестью коневой туши, руки и ноги переломаны, платье изодрано въ лохмотья и залито струями крови...

Въ толпѣ, окружавшей эту безобразную массу костей и окровавленнаго мяса, которая еще такъ недавно была человѣкомъ, царило тягостное молчаніе ужаса и оцѣпенѣнія... Всѣ были поражены: всѣ только шепотомъ дерзали передавать другъ другу, что, молъ, еще дня три тому назадъ новый духовникъ царевича предсказалъ ему смерть, вотъ смерть ему и приключилась...

— Видно, святае человѣкъ? Прозорливецъ?—слышалось въ толпѣ, и легенда о предсказанной смерти, украшенная и приправленная вымысломъ, переходила изъ устъ въ уста и разносилась по селу.

Царевичъ, очнувшись отъ обморока, поднялся съ постели, въ которую его уложили, и, окидывая свою опочивальню смущеннымъ и боязливымъ взглядомъ, проговорилъ слабымъ, упавшимъ голосомъ:

— Ну, говорите скорѣе, что съ нимъ?... Что съ Андреемъ?

Никифоръ Вяземскій и Колычевъ, оба смущенные и перепуганные, стояли около царевича молча и не смѣли сообщить ему страшной вѣсти.

— Убить? Умеръ?... Живъ?—проговорилъ царевичъ, нетерпѣливо топая ногою.—Да говорите же!...

— Убился на смерть,—прошепталъ Вяземскій, крестясь.

— На смерть?—повторилъ безсознательно царевичъ и закрылъ лицо руками. Колычевъ и Вяземскій молчали, не зная, что имъ сказать.

Вдругъ царевичъ вскочилъ съ постели въ сильномъ возбужденіи, глаза его тревожно бѣгали по сторонамъ, онъ тяжело дышалъ:

— Это надъ нимъ судъ Божій совершился! это онъ самъ на себя смерть накликалъ! Да!... Божьяго праведника оскорбилъ, за блудное житіе стоялъ, бѣсовскія рѣчи изрыгалъ... Вотъ, вотъ и... Боже мой, Боже мой, спаси Ты насъ, грѣшныхъ! Не погуби, не покарай, какъ его...

И царевичъ бросился на колѣни передъ иконой и сталъ спѣшно креститься и класть земные поклоны. Потомъ вдругъ вскочилъ и кинулся Вяземскому на шею.

— Голубчикъ! Милый! Желанный!... Не дай ты мнѣ умереть безъ покаянія: пошли за нимъ сейчасъ же, проси его, моли, самъ за нимъ поѣзжай, чтобы сейчасъ сюда ѣхалъ, чтобы поспѣшилъ... Я все готовъ. Все готовъ для него сдѣлать, лишь бы онъ не отвергъ меня, грѣшнаго, окаяннаго...

— Да ну, полно, царевичъ! Полно, ѣду сейчасъ за нимъ... Признаться, и самъ хотѣлъ тебѣ словечко замолвить...

— Поѣзжай, поѣзжай и привези, и безъ него ко мнѣ не ворочайся!... А я стану ждать его... и не успокоюсь, пока я... не покаюсь...

И царевичъ залился слезами.

Уже завечерѣло, когда Вяземскій вернулся въ Преображенскій дворецъ изъ Москвы и привезъ съ собою отца Якова, который прямо прошелъ въ опочивальню царевича. Царевичъ во весь тотъ день не выходилъ изъ опочивальни, не прикасался ни къ пищѣ, ни къ питью, и все только плакалъ и молился... Когда онъ слышалъ подъ вечеръ знакомые шаги, приближавшіяся къ дверямъ его опочивальни, онъ быстро поднялся «съ поклоновъ» и бросился къ двери, которая тихо пріотворилась, и на порогѣ явился отецъ Яковъ, въ той же темной рясѣ и скуфейкѣ. Лицо его было спокойно и строго; въ одной рукѣ держалъ онъ крестъ, въ другой евангеліе, завернутое въ епитрахиль.

— Отецъ мой! Благодѣтель! Какъ мнѣ благодарить тебя!—воскликнулъ царевичъ, бросаясь къ нему на встрѣчу съ распростертыми объятіями.

Но суровый взглядъ отца Якова сразу остановилъ его и охладилъ его порывъ: царевичъ остановился передъ нимъ въ смущеніи, руки опустились у него, робкій страхъ закрался въ его душу...

Отецъ Яковъ, молча и не обращая вниманія на царевича, перекрестился трижды на иконы, развернулъ епитрахиль, надѣлъ ее, положилъ крестъ и евангеліе на столецъ и, опершись о него рукою, произнесъ строго:

— Грѣшникъ кающійся, приступай къ покаянію со смиреніемъ!

Царевичъ упалъ передъ нимъ на колѣни, едва удерживаясь отъ рыданій.

— Будеши ли заповѣди Божія исполнять и преданія апостольскія и святыхъ отецъ хранить? — произнесъ торжественно отецъ Яковъ.

— Буду... О, буду!—чуть слышно пролепеталъ царевичъ.

— Будеши ли меня, отца своего духовнаго, почитать, и за ангела Божія и за Апостола имѣти, и за судію дѣлъ своихъ и хочещи ли меня слушати во всемъ?

— Буду... Во всемъ буду слушать!

— Вѣруеши ли, яко и азъ, аще и грѣшенъ есмь, но такову же имѣю власть отъ Бога, мнѣ недостойному дарованную, какову даровалъ Христосъ апостолу Петру, во еже вязати и рѣшати на землѣ, якоже и на небесе?

— Вѣрую, отецъ мой! Вѣрую всею душою.

— Точно ли хочешь въ смиреніи своемъ моему священству и власти моей во всемъ покоряться и повиноватися безъ прекословія?..

— О, во всемъ... во всемъ... твоя воля...

— Клянись же на святомъ Евангеліи и помни, что эта клятва грозно падаетъ на главу твою, если слукавишь!

— Клянусь!—произнесъ царевичъ трепетно и робко.

— Теперь, чадо мое милое, чадо духовное, чадо, свыше мнѣ дарованное, открой мнѣ тайникъ души твоей, да пролію я лучъ свѣта во мракъ ея и едей исцѣленія въ раны сердца твоего!

И онъ троекратно осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ царевича, который, рыдая и проливая обильныя слезы, бросился цѣловать руки отца Якова.

XI.

Акулиша передала Абраму Ѳеодоровичу подробности о смерти Мишки Ослопа и тѣ бумаги, которыя ребята сняли съ убитаго Алтынова. При этомъ сообщила она ему о ссорѣ Якова Игнатьева съ ближними людьми царевича и объ удаленіи его изъ Преображенскаго дворца. Всѣ эти вѣсти, принесенныя разомъ, глубоко опечалили Абрама.

— Жаль вѣрнаго слуги!—думалъ онъ, перебирая тѣ челобитныя и «доношенія», которыя были вынуты изъ кармана Алтынова.—Не нажить такого будетъ! Въ огонь и въ воду для меня готовъ былъ лѣзть... И вѣдь изъ сколькихъ петель выпутывался, а тутъ вотъ судьбу свою нашель!... Прости ему Господь его согрѣшенія!...

И онъ жадно пробѣгалъ глазами объемистый докладъ попа Сугоняя о московскихъ порядкахъ, о бездѣйствіи властей, о неисполненіи указовъ и понималъ, отъ какаго опаснаго врага избавилъ его Мишка Ослопъ...

— Да, неудача за неудачей!... Видно, правду говорятъ, что бѣда не приходитъ одна... Тутъ отъ шальной пули вѣрный надежный слуга пропадаетъ, а тамъ, въ Преображенскомъ, этотъ хваленый Досіея пріятель всѣ мои труды на вѣтеръ пускаетъ... Только что понадѣялся на челоувѣка, увѣровалъ, что онъ тамъ корни пустить и къ рукамъ ихъ приберетъ, и вдругъ онъ съ дуру-то, какъ съ дубу, всѣмъ насолилъ, со всѣми перессорился и тылъ обратилъ!.. Ъхаль ни-пѣ-что, привезъ ничего! Напортилъ только дѣло...

Торопливые шаги въ смежной комнатѣ заставили Абрама отвлечься отъ его думъ и спрятать бумаги въ потайной ящикъ въ столъ. Дверь пріотворилась, и въ комнату заглянула изъ-за нея жена Абрама...

— Можно къ тебѣ взойти? — сказала она, остановившись на порогѣ.

— Входи, голубка! Съ чѣмъ пришла?

Но съ перваго же взгляда на лицо жены онъ замѣтилъ, что на немъ написана какая-то тревога.

— Что у тебя на сердцѣ? Говори!—сказалъ Абрамъ, ласково поднимаясь съ лавки на встрѣчу женѣ.

— Да мудреное такое пришлось сейчасъ услышать, Абрамушка!—сказала Θεодосія Θεодоровна.— Не знаешь, какъ и вѣрить... Въ Преображенскомъ-то вѣдь чудо вчера поутру совершилось!...

— Какое чудо?—недовѣрчиво спросилъ Абрамъ.

— Андрея Нарышкина конь растопталъ на смерть!...

— Ну, что-жъ за чудо? Пьяный сѣлъ на коня, такъ долго ли до бѣды?

— Да нѣтъ! Не въ томъ и чудо! А въ томъ, что за три дня ему отецъ Яковъ смерть-то предсказалъ.

— За три дня... смерть предсказалъ... отецъ Яковъ?

— Да! да! Прогнѣвался вишь на него, да такъ и говорить ему: лютой смертью умрешь... Такъ и случилось!...

— Не вѣрится мнѣ что-то? Чай наплели людешки что нибудь не такъ, Θεодосьюшка?—недовѣрчиво замѣтилъ Абрамъ.

— Да нѣтъ же! Вотъ хоть самъ ихъ разпроси: отъ батюшки пришли и слышали все отъ самой прислуги царевича... Какъ и ссора была, какъ и ушелъ оттуда отецъ Яковъ, какъ и заклиалъ Андрея Нарышкина.

— О ссорѣ-то я слышалъ, — сказалъ въ раздумѣ Абрамъ Θεодоровичъ,—а чтобы заклиалъ...

И онъ задумалъ въ самомъ дѣлѣ подробно разспросить служебниковъ своего тестя, которые принесли диковинную вѣсть изъ Преображенскаго. Но не успѣлъ: слуги доложили о приѣздѣ князя Семена Щербатова, который и вошелъ почти вслѣдъ за докладчикомъ въ комнату Абрама.

Не перекрестивши лба на иконы, не замѣчая хозяйки, сидѣвшей въ сторонѣ, князь Семень прямо подошелъ къ Абраму и остановился передъ нимъ въ какомъ-то нѣмомъ оцѣпѣніи!...

— Да что съ тобой, пріятель?—сказалъ ему Абрамъ съ улыбкой.— Да здравствуй, князь Семень!

— Здравствуй, здравствуй,—спѣшно проговорилъ оторопѣлый князь,—и хозяйшкѣ поклонь!.. А слышалъ ли ты, Абрамъ Θεодоровичъ, о чудѣ-то въ Преображенскомъ?

— Слышалъ... этакъ мелькомъ, да, признаться, не очень этимъ слухамъ...

— Что ты! Что ты? Какъ можно?—заговорилъ Семень Щербатовъ и руками замахалъ, словно отстраняясь отъ нечистой силы.— Чудо какъ есть! Вѣдь на глазахъ у всѣхъ было... Я отъ подьячаго царевича и слышалъ, а онъ тутъ самъ былъ... Все видѣлъ, своими очами видѣлъ!

— Да какъ же было дѣло? Расскажи, пріятель, пожалуй!—сказалъ Абрамъ, усаживая князя Семена къ столу и приготовляясь его слушать.

— А вотъ какъ было дѣло,—началь князь Семень, таинственно понижая голосъ.

Но разсказа своего ему не пришлось начать, потому что слуги доложили о прибытіи новыхъ гостей, и въ комнату Абрама шумно вступили: Гаврило Лопухинъ, двоюродный братъ Абрама, и племянникъ его Григорій Собакинъ.

— Слышали? А? Слышали?—обратились они съ вопросами къ хозяйевамъ послѣ пустыхъ привѣтствій.

— Какъ не слышать?—отозвалась Феодосья Феодоровна.—Да вотъ и князь Семень разсказывалъ...

— Что тамъ князь Семень!—заговорилъ съ особеннымъ удареніемъ молодой Гаврило Лопухинъ.—Вся Москва въ одинъ гудовень гудитъ! На папертяхъ церквей, по базарамъ, въ кружалахъ, по крестцамъ, всюду одинъ толкъ! Всѣ говорятъ объ этомъ чудѣ!.. И въ самомъ дѣлѣ каково!

— Подвизникъ Божій, этотъ отецъ Яковъ! Вотъ что!—глубокомысленно добавилъ князь Семень.

— Всѣ бояре, генералы да сенаторы, теперь наперерывъ спѣшать въ Преображенское!—заговорилъ Семень Собакинъ.—Всѣ переполошились, подъ благословеніе норовятъ попасть къ отцу Якову! И народъ толпами валить... Хоть издали, однимъ глазкомъ взглянуть на «прозорливца»... Вотъ оно куда пошло!

— У людей и все-то такъ!—съ досадою и горечью проговорилъ Абрамъ Феодоровичъ.

— Мѣсяцъ тому назадъ въ неизвѣстности и нищетѣ пребывалъ... прихода по своему священству не находилъ! Бродилъ изъ веси въ весь, питая жену и дѣтей Божьей милостію... А тутъ вотъ такъ случилось, и всѣ пошли кричать...

— Да развѣ же ты зналъ его, Абрамушка?—сказала Феодосья Феодоровна, съ удивленіемъ взглядывая на мужа.

— Хоть и не зналъ и не видалъ,—сказалъ Абрамъ сдержанно и осторожно,—а все же слыхалъ о немъ... Отъ преосвященнаго Дмитрія слыхалъ...

— Да что ты? Что ты? Абрамъ Феодоровичъ, опомнись! Или въ Бога ты не вѣруешь?—почти съ ужасомъ заговорилъ князь Семень.—Или въ чудеса не вѣришь?

— У Бога и все-то такъ бываетъ!.. Кого захочетъ избрать, и вознесетъ, и прославить!—заговорили Собакинъ и Гаврило Лопухинъ.

— Да тутъ и усомниться-то нельзя!—сказалъ съ полнымъ убѣжденіемъ князь Семень.

— Вѣдь всѣ сидѣли вмѣстѣ за столомъ и подъячій самъ мнѣ сказывалъ...

Но князю Семену не суждено было досказать о чудѣ то, что было ему извѣстно изъ достовѣрнаго источника. Явились новыя лица изъ первостатейной московской знати: князь Петръ Долгорукій, Алексѣй Салтыковъ, Иванъ Мусинъ, княгиня Настасья Троекурова, княгиня Настасья Голицына, ближайшая пріятельница царевны Маріи Алексѣевны. И всѣ были взволнованы, всѣ сообщали слухи, одинъ разнорѣчивѣе и преувеличеннѣе другаго, всѣ спорили, недоумѣвали и жаждали подтвержденія своихъ сомнѣній.

— Ну, да вотъ ты, Абрамъ Ѳедоровичъ! — приставали поочередно гости къ хозяину, — ну, ты, человекъ умный и ученый и бывалый, ну, что ты на это скажешь?

— Да что же тутъ сказать? — отвѣчалъ всѣмъ Абрамъ Ѳедоровичъ, стараясь отдѣлаться отъ всякаго рѣшительнаго приговора: — развѣ же не случается, что и простецовъ Богъ умудряетъ и черезъ нихъ посылаетъ знаменія?

— Ну, нѣтъ! Тутъ, братъ, не простецъ, а видимо избранникъ Божій! — горячо вступился князь Семенъ. — Вѣдь онъ какъ сказалъ свое слово, такъ что мечемъ отрубилъ, такъ и случилось!

— Да вотъ постоитъ, постоитъ! Не спорьте! — затараторила княгиня Настасья Голицына, стараясь всѣхъ перекричать. — Государыня царевна Марья Алексѣевна сама поѣхала сегодня поутру въ Преображенское слушать обѣдню въ дворцовой церкви, и благословеніе принять отъ этого подвижника, духовника-то царевичева... Она сюда хотѣла заѣхать, къ обѣду хотѣла быть у тебя, Ѳедосьюшка... Вотъ тогда ужъ все узнаемъ... все услышимъ!...

— Да не не она ли вотъ и во дворъ въѣзжаетъ? — крикнулъ кто-то изъ стоявшихъ у окна.

— Она! Она и есть! Хозяюшка! Ступай скорѣе встрѣчать гостыюшку дорогую! — крикнула Настасья Голицына и первая бросилась къ крыльцу на встрѣчу царевнѣ.

Хозяева и гости засуетились, высыпали въ переднюю и на крыльцо на встрѣчу именитой гостьѣ, которая притомъ несла съ собою свѣжій запасъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій о послѣднихъ событіяхъ въ Преображенскомъ.

Царевна Марья Алексѣевна, высаженная изъ колымаги самимъ Абрамомъ Ѳедоровичемъ и княгиней Настасьей Голицыной, подерживаемая ими подъ руки, тяжело поднялась по лѣстницѣ, сопровождаемая своимъ обычнымъ штатомъ: старой боярыней Нефедевой, старымъ стольникомъ Сутуловымъ и молодымъ пѣвчимъ Ѳедоромъ, который пользовался милостивымъ вниманіемъ пожилой царевны и исполнялъ при выѣздахъ ея обязанность стряпчаго: носилъ за нею ея платокъ, складной стулецъ, скамеечку, которую ставилъ подъ ноги своей госпожи.

Встрѣченная общими поклонами и привѣтствіями, царевна введена была въ угловую и усажена хозяевами въ особомъ креслѣ,

предназначенномъ только для самыхъ почетныхъ гостей. Когда царевна, тяжело дыша, опустилась въ кресло, а ея штатъ размѣстился за ея спиною, хозяева и всѣ гости, не смѣя сѣсть въ присутствіи царевны, окружили ее на почтительномъ разстояніи, готовясь слушать то, что царевнѣ угодно будетъ сообщить изъ впечатлѣній своей поѣздки въ Преображенское.

Но такъ какъ царевна, все еще не успѣвшая отдышаться, ограничивалась лишь короткими разспросами и привѣтствіями, обращенными къ хозяевамъ, то княгиня Настасья Голицына не вытерпѣла и сказала:

— А что же, матушка царевна, что же ты намъ главнаго не скажешь!... Вѣдь, вѣришь ли, душа вся изныла...

— Погоди, Настасья,... охъ, погоди! Дай мнѣ и самой-то съ мыслями собраться... охъ! Одно только знаю, — сказала съ глубокимъ убѣжденіемъ царевна:— что этотъ отецъ Іаковъ и праведникъ, и святъ человѣкъ!...

— А! вотъ!.. Вотъ видишь!.. Недаромъ говорятъ о немъ! — слышались кругомъ царевны возгласы.

— Что люди говорятъ, не знаю! — съ подобающей торжественностью произнесла царевна.— А вотъ что слышала я отъ самого царевича, племянника, и отъ его учителя, отъ Вяземскаго Никифора...

Всѣ такъ и замерли въ ожиданіи того, что имъ собиралась сообщить царевна Марья.

— Отецъ Іаковъ, какъ поступилъ въ духовники къ царевичу, — начала царевна, — такъ сейчасъ положилъ запретъ на хмельное питье по постнымъ днямъ... А тѣ, Нарышкины-то, и подняли противъ отца Іакова бунтъ за столомъ, и Андрей-то этотъ (не тѣмъ будь помянуть!) въ первую голову шель и праведника Божія и постника всякой лаею лаеялъ... А племянничекъ-то, чѣмъ бы остановить его да изъ-за стола выгнать, наперекоръ отцу Іакову дозволилъ подать за столъ хмельное. Вотъ отецъ-то Іаковъ и возмутился духомъ и говоритъ: отрясу прахъ отъ ногъ... А Андрей-то надъ нимъ глумиться сталъ. Тотъ и говоритъ: тебѣ-то, говоритъ, непристойно надо мною глумиться, смерть-то у тебя не за горами, а за плечами стоитъ!..

— Такъ и сказалъ?—воскликнула княгиня Настасья Голицына среди общихъ возгласовъ удивленія.

— Такъ и сказалъ, матушка моя! Да и точно прахъ отъ ногъ отрясу: ушелъ изъ дворца-то, да вотъ въ Сыромятнинъ къ знакому дьякону и ушелъ и тамъ у него три дня и три ночи и простоялъ на молитвѣ... Видно, все о спасеніи души царевича молился, и Богъ услышалъ его молитву: наказалъ нечестивца! У всѣхъ на глазахъ покаралъ...

— Ну, а царевичъ что же? — спросила царевну княгиня Настасья Троекурова, сильно потрясенная рассказомъ.

— Спокаялся, княгинюшка, послалъ за отцемъ духовнымъ, розыскалъ его въ Сыромятномъ, и все-то молится и плачетъ... и прощенья у него просить... А тотъ-то все бесѣдуетъ съ нимъ, и наставляетъ его, и наказуетъ... Ахъ, святой, истинно святой человекъ... Какъ благословить тебя, такую-то сладость на душѣ почувствуешь... А въ очи ему и взглянуть не смѣй: у него въ очахъ семь умовъ свѣтится...

Царевна еще долго рассказывала о своихъ впечатлѣнiяхъ, восторгаясь великими достоинствами отца Якова, и отвѣчала на вопросы почетнѣйшихъ изъ гостей. Абрамъ Θεодоровичъ, все время молча ее слушавшій и не увлекавшійся общими возгласами присутствующихъ, задумывался только надъ однимъ вопросомъ:

— Какую пользу принесетъ этотъ новый ставленникъ ихъ общему дѣлу? Поможетъ ли онъ царевичу воспрянуть духомъ и твердою стопою стать на новый путь?

Фигура Савелья, появившагося въ дверяхъ, отвлекла вниманiе Абрама. Старый слуга дѣлалъ ему глазами какiе-то знаки и, когда Абрамъ вышелъ къ нему въ смежную комнату, Савелiй подаль ему письмо, прибавивъ шепотомъ:

— Изъ Преображенскаго... И отвѣтъ ждуть.

Абрамъ быстро взялъ письмо и увидѣлъ, что оно написано цифирью Вяземскаго. Учитель царевича въ нѣсколькихъ строкахъ извѣщалъ Абрама о непремѣнномъ желанiи своего воспитанника надняхъ «тайно увидѣться съ Абрамомъ Θεодоровичемъ и тайно переговорить съ нимъ о ближнихъ и дальнихъ». Вяземскiй требовалъ немедленно увѣдомленiя о днѣ, часѣ и мѣстѣ свиданiя...

Абрамъ Θεодоровичъ, прочитавъ письмо, былъ до такой степени пораженъ тою неожиданною вѣстью, которую оно ему принесло, что невольно взялся за голову и провелъ рукою по волосамъ, стараясь совладать съ волновавшими его чувствами...

— Царевичъ, избѣгавшiй упоминанiя объ имени моемъ... остерегавшiй всѣхъ отъ меня... со мною хочетъ тайно видѣться? Со мною тайные вести переговоры? Да! Послѣ этого повѣришь тому, что отецъ Яковъ точно можетъ чудеса творить...

И онъ быстро направился къ себѣ въ комнату, чтобы набросать нѣсколько строкъ на условномъ языкѣ въ отвѣтъ Вяземскому.

ХII.

На другой день, спозаранокъ, къ крыльцу Преображенскаго дворца былъ поданъ возокъ, извнутри обитый пестрымъ ковромъ, а извнѣ разукрашенный цвѣтными узорами съ позолотою и большими гербовыми орлами на передней и задней части и на обѣихъ дверкахъ съ слюдными оконцами. Снѣгу выпало въ послѣднiе дни

на столько много, что можно было ужъ смѣло пускаться въ путь на полозьяхъ.

Возокъ былъ запряженъ не постаринному: вершники не сидѣли ужъ верхомъ на упряжныхъ лошадяхъ, а на козлахъ сидѣлъ кучеръ, и первою парюю коней управлялъ при помощи вожжей, и только на одной изъ двухъ выносныхъ, цугомъ припряженныхъ, сидѣлъ фюррейторъ. И кучеръ и фюррейторъ были одѣты въ нѣмецкое платье точно также, какъ и тѣ два запяточника, которые должны были помѣститься сзади на запяткахъ, и весь цугъ былъ принаряженъ въ нѣмецкія шоры и упряжь, недавно присланную изъ Питера царевичу въ подарокъ отъ князя Меншикова. Отстоявъ у себя въ дворцовой церкви раннюю обѣдню, царевичъ съ Никифоромъ Вяземскимъ, укутанные въ плащи на мѣху, вышли на крыльцо, въ сопровожденіи всего придворнаго штата съ отцомъ Яковомъ во главѣ.

Царевичъ прежде, чѣмъ сѣсть въ возокъ, подошелъ подѣ благословеніе своего духовника и почтительно поцѣловалъ его руку.

— Съ Богомъ, чадо мое милое,—сказалъ отецъ Яковъ, отпуская царевича,—грязи во славу Божию и ничего не позабудь и не опусти изъ бесѣдъ нашихъ. Кланяйся отъ меня владыкѣ Крутицкому и приснымъ его.

Затѣмъ подошелъ къ духовнику Никифоръ Вяземскій, и въ то время, когда онъ наклонился, чтобы поцѣловать руку отца Якова, тотъ успѣлъ шепнуть и ему:

— Не спѣши возвращеніемъ, дай имъ все и обо всемъ переговори.

Наконецъ, и царевичъ съ своимъ наставникомъ усѣлись въ возокъ, и запяточники стали на свои мѣста, а возка все еще не трогали съ мѣста...

— Съ Богомъ!—громко произнесъ отецъ Яковъ, поднимая руку для напутственнаго благословенія отъѣзжающихъ.

Возокъ тронулся съ мѣста, визжа полозьями по снѣгу, и поползъ отъ крыльца къ воротамъ, при общихъ почтительныхъ и молчаливыхъ поклонахъ всѣхъ придворныхъ, которые посматривали на отца Якова съ подобострастнымъ опасливымъ уваженіемъ...

— Куда же это мы снарядились?—спросилъ въ полголоса одинъ запяточникъ у другого, когда возокъ выѣхалъ изъ Преображенскаго и направился къ Москвѣ.

— Въ Крутицы приказано ѣхать,—отвѣчалъ тотъ.—Вотъ куда лыжи наострились...

— Въ Крутицы, что-жь? Аль, попрежнему, къ благопріятелю своему? На пьяную трапезу?..

— Ни-и-и! Что ты, братецъ? Не то ужъ время! А такъ приказано царевичу: тутъ у меня, молъ, ты раннюю обѣдню отстоялъ,

а туда изволь къ поздней поспѣть! Да къ обѣду чтобы домой быть...

— Ухъ, здѣрово новый-то этотъ всѣхъ ихъ въ руки забралъ! Такъ-то забралъ... Что и узнать нельзя!

— Ну, да ужъ что тутъ: показалъ вѣдь себя надъ Андреемъ-то Нарышкинымъ! на всѣхъ страху нагналъ! Чего ужъ? Ни Колычевъ, ни самъ Тугариновъ, вздумалъ было ему что-то перечить насчетъ хмельнаго, такъ онъ на него какъ стукнетъ посохомъ, какъ крикнетъ: «я, говорить, тебя, окаяннаго, на сажень подъ землю закопаю!». Такъ у того, братъ, мурашки по спинѣ забѣгали...

— Да и Нарышкины-то всѣ въ струнѣ у него ходять: не то, чтобы, какъ прежде, со смѣшкомъ да съ прибауткой, а все ничкомъ да къ ручкѣ...

— И давно пора! а то на нихъ и страху не было, кромѣ отцовской грозы... И царевичу отъ нихъ—одно попушенье...

Между тѣмъ возокъ вѣхалъ въ предмѣстье Москвы, проѣхалъ одну слободу, другую, потомъ сталъ загибать переулками и пустыми улицами, на которыхъ ничего не было, кромѣ плетней и огородовъ, и наконецъ подѣхалъ къ красивымъ и легкимъ воротамъ Крутицкой обители, блиставшимъ на солнцѣ украшавшими ихъ поливными кирпичами.

Ворота отворились настезь, и царевичевъ возокъ, вѣхавъ на обширный дворъ обители, прямо подѣхалъ къ главному храму, съ колокольни котораго уже раздавался благовѣсть къ обѣднѣ.

Духовенство въ облаченіи встрѣтило царевича на рундукѣ церковной паперти съ обычными поклонами и приличными случаю привѣтствіями, и настоятель прямо провелъ царевича въ алтарь.

— Мой келейникъ,—шепнулъ онъ Вяземскому съ многозначительнымъ взглядомъ,—проведетъ царевича и въ ризницу, буде онъ нашу ризницу видѣть пожелаетъ...

И онъ указалъ на стараго сѣдаго монаха, стоявшаго у дверей ризницы и отвѣсившаго глубокой поклонъ въ сторону царевича при указаніи настоятеля.

Когда часы окончились и началось служеніе, Вяземскій наклонился къ царевичу и шепнулъ ему:

— Пойдемъ. Пора ужъ!

Царевичъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ направился въ ризницу, вслѣдъ за монахомъ, который указалъ Вяземскому на мягкую лавку въ ризницѣ, между двумя шкапами, а царевича подвелъ къ большой темной иконѣ преподобнаго Θεодора, писанной на толстой доскѣ, осторожно отвернулъ икону на скрытыхъ позади ея петляхъ и отперъ ключемъ узенькую дверку, обнаруженную въ сторонѣ.

— Сюда пожалуй, государь, — сказалъ монахъ, распахивая дверь: — тутъ и есть.

Царевичъ не безъ страха вступилъ подъ темный и низкій сводъ узкаго прохода, который отъ дверки огибалъ въ полкруга основу одной изъ монастырскихъ башенъ и приводилъ къ круглому покойчику, служившему тайною кладовою для храненія монастырскихъ драгоценностей и нѣсколькихъ сундуковъ съ деньгами, отданными въ монастырь на храненіе. На одномъ изъ этихъ сундуковъ сидѣла какая-то высокая и стройная мужская фигура, слабо освѣщенная полусвѣтомъ тайника. При появленіи царевича фигура эта встала, и царевичъ узналъ Абрама подъ широкой монашеской рясой, накинутой поверхъ его мірскаго платья.

— Дядя! — проговорилъ царевичъ смущенно и тихо, протягивая къ Абраму обѣ руки.

— Государь-племянникъ, царевичъ благовѣрный! — ласково и вмѣстѣ почтительно обратился къ царевичу Лопухинъ, открывая ему свои объятія.

Дядя съ племянникомъ обнялись и расцѣловались очень тепло и родственно. Затѣмъ наступило небольшое молчаніе...

— Я очень передъ тобой виноватъ, — заговорилъ царевичъ, — и давно ужъ хотѣлъ съ тобою видѣться... Видитъ Богъ, не разъ даже и порывался... да страхъ такой меня обуялъ, такой страхъ, что я ужъ думалъ... начиналъ ужъ думать: не порченый ли я?

Царевичъ остановился, чтобы духъ перевести, — такъ трудно было ему говорить, а главное: высказываться передъ Абрамомъ, который глазъ не спускалъ съ его лица и, внимательно всматриваясь, какъ бы старался проникнуть въ самый тайникъ его души...

— Мнѣ всюду соглядатаи чудились, клеветы отцовскіе, — продолжалъ царевичъ, — мнѣ все такъ и сдавалось, что вотъ-вотъ онъ князя Меньшикова за мной пришлетъ приглядывать, либо — чего Боже сохрани! — самъ наѣдетъ...

Царевичъ даже вдрогнулъ при этихъ словахъ и боязливо оглянулся по темнымъ угламъ тайника.

— Ну, а теперь, царевичъ! Какъ рѣшился ты? Какъ я могъ дожить до счастья тебя увидѣть и обнять, — горячо сказалъ Абрамъ, хватая царевича за руку и крѣпко пожимая ее.

— О, теперь я осмѣлѣлъ... Теперь я окрылатѣлъ духомъ! — проговорилъ царевичъ, гордо выпрямляясь и съ самодовольной улыбкой поглядывая на дядю. — Ты, чай, слышалъ о новомъ духовникѣ моемъ, обѣ отцѣ Яковѣ?

— Да, слышалъ отъ рязанскаго, что мужъ святъ и добромысленъ, и жизнью искушенъ...

— Да, да! Святой, великій мужъ! — съ восторгомъ, почти съ благоговѣніемъ воскликнулъ царевичъ. — Онъ — моя опора и отрада!

Онъ поддержалъ меня и на путь направилъ... Онъ и душу мою отъ сна пробудилъ и очистилъ отъ всякой скверны!.. Вѣдь ты не знаешь, какую я жизнь провождалъ? Не лучше, чѣмъ и рождшій меня... И въ блудѣ, и въ пьянствѣ погрѣшалъ... и въ сквернословіи... И даже по два, по три дня не маливался... Ахъ, даже вспомнить страшно! Страшно!

Царевичъ зажмурилъ глаза и передернулъ плечами, какъ бы содрогаясь...

— И потомъ вдругъ это чудо совершилось, и этотъ ужасъ смерти и наказанія грѣшника — все это на моихъ глазахъ!.. И словно чешуя у меня спала съ глазъ... Я понялъ, къ кому прибѣгнуть долженъ, я за нимъ послалъ, я покаялся и получилъ отраду, и вотъ теперь съ великимъ наслажденіемъ исполняю всѣ его велѣнья и уповаю, что онъ сумѣетъ меня спасти отъ бѣды!

Царевичъ смолкъ и поникъ головою.

— Такъ ужъ не этотъ ли достойный пастырь церкви направилъ тебя и ко мнѣ, государь-царевичъ? — сказалъ Абрамъ, пристально вглядываясь въ очи племянника.

— Не хочу душой кривить, дядюшка родной! — скромно и пониженно проговорилъ царевичъ Алексѣй. — Онъ настоялъ на томъ, чтобы я никого другаго, кромѣ тебя, не избиралъ себѣ въ совѣтники... Сказалъ о тебѣ, что ты мужъ праведенъ и единый, необусурманенный... «Тому довѣрся во всемъ мірскомъ», — такъ онъ и сказалъ мнѣ... И вотъ, и вотъ я къ тебѣ съ просьбой...

— Съ просьбой? Приказывай своему вѣрному слугѣ, государь! Не забылъ я, что ты послѣ смерти отца царемъ надъ нами и самодержцемъ будешь...

— Ахъ, дядюшка, Абрамъ Феодоровичъ, не поминай ужъ ты мнѣ о смерти отца... И теперь еще страхъ меня беретъ, какъ вспомню, какъ я дрожалъ передъ духовникомъ своимъ, когда ему сознался на духу, что много... много разъ смерти желалъ государю родителю.

— Всѣ мы тѣмъ же грѣхомъ грѣшны! — мрачно насупившись, проговорилъ Абрамъ.

— Вотъ... вотъ онъ то же самое мнѣ сказалъ! И отлегло тогда у меня отъ сердца-то... А онъ мнѣ и говорить: «больше у тебя есть на душѣ грѣхъ»... Я такъ и обомлѣлъ, не знаю, что и думать...

— А я твой грѣхъ, не зная, угадать могу, царевичъ! — сказалъ Абрамъ. — Грѣхъ этотъ — забвеніе и отчужденіе отъ той, которой ты жизнью обязанъ, отъ безвинно страдающей, всѣми покинутой, всѣми забвенной матери твоей... — Она-то, горемычная страдальца, какъ рыба объ ледъ, бьется тамъ о стѣны обители своей! — продолжалъ Абрамъ, все болѣе одушевляясь, — нужду терпитъ въ пищѣ, въ одеждѣ, во всемъ потребномъ, и горе лютое переносить,

и слезы горькія глотаетъ, въ разлукѣ съ дѣтищемъ своимъ, съ ненагляднымъ Алешенькой, онъ со страхомъ ея сторонится, и даже имени ея при себѣ произносить не велить...

— Не говори, не говори, дядя дорогой, желанный! — воскликнулъ царевичъ. — Я готовъ загладить свою вину передъ матушкой родимой!.. Вѣрь мнѣ — не я въ этомъ виновенъ! Это онъ, родитель-то мой, такъ обошелъ меня, такъ напугалъ, такъ заморозилъ... Но нѣтъ, теперь отецъ Яковъ снялъ съ меня порчу... Внушилъ мнѣ мужество... Теперь я и хотѣлъ тебя просить, чтобы ты вотъ это покажешь матушкѣ моей съ поклономъ переслалъ.

Царевичъ вытащилъ изъ кармана туго-набитый кошелекъ и подалъ его Абраму.

— Но этого мнѣ мало! — проговорилъ онъ, одушевляясь, выпрямляя свой тонкій станъ. — Видѣть ее душа горить... Благословенъ отъ нея принять... Сказать ей, что не остыла во мнѣ любовь къ ней, и что, если Богу угодно, чтобы я былъ царемъ, то я кланусь...

— Не клянись, царевичъ, — перебилъ его Абрамъ. — А лучше докажи, что ты точно исправился и по другому пути идти собрался... Поѣзжай и самъ съ ней тайно повидайся! Все это мы тебѣ устроимъ...

— Да, дядя, я готовъ на это! Отецъ Яковъ и на это меня благословилъ... Сказалъ, что я могу во всемъ тебѣ довѣрять, положиться на тебя...

— Тогда только повѣрю, что ты избавился отъ порчи и колдовства бусурманскаго, — сказалъ рѣшительно Абрамъ, — когда ты дашь мнѣ слово, что не попятишься отъ тайной встрѣчи съ матерью... Дай слово, и не заботься объ остальномъ!

Царевичъ протянулъ руку дядѣ и, ударивъ по рукѣ его, крѣпко пожалъ своею худенькой рукою.

— Вотъ тебѣ мое царское слово! — прошепталъ онъ чуть слышно, наклоняясь къ Абраму.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ІЕРОНИМЪ ІЕРОНИМОВИЧЪ ЯСИНСКІЙ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 26 АПР. 1893 Г.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ.

(1857—1858 гг.).

ЗВѢСТНО, что въ 1850 году Тарасъ Григорьевичъ Шевченко сдѣлался невольнымъ защитникомъ отечества и въ качествѣ рядоваго 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона былъ отправленъ на далекую, непривѣтливую окраину Россіи — фортъ Александровскій, укрѣпленіе, основанное въ 1846 году на Мангышлакскомъ полуостровѣ (восточный берегъ Каспійскаго моря). Этотъ обездоленный край представляетъ песчано-каменистую, безводную пустыню. Не трудно себѣ представить, какъ жилось тутъ Шевченкѣ послѣ цвѣтущаго, роднаго края...

Въ фортѣ Александровскомъ и теперь еще есть «садъ Шевченки» — нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ руками поэта; въ этомъ садикѣ и до настоящаго времени сохранился «домикъ Шевченки» — крошечная землянка, въ которой покойный Тарасъ Григорьевичъ короталъ тяжелые годы своей ссылки; теперь этотъ «домикъ Шевченки» служитъ дамской уборной (!) въ лѣтнемъ зданіи мѣстнаго клуба...

Въ 1857 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ увольненіи Шевченки изъ военной службы. Но тутъ произошелъ эпизодъ, который не имѣлъ для несчастнаго поэта печальныхъ и роковыхъ послѣдствій, только благодаря нижегородскому губернатору Муравьеву. Дѣло въ томъ, что въ первоначальномъ сообщеніи объ увольненіи по высочайшему повелѣнію Шевченки, полученномъ въ фортѣ Александровскомъ, ничего не говорилось о томъ, гдѣ именно послѣдній имѣеть право жить, и въ какіе города воспрещенъ ему вѣздъ; точно также, въ силу какого-то роковаго недоразумѣнія, въ этомъ сообщеніи ничего не говорилось о томъ, что

Шевченко долженъ явиться прежде всего въ батальонный штабъ въ Уральскъ, чтобы исполнить кое-какія формальности. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, Шевченко заявилъ коменданту, что онъ, Шевченко, желаетъ отправиться въ Петербургъ; желаніе его было исполнено. Получивъ билетъ, Тарасъ Григорьевичъ направился Каспійскимъ моремъ въ Астрахань, откуда на пароходѣ «Пожарскій» продолжалъ свой путь до Нижняго Новгорода, куда прибылъ 20 сентября 1857 года. Между тѣмъ, по отъѣздѣ Шевченки изъ мѣста ссылки, тамъ получился слѣдующій приказъ:

«По высочайшему повелѣнію, сообщенному въ предписаніи его сіятельства господина генераль-адъютанта графа Перовскаго, отъ 28 мая сего года за № 543, господину начальнику 23 пѣхотной дивизіи, а мнѣ (маіору Ускову, какъ ближайшему начальнику Шевченки) объявленнаго 23 числа сего августа, рядовой, бывший художникъ Тарасъ Шевченко, уволенъ отъ службы, съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы и жительства въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ жительство впредь до окончательнаго увольненія его на родину въ г. Оренбургъ»...

Понявъ ошибку, власти разослали по всѣмъ направленіямъ экстренныя бумаги, а прежде всего по пути, по которому ѣхалъ Шевченко, — въ Астрахань, въ Нижній и т. д. Нижегородская администрація получила эту бумагу какъ разъ въ то время, какъ пріѣхалъ туда Шевченко. Вѣроятно, какъ мы увидимъ впоследствии, это случилось къ счастью послѣдняго; не случилось такъ, пришлось бы несчастному поэту совершить далекій обратный путь въ Уральскъ и Оренбургъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться неопредѣленное время.

На «экстренную бумагу» нижегородскій полицеймейстеръ Лаппо-Старженецкій отвѣчалъ слѣдующее:

«Вслѣдствіе отношенія вашего высокоблагородія отъ 29 августа сего года за № 1674, имѣю честь при семъ препроводить выданный вами (полицеймейстеръ обращался къ маіору Ускову) билетъ за № 1403, отобранный отъ служившаго въ укрѣпленіи рядоваго изъ бывшихъ художниковъ Тараса Шевченки, и увѣдомить, что онъ прибылъ въ Нижній Новгородъ 20 сентября въ разстроенномъ состояніи здоровья, который былъ освидѣтельствованъ вмѣстѣ съ городскимъ врачомъ, и по освидѣтельствованіи онъ оказался не могущимъ слѣдовать въ обратный путь, впредь до совершеннаго выздоровленія. Актъ медицинскаго свидѣтельствованія мною представленъ г. нижегородскому военному губернатору».

Подлинникъ этого документа хранится въ архивѣ штаба войскъ Закаспійской области и былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1891 г., въ майской книжкѣ, А. И. Родзевичемъ.

Въ 1857 году, какъ извѣстно, въ Нижнемъ Новгородѣ былъ военнымъ губернаторомъ Муравьевъ, давно уже сошедшій въ мо-

гилу. Мы не будемъ касаться его нравственныхъ качествъ, такъ какъ это не входитъ въ программу настоящаго очерка, а ограничимся указаніемъ на одну симпатичную черту его характера: это былъ въ высшей степени добрый человѣкъ; ко всѣмъ безразлично онъ относился гуманно и сердечно; съ особенной силой это чувство проявлялось тогда, когда вопросъ касался помощи въ горѣ или бѣдѣ, которыя посѣщаютъ человѣчество гораздо чаще, чѣмъ радости.

Въ концѣ сентября 1857 года Муравьевъ посылаетъ собственноручную записку къ К. А. Шр—су и проситъ его пріѣхать какъ можно скорѣе во дворецъ. К. А. Шр—съ, и доннынѣ здравствующій и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, какимъ онъ пользовался и въ 1857 году, въ то время состоялъ секретаремъ губернскаго комитета (благотворительнаго). Получивъ записку, онъ немедленно явился къ губернатору, принимавшему его всегда запросто. Переступивъ порогъ кабинета, К. А. былъ изумленъ, увидя, что въ креслѣ противъ Муравьева сидитъ сутуловатая фигура мужчины, одѣтаго въ какую-то рваную шубейку и длинные сапоги. Бросивъ пристальный взглядъ на незнакомца, К. А. замѣтилъ, что онъ былъ средняго роста, лѣтъ 40—42: на его лицѣ лежала печать глубокаго страданія, большіе сѣрые глаза свѣтились несбыкновенной добротой; темнорусые, жидкіе волосы были зачесаны на одну сторону; длинные, большіе усы своеобразно были опущены внизъ. Вообще, незнакомецъ олицетворялъ настоящій типъ хохла.

Послѣ обычнаго привѣтствія, Муравьевъ сказалъ, обращаясь къ Шр—су съ привѣтливой улыбкой:

— Вотъ, Константинъ Антоновичъ, — при этомъ онъ указалъ на сидѣвшаго мужчину, — рекомендую вамъ нашего знаменитаго поэта Тараса Григорьевича Шевченку...

Затѣмъ губернаторъ началъ рассказывать о томъ, что при увольненіи Шевченки изъ службы произошла ошибка, которую, вѣроятно, допустилъ «пьяный писарь»...

— Словомъ, — продолжалъ Муравьевъ, — въ билетѣ ему написали вмѣсто «въ Оренбургъ» «въ Петербургъ», и эта ошибка была открыта только теперь, когда Тарасъ Григорьевичъ пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ. Во всякомъ случаѣ, сдѣлаемъ въ пользу его все, что въ силахъ сдѣлать. Съ Божьей помощью я надѣюсь испросить милости у государя... А теперь Константинъ Антоновичъ, я убѣдительно прошу васъ пріютить у себя Тараса Григорьевича, которому я говорилъ такъ много о васъ хорошаго.

Нечего говорить о томъ, что К. А. съ радостью принялъ предложеніе губернатора, и съ этого дня Шевченко поселился въ радужной семьѣ К. А.—ча. Въ описываемое время послѣдній жилъ въ зданіи, гдѣ теперь помѣщается управленіе государственныхъ имуществъ; тогда это зданіе принадлежало министерству финансовъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что, послѣ одиннадцатилѣтняго невольнаго служенія рядовымъ въ далекой, непривѣтливой окраинѣ Россіи, въ Нижнемъ Новгородѣ, подъ гостепріимной кровлей, Шевченко отдыхалъ душою, хотя, правда, тоска по родинѣ и чувство томительнаго ожиданія, въ какомъ смыслѣ разрѣшится вопросъ, имѣвшій своимъ источникомъ описанную выше ошибку, не рѣдко посѣщали его и здѣсь.

Однако, этотъ роковой для Шевченки вопросъ затянулся надолго; онъ продолжалъ жить въ Нижнемъ, гдѣ имѣлъ возможность свободно переписываться съ друзьями и посвящать свои досуги служенію поэзіи и любимому искусству. Подъ стихотвореніемъ «Неофиты» значится слѣдующая надпись: «г. Нижній Новгородъ, 8-го декабря 1857 года» а не 1856 года, какъ говоритъ въ «Русской Старинѣ» г. Родзевичъ. Вообще, кромѣ уже замѣченныхъ выше неточностей въ его статьѣ, мы должны указать еще на одну весьма крупную неточность: г. Родзевичъ, напимѣрь, говоритъ, что Шевченко въ началѣ января 1858 года былъ уже въ Петербургѣ; лица, провожавшія поэта изъ Нижняго Новгорода, передавали пишущему эти строки, что онъ уѣхалъ около Пасхи; затѣмъ на портретѣ, нарисованномъ Тарасомъ Григорьевичемъ, совершенно ясно сохранилась слѣдующая надпись: «1858 года, Т. Шевченко»; этотъ портретъ, принадлежащій К. А—чу, я видѣлъ не дальше какъ на этихъ дняхъ; портретъ нарисованъ карандашемъ и исполненъ необыкновенно художественно. Послѣ уже отъѣзда Шевченки изъ Нижняго Новгорода, К. А—чъ, уступая усиленнымъ просьбамъ г. Лазаревскаго, о которомъ скажемъ ниже, прислалъ ему стихотворенія, написанныя поэтомъ въ Нижнемъ Новгородѣ; эти стихотворенія, если мы не ошибаемся, были изданы Гребенкой; между прочимъ, въ этихъ стихотвореніяхъ кое-гдѣ проскальзываетъ имя К. А—ча, который видимо оставался для Шевченки предметомъ дорогихъ воспоминаній. Одно изъ этихъ стихотвореній случайно сохранилось у К. А—ча и до настоящаго времени; послѣдній увѣренъ, что оно не появлялось въ печати.

Это стихотвореніе приводимъ цѣликомъ.

«На що минн чорны брови,
 «На що кары очи,
 «На що літа молодіи,
 «Веселіе дивочи?
     «Літа-жъ мої молодіи
     «Марно пропадають,
     «Очи вянуть, чорны брови
     «Отъ витри лиniająть.
 «Сірдце вяне, нудить світомъ
 «Мовъ пташка въ ныволи,—
 «На що-жъ минн краса моя,
 «Коли нима доли?»

- «Тяжко мині, сиротыни,
- «На симъ свиті жыты,
- «Свои люды, якъ чужіи,
- «Ни съ кимъ говориты...
- «Нима кому разпытати,
- «Чого плачуть очи;
- «Нима кому розказати,
- «Чого сїрдне хоче.
- «Плачь же, сїрдне, плачьте, очи,
- «Пока не заснулы,
- «Галостайте, жалобнійте,
- «Щобъ вітры подулы,
- «Щобъ понесли бундески
- «За синіе море
- «Черноглазу, вродливому
- «На лютое горе».

Слова, напечатанныя въ разрядку, написаны крайне неразборчиво.

Мы слагаемъ съ себя вину за ошибки, могущія встрѣтиться въ этомъ стихотвореніи; автографа не существуетъ; стихотвореніе было переписано съ оригинала лицомъ, совершенно незнакомымъ съ малороссійскимъ языкомъ.

Судя по отзывамъ людей, близко знавшихъ Шевченку въ Нижнемъ Новгородѣ, характеръ и вообще весь нравственный міръ поэта нисколько не противорѣчатъ тѣмъ описаніямъ, которыя мы не разъ встрѣчали въ разныхъ біографическихъ очеркахъ. Т. Г. Шевченко и въ этомъ краѣ оставилъ о себѣ память, какъ о человѣкѣ отзывчивомъ и сердечномъ, человѣкѣ, олицетворяющемъ доброту... Онъ живетъ въ воспоминаніяхъ идеаломъ кротости и правды; его доброта не знала границъ; объ этой добротѣ существуетъ не мало разказовъ, въ большинствѣ случаевъ аналогичныхъ.

Такъ, напримѣръ, однажды К. А. Шр—ъ неотступно просилъ Шевченку принять на память кошелекъ съ 25 рублями, при этомъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что онъ, Тарасъ Григорьевичъ, очень нуждаясь въ деньгахъ, рисовалъ портреты и раздавалъ ихъ на память, отказываясь отъ всякаго вознагражденія. Шевченко принялъ деньги и горячо благодарилъ, но на другой день изъ 25 рублей у него не осталось ни копейки... Оказалось, что онъ роздалъ деньги «тѣмъ, кто въ нихъ нуждался больше, чѣмъ онъ Шевченко»...

Въ Нижнемъ Новгородѣ Тарасъ Григорьевичъ часто болѣлъ, казался безпомощнымъ и разбитымъ... Нервность нерѣдко у него проявлялась въ болѣзненныхъ формахъ; иногда самый ничтожный случай заставлялъ его волноваться и плакать самыми неутѣшными слезами, какъ ребенка. Если случайно въ обществѣ, гдѣ былъ Шевченко, разговоръ касался отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, причемъ въ разговорѣ фигурировали и тяжелая крестьянская

доля, и неприглядныя картины, связанныя съ крѣпостной зависимостью, трудно было описать, что тогда происходило въ большой душѣ поэта, готоваго принести въ жертву всю свою жизнь за идею свободы, правды и любви къ человѣчеству.

Какъ-то разъ, нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и Шевченко, сидѣли за столомъ у К. А. Шпр—а; обѣдъ подходилъ къ концу. Вдругъ въ столовую неожиданно входитъ горбатовскій исправникъ N., къ слову сказать, рѣдкой доброты человѣкъ: хозяинъ представилъ его Шевченкѣ. Послѣдній почему-то сразу перемѣнился, нахмурился, опустилъ голову внизъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча.

— А позвольте васъ спросить,—вдругъ неожиданно обратился онъ къ исправнику:—чи ви и вправду исправникъ?

Тотъ растерянно посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Да, исправникъ...

— Эге-е-е... А що-жъ, господинъ исправникъ, ви часто имієте дило съ христьянами?..

— Да, случается, имѣю...

— Эге-е-е, случается... А що, господинъ исправникъ,—продолжалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,—случается, що... и въ пику, и въ потылицу (и въ глаза, и въ затылокъ) и порку задаіте?.. Хе-хе-хе... А що-жъ и не биты эту Божью скотыну, видь вона безсловесна и беспомощна... Бійте, бійте на здоровье...

И совершенно неожиданно Шевченко зарыдалъ... Въ страшномъ волненіи, отодвинувъ отъ себя приборъ, онъ быстро, съ судорожными рыданіями, поднялся со стула и также быстро направился въ свою комнату. На всѣхъ присутствующихъ описанная сцена произвела гнетущее впечатлѣніе; долго всѣ сидѣли молча, растерянные...

Немного погодя, К. А. вошелъ въ комнату, гдѣ жилъ Шевченко; тотъ сидѣлъ, опустивъ голову и закрывъ лицо руками; К. А. началъ успокаивать его и, немного погодя, успѣлъ убѣдить, что онъ напрасно обидѣлъ N., такъ какъ послѣдній добрый и честный человѣкъ, котораго крайняя нужда заставила надѣтъ полицейскій мундиръ.

— О, Боже-жъ мій, Боже! — воскликнулъ Шевченко съ глубокою скорбью въ голосъ, — за що-жъ я оскорбывъ іго, за що-жъ оскорбывъ?!..

Онъ долго ходилъ въ слезахъ, наконецъ, немного спустя, стремительно бросился изъ своей комнаты и, розыскавъ N., просилъ у него прощенія.

Исправникъ, прослезившись, молча горячо жалъ ему руки...

Въ послѣднее время Шевченко все чаще и чаще искалъ случая пропустить одну, другую «калишечку горилки», что очень дурно отражалось на его болѣзненной натурѣ; обыкновенно послѣ

третьей «калишечки» онъ совсѣмъ слабѣлъ, почему К. А. старался всѣми силами, чтобы дѣло не переходило за предѣлы третьей.

Въ зиму 1857 г., К. А. Ш—ръ ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ. Шевченко, между прочимъ, передавая ему свой собственный портретъ (рисовалъ самъ Шевченко карандашомъ), просилъ передать его своему другу Лазаревскому. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лазаревскій, не смотря на свои солидные годы и служебное положеніе, считался другомъ образованной молодежи, среди которой онъ постоянно вращался. Онъ очень любилъ Шевченку и всегда принималъ въ его судьбѣ горячее участіе. К. А.—ъ розыскалъ Лазаревскаго гдѣ-то въ 7-й линіи Васильевскаго острова, въ пятомъ этажѣ; квартира его была полна студентовъ, праздновавшихъ какое-то торжество. Когда присутствующіе узнали, что въ лицѣ К. А.—а явился чело­вѣкъ, пріютившій у себя въ Нижнемъ Новгородѣ Тараса Шевченку, то оваціямъ не было конца; молодежь носила К. А. на рукахъ... Передъ отъѣздомъ послѣдняго изъ Петербурга, онъ получилъ небольшую сумму денегъ и кое-что изъ платья для передачи Шевченкѣ. Вскорѣ послѣ этого портретъ послѣдняго, рисованный масляными красками, появился въ витринѣ извѣстнаго Даціаро.

Курьезно было знакомство Шевченки съ извѣстнымъ писателемъ-нижегородцемъ, Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ (Печерскимъ). Познакомились они у того же К. А.—а. Мельниковъ, какъ извѣстно, любилъ говорить; въ интимномъ кружкѣ, увлекаясь, онъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ красиво, что его съ удовольствіемъ слушали. При первой встрѣчѣ Шевченки съ Мельниковымъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и фразъ, рѣчь зашла объ исторіи мѣстнаго края. Вскорѣ Павелъ Ивановичъ по обыкновенію завладѣлъ разговоромъ, а такъ какъ исторія была его излюбленной темой, то разговоръ долго лился, какъ неудержимый потокъ, при чемъ ораторъ живо переходилъ съ предмета на предметъ, отъ одного событія къ другому, болѣе интересному. Наконецъ отъ исторіи Россіи онъ перешелъ къ исторіи Малороссіи. Не встрѣчая никакихъ возраженій, Мельниковъ продолжалъ говорить одинъ. Наконецъ, замѣтивъ пытливый взглядъ Шевченки, онъ вдругъ остановился, точно оборвалъ, и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Що-жъ ты, Павелъ Ивановичъ, дальше не брешешь?—спросилъ Шевченко Мельникова,—ты уже н.....тъ три короба, с.и и четвертый...

Затѣмъ поэтъ спокойно и методично объяснилъ оратору, что онъ молчалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не коснулся исторіи Малороссіи, которую онъ, Шевченко, знаетъ какъ свои пять пальцевъ.

Вообще Тарасъ Григорьевичъ, выражаясь иногда далеко не деликатно, употреблялъ очень мѣткіе, не лишеныя юмора, хотя и не цензурные, эпитеты. Замѣтивъ, на­примѣръ, въ числѣ гостей

юнаго чиновника особыхъ порученій, одѣтаго съ иголки и не снимавшаго перчатокъ даже въ обществѣ, причемъ все время онъ ломался,—Шевченко спросилъ хозяина, когда чиновникъ выйдетъ:

— А скажите, мій голубчику, що це таке за паньска дуля? Чій это «нидодиланный» чировичикъ?

При этомъ вмѣсто «нидодиланный» онъ сказалъ слово, не употребляемое ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Впрочемъ, соль сказаннаго частью заключается и въ томъ, что «дуля» извѣстный фруктъ, а помалороссійски, кромѣ того, характерная фигура, сложенная изъ трехъ пальцевъ.

Недавно въ какомъ-то историческомъ журналѣ появился рассказъ о томъ, какъ Шевченко, проѣздомъ черезъ Нижній Новгородъ, встрѣтился съ своимъ старымъ другомъ, знаменитымъ актеромъ Щепкинымъ. Содержаніе этого рассказа, перепечатаннаго едва ли не всѣми газетами, заключалось въ томъ, что Шевченко въ кабинетѣ нижегородскаго губернатора Муравьева совершенно неожиданно встрѣтилъ Щепкина, и что Муравьевъ видя, какъ друзья рыдаютъ въ объятіяхъ другъ друга, самъ прослезился. Въ этомъ рассказѣ невѣрно самое главное: первая встрѣча Шевченки съ Щепкинымъ, по пріѣздѣ послѣдняго въ Нижній Новгородъ, произошла въ квартирѣ К. А—ча. Щепкинъ, узнавъ, что Шевченко въ Нижнемъ, пріѣхалъ сюда съ единственной цѣлью, чтобы дать представленіе въ пользу своего друга. Въ этомъ рассказѣ правдоподобно только то, что когда Щепкинъ и Шевченко встрѣтились послѣ одиннадцатилѣтней разлуки, то бросились другъ другу въ объятія и долго не могли сказать ни одного слова; слышались только судорожныя рыданія...

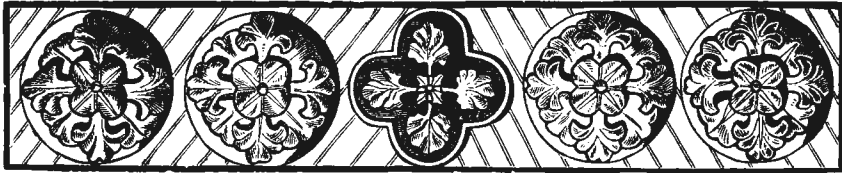
Наступилъ 1858 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ наступилъ и конецъ роковой ошибки. Благодаря усиленнымъ стараніямъ и хлопотамъ губернатора Муравьева, Шевченко былъ окончательно помилованъ и вскорѣ получилъ разрѣшеніе на право свободнаго вѣзда въ столицу.

Простившись съ своими друзьями, Шевченко выѣхалъ изъ Нижняго Новгорода въ Петербургъ около Пасхи 1858 г. Но и на этотъ разъ судьба посмѣялась надъ бѣднымъ поэтомъ: въ силу экономическихъ и финансовыхъ соображеній, онъ долженъ былъ ѣхать изъ Нижняго съ жандармомъ, хотя и «обратнымъ»...

Спустя три года «любого» поэта не стало; тяжелая болѣзнь свела его въ могилу. Страдая всю жизнь, ему не удалось отдохнуть и передъ смертью. Послѣдніе часы его жизни подробно описаны г. Лазаревскимъ, о которомъ мы сказали выше.

Георгій Демьяновъ.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

V.

К а н ю к ъ.

I.

ТО БЫЛЪ мужиченка небольшого роста, съ рыжими, взъерошенными волосами и клочковатой бородой почти огненного цвѣта, съ весноватымъ широкоскулымъ лицомъ и шурящимися глазами, слезливыми и плутоватыми. Говорилъ онъ тягучимъ, жалующимся голосомъ, почесывая то поясницу, то затылокъ, причемъ кожа на лбу собиралась въ обильныя морщины, а вѣки начинали усиленно моргать.

Я встрѣтился съ нимъ въ первый разъ на пароходѣ, когда ѣхалъ по дѣламъ въ Новгородъ. Подойдя къ кассѣ, чтобы взять билетъ, я замѣтилъ вблизи какого-то мужиченка, въ веряшливомъ и полурваномъ зипунишкѣ, накинутомъ на одно плечо. Сдвинувъ на затылокъ войлочную шляпченку, онъ что-то говорилъ, казалось, хныкалъ по какому-то поводу, что называется «жалился», хотя около него никого не было. Я взялъ билетъ и, вѣроятно, прошелъ бы мимо, но до меня долетѣла фраза:

— А-ахъ, Господи, Твоя воля! Гдѣ-жъ это видано, чтобы такъ-то...

Я остановился и взглянулъ на него.

¹⁾ Первые четыре очерка были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года.

«Можетъ быть, обидѣли», подумалъ я и ужъ хотѣлъ обратиться къ нему съ вопросомъ, какъ вдругъ онъ самъ замѣтилъ меня и воскликнулъ, подойдя ко мнѣ:

— Вотъ, господинъ, какъ хрещеные-то люди поступаютъ!

— Что такое?—спросилъ я.

— А вотъ такъ... Дерутъ, словно на большой дорогѣ. И съ кого? Добро бы съ купца, али съ барина, а-то съ нашего брата тянутъ, а ужъ чего и тянуть-то, все снято... еле перемогаетшься.

— Да въ чемъ же дѣло?—перебилъ я, не имѣя желанія и времени слушать его «философію».

— До Званки, стало, взяли за билетъ ровно столько же, какъ бы и до штабовъ.

— Развѣ это незаконно?

— Гдѣ-жъ это видано? Ёду до Чудова, такъ и плачу до Чудова, а не до Волхова.

— Да ты сказалъ, что тебѣ только до Званки?

— А то нѣшто не сказалъ!

— Ну?

— Все одно положенье, говорить.

— Кассиръ?

— Онъ самый. Не приставай, говорить, недосугъ съ вами... стало, плати и отваливай!

Я тогда не зналъ еще тарифа, подошелъ къ кассѣ и попросилъ объясненія.

— Званка—не станція,—отвѣтилъ мнѣ кассиръ,—и до Званки билетовъ мы не выдаемъ. Надо брать билетъ до первой станціи, а тамъ выходи, гдѣ хочешь.

Званка—такой пунктъ, куда часто ѣздятъ богомольцы, и, конечно, не мѣшало бы до Званки назначить особый тарифъ, выдавая билеты до этого мѣста. Но если такихъ билетовъ не существовало, кассиръ, разумѣется, былъ правъ.

Я сказалъ это мужику.

— Эхъ-ма!—махнулъ онъ рукою:—они завсегда правы. Ну, гдѣ наше не пропадало! Пусть толстѣютъ на слезливый грошъ мужицкій.

И онъ поплелся на пароходъ, который въ эту минуту далъ свистокъ.

Я также поспѣшилъ на «Красотку», какъ назывался пароходъ.

II.

Положивъ свой чемоданчикъ въ каюту, я вышелъ на палубу.

Брезжилъ сѣренькій разсвѣтъ. На берегу, противоположномъ тому, у котораго стоялъ пароходъ, не было ни души. Еще пристанскіе обыватели спали. Только какой-то сѣдой старикъ, кото-

рому, должно быть, не спалось, вышелъ за ворота въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и, помолясь на виднѣвшійся крестъ кладбищенской церкви, устремилъ свои подслѣповатые глаза на пароходъ.

— Ахти... грѣхи, грѣхи!—вдругъ раздалось позади меня восклицаніе, сопровождаемое оханьемъ.

Я оглянулся.

На лавочкѣ, облокотясь на перила, безъ картуза, сидѣлъ мужиченка, съ которымъ я только что разговаривалъ.

Я посмотрѣлъ на него, и мнѣ захотѣлось поближе узнать его, поговорить съ нимъ.

— Что ты это опять вздыхаешь?—обратился я къ нему, садясь съ нимъ рядомъ.

Онъ только посмотрѣлъ на меня и ничего не отвѣтилъ.

— Горе что ли какое?

— Извѣстно, не радость,—промолвилъ онъ:—отъ радости нѣшто значнешь охать? Съ радости пѣсни поются.

— Пѣсня и съ горя поется,—замѣтилъ я.

— Ну, это что за пѣсня... Это только одно слово, что пѣсня, а какая же это пѣсня!.. Вона и баба на погостѣ причитаетъ по упокойномъ,—скажешь, тоже пѣсня?

— А что у тебя-то?—спросилъ я:—ужели все по билету?

— Чаво по билету! И безъ билета—навадыхаешься... что ничто... а кручины не оберешься: не зерно... не ходи за нимъ, ни сѣй, а его и дѣть некуда... жизнь ужъ такова наша сладкая.

Онъ еще долго говорилъ въ этомъ родѣ, кого-то и что-то обвиняя, и, наконецъ, промолвилъ:

— Думаешь мнѣ сладко ѣхать-то теперь, а вотъ ѣдешь!

— Куда же ты ѣдешь?—спросилъ я.

— До Званки!

— Въ монастырь? Богу молиться?

— Въ монастырь-то, это вѣрно, да только по дѣламъ, а не молиться... Ужъ гдѣ тутъ по святымъ мѣстамъ молиться, когда нечѣмъ кормиться... И дома-то у своей церкви—некогда...

— Такъ зачѣмъ же ѣдешь?

— А до матушки игуменьи! Заступленія просить хочу... въ мое несчастіе войти! Можетъ, она и учуетъ мою печаль, сжалится надъ слезами... На то она и обвѣтъ дала... спасенная душа... должнѣ...

— О чемъ же просить ее хочешь?

— О способеньѣ, извѣстно... Нужда меня совсѣмъ слопала... передыху нѣтъ... не въ петлю же лѣзть! Хопа и не барская душа, а все же... хрестіанинъ, не басурманъ... тоже крещены были.

— Да почему же ты именно къ игуменьѣ? Знаешь ее, что ли?

— Немножко знакомѣ... Работали когда-то... можетъ, памятенъ ей Канюкъ.

— Кто?

— Канюкъ! Хвამилія моя такая... Поць-то при крещеньѣ Ми-
тріемъ назвалъ, ну, а хвамилія, прозвище, значить, Канюкъ.

— Игуменя помогаетъ?

— Кто же знаетъ! Не слышать, чтобы такъ-то, а, може, и не от-
кажетъ. Кому-жъ и помогать, какъ не ей. На то пошла, побо-
жески живеть, ну, и знакомъ. И опять же нужда. Какъ не помочь
хрестыанской душѣ. Къ ножкамъ паду, слезно буду умолять. Сжа-
литса, можетъ, а то хошь въ петлю полъзай, живой въ гробъ ло-
жись. Гдѣ же мнѣ: я ужъ и не молодъ, а семья шесть ртовъ. На
всѣхъ я одинъ... помѡги ни откуда; всякъ норовить сорвать, а
чтобъ помочь—гдѣ! Хрестіане хуже жиды.

Раздался третій звонокъ. Стали отвязывать канаты, снимать
трапъ. Спустя нѣсколько минутъ, пароходъ вышелъ изъ бухты и
медленно поплылъ вверхъ по Волхову.

Канюкъ надѣлъ шапку, взялъ кошель, въ которомъ лежала,
вѣроятно, дорожная провизія, и пошелъ на корму. Тамъ онъ легъ
на полъ, положивъ кошель подъ голову.

Черезъ полчаса показалась Званка.

III.

Прошло около года.

Мнѣ пришлось жить лѣто въ усадьбѣ у пріятели художника.
Петръ Ивановичъ Окуньковъ, такъ звали его, не принадлежалъ къ
выдающимся дѣятелямъ на поприщѣ искусства, но нѣкоторыя его
картины заслужили одобреніе критики и покупались охотно. Глав-
ный недостатокъ моего пріятели—русская лѣнь. Получивъ по на-
слѣдству имѣніе, онъ покинулъ столицу и, переѣхавъ въ деревню,
совсѣмъ бросилъ писать. Прошло три года, а онъ все еще обду-
мывалъ сюжетъ какой-то огромной удивительной картины. Между
тѣмъ онъ облѣнился и забросилъ кисть. Онъ вообразилъ себя вдругъ
опытнымъ агрономомъ и продѣлывалъ рядъ опытовъ, приносив-
шихъ ему одни убытки. Онъ, какъ и я, страстно любилъ рыбную
ловлю, и мы часто съ нимъ ѣздили на озерко, верстахъ въ двѣ-
надцати отъ усадьбы.

Какъ-то разъ я поѣхалъ одинъ. Съ утра стояла чудная погода,
но къ полдню она стала портиться, и вдругъ все небо обложило
тучами. Опасаясь быть смоченнымъ дождемъ, я зашелъ въ бли-
жайшую деревеньку и отправился отдохнуть на сѣновалѣ къ зна-
комому крестьянину. Хорошо спится на мягкомъ душистомъ сѣнѣ,
и я почти моментально заснулъ. Не знаю ужъ, долго ли я спалъ,
но меня разбудилъ какой-то ноющій тягучій голосъ, сразу пока-
завшійся мнѣ знакомымъ. Разговаривали въ сараѣ подъ сѣнова-
ломъ. Я сквозь сонъ еще различалъ отдѣльныя слова, на которыя
другой голосъ, грубый и рѣзкій, дѣлалъ краткія замѣчанія, но мнѣ

не хотѣлось вставать, да и мало интересовалъ разговоръ. Я продолжалъ лежать, не открывая глазъ. Вдругъ грубый голосъ ясно и отчетливо произнесъ:

— Эхъ, ты, Канюкъ, Канюкъ! Словно самая это птица, все жалишься.

— Ахъ, братецъ, да нѣшто я понапрасно,—возразилъ обидчиво ноющій голосъ:—вѣдь ты посуди: семья, сколько ртовъ, надо накормить, а я одинъ за всѣхъ... тутъ хоть какая спина хряснетъ!

И онъ глубоко вздохнулъ.

Мнѣ ясно припомнилась прошлогодняя встрѣча съ мужикомъ на пароходѣ. «Это, несомнѣнно, онъ,—рѣшилъ я,—его голосъ и его слова». Такъ вотъ гдѣ онъ живетъ, или только пришелъ сюда по дѣламъ? Но отчего же я не встрѣчалъ его раньше? Я приподнялся съ своего мѣста и началъ внимательно прислушиваться къ голосу, который опять заговорилъ:

— Всѣ, братъ, такъ судятъ... что-жъ, говорить легко, а потерпѣли бы съ мое, не такъ бы заканючили.

— Полно Бога гнѣвить, — произнесъ грубый голосъ: — не ты одинъ терпишь, и всѣмъ не сладко, а такъ-то не жалобятся. Вонъ Степанъ куды хуже твоего живетъ: животинка вся пала, изба что рѣшето. Чѣмъ и сыты, Богъ его знаетъ, а такъ не плачется. А ты что: изба у тебя славная, не чета Степановой.

— Ну, тоже,—вставилъ Канюкъ.

— Тебѣ что же, не палаты ли княжескія! Изба у тебя теплая, ну, и лошадь добрая... а что семья-то, такъ не дармоѣды, тоже робятъ: жена баба домовитая, не гулена, баба на всѣ руки, а дочь, что-жъ: не похаешь дѣвку! Ну, и Васька твой парень хорошій. Вотъ Михѣйка немного дуритъ; а все-жъ дѣло свое справляетъ. А ужъ ты какъ почнешь жалиться, такъ инда сердце заноеетъ. Кто не знаетъ тебя, такъ подумаетъ, что ты самый несчастный изъ всѣхъ. Вонъ барина-то Петра Ивановича разжалобилъ.

— Чего-жъ я его?

— Чего? Небось, корову далъ даромъ.

— Какое даромъ: чай, отработаю или деньги опосля отдамъ.

— Знаемъ мы, какъ ты отдаешь: придетъ время платить, опять затынешь свою пѣсню и разжалобишь. Тебѣ это на руку.

— А-ахъ, Алексѣй, и какъ же ты такъ меня, — совсѣмъ уже, видимо, обидѣлся Канюкъ:—Богъ съ тобой!

Я слышала, какъ онъ всталъ, и подъ ногами его зашуршала солома.

— Вѣрно, братъ, вѣрно, — произнесъ тотъ, кого онъ назвалъ Алексѣемъ:—не зря говорю, не облыжно.

— Обижаетъ, Алексѣй, вотъ тебѣ Богъ, обижаетъ, — еще жалобнѣе произнесъ Канюкъ, удаляясь.

Я всталъ и поспѣшно спустился съ сѣновала.

Алексѣемъ оказался рабочій того хозяина, на сѣновалѣ котораго я отдыхалъ.

— Это ты съ Канюкомъ разговаривалъ?—спросилъ я Алексѣя.

— Да. А вы нѣшто его знаете?

— Какъ же.

Я рассказалъ ему про мою прошлогоднюю встрѣчу на пароходѣ.

— Такъ, такъ,—прибавилъ Алексѣй:—это онъ, Канюкъ и есть.

— Развѣ онъ здѣшній?

— Нѣту, въ десяти верстахъ отсюда, въ Абрамовкѣ живетъ.

— Ну, и какъ же: хорошо или худо?

— Извѣстно, какъ всѣ, времена тяжелыя, не то, что прежде.

А живетъ ничего, не хуже другихъ.

— Пожалуй, и лучше?

— Да что же, вѣстимо, есть и хуже. Ужъ такая у него привычка—все жалится. Когда съ нимъ ни встрѣнся, все скулить. О чемъ ни спроси, все худо, да мало. Какъ-то я съ нимъ встрѣлся о ту пору, какъ только сѣна убрали. И сѣна были хорошія, что Бога гнѣвить. Спрашиваю: какъ, говорю, Митрій, дѣла? — «Охъ, отвѣчаетъ, плохо, Алексѣюшка». Какъ, говорю, плохо? А сѣна-то? — «Да что, говоритъ, сѣна-то—не важныя». Ну-жъ, это я ему говорю, ты врешь, напрасно на Бога ропщешь: сѣна нынче на рѣдкость. — «Оно, конечно, ничего, слава Богу, говоритъ, ну, а все не то, что въ прежнія времена. Помнишь, при батюшкѣ-то». Я и слушать его не сталъ. Какъ есть настоящій Канюкъ, Канюкомъ и умреть!

Онъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— А вѣдь вотъ,—прибавилъ онъ черезъ минуту: — черезъ это самое, онъ и счастья добываетъ. Другой не допросится, а ужъ онъ разжалобитъ и выпроситъ. Теперича хотя вапъ пріятель, Петръ Ивановичъ: кому другому откажетъ, а ужъ ему дастъ, потому выканючить. Степанъ куда хуже его живетъ, да молчаливъ, словно воды въ ротъ набралъ, ходитъ сумрачный, будто крюка ищетъ, гдѣ бы повѣситься, а все молчитъ. Кто-жъ ему подсобитъ? Кому надо въ его нужду входить? Али вотъ Илья, что рыбачить съ вами,—такъ тотъ даже нарочно бахвалится: живемъ, молъ, ничего, дай Богъ купцамъ жить такъ, какъ мы-то. Ну, и думаешь себѣ, что счастливъ человѣкъ. А какое счастье: въ избѣ хлѣба нѣтъ, да и у животинки-то брюхо подвело. Ну, а Канюкъ не такъ: у него и хорошо — такъ худо. Ему и соболѣзнуютъ, жалѣютъ его. Вонъ хотъ сейчасъ: вы какъ полагаете, что онъ удумалъ?

— Что?

— Къ барину нашему идтить хочеть, просить на подати.

— И дастъ?

— Гляди, чего добраго, дастъ. Одно слово—Канюкъ. Вонъ мировой разъ говорить, пришелъ онъ къ нему на счетъ хлѣба: уйди ты, говоритъ, надоѣлъ. А онъ все свое. Тотъ махнулъ рукой, а,

всетаки, даль, чтобъ отвязаться. Душу, говорилъ онъ потомъ, всю изъ меня вытянулъ.

— Алексѣй!—вдругъ раздался голосъ со двора.

— Я,—отозвался работникъ.

— А гдѣ же хомутъ-то новый, а?

— А подь навѣсомъ, за санями, дѣдушка. Погоди, я сейчасъ. Алексѣй пошелъ во дворъ, а я направился домой. Тучи пронесло, погода совсѣмъ разгулялась.

IV.

— Петръ Ивановичъ, Канюкъ пришелъ, васъ видѣть хочетъ,— доложилъ Акимъ, жившій у пріятеля за ключника.

— Это зачѣмъ опять?

— Не могу знать. Очень, говорить, надо.

Мы сидѣли въ садовой бесѣдкѣ и пили чай.

— Позови его сюда,—промолвилъ пріятель:— что тамъ такое? Вѣроятно, просить о чемъ нибудь, не иначе,—отнесся онъ ко мнѣ.

Вошелъ Канюкъ. Онъ низко поклонился и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Не узнаешь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, кажись, призналъ. Это вы тогда... на пароходѣ.

— Я.

Онъ вторично поклонился мнѣ.

— Ну, что скажешь?—произнесъ пріятель.—Деньги, что ли, принесъ за корову?

Лицо Канюка приняло совсѣмъ плаксивое выраженіе. Вѣки заморгали.

— Ахъ, батюшка Петръ Ивановичъ,—жалобно затынулъ онъ:— какія деньги! передохнуть не можешь, живому въ гробъ ложиться, такъ въ пору, а ты деньги! Не знаю, что дѣлать, какъ изъ бѣды выкрутиться... Бабы ревя ревутъ, и у меня сердце все изболѣло, какъ бы не стыдъ, такъ тоже-бъ заплакалъ.

— Да что такое? Говори!

— Ѳомичъ, Петръ Ивановичъ, Ѳомичъ!

— Что же такое Ѳомичъ?

— Петлю мертвую затынулъ, какъ есть душить. Все, говорить, продамъ, коли не отдашь. Грабитель! Креста на шеѣ нѣтъ, хуже жиды всякаго!

— Ты развѣ ему долженъ?

— А то какъ же, еще о прошлый годъ бралъ.

— Вѣдь ты же у меня взялъ двадцать рублей, да у Макара пятнадцать. Бралъ вѣдь?

— Это такъ, было взято.

— Ну?

— Да гдѣ же они, батюшка Петръ Ивановичъ?
 — Но вѣдь ты на уплату и бралъ тогда?
 — Такъ думалось, такъ... а вотъ...
 — Куда же ты ихъ посѣялъ?
 — Ахъ, благодѣтель, да развѣ мало дыръ! Куда ни глянь—все недохватка. Въ одно мѣсто ткнулъ, въ другое, глядишь, и нѣтъ ничего. Ахъ, грѣхи, грѣхи!

— Да ты оставь грѣхи-то,—перебилъ пріятель:—ты вотъ толкомъ скажи, куда тридцать пять рублей дѣль, если Ѳомичу ничего не уплачено. Корову вѣдь я же тебѣ далъ даромъ.

— Спасибо, батюшка, спасибо, родной, истинно спасъ. Пошли тебѣ Господь здоровья.

— Ну, ладно, это ты оставь, будутъ деньги—отдашь.

— А то нѣшто нѣтъ? Извѣстно, отдамъ. Какъ только маленько управлюсь, да разживусь деньгой—тебѣ первому.

— Хорошо, будемъ ждать. А ты, всетаки, скажи, куда дѣль тридцать пять рублей.

— Эхъ, мало ли куда! Телѣгу новую справилъ, ну, одежонки Настасьѣ купилъ.

— А Ѳомича и забылъ?

— Да что же, благодѣтель, подѣлаешь! Нельзя же дѣвкѣ безъ скруты.

— У нея же есть одежда, не безъ платья ходить. Нечего наряжаться, если долги. Ну, а телѣга? Зачѣмъ тебѣ понадобилась новая, когда старая служила?

— Ужъ какая же телѣга? Одно только слово, что телѣга!

— И врешь все, я вѣдь ее видѣлъ. У другого куда хуже, да ѣздить, а ты новую. Попусту тратишь деньги, вотъ и канючишь. Зачѣмъ пришелъ? Неужели думаешь, что я тебѣ еще дамъ?

— Не откажи, родной. Вѣчно буду Бога молить, въ ножки поклонюсь.

— Ни за что.

— Петръ Ивановичъ, золотой, надежда наша, не я прошу, нужда моя просить. Вѣдь разорить разбойникъ, какъ есть разорить.

— И пускай! Возьметъ твою новую телѣгу, и прекрасно.

— А я-то какъ же?

— Ничего, и на старой ѣздишь.

— Да гдѣ она: я-жъ ее продалъ, о ту-жъ пору Максимкѣ Ломову и продалъ ее.

— А деньги тоже на глупости потратилъ?

— И, родимый, намъ ли до глупостей. Какъ есть на нужду что ни на есть нужную.

Пріятель ничего не отвѣтилъ. Умолкъ и Канюкъ, продолжая глядѣть на Окунькова слезливыми щурящимися глазами.

— Петръ Ивановичъ, такъ какъ же? — снова робко заговорилъ онъ.

— Что какъ же?

— Ужли не дашь?

— Не дамъ.

— Разорить, по міру пустить, и твою корову сведеть. Бѣда! Не губи ты насъ, дай въ послѣдній разъ. Вотъ тебѣ Христось, все отработаю, все выплачу. Кабы ты видѣлъ все, что у меня теперь дѣется въ избѣ, такъ вчужѣ сердце бы твое изныло. Бабы, что дѣти, въ голосъ ревуть.

— Ты же виновать,—сказаль Петръ Ивановичъ:—сколько тебѣ ни помогай, ты все будешь канючить. Другой дѣйствительно на кусокъ хлѣба просить, а ты заправишься лучше другихъ, позаведешь, чего не надо, а на необходимое и не хватаетъ. Чего выдумалъ вырывать свою Настасью?

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, дѣвка въ невѣстахъ. А самъ знаешь, безъ одежды какая же невѣста, кто возьметъ!

Петръ Ивановичъ долгое время не соглашался, но Канюкъ не отставалъ и продолжалъ упрашивать. Дѣло кончилось, всетаки, тѣмъ, что Окуньковъ согласился дать Канюку двадцать рублей.

— Только я тебѣ ни гроша не дамъ въ руки,—сказаль онъ.— Пусть Ѳомичъ придетъ ко мнѣ и росписку принесетъ, а ужъ ты мнѣ будешь долженъ. Иначе не дамъ.

Канюку, видимо, такой оборотъ дѣла не понравился, но онъ, всетаки, долженъ былъ согласиться.

— А ты хоша бы такъ сдѣлалъ, Петръ Ивановичъ,—попытался онъ уговорить Окунькова.

— Какъ?

— Ѳомичу полторы красненькихъ и мнѣ пятишницу.

— Ты ему сколько долженъ?

— Двадцать.

— Ну, такъ чего же?

— А пятишницу-то онъ и обождетъ. Дашь ему полторы красненькихъ, пока и довольно.

— Ладно, я ему дамъ пятнадцать.

— Ну, а мнѣ?

— А тебѣ—ничего. Зачѣмъ тебѣ?

— Нѣтъ, ужъ тогда лучше плати всѣ двадцать Ѳомичу. Я думалъ, если бы ты мнѣ далъ пятерочку, я бы тутъ одно дѣло и оборудовалъ.

— Ничего я тебѣ не дамъ, не разводи бобовъ. Ахъ, Канюкъ, Канюкъ, разсердишь ты меня, плохо будетъ.

— Твоя воля, родной, обидѣть бѣднаго человѣка не долго. Только что и обижать его, коли и такъ жизнь обидѣла. Ты думаешь что: право, ину пору смерти радъ-радешенекъ. А не то что...

Онъ махнулъ рукою, вздохнулъ и неожиданно закончилъ:

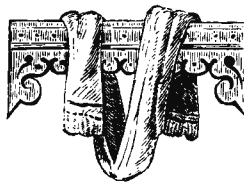
— Прощенья просимъ. Дай тебѣ Богъ здоровья. Прощай, баринъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Спасибо на добромъ словѣ, что заступиться хотѣлъ о ту пору, а только гдѣ-жъ у нихъ, у иродовъ, правды искать.

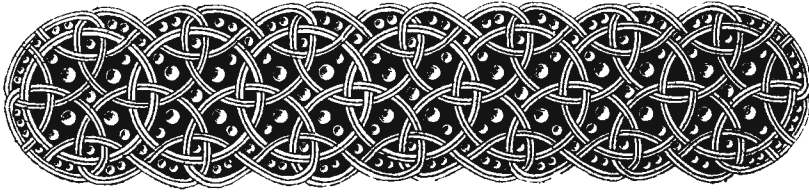
Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ и вышелъ изъ бесѣдки.

— Экземпляръ!—произнесъ пріятель.—Надо быть Колупаевымъ, чтобы устоять противъ такого Канюка. Тутъ ни нервы, ни сердце наши не годятся: и знаешь все, а отказать не можешь. Вотъ отецъ Петръ такъ тотъ умѣетъ. Канюкъ передъ нимъ жалится, расписываетъ, а онъ руки на животъ сложить, молчить и только изрѣдка произносить спокойно: «отыди отъ меня, лукавый, не ищущай. Не вѣрю».

Вскорѣ я уѣхалъ изъ усадьбы пріятеля и ничего не слыхалъ съ тѣхъ поръ о Канюкѣ. Знаю только, что онъ все еще не заплатилъ за корову и не отдалъ двадцати рублей.

Алекс. Кругловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

ХІІІ.

Встрѣча Нового года у Воронцовыхъ.—Воспоминаніе о Сергѣѣ Трубецкомъ.—Сборъ отряда; предсказаніе; смерть генерала Крюковскаго.—Дѣло курицевъ съ Шамилемъ; пожалованіе Георіевскаго креста князю Воронцову.—Отъѣздъ его.—Жизнь въ Воздвиженскомъ; новые знакомые: Тумановъ, Орбеліани и др.—Движеніе съ княземъ Барятинскимъ по Большой Чечнѣ.—Производство князя С. М. Воронцова въ генераль-маіору и сдача имъ полка Ляшенку.—Хельмицкій.—Розень и Бартепевъ.—Исторія Ясинскаго.—Кутлеръ, Гербель и Поливановъ.—Случай съ Бреверномъ.

НОВЫЙ 1852 годъ встрѣченъ былъ нами у Воронцовыхъ не шумно, безъ музыки и толпы гостей, посемейному.

Когда за нѣсколько минутъ до полуночи поданы были бокалы шампанскаго, и всѣ ожидали боя часовъ, мысленно перенесся я въ Петербургъ, къ своимъ, а оттуда къ нѣкоторымъ обездоленнымъ, лишеннымъ семейной радости, каковъ былъ, напримѣръ, братъ княгини Воронцовой, Сергѣй Трубецкой, томившійся въ Оренбургѣ, въ сѣрой шинели солдата.

Разъ, два, три,—раздались боевые удары Булевскихъ часовъ на каминѣ, и всѣ бросились къ хозяйкѣ. Я тоже подошелъ къ ней и подъ впечатлѣніемъ только что промелькнувшихъ воспоминаній чокнулся къ княгиней за здоровье опальнаго Сергѣя. През-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 72.

вычайно сердечно приняла она предложенный тостъ и, крѣпко отъ души пожимая мнѣ руку, замѣтила:

— Вы одни, мой дорогой другъ, въ такую минуту могли вспомнить о несчастномъ Сережѣ.

Въ сущности, я лично мало зналъ этого Серезу, но по наслышкѣ о его душевныхъ качествахъ дѣйствительно принималъ близко къ сердцу всѣ гоненія, его преслѣдующія. На Кавказѣ, куда онъ былъ сосланъ прежде изъ гвардіи, Сергѣй Трубецкой оставилъ самую лучшую о себѣ память, какъ о теплой души чевѣкѣ и отлично боевомъ офицерѣ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ еще не успѣлъ забыть о миновавшихъ невыгодахъ ссыльнаго, какъ опять новая бѣда стрясалась надъ его головой, вслѣдствіе которой, лишенный княжескаго титула, дворянскаго достоинства и офицерскихъ чиновъ, присужденъ былъ тянуть ляжку рядовымъ въ оренбургскихъ линейныхъ батальонахъ. Наказаніе это особенно жестоко тѣмъ, что разжалованный присланъ не на Кавказъ, гдѣ бы онъ могъ отличіями и кровью своей снискать помилованіе, а отправленъ въ полузасіатскія степи.

Преступленіе Трубецкаго, вѣрнѣе—проступокъ его, имѣло очень романтический характеръ. Сердце, говорятъ, не камень, а у Сергѣя оно было особенно нѣжное. Его-то онъ повергъ къ ногамъ соблазнительной и очень красивой молодой женщины. Справедливо отдавая ловкому, статному и очень любезному поклоннику предпочтеніе передъ другимъ соперникомъ его, не молодымъ, но очень важнымъ, она безъ колебанія согласилась бросить мужа и бѣжать на край свѣта съ милымъ сердцу. Въ одну прекрасную, но очень темную ночь, счастливая парочка, скрытно ускользнувъ отъ бдительнаго, строгаго надзора, съ подорожной по казенной надобности на имя штабсъ-капитана Ѳедорова, понеслась по Московскому шоссе. Трубецкой, переодѣтый въ долгополый купеческій сюртукъ, а его дама въ казачій кафтанъ, подъ фирмою «будущаго», благополучно миновали Москву и прочіе города на всемъ длинномъ пути отъ моря Балтійскаго до Чернаго и безъ всякихъ приключеній доскакали до Поти, наканунѣ дня отхода съ рейда иностраннаго судна въ Марсель. Трубецкой, помѣстивъ своего казачка въ гостинницѣ, поспѣшилъ къ капитану экипажа, явилъ ему свои бумаги и, заплативъ впередъ за морской переѣздъ, вернулся совершенно спокойный къ своей возлюбленной. Между тѣмъ въ Петербургѣ, узнавъ объ исчезновеніи бѣглецовъ, всесильный соперникъ Серези распорядился найти и нагнать ихъ во что бы то ни стало. И фельдъегеря и жандармы понеслись изъ столицы по всѣмъ трактамъ обширной матушки Россіи. Очертя голову, мчался и жандармъ, направленный по слѣдамъ пути мнимаго Ѳедорова, и только нѣсколько часовъ послѣ выѣзда изъ Кутаиса дезертировъ онъ заявилъ губернатору о цѣли его бѣшеной скачки. Мѣстное начальство

всполошилось, быстро собрало справки и, убѣдясь въ кратковременномъ пребываніи въ Кутайсѣ штабсъ-капитана Оедорова, не медля ни минуты, приняло самыя энергическія мѣры къ поимкѣ виновныхъ. Тѣмъ временемъ, ничего не подозрѣвая, наши друзья, въ виду приближенія часа отхода парохода, на которомъ уже разводились пары, спокойно, пѣшкомъ, подъ руку подошли къ морскому берегу. Здѣсь они замѣшкались съ лодочникомъ и причалили къ судну за нѣсколько минутъ до снятія его съ якоря. Трубецкой, выскочивъ первымъ изъ лодки, подалъ съ трапа руку спутницѣ и по неосторожности громко заторопилъ ее словами: «Vite, vite, Lavinia!». Эти-то злополучныя три слова погубили обоихъ. Передѣтые полицейскіе, безуспѣшно осмотрѣвъ всѣхъ пассажировъ, подозрительно смотрѣли съ палубы на приплывающихъ въ лодкѣ, а когда услышали имя искомой, тутъ же безъ промаха наложили на нихъ свою тяжелую руку... Его судили за подлогъ и бѣгство по чужой подорожной.

Со всѣмъ тѣмъ юморъ еще не оставилъ его, что видно изъ недавно присланныхъ имъ сюда визитныхъ карточекъ: «Serge Troubetskoï, né prince».

Нѣсколько дней спустя, назначенъ былъ сборъ отряда и выступленіе за Аргунь. Князь Воронцовъ наканунѣ пригласилъ весь генералитетъ къ себѣ обѣдать. Обѣдъ былъ очень хорошій, шумный, оживленный. Рядомъ съ хозяйкой усѣлись князь Барятинскій и атаманъ Крюковской, а съ княземъ старшіе затѣмъ представители отряда, Баклановъ и Вревскій. Тришатный, Николай и я заняли мѣста на концѣ стола и все время проболтали очень весело. Послѣ обѣда, кофе и ликеры подали въ гостинную, гдѣ все общество расположилось къ кейфу, около камина. Наканунѣ выступленія въ бой, гдѣ предполагается несомнѣнная опасность, всегда замѣтно особенно возбужденное состояніе въ участникахъ, а потому и теперь, послѣ отличнаго обѣда, яркое освѣщеніе, теплый и благоуханный воздухъ роскошно убранныхъ комнатъ и наконецъ поглощенное вино — все вмѣстѣ невольно въ каждомъ порождало мысль: то ли будетъ завтра на бивуакѣ? и придется ли въ жизни еще испытывать подобныя удобства и наслажденія? Княгиня Марія Васильевна оживленно перепархивала въ разговорѣ съ одного предмета на другой, а, наконецъ, подъ влияніемъ обще-гнетущей мысли громко подумала:

— А вѣдь вотъ мы теперь здѣсь вмѣстѣ, намъ тепло, уютно и весело, а что-то будетъ послѣ экспедиціи, и кому именно суждено не возвратиться? Эта мысль меня сильно терзаетъ!

— Эхъ, ваша свѣтлость, — первымъ на это возразилъ Крюковской, — да и, слава Богу, если кое-кого убьютъ!... Вакансіи по службѣ они очистятъ!

Какъ ужаленная въ сердце, при этихъ словахъ вскочила Марія Васильевна.

— Можно ли такъ говорить, генераль?—мгновенно горячо вспыхнувъ, съ увлеченіемъ заговорила она.— Знаете, что вы мнѣ напомнили вашими словами? Послушайте. Въ прошломъ году весною я ѣхала изъ Петербурга въ Царское Село. Въ вагонахъ всѣхъ классовъ была бездна пассажировъ, ѣдущихъ въ Павловскъ на концертъ. Давка была страшная, мѣста всѣ заняты. Въ ту минуту, когда поѣздъ тронулся, запоздавшій господинъ хотѣлъ вспрыгнуть съ платформы въ вагонъ, оступился, упалъ и головою свалился подъ колеса. Минуту спустя, нѣмецъ оберъ-кондукторъ, отбирая наши билеты, съ злою усмѣшкой сказалъ: «теперь, господа, вамъ будетъ попросторнѣй,—одного изъ пассажировъ сейчасъ раздавило поѣздомъ!». Впечатлѣніе этими пошлыми словами онъ произвелъ на всѣхъ самое тяжелое... Двадцать минутъ спустя, когда поѣздъ, нѣсколько убавивъ ходъ, шелъ мимо полу-станка, тотъ же самый оберъ-кондукторъ захотѣлъ спрыгнуть на платформу и въ свою очередь промахнулся и упалъ подъ поѣздъ, моментально раздавившій его въ лепешку! Вотъ,—закончила княгиня,— какъ providѣніе быстро и строго его наказало.

Здоровый, краснощекій, геркулесъ сложеніемъ, Крюковской при послѣднихъ словахъ внезапно измѣнился въ лицѣ, поблѣднѣлъ и, какъ громомъ пораженный, остолбенѣлъ въ безсиліи что либо отвѣтить. Но не на одного атамана разсказъ княгини произвелъ впечатлѣніе; даже Булька, шумно вертѣвшійся между гостями, приутихъ и, широко раскрывъ глаза, не сводилъ ихъ съ Крюковскаго. Болѣе же всѣхъ насъ смутилась сама княгиня. Въ пылу минутной досады она какъ бы пророчила атаману возмездіе, а теперь хотя и натянула всѣ струны обычнаго своего краснорѣчія, чтобъ снова оживить слушателей, но что-то въ обществѣ какъ будто надтреснуло... На Кавказѣ особенно люди становились суетвѣрными.

Потомъ княгиня мнѣ разсказывала, что когда она, укладывая Бульку, стала съ нимъ на колѣни передъ образомъ, чтобъ помолиться за отца (то-есть, за отчима), Булька перебилъ ее словами: «за папу не бойся, онъ вернется, а вотъ Крюковскаго убьютъ»... Какъ бы то ни было, но стеченіе обстоятельствъ вышло фатальное, поразительное.

На слѣдующій день около Зааргунской башни были собраны всѣ войска для молебствія. Приѣхалъ князь Барятинскій, раздалась команда: «на молитву», обнажилось нѣсколько тысячъ головъ, и раздалось пѣніе молебствія. Ближе всѣхъ къ аналою, впереди многочисленной свиты, сталъ статный, внушительный и, нельзя не признать, изящно-красивый Александръ Ивановичъ, а въ двухъ шагахъ отъ него Воронцовы (княгиня тоже выѣхала на молебствіе).

Я пробрался къ нимъ ближе и сталъ разсматривать выраженіе лицъ окружающихъ. Осанистая, съ густой бородой и длинными усищами, мужественная фізіономія атамана была полна невозмутимаго спокойствія, даже апатіи. Сосѣдь его, Баклановъ, выдвинувъ впередъ богатырскую грудь, выразительными и полными огня глазами оглядывалъ всѣхъ по сторонамъ, но при каждомъ возгласѣ священника осѣнялъ себя широкимъ и размашистымъ крестнымъ знаменіемъ и клалъ усердные поклоны. Изъ остальныхъ одни сосредоточенно творили молитвы; другіе же, подтягивая пѣвчимъ, глазѣли по сторонамъ, пожимаясь отъ утренняго холода. Раздался отбой, и начались прощальныя пожеланія, рукопожатія и цѣлованія. Мой батальонъ въ этотъ разъ не выступалъ, и потому мы съ княгиней Марьей Васильевной тихо и скучно вернулись въ опустѣлую крѣпость.

Черезъ нѣсколько дней отъ князя Simon'a получено было изъ-за Аргуна письмо, которое княгиня послѣ нѣкотораго колебанія сообщила, впрочемъ, мнѣ и Николаю. Князь писалъ ей, «что въ ту ночь, на 24-е число, значительная часть Шалинскаго отряда выступаетъ изъ лагеря, перейдетъ Аргунь и, обогнувъ Воздвиженское, ударитъ между рѣками Сошней и Гихой на Саитъ-Юртъ, сильнѣйшій аулъ у подножья Черныхъ горъ, а затѣмъ къ вечеру того же дня рассчитываетъ придти въ крѣпость, почему проситъ княгиню позаботиться о ночлегѣ для гостей», и т. д. Здѣсь княгиня, уже не скрывая тревоги, обратилась ко мнѣ, бывшему въ тотъ день дежурнымъ по карауламъ, съ усиленною просьбой, при первыхъ же выстрѣлахъ послать за полковымъ священникомъ для совершенія молебствія. На утро у княгини, при первыхъ словахъ молитвы: «Царю Небесный», я, стоя у окна, замѣтилъ скачущаго по площади чеченца прямо къ дому князя. По взмыленной лошади, тяжело водящей боками, я смекнулъ, что всадникъ долженъ быть нарочнымъ изъ отряда, и тихонько вышелъ на крыльцо. Въ эту минуту подѣхалъ чеченецъ и протянулъ мнѣ незапечатанную вдвое сложенную записку. Я развернулъ ее, узналъ почеркъ князя и прочелъ: «Хвала Всевышнему, я живъ и невредимъ. Дѣло было жаркое, убиты: Крюковской, Дороховъ, Полозовъ и много другихъ. Потеря очень большая. Будемъ отдыхать въ Урусъ-Мартанѣ, а вечеромъ жди насъ къ себѣ. Твой Simon». Нетвердыми шагами, пораженный, вошелъ я обратно въ столовую въ ту минуту, какъ княгиня подходила къ кресту. Выждавъ немного, я молча подаль ей записку. Она жадно бросила на нее глаза и внезапно, какъ свопъ, упала въ обморокъ. Очнувшись спустя двадцать минутъ, она, вспомнивъ все, внятно проговорила: «сейчасъ же панихиду». Послали за черною рясой, и въ той же залѣ раздался раздирающій напѣвъ панихиды.

Давно уже смерклось, когда на улицѣ послышался топотъ кавалеріи, и князь Семенъ Михайловичъ, а за нимъ князь Барятинскій съ большою свитой, усталые, измученные, но все же возбужденные, ввалились въ гостинную княгини. Начались рассказы о дѣлѣ, сожалѣнія объ убитыхъ и раненыхъ...

Но черезъ нѣсколько дней ждало княгиню большое утѣшеніе, а именно, наканунѣ 30-го января, въ движеніи князя Барятинскаго съ частью отряда къ аулу Автуры, мужъ княгини съ двумя баталіонами нашего полка командовалъ цѣпью, противъ которой, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, дрался самолично Шамиль, а потому князь Барятинскій объявилъ, что онъ представляетъ князя Семена Михайловича къ ордену св. Георгія.

Слѣдующія затѣмъ дѣла, какъ Бакланова въ Маюртупскомъ лѣсу, барона Майделя около Мечика и всего отряда подъ Автуры, завершили зимнюю экспедицію 1852 года. Воронцовы уѣхали вмѣстѣ съ Барятинскимъ въ Тифлисъ, а оттуда княгиня съ мужемъ отправлялась въ Парижъ. Въ послѣдній вечеръ князь сіялъ отъ счастья уѣхать наконецъ изъ Воздвиженскаго и нисколько этого не скрывалъ. Не то было съ княгиней. Она, по свойственной ей деликатности, присущей сердечной женщинѣ, старалась скрыть эгоистическое удовлетвореніе—отъ всего и всѣхъ избавиться. Ясно и совершенно легально было бы съ ея стороны открытое признаніе, на сколько ей представлялось тягостнымъ и несообразнымъ съ ея привычками, требованіями и воспитаніемъ, насильственное пребываніе здѣсь, среди лишеній, скуки и опасности. Не смотря на все это, княгиня весь вечеръ и виду не показала объ охватывающемъ ее чувствѣ радости; мало того, она всячески старалась какъ бы съ сожалѣніемъ воскресить въ памяти пережитыя ею у насъ однѣ пріятныя минуты, отнюдь не касаясь испытанныхъ въ труппахъ нашихъ случаевъ грустныхъ и трагическихъ. На другой день, послѣ ранняго завтрака, они уѣхали. Какая разница въ существованіи съ тѣмъ, что было при нихъ. Однообразіе, скуку и застои испытывали мы во всемъ, а въ особенности относительно новостей и свѣдѣній того, что дѣлается въ мірѣ семъ. Тогда усиленная корреспонденція князя, а еще больше княгини, посвящала насъ во все, происходящее не только въ сѣверной, но и въ нашей кавказской столицѣ—Тифлисъ, тогда какъ потомъ оказіи изъ Грозной привозили нѣкоторымъ только изъ насъ письма, да и то скудныя по общественному интересу.

Впрочемъ, наибольшее оживленіе составлялъ пріѣздъ въ полкъ новыхъ лицъ; такъ, и на этотъ разъ общество увеличилось вскорѣ двумя новыми членами, князьями Тумановымъ и Орбеліани. Князь Александръ Тумановъ, назначенный командовать нашимъ вторымъ батальономъ, принялъ его, какъ подобаетъ всякому порядочному человѣку, безъ всякой выходки, могущей вызвать порицаніе. Въ

частной же жизни оказался истымъ грузиномъ: добродушнымъ, безхитростнымъ и веселымъ. Ваню же Орбелиани, beau-frère князя Гагарина, кутаисскаго губернатора, тоже не отставалъ отъ Туманова по честнѣйшимъ воззрѣніямъ и открытой душѣ.

Между тѣмъ баронъ Меллеръ, про котораго чеченцы говорили, что у него «башка—масла конь» (въ головѣ ума много), воспользовался отсутствіемъ князя Барятинскаго и Воронцова и сдѣлалъ набѣгъ на давно имъ желанный аулъ Талгика, который давно манилъ Меллера своими трофеями — полевыми орудіями. Талгикъ былъ старѣйшій по лѣтамъ и вліятельнѣйшій по заслугамъ наибъ чеченскій; Шамиль былъ очень къ нему расположенъ и въ доказательство отдалъ ему въ полное распоряженіе два полевыхъ орудія, которыя и находились всегда въ аулѣ, при сильномъ караулѣ. Не смотря на страшное и отчаянное сопротивленіе чеченцевъ, на сильныя потери съ обѣихъ сторонъ, аулъ былъ разграбленъ и орудія взяты, а Оклобжію на слѣдующее же утро отправленъ курьеромъ къ главнокомандующему. Конечно, успѣхъ этотъ не могъ обрадовать нашихъ князей при существовавшемъ между ними и Меллеромъ антагонизмѣ, однако были присланы поздравленія, похвалы и благодарности (искреннія ли?) за отлично-славное дѣло 27-го марта. Познакомившись два мѣсяца спустя со вновь переведеннымъ изъ гвардіи капитаномъ Ивинымъ, я узналъ по этому поводу любопытныя подробности, которыя онъ слышалъ при посѣщеніи имъ въ Москвѣ Алексѣя Петровича Ермолова.

— Отецъ мой,—такъ говорилъ Ивинъ,—старинный сослуживецъ по артиллеріи и пріятель по душѣ знаменитаго кавказскаго героя Ермолова, а потому, прощаясь со мною въ Петербургѣ, поставилъ мнѣ въ непремѣнное условіе, проѣзжая черезъ Москву, явиться къ Алексѣю Петровичу. Разумѣется, я по пріѣздѣ въ Бѣлокаменную послѣшилъ исполнить волю батюшки и пустился на Пречистенку. Докладывають. Ермоловъ принимаетъ, какъ роднаго. Онъ едва помнилъ меня ребенкомъ, но по дружбѣ къ моему отцу обнялъ, обласкалъ, обворожилъ любезностью. Послѣ вопросовъ: почему, какъ, зачѣмъ я перешелъ на Кавказъ,—Алексѣй Петровичъ спросилъ, въ какой я ѣду полкъ; я ему назвалъ нашъ князя Воронцова полкъ. «А, это бывшій Куринскій, ну, поздравляю тебя, голубчикъ, отличный ты выбралъ полкъ. Да, да, Куринскій полкъ я знаю хорошо, полкъ славный и командиръ его, недавно бывшій, Петръ Петровичъ Меллеръ-Закомельскій, умный и боевой офицеръ. Ну, а слыхалъ ты, какое славное дѣло вотъ недавно Куринскій полкъ задалъ чеченцамъ? Въ пухъ равнесъ сильнѣйшій аулъ, забралъ два орудія и разгромилъ массу непріятели. А все Меллеръ! Да, да, умный безспорно человекъ, а, поди, какую великую глупость сотворилъ онъ!» Я въ недоумѣніи захопалъ глазами. «Такъ ты, мой милый другъ, не догадываешься?—пристально взглянувъ

на меня и съ сожалѣніемъ въ голосъ, возразилъ Ермоловъ.—Такъ пойми же, что за это лихое дѣло его, Меллера, теперь съ лица земли сживутъ и съ Кавказа прогонятъ непременно. Слушай, голубчикъ, дразнить сильныхъ міра сего никогда не слѣдуетъ!.. А Меллеръ безъ нихъ сдѣлалъ дѣло, и за это ему не сдобровать!»

Пророчество Алексѣя Петровича сбылось. Барону Меллеру-Закомельскому, вмѣсто слѣдуемаго ему по статуту ордена св. Георгія 3-й степени на шею, дали очередную награду Владиміра 2-й степени и чистую отставку.

1-го іюня того же года, подъ начальствомъ князя Бяратинскаго, отрядъ нашъ форсированнымъ маршемъ вверхъ по Сунжѣ сдѣлалъ громадную прогулку въ Большую Чечню. По расчету времени и пространства, пройденнаго нами отъ Воздвиженскаго, оказалось, что въ 22 часа мы прошли 112 верстъ, а молодцы, бывшіе наканунѣ еще на фуражировкѣ, тѣ одолѣли въ 24 часа до 130 верстъ. Кто у насъ теперь повѣритъ подобному подвигу? Лѣтомъ, въ страшную жару, не бросивъ на пути почти ни одного больнаго, ни одного отсталаго. Нѣтъ, во всемъ мірѣ не найти такихъ людей, какъ кавказскіе солдаты.

Неимовѣрно быстрое появленіе отряда князя Бяратинскаго на плоскости, куда направлялся Шамиль съ ордой своею, поразило имама. Вытянувъ изъ Бамутскаго ущелья частицу полчищъ своихъ, пока остальные еще спускались съ горъ, онъ увидѣлъ передъ собою какъ изъ-подъ земли выросшія русскія войска, появленіемъ своимъ парализовавшія всѣ расчеты его проникнуть безнаказанно въ Кабарду, гдѣ онъ надѣялся по приходѣ своемъ (какъ извѣстно было раньше отъ лазутчиковъ) произвести въ населеніи общее противъ нашего правительства возстаніе. Коварные планы непріятеля рушились, и Шамиль, лично разглядѣвъ съ возвышенности массу блестящихъ на солнцѣ штыковъ, въ горькомъ разочарованіи показалъ тылъ. Князь же Бяратинскій, получивъ вѣрныя свѣдѣнія объ отступленіи всѣхъ вражьихъ силъ по тому же Бамутскому ущелью въ недоступныя намъ горы, тотчасъ же отдалъ приказаніе своему отряду расположиться бивуакомъ на берегу рѣчки Кембилеевки, варить пищу и отдохнуть мирно и спокойно, въ чемъ всѣ люди сильно нуждались. Мертвымъ сномъ заснули богатыри наши. Въ полдень они выпили порціонную водку, пообѣдали и снова завалились пополнять потраченныя силы, а вечеромъ и затѣмъ далеко за полночь во всемъ лагерѣ уже раздавались веселый говоръ, смѣхъ, шутки и лихія пѣсни. Обратный путь нашъ былъ съ чувствомъ, съ толкомъ, а главное—съ разстановкой, и продолжался три дня.

Дома, въ Воздвиженскомъ, насъ ждали новости. Нашъ командиръ, князь Семень Михайловичъ, уже вернувшійся изъ Парижа, скоро долженъ былъ прибыть сюда, а еще, что курьеръ нашъ, капи-

танъ Оклобжію, представленъ, къ Георгіевскому кресту и помолвленъ на княжнѣ Орбеліани, кузинѣ нашего Ваню. Недолго побылъ у насъ опять князь Семень Михайловичъ. Послѣ дѣла въ Аргунскомъ ущельѣ князь «за особенное военное отличіе» былъ представленъ къ чину генераль-маіора, сдалъ полкъ Ляшенку и, распростившись съ нами, снова уѣхалъ въ Тифлисъ.

Скромно и мирно потекла жизнь въ Воздвиженскомъ. Нѣсколько человѣкъ нашего полка какъ-то тѣснѣе сошлись между собою и образовали кружокъ дружный и неразлучный. Тумановъ, Орбеліани, Нордштейнъ, Бревернъ, Швахгеймъ, Ивинъ и я, собирались ежедневно, вмѣстѣ обѣдали, козыряли въ безобидный вистъ, болтали и нерѣдко возглашали Алла-Верды; изъ постороннихъ чаще другихъ бывали: Ростовцевъ, Өадѣвъ, Кнорингъ и Мамацевъ изъ артиллеристовъ, Богдановъ, Ахлебенинъ, Чихачевъ, Желтухинъ, Ромарино, Ренне, Ротчевъ, Воецкій, Павелъ Ипполитовъ и Пистолькорсъ изъ нашихъ куринцевъ. Случались и неожиданныя, и нельзя сказать чтобы пріятныя знакомства. Такъ, обѣдая какъ-то у Мамацева, я увидалъ у него новаго офицера въ его батареѣ, нѣкоего Х. Этотъ господинъ служилъ прежде въ гвардейской артиллеріи, но тамъ не удержался и переведенъ въ армію за разныя продѣлки, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ отъявленное шулерничанье въ карты. Самъ Х. очень откровенно, даже съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, сообщалъ всѣмъ и каждому о своихъ похожденияхъ. Ихъ много, и, быть можетъ, я погрѣшу въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, но сущность настоящаго дѣла будетъ та же.

Еще гвардейскимъ артиллеристомъ Х. взялъ отпускъ изъ Петербурга и прибылъ въ Москву, гдѣ его поджидала цѣлая шайка сподвижниковъ по ремеслу, чтобы начать «дѣла». Послѣ мелкой практики надъ различными маменькиными сынками, компанія задумала предпріятіе en gros, т. е. очистить на очень большой кушъ нѣкоего юношу, только что получившаго громадное наслѣдство отъ умершаго въ провинціи отца своего. Шайка, припрятавъ на время главнаго дѣятеля, мага и волшебника Х., свела знакомство съ богатымъ наслѣдникомъ, пріѣхавшимъ изъ глуши, какъ говорится, протереть глаза накопленнымъ деньгамъ. Сначала юноша игралъ, но вяло и осторожно. Агенты шайки умышленно проигрывали ему довольно значительные куши, чтобы завлечь его «въ настоящую», но и это не брало, и молодой крезъ ихъ обществу и игрѣ предпочиталъ другія болѣе игривыя наслажденія. Допустить трату дорогихъ капиталовъ непроизводительно агенты нашли слишкомъ глупымъ, а потому систематически стали ему вбивать въ голову, что хотятъ принять его въ свою компанію, чтобы вмѣстѣ воспользоваться, посредствомъ азартной игры, баснословными драгоценностями персидскаго принца, ѣдущаго изъ Тегерана въ Москву. Юноша не сразу поддался ихъ баснямъ, но мало-по-малу заинте-

ресовался исчисленіемъ сокровищъ принца и, ощутивъ самъ значительную брешь въ захваченной изъ деревни суммѣ, ударилъ по рукамъ, торжественно пообѣщавъ играть съ ними заодно противъ богача персидскаго. Ожиданія длились недолго. Пріѣзжаетъ въ Москву желанный принцъ и со свитой занимаетъ чуть ли не цѣлый этажъ въ лучшей гостинницѣ. Одѣяніе и вооруженіе его и всей челяди поражаетъ восточной роскошью и богатствомъ. Самъ принцъ не старый, очень дородный мужчина, красивый брюнетъ, въ высочайшей конусообразной шапкѣ, съ головы до ногъ увѣшанный оружіемъ. Порусски онъ не понимаетъ, но въ карты играетъ и отъ скуки не прочь перекинуться въ азартную. Наша шайка, въ качествѣ золотой молодежи, попадаетъ къ нему на обѣдъ. И здѣсь гостямъ бросается въ глаза роскошь сервировки, множество блюдъ и напитковъ. Послѣ шербетовъ и достархановъ, смѣненныхъ кальянами, являются столы и карты. Толстый принцъ, пыхтя и охая, неловко распечатываетъ колоду, неумѣлою рукою тасуетъ и, высыпавъ на средину стола почтенную грудку золота, дѣлаетъ неуклюжей знакъ головою въ видѣ приглашенія къ началу игры. Не дали просить себя партнеры. Штоссъ отчаянный, качаловскій, закипѣлъ между ними. Громадные куши передавалъ изъ рукъ въ руки и чертилъ колоссальныя записи богатый юноша, а къ утру все унаслѣдованное достояніе, болѣе чѣмъ на 600 тысячъ, очутилось во владѣніи счастливаго банкюмета, персидскаго принца. Черезъ недѣлю принцъ персидскій Шейхъ-Мирза, Кельбъ-Али-ханъ, былъ переведенъ изъ гвардіи въ армию и по подорожной на имя подпоручика Х. высланъ изъ столицы съ жандармомъ.

Послѣ непріятной развязки персидской исторіи въ Москвѣ (разсказывалъ потомъ самъ Х.) онъ долго мыкался по бѣлу свѣту. Одаренный отъ природы способностью пріобрѣтать средства къ жизни болѣе спокойнымъ путемъ, чѣмъ службой гдѣ нибудь въ захолустѣ, онъ переколесилъ Россію вдоль и поперекъ, естественно, не изъ любопытства, а съ болѣе практическою цѣлью.

«Теперь (съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Х.) времена много измѣнили и людей и всѣ условія жизни, а тогда, лѣтъ десять назадъ, было куда лучше. Денегъ водилось больше, а людей расчетливыхъ, скупыхъ меньше. Ахъ, какія славныя были времена! Меня, напрямѣръ, безденежье, временно случающееся со всякимъ, никогда не тревожило серьезно. Хлѣбъ насущный, необходимый, какъ и роскошное богатство и всѣ наслажденія, все, все носилось у меня въ карманѣ въ видѣ двухъ колодъ картъ. Но, впрочемъ, при этомъ скажу вамъ, что утонченное во мнѣ искусство въ механическомъ отношеніи и въ чистотѣ работы вообще было доведено до такой степени совершенства, что безъ хвастовства могу увѣрить—я былъ страшилищемъ товарищей по ремеслу, но самъ соперниковъ не зналъ. Какъ одинъ изъ множества тому примѣровъ,

выслушайте слѣдующій случай, характеризующій ту степень извѣстности, которою пользовался я въ былыя времена во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Главнымъ, надо вамъ сказать, центромъ дѣятельности нашей были ярмарки, и изъ всѣхъ нихъ болѣе другихъ была мнѣ по сердцу Лебедянская. Туда являлись богатые купчики, зажиточные помѣщики и съ толстѣйшими бумажниками, кавалерійскіе ремонтеры, а главное, что прельщало меня при этомъ въ Лебедяни, это патріархальность нравовъ, простота и добродушное довѣріе, но болѣе всего — отдаленность отъ столицъ. Вотъ-съ, сдѣлавъ надлежащія подготовленія къ выпуску на арену по зеленому сукну новыхъ и усовершенствованныхъ мною фортелей и вольтовъ, я, конечно, предварительно навелъ тщательныя справки о тѣхъ дѣльныхъ и опасныхъ мнѣ конкурентахъ, которыхъ могъ бы я встрѣтить на предстоящемъ полѣ битвы, а затѣмъ благословясь отправился въ путь. Дорога была хорошая, лошадей запрягли мнѣ бойкихъ, словомъ, на всемъ переѣздѣ ни остановокъ, ни приключеній не встрѣтилъ. На предпоследней же станціи вижу у крыльца два отпряженныхъ экипажа. Вхожу въ общую комнату, четыре проѣзжающихъ накачиваются чаемъ, а станціонный смотритель суетится около нихъ съ самоваромъ. «Лошадей, почтенный, поскорѣе лошадей»,—говорю ему. «Лошадей нѣтъ, всѣ въ разгонѣ»,—равнодушно отвѣчаетъ вице-мундиръ. «Какъ нѣтъ? Быть не можетъ? Ведите меня на конюшню. Подайте книгу» и проч.,—внѣ себя отъ досады горячусь я. «Извольте, сейчасъ!»—не торопясь, проходя къ столу сосѣдней комнаты, говоритъ тотъ. «Да вотъ и эти господа,—добавилъ онъ: — ужъ съ обѣда ждутъ, а ранѣе утра я ихъ со станціи отправить не могу!» Всякіе дальнѣйшіе споры были бы бесполезны, и я, покорившись злой судьбѣ, вернулся изъ смотрительской въ общую залу. Проѣзжающіе, окинувъ меня бѣглымъ взглядомъ, вступили со мной въ разговоръ: откуда и куда? какова дорога? каковъ въ вашей мѣстности урожай? и проч. ерунда. Просятъ съ ними откушать стаканъ чаю, а полчаса спустя, познакомившись, какъ подобаетъ дорожнымъ людямъ, безъ церемоніи и проволоочки времени, но и безъ наименованій другъ другу фамилій, эти господа любезно предлагаютъ мнѣ, конечно, если я играю въ карты, составить пульку преферанса, конечно, по самой маленькой, только чтобы убить время. Съли и рѣжемся по полукопейкѣ фишу, часа три сряду. Я проигралъ, помнится, 70 копеекъ, но положилъ на столъ пятидесятирублевою ассигнацію и предложилъ сыгратъся. Въ пять минутъ банкъ сорвали. Закладываю второй и третій, конецъ тотъ же. «Эге!—думаю про себя,—вы, господа, ребята чищенные!» Дѣлать нечего, приходится въ ходъ пускать «авантажи». Говорю, что метать усталъ, и бросаю карты. «Да вы понтируйте»,—уговариваютъ они, и съ этими словами одинъ изъ нихъ, кладя на столъ сто-

рублевку, умышленно суесть мнѣ въ глаза бумажникъ, туго набитый депозитками на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Игра завязалась нешуточная. Банкомету везеть, и на меня записано почти 6 тысячъ. Ставлю брандера до 8 тысячъ. Убита и эта карта. Встаю изъ-за стола, открываю чемоданъ и вмѣстѣ съ деньгами сую въ карманъ и мои собственные карты. Раскрывъ объемистую кошну мою для расчета, вижу, что у господъ разбѣжались глаза... Мнѣ только этого и было нужно. Я карты ловко подмѣнилъ и, небрежно бросивъ на столъ кипу бумажекъ, тысячи на три, предложилъ имъ сорвать и эту дрянъ...

«Завязалось дѣло жаркое! Слѣжу внимательно за понтерами, ясно вижу, какъ погибаются ими лишніе углы, какъ неправильно перечеркиваются куши въ записи, но ни гу-гу, напротивъ, оказываю имъ полное довѣріе и самую изысканную деликатность, тогда какъ самъ подвожу мину и, наконецъ, пускаю въ ходъ новѣйшіе фортели. Живо вернулись мои деньги, и накопился по записи изрядный кушъ. Трое понтировали горячо, а четвертый, предупредивъ насъ, что онъ никогда въ азартную не играетъ, сталъ противъ меня и не сводилъ глазъ съ моихъ рукъ. Два, три раза мнѣ мерещилось, что онъ, этотъ непрощенный наблюдатель, могъ замѣтить не вполне отчетливо исполненный мною вольтъ, но брилліантовый мой перстень выручилъ. Давно уже на дворѣ пропѣли пѣтухи, а къ понтерамъ счастье не возвращалось. Они, горемычные, все больше и больше залѣзали въ запись. Наглядно прикинувъ длинныя столбцы, я приблизительно насчиталъ за ними до 50 тысячъ. «Бастовать еще рано»,—думаю я, тѣмъ болѣе, что у двухъ партнеровъ глаза налились кровью, и они полѣзли, какъ на рожна, пуская брандеръ за брандеромъ. Въ это время четвертый, до того времени меня смущавшій, вышелъ изъ комнаты съ такою же поспѣшностью, какъ я подстроилъ камуфлетъ новѣйшей школы. Хлопъ, хлопъ, хлопъ... Убилъ всѣмъ троимъ. Опять другая талія, хлопъ, хлопъ... «Господа,—стремительно влетая въ комнату, отчаяннымъ голосомъ заревѣлъ врагъ мой:—это онъ, онъ! смотрите»,—поспѣшно указывая на дагеротипъ, отысканный имъ на днѣ своего чемодана. Всѣ вскочили съ мѣстъ, впились въ портретъ и пристально стали его свѣрять со мною. Тѣмъ временемъ я хладнокровно подвелъ итогъ въ 80 тысячъ рублей!»—Х. смолкъ.

— Но чѣмъ же окончилась эта встрѣча?—спросили мы.

— Мы съ той же минуты сошлись и стали работать сообща, искренними друзьями.

— А денегъ, конечно, вы съ нихъ не получили?—допрашивали мы.

— О, напротивъ, въ тотъ же день и часъ—всѣ до копейки, какъ только все дѣло между нами разъяснилось. При этомъ я изъ благодарности за поднесенный мнѣ кушъ тутъ же на столѣ по-

казаль имъ, на какой именно камуфлетъ я подвелъ ихъ. У насъ, скажу вамъ, всѣ денежные между собою расчеты по игрѣ исполняются всегда съ неимовѣрною строгостью, если, конечно, не попадешься на мѣстѣ преступленія... А тогда — иное дѣло!

Да, никакого фокусника европейской извѣстности нельзя сравнить съ Х. Это виртуозъ первоклассный, баснословный, необычайный. Видѣть его геніальные таланты — любопытно, но носить съ нимъ одинъ мундиръ и считаться его товарищемъ — постыдно. Если законъ преслѣдуетъ карманниковъ, то почему же такъ снисходительно относится и терпитъ на службѣ подобнаго оберъ-мошенника?

Совсѣмъ другой характеръ носили такъ называемые «несчастненькіе», разжалованные за минутныя увлеченія, необузданные порывы гнѣва и проч. Много ихъ было у насъ на Кавказѣ, а въ эту зиму особенный былъ наплывъ. Первый изъ нихъ, баронъ Розень, юноша (однофамилецъ гребенскаго Розена), только въ нынѣшнемъ году произведенный изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ кавалергарды, убилъ на дуэли того же полка птенца графа Гендрикова, въ одинъ же день съ нимъ выпущеннаго изъ Пажескаго корпуса. Послѣ веселаго въ лагерѣ обѣда дѣти о чемъ-то горячо заспорили и такъ рѣзко поругались, что стали на шесть шаговъ барьера, гдѣ одинъ изъ мальчишекъ остался на мѣстѣ, а другой въ сѣрой шинели попалъ къ намъ. Второй Бартеневъ — такъ же вновь испеченный прапорщикъ суконной гвардіи, то-есть Прусскаго полка. Этотъ господинъ поплатился своими первыми эполетами за слѣдующую выходку. Онъ стоялъ на караулѣ въ Красносельскомъ лагерѣ и за обѣдомъ подпилъ вмѣстѣ съ арестованнымъ на гауптвахтѣ офицеромъ Австрійскаго полка. Передъ самой зарей съ церемоніей, когда всѣ части войскъ лагеря выстроивались на переднихъ линейкахъ, представилась глазамъ ихъ слѣдующая курьезная картина: арестованный прапорщикъ, въ сильномъ куражѣ, въ разстегнутомъ сюртукѣ и фуражкѣ на затылкѣ, удиралъ вдоль лагеря съ гауптвахты, а за нимъ вслѣдъ караульный прапорщикъ Прусскаго полка, въ мундирѣ и шарфѣ, но безъ каски, догонялъ бѣглеца съ громкими на весь лагерь криками: держи, держи его!

Оба, почти одновременно преданные суду, разжалованы были въ рядовые въ егерскій князя Воронцова полкъ и были присланы сюда тянуть солдатскую лямку. Наша молодежь ихъ обласкала и какъ товарищей приняла въ свое общество. Но были между ними и глубоко несчастные. Такова, на примѣръ, исторія Ясинскаго, которую онъ самъ мнѣ рассказывалъ.

— «Изъ Инженернаго училища, — началъ онъ, — выпущенъ я въ офицеры путей сообщенія въ 1846 году. За годъ передъ тѣмъ переведенный въ Петербургъ изъ Бахтинскаго кадетскаго корпуса,

я за болѣзнью не былъ на майскомъ парадѣ и не ходилъ въ Петергофскій кадетскій лагерь, а потому не имѣлъ случая видѣть въ лицо государя императора. Произведенный въ прапорщики, я опять-таки захворалъ на столько, что не могъ участвовать на общемъ представленіи всѣхъ новопроизведенныхъ его величеству, и только три недѣли спустя, докторъ разрѣшилъ мнѣ выйдти на воздухъ. Какъ было достойнѣе отпраздновать офицерскіе эполеты? Послѣ долгихъ колебаній мы вмѣстѣ съ закадычнымъ пріателемъ по корпусу и сверстникомъ моимъ рѣшили отправиться въ тотъ же вечеръ въ Большой театръ, а оттуда поужинать къ Борелю. Нетерпѣливо ожидая семи часовъ вечера, мы заблаговременно запагали пѣшимъ хожденіемъ съ Литейной на Морскую, гдѣ по пути къ театру хотѣли еще зайти къ перчаточнику. Безпечно и весело болтая, шли мы по Невскому и Большой Морской. До магазина съ яркой золотой рукой оставалось нѣсколько шаговъ, когда мы столкнулись на тротуарѣ съ высокою фигурой, идущей прямо къ намъ на встрѣчу. Не смотря на густыя сумерки, мы, сблизившись съ нею носъ съ носомъ, замѣтили офицерскую шинель, которую и пропустили между собой, причемъ я, желая посторониться, по неловкости задѣлъ ее плечомъ. Высокій мужчина мгновенно и очень строгимъ голосомъ остановилъ меня вопросомъ: «Какъ вы смѣете толкаться?» — «Извините», — развязно отвѣтилъ я, намѣреваясь продолжать путь свой, но военный господинъ снова повторилъ вопросъ, причемъ, рѣзкимъ движеніемъ руки откинувъ съ плеча шинель, выставилъ на видъ свои генеральскіе эполеты. «Извините, ваше превосходительство», — поспѣшилъ я повторить тѣ же слова. — «Нѣтъ, — грозно возразилъ генераль, — такихъ вещей извинять нельзя! Какъ ваша фамилія?» — Я назвалъ себя. — «А! Вы полякъ?» — съ неимовѣрнымъ раздраженіемъ въ голосѣ спросилъ онъ. — «Такъ точно, полякъ, ваше превосходительство». — «Ну, такъ ступайте сейчасъ же подъ арестъ на главную гауптвахту!» — повелительно отрѣзалъ суровый генераль. Я смутился, тогда какъ товарищъ мой, отойдя отъ насъ всего шаговъ на пять, съ первыхъ же словъ генерала догадываясь, что я попался и меня распекаютъ, помиралъ со смѣха, дѣлая мнѣ рукой за спиною налетѣвшей грозы самые комическіе знаки. Генераль же круто повернулся и быстро запагаль по Невскому проспекту, а мы оба, обсудивъ грустное обстоятельство, разошлись въ разныя стороны: товарищъ, весело надо мной подтрунивая, къ Поцѣлуеву мосту, а я, очень грустный, на Исаакіевскую площадь. «Вотъ, — думалось мнѣ, — какъ осуществились мои планы и гдѣ теперь приходится мнѣ обновлять эполеты!» Прихожу на Адмиралтейскую гауптвахту, какъ ближайшую отъ Морской, и являюсь караульному офицеру. — «Кто васъ прислалъ сюда?» — переспрашиваетъ онъ. — «Генераль, который встрѣтилъ меня сейчасъ на Морской», — отвѣчаю ему. — «Да вѣдь онъ отпра-

вилъ васъ на главную гауптвахту, говорите вы, ну, такъ и ступайте въ Зимній дворецъ, а здѣсь я васъ не приму!» Вотъ, думаю, попадешь на гауптвахту, да еще, прежде чѣмъ вкусишь это удовольствіе, изволь-ка маяться да кланчить, чтобы тебя приняли. Пришелъ во дворецъ, застаю дежурнаго по карауламъ. — «Такъ и такъ, говорю, присланъ генераломъ къ вамъ на гауптвахту». — «Послушайте, — вразумительно говоритъ мнѣ дежурный, — не догадываетесь ли вы, кто именно изъ членовъ императорской фамилии арестовалъ васъ?» — «Нѣтъ, — уже смущенно объясняю ему, — нѣтъ, рѣшительно я недоумѣваю! Но почему, г. полковникъ, вы полагаете, что меня арестовалъ не простой генералъ?» — «По очень простой причинѣ, что сюда никто, кромѣ царской фамилии, арестовать офицеровъ не имѣетъ права», — обязательно объяснилъ онъ. Меня охватилъ страхъ и сомнѣніе. Въ эту самую минуту другой дежурный, но не по внутреннимъ карауламъ, а дежурный флигель-адъютантъ, показался въ дверяхъ комнаты съ вопросомъ: «прибылъ ли на гауптвахту офицеръ путей сообщеній, только что арестованный государемъ императоромъ?» Когда я услышалъ объ этомъ, въ жилахъ моихъ застыла кровь отъ ужаса. Никогда въ жизни не видавъ его величества, теперь я понялъ, что я арестованъ имъ лично, — за что? За то, что нечаянно толкнулъ императора. Давно исчезъ флигель-адъютантъ, а я все еще, какъ громомъ пораженный, стоялъ среди любопытныхъ офицеровъ, не будучи въ силахъ отвѣчать имъ. Не успѣлъ я еще придти въ себя, какъ тотъ же флигель-адъютантъ, запыхавшись, вбѣжалъ опять на гауптвахту и торопливо передалъ дежурному по карауламъ высочайшее приказаніе препроводить меня къ его величеству. Оставивъ мою саблю, я побрелъ за флигель-адъютантомъ по коридорамъ, лѣстницамъ и заламъ дворца, съ такимъ сильнымъ бѣніемъ сердца, что онъ, съ участіемъ взглядывая на меня, умышленно два раза останавливался на пути, чтобы дать мнѣ время нѣсколько оправиться и перевести духъ. Наконецъ, флигель-адъютантъ, задержавъ меня у одной двери, вошелъ одинъ и, тотчасъ же вернувшись, ввелъ меня за собою. Я внезапно очутился въ кабинетѣ его величества. Государь сидѣлъ у письменнаго стола, а въ двухъ шагахъ, въ сторонѣ отъ него, стоялъ бичъ Божій, Аттила всего инженернаго корпуса, неумолимо злобный, графъ Клейнмихель.

— «Я не сумѣю, господа, передать вамъ степень раздраженія государя при первыхъ словахъ его. Сильно насупивъ брови, его величество жесткимъ и пронизательнымъ взглядомъ пронзилъ меня всего. Отъ страха я рѣшительно не чувствовалъ подъ собою ногъ, голова кружилась, дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Прошло не мало минутъ, пока я собрался съ силами отвѣчать на вопросы, которыми засыпалъ меня негодующій государь. Тяжелое, невыносимое было положеніе во все время допроса. Я едва не лишился чувствъ. Го-

сударь, внимательно выслушавъ и взвѣсивъ всѣ отвѣты мои, сталъ разспрашивать меня не только о моемъ воспитаніи, о пріѣздѣ въ Петербургъ, о болѣзни, лишившей меня возможности когда либо увидать его, но даже пожелалъ знать о моихъ родителяхъ, какихъ они лѣтъ, гдѣ живутъ, чѣмъ занимаются. И тутъ, когда я дрожащимъ голосомъ передалъ отвѣты мои некрасно и несвязно, но поистинѣ чистосердечно, гнѣвъ государя сталъ понемногу утихать. Въ голосѣ его величества послышались мягкія ноты, и вслѣдъ затѣмъ, еще разъ пристально, но уже милостиво взглянувъ мнѣ въ глаза, государь, замѣтивъ выступившія у меня слезы, съ отеческою снисходительностію спросилъ меня: «А если бы я вздумалъ сейчасъ поступить съ тобою строго, по закону, подумалъ ли ты, какъ бы огорчилъ стариковъ своихъ?». Чаша переполнилась, нервы не выдержали, и я громко зарыдалъ. Николай Павловичъ, тронутый неподдѣльнымъ моимъ отчаяніемъ, ласково прикоснулся рукою до плеча моего и взволнованнымъ голосомъ сталъ меня успокаивать, тутъ же обратясь къ графу Клейнмихелю съ необычайно милостивыми словами. «Я его прощаю совершенно, я вѣрю происшедшему недоразумѣнію такъ же твердо, какъ и тому, что онъ, какъ честный вѣрнопопданный, будетъ впредь хорошимъ офицеромъ своего отечества. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Клейнмихель, ты не помышляй съ него взыскивать, такъ какъ я простилъ его! А ты теперь можешь идти домой, съ Богомъ!». Счастливый на столько же, какъ былъ несчастливъ полчаса назадъ, я выскочилъ изъ воротъ Зимняго Дворца, съ полусаблей на боку и съ отраднымъ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ великодушію монарха».

Ясинскій и теперь, какъ шесть лѣтъ назадъ, тяжело дышалъ, глаза его сдѣлались влажны, голосъ дрожалъ. Пока онъ переводилъ духъ, я, пристально всматриваясь въ его симпатичное, взволнованное лицо, терялся въ догадкахъ о послѣдствіяхъ, могшихъ такъ сильно измѣнить его существованіе. Но Ясинскій уже продолжалъ.

— «Въ избыткѣ благополучія я, какъ опьянѣлый, шелъ по Невскому, не зная самъ куда. Былъ уже десятый часъ вечера, пробираться въ театръ уже не стоило, и я направился домой, гдѣ подъ впечатлѣніемъ всего происшедшаго настроилъ длинное и восторженное письмо старику-отцу. Запечатавъ письмо, я уже поздно ночью легъ въ постель, представляя, какъ теперь помню, удивленіе моего товарища, когда завтра расскажу ему, гдѣ и какъ я провелъ часть сегодняшняго вечера.

«Но мнѣ пришлось жестоко ошибиться.

«Рано утромъ мой сладкій сонъ былъ внезапно нарушенъ стукомъ двери въ мою комнату. Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою свирѣпую фигуру жандарма, грубо предложившаго мнѣ поторопиться сборами въ дорогу, но куда, онъ счелъ излишнимъ объяснять, указавъ лишь на записку, внизу которой красовалась

знакомая подпись Клейнмихеля... Не давъ мнѣ времени уложиться, почти въ одномъ сюртукѣ, жандармъ усадилъ меня рядомъ съ собою въ телѣжку, и курьерская тройка понеслась по Московскому шоссе. Восемь дней и ночей безъ малѣйшаго отдыха мчалъ меня жандармъ, пока не передалъ кавказскому начальству при конвертѣ изъ штаба путей сообщенія. Въ немъ, въ этомъ конвертѣ, оказалось строжайшее предписаніе, за собственноручною подписью Клейнмихеля, меня, прапорщика Ясинскаго, «за политическую неблагонадежность» припрятать на Кавказѣ и ни подъ какимъ видомъ и никогда отсюда не выпускать ни въ отпускъ, ни въ отставку.

«Въ шесть лѣтъ насильственнаго моего пребыванія здѣсь много воды утекло. Старикъ мой, больной и дряхлый, измученный напрасными мольбами Клейнмихелю о смягченіи моей участи, вскорѣ умеръ, а надняхъ и мать прислала мнѣ свое послѣднее благословеніе».

Ясинскій неудержимо зарыдалъ... Прошло минутъ пять, не болѣе, и онъ стремительно вскочилъ на ноги, залпомъ осушилъ объемистую чепурку чихиря, встряхнулъ головою и съ присвистомъ пустился откалывать камаринскаго!.. Мы съ Тришатнымъ переглянулись и тяжело вздохнули. Не прошло и получаса, какъ Ясинскій представлялъ изъ себя мертвое тѣло. Уложивъ его на своей постелѣ, мы пошли бродить по Червленскимъ улицамъ, гдѣ въ это время гостили у Розена.

На другой день злосчастный нашъ знакомецъ обѣдать къ барону Розену не явился, но вечеромъ, увидя въ окно нашу пульку въ преферансъ, вбѣжалъ въ комнату, провозгласивъ: «карты, карты — вотъ мое утѣшеніе въ жизни!». А затѣмъ, не стѣсняясь, смѣшалъ нашу игру и потребовалъ банка, банка и банка. Подъ конецъ Ясинскій проигралъ до 600 рублей. Хотя онъ горячился, но платилъ деньги весело и беззаботно. Утромъ, когда Вавила торопливо укладывалъ на повозку чемоданы наши, вошелъ ко мнѣ баронъ Розенъ, блѣдный, разстроенный.

— Что съ вами, Алексѣй Александровичъ? — встрѣтилъ я его.

— Un grand malheur vient de nous arriver, — вполголоса смущенно проговорилъ онъ. — Ясинскій вчера проигралъ казенныя деньги и два часа назадъ онъ застрѣлился.

Положительно везло мнѣ въ этотъ годъ на знакомство «съ несчастенькими» (какъ называли ихъ солдаты); еще переведены были къ намъ изъ гвардіи Кутлеръ и Поливановъ, а въ Кабардинскій — Гербель. Кутлеръ красивый, высокаго роста, съ каштановыми волосами и лазуревого-голубыми прекрасными глазами, отлично сложенный мужчина, изъ петербургскаго бомонда, попалъ къ намъ, только благодаря необузданной страсти къ картамъ; въ одинъ вечеръ онъ спустилъ въ макао на столько крупный кушъ (свыше 200 тысячъ рублей), что ликвидировалъ все свое состояніе для рас-

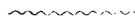
платы долга, а самъ бѣжалъ на Кавказъ въ скромный Куринскій полкъ.

Другіе же два пострадали изъ-за обычной тогда дуэли. Слухами земля полна. О ней толковали различно; что же касается отзывовъ объ обѣихъ дѣйствующихъ личностяхъ, то Гербель былъ права вообще сварливаго, а о Поливановѣ общее мнѣніе, какъ объ отличнѣйшемъ человѣкѣ. Эта ссора была уже не между юнцами, а старыми ротмистрами гвардіи.

Много было въ то время разсказовъ и анекдотовъ. Какъ-то собрались мы у Бреверна. Послѣ ужина далеко за полночь просидѣли мы, слушая любопытные разсказы ховяина о минувшей Венгерской кампаніи. Онъ былъ тогда адъютантомъ командира 5-го армейскаго корпуса, Лидерса. По взятіи города Германштадта, Бревернъ былъ посланъ съ донесеніемъ о славной побѣдѣ къ государю императору, находившемуся въ то время въ Варшавѣ. Счастливый вѣстникъ скакалъ дни и ночи изъ Трансильваніи до береговъ Вислы и, страшно утомленный отъ бѣшеной ѣзды въ перекладной, остановился, наконецъ, у подъѣзда императорскаго дворца въ Лазенкахъ. Дежурный флигель-адъютантъ ввелъ пріѣзжаго курьера въ аван-залу рядомъ съ кабинетомъ государя и пошелъ о немъ доложить его величеству. Черезъ нѣсколько минутъ самъ императоръ Николай Павловичъ пріотворилъ дверь, чтобы позвать къ себѣ курьера, но, увидѣвъ его, растянувшася въ креслахъ, тихонько подошелъ къ нему. Бревернъ, не будучи въ силахъ бороться съ изнеможеніемъ, заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, конечно, не подозревая, что творилось наяву около самаго его кресла. Его величество, знакомъ руки запретивъ окружающимъ безпокоить сонъ курьера, собственноручно и очень осторожно снялъ съ него сумку съ депешами и, занявъ за столикомъ мѣсто противъ Бреверна, углубился въ чтеніе донесеній графа Лидерса. Тѣмъ временемъ курьеръ потянулся, открылъ глаза и, увидѣвъ передъ собою сидящаго императора, до того смутился, что вмѣсто того, чтобы встать, истерически зарыдалъ на всю залу. Государь милостиво обнялъ Бреверна и поздравилъ его своимъ флигель-адъютантомъ.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЫЯ ВСТРѢЧИ ¹⁾.

IV.

Необдуманная затѣя.

ВЪ НИКОЛИНЪ ДЕНЬ, 6-го декабря 1864 года, меня разбудилъ звонокъ въ передней. Взглянувъ на часы, я былъ удивленъ раннему посѣтителю: не было десяти часовъ. Знакомые такъ рано не навѣщаютъ меня; день не редакціонный, къ тому же праздникъ; самъ я, по милости незабвеннаго цензора Касторскаго, работалъ до пяти утра, рассчитывая поспать, по крайней мѣрѣ, до одиннадцати... Звонокъ повторился. Я слышалъ, какъ человѣкъ мой кого-то урезониваетъ; ему отвѣчаютъ разомъ нѣсколько голосовъ. Кто бы это могъ быть?

— Въ чемъ дѣло?—окликнулъ я, убѣдившись, что посѣтители ушли, и человѣкъ принялся за уборку пріемной.

— Да вотъ,—отвѣчалъ онъ,—какіе-то господа другой уже разъ приходятъ; важное, говорятъ, дѣло имѣютъ къ вамъ; обѣщали придти черезъ полчаса.

— Кто же они такіе?

— Не знаю, ихъ шестеро; должно быть, важные господа.

— Почему же ты думаешь, что это важные господа?

— Да такъ, по всему видно; и шубы у нихъ такія, богатая, и потомъ... трешницу мнѣ пожаловали, лишь бы доложить вамъ, что

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ III, стр. 90.

у нихъ спѣшное дѣло... Вставайте, баринъ; уже и самоварчикъ готовъ.

Ровно черезъ полчаса раздался опять звонокъ; человѣкъ доложилъ мнѣ, что пришли тѣ самые важные господа и ждутъ въ пріемной.

Въ газетѣ «Петербургскій Листокъ», которую я редактировалъ, часто помѣщались свѣдѣнія, съ которыми или по поводу которыхъ ко мнѣ являлись разныя лица, заинтересованныя тѣми свѣдѣніями, съ предложеніемъ поправокъ и дополненій къ сообщенному газетой, а то и просто съ заявленіемъ, иногда коллективнымъ, о какомъ нибудь выдающемся фактѣ изъ общественной физиологіи. Направляясь изъ кабинета къ моимъ раннимъ посѣтителямъ, я приготовился выслушать одно изъ такихъ заявленій.

Въ пріемной стояли въ рядѣ шесть человѣкъ. Всѣ они были въ безукоризненныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и такихъ же перчаткахъ. Первое затѣмъ, что бросилось мнѣ въ глаза, это роскошныя баки и англійскіе проборы на завитыхъ волосахъ у каждаго изъ моихъ гостей. Я былъ встрѣченъ общимъ поклономъ шестерыхъ джентльменовъ.

Немедленно изъ среды ихъ выдѣлился впередъ громаднаго роста, не менѣе трехъ аршинъ, полный, пожилой мужчина съ величаво-добродушной физиономіей и, держа въ рукѣ бумажный свитокъ, обратился ко мнѣ съ такой рѣчью:

— Позвольте намъ, господинъ редакторъ, имѣть честь вамъ представиться. Я швейцаръ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Николаевны; это два придворные ея императорскаго величества камеръ-лакеи; это камеръ-лакей ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны; это швейцаръ великаго князя Николая Николаевича, а это камердинеръ графа Григорія Александровича Куселева-Безбородка.

— Что вамъ угодно, господа?—спросилъ я, съ трудомъ скрывая свое удивленіе.

— Мы, господинъ редакторъ,—продолжалъ швейцаръ великой княгини Маріи Николаевны,—открываемъ въ Петербургѣ свой клубъ, на подобіе парижскаго Жокей-клуба. Клубъ нашъ, по уставу, утвержденному господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, называется «клубомъ петербургскихъ служителей». Всѣ мы, тутъ явившіеся, избраны единогласно старшинами нашего клуба, а я предсѣдатель совѣта старшинъ. Много высокопоставленныхъ особъ сдѣлали намъ честь и изъявили свое благосклонное согласіе принять на себя званіе почетныхъ членовъ нашего клуба. Удостойте насъ и вы, господинъ редакторъ, этой чести. Надѣясь, что вы не захотите побрезговать нашей просьбой, мы изготовили и подносимъ вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена.

Я принялъ изъ рукъ оратора красиво напечатанный въ нѣ-

сколько красокъ дипломъ, гдѣ уже значилось мое имя, какъ почетнаго члена клуба, и ждалъ дальнѣйшаго объясненія поводовъ сдѣланной мнѣ чести. Оно немедленно послѣдовало.

— Позвольте вмѣстѣ съ тѣмъ, господинъ редакторъ, покорнѣйше просить васъ принять нашъ клубъ подѣ благосклонное ваше покровительство. Мы знаемъ, что безъ газетной поддержки теперь ничто не обходится; знаемъ, что у насъ, не смотря на высокое покровительство почетныхъ членовъ нашего клуба, найдется много недруговъ, которые будутъ осмѣивать насъ, стануть осуждать, придираяться... вотъ то же, что было сначала и съ парижскимъ Жокей-клубомъ, который спасся отъ нападковъ и возвеличился потомъ на всю Французскую имперію, благодаря только заступничеству газетъ... Вотъ мы и просимъ васъ, господинъ редакторъ, при случаѣ порадытъ о насъ добрымъ словечкомъ въ вашей газетѣ. Мы были у господина Краевского; то же обѣщали поддерживать и обѣщали сегодня быть у насъ на молебствіи по случаю открытія нашего клуба. И мы очень просимъ васъ, господинъ редакторъ, пожаловать на молебствіе въ два часа, въ помѣщеніе клуба, на Мойкѣ, вондѣ Почтамтскаго мостика, въ домѣ Греча.

— Кто же будутъ члены вашего клуба?—полюбопытствовалъ я:—всѣ ли петербургскіе служители могутъ быть членами, или, судя по вамъ, прислуга изъ домовъ привилегированнаго только класса?

— Насъ, наличныхъ членовъ, теперь уже шестьдесятъ,—отвѣчалъ предсѣдатель совѣта старшинъ,—членомъ нашего клуба можетъ быть каждый петербургскій служитель, но не иначе, какъ по рекомендаціи не менѣе трехъ членовъ-учредителей, которыхъ у насъ имѣется двадцать человекъ.

— А какая цѣль вашего клуба по уставу?

— Цѣль нашего клуба дать возможность петербургскимъ служителямъ и ихъ семействамъ, въ опредѣленные и совершенно свободные отъ обязательныхъ занятій вечера, съ соизволенія, конечно, своихъ господъ, собираться вмѣстѣ для развлеченія и отдыха послѣ трудовъ. Для насъ, мужчинъ, полагается чтеніе газетъ, игра въ шахматы и шашки, бесѣды разныя за стаканомъ чаю или кружкой пива; для семействъ нашихъ—рукодѣліе, маленькія игры, танцы.

Я обѣщала своимъ необычнымъ гостямъ, познакомившись подробно съ уставомъ ихъ клуба и смотря по тому, какъ у нихъ пойдетъ дѣло, поддержку въ своей газетѣ. Взявъ съ меня слово, что я приѣду къ молебствію, старшины удалились.

Около двухъ часовъ я отправился въ домъ Греча. Домъ этотъ былъ мнѣ очень памятенъ. Въ одной половинѣ его, налѣво, прежде помѣщалась редакція «Сѣверной Пчелы» П. С. Усова, въ которой назадъ три года я началъ первые мои литературные дебюты; на-

право жилъ самъ домовладѣлецъ Николай Ивановичъ Гречъ. Помню, какъ, выходя однажды отъ Усова, я почувствовалъ вдругъ неодолимое юношеское желаніе увидѣть Греча, того самаго Греча, по русской грамматикѣ котораго я въ дѣтствѣ еще составилъ себѣ о немъ понятіе, какъ о величайшемъ авторитетѣ въ области русскаго языковѣданія, и «Черная женщина» котораго стоила мнѣ столькихъ тревожныхъ бессонныхъ ночей во дни моего отрочества. Стоя нѣсколько минутъ въ сѣняхъ, отдѣлявшихъ редакцію «Сѣверной Пчелы» отъ квартиры знаменитаго грамматика, я колебался между страстнымъ желаніемъ видѣть творца «Черной женщины» и опасеніемъ, чтобы мой поступокъ не былъ истолкованъ въ невыгодную для меня сторону. Наконецъ, я рѣшился и робко позвонилъ. На вопросъ отворившей дверь старухи, что мнѣ нужно и какъ доложить, я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не нужно, что я изъ провинціи и желаю только видѣть Николая Ивановича; старуха ушла и, чрезъ минуту вернувшись, сказала: пожалуйста! Я вошелъ въ большой кабинетъ со множествомъ книжныхъ шкафовъ и увидѣлъ возлѣ окна въ вольтеровскихъ креслахъ старичка въ сѣромъ суконномъ халатѣ и высокихъ плисовыхъ сапогахъ; онъ посмотрѣлъ на меня изъ-подъ зеленаго на лбу зонтика и, молча, ждалъ, что я скажу ему. Я сразу почему-то сконфузился и началъ робко объяснять, что я недавно пріѣхалъ въ Петербургъ, что былъ вотъ тутъ въ редакціи «Сѣверной Пчелы» и, узнавъ, что здѣсь же проживаетъ онъ, Николай Ивановичъ, я счелъ своимъ долгомъ поклониться ему, какъ автору той самой русской грамматики, по которой я обучался.

— Садитесь, молодой человекъ, — сказалъ съ улыбкой Гречъ, протянувъ мнѣ два пальца, — садитесь и расскажите, куда привела васъ моя грамматика.

Я молчалъ, не понявъ вопроса.

— Я хочу знать, чему вы учились послѣ моей грамматики, — спросилъ Гречъ.

Я отвѣчалъ, что я воспитанникъ Кіевскаго университета по историко-филологическому факультету.

— А! кіевлянинъ? изъ святаго града?.. Очень, очень радъ... А легко далась вамъ моя грамматика?

— Я зубрилъ ее, — отвѣчалъ я, ободрившись.

— И вызубрили? хорошо вызубрили?

— Отлично, до сихъ поръ помню, — отвѣчалъ я.

Послѣ получасовой бесѣды, преимущественно о Кіевѣ, о моихъ профессорахъ и т. п., мы расстались съ Гречемъ, и я болѣе съ нимъ не встрѣчался, да и въ самомъ домѣ его я не былъ уже около двухъ лѣтъ.

Все это вспомнилось мнѣ, когда я подъѣзжалъ къ Гречевскому дому. Дворъ былъ уставленъ нѣсколькими каретами и санями. Въ

прихожей встрѣтили меня утренніе мои посѣтителі во главѣ съ тѣмъ же величавымъ швейцаромъ.

Войдя въ огромную залу, я сразу убѣдился, что помѣщеніе Греча, гдѣ я былъ назадъ три года, совершенно измѣнено и передѣлано заново. Посреди залы красовался великолѣпно сервированный столъ; тутъ уже находилось духовенство изъ Казанскаго собора, что я узналъ по протодіакону; вслѣдъ за мной вошелъ А. А. Краевскій, и затѣмъ одинъ за другимъ стали появляться приглашенные на торжество, большей частью, военные и преимущественно въ аксельбантахъ. Изъ знакомыхъ я встрѣтилъ тутъ полковника, который состоялъ по порученіямъ у петербургскаго генераль-губернатора князя Суворова.

— Будемъ ѣсть царскій завтракъ, — сказалъ мнѣ полковникъ, здороваясь.

— Какъ такъ?

— А такъ, что его готовили члены здѣшняго клуба, они же и главные повара изъ Зимняго дворца.

Когда собрались всѣ, повидимому, ожидавшіеся гости, духовенство облачилось въ ризы, и началось молебствіе съ пѣвчими. По окончаніи молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія всему царствующему дому, насъ пригласили къ столу. Завтракало насъ чловѣкъ двадцать, и за стуломъ каждаго стоялъ одинъ изъ хозяевъ-членовъ, расточая свое хлѣбосольное вниманіе; другіе мѣняли сервизъ, разносили блюда, и все это совершалось въ образцовомъ порядкѣ.

— Что вы думаете объ этомъ клубѣ? — спросилъ я сидѣвшаго рядомъ Краевскаго.

— Думаю, во-первыхъ, — отвѣчалъ Андрей Александровичъ, — что такъ не накормятъ ни въ одномъ лучшемъ французскомъ ресторанѣ, и, во-вторыхъ, думаю, что у насъ съ вами фраки — дрянъ, сравнительно съ фраками всѣхъ этихъ плебеевъ. Посмотрите на на любаго: все это шедевры Жорже, Шармера, Дюмигрона.

Но вотъ заискрилось въ бокалахъ шампанское, и начались тосты; ихъ провозглашалъ стоявшій все время позади стула молодого флигель-адъютанта предсѣдатель совѣта старшинъ. Первый, принятый восторженно, тостъ былъ за государя императора; при провозглашеніи тоста за здоровье наслѣдника цесаревича у величаваго швейцара на глазахъ показались слезы, и онъ съ глубокимъ чувствомъ добавилъ: «пошли ему Господь скорое выздоровленіе!». Восторженное, сердечное ура долго сопровождало этотъ тостъ, разносясь громкимъ эхомъ по всему зданію. Затѣмъ слѣдовали тосты за высокопоставленныхъ, почетныхъ членовъ клуба; потомъ прочтены были имена остальныхъ почетныхъ членовъ съ провозглашеніемъ общаго тоста за ихъ здоровье; тутъ были свѣтлѣйшій князь Суворовъ, графъ Куселевъ-Безбородко, Гагаринъ, Нарыш-

кинъ, Шереметевъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій и другія знатныя фамиліи; въ концѣ и мы съ Краевскимъ были помянуты. Затѣмъ слѣдовали оживленные тосты за процвѣтаніе клуба, за учредителей, за старшинъ, членовъ и ихъ семейства. Тостовъ была масса, и завтракъ окончился только послѣ пяти часовъ.

Провожая до выхода и благодаря за высокую честь, старшины просили каждого изъ насъ удостоить ихъ еще вечернимъ посѣщеніемъ, такъ какъ по случаю открытія клуба у нихъ въ тотъ же день назначенъ танцевальный семейный вечеръ.

— Хотите, подвезу васъ,—сказалъ Краевскій, когда къ крыльцу подкатилъ сѣрый рысакъ его. Мы поѣхали. — Вечеромъ здѣсь будете?—спросилъ онъ, кутаясь въ свою ильковую шубу.

— Если успѣю, заѣду,—отвѣчала я:—меня это интересуетъ.

— Молодость!..—пробурчалъ Краевскій.

— Вы какъ будто не сочувствуете этому клубу?—спросилъ я.

— Чему тутъ сочувствовать! Не тому ли, что надняхъ я рискую выйдти изъ дому въ нечищенныхъ сапогахъ? да это еще не бѣда; не бѣда и то, что наши лакеи станутъ втихомолку напяливать на себя наши штаны да фраки, лишь бы не ударить лицомъ въ грязь тамъ передъ этими плебеями-аристократами; а вотъ когда госпожи-членши этого клуба доберутся до гардероба своихъ барынь, вотъ пойдетъ потѣха...

— Вы думаете, это можетъ случиться?—спросилъ я, невольно вдумавшись въ слова Краевского.

— Поживете—увидите... А вы, всетаки, заверните туда сегодня вечеромъ; это, я думаю, будетъ поинтереснѣе завтрака; при случаѣ расскажете мнѣ, а то и въ газетѣ своей напишите; я съ удовольствіемъ прочитаю. Самъ я не могу быть тамъ; времени нѣтъ, да и неловко старику... что я буду дѣлать въ танцклассѣ?

— Ну, Андрей Александровичъ, вы ужъ слишкомъ... семейный вечеръ...

— А знаете ли, чѣмъ окончатся эти семейные вечера?—перебилъ меня собесѣдникъ. Я молчалъ.

— Окончатся...—тутъ Краевскій произнесъ очень рѣзкое слово.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ очень молодъ въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, и притомъ провинціально молодъ; меня покорило отъ словъ Краевского. «Вотъ старый брюзга»,—подумалъ я, разставаясь у моей квартиры съ маститымъ журналистомъ.

Благодаря, быть можетъ, клубному завтраку съ обильными его тостами, работа по выпуску слѣдующаго № газеты взяла у меня на этотъ разъ гораздо больше времени, чѣмъ я рассчитывалъ. Вернувшись изъ типографіи послѣ двѣнадцати часовъ ночи, я думалъ уже было приняться за новую работу и затѣмъ пораньше заснуть; въ ожиданіи самовара я прилежъ на кушеткѣ и, закуривъ сигару, сталъ, по обыкновенію, думать о событіяхъ истекшаго дня, и чѣмъ

долге моя память останавливалась на клубѣ, тѣмъ настойчивѣе давало себя знать чувство какой-то неловкости передъ хлѣбосольными его хозяевами. Не покажется ли имъ обидой, пренебреженіемъ то, что я не уважилъ такой сердечной ихъ просьбы пріѣхать на семейный вечеръ? Краевскій тоже не поѣхалъ, а они на насъ съ нимъ, вѣроятно, больше всего рассчитывали. Положимъ, у Краевского свои взгляды, и взгляды крайне узкіе на это дѣло... Во всякомъ случаѣ, кто бы ни были они, и чѣмъ бы ни кончилась эта ихъ затѣя, все же это хорошій народъ, и въ основѣ ихъ предпріятія лежитъ прежде всего нравственная общественная задача.

— Давай мнѣ фрачную пару, — сказалъ я моему лакею, когда онъ принесъ самоваръ. Пока я одѣвался, мнѣ вспомнился Краевскій съ его предположеніями, и я невольно окинулъ фигуру своего служителя; фракъ мой могъ бы придтись ему чуть-чуть не въ пору. Черезъ полчаса я подъѣзжалъ къ дому Греча.

Не семейный танцевальный вечеръ, а балъ, настоящій парадный балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда я вошелъ въ помещеніе новооткрытаго клуба. Меня встрѣтили нѣкоторые изъ старшинъ и тотъ же величественный предсѣдатель совѣта. Увидя меня, старикъ не могъ скрыть своей радости.

— А мы уже думали было, — встрѣтилъ онъ меня, — что ни вы, ни господинъ Краевскій такъ и не осчастливите насъ своимъ посѣщеніемъ.

Мы направились въ залу.

Оканчивали шестую фигуру кадрили. — «Grand rond!»... — раздавалась команда могучаго голоса, и паръ сорокъ танцующихъ силелась въ обширный пестрый кругъ. Въ первую минуту я готовъ былъ подумать, что я очутился въ великосвѣтскомъ салонѣ. Изыщные бальные туалеты, декольте и маншкуртъ, цвѣты, кружева, блонды, роскошные трены, брилліанты, изящныя прически, стройныя, граціозныя фигуры, безукоризненные фраки, англійскіе проборы... «Les dames au milieu, s'il vous plait!» — кричитъ дирижеръ, въ которомъ я тотчасъ призналъ красавца старшину, Кушелевскаго камердинера. «Chêne à droite!» — и бѣлый, розовый, голубой цвѣта красивой лентой зачередовались передъ моими глазами. И что за хорошенькія, свѣженькія личики; какъ мило освѣщаютъ ихъ эти восторженныя улыбки... «Grand rond, s'il vous plait!» — гремитъ команда, и кругъ снова развертывается на всемъ пространствѣ залы. — «Divisez vos dames!.. avançons et passons!.. en arcade!»...

Меня удивляло не то, что дирижеръ произносилъ свои возгласы на французскомъ языкѣ, а то, что вся эта команда петербургскихъ служителей исполняла его требованія правильно, быстро, безъ всякаго замѣшательства. Очевидно, подумалъ я, этому большому дебюту предшествовали старательныя репетиціи.

Старикъ швейцаръ все время не покидалъ меня и, очевидно, съ живымъ интересомъ слѣдилъ за моими впечатлѣніями.

— Позвольте мнѣ, господинъ редакторъ, представить вамъ моихъ дочерей,— обратился онъ ко мнѣ, когда окончилась кадрили.

— Пожалуйста, представьте меня имъ,— отвѣчала я, нѣсколько озадаченный предложеніемъ хозяина, и отправился вслѣдъ за нимъ къ лѣвой стѣнѣ залы. Я началъ сознавать, что положеніе мое неожиданно усложняется.

— Вотъ это моя старшая, а это меньшая,— указалъ онъ на двухъ сидѣвшихъ рядомъ прехорошенькихъ блондинокъ. Я назвалъ свою фамилію и сѣлъ на свободномъ стулѣ возлѣ старшей. Обѣ сестры, лѣтъ семнадцать — восемнадцать, были одинаково одѣты въ голубыхъ тарлатановыхъ платьяхъ, изящно подколотыхъ цвѣтами; въ ушахъ у нихъ блестяло по крупному брилліантику.

— Весело вамъ?—спросилъ я свою хорошенькую сосѣдку.

— Очень, очень весело!— отвѣчала она, не скрывая восторга.

— Вы часто танцуете?

— Въ такомъ большомъ собраніи первый разъ въ жизни, то есть не первый... но я давно уже такъ не веселилась.

— Давно? развѣ у васъ можетъ быть чтонибудь—давно?

— Видите ли... я говорю по свое дѣтство, когда насъ съ сестрой брали на елку къ великой княгинѣ; тамъ тоже много было и дѣтей, и взрослыхъ.

— Что же, вы находите разницу между тѣми и сегодняшнимъ вечеромъ?

— Большую, огромную... тамъ мы были очень смѣлы, ничего не боялись; великая княгиня любила, когда дѣти рѣзвятся; а здѣсь... теперь уже немного освоилась, а въ началѣ, когда начались танцы, жутко было.

При послѣднихъ словахъ собесѣдница моя очень мило и непринужденно вздрогнула плечами. Всюду одна и та же исторія,—подумалъ я, вспомнивъ описанія и рассказы о первомъ выѣздѣ на балъ нашихъ барышень. Въ это время раздались звуки Стравинскаго вальса.

— Вы умѣете угадывать чужія мысли?— вдругъ, неожиданно обратилась ко мнѣ сосѣдка.

— Какъ?..—спросилъ я, озадаченный этимъ вопросомъ.

— Такъ, по глазамъ...— отвѣчала она, не сводя съ меня своихъ плутовато улыбающихся глазъ.— Мы съ сестрой всё мысли одна у другой отгадываемъ по глазамъ.

— Вы находите теперь подъ обаяніемъ этого вальса.

— Угадали, угадали!..—какъ-то дѣтски взвизгнула она, быстро вставъ и опуская лѣвую руку на плечо мое. Мы понеслись; дама моя прелестно вальсировала.

— Какъ вы добры, какъ вы милостивы къ намъ,— говорилъ

мнѣ швейцарь Маринскаго дворца, провожая меня изъ залы и приглашая осмотрѣть все клубное помѣщеніе; мы поднялись нѣсколькими ступенями на верхъ.

— Вотъ это будетъ директорская, а это читальня; тутъ во время танцевальныхъ вечеровъ можно будетъ играть въ шахматы или шашки,—говорилъ мнѣ старикъ, проходя по комнатамъ.—Теперь вотъ я хотѣлъ спросить вашего совѣта, господинъ редакторъ... Многіе члены нашего клуба, да и нѣкоторые старшины, сильно налегаютъ на то, чтобы завести у насъ карточную игру... Какого вы на этотъ счетъ мнѣнія?

— Да у васъ по уставу полагаются карты?—спросилъ я.

— Не полагаются... да, видите ли, дополненіе исколотать не трудно; за это берутся и уже обѣщали содѣйствіе у министра внутреннихъ дѣлъ.

— А вы же какого мнѣнія на этотъ счетъ?—спросилъ я.

— Охъ, не хотѣлъ бы я заводить это добро въ нашемъ клубѣ; я и самъ не терплю картъ и знаю, что онѣ могутъ много намъ напортить.

— Въ такомъ случаѣ и мой вамъ совѣтъ, ни за что не допускайте карточной игры. Употребите все свое вліяніе; возьмите себѣ на подмогу другихъ—и членовъ, и особенно старшинъ клуба; и если у васъ находится протекція для того, чтобы выхлопотать дополненіе къ уставу, то та же самая протекція можетъ повліять на дѣло и въ обратномъ смыслѣ.

— А вы, господинъ редакторъ, не помогли бы намъ?

— Какъ?

— Нѣсколько словечекъ въ вашей газетѣ по этому поводу... Вы не знаете, какъ у насъ и уважаютъ все, что говорится въ газетахъ, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и боятся всего этого.

Я обѣщалъ высказать свой взглядъ на значеніе и задачи новаго клуба и долженъ былъ очень огорчить добраго старика, объявивъ, что я почти никогда не ужинаю и долженъ уѣхать домой, гдѣ меня ждетъ спѣшная работа.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого я, по настоянію докторовъ, долженъ былъ надолго покинуть Петербургъ; но еще до отъѣзда мнѣ пришлось убѣдиться въ недолговѣчности новаго клуба. Не прошло и мѣсяца со дня его открытія, какъ вѣщія слова Краевскаго стали день за днемъ оправдываться на дѣлѣ. Посвятивъ въ хроникѣ петербургской жизни нѣсколько сочувственныхъ словъ клубу петербургскихъ служителей, въ смыслѣ разъясненія общественной его задачи, я сталъ десятками получать и письменныя и словесныя заявленія о томъ, что завѣдомо поддерживаю страшные беспорядки, которые завелись въ каждомъ домѣ (по ми-

лости новаго клуба. «Помилуйте,—писали и говорили мнѣ,— я долженъ былъ дѣлать себѣ новую фрачную пару, потому что узналъ, что мой лакей изволилъ наряжаться въ мое платье и сообщилъ ему свою специфику»... «Моя жена,—говорилъ мнѣ другой,— вмѣсто того, чтобы быть вчера въ оперѣ, пролежала дома съ приступами отвратительной мигрени, по милости своей горничной, которая напялила на себя и *sortie du bal*, и брилліантовую брошь своей барыни»... «Мы третьяго дня остались безъ ужина, а вчера безъ завтрака, по милости повара, который съ вечера, не спросясь, отправился въ клубъ и вернулся оттуда въ восемь часовъ утра»... и проч., и проч.

Но не это еще доконало клубъ. Въ этомъ направленіи дѣло было еще поправимо; стоило лишь хорошенько взяться за это дѣло, направить, упорядочить его. Въ такомъ смыслѣ я и въ газетѣ и лично являвшемуся ко мнѣ за наставленіями величавому швейцару давалъ свои совѣты и указанія. Жаль мнѣ было этого симпатичнаго старика, которому принадлежала и первая мысль объ устройствѣ клуба, и который, казалось, готовъ былъ вложить всю свою душу въ это дѣло.

Однажды, въ началѣ, кажется, февраля, онъ пришелъ ко мнѣ крайне озабоченнымъ.

— Плохія наши дѣла,—началъ онъ,—помогите, господинъ редакторъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ господа замѣшались въ нашу компанію; тутъ добра не будетъ.

Я молчалъ и ждалъ дальнѣйшихъ разъясненій.

— Вотъ другое уже воскресенье они наѣзжаютъ къ намъ въ клубъ... такъ, часовъ послѣ двухъ ночи, съ разныхъ вечеровъ, театровъ, да журъ-фиксовъ, и большей частью все это послѣ ужина, въ веселомъ расположеніи... Ну, и пускаются въ плясъ... оно бы, кажись, и ничего... мы всегда готовы за честь принять... Вѣдь и я и дочка моя всю жизнь не забудемъ той чести, которую вы ей сдѣлали въ первый вечеръ... Теперь не то; теперь, смотришь, и выходитъ какая нибудь вольность... А какъ ты ихъ остановишь? все это молодежь изъ высшаго общества.

— Ну, ваше дѣло пропало,—сказалъ я,—принимайте мѣры, а то кончится худо.

— Но какія же мѣры, господинъ редакторъ? Вѣдь такихъ, недовольныхъ всѣмъ этимъ, насъ немного; другимъ это даже на руку, потанцовать вмѣстѣ съ сынкомъ своего князя или графа; а о бабѣ ужъ и говорить нечего; тѣ просто рады-радешеньки... Вотъ если бы вы, господинъ редакторъ, въ своей газетѣ да написали объ этомъ; это очень помогло бы намъ.

— Что же я могу написать?

— Да такъ, пристыдили бы молодыхъ господъ; не за свое, дескать, они дѣло берутся... мало ли, дескать, имъ своего барскаго общества...

— Я не могу этого писать,—отвѣчалъ я:—это не мое дѣло.

— Ну, такъ наше дѣло и взаправду пропало. Теперь, кромѣ вашей газеты, всѣ на насъ ополчились...—старикъ тяжело вздохнулъ и поникъ своею красивой головой.—Дома у меня тоже неладно,—произнесъ онъ упавшимъ голосомъ:—запретилъ своимъ бывать на клубныхъ вечерахъ; плачутъ дѣвочки: извѣстно—молодые дуручки, онѣ всего не понимаютъ, а мнѣ больно, коли ихъ обижаютъ... Кто же, кромѣ меня, и убережетъ ихъ? матери лишились еще въ дѣтствѣ...

При послѣднихъ словахъ слезы показались на глазахъ старика.

Мнѣ было очень жаль его, но помочь ему уже ничѣмъ я не могъ.

Въ апрѣлѣ, какъ я сказалъ, мнѣ пришлось покинуть и газету и Петербургъ и надолго забраться въ деревенскую глушь, на югъ Россіи. Я не помню теперь, существовалъ ли клубъ петербургскихъ служителей и въ слѣдующемъ году, или, вѣрнѣе всего, ему суждено было прекратить свое существованіе послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего перваго и послѣдняго зимняго сезона.

V.

Литературный вечеръ.

Покойный артистъ Александринскаго театра *Ө. А. Бурдинъ* заѣхалъ однажды ко мнѣ вечеромъ и съ особенной торжественностью объявилъ, что утромъ того дня пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ *Александръ Николаевичъ Островскій* и привезъ новую комедію, которую не дальше какъ завтра вечеромъ самъ будетъ читать у него, *Бурдина*, въ домѣ. Далѣе *Өедоръ Алексѣевичъ* сказалъ, что такой чести знаменитый драматургъ каждый годъ удостоиваетъ лишь его одного, что на подобные вечера онъ, какъ хозяинъ, не воленъ приглашать кого ему угодно, а подаетъ предварительно *Островскому* списокъ своихъ гостей, съ которыми тотъ поступаетъ иногда совсѣмъ нецеремонно, подчасъ, дескать, большую половину вычеркнетъ. Больше же всего не терпитъ *Островскій* присутствія на чтеніи своихъ піесъ когонибудь изъ литераторовъ. Привиллегія дается исключительно артистамъ, и то немногимъ. «Тутъ уже ничего съ нимъ не подѣлаешь...—закончилъ *Бурдинъ*,—но я во всякомъ случаѣ внесу вашу фамилію въ свой списокъ и буду просить *Александра Николаевича* сдѣлать для васъ исключеніе; онъ меня балуетъ и, надѣюсь, уважитъ мою просьбу».

На другой день добрый Бурдинъ завернулъ ко мнѣ всего на минутку, какъ онъ любилъ выражаться, и съ нескрываемой радостью объявилъ, что Островскій, въ виду сообщенной ему аттестаціи о моей особѣ, благоволилъ согласиться на то, чтобы я присутствовалъ при чтеніи его пьесы. «Чтеніе начнется ровно въ 9 часовъ вечера; пріѣзжайте въ восемь съ половиной; въ три четверти девятого всѣ приглашенные должны быть на мѣстахъ; въ 9 ровно пріѣдетъ Александръ Николаевичъ; тогда немедленно будетъ отдано приказаніе швейцару и прислугѣ, чтобы никого больше и ни подъ какимъ видомъ не принимали, чтобы во время чтенія, не дай Богъ, не раздался вдругъ звонокъ или вообще какой нибудь шумъ... Нельзя!... такой ужъ у насъ порядокъ!»... Съ этими словами Бурдинъ оставилъ меня, повторивъ еще разъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему не позже восьми съ половиной, въ черномъ сюртукѣ.

При всемъ непреклонномъ желаніи моемъ попасть къ Бурдину въ назначенныя имъ минуты, я опоздалъ на четверть часа, по какимъ-то неодолимымъ, теперь не помню, препятствіемъ. Съ радостью узналъ я отъ швейцара, что Островскій еще не пріѣзжалъ, но что всѣ уже въ сборѣ, и я явился послѣднимъ, такъ что послѣ меня велѣно уже никого болѣе не принимать.

Хозяинъ встрѣтилъ меня по обыкновенію радушно, хотя, покачавъ головой, посмотрѣлъ на меня съ нѣмымъ укоромъ. Съ нѣкоторыми изъ гостей Бурдина я былъ знакомъ, съ остальными немедленно познакомился. Все это были исключительно артисты Александринскаго театра. Всѣхъ участниковъ этого вечера, человѣкъ восемь-десять, я теперь перезабылъ (дѣло было въ декабрѣ 1864 года), но очень хорошо помню, что тутъ были Леонидовъ, Зубровъ, Степановъ и Васильевъ, тотъ самый Васильевъ, который мастерски игралъ роли солдатъ и былъ такимъ неподражаемо хорошимъ солдатомъ въ Москалѣ Чаривникѣ.

Но вотъ раздался звонокъ, всѣ всполошились, хозяинъ побѣжалъ на встрѣчу дорогому гостю, и оба они появились въ гостиной. До тѣхъ поръ я не видѣлъ Островскаго, зналъ его только по фотографіямъ и былъ нѣсколько озадаченъ большимъ несходствомъ оригинала съ видѣнными мной его карточками. На послѣднихъ онъ выходилъ обыкновенно съ добродушной, нѣсколько улыбающейся фizioноміей, причемъ въ лицевой растительности его главную роль играли роскошныя баки, спускавшіяся къ небольшой бородѣ; притомъ изъ фотографіи можно было заключить, что Александръ Николаевичъ брюнетъ. Здѣсь же предсталъ онъ серьезнымъ, нѣсколько нахмуреннымъ, съ довольно большой рыжеватой бородой. Артисты поспѣшили привѣтствовать его, причемъ Леонидовъ и Васильевъ въ самыхъ сердечныхъ словахъ выразили свою радость, видя Александра Николаевича бодрымъ и здоровымъ; затѣмъ хозяинъ под-

вель и представилъ меня. Подавая мнѣ правую руку, Островскій въ то же время лѣвой вынулъ изъ кармана часы и, глядя на нихъ, произнесъ: «Очень радъ; будемъ-те знакомы». Вслѣдъ затѣмъ онъ сѣлъ въ вольтеровское кресло, передъ которымъ стоялъ инкрустированный столъ, а на немъ свѣча, графинъ съ водой, стаканъ съ ложечкой и мелкій сахаръ въ хрустальной вазочкѣ. Мы молча усѣлись на стульяхъ, у стѣнки противъ Островскаго, который вынулъ изъ портфеля, внесеннаго сюда хозяиномъ, толстую тетрадь, налилъ въ стаканъ, хлѣбнулъ глотокъ воды и началъ такъ: «Воевода или сонъ на Волгѣ; комедія въ пяти дѣйствіяхъ». Съ того момента, какъ мы усѣлись, въ комнатѣ и безъ того царилъ абсолютная тишина, а тутъ при провозглашеніи названія пьесы всѣ мы затаили, какъ говорится, дыханіе.

Чтеніе перваго дѣйствія продолжалось минутъ сорокъ. Прочитано оно было мастерски, бойко, съ отгѣнками въ голосахъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Островскій не любилъ, чтобы до полнаго прочтенія имъ всей пьесы было высказано слушателями, въ какой бы то ни было формѣ, впечатлѣніе прочитаннаго. Это знали всѣ здѣсь присутствовавшіе, и потому царившая тишина ничѣмъ не прервалась. Всѣ съ такими же интересомъ и любовью продолжали не спускать своихъ глазъ съ лица лектора, который на минуту откинулся на спинку кресла, затѣмъ выпилъ глотокъ воды съ сахаромъ и приблизился къ своей рукописи.

Не успѣлъ онъ прочесть съ усиленной бойкостью двухъ страницъ втораго дѣйствія, какъ въ сосѣдней, передней комнатѣ вдругъ неожиданно рявкнулъ оглушительный звонокъ. Мы всѣ чуть не привскочили на своихъ мѣстахъ; бѣдный Бурдинъ поблѣднѣлъ, растерянно посмотрѣлъ вокругъ и чуть шепотомъ произнесъ: «Это, должно быть, по ошибкѣ»... Островскій опустилъ на колѣни рукопись и не сводилъ съ нея прищуренныхъ глазъ, словно ожидая чего-то; мы всѣ тоже вытянули ожидательныя фізіономіи, поспѣшивъ каждый въ душѣ присоединиться къ предположенію хозяина, что этотъ звонокъ раздался по ошибкѣ. Но не прошло и полминуты, какъ звонокъ затрещалъ съ удвоенной силой. Бурдинъ, сидѣвшій рядомъ съ Островскимъ, схватилъ себя за голову и бросился въ переднюю; тамъ у двери стоялъ уже лакей, не зная, на что рѣшиться.

Я сидѣлъ на мѣстѣ, откуда видна была входная дверь, и былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Не успѣлъ Бурдинъ самъ отворить дверь, какъ въ нее силой ворвался небольшого роста, толстый, пожилой господинъ во фракѣ. Прежде всего съ обѣихъ сторонъ по слѣдовала чрезвычайно энергичная жестикуляція. Оба въ одно время тихо говорили и не хотѣли слушать другъ друга; Бурдинъ подкрѣплялъ свои доводы, указывая руками на комнату, гдѣ мы находились; столякъ, повидимому, ничего этого знать не хотѣлъ

и, прикладывая руки то къ груди своей, то къ лысинѣ, не сдавался на доводы Бурдина и съ отчаяньемъ отстаивалъ свои собственные. Эта сцена продолжалась не менѣе трехъ минутъ, которые намъ показались доброю четвертью часа. Наконецъ хозяинъ, должно быть, преодолѣлъ упорство своего непрощеннаго гостя, и тотъ удалился. «Объяви швейцару, чтобы завтра и духу его не было въ моемъ домѣ!»—громко произнесъ Бурдинъ, обратясь къ лакею, и вошелъ къ намъ нахмуренный и встревоженный.

— Извините, дорогой Александръ Николаевичъ, — обратился Бурдинъ къ Островскому,—все это вышло такъ неожиданно... были приняты всѣ мѣры... швейцаръ получить должное возмездіе...

— Ничего, ничего...—отвѣчалъ Островскій, кладя рукопись на столъ и закрывая ее,—это вышло даже кстати, потому что я чувствую усталость и хотѣлъ и безъ того прекратить чтеніе.

Бурдинъ, какъ ошпаренный, только развелъ руками.

— Что же это?...—чуть не со слезами произнесъ онъ, оглядывая всѣхъ насъ.

Всѣ мы были глубоко огорчены такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла. Раздались сначала робкія, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе просьбы къ Александру Николаевичу.

— Я совсѣмъ не потому; я усталъ, господа, — отвѣчалъ намъ Островскій; но это не ослабило домогательствъ.

— Позвольте, господа,—выступилъ впередъ Васильевъ, — позвольте мнѣ быть докладчикомъ вашимъ и ходатаемъ передъ нашимъ дорогимъ Александромъ Николаевичемъ... Александръ Николаевичъ! дорогой! гордость наша! положимъ, у меня рука не дрогнула бы повѣсить на первой же осинѣ здѣшняго швейцара; положимъ, я не задумался бы продѣлать такую же точно операцію и съ почтеннымъ нашимъ хозяиномъ... (смѣхъ) да, да, Ѳединька! смѣяться нечего; тутъ не до смѣху; туда тебѣ и дорога,—не держи мерзавца швейцара!... Но при чемъ же тутъ всѣ мы? чѣмъ мы прогнѣвили васъ, Александръ Николаевичъ? За что намъ такая горькая обида? виноватъ Бурдинъ, ну, и выгонимъ его отсюда; я первый дамъ ему горячаго подзатыльника... Но мы-то, мы-то, за что страдать будемъ? и хоть бы эта бѣда стряслась надъ нами при самомъ началѣ, а то теперь, когда послѣ перваго дѣйствія у насъ только что разыгрались аппетиты... Помилуйте, Александръ Николаевичъ!...

По мѣрѣ того, какъ Васильевъ продолжалъ ораторствовать въ этомъ родѣ, къ нему присоединялись голоса другихъ артистовъ. Въ концѣ концовъ Островскій сдался, и чтеніе возобновилось. Но это уже было неохотное, вялое чтеніе. Уступивъ усиленнымъ просьбамъ, знаменитый драматургъ, очевидно, спѣшилъ поскорѣе отдѣлаться; только въ послѣднемъ дѣйствіи, къ самому концу піесы, голосъ лектора нѣсколько разъ дрогнулъ, и онъ закончилъ чтеніе такъ же мастерски, какъ и началъ.

Тутъ со всѣхъ сторонъ понеслись къ нему выраженія благодарности и восторга. Опытные артисты сразу подчеркнули нѣкоторыя выдающіяся мѣста піесы, особенно самый сонъ воеводы, который долженъ быть изображенъ въ лицахъ, за прозрачной кулисой.

— Это совершенно новый пріемъ, новая вещица, — говорилъ Леонидовъ, — это произведетъ громаднѣйшій, небывалый эффектъ.

Вслѣдъ затѣмъ хозяинъ предложилъ намъ отправиться въ столовую. Тамъ на большомъ столѣ воздвигнута была Лукулловская закуска; мы усѣлись, и общее настроеніе начало мало-по-малу оживляться. Одинъ лишь гостепріимный хозяинъ нашъ, при всемъ оказываемомъ имъ радушіи, видимо не могъ еще отдѣлаться отъ тяжелыхъ впечатлѣній случившагося.

— Ну, Ѳединька, — началъ Васильевъ послѣ третьей рюмки, — расскажи намъ теперь, какая это сатана чуть было не испортила намъ сегодняшняго вечера?

— Не могу ничего говорить, — отвѣчалъ Бурдинъ, подливая стаканы, — вина передъ Александромъ Николаевичемъ сковала языкъ мой.

— Ну, полноте, милый Ѳедоръ Алексѣевичъ, — произнесъ Островскій, протянувъ къ нему стаканъ, чтобы чокнуться, — все давно забыто, да и нечего было помнить... Пью за здоровье нашего милаго хозяина и прошу его полной милости къ неповинному ни въ чемъ швейцару! — при этомъ лицо Островскаго освѣтила добродушная улыбка, и сразу оно приняло пріятное выраженіе.

— Ура!! — закричало нѣсколько голосовъ, и стаканы протянулись къ Островскому и Бурдину. Послѣдній сразу повеселѣлъ и, обращаясь къ Васильеву, сказалъ:

— Ты спрашиваешь, какая это сатана надѣлала намъ сегодня столько хлопотъ? Это — Неваховичъ Александръ.

— А!!.. — послышалось отовсюду.

— Вотъ что, господа, — продолжалъ Бурдинъ: — кто изъ васъ хочетъ быть вице-губернаторомъ?

Мы всѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли на вопрошавшаго.

— Завтра, — продолжалъ онъ, — въ девять часовъ утра у Мины Ивановны на столѣ должны лежать три тысячи рублей, и охотникъ до этого пожертвованія немедленно получить должность вице-губернатора.

— Ага! — произнесъ Васильевъ, — надо полагать, кредитъ лопнулъ уже по всѣмъ швамъ, коли пошла на такія сдѣлки.

— Должно быть, здорово профершилилась! — сказалъ кто-то.

— Страшно! — отвѣчалъ Бурдинъ, — вчера сорвали у нея всѣ банки; и вотъ Неваховичъ рыщетъ теперь повсюду, чтобы выручить.

Я былъ ошеломленъ всѣмъ слышаннымъ.

— Кто же эта Мина Ивановна?— рѣшился я спросить.

Всѣ съ удивленіемъ на меня взглянули.

— Неужто не знаете?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ незнакома и извѣстная петербургская пословица?

— Какая?

— Хорошо тому жить, кому бабушка въ Моховой ворожить.

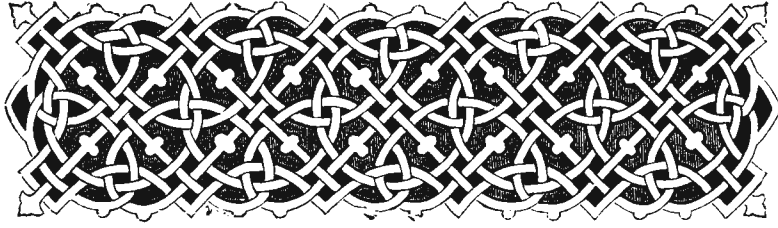
Тутъ мнѣ пришлось услышать много интереснаго о бабушкѣ, живущей въ Моховой улицѣ, о знаменитыхъ вечерахъ ея съ Луккуловскими ужинами, о громадной азартной игрѣ на этихъ вечерахъ, а главное — о легендарномъ почти всемогуществѣ Мины Ивановны ¹⁾...

Возвратясь къ себѣ домой, я много думалъ о событіяхъ истекшаго вечера. Между прочимъ, меня занимали такія мысли. Хорошій народъ эти артисты, но, Боже, какъ они легкомысленны! возможно ли такъ легко повѣрить, чтобы какой-то Неваховичъ отъ имени какой-то Мины Ивановны раздавалъ должности вице-губернаторовъ, да еще за такую сравнительно не высокую сумму? Вѣдь на эту приманку легко пошелъ бы любой кварталный надзиратель, не говоря уже о приставѣ. Ну, и далъ бы онъ съ великой охотой три тысячи Неваховичу и взялъ бы отъ него росписку или вексель на полученіе вице-губернаторской должности; ну, а потомъ?... предъявлять этотъ вексель ко взысканію въ управу благочинія, что ли?...

В. М. Сикевичъ.

¹⁾ М. И. была фавориткой одного весьма значительнаго въ то время сановника.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ ¹⁾.

ХІ.

Окрестности Покровки по Земляному валу.—Филантропъ Гаазъ и его больница.—Преданія и анекдоты о немъ.—Никольская церковь и Курскій вокзалъ.—Черногрязка.—Происшествіе съ великими князьями.—Изъ «добровольческой» эпохи.—Проклятый домъ.—Домъ Г. И. Хлудова.—Пр. И. Медынцева.—Нищенскій дворецъ князя Юсупова.—Именитые граждане Алексѣевы и Борисовскіе.—Домъ фонъ-Дервиза.—Домъ А. И. Хлудова.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ Покровки, по Земляному валу до Высокаго моста, названнаго такъ потому, что спускаться съ него приходилось съ высокаго Грузинскаго холма, расположены церковь Николы въ Кобыльскомъ (или, по объясненію другихъ, Ковыльскомъ) съ лѣпящимся сзади нея вокзаломъ (пассажирскимъ) Курской дороги, Полицейская больница (въ Маломъ Казенномъ переулкѣ), множество обширныхъ, прекрасныхъ, утонувшихъ въ садахъ усадебъ и надъ всѣми ими горделиво возвышающійся домъ-дворецъ наслѣдниковъ извѣстнаго московскаго миллионера Герасима Ивановича Хлудова.

Что касается Никольской церкви, то объ урочищѣ, гдѣ она построена, существуютъ два мнѣнія: во-первыхъ, полагаютъ, что тутъ былъ конный заводъ, или конный дворъ, и потому называютъ

¹⁾ Продолженіе. (см. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 116.)

его Кобыльскимъ; во-вторыхъ, что тутъ разстилалась поляна, заросшая ковылемъ-травой, почему и приходится букву *б* въ первомъ прозвищѣ замѣнить буквою *в*; что вѣрнѣе, намъ не удалось доискаться, да и не такъ ужъ это интересно, чтобъ слишкомъ жалѣть о томъ.

Много интереснѣе было бы произвести точное дознаніе, кому первому пришла въ голову странная мысль застроить тѣсное ущелье позади церкви, между ея оградой и Сусальнымъ переулкомъ, зданіями Курской пассажирской станціи, когда немного подальше къ ея услугамъ стояло нѣсколько обширныхъ усадебъ съ безконечными садами, вѣчно пустующихъ, никѣмъ не занятыхъ и цѣлые десятки лѣтъ тщетно продающихся покинутыми ихъ хозяевами?

Тѣснота строеній самой станціи и ея окрестностей — ужасающая, и если предположить въ этой мѣстности пожаръ, да, напри- мѣръ, въ лѣтнюю сухую пору, да при сильномъ вѣтрѣ, то смѣло можно держать пари, что ни отъ всего окружающаго станцію околота, ни отъ нея самой, ни даже отъ Никольской церкви, и слѣда не останется.

Полицейская больница связана въ памяти москвичей съ именемъ ея создателя, Ѳ. П. Гааза: объ этомъ симпатичномъ дѣятелѣ на поприщѣ филантропіи, столь художественно изображенномъ Достоевскимъ въ его романѣ «Идіотъ», сохранилось множество преданій, рассказовъ и анекдотовъ. Если начать съ послѣднихъ, то всего характернѣе вотъ какой. Бѣжалъ однажды Ѳедоръ Петровичъ куда-то по какому-то безотлагательному дѣлу; вдругъ видитъ, что съ возомъ сѣна, ѣхавшимъ впереди его, что-то попрытчилось: соскочило ли колесо, или расколосось, но только возъ сильно накренился и грозитъ повалиться на мостовую и придавить своего хозяина. Соскочилъ сердобольный старецъ съ дрожекъ, и ну помогать мужику: не успѣли они ничего еще сдѣлать, останавливается коляска, сидящій въ ней старецъ вылѣзаетъ вонъ и присоединяетъ къ ихъ усиліямъ свои. Это былъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, предсѣдатель опекунскаго совѣта, первый московскій аристократъ той эпохи, одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ царскому семейству вельможъ. Но такъ какъ онъ былъ старецъ еще древнѣе своего пріятеля Гааза, да и дѣло для нихъ было не совсѣмъ привычное, то немудрено, что они не столько помогали мужику, сколько мѣшали, топчась бесплодно вокругъ воза. Около этой группы собралась порядочная толпа зѣвакъ, такъ что когда къ мѣсту происшествія приблизилась карета шестеркой, то сидѣвшій въ ней третій старецъ подходящаго къ нимъ возраста, въ бѣломъ клобукѣ, не могъ не обратить на нихъ вниманія, узнавъ въ нихъ своихъ пріятелей, и по личному къ нимъ расположенію, и по совмѣстной службѣ въ тюремномъ комитетѣ, поровнявшись съ ними, благословилъ ихъ и при этомъ, какъ имъ показалось, не безъ насмѣшли-

восты улыбнулся. Когда, встрѣтившись съ митрополитомъ послѣ этого уличнаго свиданія, филантропы спросили его о смыслѣ улыбки, такъ ихъ смутившей, Филареть будто бы не обинуясь отвѣтилъ, что не могъ не разсмѣяться, видя, что два столь почтенные мужа отъ чистаго сердца занимаются бездѣльничествомъ. — Какъ бездѣльничествомъ? Да мы помогали бѣдняку. — Ну, а помогли ли? Оказалось, что нѣтъ, не они помогли, а другіе, а что они послѣ этихъ другихъ наградили деньгами. — Вотъ съ этого бы и начать, — замѣтилъ Филареть: — ибо васъ уже никто не наградилъ за напрасно потерянное время, и вы же сами виноваты передъ тѣми, ко вреду коихъ его потеряли. Ни тотъ, ни другой старецъ будто бы не нашлись ничего возразить на такое правоученіе.

О столкновеніи Гааза съ Филаретомъ на одномъ изъ засѣданій тюремнаго комитета на посрамленіе будто бы первымъ послѣднѣмъ рассказъ извѣстенъ, и по поводу его намъ довелось говорить съ однимъ изъ современниковъ и Гааза, и Филарета. Не опровергая самаго рассказа, за отсутствіемъ къ тому достаточныхъ фактическихъ основаній, лице это, однако, освѣтило отношенія Филарета къ Гаазу по службѣ въ тюремномъ комитетѣ съ точки зрѣнія, какъ намъ кажется, болѣе вѣрной и для репутаціи Филарета ничуть не прискорбной.

Дѣло въ томъ, что Филареть считалъ христіанское милосердіе долгомъ, и въ своей личной жизни исполнялъ этотъ долгъ почти на всю сумму своихъ доходовъ, ибо деньгами никогда не интересовался, скопидомствомъ никогда не занимался и даже не зналъ въ любую данную минуту, сколько у него денегъ и есть ли онѣ у него, вспомошествованія же и подаванія раздавалъ и направо и налѣво, и прямо въ руки просителямъ, приходившимъ на Троицкое подворье, и во всевозможныя благотворительныя учрежденія, и на всевозможныя филантропическія цѣли. Но слащаваго сердоболія и неразумительнаго мягкосердечія онъ и не понималъ, и за добродѣтель не признавалъ, почему на глаза многихъ и представлялся жестокосердымъ.

Гаазъ же былъ филантропъ во что бы то ни стало, и главное только филантропъ. И вотъ, когда его безпредѣльное мягкосердечіе сталкивалось съ несокрушимой и беспощадной Филаретовской логикой на узенькой дорожкѣ заботливости объ арестантахъ, то развѣ имъ можно было обойтись безъ столкновеній? *Ө. П.*, напри- мѣръ, какъ рассказываютъ, протестовалъ даже противъ тѣлесныхъ наказаній арестантовъ: Филареть указывалъ ему на миллионъ честныхъ солдатъ, изъ которыхъ каждаго любой ротный командиръ воленъ былъ безъ всякаго основательнаго повода засѣчь до полусмерти; *Ө. П.* домогался всяческихъ улучшеній арестантскаго дароваго стола: Филареть спрашивалъ его, много ли лучше ѣдятъ миллионы честныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ труда рукъ

своихъ питающіе и себя, и свои семьи, и своихъ господъ. Очень можетъ быть, что и въ пререканіяхъ, на которыя указываетъ рассказъ, шла рѣчь подобнаго сорта и въ подобномъ направленіи, что Филаретъ обмолвился неловкой или неловко выраженной фразой, а Гаазъ придрался къ выраженіямъ и словамъ, преувеличивъ ихъ истинный смыслъ, Филаретъ же не счелъ нужнымъ терять время на объясненія и предпочелъ смирить самого себя публичнымъ покаяніемъ: все это весьма естественно, а послѣднее даже и въ духѣ Филарета, и мы знаемъ не мало фактовъ, какъ глубоко раскаивался онъ въ своемъ случайномъ жестокосердіи и какъ потомъ ревностно дѣлами заглаживалъ свою иногда невольную вину передъ обиженнымъ или потерпѣвшимъ отъ его суровости.

Садовая отъ Малаго до Большаго Казеннаго переулка носить, какъ и площадь у Покровскихъ воротъ, то же названіе Черногрязки, но только еще съ большимъ на него правомъ, ибо какихъ нибудь 25 лѣтъ назадъ на этомъ, къ счастью, небольшомъ пространствѣ была большую часть года такая топь, что и вспоминать стыдно. Довольно сказать, что одиночные экипажи всю весну и осень опасались затонуть въ ея глубокой грязи, а пѣшеходовъ, которымъ представлялась надобность перебраться съ одной стороны улицы на другую, грязные золоторотцы перетаскивали на плечахъ, взявая за эти услуги отъ 3 до 5 и болѣе копеекъ, и именно въ этой непроѣздной грязи, въ началѣ 70-хъ годовъ, безнадежно за сѣла придворная карета, въ которую только что изволили сѣсть, по пути съ Курской станціи въ Кремль, ихъ высочества великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, возвращавшіеся изъ Крыма, куда они провожали августѣйшую родительницу, въ Бозѣ почивающую государыню императрицу Марію Александровну.

Во времена пресловутаго добровольческаго движенія, передъ послѣднею восточною войной, мѣстность эта втеченіе долгаго времени была ежедневно по нѣскольку разъ свидѣтельницей того энтузіазма, которымъ былъ охваченъ мгновенно весь русскій народъ, и тѣхъ восторговъ, которыми выражался этотъ энтузіазмъ со стороны московскаго населенія всѣхъ классовъ, и преимущественно простонародныхъ.

Мы не разъ бывали на Курскомъ вокзалѣ на проводахъ добровольцевъ, и передъ нами живо рисуется ихъ обычная картина: отъ самой Покровки до вокзала вся мостовая Черногрязки запружена экипажами; всѣ тротуары по обѣимъ сторонамъ улицы, равно какъ и раздѣляющіе ихъ отъ ряда домовъ палисадники, биткомъ набиты народомъ: вотъ чья-то цѣлая школа, и съ учителемъ во главѣ, глазѣтъ на подъѣзжающихъ къ вокзалу добровольныхъ ратниковъ за вѣру Христову; вотъ цѣлая модная мастерская изъ дѣвочекъ и дѣвушекъ разныхъ возрастовъ, отпущенная на проводы

хозяйкой; вотъ цѣлая толпа фабричныхъ, пробирающаяся къ вокзалу между экипажей и чуть не подъ ногами лошадей; въ самомъ вокзалѣ яблоку упасть негдѣ: неумолкаемое ура, умиленные слезы передъ кучками добровольцевъ, объятія съ ними совершенно незнакомыхъ имъ людей, рукопожатія, благословенія. На дебаркадерѣ тоже; полотно дороги, черезъ все протяженіе Сыромятниковъ, отъ станціи до Андроньева монастыря, кишитъ народомъ, не добравшимся до станціи и ограничившимъ свое патріотическое сочувствіе добровольческому подвигу скромною надеждой, на ходу поѣзда, поклониться хоть вагоннымъ окошкамъ, за которыми сидятъ путники, и черезъ нихъ послать имъ свое напутствіе и благословеніе... И при этомъ ни малѣйшаго признака беспорядка, ни шума, ни столкновеній, столь естественныхъ среди такого многолюдства, ни какихъ либо замѣшательствъ: напротивъ, чинное, большею частію, молчаливое изъясненіе сочувствія, благожеланія, благословенія въ умиленныхъ взорахъ, въ блестящихъ слезами глазахъ на грубыхъ, загорѣлыхъ лицахъ и изрѣдка въ восторженныхъ жестахъ и восклицаніяхъ... Что-то небывалое, непонятное, таинственное и чудесное сказывалось въ этомъ своеобразномъ проявленіи историческихъ инстинктовъ православнаго народа, безъ чьихъ либо постороннихъ побужденій и зазываній сбѣгавшагося каждый день со всей Москвы, чтобы хоть глазкомъ взглянуть, хоть въ спину посмотрѣть тѣмъ самоотверженнымъ героямъ, которые, никѣмъ не приглашенные, спѣшили на защиту православной вѣры и братьевъ-славянъ, до той поры совершенно невѣдомыхъ массѣ русскаго простонародья...

Какъ разъ на полпути отъ Курскаго вокзала къ Высокому мосту, на лѣвой сторонѣ Садовой, стоитъ, посреди густо разросшагося надъ самою улицей, почти дремучаго сада, желтый двухэтажный каменный домъ съ мезониномъ, унылаго и мрачнаго, почти зловѣщаго вида, съ обвалившеюся штукатуркой, съ разбитыми стеклами въ окнахъ и безъ всякихъ признаковъ обитаемости.

Какъ мы себя помнимъ, то-есть втеченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ, сотни разъ приходилось намъ проходить и проѣзжать мимо этой разоренной и покинутой усадьбы, и всегда она представлялась нашимъ взорамъ въ одномъ и томъ же видѣ, возбуждая естественное недоумѣніе, какъ это ни настоящіе ея владѣльцы, никто изъ любителей привольнаго барственаго житья, не воспользуется цѣлые десятки лѣтъ ни этимъ огромнымъ, помѣстительнымъ домомъ, изъ котораго можно бы было отдѣлать чуть не дворецъ, ни садомъ, сквозь мрачную чащу котораго онъ выглядываетъ своими подслѣпными окнами, ни другимъ еще болѣе обширнымъ садомъ, раскинувшимся позади его до самыхъ Сыромятниковъ, какъ и всѣ сады владѣній, расположенныхъ по этой сторонѣ Садовой отъ самой Никольской церкви до Яузы.

Владѣніе это, какъ намъ нѣкогда рассказывали старожилы этой мѣстности, въ былыя времена принадлежало какому-то дворянскому роду, потомъ, по обычному порядку, выросшему съ теченіемъ времени до степени непреложнаго закона, перешло въ купеческія руки. Купецъ хозяинъ, для извлеченія изъ бездоходнаго владѣнія барышей, началъ отдавать домъ жильцамъ, раздѣливъ его на мелкія квартиры. И вотъ съ этой-то эпохи судьба дома окрасилась въ легендарный колоритъ, степень достовѣрности котораго едва ли подлежитъ провѣркѣ. Рассказываютъ, будто въ одной изъ квартиръ поселилась какая-то особа женскаго пола, молодая и красивая; будто у нея и дневалъ и ночевалъ какой-то чернецъ, выдававшій себя за ея старшаго родственника; будто этотъ родственникъ, долго ли, коротко ли, приревновалъ свою юную родственницу къ неизвѣстному ему сопернику; будто однажды онъ уличилъ ее въ томъ, въ чемъ подозрѣвалъ, и, не долго думая, зарѣзалъ сначала ее, а потомъ и себя... Происшествіе это рассказы относятъ къ 30-мъ или 40-мъ годамъ, и оно будто бы произвело столь тягостное и ужасающее впечатлѣніе на всѣхъ прочихъ обитателей дома, что они немедленно покинули это гнѣздо страшнаго двойнаго преступленія, и съ той поры на ихъ мѣстѣ никто изъ обывателей не пожелалъ селиться. Такъ прошли многіе годы, домъ оставался пустымъ, хозяинъ его бросилъ, считая проклятымъ, а народная молва пустила басню, будто въ домѣ поселилась нечистая сила. Какъ нарочно, баснѣ этой случилось найти оправданіе и подтвержденіе. Въ 50-хъ годахъ, какой-то провинціалъ, задумавъ поселиться въ Москвѣ, восхитился привольемъ, окружавшимъ проклятую усадьбу, нанялъ ее за дешевую цѣну, отдѣлалъ домъ, подчистилъ сады и уже мечталъ пожить въ свое удовольствіе, но потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, совершенно неожиданно покинулъ домъ на произволъ судьбы, уѣхавъ неизвѣстно куда. Мѣстные обыватели, конечно, объяснили это обстоятельство въ желательномъ для ихъ фантазіи смыслѣ, и рассказы о чертовщинѣ, о всевозможныхъ пакостяхъ, устроивавшихся ею нарушителямъ ея покоя, о невообразимыхъ и неописуемыхъ ужасахъ, испытанныхъ послѣдними за короткій срокъ пребыванія въ этомъ проклятомъ домѣ, о кровавыхъ привидѣніяхъ, бродившихъ каждую ночь по всѣмъ комнатамъ, снова полились рѣкой. Какъ бы то ни было, а съ той поры домъ опять остался необитаемымъ и, ветшая годъ отъ году, скоро пришелъ въ прежнее положеніе, напоминая зданіе, сильно потерпѣвшее отъ сосѣдняго пожара, и въ такомъ видѣ оставался до послѣдняго времени, да, кажется, и теперь остается.

Совершенною противоположностью съ этимъ выморочнымъ имуществомъ представляетъ домъ наслѣдниковъ Гер. И. Хлудова, стоящій у самаго спуска къ Высокому мосту. Прежде онъ принадлежалъ купцамъ Усачевымъ и въ то время чуть не сдѣлался

настоящимъ дворцомъ: великая княгиня Елена Павловна такъ прельстилась его изящною въ своей простотѣ архитектурой, значительно напоминающей Останкинской домъ графовъ Шереметевыхъ, чрезвычайно внушительной наружностью и счастливымъ мѣстоположеніемъ на гребнѣ возвышеннаго холма, что выражала настойчивое желаніе приобрести его въ собственность, и только когда это по какимъ-то причинамъ оказалось невозможнымъ, приобрѣла недвижимость на Остоженкѣ, извѣстный Михайловскій дворецъ, уступленный впоследствии лицу цесаревича Николая и вскорѣ затѣмъ сгорѣвшій почти дотла. Изъ его-то пепла и вылезло то истинно безобразное въ архитектурномъ отношеніи строеніе, которое вмѣщаетъ въ себѣ въ настоящее время Катковскій лицей, и обязано оно своей аляповатой наружностью исключительной заботливости педагоговъ-публицистовъ о приспособленіи зданія къ воспитательнымъ и учебнымъ цѣлямъ.

Отъ Усачевыхъ красавецъ-домъ и перешелъ въ собственность старшаго представителя фирмы Ивана Хлудова сыновей, Герасима Ивановича. Фирма эта одна изъ знаменитѣйшихъ въ Москвѣ: по происхожденію она сродни Морозовскимъ фирмамъ, ибо родоначальникъ ея былъ тоже мужикъ-гусякъ; возрастомъ почти ровесница имъ; богатствомъ, по крайней мѣрѣ, равняется съ ними, если не превосходить ихъ. Последнее весьма вѣроятно, особенно въ виду того, что Морозовскій домъ уже теперь успѣлъ раскинуться на три самостоятельныхъ фирмы, тогда какъ Хлудовскій доселѣ составляетъ одну. У Ивана Хлудова было четверо сыновей: Давыдъ, Назаръ, Герасимъ и Алексѣй. Первые два вслѣдъ за смертью отца выдѣлились съ своими долями наслѣдства, и фирма осталась въ рукахъ у двухъ только сыновей. Въ свою очередь, послѣ смерти Алексѣя Ивановича Хлудова не замедлилъ послѣдовать за нимъ пресловутый ординарецъ генерала Черняева, сынъ его Михайло Алексѣевичъ, такъ что и теперь, если не ошибаемся, фирма остается въ распоряженіи двухъ лицъ: Ивана Герасимовича и Василія Алексѣевича, и, быть можетъ, еще долго не ощутитъ надобности размѣниваться на мелкія единицы. Средствами же она обладаетъ колоссальными: ей принадлежатъ всецѣло двѣ громаднѣйшія мануфактуры—Егорьевская и Ярцевская, множество паевъ въ другихъ мануфактурахъ и компаніяхъ, акцій въ страховыхъ обществахъ. Послѣ смерти Герасима Ивановича осталось, какъ тогда утвердительно говорили, до 16 милліоновъ, да послѣ Алексѣя Ивановича столько же: капиталъ почтенныхъ размѣровъ.

Домъ свой Герасимъ Ивановичъ велъ на самую утонченную ногу, да и самъ смахивалъ на англичанина. У него не разъ пировали министры финансовъ и иные тузы финансовой администраціи; садъ при домѣ, сползавшій къ самой Яузѣ, былъ отдѣланъ на образцовый англійскій манеръ и заключалъ въ себѣ не только оран-

жереи, но и птичій дворъ и даже звѣринецъ. Болѣе полжизни прожилъ Герасимъ Иванычъ въ этомъ домѣ безмятежно и благополучно, приумножая богатство, возвышая свою коммерческую репутацію, за тѣвая различныя прибыльныя предпріятыя, и сюда же былъ привезенъ бездыханнымъ отъ подѣзда купеческаго клуба, куда шелъ прямо изъ страховаго общества съ милліонами только что полученной за сгорѣвшую Ярцевскую фабрику преміи.

Замѣчательно, что и братъ его, Алексѣй Иванычъ, умеръ такою же почти смертью, ѣдучи на извозчикѣ изъ гостей, такъ что и попалъ домой мертвымъ не прямо, а сначала побывавъ въ Тверской части. Далѣе, сынъ его, Михайло Алексѣичъ, обязанъ ранней смертью извѣстнымъ своимъ излишествами, которыми прославился еще въ сербскую войну. Наконецъ, и его сынъ, 12-лѣтній мальчикъ, умеръ отъ сотрясенія мозга, пришибленный бревномъ, упавшимъ съ какой-то постройки, когда онъ спѣшилъ домой изъ пансіона, гдѣ учился. Видно, смерть, какъ и жизнь, какъ и судьба, тоже имѣетъ свои капризы и прихоти.

Если идти влѣво отъ Покровки по Земляному валу до Красныхъ воротъ, то на углу Харитоньевскаго переулка мы увидимъ просторный каменный двухъэтажный домъ, ничѣмъ особенно незамѣчательный, кромѣ того, что принадлежалъ злополучной Прасковѣ Ильинишнѣ Мединцевой, жертвѣ сначала семейныхъ недоразумѣній и непріятностей, потомъ сребролюбивыхъ вожделѣній извѣстной баронессы игуменьи Митрофаніи и наконецъ собственной своей слабости, кажется, и сведшей ее въ могилу. Эпопея ея злоключеній началась чуть ли не болѣе 30 лѣтъ назадъ, и почти до самой смерти, при всемъ своемъ богатствѣ, она не имѣла возможности распоряжаться свободно ни имъ, ни самой собою. Еще нестарой женщиной попала она подъ опеку мужа и сына; позже заключена была, съ ихъ же согласія, игуменьею Митрофаніей въ ея Покровской общинѣ, гдѣ на нее смотрѣли, какъ на неизсякаемую дойную корову или на курицу, способную несть золотыя яйца въ неограниченномъ количествѣ; послѣдніе годы жизни, при помощи добрыхъ людей освободившись отъ всякихъ официальныхъ попеченій, она уже сама оказалась на столько неправоспособной къ независимому, самостоятельному существованію, что добровольно стала подъ опеку собственной прислуги, выходя даже на недалекія вечернія прогулки не иначе, какъ подъ конвоемъ слуги. Наконецъ, и послѣ смерти не сразу ее оставили въ покоѣ, а только тогда, когда не удалось уничтожить ея главнѣйшаго добраго дѣла—крупной жертвы на богоугодныя и благотворительныя цѣли. Уничтожить это доброе дѣло можно было, только разорвавъ на судѣ ея духовное завѣщаніе, а это сдѣлать можно было опять таки, лишь доказавъ, что она доживала вѣкъ не въ своемъ умѣ. Нашлись люди, которые, ничтоже сумняся, напрягли всѣ свои умственные

силы, чтобы только перевернуть прахъ покойницы въ могилѣ и распозорить ея память, какъ сумасшедшей старухи; но, слава Богу, нашлись и такіе, что заступились за ея кости, сняли съ нея подозрѣніе въ безуміи и доставили ея душѣ хоть ту отраду, что ея послѣдняя, истинно добрая воля не уничтожена путемъ юридическихъ софизмовъ.

Отъ Медынцеваго дома рукой подать до Юсуповскаго, нѣкогда роскошной княжеской резиденціи одного изъ первыхъ богачей русской аристократіи, а нынѣ унылаго постоялаго двора для забираемыхъ полиціей специалистовъ и специалистокъ нищенской профессіи. Говоримъ: «постоялаго двора», ибо домомъ заключенія его никакъ нельзя назвать, въ силу распоряжковъ, установленныхъ самимъ «комитетомъ для призрѣнія нищихъ». Дѣло въ томъ, что если бы дѣйствительно забирались всѣ нищіе, ходящіе по Москвѣ, то для ихъ помѣщенія не хватило бы и десятковъ такихъ домовъ, какъ Юсупова. Отсюда между нищими и ихъ Юсуповскимъ дворцомъ по необходимости установились такія отношенія, что не онъ нуженъ для нищихъ, а нищіе нужны для него. Отсюда и ловитва нищихъ производится по сигналу изъ Юсуповки, когда тамъ почему либо освобождается достаточно мѣста, причемъ, какъ говорятъ насмѣшники, напередъ даже указывается точное количество, сколько «подать нищихъ». Столько и ловятъ, ровно столько и подаютъ. Пройдетъ недѣля-двѣ—эту партію отпускаютъ, а частію рассылаютъ въ подлежащія общества и на родину, и опять заказываютъ подать «свѣжихъ». Въ этомъ равномерномъ обмѣнѣ одной партіи нищихъ на другую всѣ функціи «нищенскаго комитета» и заключаются, и обѣ заинтересованныя стороны совершенно довольны: комитетъ знаетъ, что онъ всегда обезпеченъ, такъ сказать, живымъ матеріаломъ для проявленія своей служебной дѣятельности, нищіе знаютъ, что высидка въ Юсуповкѣ не болѣе, какъ отдохновеніе отъ заботъ и тяготъ побирашничества.

Ближе къ Краснымъ воротамъ красуется, рядомъ съ Медынцевскимъ, великолѣпный домъ именитаго гражданина Сергѣя Владиміровича Алексѣева. Сергѣй Владиміровичъ—представитель одного изъ старѣйшихъ купеческихъ домовъ въ Москвѣ, и его предокъ, при объявленіи французской войны, вмѣстѣ съ Боткиными, Корзиковыми и Шевалдышевыми, былъ однимъ изъ крупныхъ жертвователей на военныя надобности. Въ 30-хъ годахъ его фирму представляли два его сына—Владиміръ и Петръ Семеновичи. Они въ свое время прославились тѣмъ, что для раздѣла послѣ отца наслѣдства вынули изъ опекунскаго совѣта принадлежавшій имъ вкладъ свыше 100 милліоновъ рублей. Въ 50-хъ годахъ дѣти Петра Семеновича самымъ радикальнымъ образомъ разорились, такъ что навсегда сошли съ коммерческой арены и доживали вѣкъ приказчиками у богатой родни, наслѣдники же Владиміра Семеновича

сохранили свое богатство и положеніе доселѣ: Александръ Владиміровичъ давно уже скончался въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Пречистенскомъ бульварѣ, оставивъ Москвѣ въ наслѣдство своего сына, Николая Александровича, недавняго городского голову, погибшаго такой трагической смертью, а братъ его, Сергій Владиміровичъ, дядя головы, здравствуетъ, по милости Божіей, доселѣ.

Напротивъ его дома, бывшимъ домомъ Стрекаловой владѣеть г. Борисовскій, потомокъ Петербургскаго городского головы, переселившійся въ Москву съ тѣхъ поръ, какъ купилъ сахарный заводъ «Кнопъ и Пасбургъ» за Сокольниками, близъ Преображенскаго. Г. Борисовскій не безъизвѣстенъ по своему значительному участию въ злоупотребленіяхъ коммерческаго ссуднаго банка, за каковое, кромѣ судимости въ знаменитомъ Струсберговскомъ процессѣ, довольно чувствительно заплатился и изъ денежныхъ средствъ, будучи присужденъ, вмѣстѣ съ другими, къ удовлетворенію гражданскаго иска, вытекшаго изъ помянутаго процесса.

О домѣ г. фонъ-Дервиза, Сергѣя Павловича, сына извѣстнаго желѣзнодорожнаго креса, можно сказать только, что онъ раньше принадлежалъ комиссіонеру по выпискѣ машинъ Бутенону, что стоитъ въ такомъ закоулкѣ, неудобнѣ котораго трудно найти, цѣльнаго ничего собою не представляетъ, вида никакого не имѣетъ и тѣхъ громадныхъ денегъ, которыя, по слухамъ, затрачиваетъ на его внутреннее убранство его владѣлецъ, по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, едва ли заслуживаетъ.

Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ, послѣ раздѣла съ братьями задумавъ строить отдѣльный домъ для своей семьи, въ выборѣ мѣста тоже оказался не удачнѣе г. фонъ-Дервиза: его домъ своимъ безобразнымъ колпакомъ надъ крышей словно вылѣзаетъ изъ-подъ дрянныхъ построекъ убогаго тупика, идущаго съ Садовой отъ зданія бывшей Яузской части и упирающагося сейчасъ за Хлудовскимъ палаццо въ ровъ, по дну котораго проложены рельсы соединительнаго пути Курской дороги съ Ярославскою, обстановка, едва ли достойная дома, строеннаго съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ его принимали за дворецъ. Теперь, впрочемъ, въ этомъ большой бѣды нѣтъ: доставшись послѣ смерти строителя его сыну Михаилу Алексѣичу, онъ былъ отказанъ послѣднимъ, по духовному завѣщанію, на устройство дѣтской больницы въ память его несчастнаго сына, о безвременной смерти котораго мы уже выше упомянули.

XII.

Что такое Басманная?—Железно-дорожный мостъ и его исторія.—Развѣднительная вѣтвь желѣзной дороги.

О Басманной всего вѣроятнѣе предположить, что она никогда не была пригороднымъ селомъ въ томъ смыслѣ, какъ Елохово, Красное, Рубцово-Покровское и др. Въ этомъ убѣждаетъ и самое ея прозваніе, которое даже въ простонародьѣ упорно сохранило окончаніе женскаго рода, тогда какъ всѣмъ несомнѣннымъ селамъ тотъ же народъ присвоилъ прозвища средняго рода, строго грамматически согласуя ихъ съ словомъ село. И въ самомъ дѣлѣ, какъ странно было бы услышать отъ московскаго простолюдина, что онъ пойдетъ въ Елохову, Красную, Покровскую и т. д., также точно вы никогда не услышите отъ него, напримѣръ, что онъ собирается въ Басманное, или что былъ въ Басманномъ.

Это была просто проѣзжая дорога отъ Покровскихъ городскихъ воротъ къ подмосковному селу Елохову, сначала, по всей вѣроятности, пустынная, не застроенная и не заселенная, изображавшая, быть можетъ, даже просѣку среди лѣса; впоследствии, когда по ея каймѣ указали селиться басманникамъ, она начала обстроиваться съ обѣихъ сторонъ жилыми и усадебными строеніями, которыя еще позже и составили непрерывную улицу. И что это именно такъ происходило, на то указываютъ и доселѣ сохранившіеся черезчуръ обширные размѣры усадебъ почти у всѣхъ частныхъ владѣній, расположенныхъ по Басманной: очевидно, что въ эпоху ея заселенія каждый поселенецъ, ставившій свой домишко окнами на дорогу, позади его встрѣчалъ совершенно свободное пространство, отъ котораго и отрѣзывалъ себѣ подъ усадьбу столько, сколько было надобно и угодно. Къ этому же заключенію располагаетъ и совершенное почти отсутствіе на Басманной переулковъ, столь частыхъ въ настоящихъ селахъ: и не съ кѣмъ, и не съ чѣмъ было устраивать соединительные пути, да и не зачѣмъ, ибо каждый обыватель съ своихъ задворковъ могъ свободно, за отсутствіемъ поселка, пройти куда угодно.

Если-жъ это не было село, а лишь дорога, постепенно застраивавшаяся сплошными жилыми строеніями, то, слѣдовательно, не могла Басманная быть и помѣстьемъ и отчиной боярина Басманова, чего весьма хочется многимъ сочинителямъ московской старины, ибо ни князья, ни цари московскіе проѣзжихъ дорогъ своимъ боярамъ не дарили. Не говоримъ уже о томъ, что происходила она отъ Басманова, она и была бы Басмановой или Басмановской, а никакъ не Басманной.

Слѣдовательно, одно и остается объясненіе этого названія, то-есть, что на всей верстѣ ея протяженія, до самаго вѣзда въ село Ело-

хово, обитали басманы или басманники, артисты утонченнаго пекарнаго художества, постигшіе нелегкую по тѣмъ временамъ тайну пекарнаго искусства—выпекать хлѣбы, а, можетъ быть, и пряники, съ вытисненными на нихъ басмами, то-есть изображеніями или рисунками, напимѣръ, гербовъ и другихъ предметовъ, на манеръ того, какъ на нынѣшнихъ пряникахъ вытисняются слова: «сія коврижка вяземская» и т. п. А что промыселъ этотъ въ древней Руси, слѣдовательно и въ Москвѣ, не только существовалъ, но и достигъ значительной степени развитія, это несомнѣнно уже изъ того, что высшіе сорта пряниковъ испоконъ вѣка назывались «печатными», то-есть имѣли на своей лицевой сторонѣ какія либо оттиснутыя изображенія.

Теперешняя Басманная, конечно, и слѣдовъ никакихъ не сохранила специальности своихъ первоначальныхъ обитателей: въ ней также не живетъ никакихъ «басманниковъ», какъ горшечниковъ въ Гончарахъ, полотнянщиковъ въ Хамовникахъ, котельниковъ въ Котельникахъ, садовниковъ и огородниковъ въ Садовникахъ и Огородникахъ; да и вообще эти драгоценныя для изслѣдователя московской старины прозвища мѣстностей города сохранили одно лишь историческое значеніе, и чуть ли не единственное исключеніе въ этомъ смыслѣ представляютъ Кожевники, гдѣ и до сихъ поръ сгруппированы всѣ московскіе кожевенные заводы.

Начинается Басманная очень неказистою и некрасивою, и даже довольно тѣсною улицей, которая и сохраняетъ такой видъ и характеръ на разстояніи цѣлой четверти версты, почти до церкви Никиты Мученика. Только отъ этого храма начиная и сама улица становится шире, и дома на ней красивѣе и великолѣпнѣе, и усадьбы при нихъ обширнѣе.

Еще болѣе тѣснымъ начало Басманной кажется отъ моста, перекинутаго черезъ довольно глубокую выемку, которая пересѣкаетъ улицу и по дну которой проложено полотно соединительной вѣтви между Курскою и Николаевскою желѣзными дорогами.

Теперь это только такъ кажется, но до послѣдняго времени мость и въ самомъ дѣлѣ до крайней степени стѣснялъ эту людную, отъ ранняго утра до поздняго вечера оживленную и преисполненную и коннаго, и пѣшеходнаго движенія мѣстность Басманной. Дѣло въ томъ, что Курская желѣзная дорога, то-есть прежняя Серпуховская (первое время, пока она была доведена лишь до Серпухова), строилась уже въ ту эпоху, когда частная желѣзнодорожная предпріимчивость, почувявъ свою силу и могущество, переставала считаться съ чужими правами и своими обязанностями, и признавала лишь собственныя удобства и даже прихоти. Немудрено, что, подкапываясь ради своихъ выгодъ подъ Басманную, она очень мало интересовалась тѣмъ, какое впечат-

тлѣніе и вліяніе этотъ подкопъ произведеть на московскихъ обывателей, и съ своей стороны считала, быть можетъ, великодушіемъ и то, что не оставляетъ Покровки перегороженною своимъ оврагомъ навсегда, а перекидываетъ, всетаки, черезъ него мостъ. Ну, а какой мостъ—вполнѣ ли удобный или вовсе неудобный,—это ужъ не великая важность. И мостъ дѣйствительно вышелъ возмутительно неудобенъ: онъ оказался чуть ли не на двѣ сажени уже и безъ того очень узкой въ этомъ мѣстѣ улицы, и понятно, какія препятствія и затрудненія начало испытывать, по винѣ этого обстоятельства, и конное, и пѣшее движеніе по нему. Но до проведенія конки и обыватели, и дума кое-какъ мирились съ этимъ неудобствомъ. А вотъ когда по самой серединѣ моста проложили рельсы конно-желѣзной дороги, тогда началось что-то трудно вообразимое и изобразимое: представьте себѣ, на пространствѣ какихъ нибудь четырехъ сажень въ ширину, по срединѣ этого пространства грузно катящійся вагонъ конно-желѣзной дороги, съ обѣихъ его сторонъ трясущихся туда и обратно, то-есть къ городу и отъ города, двѣ громоздкихъ линейки (сохранившійся во всей неприкосновенности традиціонный типъ московскихъ омнибусовъ), рядомъ съ линейками двѣ извозчичьихъ пролетки (тоже по одной съ каждой стороны), да либо еще двѣ коляски, либо двѣ кареты, да по вереницѣ пѣшеходовъ, гуськомъ пробирающихся по деревяннымъ полуаршиннымъ тротуарчикамъ, насланнымъ вдоль не слишкомъ высокихъ перилъ; представьте себѣ эту картину въ осенія дождливыя сумерки, освѣтите ее тусклымъ свѣтомъ подслѣповатыхъ керосиновыхъ фонарей, гарнируйте липкою, скользкою грязью, прибавьте ко всему этому отчаянные звонки, раздающіеся съ конки, ругань и проклятія кучеровъ и извозчиковъ, ржанье лошадей, а иногда и насмѣшливый свистъ паровоза, посылающаго изъ-подъ моста кверху цѣлыя облака горячаго пара,—и вы будете имѣть лишь блѣдное изображеніе того, что происходило на этомъ мосту въ дѣйствительности. Вывихнутыя руки и ноги, искалѣченныя лошади, поломанные экипажи, и вѣчные полицейскіе акты то о столкновеніи конки съ извозчичьими дрожками, сопровождавшемся выпаденіемъ сѣдоковъ подъ колеса проѣзжавшей кареты, то о переѣздѣ чьей нибудь коляски черезъ тѣло прохожаго, ошалѣвшаго отъ испуга, бросившагося куда глаза глядятъ, поскользнувшагося и растянувшагося среди грязи,—таковы были ежедневные результаты непонятной ошибки, допущенной при сооруженіи моста на добрую треть уже улицы, которую онъ былъ предназначенъ соединять.

Если, впрочемъ, вѣрить сплетнѣ, ходившей по Москвѣ въ свое время, сказанная ошибка оказывается весьма понятной: рассказывали, будто инженеръ, которому поручено было составить необходимые по сооруженію моста чертежи, напрасно понадѣялся на

свою память и полѣнился вымѣрять ширину улицы, да и укоротилъ ее черезчуръ. А начальство, которому представили планъ и смѣту на работы, въ похвальной поспѣшности довѣрилось исчислениямъ инженера и утвердило проектъ сооруженія. Ну, а когда ужъ перекинули мостъ, хотъ и видятъ, что онъ узенежъ, да вѣдь не бросать же его въ ломъ: авось, постоятъ хотъ сколько нибудь. Москвичи народъ терпѣливый и не торопливый: такъ этотъ мостъ и простоялъ слишкомъ четверть столѣтія. Но вдругъ дума ополчилась на него: въ яркихъ краскахъ, много превосходящихъ наши, гласные изобразили другъ передъ дружкой обывательскія терзанія, испытываемыя на этомъ мосту; городская управа завела неугасимую переписку съ управленіемъ желѣзной дороги; послѣднее пробовало отѣхать съ своей стороны на отпискахъ, но недолго спустя, посовѣстившись, что ли, или свеликодушничавъ, взяло да и изъявило согласіе на расширеніе моста и даже на огражденіе его, вмѣсто коротенькихъ перилецъ, такъ и манившихъ перекувыркнуться черезъ нихъ въ оврагъ, длинными саженными щитами. Случилось это всего нѣсколько лѣтъ назадъ, и вотъ уже года три, какъ благое намѣреніе желѣзнодорожнаго управленія, вмѣсто того, чтобъ поступить въ разрядъ матеріалоръ для замощенія адской мостовой, перешло въ область совершившихся фактовъ. Сплетники, впрочемъ, и этотъ фактъ объясняли счастливой случайностью, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что къ этому самому времени у одного изъ магнатовъ городского самоуправленія завелось на Басманной близкое родство, такъ что ему часто самому приходилось ѣздить черезъ это ущелье, и одинъ разъ его коляскѣ даже потерпѣть какое-то поврежденіе. Было и другое объясненіе, что общество Курской дороги, наконецъ, поняло, что золотой вѣкъ желѣзнодорожнаго самоуправства миновалъ, и что правительство и въ этомъ дѣлѣ можетъ пришить ему хвостъ такъ же, какъ успѣло къ тому времени пришить хвосты многимъ компаніямъ по различнымъ другимъ вопросамъ.

Замѣчательно, что то же общество Курской дороги повинно передъ Москвою, помимо своего моста, и въ другомъ не менѣе тяжкомъ грѣхѣ: въ устройствѣ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, десятковъ, по крайней мѣрѣ, двухъ искусственныхъ тупиковъ, то-есть переулковъ, перерванныхъ пополамъ его соединительной вѣтвью, въ которую они и упираются тупыми концами и съ той, и съ другой ея стороны. Легко представить себѣ изумленіе обывателей, обитавшихъ по этимъ переулкамъ въ то время, когда проводили эту соединительную вѣтвь: вдругъ, въ одно прекрасное утро, они имѣли неприятность проснуться отрѣзанными и отъ привычныхъ путей сообщенія, и отъ рынковъ, и отъ мѣстъ своей службы или своихъ занятій, и отъ своихъ приходскихъ церквей, и очутиться въ горькой необходимости совершать до того или дру-

гаго изъ этихъ пунктовъ, вмѣсто ничтожныхъ прогулокъ въ четверть и въ полъ-версты, обходные марши чуть не по нѣскольку верстѣ. Особенно обиднымъ этотъ сюрриризмъ долженъ былъ показаться жителямъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ мѣстности, известной подъ общимъ именемъ Сыромятниковъ: здѣсь издавна ютился небогатый людъ, состоявшій изъ мелкихъ чиновниковъ и приказчиковъ, тяготѣвшій къ городу и избравшій для своего обитанія глухія закоулки Сыромятниковъ по замѣчательной дешевизнѣ ихъ квартиръ при сравнительно не очень значительной отдаленности отъ центральныхъ улицъ города. До перерыва Сыромятниковъ пополамъ этою линіей; отъ любого ихъ пункта до Садовой было не больше 5—10 минутъ ходьбы, отъ любого же пункта Садовой до города не больше двухъ верстѣ: по московскому масштабу разстояніе отнюдь не далекое. Съ проведеніемъ же соединительной вѣтви какъ разъ вся та половина этой мѣстности, которая, начиная отъ Андроньевской горы, прилегала къ Яузѣ и къ бывшимъ владѣніямъ графа Разумовскаго, была разъединена съ Садовой чуть не на цѣлыя версты, и обывателю, живущему, напримѣръ, позади линіи противъ вокзала, на пути изъ города домой, приходилось выйти на Садовую Казеннымъ переулкомъ и затѣмъ вытягивать по ней вправо длинный путь въ цѣлую версту до Сыромятническаго проѣзда, а оттуда, пройдя подъ Сыромятническимъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ, поворачивать на тропинку около насыпи влѣво, и по этой тропинкѣ вытягивать столь же длинный путь, какъ и тотъ, который онъ только что сдѣлалъ. Но и не говоря уже о такомъ захолустѣ, какъ Сыромятники, и мѣстности болѣе центральныя и людныя не спаслись отъ тупиковъ: Садовая украсилась тупикомъ Яузскимъ, получившимъ названіе не отъ рѣки, а оттого, что онъ начинался противъ зданія бывшей Яузской части, нынѣ упраздненной; это — тотъ самый тупикъ, въ которомъ, по милости все той же соединительной линіи, пришлось жить А. И. Хлудову съ семьей въ томъ самомъ дворцѣ съ колпакомъ, о которомъ мы уже говорили, что онъ его сыномъ пожертвованъ на благотворительныя цѣли.

Второй тупикъ, еще длиннѣе и безнадежнѣе Яузскаго, носитъ почему-то названіе Вознесенскаго, а расположенъ вдоль самага полотно соединительной вѣтви, между Покровкой и Новой Басманной, отъ которой его отдѣляетъ всего только одна усадьба: не будь ея, и изъ него вышелъ бы прекрасный и весьма полезный проѣздъ отъ Старой къ Новой Басманной, но теперь онъ не болѣе, какъ тупикъ, упирающійся въ глухой заборъ и заставляющій незнакомаго съ мѣстностью путника, вздумавшаго выгадать на дорогѣ, пройти съ полверсты, дойти почти до самой улицы и, въ виду ея споткнувшись о заборъ, поворачивать назадъ, чтобы, выбравшись на

открытую дорогу, очутиться опять въ 1½ верстахъ отъ этой самой Новой Басманной.

Само собою разумѣется, что всѣхъ этихъ неудобствъ можно бы было избѣжать, или, смотря по мѣстности и положенію желѣзнодорожнаго полотна, перекинувъ черезъ разорванные переулки мосты, или же устроить между ними переѣзды, огражденные шлагбаумами. И любезность эта была оказана городу, но только въ трехъ пунктахъ, а именно: Покровка соединена мостомъ, а Гороховая улица, ведущая отъ Землянаго вала къ Газовому заводу, и Новая Басманная, первое время послѣ проведенія соединительной вѣтви, были перегорожены шлагбаумами, которые и красовались на этихъ улицахъ въ продолженіе лѣтъ 15-ти, пока-то, наконецъ, желѣзнодорожнымъ воротиламъ надоѣло платить жалованье сторожамъ, состоявшимъ при нихъ, и они надумались углубить желѣзнодорожное полотно такимъ образомъ, чтобъ локомотивы съ поѣздами могли свободно проходить подъ мостами, перекинутыми черезъ улицы, которыя съ той поры и избавились отъ перегораживавшихъ ихъ шлагбаумовъ и украсились мостами.

Но чтобы всѣ разъединенные между собою и безпощадно пополамъ перерѣзанные переулки могли претендовать на такое же удобство,—этого ни тогда, ни послѣ, не приходило въ голову ни самимъ москвичамъ, ни ихъ городскому управленію, ни тѣмъ паче желѣзнодорожному начальству. Да и сами обыватели злосчастныхъ переулковъ сначала поскучали, поволновались, а потомъ и свыклись съ грустной необходимостью дѣлать лишніе обходы вокругъ да около желѣзнодорожнаго полотна вмѣсто прямой дороги, имъ уничтоженной, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ они существуютъ для удобствъ желѣзнодорожныхъ компаній, а не сами желѣзные, желѣзноконные и другіе всевозможные пути сообщенія для ихъ удобностей и выгодъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а желѣзная дорога, эта представительница самыхъ пока усовершенствованныхъ путей сообщенія между людьми, въ данномъ случаѣ, по странной прихоти судьбы, явилась и продолжаетъ служить разобщительницей между ними, и такъ называемая соединительная вѣтвь Курско-Николаевской дороги въ извѣстной степени можетъ присвоить себѣ прозвище вѣтви разъединительной.

XIII.

Церковь Никиты Мученика.—Богатство прихода.—Благосостояніе причта.—Настоятели Никитской церкви.—Астрономъ протоіерей Капустинъ.—Домъ Демядовыхъ и московскія легенды о ихъ странностяхъ.—Разсказъ о постройкѣ Воспитательнаго дома.—Купецъ Быковъ.—Судьба дома и сада Демядовыхъ въ рукахъ межеваго вѣдомства.

Церковь Никиты Мученика, обращающая на себя вниманіе какъ своею архитектурой, такъ и окраской, представляющей соединеніе двухъ цвѣтовъ—краснаго съ бѣлымъ, внутри отличается благолѣпіемъ и богатствомъ отдѣлки, и едва ли не одна изъ всѣхъ московскихъ церквей поражаетъ странною особенностью: главный храмъ, во имя Великомученика Никиты, почти совершенно развѣденъ съ двумя своими придѣльными храмами въ честь Владимірской Божіей Матери и во имя Іоанна Крестителя, и сообщается съ ними не широкою аркой, какъ почти во всѣхъ московскихъ церквяхъ, а крайне узкимъ проходомъ. Отъ этого, не говоря уже о томъ, что уничтожается цѣлостность и совокупность впечатлѣнія, которое должно бы было производить обширное пространство соединенныхъ между собою всѣхъ трехъ церквей, проистекаетъ и другое чисто внѣшнее неудобство: при многочисленнѣйшемъ приходѣ, въ большіе праздники церковь привлекаетъ такую массу богомольцевъ, что гдѣ бы ни совершалась служба, тѣснота и давка становятся почти неизбѣжными, ибо, если служить въ главномъ храмѣ, то-есть въ такъ называемой холодной церкви, то двѣ обширныя теплыя придѣльныя церкви пустуютъ, и вся масса богомольцевъ тѣснится туда, гдѣ совершается служба; когда же служба идетъ въ одной изъ послѣднихъ, то холодная точно также пустуетъ, а благодаря этому, даже и при обширности двухъ теплыхъ церквей, дѣло рѣдко обходится безъ тѣсноты и толкотни. Но всего ощутительнѣе это неудобство сказывается 14-го и 15-го сентября каждаго года. Изстари, съ самаго основанія церкви, память Великомученика Никиты, празднуемая на другой день Воздвиженія, особенно благоговѣнно чтится не только всѣми окрестностями Басманной, но и всею благочестивою Москвою. Сохраняется даже преданіе, что въ старину, 15-го сентября, совершался изъ Кремля къ Никитѣ Мученику на Басманную крестный ходъ, и что по упраздненіи его митрополиты московскіе считали за непремѣнное совершать въ этотъ день въ храмѣ Великомученика позднюю литургію. Въ настоящее время митрополичьихъ и вообще архіерейскихъ служеній уже давно не бываетъ, но въ народѣ благочестивая привычка помолиться Великомученику въ день его праздника въ его храмѣ на Басманной сохранилась доселѣ, и потому ко всенощной накануне 15-го и къ поздней обѣднѣ въ день самаго праздника

стеченіе народа бываетъ необычайное: экипажи запражаютъ всю улицу вдоль церковной ограды, а внутри ея, на обширномъ «монастырѣ», напоминающемъ своими деревьями и вообще зеленью паркъ, стоятъ плотными массами тысячи богомольцевъ, не нашедшихъ мѣста ни въ одной изъ трехъ церквей. Уже изъ этого можно заключить, что же бываетъ въ самыхъ церквахъ: и дѣйствительно главный, «холодный» храмъ, гдѣ совершается служба, бываетъ биткомъ набитъ еще задолго до благовѣста; обѣ теплыя церкви также наполняются до тѣсноты и давки, и между тѣмъ большая часть богомольцевъ, въ нихъ помѣстившихся, лишены возможности видѣть, что совершается за службой, слышать, что читается, и разбирать, въ беспорядочной массѣ достигающихъ ихъ ушей и отдаленныхъ звуковъ, что поется. И это тѣмъ для нихъ прискорбнѣе, что служба совершается съ традиціонною для этого дня торжественностью: съ участіемъ наилучшаго протодьякона, нѣсколькихъ протоіереевъ и всего хора Чудовскихъ пѣвчихъ, въ цѣломъ его составѣ, съ самимъ регентомъ во главѣ и, конечно, въ парадныхъ форменныхъ кафтанахъ...

Приходъ Никиты Мученика въ Басманной издавна славился богатствомъ и знатностью своихъ обывателей, и половина этой славы сохранилась за нимъ и теперь: правда, о старинной знати, въ родѣ Демидовыхъ, князей Куракиныхъ и многихъ другихъ, остались одни лишь смутныя и темныя воспоминанія, но на ихъ мѣстахъ осѣло именитое купечество, не менѣе ихъ, если не болѣе, усердное къ церкви Божіей и щедрое на пожертвованія въ ея пользу. Такъ, изъ извѣстныхъ въ Москвѣ старинныхъ купеческихъ родовъ въ недавнее время считались въ приходѣ Никиты Мученика гг. Бостанжогло (табачные фабриканты), Рожновы (банкиры и галантерейщики), Хлудовы, Перловы, Аржениковы, Юдины (фабриканты офицерскихъ вещей); къ нимъ слѣдуетъ прибавить и новыхъ богатыхъ поселенцевъ прихода, какими были, на примѣръ, миллионеръ водочникъ и мануфактуристъ Первушинъ, богородскій фабрикантъ Бажановъ, строительный подрядчикъ Пріятелевъ и многіе другіе.

При наличности такихъ капитальныхъ прихожанъ, и приходъ не могъ считаться бѣднымъ, и дѣйствительно, что касается доходовъ мѣстнаго причта, то онъ всегда считался однимъ изъ лучшихъ въ Москвѣ, и удостоиться назначенія настоятелемъ къ церкви Никиты Мученика, на примѣръ, при митрополитѣ Филаретѣ было не легко: для этого требовались особыя заслуги или отличія. И дѣйствительно, втеченіе слишкомъ полустолѣтія, считая съ водворенія Филарета на каедрѣ Московской митрополіи, приходъ Никиты Мученика могъ по справедливости гордиться достоинствами своихъ пастырей: такъ, втеченіе двухъ-трехъ десятилѣтій до начала 50-хъ годовъ приходомъ правилъ протоіерей В. И. Богдановъ,

одинъ изъ видныхъ, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, представителей тогдашняго столичнаго духовенства (въ настоящее время сынъ его, уже маститый старецъ, А. В. Богдановъ, состоитъ настоятелемъ храма Димитрія Солунскаго, на Тверской); послѣ его смерти достойнымъ его замѣстителемъ явился протоіерей П. П. Ключаревъ и, наконецъ, на мѣстѣ послѣдняго—протоіерей Платонъ Ивановичъ Капустинъ, служившій при храмѣ болѣе четверти вѣка, въ 80-хъ годахъ переведенный въ настоятели Казанскаго собора и умершій въ концѣ 90-го года настоятелемъ Петропавловской церкви, что на Новой Басманной. Платонъ Ивановичъ представлялъ собою особенно замѣчательную личность въ составѣ московскаго приходскаго духовенства.

Уроженецъ г. Перми и воспитанникъ Пермской семинаріи, Платонъ Ивановичъ за отличные успѣхи въ наукахъ былъ отправленъ для продолженія образованія на казенный счетъ въ Московскую духовную академію. Здѣсь, подъ верховнымъ надзоромъ митрополита Филарета, онъ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ магистровъ, черезъ годъ былъ приглашенъ на кафедру въ той же академіи, съ утвержденіемъ въ званіи бакалавра. Въ этой должности своими примѣрными трудолюбіемъ и поведеніемъ онъ остановилъ на себѣ столь лестное вниманіе митрополита, что тотъ не нашелъ лучшаго жениха для одной изъ своихъ родственницъ, и когда соглашеніе Пл. И—ча съ родителями невѣсты состоялось, съ радостію благословилъ ихъ бракъ. Ставъ, въ качествѣ семейнаго человѣка, въ положеніе, отчасти аналогичное съ положеніемъ протоіерея Протопопова, Пл. И—чь, подобно ему, вынужденъ былъ покинуть профессорское званіе, промѣнявъ его на мѣсто приходскаго священника при церкви Спаса во Спасскомъ, что близъ Сухаревой башни, и, пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ, переведенъ былъ, по смерти протоіерея Ключарева, настоятелемъ къ церкви Никиты Мученика. Здѣсь, примѣрно исправляя обязанности приходскаго пастыря, онъ свободно отдался ученымъ занятіямъ по математикѣ и астрономіи, собралъ обширный физическій кабинетъ, устроилъ въ саду при собственномъ домѣ небольшую астрономическую обсерваторію, время отъ времени плоды своихъ ученыхъ изысканій предоставляя на судъ ученой публики въ печатныхъ брошюрахъ и въ то же время находя досугъ и для педагогическихъ занятій въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, и для исправленія должности благочиннаго и члена консисторіи, и для воспитанія и обученія собственныхъ своихъ дѣтей, и съ христіанскою покорностью перенося жестокія испытанія, какими Провидѣніе посѣщало его. Выдающимся изъ безропотно перенесенныхъ имъ несчастій былъ, безъ сомнѣнія, пожаръ, случившійся въ началѣ 60-хъ годовъ, въ которомъ истреблено было огнемъ не только все недвижимое имущество, но и дорогого стоимостію Пл. Ив—чу бібліотека и физическій кабинетъ, и живыми сгорѣли двое его дѣтей малютокъ.

Скончался отецъ протоіерей маститымъ старцемъ, не доживъ всего лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до золотого юбилея своей учености, то-есть до 50-ти-лѣтней годовщины окончанія академическаго курса, который завершилъ степенью магистра въ 40-мъ году.

Отъ церкви Никиты Мученика съ Покровки идетъ къ самому центру Нѣмецкой улицы, мимо Гороховаго поля, на протяженіи слишкомъ версты, переулковъ, носящій въ верхней своей части названіе Гороховскаго, а въ Нижней—Денисовскаго. Первый домъ въ этомъ переулкѣ, занятый теперь школою межевыхъ топографовъ, принадлежалъ пресловутому своими богатствами, странностями и чудачествами роду Демидовыхъ, потомковъ извѣстнаго кузнеца Петровской эпохи. Въ московскомъ населеніи еще доселѣ популярны рассказы о различныхъ причудливыхъ и самодурныхъ выходкахъ разныхъ членовъ этой теперь вымирающей и оскудѣвающей фамиліи. Объ одномъ изъ Демидовыхъ, напримѣръ, рассказываютъ, что любимая прогулка его была по Москвѣ на маленькихъ, низкорослыхъ лошадакахъ, причемъ кучеромъ и форейторами назначались гайдуки, отличавшіеся гигантскимъ ростомъ: самодурному барину забавно было видѣть, какъ длинныя ноги фореиторовъ, особенно при быстрой ѣздѣ, волочились по землѣ и колотились о мостовую то носками, то пятками, а сами они, вслѣдствіе того, поминутно вынуждены были привскакивать, причемъ нерѣдко кувыркались съ лошади наземь. Но это не останавливало экипажа, который, иногда даже переѣхавъ черезъ гайдука, продолжалъ мчаться по улицамъ, пока тотъ несчастный, поплатившись за барскую дурь иной разъ и сильнымъ ушибомъ, въ наказаніе долженъ былъ плестись восвояси на своихъ израненыхъ и зашибленныхъ ногахъ. Не лишена юмора и легенда о томъ, какъ Демидовъ выдавалъ дочь замужъ за самаго наизнатнѣйшаго вельможу. Дѣло въ томъ, что о приданомъ ни вельможа женихъ ни слова, ни самъ Демидовъ ни полслова. Ну, думаетъ женихъ, Демидовъ не обидитъ дочери. А онъ, хоть и вельможа, а женился-то, все-таки, изъ-за денегъ. Какъ ни какъ, а свадьбу сыграли, и о приданомъ—все ни гу-гу. Послѣ бала, когда молодые стали прощаться, Демидовъ и говоритъ: «Ну, я завтра утромъ къ вамъ приѣду. Принимайте съ почетомъ». Вотъ и слава Богу, подумалъ молодой: значить, и о деньгахъ переговоримъ. Наутро молодые только что проснулись, глядъ въ окно, а къ воротамъ подъѣзжаетъ папашина карета, и сквозь стекло виднѣется и самъ онъ, какъ есть во всей одеждѣ, и въ шляпѣ... лице только какое-то у него странное. Однако, бросились встрѣчать. Гайдуки, какъ быть надо, растворили у кареты дверцы и принялись съ благоговѣніемъ высаживать барина. Смотрятъ молодые, да оторопѣли: виѣсто папаши-то боровъ, огромнѣйшій и во всю папашину одежду одѣтъ. Жабо—и то подвязано какъ слѣдуетъ. Вельможа молодой изволилъ было прогнѣваться, закричалъ,

затопаль: за обиду счелъ себя, что тесть, вмѣсто себя, свинью при-
слалъ въ гости. Однако супруга смекнула: погоди, говорить, мой
другъ, это не проста.

И дѣйствительно, топчутся два верзилы у дверецъ, а никакъ
высадить барина не могутъ: очень ужъ тяжелъ. Позвали еще дво-
ихъ, и тоже ни съ мѣста: и только вшестеромъ, не то ввосъ-
меромъ, наконецъ осилили барственную свинью, вытащили изъ ка-
реты и поставили на крыльцо. А жена ужъ успѣла мужа вразу-
мить: и оба къ свинѣ съ почтеніемъ, какъ бы къ самому папашѣ.
Втащили борова по лѣстницѣ въ залу и поставили на самомъ по-
четномъ мѣстѣ, и сами стоятъ передъ нимъ, всякія ласки оказы-
ваютъ. А гайдуки папашины въ дверяхъ наблюдаютъ. Ну, только
время и отпустить гайдуковъ: ихъ угостили, наградили и отослали
къ папашѣ, приказавъ сказать, что очень благодарятъ, но что и
самого его съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Ждали-ждали, а онъ такъ
и не пріѣхалъ: что дѣлать съ его тупорылымъ посланникомъ, не
знаютъ. Однако оставили и почевать въ этомъ же почетномъ углу;
на другой день и самъ пріѣхалъ, и такъ это ему по нраву при-
шлось, что они отъ него свинью съ почетомъ приняли. Тутъ же
и сказалъ: «вотъ, дочка, эту свинью тебѣ отъ меня въ приданое.
А мало покажется, скажи: другую такую же пришлю». И что же?
Какъ начали послѣ него эту свинью потрошить, изъ нея то и знай
свертки на полъ сыплются — который съ золотыми, который съ брил-
лиантами; едва подбирать успѣваютъ. И на такіе большіе милліоны
изъ этой свиньи золота и камней въвыбрали, что ужъ за дру-
гой и посылать не стали, и какъ вельможа ни былъ завистливъ и
алченъ, а и тотъ удовлетворился.

Даже и о постройкѣ Воспитательнаго дома существуетъ легенда
въ связи съ именемъ того же Демидова. Что онъ былъ однимъ изъ
главныхъ жертвователей на это крупное доброе дѣло, это извѣстно:
но любопытно объясненіе, которое даетъ легенда Демидовской щедр-
ности на пользу этого учрежденія.

Демидовъ, видите ли, былъ въ Лондонѣ, и такъ поссорился со
всѣми тамошними заправилами, что возненавидѣлъ всѣхъ англи-
чанъ и захотѣлъ такъ имъ насолить, чтобъ они всегда помнили
его мечь. Думалъ онъ, думалъ, и надумался: пошелъ къ ихнему
парламенту, подкупилъ всѣхъ сторожей, забрался въ самую глав-
ную залу, гдѣ у нихъ пренія происходятъ, и учинилъ тамъ та-
кую неблагопристойность, что и сказать стыдно. Утромъ начали
собираться члены въ парламентъ, только носами поводятъ да воз-
духъ нюхаютъ. Что, думаютъ, за притча? Однако скоро увидали,
на разныхъ видныхъ мѣстахъ, что за пакость имъ приготовлена,
и разсердились. Приказали во что бы то ни стало доискаться, кто
совершилъ такое оскорбительное для англійской націи преступле-
ніе, и какъ узнали, что это Демидовъ, такъ сейчасъ къ импера-
трицѣ Екаторинѣ жалобу. Та за Демидовымъ:

— Что ты надѣлалъ? Ты меня осрамилъ передъ англичаниномъ! Что я теперь ему отвѣчу?

— Матюшка-царица!—отвѣтилъ Демидовъ, падая на колѣни:— прости, не стерпѣло мое ретивое, гляючи на всѣ ихъ пакости, что они супротивъ тебя и насъ всѣхъ замышляютъ. Простишь, я тебѣ такое дѣло сдѣлаю, что всѣмъ царствамъ-государствамъ въ обра-зецъ будетъ.

Государыня смягчилась:

— Говори, какое такое дѣло?

Демидовъ разсказалъ въ общихъ чертахъ характеръ и планъ учрежденія Воспитательнаго дома.

— Дорого это обойдется,—возразила Екатерина Демидову.

— Матюшка-царица, во что бы ни обошлось, а ужъ разъ я сказалъ, такъ сдѣлаю,—отвѣтилъ гордо Демидовъ.

— Ну, коли такъ, нечего дѣлать, прощаю,—изрекла Екатерина, сама подняла Демидова съ колѣнъ и поцѣловала въ лобъ.

Сейчасъ же и закипѣли работы по постройкѣ безконечныхъ зда-ній Воспитательнаго дома, размѣрамъ и благоустройству котораго, согласно легендарному пророчеству Демидова, удивлялась вся Европа, включая даже Наполеона I, да и теперь удивляются всѣ иностранцы, посѣщающіе Москву и съ благоговѣніемъ вематривающіеся во всѣ подробности этого гигантскаго филантропическаго учрежденія. Что во всѣхъ этихъ легендахъ справедливаго, и даже много ли, это осо-бый вопросъ, подлежащій рѣшенію завзятыхъ специалистовъ и знатоконъ фамилльныхъ исторій нашего родовитаго барства. Но уже то обстоятельство, что мы слышали ихъ лѣтъ 30 — 35 назадъ, и слышали отъ древнихъ стариковъ, старожилонъ московскихъ, захватившихъ своими дѣтскими годами Екатериненскую эпоху и слѣдовательно разсказывавшихъ со словъ современниковъ, удосто-вѣряеть въ томъ, что въ этихъ легендахъ не все же сплошной вымысель, и что во всякомъ случаѣ ихъ общій характеръ и тонъ не лишены правдивости. И если вдуматься въ этотъ характеръ и вслушаться въ тонъ, то получатся, пожалуй, не лишеныя осно-ванія данныя для характеристики и нравственной и умствен-ной всего рода Демидовыхъ. А и это уже вещь далеко не без-полезная, главное, не безынтересная, и можетъ служить не только подспорьемъ для историческихъ о немъ свѣдѣній, но и для ихъ освѣщенія и объясненія.

Домъ Демидовыхъ, о которомъ идетъ рѣчь, ушелъ изъ ихъ рукъ, если не ошибаемся, еще въ 40-хъ годахъ и попалъ прямо въ руки полудикаго богача-раскольника, купца Быкова. Сей не избалованный роскошью мужъ распорядился съ домомъ и его бо-гатствами и сокровищами посвоему: заперъ ихъ на ключъ, поло-жилъ ключъ въ карманъ, а самъ помѣстился въ воротахъ, въ темной каморкѣ привратника, гдѣ и проживалъ долгіе годы со-

вершеннымъ пустынноикомъ, выходя на свѣтъ Божій только для прогулки въ лавочку, да для того, чтобы собственноручно подмести дворъ и обширный роскошный садъ своего Демидовскаго дворца.

И только разъ въ годъ, въ Свѣтлое воскресенье послѣ обѣдни, устраивалъ онъ самъ себѣ рѣдкое угощенье: бралъ ключъ, отпиралъ парадныя двери, поднимался по мраморной лѣстницѣ, молча обходилъ анфилады роскошныхъ, богато убранныхъ залъ и, кончивъ обходъ, запиралъ ихъ снова до будущаго года.

Когда, послѣ его смерти, домъ приобрѣло межевое вѣдомство, и рѣшено было помѣстить въ немъ его школу, то предприняты были два рѣшенія: одно отрадное—сохранить во всей неприкосновенности Демидовскаго убранства всю парадную половину бельэтажа; другое—прискорбное: засыпать въ саду всѣ пруды, которыхъ, какъ нарочно, прелестныхъ, съ островками и на нихъ причудливыми бесѣдками, было, помнится, два или три. Такъ и было сдѣлано: залы остаются доселѣ Демидовскими, а отъ прудовъ даже и воспоминанія не осталось. Последнее рѣшеніе было вызвано заботливостью о безопасности воспитанниковъ, которые могли бы, изъ шалости, купаться въ прудахъ безъ вѣдома надзирающихъ, что грозило бы, конечно, опасностью не только для ихъ здоровья, но, при случаѣ, и для жизни, ибо въ любомъ пруду не трудно какъ простудиться, такъ и захлебнуться и утонуть.

Д. Покровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

I. I. Ясинскій.

I.

СТРАННЫЯ недоразумѣнія укореняются иногда въ русской журналистикѣ. Привидится, напримѣръ, какому нибудь критику, любителю добрыхъ поученій, будто романистъ (имя рекъ) или поэтъ (имя рекъ) занимается исключительно поклоненіемъ красотѣ, служить только искусству, забывая жизнь, — и пошла писать губернія. Мало-по-малу и всѣ начинаютъ смотрѣть на романиста или поэта нѣсколько подозрительно. «Конечно—талантъ, но, знаете, поклоняется красотѣ», «конечно, интересный писатель, но для жизни ничего не даетъ», — эти слова выкрикиваются бессмысленно, съ необыкновеннымъ упорствомъ, и никому въ голову не приходитъ провѣрить ихъ. Да и кто станетъ провѣрять, кто серьезно интересуется вопросами художественности и вообще тѣми вопросами, изъ-за которыхъ еще недавно было переломано столько копій?

Гораздо ближе и современной публикѣ и современной критикѣ другіе вопросы, напримѣръ, не списываетъ ли авторъ своихъ героевъ съ живыхъ людей, не занимается ли сочиненіемъ пасквилей подъ видомъ романовъ? Если этотъ вопросъ будетъ кѣмъ нибудь рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, автору, конечно, не поздоровится. Нынѣшняя журналистика заражена невѣроятнымъ лицемѣріемъ. Люди въ засосъ читаютъ романы, повѣсти и памфлеты, въ которыхъ надѣются встрѣтить фотографическіе снимки съ прія-

телей и добрыхъ знакомыхъ, но, выступая передъ публикой, тотчасъ же придаютъ фізіономіямъ строгое постное выраженіе и начинаютъ распекаать автора. Хорошо, если дѣло ограничится склоненіемъ слова «протоколистъ»; но отъ «протоколита» очень легко переходятъ къ «пасквилянту» и даже къ «шантажисту». Оставляя въ сторонѣ журнальное лицемѣріе, можно только подивиться наивности иныхъ критиковъ. Несомнѣнно у романиста должна быть натура. Наблюдая жизнь, онъ пользуется не только извѣстными явленіями, но также и людьми. Разумѣется, можно иногда узнать, съ кого писалъ романистъ тотъ или другой типъ, но при сопоставленіи оригинала съ тѣмъ, что создалъ художникъ (если онъ истинный художникъ), личнаго сходства вы не найдете. Личное сходство есть сходство внѣшнее, и достигается оно путемъ намековъ на такія особенности, которыя присущи только данному субъекту. Художника не могутъ интересовать эти особенности. Его вниманіе сосредоточивается всегда на какомъ нибудь оригинальномъ свойствѣ характера человѣка, на какой нибудь даже мало видной неопытному глазу черточкѣ, и всѣмъ этимъ матеріаломъ онъ пользуется уже совершенно самостоятельно, давая полный просторъ «свободному творчеству». Такъ мы понимаемъ творческій процессъ и такъ только его и слѣдуетъ понимать. Однако, эта азбучная истина, въ числѣ многихъ другихъ, не признается нынѣшними зоилами. Они хотятъ, чтобы романистъ высасывалъ героевъ изъ пальца, чтобы онъ создалъ жизнь изъ ничего. Наивное желаніе! Не происходитъ ли оно изъ того же источника, изъ котораго происходятъ жалобы на зеркало, отражающее кривую фізіономію? Современная жизнь непривлекательна, такъ изобрази намъ ее въ такихъ чертахъ, чтобы вышло доброе поученіе, и чтобы это доброе поученіе торчало изъ каждой главы, изъ каждой фразы.

Г. Ясинскому много разъ приходилось выслушивать подобныя мудрыя замѣчанія. Его упрекали въ пристрастіи къ красотѣ, въ служеніи чистому искусству; вмѣстѣ съ тѣмъ его обвиняли въ списываніи живыхъ людей; наконецъ, въ средѣ извѣстной части публики произведенія г. Ясинскаго приобрѣли репутацію безыдейныхъ, пустоцвѣтныхъ.

Безспорно, г. Ясинскій пишетъ очень сѣренькую, очень неказистую дѣйствительность. Но кто же виноватъ, что та дѣйствительность, которую онъ наблюдаетъ, сѣра и неказиста? Мы еще до сихъ поръ не освободились отъ впечатлѣнія блестящей обстановки романовъ Толстого и Тургенева, до сихъ поръ мы восклицаемъ это жизнь, это люди, это страсти! Что теперь нѣтъ жизни, нѣтъ людей и страстей, виноваты, кажется, не романисты. Не уменьшая требовательности по отношенію къ нимъ, нужно придать требованіямъ болѣе опредѣленный характеръ. Остановимся прежде всего на «сѣренькой дѣйствительности». Вопросъ о ней очень удобно

разрѣшается при помощи романа г. Ясинскаго: «Петербургскіе туманы».

Кажется, этотъ романъ не понравился критикѣ. Почему? Вопросъ остается невыясненнымъ, такъ какъ современная критика въ большинствѣ случаевъ предпочитаетъ отдѣлываться лаконическими приговорами: хорошо, скверно. Между тѣмъ, съ первой же главы романъ объщаетъ нѣчто свѣжее по замыслу. «Лазарь Ивановичъ Гнѣвицкій задумалъ жениться не потому, что считалъ женитьбу необходимымъ условіемъ жизни, не ради какихъ нибудь теоретическихъ и нравственныхъ соображеній и не по расчету, — онъ рѣшилъ предложить руку и сердце молодой дѣвушкѣ потому, что пѣлыхъ два мѣсяца мысль о ней не давала ему покоя, образъ ея стоялъ передъ нимъ днемъ и ночью, раздражалъ его, мѣшалъ ему читать и писать и исправно служить, болью и тоскою сжималъ его сердце». Такъ начинаются «Петербургскіе туманы». Это начало не предвѣщаетъ сильной драмы, столкновенія рѣзкихъ страстей; оно не предвѣщаетъ даже особенной житейской путаницы. Герой романа возмѣлъ намѣреніе жениться по причинамъ весьма смутнымъ, если не сказать, ничтожнымъ. Съ какой стати хочетъ жениться Гнѣвицкій? Изъ приведенныхъ словъ романиста и изъ дальнѣйшихъ главъ мы убѣждаемся, что Гнѣвицкій также чуждъ расчета, какъ и любви, что женитьба не является для него «необходимымъ условіемъ жизни» и что вообще никакими теоретическими или практическими соображеніями онъ въ данномъ случаѣ не руководствуется. Психологія героя очень проста. Ему нравится барышня, общественное положеніе которой вполне «прилично»; самъ онъ, герой, также занимаетъ болѣе или менѣе приличное положеніе; препятствій, стало быть, нѣтъ, отчего же не жениться. Однако, намѣреніе Гнѣвицкаго не осуществляется, ему отказываютъ: невѣста — потому, что и любить, и не любить, родители — потому, что имѣютъ въ виду болѣе блестящую партію. Разумѣется, неудача вліяетъ на Гнѣвицкаго непріятнымъ образомъ, но герой «Петербургскихъ тумановъ» не приходитъ въ отчаяніе, не рветъ, не мечетъ, не тянется къ револьверу. Мало того, онъ даже не особенно интересуется причинами неуспѣха у молодой дѣвушки, не интересуется и ею, какъ болѣе или менѣе своеобразнымъ типомъ. Въ качествѣ приличнаго петербургскаго бюрократа, онъ прекращаетъ посѣщенія дома ex-невѣсты и вполне отдается теченію жизни. Весь дальнѣйшій романъ заключается въ изображеніи того, что дѣлалъ Гнѣвицкій, какія происходили у него любопытныя встрѣчи, кѣмъ онъ такъ или иначе интересовался, гдѣ убивалъ дни, вечера и ночи. Я не буду передавать подробности, потому что въ данномъ случаѣ онѣ безразличны. Мирно прозябая, съ извѣстнымъ успѣхомъ проходя службу, Гнѣвицкій продолжалъ помнить о своей невѣстѣ, продолжалъ чувствовать къ ней симпа-

тію; но онъ не испытывалъ ни жгучей тоски, ни желанія «вырвать изъ сердца дорогой образъ» или увлечься кѣмъ нибудь другимъ. Когда на пути Гнѣвицкаго встрѣчались женщины болѣе или менѣе интересныя, онъ отдавалъ имъ должную дань, но его новые романы были несложны и недолги. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, пока Гнѣвицкій опять не встрѣтился со своей невѣстой, которой не удалось составить болѣе блестящую партію. Встрѣча и на этотъ разъ ознаменовалась предложеніемъ руки и сердца. Герой получилъ согласіе.

Съ точки зрѣнія «идеиной» критики, Гнѣвицкій—пошлякъ, жалкое, никуда не годное существо; но это не совсѣмъ вѣрно, если отнести къ Гнѣвицкому, какъ къ обыкновенному человѣку, не обнаруживая чрезмѣрной требовательности. Гнѣвицкій вовсе не такъ пошлъ, не такъ жалокъ. Онъ ординарная, безцвѣтная личность, но онъ лучше многихъ. По своему, Гнѣвицкій благороденъ, мягкосердеченъ, сострадателенъ, честенъ. Мысль въ немъ не окончательно заглохла. Герой «Петербургскихъ тумановъ» способенъ разсуждать и анализировать свое положеніе. Онъ отнюдь не Акакій Акакіевичъ, одѣтый въ приличную пару отъ Девантѣ, но онъ такой же худосочный, болотный цвѣтокъ, какъ и Акакій Акакіевичъ. Въ жилахъ Гнѣвицкаго течетъ кровь, разбавленная невской водою. Повидимому, этотъ человѣкъ не можетъ испытывать ни сильной радости, ни сильнаго горя, онъ какъ-то отъ природы уравновѣшенъ, какъ-то неестественно спокоенъ и благоразуменъ. Такая уравновѣшенность и такое благоразуміе иногда достигаются путемъ многолѣтняго опыта, научающаго людей предъявлять къ жизни minimum требованій и мириться съ обстоятельствами. У Гнѣвицкаго житейская мудрость не благопріобрѣтенная, а родовая. Петербургскіе туманы затушили въ немъ порывъ, ему нечѣмъ кипѣть. Онъ не способенъ ни на какое безуміе, потому что безуміе есть извѣстное проявленіе нравственной и физической силы; много ли ея у Гнѣвицкаго?

Герой несомнѣнно сѣръ, но развѣ это значить, что сѣръ и романъ?.. Г. Ясинскій съ большою добросовѣстностью и большимъ искусствомъ нарисовалъ героя нашего времени,— не всероссійскаго героя, а петербуржца, который, впрочемъ, какъ извѣстно, задаетъ тонъ. Сдѣлайте одолженіе, негодуйте на Гнѣвицкаго, называйте его нытикомъ, кисляемъ, пошлякомъ, но признайте лишь то, что необходимо признать — признайте типичность фигуры. Можетъ быть, «Петербургскіе туманы» не особенно удачны по исполненію, но этотъ романъ необыкновенно интересенъ по замыслу. Въ немъ нѣтъ драмы, въ немъ даже, если угодно, нѣтъ цѣльности, стройности; но вѣдь ничего подобнаго и не можетъ быть въ романѣ современнаго героя. Выбросьте изъ «Гамлета» персонажъ, по имени котораго названа трагедія, и трагедія существовать не будетъ;

наоборотъ, разъ является Гамлетъ, то тѣмъ самымъ уже опредѣлена и вся драма. Нѣчто подобное слѣдуетъ сказать относительно романа г. Ясинскаго. Разъ героемъ является Гнѣвицкій, мы не можемъ ждать драмы, мы не можемъ ждать ничего стройнаго, цѣлостнаго. Жизнь человѣка, подобнаго Гнѣвицкому, не заключаетъ въ себѣ никакой ясной морали, никакой осмысленной идеи. Если мы вздумаемъ играть варіаціи «добрыхъ поученій» на слабыхъ стрункахъ героя, у насъ ничего не выйдетъ. Какъ вы будете говорить болотному цвѣтку: «отчего ты болотный цвѣтокъ, а не полевой? отчего твои листья водянисты и мутны, и ты пахнешь сыростью?» Гнѣвицкій именно такой болотный цвѣтокъ. Если вы обратитесь къ нему съ требованіями элементарной нравственности, онъ вамъ вполне правдиво отвѣтитъ, что эти требованія ему извѣстны, и онъ имъ по мѣрѣ силъ слѣдуетъ. Но если вы скажете: «ты вяль, анемиченъ, ты не способенъ загорѣться порывомъ, ты не знаешь ни любви, ни ненависти, изъ тебя даже порядочнаго преступника выйти не можетъ»,—то Гнѣвицкій опять таки вполне основательно отвѣтитъ, что не его вина, если онъ не можетъ загорѣться порывомъ, что его кровь холодна и течетъ медленно, что онъ продуктъ физическихъ и нравственныхъ петербургскихъ тумановъ.

Такимъ образомъ, всѣ неодобренія должны быть направлены по адресу Гнѣвицкаго, если только эти неодобренія не окончательно бесплодны. Но читатели, а въ особенности, критики никакъ не могутъ отдѣлаться отъ скверной привычки смѣшивать автора съ его героями. Автору во всѣхъ случаяхъ достается: напишетъ онъ неудачно хорошаго героя — его бранятъ, напишетъ удачно сквернаго героя — опять бранятъ. Кажется, въ этой брани есть кое-что субъективное; люди невольно оскорбляются, когда имъ показываютъ представителя ихъ же среды. Современному обществу хочется, чтобы современный герой былъ эффектный герой, а не этотъ жалкій болотный цвѣтокъ. Находятся наивные, утверждающіе, что эффектные герои существуютъ, что ихъ только нужно поискать, и что успѣхъ поисковъ зависитъ отъ таланта романиста. Но гдѣ же этотъ герой? — укажите.

II.

Я уже говорилъ, что «Петербургскіе туманы» не лучшее изъ произведеній г. Ясинскаго. Гораздо интереснѣе «Старый другъ», «Ординарный профессоръ», «Трагикъ», «Вѣчный праздникъ», «Иринархъ Плутарховъ». Каждый изъ этихъ романовъ охватываетъ какую нибудь поучительную особенность современнаго человѣка, — особенность, понимаемую г. Ясинскимъ глубоко и своеобразно. Въ «Старомъ другѣ» романистъ изображаетъ «идеальныхъ супруговъ»; въ «Вѣчномъ праздникѣ» — торжествующій эгоизмъ современныхъ

людей, которые, не совершая никаких завѣдомыхъ преступленій, не поражая ужасомъ нашего воображенія, совершенно просто, добродушно и даже мило приносятъ въ жертву себялюбію все, на чемъ только останавливается ихъ взглядъ. Жизнь этихъ людей течетъ вѣчнымъ праздникомъ, потому что они ищутъ въ ней только праздничнаго, веселаго, улаждающаго. Въ «Трагикахъ» встрѣчаемъ интересную фигуру талантливаго и въ высшей степени безпутнаго актера, который также стремится сдѣлать изъ жизни вѣчный праздникъ, и только сила таланта возвышаетъ его по временамъ и надъ толпою, и надъ его же собственными низменными стремленіями. Та же черта необыкновеннаго самообожанія, граничащаго уже съ сумасшествіемъ, представлена въ «Иринархѣ Плутарховѣ». Иринархъ Плутарховъ—газетный критикъ, но эта литературная личина легко можетъ быть совлечена съ него, и тогда «Иринархъ» получить универсальное значеніе. Г. Ясинскій сдѣлалъ своего героя литераторомъ, вѣроятно, потому, что «иринаршество» легче всего прослѣдить на человѣкѣ этой профессіи. Самообожаніе, сомнѣніе свойственны, конечно, не однимъ литераторамъ, они свойственны и художникамъ, и музыкантамъ, и адвокатамъ, и всякимъ простымъ и непростымъ смертнымъ. Болѣзненное сомнѣніе, вырастающее на мертвой почвѣ абсолютной бездарности, абсолютнаго ничтожества, должно поразить здороваго наблюдателя еще сильнѣе, чѣмъ самообожаніе критика Плутархова. У Плутархова, вѣстакъ, имѣются кое-какія внѣшнія данныя, хоть онъ бездаренъ и глупъ. Будучи сотрудникомъ вліятельной газеты, видя кругомъ себя заискиванія разныхъ писателей, Иринархъ естественно могъ повѣрить въ свое величіе, но тысячи и десятки тысячъ людей, не имѣющихъ даже этого основанія для поклоненія себѣ, должны представлять нѣчто, гораздо худшее Иринарха Плутархова.

Обобщивъ такимъ образомъ типъ, созданный г. Ясинскимъ, мы легко поймемъ, какого важнаго, интереснаго вопроса коснулся романистъ. Нужно отдать ему справедливость, онъ знаетъ современнаго человѣка и съ большою чуткостью подмѣчаетъ его не всегда прекрасныя особенности. Въ этомъ отношеніи у нашего автора, кажется, мало соперниковъ. Въ одномъ только мы бы не согласились съ г. Ясинскимъ: онъ слишкомъ объективно, даже слишкомъ любовно относится къ героямъ. Онъ любитъ героя, какъ свое художественное созданіе, — эта любовь понятна и законна. Но, любя героя, г. Ясинскій начинаетъ снисходить къ его недостаткамъ, къ его слабостямъ и порокамъ. Всѣ мы люди, всѣ обладаемъ недостатками, всѣ слабы и порочны. Не намъ провозносить судъ. Эта прекрасная гуманная точка зрѣнія имѣетъ, однако же, свои недостатки. Мы не касаемся этической стороны вопроса и хотимъ лишь указать, въ какой мѣрѣ снисходительность г. Ясинскаго вредитъ художественной цѣльности, выдержанности

произведеній. Не видя со стороны автора критическаго отношенія къ герою, читатель оказывается безъ руля и безъ вѣтриль. Онъ не можетъ ориентироваться въ богатомъ матеріалѣ, который ему представляетъ романъ и все время чувствуетъ какую-то неясность, какую-то неловкость: словно во время чтенія романа кто-то посторонній все поясняетъ, все благожелательно комментируетъ. Эта благосклонность тяготѣетъ надъ читателемъ, мѣшаетъ ему испытать полное впечатлѣніе.

На помощь благожелательному автору приходятъ также и его персонажи. Рисуя мелкую дѣйствительность и мелкихъ людей, г. Ясинскій создаетъ атмосферу мелкости. Въ этой атмосферѣ вы не можете вдохнуть полною грудью, не можете чувствовать себя вполне крѣпкимъ, бодрымъ, сильнымъ. Вами овладѣваетъ какая-то расслабленность, вы становитесь не то благожелательны, не то апатичны. Романистъ вводитъ васъ въ многочисленную толпу разнообразныхъ героевъ. Переходя отъ одного къ другому, вы убѣждаетесь, что рѣзкаго различія нѣтъ, что люди здѣсь сходны, хотя ихъ свойства и особенности не одинаковы. Прежде всего васъ удручаетъ отсутствіе крупной фигуры, вамъ не за кого ухватиться, некого противопоставить; очевидно, ваша требовательность понижается. Вы начинаете проникаться таинственно тяготящимъ надъ вами настроеніемъ автора, его благожелательностью и снисходительностью. Люди, которые вамъ кажутся ничтожными, прекрасно живутъ и прекрасно себя чувствуютъ; кругомъ также все ничтожные люди и также прекрасно живутъ и прекрасно чувствуютъ себя. Вы невольно признаете за ними всѣ права существованія, вы убѣждаетесь, что не за кого заступаться, что сегодняшніе побѣжденные могли бы сами завтра побѣдить и, конечно, поступили бы не лучше сегодняшнихъ побѣдителей. Стало быть, сочувствіе или сожалѣніе можетъ зиждиться только на положеніи побѣжденныхъ: всегда жаль того, кто побѣжденъ.

Такая художественная постановка вопроса о побѣжденныхъ и побѣдителяхъ вполне своеобразна. Если бы ктонибудь вздумалъ объяснить ее безпринципностью романиста—ошибка была бы очевидная. Принципы романиста, его міросозерцаніе здѣсь не при чемъ. Входя въ толпу современныхъ людей, онъ невольно проникается господствующимъ настроеніемъ. Къ тому же г. Ясинскій отнюдь не тенденціозный писатель и менѣе всего склоненъ подчинять дѣйствительность какойнибудь предвзятой идеѣ. Не слѣдуетъ забывать также, что разгаръ беллетристической дѣятельности этого писателя совпалъ съ эпохой «новыхъ вѣяній», чуждыхъ прежней принципальности. Самъ г. Ясинскій могъ оставаться принципиальнымъ, сколько ему угодно, но въ его произведеніяхъ, разъ эти произведенія дѣйствительно художественныя, должна была пробиваться новая струйка. Она, пожалуй, особенно замѣтна въ

мелкихъ разсказахъ г. Ясинскаго. Большинство этихъ разсказовъ въ высшей степени несложно по фабулѣ. Г. Ясинскій прямо вырываетъ изъ жизни тотъ или другой эпизодъ, сохраняя и сочетаніе цвѣтовъ, и гармонію тоновъ, присущія жизни. Въ разсказахъ нашего автора нѣтъ подмалевки, нѣтъ болѣе или менѣе яркихъ красокъ,—все выдержано въ одинаковомъ настроеніи. Я сказалъ— въ одинаковомъ, но не въ одномъ настроеніи. Настроеніями г. Ясинскій не бѣденъ, но каждый разъ онъ выдерживаетъ тонъ, взятый съ первыхъ же аккордовъ.

Въ послѣднее время г. Ясинскій далъ цѣлый рядъ миниатюръ, маленькихъ разсказовъ. Маленькіе рассказы въ жанрѣ г. Ясинскаго; они производятъ впечатлѣніе какъ бы отдѣльныхъ главъ изъ какого нибудь его романа; каждый рассказъ законченъ, полонъ самостоятельнаго интереса. Сравнивая миниатюры г. Ясинскаго съ отдѣльными главами изъ его романовъ, я имѣлъ въ виду чисто внѣшнее техническое сходство. Г. Ясинскій пишетъ картинами. Каждая глава—законченная картина. Изъ ряда картинъ составляется нѣчто цѣльное, и драма, и дѣйствующія лица вырисовываются вполне. Красивый, даже съ излишнею старательностью отдѣланный языкъ беллетристическихъ произведеній г. Ясинскаго дополняетъ общее впечатлѣніе. Въ миниатюрахъ красота языка легко замѣтна, но въ романѣ нуженъ стиль болѣе широкій, болѣе декоративный, нужно, чтобы красивая фраза, образное сравненіе сразу же бросались въ глаза. Рѣдкій читатель дастъ себѣ трудъ прочесть романъ сперва ради драмы, а затѣмъ съ цѣлью насладиться формой. Вслѣдствіе этого прекрасная форма художественныхъ произведеній г. Ясинскаго оставляется въ пренебреженіи не только читателями, но порою и критиками.

Повидимому, благожелательное отношеніе къ героямъ и слишкомъ тонкая стилистика составляютъ двѣ главнѣйшихъ причины, вслѣдствіе которыхъ къ г. Ясинскому и публика, и журналистика бываютъ иной разъ несправедливы.

III.

Необходимо отмѣтить еще одну существенно важную особенность творчества г. Ясинскаго. Онъ какъ бы ищетъ выхода изъ міра скромной, самодовольной, расчетливо порочной и благоразумно увлекающейся пошлости. На значительномъ числѣ разсказовъ, повѣстей и романовъ нашего автора можно прослѣдить эту потребность сердца, уставшаго отъ постоянныхъ ударовъ пошлости, отъ мелкихъ ужасовъ дрянной жизни. Пристекающее отсюда мистическое настроеніе вполне ясно отражается въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ г. Ясинскаго. Такъ, маленькая героиня разсказа «Наташка», погибая жертвою порочной среды и своей врожденной

возвышенной натуры, находитъ утѣшеніе въ мелькающихъ передъ ней видѣніяхъ, которыя примиряютъ ее съ жизнью. «Спящая красавица» — тоже разсказъ съ мистическимъ концомъ. Измученная душа бѣдной женщины погружается въ вѣчный сонъ, и ее уноситъ въ могильный мракъ призрачный поѣздъ, на которомъ ѣдетъ самъ Христосъ во образѣ нищаго и держитъ на колѣняхъ ея малютку. Мистически настроенный герой романа «Добрая фея», капитанъ Овсяный, представляетъ собою положительный типъ. Онъ добръ, честенъ, справедливъ. На весь міръ онъ смотритъ, какъ на чудо; на самыя обыденныя явленія, какъ на необъяснимыя въ концѣ концовъ, и живетъ на землѣ среди людей, какъ гость. Въ романѣ «Свѣтъ погасъ» удачно сдѣланъ анализъ мистическаго вдохновенія творческой души художника. Еще рѣзче выступаетъ мистическій элементъ въ повѣсти «Учитель» и особенно рельефно — въ «Новой жизни». Герой «Новой жизни», Алызинъ — человѣкъ выдающійся, но низменность жизни его жоверкаетъ и угнетаетъ; онъ порывается сбросить съ себя матеріальную оболочку и жить, какъ долженъ жить духъ. Онъ терзается мыслию, что «земля умретъ, какъ умерла луна, и стануть носиться вокругъ солнца двѣ бездушныя глыбы», что «будущее есть мертвый иксъ». Онъ терзается своимъ невѣріемъ, тѣмъ, что «жизнь представляетъ для пошляковъ неисчерпаемое море радостей и наслажденій», которыя для него, Алызина, никакой цѣны не имѣютъ. «Я одинокъ до безумія, до ужаса, — говоритъ онъ. — Я музыкантъ и когда-то я думалъ, что звуками, которые родитъ моя фантазія, я въ состояніи буду разбудить камни и зажечь кровь въ мраморной Галатеѣ. Напрасная надежда! Людямъ нужна дешевая музыка, дешевое искусство, мелкій обманъ, фокусы и шарлатанство». «Я родился для самого себя, а не для другихъ. Геніальность — это высшій эгоизмъ, страданіе, заключенное въ одномъ сердцѣ и разрывающее его на части». Жажда уйти отъ пошлости въ Алызинѣ такъ велика, что онъ, невѣрующій, становится мистикомъ и обращается къ Богу. Онъ чувствуетъ свою связь и родство только съ этимъ, непонятнымъ для него, существомъ. Но и Богъ, по представленію Алызина, объять вѣчной тоской при видѣ созданнаго имъ міра. «Проклятое племя, — восклицаетъ Алызинъ — пошлость, которой нѣтъ имени! Мракъ, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ! Грудь, въ которой вмѣсто сердца гніетъ улитка!» Алызинъ доходитъ до того, что его начинаютъ считать сумасшедшимъ, и образованный посвоему, но недалекій докторъ-пошлякъ лечитъ его «отъ липеманіи», отъ «задержаннаго кортикальнаго процесса», Алызинъ же, въ своемъ презрѣніи къ жизни и пошлости, подчиняется доктору и съ любопытствомъ ждетъ, что будетъ дальше. Ему хочется «испытать, что такое насиліе». Алызинъ, наконецъ, освобождается отъ нервнаго угнетенія, потрясенный молитвой священника, глубоко вѣрующаго, любвеобильнаго и короткаго.

Укажу теперь на нѣкоторые отдѣльные рассказы г. Ясинскаго, о которыхъ шла рѣчь выше. Весьма типичнымъ рассказомъ представляется «Фаустъ». Фаустъ—Викторъ Потапычъ Плѣнинъ, мирный служака и добрый семьянинъ, уже пятнадцать лѣтъ сошедшій съ университетской скамьи, примирившійся съ сѣренькой «казенной» службой и постоянными сценами, разыгрываемыми благовѣрною. Жизнь Виктора Потапыча катилась ровно и невозмутимо до тѣхъ поръ, пока съ нимъ не произошло романическое приключеніе. Послѣ одной изъ семейныхъ сценъ Викторъ Потапычъ отправился «посидѣть на откосъ» и тамъ встрѣтился съ молоденькой дѣвушкой, «не крестьянкой и не барышней». Викторъ Потапычъ мало-по-малу увлекся незнакомкой. Въ немъ вспыхнула жажда жизни, вспыхнула страсть. Онъ бросилъ ходить на службу, сталъ безразсуденъ, весь предался влеченію. «Дѣвушка ежедневно являлась и приносила ему полную корзинку ягодъ, затѣмъ они вмѣстѣ уходили въ боръ. Онъ слушалъ, какъ льется ея пѣсня, какъ золотыя полоски солнечнаго свѣта падаютъ на нее и мелькаютъ на ея платьѣ и какъ алѣютъ на смугломъ лицѣ дѣвушки странно трагически вздутыя губы ея. Эти губы тянули къ себѣ, какъ магнитъ, и Викторъ Потапычъ блѣднѣлъ при взглядѣ на нихъ». Онъ взялъ отпускъ и поселился въ глуши, чтобы хоть нѣсколько времени пожить одною жизнью съ очаровавшей его молодой дѣвушкой. Наконецъ, страсть достигла апогея. Но тутъ ее ждалъ конецъ: во-первыхъ, наступилъ послѣдній день отпуска; во-вторыхъ, Викторъ Потаповичъ положительно былъ увѣренъ, что начальникъ замѣтилъ его съ лѣсной феей, прогуливаясь по тому же откосу, по которому любилъ бродить нашъ герой. «Сейчасъ онъ трепеталъ отъ страсти, теперь зубъ на зубъ не попадалъ отъ трусливаго чувства, которое, какъ гадина, закопошилось въ его опустѣвшемъ сердцѣ.

— «Сегодня срокъ отпуска!—внезапно вспомнилъ онъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу.—Хорошъ, нечего сказать. Разумѣется, онъ прогонитъ меня, онъ все долженъ быть видѣть. И онъ видѣлъ, какъ я бѣжалъ за нею... Господи! Позоръ!».

Съ этого момента Викторъ Потапычъ сдѣлался прежнимъ Викторомъ Потаповичемъ, вернулся къ пенатамъ, отправился на службу. Въ сердцѣ уже не было страсти, была одна «канцелярская тревога». У Виктора Потапыча подкосились ноги, когда начальникъ позвалъ его въ кабинетъ, но оказалось, что ничего страшнаго не ожидается. Виктора Потапыча удостоили награды, Анны третьей степени!

Съ этихъ поръ его жизнь потянулась обычнымъ порядкомъ. Происшествіе на откосѣ блѣднѣло, какъ сонъ. Послѣдній разъ вспыхнула въ Викторѣ Потаповичѣ жажда жизни, свободы, страсти, вспыхнула, чтобы больше его уже не тревожить.

Въ рассказѣ «Вѣрочка» передается довольно обыкновенная исторія увлеченія молодой дѣвушки пожилымъ мужчиной. Но здѣсь

имѣется осложненіе: пожилой мужчина отчимъ дѣвушки. Подготавливая себѣ изъ падчерицы—Вѣрочки—подругу жизни, отчимъ—Сергѣй Ипполитовичъ дѣлалъ это послѣдовательно, съ большимъ расчетомъ. Вѣрочка всецѣло отдавалась его вліянію.

Кромѣ Вѣрочки, у Сергѣя Ипполитовича жилъ еще молодой человекъ, племянникъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Молодой человекъ влюбился въ Вѣрочку. Любовь росла, и наконецъ юноша безгранично отдался чувству. Однажды Вѣрочка съ отчимомъ отправились на праздники въ Петербургъ изъ того провинціального города, въ которомъ обыкновенно жили. Нашъ герой, томимый предчувствіями и сомнѣніями, не выдержалъ разлуки и помчался вслѣдъ за кузиной. Въ Петербургѣ ему предстояло убѣдиться въ томъ, чего онъ даже не подозрѣвалъ, что лишь смутно иногда мерещилось ему: Вѣрочка принадлежала Сергѣю Ипполитовичу и, повидимому, искренно его любила.

Что такое представляетъ изъ себя Сергѣй Ипполитовичъ? Это человекъ очень выдержанный, очень ровный, сухой и, разумѣется, въ высшей степени эгоистичный. Кромѣ того, онъ человекъ не совсѣмъ честный, потому что растрчиваетъ капиталъ опекаемаго племянника и ведетъ дѣло къ тому, чтобы окончательно прикарманить этотъ капиталъ. Сергѣй Ипполитовичъ даже не задумывается дѣйствовать въ такомъ направленіи при помощи Вѣрочки, которая убѣждаетъ нашего героя «не требовать отъ папаша денегъ». Самъ же папаша довершаетъ комбинацію, заставивъ племянника оформить данное Вѣрочкѣ обѣщаніе. Не смотря на это, вы какъ-то не можете достигнуть maximum'a негодованія противъ Сергѣя Ипполитовича; благожелательность автора и здѣсь выступаетъ на сцену, не смотря на лирическую форму разсказа. Разумѣется, Сергѣй Ипполитовичъ, съ позволенія сказать, прохвостъ, но за что вы уцѣпитеесь, чтобы притянуть его къ «принципальной отвѣтственности»? Сергѣй Ипполитовичъ не станетъ доказывать, будто его дѣянія почтенны; онъ не станетъ также оправдывать свое лицемѣріе, но весьма резонно отвѣтитъ вамъ, что ужъ если прегрѣшить, то разумнѣе прегрѣшить негласно, тайно, не вводя другихъ въ соблазнъ. Кромѣ того, Сергѣй Ипполитовичъ можетъ сказать, что въ отношеніи Вѣрочки онъ не употреблялъ ни насилія, ни подкупа, не соблазнялъ ея какимъ либо инымъ способомъ; она принадлежитъ ему, потому что его любить. Эта любовь воспитана имъ, Сергѣемъ Ипполитовичемъ, правда. Но не все ли равно, какъ возникла любовь—естественнымъ порядкомъ или путемъ воспитанія?

На всѣ вопросы, которые бы вы ни задавали Сергѣю Ипполитовичу, онъ найдетъ всегда простой и всегда удовлетворительный отвѣтъ. Единственно чѣмъ его можно донять, это «принципами». Но Сергѣй Ипполитовичъ не исповѣдуетъ никакихъ особенныхъ принциповъ; всѣ его принципы—въ его отвѣтахъ.

IV.

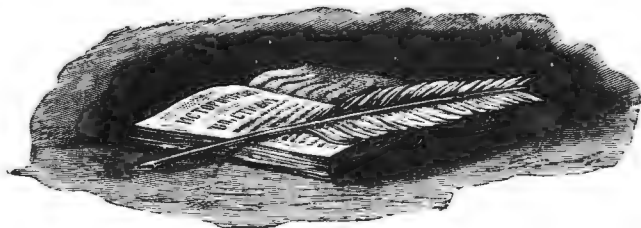
Приведенные два рассказа кажутся нам типичными рассказами г. Ясинскаго. Вдохновляясь известными сторонами современной жизни, онъ не беретъ на себя задачи моралиста въ узкомъ смыслѣ слова. Многіе этюды и очерки нашего писателя посвящены изображенію любовнаго чувства и притомъ такого, которое проявляется болѣе или менѣе «незаконно». Авторъ не осуждаетъ своихъ мало нравственныхъ героевъ, но если вы внимательно прочтете его рассказы, прочтете ихъ не съ однимъ только намѣреніемъ развлечься, вамъ нетрудно будетъ вывести изъ нихъ великое множество добрыхъ поученій. Г. Ясинскій часто изображаетъ порокъ; изображаетъ тонкими, опредѣленными штрихами, дающими возможность въ деталяхъ разсмотрѣть всю структуру порока. Талантливый беллетристъ темныхъ сторонъ не мажетъ черной краской, чтобы онѣ били въ глаза читателю усугубленнымъ уродствомъ, но оставляетъ ихъ въ натуральномъ видѣ. Результаты подобнаго художественнаго безпристрастія блестящіе. Вы разглядываете всѣ нити; вы убѣждаетесь, что порокъ ужасенъ не тѣми аляповатыми сторонами, которыя вдохновляютъ краснорѣчіе моралистовъ, но тѣми микроскопическими зародышами, которые гнѣздятся въ каждомъ человѣкѣ, и которымъ такъ не много нужно, чтобы развиться и заполнить всю душу.

Таково, намъ кажется, моральное значеніе рассказовъ г. Ясинскаго. Нѣсколько смѣшно говорить о моральномъ значеніи беллетристическихъ произведеній: всякое созданіе художника поучительно, будь то стихи или изваяніе, или музыкальная пьеса. Художественное произведеніе даетъ каждому то, чего въ немъ ищутъ. Если всѣ ищущіе удовлетворены, значитъ произведеніе совершенно, значитъ творецъ его гениаленъ. У талантливыхъ художниковъ, но не гениальныхъ, также попадаются произведенія, способныя удовлетворить каждого. Въ этихъ произведеніяхъ они, очевидно, достигаютъ наибольшей доступной имъ высоты. Такія произведенія мы встрѣчаемъ у г. Ясинскаго. Кажется, это даетъ право возлагать на талантливаго писателя все новыя и новыя надежды. Г. Ясинскій до сихъ поръ еще не сказалъ окончательнаго слова. Повидимому, онъ чего-то ищетъ; онъ еще не выработалъ всѣхъ особенностей своей формы, но что эта форма существуетъ, видно, между прочимъ, на подражателяхъ г. Ясинскаго: слабый или безличнѣйшій талантъ подражателей вызвать не можетъ.

Говоря о новой формѣ, мы не имѣемъ въ виду исключительно внѣшности. Надъ внѣшностью г. Ясинскій поработалъ достаточно. Ему необходимо теперь дать большую свободу творчеству, шире размахнуться, не столько гоняясь за красивой фразой, сколько за

яркимъ и смѣлымъ образомъ. Все это мы говоримъ отнюдь не въ видѣ совѣтовъ; совѣты были бы не при чемъ, если бы изъ свойствъ послѣднихъ произведеній г. Ясинскаго не вытекало это требованіе большей свободы, большей смѣлости. Разъ требованіе заявлено самими созданіями писателя, отъ нихъ нужно ждать и удовлетворенія его.

К. Медвѣдскій.

ПЕРМСКІЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ ЛАЗАРЕВЫ И ИХЪ ПРЕЕМНИКИ КНЯЗЯ АБАМЕЛИКЪ.

I.

Происхожденіе русскихъ дворянъ Лазаревыхъ.

НОСЛѢ ИМѢНІЯ графа С. А. Строганова, одно изъ самыхъ крупныхъ частно-владѣльческихъ хозяйствъ въ западной части Пермской губерніи представляетъ имѣніе князей Абамеликъ-Лазаревыхъ. Оно занимаетъ площадь земли въ 830.000 десятинъ, раскинутыхъ на пространствахъ Пермскаго, Оханскаго, Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ. Если любопытна исторія Строгановыхъ, какъ первыхъ по времени колонизаторовъ и пионеровъ крупной соляной промышленности на берегахъ Камы, то интересна и исторія дворянъ Лазаревыхъ и ихъ преемниковъ князей Абамеликъ, интересна особенно по первоначальнымъ судьбамъ этихъ двухъ старинныхъ и именитыхъ семействъ еще до появленія ихъ въ Пермскомъ краѣ въ концѣ прошлаго вѣка.

Лазаревы ведутъ свой древній родъ изъ Арменіи, изъ города Старой Джульфы на рѣкѣ Араксѣ, что былъ нѣкогда въ армянской провинціи Васпураканъ, переименованной турками въ Ванскій пашалыкъ. Первоначальная исторія Лазаревыхъ тѣсно связана съ

трагическими судьбами этой страны. До XIV вѣка Арменія была самостоятельнымъ царствомъ, имѣла своихъ независимыхъ правителей, пока грозное владычество Османскихъ турокъ не заставило ее сначала раздѣлиться на нѣсколько отдѣльныхъ округовъ и тѣмъ обезсилить себя, вслѣдствіе пресѣченія третьей армянской династіи Багратидовъ, а потомъ вмѣстѣ съ другими странами передней Азіи подчиниться суровой власти мусульманскихъ повелителей и въ 1375 году признать полную зависимость отъ султана Амурата I. Съ этого времени нѣкогда цвѣтущая страна дѣлается ареной безпрестанныхъ междоусобій турецкихъ султановъ съ персидскими шахами. Втеченіе четырехъ вѣковъ они тиранятъ злосчастную націю, чѣмъ вынуждаютъ армянъ выселяться изъ родной страны и мало-по-малу разбросаться, подобно евреямъ, въ разныя стороны отъ Инда до Дуная и отъ Аравіи до южныхъ предѣловъ Россіи. Но особенно гибельны были для Арменіи деспотическія царствованія на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ турецкаго султана Амурата III и персидскаго шаха Аббаса I Великаго. Это были два характерные типа восточныхъ деспотовъ со всѣми ихъ дурными сторонами. Войны ихъ были необыкновенно жестоки и кровопролитны. Сначала Амуратъ прошелъ грознымъ бичемъ по западнымъ областямъ Персіи, не миновавъ и Арменіи, заподозрѣнной въ сепаратизмѣ. Едва успѣлъ онъ сойти со сцены и передать власть слабому и изнѣженному Магомету III, какъ противъ Турціи поднялся Аббасъ I, желавшій возвратить потерянные области. Это была страшная месть персовъ своимъ сосѣдямъ туркамъ, — месть, не знающая на востокѣ никакихъ границъ. И опять Арменія, какъ турецкая провинція, дѣлается главнымъ очагомъ этой ужасной войны. Опустошивъ все на пути огнемъ и мечемъ, Аббасъ разгромилъ до основанія Нахичевань, перерѣзалъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста, такъ же поступилъ съ крѣпостью Аббасъ-Абадомъ и, наконецъ, въ 1605 году разрушилъ Старую Джульфу на Араксѣ, древній и богатый торговый городъ. Послѣ такого кроваваго упоенія Аббасъ I, желая обезпечить себя на будущее время со стороны Арменіи, предложилъ наиболѣе зажиточнымъ армянамъ поселиться въ Персіи, гдѣ и отвелъ для нихъ земли въ окрестностяхъ столицы Испагани¹⁾. Переселенцы явились большею частью изъ богатой Джульфы, по-

¹⁾ Впрочемъ, кровожадный Аббасъ I пощадилъ священный и знаменитый городъ армянъ Вагаршапатъ, около котораго еще въ IV вѣкѣ существовалъ чтимый армянами монастырь, основанный на томъ мѣстѣ, гдѣ св. Григорій Просвѣтитель, по преданію, имѣлъ видѣніе Спасителя, и названный по этому Эчміадзинъ, то-есть «Сожестіе Единороднаго». Самое полное описаніе Арменіи и, между прочимъ, Старой Джульфы въ ея нынѣшнемъ состояніи можно найти въ парижскомъ журналѣ путешествій: «Le tour du monde» за 1891 годъ, въ статьѣ m-me B. Chantre: «A travers l'Arménie Russe», т. LXI и LXII (О Джульфѣ см. т. LXII, стр. 273—278 и иллюстраціи къ нимъ).

чему армянская колонія вблизи Испагани названа была ими Новою Джульфою. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, Манукъ Лазаревъ (порусски Эмануилъ), родоначальникъ этой фамилии.

Вотъ древнѣйшее свидѣтельство о родѣ Лазаревыхъ и ихъ армянскомъ происхожденіи. Съ начала XVII вѣка Лазаревы уже постоянно пребываютъ въ Персіи втеченіе слишкомъ ста лѣтъ, и съ этого же времени является возможность возстановить всю ихъ родословную. Сынъ Манука, Лазарь Эмануиловичъ, при слѣдующемъ шахѣ Аббасѣ II занялъ видное служебное положеніе, будучи назначенъ начальникомъ персидскаго монетнаго двора и государственнымъ казнохранителемъ. У Лазаря были дѣти Манукъ (2-й) и Сафаръ, у Манука Лазаревича—Назаръ, а у Назара—опять Лазарь (2-й) Назаровичъ (по армянски Елеазаръ-Назаріанъ-Лазаріанцъ)¹⁾. Послѣдній заканчиваетъ собою рядъ Лазаревыхъ, жившихъ въ Персіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается рядъ русскихъ дворянъ Лазаревыхъ. Такимъ образомъ вся исторія рода Лазаревыхъ распадается на три періода: армянскій, персидскій и русскій. Чѣмъ же объясняется переселеніе ихъ въ Россію?

Всѣ упомянутые потомки перваго Манука, выходца изъ Старой Джульфы, родились въ Новой Джульфѣ, около Испагани, гдѣ у Лазаревыхъ было родовое имѣніе. Они жили втеченіе XVII вѣка и, состоя на персидской службѣ, занимались, повидимому, торговлей. Лазарь Назаровичъ родился здѣсь же 3-го апрѣля 1700 года и былъ съ раннихъ лѣтъ близокъ къ шаху Надиру, который назначилъ его начальникомъ родной Джульфы, когда ему не было и 20 лѣтъ. Но этотъ постъ Лазаревъ занималъ не долго: шахъ НаDIRъ опять объявилъ войну Турціи, начавъ походъ съ злополучной Арменіи, гдѣ въ 1720 году снова опустошилъ Нахичевань, едва успѣвшій поправиться послѣ прежнихъ погромовъ. Послѣдовавшая вскорѣ смерть Надира сопровождалась такими смутами и анархіей внутри Персіи, что пребываніе армянъ тамъ стало весьма опасно, и всякій, кто имѣлъ возможность, искалъ спасенія въ другихъ государствахъ. Особенно ласковый приемъ армяне встрѣчали въ Россіи, съ которою еще со времени Михаила Феодоровича завязали мирныя торговыя сношенія. Во времена шаха Надира у насъ царствовалъ Петръ Великій, который особенно заботился о развитіи русской торговли, горнаго дѣла и мануфактуры. 6-го іюня 1719 года онъ

¹⁾ Эта родословная была указана въ грамотахъ, данныхъ Лазаревымъ отъ армянскаго патріарха и предпослѣдняго царя независимой Грузіи Теймураза, отца Ираклія II, а изъ этихъ грамотъ родословіе переписано было въ пожалованную Лазаревымъ дворянскую грамоту Екатерины II отъ 3-го октября 1776 года и отчасти въ дипломъ на графское достоинство отъ императора Іосифа II, данный Лазаревымъ въ Венгріи 30-го марта 1788 года (новаго стиля). Оба эти документа см. въ «Собраніи актовъ, относящихся къ обобщенію исторіи армянскаго народа», часть или томъ I, Москва, 1833 г., стр. 176 и 182.

издалъ именной указъ о привилегіяхъ армянской компаніи съ предоставленіемъ армянамъ производства торговли на одинаковыхъ правахъ съ прочими иноземцами ¹⁾. Всѣ эти обстоятельства заставили Лазаря Назаровича въ концѣ царствованія Петра I покинуть Персію и вмѣстѣ съ родителями и родственниками переселиться въ Россію ²⁾.

Оставивъ Персію, Лазаревъ не лишился, однако, своего стариннаго Джульфинскаго имѣнія около Испагани и не прервалъ навсегда своихъ сношеній съ Персіей, что не выгодно было бы въ торговыхъ интересахъ. Напротивъ, съ прекращеніемъ смутъ въ Персіи, Лазарь Назаровичъ часто ѣздилъ въ Джульфу, вѣроятно, для торговыхъ цѣлей и распоряженій по имѣнію. Въ Испагани былъ у него старинный родовой домъ, на столько замѣчательный, что еще недавно служилъ (а, можетъ быть, и донинѣ служить) дворцомъ владѣтельнаго хана и шахи Испанскаго ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лазарева продолжали связывать съ Персіей и семейныя дѣла: его жена Анна Екимовна была уроженка Новой Джульфы (родилась въ 1710 г.) и первое время по выходѣ за Лазаря Назаровича едва ли не жила большею частью тамъ, на югѣ. Достоверно извѣстно, что три старшіе ихъ сына родились также въ Новой Джульфѣ, а именно: Иванъ Лазаревичъ 23 ноября 1735 г., Мина Лазаревичъ въ 1737 г. и Христофоръ Лазаревичъ 12 декабря 1741 г. ⁴⁾. О младшемъ сынѣ Іоакимѣ мы не имѣемъ этихъ свѣдѣній.

Въ Россіи фамилія Лазаревыхъ довольно скоро снискала себѣ извѣстность, благодаря, конечно, крупному состоянію и личнымъ способностямъ нѣкоторыхъ членовъ фамиліи. Въ Россіи до сихъ поръ можно слышать преданіе, будто Лазарь Назаровичъ сталъ извѣстенъ Екатеринѣ II со времени поднесенія ей большаго алмаза, украшающаго нынѣ одну изъ императорскихъ коронъ, за что онъ получилъ, будто бы, отъ государыни щедрое вознагражденіе, отъ котораго и сдѣлался богатъ. Преданіе это противорѣчитъ фактамъ. Мы видѣли, что Лазаревы уже въ Персіи имѣли весьма значительное состояніе, и ихъ вынудили выселиться оттуда только политическія обстоятельства, сопровождавшія смерть шаха Надира.

¹⁾ «Собраніе актовъ», I, 9.

²⁾ Тамъ же, I, 182; см. дипломъ отъ императора Іосифа II.

³⁾ Профессоръ А. З. Зиновьевъ: «Историческій очеркъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ», изданіе 2-е, Москва, 1863 г., стр. 6 (первое изданіе 1855 г.).

⁴⁾ Эти точныя даты значатся на могильныхъ памятникахъ Лазаревыхъ въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ армянской церкви. Текстъ надписей напечатанъ въ той же книгѣ профессора Зиновьева, стр. 94—100. Кромѣ того, см. надпись на родословной Лазаревыхъ въ «Собраніи актовъ», I, 177.

Съ другой стороны, при Екатеринѣ II дѣйствительно былъ случай поднесенія ей необыкновенной величины и блеска бриліанта, который и украсилъ ея скипетръ; но этотъ знаменитый бриліантъ привезъ въ Россію армянинъ Шафрасовъ, который продалъ его, при посредствѣ Ивана Лазаревича Лазарева, князю Григорію Григорьевичу Орлову за 400.000 рублей государственными ассигнаціями, а уже послѣдній преподнесъ бриліантъ ея величеству, при поздравленіи въ первый день пасхи, въ футлярѣ, въ видѣ фарфороваго яйца. Екатерина повелѣла уплатить Шафрасову упомянутую сумму изъ казны, а его пожаловала въ коммерціи совѣтники. Лазаревъ тутъ былъ только посредникомъ между продавцомъ и вельможнымъ покупателемъ. По другимъ извѣстіямъ, этотъ историческій бриліантъ принадлежалъ шаху Надиру, во время замѣшательства въ Персіи былъ кѣмъ-то похищенъ, странствовалъ лѣтъ 10 или 15 по разнымъ рукамъ и мѣстамъ, пока наконецъ былъ купленъ Шафрасомъ, по прозванію «милліонщикомъ»¹⁾.

Дѣйствительное возвышеніе Лазаревыхъ было совсѣмъ не таково. Лазарь Назаровичъ, вскорѣ по прибытіи изъ Персіи, сошелся въ Москвѣ съ Данилою Яковлевичемъ Земскимъ, который вмѣстѣ съ другими 17 лицами, по желанію Петра, учился за границею мануфактурѣ и, по возвращеніи въ Россію, завѣдывалъ первою казенной шелковой фабрикой, существовавшей въ Москвѣ, при Посольскомъ дворѣ. Шелкъ-сырецъ поставлялъ сюда армянинъ Игнатій Шериманъ²⁾. А такъ какъ Лазаревъ самъ былъ свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, то и не удивительно, что онъ скоро познакомился съ Земскимъ, а черезъ него сталъ извѣстенъ и Петру I. Государь воспользовался его знаніемъ восточныхъ языковъ и назначилъ его переводчикомъ при сношеніяхъ съ Персіей³⁾. Лазаревъ отлично зналъ эту страну, какъ свою родину, почему такое назначеніе его было весьма цѣлесообразно. Выше мы замѣтили, что Лазаревы, живя въ Персіи и служа шахамъ, не чужды были коммерческихъ занятій, путемъ которыхъ и приобрѣли себѣ состояніе. Эта склонность ихъ проявилась скоро и въ Россіи. Въ 1735 г. они основали Фряновскую шелковую мануфактуру въ Богородскомъ уѣздѣ, въ 65 верстахъ отъ Москвы. Это обстоятельство дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ сближеніе Л. Н. Лазарева съ Д. Я. Земскимъ, тотчасъ по прибытіи изъ Персіи. При наслѣдникахъ Лазаря Назаровича

¹⁾ Этотъ любопытный эпизодъ сообщается въ «Собраніи актовъ» по двумъ редакціямъ, изъ коихъ одна перепечатана изъ нѣмецкаго журнала Шлейхера «Эстонъ» № 14 за 1829 г. См. т. II Актовъ, стр. 72 и 301.

²⁾ «Собраніе актовъ», II, стр. 298.

³⁾ См. статью: «Данила Яковлевичъ Земской» Еввы Смирной, урожденной княгини Вяземской, въ «Русской Старинѣ» 1883 г., книга X, стр. 66—78.

Фрянковская мануфактура довела свое производство до такого совершенства, что на ней приготавливались превосходныя шелковыя матеріи для двора Екатерины и также обои на подобіе французскихъ, которыми обиты были залы въ Петербургскихъ дворцахъ— Зимнемъ и Таврическомъ. Императрица посылала даже фрянковскія издѣлія въ подарки къ иностраннымъ дворамъ¹⁾. Въ 1812 г., при нашествіи французовъ, въ Москвѣ сгорѣлъ домъ Лазаревыхъ со складомъ шелковыхъ издѣлій и разныхъ матеріаловъ для этой фабрики. Потерпѣвъ значительный убытокъ, Лазаревы послѣ 1824 года продали фабрику московскимъ купцамъ Рогожинымъ²⁾ въ видахъ уплаты нѣкоторыхъ значительныхъ долговъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что и въ Россіи Лазаревы остались вѣрны традиціямъ, вынесеннымъ изъ Персіи: состоя на русской службѣ, они въ то же время пускались въ коммерческія предпріятія. Наслѣдники Лазаря Назаровича, особенно старшій его сынъ Иванъ, пошли въ этомъ направленіи еще дальше. Екатерина II достойно оцѣнила службу Лазарева и вмѣстѣ труды своего придворнаго поставщика: 20 мая 1774 г. она пожаловала Лазаря Назаровича со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ въ дворяне Россійской имперіи, а 3 октября 1776 г. онъ получилъ и Высочайшую грамоту на дворянское достоинство³⁾.

Не ограничиваясь предѣлами Россіи, Лазарь Назаровичъ распространялъ издѣлія своей Фрянковской фабрики и за границей и, кажется, былъ дѣятельнымъ комиссіонеромъ по поставкѣ шелка-сырца въ Германію. Этими связями съ иностранными государствами объясняется дарованіе Лазарю Назаровичу въ 1768 г. почетнаго титула барона Священной Римской имперіи со всѣмъ его нисходящимъ потомствомъ. Дипломъ на баронское достоинство Лазаревы получили 19 марта 1768 года. Хотя самаго диплома на баронское достоинство Лазаря Назаровича не сохранилось⁴⁾, но дарованіе его императрицей Маріей-Терезіе засвидѣтельствовано въ дипломѣ отъ Іосифа II Ивану Лазаревичу на графское достоинство⁵⁾.

Достигнувъ глубокой старости, дворянинъ Россійской и баронъ Священной Римской имперіи, Лазарь Назаровичъ скончался въ

¹⁾ См. «Историч. записку о сношеніяхъ армянскаго народа съ Россійскимъ государствомъ» въ «Собраніи актовъ», т. II, 299.

²⁾ См. тамъ же и въ книгѣ Новокрещенныхъ: «Чермовской заводъ», Спб., 1689 г., стр. 9 и 131.

³⁾ Извлеченіе изъ нея см. въ «Собраніи актовъ», I, 176—177, и у Зиновьева, стр. 8—9.

⁴⁾ По крайней мѣрѣ, о немъ нѣтъ упоминанія у профессора Зиновьева, который приводитъ лишь выдержки изъ диплома отъ Іосифа II Ивану Лазаревичу (стр. 14—15).

⁵⁾ «Собраніе актовъ», I, 183.

Москвѣ 8 января 1782 г., на 82 году жизни. Супруга его, Анна Екимовна, умерла также въ Москвѣ 13 января 1770 г., на 60 году жизни. Оба они погребены были въ старинной армянской церкви на Прѣснѣ. Сыновья ихъ, Мина и Иоакимъ, впоследствии построили въ Москвѣ новую армянскую церковь на Ваганьковомъ полѣ, куда въ первые годы нашего вѣка и перенесли съ Прѣсни прахъ какъ своихъ родителей, такъ и другихъ родственниковъ. Такимъ образомъ эта новая Воскресенская армянская церковь на Ваганьковскомъ кладбищѣ, окончательно устроенная и освященная 1 июня 1815 г., стала родовой усыпальницей Лазаревыхъ, жившихъ въ Москвѣ ¹⁾. Всѣ же члены фамилии, жившіе въ Петербургѣ, погребались въ тамошней армянской кладбищенской церкви, также построенной иждивеніемъ Лазаревыхъ.

II.

Иванъ Лазаревичъ и начало землевладѣнія Лазаревыхъ въ Пермскомъ краѣ.

Лазарь Назаровичъ оставилъ по себѣ четырехъ наслѣдниковъ—Ивана, Мину, Христофора и Иоакима Лазаревичей. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ по способностямъ, разносторонней широкой дѣятельности и по значенію при дворѣ Екатерины II и Павла, былъ старшій братъ, Иванъ Лазаревичъ, уроженецъ Новой Джульфы. Супруга его была Екатерина Ивановна Мирзаханова, родившаяся также въ Персіи 1-го апрѣля 1750 года и бывшая моложе его на 15 лѣтъ ²⁾. Служебныя соображенія побудили Ивана Лазаревича еще въ молодости переселиться въ Петербургъ, оставивъ родителей и братьевъ въ Москвѣ продолжать начатое ими дѣло. Постоянное пребываніе его въ новой столицѣ, дѣйствительно, было для него весьма полезно, постепенно сблизило его съ первыми сановниками того времени и открыло ему блестящую карьеру. Довольно образованный, обладатель весьма солиднаго состоянія, Иванъ Лазаревичъ сумѣлъ встать въ близкія отношенія къ такимъ людямъ, какъ князья и графы Орловы и Зубовы, генераль-прокуроръ князь Вяземскій, канцлеръ князь Безбородко и князь Потемкинъ-Тавричскій. На сколько значительны были средства Лазарева, видно изъ того, что онъ, по предложенію и даже настоянію графа (а послѣ князя) Григорія Григорьевича Орлова, купилъ отъ

¹⁾ «Историческій очеркъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ» проф. Зиновьева, стр. 17 и 101 по второму изданію.

²⁾ См. упомянутую статью: «Данила Яковлевичъ Земской» въ «Русской Старинѣ» 1883 г., октябрь, и книгу Зиновьева, стр. 96.

казны на наличныя деньги имѣніе Ропшу, что близъ Петербурга. Здѣсь Иванъ Лазаревичъ съ русскимъ хлѣбосольствомъ и восточной пышностью принималъ нерѣдко царственныхъ особъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Ропша служила нерѣдко для нихъ и попутной станціей, и мѣстомъ пріятнаго отдохновенія. Въ разное время здѣсь имѣли ночлеги: императоръ Іосифъ II, король прусскій, наследный принцъ шведскій, графъ д'Артуа, впоследствии король французскій Карлъ X, эрцгерцогиня баденская, впоследствии императрица Елисавета Алексѣевна, и многіе другіе; иногда бывали высочайшіе проводы царственныхъ гостей до Ропши. За такое гостепрѣимство Лазаревъ и самъ удостоивался частыхъ пріемовъ при дворѣ Екатерины II въ Петербургѣ и Павла Петровича—въ Гатчинѣ. Последнему такъ понравилась Ропша, что впоследствии, сдѣлавшись императоромъ, онъ купилъ ее у Лазарева обратно въ казну.

Но и при столь исключительномъ положеніи, обѣщавшемъ Лазареву блестящую служебную карьеру, въ немъ не были заглушены унаслѣдованныя отъ предковъ меркантильныя наклонности. Подобно отцу и братьямъ, и онъ пустился въ промышленныя предпріятія. 3-го марта 1771 года Иванъ Лазаревичъ съ братьями заключилъ контрактъ съ малолѣтнимъ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, при посредствѣ опекуновъ послѣдняго, на передачу Лазаревымъ въ арендное содержаніе пермскихъ имѣній упомянутаго барона Строганова, а именно: Новоусольскихъ соляныхъ промысловъ, заводовъ Билимбаевскаго, Домрянскаго и Очерскаго, срокомъ на 6 лѣтъ, съ 1-го мая 1771 года по 1-е мая 1777 года, съ обязательствомъ Лазаревыхъ уплаты Строганову по 40.000 рублей за каждый годъ аренды, или 240.000 рублей за всѣ шесть лѣтъ ¹⁾. Это былъ первый, такъ сказать, пробный шагъ Лазаревыхъ въ горнозаводскомъ дѣлѣ, дотошъ имъ незнакомомъ. Въ 1774 году, какъ мы знаемъ, Лазарь Назаровичъ со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ возведенъ былъ въ дворянское достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ право владѣть крѣпостными людьми ²⁾. Въ виду этого, предприимчивый Иванъ Лазаревичъ, по истеченіи шестилѣтней аренды на имѣнія барона Строганова, немедленно вступилъ въ переговоры съ барономъ Александромъ Николаевичемъ и съ опекунами его малолѣтняго племянника относительно продажи ему, Лазареву, нѣкоторыхъ пермскихъ имѣній Строгановыхъ въ полную собственность. Переговоры увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и 20-го апрѣля 1778 года совершена была

¹⁾ Новокрещенныхъ: «Чермовской заводъ», Спб., 1889 г., стр. 118. Авторъ ошибочно называетъ барона А. С. Строганова графомъ.

²⁾ Высочайшая грамота на дворянское достоинство дарована Лазаревымъ, какъ сказано выше, 3-го октября 1776 года.

купчая крѣпость на продажу Чермозскаго завода и большаго вотчиннаго имѣнія дворянину И. Л. Лазареву за 450.000 рублей. Эту купчую подписали: баронъ Александръ Николаевичъ Строгановъ и за его малолѣтняго племянника Александра Сергѣевича опекуны его: генераль-фельдмаршалъ, бѣлорусскихъ губерній генераль-губернаторъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и отъ флота генераль-кригсъ-коммиссаръ баронъ Иванъ Ивановичъ Черкасовъ ¹⁾. По той же купчей Лазаревъ получилъ во владѣніе 7.142 души мужскаго пола. Купленное И. Л. Лазаревымъ имѣніе осталось по смерти бездѣтнаго барона Григорія Николаевича Строганова и перешло къ его брату и племяннику, упомянутымъ выше, которые, имѣя свои большія наслѣдственныя части, и продали И. Л. Лазареву всю доставшуюся имъ, сверхъ того, часть бездѣтнаго родственника. Супруга послѣдняго, Александра Борисовна, урожденная княжна Голицына, какъ сказано въ купчей, «удовольствована отъ продавцевъ разными движимыми и недвижимыми имѣніями въ другихъ мѣстахъ». Въ упомянутомъ Чермозскомъ заводѣ, находящемся въ Соликамскомъ уѣздѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ рѣки Косъвы, но на другой (правой) сторонѣ рѣки Камы, донинѣ находится главное управленіе всѣхъ пермскихъ имѣній князей Абамеликъ-Лазаревыхъ.

Увлечшись горнозаводскимъ дѣломъ, Иванъ Лазаревичъ не ограничился первой покупкой земель у Строгановыхъ и въ 1784 году купилъ у вдовствующей баронессы Маріи Артемьевны Строгановой въ Оханскомъ и Пермскомъ уѣздахъ Хохловскій заводъ и всю часть, доставшуюся ей по смерти мужа ея, барона Александра Григорьевича Строганова, за 160.000 рублей. Купчая на эту часть совершена была во 2-мъ департаментѣ С.-Петербургскаго надворнаго суда 9-го августа 1784 года ²⁾.

Получивъ въ наслѣдственную собственность указанные земли въ Соликамскомъ и Пермскомъ уѣздахъ нынѣшней Пермской губерніи, Иванъ Лазаревичъ энергично взялся за новое дѣло и при жизни своей успѣлъ положить основаніе на купленныхъ земляхъ двумъ новымъ, доселѣ существующимъ, заводамъ: въ 1784—1788 гг. возникаетъ извѣстный Кизеловскій заводъ въ Соликамскомъ уѣздѣ, обладающій богатѣйшими рудниками, а въ 1794—1797 гг. сооружается Полазнинскій заводъ въ Пермскомъ уѣздѣ ³⁾. Всей земли И. Л. Лазаревъ купилъ: въ 1778 году 504.203 десятины (часть Григорія Николаевича Строганова) и въ 1784 году 273.027 десятинь (часть Марьи Артемьевны Строгановой), а всего 777.230

¹⁾ Полная копія купчей 1778 г. имѣется въ моемъ собраніи рукописей.

²⁾ Полная копія ея также имѣется въ моихъ бумагахъ.

³⁾ См. упомянутую книгу «Чермозской заводъ», стр. 120—121, и мою статью въ «Пермск. Губернск. Вѣдом.» 1883 г., №№ 73—79: «Поземельныя отношенія на Уралѣ» и т. д.

десятинъ ¹⁾. Впослѣдствіи Лазаревы приобрѣли еще 52.770 десятинъ, съ которыми и составилось ихъ нынѣшнее Пермское имѣніе. Изъ приведенныхъ данныхъ не трудно видѣть, во что цѣнилась земля съ небольшимъ 100 лѣтъ тому назадъ.

Промышленныя предпріятія не мѣшали Ивану Лазаревичу заниматься службою и исполнять самыя разнообразныя порученія правительства. Состоя въ должности совѣтника государственнаго заемнаго банка, основаннаго въ 1754 году, И. Л. Лазаревъ заключаетъ контрактъ съ казною на перевозку мѣдной монеты (7-го декабря 1780 года), по предложенію управлявшаго государственными финансами генераль-прокурора князя Вяземскаго. По просьбѣ Ивана Лазаревича, въ 1770 году послѣдовало два именныхъ высочайшихъ указа объ отводѣ мѣстъ для построенія армянскихъ церквей вообще и въ частности «на Невской перспективѣ» въ С.-Петербургѣ ²⁾, послѣ чего онъ и построилъ въ обѣихъ столицахъ новыя армянскія церкви на собственный счетъ. Со времени назначенія князя Іосифа Аргутинскаго-Долгорукаго архіепископомъ всѣхъ жившихъ въ Россіи армянъ (въ 1773 году), И. Л. Лазаревъ вошелъ въ самыя близкія отношенія къ нему и вмѣстѣ съ нимъ выработалъ и представилъ правительству проэктъ относительно колонизированія армянами новопріобрѣтеннаго Новороссійскаго края, Крыма и юго-восточныхъ окраинъ Россіи. Правительство одобрило большую часть ихъ проэкта, оказывая съ своей стороны все возможное содѣйствіе этому дѣлу, послѣдствиемъ чего было возникновеніе въ Россіи армянскихъ городовъ Нахичевани на Дону, Кизляра, Григоріополя и нѣсколькихъ армянскихъ колоній въ Крыму ³⁾. Въ концѣ прошлаго вѣка имя Ивана Лазаревича стало чрезвычайно популярно и авторитетно среди русскихъ армянъ, для которыхъ онъ былъ дѣйствительно могущественнымъ ходатаемъ предъ русскимъ правительствомъ, особенно при Павлѣ Петровичѣ.

Императрица, даровавшая въ 1774 году Лазарю Назаровичу потомственное дворянство, не забыла, конечно, и его старшаго сына: за службу въ правленіи государственнаго заемнаго банка она воз-

¹⁾ См. ту же мою статью въ «Пермск. Губернск. Вѣдом.» и еще тамъ же статью И. В. Володина въ № 68 того же года: «Къ исторіи Строгановскаго имѣнія».

²⁾ Собраніе актовъ, I, 27: общій указъ отъ 2-го мая и частный отъ 22-го мая 1770 г.

³⁾ Въ «Собраніи актовъ», томъ I, см. указъ Екатерины II отъ 23-го февраля 1793 г. объ основаніи Григоріополя на Днѣстрѣ въ Херсонской губ. (стр. 189—193), указъ Павла I отъ 15-го апрѣля 1799 года о разныхъ привиллегіяхъ армянамъ нахичеванскимъ, григоріопольскимъ, кизлярскимъ и крымскимъ (стр. 197—198) и другіе подобныя указы Павла I.

вела его прямо въ чинъ коллежскаго совѣтника, «въ рангъ сухопутнаго полковника» 22-го сентября 1786 г. ¹⁾, а чрезъ нѣкоторое время онъ былъ пожалованъ и въ статскіе совѣтники (годъ не извѣстенъ). Въ то же время императоръ Іосифъ II, вѣрный традиціямъ своей вѣнценосной матери, 19 марта 1768 г. даровавшей Лазаревымъ за ихъ многія заслуги дипломъ на баронское Священно-Римской имперіи достоинство, возводитъ 30 марта 1788 г. Іоанна фонъ-Лазарева, согласно его просьбѣ, въ графы Римской имперіи ²⁾. Но особенно благоволилъ Ивану Лазаревичу императоръ Павелъ. Подтвердивъ всѣ привилегіи, дарованныя русскимъ армянамъ его покойной матерью, и достойно цѣня участіе въ организаціи управленія ими какъ архіепископа Іосифа, такъ и дворянина И. Л. Лазарева, онъ утвердилъ 22 марта 1880 г. въ княжескомъ Россійской имперіи достоинствѣ архіепископа Іосифа, какъ намѣстника армянскаго патріарха Луки, пребывающаго въ «армянскомъ патріаршемъ Араратскомъ престольномъ монастырѣ Эчмиадзинѣ», даровавъ роду князей Аргутинскихъ-Долгорукихъ новый гербъ ³⁾, а Ивана Лазаревича 23 ноября 1799 г. пожаловалъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ⁴⁾. Послѣдній знакъ своего благоволенія къ И. Л. Лазареву императоръ проявилъ за двѣ недѣли до кончины своей, пожаловавъ его почетнымъ командоромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Обстоятельства этого пожалованія были слѣдующія.

Павелъ I пожелалъ купить у И. Л. Лазарева мызу Ропшу съ ея роскошными садами, богатыми зданіями и бумажною фабрикою. Тогда какъ Екатерина постаралась продать эту мызу, съ которой соединялось столько непріятныхъ для нея воспоминаній, Павелъ I, благоговѣвшій передъ памятью своего несчастнаго отца, смотрѣлъ на Ропшу, какъ на завѣтное, родовое имѣніе, въ которомъ считалось тогда 1.200 душъ крестьянъ. Лазареву очень не хотѣлось лишаться этого любимаго уголка, но не исполнить царскаго желанія онъ не могъ. Когда зашелъ щекотливый вопросъ о стоимости имѣнія, Иванъ Лазаревичъ отвѣтилъ императору, что имѣніе, какъ и самъ онъ, вѣрноподданный, принадлежитъ царю, съ которымъ рядиться онъ не можетъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ заставить Лазарева назначить цѣну за Ропшу, императоръ самъ назначилъ ему 500.000 рублей ассигнаціями, въ присутствіи канцлера князя Александра Борисовича Куракина, оберъ-шталмейстера графа Кутайсова и генераль-прокурора Обольянинова. Съ благо-

¹⁾ Грамота на чинъ дана только 1 декабря 1791 г. См. ее въ «Собраніи актовъ», т. I, стр. 188.

²⁾ Графскій дипломъ въ полномъ видѣ напечатанъ тамъ же, на стр. 181—187.

³⁾ См. объ этомъ тамъ же, т. I, стр. 209 и 225—227.

⁴⁾ Грамота на генеральскій чинъ дана Лазареву въ Павловскѣ 3 іюня 1800 года. Напечатана тамъ же, т. I, стр. 241—242.

дарностью принявъ царское предложеніе, Иванъ Лазаревичъ немедленно пожертвовалъ изъ этой суммы 100.000 рублей въ пользу благотворительныхъ заведеній С.-Петербурга. Тронутый императоръ, тутъ же, въ присутствіи сановниковъ, лично возложилъ на щедрого жертвователя орденъ командора св. Іоанна Іерусалимскаго и 24 февраля 1801 г. далъ ему слѣдующій рескриптъ ¹⁾.

«Божіею милостію Мы, Павелъ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

«Великій Магистръ Державнаго Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и прочая, и прочая, и прочая.

«Намъ любезновѣрному дѣйствительному статскому совѣтнику Лазареву.

«Усердная и ревностная служба ваша обратила на васъ императорское Наше вниманіе, почему во изъявленіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія пожаловали Мы васъ почетнымъ командоромъ Державнаго Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Божію васъ препоручая храненію. Данъ въ Михайловскомъ нашемъ замкѣ. Февраля 24 дня 1801 года, царствованія Нашего въ пятое, а великаго магистерства въ третье лѣто.

«Павелъ».

«Великой канцлеръ графъ фонъ-деръ-Паленъ».

То была послѣдняя милость императора И. Л. Лазареву. 12-го марта 1801 года Павла I не стало... Но и облагодѣтельствованный Иванъ Лазаревичъ пережилъ его всего на 7½ мѣсяцевъ. Послѣдніе годы своей жизни И. Л. Лазаревъ посвятилъ дѣламъ благотворенія, попреимуществу въ память безвременно умершаго единственнаго сына своего Артемія († 1791 г.). Сдѣлавъ вклады въ пользу многихъ благотворительныхъ заведеній своего новаго отечества, а также въ пользу разныхъ монастырей родной Арменіи, во главѣ съ престольнымъ Эчмиадзинскимъ, оказалъ матеріальную и нравственную поддержку армянскимъ обществамъ Астрахани, Нахичевани на Дону, Григоріополя, Моздока, Кизляра, Тифлиса и другихъ городовъ, гдѣ жили его единоплеменники и единовѣрцы, Иванъ Лазаревичъ 4-го января 1800 года поручилъ младшему своему брату, предъизбранному имъ въ наслѣдники, Іоакиму Лазаревичу, внести по смерти его, Ивана Лазарева, въ Московскій опекунскій совѣтъ 200.000 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы на проценты съ сего капитала было построено со временемъ, въ память его покойнаго сына Артемія, приличное зданіе въ первопрестольной Москвѣ для воспитанія и обученія бѣдныхъ дѣтей армянской націи. Братъ и наслѣдникъ его, Іоакимъ Лазаревичъ, не выжидая времени, съ своей стороны прибавилъ къ этой суммѣ до

¹⁾ Профессоръ Зиновьевъ, цитированное сочиненіе, стр. 13—14.

300.000 рублей ассигнаціями и на этотъ полумилліонъ вскорѣ же послѣ смерти старшаго брата приступилъ къ постройкѣ обширнаго зданія будущаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, наискосокъ армянской Воздвиженской церкви въ Москвѣ и близъ православной церкви Николая Чудотворца на Столпахъ.

Подавъ благую мысль основать въ Москвѣ, мѣстѣ упокоенія своихъ родителей, учебное заведеніе для армянъ и сдѣлавшись чрезъ то инициаторомъ этого дѣла, Иванъ Лазаревичъ на 66 году жизни скончался въ Петербургѣ 24 октября 1801 года, гдѣ и погребенъ въ основанной имъ армянской кладбищенской церкви. Такимъ образомъ, эта церковь сдѣлалась второю усыпальницею всѣхъ членовъ фамиліи Лазаревыхъ, жившихъ въ сѣверной столицѣ. 18 августа 1819 года скончалась тамъ же и супруга И. Л. Лазарева, Екатерина Ивановна, на 70-мъ году жизни, которая и похоронена рядомъ съ своимъ супругомъ. На закатѣ дней своихъ она имѣла утѣшеніе видѣть осуществленіе завѣтнаго желанія ея и мужа: 10 мая 1814 года въ Москвѣ было освящено зданіе армянскаго училища Лазаревыхъ, а чрезъ годъ—съ 12 мая 1815 года въ немъ открылись и занятія. Это училище доселѣ составляетъ лучшій памятникъ просвѣщенной заботливости объ армянахъ первыхъ русскихъ Лазаревыхъ.

III.

Іоакимъ Лазаревичъ и другіе представители фамиліи. — Ихъ Московскій институтъ восточныхъ языковъ.

Въ дальнѣйшей исторіи Лазаревыхъ главный интересъ сосредоточивается на ихъ Московскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, о первомъ возникновеніи котораго мы уже сказали. Учрежденіе этого института вноситъ во всю дѣятельность Лазаревыхъ новую, весьма симпатичную сторону, свидѣтельствующую о ихъ уваженіи къ наукѣ и любви къ дѣлу народнаго образованія.

Мы уже знаемъ, что инициатива учрежденія института принадлежала Ивану Лазаревичу, а осуществленіе его мысли—брату его Іоакиму. Институтъ оконченъ сооруженіемъ въ 1814 году и открытъ въ слѣдующемъ году въ память Артемія Ивановича Лазарева, единственнаго сына Ивана Лазаревича, умершаго всего 23-хъ лѣтъ, но уже въ чинѣ премьеръ-маіора и генеральсь-адъютанта при извѣстномъ князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ ¹⁾. Еще ранѣе Артемія Ивановича и тоже въ молодыхъ годахъ умеръ

¹⁾ По надгробной надписи, Артемій Ивановичъ родился 24-го іюля 1768 г., а скончался 12-го января 1791 г. въ Петербургѣ. (Зиновьевъ, стр. 95).

второй братъ Ивана Лазаревича, Христофоръ Лазаревичъ, который вмѣстѣ съ Миною Лазаревичемъ былъ уроженецъ Новой Джульфы, жилъ постоянно въ Москвѣ, гдѣ и построилъ на свое иждивеніе армянскую церковь Воздвиженія, сосѣднюю съ Лазаревскимъ институтомъ и оконченную сооруженіемъ въ 1779 году, уже чрезъ 5 лѣтъ послѣ смерти ея основателя¹⁾. Со смертью этихъ двухъ молодыхъ представителей фамиліи, Иванъ Лазаревичъ предъ кончиною завѣщалъ все свое имѣніе младшему брату Іоакиму Лазаревичу, назначивъ женѣ своей и другому бездѣтному брату Минѣ, по ихъ смерти, ежегодныя денежныя выдачи²⁾. Съ конца 1801 года все Пермское имѣніе съ четырьмя заводами перешло такимъ образомъ въ руки Іоакима Лазаревича и его супруги Анны Сергѣевны, урожденной Ивановой, имѣвшихъ постоянное жительство въ Москвѣ.

Біографія Іоакима Лазаревича не отличается такимъ внѣшнимъ блескомъ, какъ его старшаго брата, зато она запечатлѣна многими дѣлами благочестія и благотворенія. Его жизнь протекала безъ шума и эффектовъ; онъ не стяжалъ себѣ блестящей карьеры, но любилъ уединенную, спокойную жизнь въ Москвѣ, въ нѣдрахъ своего многочисленнаго семейства. Наполеоновскій погромъ Москвы, правда, нарушилъ это спокойствіе на нѣкоторое время, но съ умиротвореніемъ страны жизнь І. Л. Лазарева опять потекла прежнимъ внѣшнимъ порядкомъ. Только знаменитое Лейпцигское побоище, гдѣ палъ доблестно 4-го октября 1813 года младшій сынъ І. Л. Лазарева, 21-лѣтній гусарь Артемій Іоакимовичъ, оставило навсегда въ сердцахъ родителей открытую рану, нарушавшую душевный покой ихъ³⁾. Однако, у нихъ оставалось еще три старшихъ сына — Иванъ, Христофоръ и Лазаръ Іоакимовичи, и три дочери — Елизавета, Марія и Марѳа Іоакимовны, изъ коихъ первая была замужемъ за Ив. Ив. Арапетовымъ, вторая — за Давыдомъ

¹⁾ По надгробной надписи въ армянской церкви на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ, Христофоръ Лазаревичъ родился 12-го декабря 1741 г., а скончался 11-го іюня 1774 г. 33-хъ лѣтъ отъ роду. См. у Зиновьева, стр. 97 и 100; въ текстѣ же книги, на стр. 18, этотъ авторъ противорѣчитъ приведеннымъ достовернымъ датамъ. Очевидно, онъ здѣсь допустилъ ошибку.

²⁾ Благочестивый Мина Лазаревичъ, строитель Ваганьковской кладбищенской церкви, надворный совѣтникъ, родился въ 1737 г., умеръ въ Петербургѣ 18-го января 1809 г. (Зиновьевъ, стр. 96). Жена его Анна Васильевна, урожденная Хастатова, родилась 8-го января 1750 г., умерла въ Москвѣ 9-го іюля 1802 г. (стр. 98).

³⁾ Артемій Іоакимовичъ, доблестный участникъ войнъ 1812—1813 гг., штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, кавалеръ Анны 2-й и Владимира 4-й ст., родился въ 1791 г.; погребенъ въ Петербургѣ, куда прахъ его перевезенъ въ 1815 г. (Зиновьевъ, стр. 22). Еще ранѣе родители потеряли трехъ малолѣтнихъ дочерей — двухъ, называвшихся Аннами, и Екатерину. (Тамъ же, стр. 97—98).

Артемьевичемъ Деляновымъ и третья — за княземъ Давыдомъ Семеновичемъ Абамеликъ¹⁾. Посмотримъ, въ чемъ же заключалась мирная дѣятельность главы этого многочисленнаго семейства.

Въ блестящій вѣкъ Екатерины II, Іоакимъ Лазаревичъ, не играя значительной роли при дворѣ, однажды удостоился, однако же, чести, которая многократно была оказываема его старшему брату въ Ропшѣ: возвращаясь изъ своего знаменитаго путешествія въ Тавриду, императрица пожелала остановиться на ночлегъ 18-го іюля 1787 года, со всею блестящею свитою изъ 21 лица, въ имѣніи Іоакима Лазаревича—селѣ Покровскомъ, Лапотково то же, что въ Крапивенскомъ уѣздѣ, въ 45 верстахъ отъ Тулы. Отслушавъ на другой день, въ воскресенье, литургію въ сельской церкви, императрица удостоила хозяина и его семейство милостиваго вниманія и разговора и, пожаловавъ Іоакиму Лазаревичу богатый перстень, отбыла въ городъ Тулу²⁾. Во этомъ фактѣ нельзя не видѣть извѣстной доли участія вліятельнаго старшаго брата Ив. Л. Лазарева. Послѣ того Іоакимъ Лазаревичъ не является участникомъ какихъ либо громкихъ событій. Весною 1802 года онъ отправился съ старшимъ сыномъ Иваномъ въ свои пермскія имѣнія, гдѣ пробылъ съ 6-го марта до 13-го іюля³⁾. Вскорѣ послѣ того въ этихъ имѣніяхъ начались тяжбы съ сосѣдними землевладѣльцами, дѣла на заводахъ нѣсколько пошатнулись, во всемъ стало замѣтно отсутствіе твердаго управленія. «Дѣло шло кой-какъ и, хотя предпринимались улучшенія, но, за недостаткомъ настойчивости, всѣ затѣи являлись какими-то мертворожденными»⁴⁾. Не оставлялъ Іоакимъ Лазаревичъ и участія въ дѣлахъ по управленію поселившимися въ Россіи армянами, но и на этомъ поприщѣ онъ много уступалъ старшему брату въ организаторской способности. 19-го іюля 1804 года послѣдовалъ высочайшій указъ с.-петербургскому военному губернатору⁵⁾ о дозволеніи и разрѣшеніи наслѣдникамъ Ив. Л. Лазарева привести въ исполненіе статьи постановленія объ управленіи армянскихъ церквей, ихъ недвижимой собственностью и т. д., но какой либо новой инициативы ни въ чемъ не проявлялось со стороны І. Л. Лазарева. По свойству своего ума и характера, послѣдній вообще не былъ способенъ къ широкой административной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи составлялъ контрастъ своему старшему брату. Но нравственный образъ этого представителя фамиліи Лазаревыхъ является весьма

¹⁾ Подробности этихъ родовыхъ отношеній указаны въ той же книгѣ, стр. 22—23.

²⁾ «Собраніе актовъ», томъ III, стр. 305 и 312; перепечатано у Зиновьева, стр. 87—88.

³⁾ Новокрещенныхъ: «Чермовской заводъ», стр. 121 и 122.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 12.

⁵⁾ «Собраніе актовъ», I, 37.

симпатичнымъ. Главнымъ призваніемъ его всегда была филантропія, а въ преклонныхъ годахъ она всецѣло поглотила всѣ помыслы Іоакима Лазаревича; здѣсь, на этомъ поприщѣ, сосредоточены и всѣ его заслуги. Съ этой стороны онъ представляетъ поразительное сходство съ Миною Лазаревичемъ, умершимъ въ 1809 году.

Мы знаемъ уже, какую щедрую жертву принесъ Іоакимъ Лазаревичъ въ пользу основаннаго имъ, совмѣстно съ старшимъ братомъ, Армянскаго училища въ Москвѣ. Въ 1816 году онъ прибавилъ къ прежде пожертвованнымъ 300 тысячамъ еще 50.000 рублей отъ имени погибшаго подъ Лейпцигомъ сына его Артемія Іоакимовича. Въ 1817 году Анна Сергѣевна въ память того же сына пожертвовала отъ себя также 50.000 рублей, такъ что весь капиталъ училища теперь дошелъ до 600.000 рублей. Такъ какъ значительная часть этого капитала пошла на сооруженіе зданій училища ¹⁾, то впослѣдствіи сыновья ихъ, Иванъ и Христофоръ Іоакимовичи, сдѣлали новыя значительныя пожертвованія въ пользу училища, которое съ 1828 года было наименовано «Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ». По уставу института, попечителемъ его считается одинъ изъ членовъ фамиліи Лазаревыхъ; помимо того, институтъ поручается покровительству высокихъ особъ, по выбору самихъ Лазаревыхъ и армянскаго епархіальнаго архіепископа, а иногда и эчмиадзинскаго католикоса. Первымъ попечителемъ института былъ, конечно, самъ основатель его, Іоакимъ Лазаревичъ; но съ 15-го іюня 1818 года, по преклонности лѣтъ, онъ передалъ попечительство двумъ своимъ старшимъ сыновьямъ, Ивану и Христофору Іоакимовичамъ. Согласно просьбѣ основателя института, первымъ покровителемъ или «главноначальствующимъ» института былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію отъ 30-го іюня 1825 года, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, состоявшій въ семъ званіи два года. Въ 1827 году, за отказомъ графа Аракчеева, въ преемники его по институту былъ избранъ и утвержденъ шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Іоакимъ Лазаревичъ и его сыновья принесли въ даръ институту собственную библіотеку въ 3.000 томовъ, минералогическую коллекцію, физическіе приборы и прочую обстановку училища, стоимостью до 30.000 рублей ²⁾. Не ограничиваясь всѣмъ этимъ, просвѣщенные попечители института открыли при немъ 4-го августа 1823 года «Общество любителей древности», главною цѣлью котораго было «изысканіе достославныхъ событій о древней Арменіи» ³⁾.

¹⁾ Капиталъ имени Ивана Лазаревича въ 200.000 рублей считается неприкосновеннымъ.

²⁾ «Собраніе актовъ», III, 73.

³⁾ Тамъ же, III, 64.

Члены общества постановили издавать сборникъ своихъ ученыхъ трудовъ, подъ заглавіемъ «Фениксъ Арменіи»¹⁾. Учредителями общества были Іоакимъ Лазаревичъ и три его сына Иванъ, Христофоръ и Лазарь Іоакимовичи, а первыми почетными членами были избраны: епархіальные армянскіе архіепископы преосвященные—Іоаннесъ Россійскій, Нерсесъ Грузинскій и Григорій Бессарабскій, и изъ свѣтскихъ лицъ: парижскій профессоръ армянскаго языка Іаковъ Шаганъ-Черпентьянъ, генераль-маіоръ Давыдъ Артемьевичъ Делянновъ, отецъ нынѣшняго статсъ-секретаря графа Ивана Давыдовича Деянова, генераль-маіоръ князь Давыдъ Семеновичъ Абамеликъ, артиллеріи маіоръ Ив. Ив. Арапетовъ, князь Давыдъ Борисовичъ Аргутинскій-Долгоруковъ и статскій совѣтникъ Александръ Макаровичъ Худобашевъ²⁾. Такимъ образомъ «Общество любителей древности» сдѣлалось духовнымъ центромъ всей армянской интеллигенціи. Въ 1829 году при институтѣ заведена, на средства братьевъ Лазаревыхъ, собственная типографія, въ которой печатались книги на разныхъ европейскихъ и азіатскихъ языкахъ³⁾. Однимъ изъ первыхъ изданій института, вышедшихъ изъ этой типографіи, и было драгоцѣнное «Собраніе актовъ, относящихся къ обзорѣнію исторіи армянскаго народа», въ 3-хъ большихъ томахъ, на русскомъ и армянскомъ языкахъ. Такъ какъ большинство воспитанниковъ института продолжало затѣмъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, то Лазаревы предлагали правительству свое матеріальное содѣйствіе къ учрежденію въ этомъ университетѣ каѳедры армянскаго языка, но министерство народнаго просвѣщенія вмѣсто того учредило особый факультетъ восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ, который потомъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскій университетъ⁴⁾.

Такова была просвѣщенная дѣятельность Іоакима Лазаревича и его трехъ сыновей. Первоначально въ институтъ принимались дѣти бѣднѣйшихъ армянъ на полное готовое содержаніе, но впоследствии какъ цѣли института, такъ и объемъ преподаванія постепенно измѣнялись.

Послѣдніе годы своей долгой жизни набожный Іоакимъ Лазаревичъ посвятилъ, помимо заботъ по институту, благоустройствію московскихъ армянскихъ церквей Воздвиженской и на Ваганьковомъ кладбищѣ. Въ этихъ заботахъ ему помогалъ до 1809 года братъ его, Мина Лазаревичъ. 11-го марта 1820 года скончалась супруга І. Л. Лазарева, Анна Сергѣевна, а 24-го января 1826 года послѣдовала кончина самого Іоакима Лазаревича. Оба они скон-

¹⁾ Тамъ же, III, 67.

²⁾ Тамъ же, III, 65.

³⁾ Зиновьевъ, стр. 40.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 40—41.

чались въ Москвѣ, гдѣ и погребены въ устроенной ими фамильной усыпальницѣ, что на Ваганьковомъ кладбищѣ.

12-го декабря 1822 года въ честь основателей института въ институтскомъ саду торжественно открытъ великолѣпный по тому времени чугунный монументъ съ подобающими надписями на армянскомъ и русскомъ языкахъ, портретами Ивана и Іоакима Лазаревичей и дворянскимъ гербомъ Лазаревыхъ.

Относительно наслѣдства Іоакимъ Лазаревичъ распорядился еще при жизни слѣдующимъ образомъ: 19-го января 1821 года онъ составилъ раздѣльный актъ ¹⁾ на все свое движимое и недвижимое имущество, стоимостью до девяти миллионовъ рублей, въ обѣихъ столицахъ и въ губерніяхъ Пермской, Московской и Тульской. Актъ тогда же былъ формально утвержденъ въ Московской палатѣ гражданского суда. Условія его были въ главныхъ основаніяхъ слѣдующія: всѣ недвижимыя имѣнія въ столицахъ и упомянутыхъ губерніяхъ, втеченіе 6-ти лѣтъ, именно съ 1-го іюля 1822 года по 1-е іюля 1828 года, остаются въ нераздѣльномъ владѣніи трехъ сыновей Ивана, Христофора и Лазаря Іоакимовичей, подъ главнымъ единоличнымъ управленіемъ средняго брата Христофора. Дочери завѣщателя, помимо приданого, получаютъ деньгами: Елизавета Іоакимовна Арапетова 200.000 рублей, Марія Іоакимовна Делянова 100.000 рублей, сверхъ даннаго ей по записи отъ 12-го августа 1820 года села Утешева съ деревнями въ Мещовскомъ и Козельскомъ уѣздахъ Калужской губерніи, и княгиня Марѳа Іоакимовна Абамеликъ—также 200.000 рублей. По истеченіи шестилѣтняго срока нераздѣльнаго имѣнія, братья совершаютъ раздѣлъ всего недвижимаго имущества такимъ образомъ, что все Пермское имѣніе достается пополамъ Ивану и Христофору Іоакимовичамъ, а всѣ прочія имѣнія въ другихъ губерніяхъ—Лазарю Іоакимовичу. Свидѣтелями при утвержденіи раздѣльнаго акта были: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, генераль-поручикъ камергеръ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Ефимовичъ Мясоѣдовъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Алябьевъ. Своевременно всѣ условія акта наслѣдниками І. Л. Лазарева были исполнены въ точности.

Старшій наслѣдникъ, Иванъ Іоакимовичъ, родился въ 1787 году, обучался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ сперва въ гвардіи, а потомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ званіе камергера и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Съ 1825 года онъ былъ женатъ на дочери сенатора Богдана

¹⁾ Полная копія его имѣется въ моемъ собраніи рукописей.

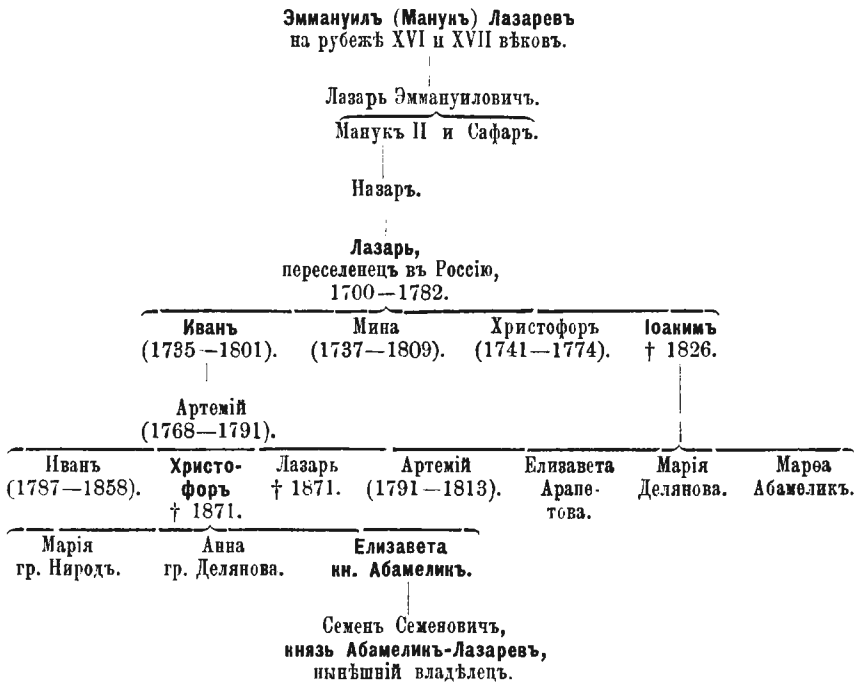
Андреевича Гермеса, бывшего пермскаго губернатора. Скончался въ Петербургѣ 6-го февраля 1858 года на 72 году жизни. Все Пермское имѣніе онъ завѣщалъ брату своему Христофору Іоакимовичу, за неимѣніемъ дѣтей.

Христофоръ Іоакимовичъ, самый дѣятельный и способный изъ трехъ братьевъ, учился въ Петербургѣ въ главномъ евангелическомъ училищѣ св. Петра, потомъ сдалъ экзаменъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Былъ въ супружествѣ съ княгинею Екатериною Эммануиловною Манукъ-Бей. Служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ званіе камергера и чинъ тайнаго совѣтника. При жизни родители потеряли единственнаго сына Ивана, который родился 12-го мая 1844 года и умеръ 26-го ноября 1850 года; лишились также 8-мѣсячной дочери Александры въ 1839 году. Наслѣдницами Христофора Іоакимовича оставались три другія его дочери—Марія, Анна и Елизавета Христофоровны, изъ коихъ первая была за мужемъ за графомъ Михаиломъ Евстафьевичемъ Ниродъ, другая—за Иваномъ Давыдовичемъ Деляновымъ и третья—за княземъ Семеномъ Давыдовичемъ Абамеликъ. 6-го декабря 1862 года Христофоръ Іоакимовичъ, за болѣзнию, передалъ все веденіе дѣла по Пермскому имѣнію своему зятю князю С. Д. Абамеликъ и 9-го октября 1871 года скончался въ Петербургѣ. Съ этого времени судьба Лазаревыхъ навсегда соединилась съ судьбою князей Абамеликъ, за пресѣченіемъ мужскаго потомства въ фамилии Лазаревыхъ. По высочайшему повелѣнію обѣ фамиліи Елизаветы Христофоровны были соединены въ одну фамилію князей Абамеликъ-Лазаревыхъ.

Третій братъ, Лазаръ Іоакимовичъ, женатый на принцессѣ Биронъ Курляндской, по окончаніи курса въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, былъ участникомъ кампаній 1828 и 1829 годовъ противъ персовъ и турокъ, за которыя получилъ золотую саблю «за храбрость» и впослѣдствіи чинъ генераль-маіора. По окончаніи войнъ, онъ принялъ дѣятельное участіе по водворенію въ Россіи своихъ единоплеменниковъ, армянъ, и при его содѣйствіи до 40.000 ихъ переселилось къ намъ изъ Персіи. Вторая половина жизни Лазаря Іоакимовича отличалась, напротивъ, спокойствіемъ. Мы знаемъ, что въ Пермскомъ имѣніи онъ не имѣлъ участія, живя то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то въ своемъ имѣніи Покровскомъ. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, онъ скончался чрезъ 5 дней послѣ своего брата Христофора—14-го октября 1871 года. Съ его смертію окончательно пресѣклось мужское поколѣніе Лазаревыхъ, непрерывно продолжавшееся съ XVI вѣка или ранѣе. Главною наслѣдницею родовыхъ богатствъ, накопленныхъ вѣками, остались Елизавета Христофоровна, мужъ которой, князь С. Д. Абамеликъ, еще съ 6-го декабря 1862 года состоялъ фактически главнымъ распо-

рядителемъ всего имѣнія какъ своего тестя, такъ и доставшейся послѣднему части его старшаго брата Ивана, короче сказать, распорядителемъ всего Пермскаго имѣнія Лазаревыхъ, существующаго донинѣ.

Здѣсь мы должны покончить съ исторіей Лазаревыхъ и перейти къ ихъ преемникамъ—князьямъ Абамеликъ, такъ же имѣвшимъ весьма интересную исторію. Но предварительно считаемъ нужнымъ привести для наглядности родословную таблицу дома Лазаревыхъ въ его главныхъ представителяхъ.

IV.

Князья Абамеликъ и Абамеликъ-Лазаревы.

Общее восточное происхождение Лазаревыхъ и князей Абамеликъ, близко связавъ историческія судьбы этихъ фамилій на почвѣ Россіи, перенесло ихъ дѣятельность изъ странъ закавказскихъ на западный склонъ Урала. Лазаревы были «чистые» армяне, Абамеликъ—грузинскіе князья той же армянской націи. Въ послѣдніе годы независимаго существованія Грузіи князь Абамеликъ состояли въ ближайшихъ родственныхъ связяхъ съ царственнымъ

домомъ Грузіи и потому играли не послѣднюю роль въ дѣлѣ подчиненія этой страны русской императорской коронѣ.

О первоначальныхъ судьбахъ этой именитой фамиліи даетъ намъ свѣдѣнія грамота послѣдняго грузинскаго царя Ираклія II (Георгія) князю Абамеликъ, копія которой имѣется у нынѣшняго представителя фамиліи кн. С. С. Абамеликъ-Лазарева¹⁾. Грамота дана въ Тифлисъ 29 іюня 1788 г. и подписана царемъ Иракліемъ, сыномъ помазаннаго царя Теймураза. Въ ней, между прочимъ, заявляется, что предки князя Абамеликъ «происходятъ отъ Мариобизскихъ Авгенскихъ владѣтельныхъ князей и дѣти Абамеликовы, Григорій-Ага и Теръ-Мартирось, въ старину переселились изъ Кордевилскаго селенія, то-есть изъ Курдистана, со всѣмъ домомъ и семействомъ своимъ въ городъ Тифлисъ. Въ семь городѣ,—продолжаетъ грамота,—они оказали многія благодѣянія и выстроили семь церквей на своемъ иждивеніи во имя святыхъ Георгія, Косьмы, Даміана и прочихъ святыхъ». Время переселенія князей Абамеликъ изъ Курдистана въ Грузію нужно отнести къ началу XIV вѣка, если принять во вниманіе дальнѣйшія слова грамоты 1788 года: «за 367 лѣтъ до сего времени (то-есть въ 1421 году) внуки Григорія-Аги и Теръ-Мартироса—Теръ-Хитаръ и Шалва Абамеликовы, въ уваженіе древней фамиліи своей, получили почетъ и богатство отъ блаженной памяти предковъ нашихъ царей: царя Александра Багратіона и сына его царя Георгія, царя Константина, которыхъ старыя рукописи вы имѣете въ рукахъ». Дѣйствительно, царь Александръ, извѣстный строитель Мцхетскаго храма, въ древней столицѣ Грузіи, царствовалъ въ 1413—1442 гг.²⁾ До самаго паденія независимости Грузіи въ концѣ прошлаго вѣка, родъ князей Абамеликъ, какъ видно, не оставлялъ Тифлиса, этой послѣдней столицы Грузіи, гдѣ втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ не могъ не воспріять въ себя извѣстной доли грузинской крови и не потерять прежняго чисто-армянскаго типа.

Непрерывная родословная нынѣшнихъ князей Абамеликъ начинается съ князя Семена Абамеликъ, родившагося въ 1683 году и оставившаго трехъ сыновей: Охана (Іоанна), Абрама и Стефана. Первый изъ нихъ, въ свою очередь, имѣлъ также трехъ потомковъ: Абея, Григура и Семена Ивановичей. Послѣдній (Шмавонъ, Іоанновъ сынъ) и получилъ отъ Ираклія II грамоту 1788 г. Онъ же былъ и первымъ переселенцемъ изъ Грузіи въ Россію изъ рода князей Абамеликъ, будучи побужденъ къ тому тогдашними политическими обстоятельствами.

Уже въ 1781 г. былъ заключенъ нашимъ правительствомъ до-

¹⁾ Напечатана въ книгѣ Новокрещенныхъ: «Чермовской заводъ», стр. 13—15.

²⁾ «Русскія древности» гр. И. И. Толстаго и Н. Кондакова, выпускъ IV, Спб. 1891 г., стр. 75—76.

говоръ съ карталинскимъ и кахетинскимъ царемъ Иракліемъ о признаніи имъ надъ собою верховной власти и покровительства російскихъ императоровъ, а затѣмъ послѣдовалъ дополнительный артикулъ къ договору съ тѣмъ же царемъ о вѣнчаніи и помазаніи на царство царей карталинскихъ и кахетинскихъ ¹⁾. Въ 1783 г. дано дозволеніе карталинскимъ царямъ бить монету съ ихъ изображеніемъ, а вскорѣ карталинскому царю было назначено отъ русскаго правительства жалованье въ 60.000 рублей ²⁾. Такъ быстро клонилась Грузія къ окончательной потерѣ своей автономіи. Тогда-то началась усиленная эмиграція многихъ знатныхъ грузинъ въ Россію, гдѣ они и вступали въ русское подданство. Въ числѣ этихъ эмигрантовъ въ 1797 году переселился изъ Тифлиса въ С.-Петербургъ князь Семенъ Ивановичъ Абамеликъ съ шестью сыновьями. Вступая въ русское подданство, онъ представился императору Павлу и поднесъ ему драгоцѣнный брилліантъ въ нѣсколько каратъ отличной воды и игры. Государь, принявъ его благосклонно, пожаловалъ князю съ его потомками недвижимое имѣніе въ Каменецъ-Подольской губерніи съ 500 душъ, а шестерыхъ сыновей повелѣлъ опредѣлить въ русскую службу—одного въ гвардейскую артиллерію, троихъ—въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ и двоихъ—въ гражданскую службу ³⁾.

Тѣмъ временемъ послѣдовало окончательное присоединеніе Грузинскаго царства къ Россіи, о чемъ возвѣстилъ манифестъ 18-го января 1800 года. 6-го марта того же года данъ былъ именной высочайшій указъ сенату объ управленіи Грузіею, и для нея назначенъ особый главнокомандующій, генераль-лейтенантъ Кноррингъ, причемъ въ Тифлисѣ учреждено «верховное грузинское правительство» ⁴⁾. Послѣдній царь Ираклій II окончилъ дни свои въ Грузіи, гдѣ и погребенъ былъ въ соборномъ знаменитомъ храмѣ первопрестольнаго Мцхета. Старшій же сынъ его, царевичъ Давыдъ Георгіевичъ, женатый на старшей дочери князя Семена Ивановича Абамеликъ, Еленѣ Семеновнѣ, переселился въ Петербургъ, гдѣ сосредоточился такимъ образомъ весь родъ князей Абамеликъ.

Изъ многочисленныхъ потомковъ князя Семена Ивановича мы упомянемъ лишь нѣкоторыхъ. Царевна Елена Семеновна скончалась въ Петербургѣ въ 1835 году. Ея старшій братъ, Иванъ Семеновичъ, служившій начальникомъ петербургскаго и кievскаго арсеналовъ, артиллеріи генераль-маіоръ, скончался тамъ же раньше сестры въ 1829 году, не оставивъ наслѣдниковъ. Мужское потомство осталось только у втораго брата Давыда Семеновича и шестаго (младшаго)—Александра.

¹⁾ «Собраніе актовъ», I, 77.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ «Собраніе актовъ», III, 412.

⁴⁾ Тамъ же, I, 109—110.

Генераль-маіоръ князь Давыдъ Семеновичъ Абамеликъ первый вступилъ въ родственныя связи съ домою дворянъ Лазаревыхъ, женившись на Марѣѣ Іоакимовнѣ (см. гл. III). У нихъ было три сына: генераль-маіоръ князь Семень Давыдовичъ, поручикъ князь Іоакимъ Давыдовичъ и гвардіи полковникъ князь Артемій Давыдовичъ и три дочери, изъ коихъ старшая, Анна, была за казанскимъ военнымъ губернаторомъ генераль-маіоромъ Баратынскимъ, вторая, Екатерина, — за княземъ Кугушевымъ и третья, Софья, — за ротмистромъ Зыбинымъ ¹⁾.

Старшій изъ упомянутыхъ братьевъ, князь Семень Давыдовичъ, родившійся 15 октября 1815 года, въ свою очередь женился на Елизаветѣ Христофоровнѣ Лазаревой, о чемъ мы уже говорили. Вслѣдствіе этого брака и пресѣченія мужскаго поколѣнія въ домоу Лазаревыхъ, онъ съ 1862 года сдѣлался главнымъ распорядителемъ по дѣламъ обширныхъ пермскихъ имѣній Лазаревыхъ, каковымъ и оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей 25-го апрѣля 1888 года. Благодаря своей супругѣ, онъ навсегда связалъ собственную княжескую фамилію съ фамиліей Лазаревыхъ, имѣвшей столь много общаго съ нею по своимъ историческимъ судьбамъ и происхожденію изъ странъ закавказскихъ.

Современнымъ намъ представителемъ этой соединенной фамиліи князей Абамеликъ-Лазаревыхъ является молодой князь Семень Семеновичъ, воспитанникъ С.-Петербургскаго университета, извѣстный изслѣдователь Пальмиры, распорядитель будущихъ судебъ богатаго «Лазаревскаго» имѣнія въ Пермскомъ краѣ.

А. Дмитриевъ.

---

¹⁾ Профессоръ Зиновьевъ, стр. 23.

К. А. ТРУТОВСКІЙ.

И СТАЛО еще одного изъ немногихъ нашихъ представителей бытовой живописи. 17-го марта, на 68-мъ году жизни, скончался въ деревнѣ Яковлевкѣ (Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда) академикъ Константинъ Александровичъ Трутовскій. Имя его, какъ художника-бытописателя Малороссіи, пользуется заслуженной извѣстностью, и дѣятельность его, какъ піонера русскаго жанра, безъ сомнѣнія, оставитъ замѣтный слѣдъ въ исторіи отечественнаго искусства. Произведенія Трутовскаго никогда не отличались ни блестящей техникой, ни особенно глубокой идейностью. Но зато въ нихъ всегда есть осмысленность и жизненность содержанія, правдивость изображенія, въ нихъ видна искренняя любовь къ дѣлу, тонкая наблюдательность, типичность, нерѣдко мѣткое остроуміе и юморъ. Все это и доставляло его произведеніямъ большую популярность и дѣлало ихъ вполне понятными всѣмъ и каждому. Напечатанные здѣсь снимки съ нѣсколькихъ его картинъ и рисунковъ даютъ возможность судить о той дѣйствительности, откуда покойный художникъ преимущественно почерпалъ свои наблюденія и выбиралъ себѣ сюжеты. Это—помѣщичій бытъ средней руки, во всей его наивности и комичности, и особенно народная жизнь Малороссіи въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ С. Т. Аксаковъ, съ которымъ К. А. Трутовскій состоялъ въ родствѣ по первой своей женѣ, называлъ его «художникомъ Гоголя, особенно для сценъ, совершающихся на югѣ Россіи», и предсказывалъ, что талантъ его долженъ проявиться во всемъ блескѣ въ малорусскихъ сценахъ Гоголя. Какъ показываютъ воспоминанія Трутовскаго о С. Т. Аксаковѣ, онъ самъ сознавалъ недостаточность своей техники, хо-

рошо понимая, что «въ пластическомъ искусствѣ идея, какъ бы хороша она ни была, безъ искусной техники и художественной формы не есть еще художественное произведеніе». Но можно ли и ожидать большаго совершенствованія въ этомъ отношеніи отъ художника, который житейскими и семейными обстоятельствами вынужденъ бываетъ трудиться въ деревенской тиши и глуши, вдали

Константинъ Александровичъ Трутовскій.

отъ всякихъ художественныхъ интересовъ. А Трутовскій находился именно въ такомъ положеніи.

Подробной біографіи этого художника еще не написано. Но то, что извѣстно по его автобіографическимъ показаніямъ, напечатаннымъ въ моемъ изданіи «Наши Художники» (т. II), и по воспоминаніямъ К. А. о нѣкоторыхъ эпизодахъ его жизни (о перепискѣ его съ С. Т. Аксаковымъ въ 50-хъ годахъ въ «Рус. Худ. Архивѣ» 1892 г. и о приглашеніи его въ 1856 г. на службу въ Московскомъ училищѣ зодчества, ваянія и живописи въ «Худож.

«истор. вѣстн.», май, 1893 г., т. LI.

10

Помѣщикъ-помѣщикъ.
Картина К. А. Трутовскаго.

Сладкая дремота.
Картина К. А. Трутовского.

Журналъ» 1882 г.), судьба не очень-то мирволила художнической карьерѣ покойнаго.

Уроженецъ Курска, изъ потомственныхъ дворянъ ¹⁾, К. А. дѣтство свое провелъ въ имѣніи отца—въ деревнѣ Поповкѣ-Семеновкѣ (Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ.). Отецъ его былъ большой любитель живописи и самъ немного рисовалъ. Занимаясь образованіемъ сына, онъ поощрялъ его рано проявившуюся склонность къ рисованію. И если бы не преждевременная смерть отца († 37 лѣтъ), когда К. А. было всего 11 лѣтъ, то, вѣроятно, Трутовскій имѣлъ бы возможность развивать свое артистическое дарованіе въ болѣе соответственныхъ условіяхъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Но случилось иначе. Его отправили въ Петербургъ для подготовки въ Николаевское инженерное училище, куда онъ и поступилъ въ 1839 г. Тамъ, къ счастью, гуманное начальство внимательно отнеслось къ его дарованію, и по окончаніи курса К. А. въ офицерскихъ классахъ (нынѣ Инженерная академія) директоръ Николаевскаго училища генералъ Ломновскій доставилъ Трутовскому возможность остаться въ Петербургѣ въ качествѣ репетитора при училищѣ и заниматься въ академіи художествъ.

Занятія К. А. въ училищѣ ограничивались двумя часами въ недѣлю, такъ что съ 1845 г. онъ могъ ревностно посѣщать рисовальные классы академіи. Тамъ онъ занимался исторической живописью втеченіе пяти лѣтъ подъ руководствомъ О. А. Бруни, хотя уже тогда у К. А., какъ и у нѣкоторыхъ его товарищей (Чернышева и Бейдемана), душа лежала исключительно къ сценамъ изъ народной жизни. Въ 1849 г. по семейнымъ обстоятельствамъ Трутовскій вышелъ въ отставку, и ему пришлось уѣхать въ вышеупомянутое имѣніе отца въ Малороссіи. Малороссія произвела на него чарующее впечатлѣніе. «Съ жаромъ я,—разсказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—принялся рисовать все, что мнѣ попадалось на глаза». Но недолго онъ прожилъ тамъ. Черезъ годъ онъ отправился въ имѣніе матери (Яковлевку).

Въ это-то время онъ имѣлъ случай сблизиться съ семействомъ С. Т. Аксакова. Эта среда, по его собственному заявленію, открыла Трутовскому «совѣмъ новый міръ». «Всѣ лица, окружавшія меня, всѣ безъ исключенія, были носителями самыхъ лучшихъ человѣческихъ достоинствъ. Интересы всѣхъ сосредоточивались на наукѣ, литературѣ и искусствѣ, и разговоры почти всегда вертѣлись на этихъ предметахъ». Понятно, что молодой художникъ изъ такой среды могъ вы-

¹⁾ Одинъ изъ предковъ художника, Василій Трутовскій, служилъ при императрицѣ Екатеринѣ II и былъ хорошимъ музыкантомъ на гусяхъ. Кажется, онъ былъ и первымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ, которыя изданы въ небольшой книжкѣ, составляющей теперь библиографическую рѣдкость. К. А. видѣлъ эту книжку въ 50-хъ гг. у М. А. Максимовича.

нести только наилучшія впечатлѣнія. Женившись на племянницѣ жены С. Т. Аксакова, Трутовскій еще ближе сталъ къ этой средѣ. С. Т. принималъ въ немъ горячее участіе, поощряя его продолжать занятія искусствомъ и заботясь о томъ, чтобъ устроить Трутовскому

Свиданіе.
Картина К. А. Трутовскаго.

болѣе или менѣе опредѣленное положеніе. Въ то время средства у К. А. были небольшія, и на нихъ жить въ Москвѣ женатому оказывалось невозможнымъ. Трутовскій поневолѣ долженъ былъ оставаться въ деревнѣ. Тогда-то онъ и началъ писать свои первыя картины масляными красками.

Въ 1853 году Трутовскій попробовалъ послать свои рисунки въ Петербургъ, въ общество поощренія художествъ, съ предложеніемъ составить цѣлый альбомъ изъ сценъ малороссійской жизни. Но комитетъ этого общества, признавъ въ нихъ бойкость кисти и юморъ, отклонилъ такое предложеніе. «Я вѣдь знаю эти комитеты, — утѣшалъ художника по этому поводу С. Т. Аксаковъ, — въ нихъ есть всегда какой нибудь самозванецъ-диллетантъ искусства, котораго другіе слушаютъ, а потому отъ нихъ мало бываетъ толку».

Бодѣе удачи Трутовскій имѣлъ въ Москвѣ. Скульпторъ Н. А. Рамазановъ, видѣвшій его работы, напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 года восторженную статью, гдѣ по достоинству оцѣнилъ талантъ К. А. «Въ приѣмахъ его карандаша, — писалъ Рамазановъ (см. «Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи», Москва, 1863 г.), — есть та чарующая прелесть, которая отличаетъ немногихъ счастливецъ, обладающихъ рѣдкою воспримчивостью, постоянно настроенною уловлять тончайшіе художественные оттѣнки въ жизни природы и людей. У такихъ художниковъ, уже не говоря о гармоническомъ расположеніи пятенъ или тѣней въ рисункѣ, о постоянно удачномъ выборѣ вида, мѣстности, заманчивость которыхъ заставляеть желать, если не поселиться, то побывать въ этихъ мѣстахъ, самомалѣйшая бездѣлица, едва-едва очерченная, живеть и дышитъ наравнѣ со всѣмъ окружающимъ».

Въ то же время С. Т. Аксаковъ старался заинтересовать многихъ вліятельныхъ москвичей въ пользу молодаго художника, въ той надеждѣ, что они дадутъ ему возможность или поселиться въ Москвѣ, или поѣхать за границу. Московскіе любители обратили вниманіе на многообѣщавшій талантъ. Преподаватель московскаго художественнаго училища А. Н. Мокрицкій принялъ живѣйшее участіе въ Трутовскомъ, который, живя въ провинціи, былъ лишень всякихъ образовательныхъ средствъ. И Мокрицкій, по свидѣтельству Рамазанова, пересылалъ К. А. по почтѣ въ Обоюнь цѣлые альбомы рисунковъ и этюдовъ В. И. Штернберга, дабы тотъ учился по этимъ работамъ даровитаго художника, нѣкогда подававшего большія надежды, но рано похищеннаго смертью. В. А. Кокоревъ, черезъ М. П. Погодина, заказалъ Трутовскому картину и обѣщаль дать ему средства на поѣздку за границу. С. П. Шевыревъ, увидѣвъ его рисунки, пришелъ въ восторгъ, и отъ имени Московскаго художественнаго общества вызывалъ его въ Москву. «Располагайте мною, приказывайте, все для васъ сдѣлаемъ, летите въ Москву къ намъ, мы хотимъ, чтобы вы жили и работали въ Москвѣ», — такъ заключалъ профессоръ-эстетикъ свое высокопарное посланіе.

Трутовскій въ маѣ 1856 года поспѣшилъ въ Москву, гдѣ московскіе меценаты ободрили его новыми обѣщаніями и уговорили переселиться къ нимъ съ осени. К. А. имѣлъ неосторожность по-вѣрить этимъ легкомысленнымъ посуламъ, и въ результатѣ полу-

Богомолка.
Картина К. А. Трутовского.

чился довольно комичный эпизодъ переселенія художника съ розовыми надеждами, вернушагося восвояси съ горькимъ разочарованіемъ, да вдобавокъ съ опустѣвшимъ карманомъ. Этотъ эпизодъ разсказанъ Трутовскимъ въ «Художественномъ Журналѣ» 1882 г. подъ заглавіемъ «Мое знакомство съ хлѣбосольною Москвою въ 1856 году».

Зато В. А. Кокоревъ исполнилъ свое обѣщаніе. Трутовскій на его счетъ въ 1857 году могъ побывать за границей, именно въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Кельнѣ и Дюссельдорфѣ. Тамъ онъ осматривалъ картинныя галлерей. «Дрезденская Мадонна,— пишетъ онъ,— меня поразила необычайно. Я подолгу сидѣлъ передъ ней, и настроенному еще прежде чтеніемъ объ этомъ дивномъ произведеніи, мнѣ казалось, что передо мной не картина, а какое-то видѣніе. Кромѣ Сикстинской Мадонны, на меня особенно произвели впечатлѣніе: Поль Веронезъ, Гвидо Рени, Рубенсъ и картины фламандской школы. Послѣ долгой однообразной жизни въ деревнѣ я былъ ошеломленъ массой художественныхъ и иныхъ впечатлѣній, и я все время находился въ нервномъ и возбужденномъ состояніи духа... Въ Дюссельдорфѣ я прожилъ долѣе, чѣмъ гдѣ либо... Разумѣется, меня въ высшей степени интересовали работы художниковъ. Все въ ихъ работахъ было для меня ново. У насъ въ Россіи въ то время такъ юно еще было искусство, у насъ еще не было художниковъ народныхъ (жанристовъ), а между тѣмъ въ Германіи, Франціи и Англии были уже великіе мастера въ этомъ родѣ». Разстроенное здоровье жены К. А. заставило его вернуться въ Россію, и черезъ годъ онъ овдовѣлъ.

Въ Петербургѣ произведенія Трутовскаго стали появляться на выставкахъ академіи художествъ и общества поощренія художествъ лишь съ 1859 года. Съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ десятилѣтія 1871—1881 гг., когда К. А. былъ инспекторомъ московскаго училища живописи, ваянія и зодчества, онъ вплоть до кончины своей жилъ въ деревнѣ Яковлевкѣ и работалъ неумоимо. Картинъ, акварелей и рисунковъ онъ произвелъ неисчислимое множество. Нѣкоторыя изъ картинъ его остаются совершенно неизвѣстными, такъ какъ пріобрѣтались у него въ мастерской и не попадали ни на какія выставки. Копіи съ картинъ и рисунковъ его печатались на разнообразныхъ предметахъ и даже на ситцахъ. Курьезно то, что деревенскія бабы, служившія ему моделями, щеголяли въ ситцевыхъ фартукахъ съ рисунками Трутовскаго, такъ что онъ шутя называлъ это своей «передвижной выставкой».

Хотя К. А. до конца дней своихъ не переставалъ усердно работать въ излюбленной имъ области воспроизведенія характеристическихъ бытовыхъ чертъ Украины, тѣмъ не менѣ лучшая пора его дѣятельности относится къ 60-мъ годамъ. Тутъ онъ впервые заявилъ себя и оригинальнымъ живописцемъ, и своеобразнымъ

Малороссіянка, брѣющая своего мужа.
Картина К. А. Трутовскаго.

иллюстраторомъ русскихъ образцовыхъ писателей — Гоголя, Пушкина, Грибоѣдова и Крылова. Академія художествъ тогда же (1861 года) признала его академикомъ за картину «Хороводъ».

Изъ рисунковъ его того времени наиболѣе важны и любопытны иллюстраціи къ баснямъ Крылова. Онѣ въ свое время возбудили противъ себя нареканія съ точки зрѣнія педагогической. Но Трутовскій вовсе не имѣлъ въ виду педагогическихъ цѣлей. Еще Э. И. Буслаевъ въ превосходномъ критическомъ этюдѣ объ этихъ иллюстраціяхъ разъяснилъ вполне, что художникъ предназначалъ эти свои рисунки для взрослыхъ читателей. Онъ только воспользовался общими мыслями Крыловскихъ басенъ и приурочилъ ихъ къ различнымъ случаямъ современной ему жизни, къ бытовымъ эпизодамъ, къ интересамъ и убѣжденіямъ времени своего, а не баснописца. Понятно, не всѣ случаи дѣйствительности могутъ быть доступны дѣтскому пониманію, а иные прямо таки не согласуются съ самыми элементарными правилами педагогіи.

Но эти иллюстраціи, состоящія иногда въ бѣглыхъ очеркахъ, иллюстраціи, гдѣ, по замѣчанію Э. И. Буслаева, разнообразіе обильнаго содержанія отвлекаетъ отъ внѣшней формы вниманіе и художника, и его публики, весьма интересны для характеристики нравственной личности художника. По нимъ можно судить не только о степени широты и проницательности взглядовъ художника на современную ему дѣйствительность, но и объ эстетическихъ принципахъ его. Въ отношеніи къ воспроизведеннымъ тутъ эпизодамъ современной жизни Трутовскій является сторонникомъ прогресса, мечтаетъ даже о женскомъ университетѣ, и благонамѣреннымъ консерваторомъ въ вопросахъ семейныхъ, общественныхъ и политическихъ, а по части разоблаченія темныхъ и неприглядныхъ сторонъ окружающей дѣйствительности самъ причисляетъ себя лишь къ многочисленнымъ послѣдователямъ Гоголя. Отсюда и выходитъ, что инныя изъ обличеній художника оказываются запоздалыми и устарѣлыми, какъ иногда случается и съ новѣйшими любителями тенденціозно изображать наши общественныя «болячки», вычитанныя изъ книжекъ. Что касается понятій Трутовскаго объ искусствѣ и о предпочтительности того или иного направленія для художника, то въ данномъ случаѣ воспроизводимыя здѣсь иллюстраціи его къ тремъ баснямъ вполне уясняютъ его эстетическіе принципы.

Басня «Ручей и водопадъ» внушила художнику мысль сопоставить по степени ихъ доступности и полезности для большинства публики жанровыя картинки Федотова съ большой исторической картиной К. Брюллова «Осада Пскова». Собравшаяся на выставку публика толпится передъ сюжетами, почерпнутыми Федотовымъ изъ современной жизни, а Брюлловское произведеніе видимо не привлекаетъ никого. Интересы жизни, выразившіяся въ жанровыхъ

картинкахъ, наглядно предпочитаютъ возвышенности сюжета, даже при соблюденіи въ немъ всѣхъ условій внѣшней красоты, отличавшей кисть Брюллова. И понятно такое предпочтеніе: Федотовскія картинки, какъ цѣлительный ручей въ басынѣ, пытаются

Заблудившіеся.
Картина К. А. Трутовскаго.

не только объяснять и судить жизнь, но направлять, назидать и врачевать зрителя.

Это, впрочемъ, не значитъ, что картинка, осмѣивающая несообразности окружающей дѣйствительности и задающаяся цѣлью исправлять разоблачаемое ею общественное зло, есть высшая за-

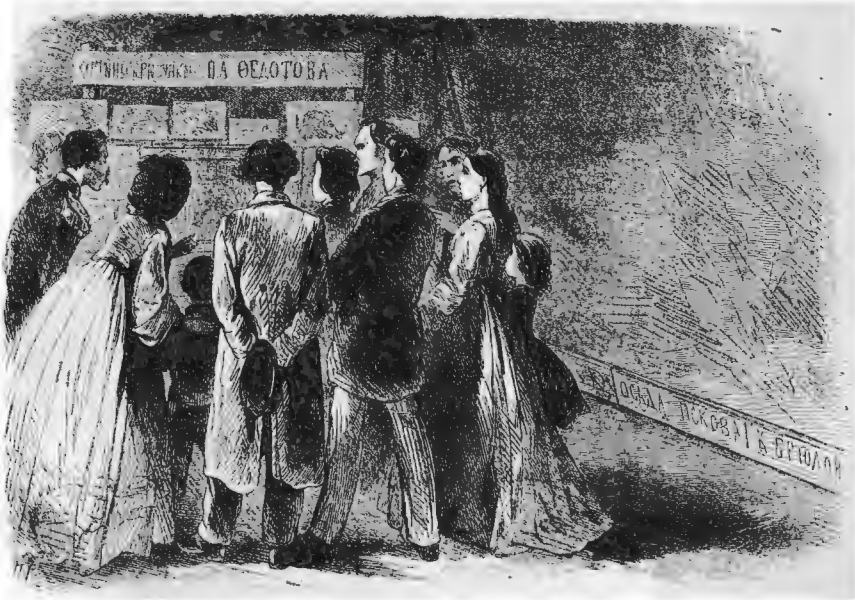
Бааръ въ уѣздномъ городѣ.
Картина К. А. Трутовскаго.

Гарбузь.
Картина Б. А. Труговского.

дача искусства. О. И. Буслаевъ по поводу этого рисунка Трутовскаго опасается именно такого толкованія и, напоминая, что русская публика любитъ историческія картины столько же, какъ и жанры, прибавляетъ, что въ своихъ практическихъ цѣляхъ испѣленія и животворнаго вліянія искусство одинаково могущественно дѣйствуетъ и въ идеальномъ образѣ, и въ обличіи, и въ исторической картинѣ, и въ жанрѣ.

Однако нельзя не отмѣтить, что приведенные Буслаевымъ примѣры въ доказательство популярности историческихъ картинъ— «Явленіе Христа народу» А. Иванова и «Княжна Тараканова»

Рисунокъ К. А. Трутовскаго къ баснѣ Крылова «Ручей и Водопадъ».

Флавицкаго, составляютъ блестящее исключеніе въ ряду произведеній нашей исторической живописи. Большинство же послѣднихъ изображаютъ не событія и не людей, а музейные образцы археологической обстановки и костюмировки. И Трутовскій вполнѣ правъ, подчеркивая предпочтительность содержательныхъ и осмысленныхъ изображеній бытовыхъ сценъ передъ безжизненными и бездушными упражненіями на заданныя темы высшаго калибра. Наконецъ, и то сказать, у насъ деспотическое господство этого рода полуказенной живописи являлось тормазомъ для самобытнаго развитія искусства, и только со времени Федотова оно стало освобождаться отъ фальшивой и мертвенной условности академическаго доктринерства. Правда, теперешнее художество зачастую вдается въ противоположную крайность. Въ интересахъ правдивости и природосообразности, нынѣш-

ній художникъ внѣшніе признаки жизни принимаетъ нерѣдко за самую жизнь. Но это склонное къ внѣшностямъ направленіе имѣетъ свое историческое основаніе, именно въ долговременномъ господствѣ помянутаго доктринерства, попиравшаго всяческую натуру и жизнь. Новая крайность выступаетъ, какъ протестъ искусству, которое такъ упорно отклонялось отъ современной жизни.

Разумѣется, не подобааетъ отождествлять фантазіи и выдумки академическаго доктринерства съ необходимымъ изученіемъ истинныхъ образцовъ искусства прошлаго, съ тѣмъ изученіемъ, которое служитъ прочной подготовкой къ самостоятельной художественной дѣя-

Рисунокъ К. А. Трутовскаго къ баснѣ Крылова «Слонъ и Моська».

тельности. И покойный жанристъ не преминулъ засвидѣтельствовать о своемъ уваженіи къ великимъ авторитетамъ искусства въ рисунокѣ къ баснѣ «Слонъ и Моська». Картина Рубенса, которую благоговѣнно копируетъ молодой художникъ, это и есть «Слонъ», а недоучка-артистъ, развязно критикующій старинный шедевръ передъ публикой, тутъ же стоящей, вполне напоминаетъ собой моську, которая лаетъ на слона.

Въ числѣ тѣхъ же иллюстрацій Трутовскаго есть еще рисунокъ, имѣющій касательство до искусства. Онъ уясняетъ взглядъ покойнаго на роль обличителя-карикатуриста. И въ этой роли рисовальщикъ можетъ оказать немалую практическую услугу. Взгляните на иллюстрацію къ басни «Левъ и Комаръ». Какъ забавна здѣсь ярость господина въ вицъ-мундирѣ, мнящаго себя «львомъ»,

когда онъ видитъ себя изображеннымъ въ карикатурѣ сатирическаго журнала.

«Вадурился левъ,
«Престрашный поднялъ ревъ».

Рисунокъ К. А. Трутовскаго къ баснѣ Крылова «Левъ и Комарь».

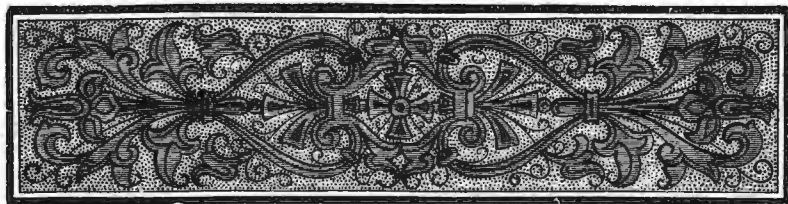
Но ничего не подѣлаешь. «Комарь»-карикатуристъ уязвилъ его видно въ самое чувствительное мѣсто, и навѣрное образумить зазнавшуюся надменность.

Въ трехъ приведенныхъ рисункахъ нашли свое довольно ясное выраженіе художественные взгляды Трутовскаго. Они-то, безъ сомнѣнія, придавали направленію его почтенной дѣятельности ту цѣльность и послѣдовательность, какими всегда отличалась она.

О. Булгаковъ.

ЧЕРНЫЕ И БѢЛЫЕ КЛОБУКИ.

(Историческая справка).

СЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ, послѣ кончины митрополита Исидора, Новгородской епархіи отъ С.-Петербургской и превращеніемъ ея въ самостоятельную, возникъ вопросъ о томъ, какой клобукъ долженъ носить новый владыка новгородскій—бѣлый или черный. Въ разъясненіе этого вопроса считаемъ не лишнимъ дать нижеслѣдующую историческую справку.

Между всѣми русскими епископами владыка новгородскій, если не съ самаго начала, то, по крайней мѣрѣ, съ 1165 г., когда богатый Новгородъ выхлопоталъ своему владыкѣ Ильѣ (Іоанну), у митрополита Іоанна IV, титулъ архіепископа, тогда еще первый и единственный на Руси,—занималъ первое мѣсто. Тотъ же митрополитъ прислалъ владыкѣ Іоанну, какъ особое отличіе (личное), крестчатые ризы и мантию съ источниками. Въ XIV вѣкѣ архіепископъ новгородскій получилъ новое отличіе въ лицѣ владыки Василя (1331—1352 г.), которому патриархъ прислалъ (по однимъ въ 1339, а по другимъ въ 1352 г.) бѣлый клобукъ. Клобукъ этотъ, изъ бѣлаго крученаго шелка, хранится въ ризницѣ Софійскаго собора и носить слѣды того, что былъ употребляемъ. Право носить бѣлый клобукъ отъ архіепископа Василя перешло и къ его преемникамъ. Въ новгородской III лѣтописи, подъ 6813 г., читаемъ: «при семь архіепископѣ Василю принесенъ бысть бѣлый клобукъ... въ Великій Новгородъ, иже и донынѣ новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ подобіемъ носятъ».

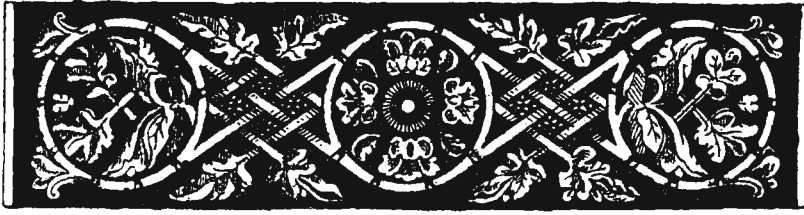
Уже отъ владыкъ новгородскихъ, чрезъ митрополита Макарія (1542—1563 г.), поступившаго на кафедрѣ митрополичью съ кафедрѣ новгородской, это право носить бѣлый клобукъ перешло ко всѣмъ митрополитамъ и патріархамъ русскимъ.

Митрополиту Макарію позволено было (лично) удержатъ прежнее отличіе. Послѣ Макарія въ митрополиты былъ возведенъ Афанасій; при немъ на соборѣ 1564 г. было опредѣлено, чтобы московскіе митрополиты носили бѣлый клобукъ. Царь предложилъ отцамъ собора разсудить о нѣкоторыхъ внѣшнихъ преимуществахъ русскаго первосвятителя и сказалъ: «отецъ нашъ и богомолецъ митрополитъ носить черный клобукъ, а прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексій, и Иванъ архіепископъ новгородскій, и Леонтій, и Игнатій, и Исаія, ростовскіи чудотворцы, носили бѣлые клобуки, и тому бы отцу нашему и богомольцу митрополиту высокопрестольная древняя почестъ учинити, носить бы ему бѣлый клобукъ съ рясами, потому что прежніе русскіе первопрестольницы писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ... А которые митрополиты были послѣ, также и ростовскіе архіепископы и епископы, тѣ всѣ носили черные клобуки, а того въ писаніи не обрѣли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены, а богомолецъ нашъ Пиминъ, архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, носить бѣлый клобукъ, и прежніе носили бѣлые же, а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая...». Отцы собора опредѣлили: «и мы уложили есмя и укрѣпили, что отъ сего времени впередъ кому Богъ благоволитъ на великой степени русскія митрополіи быти, почестъ есмя учинили ему древнюю — носить ему клобукъ бѣлый съ рясами и съ херувимомъ... архіепископу Великаго Новгорода носить бѣлый клобукъ по прежнему обычаю» (Карамзинъ, IX, примѣч. 94; Макарій, VI, 291).

Съ учрежденіемъ патріаршества (въ 1589 г.) четыре архіерея: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, получили санъ митрополита; по части внѣшнихъ преимуществъ, имъ предоставлено было, между прочимъ, и преимущество прежняго русскаго первосвятителя, а также архіепископа новгородскаго — бѣлый клобукъ. Только патріаршій клобукъ отличался отъ митрополичьяго крестомъ или херувимами. Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что первое мѣсто въ ряду митрополитовъ принадлежало новгородскому. Патріархъ Іовъ рукоположилъ въ 1592 г. для Новгорода новаго архипастыря Варлаама и въ настольной грамотѣ ему писать: «почтохомъ его святительскою почестію и сѣданіемъ во всемъ русскомъ патріаршествіи первому ему быти митрополиту мѣстомъ и святительскимъ сѣданіемъ, и впредь по немъ прочимъ митрополитомъ новгородскимъ и великолукскимъ тоюжь святительскою почестію и сѣданіемъ».

Отцы московскаго собора 1667 г. опредѣлили: «мы благослови-хомъ всѣхъ митрополитовъ Велико-Россійскаго государства, да но-сятъ бѣлые клобуки по греческому образу ради древняго обы-чая». Слова: «благословихомъ всѣхъ митрополитовъ...» не слѣдуетъ ли понимать такъ, что до 1667 г. изъ всѣхъ митрополитовъ пра-вомъ носить бѣлый клобукъ пользовался только новгородскій, по древнему обычаю новгородскихъ владыкъ, и что только съ этого времени, а не съ самаго начала учрежденія патріаршества, право это распространено на всѣхъ іерарховъ, получавшихъ санъ митро-поличій. Отцы собора замѣтили также, что «иконописцы пишутъ св. Петра, Алексія, Іону, московскихъ чудотворцевъ, въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они бѣлые клобуки не носивша, и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай», что первый началъ носить бѣлый клобукъ Василій, архіепископъ новгородскій, и потомъ преемники его до Геннадія, а послѣ Геннадія «пріяша и московстїи митрополиты и прочїи (?) бѣлые клобуки» (Карамзинъ, IV, примѣч. 360). Выраженіе—«до Ген-надія»—не значитъ, что новгородскіе владыки послѣ Геннадія не носили бѣлаго клобука, потому что соборъ 1564 г. прямо засвидѣ-тельствовалъ, что «Пиминъ, архіепископъ Великаго Новго-рода и Пскова (присутствовавшій на соборѣ), носитъ бѣлый клобукъ», а означаетъ лишь то, что, пока не «пріяша и москов-стїи митрополиты и прочїи носили бѣлые клобуки», это право при-надлежало исключительно новгородскимъ владыкамъ. Что и слѣ-дующіе за Пименомъ владыки носили бѣлый клобукъ, видно изъ того, что въ описи архіерейской ризницы въ новгородскомъ Софій-скомъ соборѣ за 1690 г. бѣлый клобукъ архіепископа Василя называется Леонидовскимъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что ар-хіепископъ Леонидъ (1572 — 1576 г.) возобновилъ его, украсилъ ряснами и употреблялъ, или могъ употреблять при служеніи.

Послѣ упраздненія патріаршества, Петръ I пересталъ раздавать архіереямъ санъ митрополита, и бѣлый клобукъ замѣненъ былъ чер-нымъ («Руководство къ русской церковной исторіи», Знаменскаго, стр. 276). Оставленъ ли былъ бѣлый клобукъ новгородскому вла-дыкѣ, неизвѣстно. Но когда бѣлые клобуки снова стали носить (вновь о бѣломъ клобукѣ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1801 г., Знаменскій, стр. 366), новгородскій владыка получаетъ опять прежнюю честь. Митрополитъ Гавріиль, даже оставленный только (въ 1793 г.) при новгородской кафедрѣ, носилъ бѣлый клобукъ. А послѣ него всѣ новгородскіе и вмѣстѣ петербургскіе владыки непрерывно носили бѣлый клобукъ.

НОВАЯ ТЕОРІЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ ¹⁾.

ОТКУДА пошла русская земля? Вопросъ этотъ обсуждается уже болѣе ста лѣтъ, но далеко не можетъ назваться рѣшеннымъ окончательно. Создалась громадная литература, высказано множество разнаго рода предположеній, теорій. Одни производятъ русь отъ варяговъ-руси, шведовъ, другіе выводятъ ее изъ Финляндіи, Литвы, Мордвы, славянъ сѣверныхъ и южныхъ. Однимъ словомъ, нѣтъ мѣста на пространствѣ отъ сѣвера до крайняго юга Россіи, откуда бы не выводили руси. Наболѣе значительной какъ по количеству, такъ и по качеству своихъ послѣдователей до сихъ поръ была такъ называемая норманская школа, считавшая русь скандинавами. Въ ея рядахъ мы видимъ такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ С. М. Соловьевъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Положенія этой школы казались наболѣе обоснованными и убѣдительными, но съ другой стороны и положенія противниковъ ея тоже были далеко не голословными. Это прежде всего доказывается тѣмъ, что норманистамъ нерѣдко приходится считаться съ выводами своихъ противниковъ, дѣлать имъ значительныя уступки. Любопытнымъ образчикомъ такихъ уступокъ является та, которую сдѣлалъ глава норманистовъ академикъ А. А. Куникъ, сказавъ, что шведы-русь жили на востокъ отъ

¹⁾ В. Васильевскій. Русско-Византійскіе отрывки. Вып. второй. Житія свв. Георгія Амастрідскаго и Стефана Сурожскаго. Спб. 1893.

Балтійскаго моря, гдѣ нибудь поближе къ Новгороду или Киеву. Замѣчательно, что какъ тѣ, такъ и другіе изслѣдователи оперируютъ надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и приходятъ къ совершенно различнымъ выводамъ. Происходитъ это потому, что немногочисленный матеріалъ, находящійся въ ихъ распоряженіи, не отличается опредѣленностью, не вполне еще изслѣдованъ критически, и потому даетъ возможность пользоваться имъ почти произвольно. Въ этомъ сознается самъ А. А. Куникъ. «Всѣ мы,—говоритъ онъ,—когда либо пользовавшіеся Сурожскою легендою (какъ увидимъ ниже, чрезвычайно важнымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса), или ее критиковавшіе, отнесли къ дѣлу нѣсколько легко. Тутъ оказывается, какъ бывало и въ другихъ случаяхъ, крайне необходимымъ подвергнуть предварительному строгому изслѣдованію весь составъ источника, прежде чѣмъ брать изъ него тѣ или другія мѣста для специальныхъ цѣлей». Къ сожалѣнію, никто этого не дѣлалъ и приурочивалъ тотъ или другой фактъ, смотря по желанію, къ тому или другому году, придавалъ ему то или другое освѣщеніе. Иначе отнесся къ этому проф. В. Г. Васильевскій. Вышедшій надняхъ трудъ его «Русско-Византійскіе отрывки» заключаетъ въ себѣ детальный и очень обстоятельный разборъ двухъ источниковъ, имѣющихъ большое значеніе для рѣшенія даннаго вопроса, именно житія св. Георгія Амастридскаго и св. Стефана Сурожскаго.

Въ обоихъ памятникахъ заключаются упоминанія о набѣгахъ Руси на берега Чернаго моря. Ученые пользовались этими упоминаніями совершенно произвольно. Одни (норманисты) относили ихъ ко времени послѣ 862 г., отождествляли съ походами Аскольда и Дира, и даже Владиміра св., другіе же ко времени до призванія Рюрика. Правда оказалась на сторонѣ послѣднихъ. Проф. В. Г. Васильевскій пришелъ къ выводу, что «нашествіе Руси на Амастриду уже около 842 года было возможнымъ и даже дѣйствительно совершившимся событіемъ», равно какъ и «нашествіе на Сурожъ, заключающее въ себѣ подлинную историческую основу, имѣетъ въ виду событіе, происшедшее въ первой половинѣ IX вѣка». Дѣйствительно, имя Руси въ самомъ началѣ IX вѣка становится уже довольно извѣстнымъ въ Византіи. Можно даже думать, что между Византіей и Русью въ это время завязались нѣкоторыя довольно дружескія сношенія. Такъ, напримѣръ, въ С. Бертинскихъ лѣтописяхъ записано извѣстіе, что въ маѣ 839 года въ Ингельгеймѣ объявилось греческое посольство съ грамотою императора Теофила, заключавшей между прочимъ ходатайство о пропускѣ пословъ, называвшихъ свой народъ русью. Относительно пословъ говорится, что они были отправлены въ Константинополь своимъ царемъ по имени Хаканомъ (Каганомъ) съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ, затруднялись воротиться

на родину ближайшимъ путемъ по причинѣ опасностей, которыя угрожали со стороны варварскихъ народовъ, и просили у франковъ свободнаго пропуска. Кромѣ того, арабскій писатель Ибнъ-Хордадъ-бегъ, жившій въ IX вѣкѣ, сообщаетъ, что въ первой половинѣ IX вѣка русскіе купцы уже вели торговлю съ Византіей, куда привозили бобровые и лисьи мѣха, а также мечи, причемъ «царь Рума (Византія) взималъ десятину съ ихъ товаровъ». Какъ видно изъ сообщенія того же Ибнъ-Хордадъ-бега, торговля у руссовъ въ то время была уже очень развита. Не ограничиваясь Византіей и Чернымъ моремъ, они «пускались на судахъ» по Каспійскому, откуда иногда переправляли свой товаръ на верблюдахъ въ Багдадъ и т. д. Все это заставляеть думать, что уже въ началѣ IX вѣка племя русъ было извѣстно на югѣ Россіи, находилось даже въ близкихъ сношеніяхъ съ ближайшими сосѣдями. Является вопросъ, отчего же никакихъ свѣдѣній такого рода мы не находимъ ни въ первоначальной русской лѣтописи, ни въ византійскихъ хроникахъ. Объясняется это тѣмъ, что русскій лѣтописецъ, какъ онъ самъ говоритъ довольно прямо въ одномъ мѣстѣ, знаетъ о Руси только изъ византійскихъ хроникъ, и то не всѣхъ, а лишь Георгія Амартола. Послѣднія же составлялись въ высшей степени случайно. Не мало можно указать фактовъ, и фактовъ очень важныхъ, которые составителями хроникъ были совершенно опущены.

Къ какому же племени нужно отнести русъ? Норманисты говорятъ, что русъ—шведы, и ссылаются на сообщеніе С. Бертинскихъ лѣтописей, гдѣ русскіе послы, называвшіе себя росъ, а своего короля Хаканомъ, были признаны, послѣ нѣкотораго изслѣдованія, свеонами, то-есть шведами. «Это извѣстіе до сихъ поръ, по словамъ К. Н. Вестужева-Рюмина, представляетъ еще непреодолимая трудности для изслѣдователя». Профессоръ В. Г. Васильевскій эти трудности преодолѣлъ, доказавъ, что свеонами послы признаны совершенно ошибочно, что Хаканъ былъ хозарскій каганъ, находившійся около этого времени въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей. Отвергая такимъ образомъ скандинавскую теорію, профессоръ В. Г. Васильевскій не признаеть, однако, и того, что русъ была племенемъ славянскимъ. «На сцену выступаютъ,—говоритъ онъ,—Днѣпровскіе пороги, которыхъ никакъ нельзя миновать; да и обойти ихъ посредствомъ умолчанія дѣло не такое, чтобы оно приличествовало ученому, привыкшему рѣшительно и прямо высказывать свои мнѣнія. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже славянскія, но только другаго нарѣчія. Когда предметъ на одномъ языкѣ называется Неясыть, а на другомъ Аифаръ, на одномъ Островной порогъ, а на другомъ Улворси и т. д., то это весьма мало походитъ на діалектическія отличія. Замѣчанія Погодина о двухъ славянскихъ языкахъ, которые такимъ путемъ полу-

чатся, хотя и способны разгнѣвать кое-кого, всетаки, были справедливы и мѣтки» (ССХСVII). Итакъ, кто же были русскіе, производившіе набѣги на Сурожъ и Амастриду въ первой половинѣ IX вѣка?

Въ Амастридскомъ житіи русскіе довольно явно приурочиваются къ весьма употребительному термину «тавроскиѡы». Говоря о жестокостяхъ, которыми ознаменовала русь свое нападеніе на Амастриду, авторъ житія описываетъ ихъ такимъ образомъ: «Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется; на мѣстѣ ихъ алтари, беззаконныя возліанія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ, у нихъ сохраняющее свою силу: убійство дѣвственныхъ мужчинъ и женщинъ». Этими словами авторъ житія хотѣлъ сказать, что русь унаслѣдовала и удержала въ полной силѣ обычаи ксенохроніи таврической. Достаточно припомнить только нѣкоторыя мѣста нашей первоначальной лѣтописи для того, чтобы убѣдиться, что такого рода обычаи были дѣйствительно свойственны русскимъ. «Привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими и осквернися кровьюи земля», «мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Руссы Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, «закалали мужей и женщинъ, согласно съ существовавшимъ у нихъ отеческимъ обычаемъ». Точно также вполне соотвѣтствуетъ обычаемъ русскихъ еще одна черта, указываемая житіемъ, именно поклоненіе водамъ и рощеніямъ, о которой находимъ извѣстія какъ въ нашей лѣтописи, такъ и въ сказаніяхъ арабскихъ писателей. «Бяху же тогда поганіи, жруще езеромъ и кладяземъ и рощеніемъ»,—говорится о русскихъ славянахъ. Авторъ житія объяснилъ себѣ эти обычаи заимствованіемъ у древнихъ тавровъ, славившихся своей жестокостію (Ифигенія), главнымъ образомъ потому, что имѣлъ въ виду другое названіе руси «тавроскиѡы», не менѣе употребительное, чѣмъ первое. По крайней мѣрѣ, у писателей X вѣка подъ именемъ тавроскиѡовъ разумѣются исключительно русскіе. Иногда вмѣсто него употребляется выраженіе «скиѡы около Тавра», какъ, на примѣръ, у Кедрина и Зонары, но всегда для обозначенія русскихъ. У Льва Діакона встрѣчается даже извѣстіе, указывающее на разницу между этими двумя названіями. По его словамъ, названіе «тавроскиѡы» было литературнымъ, тогда какъ «русь» употреблялось въ просторѣчьи (ἡ κοινὴ διαλέκτο:). Такимъ образомъ, изъ всего этого вполне естественно вытекаетъ выводъ, что тавроскиѡы греческихъ писателей тоже самое, что и русь.

Названіе же тавроскиѡы есть сложное и, по мнѣнію профессора Васильевского, должно собственно обозначать смѣсь тавровъ, древнихъ обитателей Тавриды, отождествляемыхъ съ иранскими аланами, и съ ними скиѡовъ. Извѣстно, что у римскихъ и грече-

скихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. скинами назывались готы. Тавроскиены, значить, представляютъ собой смѣсь готовъ съ таврами или аланами, то-есть это тѣ валанготы или валаготы, которые упоминаются уже въ спискѣ именъ VIII вѣка. Главный выводъ, къ которому пришелъ въ своемъ изслѣдованіи профессоръ В. Г. Васильевскій, заключается въ томъ, что «всѣ извѣстія о Руси и русскихъ до половины IX вѣка относятся къ тавроскиенамъ и объясняются отождествленіемъ руси съ тавроскиенами, а этихъ послѣднихъ съ готами, валанготами, готаланами». Относительно мѣста, гдѣ жила эта русь, профессоръ В. Г. Васильевскій затрудняется дать вполне опредѣленный отвѣтъ и указываетъ на два мѣста, какъ на очень вѣроятную родину руси, это—Русь приднѣпровская и Русь тмутараканская. То обстоятельство, что въ этихъ мѣстахъ господствовали хозары, нисколько не мѣшаетъ признать этотъ выводъ, такъ какъ, во-первыхъ, господство хозаръ было очень не прочно, а, во-вторыхъ, самыя племена, подвластныя кагану, не лишены были возможности дѣйствовать самостоятельно. Что касается до самаго имени «русь», то, по мнѣнію профессора В. Г. Васильевского, оно могло образоваться путемъ усѣченія изъ параллельнаго названія «тавроскиены», въ которомъ есть для этого подходящіе элементы, именно слогъ рос (греч. Ῥωσ). Какъ на примѣръ такого усѣченія, можемъ указать на числительное *τεσσαράχοντα* (40), изъ котораго путемъ усѣченія получилось русское сорокъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе профессора Васильевского гораздо болѣе вѣроятно и даже не можетъ быть сравниваемо съ гипотезами, производящими это названіе отъ словъ русый, розга, латинскаго *rus* (деревня) и даже отъ слова «рухъ», которое, по мнѣнію толкователя (г. Шейковского), означало «движимое имущество», такъ что выраженіе лѣтописи «... и пояша по собѣ всю русь» значило «и взяли все движимое имущество» (sic).

Въ заключеніе скажемъ, что если въ свое время (XV в.) были вполне справедливы слова Длугоша, что «разногласіе писателей о происхожденіи русскихъ болѣе затемнило, чѣмъ разъяснило это происхожденіе», то этого нельзя сказать относительно нашего времени. Каждая новая теорія разъясняетъ спорный вопросъ все больше и больше, все ближе и ближе подходитъ къ его рѣшенію. Въ этомъ смыслѣ теорія профессора Васильевского сдѣлала большой шагъ впередъ и, если нельзя сказать, чтобы рѣшила вопросъ окончательно, то очень не далека отъ этого рѣшенія, ближе во всякомъ случаѣ, чѣмъ всѣ другія теоріи, съ нормано-скандинавской во главѣ.

В. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНІИ ¹⁾.

ХІІІ.

Іокогама.

Въ 1890 году Японія переживала чрезвычайно интересный историческій моментъ: страна готовилась къ введенію представительныхъ учреждений, къ открытію перваго парламента. Открытіе это должно было послѣдовать въ Токио, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Къ тому времени прошло уже около года со дня моего приѣзда въ Японію, я побывала на югѣ и въ центральныхъ провинціяхъ имперіи, ознакомленіе же съ сѣверомъ страны, съ ея столицей и окрестными мѣстами отложила именно на ноябрь, чтобы имѣть возможность кстати посмотреть, какъ отнесется здѣсь народъ къ введенію конституціоннаго режима.

Я приѣхала въ Іокогаму позднимъ вечеромъ 4-го ноября 1890 года. Остановилась я въ Grand Hôtel'ѣ, который по своимъ удобствамъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ помѣщается на набережной, освѣщается электричествомъ. Для семей и для дамъ отведенъ весь бель-этажъ; portes-fenêtres роскошно мебелированныхъ номеровъ его открываются на галерею, идущую вдоль всего лицеваго фасада, такъ что, сидя въ своемъ номерѣ, вы всегда имѣете рейдъ передъ глазами и можете слѣдить за всѣми перипетіями его своеобразной жизни. Ladies parlour—общая гостинная, гдѣ вы можете принимать своихъ гостей, обставлена съ той изящной уютностью, ко-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ЛІІ, стр. 187.

торая напоминает скорѣе хорошо устроенный англійскій домъ, чѣмъ гостинницу. Прислуги много; она хорошо выдрессирована и, главное, безгласна. Ванны имѣются въ изобиліи, и пользованіе ими во всякое время подразумевается само собою, какъ безусловно необходимая потребность, не подлежащая никакой прибавочной оплатѣ. Столовая—огромный, красиво разукрашенный залъ съ фонтаномъ и группами живыхъ цвѣтовъ. Курить въ немъ запрещено. Отличный столъ представляетъ смѣсь французской кухни съ англійской. Два раза въ недѣлю по вечерамъ, во время обѣда, играетъ оркестръ военной музыки, пріѣзжающій специально для этого изъ Токио; а во время стоянокъ иностранныхъ эскадръ здѣсь зачастую играютъ, кромѣ того, судовые оркестры. Къ обѣду дамы являются въ изысканныхъ туалетахъ, и вообще жизнь въ отелѣ носитъ чисто семейный англійскій характеръ: здѣсь иногда по цѣлымъ годамъ живутъ семьи лицъ, пріѣзжающихъ въ Токогаму по дѣламъ, не говоря уже о семьяхъ англійскихъ и американскихъ моряковъ, которымъ и неудобно обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ на короткое время стоянокъ ихъ судовъ на Токогамскомъ рейдѣ. Не смотря на такія удобства, жизнь въ Grand Hôtel'ѣ, всетаки, не очень дорога: съ меня, на примѣръ, брали (я жила съ моимъ семилѣтнимъ сыномъ) за прекрасную большую комнату въ бель-этажѣ и за полный пансіонъ сто долларовъ въ мѣсяць (160 кредитныхъ рублей по тогдашнему курсу).

Отдохнувъ отъ утомительнаго морскаго пути, я нѣсколько дней подъ рядъ посвятила на знакомство съ городомъ и его чудными магазинами японскихъ шелковъ, вышивокъ, cloisonnés и всевозможныхъ дорогихъ туземныхъ рѣдкостей, собранныхъ въ такомъ изобиліи, какого я ни въ одномъ изъ видѣнныхъ мною городовъ Японіи еще не встрѣчала. Это и понятно: Токогама — главный торговый портъ страны, самый важный изъ всѣхъ пяти такъ называемыхъ «договорныхъ портовъ», ведущій миллионные обороты съ Европой и Америкой и притягивающій къ себѣ для вывоза все, что только есть лучшаго по части какъ стараго, такъ и новѣйшаго художественнаго производства Японіи. Здѣсь, въ особенности въ магазинахъ, содержимыхъ европейцами, попадаются зачастую настоящіе chefs d'oeuvre'ы японскаго искусства. Правда, что и цѣны на хорошія вещи доходятъ иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Я видѣла, на примѣръ, ширму, стоимостью приблизительно въ 15 тысячъ рублей (на древнемъ золотомъ лакѣ было изображено шестіе какого-то императора въ храмѣ); небольшую, вышитую шелками картину—въ 800 рублей; далѣе, пару крошечныхъ, крытыхъ золотымъ лакомъ, деревянныхъ столиковъ, цѣною въ 500 рублей; пару небольшихъ вазъ cloisonnés—въ 1.200 рублей, и прочее, все въ томъ же родѣ. Всѣ предметы очень красиво представлены, бьютъ на показъ, на эффектъ. Вы заходите, смотрите:

японецъ (хозяинъ или приказчикъ) съ любезной улыбкой водить васъ и иногда расскажетъ цѣлую исторію какойнибудь выдающейся вещи. Въ роскошномъ магазинѣ японскихъ рѣдкостей, прилегающемъ непосредственно къ Grand-Hôtel'ю, я встрѣтила одного такого приказчика-японца, оказавшагося большимъ знатокомъ исторіи искусства своей страны; этотъ господинъ, между прочимъ, прекрасно говорилъ поанглійски и очень сносно пофранцузски (онъ воспитывался у миссіонеровъ-французовъ) и нисколько не походилъ на типъ нашего приказчика, желающаго во что бы то ни стало продать товаръ, а при возможности и надуть.

Главная торговая и наиболѣе населенная часть Іокогамы лежитъ у самаго моря, въ долинѣ, окруженной невысокими холмами, прорѣзываемой маленькой рѣкой и морскимъ каналомъ, дѣлающимъ изъ нея искусственный островъ. Она дѣлится на европейскую и японскую части. Европейскій кварталъ начинается отъ набережной и состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ и перпендикулярныхъ къ ней улицъ, довольно узкихъ, не особенно чисто содержимыхъ, пропитанныхъ затхлымъ запахомъ товарныхъ складовъ. Дома—двухъ-трехъ-этажные, почти исключительно каменные. Здѣсь помѣщаются всѣ конторы, банки, склады, магазины, гостиницы и проч. Лучшій уголокъ въ этой части — прекрасная набережная, любимое мѣсто предобѣденныхъ прогулокъ мѣстнаго high life'a. Въ Іокогамѣ вы впервые встрѣчаете европейскіе экипажи, запряженные лошадьми. Кромѣ Іокогамы и Токио, во всей остальной Японіи вы ничего подобнаго европейскому экипажу не увидите.

Японская часть города представляетъ рядъ правильныхъ, очень чистыхъ улицъ, хорошо вымощенныхъ, отчасти усаженныхъ высокими, тѣнистыми деревьями, и гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ улицы европейской части. Дома здѣсь большею частью деревянные, двухъ-этажные: внизу—магазины, вверху—жилая помѣщенія. Есть, впрочемъ, много каменныхъ небольшихъ домовъ, устроенныхъ на европейскій ладъ. Самая красивая и широкая улица японскаго квартала — Хончодори. По этой улицѣ всегда снуютъ много экипажей (и европейскихъ, и туземныхъ, т. е. дженерикчей), и, какъ главная артерія города, она всегда очень оживлена. На ней помѣщается масса богатѣйшихъ магазиновъ вышивокъ, шелковъ, cloisonnés, лака, фарфора, бронзы и другихъ предметовъ японскаго производства. Въ магазинахъ постоянно много европейской публики, покупающей или просто осматривающей эти своего рода музеи. Холмы, окаймляющіе съ юга долину, въ которой расположилась торговая, дѣловая Іокогама, называются европейцами Блѣфомъ (Bluff), а японцами Сенгіймой. Высокимъ мысомъ выступилъ Блѣфъ надъ моремъ; постоянный прибой шумитъ у его подножья; а по его зеленымъ вершинамъ разбросались изящныя жилища европейскихъ обывателей Іокогамы, потонувшія въ садахъ. Это одинъ изъ

прелестнѣйшихъ уголковъ на дальнемъ востокѣ. Возвышенная площадь Блѣфа вся изрѣзана широкими, хорошо утрамбованными, чистыми улицами. Дома—разнообразной изящной архитектуры, со всевозможными верандами, балкончиками, башнями, фонариками и другими украшеніями, придающими этимъ жилищамъ граціозно легкій и уютный видъ, чему много способствуютъ, кромѣ того, мягкіе, веселые тоны ихъ окраски. Огромное большинство домовъ деревянные. Каждый домъ утопаетъ въ саду, наполненномъ цвѣтами и зимой, и лѣтомъ, такъ какъ въ Японіи цвѣты не переводятся круглый годъ. Большимъ деревьямъ приданы здѣсь самыя причудливыя формы: грибовъ, башенъ, конусовъ, правильныхъ цилиндровъ, и т. д. Деревья-карлики являются въ видѣ звѣрей, птицъ, этажерокъ, и проч. Благодаря обилію зелени, вся Сентіама представляетъ какъ бы одинъ огромный паркъ, въ которомъ разсѣяны дачи.

Изъ общественныхъ учрежденій на Блѣфѣ находятся: клубы съ богатыми библіотеками, зданіе для баловъ и концертовъ (Public Hall), протестантская и католическая церкви, прекрасные госпитали (англійскій и нѣмецкій), христіанское кладбище, общественный садъ, съ великолѣпными лужайками, съ нѣсколькими полями для тенниса и крокета, и проч.

Есть на Блѣфѣ одна площадка, гдѣ въ тѣни деревъ пріютился японскій чайный домъ, извѣстный подъ названіемъ «Сто одна ступенька», такъ какъ со стороны нижняго города можно подняться къ нему по крутой деревянной лѣстницѣ, имѣющей 101 ступень. Отсюда открывается обширный видъ на рейдъ со множествомъ стоящихъ на немъ коммерческихъ и военныхъ судовъ различныхъ націй, на городъ, раскинувшійся внизу, и на священную гору Японіи Фузи-яму, рѣзко рисующуюся правильнымъ, матово-бѣлымъ конусомъ на голубомъ фонѣ прозрачнаго зимняго неба. Фузи-яма находится приблизительно въ 100 верстахъ отъ Иокогамы; но зимою она отчетливо бываетъ видна съ различныхъ пунктовъ города и придаетъ своеобразную прелесть панорамѣ Иокогамы, особенно если смотрѣть на нее съ рейда. Эта священная гора, подымающаяся на 12.365 футовъ надъ уровнемъ моря, представляетъ самую высокую горную вершину въ странѣ и есть не что иное, какъ потухшій вулканъ. По японскимъ преданіямъ, Фузи-яма появилась въ одну ночь вмѣстѣ съ озеромъ Бива и насчитываетъ теперь 25 вѣковъ своего существованія. Съ конца августа вершина ея вся бываетъ покрыта снѣгомъ. Эта гора представляетъ неистощимый мотивъ для любого вида туземнаго искусства. Изображенія ея встрѣчаются на всевозможныхъ лакированныхъ предметахъ, картинахъ, шелковыхъ вышивкахъ, ширмахъ, и т. д., и т. д. Рѣдкій пейзажъ, рѣдкая вещь, вышедшая изъ мастерской туземнаго художника, обходится безъ Фузи-ямы. И въ

самомъ дѣлѣ этотъ гигантскій правильный конусъ, покрытый снѣгомъ и освѣщенный солнцемъ, представляетъ такую дивную картину, что восторженное поклоненіе японцевъ ихъ священной горѣ вполне понятно. Сколько разъ ни приходилось видѣть панораму Іокогамы съ Фузи-ямой на фонѣ голубой дали, всегда эта картина являлась во всей прелести новизны: при утреннемъ освѣщеніи, при косыхъ лучахъ заходящаго солнца, въ яркій полдень Фузи-яма, представляла постоянно что нибудь новое, и я, право, не знаю, какой картинѣ отдать преимущество. Многіе путешественники говорятъ, что красивѣе Фузи-ямы нѣтъ горы въ мірѣ. Приходится вѣрить на слово. Я могу только сказать, что ни Швейцарскія Альпы, съ Юнгфрау и Монъ-Бланомъ во главѣ, ни чудной красоты горы, окружающія озеро Байкаль, не произвели на меня такого чарующаго впечатлѣнія, какъ священная красавица Японіи — Фузи-яма.

Блѣффъ ограничиваетъ Іокогаму съ юга. Къ сѣверу она незамѣтно сливается съ маленькимъ городкомъ Канагавой. Первые европейскіе трактаты съ Японіей объ открытіи нѣкоторыхъ туземныхъ портовъ иностранной торговлѣ, говорили не о Іокогамѣ, а именно о Канагавѣ, какъ объ одномъ изъ такихъ портовъ. Но японцы, боясь тогда слишкомъ близкаго сосѣдства незваныхъ гостей къ столицѣ и ея рейду, выстроили на скорую руку склады для европейскихъ купцовъ въ мѣстности, гдѣ лежитъ нынѣшняя Іокогама, провели каналъ, обратившій ее въ искусственный островъ, построили нѣсколько батарей на окрестныхъ высотахъ и думали сдѣлать здѣсь нѣчто вродѣ Нагасакской Десимы,—островка, гдѣ они втеченіе 200 лѣтъ держали голландскихъ купцовъ въ своего рода тюремномъ заключеніи. Европейскимъ же посланникамъ они сказали, что сдѣлали это для пользы самихъ же иностранныхъ купцовъ, особенно напирая на то, что канагавскій рейдъ очень мелокъ, тогда какъ іокогамскій представляетъ всѣ удобства для большихъ кораблей, что и подтвердилось впоследствии. Посланники протестовали; но купцы, не дожидаясь окончанія дипломатическихъ переговоровъ, свезли свои товары въ выстроенные для нихъ склады, и торговля закипѣла. Деревушка Іокогама обратилась скоро въ большой торговый городъ и первоклассный портъ, а Канагава стала простымъ его пригородомъ и пристанищемъ тѣхъ мѣстъ разгула, какія обычны каждому большому портовому городу.

Въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Іокогамѣ я отправилась раннимъ утромъ побродить по городу, именно въ ту часть японскаго квартала, куда рѣдко заглядываютъ европейцы. Какая толпа! Что за оживленіе повсюду! Лавки и лотки базара завалены зеленью, фруктами, рыбой. Продается также домашняя птица и мясо; но простой народъ, вѣрный еще традиціямъ старины, не покупаетъ этихъ продуктовъ: они идутъ почти исключительно европейцамъ. Фруктовъ масса: всевозможные сорта апельсиновъ,

лимоны, гранаты, каки. Есть также бананы и яблоки; это уже заѣзжіе гости: первые съ южныхъ тихо-океанскихъ острововъ, вторые изъ Санъ-Франциско. Но что положительно поражаетъ, это обиліе всевозможныхъ астръ, которыя попадаются на каждомъ шагу. И среди грудъ зелени, фруктовъ, цвѣтовъ, какъ рой осъ, или пчелъ, жужжать и щебечуть толпы женщинъ. Купить каждая изъ нихъ на нѣсколько центовъ, наговорить съ цѣлый коробъ и насмѣется вдоволь, а потомъ неторопливой походкой отправится себѣ домой: спѣшить нечего, всегда вѣдь успѣетъ свариться рисъ, да какаянибудь рыба похлѣбка. Зашла я здѣсь въ специальный японскій цвѣточный магазинъ: чистый, небольшой дворъ, усыпанный пескомъ, уставленный рядами растений для продажи; въ концѣ двора небольшой домикъ, блестящій чистотой. Хозяйка любезно приглашаетъ войти. Я указываю на мою обувь; но она съ широкой улыбкой во все лице объясняетъ мнѣ, что можно войти и такъ. Послѣ нѣсколькихъ крошечныхъ комнатъ, которыя просто совѣстно топтать европейской обувью, меня ввели въ длинную низкую залу, устланную мягкимъ ковромъ. Посреди комнаты стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а кругомъ дюжина мягкихъ стульевъ: совсѣмъ зало засѣданій суда или экзаменаціоннаго трибунала; но вмѣсто бумагъ, программъ, карандашей, весь столъ былъ уставленъ рядами вазъ съ астрами. Изъ залы меня ввели въ другую комнату, поменьше, нѣчто въ родѣ гостиной. Здѣсь на столѣ стояли сласти, и хозяйка привѣтливо предлагала мнѣ эти угощенія. Во многихъ магазинахъ и торговыхъ учрежденіяхъ Японіи существуетъ этотъ патриархальный обычай: вы пришли купить чтонибудь, или просто посмотреть и прицѣниться; а васъ сейчасъ же усаживаютъ, угощаютъ чаемъ и сладостями, а потомъ уже заходить рѣчь о дѣлѣ, причемъ самъ торговецъ никогда не начнетъ первымъ этой рѣчи.

И гостинная, и всѣ другія помѣщенія этого цвѣточного магазина были полны астръ. Куда ни глянешь, все только астры; нѣкоторыя достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Одни цвѣтки похожи на большіе снѣжные шары: такъ гладко приглажены одинъ къ другому ихъ бѣлые лепестки; другіе — всѣ какіе-то растрепанные, взъерошенные; лепестки третьихъ отличаются непомѣрной длиной, и т. д. Положимъ, все это очень оригинально; но европейцу не понять, какую прелесть имѣетъ видъ сплошныхъ массъ такого цвѣтка, какъ астра. Ноябрь мѣсяцъ — сезонъ цвѣтенія астръ въ Японіи; астры въ эту пору года — модные цвѣтки, чѣмъ и объясняется такое обиліе ихъ повсюду, и всѣ сады, гдѣ онѣ выставлены, полны теперь японцами. Я имѣла уже случай говорить раньше, что нигдѣ, ни у какой другой націи въ мірѣ, не замѣчается такой любви къ цвѣтамъ, какъ у японской: гулянья въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ данное время находятся въ цвѣту извѣстныя

растенія, составляютъ одно изъ любимѣйшихъ удовольствій всего японскаго населенія, отъ мала до велика.

Довольно, пока, впрочемъ, о японцахъ: Токогама — главная резиденція европейцевъ, живущихъ въ Японіи, и, говоря объ этомъ городѣ, нельзя не удѣлить нѣсколькихъ словъ и имъ.

Европейцевъ въ Токогамѣ до 1.500 человекъ. Живутъ они здѣсь, повидимому, недурно, особенно мѣстный high life: лѣтніе, жаркіе мѣсяцы проводятъ въ горахъ, на водахъ, находящихся неподалеку отъ Токогама, и въ путешествіяхъ по странѣ. Зимой же въ общественныхъ развлеченіяхъ недостатка не бываетъ. Играютъ два-три раза въ недѣлю въ теннисъ и крокетъ; на эти игры, которыя происходятъ на открытомъ воздухѣ, въ общественномъ саду, собирается все такъ называемое «общество». У каждой дамы изъ мѣстнаго большаго свѣта бываетъ здѣсь свой день, или, вѣрнѣе, свой чай (four или five o'clock tea); на эти чаи дамы являются съ неизмѣнными broderies, кавалеры съ новостями. Визиты, катанья по набережной верхами и въ экипажахъ, занимаютъ добрую часть дня, а вечеромъ публика поочередно собирается другъ къ другу обѣдать. Придираются ко всякому поводу, чтобы задать обѣдъ. Когда мнѣ пришлось проводить первую зиму въ Японіи, я какъ-то разъ въ обществѣ спросила у одной очень интеллигентной особы, жены англійскаго консула: что здѣсь дѣлаютъ? Она мнѣ пресерьезно отвѣтила: «On dine». И дѣйствительно я потомъ убѣдилась, что обѣды у иностранцевъ, проживающихъ въ Японіи, возведены въ какой-то своего рода культъ. Обставлены они бываютъ очень торжественно: мужчины являются во фракахъ, дамы въ вечернихъ туалетахъ; ѣдятъ хорошо, пьютъ еще лучше, особенно, когда послѣ десерта дамы удалятся въ гостинную, и кавалеры останутся одни въ столовой. Послѣ того какъ дамы достаточно назѣвались, а кавалеры накурились, все общество опять собирается въ гостинной, и начинаются очень невинныя игры въ карты, сопровождаемыя дѣтскими шалостями, и petits jeux.

Каждую зиму, втеченіе нѣсколькихъ дней, въ Токогамѣ бываютъ скачки; на это время всѣ остальные интересы отодвигаются на задній планъ, умы и сердца наполняютъ одни только скачки. Изрѣдка бываютъ концерты и спектакли какъ заѣзжихъ артистовъ, такъ и мѣстныхъ любителей. Два-три раза въ мѣсяцъ (въ зимній сезонъ, конечно) въ Public Hall'ѣ устраиваются семейные вечера съ танцами и ужиномъ, за которымъ вина льются рѣдкой, и разъ въ годъ, въ день св. Андрея, задается роскошный балъ, къ которому мѣстныя львицы готовятся цѣлый годъ; туалеты обыкновенно выписываются изъ Парижа, Нью-Йорка, Лондона, и каждая дама старается перещеголять другую изысканностью своего костюма. Въ 1890 году, благодаря открытію парламента и присутствію на Токогамскомъ рейдѣ по этому поводу множества ино-

странныхъ военныхъ судовъ, St.-Andrew's ball отличался особеннымъ блескомъ. Между прочими и я получила приглашеніе на этотъ балъ.

Все зданіе Public Hall'я было залито огнями. Насъ встрѣтили у подъѣзда распорядители, на долю которыхъ выпало не мало хлопотъ въ этотъ вечеръ: ихъ роль не ограничивалась здѣсь однимъ только наблюденіемъ за порядкомъ, они старались, главнымъ образомъ, чтобы всѣмъ было весело, чтобы каждый чувствовалъ себя, какъ дома, въ обществѣ дружески расположенныхъ къ нему людей. Огромный танцевальный залъ представлялъ въ буквальномъ смыслѣ слова ослѣпительное зрѣлище: онъ весь былъ обвитъ лентой огней; съ потолка бросало свой свѣтъ гигантское газовое солнце; гирлянды изъ зелени, живыхъ цвѣтовъ, національныхъ флаговъ всѣхъ стоящихъ на рейдѣ военныхъ судовъ, покрывали его стѣны, вдоль которыхъ стояли группы тропическихъ растений. Гостей было больше 300, въ томъ числѣ 100 слишкомъ танцующихъ дамъ. Но что сказать о туалетахъ?.. Это была причудливая смѣсь бархата всѣхъ цвѣтовъ, шитаго золотомъ и серебромъ, японскаго и китайскаго роскошно-вышитаго крепа, шелка, атласа, перьевъ, брилліантовъ и жемчуга, — словомъ, весь тотъ бьющій на эффектъ блескъ, который стѣитъ такъ дорого вездѣ, а тамъ, на дальнемъ Востокѣ, гораздо дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Цвѣтовъ на дамахъ совсѣмъ не было: они смотрѣли изъ каждаго уголка залы, гостиной, уборной, ихъ слишкомъ много висѣло на стѣнахъ, съ которыми дамы, очевидно, не захотѣли соперничать.

Рядомъ съ танцевальнымъ заломъ, на эстрадѣ была устроена одна изъ гостинныхъ, въ которой публика отдыхала и смотрѣла на танцы. Гостинная изображала тропическій садъ, гдѣ подъ каждымъ деревомъ стояла низкая кушетка или кресло, а весь полъ былъ застланъ шкурами медвѣдей, тигровъ, леопардовъ. Освѣщалась эта гостинная большимъ ярко-пылавшимъ каминомъ и нѣсколькими, задрапированными голубыми фонарями, бросавшими мягкій лунный свѣтъ на окружающее. На кушеткахъ полулежали, полусидѣли англійскія и американскія лэди и миссъ, ѣли мороженое, фрукты, или просто слушали болтовню своихъ кавалеровъ, сидѣвшихъ тутъ же у ихъ ногъ на низенькихъ скамеечкахъ. На лицахъ дамъ не замѣчалось того тревожно напряженнаго выраженія, которое такъ обычно видѣть на нашихъ балахъ и которое имѣетъ своимъ источникомъ боязнь остаться за флагомъ, то-есть безъ кавалера. Здѣсь нѣтъ мѣста для такой тревоги: кавалеръ приглашаетъ даму не на одинъ туръ вальса, на примѣръ, а на все продолженіе этого танца, такъ что пары потанцуютъ, отдохнутъ и опять принимаются кружиться, пока извѣстный танецъ не кончится.

Въ первый разъ я видѣла здѣсь классическій шотландскій танецъ—scotish. Удивительно-оригиналенъ этотъ scotish! Представьте себѣ рядъ тонкихъ, стройныхъ, побальному одѣтыхъ миссъ и лэди, напротивъ нихъ—такой же рядъ балльных кавалеровъ; все чинно и немножко даже чопорно. Раздаются звуки музыки, и вдругъ дамы и кавалеры подбочениваются и начинаютъ выкидывать ногами, какъ говорятъ въ Малороссіи, всякіе выкрутасы, затѣмъ кружатся, bras-dessus, bras-dessous, точь-въ-точь, какъ въ нашихъ хоровахъ, затѣмъ—дамы отъ своихъ кавалеровъ перелетаютъ къ другимъ, снова что-то въ родѣ первой фигуры трепака, и въ концѣ концовъ получается какая-то въ высшей степени комичная англо-французско-россійская смѣсь, на которую трудно смотрѣть безъ улыбки. Но англичане, очевидно, очень любятъ свой scotish: въ теченіе вечера его повторили нѣсколько разъ. Около перваго часа ночи былъ сервированъ ужинъ, а за нимъ начались опять танцы, продолжавшіеся до пяти часовъ утра.

Такъ веселятся порой въ Иокогамѣ; но веселье весельемъ, а дѣло дѣломъ: европейцы съѣхались сюда со всѣхъ концовъ Стараго и Новаго Свѣта make money (дѣлать деньги), это главное ихъ дѣло здѣсь, и даромъ времени они не теряютъ.

Иокогама, какъ я сказала, является важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ въ Японіи. Нѣкоторое понятіе о значительности торговыхъ оборотовъ Иокогама могутъ дать слѣдующія цифры: въ 1889 году общая сумма вывоза изъ здѣшняго порта равнялась 6.519.154 фунт. стерл.; общая сумма ввоза—5.309.015 фунт. стерл. Экспортъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ шелка (4.451.429 фунт. стерл.) и чая (536.114 фунт. стерл.).

Разъ рѣчь зашла о цифрахъ, приведу еще данныя о количествѣ населенія Иокогама. Этотъ городъ, бывшій какихъ нибудь 35 лѣтъ тому навадъ жалкой рыбацкей деревушкой, насчитывалъ къ 31-му декабрю 1889 года 121.958 жителей.

Если прибавить сюда, что съ 1887 года городъ имѣетъ прекрасную, проведенную изъ окрестностей воду, что въ немъ издаются на англійскомъ языкѣ три ежедневныя большія газеты («Japan Daily Mail», «Japan Gasette» и «Japan Herald») и имѣются четыре христіанскихъ церкви (англиканская, католическая, унионистская, протестантская и туземная миссіонерская), то я полагаю, что всего вышесказаннаго вполне достаточно для того, чтобы дать общее понятіе о фізіономіи этого интереснаго уголка дальняго Востока.

XIV.

Камакура.

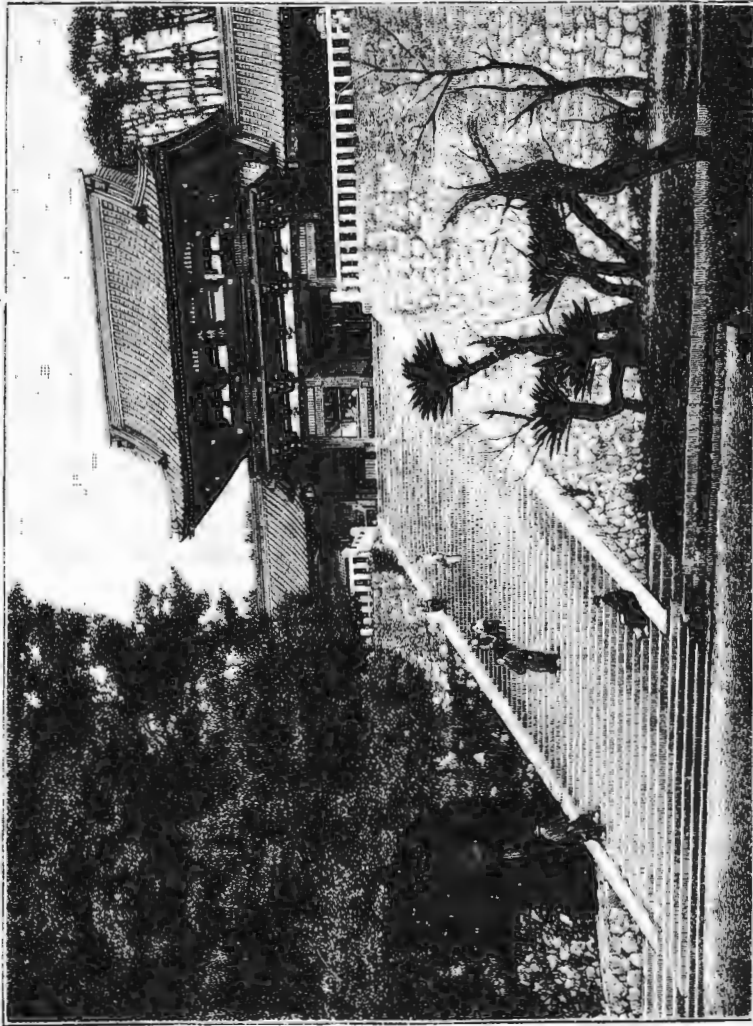
Камакура находится въ получасѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Иокогамы. Деревушка эта лежитъ на берегу моря, въ холмистой мѣстности, окружена она лѣсами и рисовыми полями и ничѣмъ не отличается отъ сотенъ другихъ такихъ же селеній, покрывающихъ страну. А между тѣмъ быть въ Иокогамѣ и не посѣтить Камакуры — все равно, что быть въ Парижѣ и не видѣть «Notre Dame», или проѣхать по Рейну и не видѣть его водопада. Суть въ томъ, что Камакура была втеченіе трехъ съ половиной вѣковъ восточной столицей страны; много важныхъ историческихъ событій совершилось въ ея стѣнахъ, и свидѣтелями ея было величія остались нѣкоторые чрезвычайно интересные памятники. Впрочемъ, слово «столица» требуетъ въ данномъ случаѣ одной очень существенной оговорки: микадо никогда не жили въ Камакурѣ,—она была резиденціей шогунуовъ.

Шогунатъ—явленіе чисто японское. Ни у одного народа мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Шогунами назывались сначала просто главнокомандующіе императорскими арміями; но съ конца VIII столѣтія нашей эры съ этимъ званіемъ начинаетъ соединяться представленіе о власти гораздо болѣе могущественной, чѣмъ власть просто генералиссимуса.

Первымъ великимъ шогунуомъ, сдѣлавшимся изъ простаго крестьянина сперва главнокомандующимъ, а затѣмъ настоящимъ властителемъ страны,—былъ Іоритомо. Начиная съ Іоритомо и до самаго недавняго времени шогунуы являются военными правителями Японіи; законные же государи ея, микадо, уходятъ совсѣмъ въ тѣнь и въ дѣлахъ правленія никакого активнаго участія не принимаютъ: императоры здѣсь дѣйствительно царствовали, но не управляли. Много династій шогунуовъ смѣнилось втеченіе почти 10-ти-вѣковаго существованія этого оригинальнаго учрежденія; самой знаменитой изъ нихъ была династія Токунгава, правившая страной почти 250 лѣтъ, вплоть до 1868 года, когда революція, поднятая во имя возстановленія императорской власти въ полномъ ея объемѣ, смысла, уничтожила навсегда шогунальную власть, и микадо, переставъ быть почетнымъ затворникомъ, сдѣлался не по имени только, а въ дѣйствительности государемъ своей страны.

Вернемся, однако, къ Камакурѣ. Вышеупомянутый Іоритомо, одинъ изъ трехъ великихъ шогунуовъ въ Японіи, обоготворенныхъ послѣ ихъ смерти, сдѣлалъ Камакуру своей резиденціей. Городъ достигъ вскорѣ необыкновеннаго блеска и величія. Количество его народонаселенія возросло до 1.000,000; роскошные дворцы, храмы

п пагоды украшали городъ, широко раскинувшійся вдоль морскаго залива; но въ началѣ XVII вѣка резиденція شوгуновъ была перенесена на сѣверъ въ Еддо, городъ сталъ мало-по-малу приходить въ упадокъ; а чего не сдѣлало время, то докончили землетрясенія, пожары и наводненія. О бывшемъ блескѣ древней шо-

Храмъ бога войны Хачимана.

гунальной столицы говоритъ только уцѣлѣвшій величественный храмъ Хачимана, бога войны, японскаго Марса, да колоссальная бронзовая статуя Будды, считающаяся однимъ изъ величайшихъ произведеній искусства старой Японіи.

Вотъ эти-то остатки былаго величія я и отправилась смотрѣть вскорѣ по прѣздѣ моемъ въ Йокогаму.

Храмъ Хачимана расположенъ очень красиво на склонѣ высокаго холма, поросшаго густымъ сосновымъ лѣсомъ. Къ святилицу ведетъ широкая каменная лѣстница; у основанія ея высится громадное дерево,—японцы зовутъ его и чо, имѣющее 20 футовъ въ окружности и насчитывающее тысячу лѣтъ своего существованія. Здѣсь, подъ этимъ деревомъ, разыгралась нѣкогда кровавая драма, повлекшая за собой гибель послѣдняго потомка династїи шогуновъ, основанной Ёритомо. При храмѣ имѣется цѣлый музей оружія, военныхъ доспѣховъ и платьевъ, принадлежавшихъ великимъ правителямъ страны. Масса собранныхъ здѣсь вещей принадлежала нѣкогда самому Ёритомо. Онъ же и воздвигъ этотъ храмъ въ честь бога войны Хачимана.

Вотъ какую курьезную исторію рассказываютъ объ этомъ японскомъ Марсѣ туземныя легенды: около семнадцати вѣковъ тому назадъ царствовала въ Японїи знаменитая императрица Дзингу Кого, прославившаяся своей красотой, благочестіемъ, умомъ и воинской доблестью; задумала она однажды экспедицію въ Корею, снарядила цѣлый флотъ и совсѣмъ приготвилась къ походу, какъ вдругъ почувствовала свою беременность. Предпрїятіе приходилось отложить. Дзингу была въ отчаянїи; но боги помогли императрицѣ: она нашла волшебный камень, который, будучи привязанъ къ ея поясу, задержалъ роды до возвращенія ея изъ экспедиціи. Японскіе корабли счастливо достигли южной Кореи. Король этой части страны предпочелъ добровольно подчиниться пришельцамъ: онъ призналъ себя данникомъ Японїи и далъ ей заложниковъ. По возвращенїи въ Японію, императрица родила сына Оджина, впоследствии великаго воина, который по смерти былъ обожествленъ подъ именемъ Хачимана, «бога войны». Въ глазахъ японцевъ онъ стоитъ неизмѣримо выше своей знаменитой матери; она, по ихъ мнѣнію, только потому и могла завоевать Корею, что носила въ себѣ сына, въ которомъ жилъ «великій духъ войны». Въ его честь воздвигнуты великолѣпные храмы въ странѣ, и почти каждая деревушка имѣетъ часовню, посвященную этому японскому Марсу.

Пятый день пятаго мѣсяца стараго стиля посвященъ въ Японїи памяти героевъ страны. Въ этотъ день во всѣхъ семьяхъ родители показываютъ своимъ дѣтямъ картинки и куклы, изображающія великихъ героевъ ихъ родины, и рассказываютъ о совершенныхъ послѣдними подвигахъ, и замѣчательная черта, въ высшей степени характерная для взгляда японцевъ на женщину: императрица Дзингу помѣщается всегда не между женскими, а между мужскими группами туземнаго пантеона; она должна быть образцомъ для мальчиковъ, а не для дѣвочекъ.

Завоеваніе Кореи совершилось, какъ говорятъ, въ 200 году нашей эры. Оно послужило могущественнымъ толчкомъ къ болѣе тѣсному сближенію двухъ сосѣднихъ народовъ крайняго Востока,

имѣвшему такое огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе японской культуры: покоренная Корея сдѣлалась для Японіи тѣмъ, чѣмъ была Греція для завоевавшего ее Рима.

Единственнымъ источникомъ сохраненія сказаній въ древней Японіи была память; письменности, наукъ и искусствъ не суще-

Бронзовая статуя Будды.

ствовало, примитивная религія (культъ Синто) не имѣла ни систематизированнаго ученія, ни духовной касты. Между тѣмъ китайцы достигли въ то время уже весьма высокой степени развитія; а ихъ религія, буддизмъ, представляла ученіе, которое по своей морали и обрядамъ являлось типомъ, несравненно болѣе высокимъ и

привлекательнымъ, чѣмъ туманная миеологія первобытнаго Синто. Начиная съ эпохи императрицы Дзингу, Японія наводняется потокомъ колонистовъ какъ изъ Кореи, которая въ это время усвоила уже себѣ китайскую цивилизацію, такъ и изъ Китая: ученые, ремесленники, учителя цѣлыми толпами идутъ отсюда въ Японію и вносятъ съ собою знанія, искусство, писанную литературу, стройныя философскія системы и буддійскую религію.

Статуя Будды (японцы зовутъ его Дайбутсу—Великій Будда) находится въ сторонѣ, противоположной той, гдѣ построенъ храмъ Хачимана. Она стоитъ на большой площадкѣ среди прекраснаго сада. Еще издали, когда вы подъѣзжаете къ этому колоссу, на одномъ изъ поворотовъ выступаетъ вдругъ изъ-за холмовъ огромная голова его,—выступаетъ только затѣмъ, чтобы тотчасъ же скрыться и еще больше возбудить ваше любопытство. Когда дженерикчи останавливаются, наконецъ, у входа въ садъ, то нѣсколько десятковъ саженъ, отдѣляющихъ васъ отъ цѣли вашей поѣздки, кажутся вамъ безконечными; нужно пройти значительную часть сада, чтобы попасть на ту площадку, которая была прежде занята храмомъ этого божества.

На широкомъ пьедесталѣ, къ подножію котораго ведетъ нѣсколько ступенекъ, на цвѣткѣ лотоса, сидитъ темнобронзовая фигура, со сращенными ногами, со сложенными на колѣняхъ руками, оконечности большихъ пальцевъ касаются другъ друга; одежда тяжелыми складками спускается съ плечъ; во лбу серебряная звѣзда; глаза, говорятъ, сдѣланы изъ чистаго золота, но ихъ не видно изъ-за опущенныхъ вѣкъ. Красивое лицо полно величія и глубокаго неземнаго покоя. Въ этомъ лицѣ точно сосредоточилась вся философія буддійской религіи: торжества разума надъ чувствами, вѣчности надъ мимолетнымъ временемъ, безконечнаго величія Нирваны въ сравненіи съ низменною суетностью человѣческой жизни.

Передъ статуей обыкновенные священные атрибуты: два канделябра, между ними жертвенный столъ, исписанный, или вѣрнѣе изрѣзанный буддійскими изреченіями; на столѣ ваза съ искусственными, металлическими цвѣтами, курильница для благовоній. Всѣ эти предметы, сдѣланные изъ чистой бронзы, огромныхъ размѣровъ въ pendant къ самой фигурѣ. Привожу нѣсколько цифръ, могущихъ дать нѣкоторое понятіе о величинѣ самой фигуры: высота $49\frac{1}{2}$ футовъ, окружность 97 футовъ, длина лица $8\frac{1}{2}$ фут., разстояніе отъ одного уха до другаго $17\frac{1}{2}$ футовъ, длина глазъ 4 фут., длина каждой брови 4 фут. съ небольшимъ; длина уха $6\frac{1}{2}$ фут., носа $3\frac{3}{4}$ фут., длина рта 3 фута, разстояніе отъ одного колѣна до другаго 36 фут.; окружность большаго пальца 3 фут., вѣсъ звѣзды во лбу—30 фунтовъ.

На той площадкѣ, гдѣ стоитъ священное изображение, виднѣются большіе круглые камни, расположенные правильными рядами по землѣ: это базисы колоннъ бывшаго храма Дайбутсу; созданіе самой статуи историки относятъ къ XIII столѣтію; въ концѣ XVI вѣка храмъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, наводненіемъ и пожаромъ и съ тѣхъ поръ не возобновлялся. Статуя осталась подъ открытымъ небомъ и отъ этого только выиграла.

Окружающая обстановка еще болѣе усиливаетъ чарующее впечатлѣніе, произведенное на васъ самой статуей: кольцеобразная цѣпь холмовъ, среди которыхъ стоитъ великій Будда, кажется какъ бы стѣнами его природнаго храма, голубое небо—куполомъ, а паркъ внутренностью храма, украшеннаго цвѣтами и деревьями. А кругомъ такая тишина, что мысль невольно уносится въ то странное далекое время, когда люди были заняты созданіемъ такого величественнаго памятника. Прахъ этихъ людей давно исчезъ, но твореніе ихъ рукъ будетъ стоять еще многіе вѣка и безмолвно повѣствовать потомству объ идеалахъ отжившихъ поколѣній.

XV.

Народныя празднества въ Йокогамѣ.

13-го, 14-го и 15-го ноября 1890 года городъ Йокогама цѣлымъ рядомъ народныхъ празднествъ и гуляній привѣтствовалъ императорскій указъ, назначавшій днемъ открытія парламента 17-е (29-е) ноября.

Всѣ присутственныя мѣста и другія официальные учрежденія (кромя таможни, почты и телеграфа) были закрыты; школы распушены по домамъ; улицы и зданія японскаго города тщательно подчистились и разукрасились гирляндами изъ зелени, цвѣтовъ, тысячами флаговъ, начиная отъ гигантскихъ, двухъ-трехъ-саженныхъ бѣлыхъ простынь съ краснымъ шаромъ въ срединѣ (японскій національный флагъ) и кончая маленькими флагами, изъ которыхъ японцы умѣютъ дѣлать такія оригинально изящныя украшенія. Ряды фонарей красныхъ и бѣлыхъ, съ красными шарами, красивыми линиями унизали дома.

По городу проходятъ процессіи, съ флагами, барабаннымъ боемъ, литаврами и вообще громогласной музыкой. На улицахъ снуютъ множество замаскированныхъ или просто разрисованныхъ физиономій. Кавалькада всадниковъ на прекрасныхъ лошадяхъ медленно продвигается среди густой толпы, запрудившей всю ширину дороги; на нихъ одѣты офицерскіе мундиры, лица комически-уродливо расписаны.

Очень оригинально было шествіе пахарей со снопами соломы на высокихъ шестахъ, украшенныхъ цвѣтами и флагами, причѣмъ сами участники процессіи были въ деревенскихъ соломенныхъ плащахъ, пестро увитыхъ лентами. Но одна процессія была особенно импозантна; двигалась она въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди попарно шли десятка три мѣстныхъ обывателей въ обыкновенныхъ платьяхъ темныхъ цвѣтовъ, первая пара вела мальчика лѣтъ 7, одѣтаго въ богатые шелковыя ткани: это были представители мѣстнаго купечества; за ними шли попарно крестьяне въ огромныхъ деревенскихъ шляпахъ-зонтикахъ, убранныхъ цвѣтами; за крестьянами двигалась двухъ-колесная телѣга, въ которую были впряжены цугомъ три черныхъ буйвола; ихъ спины покрывали красныя попоны; большія колеса телѣги были покрыты чернымъ лакомъ и мѣстами позолочены; на колесницѣ возвышалось двухъ-этажное сооруженіе, увѣшанное парчевыми тканями и вышивками, съ трономъ, на которомъ виднѣлась сидящая фигура въ древнерыцарскомъ костюмѣ и парчевой мантии. Платформа внизу изображала сцену, и на ней труппа актеровъ разыгрывала какую-то пьесу подъ аккомпанементъ сидящихъ тутъ же музыкантовъ.

Процессія съ торжественной медленностью шествовала изъ улицы въ улицу, останавливаясь по временамъ, чтобы дать представленіе. Несмѣтная толпа народа валила за ней: кромѣ горожанъ, здѣсь было много обывателей окрестныхъ деревень, явившихся посмотреть на рѣдкій праздникъ.

Глубокой древностью, чѣмъ-то первобытнымъ вѣяло отъ этихъ празднествъ: при видѣ ихъ, смутно вставали въ душѣ дошедшія до насъ сказанія о религіозныхъ торжествахъ древнихъ погибшихъ цивилизацій.

Толпа была одѣта нарядно. У всѣхъ веселыя, довольныя лица; не видно ни одного пьянаго; не смотря на массы народа, не было ни давки, ни грубыхъ толчковъ; не слышалось ни одного плачущаго дѣтскаго голоса.

Сама природа выглядѣла попраздничному: стояли прелестныя, тихіе солнечныя дни, обычные, впрочемъ, въ эту пору японскаго года.

По вечерамъ весь городъ буквально горѣлъ огнями. Возлѣ многихъ общественныхъ зданій сіяли электрическія лампы. Электрическія солнца освѣщали открытыя сцены у высокихъ башенъ, воздвигнутыхъ на Хончо и Бентенъ-дори, и придавали общей картинѣ еще болѣе фантастическій видъ. Омнибусы, дженерикчи, бродячія кухни—все то, что совершало свои обычные рейсы по улицамъ, было украшено флагами и фонарями; но изъ всѣхъ улицъ самый оригинальный видъ имѣли Сакаи-чо и Изезаку-чо, представлявшія удивительную смѣсь первобытной японщины съ послѣднимъ словомъ европейской цивилизаціи: вообразите себѣ на

самой заурядной японской улицѣ, довольно широкой, впрочемъ, ряды невысокихъ фонарныхъ столбовъ, близко поставленныхъ другъ къ другу; они густо увиты зеленью и цвѣтами; на вершинѣ каждаго — небольшой японскій зонтикъ розоваго цвѣта; отъ зонтика спускаются внизъ гирлянды цвѣтовъ; но это не простые столбы: вмѣсто газовыхъ рожковъ, здѣсь торчатъ маленькія Эдисоновскія лампочки, розовыя въ перемежку съ бѣлыми. Поперегъ улицы перекинуты, въ видѣ арокъ, гирлянды красныхъ и бѣлыхъ бумажныхъ фонарей. Вечеромъ, когда загорались огни всѣхъ этихъ фонарей и лампочекъ, а внутренность раскрытыхъ домовъ, магазиновъ и ресторановъ ярко освѣщались желтымъ свѣтомъ лампъ и свѣчей, и когда во всю ширину улицы толпами валилъ народъ, получалась удивительно пестрая картина, поражавшая своей странной живописностью.

Оригинальное зрѣлище представляли также вечеромъ бродячія сцены; такую сцену изображала иногда просто широкая платформа, которую несли на плечахъ, на длинныхъ шестахъ, нѣсколько десятковъ дюжихъ рабочихъ; на платформѣ, освѣщенной бумажными фонарями, разукрашенной цвѣтами и флагами, маленькія дочери мѣстныхъ богатыхъ купцовъ, въ роскошныхъ нарядахъ, играли небольшія театральныя пьески и танцевали. На другихъ подмосткахъ пѣли и играли настоящія гейши и актрисы.

Всѣ эти процессіи и торжества продолжались съ утра до ночи въ теченіе трехъ дней: 13-го, 14-го и 15-го ноября.

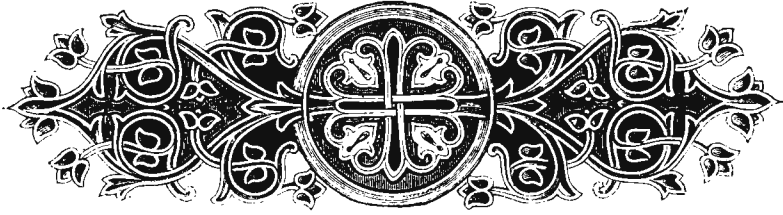
Такъ городъ Иокогама праздновалъ канунъ вступленія родной страны на путь конституціоннаго режима.

Парламентскій режимъ; древне-языческія религіозныя процессіи и символическія представленія!... Что общаго между ними? Ничего, конечно, кромѣ общей почвы, на которой они тамъ разыгрываются. Но какъ это характерно для современной Японіи, гдѣ теперь приходятъ въ самое тѣсное соприкосновеніе такія понятія, которыя въ обще-міровой исторіи отдѣлены другъ отъ друга длиннымъ рядомъ столѣтій!...

Женщина-врачъ А. А. Черевкова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЙ ФРАНЦУЗСКІЙ КОРОЛЬ ¹⁾.

ВЪ ПАРИЖѢ вышла недавно интересная книга, посвященная біографіи короля Луи-Филиппа. Издана она съ тою роскошью, къ которой приучило насъ книжное дѣло за границей, снабжена десяткомъ превосходно рѣзанныхъ на стали портретовъ, многими автографическими снимками съ документовъ и въ приложеніяхъ даетъ цѣлыхъ 114 доселѣ нигдѣ не напечатанныхъ писемъ разныхъ представителей Орлеанской фамиліи и еще 22 письма къ Луи-Филиппу его министровъ и другихъ лицъ. Книга эта имѣетъ, въ существѣ своемъ, полемическій характеръ, такъ какъ автору, одному изъ видныхъ дѣятелей орлеанистской партіи, невольно приходится, передавая біографію своего героя, ополчаться въ его защиту, объявляя память его отъ серьезныхъ и прочно историческими изслѣдованіями установленныхъ обвиненій въ чрезмѣрномъ честолюбіи, эгоизмѣ, въ плохо замаскировываемомъ стремленіи къ интригамъ и пронырливости. Въ сущности вѣдь только благодаря умѣнью примѣняться къ обстоятельствамъ, скрывать истинныя свои намѣренія и съ самымъ легкимъ сердцемъ принимать то знамя, ту политическую окраску, которая давала, или, по крайней мѣрѣ, обѣщала побѣду, словомъ благодаря лишь «опортунизму» чистѣйшей воды, Луи-Филиппу и удалось достичь завѣтной цѣли—французскаго престола, на которомъ, впрочемъ, до конца онъ, всетаки, не сумѣлъ удержаться.

¹⁾ Le roi Louis-Philippe. Vie anecdotique 1773—1850. Par marquis de Flers. Paris. 1893.

Въ виду указанной цѣли разбираемой нами книги, конечно, надо слѣдовать за ея сообщеніями съ должной осторожностью, до вѣрять автору лишь «до извѣстной степени приближенія» и помнить, что свой трудъ составилъ и выпустилъ онъ въ свѣтъ несомнѣнно съ исключительнымъ намѣреніемъ попытаться еще разъ привлечь общественное вниманіе къ дѣлу Орлеанской династіи, совершенно погибающему, видимо обреченному на полное историческое забвеніе и которому оказалась безсильною помощь шутовская выходка въ 1890 году молодого герцога Орлеанскаго, сына претендента графа Парижскаго. Какъ помнѣть, конечно, читатели, онъ нарушилъ законъ, закрывшій членамъ Орлеанской и Наполеоновской династій доступъ во Францію, и явился изъ Англіи съ громко объявленнымъ намѣреніемъ отбыть, по достиженіи совершеннолѣтія, воинскую повинность. Но, разумѣется, это было сдѣлано только въ желаніи хотя бы поднятымъ шумомъ, путемъ скандала, напомнить о томъ, что аппетиты орлеанидовъ отнюдь еще не заглохли и что они попрежнему горятъ безкорыстнымъ намѣреніемъ облагодѣтельствовать «эту бѣдную, осиротѣвшую Францію», такъ упорно не догадывающуюся призвать ихъ къ занятію престола. Увы!—расчетъ не удался: юнаго принца, во что бы то ни стало хотѣвшаго навязать себя въ защитники своей родины, въ этомъ вовсе не нуждающейся, только осмѣяли и, продержавъ недолго подъ арестомъ, спокойно вывели за границу. А неблагодарная страна молча со всѣмъ этимъ согласилась и даже пальцемъ не пошевелила, чтобъ помѣшать распоряженіямъ республиканскаго министерства. Принцу пришлось снова погрузиться въ рѣку забвенія, отойти, такъ сказать, за кулисы, что онъ и сдѣлалъ и въ переносномъ и въ буквальномъ смыслѣ, вѣроятно, съ горя тотчасъ же затѣявъ за этими кулисами интрижку съ извѣстной пѣвицей Мельба. Но и тутъ, какъ и въ политическихъ интригахъ, неудача его преслѣдовала, и, какъ извѣстно, новый судебный скандалъ, затѣянный съ нимъ мужемъ пѣвицы, еще сильнѣе поколебалъ престижъ Орлеанскаго дома...

Возвращаясь къ книгѣ маркиза Флера, мы должны сказать, что, не смотря на ея тонъ, мѣстами невыносимо хвалебный, она, всетаки, интересна уже потому, что дѣйствительно жизнь Луи-Филиппа была весьма романична, полна разнообразныхъ, зачастую неожиданныхъ событій, и въ короткомъ пересказѣ мы обратимъ вниманіе читателей на все, что встрѣтили въ этомъ трудѣ сколько нибудь новаго и болѣе занимательнаго.

Авторъ прежде всего излагаетъ въ своемъ сочиненіи происхожденіе Орлеанской вѣтви Бурбонскаго дома и, начиная съ родоначальника, герцога Филиппа, брата короля Людовика XIV, даетъ коротенькіе и, по самой задачѣ своей книги, безусловно хвалебные портреты каждого изъ послѣдующихъ представителей фамиліи. Разумѣется, портреты

оказываются освѣщенными невѣрно, и въ ряду ихъ мы, напримѣръ, совершенно не узнаемъ знаменитаго Филиппа Орлеанскаго, бывшаго регентомъ Франціи въ малолѣтство короля Людовика XV, — человѣка, можетъ быть, и одареннаго способностями, но развращеннаго до мозга костей и совершенно ничтожнаго по своему историческому значенію. Въ книгѣ же Флера этотъ бездушный эгоистъ и «прожигатель жизни», вопреки всякой исторической истинѣ, рисуется чрезвычайно энергичнымъ и дальновиднымъ политическимъ дѣятелемъ, котораго, по его государственнымъ заслугамъ, авторъ наивно ставитъ выше того коронованнаго нуля, чей престолъ онъ оберегалъ такъ заботливо и умѣло. Подобное сравненіе, разумѣется, еще немного говорить въ пользу герцога-регента, такъ какъ изъ всѣхъ бременившихъ Францію многочисленныхъ королей этого имени Людовикъ XV былъ несомнѣнно болѣе вреднымъ по своей бездарности и распущенности... Такъ же невѣрно очерченъ какою-то безвинно павшею жертвою и отецъ Луи-Филиппа, герцогъ Филиппъ-Эгалите. Въ дѣйствительности, это былъ слабый, безхарактерный человѣкъ, безуспѣшно старавшійся усидѣть между двумя стульями и жизненная роль котораго всегда была крайне двусмысленна. Сначала онъ интриговалъ противъ своего кузена Людовика XVI, вздумалъ усвоить себѣ идеи крайнихъ революціонеровъ и щеголялъ въ фригійскомъ колпакѣ, такъ мало приставшемъ къ его бурбонскому профилю. Депутатъ Конвента, онъ принялъ участіе въ процессѣ короля, подалъ голосъ за его смертную казнь, а затѣмъ тотчасъ же сталъ вести подкопы и противъ республики, вскорѣ, впрочемъ, разгадавшей его и оцѣнившей по заслугамъ, возведя на эшафотъ 6-го ноября 1793 года.

Сынъ Филиппа-Эгалите, будущій король Луи-Филиппъ, родился въ Парижѣ 6-го октября 1773 года. Въ 1782 г. его отецъ, гонявшійся за нововведеніями, пригласилъ въ воспитательницы сына известную графиню Жанлисъ, что было тогда необычнымъ фактомъ, весьма всѣхъ удивившимъ. Поручить воспитаніе троихъ мальчиковъ — Луи-Филиппа и его двухъ младшихъ братьевъ, герцога Монпансье и графа Божоле, женщинѣ, вмѣсто гувернера, считали смѣшнымъ капризомъ, но выборъ воспитательницы оказался очень удачнымъ. Кромѣ нея, рекомендованный Бюффономъ, шевалье де-Бонпаръ руководилъ научной частью воспитанія, куда входили англійскій, итальянскій, нѣмецкій и даже греческій языки, химія, ботаника и рисованіе.

Луи-Филиппъ, — сознается авторъ, — былъ ребенкомъ лѣзвивымъ и трусливымъ: когда водили его гулять, то впереди всегда шли два лакея, съ спеціальной цѣлью разгонять встрѣчавшихся собакъ, которыхъ онъ очень боялся. Кромѣ того, въ дѣтствѣ онъ отличался нѣкоторыми странностями вкуса и, напримѣръ, совершенно не выносилъ запаха уксуса. Особенно любилъ онъ заниматься не положительными науками, но географіей и литературой; Кармантель

а потомъ знаменитый Давидъ давали ему уроки рисованія. По своей охотѣ выучился онъ столярному ремеслу; вообще вели его въ спартанскомъ духѣ и старались гимнастикой, верховой ѣздой, прогулками во всякую погоду развивать его физически, что такъ пригодилося ему впоследствии, въ скитальческой періодъ его жизни. Въ 1787—1788 г. онъ путешествовалъ съ матерью, урожденною герцогинею Луизой-Аделаидой Пентьеврскою, по Франціи и Германіи, а затѣмъ, идя обычною дорожкой членовъ царствующихъ династій, надѣлъ эполеты и въ 1791 г. уже командовалъ 14-мъ драгунскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Вандомѣ.

При объявленіи Франціею въ апрѣлѣ 1792 г. войны европейской коалиціи, Луи-Филиппъ находился съ своимъ полкомъ въ составѣ корпуса герцога Бирона, расположеннаго на границѣ, отъ Мобѣжа до Валансьена. Первое огненное крещеніе онъ получилъ въ стычкѣ съ австріяками, занимавшими высоты около Монса, затѣмъ въ битвѣ съ пруссаками при Вальми командовалъ второй линіей въ арміи генерала Келлермана и былъ посланъ въ Парижъ съ извѣщеніемъ о побѣдѣ. Здѣсь онъ имѣлъ съ Дантономъ, тогдашнимъ министромъ юстиціи, интересный разговоръ, о которомъ упоминаетъ и Тэнъ во второмъ томѣ своей «*Origines de la France contemporaine*». Но маркизъ Флеръ дополняетъ разсказъ Тэна будто бы со словъ самого Луи-Филиппа, который, будучи уже королемъ, любилъ вспоминать это свиданіе и говорилъ, что Дантонъ предсказалъ ему занятіе престола.

— Берегите себя покуда, — будто бы сказалъ Дантонъ, — вамъ назначена счастливая будущность. Вѣроятно, за паденіемъ династіи возникнетъ въ той или другой формѣ демократическая монархія, такъ какъ республика — увы! — продержится не долго: французы не понимаютъ политической жизни безъ поднятаго надъ ихъ головою хлыста. Но и демократическая монархія не просуществуетъ долго, и тогда-то легче всего вамъ появиться на сцену, такъ какъ вы сражались подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, и нація не питаетъ къ вамъ той ненависти, какую имѣетъ къ старшей вѣтви династіи.

Ни на что подобное у Тэна нѣтъ и намека, и надо полагать, что все приведенное маркизомъ Флеромъ окончаніе разговора съ Дантономъ простая выдумка. Дантонъ вовсе не былъ такимъ прозорливцемъ, чтобы предвидѣть будущее Франціи, во всей послѣдовательности измѣненій и переходовъ, почти за сорокъ лѣтъ впередъ вплоть до 1830 г. Онъ вѣрилъ, напротивъ, въ безповоротное торжество республиканскихъ началъ и съ этой вѣрой сошелъ въ могилу.

Въ битвѣ при Жемаппѣ, въ которой Луи-Филиппъ принялъ участіе, вернувшись изъ Парижа, онъ командовалъ центромъ подъ общимъ начальствомъ Дюмурье. Если въ сраженіи при Вальми,

находясь въ аррьергардѣ, онъ почти не участвовалъ, то здѣсь зато, по словамъ автора, выказалъ и личную храбрость и распорядительность военачальника. Авторъ даже увѣряетъ, что самою побѣдою обязаны Луи-Филиппу, который въ критическій моментъ, когда центръ дрогнулъ уже подъ напоромъ австрійской конницы, собралъ и воодушевилъ растерявшихся солдатъ и повелъ ихъ впередъ. Другими историками, однако, вовсе не подтверждается, чтобы роль Луи-Филиппа въ сраженіи была такъ серьезна, и прибавку эту слѣдуетъ приписать лишь постоянному желанію автора при всякомъ случаѣ что нибудь да сказать въ пользу своего героя, хотя бы для этого приходилось жертвовать правдивостью изложенія и придавать извѣстнымъ уже фактамъ невѣрное освѣщеніе.

Послѣ Жемаппа Дюмуре повелъ свою армію въ Бельгію, и здѣсь, въ открывшемъ ворота французамъ Намюрѣ, Луи-Филиппъ узналъ, что Конвентъ предалъ суду короля. Взявъ у Дюмуре отпускъ на нѣсколько дней, Луи-Филиппъ поспѣшилъ въ Парижъ и просилъ своего отца Филиппа-Эгалите оставить Францію на время процесса, чтобы не участвовать въ немъ. Тотъ не согласился, и впослѣдствіи, — рассказываетъ нашъ авторъ, — когда получена была вѣсть о казни короля, Луи-Филиппъ написалъ своему отцу чрезвычайно рѣзкое письмо, въ которомъ негодовалъ на его образъ дѣйствій и бросалъ ему упрекъ въ царубійствѣ. «Это письмо, однако, не сохранилось», — благоразумно сообщаетъ авторъ, а мы прибавимъ, что оно, вѣроятно, не было и написано: въ цѣляхъ книги, конечно, лучше было представить Луи-Филиппа непочтительнымъ сыномъ, чѣмъ хотя бы молча одобряющимъ кровавое постановленіе Конвента.

Вернувшись къ арміи, Луи-Филиппъ принималъ участіе въ неудачномъ для французовъ сраженіи при Нервинденѣ, послѣ котораго неудовольствіе Конвента на Дюмуре, давно уже и не безосновательно возникшее, усилилось, какъ извѣстно, до того, что его вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ потребовали въ Парижъ для объясненій. Несомнѣнно, что Дюмуре и ранѣе интриговалъ противъ республики, тяготѣя по своимъ убѣжденіямъ или расчетамъ къ монархическому режиму; но авторъ этого не признаетъ и старается объяснить послѣдующій образъ дѣйствій Дюмуре исключительно его вспыльчивостью и негодованіемъ на Конвентъ, не оцѣнившій его заслугъ и не довѣрявшій ему. Но къ этому недоувѣрію, какъ Дюмуре тотчасъ и доказалъ, Конвентъ имѣлъ весьма серьезныя основанія: Дюмуре арестовалъ военнаго министра Берновиля и четырехъ комисаровъ Конвента, явившихся смѣстить его, выдалъ ихъ австрійцамъ, а самъ хотѣлъ съ своей арміей произвести контр-революціонное движеніе. Армія, однако, въ возвращеніи бурбонскаго режима справедливо не видѣла ничего привлекательнаго и отказалась помочь расчетамъ авантюриста, которому

тогда ничего больше не оставалось, какъ открыто передаться непріятелямъ. Это онъ и исполнилъ, оставивъ Францію вмѣстѣ съ Луи-Филиппомъ и нѣсколькими генералами и офицерами. Тогда Конвентъ ясно увидѣлъ во всей этой исторіи, до сихъ поръ только предполагаемый, монархическій заговоръ, въ которомъ еще больше, чѣмъ въ арміи, было замѣшано лицъ въ самомъ Парижѣ. Начались розыски и аресты, прикосновенность къ заговору отца герцога Орлеанскаго, Филиппа-Эгалите, обнаружилась, и онъ былъ преданъ суду, какъ одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ. Захваченный врасплохъ и не умѣя, конечно, доказать свою непричастность къ интригѣ, онъ былъ казненъ; второй его сынъ, герцогъ Монпансье, брошенъ въ тюрьму, въ которой провелъ болѣе трехъ лѣтъ; дочь, принцеса Аделаида, выслана изъ Франціи, а жена, Луиза-Аделаида, также подверглась заключенію. Успѣлъ ускользнуть одинъ Луи-Филиппъ, несомнѣнно тоже замѣшанный въ дѣлѣ и служившій посредникомъ между Дюмурье и заговорщиками въ Парижѣ, куда въ цѣляхъ интриги онъ и ѣздилъ два раза: послѣ Вальми и при извѣстіи о преданіи короля суду. Уже одно то обстоятельство, что Луи-Филиппъ безъ всякихъ колебаній поспѣшилъ скрыться изъ Франціи вмѣстѣ съ Дюмурье, доказываетъ, что онъ раздѣлялъ его вину и не имѣлъ сомнѣній насчетъ своей участи, если бы остался въ рукахъ Конвента. Явившись къ герцогу Саксенъ-Кобургскому, главнокомандующему австрійскою арміею, онъ получилъ отъ него предложеніе вступить въ ея ряды, съ сохраненіемъ чина генерала, но расчетливо отказался, не желая компрометировать себя до конца, и съ этого времени начинается его долгая скитальческая жизнь за границей.

Прежде всего Луи-Филиппъ отправился въ Швейцарію и въ Шафгаузенъ соединился съ высланной изъ Франціи своей сестрой. Денегъ у него, по увѣренію автора, было такъ мало, что бѣглець долженъ былъ продать своихъ лошадей, оставивъ себѣ только одну. Присутствіе сестры стѣсняло его еще больше, но въ Базелѣ встрѣтился съ ними графъ Монжуа и успѣлъ помѣстить принцессу вмѣстѣ съ неоставлявшею ее графинею Жанлисъ въ монастырь св. Клары въ Бремгартенѣ, а Луи-Филиппъ переѣзжалъ въ Швейцаріи съ мѣста на мѣсто, нигдѣ подолгу не останавливаясь. Наконецъ въ Рейхенау, въ кантонѣ Гривонъ, ему удалось занять мѣсто учителя въ пансіонѣ, отданное уже эмигранту Шабо-ла-Туръ, который не являлся. Подъ его именемъ Луи-Филиппъ и остался въ Рейхенау, и тайна инкогнито была извѣстна только директору пансіона Жостъ-де-Сен-Жоржу. Пансіонъ, должно быть, былъ неважный, потому что Луи-Филиппъ, какъ рассказываетъ авторъ, числился преподавателемъ и англійскаго языка, и математики, и географіи съ исторіею. Авторъ съ умиленіемъ рассказываетъ о томъ «мужественномъ самоотреченіи, съ которымъ Луи-Филиппъ испол-

няли скромную роль учителя, послѣ того какъ, не смотря на свою молодость, уже былъ побѣдоноснымъ полководцемъ»; но быть скромнымъ приходилось поневолѣ, ужь для того, чтобы не выдать себя, не навести на свой слѣдъ розыскивавшихъ его за границей шпионовъ Конвента. И вообще всѣ эти рассказы объ его учительской дѣятельности — простая легенда, и ничего больше: Луи-Филиппъ только жилъ подъ именемъ Шабо-ла-Тура, который не явился такъ кстати, чтобъ уступить и мѣсто и имя скрывавшемуся герцогу. Это давало послѣднему возможность замести свои слѣды, а собственно преподавателемъ онъ вовсе и не былъ.

Въ Рейхенау Луи-Филиппъ узналъ о трагической смерти своего отца, и такъ какъ первая опасность преслѣдованія теперь прошла, то онъ оставилъ пансіонъ и переѣхалъ, уже подъ именемъ Корби, въ Бремгартенъ, гдѣ и поселился у эмигранта генерала де-Монтекиу, въ качествѣ его адъютанта. Здѣсь онъ прожилъ до начала 1795 года, когда пребываніе его было открыто и оглашено нѣмецкими газетами. Авторъ не можетъ скрыть, что причиною этого были толки газетъ о роскошной жизни адъютанта и генерала, смущавшей скромныхъ жителей маленькаго швейцарскаго городка. Къ такимъ толкамъ, конечно, было серьезное основаніе, и потому плохо вѣрится автору, не разъ принимающемуся рассказывать, что матеріальное положеніе Луи-Филиппа было самое бѣдственное.

Пришлось оставить Швейцарію, и «странствующій герцогъ» отправился въ Германію, а затѣмъ въ Данію и Норвегію.

Путешествіе Луи-Филиппа было довольно продолжительное: онъ ѣздилъ даже въ Лапландію, заглянулъ и въ Финляндію, былъ въ Або и на Аландскихъ островахъ. Когда въ 1796 году онъ вернулся въ Германію, графъ Прованскій, впослѣдствіи король Людовикъ XVIII, вновь предложилъ ему сражаться въ рядахъ враговъ Франціи, но принцъ во второй разъ отклонилъ подобное предложеніе, которое имѣло еще основаніе, исходя отъ Саксенъ-Кобургскаго герцога, но было весьма щекотливо въ устахъ претендента на французскій престолъ и будущаго короля. Видя, что въ Европѣ все еще дѣлать ему нечего, Луи-Филиппъ предпринялъ путешествіе въ Америку.

Объ этомъ путешествіи, какъ и о разѣздахъ Луи-Филиппа по Европѣ, авторъ не сообщаетъ ничего интереснаго. Вернувшись изъ поѣздки въ земли дикарей ирокезовъ, герцогъ узналъ, что директорія издала декретъ объ изгнаніи изъ Франціи всѣхъ представителей царствовавшаго дома и, въ числѣ другихъ, выслала въ Испанію мать Луи-Филиппа. Онъ хотѣлъ отправиться къ ней, но испанскій король Карлъ IV объявилъ, что не согласится допустить Луи-Филиппа въ Испанію, обвиняя его въ томъ, что онъ измѣнилъ не Франціи, однако, что ему можно бы было поставить въ вину, но дѣлу монархіи и своей династіи, такъ какъ сражался въ рядахъ республиканской арміи. Тогда нашему герою ничего не оста-

Король Луи-Филиппъ.

лось больше, какъ отправиться въ Англiю, которая одна во всей Европѣ не находилась подъ влiянемъ Францiи и Наполеона. Почти десять лѣтъ прожилъ онъ здѣсь самымъ безцѣльнымъ и безцвѣтнымъ существованiемъ, и объ этой эпохѣ его жизни даже маркизъ Флеръ, при всѣхъ его добро-орлеанскихъ намѣренiяхъ, не можетъ сообщить рѣшительно ничего, проходя означенное время коротенькимъ отчетомъ въ нѣсколько строкъ.

«истор. вѣстн.», май, 1893 г., т. III.

13

Наконецъ въ 1809 году Луи-Филиппъ переѣхалъ ко двору короля Фердинанда Неаполитанскаго и 25-го ноября повѣнчался съ дочерью его Маріей-Амаліей, причемъ переговоры объ этомъ бракосочетаніи начаты были еще во время пребыванія герцога въ Англіи. А вслѣдъ затѣмъ, — рассказываетъ авторъ, — испанскіе кортесы, въ борьбѣ съ войсками Наполеона, пригласили Луи-Филиппа, предложивъ ему командованіе въ рядахъ испанской арміи. Хотя это и ставило его въ необходимость обнажить мечъ противъ своихъ же соотечественниковъ, но, видимо, желаніе напомнить о себѣ, выдвинуться изъ того забвенія, въ которое облекъ его ходъ историческихъ событій, превозмогло, и Луи-Филиппъ согласился. Однако, тѣ же кортесы рѣзко и, повидимому, совершенно неожиданно отказались затѣмъ отъ его услугъ, и только что прибывъ въ Испанію, онъ долженъ былъ снова вернуться въ Палермо. Эта исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ невыясненныхъ эпизодовъ изъ жизни Луи-Филиппа, какихъ не мало въ книгѣ маркиза Флера. Онъ говоритъ лишь, что кортесы потому отвергли услуги Луи-Филиппа, что «демократическій духъ ихъ не мирился съ помощью, которую слѣдовало принять отъ принца, родственника короля». Но вѣдь уже приглашая Луи-Филиппа кортесы знали, что онъ принцъ; вѣроятно же всего они и не приглашали его совѣмъ, явился же онъ въ Испанію на свой собственный рискъ, предлагая свои услуги противъ французовъ, но былъ кортесами отвергнутъ.

Не разставаясь съ королемъ Фердинандомъ и его супругой, королевою Маріей-Каролиной, эту четою, справедливо заслужившею въ исторіи самую недобрую память, Луи-Филиппъ прожилъ до 1814 года, когда, 23-го апрѣля, англійскій фрегатъ «Абукиръ» привезъ извѣстіе объ отреченіи Наполеона и воцареніи Бурбоновъ. Герцогъ тотчасъ же отправился въ Парижъ, но былъ, повидимому, довольно холодно принятъ новымъ королемъ. По крайней мѣрѣ, авторъ приводитъ почему-то, однако, какъ доказательство благосклонности къ нему короля, что онъ сказалъ Луи-Филиппу: «Двадцать два года тому назадъ вы были уже генераломъ; этотъ чинъ вы получаете снова». Слѣдовательно, король не далъ ему никакого повышенія, такъ какъ, строго говоря, своего генеральскаго чина онъ и не былъ лишень какимъ либо особымъ декретомъ или постановленіемъ ни республиканскаго правительства, ни Наполеона. Вѣроятно, король не забылъ, что Луи-Филиппъ отвѣтилъ графу Прованскому отказомъ на предложеніе встать въ ряды арміи эмигрантовъ.

Зато и съ своей стороны, когда Наполеонъ съ острова Эльбы явился во Францію, и Людовикъ XVIII поручилъ герцогу Орлеанскому отправиться въ Ліонъ, чтобы организовать сопротивленіе, тотъ отвѣтилъ, что «сопротивленіе это бесполезно, но что онъ, Луи-Филиппъ, готовъ служить королю во всѣхъ другихъ случаяхъ и раз-

дѣлится съ нимъ какъ счастливую, такъ и несчастную будущность». Однако, расчеты герцога на успѣхъ Наполеона, который въ эту минуту былъ для него ближе, чѣмъ король бурбонской династїи, завершились Ватерлооскимъ погромомъ, и Луи-Филиппъ вынужденъ былъ уѣхать въ Англію съ женою и дѣтьми, которыхъ у него было уже трое: сынъ принцъ Фердинандъ-Филиппъ и двѣ дочери Луиза и Марїя. Вернулся онъ снова во Францію только въ 1817 году, выпросивъ себѣ, вѣроятно, на это позволеніе у короля, хотя авторъ и пишетъ, что «герцогъ прекратилъ изгнаніе, которое было только добровольнымъ, не смотря на то, что иные ошибочно утверждали противное».

Снова поселившись въ Парижѣ, Луи-Филиппъ, по словамъ автора, окружилъ себя обществомъ выдающихся литераторовъ и художниковъ, какъ Делавинъ, Александръ Дюма, Жераръ, Гро, Горасъ Верне; въ то же время онъ заводилъ и старательно поддерживалъ знакомство съ главными вождами политическихъ партій—Дюпенемъ, Лафиттомъ, Казиміромъ Перье, генераломъ Фуа. Справедливо не довѣряя прочности установившагося режима, онъ на всякій случай заручался расположеніемъ выдающихся дѣятелей, вспоминая, вѣроятно, предсказаніе, сдѣланное ему Дантономъ. Онъ не скрывалъ,—прибавляетъ авторъ,—своего мнѣнія объ ошибкахъ правительства и, когда представлялся къ тому случай, указывалъ ихъ откровенно королю. Конечно, послѣднему это нравиться не могло, и авторъ признаетъ, что Людовикъ XVIII «не любилъ своего кузена, боясь его популярности» и, между прочимъ, упорно отказывалъ въ дарованіи ему титула королевскаго высочества.

Въ 1824 году престолъ перешелъ къ Карлу X, и положеніе Луи-Филиппа нѣсколько улучшилось: новый монархъ въ началѣ царствованія выказывалъ къ нему расположеніе и «*motu proprio*» предоставилъ ему титулъ высочества. Впрочемъ вскорѣ же все измѣнилось, и Карлъ X, слѣпо увлеченный въ сторону попятнаго движенія, а, можетъ быть, подмѣтивъ и ту двусмысленную роль, которую игралъ по отношенію къ нему, какъ и къ его предшественнику, Луи-Филиппъ, сталъ относиться къ нему съ недовѣріемъ и нѣсколько разъ просто отказывался принять и выслушать его, когда тотъ являлся, по словамъ автора, съ намѣреніемъ убѣдить короля отказаться отъ какой нибудь ретроградной и несогласной съ конституціею мѣры. Мы, конечно, не будемъ слѣдовать въ подробности за всѣмъ извѣстнымъ ходомъ событій, приведшимъ къ революціи 1830 года. Упомянемъ только, между прочимъ, что незадолго до взрыва народнаго негодованія, когда раскаты приближавшейся грозы уже гремѣли въ отдаленіи, Луи-Филиппъ давалъ 31-го мая балъ въ честь своего тестя короля Неаполитанскаго, прїѣхавшаго въ Парижъ. Празднество было роскошно и удалось какъ нельзя болѣе: вся королевская фамилія собралась въ Пале-Роялѣ.

На этомъ-то балу графъ Сальванди, обращаясь къ Луи-Филиппу и намекая на приближающіяся событія, произнесъ фразу, сдѣлавшуюся знаменитою:

— Это праздникъ вполнѣ неаполитанскій,—сказалъ онъ:—мы танцуемъ на вулканѣ.

Теперь Луи-Филиппъ былъ уже гораздо опытнѣе: онъ чувствовалъ, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, и понялъ, что расчетливѣе оставаться у самаго очага событій, не портя своей будущности новымъ бѣгствомъ, тѣмъ болѣе, что раздѣлить съ свергнутымъ королемъ его плачевную участь онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Распущенная королемъ палата была избрана вновь съ громаднымъ перевѣсомъ на сторонѣ оппозиціи, и хотя министерство сильно надѣялось, что общественное мнѣніе выскажется за существующій порядокъ въ благодарность за подоспѣвшее извѣстіе о новомъ успѣхѣ французскаго оружія и политики и о взятіи Алжира, но не помогъ, какъ извѣстно, и этотъ «фортель», и знаменитые «ордонансы» сдѣлали свое дѣло, оказавшись, въ концѣ концовъ, весьма полезными для страны уже въ томъ отношеніи, что избавили ее отъ этого жалкаго и неспособнаго монарха, какимъ оказался послѣдній изъ Бурбоновъ на французскомъ престолѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи событій, тѣсно связанныхъ съ участіемъ въ нихъ Луи-Филиппа, авторъ мало сообщаетъ новаго, такъ какъ вся эта эпоха уже ранѣе отлично изучена и изслѣдована. Но поэтому-то и не удастся автору выполнить свою задачу—защитить Луи-Филиппа отъ распространенныхъ и въ значительной степени уже доказанныхъ обвиненій въ эгоизмѣ и чрезмѣрномъ самолюбіи, побуждавшихъ его еще съ первыхъ временъ монархической реставраціи интриговать противъ старшей вѣтви династіи съ заглавною цѣлью въ свою очередь овладѣть властью.

Какъ бы то ни было, но Карлъ X покинулъ Францію со всей семьей, а герцогъ Орлеанскій былъ приглашенъ письмомъ, подписаннымъ сорока депутатами, стать въ главѣ временнаго правительства. Письмо это и всѣ его подписи приведены въ изданіи въ автографическомъ снимкѣ, и изъ депутатскихъ подписей мы видимъ, что тѣ связи съ политическими дѣятелями, о поддержаніи которыхъ Луи-Филиппъ усердно заботился въ теченіе пятнадцати лѣтъ, очень помогли въ настоящемъ случаѣ: всѣ тѣ депутаты, которые были постоянными гостями въ Пале-Рояль, подписались подъ приглашеніемъ.

9-го августа 1830 г. палаты провозгласили герцога Орлеанскаго королемъ подъ именемъ Луи-Филиппа I. Первымъ дѣломъ, которое предпринялъ новый монархъ, было отправить 600.000 франковъ отставному королю, приславшему въ Парижъ довѣренное лицо занять гдѣ нибудь эту сумму. Авторъ хвалится этимъ поступкомъ своего героя, но такъ какъ, чего и онъ не отрицаетъ, деньги были

взяты изъ государственнаго казначейства, то уплата такого «отступного», и не изъ своихъ даже средствъ, а «на казенный счетъ», конечно, ровно ничего не говоритъ въ пользу Луи-Филиппа. При этомъ случаѣ авторъ приводитъ разсказъ, что Карль X, еще до реставраціи Бурбоновъ, живя въ Германіи, задолжалъ большія суммы нѣкоему Пфаффенгофену. Тотъ сначала выжидалъ предъявлять свои требованія, но съ воцаренія Людовика XVIII принялся хлопотать объ уплатѣ по выданнымъ ему документамъ. И хотя послѣдніе были въ совершенномъ порядкѣ, но Карль, сперва какъ графъ Артуа, а потомъ и какъ король Франціи, хладнокровно и упорно отказывался погасить свои обязательства. Такъ до самаго изгнанія Карла X цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ безуспѣшно старался Пфаффенгофенъ выручить свои деньги, и только теперь, по сдѣланному Луи-Филиппомъ предложенію, палата дала согласіе выкупить королевскіе векселя за выданные Пфаффенгофену, по сдѣлкѣ съ нимъ Казимира Перье, 100.000 франковъ единовременно и ежегодную пожизненную пенсію въ 10.000 франковъ. Хорошъ, однако, этотъ коронованный должникъ, загораживающійся трономъ отъ своего кредитора!

О царствованіи Луи-Филиппа въ его политическомъ значеніи авторъ говоритъ немного, и притомъ вещи всѣмъ уже извѣстныя, только стараясь по временамъ окрасить ихъ къ возможной выгодѣ своего героя. Болѣе интересный матеріалъ сообщается о частной жизни короля, о его дѣйствительно скромныхъ вкусахъ и привычкахъ, скромныхъ до того, что ими нерѣдко Луи-Филиппъ даже ронялъ престижъ монарха, особенно въ глазахъ столь падкихъ до внѣшняго блеска французовъ. Луи-Филиппъ, натерпѣвшійся въ молодости не мало невзгодъ, былъ, какъ извѣстно, весьма скупенекъ, и этимъ объясняется и скромный его образъ жизни на престолѣ.

Авторъ, не смотря на всѣ старанія обфлить своего героя, не можетъ скрыть, что обвиненія короля въ скупости и страсти къ деньгамъ были весьма серьезны и общи. Онъ самъ говоритъ, что, на примѣръ, извѣстный въ свое время публицистъ Кормененъ печатно доказывалъ, что Луи-Филиппъ копилъ деньги всѣми способами, спекулировалъ на биржѣ чрезъ подставныхъ лицъ, урывалъ крупныя суммы изъ денегъ, отпускаемыхъ ему на представительство, и т. п., и помѣщалъ накопленное въ заграничныхъ банкахъ. Кормененъ указываетъ даже сумму въ 97.500.000 франковъ, которую Луи-Филиппъ успѣлъ сколотить ко времени своего изгнанія въ 1848 году, но маркизъ Флеръ думаетъ разбить всѣ эти обвиненія однѣми громкими фразами негодованія на клевету и выходки политическихъ враговъ.

Конечно, Луи-Филиппъ, о чемъ, кромѣ маркиза, свидѣтельствуютъ и прежніе его біографы, былъ простъ въ обращеніи, доступенъ каждому, даже былъ или, по крайней мѣрѣ, старался быть добрымъ,

но все это дѣлалось въ расчетѣ на популярность, въ намѣреніи привязать къ себѣ парижское населеніе.

Однако мы знаемъ, что заботы Луи-Филиппа о приобрѣтеніи популярности очень мало ему удавались. Двусмысленная роль, разъигранная имъ вслѣдъ за отреченіемъ Карла X, не забывалась одинаково ни его многочисленными врагами, ни людьми безпристрастными; притомъ вскорѣ же оказалось, что онъ далеко не оправдываетъ остановившагося на немъ выбора страны или, вѣрнѣе, Парижа. Луи-Филиппъ былъ слишкомъ сухъ и эгоистиченъ, какъ человекъ, не смотря на всю простоту обхожденія и доступность; какъ правитель, онъ поддерживалъ исключительно интересы буржуазіи, о бѣдствующихъ же классахъ общества, о нуждахъ крестьянъ, рабочихъ, не заботился вовсе и не понималъ даже необходимости ставить въ законодательной работѣ на очередь назрѣвающіе вопросы объ интересахъ «четвертаго сословія». Проницательные, насмѣшливые, злопамятные парижане разгадали это скоро; неискренность Луи-Филиппа была имъ ясна, и они стали только смѣяться надъ простотой короля, его скупостью, мѣщанскими привычками, его пресловутымъ зонтикомъ, съ которымъ онъ разгуливалъ по улицамъ, даже надъ его наружностью съ головой въ формѣ груши. И дѣло не ограничивалось однѣми насмѣшками: на жизнь Луи-Филиппа съ 1832 по 1846 годъ было восемь, хотя и неудачныхъ, покушеній. А вскорѣ же по его воцареніи, 6-го іюня 1832 г., республиканская партія, увидѣвъ, что, въ противность поговоркѣ, прежняго ястреба промѣняли на кукушку, попыталась произвести новый переворотъ, воспользовавшись похоронами генерала Ламарка. Движеніе не удалось, потому что оказалось совершенно не подготовленнымъ, и въ самыхъ намѣреніяхъ республиканцевъ не было ни единства, ни надлежащаго одушевленія.

Постоянно и пространно толкуя о популярности своего героя и о любви къ нему Франціи и особенно Парижа, маркизъ Флеръ ставитъ себя въ крайне затруднительное положеніе, когда приходится рѣшать странную загадку: чѣмъ же, при всей этой популярности короля, объяснить, что когда въ 1848 г. начались февральскіе беспорядки, тотчасъ же перешедшіе и въ открыто вспыхнувшую революцію, то ни войско, ни національная гвардія, ни самое населеніе Парижа, не стали на сторону короля, и ему пришлось исчезнуть съ исторической сцены такъ же поспѣшно и безнадежно, какъ и его предшественнику Карлу X. Авторъ старается объяснить дѣло тѣмъ, что Луи-Филиппъ имѣлъ жестокаго и непримиримаго врага въ журнализмѣ, который дѣйствовалъ на дурные инстинкты толпы всяческими клеветами на добродушнаго монарха, призывалъ будто бы эту толпу къ открытому возмущенію и даже къ царевубійству. Не говоря уже о томъ, что призывать къ возмущенію и царевубійству невозможно безнаказанно даже и при кон-

ституціонной свободѣ печати, и подобныхъ призываній, конечно, дѣлаемо и не было, но авторъ не объясняетъ, всетаки, что же за причина была такой вражды журналистовъ къ королю столь добродушному, справедливому, заботливому объ общемъ благѣ, словомъ фениксу между вѣнценосцами, какимъ рисуется его разбираемая нами книга? Конечно, для политической печати лестно подобное признание за нею силы свергать съ престола королей, даже столь любимыхъ народомъ, но въ томъ-то и дѣло, что этою народною любовью Луи-Филиппъ вовсе не пользовался, да и не могъ ее заслужить, такъ какъ все направленіе его царствованія было далекимъ отъ защиты истинно народныхъ интересовъ, а ограничивалось только поддержкою буржуазіи, въ самомъ узкомъ и худшемъ значеніи этого слова. Зато, когда волненіе, вызванное усиліями республиканской партіи, наконецъ, вспыхнуло, народъ не противопоставилъ ему отпора, а лавочники попрятались по своимъ конурамъ, и Луи-Филиппъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, всѣми оставленный, нигдѣ не встрѣтивъ сочувствія и защиты. Луи-Филиппъ получилъ достойное возмездіе за то, что его царствованіе было въ областяхъ и внѣшняго, и внутренняго управленія такимъ вялымъ, безцвѣтнымъ, точно всѣ эти восемнадцать лѣтъ съ изгнанія Карла X страна не жила, но лишь дремала въ удушливой атмосферѣ, не находя вовсе исхода лучшимъ мечтаніямъ и справедливымъ надеждамъ. Словомъ правленіе Луи-Филиппа представляетъ собою такое сплошное «ничего» въ историческомъ и социальномъ смыслѣ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ его изображаетъ одна злая карикатура, сидѣлъ не на тронѣ, а на «chaise percée», и не со скипетромъ, а съ дождевымъ зонтикомъ въ правой рукѣ.

Маркизь Флеръ называетъ Луи-Филиппа «королемъ-философомъ», и онъ правъ, если быть на тронѣ философомъ значитъ заботиться только о себѣ самомъ, преслѣдовать эгоистичныя цѣли личнаго спокойствія и обогащенія и, не прислушиваясь къ голосу дѣйствительныхъ нуждъ народа, стараться лишь лавировать между партіями и направленіями, ни одному изъ нихъ не сочувствуя. Но не былъ Луи-Филиппъ философомъ въ томъ отношеніи, что не умѣлъ понять истиннаго своего долга и назначенія, не воспользовался урокомъ предъидущаго царствованія и повторилъ его ошибку, вдумавъ воспротивиться естественному развитію требуемыхъ странною реформъ. Какъ извѣстно, ближайшею причиной февральской революціи было негодованіе націи на нежеланіе короля дать согласіе на избирательную реформу.

Луи-Филиппъ подписалъ отреченіе въ пользу своего внука графа Парижскаго и 2-го марта на англійскомъ пароходѣ переѣхалъ изъ Гавра въ Ньюгевенъ, едва передъ тѣмъ не захваченный въ Трувилѣ и счастливо избѣгнувъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Это преслѣдованіе было, конечно, совершенно ненужною жестокостью, и

слѣдовало дать спокойно уѣхать развѣнчанному королю; но въ горячія минуты политическихъ переворотовъ трудно требовать, чтобъ люди были разсудительны, а событія логичны, какъ невозможно ожидать, чтобы при взрывѣ снаряда осколки разлетались съ геометрическою правильностью и упали въ заранѣе опредѣленныя точки. Но не въ этомъ преслѣдованіи, къ тому же и не удавшемся, была для Луи-Филиппа горчайшая обида, какъ и не въ принятіи палатами закона о признаніи его изгнаннымъ изъ страны: старый король вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ извѣстіе о провозглашеніи во Франціи республики, чѣмъ было уничтожено подписанное Луи-Филиппомъ отреченіе въ пользу своего внука. Въ этомъ сказалась для него безпощадная Немезида исторіи: какъ самъ онъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ эскамотировалъ въ свою пользу отреченіе, сдѣланное Карломъ X на имя своего внука герцога Бордоссаго, такъ и теперь такое же точно отреченіе Луи-Филиппа въ пользу внука было отброшено, какъ не имѣвшее вовсе никакого значенія. Но при этомъ случилось еще то оригинальное усложненіе, и тоже не въ пользу Луи-Филиппа, что такимъ образомъ явились два претендента на корону Франціи, по праву отреченія ихъ предшественниковъ: легитимный король Генрихъ V и король орлеанской вѣтви Луи-Филиппъ II. Изъ нихъ первый только и былъ, съ точки зрѣнія государственнаго права, единственнымъ мыслимымъ претендентомъ, такъ какъ онъ основывался на актѣ отреченія, сдѣланномъ за двадцать лѣтъ раньше, и собственно, пока герцогъ Бордосскій былъ живъ, и самъ Луи-Филиппъ неправильно считался королемъ, а тѣмъ менѣе могъ онъ составлять новое отреченіе въ пользу кого бы то ни было. Положеніе создавалось странное, не лишенное своего рода комизма, съ этими внуками двухъ бывшихъ королей, совмѣстно могущими претендовать на корону, но отъ которыхъ одинаково страна отвергивалась съ совершеннымъ равнодушіемъ. Луи-Филиппъ понималъ всю эту неловкость и очень заботился такъ или иначе придти къ соглашенію съ Бурбонами старшей линіи, чтобы устранить вредную для самаго дѣла монархіи двойственность претендентовъ. Ничего ему, однако, въ этомъ отношеніи сдѣлать не удалось, вслѣдствіе стойкаго и совершенно понятнаго отказа руководителей герцога Бордоссаго утратить принадлежащее послѣднему преимущество и пойти на какія нибудь уступки. Да Луи-Филиппу не оставалось на это и достаточно времени: ему уже шель теперь 77-й годъ, а постигшая его катастрофа, конечно, не могла не отозваться на его здоровьѣ. Съ переселенія въ Англію онъ замѣтно опустился и, все хирѣя, тихо скончался 26-го августа 1850 года.

Въ заключеніе мы должны остановиться на приложеніяхъ къ книгѣ маркиза Флера, представляющихъ, какъ мы уже говорили, богатое собраніе неизвѣстныхъ доселѣ писемъ, извлеченныхъ изъ архивовъ графа Парижскаго. Письма эти расположены въ хроно-

логическомъ порядкѣ, начиная съ нѣсколькихъ писемъ регента Филиппа Орлеанскаго изъ той эпохи, когда онъ командовалъ въ Испаніи войсками, поддерживавшими новаго короля Филиппа V, внука Людовика XIV. Здѣсь же помѣщено письмо Людовика XIV къ Филиппу, поздравляющее его съ успѣшнымъ веденіемъ войны и взятіемъ Лериды въ октябрѣ 1707 года.

Болѣе интересны письма Филиппа-Эгалите къ Людовику XVI, иллюстрирующія тотъ извѣстный фактъ, что король еще задолго до революціи былъ съ герцогомъ въ совершенно холодныхъ отношеніяхъ. Такъ, въ 1787 году, когда король явился въ парижскій парламентъ, чтобы приказать, какъ это въ подобныхъ случаяхъ дѣлалось, занести въ парламентскіе эдикты два вновь устанавливаемыхъ налога, герцогъ Орлеанскій, засѣдавшій въ парламентѣ въ качествѣ пера Франціи, протестовалъ противъ этого, доказывая, что самому парламенту принадлежитъ право обсудить, слѣдуетъ ли согласиться на введеніе налоговъ. Результатомъ этой оппозиціи была ссылка герцога королемъ въ Виллеръ-Коттере, откуда Филиппъ и написалъ нѣсколько помѣщенныхъ въ изданіи писемъ, то прося короля разрѣшить ему прибыть въ Парижъ для устройства своихъ дѣлъ, то съ жалобами на отнятіе у него королемъ права представлять къ наградамъ офицеровъ гусарскихъ полковъ, шефомъ которыхъ Филиппъ былъ до того времени.

Письма другихъ представителей Орлеанскаго дома до короля Луи-Филиппа историческаго интереса не представляютъ и касаются мелкихъ, чисто семейныхъ ихъ дѣлъ и отношеній. Затѣмъ самого Луи-Филиппа помѣщено въ изданіи 44 письма къ разнымъ лицамъ, напимѣръ, Казиміру Перье, Гизо, маршаламъ Сульту и Мортъе, Фердинанду I, императору австрійскому, принцесѣ Каролинѣ, сестрѣ Наполеона, и многимъ другимъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ, особенно въ относящихся ко времени царствованія Луи-Филиппа, есть не мало интереснаго, но эти письма ни въ чемъ не измѣняютъ установившихся уже взглядовъ на главнѣйшія событія той эпохи. Они рисуютъ Луи-Филиппа внимательнымъ, но нерѣшительнымъ политикомъ, предпочитающимъ во многихъ случаяхъ выжидать, нежели дѣйствовать энергично и активно. Въ сущности, впрочемъ, и понятно: рѣшительность личнаго почина вовсе не характеризовала Луи-Филиппа, постоянно лавировавшаго и колебавшагося; притомъ онъ вступилъ на престолъ уже 56-ти лѣтъ, въ возрастѣ, не располагавшемъ къ слишкомъ широкой дѣятельности и, добившись своей цѣли, французскаго престола, справедливо находилъ, что болѣе помогать ему уже нечего, и потому упорно уклонялся и въ вопросахъ внутренняго управленія и особенно во внѣшнихъ дѣлахъ отъ всякой поступательной политики, заботясь лишь о сохраненіи того, что судьба удѣлила ему наконецъ на долю. Во всякомъ случаѣ интересъ этихъ писемъ, всетаки, мелокъ для русскихъ читателей, и приводитъ изъ нихъ выдержки

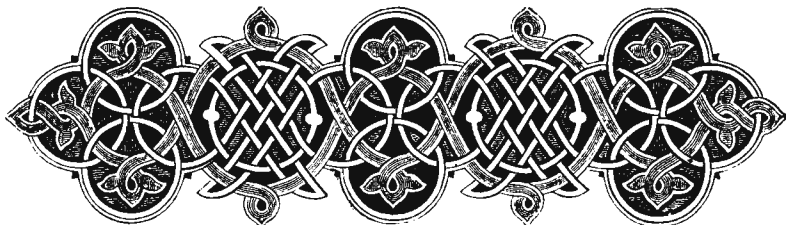
стѣсняеть насъ уже размѣръ нашей статьи, но новыи историкъ эпохи Луи-Филиппа, конечно, не оставитъ ихъ безъ вниманія и долженъ будетъ воспользоваться приведеннымъ въ нихъ матеріаломъ.

Мы можемъ развѣ упомянуть только о касающемся отношеній къ Россіи интересномъ письмѣ Луи-Филиппа къ Гизо отъ 29-го мая 1840 года, въ которомъ онъ возражаетъ противъ ходившаго слуха о томъ, что Луи-Филиппъ обратился къ императору Николаю съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи своей дочери съ принцемъ Александромъ Вюртембергскимъ, но что письмо его оставлено было безъ всякаго отвѣта. Луи-Филиппъ горячо отрицаетъ это. «Ничего подобнаго не было,—пишетъ онъ,—и я не только не писалъ такого письма, но вообще и прежде не обращался письменно къ императору Николаю, такъ какъ еще раньше, въ 1831 году, онъ не увѣдомилъ меня о смерти своего брата великаго князя Константина, а потому и я воздерживался сообщать ему о событіяхъ, происходившихъ въ моемъ семействѣ. Такимъ образомъ, если не было къ императору Николаю писемъ съ моей стороны, то совершенно ложно, чтобы которое нибудь изъ нихъ могло остаться безъ отвѣта».

Далѣе помѣщенные письма къ разнымъ лицамъ членовъ Орлеанскаго дома: королевы Маріи-Амалии, наслѣдника престола принца Фердинанда-Филиппа, герцоговъ Омальскаго и Монпансье—уже совершенно незначительнаго интереса, включая сюда и письмо къ президенту Карно сына претендента графа Парижскаго, отъ 8-го февраля 1890 года, гдѣ онъ старается, впрочемъ, неудачно придать сколько нибудь резонное объясненіе нелѣпой попыткѣ явиться во Францію подъ предлогомъ отбытія воинской повинности.

Приложенія заключаются письмами къ Луи-Филиппу разныхъ лицъ, какъ Гизо, Тьера, графа Моле, герцога Брольи, Жерома Бонапарте и другихъ. Письма эта затрогиваютъ и освѣщаютъ многія событія того времени, какъ, на примѣръ, возстаніе 1832 года, покушенія на жизнь короля, сдѣланныя Дармесомъ и Анри, рожденіе графа Парижскаго, старшаго сына наслѣдника престола, возведеніе парижскихъ укрѣпленій, перенесеніе въ Парижъ праха Наполеона, а изъ внѣшнихъ дѣлъ царствованія характеризуютъ отношенія къ Испаніи и Англій и итальянскую политику Луи-Филиппа. Касающееся Россіи, съ которой, впрочемъ, какъ мы знаемъ, Франція въ ту эпоху почти и не имѣла, по крайней мѣрѣ, официальныхъ сношеній, дано маркизомъ Флеромъ только одно письмо отъ 7-го апрѣля 1843 года, принадлежащее Гизо и довольно оригинальное по своему содержанію. Въ немъ министръ проситъ короля, вѣроятно, опасаясь, что тотъ самъ объ этомъ не догадается, ничего не говорить австрійскому посланнику графу Аппони о тѣхъ попыткахъ сближенія съ Россіею, въ которыя французское правительство пробовало тогда вступить съ русскимъ посломъ графомъ Киселевымъ.

В. З—ъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Палестина. Сочиненіе А. А. Суворина. Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова. Выпуски 1—4. Спб. 1893.

ВЪ ИНОСТРАННОЙ литературѣ существуетъ нѣсколько иллюстрированныхъ описаній Палестины, но всѣ они представляютъ для насъ мало интереса, потому что носятъ исключительно католическій характеръ, подробно излагая все то, что касается католиковъ, и почти совсемъ обходя молчаніемъ тѣ святыни, которыя имѣютъ значеніе для православныхъ. А. А. Суворину пришла прекрасная мысль дать вполнѣ русское описаніе Палестины, и для добросовѣстнаго осуществленія ея онъ не пожалѣлъ ни личнаго труда, ни значительныхъ затратъ. Два раза посѣтивъ Святую Землю, г. Суворинъ на мѣстѣ тщательно изучилъ ея исторію и памятники, а затѣмъ поручилъ двумъ извѣстнымъ нашимъ художникамъ, А. Д. Кившенко и В. И. Навозову, срисовать съ натуры и съ археологической точностью всѣ достопримѣчательности какъ самаго Іерусалима, такъ вообще и всей страны. Благодаря этому, мы будемъ имѣть такое описаніе Палестины, въ которомъ текстъ и рисунки, взаимно дополняя и объясняя другъ друга, до мелочей воспроизводятъ все, что близко религиозному чувству русскихъ людей, и которое, при томъ же, по роскоши не только соперничаетъ, но даже превосходитъ заграничныя изданія. Талантливые и вѣрные дѣйствительности рисунки гг. Кившенко и Навозова печатаются съ камней, сепіей, въ нѣсколько тоновъ, новымъ способомъ, передающимъ детально всѣ художественные штрихи оригиналовъ. Текстъ отличается ясностью, объективностью и живостью изложенія. Грустное впечатлѣніе производитъ онъ на читателя, развертывая передъ нимъ картину постоянной и упорной борьбы, которую

православіе вынуждено вести съ враждебными ему элементами въ самомъ центрѣ своей величайшей святыни. Эта вражда чуть было даже не привела къ совершенному разрушенію «Кувукліи» — храма надъ Гробомъ Господнимъ. Заимствуемъ изъ описанія г. Суворина небольшую выдержку:

«Подъ невысокимъ и узкимъ куполомъ, росписаннымъ вверху свѣтлыми красками и въ серединѣ позолоченнымъ, среди печальныхъ голыхъ столбовъ, оштукатуренныхъ сѣрой известкой, въ унылой полутемнотѣ стоитъ Святой Гробъ. Видъ его извѣстенъ по множеству фотографій и рисунковъ. Это большой ковчегъ съ низенькой башенкой-куполомъ на одномъ концѣ. Глазъ, однако, не узнаетъ въ немъ знакомыхъ красокъ и очертаній. На рисункахъ Кувуклія всегда изображается бѣлой. Сознаніе, что это величайшая святыня христіанская, воспоминаіе о тѣхъ громадныхъ пожертвованіяхъ, которыя ей приносились народами втеченіе тысячелѣтій, подсказываетъ, что бѣлизна ея должна быть нѣжная, чистая бѣлизна дорогого мрамора, что вся постройка должна быть красива и изящна. Въ дѣйствительности же, это почти безформенная масса почернѣлаго, красноватаго мрамора. Чернота эта не въ цвѣтѣ камня, она лежитъ на немъ слоемъ, налипая годами. Стороны Святаго Гроба увѣшаны лампадами и иконами въ нѣсколько рядовъ, что отнимаетъ отъ него даже послѣднюю красоту, — красоту шлифованнаго камня. На рисункахъ обыкновенно изображаютъ надъ Святымъ Гробомъ широкую, висячую пелену. Теперь ея нѣтъ, ибо въ ней миновала необходимость. Она висѣла не для красоты, не какъ нѣкій духовный символъ, но для того, чтобъ защитить Святой Гробъ отъ дождя, града и всякаго мусора, валившагося на него сквозь вѣяющія расщелины купола. Мнѣ пришлось видѣть модель храма, какимъ онъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Вершины купола, то-есть центрального круга, на которомъ утверждены теперь кресты, на этой модели не существуетъ совсѣмъ, и вмѣсто него открывается внутрь громадная дыра. Широкія расщелины идутъ отъ нея вдоль реберъ купола, давая свободный доступъ внутрь храма дождю, ручьями обливавшему Святой Гробъ, голубямъ и лучамъ солнца. Вѣшная обшивка ободралась и нищенскими доскутами виситъ въ куполѣ. Я не повѣрилъ глазамъ, но вскорѣ мнѣ попалась фотографія, изображавшая храмъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Ужасное разрушеніе купола было ясно видно на ней, и мнѣ пришлось удостовѣриться въ немъ. Взаимный раздоръ религій довелъ храмъ до этого состоянія. Храмъ весь подѣленъ между разными религіями, но нѣкоторыя части его, какъ и Кувуклія, находятся въ общемъ владѣніи. Въ нихъ не допускается никакихъ поправокъ. Католики не хотятъ позволить сдѣлать ихъ грекамъ, греки не допускають до нихъ католиковъ, и разрушеніе храма идетъ безпрепятственно. Недавно на одной занавѣси оборвалась бахрома и повисла однимъ концомъ. Греки подшили ее. Католики протестовали: они сами хотѣли бы пожертвовать святынь своимъ трудомъ и нитками. Французскій консуль, защитникъ общекатолическихъ интересовъ, заявилъ формальный протестъ. Завязалась оффиціальная переписка, пока, наконецъ, нашъ консуль не запросилъ тоже оффиціально, удовлетворится ли французскій консуль, если бахрома будетъ опять расшита. Французскій консуль согласился удовлетвориться, и бахрома попрежнему грустно повисла. Благодаря уму и такту начальника нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ, архіепископа Кирилла, въ 1858 году испрошеніе купола было поставлено въ сторонѣ отъ благочестивыхъ пререканій. Оно было представлено, какъ личное дѣло государей трехъ имперій: Россіи,

Франціи и Турціи; куполъ былъ сдѣланъ сплошной, желѣзный, и такимъ образомъ явилась возможность снять охранительную пелену надъ Святымъ Гробомъ».

Описанія Палестины вышло до сихъ поръ четыре выпуска. Каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ полтора печатныхъ листа большого формата въ четвертую долю и около 8 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ, какъ мы уже сказали, безукоризненно. Всѣхъ выпусковъ будетъ 30, слѣдовательно изданіе составитъ большой томъ въ 45—50 печатныхъ листовъ съ 250 иллюстраціями. Къ седьмому и двадцатому выпускамъ будутъ приложены, отпечатанныя въ 15 красокъ, акварели г. Кившенка, изображающія «Св. Гробъ Господень» и «Пещеру Рождества Христова», а къ послѣднему выпуску—карта Палестины и планъ Иерусалима, также въ краскахъ. Предприимчивая такое выдающееся и по содержанію, и по роскоши, изданіе, г. Суворинъ оказываетъ важную услугу всѣмъ истинно русскимъ людямъ, которые, благодаря ему, будутъ теперь имѣть подробное и наглядное описаніе Святой Земли, вполне отвѣчающее и съ внутренней, и съ вѣднѣй стороны, самымъ строгимъ требованіямъ. Для удобства публики, кромѣ разныхъ облегченій при подпискѣ на «Палестину», она продается и отдѣльными выпусками.

С. Ш.

К. Б. Газенвинкель: 1) Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в. Казань. 1892. — 2) Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ. Тобольскъ. 1892.—3) Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подьячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII в. Тобольскъ. 1892.

Наша ученая литература русской исторіи весьма бѣдна предварительными изученіями источниковъ и разными вспомогательными описательными трудами, столь необходимыми при дальнѣйшей научной разработкѣ историческихъ вопросовъ. А потому нельзя не обратить вниманія на три брошюры, заглавія которыхъ приведены нами выше, принадлежащія перу не профессиональнаго историка, а историка соn amoge. К. Б. Газенвинкель посвящаетъ свободное отъ служебныхъ занятій время изученію исторіи Сибири, столь мало еще у насъ изслѣдованной; а къ этому изученію привело его пребываніе на службѣ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Тобольскѣ, гдѣ онъ заинтересовался мѣстной исторіей и былъ въ числѣ основателей Тобольскаго музея, получающаго въ настоящее время видное значеніе среди нашихъ провинціальныхъ музеевъ. Свои монографіи г. Газенвинкель помѣщаетъ въ малоизвѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, вслѣдствіе чего его труды извѣстны мало даже специалистамъ по русской исторіи. Такъ первая изъ названныхъ выше брошюръ составляетъ отдѣльный оттискъ статьи, появившейся въ «Извѣстіяхъ Казанскаго общества археологій, исторіи и этнографіи» 1892 г., а двѣ остальные были первоначально напечатаны въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Тобольскомъ вѣстникѣ».

Въ первой изъ названныхъ брошюръ г. Газенвинкель констатируетъ весьма любопытный и даже курьезный фактъ, именно, что изъ историковъ Сибири, при изученіи ея управленія и военныхъ силъ за XVII вѣкъ, никто

до сихъ поръ не пользовался «Книгами разрядными», изданными II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ 1853—1855 годахъ. Обративъ вниманіе на такой пробѣлъ, онъ въ первой брошюрѣ сводитъ данныя, какъ изъ этихъ официальныхъ разрядныхъ книгъ, такъ и изъ другихъ изданныхъ, а частію и неизданныхъ источниковъ, по двумъ вопросамъ Сибирской исторіи съ 1616 по 1636 годъ (время, обнимаемое «Книгами разрядными»): 1) о личномъ составѣ представителей служилаго сословія въ городахъ и «острогахъ» Сибири; 2) о численности въ нихъ вооруженныхъ силъ. Данныя, относящіяся къ первому вопросу, сгруппированы по лицамъ, занимавшимъ должности воеводъ и ихъ товарищей, письменныхъ головъ и дьяковъ въ сибирскихъ городахъ, и расположены въ хронологической послѣдовательности по городамъ, начиная съ главнѣйшаго въ тогдашней сибирской администраціи Тобольска; при чемъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ этихъ начальственныхъ лицъ не только въ Сибири, но до и послѣ нея, которыя г. Газенвинкель на первый разъ могъ добыть. По второму вопросу сведены весьма тщательно таблицы наличнаго состава сибирскихъ войскъ по городамъ и по роду оружія.

Изъ сообщаемыхъ г. Газенвинкелемъ интересныхъ подробностей о личностяхъ сибирскихъ воеводъ гораздо нагляднѣе, чѣмъ прежде, мы можемъ видѣть, какъ отразилось смутное время на послѣдующей судьбѣ многихъ изъ ея выдающихся дѣятелей. Мы встрѣчаемъ или ихъ самихъ, или ихъ ближайшихъ родственниковъ, въ числѣ сибирскихъ воеводъ вообще и тобольскихъ въ частности. Съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія Михаила Феодоровича, а въ особенности по возвращеніи изъ польскаго плѣна въ Москву его отца, Филарета Никитича, съ почетомъ удаляли такихъ политически-неблагонадежныхъ лицъ въ «землю Сибирь, нарицаемую звѣробразныхъ людей», какъ опредѣляли эту сѣверную азіатскую окраину латинскія космографіи XVII вѣка въ современныхъ имъ русскихъ переводахъ; очевидно, новому правительству пребываніе подобныхъ лицъ было «неудобно» по многимъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, съ 1616 по 1636 годъ тобольскими воеводами, между прочими, являются: бояринъ князь И. С. Куракинъ, сторонникъ Владислава; бояринъ М. М. Годуновъ, родственникъ царя Бориса; правитель Московскаго государства въ междуцарствіи, бояринъ князь Д. М. Трубецкой, и его двоюродный братъ, князь А. Н. Трубецкой; князь А. А. Голицынъ, племянникъ одного изъ кандидатовъ въ Московскіе цари по низведеніи съ престола царя Вас. Ив. Шуйскаго, князя В. В. Голицына, и шуринъ избѣстнаго вождя нижегородскаго ополченія князя Д. М. Пожарскаго. Что же касается до количества войскъ въ Сибири за то же время, то прежде всего невольно поражаетъ ихъ малымъ количествомъ, разсѣяннымъ на громадномъ пространствѣ отъ «Камня» (Уральскихъ горъ) до Енисея и отъ юго-западныхъ киргизскихъ кочевій до Ледовитаго океана. Въ 1625 году войскъ было всего 2.696 человекъ; въ 1636 году—5.004 человекъ. Тяжелую ихъ службу и несомнѣнныя заслуги передъ отечествомъ прекрасно характеризуетъ самъ авторъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать подлинныя его слова: «Сгруппированныя въ 15-ти укрѣпленныхъ пунктахъ и составлявшія такимъ образомъ весьма незначительныя по числу людей отряды, сибирскія войска не только являлись гарнизонами занимаемыхъ ими укрѣпленій, не только выходили въ поле для отраженія постоянно вторгавшихся набѣговъ дикихъ кочевниковъ и немирныхъ туземцевъ, но несли

еще всякую другую службу: они посылались для конвоирования отправляемых въ отдаленныя мѣста транспортовъ съ съѣтными припасами, пушечнымъ вельемъ, оружіемъ; они занимали сторожевыя посты по многочисленнымъ острожкамъ и заставамъ, собирали ясакъ съ инородцевъ, развѣдывали «новыя землицы» и приводили ихъ подъ высокую царскую руку».

Сравнивая численность сибирскихъ войскъ по разряднымъ книгамъ съ свѣдѣніями, находящимися въ другихъ оффиціальныхъ источникахъ, г. Газенвинкель приходитъ къ заключенію о вѣрности данныхъ по этому вопросу, находящихся въ «Книгахъ разрядныхъ». Но г. Газенвинкель не ограничивается только сообщеніемъ фактическихъ данныхъ по исторіи Сибири за отѣченные выше года, извлеченныхъ имъ изъ «Книгъ разрядныхъ». Онъ предпосылаетъ этимъ извлеченіямъ замѣчанія о разрядныхъ книгахъ вообще и о Разрядномъ приказѣ, или о Разрядѣ въ частности, указывая при этомъ на отношенія этого центрального высшаго военнаго управленія въ Московскомъ государствѣ по военнымъ дѣламъ Сибири къ приказамъ Казанскаго дворца и Сибирскому. Но, пользуясь въ этой части своей брошюры «Дворцовыми разрядами» и «Книгами разрядными», по изданію II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи и авторитетными изслѣдованіями ученыхъ специалистовъ, г. Газенвинкель тѣмъ не менѣе впадаетъ въ ошибку. Онъ считаетъ частныя разрядныя копіи оффиціальныхъ разрядныхъ книгъ. Ту же ошибку почтенный изслѣдователь повторяетъ и въ третьей своей брошюрѣ (см. предисловіе, стр. 3). До насъ дошло очень много частныхъ копій съ оффиціальныхъ разрядныхъ книгъ, но это не синонимъ частныхъ разрядныхъ. Частныя разрядныя суть разрядныя книги особой редакціи, особаго состава, относящіяся къ «чести» отдѣльнаго служилаго рода и представляющія собою не только выборки изъ оффиціальныхъ разрядныхъ книгъ, но дополняющія и видоизмѣняющія ихъ на основаніи цѣлаго ряда разныхъ источниковъ. Такія частныя разрядныя, возникая еще въ XVI вѣкѣ, нерѣдко помѣщаются вслѣдъ за фамилными «родословцами», составляя ихъ комментарий. О составѣ и редакціи частныхъ разрядныхъ имѣются интересныя указанія въ статьѣ П. Н. Милюкова: «Оффиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги» (Чтенія Моск. общ. ист. и др. 1887 г., кн. 2) и въ книгѣ Н. П. Лихачева: «Разрядные дѣякіи XVI вѣка» (Спб., 1888 г., стр. 329—349).

Вторая брошюра г. Газенвинкеля посвящена также вопросу о положеніи въ Сибири разныхъ служилыхъ московскихъ людей. Она обнимаетъ почти тѣ же года царствованія Михаила Феодоровича, что и свѣдѣнія изъ «Книгъ разрядныхъ», а именно съ 1613 по 1634 годъ, и состоитъ въ выборкѣ изъ «Продолженія къ дворцовымъ разрядамъ», изд. И. Е. Забѣлинымъ (въ Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и др. 1882 и 1883 гг.), о царскихъ наградахъ этимъ служилымъ людямъ.

Третья брошюра заключаетъ въ себѣ полный поименный списокъ начальственныхъ лицъ въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ со времени основанія Тюменя (въ 1586 г.) и Тобольска (въ 1587 г.) до конца XVII вѣка. Въ этомъ списокѣ помѣщено 890 именъ воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подъячыхъ съ приписью, находившихся въ 20-ти сибирскихъ городахъ и острогахъ. Въ основу списка взята г. Газенвинкелемъ, хранящаяся въ рукописи, въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, «Вѣдомость о бывшихъ въ разныхъ городахъ воеводахъ

съ 1581 по 1701 годъ», составленная знаменитымъ русскимъ историкомъ и изслѣдователемъ Сибири прошлаго вѣка Г. Ф. Миллеромъ, и провѣрена данными изъ другихъ источниковъ, тщательно указанныхъ авторомъ въ примѣчаніяхъ. Списку предшествуетъ предисловіе, въ которомъ г. Газенвинкель обозрѣваетъ свои источники.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ изысканій К. Б. Газенвинкеля въ области сибирской исторіи и прежде всего подробнаго свода біографическихъ свѣдѣній о воеводахъ и другихъ «государевыхъ служилыхъ людяхъ» въ Сибири за XVII и XVIII вѣка. Каждый научно занимающийся русской исторіей съ благодарностью обратится къ подобнымъ документальнымъ пособіямъ при изученіи важнаго вопроса о распространеніи и укрѣпленіи русской власти отъ Урала до Тихаго океана. Д. Корсаковъ.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1891—1892 гг. Второй годъ. Изданіе дирекціи театровъ. 1893.

Помѣщая въ прошломъ году («Историческій Вѣстникъ», апрѣль, стр. 277) отчетъ о выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Ежегодника», мы отдали полную справедливость полезной цѣли и отчетливому исполненію изданія. Появившійся нынѣ томъ еще полнѣе, богаче содержаніемъ, иллюстраціями, любопытными портретами, снимками съ декорацій. Тутъ такъ же, какъ и въ сборникѣ за 1890—1891 годъ, помѣщенъ полный и подробный репертуаръ казенныхъ петербургскихъ и московскихъ театровъ; въ немъ сценическая дѣятельность обѣихъ столицъ изображена параллельно, день за днемъ, и общій выводъ на сторонѣ Петербурга: въ немъ, при одинаковомъ числѣ оперныхъ спектаклей,—драматическихъ было 233, на 42 больше, чѣмъ въ Москвѣ, да, сверхъ того, было 158 представленій французской труппы и 33 нѣмецкой. Число балетныхъ спектаклей почти одинаково (45—48). За репертуаромъ помѣщенъ списокъ всѣхъ пьесъ, въ алфавитномъ порядкѣ, играныхъ въ теченіе сезона, съ указаніемъ, сколько представленій выдержала каждая пьеса; ихъ было всего 81 пьеса и 70 въ Москвѣ, оперъ 20 и 24, балетовъ 13 и 11, французскихъ пьесъ 63. Въ списокѣ артистовъ драматической труппы, кромѣ шести режисеровъ и помощниковъ, трехъ суфлеровъ и письменоводителя, показаны въ Петербургѣ 52 актрисы и 45 актеровъ, 14 пѣвицъ и 26 пѣвцовъ, 59 хористокъ и 66 хористовъ, 146 танцорокъ и 71 танцоръ, французскихъ актрисъ 19, актеровъ 20, кромѣ того, 13 хористокъ и 5 хористовъ. У всѣхъ артистовъ показано, сколько разъ они играли и какую роль. Оперныхъ музыкантовъ 108, балетныхъ 66, въ александринскомъ оркестрѣ 43 и въ михайловскомъ столько же. Въ Москвѣ труппа состоитъ изъ 52 актрисъ и 43 актеровъ, 23 пѣвицъ и 21 пѣвца, 61 хористки и 63 хористовъ, 114 танцорокъ и 68 танцоровъ, музыкантовъ 183. Съ такою многочисленною труппою театры наши могли бы, повидимому, процвѣтать, особенно если прибавить не менѣе многочисленный персоналъ такъ называемой монтировочной части, декораторовъ, машинистовъ, костюмеровъ, бутафоровъ, отдѣлъ освѣтительный, гардеробный, парикмахерскій. Заправляющіе этими частями всѣ подробно перечислены въ списокѣ личнаго состава театральной дирекціи, гдѣ показаны всѣ конторскіе чиновники по отдѣленіямъ, распорядительному, хозяйственному, монтировочному, со всѣми дѣлопроизводителями, полицеймейстерами, 13-ю врачами, чиновниками особыхъ порученій и канцелярскими. Не показаны только капель-

динеры, а вѣдь и они получаютъ пенсіи, и плотники со сторожами. Но все это только одни имена, а о главномъ, то-есть, объ ихъ содержаніи, о сборахъ въ театрахъ, о стоимости постановокъ, вознагражденіи авторовъ, вообще о приходахъ и расходахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и мы напрасно выражали въ прошломъ году желанія не только наши, но и всей публики видѣть хоть общія цифровыя данныя о томъ, чего все это стоить. Вѣдь если это и «закулисная», то во всякомъ случаѣ не государственная же тайна. Если государственный контроль не провѣряетъ расходовъ театрального вѣдомства, то вѣдь не даютъ же актеры «клятвы на мечѣ» не открывать никому цифры получаемого ими жалованья, и общество можетъ же знать, какою благостынею пользуются знакомыя лица, даже только главные сюжеты труппы. А знать хоть бы валовую цифру годовыхъ расходовъ театра было бы очень любопытно, хоть бы для того, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли такъ велики были траты и долги нашей сцены во время управленія Гедеонова, и далеко ли мы ушли съ тѣхъ поръ впередъ — въ дефицитахъ. Въ обзорѣнн дѣятельности театровъ за прошлый сезонъ говорится, что петербургская труппа разучила въ сезонѣ 81 пьесу, но капитальныхъ пьесъ, принадлежащихъ къ основному репертуару, было дано всего 17 (въ Москвѣ 15). Рассказывается исторія возобновленія «Василисы Мелентьевой» и постановки ея въ 1868 году, причѣмъ сообщено, что Мей хотѣлъ тоже писать драму на этотъ сюжетъ, но оставилъ только одну пѣсню. Въ послѣднемъ полномъ изданіи сочиненія покойнаго поэта, въ обширной біографіи его, составленной лицейскимъ товарищемъ и другомъ поэта В. Зотовымъ, объ этомъ не говорится ни слова. Затѣмъ говорится о постановкѣ другихъ пьесъ: «Плоды просвѣщенія» (самый выдающійся успѣхъ сезона, дана 22 раза), «Гамлетъ», причѣмъ упоминается обо всѣхъ прежнихъ переводахъ этой трагедіи, «Замшвыне люди» г. Грэгоровича, причѣмъ авторъ названъ почтеннымъ, но не говорится, что комедія не имѣла никакого успѣха, и что напрасно опытный беллетристъ выступилъ подъ конецъ своей дѣятельности на сценическое поприще. Обо всѣхъ другихъ новыхъ пьесахъ сказано также нѣсколько общихъ фразъ. Все это обзорѣніе иллюстрировано множествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ, портретами и костюмами дѣйствующихъ лицъ, снимками съ декораций, сценами изъ драмъ, оперъ, балетовъ, причѣмъ любопытно сравнить постановку нѣкоторыхъ пьесъ въ Петербургѣ и Москвѣ, какъ «Гамлетъ», «Плоды просвѣщенія» и др. За этимъ текущимъ отдѣломъ слѣдуетъ отдѣлъ историческій: біографія Югансона по поводу 50-тилѣтія его службы, г-жи Яблочкиной по поводу ея 25-тилѣтія; театральныя училища, театрално-литературный комитетъ; русскіе театры на вѣнской выставкѣ, драматическія общества, 50-тилѣтіе «Руслана и Людмилы» (статья г. Стасова), «Женитьбы» и «Игроковъ»; біографія Фонвизина по поводу столѣтней годовщины его памяти и Княжнина по поводу полустолѣтней годовщины его рожденія. Помѣщена даже довольно слабая пьеса г. Вейнберга «У Фонвизина». Біографія Княжнина въ 6 страницъ тоже очень слаба, но нельзя не быть благодарнымъ за библиографическій очеркъ г. Лисовскаго «Обзорѣніе литературы по театру и музыкѣ за 1889—1891 годы». Критическихъ отзывовъ о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ тутъ нѣтъ, но даже одно перечисленіе того, что въ три года написано о театрѣ и для театра, любопытно и не лишено значенія. Страдно, что, при переполненіи нашихъ ежедневныхъ газетъ пространными извѣстіями о зрѣлищахъ всякаго рода, въ Петербургѣ театру

посвящено только одно довольно жидкое специальное издание «Театральный Мирокъ», тогда какъ въ Москвѣ ихъ три: «Артистъ» съ «Дневникомъ артиста» и «Театральной Библиотекой», «Дневникъ театрала» съ «Европейскимъ театромъ» и «Театръ и жизнь», то-есть собственно шесть изданій. Но лучшее изъ нихъ, «Артистъ», выходитъ всего 7 разъ въ годъ въ теченіе зимняго сезона. Изъ неспеціальныхъ изданій о театрѣ, по перечисленію г. Лисовскаго, болѣе всего помѣщалось статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Книгъ по исторіи театра и пьесъ въ три года вышло 333. Выводъ библиографа изъ обзора этихъ произведеній неутѣшительный. «Что наша театральная и музыкальная литература не прещѣтаетъ, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію»,—говоритъ онъ. По его словамъ, статьи о театрѣ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ отличаются сухостью. Это едва ли вѣрно, въ маленькой прессѣ появляются напротивъ такіа восторженные описанія разныхъ «дѣвиць-фуроръ», что становится стыдно за не въ мѣру увлекающихся рецензентовъ. Въ концѣ сборника помѣщены краткіе и сухіе некрологи 31 писателя и артиста, скончавшихся въ прошломъ сезонѣ, затѣмъ въ «смѣси» нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о декорационныхъ и гардеробныхъ мастерскихъ, о репетиціонномъ залѣ балетной труппы въ Петербургѣ, объ упраздненіи театральной рампы, причѣмъ объяснено рисунками примѣненіе новаго способа освѣщенія сцены, но не сказано, производились ли гдѣ либо опыты этого способа. Объяснены также рисунками приборы для примѣненія электричества къ сценическимъ эффектамъ, и изображенія на сценѣ расплавленного металла, также вращающагося каталога. Наконецъ въ приложеніи помѣщено подробное описаніе отдѣла русскихъ императорскихъ театровъ на вѣнской выставкѣ, съ каталогомъ выставленныхъ предметовъ (41 вещь). Здѣсь имѣются и такіа свѣдѣнія, о какихъ не упоминается въ текстѣ сборника: историческій очеркъ управленія императорскими театрами, библиотека, общее ховайство, касса, перевозочныя средства, типографія, фотографія. Неуспѣху нашей выставки въ Вѣнѣ повредилъ несистематическій и нѣскоро сдѣланный выборъ выставленныхъ предметовъ, между которыми общее недоумѣніе публики возбуждали и такіа вещи, какъ голова слона, верблюда, этрусскія вазы. Въ общемъ этотъ роскошный сборникъ въ 600 страницъ, съ пятью отдѣльными гравированными портретами и 310-ю рисунками, автографами, портретами и планами въ текстѣ оставляетъ пріятное впечатлѣніе, несомнѣнно полезна и любопытна.

В. З.

Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893.—Критическія статьи. Его же. Спб. 1893.—Эстетика и поэзія. Его же. Спб. 1893.

Не смотря на то, что въ поименованныя выше изданія вошли исключительно литературныя статьи Н. Г. Чернышевскаго, напечатанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, онѣ не утратили и въ настоящее время своего значенія. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что его литературно-критическія статьи по преимуществу были общественнаго характера. Сожалѣя о томъ, что въ историческомъ движеніи русскаго общества литературныя идеи участвовали значительно менѣе, чѣмъ политическія или экономическія побужденія общества, г. Чернышевскій, тѣмъ не менѣе, рассматриваетъ литера-

туру, не какъ исключительное достояніе искусства, а какъ одинъ изъ великихъ факторовъ общей исторіи народа. Вотъ почему его статьи до сихъ поръ являются выраженіемъ нашихъ общественныхъ симпатій или антипатій, не смотря на то, что онъ разбираетъ чисто литературные и художественные вопросы. «Очерки Гоголевскаго періода» представляютъ исторію русской литературы въ періоды: псевдоклассическій (Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ), романтическій (Жуковский, Марлинскій, Подолинскій, Н. Полевой) и «Гоголевскій» (Гоголь, Надеждинъ, Бѣлинскій и т. д.). Каждая изъ этихъ школъ, въ которыхъ воспитывалась русская мысль, отличалась тѣмъ, что «у псевдоклассиковъ лица раздѣлялись на героевъ и злодѣевъ,—противники ихъ рѣшили, что злодѣи не злодѣи, а истинные герои; страсти изображались у классиковъ съ жеманной, холодной сдержанностью, романтическіе герои начали неистовствовать и руками, и особенно языкомъ, беспощадно кричать всякую гиль и чепуху; однимъ словомъ, романтики имѣли цѣлью не природу и человѣка, а противорѣчіе классикамъ. Потому-то у нихъ все выходило такъ же искусственно и натянуто, какъ и у классиковъ. Здравый смыслъ былъ идоломъ классиковъ, не знавшихъ о существованіи фантазіи; романтики сдѣлались врагами здраваго смысла и искусственно раздражали фантазію до болѣзненнаго напряженія». Гоголевское направленіе выразилось, напротивъ, въ томъ, что условіями художественнаго произведенія явилась простота изложенія и предпочтеніе непосредственныхъ чувствъ человѣка надъ экзальтированностью, воспроизведеніе бытовыхъ особенностей и характеровъ, вмѣсто сочиненія оныхъ и т. д. Въ «Очеркахъ» мы найдемъ характеристики наиболѣе крупныхъ дѣятелей 30—40 годовъ, которые такъ или иначе способствовали Гоголевскому направленію или боролись съ нимъ: Н. Полевого, Сенковского, Погодина, Кирѣевскаго, Шевырева, Надеждина и Бѣлинскаго. Чернышевскій весьма опредѣленно говоритъ о томъ, почему въ основу новаго періода русской литературы онъ поставилъ Гоголя. Каждый русскій есть почитатель Пушкина, и никто не находитъ неудобнымъ для себя признавать его великимъ писателемъ, потому что поклоненіе Пушкину не обязываетъ ни къ чему, пониманіе его достоинствъ не обуславливается никакими особенными качествами характера, никакимъ особеннымъ настроеніемъ ума. Гоголь, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій. Это направленіе было попреимуществу критическое, литература дѣлается судьей надъ жизнью, и Гоголь не безъ основанія считается наиболѣе сильнымъ выразителемъ новаго направленія. Въ книгѣ «Критическія статьи» собраны статьи о Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Далѣ, Писемскомъ, Ев. Турѣ, Островскомъ, Л. Толстомъ, Щедринѣ и др. Если въ «Очеркахъ» Чернышевскій чрезвычайно высоко ставилъ критическое направленіе литературы и видѣлъ, что наиболѣе крупные, повдвѣйшіе писатели не чужды его, то въ статьяхъ о Пушкинѣ авторъ тщательно слѣдитъ за исторіей, какъ создались и развивались Пушкинымъ его сочиненія, какія авторскія привычки Пушкина, его манера писать, внѣшняя сторона его творчества и т. д. Знакомство съ Пушкинымъ за его рабочимъ столомъ крайне полезно тѣмъ писателямъ, которые чему нибудь способны учиться у болѣе талантливыхъ людей. «Если что требуетъ внимательнаго обдумыванія, то это планъ поэтическаго произведенія. Прояснить въ своемъ умѣ основную

мысль романа или драмы, вникнуть въ сущность характеровъ, которые будутъ ее проявлять своими дѣйствіями, сообразить положенія лицъ, развитіе сценъ,—вотъ что важно; если поэтъ употребить на это по нѣсколько часовъ нынѣ, черезъ мѣсяцъ или два, черезъ годъ, какъ придетъ ему вдохновенная минута подумать о создаемомъ твореніи, то эти немногіе часы принесутъ болѣе пользы достоинству его произведенія, нежели цѣлые мѣсяцы неусыпной работы надъ улучшеніемъ и исправленіемъ вылившагося уже на бумагу произведенія. И въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на примѣръ Пушкина, который такъ долго обдумывалъ планы своихъ произведеній, иногда по нѣсколько лѣтъ, ожидая, пока зародившаяся мысль созданія соврѣтетъ въ его головѣ, найдетъ себѣ стройное и полное развитіе. Въ этомъ внимательномъ, продолжительномъ, недовѣрчивомъ обдумываніи плана заключается, по нашему мнѣнію, драгоценный урокъ для тѣхъ писателей, которые, подумавъ полчаса, пишутъ полгода и потомъ поправляютъ годъ, хорошо еще, если пишутъ, какъ велитъ одушевленіе труда, и потомъ исправляютъ, а не сидятъ въ раздумьи надъ каждою фразою, не спутываютъ различныхъ работъ, творятъ и пересматриваютъ,—въ одну вялую, утомительную, безхарактерную работу. Что написано дурно, нескладно или слабо, тому не придадутъ силы, красоты или стройности никакія исправленія. Исправить самой мысли, недостатковъ развитія, принадлежащихъ ей самой, они не въ силахъ. Потому-то и нужно не приниматься писать, не обдумавъ ясно и стройно, что должно быть написано. Потому и правило: обдумывай, обдумывай и обдумывай, потому ничего не будетъ стоять написать; а написанное необдуманно само ничего не стоитъ. Естественнѣйшій методъ всякой работы, и ремесленной, и прозаической, и поэтической, состоитъ въ томъ, чтобы ясно обдумать дѣло и потомъ исполнить его, а потомъ ужъ приниматься за пересмотръ и исправленіе. Такъ умѣетъ поступать даже столяръ: сначала сообразить, какихъ размѣровъ нужно сдѣлать вещь, какую штуку дерева и какого именно дерева приготовить для каждой ея части; потомъ ужъ, приготовивъ и сообразивъ матеріалы, начинаетъ ее дѣлать и дѣлаетъ, не останавливаясь надъ полировкой каждаго приклеиваемаго верхка. Наконецъ, давъ просохнуть, устояться своей работѣ, принимается за полировку, если только вещь такого рода, что нуждается въ полировкѣ. Во всякомъ случаѣ, хорошій столяръ славится тѣмъ, что дѣлаетъ мебель изъ хорошихъ матеріаловъ, прочно и соответвенно ея цѣли, а не тѣмъ, что хорошо полируетъ ее; порядочно отполировать умѣетъ самый плохой подмастерье».

Вотъ какъ на Пушкинѣ Чернышевскій училъ беллетристовъ писать свои произведенія. Съ равнымъ блескомъ указаны имъ и другія условія художественности: кромѣ плана, нужна сжатость, ядро въ рассказѣ, единство произведенія и т. д. Касаясь Л. Н. Толстого, Чернышевскій высказываетъ оригинальную мысль о томъ, что «Дѣтство» и «Отрочество» могъ написать только человѣкъ, сохранившій первобытную чистоту души. Безъ непосредственной чистоты нравственныхъ чувствъ, нельзя написать нѣкоторыхъ произведеній, какъ бы ни былъ уменъ и талантливъ писатель. Такимъ образомъ, для извѣстнаго рода произведеній Чернышевскій признаетъ условіемъ художественности еще непритупленность и дѣломудренность чувствъ писателя. Указаніе это также не бесполезно въ литературномъ мірѣ, и уже, конечно, не Чернышевскій виноватъ въ томъ, что изъ нашихъ, такъ называемыхъ, «молодыхъ» беллетристовъ очень немногіе знакомы съ нимъ, никто не обдумываетъ плана произведеній и всѣ довольствуются безхарактерностью ихъ.

Въ книгѣ «Эстетика и поэзія», кромѣ статей объ Огаревѣ, Бенедиктовѣ, Щербинѣ, Плещеевѣ и Лессингѣ, помѣщены «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», представлявшія недавно библиографическую рѣдкость. Мысль Чернышевскаго заключается по самому выраженію въ томъ, что чѣмъ искусство точнѣ воспроизводитъ дѣйствительность, тѣмъ наше эстетическое чувство полнѣе удовлетворено. Но ни одно произведеніе искусства не лучше дѣйствительности: ни одинъ портретъ не даетъ намъ лицо живаго человѣка, ни одна картина не воспроизводитъ подлинный лѣсъ или море. «Искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни»; оно до вѣкоторой степени замѣняетъ намъ утраченное или отсутствующее въ дѣйствительности. Трактатъ Чернышевскаго объ эстетикѣ въ свое время объявленъ былъ униженіемъ искусства, которое должно улучшать дѣйствительность, содѣйствовать жизнерадостному настроенію человѣка и этимъ путемъ возвышать его. Но развѣ возможно это жизнерадостное настроеніе при соверченіи Рѣпинскихъ «бурлаковъ», Верещагинскихъ битвъ или «Казни стрѣльцовъ» Сурикова? Въ жизни такъ много грязнаго, зачѣмъ же искусственно вызывать ужасы въ отвратительныхъ образахъ? Картиной надо любоваться, а не глядѣть на нее для угрызения совѣсти; не только глядѣть, но и читать тяжело вульгарный натурализмъ въ произведеніяхъ художниковъ даннаго направленія. Приблизительно въ этихъ словахъ возражаютъ обыкновенно автору «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» за то, что предѣлы искусства онъ значительно расширилъ, не довольствуясь исключительно жизнерадостными явленіями. Между тѣмъ въ его трактатѣ мы не нашли ничего о рабскомъ копированіи вульгарнаго натурализма; напротивъ, авторъ высоко ставитъ настроеніе художника, черезъ которое онъ проводитъ интересы дѣйствительности, и только всюду настаиваетъ на болѣе широкомъ образованіи художниковъ и писателей, чтобы, по выраженію Бѣлинскаго, «черезъ ихъ произведенія можно было изучать и узнавать насъ, какъ народъ и какъ общество».

А. Фаресовъ.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1857 гг.). Изданіе А. Бригнера. Т. VII. Спб. 1892.

Седьмой томъ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина» начинается главою о путешествіи Панина въ Финляндію въ 1802 году (стр. 1—52), путешествія, ознаменованномъ эпизодомъ столкновенія Панина съ Густавомъ IV, королемъ шведскимъ: Густавъ, раздраженный на Панина за его анти-шведскую политику во время вицекамерлерства, велѣлъ ему выѣхать изъ Финляндіи, тогда входившую въ составъ Швеціи. Этотъ довольно странный поступокъ шведскаго короля, мстившаго русскому министру за его прежнія дѣйствія, совершенныя имъ въ качествѣ исполнителя повелѣній своего государя, вызвалъ обширную переписку. Интересно, что императоръ Александръ Павловичъ, назвавъ въ письмѣ къ Панину отъ 12-го іюня 1802 г. поступокъ короля шведскаго: «cet acte de violence», тѣмъ не менѣе, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ личныхъ отношеній къ графу, не придалъ ему особеннаго значенія, и эпизодъ высылки министра (Панинъ восилъ еще тогда этотъ титулъ) не повлекъ за собою никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Единственнымъ удовлетвореніемъ Панинъ могъ считать

приглашеніе на обѣдъ императоромъ Александромъ I, сказавшимъ ему за столомъ, что онъ обязанъ шведскому королю удовольствіемъ его видѣть,— замѣтимъ, въ послѣдній разъ въ жизни обоихъ трапезовавшихъ,—король же шведскій былъ очень доволенъ необычайною скромностью и уступчивостью Россіи, что не разъ выражалъ въ рескриптахъ къ барону Стединку. Вторая глава (стр. 53—87) посвящена путешествію графа Н. П. Панина по Европѣ и окончательной опалѣ его (1802—1804 гг.); здѣсь мы находимъ письмо князя А. Б. Куракина относительно учрежденія министерствъ (отъ 13-го сентября 1802 г.), любопытный отзывъ объ извѣстномъ Клингерѣ въ письмѣ неизвѣстнаго къ графу Панину изъ Регенсбурга отъ 1-го (13-го) іюля 1802 г. и пр.; здѣсь же встрѣчаемся съ типичною для того времени личностью, графомъ Антрэгомъ. Въ письмѣ къ князю А. Б. Куракину изъ Дрездена отъ 28-го августа (9-го сентября) 1802 г. графъ Панинъ пишетъ (пофранцузски, какъ и вся почти его переписка): «личное знакомство съ графомъ Антрэгомъ внушило мнѣ самое благопріятное мнѣніе объ его характерѣ, образѣ мыслей и обширныхъ его дарованіяхъ. Этотъ человекъ, безъ сомнѣнія, можетъ оказать величайшія услуги, и въ нашихъ интересахъ поощрять его въ этомъ направленіи при всякомъ удобномъ случаѣ». Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) сентября изъ Дрездена къ тому же лицу Панинъ возвращается къ Антрэгу и описываетъ свое свиданіе съ саксонскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Лоссомъ, съ которымъ онъ, по просьбѣ Антрэга, говорилъ о послѣднемъ. Лоссъ сообщилъ Панину, что французскій посольскій нѣсколько разъ выражалъ ему свое неудовольствіе по поводу пребыванія въ Дрезденѣ Антрэга, который былъ негоденъ первому консулу (*qui avoit manqué au premier consul*. А. Г. Брикнеръ въ выноскѣ говоритъ: «первый консулъ былъ недоволенъ Антрэгомъ, какъ роялистомъ»). Въ 1804 году,—замѣчаетъ далѣе г. Брикнеръ,—Наполеонъ «формально требовалъ отъ саксонскаго двора удаленія Антрэга»). Хотя саксонскій министръ отвѣчалъ, что Антрэгъ состоитъ въ русской службѣ, Панинъ «счелъ необходимымъ сообщить Лоссу истинныя причины ненависти перваго консула, передавъ ему довольно извѣстныя въ свое время подробности ареста г. Антрэга въ Триестѣ въ 1796 г. и того благороднаго образа дѣйствія, съ какимъ онъ отвергъ предложеніе покрыть его именемъ замыслы противъ Пишегрю и его партіи. Указать этотъ фактъ значило въ то же время дать самое точное и вѣрное опредѣленіе характера и возвышенныхъ поступковъ г. Антрэга». Въ виду всего вышесказаннаго, Панинъ проситъ Куракина, принявъ во вниманіе «настоящее положеніе г. Антрэга въ Саксоніи, состоящаго въ нашей службѣ неизвѣстно для чего, носящаго форму русскаго дипломата безъ опредѣленной миссіи, не имѣющаго никакого русскаго званія или чина», исходатайствовать высочайшій указъ о дарованіи ему чина (генеральскаго, намекаетъ Панинъ), о признаніи его русскимъ подданнымъ и о возложеніи на него, для отвлеченія «любопытныхъ и праздныхъ людей», какого нибудь порученія, хотя бы какого нибудь литературнаго труда (стр. 58). И вотъ тотъ же Антрэгъ, о которомъ Панинъ высказываетъ столь высокое мнѣніе и объ упроченіи положенія котораго онъ хлопочетъ, пишетъ изъ Дрездена же отъ 1-го (13-го) ноября 1804 г. къ князю Чарторыйскому длинное письмо (стр. 76—81), въ которомъ, со множествомъ оговорокъ о конфиденціальности сего письма и пр., излагаетъ якобы интриги Панина съ цѣлью занять самому мѣсто Чарторыйскаго! Такимъ образомъ

проницательность Панина была обманута, и Антрэгъ показалъ себя въ истинномъ свѣтѣ. Кто же былъ таковъ Антрэгъ, этотъ неофициальный агентъ Россіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ интересная книга г. Пинго, которою, къ сожалѣнію, А. Г. Брикнеръ не могъ еще воспользоваться при изданіи VII тома «Матеріаловъ» (Léonce Pingaud: Un agent secret sous la Revolution et l'Empire. Le comte d'Antraigues. Paris. 1893). Эмигрантъ съ февраля 1790 года, Антрэгъ является типомъ политическаго дѣльца французской эмиграціи, агентомъ во всевозможныхъ предпріятіяхъ, убѣгающимъ съ одного края Европы на другой передъ войсками Французской республики и имперіи; патентованный наемный дѣятель всѣхъ интригъ, онъ поочереди или даже совмѣстно служитъ французскимъ принцамъ, Испаніи, Неаполю, Россіи, Австріи, Англіи, никогда не имѣетъ менѣе двухъ господъ, которымъ служить и измѣняетъ одновременно, и кабинеты которыхъ онъ наводняетъ изумительнымъ количествомъ проектовъ, записокъ, брошюръ и пр. Арестованный по приказанію Наполеона въ 1797 году въ Триестѣ, онъ спасся тѣмъ, что въ собственноручной запискѣ, написанной имъ для Наполеона, выдалъ Пишегрю и его партію. Отвергнутый за эту измѣну Людовикомъ (XVIII), онъ поступаетъ въ службу Россіи, съ 1802 по 1804 г. живетъ въ Дрезденѣ, гдѣ завѣдуетъ чѣмъ-то въ родѣ неофициальнаго посольства, куда стекаются со всѣхъ концовъ Европы донесенія полицейскихъ добровольцевъ и подземной дипломатіи. Съ удивительною смѣлостью перехватываетъ онъ французскихъ, прусскихъ и австрійскихъ курьеровъ, покупаетъ или крадетъ депеши; тщетно курфюретъ саксонскій проситъ избавить его столицу отъ столь неприятнаго гостя. Официально во враждѣ съ австрійскимъ кабинетомъ, Антрэгъ часть своей добычи удѣлялъ Кобенцелю, передавая ему кое-что изъ своей перениски съ Чарторыйскимъ. За исключеніемъ этого небольшого вѣроломства, отъ котораго Антрэгъ не могъ совершенно отвыкнуть, онъ работаетъ для Петербурга, куда посылаетъ записки, сплетни, извлеченія изъ иностранныхъ депешъ, парижскія корреспонденціи. Сближеніе Александра I съ Наполеономъ лишило этого достойнаго дѣятеля заработка отъ Россіи, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Англію, гдѣ въ 1812 г. трагически погибъ вмѣстѣ съ женою, не менѣе извѣстною своими похождениями, актрисою-пѣвицею Saint-Huberty, подъ ножомъ своего лакея.

Уволенный высочайшимъ указомъ отъ 19-го января 1805 г. отъ всѣхъ дѣлъ, графъ Панинъ поселяется въ своей деревнѣ Душной, Смоленской губерніи. Послѣдовавшій вскорѣ эпизодъ избранія его (въ 1806 г.) начальникомъ милиціи Смоленской губерніи и неутвержденія его въ этой должности императоромъ Александромъ I (глава III, стр. 88—116) даетъ не лишній матеріалъ для характеристики настроенія дворянскаго общества въ то время. Въ главѣ IV («Письма и документы 1807—1814 г.», стр. 117—178) останавливаютъ вниманіе документы, относящіеся къ войнѣ 1812 года, записки Панина по этому поводу и пр.; особенный интересъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которые знакомятъ съ состояніемъ Россіи послѣ изгнанія непріятели, преимущественно Смоленской губерніи (такъ мы узнаемъ, что правительству предстояло доставить только въ названной губерніи прокормленіе и посѣвъ на двѣсти тысячъ душъ, и т. д.). Глава V («Дѣло Ростопчина 1813—1814 г.», стр. 179—221) даетъ интересный матеріалъ для характеристики личности знаменитаго московскаго главнокоман-

дующаго. Она начинается запискою графа Панина: «*Mes relations avec Rostoptchin*», повѣствующей о началѣ служебной карьеры Ростопчина, объ его службѣ при Павлѣ I и Александрѣ I и пр.; вся она состоитъ изъ переписки Панина и другихъ лицъ по поводу напечатаннаго въ журналѣ «*Journal des Bouches de l'Elbe*» (за 1812 г., № 185) письма графа Ростопчина къ графу С. Воронцову отъ 30-го іюня 1801 года. Это письмо и вообще вся переписка по поводу его очень характерны для личностей какъ Панина, такъ и Ростопчина, равно и политической атмосферы Европы въ 1812—1814 годахъ. Главы VI-я («*Бумаги, относящіяся къ опалѣ 1818—1826 гг.*», стр. 222—232) и VII-я («*Частная жизнь въ Душнѣ. Переписка съ графиней и съ дѣтьми. Путешествія за границу. Охота. Болѣзнь и смерть. 1816—1837*», стр. 233—314) имѣютъ почти исключительно отношеніе къ частной жизни графа Никиты Петровича, хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ небезынтересныя свѣдѣнія о молодости графа В. Н. Панина, извѣстнаго министра юстиціи въ царствованіи Николая I и Александра II, о запискахъ Порошина и пр. Въ послѣдней же главѣ мы находимъ едва ли не единственное произведеніе Панина, имѣющее, такъ сказать, литературный характеръ, именно его «*Pensées*», написанныя имъ собственноручно и посвященныя размышленіямъ о счастіи, о воспитаніи, о дворѣ и пр. Очень характерною чертою въ жизни Панина, этого неутомимаго труженика по письменной части (Антрюгъ въ упомянутомъ письмѣ Чарторыйскому приписываетъ ему «*la fureur (car c'est plus que le goût) du travail*»), являются журналы и записи, которые онъ велъ (по обыкновенію, на французскомъ языкѣ) объ охотѣ на медвѣдей, своемъ любимомъ спортѣ. Эти мемуары объ охотахъ, веденныя съ дипломатическою точностью, тоже могутъ найти свое мѣсто въ исторіи русскаго общества, какъ матеріалъ для описанія старо-русскаго, барскаго житія на почвѣ крѣпостничества.

Е. К—скій.

К. К. Казанскій. Вблизи Памировъ. (Путевыя впечатлѣнія). Съ картою. Ташкентъ. 1892.

Съ осени прошлаго года Памиръ, о которомъ русская публика очень мало доселѣ знала и которымъ совсѣмъ не интересовалась, вдругъ пріобрѣлъ въ ея глазахъ извѣстный интересъ и значеніе. Простой объѣздъ нашихъ владѣній на Памирѣ, договоръ, съ отрядомъ казаковъ, полковникомъ Ионовымъ, предпринятый имъ по распоряженію командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа генераль-лейтенанта барона Вревскаго, былъ раздуть англичанами въ цѣлое событіе, служилъ предметомъ оживленныхъ преній въ парламентѣ и создалъ собою особый «памирскій вопросъ», грозившій даже одно время различными осложненіями. Тревога вѣчно подозрительной Англіи насчетъ нашихъ завоевательныхъ стремленій въ Средней Азіи понемногу, однако, улеглась, газетная буря, поднятая противъ Россіи англійской прессой, стихла, и памирскій вопросъ потерялъ мало-помалу свой острый характеръ, оставивъ, тѣмъ не менѣе, по себѣ слѣдъ. Имъ стали заниматься, и Памиры начали служить предметомъ замѣтокъ, статей, этнографическихъ этюдовъ.

Къ такого именно рода произведеніямъ принадлежитъ небольшая брошюрка г. Казанскаго «Вблизи Памировъ». Въ ней описывается состояв-

шався въ прошломъ году поѣздка начальника Туркестанскаго края барона Вревскаго по нагорнымъ частямъ Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей, въ которой авторъ разсматриваемой книжки принималъ участіе въ качествѣ врача. Ближайшими цѣлями экспедиціи было, между прочимъ, изученіе Чоткальской долины въ отношеніи возможности ея эксплуатаціи и проложеніе по ней удобной дороги для сообщенія между долиной Чирчика, въ которой расположенъ городъ Ташкентъ, и Ферганой, подробное изслѣдованіе пути изъ Ферганы въ Кашгарію и ознакомленіе съ Алайской долиной. Эта послѣдняя, главнымъ образомъ, и сосредоточивала на себѣ все вниманіе экспедиціи еще и потому, что тамъ, за Алайскимъ хребтомъ, ходилъ въ это самое время дозоромъ русскій отрядъ съ вышеупомянутымъ полковникомъ Ионовымъ во главѣ.

Въ живомъ, безыскусственномъ, полномъ интереса разказѣ авторъ передаетъ намъ о сказанной поѣздкѣ начальника края, подробно говоря о всякомъ городкѣ, мѣстечкѣ, селеніи или урочищѣ, на которомъ лежалъ путь экспедиціоннаго отряда и которые, по той или другой причинѣ, заслуживаютъ вниманія.

Долго неприходившія извѣстія отъ памирскаго отряда и продолжительное отсутствіе посланнаго на развѣдки о немъ офицера очень тревожили командующаго войсками. Въ урочищѣ Гуръ-гуръ, на рѣкѣ Кашка-су, къ отряду барона Вревскаго присоединился, наконецъ, давно съ нетерпѣніемъ ожидаемый развѣдчикъ и привезъ хорошія новости о благополучномъ исходѣ трудной задачи, возложенной начальствомъ на полковника Инова.

Здѣсь впервые стало извѣстно о встрѣчѣ полковника Инова, въ Бозайи-Гумбевѣ, по Ваханъ-дарьѣ, съ англійскимъ капитаномъ Юнгесбендомъ, — встрѣчѣ, которая надѣлала потомъ столько шуму и породила столько ложныхъ слуховъ.

Въ Дараутъ-курганѣ командующимъ войсками было рѣшено дожидаться присоединенія памирскаго отряда, но, продневавъ тамъ двое сутокъ и не дождавшись за это время отъ полковника Инова никакихъ извѣстій, баронъ Вревскій рѣшилъ двинуться далѣе, отказавшись отъ первоначальнаго намѣренія, лично осмотрѣть возвращающихся съ Памира охотниковъ. 21-го августа отрядъ командующаго войсками двинулся далѣе, по Дара-ут-Исфайрамскому ущелью, на Маргеланъ, куда прибылъ 26-го числа и откуда, день спустя, вышелъ обратно въ Ташкентъ.

Послѣднія страницы брошюры посвящены описанію интересной маленькой области Кунджуть, на южномъ склонѣ Гиндукуша, номинально принадлежащей Китаю, но фактически до настоящаго времени отстаивающей свою независимость.

Къ брошюркѣ приложена старательно составленная карта маршрута экспедиціоннаго отряда барона Вревскаго.

С. У—цъ.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ второй. Москва. 1893.

Второй томъ труда г. Шенрока подраздѣляется на слѣдующія главы:

- 1) «Н. В. Гоголь въ періодъ «Арабесокъ» и «Миргорода» (1832—1835)»
- 2) «Н. В. Гоголь какъ историкъ и педагогъ» и 3) «Драматическія произведе-

денія Гоголя». Кроме того, приложена статья: «По поводу брошюры г. Витберга «Н. В. Гоголь и его новый биограф».

Положительная сторона труда г. Шенрока главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не становится на колѣни передъ предметомъ своего изслѣдованія и прежде всего стремится къ объективности, не смотря на «бережное и осторожное отношеніе ко всѣмъ людямъ», о которыхъ ему приходится говорить въ своей книгѣ. У насъ крайне развита щепетильность при разработкѣ фактовъ историческаго характера, и причина этому отнюдь не въ глубокомъ уваженіи къ знаменитому человѣку, а просто въ непониманіи задачъ исторіи и значенія великихъ людей. Открытіе какихъ либо несимпатичныхъ чертъ въ характерѣ Гоголя не умалитъ его литературной славы; между тѣмъ разборъ фактовъ его жизни служить не удовлетворенію правднаго любопытства, а цѣлому ряду научныхъ первостепенной важности вопросовъ: психологіи великихъ людей, психологіи великихъ произведеній, психологіи творчества, взаимному соотношенію между писателемъ и его произведеніями и т. д. Слова Гончарова, приводимыя г. Шенрокомъ, что для изученія художника достаточно его твореній, глубоко ошибочны. Великій человѣкъ по смерти не принадлежитъ себѣ, а всецѣло суду исторіи. Въ противномъ случаѣ, нужно или уничтожить исторію, или, по крайней мѣрѣ, вычеркнуть изъ нея личность.

Въ основаніе своей оцѣнки личности Гоголя за указанный періодъ г. Шенрокъ положилъ вѣрный и безпристрастный взглядъ П. В. Анненкова. «Съ 1830 по 1836 годъ, то-есть вплоть до отъѣзда за границу,—говоритъ послѣдній,—Гоголь былъ занятъ исключительно одною мыслью—открытъ себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности онъ всегда и вездѣ тѣсенъ для начинающаго». Изъ писемъ Гоголя къ его матери видно, какъ льстило его самолюбію, что онъ достигъ, наконецъ, исполненія своей мечты послѣ крупныхъ житейскихъ передрыгъ. Самолюбіе его, иногда очень мелочное, выступаетъ на каждомъ шагѣ. «Мнѣ любо, что не я, а моего ищутъ знакомства»,—пишетъ онъ, и это обстоятельство заставляетъ его постоянно напоминать матери о своемъ внезапно выросшемъ значеніи. Все это иллюстрировано г. Шенрокомъ какъ выдержками изъ писемъ самого Гоголя, такъ и свидѣтельствами его современниковъ. Говоря о педагогической и профессорской дѣятельности писателя, г. Шенрокъ отнесся къ Гоголю вполне справедливо, видя тутъ одно легкомысліе и желаніе поправить свои обстоятельства. Въ послѣднее время явилась напрасная попытка облить эту сторону дѣятельности Гоголя и выставить его положительное значеніе, какъ педагога и ученаго. Уже самый взглядъ Гоголя на науку исключаетъ возможность ожидать отъ него чего либо серьезнаго на этомъ поприщѣ, да и въ собственномъ его отношеніи къ этой своей дѣятельности проскальзываетъ цинизмъ. Въ третьей главѣ своего изслѣдованія г. Шенрокъ разсматриваетъ исторію созданія драматическихъ произведеній Гоголя. Автора занимаетъ преимущественно внѣшній ходъ работы; онъ старательно изучилъ черновые наброски Гоголя и тщательно анализировалъ какъ возникновеніе самыхъ произведеній, такъ и отдѣльныхъ типовъ Гоголевскихъ комедій.

Заключается изслѣдованіе, какъ мы уже отмѣтили, полемикой съ г. Витбергомъ. Этой полемикѣ посвящено не только особое приложение, но и цѣлая глава въ текстѣ, нѣкоторая часть предисловія и цѣлый рядъ примѣчаній, разсѣянныхъ по всей книгѣ. Все это направлено къ тому, чтобы показать

несправедливость и ничтожность замѣчаній г. Витберга; но если они такъ маловажны, то для чего же удѣлять имъ такъ много вниманія и мѣста? Теперь же получается такое впечатлѣнiе, какъ будто настоящій томъ писанъ специально для г. Витберга, а не для публики. А вопросы-то, поднятые полемикой, самаго микроскопическаго свойства и совершенно не заслуживаютъ того азарта и невольности въ выраженiяхъ, какiе обнаружили оба противника. Однимъ изъ пунктовъ полемики является, напримѣръ, заглавiе настоящей книги. Какъ ни мелоченъ этотъ вопросъ, но несомнѣнно г. Шенрокъ правъ, удержавъ за ней названiе «материаловъ». «Биографiя» Гоголя должна быть художественной; трудъ же г. Шенрока, при всѣхъ его достоинствахъ, страдаетъ прежде всего тяжеловѣсностью слога и иногда крайнею туманностью выраженiй; притомъ, по своей задачѣ, ему приходится часто уклоняться отъ прямой своей цѣли, сводить счеты съ источниками, проверять достовѣрность различныхъ показанiй и т. д. М. М.

Материалы для исторiи женскаго образованiя въ Россiи (1796—1828). Время императрицы Марiи Ѳеодоровны. Е. Лихачевой. Спб. 1893.

Въ 1890 году вышла книга г-жи Лихачевой «Материалы для исторiи женскаго образованiя въ Россiи», въ которой авторъ излагаетъ очеркъ воспитанiя русской женщины съ 1086 года (когда, по свидѣтельству Татищева, было основано первое женское училище въ Кiевѣ княжною-инокинею Анной Всеволодовною) до 1796 года, то-есть до смерти Екатерины II, положившей прочное основанiе среднему женскому образованiю. Книга, заглавiе которой выписано нами, является такимъ образомъ продолженiемъ первой и обнимаетъ время императрицы Марiи Ѳеодоровны, управлявшей женскими учебными заведенiями съ 1796 года до конца своей жизни. О достоинствахъ сочиненiя г-жи Лихачевой мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» по поводу первой его части: подъ скромнымъ заглавiемъ «Материаловъ» талантливый авторъ даетъ обстоятельно написанную исторiю женскаго образованiя въ нашемъ отечествѣ.

На другой же день послѣ указа императора Павла (12-го ноября 1796 г.), которымъ Марiя Ѳеодоровна назначалась «начальствовать надъ Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ», она выразила ему свое сочувствiе, приславъ совѣту увѣдомленiе о томъ, что она «жалуетъ черезъ сiе Обществу благородныхъ дѣвицъ по 15-ти тысячъ рублей ежегодно»... Вслѣдъ затѣмъ она приступила къ личному, непосредственному завѣдыванiю дѣлами Общества. «Она не только сама вошла въ мельчайшiя подробности хозяйства, но пригласила къ тому и великихъ княженъ, поручивъ каждой изъ нихъ завѣдыванiе разными частями классовъ, о состоянiи которыхъ онѣ должны были представлять ей «рапорты». Въ первые мѣсяцы не проходило дня, чтобы совѣтъ не получалъ отъ императрицы повелѣнiя, а иногда ихъ бывало и по нѣскольку въ день. Въ нихъ она входила во всѣ мелочи хозяйства; по ея распоряженiю, никто изъ служащихъ въ Обществѣ не могъ быть принятъ или уволенъ безъ ея вѣдома и позволенiя; она приказала, чтобы съ поставщиками были заключены новые контракты на болѣе выгодныхъ условiяхъ... Повелѣнiя императрицы касались такихъ даже мелочей, какъ открыванiе форточекъ въ спальняхъ воспитанницъ, исправленiе матрацовъ, замѣны ве-

ревочныхъ переплетовъ въ кроватяхъ досками, замѣны въ лазаретахъ каменныхъ половъ деревянными, отдѣленія больничнаго бѣлья и всѣхъ лазаретныхъ принадлежностей отъ бѣлья и принадлежностей здоровыхъ воспитанницъ и т. п....

Не меньшее вниманіе обратила она и на учебно-воспитательную часть: заботилась о выборѣ надзирательницъ, классныхъ дамъ и учителей, измѣнила пріемный возрастъ дѣтей, составила новый планъ обученія и проч. Словомъ, императрица касалась рѣшительно всего, что имѣло хотя малѣйшее отношеніе къ жизни институтокъ, начиная съ программъ преподаванія и кончая свалкой снѣга и истребленіемъ таракановъ... «Надо удивляться,—замѣчаетъ авторъ,—какъ при условіяхъ своего положенія императрица находила возможнымъ, въ буквальномъ почти смыслѣ слова, лично управлять многочисленными, вѣрными ей учебными и благотворительными заведеніями. Въ этомъ она являетъ собою единственный примѣръ, ибо никогда и нигдѣ во всемъ мірѣ ничего подобнаго не было».

Какими же возрѣніями на женское образованіе руководилась въ этомъ дѣлѣ Марія Ѳеодоровна? Общество благородныхъ дѣвицъ, съ мѣщанскимъ при немъ училищемъ, было основано Екатериною II. Задача великой государыни и ея ближайшаго сотрудника Бецкаго, при учрежденіи общества и другихъ подобныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, состояла въ томъ, чтобы произвести «новую породу», перевоспитать русское общество и даже весь народъ... Императрица Марія, по самому складу своего ума, не могла задаваться столь широкими цѣлями. Въ этомъ отношеніи она представляла совершенную противоположность Екатеринѣ. Зато она обладала качествами, отсутствовавшими у послѣдней; ея отличительными чертами были: «добро-совестное вниканіе въ мельчайшія подробности даннаго дѣла, аккуратность, любовь и способность къ водворенію во всемъ порядка и экономія, привычка къ личному, неустанному труду. Не задаваясь широкими планами, она, въ предѣлахъ прямой, ближайшей цѣли того дѣла, которое брала на себя, была въ высшей степени способна обезпечить ему успѣхъ». При ней воспитаніе русской женщины было поставлено на практическую почву и «въ прямомъ, тѣсномъ смыслѣ отъ этого выиграло», но государственныя, общественныя цѣли, поставленныя ему Екатериною, были оставлены и замѣнены цѣлями сословными и благотворительными. Марія Ѳеодоровна особенно настаиваетъ на томъ, чтобы принимаемыя въ общество дѣвочки «были изъ родовъ дворянскихъ въ самомъ существѣ, а не по одному токмо чину родителей, ибо главный предметъ при учрежденіи сего общества состоялъ въ томъ, чтобы доставить настоящему бѣдному россійскому дворянству способы къ воспитанію дѣтей своихъ и къ облегченію чрезъ то своего состоянія». Она придавала большое значеніе самому точному распредѣленію воспитанницъ по чинамъ ихъ отцовъ и строго слѣдила за тѣмъ, чтобы на благородную, напримѣръ, половину воспитательнаго общества не попала какъ нибудь недворянка или дворянка не поступила въ заведеніе, не соответствующее званію и положенію своихъ родителей. Какъ извѣстно, питомцы воспитательныхъ домовъ, по мысли автора «Наказа», предназначались для образованія третьяго сословія. Теперь эта цѣль «не соответствуетъ уже болѣе видамъ правительства». Въ докладѣ императрицы Маріи государю (1797 г.) говорится, что въ воспитательныхъ домахъ дѣти «отнынѣ будутъ воспитываться единственно съ цѣлью образовать изъ нихъ ремесленниковъ, полезныхъ государству».

Число женскихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ по образцу «Воспитательнаго общества», за время управленія ими Маріи Ѳеодоровны значительно возросло; тогда были основаны: Сиротское училище (Маріинскій институтъ), Дѣвичье училище военно-сиротскаго дома (Павловскій институтъ), училища ордена св. Екатерины въ Петербургѣ и въ Москвѣ и др. Въ то же время возникли институты и въ провинціи (въ Полтавѣ, Харьковѣ, Одессѣ). Слѣдя вмѣстѣ съ авторомъ за исторіей возникновенія этихъ учебныхъ заведеній и существованія ихъ въ данный періодъ, мы видимъ, что всѣ основанныя Маріей Ѳеодоровной или принятыя ею подъ свое покровительство учрежденія пользовались очень хорошими матеріальными средствами. За 32 года ея управленія было выдано имъ изъ казны одновременно 1.653.616 рублей ассигнаціями и выдавалось ежегодно по 537.064 рублей, включая сюда 140.000 рублей ассигнаціями, назначенные императоромъ Александромъ въ 1816 году къ ежегодной выдачѣ на прибавку жалованья и пенсій начальствующимъ лицамъ всѣхъ пяти учебныхъ заведеній. Пожертвованій частныхъ лицъ было около 630.956 рублей, а съ присоединеніемъ капитала императрицы Елисаветы Алексѣевны—739.241 рубль. Кромѣ того, 180.000 рублей были пожертвованы самой императрицѣ Маріи въ пользу ея учреждений и ею распределены между женскими учебными заведеніями. Пожертвованныя самою Марією Ѳеодоровною суммы, включая сюда и капиталы, завѣщанныя ею по духовному завѣщанію, составляютъ болѣе двухъ милліоновъ рублей, не считая такъ называемаго кассетнаго капитала. Кромѣ того, императрица давала изъ своихъ средствъ, различными на каждое изъ пяти столичныхъ заведеній суммами, въ общей сложности до 50.000 рублей въ годъ, не считая платы за содержаніе ея пенсіонерокъ.

И, не смотря на все это, результаты 32-хъ-лѣтней дѣятельности императрицы Маріи на поприщѣ женскаго образованія какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи были незначительны. Въ годъ ея смерти число дѣвочекъ, учившихся въ заведеніяхъ ея вѣдомства и въ другихъ школахъ (въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, частныхъ пансіонахъ и въ школахъ взаимнаго обученія), не превышало 12.000,—цифра, по отношенію къ народонаселенію имперіи (около 50,6 милліоновъ) совсѣмъ ничтожная.

Что касается образованія, дававшася въ институтахъ, то оно теперь уже не имѣло характера подготовительнаго къ будущему самообразованію воспитаницъ, какъ это было при Екатеринѣ, а считалось «совершенно законченнымъ». Тѣмъ не менѣе оно было поставлено очень неудовлетворительно. Начальницами институтовъ, которымъ было предоставлено право рѣшающаго голоса въ подробностяхъ учебнаго дѣла, назначались болѣею частью иностранки; отъ нихъ не требовалось иного образованія, кромѣ умѣнья говорить на иностранныхъ языкахъ, хотя бы даже на одномъ французскомъ. Понятно, что онѣ не стояли на высотѣ своего призванія и преслѣдовали такія, напримѣръ, цѣли, какъ разучиваніе воспитаницъ въ русскомъ языкѣ. «Надѣюсь, — писала одна изъ нихъ, — что въ будущемъ году мнѣ удастся совершенно искоренить въ нихъ дурную привычку говорить между собою порусски, и что я буду имѣть удовольствіе слышать ихъ говорящими пофранцузски». Но и французскій языкъ, считавшійся главнымъ предметомъ преподаванія, усваивался воспитанницами на столько слабо, что онѣ писали на немъ съ ошибками. Нечего уже говорить о такихъ предметахъ, какъ физика, геометрія, изъ которыхъ сообщались кое-какіе обрывки,

и то вѣдко на одномъ изъ иностранныхъ языковъ... Вообще, при обученіи институтокъ, не обращалось никакого вниманія на основательность знаній, на развитіе ихъ ума; заботились только о томъ, чтобы,—какъ говоритъ профессоръ Никитенко,—дѣвицы умѣли «проболтать на (публичномъ) экзаменѣ нѣсколько выученныхъ наизусть» фразъ изъ каждаго предмета. Та же вѣшняя, показная сторона имѣлась въ виду и при воспитаніи дѣвочекъ. Танцы, манеры стояли на первомъ планѣ. Затѣмъ слѣдовало пріученіе воспитанницъ къ жизни сообразно ихъ общественному положенію, причемъ ихъ обязанности, какъ будущихъ женъ и матерей, представлялись имъ съ крайне извращенной точки зрѣнія. Такъ, онѣ обязаны были читать книгу «Отечскіе совѣты моей дочери», Кампе, гдѣ прямо рекомендовалось обманывать мужа «наружною маской почтенія». Невѣжественныя воспитательницы доводили эту систему до крайности и положительно развращали дѣтей. Когда, во время возмущенія 14-го декабря, въ Патріотическомъ институтѣ была слышна пальба изъ орудій, начальница говорила институткамъ: «Это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый главный и тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите пофранцузски и точно кухарки болтаете порусски»...

М. С—скій.

Всеобщая исторія литературы. Выпуски XVIII и XXVIII. Обзоръ литературы XIX столѣтія (окончаніе). Спб. 1892.

Съ концомъ прошлаго года пришло къ концу изданіе, первые выпуски котораго появились въ 1880 году; стало быть, тянулось оно тринадцать лѣтъ, а не двѣнадцать, какъ говоритъ редакторъ, смотрящій на свой трудъ «не черезъ розовое стекло», какъ онъ самъ выражается. Въ короткой замѣткѣ, помѣщенной на оберткѣ послѣдняго выпуска, онъ откровенно сознается въ «промахахъ и недочетахъ» книги, хотя и находитъ ихъ «неизбѣжными и несправимыми». Но если мелкіе промахи неизбежны во всякомъ дѣлѣ, то плохъ тотъ трудъ, который нельзя исправить, а изданіе г. Риккера вовсе не принадлежитъ къ числу такихъ трудовъ, и чтобы сдѣлать его вполнѣ удовлетворительнымъ, слѣдовало только пополнить и расширить планъ, что было удобно сдѣлать при перемѣнѣ редакціи, по смерти В. Корша. Этого-то новаго измѣненія, однако, не было сдѣлано, и новый редакторъ хотя и принужденъ былъ силою обстоятельствъ значительно увеличить объемъ изданія и вмѣсто трехъ томовъ составить четыре (отчего и первоначальная цѣна его 12 рублей поднялась почти до 30-ти), но отнесся слишкомъ снисходительно къ первоначальной, ошибочной и неполной программѣ сборника. Онъ называетъ идею его «прекрасною и вполнѣ достойною В. Корша, честнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ русскихъ литераторовъ славной памяти шестидесятыхъ годовъ», хотя въ идеѣ, въ намѣреніи составить исторію литературы, не было ничего новаго и особенно прекраснаго, а самъ Коршъ, хоть и дѣйствительно человѣкъ образованный (упоминаніе о честности тутъ вовсе излишнее), менѣе другихъ былъ способенъ къ такому труду, требующему въ исполненіи точности и строгой методичности, несвойственныхъ его характеру. Съ перваго же выпуска Коршъ самъ нарушилъ планъ своего изданія, помѣстивъ двѣ обширныя статьи о языкѣ вообще и о письменности, относящіяся къ лингвистикѣ и филологіи, а не къ литературѣ. Отъ этого очеркъ индѣйской литературы покойнаго

Минаева явился въ такомъ сжатомъ и укороченномъ видѣ, что занялъ только 40 страницъ. Очевидно, было немислимо вмѣстить въ остальные пять выпусковъ перваго тома всю литературу Востока, Греціи и Рима, какъ немислимо было вмѣстить во второй томъ всѣ средніе вѣка, арабовъ и евреевъ, а въ третій—всѣ новыя времена, славянскія племена и опять таки «еврейскую литературу послѣднихъ столѣтій». Отъ этого избытка еврейства мы были, по крайней мѣрѣ, избавлены новой редакціею: разросшись въ четыре тома, исторія, въ двухъ послѣднихъ не упоминаетъ, по счастью, ни слова о евреяхъ. Но не упоминаетъ она также, къ сожалѣнію, и о славянской литературѣ въ очеркѣ исторіи произведеній XIX вѣка. И это тѣмъ страннѣе, что здѣсь говорится и о Скандинавіи и Голландіи, о Венгрии и Финляндіи, даже о Румыніи, а о Россіи—ни слова, также какъ и о другихъ славянскихъ земляхъ. А между тѣмъ, къ исторіи новѣйшаго времени прибавленъ еще очеркъ англійской, нѣмецкой и французской литературѣ за послѣднія десятилѣтія, очеркъ такой же неполный и сжатый, какъ все, что говорится о нашемъ столѣтіи, но, всетаки, дающій объ немъ хоть поверхностное понятіе. Редакторъ самъ сознается въ неполнотѣ и незаконченности этого отдѣла, но оправдываетъ это тѣмъ, что, торопяся окончаніемъ и берегая мѣсто, не могъ поручить специалистамъ обработку отдѣльныхъ главъ. Въ какой степени эти оправданія уважительны, можетъ рѣшить публика, ждавшая 13 лѣтъ окончанія труда, завершеніе котораго рассчитывалось сначала въ три года. Что это было возможно, доказывается тѣмъ, что въ первый годъ Коршъ издалъ 7 выпусковъ въ 1120 страницъ и въ 1882 году довелъ ихъ до 15-ти, до половины среднихъ вѣсковъ, раздѣливъ только первый томъ на двѣ части и убѣдись, что въ задуманномъ имъ объемѣ исторія не можетъ умѣститься въ 18-ти выпускахъ. Затѣмъ два года сборникъ не выходилъ вовсе, и издатель напечаталъ въ 1885 году четыре выпуска, затянувъ остальные восемь—на семь лѣтъ. А между тѣмъ въ сборникѣ работали девятнадцать сотрудниковъ. Конечно, надо было благодарить и за то, что г. Риккеръ окончилъ изданіе, но вѣдь нашелъ возможность покойный Вольфъ въ пять лѣтъ издать исторію всемірной литературы, въ не меньшемъ размѣрѣ и большемъ форматѣ, составленную только однимъ писателемъ, также въ четырехъ томахъ. Статьи Риккеровскаго сборника, подписанныя извѣстными въ литературѣ именами, лучше обработаны и самостоятельнѣе Вольфовской компіляціи, но нельзя сказать, чтобы были полнѣе и систематичнѣе. Мы не понимаемъ также, какія «препятствія, преодолимая для насъ по крайней мѣрѣ, какъ въ сущности дѣла, такъ и во многихъ побочныхъ, но важныхъ обстоятельствахъ», могъ встрѣтить редакторъ, прибавляя, что перечислить эти препятствія «было бы и долго и малополезно».

Что касается до оцѣнки послѣднихъ литературныхъ явленій трехъ передовыхъ странъ, редакція, «истощивъ терпѣніе издателя и публики, должна была сжать изложенное до послѣдней возможности и даже дальше нея», и ограничивается поэтому «только замѣтками о тѣхъ произведеніяхъ, которыя имѣли непосредственное вліяніе на массу (?) русской интеллигенціи». Но неужели на эту интеллигенцію больше имѣли вліяніе какіе нибудь Лоти и Оне, чѣмъ Тэнъ или Ренавъ, о которыхъ ничего не говорится, въ то время, когда перечисляются плохіе романы по переводамъ «Сѣвернаго Вѣстника». Такихъ странностей не мало въ послѣднихъ томахъ сборника, но перечислять было бы тоже долго и малополезно. Съ оцѣнкою многихъ новѣйшихъ

писателей, каковы: Флоберъ, Гюго, Бальзакъ, Жоржъ Зандъ (а не Сандъ какъ пишетъ авторъ), Шпильгагенъ, Фрейтагъ, Бичеръ Стоу, Теннисонъ и др., вполне согласиться нельзя. Мелкихъ пропусковъ также много. Такъ замѣтивъ вѣрно, что Мопассанъ въ изслѣдованіи психологическихъ явленій выше Золя, авторъ ни слова не говоритъ о его помѣшательствѣ. Но, не смотря на это, въ сборникѣ такъ много замѣчательныхъ статей, очерковъ отдѣльныхъ періодовъ творчества у всѣхъ народовъ, столько новыхъ данныхъ и любопытныхъ подробностей, что «Всеобщая исторія литературы» не смотря на отсутствіе въ ней полноты и системы, всетаки, заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго образованнаго читателя и даетъ богатый матеріалъ для изученія и знакомства съ лучшими произведеніями всѣхъ вѣковъ и народовъ.

В. З.

Георга Вебера. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и законченнаго послѣ смерти автора докторомъ Фридр. Веберомъ. Томъ пятнадцатый. Часть вторая. Съ портретомъ автора. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893.

Окончено обширное издательское предпріятіе г. Солдатенкова, начавшееся 8 лѣтъ назадъ, окончено вполне благополучно, и теперь русская публика имѣетъ обширный, добросовѣстно, по всѣмъ новѣйшимъ пособіямъ составленный, съ педагогической ясностью и полнѣйшей объективностью изложенный курсъ всеобщей исторіи. Любопытное совпаденіе: какъ смерть автора (10-го авг. 1888 г.) не помѣшала окончить изданія нѣмецкаго оригинала, такъ смерть даровитаго переводчика не помѣшала окончанію русскаго перевода, и послѣдніе томы и полутомы переведены не хуже первыхъ; не достаетъ только оригинальныхъ «введеній», которыя, впрочемъ, къ книгѣ Вебера почти не имѣли отношенія...

Настоящій полутомъ излагаетъ событія отъ начала второй имперіи во Франціи до восстановленія монархіи въ Испаніи включительно, стало быть обнимаетъ Крымскую войну, основаніе Итальянскаго королевства, войну въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, австро-прусску войну, франко-прусску войну и, наконецъ, войну восточную. Все это, или почти все, съ гораздо большей красотой, рельефностью и вообще съ большимъ талантомъ изложено, на примѣръ, въ 3-мъ томѣ у Файфа, котораго издалъ два года назадъ тотъ же г. Солдатенковъ. Но ни Макъ-Карти, ни Файфъ, и ничто подобное, не можетъ замѣнить Георга Вебера, равно съ другой стороны и Георгъ Веберъ не можетъ сдѣлать излишнимъ Файфа и др. Дѣло въ томъ, что Файфъ и пр., исходя изъ предвзятой точки зрѣнія, подбираютъ къ ней факты, долго останавливаются на тѣхъ, которые подходятъ къ ней, и отбрасываютъ другіе, не подходящіе или противорѣчающіе, даютъ прекрасныя книги для чтенія и даже для изученія, но послѣднее—подъ условіемъ или подчиниться мировоззрѣнію автора, или провѣрить его черезъ изученіе источниковъ и другихъ пособій. Они даютъ блестящія и живыя характеристики дѣятелей, указываютъ руководящія идеи событій, но съ личной точки зрѣнія умнаго автора. У Георга Вебера своихъ взглядовъ мало, да и тѣ, какіе есть, онъ въ работѣ надъ своимъ огромнымъ курсомъ прячетъ, какъ можно дальше; критерій для внесенія факта у него только одинъ—степень его важности;

пониманіе явленія—наиболѣе обще признанное и оправданное ближайшимъ послѣдующимъ. Оттого характеристики его крайне блѣдны, идеи до крайности не оригинальны; но зато онъ даетъ огромное количество фактовъ, наложенныхъ съ идеальной объективностью честнаго протоколиста.

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Поэтому читать Вебера подъ рядъ ужасно тяжело; но зато для справокъ это книга драгоценная, не имѣющая себѣ подобной, и фактовъ заключается въ ней больше, нежели въ иной исторической библиотекѣ въ тысячу томовъ.

Въ лежащемъ передъ нами полutomѣ для достиженія возможной объективности Георгу Веберу понадобился педагогическій талантъ въ болѣе высокой степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было: приходилось говорить о франко-прусской войнѣ, о Наполеонѣ III, о Бисмаркѣ и пр. И талантъ оказался огромный, почти невозможный для француза, англичанина, русскаго: такимъ же дѣловымъ, спокойнымъ и сухимъ тономъ говорятъ Веберъ о Сольферино и Седанѣ, какимъ говорилъ о битвѣ при Кресси; также спокойно излагаетъ онъ условія Версальскаго мира, какъ излагалъ условія Вестфальскаго. Изумительное самообладаніе!

Другое великое достоинство Георга Вебера, тоже истекающее изъ его педагогическаго таланта,—сжатость изложенія, также проявляемая здѣсь съ болѣею рельефностью, нежели въ прежнихъ томахъ. Вся Крымская война, напримѣръ, со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ, занимаетъ у него 20 страницъ (27—47), и на этихъ 20 страницахъ онъ сумѣлъ сказать обо всѣхъ главныхъ перипетіяхъ ея, какъ дипломатическихъ, такъ и военныхъ. Та же Крымская война у Анри Мартена (*Henri Martin Histoire de France depuis 1789 etc. t. VI*), историка, далеко не страдающаго многословіемъ, изложена только съ точки зрѣнія событій французскихъ, занимаетъ 60 страницъ.

Къ сожалѣнію, работая почти исключительно по нѣмецкимъ пособіямъ, Веберъ какъ въ изложеніи этой войны, такъ и въ особенности въ разсказѣ о послѣдней восточной войнѣ (стр. 610 и слѣд.) допустилъ не мало неточностей и даже якобы тенденціозныхъ искаженій; говоримъ: якобы, такъ какъ тенденціозность принадлежитъ, конечно, не автору, а его источникамъ. Такъ, напримѣръ, съ первыхъ же строкъ изложенія войны Россіи съ Турціей мы читаемъ, что Александръ II находился при арміи «только для того, чтобъ своимъ присутствіемъ поддерживать въ ней воинственный пылъ. Онъ поселился въ Плойести (чит. Плошти). Аксаковъ объявилъ въ «Московск. Вѣд.», что русское знамя уже развѣвается по ту сторону русской границы для того, чтобъ возвратить свободу... русскимъ единоувѣрцамъ» и т. д. (довольно длинный рядъ промаховъ и искаженій указанъ въ «Новомъ Времени» въ статьѣ: *Se qu'on appelle histoire*, № 6096). Напрасно г. Невѣдомскій не снабдилъ этихъ и подобныхъ мѣстъ подстрочными примѣчаніями, какъ онъ это сдѣлалъ при изданіи перевода Гиббона, и напрасно онъ не замѣнилъ нѣмецкой орфографіи географическихъ именъ Балканскаго полуострова русскими (о замѣнѣ этихъ отдѣловъ статьями, ad hoc составленными, по нашему мнѣнію, нечего и думать: во-первыхъ, читатель желаетъ имѣть Вебера, а не сборникъ статей, а во-вторыхъ, въ такомъ случаѣ издателю при-
«истор. вѣстн.», май, 1893 г., т. III.

шлось бы отложить печатаніе этого полутома, по крайней мѣрѣ, на годъ: кому неизвѣстно, какъ наши спеціалисты туго на подъемъ и какъ неохотно вгоняютъ они себя въ опредѣленные рамки?).

Относительно сжатости Вебера всего характернѣе «заключительныя замѣчанія» въ настоящемъ томѣ: всеобщая исторія въ двѣнадцать слишкомъ тысячъ страницъ вызываетъ заключительныя замѣчанія ровно въ двѣ съ половиною страницы! Мы не знаемъ, кому принадлежать эти «замѣчанія»: престарѣлому автору или молодому редактору. Въ первомъ случаѣ чрезвычайно отрадное явленіе представляетъ такой юношески свѣтлый взглядъ на настоящее и будущее человѣчества со стороны 80-тилѣтняго старика. На стр. 727 мы читаемъ:

«Только тотъ, кто смотритъ съ закрытыми глазами на освѣщенный солнечными лучами міръ, можетъ не замѣтить, что человѣчество поднимается смѣлыми и мощными шагами на ту высоту, гдѣ царятъ боги земнаго счастья».

Конечно, для Вебера всего ближе къ этимъ богамъ его отечество.

«Самыхъ большихъ успѣховъ достигла нѣмецкая нація; ея члены, такъ долго бывшіе разрозненными, снова соединились въ одно цѣлое,—въ могущественную имперію, для которой будетъ служить самой важной задачей охрана европейскаго мира».

Его бы устами да медъ пить!

Во всемъ существующемъ порядкѣ благоустройства и свободы Веберъ находитъ только одно темное пятно, а именно, что четвертое сословіе пользуется этой свободой для того, «чтобы стремиться къ введенію социаль-демократическихъ государственныхъ учреждений, которыя уничтожили бы существующую культуру, а индивидуальную свободу подчинили бы гнету рабочихъ союзовъ». Но онъ убѣжденъ, что средніе классы «окажутся достаточно сильными для того, чтобы держать эти буйныя элементарныя силы въ легальныхъ рамкахъ государственнаго и общественнаго порядка и охранять цивилизацію отъ разрушительныхъ революціонныхъ стремленій» (728).

При настоящемъ полутомѣ имѣется указатель именъ не особенно, впрочемъ, полный.

Портретъ Георга Вебера вышелъ очень удачнымъ.

Было бы желательно, чтобы фирма К. Т. Солдатенкова, по окончаніи этого грандіознаго предпріятія, взялась за пополненіе хорошими переводами нѣкоторыхъ специальныхъ отдѣловъ. Такъ, напримѣръ, у насъ сильно страдаетъ для насъ русскихъ особенно интересная византологія: кромѣ почтеннаго, но слишкомъ устарѣвшаго Гиббона, изданнаго той же фирмой, у насъ ничего нѣтъ. А между тѣмъ теперь столько серьезныхъ и прекрасно написанныхъ монографій (Рамбо, Шлюмбергера); въ послѣднее же время вышло и нѣсколько общихъ сочиненій, имѣющихъ тѣже достоинства (Bury: History of the later Roman empire; C. W. C. Oman: Byzantium, и др.).

А. К—въ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Выпускъ V. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1892.

Настоящій томъ, какъ и до сихъ поръ изданные г. Дубровинымъ, представляетъ собой большой интересъ. Помимо свѣдѣній объ экономическомъ положеніи Россіи послѣ 1812 года, о состояніи войскъ въ это время и др., здѣсь заключается не мале фактовъ для характеристики Александра I, его стремленій «къ прекращенію зла и къ успокоенію страждущаго человѣчества»: Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе матеріаль для истории извѣстныхъ военныхъ поселеній, бывшихъ результатомъ этихъ стремленій. «Желая съ одной стороны,—пишетъ императоръ въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ,—изъявить особенное вниманіе къ заслугамъ побѣдоносныхъ нашихъ воиновъ, съ другой отвратить всю тягость, сопряженную для любезно вѣрныхъ поданныхъ нашихъ съ нынѣ существующею повинностью, по коей поступившіе на службу должны находиться въ отдаленіи отъ своей родины, въ разлукѣ со своими семействами и родными, что естественно устрашаетъ ихъ при самомъ вступленіи на службу... приняли мы непреложное намѣреніе дать каждому полку свою осѣдность въ извѣстномъ округѣ земли и опредѣлить на укомплектованіе онаго единственно самихъ жителей сего округа» (141 стр.). Такимъ образомъ, предполагалось уничтожить многія тягости рекрутской повинности. Нужно замѣтить, что все это предписывалось сдѣлать «привѣтливымъ обхожденіемъ», предписывалось объяснить крестьянамъ пользу военныхъ поселеній, «выигрывая довѣренность ихъ ласкою къ нимъ и не дѣлая имъ никакихъ предварительныхъ угроженій», «чтобы покорность ихъ была слѣдствіемъ познанія ими долга своего, а не страха» (стр. 140). Такъ дѣло было въ теоріи, но не такъ на практикѣ, и скоро Александру I пришлось получать жалобы отъ военныхъ поселенцевъ, показывавшія, что зло далеко не уничтожено. Какъ видно изъ одного рескрипта Александра I, жалобы военныхъ поселенцевъ заключались въ слѣдующемъ: 1) въ запрещеніи имъ посѣва озимаго хлѣба; 2) въ неимѣннй времени для обмолота собственнаго хлѣба за непрерывными по службѣ занятіями; 3) въ совершенномъ недостаткѣ готоваго корма для скота, за неимѣніемъ также времени къ перевозкѣ съ полей и луговъ въ дома сѣна; 4) въ крайности, до которой посему дошли они, кормить скотъ снопами, рискуя потерять скотъ и остаться самимъ безъ хлѣба; 5) въ тѣлесныхъ наказаніяхъ» (стр. 236). Такимъ образомъ, гуманная идея Александра I была превращена въ вѣчто безчеловѣчное его главнымъ сотрудникомъ Аракчеевымъ. Ужасная рекрутчина была замѣнена еще болѣе ужасными военными поселеніями. Почти также безуспѣшно отстаивалъ Александръ I интересы крестьянъ, защищалъ ихъ отъ несправедливостей и подчасъ безчеловѣчнаго обхожденія помѣщиковъ. Въ настоящемъ «Сборникѣ» не мало примѣровъ этой заботливости. Узнавъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Минской губерніи «помѣщичьи крестьяне доведены до толь бѣдственнаго состоянія, что принуждены питаться одними только листьями и травою, и умираютъ съ голоду цѣлыми семействами» (стр. 191), императоръ помимо того, что принимаетъ всѣ мѣры «къ скорому и прочному обезпеченію прокормленія претерпѣвающихъ голодъ», дѣлаетъ выговоръ минскому губерскому и земскому начальству, въ особенности же губернатору, за то, что онъ не только не принялъ мѣръ для предупрежденія, но даже

ничего не заявилъ объ этомъ высшему начальству. Вообще нужно замѣтить, что императоръ не особенно довѣрялъ губернаторамъ. «Ежели бы могъ я быть увѣренъ,—пишетъ онъ комитету министровъ,—что губернаторъ доставитъ всегда удовлетвореніе безпомощному крестьянину, то сужденіе комитета (поручить разслѣдованіе жалобы крестьянъ губернатору) было бы основательно, но, къ сожалѣнію, примѣры были сему противны... были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, въ замѣну удовлетворенія, были еще наказаны» (стр. 176). Ко всѣмъ неудовольствіямъ крестьянъ, «бунтамъ», Александръ I относился очень внимательно, старался выяснитъ причину ихъ. Такъ, напримѣръ, когда при переселеніи изъ Бѣлоруссіи въ Новороссійскій край часть крестьянъ (двѣ деревни) обнаружилъ «непокорность», выразившуюся въ недовольствѣ мѣстомъ, отведеннымъ для ихъ поселенія, и занятіи пустопорожняго, но болѣе удобнаго, Александръ I писалъ херсонскому губернатору, что «сему несприятному расположенію умовъ должны быть основаніемъ какія либо мѣстныя причины, существенно побуждающія крестьянъ быть недовольными настоящимъ ихъ водвореніемъ», и разрѣшилъ имъ остаться на избранномъ мѣстѣ (стр. 335). А вѣдь какъ часто такую «непокорность» превращали въ «бунтъ», для усмиренія котораго необходима была военная сила. Поэтому-то Александръ I предпочиталъ въ такихъ случаяхъ отправлять на мѣсто для разслѣдованія дѣла лицъ, которымъ довѣрялъ вполне. Такъ, напримѣръ, для разбора простой жалобы крестьянъ на управляющаго онъ послалъ Кочубея (стр. 282) и т. д. Любопытенъ еще одинъ фактъ, характеризующій эту заботливость о безпомощномъ крестьянинѣ. Воронежское благородное дворянство и почтенное купечество выразило желаніе принять на себя продовольствіе вступающихъ въ губернію войскъ; императоръ, однако, отказался отъ этого пожертвованія и отказался на томъ основаніи, что «всякое пожертвованіе упадетъ и на людей низшаго класса, не имѣющихъ голоса при общихъ постановленіяхъ дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ» (стр. 59).

Кромѣ документовъ такого рода, въ настоящемъ выпускѣ обращаютъ на себя вниманіе: запросъ императора харьковскому губернатору Муратову относительно статьи извѣстнаго В. Н. Каразина ¹⁾ о «Приложеніи электрической силы верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ чловѣка» и матеріалы для исторіи учрежденій императрицы Маріи Феодоровны. Всѣхъ документовъ въ настоящемъ выпускѣ—465.

В. Б.

Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго П. В. Мокіевскаго. Спб. 1892.

Исторія науки и философіи отмѣчаетъ нѣсколько универсальныхъ умовъ, обнимающихъ и обобщающихъ всѣ главныя отрасли знанія своей эпохи; таковы: Аристотель, Кантъ, Контъ, Гумбольдтъ и немногіе другіе. Къ числу ихъ нужно отнести и величайшаго мыслителя нашего времени, автора «Синтетической философіи». Гербертъ Спенсеръ, глава современной школы эволюціонистовъ, сдѣлалъ блестящее приложеніе эволюціонной точки зрѣнія

¹⁾ О немъ см. интересную біографію Я. В. Абрамова: «В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность», Спб., 1891 г., ц. 25 к.

какъ къ космическимъ явленіямъ, такъ и къ жизни животныхъ и человѣка, освѣтилъ многія, бывшія до тѣхъ поръ темными, стороны неорганической и органической природы, человѣческой индивидуальной и общественной жизни. Эволюціонная теорія господствуетъ теперь въ биологіи, въ въ психологіи, въ социологіи, все болѣе и болѣе проникаетъ въ исторію, юриспруденцію и другія науки.. Изученіе сочиненій Спенсера, состоящихъ изъ многихъ томовъ, требуетъ не мало труда и извѣстной научно-философской подготовки. Съ цѣлью облегчить этотъ трудъ, Коллинсъ составилъ сокращенное изложеніе «Синтетической философіи». Его цѣлью было «дать въ сжатомъ видѣ общія положенія философіи Герберта Спенсера по возможности его собственными словами». Для этого онъ сократилъ каждый параграфъ, за небольшимъ исключеніемъ, до десятой части его величины, и такимъ образомъ болѣе пяти тысячъ страницъ подлинника изложилъ на 500 страницахъ. Поэтому «Изложеніе» Коллинса представляетъ «Синтетическую философію» такою, «какою показалась бы она сквозь уменьшительное стекло: всѣ ея разнообразныя части сохраняютъ пропорціи подлинника».

Въ предисловіи къ книгѣ Коллинса, написанномъ самимъ Спенсеромъ, изложившимъ здѣсь въ 16 тезисахъ сущность своей философіи, говорится: «Предъ путешествіемъ по незнакомой странѣ полезно изучить ея карту; при этомъ гораздо легче получить ясное предварительное понятіе по небольшой упрощенной картѣ, чѣмъ по большой картѣ, переполненной подробностями. Подобнымъ же образомъ, передъ чтеніемъ ряда томовъ, хотя и проникнутыхъ извѣстными организуемыми идеями, но трактующихъ о разнообразныхъ предметахъ, предварительное обзорнѣе, предлагающее эти организующія идеи въ книгѣ меньшаго объема и свободной отъ выработки подробностей, едва ли окажется неспособнымъ облегчить пониманіе предмета. Изложеніе, надъ составленіемъ котораго г. Коллинсъ трудился пять лѣтъ, выполняетъ это назначеніе». По мнѣнію Спенсера, оно сдѣлано точно и ясно. Онъ былъ даже нѣсколько удивленъ возможностью сказать такъ много при такомъ небольшомъ объемѣ, не жертвуя при этомъ понятностью. Правда, эти извлечения по параграфамъ, будучи лишены пояснительныхъ примѣровъ, не могутъ привести къ вполне ясному и опредѣленному пониманію; но то не совсемъ полное пониманіе, къ которому они приводятъ, приготавливаетъ читателя къ полному пониманію, которое можно вывести изъ чтенія самихъ этихъ главъ и отдѣловъ.

Для русскаго читателя «Изложеніе» Коллинса полезно еще и въ качествѣ справочной книги: многихъ изъ сочиненій Спенсера въ русскомъ переводѣ нѣтъ въ продажѣ и вообще имѣть ихъ подъ руками можетъ далеко не всякій; а потому переводъ его на русскій языкъ дѣло поистинѣ прекрасное.

Во время печатанія русскаго изданія этой книги вышелъ новый томъ «Синтетической философіи»—Justice, составляющій IV часть «Основаній науки о нравственности». Сокращенное изложеніе этого тома сдѣлано переводчикомъ по тому же плану, какъ прочія сочиненія Спенсера изложены Коллинсомъ.

М. С.

Э. Берендтс. Меркантилисты и физиократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи. Ярославль. 1892.

По своему специальному названію, данное изслѣдованіе можетъ показаться для многихъ сухимъ и неинтереснымъ, между тѣмъ этюдъ о Швеціи г. Берендтса представляетъ значительный матеріалъ для общей любознательности. Достаточно припомнить только, что въ Швеціи народное образованіе стоитъ на высокой степени развитія (тамъ нѣтъ неграмотныхъ), чтобы проникнуться уваженіемъ къ этой странѣ и считать ее достойной вниманія со стороны всѣхъ просвѣщенныхъ людей. «Исторія Швеціи и ея умственной жизни, ограничиваясь даже исключительно сферою политико-экономическою, полна живѣйшаго интереса»,—замѣчаетъ авторъ. Швеція имѣла свою исторію экономической науки и довольно бурную особенно въ XVIII столѣтіи. Тогда въ Швеціи, гдѣ по природнымъ условіямъ страны успѣшно могутъ развиваться земледѣліе, скотоводство и горное дѣло, правительство, въ надеждѣ быстро обогатить государство, направило усилія къ искусственному развитію промышленности и торговли. Это было въ такъ называемую эпоху свободы, послѣ смерти Карла XII, когда монархическая власть потеряла силу и оппозиціонныя политическія партіи взяли перевѣсъ. Все неограниченное право вмѣшательства въ хозяйственную жизнь народа перешло къ государственному совѣту и секретному комитету сейма, представители которыхъ и принялись съ усердіемъ за регламентацію промышленности и торговли. Они старались при недостаткѣ рабочихъ рукъ увеличивать число мастеровыхъ поощрительными преміями, бѣдность въ движимыхъ капиталахъ восполнять выпускомъ бумажныхъ денегъ и насильно заставляли свободныхъ шведовъ учиться разнымъ ремесламъ. Нужно только проводить разумную промышленную и таможенную политику, устранять соперничество иностранцевъ, содѣйствовать туземному производству, издавать таксы заработной платы и дѣвить на товары,—и государство будетъ богатѣть. Вотъ къ чему сводилась сущность шведскаго меркантилизма, яркими защитниками котораго явились политическія партіи «шляпъ» и «шапокъ» (такое оригинальное названіе усвоили себѣ эти партіи).

Въ литературѣ выразителемъ всѣхъ доводовъ въ защиту меркантилизма слѣдуетъ считать профессора Упсальскаго университета Андерса Берха. Депутаціей сейма, стремившейся распространять политико-экономическія знанія среди народа, была образована на средства, собранныя по частной подпискѣ, при Упсальскомъ университетѣ отдѣльная кафедра политической экономіи. Берхъ былъ избранъ на эту кафедру и всегда находился подъ цензурой своихъ избирателей. Однажды депутація даже потребовала отъ Берха рукопись его университетскихъ лекцій, чтобы провѣрить, согласны ли онѣ съ догматами принятой политики. Берхъ доходилъ до крайностей государственной регламентаціи. Говоря о земледѣліи, какъ о важной отрасли народнаго хозяйства, Берхъ совѣтовалъ ввести и въ немъ систему цеховую, то-есть требовать отъ того, кто желаетъ сдѣлаться самостоятельнымъ сельскимъ хозяиномъ, извѣстнаго спеціального образовательнаго ценза, какъ и въ ремеслахъ.

Но и во время торжества меркантилизма многими шведскими мыслителями сознавалась односторонность такой государственной политики, и они, не боясь ея могущественныхъ представителей, выступали съ протестомъ.

Такъ, одинъ изъ оригинальныхъ экономистовъ Швеціи Іоганнъ Ризингъ явился защитникомъ хозяйственной свободы, порицая меркантильные, узко-фискальные взгляды въ дѣлѣ торговли и промышленности. Онъ считалъ важными условіями успѣшнаго развитія народнаго хозяйства свободу совѣсти, свободу труда, то-есть, занятіе ремеслами по своему собственному выбору, уничтоженіе всѣхъ замкнутыхъ цеховъ, гильдій и привилегированныхъ компаній. Еще болѣе выдающимся противникомъ меркантилизма былъ физиократъ Шефферъ. Онъ во время своего путешествія во Францію, познакомившись тамъ съ французской экономической литературой, изучилъ теорію физиократовъ. Возвратившись на родину, Шефферъ занялся изслѣдованіемъ сравнительнаго значенія для Швеціи разныхъ отраслей народнаго хозяйства и пришелъ къ заключенію, что всего важнѣе для Швеціи земледѣліе, что только оно даетъ дѣйствительное увеличеніе массы цѣнностей.

Десятки лѣтъ шведское правительство посвящало всѣ свои силы и заботы на развитіе промышленности и торговли, но въ 1756 году Швецію постигъ неурожай, причинившій всему населенію тяжелыя бѣдствія, и тогда только представители власти сознали свою ошибку и убѣдились, что нельзя пренебрегать сельскимъ хозяйствомъ, которое доставляетъ самый насущный продуктъ для народа. Въ прежнее время земледѣліе вполне удовлетворяло потребности всего шведскаго народа, излишекъ хлѣба даже вывозился за границу; но съ тѣхъ поръ, какъ вниманіе правительства обратилось исключительно на торговлю и промышленность, земледѣліе значительно упало. Въ 1760 году при выборахъ въ сеймъ партія «шляпъ» была устранена отъ правленія, и это политическое событіе послужило причиною поворота отъ меркантилизма къ умѣренному либерализму. Новая правительственная партія держалась иной программы: забота о земледѣліи и сельской промышленности явилась у нея на первомъ планѣ, веденіе государственнаго хозяйства полагалось на началахъ бережливости, и даже была предпринята борьба съ страстью общества къ роскоши. Вотъ главнѣйшіе фазисы борьбы между меркантилистами и физиократами въ Швеціи преимущественно въ XVIII вѣкѣ.

Авторъ въ разныхъ мѣстахъ своего этюда, опредѣляя общій характеръ шведскихъ экономистовъ, говоритъ, что какъ ни старались они въ обсужденіи экономическихъ вопросовъ держаться научной точки зрѣнія, отыскивая принципы современныхъ явленій хозяйственной жизни, всетаки, отдавали дань своей эпохѣ, служили той партійности, которая проявлялась въ борьбѣ между представителями различныхъ политическихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что Швеція создала обширную политико-экономическую литературу, поучительную по многимъ затронутымъ ею вопросамъ. Между тѣмъ, эта страна забыта въ общей исторіи экономической науки. Въ такой исторіи пространно трактуется о политико-экономическихъ воззрѣніяхъ французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, американцевъ, даже ведется рѣчь о неясныхъ экономическихъ понятіяхъ древнихъ грековъ и римлянъ, и, однако же, проходятся совершеннымъ молчаніемъ труды представителей экономической науки такихъ государствъ, какъ Швеція, Испанія, Голландія, Бельгія и другія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ и Россія принадлежала къ разряду этихъ пренебрегаемыхъ странъ, но за послѣднее время мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ относительно Россіи измѣнились: они сознали, наконецъ, что нельзя умалчивать о трудахъ ученыхъ

представителей многочисленного народа, являющагося однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ мировой исторіи.

Исслѣдованіе г. Берендтса, изложенное живымъ, яснымъ языкомъ, читается легко и съ интересомъ. Приходится только пожалѣть, что это изданіе изобилуетъ опечатками.

Н. О.

Виленскій православный некрополь. Архимандрита, нынѣ епископа Іосифа. Вильна. 1892.

Лѣтъ десять тому назадъ вышла книга «Петербургскій некрополь». Авторъ ея, г. Саитовъ, обошелъ нѣсколько петербургскихъ кладбищъ и списалъ довольно много могильныхъ надписей съ памятниковъ главнымъ образомъ людей причастныхъ къ литературѣ, или вообще лицъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ XVII, XVIII и начала XIX вѣковъ. Книга получилась, такимъ образомъ, несомнѣнно полезная, тѣмъ болѣе, что г. Саитовъ списывалъ только то, что можетъ имѣть значеніе—біографическія даты, характерныя надписи и т. под. Въ настоящее время этотъ полезный сборникъ нашелъ себѣ подражателя. Бывшій архимандритъ, а нынѣ епископъ Іосифъ, издалъ книгу, заглавіе которой мы привели. Поставивъ эпиграфомъ изреченіе: «Мнѣ зѣло честни друзи твои, Боже», онъ рѣшилъ: «изочту ихъ», и началъ описывать подрядъ подробно всѣ могилы виленскаго православнаго «некрополя». Чтобы показать, на сколько тщательно бывшій архимандритъ, а нынѣ епископъ Іосифъ отнесся къ своему дѣлу, приведемъ двѣ-три выписки. «Германъ. На Антокольскомъ кладбищѣ, отъ вѣздныхъ воротъ вправо, за нагорнымъ холмомъ и ложиной, отъ могильнаго камня, вблизи ложины, Кіянина къ юго-западу, подъ соснами. Простой 4-хъ-конечный, деревянный крестъ, на немъ, на дощечкѣ, надпись: «Новобранецъ 106-го пѣхотнаго уфимскаго полка Иванъ Г... ум. 6 февраля 1881 года». Въ 1890 году креста уже не было» (стр. 126), или: «Силинъ, Терентій Аванасьевичъ. Въ отдѣленіи № 10, давнемъ—отъ могильнаго камня Максимова, вблизи надгробія Слуцкаго, внизъ, къ сѣверу, между высокими березами, въ зеленой деревянной оградѣ, у липы, раздѣляющей отдѣленія №№ 6 и 10. У западной стороны могилы 6-ти-конечный высокій деревянный крестъ, подъ досчатою окрышкой, въ средокрестіи его, съ восточной стороны, на очерненной жести написано: «Здѣсь покоится прахъ унтеръ-офицера Т... Ае... С..., четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Скончался 7 мая 1878 года на 52 году жизни. Другъ мой, ты въ дому, а я, твоя супруга, осталась на бѣломъ свѣтѣ горькой сиротой, въ гостяхъ» (стр. 305). Такъ подробно и добросовѣстно описанъ авторомъ весь Виленскій некрополь. Трудъ, такимъ образомъ, получился очень солидный, болѣе 400 страницъ самаго убористаго шрифта. Нужно замѣтить, что на этихъ четырехъстахъ страницахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ могилъ (Кужольника, Бухарскаго, Сѣмашки, Говорскаго и Ширинскаго-Шихматова), описаны могилы лицъ столь же замѣчательныхъ, какъ мы выше привели: солдатъ, чиновниковъ, разнаго рода «супругъ», младенцевъ обоюго пола, даже простыхъ каменныхъ глыбъ. Кому это нужно? Такой вопросъ предвидѣлъ авторъ. «Можно полагать, — говоритъ онъ въ предисловіи, — что этотъ нашъ трудъ признается и «непроизводительнымъ» и «излишнимъ», вызоветъ даже сожалѣніе, что на изданіе его совершенно «напрасно потрачено столько денегъ и времени». Но, не взирая на таковыя сужды, остаемся вѣрны себѣ

и своему дѣлу, какъ таковое признаемъ полезнымъ и потребнымъ». Аргументъ на столько солидный, что навѣрное никто не станетъ возражать и всякій сразу признаетъ «почтенный» трудъ бывшаго архимандрита, нынѣ епископа Іосифа, «полезнымъ и потребнымъ».

В. Б.

Исторія Бастиліи. (Историческая монографія). Сем. Дм. Ахшарумова. Съ приложеніемъ вида и плана Бастиліи. Спб. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. 1893.

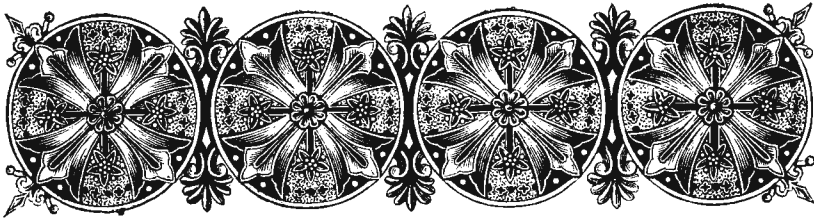
Авторъ называетъ свою книгу исторической монографіей. Онь заблуждается. Подъ монографіей подразумѣвается научный трудъ, а «Исторія Бастиліи» Сем. Дм. Ахшарумова есть скорѣе сборникъ анекдотовъ, чѣмъ ученая монографія. Авторъ прочелъ двѣ-три французскихъ книжки, выбралъ изъ нихъ десятка три громкихъ политическихъ процессовъ разныхъ временъ и расположилъ этотъ матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ. Затѣмъ на пяти маленькихъ страничкахъ, отпечатанныхъ разгонистымъ шрифтомъ, объяснилъ, что такое Бастилія, и какъ она возникла, въ концѣ помѣстилъ описаніе плана этой тюрьмы, въ серединѣ привелъ нѣсколько примѣчаній, растолковывающихъ невѣжественному читателю, что такое парламентъ, коннетабль и другія не менѣе мудренныя слова, наконецъ, прибавилъ двѣ картинки, и историческая монографія готова. Подобную книгу можно порекомендовать развѣ только людямъ, читающимъ для того, чтобы убить время. Для нихъ она какъ разъ годится; умѣнье автора пересыпать свое повѣствованіе массой ненужныхъ словъ и фразъ, а также несложность сообщаемыхъ имъ фактовъ, дастъ имъ возможность провести за «Исторіей Бастиліи» нѣсколько часовъ, во время которыхъ ихъ мыслительная способность ни разу не будетъ напряжена, отдыхъ будетъ полный, а между тѣмъ время будетъ убито.

С. А—въ.

Историческія чтенія (Lectures historiques). Древняя исторія. Египетъ, Ассирія. М. Масперо. Переводъ съ французскаго съ 192 рисунками. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. Спб. 1892.

При скудости пособій для изученія исторіи древняго Востока на русскомъ языкѣ, переводъ лекцій М. Масперо является далеко не лишнимъ. Въ этихъ популярныхъ лекціяхъ извѣстный французскій египтологъ старается познакомить публику съ бытомъ древнихъ Египта и Ассиріи. Его прекрасное знакомство съ предметомъ, основанное на изученіи самыхъ памятниковъ древнихъ цивилизацій, ручается за вѣрность фактовъ, сообщаемыхъ имъ, а умѣнье изобразить бытъ египтянъ и ассиріянъ въ прекрасныхъ, живыхъ картинахъ и легкимъ, интереснымъ языкомъ, дѣлаетъ разбираемую книгу прекраснымъ руководствомъ для перваго знакомства съ великими погибшими цивилизаціями. Въ текстѣ находится масса политипажей (до 200), представляющихъ снимки со скульптурныхъ изображеній, въ громадномъ количествѣ находимыхъ среди развалинъ древнихъ восточныхъ дворцовъ, храмовъ и т. п. Эти политипажи, придавая книгѣ красивую внѣшность, въ то же время прекрасно иллюстрируютъ и поясняютъ текстъ.

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Наполеонъ I на Эльбѣ.—Послѣдніе Наполеоновскіе ветераны.—Австрійскій Камилъ Демунель.—Стратегическая важность Египта въ различныя историческія эпохи.—Два юбилея.

НАПОЛЕОНЪ I на Эльбѣ. Въ мартовской книжкѣ американскаго журнала «Century Magazine» напечатаны интересныя воспоминанія англійскаго адмирала сэра Томаса Ушера о водвореніи Наполеона на островѣ Эльбѣ въ 1814 году. Авторъ этого разсказа, одинъ изъ храбрыхъ англійскихъ моряковъ эпохи Нельсона, командовалъ фрегатомъ «Undaunted» (Неукротимый) въ Средиземномъ морѣ, когда 24-го апрѣля 1814 года получилъ приказъ перевести императора Наполеона изъ Фрежюса на островъ Эльбу, избранный союзниками для его мѣстопробыванія. Съ этой цѣлью Ушеръ вышелъ на берегъ въ маленькомъ французскомъ портѣ и немедленно представился бывшему императору, который принялъ его очень учтиво и сталъ спрашивать о различныхъ подробностяхъ путешествія на Эльбу. По словамъ англичанина, обращеніе Наполеона отличалось большимъ достоинствомъ, но видно было, что онъ глубоко чувствовалъ свое паденіе. Задавъ нѣсколько техническихъ вопросовъ о состояніи фрегата, онъ раскланялся и пригласилъ Ушера къ обѣду. Между тѣмъ, Ушеръ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для пріема на фрегатъ свиты и вещей бывшаго императора, а также переговорилъ съ комиссарами европейскихъ державъ, которые состояли при немъ, на счетъ того, какой соблюдать этикетъ относительно знаменитаго гостя. Эти комиссары: русскій—графъ Шуваловъ, австрійскій—баронъ Коллеръ, прусскій—графъ Труксоъ и англійскій—полковникъ Камбель, объявили ему, что по Фонтенблосскому трактату Наполеону былъ присвоенъ титулъ «императора и государя острова Эльбы», а слѣдовательно ему необходимо было оказывать королевскія почести. На обѣдѣ при-

существовали, кромѣ иностранныхъ комиссаровъ, графъ Кламъ, адъютантъ князя Шваценберга, генераль Бертранъ, гофмаршалъ Наполеона, графъ Дрюо, его адъютантъ и Ушеръ. Императоръ казался въ хорошемъ расположеніи духа, много разговаривалъ и оказывалъ особое вниманіе барону Коллеру, сидѣвшему по правую его руку. Говоря о своемъ намѣреніи создать сильный французскій флотъ, онъ упомянулъ, что много улучшилъ голландскую флотилію, которая была прежде въ очень дурномъ положеніи, а теперь въ ней находилось такое образцовое судно, какъ «Аустерлицъ»; въ доказательство справедливости своего замѣчанія, онъ сослался на графа Шувалова, чтò, очевидно, не понравилось послѣднему. На слѣдующій день состоялся отъѣздъ императора. «Оставаясь съ нимъ вдвоемъ въ комнатѣ, пока не подали экипажа,—разсказываетъ Ушеръ,—Наполеонъ ходилъ взадъ и впередъ, погруженный въ глубокую думу. На улицѣ шумѣла толпа, и право не знаю, почему я замѣтилъ, что французская чернь худшая на свѣтѣ. «Да, отвѣтилъ онъ, французы легкомысленный народъ, они походятъ на флюгарку». Въ эту минуту графъ Бертранъ доложилъ, что экипажи готовы, и Наполеонъ, надѣвъ шагу, лежавшую на столѣ, сказалъ: «пойдемте, капитанъ». Мы вышли на большую площадку передъ домомъ, гдѣ столпилось значительное число обывателей, которые молча, почтительно кланялись; императоръ подошелъ къ хорошенькой молодой дамѣ и любезно спросилъ, замужемъ ли она, и сколько у нея дѣтей. Не дожидаясь отвѣта, онъ поклонился и пошелъ къ экипажу; за нимъ послѣдовали иностранные комиссары. Сцена на берегу представила чрезвычайно интересное зрѣлище. Ночь была свѣтлая, лунная, и дулъ легкій вѣтерокъ; между деревьями былъ разставленъ шпалерой кавалерійскій полкъ. При появленіи императора послышались звуки трубъ, крики солдатъ и ржаніе лошадей. Выйдя изъ экипажа, онъ обнялъ графа Шувалова, который вмѣстѣ съ графомъ Трукосомъ долженъ былъ немедленно вернуться въ Парижъ, и, взявъ меня подъ руку, направился къ катеру». На фрегатѣ встрѣтили императора королевскимъ салютомъ. Онъ снялъ шляпу и поклонился всѣмъ офицерамъ, а потомъ прошелъ къ матросамъ и вступилъ въ разговоръ съ тѣми изъ нихъ, которые умѣли объясняться пофранцузски. Ушеръ повелъ его въ свою каюту и, указавъ на приготовленную для него собственную койку, извинялся, что не могъ доставить большихъ удобствъ. Онъ съ улыбкой отвѣтилъ, что все прекрасно, и что онъ будетъ спокойно спать. Тогда подняли всѣ паруса, и фрегатъ пошелъ по направленію къ Эльбѣ.

Во время перехода, продолжавшагося нѣсколько дней, Наполеонъ вставалъ по обыкновенію въ 4 часа утра и почти постоянно находился на палубѣ, нисколько не страдая отъ качки, не смотря на бурную погоду. Онъ всегда былъ въ отличномъ расположеніи духа, смѣялся надъ барономъ Коллеромъ, который сильно страдалъ отъ морской болѣзни, и удивлялъ англійскихъ офицеровъ своимъ тонкимъ знаніемъ морскаго дѣла. Онъ охотно и подолгу разговаривалъ съ ними о всевозможныхъ вопросахъ, не избѣгая самыхъ щекотливыхъ предметовъ современной политики и недавнихъ военныхъ дѣйствій. Эти разговоры, передаваемые Ушеромъ, то дословно, то въ извлеченіи, составляютъ самую интересную часть его воспоминаній. Говоря о своихъ отношеніяхъ къ Англіи, Наполеонъ доказывалъ, что если онъ отличался самолюбіемъ, то и Англія грѣшила тѣмъ же, предъявляя со временъ Кромвеля притязанія на морское владычество. «Послѣ Амьенскаго мира,—разсказывалъ онъ,—лордъ Сидмутъ желалъ возобновить прежній коммерческій трак-

татъ, заключенный Верженомъ вслѣдъ за американской войной, но я, озабочиваясь о поощреніи французской промышленности, выразилъ согласіе на заключеніе трактата, только основаннаго на принципѣ полной взаимности, т. е. если Франція покупала англійскихъ товаровъ на столько-то милліоновъ, то и Англія должна была брать на ту же сумму французскихъ произведеній.—Это что-то новое,—отвѣчалъ лордъ Сидмутъ:—я не могу заключить трактата на такихъ условіяхъ.—Хорошо,—замѣтилъ я:—я не могу заставлять васъ силой подписать трактатъ, и вы не можете сдѣлать того же относительно меня; останемся въ прежнемъ положеніи, т. е. не будемъ имѣть между собою никакихъ торговыхъ отношеній.—Такъ будетъ война,—возразилъ лордъ Сидмутъ:—если англійскій народъ не приобрететъ коммерческихъ преимуществъ, къ которымъ онъ привыкъ, то заставитъ меня объявить вамъ войну.—Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ я,—мой долгъ заботиться о французскихъ интересахъ, и я никогда не заключу коммерческаго трактата иначе, какъ на указанныхъ основаніяхъ.—Американцы призвали справедливость моихъ коммерческихъ принциповъ,—продолжалъ Наполеонъ:—прежде они привозили намъ на нѣсколько милліоновъ табаку и хлопчатки, а на полученныя деньги покупали мануфактурный товаръ въ Англіи. Я отказался принимать отъ нихъ табакъ и хлопчатку, если они не купятъ на ту же сумму французскихъ произведеній, и они согласились на мои требованія. Но теперь Англія поставитъ на своемъ, и никакая сила не можетъ помѣшать ей навязать Франціи какой угодно трактатъ. Бурбоны (тутъ онъ употребилъ французское выраженіе *raucres diables*, которое хотя буквально означаетъ «бѣдные черти», но скорѣе имѣетъ смыслъ «дураковъ» или «болвановъ») знатные помѣщики и довольствуются тѣмъ, что получили обратно своя земли и замки, но если французскій народъ будетъ недоволенъ и найдетъ, что недостаточно поощряется его мануфактурная дѣятельность, то ихъ прогонятъ черезъ полгода. Марсель, Нантъ, Бордо и вся береговая страна объ этомъ не заботится, такъ какъ имъ главное торговля, которая остается въ прежнемъ положеніи, но во внутреннихъ городахъ совершенно иное настроеніе». Императоръ придавалъ такое важное значеніе невыгодному коммерческому трактату для Франціи, что нѣсколько разъ повторялъ въ разговорахъ съ англійскими офицерами: «если Англія сдѣлаетъ эту ошибку, то Франція возстанетъ прежде, чѣмъ пройдетъ полгода отъ удаленія иностранныхъ войскъ изъ Парижа». Вообще онъ находилъ, что союзники держались плохой политики, слишкомъ урѣзывая Францію, такъ какъ этимъ путемъ они только оскорбляли гордость каждого француза. На вопросъ полковника Камбеля, отчего императоръ всегда хотѣлъ уничтожить Англію, онъ отвѣчалъ со смѣхомъ: «Еслибъ я былъ первымъ министромъ въ Англіи, то всячески старался бы сдѣлать ее могущественнѣйшей державой въ свѣтѣ». Наполеонъ часто и откровенно говорилъ о своемъ планѣ вторженія въ Англію. Повидимому, онъ никогда не думалъ совершить этой знаменитой экспедиціи, иначе какъ заручившись превосходствомъ французскаго флота надъ англійскимъ, чего онъ рассчитывалъ достигъ путемъ военной стратагемы. Онъ намѣревался послать весь свой флотъ въ Вестъ-Индію, а когда англійскіе корабли послѣдовали бы за французами, то послѣдніе быстро вернулись бы въ Ламаншъ. Еслибъ при этомъ удалось опередить англичанъ на три или на четыре дня, то онъ успѣлъ бы въ это время перевезти свою милліонную армію на мелкихъ судахъ подъ прикрытіемъ флота на англійскій берегъ. Онъ предпочиталъ высадиться въ

Кентъ, но предоставилъ бы этотъ вопросъ на рѣшеніе моряковъ и лопмановъ. Въ три дня онъ достигъ бы Лондона и овладѣлъ бы имъ безъ труда. На вопросъ Ушера, что онъ сдѣлалъ бы въ случаѣ подобнаго успѣха, Наполеонъ отвѣчалъ, что это былъ открытый вопросъ, такъ какъ столь энергичнаго народа, какъ англійскій, нельзя было сломить однимъ взятіемъ столицы, но во всякомъ случаѣ онъ отдѣлилъ бы Ирландію отъ Великобританіи и однимъ фактомъ занятія Лондона нанесъ бы смертельный ударъ торговлѣ, промышленности и кредиту Англій. Упоминая объ Испаніи, императоръ доказывалъ, что эта страна естественный другъ Франціи и врагъ Англій, потому что въ ея интересахъ союзъ съ Франціей для поддержки ихъ торговли и колоній, а оставленіе въ рукахъ Англій Гибралтара было поворомъ для испанцевъ, тѣмъ болѣе, что постоянной бомбардировки днемъ и ночью впродолженіе года было бы достаточно для изгнанія англичанъ. Что касается до него, то онъ овладѣлъ Испаніей не для того, чтобы посадить на престолъ своего родственника, а съ цѣлью произвести въ ней благотворную революцію, уничтожить инквизицію, отмѣнить всѣ феодальныя привилегіи и образовать государство, основанное на правѣ. Естественно, что, разговаривая съ моряками, Наполеонъ часто касался морскихъ вопросовъ; онъ подробно рассказывалъ о дѣйствіяхъ французскаго адмирала Вильнева въ 1805 году, строго критикуя его страхъ передъ англійскими судами, и откровенно излагалъ свои планы о развитіи французскаго флота. Онъ хотѣлъ довести его до трехсотъ линейныхъ судовъ, а на замѣчаніе Ушера, что онъ не имѣлъ бы возможности найти экипажа для половины этого громаднаго числа кораблей, императоръ отвѣчалъ, что всѣхъ нужныхъ моряковъ съ избыткомъ доставила бы морская рекрутчина и вербовка иностранцевъ во всѣхъ частяхъ Европы. Онъ распространялся о грандіозныхъ работахъ, произведенныхъ въ Шербургѣ для защиты этого порта отъ англичанъ, и находилъ Антверпенъ столь необходимымъ для Франціи, что однажды выразился: «Франція безъ Антверпена ничто; если Брестъ и Тулонъ подвергнутся блокадѣ, то можно будетъ въ Антверпенѣ соорудить флотъ, получая лѣсъ изъ Польши. Я никогда не согласился бы отдать этотъ портъ, давъ присягу при коронаціи не допускать уменьшенія Франціи». Относительно своей послѣдней борьбы съ союзниками императоръ распространялся въ мельчайшихъ подробностяхъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и доказывалъ, что онъ всегда одерживалъ верхъ, гдѣ только его не давила несоразмѣрная многочисленность враговъ. О Блюхерѣ онъ отзывался съ большою похвалою, говоря: «Старый чортъ всегда нападалъ на меня съ одинаковой энергіей и, побитый мною, черезъ минуту готовъ былъ снова вступить въ бой». Всю ответственность за несчастное окончаніе войны онъ возлагалъ на измѣнну Мармона, который, думая только о своемъ личномъ интересѣ, предалъ Парижъ и армію, тогда какъ Наполеонъ могъ еще подъ стѣнами Парижа, или въ самомъ городѣ, одержать надъ ними побѣду и во всякомъ случаѣ заставить ихъ отойти отъ столицы. Въ этомъ, по его словамъ, ручались преданность ему арміи, съ одной стороны, и разьединенность составныхъ частей арміи Шваценберга, съ другой. Всетаки, и послѣ этой измѣны, онъ могъ еще продолжать борьбу, но это значило продлить войну на года и подвергнуть гибели многихъ его пламенныхъ сторонниковъ; а потому онъ предпочелъ пожертвовать собой, хотя еслибъ онъ и продолжалъ войну, то дѣйствовалъ бы не изъ самолюбія, а ради славы Франціи. «Я хотѣлъ сдѣлать Фран-

цію первой націей въ свѣтѣ,—произнесъ онъ:—но теперь все кончено. Я отрекся отъ престола, и въ настоящую минуту я мертвый человѣкъ». Хотя Ушеръ самъ не слышалъ отъ Наполеона объясненія, почему онъ съ отчаянія не наложилъ на себя руки, но приводитъ подлинныя слова императора, сказанныя имъ въ отвѣтъ на замѣчаніе одного приверженца, что онъ на его мѣстѣ пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. «Да,—произнесъ императоръ послѣ минутнаго размышленія:—я могу это сдѣлать, но оно не принесетъ пользы тѣмъ, которые желаютъ мнѣ добра, и только доставитъ удовольствіе моимъ врагамъ».

Наконецъ, фрегатъ достигъ Эльбы, но Наполеонъ не сразу поселился въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, а нѣсколько дней оставался на кораблѣ, сѣзжая по временамъ на берегъ и обозрѣвая во всѣхъ подробностяхъ свой островъ, о которомъ онъ съ улыбкой говорилъ: «Мое государство очень маленькое». Мѣстное населеніе приняло его радушно, громко кричало при его появленіи «да здравствуетъ императоръ», и поселяне даже бросались на колѣни передъ нимъ, что побудило его замѣтить Ушеру: «Я знаю хорошо итальянцевъ; это все вліяніе монашескаго воспитанія; ничего подобнаго нельзя встрѣтить среди сѣверныхъ народовъ». Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ водвореніи новаго владѣтеля Эльбы, въ выгрузкѣ присланныхъ изъ Франціи солдатъ, багажа и т. д. Когда же все было окончено, капитанъ Ушеръ распрощался съ императоромъ, и послѣдній скавалъ, обнявъ его: «Прощайте, капитанъ, вы первый англичанинъ, съ которымъ я близко познакомился». Потомъ онъ лестно отозвался вообще объ англійской націи и, поблагодаривъ капитана за его заботу о немъ, прибавилъ: «Прощайте, рассчитывайте на меня». Этими кончилися трудныя обязанности Ушера, и надо отдать ему справедливость, что въ его интересномъ разсказѣ нѣтъ ни одного неделикатнаго или несочувственнаго выраженія о человѣкѣ, который, по его словамъ, «васлуживалъ полнаго уваженія по своему высокому положенію, несчастной судьбѣ и удивительнымъ талантамъ».

Послѣдніе Наполеоновскіе ветераны. Германскій военный журналъ «Militär-Wochenblatt» сообщаетъ свѣдѣнія объ остающихся еще въ живыхъ, старыхъ французскихъ солдатахъ, видѣвшихъ лицомъ къ лицу «маленькаго капрала», какъ всегда называли Наполеона скромные сподвижники его побѣдъ. Въ 1857 году Наполеонъ III приказалъ вычеканить медаль въ честь ветерановъ войнъ первой республики и первой имперіи. Она названа медалью св. Елены, и на одной ея сторонѣ изображенъ портретъ императора Наполеона I, а на другой сдѣлана надпись: «Его товарищамъ славы, его послѣдняя мысль, св. Елена, 5-го мая 1821 года». Она пожалована была только старымъ солдатамъ, служившимъ во французской арміи съ 1792 по 1815 годъ, и то не менѣе двухъ лѣтъ. Въ 1869 году обладателей этой медали было 43.592 человѣка; черезъ десять лѣтъ ихъ уже было только 4.024, а черезъ двадцать лѣтъ ихъ число сократилось до 48; въ настоящее же время ихъ всего 13. Младшій изъ нихъ родился въ 1800 году, а старшій 28-го іюля 1786 года, такъ что ему сто седьмой годъ. Этотъ Несторъ Наполеоновскихъ ветерановъ живетъ въ военной богадѣльнѣ въ Лионѣ. Онъ былъ съ Наполеономъ въ Египтѣ, перешелъ вмѣстѣ съ нимъ Сень-Бернаръ, участвовалъ въ испанской войнѣ и получилъ пять ранъ при роковомъ отступленіи изъ Москвы; одна русская пуля до сихъ поръ сидитъ въ его ветхомъ тѣлѣ. Послѣдняя битва, въ которой онъ участвовалъ, была Ватерлоо, гдѣ въ знаме-

нитой атакѣ старой гвардіи, въ рядахъ которой онъ служилъ, доблестный воинъ получилъ свою послѣднюю рану.

Австрійскій Камилъ Демуленъ. Надняхъ вся либеральная Вѣна хоромила съ необыкновеннымъ торжествомъ скромнаго провинціальнаго доктора, который въ продолженіе одного дня своей долговременной жизни игралъ первенствующую политическую роль и, какъ Камилъ Демуленъ въ 1789 году, подалъ сигналъ народной революціи. Это было 13-го марта 1848 года; подъ влияніемъ февральскихъ дней въ Парижѣ и провозглашеній тамъ республики, Вѣна волновалась; громадныя толпы окружали на Herrengasse близъ дворца домъ, въ которомъ засѣдали Провинціальныя штаты Нижней Австріи, собраніе болѣе административное, чѣмъ политическое, имѣвшее только совѣщательный голосъ и состоявшее исключительно изъ аристократическихъ элементовъ. Но это было единственное учрежденіе въ Австріи, имѣвшее какой-то парламентскій характеръ, и народъ, очевидно, желалъ, чтобъ оно приняло на себя чрезвычайную роль, хотя никто не зналъ, какъ взяться за дѣло. По всей вѣроятности, пошумѣли бы, покричали и разошлись, или вмѣшалась бы въ это дѣло полиція и разогнала бы всѣхъ сабельными ударами. Но неожиданно красивый молодой человекъ влѣзъ на фонтанъ и произнесъ зажигательную рѣчь, въ которой ясно изложилъ народныя требованія, заключавшіяся въ удаленіи отъ власти Меттерниха, въ составленіи конституціи законодательнымъ собраніемъ и въ провозглашеніи свободы печати. Слова его произвели потрясающее впечатлѣніе на толпу, и, пользуясь этимъ, онъ предложилъ немедленно послать депутацію въ засѣданіе Провинціальныхъ штатовъ для объясненія народной воли. «Наступила минута,—воскликнулъ онъ, — чтобъ избавиться отъ ненавистнаго ига Меттерниха; пусть тѣ, которые не чувствуютъ достаточно мужества и силы, чтобъ пожертвовать своей жизнью за свободу родины, возвратятся домой вмѣстѣ съ дѣтьми, а мы пойдемъ на бой и умремъ, если представится къ тому необходимость». Окружавшія его толпы готовы были слѣдовать за ораторомъ, но никто его не зналъ, и раздалось нѣсколько голосовъ, спрашивавшихъ, кто онъ такой. «Дамокловъ мечъ полиціи виситъ надъ моей головой,—гордо отвѣчалъ импровизованный юный трибуны: — но, какъ Ульрихъ фонъ-Гутенъ, я скажу: я дераю. Меня зовутъ Адольфъ Фишгофъ». Возбужденная его краснорѣчіемъ толпа выбираетъ депутацію, и депутаты, имѣя во главѣ Фишгофа, отправляются въ залу Провинціальныхъ штатовъ; пока происходятъ ихъ объясненія, на улицѣ раздаются ружейныя выстрѣлы. Революція началась, и въ тотъ же день вечеромъ Меттернихъ подалъ въ отставку, а герольды, окруженные національной гвардіей, провозгласили, что императоръ даруетъ конституцію. Въ слѣдовавшіе за тѣмъ бурные дни, Фишгофъ, бывший дотолѣ молодымъ докторомъ въ главной вѣнской больницѣ, приобрѣталъ все большую и большую популярность, и, назначенный председателемъ комитета народной безопасности, онъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль повелителемъ австрійской столицы. Потомъ онъ былъ избранъ депутатомъ Вѣны въ первый австрійскій парламентъ, гдѣ засѣдалъ на одной скамьѣ съ Курандой, Ригеромъ, Палацкимъ и Смолкой, а когда Виндишгрець разогналъ рейхсратъ, то молодой Фишгофъ заплатилъ за свое минутное величіе девятымсячнымъ арестомъ. Онъ могъ бѣжать, но на всѣ совѣты друзей не попадаться въ руки враговъ онъ отвѣчалъ съ классическимъ мужествомъ: «Если я останусь, то Виндишгрець меня разстрѣляетъ, а если я убѣгу, то общественное мнѣніе

меня осудить; слѣдовательно я остаюсь». Однако, не смотря на все желаніе военнаго суда подвергнуть смертной казни молодаго доктора, введенное на него обвиненіе въ убійствѣ военнаго министра графа Латура оказалось ни на чемъ не основаннымъ и, напротивъ, воплію доказано, что онъ, рискуя своей жизнью, энергично старался спасти графа Латура отъ мести разъяренной черни. Онъ былъ освобожденъ, но его политическая роль окончилась навсегда. Съ тѣхъ поръ Фишгофъ сдѣлался докторомъ бѣдныхъ въ Вѣнѣ, хотя и славился, какъ одинъ изъ лучшихъ австрійскихъ медиковъ, а въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ онъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ близъ Клагенфурта, въ Каринтіи, продолжая даромъ лечить бѣдныхъ и очень рѣдко появляясь въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ совершенно не у мѣста въ политическихъ кружкахъ, такъ какъ сохранилъ до послѣдней минуты свои гуманные идеалы сорокъ восьмитаго года и не переставалъ проповѣдывать необходимость примиренія всѣхъ національностей на почвѣ свободы и прогресса.

Стратегическая важность Египта въ различныя историческія эпохи. Маіоръ германской службы Отто Ваксъ посвящаетъ этому вопросу любопытную статью въ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*». По его словамъ, Египетъ игралъ важную роль въ исторіи свѣта съ самыхъ древнихъ временъ, и замѣчательно, что пророчество Іезекіиля о томъ, что Египетская земля будетъ отдана въ чуждыя руки и на ней никогда не будетъ египетскихъ государей, буквально исполнилось. Впродолженіе двадцати вѣковъ Нильская долина постепенно была занята персами, македонянами, греками, римлянами, аравитянами и турками; самое древнее государство, цари котораго воздвигли себѣ гробницы, доселѣ возбуждающія общее удивленіе, никогда со временъ фараоновъ не имѣло ни одного туземнаго государя. Эта странная судьба Египта составляетъ логическій результатъ громаднаго военнаго значенія его позиціи, что воплію признавалъ Александръ Македонскій, который, прежде чѣмъ предпринять походъ въ Индію, обезпечилъ базисъ своихъ дѣйствій, прочно утвердившись въ Дельтѣ и основавъ тамъ Александрію. При Птолемахъ Египетъ былъ первой морской державой въ свѣтѣ, а въ средніе вѣка Александрія сдѣлалась великимъ центромъ торговли между Востокомъ и Западомъ. Бонапартъ писалъ Директоріи съ подножья пирамидъ: «Занявъ и удерживая Египетъ, я беру въ руки судьбы всего свѣта»; а Клеберъ, котораго неправильно считали противникомъ взглядовъ главнокомандующаго, прямо заявлялъ: «Египетъ будетъ для Франціи точкой опоры, съ которой она можетъ повелѣвать торговлей всѣхъ четырехъ частей свѣта». Такимъ образомъ, Наполеонъ овладѣлъ землею фараоновъ съ двойной опредѣленной цѣлью—воспользоваться господствующей ролью Египта для того, чтобы сдѣлаться наслѣдникомъ турокъ въ Средней Азіи и обратить Нильскую долину въ базисъ своихъ дѣйствій противъ англичанъ въ Индіи. Однако Египетъ въ началѣ настоящаго столѣтія имѣлъ гораздо меньшее стратегическое значеніе, чѣмъ въ наши дни. Красное море все еще было турецкимъ озеромъ. Мехметъ-Али ясно видѣлъ, какими вышними усложненіями грозитъ Египту прорытіе Суэзкаго канала, и остроумно говорилъ, что подобное предпріятіе не имѣло бы другаго смысла, какъ добровольное привіетіе Египту той болѣзни, отъ которой умирала Порта и которую называютъ Босфоромъ. Но съ тѣхъ поръ этотъ каналъ прорытъ, и Красное море сдѣлалось большой дорогой на Востокъ, а благодаря этому увеличилась важность Египта для всѣхъ морскихъ націй, въ особенности

же для Англіи. Естественно, что она воспользовалась первымъ случаемъ, чтобъ овладѣть Суэзскимъ каналомъ и повелѣвать Краснымъ моремъ, восточный берегъ котораго она занимаетъ до границы итальянскаго протектатора. Кромѣ того, въ ея рукахъ въ Бабелмандебскомъ проливѣ островъ Перимъ, Адень и Сокоторъ, а на Средиземномъ морѣ: Мальта, Кипръ и заливъ Искандерунскій. Но такъ какъ Египетъ никогда не приносилъ счастья его завоевателямъ, а, напротивъ, всегда велъ къ ихъ гибели, то маіоръ Ваксъ напоминаетъ Англіи слова Ренана, который прямо указывалъ, что Египетъ будетъ рано или поздно карой этой націи за ея честолюбіе и корысть. Нѣмецкій офицеръ видитъ для англійскаго владычества въ Египтѣ двѣ опасности: одну внутреннюю—постоянную опасность отъ вторженія фанатическихъ дикарей съ юга, чему положить конецъ можно только возвращеніемъ Картума и Бербера, а другую вѣшнюю—усиленіе французскаго вліянія на Средиземномъ морѣ, которое перестанетъ быть англійскимъ озеромъ, когда энергично созидаемая укрѣпленія Визерты будутъ грозить сношеніямъ между Гибралтаромъ и Египтомъ, а предположенный каналъ между Нарбонномъ и Бордо, то-есть между Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, дозволитъ французскимъ броненосцамъ прямо идти изъ Бреста въ Тулонъ. Въ тотъ день, когда то и другое сдѣлается совершившимися фактами, Суэзскій каналъ, по мнѣнію нѣмецкаго офицера, перейдетъ въ руки Франціи, и наступитъ конецъ англійской власти въ Египтѣ.

Два юбилея. Всѣ парижскія газеты переполнены статьями о только что отпразднованномъ юбилеѣ Казимира Делавина въ Гаврѣ, гдѣ онъ родился 4-го апрѣля, сто лѣтъ тому назадъ. Это чисто литературное торжество продолжалось четыре дня и, какъ всегда, въ его составъ входили процессія, театральная представленія, академическія рѣчи, лекціи, банкеты, иллюминаціи, фейерверки и т. д., но главный его интересъ сосредоточивался на представленіи актерами французской комедіи главнѣйшихъ пьесъ юбиляра, на лекціи извѣстнаго театральнаго критика Жюль Леметра, поставившаго себѣ цѣлью возстановить литературную популярность автора «*Messeniennes*», и рѣчи поэта Франсуа Коппэ, который, какъ представитель французской академіи, въ прославленіи Делавина слѣдовалъ по стопамъ Виктора Гюго и Альфреда Мюссэ, произнесшихъ ему панегирики, первый при его погребеніи, на кладбищѣ «*Père Lachaise*», а послѣдній при открытіи его статуи въ Гаврѣ. Эти два оратора рельефно обрисовали симпатичную фигуру Делавина, который, конечно, не былъ великимъ поэтомъ и гениальнымъ драматургомъ, но заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ независимый, исключительно преданный литературѣ, писатель, пламенный патріотъ и выразитель прогрессивныхъ идей XIX вѣка въ самую мрачную его эпоху, именно во время политической реакціи двадцатыхъ годовъ. Хотя его первымъ поэтическимъ произведеніемъ была официальная ода по случаю рожденія сына Наполеона римскаго короля, но слѣдующія его поэмы и стихотворенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «*Messeniennes*», дышали патріотическимъ жаромъ и напоминали побѣжденной, униженной Франціи, что она когда-то побѣждала весь свѣтъ, что наступитъ рано или поздно возстановленіе ея славы, и что стремленіе къ свободѣ, къ національному единству, были лучшимъ средствомъ достигнуть этой цѣли. Подобные звуки молодой музы новаго поэта вызывали, конечно, неописанный восторгъ всей Франціи, но возбуждали противъ него какъ правительство реставраціи, такъ и могущественные тогда

клерикально-консервативные элементы. Онъ былъ лишенъ занимаемаго имъ мѣста казеннаго бібліотекаря, и французская академія два раза забаллотировала его, предпочитая ему прелатовъ католической церкви; когда же громадный успѣхъ его первыхъ пьесъ «Les Vepres Siciliennes», «Le Parice», и «l'Escalé des Viellards» довелъ до апогея его популярности, то Карль X пожаловалъ ему пенсіонъ въ 1.200 франковъ, а академія его наконецъ выбрала въ число своихъ безсмертныхъ, не смотря на его тридцать два года, но Делавинъ гордо отказался отъ милости правительства, противъ котораго онъ пламенно возставалъ, и хотя занялъ академическое кресло, но публично замѣтилъ: «Я не ожидалъ этого выбора, такъ какъ думалъ, что въ третій разъ мнѣ противопоставятъ самого папу». До іюньской революціи онъ продолжалъ быть поэтомъ либеральныхъ идей того времени, а когда настала 1830 годъ, то онъ написалъ торжествующіе гимны «La Parisienne» и «La Vraie-sone», подъ звуки которыхъ Парижъ изгналъ Бурбоновъ и посадилъ на престолъ хотя буржуазнаго, но либеральнаго Луи-Филиппа, а Брюссель добился національной независимости и конституціонной свободы подъ скипетромъ избраннаго Бельгіей короля Леопольда I. Но не смотря на торжество своихъ идей, Делавинъ не хотѣлъ принять никакой подачи и отъ сочувственнаго ему правительства; онъ отказался отъ предложеннаго ему званія пэра Франціи, и только остался другомъ короля, съ которымъ уже давно находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. При этомъ онъ имѣлъ въ виду поддержать не только свое личное достоинство, но и достоинство литератора, который, по его мнѣнію, долженъ быть исключительно литераторомъ и не принимать никакого участія въ политической дѣятельности, а потому, не принявъ мѣста въ верхней палатѣ, онъ отклонилъ отъ себя многочисленныя предложенія выставить кандидатуру въ депутаты. Съ тѣхъ поръ и до преждевременной своей смерти въ 1843 году онъ посвящалъ себя преимущественно театру и написалъ свои лучшія пьесы «Людовикъ XI», «Дѣти Эдуарда» и «Популярность»; первая изъ нихъ доселѣ сохраняется въ репертуарѣ всѣхъ европейскихъ театровъ, и въ ней имѣли громадный успѣхъ лучшіе актеры нашего времени, какъ Самойловъ и англичанинъ Ирвингъ, а послѣдняя, по мнѣнію Леметра, представляетъ связующее звено между комедіями Бомарше и Ожье. Хотя во время борьбы романтической школы Виктора Гюго съ классицизмомъ на Делавиня сыпались одинаково упреки въ томъ, что онъ былъ слишкомъ свободнымъ классикомъ и слишкомъ умѣреннымъ романтикомъ, но по справедливому замѣчанію того же Леметра «Людовикъ XI», какъ драма, гораздо лучше «Эрнани», и романтичная фразеологія теперь кажется еще болѣе устарѣвшей, чѣмъ псевдо-классическій стиль автора элегіи на смерть Орлеанской дѣвственницы, которую знаютъ наизусть школьники всего свѣта. По случаю столѣтней годовщины поэта, котораго, по словамъ Коппе, Франція никогда не забудетъ за его прекрасную душу, литературную честность и благородную патріотичную музу, одинъ изъ мѣстныхъ гаврскихъ профессоровъ Ле-Гофикъ напечаталъ интересный очеркъ жизни Делавиня и помѣстилъ въ немъ нѣсколько неизданныхъ его стихотвореній, въ томъ числѣ слѣдующую оригинальную эпитафію, которая не красуется на его могилѣ:

«Un membre de la Faculté
«D'ici-bas m'a fait disparaître.

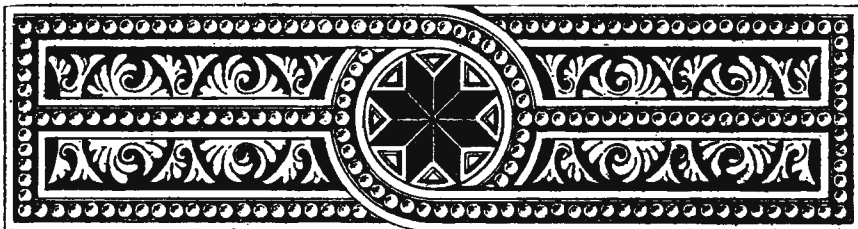
«Que me sert-il d'avoir été?

«Je ne suis pas plus qu'avant d'être¹⁾».

Этих скромныхъ словъ, конечно, нельзя отнести къ герою другаго юбилея, отпразднованнаго ровно четыре мѣсяца передъ гаврскими празднествами въ Падуѣ, гдѣ мѣстный университетъ торжественно справилъ трехсотлѣтнюю годовщину занятія его кафедръ физики Галилеемъ 7-го декабря 1592 года. Великій творецъ опытной науки не спросилъ бы себя, зачѣмъ онъ жилъ, и современная цивилизація, видя въ немъ одного изъ своихъ главныхъ столбовъ, знаетъ, что умирая онъ былъ неизмѣримо болѣе того, чѣмъ находился до начала своего бытія; эти два факта отдѣляются его знаменитыми учеными трудами, и если трезвая исторія не признаетъ достовѣрною его легендарной фразы послѣ вынужденнаго, быть можетъ, пыткой оффиціальнаго отреченія отъ своей научной теоріи: «E pur si muove», то она, всетаки, произнесена его потомствомъ и даже преемниками его преслѣдователей, которые вынуждены учить въ школахъ тому, за что Галилея едва не подвергли смертной казни. По какой-то странной случайности юбилей великаго ученаго въ Падуѣ былъ совершенно пропущенъ европейской прессой, и только въ первомъ мартовскомъ номерѣ «Revue Encyclopedique» мы находимъ отчетъ объ этомъ торжествѣ, продолжавшемся пять дней. Всѣ итальянскіе университеты и академіи, а также главнѣйшіе ученые центры Стараго и Новаго Свѣта, прислали своихъ представителей въ лицѣ извѣстныхъ ученыхъ: такъ, были депутаты университетовъ Оксфордскаго, Кембриджскаго, Берлинскаго, Геттингенскаго, Лундскаго, Дерптскаго и т. д., парижской академіи, политехническихъ школъ Мюнхена, Штутгарта и т. д. На университетскомъ актѣ въ той самой залѣ, гдѣ читалъ лекціи Галилей, первоклассные служители современной науки произнесли соответствующія торжеству рѣчи на итальянскомъ языкѣ, хотя депутатъ Бадена говорилъ полатыни, а французы, венгерцы и швейцарцы пофранцузски. Народное празднество и историческая процессія къ памятнику Галилея завершили Падуанскій юбилей.

¹⁾ Членъ докторскаго братства отправилъ меня на тотъ свѣтъ; къ чему я жилъ? Я теперь не болѣе того, чѣмъ былъ до начала своего бытія.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Документъ о восточномъ вопросѣ въ XVIII столѣтіи. — Первые три засѣданія англорусскаго литературнаго общества. — Новый англійскій переводъ «Ревизора». — Нѣмецкая трагедія о Петрѣ Великомъ. — Гвоздеобразная легенда о созданіи міра и человѣка. — Интимный Наполеонъ. — Существуетъ ли морская змѣя?

ВАРШАВСКІЙ профессоръ Александренко помѣстилъ въ журналъ «Academy» любопытный документъ, относящійся къ Россіи и восточному вопросу въ XVIII столѣтіи (*Russia and the eastern question in the eighteenth century*). Россія всегда поддерживала сношенія съ православнымъ востокомъ до паденія Константинополя. Бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ не измѣнилъ этихъ отношеній. Черезъ годъ послѣ пріѣзда Софіи въ Москву венеціанскій сенатъ называлъ Византію будущей вотчиной Ивана III и признавалъ его (въ ноябрѣ 1473 года) обладателемъ Восточной имперіи по праву, ему принадлежащему вслѣдствіе его знаменитаго брака (*occupator imperii Orientis., per illustre matrimonium suum pertineret*). Въ началѣ XVI вѣка ученый Филоеѣ писалъ Василю III, что одинъ Римъ погибъ, другой клонится къ упадку, а стоитъ только третій—Москва и четвертаго никогда не будетъ. Иванъ Грозный отправилъ суздальскаго архимандрита Теодорита къ константинопольскому патриарху съ посланіемъ, въ которомъ называлъ себя внукомъ Софіи и изъявлялъ желаніе, чтобы патриархъ призналъ его главою православія, на что тотъ и изъявилъ согласіе въ сентябрѣ 1562 года. У слѣдующихъ царей освобожденіе православнаго востока отъ ига невѣрныхъ сдѣлалось религіозною обязанностью, историческою миссіею. А вотъ и документъ XVIII вѣка, найденный профессоромъ въ англійскомъ

публичномъ архивѣ. Это письмо сэра Эверарда Фаркенера къ герцогу Ньюкестль отъ 28-го августа 1736 года, изъ Константинополя: «Мнѣ кажется, что москвиты имѣютъ сильное желаніе прогнать отсюда турокъ и занять ихъ мѣсто. Царь Петръ тоже думалъ объ этомъ, и даже турки говорятъ, что онъ желалъ, чтобы его похоронили въ храмѣ св. Софіи. Онъ собирался снова напасть на нихъ вмѣстѣ съ императоромъ, но, не получивъ отъ него помощи, не рѣшился на это. Онъ до послѣдняго времени поддерживалъ сношенія съ греками, привыкшими смотрѣть на него, какъ на покровителя ихъ церкви и народности. Въ томъ же убѣждены и болгары, живущіе во Фракіи, храбрый, здоровый народъ, хотя и не тѣхъ же самыхъ вѣрованій, но говорящій нарѣчіемъ того же языка. Здѣсь московскихъ царей считаютъ наслѣдниками греческихъ императоровъ. Притязаніе это основываютъ на бракѣ царя Ивана Васильевича (John Basylides) съ Софіей, племянницей Константина Палеолога, послѣдняго греческаго императора; у нихъ одна и та же религія, одинъ характеръ, и церковь ихъ была всегда подчинена Константинополю. Греки только и думаютъ о томъ, какъ бы имъ овладѣть св. Софіей. Турецкая имперія склоняется къ упадку и близка къ своему концу. У турокъ есть старое пророчество, котораго они очень боятся: ихъ низвергнетъ бѣлый народъ, и они убѣждены, что это—русскіе». Полторацкая лѣтъ назадъ, Англія, очевидно, не имѣла ничего противъ того, чтобы пророчество это осуществилось, а теперь?...

— Для ближайшаго ознакомленія съ Россіей въ Лондонѣ основано «Англо-русское литературное общество» (Anglorussian literary society) подъ предсѣдательствомъ Э. Казалета, читавшаго въ прошломъ году лекціи о Россіи. Главные учредители его: полковникъ Девисъ, капитанъ Торнтонъ, Дельмаръ, Морганъ, Фонтонне, докторъ Полленъ и пасторъ Артуръ Томпсонъ, бывшій капеланомъ въ Петербургѣ; члены — Генрихъ Рейола, Александръ Каннингъ, Брайлей, Годжетсъ, Джемсъ Вильсонъ, Просперъ Линдеъ и Артуръ Сейкъсъ. Собирается общество разъ въ мѣсяцъ въ императорскомъ институтѣ. Въ первомъ засѣданіи предсѣдатель прочелъ письма лицъ, поздравлявшихъ съ открытіемъ клуба, отъ барона Остенъ-Сакена, вице-президента географическаго общества, виконта Мельхиора Вогюэ и др., и говорилъ о цѣляхъ общества, о намѣреніи открыть русскую бібліотеку и кабинетъ для чтенія. Пренія будутъ происходить на англійскомъ и русскомъ языкѣ; изъ нихъ вовсе исключается политика. Многіе англичане не любятъ русскихъ, потому что не знаютъ ихъ, но чтобы имѣть друзей, надо самому высказывать дружескія чувства, и Англія, какъ старѣйшая нація, обязана первая протянуть руку младшей странѣ. Крымская война была причиною того, что Россія вошла въ коммерческія сношенія съ другими націями въ ущербъ Англіи и теперь вывозитъ многіе продукты, которые прежде только привозились въ нее. Необходимо завязать прежнія торговыя сношенія. Основаніе англо-русскаго общества было благосклонно встрѣчено русскими публицистами и журналистами; многіе изъ нихъ обѣщали доставлять рефераты. Послѣ рѣчи предсѣдателя, Джонъ Полленъ, служащій въ индійскомъ гражданскомъ управленіи и бывшій вице-консуломъ въ Одессѣ, читалъ записку о русскомъ языкѣ и литературѣ. «Моя національнѣя предубѣжденія противъ Россіи,—говорилъ онъ,—быстро разсѣялись, когда я ближе ознакомился съ нею. Занимаясь изслѣдованіемъ англійскаго устройства и земельной системы въ Индіи, я мало нашелъ въ нихъ того, что было бы неизвѣстно въ русской

общинѣ, гдѣ учрежденія запада сошлись съ востокомъ. Я представлялъ себѣ русскихъ полуварварами, пожирателями сальныхъ свѣчей, отсталыми, деморализованными, живущими подъ желѣзной тираніей, ненавидящими всѣхъ иноземцевъ, особенно англичанъ и, къ своему удивленію, нашель ихъ довольными, самостоятельными, гостепріимными, расположенными къ иностранцамъ и англичанамъ. Правда, у насъ изображаютъ ихъ не такими. Что касается ихъ языка, онъ чрезвычайно богатъ, мягокъ, и въ то же время силенъ, основанъ на чисто научныхъ законахъ. Онъ быстро разрастается и пожираетъ идеи и выраженія другихъ языковъ. Передъ нимъ англійскій языкъ имѣетъ только то преимущество, что онъ дѣловой, и его предпочитаютъ московскіе купцы, потому что на немъ яснѣе и короче можно заключить контракты всякаго рода». Послѣ такого комплимента московскимъ купцамъ, ораторъ съ особенной похвалой отозвался о литературныхъ заслугахъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Фета, Майкова и другихъ, и опровергнулъ мнѣніе, что русская литература — сколокъ съ западной. Русскіе писатели хорошо знакомы съ англійскими и послѣднимъ необходимо изучить ихъ собратьевъ. На второмъ засѣданіи въ числѣ новыхъ лицъ были: г-жа Новикова, капитанъ Рожественскій, Мачинъ, Коннингамъ, Арчибальдъ Констебль, капитанъ Торнтонъ. Гольдсмитъ Просперъ читалъ описаніе своего восьмилѣтняго путешествія въ 1890—1891 году съ англо-сибирской торговой экспедиціей вокругъ Нордкапа, по Югорскому берегу, острову Вайгачу, Карскому морю. Свое описаніе онъ иллюстрировалъ фотографіями и разными предметами, привезенными изъ сѣвернаго края. Отъ устьевъ Енисея пароходъ «Бискайя» прошелъ по рѣкѣ до Дудинской и Турханска и пришелъ въ Енисейскъ за два дня до замерзанія рѣки. Въ этомъ городѣ и въ Красноярскѣ экспедицію принимали съ радушіемъ, съ особеннымъ гостепріимствомъ. Просперъ не могъ нахвалиться Сибирью. Въ третьемъ засѣданіи генералъ-майоръ мадрасской арміи Тиррель читалъ рефератъ: «Русскіе въ восточной литературѣ»: Россія—это Янусъ, одно лицо котораго обращено къ западу, другое—къ востоку, первое выражаетъ идеи консерватизма, второе—прогресса. Петербургъ — это Мекка, куда обращаются теперь взоры всего востока. Но съ нимъ Россія еще не близко знакома, тогда какъ древнѣйшія свѣдѣнія объ ней сохранились въ географіи Массуди, X вѣка. Онъ описываетъ царство хазаръ-аваръ Габбова, столица которыхъ Итиль была на Волгѣ. Арабскій географъ описываетъ грабежи русскихъ пиратовъ—ар-Русъ по Черному морю и нападеніе ихъ на Константинополь въ 920 году на 500 судахъ, съ сотней челоуѣкъ на каждомъ. Фирдуси и Низами въ своихъ поэмахъ говорятъ, что царь-пророкъ Александръ очистилъ міръ отъ рыжихъ руссовъ съ голубыми глазами (гурба-хашимъ). Мусульмане признаютъ два старинные государства — Румъ и Русъ, но не хотятъ знать ни Англии, ни Германіи. Другой географъ Шарифъ-аль-Идриси довольно подробно описываетъ русскихъ въ 1150 году. Путешественникъ Ибн-Батута дѣлаетъ тоже въ 1350 году. Имя Россіи было извѣстно съ давнѣйшихъ временъ, и напрасно Морфилъ утверждаетъ, что его узнали только въ XVI вѣкѣ. Объ немъ упоминаетъ еще въ XIV вѣкѣ поэтъ Чосеръ, въ «Кентербурійскихъ сказкахъ». Народныя татарскія пѣсни воспѣваютъ паденіе Казани, Крыма, Кавказа. Персіане называютъ русскихъ царей — хуршадъ-кулахъ—солнцеподобные владыки. Въ персидскомъ языкѣ не мало русскихъ словъ: музьяквтъ, коляска, стаканъ, самоваръ и пр. Затѣмъ Линдвѣнъ описываетъ Крымъ,

какъ бывшій русскій офицеръ, познакомившійся съ англичанами въ Балаклавѣ, что и послужило поводомъ къ его переселенію въ Англію. Весселитскій-Божидаровичъ, русскій газетный корреспондентъ въ Лондонѣ, сдѣлалъ на русскомъ языкѣ хвалебную оцѣнку англійскихъ учрежденій, которымъ глубоко сочувствуютъ Петербургъ и Москва. Онъ благодарилъ за избраніе его въ члены общества и говорилъ, что въ Россіи ни одна страна не цѣнится такъ высоко, какъ Англія. Терминъ «англійскій» равносильнъ всему лучшему, изящному, солидному; англійскіе товары прочіе всѣхъ другихъ, лучшіе клубы въ обѣихъ столицахъ — англійскіе. Англomanія развилась въ Россіи со временъ Петра I. Русскіе писатели, ученые, поэты, политическіе люди, публицисты, уважаютъ Англію и удивляются ей. Тургеневъ и Толстой выводятъ въ своихъ разсказахъ французовъ въ непривлекательномъ видѣ, надъ нѣмцами смѣются, надъ англичанами — никогда. Имъ отдають справедливость славянофилы; Иванъ Аксаковъ ставилъ британскій патриотизмъ въ примѣръ русскому обществу. Катковъ былъ восторженнымъ поклонникомъ Англіи и началъ свое литературное поприще съ перевода «Ромео и Юлія». Русскій корреспондентъ до того увлекся восхваленіемъ Англіи, что даже цитировалъ первые четыре стиха пьесы «Островъ», написанной однимъ изъ славянофиловъ. Хорошо еще, что Весселитскій-Божидаровичъ не вспомнилъ о главѣ этой партіи Хомяковѣ, далеко не такъ восторженно отзывавшемся въ своихъ стихахъ о просвѣщенныхъ мореплавателяхъ, относящихся къ намъ особенно въ послѣднее время далеко не симпатично.

— Одинъ изъ членовъ англо-русскаго общества, Артуръ Сейкъсъ, ознаменовалъ свое вступленіе въ этотъ клубъ новымъ переводомъ «Ревизора» (The inspector general, a russian comedy by Nicolaï V. Gogol, translated from the original by Arthur A. Sykes). Въ краткомъ предисловіи онъ говоритъ, что придетъ время, когда каждый школьникъ будетъ учиться порусски для того, чтобы читать Гоголя въ подлинникѣ. Всѣ русизмы и особенности языка въ комедіи объяснены подстрочными примѣчаніями. Англійская критика очень хвалитъ переводъ и въ особенности сцену, когда почтмейстеръ читаетъ изумленному собранію письмо Хлестакова. Отдавая справедливость остроумной пьесѣ, критики находятъ, что она врядъ ли можетъ имѣть успѣхъ на англійской сценѣ, до того англійскіе нравы не похожи на русскіе, да и въ самой Россіи комедія имѣетъ теперь уже только археологическое значеніе. Гоголь вообще не прививается въ Англію. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ англичанинъ передѣлалъ «Мертвыя души» и выдалъ ихъ за свое сочиненіе подъ названіемъ «Домашняя жизнь въ Россіи», но никто не обратилъ вниманія на эту книгу, такъ что покойный Ральстонъ одинъ прославилъ ея достоинства. Двѣ повѣсти Гоголя были переведены Т. Шау полвѣка тому назадъ въ «Блаквудскомъ обозрѣніи», но и тамъ ихъ никто не замѣтилъ, хотя бывшій лекторъ англійскаго языка въ Петербургѣ перевелъ въ то же время нѣсколько пьесъ Пушкина. «Ревизоръ» явился еще въ 1891 году въ очень хорошемъ переводѣ Гарта Девиса, передавашаго также «Войнаровскаго» и другія пьесы Рылѣева звучными стихами. Только переводъ «Войны и мира» расшевелилъ три года назадъ апатію англичанъ. Недавно въ одномъ журналѣ напечатаны два разсказа Достоевскаго, и редакція, похваливъ писателя, совѣтуетъ ему, однако, лучше обработывать свой слогъ, а Достоевскій умеръ въ 1881 году. Та же исторія случилась съ Пушкинымъ, которому еще недавно англійское

обозрѣніе давало подобныя же совѣты. Только Ральстонъ да Ватсъ, состоящій въ Британскомъ музеѣ, изучили русскихъ авторовъ и писали объ нихъ. Сейкъсъ сдѣлалъ только одну ошибку, назвавъ въ примѣчаніяхъ извѣстный романсъ «Красный сарафанъ» народною пѣснью. Слова этого романса принадлежатъ Цыганову, умершему въ 1831 году. Правда, нѣмцы даже музыку Варламова къ этому романсу включили въ свои народныя пѣсни, ну, да вѣдь на то они и нѣмцы.

— Странная пьеса вышла въ Берлинѣ подъ названіемъ «Императоръ-рабочій» (Der Arbeiter-Kaiser). Это прозваніе авторъ пьесы Фридрихъ Дукмейеръ примѣнилъ къ Петру I. Жизнь этого монарха дѣйствительно весьма драматична, и вывести его на сцену пытался не разъ русскіе и иностранныя драматурги. Но начиная съ Иммермана и его трилогіи «Алексеѣ» до Погодина, взявшаго главнымъ предметомъ своей трагедіи тотъ же эпизодъ, нельзя сказать, чтобы попытки ихъ были удачны. Нѣсколько больше держалась на сценѣ опера Лорцинга «Царь и плотникъ», но и содержаніе ея и музыка слишкомъ мелки, и даже даровитый Мейерберъ, выведя въ своей «Сѣверной Звѣздѣ» Петра какимъ-то селадомомъ, играющимъ на флейтѣ подъ окнами своей Екатерины, самъ созналъ свою ошибку и, снявъ оперу съ репертуара, передѣлалъ ее въ «Силезскій лагерь». Дукмейеръ, извѣстный уже какъ поэтъ и критикъ, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Петербургѣ и серьезно изучилъ русскую исторію. Онъ довольно вѣрно изобразилъ характеръ Петра, представивъ преобразователя русскимъ патриотомъ, вводящимъ культуру въ свою имперію, уничтожающимъ вѣковыя предрассудки, плѣсень и рутину въ управленіи. Главный узелъ драмы — столкновеніе европейской цивилизаціи съ азіатскою косностью и отца съ сыномъ. Блугу своего народа императоръ приноситъ въ жертву и свое личное благо и жизнь сына. Кромѣ этихъ главныхъ лицъ, въ пьесѣ типично обрисованы Меншиковъ, Ромодановскій, Прокоповичъ, Петръ Толстой, Долгорукій, Зотовъ, Екатерина, Евдокія, Афросинья. Пьеса окончивается смертью Петра послѣ его подвига — спасенія утопающихъ на Лахтѣ. Стихи сильны и звучны. Нѣсколько сценъ написаны прозою.

— Изученіе гвоздеобразныхъ письменъ достигло въ послѣднее время значительныхъ успѣховъ. Три года назадъ найдены въ долинѣ Евфрата, въ Куонджикѣ, глиняныя плитки, на которыхъ ассиріологи разобрали вавилонское преданіе о созданіи перваго человѣка и потопа. Плитки перевезены въ Британскій музей, гдѣ ихъ перевели археологи Сайсъ и Панчесь. Среднія плитки потеряны, сохранились только начало и конецъ разсказа, но и тутъ многія плитки разбиты и испорчены. Недавно, въ Тель-эль-Амарна, въ Египтѣ, въ гробницѣ мумій, найденъ тотъ же разсказъ съ новыми подробностями. Разсказъ начинается съ того времени, когда «ничего не было, ни травъ, ни деревьевъ, ни самыхъ обыкновенныхъ вещей, ни знаменитыхъ городовъ, ни земли, ни моря; были только Эриду—рай и Эсад-жила — жилище боговъ». По образцу ихъ основанъ и устроенъ Вавилонъ. Потомъ Меродахъ началъ создавать міръ. Онъ сотворилъ землю изъ пыли (эпири) и воду, затѣмъ Аруру—прародителя людей (аккадійская версія называетъ его Адамъ), рѣки—Тигръ и Евфратъ, животныхъ, разныя страны, деревья и растенія, наконецъ, города Нифферъ и Эрехъ съ храмами. Вавилонское преданіе на Персидскомъ заливѣ говорятъ, что человѣческій родъ созданъ богомъ Эа, но богъ Аау особенно покровительствовалъ Аруру или

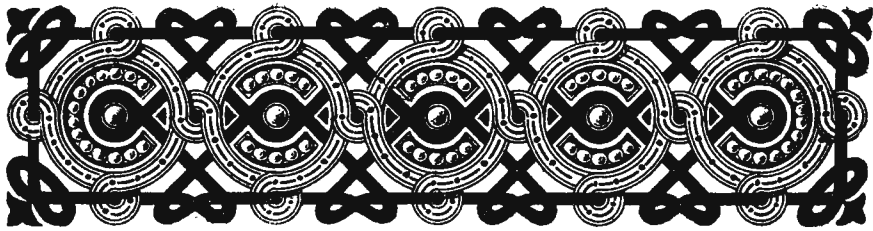
Аддаму, доставлялъ ему пищу и одежду и сдѣлалъ его обладателемъ всего видимаго міра. Богъ обѣщаль новосозданному человѣку взять его на небеса и сколько можно догадываться по искаженнымъ отрывкамъ, далъ ему жену. Все это походить на библейскія преданія, но какимъ образомъ нѣмецкій ученый Циммеръ, разбивавшій текстъ тель эль-амарнской легенды, нашелъ въ ней сходство съ мифомъ Прометея, этого мы не повинаемъ. Вообще значеніе клинообразныхъ письменъ еще не установлено окончательно. Такъ, слово «наммассу» переводятъ: основаніе, городъ, животныя и человѣчскій родъ, какъ будто все это синонимы.

— Въ исторической литературѣ было уже нѣсколько попытокъ представить Наполеона не какъ полководца и императора, а частнымъ человѣкомъ въ его домашней жизни, съ его личными взглядами, со всѣми особенностями его темперамента. Такую характеристику составилъ и Артуръ Леви въ своей книгѣ «Интимный Наполеонъ» (*Napoleon intime*). Авторъ возстановляетъ, на основаніи писемъ императора и мемуаровъ современниковъ, его частную жизнь, его мнѣнія о политикѣ, законахъ, обществѣ, литературѣ. Цѣль объемистой книги въ 656 страницъ полезна и любопытна, но читатель выносить изъ нея чувство неудовлетвореннаго ожиданія, хотя авторъ старается быть безпристрастнымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, основанныхъ преимущественно на длинномъ спискѣ библиографическихъ документовъ. Многіе изъ этихъ источниковъ, однако, или явно поддѣланы, какъ мемуары камердинера Констанана, или дѣвицы Аврильонъ, а другимъ нельзя вѣрить безусловно, какъ мемуарамъ герцогини Абрантесъ и герцога Виченскаго, или запискамъ Коленкура, рассказывающаго небылицы о своемъ посольствѣ въ Петербургѣ, о войнѣ въ Россіи и о 1814 годѣ. Авторъ самъ дѣлаетъ хоть и не важныя, но странныя промахи, говоря о свиданіи въ Тильзитѣ трехъ императоровъ, называя Франца II германскимъ императоромъ въ 1814 году, а членовъ Конвента Понтекулана и Обри министрами. Онъ высказываетъ также иногда странныя мнѣнія, какъ, напримѣръ, увѣряя, что Францъ II, какъ нѣжный отецъ, отдавая дочь свою за Наполеона, былъ увѣренъ въ томъ, что составилъ ея счастье. Страненъ также общій выводъ о моральномъ характерѣ Наполеона, что онъ былъ настоящій буржуа и въ Бриенской школѣ, и въ войскѣ, и какъ мужъ Жозефины и Маріи-Луизы, и когда раздавалъ троны своимъ братьямъ. По мнѣнію Леви, и теперь каждый скромный, трудолюбивый офицеръ французской арміи можетъ рассчитывать на карьеру Наполеона. Авторъ чересчуръ пристрастенъ къ своему герою и держитъ его сторону во всѣхъ столкновеніяхъ императора съ своимъ семействомъ, отаиваясь неодобрительно обо всѣхъ, кто разоблачалъ Наполеона, какъ Ремюза или г-жа Сталь. Что касается до жертвъ императора, однихъ онъ обвиняетъ, какъ герцога Энгіенскаго и Пишегрю во всевозможныхъ преступленіяхъ, о другихъ вовсе умалчиваетъ, какъ объ адмиралѣ Вильневѣ, доведенномъ до самоубійства, о г-жѣ Шеврезѣ, о Фротте, заманенномъ въ западню, и др. Королеву прусскую Луизу онъ называетъ «дипломатическою Венерою, предлагавшею Наполеону цѣтокъ въ замѣнъ Магдебурга, но царственный Парисъ оказался непреклоннымъ». Не смотря на панегирикъ Леви, интимный Наполеонъ остается, все-таки, весьма неприкажательнымъ. Неожиданные успѣхи его военной карьеры развили его эгоизмъ и честолюбіе до чудовищныхъ размѣровъ и, наконецъ, погубили его. Но онъ не былъ ни средневѣковымъ итальянскимъ кондотьеромъ, какъ его изобразилъ Тэнъ, ни жестокимъ и распутнымъ деспотомъ.

Когда не противорѣчили его властолюбію и прихотямъ, онъ отдавалъ справедливость уму, заслугамъ, добродѣтели. Изъ его товарищей по оружію не всё, какъ Бертье и Дюранъ, были только его покорными слугами; многіе, какъ Ланвѣ и Дезе, искренно были къ нему привержены, какъ не малое число офицеровъ и простыхъ солдатъ. Но во всёхъ 22-хъ тысячахъ писемъ, оставшихся отъ императора, трудно найти какія нибудь черты его личнаго характера. Любопытна страсть его среди самыхъ сложныхъ политическихъ плановъ вмѣшиваться въ вопросы объ искусствѣ. И онъ дѣлалъ это вовсе не съ цѣлью отвлечь вниманіе общества отъ серьезныхъ проектовъ. Приводятъ въ примѣръ декретъ объ организаціи французскаго театра, подписанный въ Москвѣ, но такихъ московскихъ декретовъ не мало въ его жизни. Послѣ побѣды при Іенѣ, готовясь вступить въ Берлинъ, гдѣ два мѣсяца назадъ прусскіе офицеры приходили точить свои сабли о ступени подѣзда къ дому французскаго посла, императоръ писалъ изъ Потсдама къ Фуше, чтобы какъ можно роскошнѣе поставили пьесу «Возвращеніе Улисса» и сообщили, какъ приметъ ее публика. Въ декабрѣ 1806 года онъ пишетъ Фуше съ береговъ Вислы о трагедіи «Тамплиеры», представленной на берегахъ Сены, и говорить, что авторъ ея, Ренуаръ, не понялъ характера короля Филиппа Красиваго. Въ 1807 году изъ лагеря при Остероде Наполеонъ приказываетъ поставить въ залѣ академіи статую Даламбера. За нѣсколько дней до сраженія при Фридландѣ онъ предписываетъ министру внутреннихъ дѣлъ, Шампаньѣ, учредить конкурсъ для изслѣдованія болѣзни крупа. Надо сказать, однако, что Наполеонъ старался внушить писателямъ свои личные взгляды. Такъ, въ Эрфуртѣ онъ совѣтовалъ Гёте написать «Смерть Цезаря», но съ болѣе грандіозной точки зрѣнія, чѣмъ Вольтеръ. «Надо показать міру, какъ Цезарь далъ бы счастье человѣчеству, если бы имѣлъ время осуществить свои обширные планы». Ренуару онъ предлагалъ написать трагедію изъ эпохи перехода власти во Франціи отъ меровинговъ къ карлосингамъ, чтобы показать, какъ послѣ тирана спасителемъ націи была другая династія. Тутъ намекъ на переходъ отъ бурбоновъ къ наполеонидамъ былъ уже очень явный. Заботы его объ искусствахъ принимали иногда очень оригинальную форму. Такъ, въ 1806 году онъ заказалъ «восемь картинъ въ 3,3 метра вышины и четыре длины по 12 тысячъ франковъ за каждую и четыре другихъ картины въ 1,2 метра на 2,2 метра длины по 6 тысячъ франковъ за штуку». Онъ самъ назначалъ роли въ «Сидѣ» и мѣнялъ репертуаръ французскаго театра, приказывая на пасхѣ 1810 года поставить «Смерть Адама» вмѣсто «Весталки», «Персея и Андромеду» вмѣсто «Баядерокъ». Онъ слѣдилъ за ходомъ спектаклей и, недовольный тѣмъ, что въ оперѣ раздавали очень много даровыхъ мѣстъ, грозилъ поставить ея администрацію подъ контроль военнаго лица, которое не допуститъ злоупотребленій. Онъ былъ избранъ членомъ института по отдѣлу механическихъ наукъ 5-го нивоза VI года, на мѣсто Карно, посланнаго директорією послѣ переворота въ Фруктидорѣ, и тотъ же Карно, въ апрѣлѣ 1815 года, бывший уже графомъ имперіи, передалъ институту отказъ Наполеона отъ званія члена этого учрежденія—вслѣдствіе отъѣзда изъ Франціи. А этого члена еще въ 1811 году Арно восхвалялъ плохими стихами подъ еще болѣе плохую музыку Мегюля, какъ друга Клію, Ураніи и богини механическихъ наукъ, которыхъ императоръ «облагораживаетъ равными милостями, хотя и не отдаетъ предпочтенія ни одной изъ нихъ, покровительствуя наукамъ». Но все это было ложью: Наполеонъ ничего не по-

нималъ въ живописи и музыкѣ, а любилъ трагедію и эпическія поэмы. Онъ интересовался Оссіаномъ, но въ жалкой рюмованной передѣлкѣ Баур-Лор-міана, апокрифической поддѣлки Макферсона. Когда ему предложили назначить ренту въ 300 франковъ потомкамъ Корнеля, онъ писалъ: «Это не достойно того, кто заслуживаетъ короны. Я хочу сдѣлать барономъ старшаго члена этого семейства съ пенсіей въ 10 тысячъ франковъ, а младшему члену назначить 4 тысячи. Дѣвицамъ дать также пенсію, которою онѣ могли бы жить». Въ самые тяжелые для него годы, въ письмахъ его встрѣчаются литературныя воспоминанія. Въ 1814 году, опасаясь за участь своего сына, онъ пишетъ брату Іосифу: «Я никогда не могу видѣть «Авдромаху» безъ сожалѣнія объ Астіанаксѣ и считалъ счастіемъ, что онъ не пережилъ своего отца Гектора». Королева Виртембергская приводитъ его сентиментальную фразу передъ бракомъ съ Маріей-Луизой: «Я далъ миръ всему свѣту и буду слушать Заюру». Арно въ предисловіи къ трагедіи «Венеціане» говоритъ, что онъ обязанъ Наполеону идеей своего пятаго, лучшаго акта въ пьесѣ. Не задолго передъ Аустерлицемъ онъ далъ Гуделю даже планъ балета «Возвращеніе Улисса». Но никакія трагедіи не могли заставить его забыть о той роли, какую онъ игралъ въ мірѣ и кончилъ такъ трагически...

— Оудемансъ издалъ «историческій и критическій трактатъ о большой морской змѣѣ» (*The great sea serpent*). Это любопытный и подробный сборникъ всѣхъ легендъ о змѣѣ, до сихъ поръ еще не разрѣшенномъ положительно: существуетъ ли такая змѣя въ дѣйствительности, или только въ воображеніи моряковъ. Упрекая натуралистовъ въ равнодушія къ этому вопросу, авторъ трактата подробно описываетъ не только форму чудовища, но его физическія свойства и цвѣтъ кожи. Онъ приводитъ длинный списокъ лицъ, писавшихъ о морской змѣѣ, начиная съ XVI вѣка, и даже даетъ ея портретъ съ собачьей головой, напоминающей отчасти черты прынца Уэльскаго. Чудовище въ 20 футовъ длины изображено пожирающимъ какую-то рыбу, а подлѣ него черепаха, ожидающая такой же участи. Авторъ приводитъ 162 достовѣрныхъ свидѣтельства о появленіи такой змѣи, но большая часть изъ нихъ принадлежитъ сѣвероамериканцамъ, не отличающимся правдивостью. Нѣкоторые зоологи видятъ въ морской змѣѣ плезиозауруса, допотопнаго животнаго изъ эпохи твердаго известняка. Оудемансъ находитъ, что змѣя должна принадлежать къ теплокровнымъ животнымъ, а не къ пресмыкающимся. Но при той длинѣ, какую приписываютъ змѣѣ, ея вертикальныя движенія и повороты не соответствуютъ устройству ея позвоночныхъ мускуловъ и костей. Что въ неизвѣданныхъ морскихъ глубинахъ таится еще много существъ, не выходящихъ изъ своей родной стихіи,—это весьма возможно, но невѣроятно, чтобы они принимали такіе чудовищные размѣры и нарушали законы строенія организмовъ міра животныхъ. Оудемансъ голландецъ, но написалъ свою книгу поанглійски для того, чтобы владыки морей могли ближе и скорѣе провѣрить его выводы и научныя изслѣдованія.

СМѢСЬ.

ВУХСОТСЕМИДЕСЯТИЛѢТНЯЯ годовщина воцаренія дома Романовыхъ.

14-го марта исполнилось 270 лѣтъ со дня вступленія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. По этому поводу въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» приведены любопытныя историческія подробности объ Иванѣ Сусанинѣ и его семьѣ. Въ обществѣ существуетъ мнѣніе о нѣкоторой легендарности въ исторіи этой семьи, между тѣмъ оказывается, что имѣются самыя опредѣленные историческіе документы не только относительно Сусанина, но и о его дочери Антонидѣ. Иванъ Сусанинъ былъ уроженцемъ дворцоваго села Домнина, Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда, въ 70-ти верстахъ отъ Костромы. У него была дочь Антонида, вышедшая замужъ за крестьянина того же села Богдана Сабинина. Антонидѣ въ 1620 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ «за службу и за кровь отца» половину деревни Деревнищъ, а когда въ 1631 г. эта часть Деревнищъ отошла во владѣніе московскаго Новоспасскаго монастыря, то въ 1633 г. Антонидѣ пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ томъ же Костромскомъ уѣздѣ, пустошь Коробово (теперь село въ 40 верстахъ отъ Костромы), причемъ Антонида съ потомствомъ ея освобождена была отъ «всякихъ податей, кормовъ, подводъ и работъ городскихъ и дорожныхъ». Эта жалованная грамота подтверждена царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами. Въ 1837 г., когда въ Коробовѣ было болѣе 100 душъ, Николай I прибавилъ къ бывшимъ въ ихъ владѣніи 98 десятинамъ еще 742 десятины и причислилъ Коробово, по управленію, къ министерству двора. Коробовскіе жители за дарованныя имъ льготы искони называются «бѣлопашцами». Въ 1854 г. въ с. Коробовѣ, по высочайшему повелѣнію, воздвигнута въ память Сусанина церковь во имя св. Іоанна Предтечи.

Тѣло Ивана Сусанина погребено въ Ипатьевскомъ монастырѣ, и здѣсь до сихъ поръ цѣль домъ, въ которомъ жилъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Здѣсь же сохраняется въ особой рамѣ слѣдующая надпись, сдѣланная Александромъ II, когда онъ былъ еще цесаревичемъ:

«Съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ осматривалъ я тѣ келліи, въ коихъ, вмѣстѣ съ родительницею своею, жительствовавь юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Въ память дня моего пребыванія въ нихъ оставляю сей листь за подписаніемъ моимъ, мая 14-го 1837 года».

Подлинникъ грамоты объ избраніи царя Михаила Ѳеодоровича на престолъ сохранился и находится въ Москвѣ, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Грамота представляетъ огромный изъ девяти александрійскихъ листовъ, склеенный столбецъ, начало котораго и также имя Михаила (всюду, гдѣ оно находится) писаны золотомъ. На оборотѣ грамоты подписалось 273 лица: 3 митрополита, 3 архіепископа, 2 епископа, 18 архимандритовъ, 17 игуменовъ, 1 строитель, 3 келаря, 5 протопоповъ, 5 поповъ, 16 бояръ, 4 окольныхчихъ, 1 кравчій, 1 думный дьякъ, 32 стольника, 18 стряпчихъ, 1 жилецъ, 102 дворянина, 36 выборныхъ разночинцевъ и 5 татаръ. Изложеніе въ грамотѣ весьма витіеватое. Самый документъ отъ небрежнаго обращенія пришелъ въ ветхость и во многихъ мѣстахъ поврежденъ.

Директоромъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, барономъ Ѳ. А. Булеромъ, было посвящено много заботъ приведенію въ лучшее положеніе не только этого, но и другихъ важныхъ письменныхъ памятниковъ. Соборная грамота была въ то время надорвана въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а во многихъ другихъ подклеена толстою (оберточною для сахара) бумагою, съ закрытіемъ подписей на оборотной сторонѣ. 27-го января 1876 г. присяжный переплетчикъ архива началъ, подъ руководствомъ одного московскаго переплетныхъ дѣлъ мастера, подъ личнымъ наблюденіемъ директора и постояннымъ надзоромъ одного изъ дѣлопроизводителей архива, заниматься подклейкою грамоты, отчисткою ея и замѣною толстою бумаги тончайшимъ тарлатаномъ, сквозь который легко разбирать подписи, и вполнѣ удовлетворительно окончилъ эту работу 12-го февраля, записывая ежедневно достигнутые результаты въ особый журналъ. Съ тѣхъ поръ соборная грамота вывѣшена въ одной изъ большихъ и свѣтлыхъ залъ бель-этажа архивскаго зданія, въ большомъ замкнутомъ шкафу, въ родѣ кіота, между двухъ зеркальныхъ стеколъ, такъ что каждый посѣтитель архива можетъ легко читать самый текстъ грамоты съ его золотыми украшениями, а на оборотной сторонѣ — подписи такихъ великихъ дѣятелей, какъ Авраамій Палицынъ, князь Пожарскій, князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и др.

Шестидесятилѣтній юбилей графа Милютина. 1-го марта исполнилось шестидесятилѣтіе службы одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Александра II, генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи, члена государственнаго совѣта, бывшаго военнаго министра (1861—1881 гг.), графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Оставивъ 22-го мая 1881 года постъ военнаго министра, графъ Д. А. получилъ портреты императоровъ Александра II и Александра III, а въ день коронованія—брилліантовые знаки ордена Андрея Первозваннаго. Будучи въ сороковыхъ годахъ професоромъ военной географіи, графъ явился творцомъ военной статистики, какъ самостоятельной отрасли знанія. Ученые труды его — «Исторія войны 1799 г.», «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 г. въ Дагестанѣ» и др. доставили ему званіе доктора исторіи honoris causa и почетнаго члена академіи наукъ; кромѣ того, онъ состоитъ почетнымъ президентомъ Николаевской генеральнаго штаба и военно-юридической академіи, также почетнымъ членомъ академіи Михайловской артиллерійской и Николаевской инженерной.

Археологическое общество. Въ засѣданіи по отдѣленію археологіи древнеклассической, византійской и западно-европейской, въ докладѣ «о неизданныхъ произведеніяхъ византійскихъ ораторовъ XII вѣка» В. Э. Регель указалъ на важное историческое значеніе той литературы, которая была обязана своимъ возникновеніемъ возрожденію риторикѣ въ Византіи XII вѣка. Между тѣмъ, эти памятники византійской словесности, сохранившіеся въ

библиотекахъ Мадрида (въ Эскуріалѣ), Венеціи и Оксфорда, оставались до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстными исторической наукѣ, и только въ настоящее время, подъ заглавіемъ «*Fontes rerum byzantinarum*», издаются нашей академіей наукъ по списку, сдѣланному докладчикомъ. С. А. Жебелевъ въ сообщеніи «объ Амиклахъ» представилъ обзоръ новѣйшихъ археологическихъ открытій, сдѣланныхъ въ мѣстности древняго города Амиклы, причѣмъ найденныя здѣсь въ могильникѣ двѣ золотыя вазы съ изображеніями охоты на быковъ, а затѣмъ быковъ укрощенныхъ, являются замѣчательными образцами микенскаго архаическаго искусства. Э. Э. Соколовъ въ докладѣ своемъ представилъ образчикъ одного изъ тѣхъ разясненій историческихъ свидѣтельствъ, которыя въ настоящее время возможны для науки, благодаря новооткрытому тексту сочиненія Аристотеля. Темное мѣсто Фукидида, который говоритъ о четырехъ совѣтахъ, управлявшихъ Беотіей, а вслѣдъ затѣмъ только объ одномъ совѣтѣ, который рѣшалъ высшіе государственные вопросы въ этой странѣ, получаетъ надлежащее толкованіе, при сопоставленіи съ излагаемымъ у Аристотеля проектомъ олигархическаго устройства Аѳинъ (съ 411 г. до Р. Х.), когда предполагалось всю власть передать въ руки 400 гражданъ не моложе 30 лѣтъ и совершенно обезпеченныхъ. Каждые сто человѣкъ должны были поочередно править государствомъ въпродолженіе года, въ крайнихъ случаяхъ призывая на совѣтъ и остальныхъ правителей. В. К. Эрнштедтъ, въ виду возникшихъ вопросовъ относительно самобытности микенской культуры по связи съ сюжетами, изображенными на этого рода памятникахъ, представилъ историческую справку по вопросу о томъ, были ли львы въ древней Греціи, и привелъ на этотъ счетъ свидѣтельство Геродота, который говоритъ о нападеніи львовъ на войско Ксеркса и указываетъ предѣлы мѣстности, гдѣ водятся львы (между рѣками Нессомъ и Ахедаемъ), что подтверждается затѣмъ и Аристотелемъ въ его сочиненіи о животныхъ. Съ своей стороны князь П. А. Путятинъ сообщилъ о существованіи львовъ въ древней Европѣ на основаніи данныхъ доисторической археологіи. Памяти скончавшихся членовъ общества Н. М. Благовѣщенскаго и Л. К. Ивановскаго были посвящены рѣчи И. В. Помяловскаго и графа А. А. Бобринскаго. Э. А. Браунъ прочиталъ рефератъ «о теоріяхъ бронзовой и желѣзной культуры». Докладчикъ представилъ разборъ теорій по этому предмету, распространенныхъ въ настоящее время главнымъ образомъ среди скандинавскихъ ученыхъ, критикуя ихъ преимущественно съ точки зрѣнія лингвистической и оспаривая доказательность утвержденій, что между каменной и желѣзной культурой была самостоятельная бронзовая культура. А. С. Лапко-Данилевскій представилъ обзоръ русской археологической литературы по вопросу о бронзовыхъ вещахъ, о чемъ въ свое время высказались такіе компетентные ученые, какъ Бѣръ и Котляревскій. В. Г. Дружининъ представилъ отчетъ о произведенной имъ раскопкѣ Костеносаго городища въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ городищѣ этомъ, расположенномъ на берегу озера, раскопкой обнаружено какъ большое количество костей различныхъ животныхъ, такъ и сдѣланныхъ изъ этой кости предметовъ, а равно и каменные орудія, служившія для шлифовки этихъ вещей; кромѣ того, нѣсколько ножей, стрѣлъ, также черепки большихъ глиняныхъ сосудовъ, украшенныхъ разнообразнымъ орнаментомъ. Тутъ же сохранились слѣды первыхъ попытокъ добыванія желѣза: яма, выложенная глиной, для плавленія руды и многочисленныя куски шлака съ чрезмѣрно значительнымъ процентнымъ содержаніемъ желѣза. А. И. Соболевскій представилъ два доклада: «О вновь открытомъ памятникѣ русскаго письма XI вѣка» и «О похвалѣ царю Симеону въ Изборникѣ Святослава 1073 г.». Вновь открытый памятникъ, относящійся къ 1067 году, — грамота французскаго короля Филиппа I, скрѣпленная подписью его матери-регентши, королевы Анны, дочери Ярослава Мудраго. Подпись

эта сдѣлана полатыни, но буквами славяно-русскаго уставнаго письма, причѣмъ слова «Anna regina» начертаны такъ, что звукъ е, въ словѣ regina, выраженъ посредствомъ нашего ъ, обозначающаго твердый глухой гласный звукъ. Докладчикъ, обращая вниманіе на этотъ только что изданный во Франціи памятникъ нашего письма, сохранившійся въ рукописяхъ парижской національной бібліотеки, указалъ на палеографическое значеніе этихъ немногихъ, но несомнѣнно древнихъ письменъ. Въ другомъ своемъ рефератѣ А. И. Соболевскій констатировалъ въ древне-славянской письменности попытку усвоить шестистопный ямбъ, причѣмъ, съ утратой значенія глухихъ звуковъ, этотъ размѣръ не чувствуется уже позднѣйшими переписчиками, измѣняющими редакцію первоначально стихотворную, какъ это и показало докладчикъ на примѣрѣ «Похвалы царю Симеону въ Изборникѣ Святослава». Е. Е. Замысловскій, обративъ вниманіе отдѣленія на сообщенныя въ мѣстной печати свѣдѣнія о древнихъ урочищахъ въ Бессарабіи (Трояновы валы, курганы и проч.), возбудилъ вопросъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ краѣ. Въ общемъ собраніи археологическаго общества, подъ предѣлательствомъ великаго князя Константина Константиновича, помощникъ предѣлателя А. Ѡ. Бычковъ выразилъ въ рѣчи, что общество, въ теченіе 47 лѣтъ всегда пользовавшееся вниманіемъ своихъ покойныхъ предѣлателей, герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго и великаго князя Константина Николаевича, и въ настоящее время будетъ продолжать съ неослабнымъ рвеніемъ свои занятія надъ разъясненіемъ древностей какъ нашего отечества и близкой ему Византіи, такъ и классическаго Запада и странъ Востока. Засѣданіе было посвящено реферату Н. И. Веселовскаго «о раскопкахъ кургановъ подъ Симферополемъ лѣтомъ 1892 года», причѣмъ были показаны многіе драгоцѣнные предметы, найденные въ этихъ скифскихъ могилахъ. Въ живомъ очеркѣ референтъ удачно воспроизводилъ обряды древняго погребенія на основаніи данныхъ, представляемыхъ настоящей раскопкой, и освѣщая значеніе cadaго найденнаго предмета. Въ славяно-русскомъ отдѣленіи В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе на опубликованный въ прошломъ году нѣмецкимъ ученымъ Фридрихомъ документъ, проливающій новый свѣтъ на обстоятельства жизни славянскаго первоучителя Кирилла-Константина философа. Такимъ документомъ является письмо современника Константина философа, Анастасія бібліотекаря, къ епископу Гавдерику въ Велитрахъ, въ Италіи, сохранившемся въ сборникѣ XIV вѣка изъ собранія рукописей одного изъ лиссабонскихъ монастырей. Въ письмѣ этомъ констатируется, между прочимъ, несомнѣнная принадлежность Константину философу слова о обрѣтеніи мощей святого Климента, папы римскаго, и краткой исторіи этого обрѣтенія. Чтеніе свое о достопримѣчательностяхъ Батурина А. В. Половцевъ иллюстрировалъ на экранѣ посредствомъ волшебнаго фонаря и, такимъ образомъ, наглядно представилъ это мѣстечко Черниговской губерніи, Конотопскаго уѣзда, съ его богатымъ историческимъ прошлымъ. Одна изъ достопримѣчательностей Батурина, такъ называемый городокъ Мазепы, укрѣпленіе на кругломъ берегу рѣки Сейма; другіе замѣчательныя памятникомъ здѣсь является роскошный дворецъ послѣдняго малороссійскаго гетмана Кирилла Разумовскаго, обращающійся въ настоящее время въ развалину. Дворецъ этотъ, поражающій своей выдержанностью стіля въ духѣ древне-греческихъ орденовъ и своею грандіозностью, составляетъ собственность Шостенскаго пороховога завода. Въ томъ же засѣданіи А. В. Половцевъ представилъ разъясненіе интересующаго многихъ западныхъ эстетиковъ вопроса, куда исчезло одно изъ замѣчательнѣйшихъ изваяній знаменитаго Торвальдсена, конная статуя Юсіфа Понятовскаго, польскаго генерала, погибшаго въ рѣкѣ Эльстерѣ. Эта прекрасная статуя, сдѣланная въ духѣ римской конной статуи императора Марка Аврелія и представляющая Юсіфа Понятовскаго въ видѣ римскаго всадника,

украшаетъ зданіе дворца графа Паскевича-Эриванскаго въ Гомелѣ, уѣздномъ городѣ Могилевской губерніи. А. К. Марковъ усматривалъ единственное у римскихъ писателей упоминаніе о походныхъ монетныхъ дворахъ въ стихѣ Лукана: «Numina miscet castrensium flamma monetarum» (Pharsalia, I, 380), предлагая слѣдующій переводъ этого мѣста: «статуи (боговъ) расплавить пламя походнаго монетнаго двора». В. А. Тураевъ, ссылаясь на недавно изданныя изображенія народовъ-данниковъ на гробницахъ двухъ высшихъ египетскихъ сановниковъ времени царя Тутмеса III (1503—1449 до Р. Хр.), обращаетъ вниманіе на приносимые этими данниками богатые дары, въ которыхъ сказывается высокая культура и изощренный вкусъ Кипра и Микенъ, причемъ данники эти являются на египетскихъ памятникахъ вмѣстѣ съ финикійцами, которыхъ, на ряду съ жителями острововъ Средиземнаго моря, египтяне называли общимъ именемъ кефъ. В. В. Бартольдъ сдѣлалъ докладъ «о турецкой легендѣ Коркудъ-Намъ». Рукопись древней турецкой поэмы о Коркудѣ сохранилась въ Дрезденской королевской библиотекѣ. Одинъ изъ эпизодовъ этой поэмы представляетъ повѣстическій рассказъ о богатырѣ въ борьбѣ съ ангеломъ смерти Азраиломъ; богатырь спасенъ самоотверженіемъ жены, готовой отдать за него свою душу, что сдѣлать для него не согласились престарѣлые родители. Н. П. Остроумовъ доставилъ записанную со словъ кокандскихъ бачей пѣсню объ одномъ русскомъ промышленномъ дѣятелѣ самаго недавняго времени, который, будучи представителемъ большой русской торговой фирмы, произвелъ растрату въ двѣсти тысячъ рублей, причемъ оказался неисправнымъ должникомъ и по отношенію ко многимъ туземцамъ, довѣрившимъ ему свои деньги на храненіе. Н. О. Петровский, произведя раскопки на мѣстѣ древняго урочища Ханъ-Уй, близъ Кашгара, съ особымъ вниманіемъ останавливается, между прочимъ, на сохранившемся здѣсь большомъ каменномъ сооруженіи, которое туземцы называютъ голубятнею, а равно указываетъ на большое количество находимыхъ здѣсь старинныхъ стеклянныхъ вещей мѣстнаго производства. Г. Е. Киверницкій сдѣлалъ сообщеніе: «О сибирскихъ древностяхъ времени Петра Великаго». Докладчикъ представилъ результаты того художественнаго анализа, которому онъ подвергъ золотыя вещи, присланныя изъ Сибири въ началѣ прошлаго столѣтія въ кунсткамеру, основанную для собранія всякаго рода «раритетовъ» и «натуралій», и перешедшія затѣмъ въ собственность Эрмитажа, послѣ преобразования кунсткамеры въ естественно-историческій музей академіи наукъ. Эти художественные предметы представляютъ различныя украшенія одеждъ и оружія, съ причудливыми изображеніями животныхъ (грива и хвостъ оканчиваются птичьими головами, изо рта льва выходитъ другое животное и т. п.). Не имѣя ничего общаго съ античнымъ греческимъ искусствомъ, эти художественные памятники неизвѣстнаго народа, обитавшаго въ сибирскихъ степяхъ на югъ отъ Томска, обнаруживаютъ сходство съ чертами древне-персидскаго искусства и относятся докладчикомъ, на основаніи сближеній съ извѣстными уже памятниками, къ VI-му вѣку до Р. Хр. А. Э. Эрманъ прочиталъ рефератъ: «Объ именахъ—Эллада и эллины». Указавъ на то, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ эти названія еще не имѣютъ общенациональнаго значенія для всѣхъ грековъ, докладчикъ путемъ сопоставленій съ представляемыми исторіей другихъ народовъ фактами обозначенія однимъ и тѣмъ же именемъ и незначительной народности и цѣлаго племени, объединяющаго группу народовъ, подвергъ критическому разбору мнѣя, связанныя съ вышесказанными названіями и какъ бы объясняющіе ихъ происхожденіе. А. Э. Семеновъ сдѣлалъ сообщеніе о гражданской присягѣ херсонесцевъ. Эта клятвенная формула, начертанная на камнѣ, найденномъ въ развалинахъ Херсонеса, по опредѣленію опубликовавшаго ее В. В. Латышева, относятся ко второй половинѣ III вѣка до Р. Хр. и содержать данныя для опредѣленія политическаго устройства древней гре-

ческой колоніи на южномъ берегу Таврическаго полуострова. Анализируя эти данныя и сопоставляя разбираемый памятникъ съ вѣтвенными формулами острова Крита, докладчикъ указываетъ на демократическія начала, положенныя въ основу гражданской присяги херсонесцевъ. А. И. Покровский прочиталъ рефератъ «Объ археологическихъ и топографическихъ данныхъ въ сочиненіи Аристотеля объ Аѳинскомъ государствѣ». Докладчикъ подвергъ подробному пересмотру фактическую сторону сочиненія Аристотеля и сопоставилъ каждое изъ его указаній на топографію древнихъ Аѳинъ съ соответственными свѣдѣніями о древностяхъ Аѳинъ, какія имѣются у дошедшихъ до насъ другихъ классическихъ авторовъ.

Галера Екатерины II. Галера «Тверь» была подарена императрицей Екатериной городу Казани. Она и теперь тамъ сохраняется въ особомъ зданіи, выстроенномъ на такъ называемомъ Галерномъ дворѣ. Глядя на эту галеру, невольно удивляешься, какъ могла помѣщаться со своими приближенными, блестящими придворными того времени, императрица въ такихъ крошечныхъ каморкахъ, которыя сколочены изъ досокъ на задней части палубы галеры! Такихъ каморокъ шесть, и самая большая изъ нихъ не больше полуторы сажени длиной и шириной; въ одной изъ нихъ, занимая ее почти всю, стоитъ низкая, но широкая деревянная голубая съ позолотою кровать,—это была спальня императрицы Екатерины: отъ шелковыхъ занавѣсокъ, одеяла, подушекъ въ настоящее время остались только слѣды, все это уже сгнило. Самая галера и украшающіе ее по наружнымъ бортамъ рѣзные изъ дерева и вызолоченные кунидоны поражаютъ своею уродливостью. Большая часть галеры занята лавками гребцовъ, которыхъ было по двѣнадцать на каждомъ борту; кормовая часть снаружи украшена деревянной позолоченой рѣзьбой и такимъ же государственнымъ гербомъ.

Годовщина рожденія Коменскаго. Педагогическій музей въ соединенномъ зазданіи учебно-воспитательнаго комитета и всѣхъ его отдѣловъ чествовалъ память славянскаго педагога Яна Коменскаго 18-го марта, въ день рожденія знаменитаго педагога. Секретарь «отдѣла Коменскаго», г. Поповицкій, прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣла за истекшій годъ. Отдѣлъ Коменскаго сформированъ въ прошломъ году съ цѣлью изданія выдающихся трудовъ славянскаго педагога. Въ настоящее время многіе изъ нихъ переведены съ латинскаго подлинника и уже изданы. Переводъ сдѣланъ Л. Н. Модзалевскимъ, П. Ф. Каптеревымъ и др. Кромѣ изданія трудовъ Коменскаго, отдѣлъ предполагаетъ издавать выдающіяся сочиненія другихъ педагоговъ. Къ сожалѣнію, наврядъ ли отдѣлъ справится съ своею полезной задачей, такъ какъ число членовъ въ немъ не превышаетъ 30. Е. Лева сообщилъ о дѣятельности международнаго «Общества Коменскаго», профессоръ А. Д. Вейсманъ прочелъ о сочиненіи Коменскаго «Путь къ свѣту» (*Via lucis*), И. А. Шляпкинъ—отрывокъ изъ «Великой дидактики», Л. Н. Модзалевскій—стихотвореніе Лейбница «Памяти Коменскаго».

Отчетъ о дѣятельности Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1891 годъ. Къ 1 января 1892 года общество состояло изъ 119 членовъ, въ числѣ которыхъ 19 почетныхъ, 106 дѣйствительныхъ, 3 члена-соревнователя и 2 члена-корреспондента. Дѣлами общества завѣдовалъ совѣтъ, состоявшій изъ выбранныхъ въ общемъ собраніи—предсѣдателя и восьми членовъ совѣта. Втеченіе отчетнаго года совѣтъ имѣлъ 16 засѣданій, въ которыхъ большее количество времени было посвящено обсужденію вопроса объ изданіи трудовъ общества и объ урядоченіи музея. Вопросъ объ изданіи трудовъ осложнился вслѣдствіе того, что совѣтъ очень долго не могъ выяснитъ, какой цензурѣ должны подлежать изданія Петровскаго общества. Наконецъ, совѣтъ обратился въ московскій цензурный комитетъ съ просьбой выдать ему билетъ на право типографскаго набора съ разрѣшеніемъ представлять въ цензуру корректурные листы изданій. Ходатайство совѣта было уважено

«истор. вѣстн.», май, 1893 г., т. LI.

17

комитетомъ. Въ отчетномъ году вышли изъ печати и рассылаются отчеты за 1889 и 1890 годы. Музей, открытый для публики въ концѣ декабря 1890 года, привлекалъ значительное количество интересующихся. Не смотря на всѣ неудобства настоящаго помѣщенія, изъ которыхъ главнѣйшимъ слѣдуетъ считать отдаленность отъ центра города, публика охотно посѣщала музей, такъ что число посѣщеній къ концу года достигло 8.273; впрочемъ, въ это число не вошли учащіеся различныхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ обыкновенно назначались особые дни, по соглашенію съ завѣдующимъ музеемъ. Вышеприведенное число посѣщеній краснорѣчиво говоритъ за значеніе музея и потребность въ немъ. Даже теперь, когда музей скорѣе производитъ впечатлѣніе собранія коллекцій, когда многіе отдѣлы страдаютъ бѣдностью, иныхъ совсѣмъ нѣтъ, а нѣкоторые не удается демонстрировать съ желательной послѣдовательностью по недостатку мѣста, публика, всетаки, идетъ въ музей съ большимъ интересомъ. Въ настоящее время музей увеличивается единственно благодаря пожертвованіямъ сочувствующихъ. Втеченіе года было пожертвовано разными лицами всего до 200 предметовъ, такъ что къ концу отчетнаго года въ музей находилось 5.196 экземпляровъ различныхъ предметовъ, не считая коллекцій монетъ. Въ отчетномъ году какъ естественно-историческая секція общества, такъ и историко-этнографическая имѣли по четыре засѣданія, на которыхъ, кромѣ занятія текущими дѣлами, были обсуждаемы сообщенія: «О шелководствѣ въ Красномъ Яру», «О метеорологическихъ особенностяхъ 1890 года въ Астрахани», «О находеніи коралловъ въ Каспійскомъ морѣ», «О предсказаніи наименьшей температуры ночи», «О способѣ улучшенія виноградныхъ винь», «Объ урожѣ сельдей весной 1891 года въ Астрахани». Историко-этнографическая секція имѣла четыре засѣданія, на которыхъ сдѣланы были слѣдующія сообщенія: «Пища астраханскихъ калмыковъ», «Экскурсія въ астраханскія степи для антропологическаго изученія калмыковъ», «Къ вопросу о судьбѣ ставропольскихъ (крещенныхъ) калмыковъ въ связи съ изученіемъ астраханскихъ калмыковъ», «Матеріалы для исторіи астраханскаго театра», «О значеніи и цѣляхъ провинціальныхъ археологическихъ обществъ», «Очеркъ быта киргизовъ, составленный по отвѣтамъ корреспондентовъ на разосланныя имъ обществомъ программы». Къ первому января въ библиотекѣ общества находилось 1.116 названій книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій въ количествѣ 1.996 томовъ, считая за томъ и отдѣльные брошюры. Втеченіе отчетнаго года вновь поступило въ библиотеку всего 282 названія въ количествѣ 349 томовъ, такъ что къ 1 января 1892 года библиотека общества состояла изъ 1.398 названій въ количествѣ 2.245 томовъ. Къ 1 января 1892 года въ кассѣ общества находилось: суммъ спеціального назначенія 567 р. 37 к.; расходнаго капитала 685 р. 85 к.; неприкосновеннаго капитала 175 р. 84 к., а всего 1.429 р. 6 к. Израсходовано втеченіе года 580 р. 96 к.

† Въ Москвѣ, 26-го марта, литературный труженикъ Иванъ Андреевичъ Вашновъ, принимавшій участіе во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ 60-хъ годовъ и обратилъ на себя вниманіе бойкими фельетонами въ журналѣ «Развлеченіе» и юмористическими стихотвореніями. Писалъ онъ подъ псевдонимами: «Мичмана Жевакина», «Доктора Окса», «Шапки-Невидимки» и другими; во время московской художественно-промышленной выставки редактировалъ журналъ «Колокольчикъ»; въ послѣдніе годы писалъ романы для газетъ; нѣкоторые изъ нихъ изданы отдѣльно. Вашковъ умеръ на 46-мъ году отъ воспаления легкихъ.

† Молодой русскій археологъ Германъ Германовичъ Вульфійусъ. Онъ родился въ 1865 году и воспитывался въ петербургской VII гимназіи. Окончивъ въ ней курсъ въ 1885 году съ золотой медалью, онъ былъ принятъ въ русскій археологическій институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ, въ которомъ находился по 1889 годъ и обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, въ виду

чего былъ вторично командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу, для занятій по кафедрѣ классической филологіи. Занимаясь втеченіе двухъ лѣтъ, сначала въ Берлинскомъ и Боннскомъ университетахъ, затѣмъ въ Италіи и Греціи, онъ посвятилъ себя преимущественно археологическому искусству. По возвращеніи въ Петербургъ онъ усердно принялся за магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ «Греческое искусство VI вѣка до Р. Х.». Хотя этому труду и не суждено было появиться, тѣмъ не менѣе авторъ его, не смотря на свои 27 лѣтъ, успѣлъ уже составить себѣ въкоторое имя въ русскомъ ученомъ мірѣ тремя своими статьями: «De Quintae Nereoidis Ovidianaе fontibus», «Александрійскіе этюды», часть I, и «О книгѣ Н. М. Благовѣщенскаго: Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры». Эта статья особенно выказала обширную эрудицію и вкусъ молодаго ученаго. Въ послѣднее время онъ былъ занятъ по порученію археологической комисіи изслѣдованіемъ любопытнаго памятника, найденнаго въ южно-русскихъ раскопкахъ въ 1891 году, а именно терракотовой группы Ніобидь.

† 30-го марта, писательница Авдотья Яковлевна Головачева, по первому мужу Панаева, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Н. Станицкаго. Покойная была дочерью извѣстнаго артиста Я. Г. Брянскаго, получила хорошее образованіе и въ родной семьѣ познакомилась со многими литературными дѣятелями сороковыхъ годовъ. Выходя замужъ за И. И. Панаева и бракъ ея сестры съ А. А. Краевскимъ еще болѣе сблизилъ Головачеву преимущественно съ сотрудниками «Современника». Изъ ея литературныхъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», видно, что покойная хорошо знала Огарева, Герцена, Добролюбова, Чернышевскаго, Слѣпцова, Некрасова, Тургенева и со многими изъ нихъ находилась въ дружескихъ отношеніяхъ, противъ другихъ враждовала. Ея первый романъ «Семейство Тальниковыхъ», появившійся въ 1848 году въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ», обратилъ на молодую писательницу вниманіе и сдѣлалъ псевдонимъ Н. Станицкаго извѣстнымъ. Затѣмъ Головачева написала вмѣстѣ съ Некрасовымъ два обширныхъ романа: «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро», и самостоятельно нѣсколько романовъ, какъ «Мелочи жизни», рассказовъ и повѣстей, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Послѣднимъ ея трудомъ были «Литературныя воспоминанія». А. Я. скончалась отъ воспаления легкихъ на 72-мъ году. Она отличалась крѣпкимъ здоровьемъ, всегда была оживленной собесѣдницей, и скончалась ровню черезъ мѣсяць послѣ смерти старшей сестры своей, Елизаветы Яковлевны, свояченицы А. Краевскаго, получившей въ наслѣдство его домъ на Литейной и дачу въ Павловскѣ.

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Е. Е. Скайлеръ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1893 года (январь) помѣщена статья Л. В. Вейнберга «Къ біографіи Кольцова», въ которой по поводу открытія ему памятника въ Воронежѣ, между прочимъ, сказано (стр. 196): «Къ дню открытія памятника 27-го октября 1868 года, въ числѣ нарочно пріѣхавшихъ почтить память поэта оказался консулъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ Е. Шейлеръ, прожившій въ Воронежѣ, въ ожиданіи торжества открытія памятника, цѣлую недѣлю, и нѣсколько англичанъ».

Такъ какъ я лично былъ отчасти виновникомъ прїѣзда Скайлера (а не Шейлера, по голландскому произношенію фамиліи Schuyler) въ Воронежъ, то считаю долгомъ исправить нѣкоторыя неточности въ приведенныхъ изъ статьи г. Вейнберга справкахъ и кстати сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ американцѣ.

Евгеній Егоровичъ Скайлеръ, какъ онъ называлъ себя, начиналъ тогда свою дипломатическую карьеру на мѣстѣ сѣверо-американскаго консула въ Москвѣ. Я познакомился съ нимъ осенью того же 1868 года на вечерѣ у князя Вл. Ѡ. Одоевского, у котораго всегда можно было встрѣчать людей чѣмъ нибудь замѣчательныхъ или интересныхъ. Въ молодомъ американцѣ меня поразило его знаніе русскаго языка и знакомство съ нашей литературой, пріобрѣтенныя, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, еще за океаномъ, когда онъ только что приготавлился къ службѣ въ Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ охотникъ до путешествій, чѣмъ и сталъ впоследствии извѣстенъ, о чемъ я скажу далѣе. Желая поближе познакомиться съ Россіей и особенно съ провинціей, онъ съ охотою принялъ мое приглашеніе посѣтить Воронежъ по случаю предстоявшаго открытія памятника Кольцову и прїѣхалъ погостить ко мнѣ, служившему тогда чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ князѣ Вл. А. Трубецкомъ.

Торжество 27-го октября 1868 года, сколько мнѣ помнится, было очень скромное. Въ залѣ дворянскаго собранія собралось нѣсколько официальныхъ лицъ, В. И. Титовъ и нѣкоторые другіе современники Кольцова, нѣсколько учителей и десятка два, три публики, въ томъ числѣ и Скайлеръ. Была прочитана чья-то рѣчь, и затѣмъ всѣ отправились въ Кольцовскій скверъ на молебенъ и открытіе памятника. Впрочемъ, память мнѣ измѣняетъ, и торжество въ скверѣ, можетъ быть, и предшествовало собранію въ дворянской залѣ. Одно только могу засвидѣтельствовать, что, кромя Скайлера, никто изъ иностранцевъ на открытіе памятника тогда въ Воронежъ не прїѣзжалъ, и «нѣсколько англичанъ» вкрались въ статью г. Вейнберга по какому-то недораумѣнію, вѣроятно, основанному на чьихъ нибудь не вполне точныхъ разсказахъ, такъ какъ самъ г. Вейнбергъ сталъ воронежскимъ жителемъ гораздо позже. Впрочемъ, прїѣзда одного Скайлера было достаточно, чтобъ удивить воронежцевъ вниманіемъ къ своей мѣстной славѣ, такъ какъ ни изъ Петербурга, ни изъ Москвы не было тогда ни депутацій, ни гостей.

Впоследствии я не прерывалъ своихъ сношеній съ Скайлеромъ, слѣдилъ за его литературными и учеными трудами, велъ съ нимъ переписку и вообще зналъ его довольно близко. Рѣшаюсь поэтому сообщить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о человѣкѣ, оставившемъ имя въ литературѣ.

Прїѣхавъ въ Воронежъ, Скайлеръ подарилъ мнѣ свой переводъ «Отцовъ и Дѣтей» Тургенева, изданный на англійскомъ языкѣ въ Америкѣ, кажется, еще до прїѣзда его въ Россію. У меня онъ прожилъ около недѣли, втеченіе которой я свозилъ его къ себѣ въ деревню. Помню, что, увидавъ мой мостъ на Дону, сколоченный на сваяхъ и покрытый соломой, притомъ безъ перилъ, онъ былъ удивленъ патриархальностью такого средства сообщенія на рѣкѣ въ 70 сажень шириною и по этому поводу разсказалъ мнѣ объ американскомъ способѣ вколачиванія свай. вмѣсто бабки, поднимаемой у насъ на канатѣ при звукахъ «Дубинушки» рабочихъ, американцы уже въ то время употребляли патроны съ какимъ-то взрывчатымъ веществомъ, которое при соприкосно-

веніи со сваей, вгоняло ее на дно рѣки и вмѣстѣ съ тѣмъ силою взрыва откидывало патронъ вверхъ и задѣпляло его за крючокъ, гдѣ патронъ вновь заряжался и опускался опять давленіемъ рычажной пружины. На память своего у меня пребыванія Скайлеръ оставилъ мнѣ сдѣланный имъ на моихъ глазахъ переводъ на англійскій языкъ стихотворенія графа А. К. Толстаго, которымъ мы оба восхищались:

Источникъ подъ вишневымъ садомъ и т. д.

Въ 70-хъ годахъ Скайлеръ былъ переведенъ на ту же должность консула въ Петербургъ и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, пока его не перевели сперва въ Парижъ, гдѣ онъ породнился съ Ваддингтономъ, французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, женившись на его свояченицѣ, затѣмъ въ Грецію, Италію и еще куда-то. Въ половинѣ 80-хъ годовъ я узналъ отъ одного сѣверо-американскаго дипломата, что Скайлеръ умеръ.

Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь о литературныхъ трудахъ Скайлера, касающихся Россіи, и при этомъ сожалѣю, что, за неимѣніемъ подъ рукою данныхъ, не могу привести ихъ въ точномъ и подробномъ библиографическомъ указаніи.

Кромѣ вышеназваннаго романа Тургенева, Скайлеръ перевелъ «Козаковъ» графа Л. Н. Толстаго (*The Cossacks*, by Leo Tolstoy, London, 1878, два тома). Втеченіе нѣкоторыхъ лѣтъ онъ составлялъ годовые обзоры литературныхъ и историческихъ новостей, появлявшихся на русскомъ языкѣ, и помѣщалъ эти обзоры въ англійскомъ журналѣ Атеней (*Athenaeum*). Въ 1880 году въ ньюйоркскомъ ежемѣсячномъ иллюстрированномъ Скрибнеровомъ Магазинѣ (*Scribner's Monthly Magazine*) ¹⁾ начала появляться его исторія Петра Великаго, снабженная многочисленными портретами, видами, рисунками, воспроизведенными по русскимъ печатнымъ источникамъ и по картинамъ русскихъ живописцевъ. Въ своемъ родѣ это было прототипомъ той исторіи Петра, которая впоследствии была издана у насъ А. С. Суворинымъ подъ редакцію профессора Брикнера. Трудъ Скайлера, но уже безъ иллюстрацій, вышелъ затѣмъ отдѣльною книгою въ двухъ томахъ, которую я тогда же представилъ въ московскій Румянцевскій публичный музей. П. И. Бартеневъ въ своемъ «XVIII вѣкѣ» (т. III) помѣстилъ сообщенное и найденное Скайлеромъ въ Парижскомъ архивѣ донесеніе русскаго посла князя Бястинскаго о смерти Вольтера. Скайлеръ работалъ, между прочимъ, и въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (ср. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи, т. I, стр. 402 и 411). Наконецъ, нашъ американецъ совершилъ въ 70-хъ годахъ путешествіе въ Ташкентъ, которое описалъ затѣмъ въ книгѣ, произшедшей въ свое время нѣкоторое впечатлѣніе. Въ путешествіи этомъ выказалась вся природная оригинальность этого настоящаго яки ²⁾. Задержавшись въ Ташкентѣ до

¹⁾ Изданіе это теперь продолжается подъ именемъ XIX Century (XIX вѣкъ).

²⁾ По поводу путешествія Скайлера въ Среднюю Азію интересно привести кстати его мнѣніе объ авторитетѣ другаго иностранца, посѣтившаго, какъ онъ увѣряетъ, тѣ же страны и показанія котораго даютъ нищу многочисленнымъ нападкамъ западно-европейской печати на наше отечество. Вотъ содержаніе замѣтки, случайно найденной мною и извлеченной изъ Петербургской французской газеты прошлаго года (*Journal de St. Pétersbourg*, 1892 г., № 269):

«Въ послѣднемъ нашемъ № мы привели слова «Правительственнаго Вѣстника» о томъ, что, какъ на мѣстѣ убѣдился г. Эварницкій, оказывается, что

осени, Скайлеръ хотѣлъ посѣтить Кульджу и оттуда Сибирью и по Камѣ вернуться воднымъ путемъ на Нижній Новгородъ. Это было бы значительнымъ сокращеніемъ времени и облегченіемъ неудобствъ въ пути. Но иностранецъ забылъ о суровости сибирскаго климата и, прїѣхавъ въ Кульджу, узналъ, что рѣки замерзли, и что парходство по Камѣ и ея притокамъ уже прекращено. Ему пришлось повернуть почти назадъ и, сдѣлавъ громадный крюкъ, доѣхать, притомъ чуть ли не на саняхъ, до желѣзной дороги только въ Саратовѣ. Вообще онъ не былъ лишень оригинальности, свойственной американцамъ. Послѣ его поѣздки въ Воронежъ онъ ѣздилъ въ ту же зиму въ Петербургъ, куда я ему далъ рекомендательныя письма, между прочимъ, къ моему отцу. Въ разговорѣ отецъ, между прочимъ, спросилъ его, къ какой религіи или сектѣ изъ существующихъ въ Америкѣ онъ принадлежитъ по вѣроисповѣданію. На этотъ вопросъ Скайлеръ далъ совершенно американскій отвѣтъ: «я не принадлежу еще ни къ какой сектѣ, такъ какъ до сихъ поръ не выбралъ еще себѣ религіи по убѣжденію». Ему было тогда около 30 лѣтъ отъ роду. Въ Греціи, осматривая какія-то постройки, онъ нечаянно попалъ въ творило съ известкой, былъ страшно обожженъ и едва спасся отъ послѣдствій этого происшествія, обошедшаго въ свое время всѣ газеты Европы.

Надѣюсь, что напоминаніе объ американцѣ, не оставившемъ безъ вниманія Россіи, будетъ исполнѣе своевременно въ виду предстоящей выставки въ Чикаго и оживленія по этому поводу нашихъ сношеній съ заатлантическимъ материкомъ.

М. Веневитиновъ.

II.

Солдатъ Нагиба.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» напечатанъ, сообщенный священникомъ Ильинскимъ, рассказъ какой-то вдовы дьякона о солдатѣ Нагибѣ, который якобы возвелъ на престолъ императрицу Елисавету Петровну.

сдѣланное Вамбери описаніе Самарканда на столько невѣрно, что заставляетъ сомнѣваться въ дѣйствительности посѣщенія этого города извѣстнымъ венгерскимъ публицистомъ, приводящимъ свои рассказы, вѣроятно, съ чужихъ словъ. Въ подтвержденіе такого вывода мы получили сегодня нижеслѣдующее сообщеніе изъ источника, вполне авторитетнаго и не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію.

«Въ 1876 г. я имѣлъ случай бесѣдовать съ г. Скайлеромъ, представителемъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ Петербургѣ, по поводу его недавняго возвращенія изъ путешествія по Средней Азійи и, между прочимъ, упомянулъ ему о книгѣ Вамбери, какъ о руководствѣ, которымъ онъ, вѣроятно, много пользовался. «О, конечно!—усмѣхнулся Скайлеръ въ отвѣтъ,—и знаете ли, какъ я имъ воспользовался? Подѣлывая къ Самарканду, я заглянулъ въ книгу Вамбери, чтобы убѣдиться, съ какого именно мѣста Вамбери описываетъ городъ, но не могъ найти соответствующаго пункта въ окрестностяхъ Самарканда. Съ тою же книгою въ рукахъ я вступилъ въ городъ и могъ быстро засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что описаніе Самарканда, будто бы лично посѣщеннаго Вамбери подъ одеждою дервиша, отличается полнѣйшею фантастичностью. Тогда я бросилъ его книгу и, только расставшись съ этимъ предательскимъ путешественникомъ, могъ уже гораздо успѣшнѣе начать изученіе самаго интереснаго изъ городовъ Средней Азійи».

Фантастичность этого разсказа, противорѣчащаго историческимъ фактамъ и не вѣрнаго даже въ мелочахъ, на столько очевидна для всѣхъ, знающихъ русскую исторію XVIII вѣка, что опровергать его нѣтъ надобности. Въ сущности о немъ не стоило бы и говорить; но такъ какъ могутъ найтись люди, которые, пожалуй, примутъ басню о солдатѣ Нагибѣ за чистую монету, то я считаю нелишнимъ сообщить кое-какія свѣдѣнія, проливающія, по моему мнѣнію, нѣкоторый свѣтъ на ея происхожденіе.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда я еще учился въ одной изъ московскихъ гимназій, мнѣ пришлось провести лѣто въ имѣніи моего дѣда, во Владимірской губерніи. Дни стояли очень жаркіе, и мнѣ была отведена для ночлега прохладная кладовая, стоявшая отдѣльно отъ дома и наполненная разнымъ нужнымъ и ненужнымъ хламомъ. Однажды, разбирая отъ скуки этотъ хламъ, я случайно нашелъ старый, почернѣвшій и довольно плохо писанный масляными красками портретъ, изображавшій пожилаго человѣка, съ толстымъ, краснымъ носомъ, плутовскими глазами и щетинистыми усами, въ военномъ мундирѣ прошлаго столѣтія. Находка заинтересовала меня; я принесъ ее къ дѣду и присталъ къ нему съ разспросами, кто изображенъ на портретѣ. Дѣдъ разсказалъ мнѣ слѣдующее преданіе, слышанное имъ отъ своего отца.

Вскорѣ по воцареніи Елисаветы Петровны, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія прадѣда, въ небольшой деревушкѣ, названія которой теперь уже не помню, поселился пріѣхавшій изъ Петербурга владѣлецъ ея, по фамиліи Нагиба. Онъ былъ отставной капраль Преображенскаго полка, но называлъ себя полковникомъ, хвастался своими связями при дворѣ и дружбой съ тогдашними фаворитами государыни, Разумовскимъ и Воронцовымъ, и приписывалъ себѣ чуть ли не главную роль въ переворотѣ 25-го ноября 1741 года. Навяные сосѣди вѣрили разсказамъ Нагибы и, считая его важной персоной, относились къ нему съ подобострастіемъ, принимали съ почетомъ и щедро одаривали, въ надеждѣ на его протекцію. Поощряемый этимъ, Нагиба давалъ все болѣе и болѣе простора своей фантазіи и разъ, находясь въ большой компаніи, подъ вліяніемъ вина, къ которому былъ очень пристрастенъ, сдѣлалъ даже таинственные намеки на близкія отношенія свои къ императрицѣ, будто бы всѣмъ ему обязанной. Какими то путями болтовня Нагибы дошла до Петербурга, и въ одинъ прекрасный день онъ былъ внезапно арестованъ и увезенъ подъ конвоемъ въ столицу. Съ тѣхъ поръ Нагиба исчезъ безслѣдно. Впослѣдствіи разсказывали, что онъ былъ сосланъ въ Сибирь, подвергнувшись предварительно жестокому тѣлесному наказанію въ Тайной Канцеляріи «за глупое вранье». Деревеньку Нагибы приобрѣлъ отецъ моего дѣда, причемъ ему достался и портретъ прежняго владѣльца, заброшенный, какъ вещь ни для кого не интересная, и найденный мною въ кладовой. Что случилось съ этимъ портретомъ—не знаю; но я тогда же срисовалъ съ него карандашомъ копию, конечно, плохую, которая уцѣлѣла въ моихъ бумагахъ. Посылаю ее, какъ курьезъ, въ редакцію «Историческаго Вѣстника»¹⁾.

Не рѣшаюсь утверждать, что этотъ Нагиба тотъ самый, болтовня котораго попала на страницы «Русской Старины», но разсказъ моего дѣда имѣетъ много общаго съ разсказомъ священника Ильинскаго.

Павель Абрамовъ.

¹⁾ Копія эта передана нами въ публичное собраніе портретовъ П. Я. Дашкова.

III.

Домъ Лобкова.

Въ статьѣ «Очерки Москвы», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», между прочимъ, сказано, что домъ Лобкова попалъ къ нему въ руки «отъ какого-то родовитаго барича за долги». Это не совсѣмъ вѣрно. Домъ этотъ принадлежалъ дѣду моему, московскому купцу Петру Булатникову, который умеръ до 1812 года. Въ 1812 году домъ этотъ не горѣлъ. Послѣ 1812 года онъ былъ проданъ Лобкову для раздѣла между четырьмя дочерьми, оставшимися послѣ Петра Булатникова, изъ коихъ одна Анна Петровна (моя мать) и жила нѣсколько времени послѣ продажи въ этомъ домѣ и даже въ однѣхъ комнатахъ съ Лобковыми. Лобковъ принадлежалъ въ то время къ сектѣ раскольниковъ Преображенскаго толка, ходилъ постоянно въ ситцевыхъ рубахахъ и портахъ, а жена его въ сарафанахъ. Все это я слышалъ отъ покойной матушки.

Петръ Бахчевановъ.

IV.

Письмо въ редакцію.

Увѣренный въ просвѣщенной готовности вашей выразить мнѣ содѣйствіе ваше по предпринятому мною собиранію отечественныхъ пословицъ и поговорокъ, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ усердѣйшею моею просьбою, не отказать мнѣ, чрезъ напечатаніе настоящаго письма моего въ вашемъ журналѣ, довести до всеобщаго свѣдѣнія, что лица, которыя пожелали бы сообщить мнѣ всякаго рода мѣстныхъ пословицъ, поговорки, присловія, скороговорки, присказки, побасенки, приговорки, реченія, обиняки, иносказанія, окольные выраженія и всякаго рода другія характерныя и общеупотребительныя выраженія и обороты устной рѣчи, могутъ присылать ихъ на имя мое въ открытыхъ, простыхъ и по желанію заказныхъ письмахъ, адресуя: Полтава, дѣйствительному статскому совѣтнику Н. П. Тимоѣеву, собственный домъ.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КНИЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССИИ ВЪ 1892 ГОДУ.

I.

Періодическая печать.

В ПОСЛѢДНЕЕ время наша періодическая печать начинаетъ оказывать нѣкоторую склонность къ спеціализаціи, по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе получается при ближайшемъ ознакомленіи съ ниже помѣщенными программами изданій, вновь разрѣшенныхъ въ прошломъ году. Правда, не всѣ эти программы выдерживаютъ строго спеціальнаго характера, такъ какъ въ нѣкоторыя изъ нихъ входитъ беллетристическій отдѣлъ, но, во-первыхъ, это существенно не измѣняетъ назначенія изданія, во-вторыхъ, можетъ придать ему даже нѣкоторую устойчивость и, наконецъ, почему же не предоставить спеціалисту читателю нѣсколько поразвлечь себя чтеніемъ какого нибудь романа, повѣсти или разсказа, хотя бы на спеціально пожарной, фармацевтической и иной подобной подкладкѣ?

До настоящаго времени нашимъ частнымъ спеціальнымъ изданіямъ положительно не везло, и они, обыкновенно, какъ скоро нарождались, такъ же скоро и прекращали свое существованіе. Причину этого зауряднаго явленія нужно, какъ намъ кажется, искать не въ неудовлетворительности самаго изданія, не въ незнаніи дѣла руководящихъ имъ лицъ и даже не въ недостаткѣ спеціалистовъ, для которыхъ изданіе предназначается, а скорѣе въ отсутствіи у послѣднихъ живаго интереса къ своему дѣлу. Поэтому-то опытъ сочетанія въ программахъ спеціальнаго журналовъ серьезнаго съ легкимъ, быть можетъ, окажется не безуспѣшнымъ въ отношеніи привлеченія читателя. Но, что бы изъ этого ни вышло, только характеристической чертою минувшаго года является спеціальность, и потому 1892 годъ можно назвать годомъ спеціальной русской журналистики.

Въ 1892 году было разрѣшено 31 новое періодическое изданіе (менѣе противъ 1891 года на 11-ть), которыя распредѣлялись по программамъ: политическо-общественныхъ и литературныхъ — 2, литературныхъ — 1, общественныхъ и правительственныхъ учреждений — 2, медицинскихъ — 4, торгово-промышленныхъ — 6, техническихъ — 3, духовныхъ — 1, библиографическихъ — 1, разныхъ специальностей — 3, модныхъ — 1 и справочныхъ — 7; по времени выхода въ свѣтъ: ежедневныхъ — 1, по нѣсколько разъ въ недѣлю — 5, еженедѣльныхъ — 6, по нѣсколько разъ въ мѣсяць — 6, ежемѣсячныхъ — 9, по нѣсколько разъ въ годъ — 2 и выходящихъ неопредѣленно — 2; по условіямъ изданія: безцензурныхъ — 7 и съ разрѣшенія цензуры — 24; по языкамъ: на русскомъ языкѣ — 29, на польско-французскомъ — 1 и на латышскомъ — 1; по мѣсту изданія: въ Петербургѣ — 12, въ Москвѣ — 5 и въ провинціальныхъ городахъ — 14.

По отношенію къ изданіямъ прежнихъ лѣтъ отмѣчаемъ слѣдующіе факты, имѣвшіе мѣсто въ минувшемъ году: объявлены прекратившимися 24 изданія, но такъ какъ тремъ изъ нихъ въ теченіе года было предоставлено право возобновить выходъ, то окончательно прекратилось — 21; получили право выдавать прибавленіе или особая приложенія — 14-ть изданій, причѣмъ изъ общаго числа приложеній два («Семья» и «Квали») можно считать самостоятельными журналами; разрѣшено помѣщать рисунки — 4-мъ изданіямъ; измѣнили свое названіе — 8-мъ изданій; измѣнили срокъ выхода — 12-ть изданій; перешли въ другіе города — 5-ть изданій; измѣнили подписную цѣну — 26-ть изданій; утверждены новыя лица редакторами въ 52-хъ изданіяхъ; пережѣнились издатели въ 39-ти изданіяхъ и, наконецъ, 5-ть изданій измѣнили условія выхода.

Изъ этихъ данныхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе, по своей численности, пережѣны въ личномъ составѣ издателей и по значенію — прекратившіяся изданія, число которыхъ сравнительно съ 1891 годомъ увеличилось на 6-ть. Хотя оба эти явленія и не выходятъ изъ ряда обыденныхъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что потеря минувшаго года должна считаться болѣе серьезной, такъ какъ изъ общаго числа прекратившихся изданій, къ литературно-политическимъ или же къ специальнымъ органамъ принадлежало 16-ть, тогда какъ въ прежніе годы фигурировали преимущественно изданія справочнаго характера, т. е. болѣе коммерческія, чѣмъ литературныя. По продолжительности выхода въ свѣтъ прекратившіяся въ 1892 году изданія, въ восходящемъ порядкѣ, идутъ такъ:

Число изданій.	Издавалось.	Число изданій.	Издавалось.
2	1 годъ.	5	6 лѣтъ.
5	2 года.	1	9 »
2	3 »	1	10 »
2	4 »	1	18 »
1	5 лѣтъ.	1	28 »

Этимъ предполагали мы закончить статистическіе выводы относительно періодической печати минувшаго года, такъ какъ въ обзорѣ за 1891 годъ нами даны были о ней довольно подробныя свѣдѣнія, но въ виду недавно изданнаго Московскимъ Библиографическимъ кружкомъ «Списка періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи на 1893 г.», въ которомъ, кромѣ перечня этихъ изданій, имѣются

также и статистическія данныя, считаемъ нужнымъ нѣсколько продолжить настоящей нашъ обзоръ.

По даннымъ названнаго «Списка», въ 1893 году въ Россіи имѣеть выходить, въ 112 городахъ, 753 періодическихъ изданія на разныхъ языкахъ, причеиъ собственно на русскомъ языкѣ печатается 593 изданія. Изъ общаго числа изданій— безцензурныхъ 244 и подлежащихъ предварительной цензурѣ 509; относительно же срока выхода въ свѣтъ они распредѣлены такъ: ежедневныхъ—113, еженедѣльныхъ—225, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—83, ежемѣсячныхъ—156, выходящихъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ—101, выходящихъ нѣсколько разъ въ годъ—47 и выпускаемыхъ неопредѣленно—28-мь.

Нашъ выводъ, хотя и незначительно, разнится съ приведенными данными, что и понятно, такъ какъ въ «Спискѣ» оказался большой недосмотръ ¹⁾. Всѣхъ періодическихъ изданій по нашему счету должно выходить 743, изъ нихъ на русскомъ языкѣ—589 и на разныхъ другихъ языкахъ—154; всѣ эти изданія печатаются въ 113 городахъ. Относительно условій и срока выхода періодическія изданія должны распредѣляться такъ: цензурныхъ—495 и безцензурныхъ—248; ежедневныхъ—105, еженедѣльныхъ—214, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—91, ежемѣсячныхъ—157, выходящихъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ—98, выходящихъ нѣсколько разъ въ годъ—53 и выпускаемыхъ въ неопредѣленное время—25. Затѣиъ всѣ эти періодическія изданія отдѣльно по городамъ будутъ распредѣляться слѣдующимъ образомъ:

Въ Аренсбургѣ	2	Въ Екатеринодарѣ	1
» Архангельскѣ	2	» Екатеринбургѣ	3
» Астрахани	4	» Елисаветградѣ	2
» Баку	3	» Житомирѣ	2
» Батумѣ	1	» Ирбитѣ	1
» Бахчисараѣ	1	« Иркутскѣ	6
» Брянскѣ	1	» Казани	11
» Варшавѣ	70	» Калишѣ	2
» Везенбергѣ	1	» Калугѣ	2
» Верро	1	» Каменецъ-Подольскѣ	2
» Вильнѣ	4	» Карсѣ	1
» Витебскѣ	2	» Керчь-Еникале	2
» Владивостокѣ	3	» Кишиневѣ	3
» Владикавказѣ	1	» Кіевѣ	22
» Владимірѣ	3	» Ковнѣ	1
» Вологдѣ	3	» Костромѣ	3
» Варонежѣ	6	» Красноярскѣ	3
» Вяткѣ	1	» Кременцѣ	1
» Гольдянгенѣ	1	» Кронштадтѣ	1
» Гроднѣ	1	» Курскѣ	5
» Дерптѣ (Юрьевѣ)	8	» Кутаисѣ	2
» Екатеринбургѣ	4	» Кѣльцахѣ	2

¹⁾ См. «Новое Время» 1893 г., № 6141, «Библиографическія новости».

Въ Либавѣ	3	Въ Самаркандѣ	1
» Липецкѣ	1	» С.-Петербургѣ	221
» Лодзи	5	» Саратовѣ	9
» Ломжѣ	1	» Севастополѣ	1
» Люблинѣ	2	» Семипалатинскѣ	1
» Минскѣ	3	» Симбирскѣ	3
» Митавѣ	8	» Сергіевомъ пос.	2
» Могилевѣ	2	» Симферополѣ	3
» Москвѣ	84	» Славянскѣ	1
» Нарвѣ	1	» Смоленскѣ	3
» Нахичевани	1	» Ставрополѣ	3
» Нижнемъ Новгородѣ	5	» Сувалкахъ	1
» Николаевѣ	1	» Сызрани	1
» Новгородѣ	3	» Сѣдлецахъ	1
» Новочеркасскѣ	3	» Таганрогѣ	1
» Одессѣ	18	» Тамбовѣ	3
» Омскѣ	1	» Ташкентѣ	3
» Орлѣ	4	» Твери	3
» Оренбургѣ	6	» Тифлискѣ	16
» Пензѣ	2	» Тобольскѣ	4
» Перми	3	» Томскѣ	6
» Перновѣ	1	» Тулѣ	2
» Петрозаводскѣ	1	» Устюжнѣ	1
» Петроковѣ	2	» Уральскѣ	2
» Плоцкѣ	1	» Уфѣ	3
» Полтавѣ	3	» Феллинѣ	3
» Почаевѣ	1	» Харьковѣ	11
» Псковѣ	3	» Херсонѣ	2
» Пятигорскѣ	1	» Царицынѣ	2
» Радомѣ	2	» Черниговѣ	3
» Ревелѣ	9	» Читѣ	1
» Ригѣ	23	» Эчміадзинѣ	1
» Ростовѣ на Д.	4	» Якутскѣ	1
» Рязани	3	» Ялтѣ	1
» Самарѣ	4	» Ярославлѣ	5
		Итого	743

Мы видѣли выше, что изъ общаго числа 743-хъ періодическихъ изданій въ настоящее время только 105 еженедѣльныхъ и 91, выходящихъ по нѣскольку разъ въ недѣлю. Далѣе, изъ списка городовъ, оказывается, что наибольшее число періодическихъ изданій приходится на слѣдующіе девять городовъ: Варшава—70, Казань—11, Кіевъ—22, Москва—86, Одесса—18, Петербургъ—221, Рига—23, Тифлискъ—16 и Харьковъ—11. Въ этихъ городахъ издающихся ежедневно и по нѣскольку разъ въ недѣлю журналовъ выходитъ:

	Издания еже- дневныя.	Выходящ. по вѣск. газъ въ нед.
Въ Варшавѣ	12	1
» Казани	3	2
» Кіевѣ	2	1
» Москвѣ	12	3
» Одессѣ	6	1
» Петербургѣ	16	13
» Ригѣ	8	2
» Тифлисѣ	7	—
» Харьковѣ	2	—

Теперь сопоставимъ общее число тѣхъ и другихъ изданій съ населеніемъ этихъ городовъ.

	Жителей.	Число изданій.	1 изд. на жител.
Въ Варшавѣ (90 г.)	490.417	13	37.724
» Казани (90 г.)	134.359	5	26.872
» Кіевѣ (91 г.)	183.640	3	61.213
» Москвѣ (89 г.)	798.742	15	53.243
» Одессѣ (89 г.)	284.985	7	40.712
» Петербургѣ (90 г.)	1.003.315	29	134.597
» Ригѣ (89 г.)	195.668	10	19.567
« Тифлисѣ (89 г.)	101.186	7	14.455
» Харьковѣ (89 г.)	188.469	2	94.234

Что же говорятъ намъ эти данныя? Да то, что мы не особенно большіе политиканы. Всякая политическая или общественная злоба дня, какъ вѣсѣмъ извѣстно, тотчасъ же находитъ себѣ отголосокъ преимущественно въ ежедневной печати. Конечно, какое либо событіе въ жизни политической и общественной, тѣмъ болѣе крупное, не пропадетъ безслѣдно—оно будетъ занесено также и въ хронику большихъ, ежемѣсячныхъ, журналовъ, но жгучесть интереса ко всему вообще въ жизни охладѣваетъ черезъ день и много черезъ два-три дня. Поэтому-то хроника не только ежемѣсячныхъ, но и еженедѣльныхъ изданій не можетъ пользоваться особымъ вниманіемъ, такъ какъ ко времени выхода этихъ изданій въ свѣтъ даже одни толки о событіи могутъ достаточно прискучить. Интересуется сказанными событіями и порождаемыми вопросами преимущественно образованное общество, такъ называемая интеллигенція, вполне же удовлетворить этотъ интересъ, при настоящемъ положеніи печати, можетъ только столичная пресса, и при томъ населеніе указанныхъ городовъ не сплошь же состоитъ изъ интеллигентныхъ. Вотъ что, пожалуй, могутъ возразить намъ на замѣчаніе о недостаточности интереса къ явленіямъ политической и общественной жизни въ нашемъ обществѣ. Все это такъ, но если въ городахъ живутъ не одни только интеллигентные, то, во всякомъ случаѣ, процентъ ихъ на столько великъ, что если бы у нихъ былъ достаточно развитъ интересъ къ общественной и политической жизни, то выходящія въ этихъ городахъ ежедневныя газеты, чтобы удовлетворить только одинъ мѣстный спросъ, должны были бы издаваться въ де-

сяткахъ тысячъ экземпляровъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что у насъ въ такомъ количествѣ выходитъ не болѣе двухъ столичныхъ ежедневныхъ изданій, и притомъ не для мѣстныхъ только читателей, а для всей Россіи, съ ея свыше 100 миллионнымъ населеніемъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ слѣдующій примѣръ. Въ настоящее время самымъ распространеннымъ, изъ серьезно-политическихъ органовъ печати, въ Россіи считается «Новое Время», которое вы, вѣроятно, найдете во всѣхъ нашихъ городахъ. Такимъ образомъ, казалось бы, что «Новое Время» не только должно имѣть, но и дѣйствительно имѣть очень и даже очень много годовыхъ подписчиковъ; данныя же говорятъ намъ, что въ 1891 году эту газеткою было выпущено 11.546.363 нумера¹⁾, или, другими словами, она имѣла въ этомъ году съ небольшимъ 31.600 такихъ подписчиковъ, т. е. такое число, которое не особенно велико и для одного Петербурга. Но, если бы, дѣйствительно, у «Новаго Времени» было приведенное число постоянныхъ подписчиковъ, то тогда оказывается, что въ розничной продажѣ, допуская ее исключительно въ одномъ Петербургѣ, газета эта разошлась всего только въ количествѣ 318 нумеровъ; но такъ какъ послѣднее невѣроятно, потому что составляетъ менѣе одного нумера въ день, то, слѣдовательно, нужно значительно сократить число годовыхъ подписчиковъ. Въ виду этого едва ли нужно приводить такія же указанія для другихъ газетъ.

Затѣмъ переходимъ къ подробностямъ относительно періодическихъ изданій минувшаго года, которыя составляютъ необходимое дополненіе къ выше приведеннымъ о нихъ статистическимъ даннымъ.

Изданія, вновь разрѣшенныя въ 1892 году.

Хотя вновь разрѣшенныхъ періодическихъ изданій въ минувшемъ году, какъ сказано выше, было меньше, чѣмъ въ 1891 г., но по качественности своей, т. е. по программамъ, они носятъ характеръ болѣе серьезнаго направленія. Въ общемъ числѣ этихъ изданій, конечно, есть и такія, которыя нельзя считать литературными органами, но это постоянное и общее явленіе, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, нисколько не противорѣчитъ сказанному. Слѣдуетъ замѣтить еще, что 1892 годъ былъ особенно богатъ на изданія съ специальнымъ направленіемъ, которое у насъ имѣетъ еще мало шансовъ на успѣхъ, хотя въ людяхъ, посвятившихъ себя разнымъ спеціальностямъ, кажется, не имѣется недостатка; такихъ изданій должно было выйдти 20-ть изъ общаго числа 31-го. Вотъ перечень новыхъ изданій, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ.

«Варшавскій Справочный Листокъ». На изданіе этой газеты въ г. Варшавѣ послѣдовало разрѣшеніе 19-го іюля; газета выходитъ на русскомъ языкѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, три раза въ недѣлю; редакторъ и издатель листка дворянинъ Владиміръ Сильверстовичъ Филиповскій. Программа: Распоряженія правительства. Мѣстная хроника и свѣдѣнія практическаго характера. Всякаго рода объявленія.

¹⁾ «Библиографъ» 1892 г., № 12, стр. 427.

«Вѣдомости Елисаветградскаго городского общественаго управленія». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Елисаветградѣ дано городской управѣ 15-го февраля; выходитъ она съ разрѣшенія предварительной цензуры, три раза въ недѣлю, подъ редакціей городского головы. Программа: Правительственныя распоряженія по дѣламъ городского (хозяйственнаго) управленія. Отчеты, смѣты и вообще всякія извѣстія о дѣятельности городскихъ общественныхъ учрежденій губерніи, извлеченныя изъ журнальныхъ постановленій и другихъ актовъ городскихъ думъ и управъ губерніи. Обзорѣнія, изслѣдованія и статистическія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ городского хозяйства, извлеченныя изъ дѣлъ городскихъ учрежденій губерніи. Личный составъ городскихъ учрежденій губерніи. Свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ и объявленія управъ губерніи. Хроника мировыхъ судебныхъ учрежденій, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. Обсужденіе и разъясненіе вопросовъ, относящихся къ предметамъ мѣстнаго городского хозяйства. Подробные отчеты о засѣданіяхъ мѣстной городской думы. Полицейская хроника о происшествіяхъ въ городѣ. Казенныя, городскія, земскія и частныя объявленія.

«Вѣстникъ Голубинаго Спорта». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала, специально посвященнаго голубиному спорту, въ г. Кіевѣ дано 31-го октября 1892 года; журналъ выходитъ, съ дозволенія предварительной цензуры, ежемѣсячно; издатель журнала — Кіевское общество голубинаго спорта, редакторъ — прусскій подданный Александръ Ивановичъ Близеръ. Программа: Правительственныя распоряженія и свѣдѣнія о дѣятельности общества. Свѣдѣнія, касающіяся до голубоводства въ Россіи. Свѣдѣнія, касающіяся до голубоводства за границей. Вопросы и отвѣты, касающіяся голубоводства. Объявленія.

«Вѣстникъ хлѣбной торговли и мукомольной промышленности». Журналъ этотъ специальный и разрѣшеніе на изданіе его въ С.-Петербургѣ дано 5-го октября 1892 года; журналъ издается безъ цензуры и выходитъ еженедѣльно; редакторъ и издатель его — надворный совѣтникъ Николай Павловичъ Мёрдеръ. Программа: Дѣйствія и распоряженія правительства, касающіяся хлѣбной торговли и мукомольной промышленности. Торговый отдѣлъ: обзорѣние движенія хлѣбной торговли. Цѣны на хлѣбъ на главнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ. Торговья телеграммы и корреспонденціи. Свѣдѣнія о мучной торговлѣ. Сельско-хозяйственный отдѣлъ: свѣдѣнія о площади посѣвовъ, о урожаяхъ, о состояніи и сборѣ хлѣбовъ. Статистика урожаявъ Россіи и другихъ странъ. Экономическій и техническій отдѣлы: таможенныя и желѣзнодорожныя тарифы на хлѣба и хлѣбные продукты. Статьи по техникѣ мукомольнаго и хлѣбопекарнаго производства. Обзоръ относящихся сюда привилегій и изобрѣтеній (при случаѣ съ чертежами и планами); сельско-хозяйственныя машины и орудія, зернохранилища и элеваторы. Хроника и корреспонденція исключительно о хлѣбной торговлѣ и мукомольной промышленности. Таблицы курсовъ важнѣйшихъ фондовъ. Объявленія.

«Вѣстникъ Хмѣлеводства и Пивоваренія». Эта специальная газета издается въ г. Кіевѣ по разрѣшенію, данному 17-го апрѣля 1892 г.; выходитъ она еженедѣльно съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель газеты Митрофанъ Михайловичъ Нейманъ. Программа: Узаконенія и распоря-

женія правительства. Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и собственные спеціально коммерческо-хозяйственныя, касающіеся хмѣлеводства и пивоваренія. Статьи, очерки, извѣстія, имѣющіе отношеніе къ хмѣлеводству и пивоваренію, какъ оригинальные, такъ и переводные. Рисунки и чертежи, относящіеся до спеціальныхъ статей журнала по хмѣлеводству и пивоваренію. Описаніе пивоваренныхъ заводовъ, хмѣлевыхъ плантацій и другихъ заведеній этихъ отраслей промышленности, поѣздки въ эти заведенія и т. п. Сибѣ. Мнѣнія, извѣстія, случаи, указанія, рецепты и т. п., относящіеся къ хмѣлеводству и пивоваренію. Вопросы и отвѣты, служащіе для посредничества между подписчиками и читателями журнала. Казенныя и частныя объявленія. Приложенія (съ 15-го іюля по 15-е октября) два раза въ недѣлю—извѣстія и телеграммы объ уборкѣ, урожаѣ и цѣнахъ на хмѣль и объявленія.

«Дальній Востокъ» Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Владивостокъ дано 2-го мая 1892 года. Газета общественно-литературная, выходитъ два раза въ недѣлю и издается съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издательница этой газеты жена штабсъ-капит. Евгенія Алексѣевна Панова, совмѣстно съ мужемъ своимъ Викторомъ Ананьевичемъ Пановымъ. Программа: Общія распоряженія правительства, касающіяся Сибири, и мѣропріятія областной администраціи. Телеграммы. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. Хроника областной жизни. Корреспонденціи. Судебная хроника. Театръ и музыка. Внутренняя и заграничная хроника. Литература азіатскаго востока. Фельетонъ. Сибѣ. Справочный отдѣлъ. Объявленія.

«Домострой. Журналъ для всѣхъ горожанъ, дачниковъ, сельскихъ жителей и охотниковъ». Журналъ этотъ выходитъ въ г. Москвѣ, и разрѣшеніе на изданіе его послѣдовало 23-го марта 1892 года; изданіе иллюстрированное, выходитъ еженедѣльно съ дозволенія цензуры; редакторъ и издатель кандидатъ Московскаго университета Леонидъ Павловичъ Сабанѣевъ. Программа: I. Дома. Домашнее благоустройство: еженедѣльное обозрѣвіе и руководящія статьи. Календарь домоводства. Домашняя экономія и сѣзводство. Домостройство. Наемъ и устройство дачъ и квартиръ. Отопленіе и освѣщеніе. Одежда, ея приготовленіе и ремонтъ; описаніе матерій съ приложеніемъ образцовъ. Въ кухнѣ и столовой: кулинарное искусство и экономическое приготовленіе кушаній, сообразно сезону. Въ кладовой и погребѣ: приготовленіе, заготовленіе въ прокъ и храненіе всевозможныхъ запасовъ. Въ дѣтской: уходъ за дѣтьми. Первоначальное воспитаніе и обученіе. Дѣтскія игры и занятія. Домашняя гигиена. Первоначальная помощь. Испытанныя средства, рекомендуемыя русскими медицинскими періодическими изданіями и извѣстными лѣчебниками, съ указаніемъ источниковъ. Домашняя аптека и ея употребленіе. Устраненіе сырости, вентиляція и оздоровленіе жилищъ. Истребленіе паразитовъ. Комнатная гимнастика. Домашній досугъ. Домашнія ремесла. Музыка, танцы и комнатныя игры. Карты, шахматы, билліардъ. Комнатное цвѣтоводство. Пѣвчія птицы, комнатныя собаки и другія животныя. II. На дворѣ: Календарь животноводства. Въ конюшнѣ: устройство конюшенъ. Уходъ за выѣздными и рабочими лошадьми. Выѣздка и выкормка. Экипажи и сбруя. На скотномъ дворѣ: устройство его. Содержаніе крупнаго и мелкаго рогатаго скота въ небольшихъ хозяйствахъ. Продукты скотоводства и

ихъ приготовленіе: молоко, сыръ, масло и проч. Въ птичникѣ: устройство птичниковъ и вольерокъ. Содержаніе куръ, утокъ, гусей и прочей домашней птицы. Акклиматизація и прирученіе дикихъ животныхъ. На псарнѣ: содержаніе и разведеніе охотничьихъ и сторожевыхъ собакъ. Ветеринарія: гигиена и лѣченіе домашнихъ животныхъ. Спортъ на открытомъ воздухѣ: коньки, велосипеды, гимнастика, крокетъ и прочія игры и увеселенія. III. Въ огородѣ и саду. Календарь садоводства и огородничества. Оранжереи и теплицы. Парники. Цвѣтники. Разведеніе огородныхъ растений и ягодъ. Полеводство и виноградарство. Разбивка садовъ и посадка деревьевъ. IV. Въ лѣсу и полѣ. Сельско-хозяйственный, рыболовный и охотничій календари. Сельско-хозяйственная метеорологія. Полеводство, луговоеводство и лѣсоводство. Разведеніе лѣкарственныхъ растений. Табаководство, шелководство и пчеловодство. Рыбоводство, рыбная ловля и ужение. Охотничье хозяйство. Разведеніе охотничьихъ животныхъ и охота. Истребленіе хищныхъ и вредныхъ животныхъ. Разсыпка сѣмянъ огородныхъ, цвѣточныхъ и полевыхъ растений. V. Разныя извѣстія. Календарь: святцы на каждую недѣлю. Правительственныя распоряженія, имѣющія отношенія къ предметамъ, входящимъ въ программу журнала. Цѣны фондовъ и главныхъ акцій. Таблицы выигрышныхъ займовъ. Справочныя цѣны. Торговыя телеграммы. Библиографія. Сибѣ: извлеченія и перепечатки изъ другихъ изданій. Вопросы и отвѣты. Почтовый ящикъ редакціи. Адреса извѣстныхъ хозяевъ, садоводовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и извѣстныхъ торговыхъ фирмъ. Прейсъ-куранты въ объявленіяхъ, въ текстѣ и отдѣльными приложениями. VI. Бесплатныя приложения: календарей общаго и спеціальныхъ; руководствъ, входящихъ въ программу журнала; приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ, отрывочныхъ календарей и стѣнныхъ, игръ, нотъ, картинъ, модъ, узоровъ, выкроекъ и т. п. печатныхъ приложений, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала и съ разрѣшенія предварительной цензуры, а также различнаго рода сѣмянъ, образцовъ матерій, пергамента, сухихъ красокъ, письменныхъ принадлежностей, рыболовныхъ крючковъ, иглокъ, лесокъ и т. п. предметовъ, при пересылкѣ коихъ вмѣстѣ съ журналомъ не можетъ встрѣтиться никакихъ затрудненій. Въ текстѣ изданія могутъ быть помѣщаемы чертежи и рисунки.

«Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея». Разрѣшеніе на изданіе этого сборника въ г. Тобольскѣ дано 20-го іюля 1892 г. Выходитъ онъ неопредѣленно, по мѣрѣ накопленія матеріала, съ разрѣшенія предварительной цензуры и издается комитетомъ музея подъ редакціей его членовъ. Программа: Отчеты и протоколы засѣданій. Хроника музея. Описаніе коллекцій музея. Работы по мѣстнымъ (касающимся Тобольской губ.) вопросамъ археологіи, этнографіи, естественныхъ наукъ, торговли, промышленности, исторіи, антропологіи, исторіи культуры, географіи, статистики, библиографіи и друг. наукамъ.

«Журналъ медицинскій химіи и фармаціи». Журналъ этотъ спеціальныи, выходитъ въ Петербургѣ, и разрѣшеніе на его изданіе дано 15-го іюня 1892 года; издается безъ предварительной цензуры и выходитъ четыре раза въ годъ; редакторъ журнала профессоръ Александръ Васильевичъ Пель (онъ же и издатель), совмѣстно съ д-ромъ медицины Николаемъ Павловичемъ Ивановымъ. Программа: Оригинальныя статьи и рефераты. Новости по медицинскій химіи

и фармаціи. Сообщенія и протоколы ученыхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ. Библиографія и критика. Объявленія.

«Извѣстія Общества горныхъ инженеровъ». Разрѣшеніе издавать этотъ журналъ въ Петербургѣ дано 20-го марта 1892 года. Журналъ посвященъ спеціально знакомству съ горнымъ дѣломъ, выходитъ безъ цензуры отъ 6-ти до 12-ти разъ въ годъ; издается обществомъ горныхъ инженеровъ, подъ редакціей секретаря научно-технической комиссіи общества Люціуса Лебедзинскаго. Программа: Статьи, излагающія предметы научныхъ сообщеній въ собраніяхъ общества. Статьи, касающіяся техники въ общемъ и горнаго дѣла въ частности. Статьи, касающіяся какъ дѣятельности общества, такъ и членовъ его. Библиографія и новости литературы какъ русской, такъ и иностранной, касающіяся техники вообще. Кроме того, ко всѣмъ помѣщаемымъ статьямъ предполагается прилагать краткое резюме на иностранныхъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ). Правительственныя распоряженія, касающіяся дѣятельности общества и его членовъ. Протоколы засѣданій общества, совѣта старшинъ и научно-технической комиссіи. Запросы и отвѣты, а также краткія письменныя сообщенія обществу. Планы, карты и чертежи. Объявленія.

«Курляндскій Листокъ Объявленій». Изданіе этого листка, на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ, въ г. Либавѣ дано 27-го января 1892 года. Листокъ выходитъ еженедѣльно, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель его Оскаръ Флоръ, запасный унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся. Въ программу этого изданія входятъ только разнаго рода объявленія.

«Курянинъ». Разрѣшеніе на изданіе этой политическо-общественной и литературной газеты въ г. Курскѣ дано 17-го декабря 1892 года. Газета цензурная, выходитъ четыре раза въ недѣлю, но, въ случаѣ надобности, можетъ быть выпускаема и ежедневно. Редакторъ и издатель — губернской секретарь Оедоръ Григорьевичъ Подоба. Программа: Правительственныя распоряженія и телеграммы. Передовыя статьи. Телеграммы и извлеченія изъ газетъ по вопросамъ внутренней и внѣшней политической жизни. Внутреннія корреспонденціи. Дѣятельность различныхъ частныхъ и общественныхъ учреждений. Отчеты о различныхъ засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ общественной дѣятельности. Обзоръ общей и частной научной литературы. Фельетонъ (беллетристическаго содержанія). Смѣсь (мелкія извѣстія въ предѣлахъ программы). Почтовый ящикъ. Объявленія.

«Мельникъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала, спеціально посвященнаго мукомольному дѣлу и хлѣбной торговлѣ, въ г. Москвѣ, дано 5 мая 1892 года. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ съ разрѣшенія предварительной цензуры; издателями и редакторами, при полученіи разрѣшенія, были: инженеръ-механикъ Петръ Клементьевичъ Энгельмейеръ и губернской секретарь Дмитрій Августовичъ Мансфельдъ, но черезъ три съ половиною мѣсяца (20-го августа) первый изъ нихъ передалъ свое издательское право Мансфельду и сложилъ съ себя обязанности редактора. Программа: Распоряженія правительства по мукомольному дѣлу и хлѣбной торговлѣ. Справочныя цѣны хлѣбныхъ рынковъ въ Россіи и за границей; корреспонденціи, касающіяся мукомольнаго дѣла и хлѣбной торговли. Техни-

ческія описанія всякаго рода мельницъ и мельничныхъ аппаратовъ и всякаго рода статьи по мукомольному дѣлу, съ чертежами и рисунками (техническими) въ текстѣ и отдѣльномъ приложеніи. Торговыя и техническія объявленія.

«Наше Время». Журналъ литературный и иллюстрированный, разрѣшеніе на изданіе его въ Петербургѣ дано 3-го марта 1892 года; выходитъ еженедѣльно съ разрѣшенія предварительной цензуры. Издатель журнала купецъ Дмитрій Дмитріевичъ Оедоровъ, редакторъ—губернскій регистраторъ Петръ Клементьевичъ Селиверстовъ. Программа: Повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. п. Статьи, касающіяся области музыки, театра и искусствъ вообще. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ и проч. Музыкальныя сочиненія (ноты). Портреты литературныхъ, музыкальныхъ и сценическихъ дѣятелей, рисунки къ отдѣламъ программы. Смѣсь, мелкія замѣтки, столичная жизнь. Объявленія. Приложенія: музыкальныя или литературныя соч. (оперы, соч. извѣстныхъ композиторовъ или писателей).

«Парижская мода». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 2-го ноября 1892 года, но выходъ журнала въ свѣтъ долженъ начаться въ текущемъ году. Этотъ модный журналъ, издаваемый Адели Гоппе, представляетъ сокращенное изданіе моднаго журнала «Новый Русскій Базаръ». Программа журнала «Парижская мода» слѣдующая: Рисунки модъ и рукодѣлій, съ принадлежащими къ нимъ выкройками и узорами и текстомъ, поясняющимъ эти рисунки, выкройки, узоры и чертежи; статьи по вопросамъ моды и хозяйства; почтовый ящикъ и объявленія.

«Пожарный. Вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ дано 18-го февраля 1892 года. Журналъ имѣетъ специальное назначеніе, но отчасти и литературный, иллюстрированный; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, безъ разрѣшенія предварительной цензуры; издатель журнала графъ Александръ Дмитріевичъ Шереметевъ, редакторъ—губернск. секретарь Александръ Павловичъ Чеховъ. Программа: Оффиціальныя постановленія и распоряженія, касающіяся устройства пожарнаго дѣла въ Россіи. Свѣдѣнія о современномъ состояніи пожарнаго дѣла въ Россіи и за границей. Устройство пожарныхъ командъ; административная организація, устройство зданій для помѣщенія командъ, обмундированіе и снаряженіе людей, спасительные снаряды и приборы, пожарныя лѣстницы, врачевныя и санитарныя средства, различные типы пожарныхъ обозовъ, конскій уборъ и проч. Важнѣйшія открытія и усовершенствованія въ технику и устройствѣ пожарнаго дѣла. Снаряды, приборы и составы для тушенія пожаровъ: различные типы пожарныхъ трубъ, насосовъ и принадлежностей къ нимъ; пожарные пароходы, химическіе составы, эксикскторы, а также реагенты для дѣйствія изъ пожарныхъ трубъ, водопроводы, резервуары, пожарные краны съ принадлежностями; приборы и средства для обнаруживанія пожаровъ и увѣдомленія о нихъ: автоматическіе приборы, каланчи, телеграфы, телефоны, электросигнальныя аппараты и проч. Корреспонденція. Свѣдѣнія, касающіяся пожарнаго дѣла, получаемыя изъ разныхъ мѣстъ отъ собственныхъ корреспондентовъ. Хроника. Текущія событія и происшествія, касающіяся пожарнаго дѣла. Фельетонъ. Бытовые очерки изъ жизни пожарныхъ командъ. Беллетристическіе рассказы, касающіеся по своему содержанию пожарнаго дѣла. Научныя сообщенія и разсужденія изъ той же области въ беллетристической формѣ. По Россіи.

Спеціальний оддѣлъ для описанія состоянія пожарнаго дѣла въ провинціи. Біографіи выдающихся лицъ, посвятившихъ себя пожарному дѣлу. Библиографія. Статистика пожарнаго дѣла. Вопросы и отвѣты. Объявленія. Иллюстраціи и рисунки въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

«Политехническая Библіотека». Этотъ спеціальний библиографическій указатель выходитъ въ Петербургѣ и право на его изданіе дано 22-го декабря 1892 г.; срокъ выхода—ежемѣсячный, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель указателя прусскій подданный Федоръ Васильевичъ фонъ-Щепанскій. Программа: Научно-систематическій указатель книгъ и періодическихъ изданій по всѣмъ отраслямъ техники на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

«Православный Благовѣстъ». Разрѣшеніе на изданіе этого духовнаго журнала въ г. Москвѣ дано 2 ноября 1892 г.; журналъ издается съ дозволенія духовной цензуры и выходитъ въ свѣтъ два раза въ мѣсяцъ. Изданіе журнала принадлежитъ Православному Миссіонерскому Обществу, редакторъ свящ. Александръ Никольскій. Программа: Отдѣлъ officialный: постановленія и распоряженія правительства, касающіяся миссіонерскаго общества и его дѣятельности. Распоряженія совѣта миссіонерскаго общества, его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности епархіальныхъ комитетовъ общества. II. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности и внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь. Условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утверженію православія между новообращенными инородцами и къ сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ. IV. Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. Миссіонерская дѣятельность на Западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. Краткія, отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствованныя изъ газетъ, писемъ и проч. VII. Библиографія. Отзывы о разныхъ вновь появляющихся книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. Объявленія.

«Przegląd Chirurgiczny». Разрѣшеніе на изданіе этого спеціально медицинскаго журнала въ г. Варшавѣ, на польскомъ и французскомъ языкахъ, дано 18-го декабря 1892 года. Журналъ выходитъ отъ 3 до 6-ти книжекъ въ годъ, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель д-ръ медиц. Владиславъ Францовичъ Краевскій. Программа: На польскомъ языкѣ. Передовыя статьи. Оригинальныя работы. Клиническія лекціи. Критика и библиографія. Корреспонденціи. Протоколы засѣданій обществъ. Мелкія извѣстія. Рефераты

изъ статей, помѣщенныхъ въ изданіяхъ, и изъ текущей медицинской прессы на французскомъ языкѣ.

«Русское Лѣсное дѣло». Этотъ журналъ посвященъ знакомству съ лѣсоводствомъ и разрѣшеніе на изданіе его въ Петербургѣ дано 27-го мая 1892 г.; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, безъ цензуры; редакторъ и издатель журнала профессоръ Петербургскаго лѣснаго института Василій Яковлевичъ Добровлянскій. Программа: Правительственныя постановленія и административныя распоряженія удѣльнаго, лѣсоохранительнаго и казеннаго лѣснаго управленія. Оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ вопросамъ лѣснаго хозяйства, поясняемыя, въ случаѣ надобности, рисунками и чертежами. Хроника русскаго лѣснаго дѣла; замѣтки и мѣстные сообщенія изъ практики лѣснаго хозяйства. Библиографическій обзоръ важнѣйшихъ явленій русской и иностранной лѣсохозяйственной литературы. Вопросы изъ области лѣснаго хозяйства и отвѣты на нихъ. Объявленія.

«Semkopis» (Земледѣлецъ). Разрѣшеніе на изданіе этой газеты, на латышскомъ языкѣ, въ г. Митавѣ дано 5-го декабря 1892 года; газета иллюстрированная, выходящая ежемѣсячно съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель книгопродавецъ Яковъ Ивановичъ Дравинъ-Дравніакъ. Программа: Статьи по земледѣлію, скотоводству, садоводству, пчеловодству, кустарной промышленности. Разныя извѣстія по земледѣлію, промышленности, торговлѣ и т. п. Иллюстрація къ тексту. Объявленія.

«Современная Клиника». Разрѣшеніе на изданіе этого спеціально медицинскаго журнала въ Петербургѣ дано 18-го декабря 1892 года; выходитъ ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала д-ръ медиц. Тимоѣей Ивановичъ Богомоловъ. Программа: Оригинальныя лекціи, равно какъ и переводныя съ иностранныхъ языковъ и статьи по клинической терапіи, бактериологіи, фармакологіи, патологической химіи и друг. прикладнымъ наукамъ, имѣющимъ связь съ клинической и практической медициной. Общія очерки и краткіе рефераты по отдѣльнымъ медицинскимъ вопросамъ. Портреты и біографіи современныхъ клиницистовъ. Библиографическій указатель и рецензіи новыхъ книгъ по медицинѣ, выходящихъ въ Россіи и за границей. Объявленія.

«Ташкентскій Листокъ телеграммъ и объявленій». Издавать этотъ листокъ въ г. Ташкентѣ разрѣшено 4-го декабря 1892 года, выходитъ онъ неопредѣленно, по мѣрѣ надобности, и съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ листка потомств. почетн. гражд. Самуилъ Ивановичъ Пѣтуховъ. Программа: Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства. Объявленія.

«Техническія Новости». Разрѣшеніе на изданіе этого иллюстрированного, спеціального, журнала въ г. Ригѣ дано 14-го февраля 1892 года; журналъ цензурный, выходящій ежемѣсячно; издатель—прусскій подданный. Густавъ Рафаилъ Вуттке. Программа: Чертежи различныхъ машинъ, снарядовъ и предметовъ потребленія изъ области промышленности, ремеслъ и домашняго хозяйства съ описаніями.

«Техническое Обзорѣніе». Журналъ этотъ спеціально-техническій, и разрѣшеніе на его изданіе въ Петербургѣ дано 12-го января 1892 года; выходитъ ежемѣсячно, безъ цензуры; издатель журнала, состоящая при Императорскомъ

Русскомъ техническомъ Обществѣ, комиссія по техническому образованию, а редакторы: предсѣдатель этой комиссіи Александръ Григорьевичъ Небольсинъ и непремѣнный членъ ея Евгений Михайловичъ Гаршинъ. Журналъ этотъ въ лѣтніе мѣсяцы не выходитъ. Программа: I. Хроника технического и профессиональнаго образования въ Россіи и за границей. Правительственныя распоряженія. Отчетъ о школахъ. Открытіе и организація техническо-профессиональныхъ учебныхъ заведеній (учебные курсы, финансовое обезпеченіе, при участіи правительственныхъ и общественныхъ учреждений, а также и частныхъ лицъ и проч.). Свѣдѣнія объ учащихся, окончившихъ курсъ технического и промышленнаго образования и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ въ сферѣ приложенія пріобрѣтенныхъ ими познаній и навыковъ. Дѣятельность обществъ попеченія объ учащихся въ техническихъ и профессиональныхъ школахъ, въ ремесленныхъ мастерскихъ и на заводахъ. Средства и учрежденія для подготовки преподавателей ремеселъ, искусствъ и предметовъ технического обученія. Сообщеніе техническихъ знаній внѣ школы: ученичество у ремесленниковъ и на заводахъ; обученіе малолѣтнихъ и взрослыхъ въ тюрьмахъ и исправительныхъ заведеніяхъ; развитіе техническихъ знаній среди кустарей; вечерніе и воскресные курсы по предметамъ технического обученія; публичныя чтенія по отдѣльнымъ производствамъ. Воспитательныя средства технического обученія: учебные кабинеты; музеи; библіотеки и читальни; постоянныя и передвижныя выставки; образовательныя экскурсіи; классы взаимопомощи. Съѣзды по техническому образованию. II. Статьи и доклады по вопросамъ технического и профессиональнаго образования. По методикѣ и дидактикѣ технического обученія: предметы общаго образования въ ихъ отношеніи къ образованію техническому; системы обученія ремесламъ и сообщеніе учащимся практическихъ навыковъ; ручной трудъ въ школѣ, въ его педагогическомъ и утилитарномъ значеніи; обзоръ учебныхъ пособій и проч. По школьной гигиенѣ: условія устройства техническихъ школъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ; мѣры содѣйствія къ охраненію здравія обучающихся ремесламъ и производствамъ. III. Библіографія: общія сочиненія по техническому образованию и его исторіи; руководства къ изученію ремеселъ и отдѣльныхъ производствъ; справочныя книги для техниковъ; учебники и пособія, приноровленные къ программамъ преподаванія въ техническихъ и профессиональныхъ школахъ; популярныя книги по прикладнымъ знаніямъ; обзоръ журналовъ. IV. Смѣсь. Протоколы засѣданій постоянной комиссіи какъ по собраніямъ непремѣнныхъ членовъ, такъ и по общимъ собраніямъ отдѣла. Отчеты комиссіи. Свѣдѣнія о дѣятельности по техническому образованию въ иногородныхъ отдѣленіяхъ Императорскаго Русскаго технического Общества.

«Типо-литографское Дѣло». Издавать этотъ специальный журналъ въ Петербургѣ разрѣшено 24-го ноября 1892 года; выходитъ разъ въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала потомствени-дворянинъ Александръ Петровичъ Качка. Программа: Узаконенія и распоряженія правительства по дѣламъ, касающимся печати. Статьи по вопросамъ типографскаго дѣла. Технические, оригинальныя и переводныя статьи по типографскому, литографскому, хромо-литографскому и граверному искусству, съ пояснительными чертежами, планами и картами. Смѣсь и отвѣты на техническіе вопросы по типо-литографскому дѣлу. Объявленія.

«Тюремный Вѣстникъ». Журналъ этотъ, посвященный спеціально тюремновѣдѣнію, разрѣшено издавать 10-го ноября 1892 г. въ Петербургѣ главному тюремному управленію; журналъ выходитъ ежемѣсячно, безъ цензуры; редакторъ-инспекторъ управленія г. Лихачевъ. Программа: Оффиціальныи отдѣлъ. Приказы Высочайшіе по министерству и мѣстныхъ начальствъ о наградахъ, назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по тюремному вѣдомству и учрежденіямъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Узаконенія и распоряженія по тюремной части. Сообщенія о движеніи тюремнаго и ссыльнаго населенія, о ходѣ тюремныхъ построекъ, пересылкѣ арестантовъ, санитарномъ состояніи мѣсть заключенія и о тюремныхъ работахъ, съ означеніемъ рода издѣлій и условий, на которыхъ они могутъ быть приобрѣтаемы. Неоффиціальныи отдѣлъ: Оригинальныя и переводныя статьи и замѣтки практическаго характера по вопросамъ тюремновѣдѣнія и организаціи ссылки, со включеніемъ отчетныхъ свѣдѣній по инспекціи мѣрь заключенія. Извѣстія и статьи объ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ. Извѣстія и статьи о пріютахъ для арестантскихъ дѣтей и учрежденіяхъ для призрѣнія семействъ ссыльныхъ. Извѣстія и статьи объ обществахъ попеченія объ освобожденныхъ изъ мѣсть заключенія. Сообщенія о международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, сѣздахъ и иныхъ собраніяхъ по пенитенціарнымъ вопросамъ. Сообщенія изъ современной и прошлой тюремной практики (воспоминанія). Очерки жизни и дѣятельности умершихъ отечественныхъ и иностранныхъ тюремныхъ дѣятелей. Новости русской литературы по тюремновѣдѣнію. Объясненія.

«Указатель квартиръ въ Москвѣ». Разрѣшеніе на изданіе этого указателя въ Москвѣ дано 13-го іюня 1892 года; выходитъ три раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель указателя жена коллежск. ассесс. Калерія Андреевна Петровская. Въ программу изданія входятъ только объявленія, въ которыхъ указываются свободныя квартиры и нежилыя помѣщенія въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, съ обозначеніемъ: адреса, количества комнатъ, особыхъ удобствъ, цѣны и производства платежа.

«Уральскій Листокъ Объявленій». Разрѣшеніе издавать эту газету въ г. Уральскѣ дано 22-го мая 1892 года; выходитъ ежедневльно и издается подъ цензурою; редакторъ и издатель листка жена коллежск. совѣтн. Марья Андреевна Жаворонкова. Программа: Правительственныя распоряженія, касающіяся общественной жизни края. Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства. Театральныя извѣщенія. Справочныя цѣны на мѣстные товары и разныя публикаціи и объявленія частныхъ лицъ, учреждений и торговыхъ фирмъ.

«Фармацевтъ». Разрѣшеніе на изданіе этого спеціальнаго журнала въ Москвѣ послѣдовало 27-го іюня 1892 года; журналъ цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ и издатель магистръ фармаціи Ипполитъ Александровичъ Антутевичъ. Программа: Научныи отдѣлъ. Оригинальныя статьи по фармаціи и входящимъ въ составъ ея отдѣламъ наукъ изъ области медицины, химіи и естествознанія. Обзоръ отечественной и иностранной литературы и извлеченія изъ нея. Новыя врачебныя средства: ихъ свойство и примѣненіе. Патентованныя и секретныя средства. Статьи по изслѣдованію продовольственныхъ и иныхъ жизненныхъ продуктовъ, а также предметовъ техническаго и фабричнаго

производства. Борьба съ фальсификаціей во всѣхъ ея проявленіяхъ. Работы изъ области судебной и санитарной химіи. Дезинфекція. Изслѣдованія химическія и микроскопическія въ области фармаціи и фармакогнози, и методы опредѣленія доброкачественности врачебныхъ средствъ. Отдѣлъ практической фармаціи. Библиографія. Вытовой отдѣлъ: Официальная часть: правительственныя распоряженія, статистическіе медицинскіе отчеты, разрѣшенія на открытіе аптекъ, опредѣленіе и перемѣщеніе фармацевтовъ по вѣдомствамъ: военному и морскому. Сообщенія и отчеты фармацевтическихъ обществъ. Хроника аптечной жизни. Биографіи и некрологи извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ фармаціи, химіи, медицины и естественныхъ наукъ. Справочный отдѣлъ. Открытая корреспонденція. Объясненія.

«Царицынскій Листокъ Объявленій». Разрѣшеніе на изданіе этого листка въ г. Царицынѣ дано 20-го августа 1892 года; выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней и издается подъ цензурой; издательница вдова канцелярскаго служителя Марья Кузьминична Орлова, редакторъ мѣщанинъ Михаилъ Кузьмичъ Шалагинъ. Въ программу Листка, кромѣ объявленій, ничего другаго не входитъ.

Для полноты этого перечня мы должны упомянуть еще объ изданіи подъ названіемъ «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ», разрѣшенномъ 5-го ноября 1892 года. Но изданіе это собственно не періодическое, оно представляетъ собою просто сборникъ-альбомъ портретовъ Особъ Императорской Фамили, съ соотвѣтствующимъ каждому портрету текстомъ. Срокъ выхода изданія не опредѣленъ, редакторъ же его отставной надворн. совѣтн. Корнелій Александровичъ Бороздинъ.

Возобновленіе изданія.

Въ 1888 году было разрѣшено издавать въ Петербургѣ «Газету Электрика» военн. инженеру Альфонсу Густавовичу Щавинскому, причемъ журналъ этотъ былъ безцензурный и выходилъ еженедѣльно. Въ началѣ прошлаго 1892 года «Газета Электрика» объявлена прекратившейся, но 30-го ноября право изданія ея вновь возобновлено и предоставлено тому же лицу и на тѣхъ же условіяхъ. Такъ какъ въ нашемъ обзорѣ періодической печати за 1888 годъ не была приведена программа «Газеты Электрика», то мы даемъ ее здѣсь. Программа: Правительственныя и административныя распоряженія и узаконенія, относящіяся до электротехники. Электромеханика и электрохимія. Электромеханическая технология. Электрохимическая технология. Телефонія и телеграфія. Обзоръ новостей по примѣненіямъ электротехники къ различнымъ отраслямъ фабричной промышленности, къ военному и морскому дѣлу, къ воздухоплаванію, горному и желѣзнодорожному дѣлу, искусствамъ, ремесламъ, домашнему быту и проч. Обзоръ дѣятельности ученыхъ обществъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ въ Европѣ и Америкѣ, въ области электротехники. Библиографія и новыя книги по электротехникѣ. Свѣдѣнія о привилегіяхъ, испрашиваемыхъ въ Россіи и краткое поясненіе о привилегіяхъ, выданныхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Смѣсь: техническія замѣтки о новостяхъ въ электротехникѣ, опи-

саніе различныхъ приборовъ, практическіе совѣты, рецепты и проч. Содержаніе иностранныхъ журналовъ по электротехникѣ. Корреспонденціи въ предѣлахъ программы. Почтовый ящикъ редакціи: вопросы и отвѣты. Объявленія. Приложенія: книги по электротехникѣ.

Измѣненіе въ программахъ журналовъ.

Въ минувшемъ году, какъ показано выше, было 22 журнала, получившихъ право на измѣненіе или дополненіе своихъ программъ, но за весьма немногими исключеніями измѣненія эти незначительныя. Кромѣ того, нѣкоторые журналы могли ввести у себя новую программу только въ текущемъ году, такъ какъ дозволеніе на это было получено ими втеченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ 1892 года. Наиболѣе существенное измѣненіе въ программѣ представляется въ журналѣ «Библиографъ», который, вслѣдствіе того, какъ бы распадается на два самостоятельныхъ журнала, могущихъ выходить независимо другъ отъ друга — первый отдѣлъ подъ названіемъ «Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія», а второй — «Лѣтопись книгопечатанія», и каждый по особой цѣнѣ. Ниже приведены всѣ періодическія изданія, получившія въ 1892 г. право измѣнить или расширить программу, съ указаніемъ времени полученія разрѣшенія.

Новая программа журн. «Библиографъ, журналъ историко-литературный и критико-библиографическій» (въ ноябрѣ): Отдѣлъ I. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія. Исторія литературы и просвѣщенія, по преимуществу въ Россіи: изслѣдованія и статьи по исторіи литературы; исторія журналистики; исторія литературныхъ и ученыхъ обществъ и учреждений; исторія учебныхъ заведеній; исторія театра и музыки, какъ факторовъ просвѣщенія; исторія народной словесности и народнаго образованія, біографіи литературныхъ дѣятелей, ученыхъ и ревнителей просвѣщенія; матеріалы для исторіи литературы, театра и музыки, памятники народнаго творчества; памятники древней письменности; посмертныя произведенія авторовъ; мемуары, касающіеся литературной жизни, просвѣщенія и проч. Книговѣдѣніе: описаніе рукописей, рѣдкихъ изданій и т. д., книжное дѣло въ старину и въ настоящее время: книгопечатаніе и графическія искусства, бібліотековѣдѣніе, книжная торговля, книгоиздательство, литературная и художественная собственность; біографіи дѣятелей по книжному дѣлу; статистика книгопечатанія и книжнаго дѣла. Критика и библиографія: очерки дѣятельности русскихъ писателей и критика ихъ произведеній, рецензіи о книгахъ русскихъ и иностранныхъ по предметамъ программы журнала, обзоры русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, обзоры дѣятельности учено-литературныхъ обществъ и учреждений. Отдѣлъ II. Лѣтопись книгопечатанія. Каталогъ новыхъ изданій. Указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ. *Rossica*. Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати. Замѣтки о новыхъ изданіяхъ. Объявленія. Приложенія: отдѣльныя работы по исторіи русской литературы, книговѣдѣнію и прочимъ предметамъ, входящимъ въ программу журнала. Портреты, снимки съ книгъ, гравюръ, рукописей и т. п.; изображенія, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и прочимъ предметамъ, входящимъ въ программу

журнала, на особыхъ листахъ (кромѣ помѣщаемыхъ въ текстѣ). Въ журналѣ «Велосипедъ» (въ сентябрѣ) расширена программа отдѣлами: передовыя статьи, касающіяся спорта; военный отдѣлъ спорта; взглядъ медицины на спортъ; заграничныя извѣстія о спортѣ; мѣстные извѣстія и промышленность спорта; корреспонденція изъ-за границы и изъ Россіи; распоряженія администраціи и взгляды ея на спортъ; обсужденіе взглядовъ прессы на спортъ и полемика; телеграммы, касающіяся вышеупомянутыхъ спортѣвъ; хроника этихъ спортѣвъ и всѣ мелочи, касающіяся ихъ; фельетонъ и стихотворенія исключительно изъ жизни спортсменовъ, или вообще относящіяся къ спорту, и критическій обзоръ спортѣвъ. Затѣмъ (въ декабрѣ мѣс.) разрѣшено дабавить еще слѣдѣющіе отдѣлы: конькобѣжество; гимнастика; фехтованіе; плаваніе; физическія игры и забавы. Въ журн. «Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи» (въ ноябрѣ) добавляется отдѣлъ справочныхъ по ветеринарной части свѣдѣній, съ вопросами и отвѣтами на нихъ, и разрѣшено помѣщеніе рисунковъ и портретовъ выдающихся по ветеринарной части дѣятелей. Въ газ. «Gazeta losowa papierow publicznych» (ноябрь) добавляется отдѣлъ: финансово-торговья корреспонденціи и справки изъ главныхъ центровъ имперіи, а также изъ иностранныхъ, преимущественно французскихъ рынковъ. Въ газ. «Другъ Животныхъ» (іюнь) введенъ отдѣлъ—практическіе совѣты. Въ газ. «Енисейскій Листокъ» (январь) расширена программа разрѣшеніемъ помѣщать: статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ, по городскому и земскому хозяйствамъ, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговья, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности; судебная хроника безъ обсуждения судебных рѣшеній; фельетонъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены, стихотворенія; смѣсь—отвѣты редакціи. Измѣнена программа журн. «Журналъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія» (ноябрь) такъ: самостоятельныя статьи и научныя сообщенія. Отчеты о засѣданіяхъ отдѣловъ и секцій общества: биологическій, статистическій, общественной и частной гігіены, гігіены дѣтскаго и школьнаго возростовъ; бальнеологія и климатологія. Научныя корреспонденціи. Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ русской и иностранной литературы по биологіи, статистикѣ, эпидемиологіи, гігіенѣ, бальнеологіи и климатологіи. Критика и библіографія. Хроника. Частныя объявленія и публикаціи. Приложенія. Журналъ «Медицинская Вѣсѣда» разрѣшено (декабрь) издавать по слѣдующей новой программѣ: Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. Статьи по общественной и частной гігіенѣ, анатоміи, физиологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гігіена. Аптечное дѣло. Статьи по земской медицинѣ. Исторія медицины. Переводныя статьи и рефераты изъ поврежденныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. Врачебная хроника и смѣсь. Врачебно-бытовые вопросы. Народная медицина. Врачебныя замѣтки. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода учреждений. Рисунки къ соотвѣтствующимъ статьямъ. Объявленія. Въ газ. «Листокъ объявленій и спорта» (іюнь) расширена программа помѣщеніемъ: Правительственныя распоряженія, относящіяся до коннозаводства, коневодства, ремонта и кавалеріи;

руководящія статьи по текущимъ вопросамъ коннозаводства и спорта; подробныя свѣдѣнія о лошадяхъ, записанныхъ на призы въ дни бѣговъ и скачекъ, устраиваемыхъ Императ. скаковымъ и бѣговымъ общ. въ Москвѣ, а также въ окрестностяхъ ея и въ манежѣ, устраиваемыхъ Императ. общ. охоты; мелочи, рассказы и стихотворенія изъ охотничьей жизни и спорта. Въ журн. «Наше Время» разрѣшено (ноябрь) добавить отдѣлъ, заключающій сообщенія о новыхъ книгахъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія, подъ общимъ названіемъ: «Библіографія». Такой же библіографическій отдѣлъ разрѣшенъ (февраль) въ программѣ журн. «Охота. Всеобщее охотничье обозрѣніе». Разрѣшено (февраль) расширить программу журн. «Петербургская Жизнь» помѣщеніемъ статей беллетристическаго содержанія, какъ-то: рассказовъ, очерковъ, сценъ, повѣстей и романовъ; статей, относящихся къ спорту и къ выдающимся событіямъ столичной жизни; сценическихъ произведеній и стихотвореній, съ соответствующими этому тексту рисунками. Въ программу газ. «Приазовскій Край» разрѣшено (январь) включить отдѣлъ политическаго обозрѣнія. Въ польскомъ журн. «Przegląd Katołicki» разрѣшено (январь) помѣщать объявленія. Въ газ. «Ростовскія на Дону Извѣстія» разрѣшено (іюль) имѣть отд. «корреспонденціи о торгово-промышленной жизни Приазовья». Разрѣшено (декабрь) расширить программу журн. «Русскій Паломникъ» помѣщеніемъ музыкальныхъ произведеній религіознаго и патріотическаго содержанія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ композиторовъ. Въ газ. «Самарскій Вѣстникъ» разрѣшено (іюль) помѣщать: телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства; политическія извѣстія, заимствованныя изъ «Правительственнаго Вѣстника» и «Русскаго Инвалида»; фельетоны; рассказы и случаи изъ мѣстной жизни; театральную хронику. Въ торговомъ отдѣлѣ журн. «Сельскій Хозяинъ» разрѣшено (февраль) помѣщать хронику русскихъ биржъ съ цѣнами котирующихся у насъ денежныхъ бумагъ, золота и серебра. Расширена программа журн. «Фотографъ Любитель» (сентябрь) помѣщеніемъ въ текстѣ иллюстраціи съ фотографіей работъ различныхъ объективовъ, для сравненія ихъ качествъ и выбора читающими; біографіи, некрологи, анекдоты и рассказы изъ жизни и случайностей при работѣ свѣтописца. Въ журн. «Царь Колоколъ» разрѣшенъ (май) отд. внутренней и иностранной политики по свѣдѣніямъ «Правительственнаго Вѣстника», «Русскаго Инвалида» и «Journal de S. Petersburg». Въ газ. «Zeitung für Stadt und Land» разрѣшенъ (декабрь) отд. «Судебный» безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній и, наконецъ, программа «Юридической Газеты» (январь) расширена отдѣлами: передовыя статьи, фельетоны, статьи и замѣтки спеціально-юридическаго содержанія, обзоръ постановленій отечественнаго законодательства и отчеты о судебныхъ процессахъ.

Изданія, измѣнившія названія.

Повреженныя изданія, измѣнившія свои названія въ минувшемъ году, были слѣдующія: журналъ «Библіографъ» переименованъ въ «Библіографъ, журналъ историко-литературный и критико-библіографическій»; журн. «Велосипедъ и рѣчная яхтъ-клубъ» — въ «Велосипедистъ»; газета «Енисейскій Справочный Листокъ» —

въ «Енисейскій Листокъ»; газ. «Московская Иллюстрированная Газета» — въ «Московскую Газету», причѣмъ, однако, газета эта можетъ помѣщать иногда иллюстраціи въ текстѣ; «Офицерскій Сборникъ. Досуги Марса» — въ «Военный Вѣстникъ, военная, научная, литературная и библиографическая газета»; газ. «Ростовскій на Дону Листокъ» — въ «Ростовскія на Дону Извѣстія»; газ. «Самарскій Вѣстникъ Объявленій» — въ «Самарскій Вѣстникъ» и журн. «Шашечница» — въ «Шахматное Обозрѣніе».

Приложенія къ журналамъ.

Право на выдачу отдѣльныхъ приложеній одновременно или на выпускъ ихъ въ опредѣленный срокъ получили въ минувшемъ году 15-ть періодическихъ изданій. Судя по времени, когда дано было это право, надо полагать, что шесть изданій могутъ воспользоваться имъ только въ настоящемъ году. За небольшимъ исключеніемъ новыя приложенія къ журналамъ не представляютъ собою ничего особеннаго, но нѣкоторыя изъ нихъ, какъ будетъ видно ниже, могутъ быть причислены къ самостоятельнымъ періодическимъ изданіямъ, тѣмъ болѣе, что для нихъ назначена особая подписная цѣна и потому ихъ можно выписывать независимо отъ журнала, которому они служатъ приложеніемъ. Кромѣ того, изъ общаго числа приложеній одно было только временное, а именно къ журн. «Зодчій», разрѣшенное только на время съѣзда русскихъ зодчихъ, бывшаго въ Петербургѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ; программа этого приложенія приведена ниже.

Къ журналу «Biesiada Literacka» разрѣшено приложеніе романовъ; къ журн. «Вѣстникъ Финансовъ» — «Торгово-Промышленная Газета». Приложеніе это начало выходить въ настоящемъ году и притомъ ежедневно, по отдѣльной подпискѣ, и потому оно является самостоятельнымъ органомъ. Къ журн. «Вѣстникъ Иностранной Литературы» — отдѣльныя книги съ рисунками и безъ рисунковъ; къ газ. «Gazeta Losowań» — ежемѣсячное проложеніе подъ названіемъ «Przegląd asekuracyjny», но собственно это не новое приложеніе, а переименованное прежнее «Tygodnik asekuracyjny», съ назначеніемъ для него иного срока выпуска; къ газ. «Горнозаводскій Листокъ» — значительныя по объему статьи и объявленія; къ журн. на армянскомъ яз. «Джеджили» (Нива) — иллюстрированное приложеніе «Квали» (Гряда), которое издается по слѣдующей программѣ: изящное искусство и научныя статьи, преимущественно изъ естественной исторіи, извѣстія изъ области открытій и изобрѣтеній; историческіе и современные романы, повѣсти, пьесы, поэмы, баллады, сказки, легенды и мелкія стихотворенія. Всѣ эти произведенія должны быть приурочены къ пониманію дѣтей. Критика и библиографія литературныхъ произведеній, преимущественно педагогическаго характера. Путешествія. Эпизоды изъ жизни великихъ людей. Театръ и музыка. Домашнее хозяйство. Парижскія моды и рукодѣлія. Смѣсь: шахматныя и другія игры, загадки и отвѣты, шутки и забавы. Объявленія. Приложеніе это выходитъ еженедѣльно, и такъ какъ для него установлена особая, независимая отъ журн. «Джеджили», подписная цѣна, то оно можетъ считаться самостоятельнымъ журналомъ. Вѣроятно, выпускъ журн. «Квали» начался въ 1893 году, такъ какъ разрѣшеніе на изданіе его дано было въ послѣднихъ числахъ декабра мѣсяца прошлаго года.

Къ журналу «Звѣзда» разрѣшено давать пять приложений, но выходъ ихъ также слѣдуетъ отнести къ настоящему году; вотъ эти приложения: 1-ое «Наука и Забава» — шахматныя и шашечныя задачи, игры, ребусы, шарады и т. п.; 2-е «Практическая жизнь» — свѣдѣнія по сельскому и домашнему хозяйству, полезные совѣты, рецепты, свѣдѣнія по медицине и гигиенѣ; 3-е — «Моды и образцы женскихъ рукодѣлій»; 4-е «Музыкальныя приложения» и 5-е «Выпильные чертежи» и, кромѣ того, премія. Какъ мы уже сказали, къ журн. «Зодчій» было разрѣшено временное приложение «Дневникъ съѣзда», выходящій подъ редакціей инженера Эраста Павловича Деклерона; программа «Дневника» была слѣдующая: списокъ членовъ зодчихъ, распредѣленіе занятій съѣзда, программы осмотровъ и докладовъ на съѣздѣ, краткіе отчеты о засѣданіяхъ съѣзда и его отдѣловъ, свѣдѣнія объ открытіи и закрытіи съѣзда и справочныя свѣдѣнія.

Къ газ. «La Russie Commerciale» разрѣшено ежедневное приложение, на русскомъ и французскомъ яз., заключающее свѣдѣнія о состояніи мѣстнаго и заграничнаго хлѣбныхъ рынковъ, цѣны на всѣ вывозимые русскіе продукты и о совершившихся мѣстныхъ сдѣлкахъ; къ «Московской Газетѣ» — иллюстрированное еженедѣльное приложение; къ журн. «Наше Время» — «Хозяйство и моды»; къ журн. «Новь» — сочиненіе Живописная Россія (прекрасное художественно-научное изданіе); къ журн. «Новости Иностранной Литературы» — особое иллюстрированное приложение подъ названіемъ «Семья». Разрѣшеніе на это изданіе дано 20-го августа 1892 г., выходитъ оно ежемѣсячно, съ дозволенія цензуры, подъ редакціей г-на Левенсона и имѣетъ особую подписную цѣну. Программа журнала: изящная литература: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія — оригинальныя и переводныя; научныя обзрѣнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографіи; спортъ во всѣхъ видахъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстрація ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и преміи; объявленія, рекламы. Къ журн. «Охота» — «Всеобщее охотничье обзрѣніе», ежемѣсячныя книжки, заключающія въ себѣ рассказы изъ охотничьей жизни и свѣдѣнія, касающіяся различныхъ отраслей спорта; къ журн. «Царь-Колоколь» — телеграммы, а также биржевыя и торговыя извѣстія и, наконецъ, къ журн. «Хирургическая Лѣтопись» — журн. «Лѣтописи хирургическаго общества въ Москвѣ». Относительно этого послѣдняго приложения мы должны сказать нѣсколько словъ.

Въ официальныхъ объявленіяхъ о вновь разрѣшенныхъ въ 1892 году періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ, значитъ, что хирургическому обществу въ Москвѣ разрѣшено (10-го января) издавать журналъ «Лѣтописи хирургическаго Общества въ Москвѣ», вмѣсто «Хирургическая Лѣтопись», а затѣмъ — что профес. Московскаго университета Н. В. Склифасовскому, 11-го того же января, разрѣшено издавать журн. «Хирургическая Лѣтопись», причѣмъ программы этихъ журналовъ совершенно одинаковы. Но изданіе перваго журн. было разрѣшено еще въ 1879 г., а втораго — въ 1891 г., такимъ образомъ выходило, какъ бы, во-первыхъ, двойное разрѣшеніе на право изданія и, во-вторыхъ, два однородныхъ самостоятельныхъ журнала. Въ дѣйствительности же оказывается, что первый

журн. не могъ издаваться по недостатку средствъ, и потому въ минувшемъ году было испрошено разрѣшеніе на изданіе его въ видѣ приложенія къ журн. «Хирургическая Лѣтопись»¹⁾).

Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися.

Въ 1892 году было объявлено о прекращеніи 25-ти періодическихъ изданій, но такъ какъ три изъ нихъ возобновились въ томъ же году, то окончательно прекратившимися надо считать слѣдующія 22 изданія: газета «Баянъ», издававшаяся въ Петербургѣ съ 1887 г.; журн. «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ» съ приложеніемъ «Художественныя Новости», издавался въ Петербургѣ; журн. «Гигіена», издавался въ Петербургѣ; журн. «Другъ Семьи», издавался въ Петербургѣ съ 1890 г.; журн. «Женскій Вѣстникъ», издавался въ Петербургѣ съ 1890 г.; «Журналъ для Дѣтей», издавался въ Петербургѣ съ 1891 г.; газета «Заноза», издавалась въ Москвѣ съ 1889 г.; журн. «Западнославянскій Вѣстникъ», издавался въ Петербургѣ съ 1890 г.; газ. «Заря»; газ. «Zycie», издавалась въ Варшавѣ съ 1886 г.; газ. «Kundja», издавалась въ Ригѣ на эстонскомъ языкѣ съ 1882 г.; «Мой Журналъ», издавался въ Петербургѣ съ 1885 г.; «Русская Газета»; газ. «Русское Дѣло», издавалась въ Москвѣ съ 1886 г.; журн. «Русскій Лѣсопромышленникъ», издавался въ Кіевѣ съ 1887 г.; газ. «Сверчокъ», издавалась въ Москвѣ съ 1885 г.; журн. «Сотрудникъ», издавался въ Москвѣ съ 1885 г.; журн. «Спортъ», издавался въ Москвѣ съ 1891 г.; журн. «Sport», издавался въ Варшавѣ, на польскомъ яз., съ 1890 г.; газ. «Tygodnik Powszechny», издавалась въ Варшавѣ съ 1864 г. и журн. «Шахматы», издавался въ Петербургѣ съ 1891 года.

Утверждены новыя лица редакторами и издателями.

Редакторами: журналовъ «Артистъ», «Театральная Библіотека» и «Дневникъ Артиста» — колл. рег. Евгений Евгеньев. Коршъ и двор. Александръ Сергѣев. Кушнеревъ; журн. «Астраханскій Вѣстникъ» — губ. секр. Никол. Алдров. Зеленскій; журн. «Austrums» — канд. правъ Яковъ Дравинъ-Дравніанъ (2-мъ); газ. «Baltijas Westnesis» — канд. правъ Алдръ Готтардовичъ Веберъ; газ. «Бессарабскій Вѣстникъ» — Ив. Георгіев. Чеканъ; газ. «Больничная газета Боткина» — профес. Юрій Трофим. Чудновскій и колл. сов. Степанъ Вас. Посадскій, но первый изъ вскоре сложилъ съ себя это званіе; журн. «Вокругъ Свѣта» — двор. Евграфъ Ник. Киселевъ; журн. «Врачъ Гомеопатъ» — Анатолій Фед. Флеммингъ; журн. «Вѣстникъ Россійскаго общества покровительства животныхъ» — великобрит. поддани. Николай Гарвей; газ. «Gazeta Losowaŋ papierów publicznych» — магистръ правъ Станиславъ Чарновскій; газ. «Дѣловой Корреспондентъ» — инжен. техн. Станиславъ Станиславов. Пониковский и колл. сов. Владиміръ Александров. Ильинъ; журн. «Дѣтское Чтеніе» — учитель Петръ Вас. Голяховскій; «Журнала акушерства и жен-

¹⁾ Разъясненіемъ послѣдняго обстоятельства мы обязаны профес. Н. В. Склифасовскому, за что приносимъ ему нашу благодарность.

Авторъ.

скихъ болѣзней» — д-ръ медиц. Лазарь Григорьев. Личкусь; журн. «Записки Императ. Русскаго технического общества» — съ марта по ноябрь завѣдывалъ редакціей журнала Никол. Абрамов. Сытенко, въ ноябрѣ же утвержденъ редакторомъ Яковъ Игнатьев. Ковальскій; журн. «Звѣзда» — Петръ Петров. Сойкинъ; журн. «Извѣстія инженеровъ путей сообщенія» — титул. сов. Феликсъ Станислав. Ясинскій; газ. «Кронштадтскій Вѣстникъ» — полк. Юрій Владим. Постельниковъ; газ. «Крымъ» — двор. Елеазаръ Артемьев. Муратовъ; газ. «Курляндскій Листокъ объявленій» — Павелъ Шванфельдъ; газ. «Libausche Zeitung» — потомств. почетн. гражд. Готлибъ Гуго Мейеръ; журн. «Medycyna» — лѣкарь Генрихъ Ипполитовичъ Добржицкій; журн. «Наша Пища» — титул. сов. Алдръ Альмедингенъ; журн. «Нива» — кн. Мих. Ник. Волконскій; журн. «Pamiętnik Towarzystwa Lekarskiego Warszawskiego» — лѣкарь Моріанъ Яковскій; журн. «Практическая Медицина» — д-ръ мед. Григорій Марков. Герценштейнъ (2-жъ); журн. «Петербургская Жизнь» — титул. сов. Осипъ Конст. Потовичъ; газ. «Ремесленная Газета» и журн. «Техническій Сборникъ и Вѣстникъ Промышленности» — инж.-тех. Алексѣй Мих. Кудрявцевъ; приложенія къ журн. «Rigaer Tageblatt» — «Musikalische Beilage» — Арнольдъ Петерсенъ; газ. «Ростовскія на Дону Извѣстія» — лѣкарь Алдръ Павлов. Хартахай; журн. «Русское Обзорѣніе» — приватъ-доцентъ Анатолій Алдров. Александровъ (онъ же и издатель); журн. «Русская Старина» — г.-м. Никол. Карлов. Шильдеръ и г.-л. Сергѣй Павлов. Зыковъ; журн. «Русскій Пчеловодный Листокъ» — секр. вольно-эконом. общ. г. Анучинъ; журн. «Русскій Охотникъ» — двор. Ник. Герасимов. Савостицкій; журн. «St.-Petersburger Medicin Wochens» — д-ръ Рудольфъ Ванахъ (онъ же издатель); газ. «Санитарное Дѣло» — д. с. с. Адольфъ Домиников. Марсикани; журн. «Слѣпецъ» — губ. секр. Алдръ Павлов. Чеховъ; журн. «Техническія Новости» — мѣщ. Рихардъ Лемвальдъ (2-жъ); журн. «Tygodnik Kolejowy i Ekonomiczny» — Станиславъ Людвигов. Лешновскій; журн. «Труды Императ. Вольно-Экономическаго Общества» — секрет. общ. г. Карасевичъ; журн. «Указатель путешествій по Россіи — Фрунъ» — отст. кау.-лейт. Петръ Шкотъ; газ. «Fellner Anzeiger» — канд. прав. Юганнессъ Керберъ; журн. «Chronika Lekarska» — врачъ Осипъ Ив. Завадзкій; журн. «Читальня Народной Школы» — надв. сов. Ник. Ник. Маревъ и газ. «Школьное Обзорѣніе» — учит. Мих. Евстафьев. Виноградовъ. Кромѣ того, въ 1892 году отказались отъ редакторства: Пав. Пав. Бобровъ (журн. «Шахматное Обзорѣніе»), А. Гиляровъ (журн. «Вѣстникъ литературный, политическій, научный и художественный») и г-ня Саксъ (журн. «Велосипедъ»).

Издателями: журн. «Biesiada Literacka» — Владиславъ Осипов. Малешевскій; журн. «Велосипедъ» — подпор. Назаровъ; журн. «Вѣстникъ Птицеводства» — Русское общество птицеводства; «Gazeta Przemyslowo-Rzemieslnicza» — Осипъ Лескій; газ. «Донъ» — Всеволодъ Григорьев. Веселовскій; журн. «Звѣзда» — Петръ Петров. Сойкинъ; журн. «Конская Охота» — Казиміръ Стольпе; журн. «Литературные Семейные Вечера» — Алдръ Вольфъ; журн. «Medycyna» — Генрихъ Ипполитов. Добржицкій; журн. «Мельникъ» — Дм. Мансфельдъ; журн. «Наша Пища» — Алдръ Васильев. Герцикъ; журн. «Новости Иностранной Литературы» съ приложеніемъ «Семья» — Абрамъ Яковлевичъ Липскеровъ; журн. «Петербургская Жизнь» — право изданія втеченіе года перешло трижды: въ январѣ мѣс. отъ

г. Есипова къ г. Суханову, въ маѣ отъ г. Суханова къ г. Остолопову и отъ послѣдняго, въ октябрѣ мѣс., къ Осипу Конст. Цотовичу; журн. «По морю и сушѣ» — Елена Григорьев. Бердяева (она же редакторъ жур.); журн. «Практическая Жизнь» — общество «Счетоводъ»; журн. «Приволжскій Вѣстникъ Охоты» — подпол. Корвелій Владислав. Тхоржевскій; газ. «Ростовскія на Дону Извѣстія» — право изданія перешло въ февралѣ мѣс. отъ г. Холева къ Е. Кундури, а отъ послѣдняго къ Максимилиану Исааков. Балабинову и Алдру Павлов. Хартахай; журн. «Русское Богатство» — въ началѣ года изданіе было передано г-жею Туганъ-Барановскою Евгению Мих. Гаршину, а этимъ послѣднимъ Надеждѣ Валеріановнѣ Михайловой; журн. «Russische Revue» — Отто Петгерь; журн. «Русское Обзорѣніе» — Анатолій Алдров. Александровъ (онъ же редакторъ); журн. «Русская Старина» — отъ г-жи Семеvской къ г.-м. Н. К. Шильдеру и г.-л. С. П. Зыкову (они же редакторы); журн. «Русскій Охотникъ» — Евгений Евгеніев. Колесниковъ; журн. «Самарскій Вѣстникъ» — Ник. Кронидов. Реутовскій; газ. «Санитарное Дѣло» — въ началѣ года д-ръ Я. М. Шмулевичъ передалъ принадлежащую ему часть издательскихъ правъ д-ру Г. М. Герценштейну, затѣмъ послѣдній переуступилъ свое право д-ру Розену; журн. «St. Petersburger Medicinische Wochenschrift» — Рудольфъ Ванахъ (онъ же редакторъ); журн. «Слѣпецъ» — совѣтъ попечительства Императ. Маріи Александровны о слѣпыхъ; журн. «Театральный Мірокъ» — Александръ Мучникъ; журн. «Tygodnik Kolojowy i Ekonomiczny» — Ксаверій Франц. Радзишевскій; журн. «Учитель Лингвистъ» — куп. Иванъ Цвѣтковъ; журн. «Указатель Фрумъ» — г-жа Шкотъ и г. Додоновъ; журн. «Царь-Колоколь» — двор. Константинъ Цвѣтковъ; журн. «Читальня народной Школы» — Ник. Ник. Моревъ; журн. «Шахматное Обзорѣніе» — Давыдъ Ив. Саргянъ и журн. «Школьное Обзорѣніе» — Мих. Евстафiev. Виноградовъ.

Измѣненъ срокъ выхода журналовъ.

Періодическихъ изданій, измѣнившихъ сроки выхода, было немного, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ могли примѣнить такую перемѣну только въ текущемъ году. Измѣнили сроки выпуска слѣдующія изданія: «Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣсяцъ — еженедѣльно; «Военный Вѣстникъ» (бывшій «Офицерскій Сборникъ») вмѣсто одного раза въ мѣсяцъ — отъ 1 до 3-хъ разъ въ недѣлю; «Донская Пчела» вмѣсто 2-хъ разъ въ недѣлю — ежедневно; «Düna Zeitung» вмѣсто 6-ти—7 разъ въ недѣлю; «Ирбитскій Ярмарочный Листокъ» вмѣсто 6-ти разъ въ недѣлю — ежедневно, въ періодъ ярмарки; «Крымъ» вмѣсто 3-хъ разъ въ недѣлю — ежедневно; «Медицинская Бесѣда» — два раза въ мѣс.; «Наша Пища» вмѣсто раза — дважды въ мѣс.; «Пожарный Вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс. — еженедѣльно; «Практическая Жизнь» вмѣсто 33-хъ №№ въ годъ — еженедѣльно; «Приазовскій Край» — ежедневно и «Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс. — еженедѣльно.

Въ отношеніи перемѣнъ, происшедшихъ въ 1892 г. и касающихся періодическихъ изданій, слѣдуетъ упомянуть еще объ измѣненіи въ условіяхъ самого изданія, т. е. о правѣ ихъ выходить въ свѣтъ съ разрѣшенія предварительной

цензуры, или же безъ нея. Эти переѣмны касаются весьма немногихъ изданій: такъ было разрѣшено выпускать безъ цензуры слѣдующія изданія: «Вѣстникъ правленія V съѣзда общества русскихъ врачей въ память Пирогова», «Вѣстникъ Россійскаго общества Краснаго Креста», журн. «Досугъ и Дѣло» и журн. «Техническое Обзорѣніе» и издавать подъ цензурою журн. «Звѣзда».

Втеченіе минувшаго года было разрѣшено перевести изданія: изъ г. Чернигова въ г. Полтаву—газ. «Земскій Врачъ», изъ г. Либавы въ г. Митаву—газ. «Курляндскій Листокъ Объявленій», изъ г. Саратова въ Москву—журн. «Помощь Самообразованію», изъ г. Саратова въ г. Казань—журн. «Приволжскій Вѣстникъ Охоты» и изъ г. Одессы въ Петербургъ—газ. «Школьное Обзорѣніе».

Въ заключеніе приведемъ тѣ распоряженія по главному управленію по дѣламъ печати, которыя называются общимъ именемъ карательныхъ мѣръ, но при этомъ скажемъ, что случаевъ примѣненія ихъ въ 1892 году было не много. Нисходя по степени значенія своего, мѣры эти идутъ въ такомъ порядкѣ: приостановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе слѣдующихъ газетъ: 20-го мая—«Gazeta Radomska», 5-го августа—«Kaliszanin» и 19-го декабря—«Dziennik Łódzki», всѣ три газеты польскія; 16-го сентября объявлено второе предостереженіе газетъ «Московскія Вѣдомости» за статью въ № 253, по поводу архипастырскаго посланія; воспрещена розничная продажа нумеровъ: 14-го марта—газ. «Русская Жизнь», 25-го іюня—газ. «Новороссійскій Телеграфъ», 4-го іюля—газ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» съ запрещеніемъ печатать частныя объявленія и 18-го ноябрю—журн. «Развлеченіе».

Распоряженія относительно приостановки изданій оставались въ силѣ втеченіе разсматриваемаго нами года, что же касается воспрещенія розничной продажи, то она была отмѣнена: 11-го января для газеты «Русская Жизнь», по запрещенію, наложенному 22-го ноября 1891 г., т. е. по прошествіи мѣсяца и 20-ти дней, и 26-го мая, по запрещенію, наложенному 14-го марта 1892 г., т. е. черезъ два мѣсяца и 12-ть дней; 10-го іюля для газ. «Новороссійскій Телеграфъ», т. е. черезъ полмѣсяца, и 5-го августа для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. е. черезъ мѣсяць. Такимъ образомъ карательныя мѣры втеченіе года были примѣнены только къ 8-ми періодическимъ изданіямъ, въ 1891 г. подверглось имъ двѣнадцать изданій.

Л. Павленковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

— Нѣтъ, не сейчасъ, дорогая,—сказаль онъ умоляющимъ голосомъ.—Не уходи, намъ такъ хорошо тутъ, точно въ раю.

Она оглянулась вокругъ. Ручей, тополи, разбросанные тамъ и сямъ, и ровное поле имѣли въ себѣ мало поэтическаго и могли показаться раемъ только влюбленному взору. Она улыбнулась и устремила на Бальтазара свои жгучіе, черные глаза.

— Зачѣмъ ты хочешь оставить меня?—спросилъ онъ ее нѣжнымъ голосомъ.—Ты всегда бѣжишь отъ меня, точно я тебя пугаю. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если я буду ходить на гулянье и вообще, куда мнѣ вздумается...

Онъ такъ близко нагнулся къ ней, что его горячее дыханіе пахнуло ей въ лицо, и произнесъ:

— Пойти мнѣ на гулянье?

Ампаро сдѣлала движеніе головой, которое можно было истолковать такъ: «Ни въ какомъ случаѣ!».

— Но ты такъ дурно со мной обращаешься...

— А что же я должна дѣлать?

— Относиться ко мнѣ лучше...

— Будемъ говорить откровенно,—произнесла она и оперлась о стволъ тополя.

— Говори, красавица...

— Вы... вы хотите меня скомпрометировать... вы ведете себя со мною такъ, какъ вообще мужчины ведутъ себя съ дѣвушками моего сословія.

— Увѣряю тебя, что нѣтъ! Изъ чего ты это заключаешь? Я о тебѣ самага хорошаго мнѣнія.

— Видите ли... имѣйте въ виду, что все на свѣтѣ узнается... У меня также есть своя гордость, донъ-Бальтазаръ. Я простая... но у меня есть самолюбіе... Вы должны это понять. Общественное положеніе ваше никогда не допуститъ васъ жениться на мнѣ.

— А почему?

— Вы сами должны это понять.

— Но вѣдь я не первый и не послѣдній изъ тѣхъ, которые женятся на... Нынче всѣ сословія равны...

— А ваша семья... Неужели вы думаете, что ваша семья снисходительно посмотритъ на простую дѣвушку?

— Ба! Какое намъ до этого дѣло? Моя семья сама по себѣ, а я самъ по себѣ,—нетерпѣливо произнесъ онъ.

— И вы общаете жениться на мнѣ?

— Да, amor mio!—воскликнулъ онъ, почти не вслушавшись въ ея слова и обнимая ее.

Но Ампаро отступила.

— Нѣтъ, нѣтъ!—проговорила она съ дрожью въ голосѣ.—Этого мало... Вы мнѣ клянетесь?

Бальтазаръ колебался съ минуту, но затѣмъ произнесъ рѣшительно и громко:

— Клянусь!

Среди наступившей тишины слышался только шелестъ тополиныхъ листьевъ да отдаленный шепотъ волнъ.

— Клянётесь душою вашей матери? Ея будущей загробной жизнью?—нарушилъ тишину взволнованный голосъ Ампаро.

Бальтазаръ глухимъ шепотомъ повторилъ клятву.

— Передъ Богомъ?—настаивала она.

Бальтазаръ нѣсколько смутился. Онъ не былъ такимъ горячо вѣрующимъ, какъ Ампаро, но имѣлъ свои вѣрованья. Его губы слегка дрогнули, когда онъ снова поклялся. Темная кудрявая голова уже лежала на его груди, и онъ, произнося торжественныя обѣщанія, покрывалъ ее поцѣлуями.

На небѣ показалась блѣдная четверть луны, и долго-долго подъ тополями слышался страстный шепотъ...

XXXI.

Въ первое время пылкой страсти Бальтазаръ, казалось, забылъ свою боязнь общественнаго мнѣнія и семьи. Онъ сталъ показываться съ Ампаро и на улицахъ. Но когда разъ или два товарищи встрѣтили его съ папиросницей, онъ началъ уже подумывать о болѣе уединенныхъ мѣстахъ свиданій. Однимъ изъ такихъ удобныхъ мѣстъ былъ небольшой паркъ около фабрики шипучихъ водъ, очень знакомый папиросницамъ. Они садились у простаго деревяннаго стола, имъ подавали сельтерской воды или лимонаду, и, освѣжаясь этими шипучими напитками, они наслаждались уединеніемъ.

Передъ фабрикой былъ разбитъ садикъ, пестрѣвшій цвѣтами, кудахтали куры, пѣли пѣтухи, словомъ, полная идиллія. Солнечный лучъ, пробиваясь сквозь вѣтки деревъ, падалъ на счастливое, оживленное лицо Ампаро, и молодой человекъ любовался ея большими, черными глазами съ длинными рѣсницами, тонкостью смуглой кожи, правильностью носа и красивыми очертаніями рта съ мелкими, жемчужными зубами.

Скоро Бальтазаръ выучилъ наизусть всѣ черты ея лица и переговаривалъ съ нею все, о чемъ можно было говорить съ нею въ долгіе свободные часы. Онъ сталъ рѣже приходитъ на свиданья, назначая ихъ только въ праздничные дни. Она садилась около него и дѣлала ему папиросы, а онъ читалъ, выпуская изо рта клубы ароматнаго дыма. Не зная, чѣмъ убить время, онъ хотѣлъ пріучить Ампаро курить, но она съ отвращеніемъ отказалась отъ этого, сказавъ, что папиросницы никогда не курятъ, такъ какъ имъ и безъ того противѣлъ табакъ.

Желая придумать какое нибудь развлеченіе, онъ приносилъ ей новеллы, чтобы она читала ему вслухъ; но она такъ горько плакала, если герои умирали отъ любви или какой нибудь иной болѣзни, что онъ пересталъ носить. Въ общемъ, Ампаро и Бальтазаръ жили, какъ люди, соединенные пыломъ минутной страсти, но не имѣющіе подъ ногами твердой нравственной почвы и интересы которыхъ идутъ въ разрѣзъ.

Съ другой стороны, Бальтазаръ былъ недоволенъ и еще однимъ обстоятельствомъ. Онъ всѣми силами старался скрыть отъ всѣхъ свои отношенія съ нею, а она, полная вѣры въ его обѣщанія и клятвы, радовалась, когда ихъ видятъ вмѣстѣ, думая, что каждая встрѣча съ его знакомыми служитъ новымъ звеномъ къ соединяющей ихъ цѣпи. Она желала показать его, какъ Анна показывала своего капитана; она хотѣла, чтобы семья Собрадо знала о томъ, что случилось, и чтобы эта тщеславная Жозефина Гарчіа знала, что Бальтазаръ оставилъ ее для Ампаро. Молодая дѣвушка сожгла свои корабли и на столько же хотѣла огласить свои отношенія съ молодымъ офицеромъ, на сколько тотъ желалъ ихъ скрыть.

Отсюда возникли первые споры между влюбленными. Но вѣдь известно, что «милые бранятся—только тѣшатся», и въ началѣ это даже занимало Бальтазара, потому что противорѣчіе иногда развлекаетъ. Во всякомъ случаѣ, пока они длились, то не надо было придумывать предмета разговора. Хуже было бы спорить о политикѣ; Бальтазаръ всегда старался не касаться этой излюбленной Ампаро темы.

Молодая дѣвушка выставляла на видъ свои отношенія съ офицеромъ не только изъ желанія сдѣлать болѣе прочною цѣпь, связывающую ихъ, и изъ любви къ популярности, но и изъ тщеславія, свойственнаго ея пылкой натурѣ. Въ тотъ день, когда она отдала Ритѣ свои золотыя серьги, у нея въ карманѣ не было ни одного охаво, но она всѣмъ потомъ рассказывала, что у нея появились деньги, и этимъ компрометировала свое честное имя. Во время своихъ отношеній съ Бальтазаромъ она работала больше, чѣмъ когда либо, и одѣвалась лучше, чѣмъ прежде, чтобы всякій подумалъ, что сенборито Собрадо очень щедръ къ ней. Всѣ въ ея кварталѣ и на фабрикѣ съ завистью смотрѣли на ея нарядныя платья, а между тѣмъ они были заработаны ея собственнымъ трудомъ. Она никогда не рѣшилась бы взять что нибудь отъ своего поклонника.

Ея тщеславіе доходило до того, что она всѣмъ выдавала Бальтазара за завзятаго либерала и скрывала отъ него свои религіозныя вѣрованія. А онъ хоть и платилъ за лимонадъ, конфекты и изрѣдка за билетъ въ театръ, тѣмъ не менѣе былъ сыномъ, вполне достойнымъ своей скупой матери, доньи Долоресъ Собрадо. Онъ никогда не подумалъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ думать о томъ,

чѣмъ она питалась, сколькихъ сбереженій стоило ей это чистенькое крахмальное платьѣ, изящныя ботинки, новый шелковый платокъ. Сигара была ароматична; какое дѣло курищему, какъ она дѣлается?

А между тѣмъ Ампаро наслаждалась, видя зависть своихъ подругъ по фабрикѣ и чувствуя себя окруженной атмосферой застенкаго любопытства. Она даже сама покупала себѣ маленькіе подарочки, чтобы всѣ думали, что Бальтазаръ даритъ ей. Она купила себѣ серебряную брошку съ бирюзовымъ сердечкомъ и тоже выдавала за его подарокъ.

Когда ее спрашивали, женится ли на ней ея сеньорито, она улыбалась и лукаво поглядывала на свою брошь... Почему же бы ему и не жениться? Развѣ теперь не всѣ сословія одинаковы? Если революція, Сѣверная унія и всѣ эти волненія не сравняли народа, то лучше бы ихъ вовсе не было... Непріятно то, что на престолѣ сидитъ этотъ итальянскій король, связывающій свободу, но Богъ дастъ, его скоро свергнуть, и тогда, безъ сомнѣнія, наступитъ республика.

Эти мысли не покидали ея во время работы въ мастерской. Съ каждой новой скрученной гильзой въ ней возникали радужныя надежды. Когда она будетъ сеньорой, она не станетъ относиться такъ надменно къ своимъ подругамъ, какъ это дѣлаютъ многія изъ папиросницъ, перемѣнившихъ ситцевыя платья на шелковыя. О, нѣтъ! Она будетъ особенно ласково кланяться имъ, встрѣчаясь на улицѣ. Что же касается того, приметъ ли она ихъ къ себѣ въ домъ, то... это, какъ захочетъ ея мужъ. Но, въ сущности, что ей стоитъ поклониться?

Съ Анной она не порветъ знакомства. Она будетъ ходить къ ней въ гости. Она, Ампаро, заведетъ себѣ такой же домъ, какъ у Собрадо, съ массивной мебелью, обитой шелкомъ, съ картинами въ золоченыхъ рамахъ, съ роялемъ и бронзовыми канделябрами.

И Ампаро, зажмуривъ глаза, вызвала въ своемъ воображеніи тотъ давно прошедшій рождественскій вечеръ, когда она, вся дрожа отъ холода, босая и оборванная, вошла въ освѣщенную залу Собрадо... Могла ли она тогда подумать, что Бальтазаръ влюбится въ нее, и она сдѣлается сеньорой?..

А между тѣмъ на фабрикѣ судили вкривь и вкось объ отношеніяхъ Ампаро къ молодому офицеру. Женится! Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Что онъ ей даритъ подарки, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Какая нибудь серебряная брошка съ бирюзовымъ сердечкомъ да жалкіе букетики цвѣтовъ по двѣ квартиры каждый, это еще не Богъ знаетъ какіе щедрые подарки для такого богача, какъ Собрадо.

Эти толки, подслушанныя Ампаро, и нѣкоторыя перемѣны, замѣченныя ею въ возлюбленномъ, начинали ее беспокоить. Бальта-

зарь, очевидно, охладѣвалъ; онъ становился все болѣе и болѣе осторожнымъ и даже какъ будто старался отдалиться отъ нея. Конечно, онъ выказывалъ прежнюю нѣжность и страсть во время свиданій, но боялся показываться съ ней на улицѣ.

Ея больная мать знала обо всемъ и начинала серьезно тревожиться, тѣмъ болѣе, что всѣ свои деньги Ампаро тратила на новыя ботинки и вышитыя передники, а старуха была лишена гостинцевъ, къ которымъ привыкла. Ничего нѣтъ хорошаго въ томъ, что ея дочь гуляетъ съ сеньорито, наряжается, а потомъ проводитъ ночи за гильзами, чтобы заработать на хлѣбъ. Что толку въ этихъ цвѣтахъ, когда нечего ѣсть!

Повѣреннымъ этихъ жалобъ былъ Чинто, который по окончаніи работы просиживалъ долгіе часы у постели параличной. Съ тѣхъ поръ, какъ у папиросницы появился такой блестящій поклонникъ, Чинто уже не заикался о бракѣ. Старуха часто говорила съ нимъ о своей дочери; конечно, онъ человѣкъ простой, почти грубый, но онъ хорошій работникъ, и она рада была бы видѣть его своимъ зятемъ. Она относилась къ нему, какъ къ сыну, и разъ, когда онъ сталъ при ней считать свои деньги, она попросила его сбѣгать въ лавочку купить ей сахару для шеколада, разумѣется, она потомъ отдастъ ему этотъ долгъ. Чинто въ ту же минуту пошелъ и принесъ ей большой пакетъ съ мелкимъ желтоватымъ сахаромъ, но объ отдачѣ долга не было и помину. Въ другой разъ она попросила у него займы денегъ для того, чтобы поиграть въ карты съ сосѣдкой, и, для успокоенія собственной совѣсти, увѣрила его, что если она выиграетъ, то половину отдастъ ему. Но онъ, конечно, никогда не получилъ этой половины.

Мало-по-малу Чинто занялъ въ домѣ больной свое прежнее положеніе. Онъ слѣпо повиновался всѣмъ ея требованіямъ, готовилъ ей кушанье, убиралъ квартиру, покупалъ лекарства, поворачивалъ ее на постели. Ампаро, занятая своими личными дѣлами, относилась къ этому равнодушно. Что же касается параличной, то хоть она и злоупотребляла услугами молодаго человѣка, но вѣдь каждый больной радъ заботливому уходу и нуждается въ немъ, какъ цвѣтокъ въ ласковыхъ лучахъ солнца.

Со стороны странно было видѣть, какъ блѣдный, исхудавшій Чинто нѣжно ухаживалъ за старухой, которая не была ему матерью и всегда относилась къ нему дурно. Нерѣдко Ампаро, возвращаясь со своихъ вечернихъ прогулокъ, заставляла его полусоннаго разогрѣвающимъ на щечкахъ супъ для больной.

XXXII.

Лѣто пронеслось незамѣтно. Разъ въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ параличная глухимъ, взволнованнымъ голосомъ подозвала дочь къ своей кровати.

— Подойди-ка сюда, подойди...

Ампаро подошла съ низко опущенной головою. Мать протянула руку и, съ силою приподнявъ ей подбородокъ, рѣзко крикнула:

— А теперь что будетъ?

Ампаро молчала. Она знала, что эта допрашивающая ее женщина много лѣтъ прожила въ честномъ, законномъ бракѣ съ своимъ труженикомъ мужемъ, что на фабрикѣ всѣ сохранили о ней самое хорошее воспоминаніе, считали ее примѣрной семьянинкой, и даже самъ директоръ фабрики выразился о ней, что она «хорошая, достойная женщина». Да, Ампаро знала все это и потому молчала.

Сколько разъ мать давала ей добрые совѣты, сколько разъ старалась остановить ее на скользкомъ пути. А больная, между тѣмъ, приподнявшись сколько могла на постелѣ, повторяла дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— А теперь что будетъ?

Ампаро все стояла блѣдная и неподвижная. Тогда мать подняла руку и со всего размаха ударила дочь по щекѣ. Ампаро вся задрожала, отступила и, закрывъ лицо руками, опустилась на ближайшій стулъ.

— Безсовѣтная, безстыжая, я тебя этому не учила! — крикнула параличная, гнѣвъ которой нѣсколько ослабѣлъ послѣ пощечины.

Ораторша ничего не отвѣтила. Теперь она готова была отказаться отъ всей своей популярности, готова была пожертвовать республикой, чтобы лежать въ могилѣ. Сдѣлавъ надъ собой немовѣрное усиліе, она удержала выступавшія на глаза слезы и проговорила:

— Онъ далъ слово жениться на мнѣ...

— И ты ему вѣришь!

— Отчего же не вѣрить...—отвѣтила дѣвушка уже болѣе спокойнымъ голосомъ.—Я не хуже другихъ... Нынче ужъ нѣтъ низшихъ и высшихъ... нынче всѣ равны... эта тиранія кончается, благодаря Бога...

— Бѣдный бѣднымъ и останется,—грустно произнесла мать.— Ты не будешь богаче, чѣмъ теперь, а сеньорито тебя броситъ, насмѣявшись надъ тобою...

При этой мысли она снова раздражилась и крикнула:

— Убирайся отсюда, негодная, или я тебя убью! Если тебѣ дадутъ обѣщаніе жениться, то пусть и исполняютъ его!

Ампаро поднялась съ мѣста и вышла. Оставшись одна, она стала спокойнѣе и подумала, что еще нечего такъ отчаиваться. Положеніе, въ которомъ она находилась, конечно, послужить новымъ звеномъ, навсегда связывающимъ ее съ Бальтазаромъ. Онъ будетъ звѣрьемъ, если теперь откажется жениться на ней.

Она съ нетерпѣніемъ стала ждать воскресенья, когда у нихъ должно было состояться свиданье въ паркѣ около фабрики шипучихъ водъ. Она пришла гораздо раньше Бальтазара. Осень всюду оставляла свои слѣды. Вѣтви деревьевъ стояли обнаженныя, только на верхушкахъ еще держалась листва. Кругомъ валялись измятыя бумажки, старыя пробки и пустыя, разбитыя бутылки. Въ воздухѣ чувствовалась осенняя рѣзкость, и Ампаро очень озябла, дожидаясь Бальтазара.

Онъ пришелъ, наконецъ, и сѣлъ рядомъ съ молодой дѣвушкой. Она подала ему пачку искусно сдѣланныхъ сигаръ. Бальтазаръ взялъ одну изъ нихъ и закурилъ, нервно выпуская дымъ изо рта. Всякая женщина, любящая мужчину, умѣетъ по его малѣйшимъ движеніямъ узнавать, въ какомъ онъ расположеніи духа. Ампаро знала, что, когда Бальтазаръ куритъ такъ, то онъ не въ духѣ.

Лучъ солнца, свободно проникая сквозъ порѣдѣвшую листву, падалъ прямо на лицо молодаго человѣка и освѣщаль его холодныя, равнодушныя глаза и невыразительныя черты. Ампаро почувствовала, какъ что-то сдавило ей горло. Напрасно ждала она ласковаго или страстнаго взгляда. Бальтазаръ молчалъ и сидѣлъ мрачный, недовольный. Время отъ времени сухой листъ слеталъ съ дерева и падалъ на столъ съ легкимъ шелестомъ.

Въ ухахъ Бальтазара звучалъ голосъ его матери: «Милый мой, а знаешь ли, вѣдь Гарчія выиграла процессъ въ высшей инстанціи? Я знаю это отъ нашего адвоката... Онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ ихъ дѣла. Бальтазарито, дитя мое, ты будешь миллионеромъ, если женишься на Жозефинѣ».

Желтый листъ медленно опускался на землю. Ампаро слышался сердитый голосъ: «Если тебѣ даютъ обѣщаніе жениться, то пусть и исполняютъ его!».

Наконецъ, Бальтазаръ первый прервалъ молчаніе. Онъ заговорилъ о томъ, какъ трудно было ему прийти сегодня, что надо быть осторожнѣе и рѣже встрѣчаться... Онъ говорилъ все это почти рѣзкимъ тономъ, какъ будто обвиняя въ чемъ-то Ампаро. Папиросница слушала его молча, съ блѣдными губами, пристально глядя въ лицо Бальтазара, похожее въ данную минуту на лицо должника, не желающаго платить своего долга. Она все хотѣла начать говорить, но приготовленныя и обдуманныя заранѣе фразы не шли у нея съ языка.

Только когда Бальтазаръ поднялся съ мѣста, ссылаясь на то, что полковникъ ждетъ его по служебнымъ дѣламъ, она также

рѣшительно встала, выпрямилась и прямо, почти грубо, вся дрожа отъ гнѣва, сказала ему, что скоро будетъ матерью.

Удивленіе выразилось въ блѣдныхъ глазахъ офицера, но онъ ничего не сказалъ. Это былъ другой человѣкъ, совсѣмъ непохожій на прежняго любезнаго и страстнаго Бальтазара. Ей показалось, что онъ сразу постарѣлъ на десять лѣтъ.

— Теперь,—сказала Ампаро, вставъ передъ нимъ,—ты долженъ исполнить твое слово.

— Теперь...—медленно повторилъ онъ.—Слово...

— Твое обѣщанье жениться на мнѣ! Мнѣ кажется, что я имѣю право просить этого...

— Милая,—отвѣтилъ Бальтазаръ, смахивая пепель съ сигары,— не все дѣлается такъ, какъ намъ хочется. Обстоятельства ставятъ тысячу препятствій... Мнѣ такъ же, какъ и тебѣ, хотѣлось бы, чтобъ это совершилось завтра, войди въ мое положеніе... Моя мать... мой отецъ... моя семья...

— Твоя семья, твоя семья! А развѣ ты не говорилъ, что семья сама по себѣ, а ты самъ по себѣ? Что же я осрамлю твою семью, что ли? Вѣдь я не дочь какого нибудь каторжника! Развѣ мы не переживаемъ время равенства? Развѣ моя мать не такая же честная женщина, какъ твоя?

— Нѣтъ, не то... я не то хотѣлъ сказать...

— Такъ что же ты хочешь сказать? Ты все отмалчиваешься. Или ты меня можешь упрекнуть въ чемъ нибудь? Развѣ я не зарабатываю моего хлѣба честнымъ трудомъ? Просила я у тебя что нибудь? Просила? Увлекаюсь я другими?

— Кто тебѣ говоритъ подобныя вещи? Но дѣло въ томъ, что теперь именно сдѣлать то, что ты хочешь, что мы хотимъ, положительно невозможно.

— Невозможно!

— Современемъ—да... Теперь я завишу отъ родныхъ... Но когда получу повышеніе по службѣ и прибавку жалованья, тогда намъ будетъ чѣмъ жить...

— Но вѣдь ты капитанъ.

— По званью, но не по назначенью... Обстоятельства скоро перемѣнятся, подождемъ... Вѣрь мнѣ, милая, прошу тебя и помни, что мы должны быть осторожны, чтобы не скомпрометировать себя.

— Скомпрометировать себя!—простонала молодая дѣвушка.—Скомпрометировать! Но ты, вѣроятно, считаешь меня дурой? Ты думаешь, что я ничего не понимаю? Что ты теряешь во всемъ этомъ? Скомпрометированная, обманутая и загубленная—это я!

И, опустившись на скамью, она оперлась головою о столъ и горько и громко зарыдала.

— Не кричи такъ, милая,—прошептала Бальтазаръ, подходя къ ней.—Не плачь... могутъ услышать, и выйдетъ цѣлый скандалъ. Ампаро, милая, полно, стоитъ ли такъ плакать!

Она поднялась съ дико горѣвшими глазами. На ея щекахъ не видно было слѣдовъ слезъ. Съ ненавистью взглянула она въ спокойное, безстрастное лицо Бальтазара. Онъ произнесъ нѣсколько ласковыхъ словъ, чтобы утѣшить ее, но она оттолкнула его, вся дрожа отъ злобы, и произнесла отрывисто:

— Говори прямо... женится мы, или нѣтъ?

— Я уже сказалъ тебѣ, что въ настоящее время это невозможно,—отвѣтилъ онъ флегматично.

— Когда же?

— Развѣ я знаю! Время покажетъ. Но постарайся успокоиться, милая, постарайся успокоиться!

— Такъ прощай до тѣхъ поръ, пока ты не заплатишь мнѣ твоего долга,—произнесла она громко, но дрожавшимъ голосомъ, не обращая вниманья на то, что ее могутъ услышать на фабрикѣ и прохожіе.—Я не игрушка для тебя, знай это! Мнѣ вовсе не интересно приходить въ такой холодъ то въ то, то въ другое мѣсто, гдѣ ты соблаговолишь назначить мнѣ свиданье.

И, сдѣлавъ три шага впередъ, она положила руку на плечо офицера и продолжала:

— Когда ты совѣмъ этого не ожидаешь... я встрѣчу тебя на бульварѣ или на Главной улицѣ... я возьму тебя подъ руку на глазахъ у всѣхъ сеньорито и громко расскажу все... все... А когда наступитъ республика... или ты исполнишь твой клятвы, или мы изрубимъ тебя въ куски... Понимаешь, лжецъ, клятвопреступникъ!?

И, понизивъ голосъ, она продолжала въ религиозномъ страхѣ:

— И ты не боишься загубить твою душу? Потому, что если ты умрешь теперь, то тебѣ нѣтъ спасенья. А когда Царица Небесная пошлетъ намъ республику... я тебя убью! Слышишь? Убью, чтобы ты пошелъ прямо въ адъ!

Сказавъ это, она оттолкнула его и, повернувшись къ нему спиною, быстрыми шагами, съ высоко поднятой головою пошла домой. Вѣтеръ, сорвавъ нѣсколько листьевъ, закрутилъ ихъ по столу и сбросилъ на землю.

— Сдѣлаетъ она это? — размышлялъ Бальтазаръ, оставшись одинъ. — Сдѣлаетъ она мнѣ публичный скандалъ? Думаю, что нѣтъ... Ея возбужденье уляжется также быстро, какъ вспыхнуло. Нѣтъ, навѣрное, не сдѣлаетъ... Но, конечно, въ случаѣ революціи мнѣ надо заблаговременно покинуть Маринеду...

И, думая такимъ образомъ, онъ машинально смотрѣлъ на крутившіеся въ воздухѣ листья.

— А, Жозефина? Если свѣдѣнія матери вѣрны, то глупо было бы съ моей стороны отказаться отъ такой блестящей партіи, ко-

торая, разумѣется, никогда въ жизни уже не представится мнѣ. Ахъ, чортъ побери, какое положеніе! А папиросница красива, очень красива... Эхъ, что за глупости! Во мнѣ благоразумія хватить на десятерыхъ, неужели же я буду серьезно относиться къ такимъ пустякамъ!

Онъ нетерпѣливо сталъ раскуривать потухшую сигару. А сухіе листья все падали и падали съ какимъ-то тихимъ, таинственнымъ шелестомъ...

XXXIII.

Наступила холодная зима, но изъ Мадрида приходили самыя горячія, возбуждающія новости. Амедео I отрекается отъ престола, такъ какъ не въ силахъ бороться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ самъ высказался въ этомъ смыслѣ. Заговоры придворныхъ, вѣчная война карлистовъ и всеобщее недовольство связываютъ ему руки. Нѣтъ сомнѣнія, смуты растутъ съ каждымъ днемъ, на горизонтѣ появляются кровавыя облака, республика приближается.

Табачная фабрика снова нашла свою Трибуну. Правда, что она вернулась раненая и измученная своимъ любовнымъ приключеніемъ, но вѣрная прежнимъ идеямъ.

Въ первое время, когда Ампаро узнала о своемъ несчастіи, она очень страдала. Ея молодость, неопытность и почти дѣтское тщеславіе привели ее къ тяжелому испытанію.

Но она не потеряла прежней популярности и довѣрія. Если прежде и завидывали ея красотѣ, то теперь ея блѣдное лицо и пополнѣвшій станъ возбуждали у всѣхъ состраданіе и ненависть къ вѣчному врагу—мужчинѣ. Эти проклятые только и созданы для того, чтобы губить честныхъ дѣвушекъ! Этимъ сенъорамъ нравится заставлять ихъ страдать. А если бы ктонибудь поступилъ такъ съ ихъ сестрами и дочерьми, то вѣдь они убили бы его, какъ собаку! Почему для этого не существуетъ закона? Если судъ обязываетъ должника уплатить песету, то этотъ долгъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ. Существуетъ два правосудія: одно притѣсняющее бѣдныхъ и другое во всемъ снисходительное для богатыхъ!

Нѣкоторыя папиросницы утверждали, что Собрадо непременно обязанъ или жениться, или узаконить будущаго ребенка.

— Да, да... ждите! Онъ заварилъ кашу, а теперь ему и горя мало!

— Знаешь,—сказала «кумушка» Гвардіанъ,—я не хочу, чтобъ она слышала; ты ей ничего не говори, а онъ опять ухаживаетъ за Жозефиной Гарчіа.

— Ахъ, негодяй!—воскликнула Гвардіана.—Кто бы могъ подумать, что онъ такой корыстолюбивый!

— О, ты его не знаешь!

— Ампаро также должна забыть его.

— Да вѣдь она не деревянная. Она его любила.

— Ахъ, *Virgen de la Guardia!* Женщина должна защищать сама себя и не даваться въ обиду. У насъ, бѣдныхъ, только одно богатство—дѣвическая честь. Если дѣвушка поддается обману, она сама виновата.

— А мнѣ такъ ее жалко, она очень страдаетъ.

— Да и мнѣ также жалко ее.

И всѣ на фабрикѣ ее жалѣли. Кто узналъ бы въ этой блѣдной, осунувшейся дѣвушкѣ, кутавшейся въ свою мантилью, прежнюю энергичную, пылкую защитницу народа, парламентаршу, говорившую рѣчь въ клубѣ красныхъ? Конечно, ея ораторскія способности не измѣнились, но онѣ носили теперь иной характеръ. Теперь ея фразы имѣли въ себѣ патетически-грустный оттѣнокъ. Она говорила уже не книжнымъ языкомъ, а языкомъ раненаго, страдающаго сердца.

Теперь, по ея мнѣнію, федеративная республика была не только реформой правленія, идеальной эпохой ожидаемой свободы, мира и братства, но и періодомъ мщенья, посылаемаго небомъ, высшимъ властямъ. Ея социалистическіе взгляды еще болѣе обострились, когда она узнала, что отъ министерства торговли вышло предписаніе задерживать еще на мѣсяць плату папиросницамъ. Тутъ для нея открылось широкое поле для недовольства.

Какое имъ дѣло, этимъ министрамъ и чиновникамъ, до того, что бѣдныя женщины умираютъ съ голоду? Они получаютъ свое жалованье въ извѣстныя числа, они сыты, одѣты, ихъ кошельки полны денегъ. Хорошо, еслибъ еще одни только министры смотрѣли такъ на дѣло, а то вѣдь всѣ богатые люди готовы вырвать послѣдній кусокъ хлѣба у несчастныхъ папиросницъ.

И, ораторствуя такимъ образомъ, Ампаро взбиралась на стулъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на шиканья надзирательницы и на то, что директоръ стоитъ въ дверяхъ и слушаетъ.

— Какой отвѣтъ дадутъ Богу эти кровопійцы, высасывающіе по каплѣ нашу кровь!—воскликнула она, замѣчая глубокое вниманіе всей аудиторіи.—Почему никто не можетъ отвѣтить мнѣ на мой вопросъ: что Господь сотворилъ, что ли, два разныхъ класса людей, одинъ бѣдный, другой богатый? Почему одни могутъ ничего не дѣлать, спокойно спать, между тѣмъ какъ другіе должны вѣчно потѣть надъ работой и умирать гдѣ нибудь въ углу, какъ собаки? Какая же это справедливость? Одни обрабатываютъ землю, другіе поѣдаютъ урожай; одни сѣютъ, другіе жнутъ; одни разводятъ виноградники, другіе пьютъ вино...

— Тотъ, кто имѣетъ деньги, всегда будетъ ихъ имѣть,—перевела ее Анна.

— Конечно, кто имѣетъ, всегда будетъ имѣть, но дѣло въ томъ, что если мы всѣ родимся одинаково, то всѣ и должны поровну пользоваться всѣми правами жизни. Хоть бы на одинъ день, хоть бы на одинъ часъ! Всегда одни вверху, а другіе внизу! Не можетъ же такъ длиться вѣками, отдохнемъ же и мы когданибудь!...

— Кто внизу, милая, тотъ всегда внизу и останется.

— Вадоръ! Посмотри, вонъ во Франціи коммуна. Тамъ никто никого не смѣетъ притѣснить! Тамъ никто не дастъ себя въ обиду! Такъ же и мы должны сдѣлать, если намъ не заплатятъ.

— А что же тамъ дѣлаютъ?

Ампаро понизила голосъ.

— Поджигаютъ всѣ публичныя зданія...

Шепотъ негодованія и ужаса вырвался у большей части слушательницъ.

— А дома богачей?...

— Также жгутъ... и разстрѣливаютъ...

— Кого же?

— Арестованныхъ, и архіепископовъ и патеровъ...

— Негодяи! Звѣри!

— Замолчи, замолчи, я вся дрожу отъ страха! Какія варварства ты намъ рассказываешь!

— Да я и не говорю, что они хорошо дѣлаютъ, когда взрываютъ и стрѣляютъ... Нѣтъ, вы не можете меня понять! Я хочу только сказать, что нельзя позволить накидывать намъ петлю на шею... Я говорю, что если намъ честью не отдадутъ нашего, нашего собственнаго, заработаннаго, не отдадутъ, такъ надо просить... отказываютъ, такъ надо требовать...

— Это вѣрно.

— Ты говоришь правду. Мы дѣлаемъ сигары, и намъ должны платить.

— Да и потомъ, это вовсе несправедливо притѣснять труженицъ.

— Если мнѣ завтра не заплатятъ, я не приду на работу!

— И я!

— И я!

— Если бы всѣ сговорились не работать, такъ вышло бы совсѣмъ другое дѣло...

— Такъ помните же, начинаемъ съ завтрашняго дня! Вы будете меня слушаться?

— Хорошо, хорошо!—сразу отвѣтили сотни голосовъ.

— Такъ приходите же завтра рано-ранехонько.

На другое утро вокругъ фабрики собралась масса женщинъ, не желавшихъ входить на фабричный дворъ. Но, когда привратникъ открылъ настежь ворота, то толпа съ шумомъ хлынула внутрь и остановилась у дверей въ мастерскія, удерживая отъ входа въ нихъ тѣхъ изъ папиросницъ, которыя пришли позднѣе и не участво-

вали въ стачкѣ. Глухой шепотъ недовольства пробѣгалъ по толпѣ. Никто не слушалъ уговоровъ привратника. Ампаро, блѣдная, съ горящими глазами, слегка охрипшимъ отъ утомленія голосомъ, старалась успокоить это живое, волнующееся море.

— Тише!—кричала она.—Тишина и спокойствіе!... На все свое время. Ждите!

Въ это время на лѣстницѣ, внутри фабрики, раздалися шаги, и въ дверяхъ показался одинъ изъ инспекторовъ съ взволнованнымъ лицомъ. Едва сдѣлалъ онъ дрожавшимъ голосомъ нѣсколько вопросовъ, какъ Ампаро, вынувъ изъ кармана свистокъ, пронзительно свистнула. Въ эту минуту съ разныхъ концовъ раздалось нѣсколько такихъ же свистковъ, и инспекторъ остановился, не рѣшаясь спуститься во дворъ. Двѣ или три старухи изъ мастерской, гдѣ табачный листъ очищался отъ яда, съ угрожающими жестами подступили къ нему, и сквозь ихъ бормотанье можно было слышать слово «смерть». Тогда инспекторъ, скрестивъ руки на груди и нѣсколько измѣнившись въ лицѣ, рѣшительно выступилъ впередъ.

— Что случилось? Что значитъ этотъ скандалъ?—спросилъ онъ Ампаро, стоявшую передъ нимъ.—Что это за манера входить въ мастерскія?

— Случилось то, что мы не хотимъ сегодня работать,—отвѣтила молодая дѣвушка.

И со всѣхъ сторонъ раздалися возгласы:

— Не хотимъ работать! Не хотимъ!

— Не хотите работать?... Почему же это?

— Потому что съ нами поступаютъ несправедливо, мы не можемъ больше терпѣть.

— Не можемъ больше ждать! Смерть притѣснителямъ! Хороша справедливость! Да здравствуетъ свобода!—кричали сотни голосовъ.

Нѣсколько надзирательницъ, высунувшись изъ оконъ, дѣлали выразительные знаки инспектору.

— Чего же вы требуете?

— Такъ ты не знаешь, голубчикъ? Справедливости!—прокричала ему надъ самымъ ухомъ старая папирosiца.

— Пусть намъ заплатятъ, заплатятъ и заплатятъ!—энергично воскликнула Ампаро среди страшнаго шума.

— Успокойтесь и отправляйтесь въ мастерскія и тогда...

— Не хотимъ, не хотимъ!

И вновь въ воздухѣ прозвучала дѣлая симфонія свистковъ.

— Мы просимъ только то, что намъ принадлежитъ,— съ трудомъ объясняла Ампаро.— Не можетъ же фабрика не платить ни одного кварту... Отдайте наши деньги, и до свиданья!

— Я пойду посоветуюсь съ моимъ начальствомъ,— отвѣтилъ инспекторъ, уходя среди насмѣшливыхъ восклицаній.

Какъ только онъ исчезъ, волненіе стихло. «Пошелъ посовѣтоваться»,—говорили одни. «Заплатятъ ли намъ?»—говорили другіе.

— Если намъ заплатятъ,—объявила Ампаро,—то значитъ насъ боятся. Мы добьемся своего.

— Надо бы схватить этого инспектора и намять ему хорошенько бока,—ворчала старая, полуслѣпая старуха.—Тогда онъ увидалъ бы, каково намъ, несчастнымъ!

— Порядокъ и спокойствіе!...—повторяла Ампаро, поднявъ руки кверху.

Минутъ черезъ десять инспекторъ вернулся въ сопровожденіи маленькаго сухаго старичка, кассира. Въ то время, какъ инспекторъ объяснялся внизу съ папиросницами, онъ собралъ вверху совѣтъ для обсужденія дѣла и находилъ, что подобное волненіе еще не страшно, въ виду спокойнаго населенія страны. Въ Севильѣ фабричныя волненія гораздо сильнѣе.

— Ну, что вы намъ скажете?—накинулись на инспектора папиросницы.

— Выслушайте меня...

— Намъ нечего слушать! Выдайте намъ жалованье, вотъ и дѣлу конецъ.

— У меня дома голодныя дѣти ждуть, чтобъ я имъ купила молока, они не могутъ ждать дольше.

— Будетъ заплочено сегодня же за прежній мѣсяцъ...

Глухой шумъ пронесся по толпѣ; раздались восклицанія: «Заплатятъ намъ что ли? Заплатятъ... За мѣсяцъ... Этого мало... Не соглашаться!... Требовать все, все сполна!».

Ампаро снова заговорила:

— Вы знаете, сеньоръ инспекторъ, что мѣсячная плата не удовлетворитъ насъ. Мы имѣемъ право на большее. Мы рѣшились и рѣшились серьезно добиться того, чтобъ намъ сполна выдавали все, что мы заработали въ потѣ лица. Притѣснять такъ бѣдныхъ людей несправедливо.

— Все это вѣрно, но что же намъ дѣлать? Если бы дирекція выдала намъ фонды, то мы уплатили бы за два мѣсяца... Но теперь я могу выдать вамъ за одинъ, съ условіемъ, что вы тотчасъ же успокоитесь и приметесь за работу... Если же вы будете бунтовать, то мы пошлемъ за жандармами.

— Жандармы! Пусть приходятъ жандармы! Испугали насъ, подумаешь!

Четыре солдата уже появились у воротъ, но не рѣшались, какъ они говорили потомъ, взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что не получили на это распоряженія. Они брали женщинъ подъ руки и вводили ихъ во дворъ. Поднялись крики, брань, смѣхъ, визгъ, угрозы.

Но одна изъ женщинъ впилась зубами въ шею солдату, онъ побѣжалъ, принесъ изъ сторожки ружье и прицѣлился въ толпу.

Въ ту же минуту паническій страхъ овладѣлъ ближайшими къ нему папиросницами, раздались душу раздирающіе вопли, и толпа бросилась къ воротамъ, какъ будто ее преслѣдовалъ цѣлый вооруженный эскадронъ. Многія падали, подымались и опять падали.

Передъ крыльцомъ осталась только одна Ампаро, блѣдная, возмущенная этимъ постыднымъ бѣгствомъ. Чтобы показать, что она ничего не боится, она спокойнымъ и медленнымъ шагомъ прошла по двору, въ то время какъ жандармы выгоняли за ворота послѣднихъ бунтовщицъ. Вооруженный солдатъ, изъ любезности хлопнувъ ее слегка по плечу, произнесъ:

— Э, ступай себѣ отсюда...

Тогда Ампаро обернулась, посмотрѣла на него взглядомъ оскорбленной королевы и, вынувъ свистокъ, свистнула ему въ самый носъ. Потомъ она вышла изъ воротъ, которыя тотчасъ же съ визгомъ заперлись за ней.

Тутъ она осмотрѣлась и увидала, что огромная толпа женщинъ бродила вокругъ фабрики. Здѣсь были уже не только тѣ папиросницы, которыя бунтовали во дворѣ, но и новыя, пришедшія позже. Видя, что ея войско вновь одушевляется, она начала возбуждать энергію, для того, чтобы во второй разъ не повторилось подобное постыдное отступленіе. Даже тѣ, которыхъ солдаты выталкивали со двора, и тѣ теперь дѣлали угрожающіе жесты фабричнымъ стѣнамъ.

Ампаро уговорила самыхъ храбрыхъ таскать большіе камни съ шоссе и сваливать ихъ къ воротамъ. Всѣ оживились, когда слышался трескъ воротъ.

— Это они устроиваютъ баррикады!—воскликнула одна изъ папиросницъ.

— Баррикады-то баррикады, только чѣмъ все это кончится,—пессимистически отвѣтила ей другая.

Но камни таскались не столько съ цѣлью баррикады, сколько съ цѣлью выбить ворота. При своихъ стратегическихъ наклонностяхъ Ампаро совсѣмъ упустила изъ виду, что съ противоположной стороны двора есть небольшая калитка. Она забыла все на свѣтѣ и только была полна злобы и ненависти къ этимъ воротамъ, откуда ее только что выгнали.

Прислонившись къ стѣнѣ маленькой рыбацѣй хаты, Гвардіана и «кумушка» стояли, не принимая участія въ баррикадированіи. Анна была слишкомъ слаба для такой трудной работы, а Гвардіана, изъ любви къ фабрикѣ, хотѣла остаться вѣрной ей и пророчила, что изо всего этого произойдетъ «несчастіе».

— Взгляни на Ампаро, она ходитъ послѣдніе мѣсяцы, а что дѣлаетъ!—воскликнула Гвардіана.

— Да, она подымаетъ самые тяжелые камни,—отвѣтила Анна съ нѣкоторой завистью къ физической силѣ своей подруги.

Дѣйствительно, въ эту минуту Ампаро возилась около камня, который врядъ ли подняли бы четверо мужчинъ. Поднять его и понести въ рукахъ не было никакой возможности. Но Ампаро догадалась катить его, и онъ благополучно попалъ на мѣсто назначенія. Въ это время раздался крикъ, подѣйствовавшій на разгоряченную толпу, какъ ушатъ холодной воды.

Какой-то уличный мальчишка, высоко подобравъ свои панталоны, бѣжалъ по шоссе и кричалъ во все горло:

— Войско идетъ!

Услышавъ эту вѣсть, взволновавшую всѣхъ поголовно, Ампаро выронила камень изъ рукъ и растеряннымъ взглядомъ окинула толпу. Ея фигура и лицо ясно говорили: «Теперь опять эти негодяйки бросятъ меня одну». При одномъ только словѣ «войско» самыя горячія бунтовщицы сразу остыли. Можно себѣ представить, что было, когда вдали на дорогѣ показалась пыль, и раздался лошадиный топотъ.

Эти войска, шедшія съ двухъ сторонъ, отъ San-Hilario и съ шоссе, казалось, удвоили энергію Ампаро.

— Не съѣдятъ же они насъ!—кричала она.—Мы забросаемъ ихъ камнями, доставимъ себѣ хоть это удовольствіе...

Но всѣ отказались отъ этого удовольствія. Тѣ, которыя кричали громче всѣхъ, сразу куда-то исчезли. Когда полкъ подошелъ къ стѣнамъ фабрики, площадь была уже пуста; только у воротъ была навалена гряда камней, да нѣсколько безобидныхъ, беззащитныхъ женщинъ стояло тамъ и сямъ съ опущенными глазами.

XXXIV.

По мѣрѣ того, какъ зима становилась все холоднѣе, изъ Мадрида приходили все болѣе горячія вѣсти. Требованія папиросницъ были скоро удовлетворены, и въ мастерскихъ вновь закипѣла работа. Не время было раздражать народныя страсти въ эту тяжелую эпоху, переживаемую Испаніей.

Никто не понималъ, что такое творится. Войско называлось «полкомъ Амедея», гвардія подавала въ отставку, Сабальса называлъ «командиромъ» Гаминде, а Гаминде Сабальса. Перерѣзались желѣзнодорожныя линіи; въ Каталуньѣ появилась монета съ изображеніемъ Карла VII; несчастную королеву, супругу Амедея I, называли «La Cisterna», и когда она родила слабого инфанта, ни одинъ епископъ не рѣшался его крестить. Въ такомъ положеніи было отечество. Въ будущемъ ждали еще худшаго.

Ампаро чувствовала себя не хорошо съ памятнаго дня стачки. Она слишкомъ напрягалась, подымая тяжелые камни, и необыкновенный подъемъ энергіи окончился полнымъ упадкомъ силъ. Ка-

кимъ грустнымъ и непригляднымъ казались ей теперь и небо, и воздухъ, и вся мѣстность. Эти мѣста, гдѣ пронеслось ея счастье, словно выпвѣли, полиняли. Зеленые поля пожелтѣли и побурѣли, деревья подымали кверху свои обнаженные вѣтви, какъ бы зывая къ небу о милосердіи. Этотъ уголокъ, который Бальтазаръ называлъ когда-то раемъ, имѣлъ теперь видъ полного опустошенія. Дождь лилъ, не переставая.

Передъ самымъ крыльцомъ домика Ампаро стояла огромная лужа; для того, чтобы попасть въ сѣни, Ампаро приходилось перепрыгивать черезъ нее, но лужа была такъ широка, что ноги молодой дѣвушки, всетаки, попадали въ воду. Иногда она встрѣчала Чинто, и онъ предлагалъ ей руку, чтобы помочь перебраться черезъ лужу, становившуюся цѣлымъ ручьемъ. Это возмущало Ампаро. Переносить соболѣзнованія этого животнаго! Вотъ до чего она дошла послѣ радужныхъ мечтаній о легкой жизни, послѣ золотыхъ сновъ о счастіи!

Такъ проходили однообразные зимніе дни безъ малѣйшаго проблеска свѣта для Ампаро. Она не видала Бальтазара съ того вечера, когда поссорилась съ нимъ около фабрики шипучихъ водъ. Вдругъ ею овладѣла непреодолимая потребность видѣть его, поговорить съ нимъ, умолять или упрекать—она этого сама не знала, но во всякомъ случаѣ повидаться, чтобы хоть чѣмъ нибудь нарушить тоску и монотонность этихъ безконечно-длинныхъ зимнихъ дней. Она послала къ нему Анну. Бальтазаръ отвѣтилъ:

— Я приду.

— Вы думаете идти?—спросилъ его Боррень въ тотъ же вечеръ, встрѣтясь съ нимъ въ ресторанѣ.

— Зачѣмъ? Чтобы слушать жалобы и упреки, которымъ я не могу помочь? Я желалъ бы теперь быть за тысячу верстъ отсюда!

— И вамъ не жаль бѣдную дѣвушку!

Бальтазаръ пилъ въ задумчивости свой кофе. Онъ думалъ о скудости своей матери. Конечно, слѣдовало бы обезпечить Ампаро хоть тысячею реаловъ, чтобы успокоить ее. Съ тѣхъ поръ, какъ Гарчіа выиграла процессъ, Жозефина стала гораздо разборчивѣе и уже не съ прежней радостью приняла вернувшагося къ ней поклонника. Онъ боялся остаться не при чемъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ?—съ тревогой спросила Ампаро свою подругу.

— Сказалъ, что придетъ,—отвѣтила «кумушка».

— Но когда?..

— Онъ не назначилъ времени.

— Такъ чтожъ онъ думаетъ, что я каждый день буду его ждать? И Ампаро низко опустила голову, возмущаясь въ душѣ тѣмъ, что Анна ее сожалѣетъ.

— Если когда нибудь... если скоро... наступитъ республика... святая федерація... то, клянусь Богомъ, Анна, я его убью!

Анна засмѣялась своимъ презрительнымъ смѣхомъ.

— Не будь душой, милая, не будь душой... Для того, чтобы по-вредить ему, нечего дожидаться республики.

— Какъ такъ?

— Знаешь ли, что я сдѣлала бы на твоёмъ мѣстѣ? Надо взять бумагу и перо... Онъ знаетъ твой почеркъ?

— Я никогда ему не писала.

— Тѣмъ лучше. Такъ напиши письмо Гарчіи, чтобы она не заблуждалась на его счетъ.

— Какъ, анонимное? Что ты, полно!

— Просто предупрежденіе... расскажи ей, что онъ сдѣлалъ съ тобой. Не будь душой, онъ достоинъ худшаго.

Этотъ разговоръ шелъ между ними по дорогѣ изъ мастерской. Анна повела Ампаро къ себѣ, въ свою маленькую квартирку. «Кумушка» подала ей чернила, перо, бумагу, и онѣ вмѣстѣ составили слѣдующее письмо:

«Уважаемая сеньорита!

«Кто-то, расположенный къ вамъ, предупреждаетъ васъ, что тотъ, который хочетъ жениться на васъ, поступилъ подло съ одной честной дѣвушкой и далъ слово жениться на ней. Это Собрудо, чтобы вы не сомнѣвались; справьтесь, и вы увидите, что это правда.

«Вашъ вѣрный другъ».

Анна запечатала конвертъ сургучемъ, который она употребляла для писемъ своему капитану, и сказала:

— Теперь, по дорогѣ домой, ты брось письмо въ почтовый ящикъ.

Спускаясь съ темной, узкой лѣстницы, Ампаро судорожно сжимала письмо подъ мантилей. Она прятала его, какъ прячутъ кинжалъ или ядъ. Въ ея воображеніи представилась ей сеньорита Гарчіа. Она распечатываетъ конвертъ, читаетъ, блѣднѣетъ, плачетъ.

— Пусть страдаетъ, какъ я страдаю,—шептала Ампаро.—Если она потеряетъ жениха, то вѣдь я потеряла и честь и все...

Потомъ она стала думать о Бальтазарѣ и о семьѣ Собрудо.

— А, эта скряга, его мать, разсчитываетъ на блестящее приданое для своего сына! Меня не хотѣли принять въ свою семью... Такъ пусть же теперь попляшутъ! Какъ аукнется, такъ и откликнется!

Эти мысли не покидали ея, когда она шла по узкому, грязному переулку, въ улицу San-Efrén. Мантилья спустилась у нея съ одного плеча; она машинально поправила ее. Ей казалось, что она идетъ совершить какое-то преступленіе. Наконецъ, она увидела передъ собой почтовый ящикъ. Ампаро вынула изъ-подъ мантили руку съ письмомъ и уже готова была опустить его... но остановилась.

— Анонимъ!...—подумала она.

Все присущее ей великодушіе возмутилось при мысли о подобномъ поступкѣ. Она привыкла всегда дѣйствовать открыто и прямо.

— Мнѣ надо было попросить Анну сдѣлать это... Я сама не рѣшусь... — прошептала она. — Но если я не опущу письмо, она назоветъ меня душой... Надо рѣшиться. Это необходимо!—и она приподняла уже крышку ящика.

— Нѣтъ!—воскликнула она вдругъ, почти громко, отдергивая руку. — Это подлость... Лучше удушить ихъ при встрѣчѣ, чѣмъ дѣйствовать такъ!...

Она торопливо пошла назадъ по направленію къ морю, казавшемуся въ этотъ темный вечеръ необъятной черной пропастью. Она вошла на парапетъ. Густой туманъ поднимался надъ водою. Ампаро быстро разорвала письмо на мелкіе клочки и бросила впередъ. Бѣлые лоскутки бумаги медленно закружились въ густомъ туманномъ воздухѣ, наконецъ опустились, волны подхватили ихъ и унесли отъ берега.

Время идетъ впередъ, и вмѣстѣ съ нимъ двигаются обстоятельства. Когда же это отречется Амедей I отъ испанскаго престола? Сегодня? Завтра? Когда же, наконецъ?! Хоть итальянецъ и не хочетъ оставить своихъ притязаній на Испанію, но государственныя дѣла въ такомъ положеніи, какъ будто уже наступила республика. Она еще не провозглашена, это правда, но всѣ ждутъ ее съ минуты на минуту.

Монархія еще была въ полной силѣ, когда въ маринедскомъ театрѣ поставили революціонную драму: «Честные валенціанцы». Ампаро такъ много толковъ слышала объ этой драмѣ, что рѣшилась посмотрѣть ее. Она отправилась съ Анной въ райкъ. Съ большимъ трудомъ пробрались онѣ сквозь густую толпу на свои мѣста и сѣли, обливаясь потомъ.

Однако, оказалось, что было изъ-за чего терпѣть эту африканскую жару и давку. Въ первомъ актѣ судили шпіона, выдавшаго республиканскую семью. На этотъ разъ онъ былъ прощенъ, но всѣ надѣялись, что въ слѣдующихъ актахъ онъ не избежитъ строгой руки правосудія. Изъ райка раздавались крики:

— Ахъ, зачѣмъ простили этого негодяя!.. Онъ во второй разъ продастъ ихъ! Попался бы онъ мнѣ, ужъ я не выпустилъ бы его живаго, нѣтъ!..

Когда затѣмъ, въ томъ же актѣ, жена обнимала мужа, прощаясь съ нимъ, и кричала, что она не отпуститъ его одного, пойдетъ съ нимъ на войну, многіе начали сморкаться, и даже слышались рыданія.

Наконецъ, республиканскіе волонтеры передъ походомъ становятся на колѣни и молятся Богу, чтобы Онъ даровалъ имъ побѣду. Необыкновенное волненіе овладѣло толпой, со всѣхъ сторонъ раздалось:

— И послѣ этого смѣютъ говорить, что простые люди не религіозны! Вотъ, когда идутъ за контрибуціями и перерѣзаютъ желѣзнодорожные пути, такъ не молятся Богу! Пусть придутъ и посмотрятъ! Кто же можетъ сомнѣваться, что федералы лучшіе христіане!

Антрактъ прошелъ среди шумныхъ споровъ. Какая чудная, глубокая драма! Жаль только вотъ, что простили шпиона...

Во второмъ актѣ Ампаро такъ внимательно слухала, что совсѣмъ перевѣсилась черезъ балюстраду. Въ райкѣ стало немного свободнѣе, потому что нѣкоторые изъ зрителей, будучи не въ силахъ переносить жару, вышли въ корридоръ. Анна, своими зелеными, кошачьими глазами, осматривала весь залъ. Она многозначительно подтолкнула Ампаро, и та, взглянувъ по указанному ея направлению, увидала семью Гарчіа въ одной изъ ложъ бель-этажа.

Она стала внимательно смотрѣть на Жозефину, одѣтую въ бѣлое кашемировое платье. Даже на лицѣ маленькой Низиты лежалъ отпечатокъ довольства. Жозефина, повидимому, больше всѣхъ была проникнута радостью по случаю выиграннаго процесса. Она сидѣла, самодовольно откинувшись въ креслѣ и граціозно обмахиваясь изящными вѣеромъ. Ампаро глазъ не могла оторвать отъ своей счастливой соперницы, и только занавѣсъ, поднятый въ третьемъ актѣ, нѣсколько отвлекъ ея вниманье.

Она какъ сквозь сонъ слухала патетическіе монологи офицера, который благодарить въ горячихъ выраженіяхъ республиканцевъ, пріютившихъ его въ своемъ домѣ, и затѣмъ въ знакъ признательности въ свою очередь спасаетъ имъ жизнь. Когда публика волновалась и рыдала, Ампаро почувствовала, что ея взглядъ, помимо ея воли, снова приковывается къ ложѣ Гарчіа.

Дверь отворилась, и вошелъ Бальтазаръ въ свѣжемъ, новенькомъ мундирѣ. Любезно поздоровавшись со вдовой и ея дочерьми, онъ сѣлъ подлѣ старшей, рукой, затянутой въ перчатку, поправилъ свои свѣтлые волосы и взялъ афишу. Онъ сказалъ что-то шепотомъ Жозефинѣ, и по выраженію его лица можно было понять, что онъ спрашиваетъ:

— Что это такое?

Гарчіа пожала плечами, какъ бы отвѣчая:

— Петь!.. Какая-то мѣщанская драма!

Бальтазаръ фамильярно взялъ вѣеръ молодой дѣвушки, началъ его открывать и закрывать, какъ бы желая хорошенько разглядѣть нарисованный на немъ пейзажъ, но вмѣсто того завелъ съ Жозефиной одинъ изъ тѣхъ незначительныхъ, но многозначащихъ разговоровъ, которые сопровождаются между влюбленными быстрыми, краснорѣчивыми взглядами.

— Посмотри, посмотри... какой безсовѣстный! — восклицала Анна, указывая Ампаро на группу, съ которой та не могла свести глазъ. — И это послѣ предупрежденія!

Ампаро не отвѣчала. Анна не знала о судьбѣ анонимнаго письма. Ампаро не хотѣла признаваться ей въ этомъ, изъ боязни, что подруга назоветъ ее дурой или чѣмъ нибудь еще получше... А теперь... теперь, судорожно ухватившись руками за красную, суконную обивку баллюстрады, она чувствовала, какъ сердце ея наполняется ядомъ. Конечно, она дура! Почему не опустила она письма въ почтовый ящикъ? Но, вѣтъ; подобная мѣсть не удовлетворила бы ея; лицомъ къ лицу, безъ страха и безъ обмана должна она отомстить за свою обиду.

И въ то время, какъ грудь разрывалась у нея отъ муки, въ то время, какъ она вся горѣла отъ негодованія, Бальтазаръ и Жозефина все болѣе и болѣе увлекались своимъ интимнымъ разговоромъ среди шума публики, радостно привѣтствовавшей казнь шпіона. Жозефина сидѣла въ полъ-оборота; виднѣлась только часть ея изящно причесанной головы, пунцовая камелія въ волосахъ да кораловое ожерелье на шеѣ.

Ампаро очень хотѣлось выйти изъ этой духоты на свѣжій воздухъ, но публика, набившаяся какъ сардины въ коробкѣ, не желала оставлять своихъ мѣсть, пока не опустится занавѣсъ. Ампаро видѣла, что за нѣсколько минутъ до конца драмы семья Гарчіи поднялась, Бальтазаръ очень любезно помогъ одѣться всѣмъ, начиная со вдовы и кончая Низитой; затѣмъ ложа опустѣла, а взглядъ Ампаро все еще не могъ оторваться отъ нея. Подождавъ нѣсколько минутъ, пока толпа спустится съ лѣстницы, Ампаро и Анна, взявшись подъ руки, толкаемыя со всѣхъ сторонъ, вышли, наконецъ, на улицу, гдѣ холодный зимній воздухъ сразу освѣжилъ ихъ потныя лица.

«Кумушка» чувствовала, какъ дрожить рука Ампаро. Взглянувъ ей въ лицо, она испугалась его выраженія.

— Тебѣ не хорошо, милая? Что съ тобой? Не кружится ли у тебя голова?

— Пойдемъ со мной,—мрачно произнесла Ампаро.—Я иду туда, гдѣ ты можешь мнѣ понадобится.

— Господи! Куда же ты идешь?

— Куда я иду? Забросать камнями ихъ домъ...

И она засучила рукава, какъ бы готовясь къ нападенію.

— Полно, ты бредишь... Пойдемъ лучше спать.

— Если ты не оставишь меня въ покоѣ, я брошусь въ море,—отвѣтила молодая дѣвушка голосомъ такого безконечнаго отчаянія, что Анна торопливо пошла рядомъ съ нею, стараясь приноровиться къ ея шагу.

— Я говорю, что закидаю ихъ камнями,—продолжала Ампаро,—я говорю и сдѣлаю это, какъ Богъ святъ. Имъ ничего не стоитъ насмѣяться надъ людьми... надъ бѣдными, несчастными женщинами... Ты видѣла, какая подлость? У меня на глазахъ... прямо у меня на глазахъ!.. Даже дикари этого не сдѣлаютъ!

— Хорошо... но теперь зачѣмъ же ты хочешь погубить себя? Зачѣмъ ты хочешь попастьъ въ тюрьму?

— Чтобы успокоиться, Анна... потому что весь вечеръ мнѣ казалось, что мнѣ петлей сдавливаютъ шею, что меня душатъ... Я имъ перебью всѣ стекла, я ихъ закидаю грязью! И тогда я усну сегодня спокойно! Тогда мое сердце утихнетъ, не будетъ биться такъ сильно, словно выскочить хочетъ...

— Но, милая, вспомни, подумай...

— Ничего не хочу вспоминать, ни о чемъ не хочу думать.

Этотъ разговоръ шелъ между двумя подругами, когда онѣ шли по Нижнему кварталу, гдѣ Ампаро надѣялась встрѣтить Бальтазара, провожавшаго Гарчіа. Ночной холодъ нѣсколько успокоилъ возбужденныя нервы молодой дѣвушки. Онѣ проходили мимо высокой, выдержанной въ строгомъ стилѣ, церкви Маріи Магдалины. Мраморное изображеніе святой, казалось, глядѣло на нихъ неподвижнымъ взглядомъ. Ампаро невольно понизила голосъ, перекрестилась почти машинально, не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, и замедлила шагъ. Анна всячески старалась успокоить ее, когда ихъ опередилъ офицеръ, напѣвавшій какую-то шансонетку.

Ампаро узнала Бальтазара и бросилась за нимъ. Слышала ли Бальтазаръ ея голосъ или очень торопился, но только онъ быстро исчезъ изъ виду и, такъ скоро скрылся за поворотомъ, что она потеряла его слѣдъ.

— Я позову его у дверей дома!—воскликнула Ампаро.

— Что ты съ ума сошла!.. На Главной-то улицѣ!—произнесла Анна съ неподдѣльнымъ страхомъ.

Въ этотъ часъ ночи Главная улица, дѣйствительно, внушаетъ уваженіе. Высокіе каменные дома, защищенные своими рѣшетчатыми балконами, были наглухо заперты. Изнутри слышался отдаленный звукъ голосовъ. Ампаро остановилась передъ домомъ Собрало. Онъ былъ въ три этажа, съ двумя стеклянными галереями и массивной дверью съ блестящей, бронзовой ручкой. И среди ночной тишины онъ казался такимъ строгимъ, недоступнымъ, что ночной приливъ злобы охватилъ Ампаро. Эти бѣды, высокія стѣны, казалось, смотрѣли на ея горе съ полнымъ равнодушіемъ.

Вдругъ она нагнулась, замѣтивъ на тротуарѣ при свѣтѣ фонаря, обломокъ кирпича. Она подняла его и начертила большой многозначительный красный крестъ на двери. Этотъ крестъ на другой день заставилъ сильно призадуматься донью Долоресъ Собрало и дядюшку Исидоро, которые считали его плохимъ предзнаменованіемъ.

XXXV.

Ампаро лежала въ своей кровати, раздумывая о томъ, идти ли ей на фабрику въ такой холодный, дождливый день. Всю ночь ей нездоровилось и такъ хотѣлось теперь остаться въ теплой постели,

подъ мягкимъ одѣяломъ. Но нельзя было это сдѣлать, потому что вчера она слышала фразы: «Теперь наступаетъ наше время... Эта итальянская макарона (Амедей I) наконецъ уходитъ... Часть Мадрида уже провозгласила республику... завтра она придетъ къ намъ».

Она приподнялась съ постели, начала одѣваться, но почувствовала сильную боль въ поясницѣ. Ампаро поблѣднѣла, и ее ужаснула мысль, что наступилъ ея часъ... Она снова легла въ постель, думая, что согрѣется и все пройдетъ; закрыла глаза и старалась ни о чемъ не думать. Ею овладѣло такое глубокое желаніе спокойствія и уединенія, что она закрыла себѣ лицо простыней, внутренне давая себѣ слово никого не звать на помощь.

Пролежавъ такъ нѣкоторое время и чувствуя себя довольно хорошо, она рѣшилась встать, и острия боли снова повторились. Но она, всетаки, одѣлась и прошла по комнатѣ. Въ эту минуту чья-то рука постучала въ дверь, и прежде чѣмъ Ампаро успѣла сказать «войдите», вошла Анна.

— Пойдешь?

— Не могу!

— Что нибудь чувствуешь? Начинается?..

— Кажется... что да.

— Что же ты чувствуешь, милая?

— Сильный холодъ... такой холодъ!.. И спать такъ хочется, что вотъ, кажется, стоя уснула бы... Но я хочу непременно идти...

— Позвать Поррету?

— Нѣтъ... Господи Боже мой, какой срамъ!.. Анна, дорогая... не зови ея, ради Бога...

— Что же дѣлать... Вѣдь начинается?

— Начинается... О, я несчастная... лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ Божій...

— Лягъ на кровать...

Анна, съ свойственной ей торопливостью, раздѣла больную и уже пошла къ двери, когда прерывающійся голосъ позвалъ ее...

— Поди къ моей матери... скажи, что у меня болитъ голова... но не говори ей правды, ради всего святаго...

— Вѣдь она все равно помочь не можетъ...

Ампаро стала немного спокойнѣе, только время отъ времени чувствовала такія сильныя схватки, что кусала себѣ губы, чтобы не вскрикнуть.

Анна все бѣжала и бѣжала, не останавливаясь и не обращая никакого вниманія на сильный дождь, въ улицу Кастро. Только черезъ два часа вернулась она съ огромнымъ запыхающимся шаромъ, изображавшимъ акушерку Поррету. Когда эта знаменитая особа вошла въ комнату, вода такъ и текла съ нея ручьями. Первымъ долгомъ она подошла къ постели парализной и начала шептаться съ ней. Мать Ампаро очень встревожилась, заплакала и ужасно жалѣла, что не можетъ быть полезной дочери и не можетъ

даже видѣть ее въ такія трудныя минуты. Комната старухи выходила на улицу, и нечего было думать переводить сюда Ампаро.

Бѣдной женщиной овладѣла нѣжность, которую часто испытываютъ матери, когда дочери ихъ страдаютъ такъ же, какъ онѣ когда-то страдали, производя ихъ на свѣтъ... Чинто былъ около нея и не находилъ себѣ мѣста. Акушерка вошла въ комнату больной, а старуха и молодой человѣкъ остались вдвоемъ, и ихъ воображеніе рисовало имъ всѣ ужасы трагедіи, разыгрывавшейся за спущенной для нихъ занавѣсью... Параличная проклинала свою дочь за то, что она довела себя до такого положенія, и въ то же время плакала горькими слезами о томъ, что не можетъ ее видѣть. И каждыя пять минутъ сеньора Поррета вваливалась своей могучей особой въ комнату и повоенному отдавала приказанія Чинто.

— Прованскаго масла, негодай... Немного прованскаго масла!

— Что съ ней?—спрашивала мать.

— Ничего, ничего, все хорошо... Прованскаго масла, поросенокъ!

Если чего нибудь не было дома, Чинто бѣжалъ занять у сосѣдей или купить въ лавочкѣ. Какъ только онъ приносилъ одну вещь, акушерка немедленно требовала другую.

— Немножко анисовой водки!

— Анисовой водки? Зачѣмъ?—спросила старуха.

— Для меня, матушка, для меня! Вѣдь я тоже человѣкъ. Я думаю, я устала и промокла, бѣжавши сюда.

И Чинто послушно бѣжалъ за водкой.

— Вина! Есть вино?

— Для тебя?—не удержалась параличная.

— Для тебя! Для тебя!—злбно передразнила ее Поррета.—Для нея, ей необходимо выпить... Что-жъ ты думаешь, что я ношу съ собой всѣ лекарства? Какъ же! нашла дуру. Она очень слаба, ей надо побольше силъ, а вино возбудитъ ихъ. Для тебя!..

А черезъ четверть часа она командовала:

— Полфунта шоколаду самаго лучшаго! Да вотъ что еще, если по дорогѣ встрѣтишь хорошую курицу, такъ сверни ей голову и тащи сюда. Купи такъ же немного воску...

— Воску?

— Да, воску, поросенокъ! Что я не знаю что ли, чего прошу, негодай ты этакій? Да затопи печку.

И Чинто поминутно ходилъ взадъ и впередъ, принося то воскъ, то бѣлое и красное вино, то прованское масло, то анисовую водку, словомъ все, что она требовала. Въ короткія минуты отдыха онъ садился на низенькій стулъ у кровати параличной и жаловался на то, что съ нѣкотораго времени ноги совсѣмъ отказываются служить ему, и что у него воздуха не хватаетъ въ груди, онъ совѣтовался съ докторомъ, и тотъ сказалъ ему, что это табачная пыль осѣла ему на легкія. Но развѣ могутъ доктора видѣть, что дѣлается внутри человѣка?

Онъ говорилъ это почти шепотомъ, прислушиваясь къ долетавшимъ изъ-за стѣны стонамъ Ампаро. Стоны эти сначала отдавались глухо и медленно, затѣмъ сдѣлались быстрѣе и громче, наконецъ, перешли въ крики. А дождь все шелъ и шелъ. Зимній день клонился къ вечеру. Чинто зажегъ маленькую лампочку, разогрѣлъ супъ больной, снова усѣлся съ ногами на стулъ и уперся въ колѣни руками, поддерживавшими подбородокъ.

Одно время изъ комнаты Ампаро не долетало ни одного стона. Нѣсколько фабричныхъ подругъ, въ числѣ которыхъ была и Гвардіана, зашли на минутку и скоро ушли, пожимая плечами, выражая свое сочувствіе и удивляясь бездушности мужчинъ. Крики вдругъ возобновились и въ тишинѣ вечера казались болѣе острыми. Ампаро жалобно стонала, какъ маленькій ребенокъ.

Было уже часовъ одиннадцать, когда Поррета вошла къ параличной, отирая руками потъ, катившійся градомъ съ ея лица. Она была задумчива и озабочена.

— Ну, что?..

— Не торопись, не торопись, милая.. Съ этими перворождающими всегда возня...—она улыбнулась, чтобы придать храбрости старухѣ и продолжала:—можетъ быть, ты думаешь, что я выпивши? Напрасно; у меня голова совсѣмъ свѣжа... У меня еще ни одна больная не умирала... впрочемъ было два случая... но роженицы были моихъ лѣтъ... Пусть доктора говорятъ, что хотятъ, а я, слава Богу, свое дѣло знаю...

И, сказавъ это, акушерка стала вытирать свои руки о бедра.

— Можетъ быть, позвать доктора?—простонала параличная.

— Въ мои годы вовсе неприятно имѣть дѣло съ докторами,—отвѣтила Поррета.—И то не такъ и другое не этакъ... на нихъ не угодишь.

И вдругъ, повернувшись къ Чинто, она крикнула:

— Вставай, соня! Бѣги скорѣй за докторомъ... Да живѣе!

Чинто, не смотря на проливной дождь, побѣжалъ съ непокрытой головою. Всю дорогу его преслѣдовали стоны любимой дѣвушки. А параличная горько жаловалась на то, что, кромѣ того, что уморять ея дочь, ей придется еще платить доктору за визитъ, а изъ чего?

Въ комнатѣ стояла мучительная тишина, прерываемая лишь глухими стопами, похожими скорѣе на звѣриный вой, чѣмъ на человѣческій голосъ. Наконецъ, черезъ часъ Чинто вернулся съ докторомъ, который, повидимому, привыкъ къ подобнымъ критическимъ положеніямъ. Онъ прежде всего снялъ свой скюртукъ, засучилъ рукава сорочки, взялъ изъ рукъ Чинто ящикъ съ инструментами и вошелъ въ комнату больной, откуда тотчасъ же послышался мрачный голосъ Порреты, объяснявшей ему что-то.

Не прошло и четверти часа, какъ докторъ вернулся къ бѣдной матери и попросилъ воды, чтобы вымыть руки. Въ то время, какъ

Чинто съ растеряннымъ видомъ искалъ полотенца, старуха со слезами разспрашивала, что и какъ.

— О, успокойтесь... Этотъ малый увѣрилъ меня, что положеніе очень опасное, и я даже захватилъ съ собой щипцы, но они мнѣ не понадобились... Дѣвушка пышетъ здоровьемъ и превосходно сложена. Все кончилось въ какихъ нибудь пять минутъ... Теперь дѣло акушерки, а я буду только присутствовать.

Онъ мылъ руки, говоря это, и сейчасъ же опять пошелъ къ больной. Лампа коптѣла; комната была погружена въ полутьму. Послышалось еще два-три слабыхъ, медленныхъ, какъ бы торжествующихъ стона, и вслѣдъ за ними ясный крикъ ребенка.

XXXVI.

Ампаро отдыхала утомленная, блѣдная, послѣ только что окончившихся мучительныхъ родовъ. По мѣрѣ того, какъ утренній свѣтъ пробивался въ окно, сознание возвращалось къ ней. Она тихо позвала Чинто.

— Что ты хочешь, милая?

— Бѣги скорѣе въ полковья казармы... Кажется, что именно теперь выходить полкъ.

— Хорошо.

— Если тамъ вѣтъ дона Бальтазара, то бѣги къ нему въ домъ... Ты знаешь его домъ?

— Да, знаю. Что же ему сказать?

— Скажи ему... Посмотримъ, умѣешь ли ты говорить! Скажи ему, что у меня родился сынъ... Слышишь? Не ошибись...

— Хорошо... сынъ...

— Сынъ... Смотри не скажи—дочь, дуракъ! Сынъ, сынъ...

— И больше ничего?

— И что онъ знаетъ, чей это сынъ... и что если онъ хочетъ признать себя его отцомъ, то... крестины будутъ завтра.

— Больше ничего?

— Больше ничего... Скажи все это... и хорошенько...

Только что ушелъ Чинто, какъ пришла Анна, уходившая домой почевать. Она вошла съ такимъ таинственнымъ видомъ, какъ будто имѣла сообщить что-то необыкновенное.

— А какъ поживаетъ эта чучелка?—спросила она, развертывая малютку съ красно-желтымъ лицомъ, сморщенными глазами и комической серьезностью, свойственной всѣмъ новорожденнымъ. Анна начала говорить съ нимъ, какъ съ взрослымъ, ощупала ему темячку, понянчила и сѣла у изголовья подруги.

— Ты не слыхала?—сказала она, не въ силахъ больше скрывать новости.—Я встрѣтила портниху, которая работаетъ на семью Гарчіа... Ты не пугайся, милая, ты должна радоваться... Они уѣ-

жают сегодня въ Мадридъ, потому что процессъ выигранъ, и они вступаютъ во владѣніе наслѣдствомъ.

Ампаро произнесла взволнованнымъ шепотомъ:

— Ну, и Богъ съ ними!

— Только не случилось бы съ ними чего нибудь дорогой... потому что портниха говоритъ, что наступила республика...

— Ее ужъ цѣлую недѣлю провозглашаютъ...

— Молчи, не разговаривай, а то съ тобой можетъ сдѣлаться горячка.

И «кумушка» снова занялась ребенкомъ, между тѣмъ какъ Ампаро, вся обливаясь холоднымъ потомъ, почти не понимала, что дѣлается около нея. Шаги Чинто привели ее въ себя. Она открыла свои глаза; на мертвенно-блѣдномъ лицѣ они казались больше и темнѣе. Чинто подошелъ на цыпочкахъ, своей обычной неловкой походкой. Онъ, очевидно, былъ чѣмъ-то смущенъ.

— Трудно мнѣ было добраться до казармъ, — началъ онъ съ своимъ деревенскимъ акцентомъ, возвращавшимся къ нему, когда онъ волновался. — Совсѣмъ нельзя идти... Настоящій бунтъ... Народъ, какъ помѣшанный, бѣгаетъ по улицамъ... Тамъ... говорятъ, что король ушелъ... что въ Мадридѣ республика...

Ампаро съ трудомъ приподнялась, откинула со лба прядь, влажныхъ отъ испарины, волосъ и прошептала:

— Что ты мнѣ толкуешь?

— Я тебѣ говорю, милая... Алькадъ и губернаторъ разставляютъ войско по угламъ улицъ... Со всѣхъ балконовъ вывѣшиваютъ цвѣтные ковры и шали...

— Наконецъ-то! — воскликнула больная, радостно всплеснувъ руками. — Говори, говори!

— Вотъ я и пошелъ въ казармы... Его тамъ нѣтъ...

— И ты бѣгомъ побѣжалъ къ нему домой? — вся дрожа, подсказала Ампаро.

— Побѣжалъ... и говорятъ, что...

— Кончай, проклятый!

— И говорятъ, что...

Чинто остановился, подыскивая подходящее выраженіе, но не нашелъ и, безнадежно махнувъ рукой, выпалилъ:

— Говорятъ, что его нѣтъ въ городѣ, потому что... потому что онъ вчера уѣхалъ въ Мадридъ!

Ампаро открыла ротъ, чтобы сказать что-то, но только глухой стонъ вырвался изъ ея устъ. Она запустила обѣ руки въ волоса и такъ сильно начала рвать ихъ, что нѣсколько черныхъ волнистыхъ волосковъ тутъ же упали на бѣлое одѣяло. Судорога свела ей пальцы. Наконецъ, она проговорила глухимъ голосомъ, обращаясь къ Чинто.

— Уйди отсюда, я сейчасъ встану. Я соберу народъ и подожгу этотъ проклятый домъ Собрадо.

— Да, уйди,—прибавила Анна.— Хорошія вѣсти ты принесъ, нечего сказать!

Но вмѣсто того, чтобы повиноваться, Чинто подошелъ къ кровати, гдѣ Ампаро, ослабѣвъ отъ минутной вспышки энергіи, лежала въ полномъ упадкѣ силъ.

— Милая, послушай, милая...— произнесъ онъ, желая придать нѣжность своему голосу, звучавшему, наоборотъ, въ эту минуту грубѣе обыкновеннаго.— Милая, не огорчайся, не убивайся... Тамъ... я... я буду отцомъ ребенка, и я... если хочешь, мы поженимся... а если ты не хочешь... то, то... я сдѣлаю, какъ ты хочешь...

Ампаро вскочила, съ негодованіемъ оскорбленной королевы. Она широко открыла свои большіе, горящіе лихорадочнымъ блескомъ глаза и крикнула:

— Прочь! Прочь отсюда, животное!.. Ты хочешь меня убить...

Бѣдный малый вышелъ изъ комнаты, съ низко опущенной головой, въ душѣ считая себя преступникомъ. А Ампаро съѣла на кровать, судорожнымъ движеніемъ схватила свое платье и торопливо стала одѣваться.

— Справедливости!—рыдала она.— Справедливости! Дайте справедливости народу... Virgen del Amparo! Virgen de la Guardio! Что же вы смотрите! Какъ вы выносите все это? Господи... обѣщанія... клятвы... обѣщанія... права, которыя... Перебьемъ всѣхъ офицеровъ! Разнесемъ казармы!..

Начинался приступъ горячки; она заговаривалась... Голова у нея закружилась, въ вискахъ чувствовалась острая боль. Она упала на кровать почти безъ дыханія.

Анну освѣтила счастливая мысль. Она взяла ребенка и, не говоря ни слова, подставила его мягкій, влажный ротикъ къ груди матери. Двѣ крупныя слезы выступили на длинныхъ, черныхъ рѣсницахъ Ампаро и остановились. Но затѣмъ медленно покатались по блѣднымъ щекамъ, вызывая за собою другія, третьи, и цѣлый потокъ благодатныхъ слезъ облегчилъ истрадавшую душу и измученное тѣло Ампаро.

А на дворѣ бушевалъ холодный февральскій вѣтеръ. Обнаженные вѣтви деревъ ударились о стѣны домика. Папиросницы, цѣлой толпой, возвращались съ фабрики. Онѣ шли не обычнымъ спокойнымъ, ровнымъ шагомъ, а шумливо, быстро, съ радостными, ликующими лицами, развѣвающимися по вѣтру мантильями. Проходя по улицамъ и размахивая цвѣтными платками, папиросницы кричали въ одинъ голосъ:

— Да здравствуетъ федеративная республика!..

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

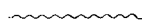
ЮНЬ, 1893 г.

	СТР.
I. Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть вторая. XIII—XVIII. (Продолженіе). П. Н. Полеваго	595
II. Женижба моего дѣда. (Изъ семейныхъ воспоминаній). Е. Д. Иксуль	628
III. Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XIII. (Продолженіе)	667
IV. Двѣ рѣпины. (Страничка изъ путешествія по нашему сѣверу). Н. Ф. Л—кова	690
V. Воспоминанія В. Н. Погожева. I—V.	700
VI. Наѣздъ. (Очеркъ изъ жизни Малороссіи конца XVIII в.). Н. Н. Оглоблина	732
VII. Очерки Москвы. XIV—XVI. (Продолженіе). Д. А. Покровскаго	747
VIII. С. П. Жихаревъ и его записки. М. Н. Мазалева	763
IX. Церковные памятники Запорожья. Д. И. Эварницкаго	770
Иллюстраціи: 1) Самарскій Запорожскій монастырь.—2) Самарскій Запорожскій соборъ.	
X. Сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ. Е. В. Газенвинкеля	783
XI. Турецкое придворное празднество XVI вѣка. В. А. Теплова	791
XII. Изъ воспоминаній о Японіи. XVI. (Продолженіе). Женщины-врача А. А. Черевковой	801
XIII. Бритика и библиографія	826

1) K. Waliszewski. Le roman d'une impératrice. Catherine II de Russie, d'après ses mémoires, sa correspondance et les documents inédits des archives d'état. Paris. 1893. А. Л.—2) Очерки Кавказа. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 г. Съ 41 рисункомъ. В. С. Кривенко. Спб. 1893. Апат. Л—на.—3) Краткая исторія русскаго флота. Ф. Веселаго. Выпускъ I. Спб. 1893. С. Ш.—4) В. Буренинъ. Пѣвники Византии. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1893. В. З.—5) Сборникъ трудовъ врачей С. Петербургскаго родовспомогательнаго заведенія, издаваемый подъ редакціею помощника директора И. М. Тарновскаго. Выпускъ I. Спб. 1893. А. Фаресова.—6) Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Сочиненіе Е. Альбицкаго и А. Ширгена. Саратовъ. 1893. С.—7) Гастонъ Буасье. Паденіе язычества. Исслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ М. С. Корелина. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893. С. А—ва.—8) Московскій библиографическій кружокъ. Очеркъ дѣятельности за время съ 4-го октября 1890 г. по 1-е декабря 1891 г. Москва. 1892. М. М.—9) И. С. Некрасовъ. О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзіи. (Изданіе общества древней письменности). Спб. 1892. С. Т—снаго.—10) Родъ князей Голицыныхъ. Составилъ кн. Н. Н. Голицынъ. Томъ первый. Матеріалы родословныя. Спб. 1892. Родъ князей Мосальскихъ (XIV—XIX ст.). Н. Е. Бранденбургъ. Спб. 1892.

См. слѣд. строкъ.

	СТР.
В. Б. —11) Исторія эллинизма. Соч. І. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго дополненаго авторомъ изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ II. Исторія діадоховъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1893. А. И. — 12) Слѣпой Домрачей. Историческіе рассказы для юношества изъ русской, турецкой и молдаванской жизни. О. И. Роговой, съ рисунками Л. Бакста. Спб. 1892. А. Л.	
XIV. Историческія мелочи	849
1) Студенческіе годы Вильгельма II.—2) Прусская королева Луиза безъ легендарнаго лоска.—3) Эльзасскій вопросъ и Гамбетта.—4) Воспоминанія рабочаго о Карлѣ Марксѣ.	
XV. Заграницыя историческія новости	859
XVI. Изъ прошлаго	867
Заниска изъ казуснаго дѣла. В. Л. Банштона.	
XVII. Смѣсь	872
1) Тридцатилѣтіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній.—2) Археологическая выставка.—3) Могила Говарда.—4) Открытіе новыхъ фресокъ въ Кіевскомъ соборѣ.—5) Реставрація Новгородскаго собора.—6) Юбилей П. И. Вейнберга.—7) Первое десятилѣтіе дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства съ 22-го сентября 1882 г. по 22-е сентября 1892 г.—8) Некрологи: Ю. И. Симашко; П. Е. Астафьевъ; А. С. Гацскій.	
XVIII. Запѣтки и поправки	881
По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка. Д. Вилинскаго.	
XIX. Периодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году.	
II. Книжное дѣло. (Окончаніе). Л. Павленкова	833
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Степана Петровича Жихарева.—2) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1893 года).

	СТР.
Подъ неотразимой десницей. Историческій романъ. Часть вторая. (Продолженіе). П. Н. Полеваго.	5, 305, 595
Воспоминанія Н. П. Брусилова. Съ предисловіемъ В. Ѳ. Боряновскаго.	37
Воспоминанія В. А. Полторацкаго. XI—XIII. (Продолженіе).	72, 355, 667
Былыя встрѣчи. III. Въ артистическомъ мірѣ.—IV. Необдуманная затѣя.—V. Литературный вечеръ. (Продолженіе). В. М. Сикевича.	90, 373
Очерки Москвы. IX—XVI. (Продолженіе). Д. А. Покровскаго.	116, 389, 747
По пути «изъ варягъ въ греки». (Путевыя впечатлѣнія). VI—VIII. (Окончаніе). И. Ф. Тюменева.	133
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Устье канала Александра II въ Шлиссельбургѣ.—2) Рулевой на баркѣ.—3) Село Черное на каналѣ Александра II.—4) Городъ Новая Ладога.—5) Старо-Ладожская крѣпость. (Никольскій монастырь. Общій видъ крѣпости. Юго-восточная башня. Планъ крѣпости. Входъ въ крѣпость).—6) Въ Старо-Ладожской крѣпости. (Деревянная церковь св. Димитрія Солунскаго. Каменная церковь св. Георгія. Фреска, изображающая св. Георгія Побѣдоносца въ діаконикѣ церкви св. Георгія. Рамка, составленная по орнаментамъ въ куполѣ церкви св. Георгія).—7) Ладожскій Никольскій монастырь.	
Нападеніе повстанцевъ на Яблочинскій православный монастырь въ 1862 году. Л. Омелянскаго.	157
Бунтъ раскольниковъ въ 1859 году. (Изъ воспоминаній о Сибири). Е. Р.	162
Принцъ Гессенъ-Гомбургскій въ Россіи. (1723—1745). А. Г. Брикнера.	169
<i>Иллюстрація:</i> Портретъ принца Людвигъ Гессенъ-Гомбургскаго.	
Новое направленіе въ исторической наукѣ. М. Ѳ. Ладвинскаго.	177
Изъ воспоминаній о Японіи. XI—XVI. (Продолженіе). Женщины-врача А. А. Черевковой.	187, 473, 801
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Карасаки, древнѣйшая сосна въ мірѣ.—2) Японская гостинница.—3) Сборъ чая.—4) Посадка риса.—5) Храмъ бога войны Хачимана.—6) Бронзовая статуя Будды.	
Театральная цензура при Наполеонѣ III. Вл. З.	207
Секретарь челоѣчества. В. Т.	220
<i>Иллюстрація:</i> Портретъ Ипполита Тэна.	

Второй брак Наполеона. В. Т.	229
Иллюстраціи: 1) Наполеонъ I.—2) Императрица Жозефина.— 3) Разводъ Наполеона I съ императрицей Жозефиной.—4) Императрица Марія-Луиза.	
Современные литературные дѣятели. I. I. Ясинскій. К. П. Медвѣдскаго.	412
Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князя Абамеликъ. А. А. Дмитриѣва.	425
К. А. Трутовскій. Ѳ. И. Булгакова.	448
Иллюстраціи: 1) Портретъ Константина Александровича Трутовскаго.—2) Помѣщики-политики.—3) Сладкая дремота.—4) Свиданіе.—5) Богомолка.—6) Малороссіянка, брѣющая своего мужа.—7) Заблудившіеся.—8) Базаръ въ уѣздномъ городѣ.—9) Гарбузь.—10) Рисунокъ къ баснѣ И. А. Крылова «Ручей и Водопадъ».—11) Рисунокъ къ баснѣ И. А. Крылова «Слонъ и Моська».—12) Рисунокъ къ баснѣ И. А. Крылова «Левъ и Комаръ».	
Черные и бѣлые клубуки. (Историческая справка).	465
Новая теорія происхожденія Руси. В. Б.	468
Послѣдній французскій король. В. З—а.	490
Иллюстраціи: Портретъ короля Луи-Филиппа.	
Женитьба моего дѣда. (Изъ семейныхъ воспоминаній). К. Д. Искуль.	628
Двѣ рѣпины. (Страничка изъ путешествія по нашему сѣверу). Н. Ѳ. Л—кова.	690
Воспоминанія В. Н. Погожева. I—V.	700
Наѣздъ. (Очеркъ изъ жизни Малороссіи конца XVIII вѣка). Н. Н. Оглоблина.	732
С. П. Жихаревъ и его записки. М. Н. Мазаева.	763
Церковные памятники Запорожья. Д. И. Эварницкаго.	770
Иллюстраціи: 1) Самарскій Запорожскій монастырь.—2) Самарскій Запорожскій соборъ.	
Сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ. К. Б. Газенвинкеля.	783
Турецкое придворное празднество XVI вѣка. В. А. Теплова.	791

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- 1) Р. В. Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ по Любечкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Изданіе археографической комиссіи. Спб. 1893. Д. Корсанова.—
- 2) Историческое Обзорѣніе. Сборникъ историческаго общества при императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева (1892 г.). Томъ четвертый. Спб. 1892. С. А—ва.—
- 3) Mythologiae Lituanicae Monumenta. Źródła do Mytologii Litewskiej od Tacyta do końca XIII wieku. Zebrał, ocenil i objasnil Antoni Mierzynski. Warszawa. 1892. Н. Л—ча.—
- 4) К. Б. Газенвинкель. Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири XVII вѣка. Казань. С. А—ва.—
- 5) Н. Страховъ. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892. М. М.—
- 6) Н. Н. Ѳирсовъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Казань. 1893. В. Б.—
- 7) Палестина. Сочиненіе А. А. Суворина. Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова. Выпуски 1—4. Спб. 1893. С. Ш.—
- 8) К. Б. Газенвинкель: 1) Книги разрядныя въ официальныхъ ихъ спискахъ, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в. Казань. 1892. 2) Государево жалованье послуживкамъ сибирскимъ. 1892. Тобольскъ.

3) Систематическій перечень воеводъ, дьяковъ, письменныхъ головъ и подъячихъ съ приписью въ сибирскихъ городахъ и главнѣйшихъ острогахъ съ ихъ основанія до начала XVIII вѣка. Тобольскъ. 1892. Д. Корсакова.— 9) Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1891—1892 гг. Второй годъ. Изданіе дирекціи театровъ. 1893. В. 3.—10) Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893. Критическія статьи. Его же. Спб. 1893. Эстетика и поэзія. Его же. Спб. 1893. А. Фаресова.—11) Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1857 гг.). Изданіе А. Брикнера. Томъ VII. Спб. 1892. Е. н.—снаго.—12) К. К. Казанскій. Вблизи Памировъ. (Путевыя впечатлѣнія). Съ картою. Ташкентъ. 1892. С. У—ца.—13) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ второй. Москва. 1893. М. М.—14) Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828). Время императрицы Маріи Ѳеодоровны. Е. Лихачевой. Спб. 1893. М. С—снаго.—15) Всеобщая исторія литературы. Выпуски XVIII и XXVIII. Обзоръ литературы XIX столѣтія (окончаніе). Спб. 1892. В. 3.—16) Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и законченнаго послѣ смерти автора докторомъ Фридрихомъ Веберомъ. Томъ пятнадцатый. Часть вторая. Съ портретомъ автора. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893. А. н—ва.—17) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Выпускъ V. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1892. В. Б.—18) Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи Говарда Коллинса. Переводъ съ англійскаго. П. В. Мокіевскаго. Спб. 1892. М. С.—19) Э. Берендтсъ. Меркантилисты и фیزیократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи. Ярославль. 1892. Н. О.—20) Виленскій православный некрополь. Архимандрита, нынѣ епископа Іосифа. Вильна. 1892. В. Б.—21) Исторія Бастиліи. (Историческая монографія). Сем. Дм. Ахшарумова. Съ приложеніемъ вида и плана Бастиліи. Спб. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. 1893. С. А—ва.—22) Историческія чтенія (Lectures historiques). Древняя исторія. Египетъ. Ассирія. М. Масперо. Переводъ съ французскаго съ 192 рисунками. Изданіе Л. Ф. Пятелева. Спб. 1892. С. А—ва.—23) К. Waliszewski. Le roman d'un impératrice. Catherine II de Russie d'après ses mémoires, sa correspondance et les documents inédits des archives d'état. Paris. 1893. А. Л.—24) Очерки Кавказа. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 г. Съ 41 рисункомъ. В. С. Кривенко. Спб. 1893. Анаг. Л—на.—25) Краткая исторія русскаго флота. Ѳ. Веселаго. Выпускъ I. Спб. 1893. С. Ш.—26) В. Буренинъ. Плѣнникъ Византіи. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1893. В. 3.—27) Сборникъ трудовъ врачей С.-Петербургскаго родовспомогательнаго заведенія, издаваемый подъ редакціею помощника директора И. М. Тарновскаго. Выпускъ I. Спб. 1893. А. Фаресова.—28) Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Сочиненіе Е. Альбицкаго и Ширгена. Саратовъ. 1893. С.—29) Гастоль Буассе. Паденіе язычества. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ М. С. Корелина. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893. С. А—ва.—30) Московскій бібліографическій кружокъ. Очеркъ дѣятельности за время съ 4-го октября 1890 г. по 1-е декабря 1891 года. Москва. 1892. М. М.—31) И. С. Некрасовъ. О задачахъ изученія древне-русской литературы и народн. поэзіи. (Изданіе общества древней письменности). Спб. 1892. С. Т—снаго.—32) Родъ князей Голицыныхъ. Составилъ князь Н. Н. Голицынъ. Томъ первый. Матеріалы родословные. Спб. 1892. Родъ

князей Масальскихъ (XIV—XIX ст.). Н. Е. Бранденбургъ. Спб. 1892. В. Б.—33) Исторія эллинизма. Соч. І. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго дополненаго авторомъ изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклера. Томъ II. Исторія дѣдоховъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1893. А. Н.—34) Слѣпой Домрачей. Историческіе разказы для юношества изъ русской, турецкой и молдаванской жизни. О. И. Роговой, съ рисунками Л. Бакста. Спб. 1892. А. Л. 263, 507, 826

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Послѣдній день Севастополя.—2) Процессъ и смерть маршала Нея.—3) Историческій подсвѣчникъ.—4) Наполеонъ I на Эльбѣ.—5) Послѣдніе Наполеоновскіе ветераны.—6) Австрійскій Камилъ Демулень.—7) Стратегическая важность Египта въ различныхъ историческихъ эпохи.—8) Два юбилея.—9) Студенческіе годы Вильгельма II.—10) Прусская королева Луиза безъ легендарнаго лоска.—11) Эльзасскій вопросъ и Гамбетта.—12) Воспоминанія рабочаго о Карлѣ Маркесъ 272, 538, 849

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ 282, 548, 859
ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Царскій подарокъ. П. Юдина.—2) Эпизодъ изъ жизни И. А. Введенскаго. В. Святловскаго.—3) Записка изъ казуснаго дѣла. В. Л. Банштона 291, 867

СМѢСЬ:

1) Освященіе бюста императора Александра II.—2) Торжественное собраніе славянскаго общества.—3) Пятнадцатилѣтіе Санъ-Стефанскаго договора.—4) Юрьевъ и Двинскій.—5) Могила Гончарова.—6) Авксентій Коневецкій.—7) Двухсотсемидесятилѣтняя годовщина воцаренія дома Романовыхъ.—8) Шестидесятилѣтній юбилей графа Милютина.—9) Археологическое общество.—10) Галерея Екатерины II.—11) Годовщина рожденія Коменскаго.—12) Отчетъ о дѣятельности Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1891 годъ.—13) Тридцатилѣтіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній.—14) Археологическая выставка.—15) Могила Говарда.—16) Открытіе новыхъ фресокъ въ Киевскомъ соборѣ.—17) Реставрація Новгородскаго собора.—18) Юбилей П. И. Вейнберга.—19) Первое десятилѣтіе дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства съ 22-го сентября 1882 по 22-е сентября 1892 г.—20) Некрологи: С. П. Сушковъ; В. О. Поплавскій; В. В. Звѣринскій; И. П. Можайскій; А. А. Родзянко; И. А. Вашковъ; Г. Г. Вульфійусъ; А. Я. Головачева 295, 556, 872

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Кто такой профессоръ Ивангофъ. Д-ра А. Я. Добротворскаго.—2) Могила Маріи Потоцкой въ Саратовѣ. А. Чулакова.—3) Письмо въ редакцію. Евгений Бернгутъ.—4) Е. Е. Скайлеръ. М. Веневитинова.—5) Солдатъ Нагиба. Павла Абрамова.—6) Домъ Лобкова. Петра Бахчеванова.—7) Письмо въ редакцію. Н. П. Тимоеева.—8) По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченка. Д. Вилинскаго. 302, 563, 881

Періодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году. Л. Н. Павленкова. 569, 883

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты великой княгини Анны Павловны, І. І. Ясинскаго и С. П. Жихарева. — 2) Дочь народа. (La tribuna). Историческая новелла Эмилиі Пардо-Базанъ. Переводъ съ испанскаго Е. І. Уманецъ. XXV—XXXV. (Окончаніе). — 3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

СТЕПАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЖИХАРЕВЪ.

Съ весьма рѣдкаго портрета, рисованнаго съ натуры П. А. Каратыгинымъ.
(Изъ собранія П. Я. Дашкова).

дозв. ценз. спв., 26 мая 1893 г.

ПОДЪ НЕОТРАЗИМОЙ ДЕСНИЦЕЙ ¹⁾.

Il y a dans le coeur humain des abîmes impossibles à sonder... En présence de ces abîmes, l'histoire s'arrête effrayée: Dieu seul peut les juger avec équité...

(Mém. du prince P. Dolgorouky, 39).

XIII.

НАРИЦА Евдокія Θεодоровна въ послѣдніе мѣсяцы совсѣмъ ожила и духомъ воспрянула... На глазахъ у всѣхъ въ ея судьбѣ совершился такой рѣзкій и явный поворотъ къ иному, лучшему, что всѣ начали вѣрить въ близость перемѣны, которая должна была произойти въ ея одинокой и печальной иноческой жизни. Бывало, о царицѣ и слуху нѣтъ, — умерла-ли, нѣтъ-ли — въ обители. Только и выхода ей было что въ церковь надъ воротами, съ которою ея келья соединена была переходами; и въ ту церковь-то какъ придеть, станеть за темными сукнами и стоять никому невидима... А тутъ вдругъ откуда что взялось? По первопутку и обозы съ запасами въ обитель къ царицѣ-инокинѣ пришли; а потомъ и служня ей была прислана — шесть человѣкъ вершниковъ выѣздныхъ, молодецъ къ молодцу, и карло дворцовый, старый ея слуга, для посылокъ. Немного спустя и карета для царицыныхъ выѣздовъ въ мо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 305.

«истор. вѣстн.», июнь, 1893 г., т. LII.

настырь прислана, и дюжихъ доморощенныхъ коней шестерикъ въ богатой сбруѣ. А тутъ ужъ вдругъ протопопъ Симеонъ, что служилъ въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, получилъ отъ духовныхъ властей, черезъ Досиѳея, приказъ поминать инокиню Евдокію на ектинѣ «благовѣрною царицею», а въ концѣ службы по праздничнымъ днямъ служить непремѣнно молебны о здравіи царевича Алексѣя Петровича и читать за этими молебнами особья молитвы о томъ, чтобы преподобный Алексій, человекъ Божій, испросилъ ему у Господа и у Пресвятой Богородицы два дара—благочестіе и мужество.

— За царицу молишься-ли? за царевича молитвы читаешь ли?—спрашивалъ отца Симеона архимандритъ Досиѳей, встрѣчаясь съ нимъ въ стѣнахъ Покровской обители, на пути къ царицыной кельѣ.

— Поминаю царицу и молюсь за царевича, какъ мнѣ указано,—покорно и опасливо отвѣчалъ отецъ Симеонъ, человекъ смиренный и запуганный.

— То-то же, смотри!.. Аще-ли вѣренъ господину рабъ будеши, многимъ отъ господина взысканъ будеши... Такъ-то!

И при этомъ Досиѳей многозначительно прикладывалъ палецъ къ губамъ, побуждая отца Симеона къ молчанію.

— Ну, видно, что приходится намъ велихъ премѣненій и происшествіевъ ждать,—думалъ про себя отецъ Симеонъ, поглядывая вслѣдъ суетливому и плутоватому архимандриту...

Премѣненія и происшествія не заставили себя долго ждать... Насталъ и такой день, когда царица-инокиня вдругъ приказала запрягать свою карету, сѣла въ нее со своей келейницей Капитолиной и съ карлицей Агаѳеѣй. Трое вершниковъ на коняхъ сидѣли, трое служителей на запяткахъ стояли, карло придворный всѣмъ распоряжался... свистнулъ вершникамъ, тѣ съ мѣста коней тронули, и карета покатила въ широко раскрытыя ворота на глазахъ у всѣхъ инокинь Покровской обители и самой матери игуменьи Марѣы.

— Господи! Да что же это будетъ?—всплеснувъ руками, заговорила мать-игуменья.—Да куда же это она уѣхала и еще Каптелиницу съ собой увезла?!

— Матушка-игуменья! Да вѣдь отецъ архимандритъ тебя еще вчера упреждалъ, что государыня въ походъ въ обитель Воздвиженскую собирается вечернія службы слушать, — рѣшилась напомнить мать-казначая.

— Такъ что же, что упреждалъ! — накинулась на казначую мать-игуменья.—Чай, у нея языкъ не отнялся: могла бы у меня благословенья попросить! А то сѣла, да и поѣхала! Ахъ, Господи, Боже ты мой! Что за времена приспѣли? Ума не приложу! Эй, Сурминъ, а Сурминъ!

Аеанасій Сурминъ, дряхлый старикъ, монастырскій управитель, подошелъ къ разгнѣванной матери-игуменьѣ, кряхтя и прихрамывая.

— Какъ ты смѣлъ безъ моего приказа ворота отворить!—крикнула мать-игуменья, оборачиваясь къ старику и тыча въ землю клюкою.

— Да я и не приказывалъ, матушка! — отозвался управитель сильнымъ и дребезжающимъ голосомъ. — Твой же воротный сторожъ Сенька Телятевъ и отворилъ! А по чьему приказу, того не вѣдаю!

— Что ты мелешь? Всѣхъ распустилъ здѣсь, ни на кого управы не найдешь! Вотъ погоди ужѸ, я на тебѣ за всѣхъ взыскивать стану!..

Накричала на бѣднаго ни въ чемъ неповиннаго старика и, отвернувшись отъ него, опять набросилась на мать-казначейо:

— Смотри, стереги, какъ только вернутся онѣ изъ похода, сейчасъ мнѣ доложи; да Каптелиницу ко мнѣ немедленно пришли: я ей задамъ баню, будетъ меня помнить!

И поспѣшила, гнѣвная и грозная, въ свою келью. А монахини и бѣлицы такъ и покатались со смѣху, чуть только край игуменьиной мантіи скрылся за дверью кельи...

— Тоже разопѣлась! Ха, ха, ха!.. Быдто и точно можетъ баню задать... Какъ же?—пересмѣивались между собою отшельницы.— Каптелина-то на тебя и смотрѣть не захочетъ!

— Гремить громъ не изъ тучи!—отзывались насмѣшливо другія.— Каптелина-то вотъ у всѣхъ на глазахъ себѣ мила дружка завела изъ царицыныхъ вершниковъ, а она ей баню задать собирается!.. Ха, ха! Какъ бы самой отъ царицы не попало!..

И веселый смѣхъ и говоръ, и шумные толки, и рѣзкіе пересуды долго еще не смолкали въ кругу бѣлицъ и инокинь, не спѣшившихъ расходиться по своимъ кельямъ.

Да, царица Евдокія воспрянула духомъ и ожила и неузнаваемо перемѣнилась за послѣдніе мѣсяцы... Она какъ будто разомъ очнулась отъ долгаго тягостнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ пребывала нѣсколько лѣтъ сряду... Явились надежды на лучшее будущее, явились смутныя упованія на близость какой-то крутой, быстрой перемѣны, какого-то перехода отъ этой невыносимо-однообразной и тягостной дѣйствительности къ чему-то иному неожиданному и нежданному. Отецъ архимандритъ старательно поддерживалъ эти упованія разсказами о новыхъ видѣніяхъ, о новыхъ «откровеніяхъ» и «гласахъ», бывшихъ ему «свыше»... И царица-инокиня почти каждый день воочию убѣждалась въ справедливости его предсказаній: сегодня она съ изумленіемъ услышала о томъ, что ея имя стали поминать на эктеньяхъ рядомъ съ именемъ грознаго царя-

супруга, на завтра ей пришлось присутствовать на молебнѣ за здравіе ея сына царевича, ея «безцѣннаго Алѣшеньки»...

А изъ Москвы вѣсти идутъ все благопріятныя, все ободряющія, все болѣе и болѣе обнадеживающія; съ вѣстями вмѣстѣ идутъ и запасы въ изобилии, и обновы, и наряды не иноческіе, а мірскіе. Наконецъ, вмѣстѣ съ каретой и особой служней, получается и наказъ отъ брата Абрама—выѣзжать изъ обители и по сосѣднимъ обителямъ ѣздить, и въ селахъ останавливаться, и отъ народа дары и приношенія принимать.

И вотъ, послѣ восьмилѣтняго сидѣнья въ обители, царица-инокиня впервые выглянула на Божій свѣтъ, словно птичка изъ клѣтки вылетѣла, словно полонянка изъ тяжелой неволи...

Вскружилась голова у Евдокии Феодоровны! Взоры ея, вновь разгорѣвшіеся прежнимъ огнемъ оживленія, уже не замѣчали того, что окружало ее въ обители: они устремлялись далѣе этихъ тѣсныхъ, старыхъ, полуразвалившихся стѣнъ, туда, гдѣ обманчивыя грѣзы воображенія сулили ей все иное, свѣтлое, радостное, утѣшающее душу, способное заставить ее забыть объ этихъ грустныхъ, ужасныхъ годахъ заточенія въ обители. Воображеніе ея разыгрывалось на столько сильно, на столько овладѣвало всѣмъ ея сознаниемъ, что не рѣдко и всѣ окружающія ее явленія видоизмѣнялись по мановенію этого волшебнаго жезла...

Она слушала благовѣсть стараго, надтреснутаго, дребезжащаго монастырскаго колокола, и изъ-за этого звона ей слышался стройный, торжественный, оглушающій трезвонъ всѣхъ сороковъ Бѣлокаменной, радостно встрѣчающій царицу, возвратившуюся изъ заточенія и ссылки, мать—возвращенную юношѣ-царевичу... Она слушала въ церкви пискливое и безцвѣтное пѣніе инокинь покровскихъ, отвѣчавшее едва внятнымъ возглашеніямъ отца Симеона, а ей за этими звуками чудился хоръ дворцоваго Благовѣщенскаго собора, и гудѣлъ могучій басъ дворцоваго протодіакона... Она, проѣздомъ черезъ село, во время своихъ «походовъ» по окрестнымъ обителямъ, приостанавливалась, чтобы принять сильный даръ крестьянъ—медь въ лукошкѣ или калачъ крупичатый на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ, и видѣла передъ собою сквозь слюдяныя окна каретки не кучку бабъ и мужиковъ, усердно кланявшихся ей вслѣдъ, а шумную толпу московскихъ горожанъ и посадскихъ, вышедшихъ съ дорогими дарами къ заставѣ навстрѣчу своей «матушкѣ-царицѣ»...

Эти образы, создаваемые ея воображеніемъ, эти постоянныя ожиданія чего-то, уже наступающаго, уже готоваго охватить ее и перенести въ иной міръ, далекій отъ жалкой окружающей дѣйствительности, раздражали Евдокию Феодоровну, возбуждали до чрезвычайности ея энергію, направляли ее къ постояннымъ поискамъ чего-то необычайнаго, чего нибудь способнаго хоть на

мигъ отвлечь ее отъ непреодолимаго стремленія забыть все окружающее, выйти изъ этого заколдованнаго круга... Но это необычайное не находилось, не наступало; а тѣсныя грани противной, опостылѣвшей дѣйствительности сжимали въ своихъ тискахъ Евдокію Θεодоровну и не разъ заставляли ее жалѣть о томъ времени, когда она страдала отъ невзгодъ настоящаго, покончивъ всѣ счеты съ прошлымъ и не томясь ожиданіями грядущаго... Тоска гнетущая, грызущая, ужасная нападала по временамъ на царицу Евдокію, и въ минуты этой страшнѣйшей тоски она готова была на все, лишь бы отъ нея избавиться, лишь бы забыться на мгновение въ какомъ нибудь новомъ впечатлѣніи, которое бы способно было снять съ нея заклятіе этой мертвящей тоски...

И вотъ въ одинъ изъ тѣхъ пасмурныхъ зимнихъ дней, когда туманъ, повисшій надъ окрестной долиной окутывалъ башни обители и простирался непроницаемымъ пологомъ передъ окнами кельи, когда даже нельзя было и выѣхать изъ обители, потому что еще и двухъ дней не минуло съ послѣдняго «похода», когда даже наряды, присланные недавно сестрой Настасьей Θεодоровной Троекуровой, были немилы царицѣ Евдокіи, — дверь ея кельи скрипнула, и смиренная инока Каптелина появилась на порогѣ съ низкимъ поклономъ.

Евдокія Θεодоровна почти не удостоила ея взглядомъ и даже головы не приподняла съ изголовья своей постели.

Каптелина, не переставая кланяться и даже искривляя свой широкій губастый ротъ въ нѣкоторое подобіе улыбки, рѣшилась, однако же, подойти къ самой постели царицы-инокини и проговорила вполголоса:

— Съ новостью, матушка-царица, къ тебѣ, съ вѣстью доброю...

Евдокія Θεодоровна вдругъ поднялась на постели и сѣла, устремивъ жадный вопрошающій взоръ на свою келейницу.

— Говори! Ну же, говори! — сказала она поспѣшно.

— Гость дорогой изъ Москвы Бѣлокаменной пожаловалъ, — ужъ совѣмъ шепотомъ, наклоняясь къ уху царицы, таинственно произнесла келейница.

Евдокія Θεодоровна вскочила на ноги и, схвативъ Каптелину за руку, такъ крѣпко стиснула ее, что та поморщилась отъ боли.

— Гость! Какой гость? Сынъ-царевичъ?! — крикнула царица-инокиня, забывая обо всѣхъ предосторожностяхъ.

— Ой-ой! Что ты, матушка-царица! Отпусти ты руку-то... Да не кричи такъ громко! Услышать наши рѣчи, пожалуй...

— Да скажешь ли ты, проклятая, къ кому гость? Какой гость? Гдѣ онъ? — проговорила Евдокія Θεодоровна, сверкая глазами.

— Да скажу, скажу! Затѣмъ-то и пришла, — скажу, вѣстимо! Успокойся только! — уговаривала и умащивала сладкорѣчивая Каптелина, стараясь усадить взволнованную царицу-инокиню.

И когда та присѣла на лавку у окошка, Каптелина ей доложила:

— Гость московскій къ отцу архимандриту Досиѣю пріѣхалъ... У него въ обители и остановился тайно... А завтра будетъ здѣсь у обѣдни съ нимъ вмѣстѣ... И послѣ обѣдни...

— Да кто таковъ онъ, гость-то? — перебила Евдокія Θεодорова.

— А изъ большихъ бояръ какой-то... По военной службѣ служить и братцу твоему Абраму Θεодоровичу пріятель задушевный, и будто по набору здѣсь присланъ... А по тайнѣ-то сказать—къ тебѣ съ вѣстями важными отъ брата...

— Да отъ кого ты это все узнала?

— Отъ самого отца архимандрита. Прислалъ сказать мнѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ... И вотъ тотъ человѣкъ сказывалъ, что гость-то этотъ красавецъ писанный!...

И Каптелина при этихъ словахъ лукаво глянула со стороны на Евдокію Θεодорову.

— Каптелина... Каптелинушка!—проговорила царица-инокиня, вдругъ смягчаясь.—Ничего я для тебя не пожалѣю... Награжу по силѣ... Узнай ты мнѣ, кто этотъ гость, и какъ его зовутъ?...

— Узнаю, матушка-царица, узнаю... Сейчасъ пошлю узнать... Какъ только время улучу!—затараторила лукаво Каптелина, раскланиваясь и пятясь къ двери.

— Гость?! Пріятель брата... Съ вѣстями важными... И изъ бояръ?... Да еще красавецъ! Кто же бы могъ это быть?... До сихъ поръ простецовъ все братецъ присылалъ, а тутъ ужъ изъ бояръ... Знать и вѣсти важныя съ нимъ присланы...—и воображеніе ея разыгрывалось, рисуя ей яркія картины, сердце билось трепетно въ груди ея, между тѣмъ какъ яркій румянецъ покрывалъ ея щеки...

XIV.

На другой день, вечеромъ, братія Спасо-Евфиміева монастыря очень поздно могла видѣть свѣтъ въ окошечкѣ кельи отца архимандрита Досиѣя.

— Недаромъ поздно сидитъ: чай, съ московскимъ гостемъ новыя каверзы чинить, новыя затѣи затѣваетъ, — говорили иноки, которые вообще не долюбивали строптиваго Досиѣя.

— А чтобы отъ многихъ рѣчей въ горлѣ не пересыхало, то и дѣло за погребнымъ запасомъ служку посылаютъ!—съ досадой добавилъ отецъ казначей.—Э-эхъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе!

И точно иноки не ошибались: въ кельѣ Досиѣя, тщательно оберегаемой отъ постороннихъ ушей и глазъ его вѣрнымъ келаремъ Иллариономъ, велись «рѣчи многія» и «затѣвались затѣи»

немаловажныя... И гость московскій игралъ въ этихъ затѣяхъ весьма видную роль... Этотъ гость былъ не кто иной, какъ полковникъ Степанъ Глѣбовъ, по указанію Абрама Ѳеодоровича направленный къ Досиѳею, какъ къ вѣрному слугѣ и точному исполнителю предначертаній и замысловъ Лопухинской партіи. Гость и хозяинъ сразу полюбились другъ другу, быстро сошлись и подъ вечеръ третьяго дня знакомства, быть можетъ, подъ вліяніемъ обильнаго гостепріимства Досиѳеева, вели между собою уже столь откровенную бесѣду, что ее неудобно было бы слышать скромнымъ инокамъ, которыхъ Досиѳею поставленъ былъ пасти.

— Да, да! Святой отче,—что грѣха таить? Какъ глянула она на меня, вѣдь просто обожгла взглядомъ-то!... И царственное въ немъ этакое есть что-то... повелительное... и такое, что, кажется, противъ нея и подвижнику Божию не устоять,—говорилъ съ особеннымъ одушевленіемъ Глѣбовъ, откидывая небрежно за уши свои густые черные кудри.

— Ужъ будто и не устоять?—насмѣшливо ухмыляясь и хитро прищуривая глазки, проговорилъ Досиѳею.

— Ей-ей, не устоять! Ну, я тебѣ говорю, какъ взглянула на меня, такъ я ей чуть въ ноги не бросился: позабылъ и указъ государевъ о томъ, чтобы въ ноги высокимъ персонамъ не кланяться...

— Видно, въ самомъ-то въ тебѣ бѣсъ силенъ, такъ вотъ и не устоять!—продолжалъ подсмѣиваться Досиѳею, какъ бы желая вызвать гостя на большую и большую откровенность.

— Да нѣтъ же! Отче ты мой,—красота неописуемая! Какъ въ пѣсняхъ поется: брови соболиныя, очи соколиныя, сама бѣлая, какъ лебедушка... А уста вскрыетъ — зубы жемчугомъ блестять... Пропастъ изъ-за нея можно! Нечистому душу продать — вотъ какова!...

— Ужъ ты и воспісуешь тоже, батюшка Степанъ Семенычъ! А по нашей монашеской простотѣ такъ сказать: баба гладкая, сытая—это точно!

— Ахъ ты, Господи! — досадливо перебилъ Досиѳею Глѣбовъ, ударяя кулачищемъ по колѣну.—Слушать даже противно!... Ужъ я твоему пресвященству покаюсь: бабъ я на своемъ вѣку много перевидалъ... Съ тѣхъ поръ, какъ жена болѣетъ (вѣдь шестой годъ пошелъ!), ужъ кто только моихъ рукъ минулъ! И красавицы во-какія бывали—заглядѣнье! Ну, а такой, такой—поклонься готовъ! Вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ—не выдываль!...

— Ну, вижу, что тебя къ царицѣ Евдокии и на поклонъ водить не слѣдовало,—съ напускною озабоченностью и серьезностью проговорилъ Досиѳею.—Вижу, что она тебя совсѣмъ околдовала...

— Такъ что же, что околдовала?—проговорилъ Глѣбовъ, улыбаясь.—Я вѣдь не красная дѣвица, на мнѣ порча не удержится...

Уйду отсюда, дурь-то съ меня и слетить... А тебѣ все же спасибо, отче святой, что ты меня къ ней на поклонъ сводилъ, на ея очи ясныя даль хоть однимъ глазкомъ глянуть! Въ вѣкъ я этихъ очей не забуду!...

— Не забудешь?—сказалъ Досиѳей, внимательно и зорко всматриваясь въ красивое лицо Глѣбова.—Да что ты-то не забудешь—съ полѧ горя! А вотъ если она твоихъ очей не забудетъ, да они ей мерещиться стануть, да смущать мое чадо духовное... Вотъ тогда что? Тогда ты чѣмъ предо мной отвѣтишь?

Глѣбовъ даже смутился отъ того притворно-строгаго взгляда, который Досиѳей на него бросилъ.

— Да что ты?... Да какъ это возможно?... Да я и думать не смѣю!—заговорилъ Глѣбовъ, искоса поглядывая на отца архимандрита и какъ бы извиняясь въ томъ, что онъ высказался передъ нимъ слишкомъ откровенно.

— То-то, думать не смѣю! Да вѣдь это и безъ думанья твоего приключиться можетъ... Самъ знаешь, сердце-то женское, что зелье пороховое: подошелъ съ огнемъ, и вспыхнуло...

— Да ты это что же? Шутки шутить со мной задумалъ, что ли?—проговорилъ съ нѣкоторою сдержанностью Глѣбовъ, нерѣшительно взглянувъ въ очи Досиѳея.

— Не шутки, пріятель дорогой и задушевный, а дѣло говорю... Вѣдь тутъ шутка-то знаешь какая... въ случаѣ чегонибудь? А? Знаешь, чѣмъ пахнетъ?...

Досиѳей при этомъ таинственно и многозначительно поднялъ палецъ вверхъ и вопросительно взглянулъ на Глѣбова.

— Я даже такъ и порѣшилъ, тебя послушавъ,—продолжалъ пресерьезно Досиѳей,—чтобы тебя ужъ больше ей и на глаза не показывать. Неровѣнъ вѣдь часъ-то... А то я было думалъ прежде...

— Что? Что ты думалъ прежде?—воскликнулъ Глѣбовъ, наклоняясь къ своему собесѣднику и пожирая его ярко-вспыхнувшими очами.—Говори, говори скорѣе!

— Да правду-то сказать,—понижая голосъ заговорилъ хитрый монахъ,—правду-то сказать, я думалъ такъ, чтобы тебя къ царичѣ-инокинѣ еще разокъ-другой для тайной бесѣды свестъ... Чтобъ ты ей могъ все съ очей на очи рассказать, что о ея ненаглядномъ дѣтищѣ знаешь...

Глѣбовъ вдругъ вскочилъ со своего мѣста и бросился обнимать Досиѳея.

— Отецъ! Благодарѣтель! Да сдѣлай мнѣ... окажи мнѣ такую милость... По гробъ не забуду... Да ты повѣрь... Да хоть разочекъ дай еще посмотрѣть-то на нее. Не то, что побесѣдовать... Да ничего не пожалѣю... На храмъ—на храмъ! Тебѣ-ли даръ какой—да отъ души... Да...

— Полно, полно! Что ты это? Никакъ ополоумѣлъ?... Или медь

ужь мой розымчивь очень сказывается, — проговорилъ Досиѳей, сильнымъ движеніемъ плечь отбиваясь отъ мощныхъ объятій Глѣбова и оправляя свою мантію.

— Да ты пойми. Да я ничего не пожалѣю! На все готовъ! — продолжалъ твердить Глѣбовъ, все еще волнуясь и не садясь на мѣсто.

— Что ты? Этакое полоумнаго тебя пусти къ ней!... Начудишь того, что мнѣ потомъ за тебя въ отвѣтъ быть придется! И еще вздумалъ корыстью соблазнять...

— Да не корыстью, отецъ святой! — убѣдительно заговорилъ Глѣбовъ, наконецъ усаживаясь. — А даръ на память тебѣ, по дружбѣ... Ты это такъ пойми! Ну, вотъ послушай! Ну, дай ты мнѣ ее хоть разочекъ повидать, вотъ такъ и знай: шубу тебѣ соболю подарю, байберекомъ золотымъ крытую... Вотъ-тѣ Христось!

Досиѳей засмѣялся самодовольнымъ смѣхомъ...

— Вижу, вижу, что солоно тебѣ приходится! Вынь—да положь! Одурманеный ходишь... А какъ потомъ минеть, такъ небось тоже, какъ другіе: что кому не мило, то попу въ кадило! Хе-хе-хе...

— Да побожился же я!—еще и крестъ наперстный съ лалами да съ бирюзой подарю!—горячо убѣждалъ и увѣрялъ Глѣбовъ, то прижимая руки къ груди, то простирая ихъ къ Досиѳею.

— Да ужь полно, полно! Что ты? Вѣдь я это все такъ, къ примѣру... мірскаго-то усердія... А я для друга, да для милостивца моего Абрама Ѳеодоровича—я и не вѣсть что готовъ бы сдѣлать... И вотъ завтра, какъ увидаю государыню въ обѣдню, я къ ней въ келью зайду, да и спрошу ее, дозволить ли, похочеть ли она тебя принять для тайной бесѣды въ кельѣ?... На все вѣдь ея государская воля...

Глѣбовъ такъ и подпрыгнулъ на лавкѣ. Тряхнувъ кудрями и блеснувъ своими большими черными глазами, онъ налилъ себѣ и Досиѳею по стопкѣ меду и, поднявъ стопку надъ головою, провозгласилъ:

— Во здравіе благовѣрной государыни Евдокіи Ѳеодоровны и на погибель ея враговъ!

Хитрый монахъ совершенно вѣрно понялъ и истолковалъ себѣ взглядъ, брошенный на заѣзжаго московскаго гостя царицей-инокиней, — тотъ самый, который «обжегъ» Степана Глѣбова. Онъ вполне ясно сознавалъ, что красавецъ Глѣбовъ, мужчина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, долженъ былъ произвести сильное, потрясающее впечатлѣніе на Евдокію Ѳеодоровну, лѣтъ восемь сряду не выдавшую кругомъ себя никого, кромѣ бѣлицъ да монахинь, да той дряхлой монастырской служни, которая держалась въ стѣнахъ обители. Онъ понималъ прекрасно и самую натуру Евдокіи, сильную, страстную,

горячую, порывистую, доведенную до крайняго напряженія силу долгимъ, вынужденнымъ самоотреченіемъ; онъ не разъ заглядывалъ и въ душу этой несчастной женщины, презрѣнной, покинутой мужемъ въ самомъ расцвѣтѣ красоты и молодости, оскорбленной имъ, готовой броситься въ объятія перваго встрѣчнаго мужчины, лишь бы отмстить своему злодѣю, своему погубителю... Онъ отлично сообразилъ, что тутъ лихà-бѣда начало, а дальше-то ужъ дѣло и само собой поидеть... А дѣло-то выгодное, дѣло общающее и въ настоящемъ, и въ будущемъ: въ настоящемъ кое-какую корысть, потому ужъ Глѣбовъ-то разжегся очень и ни передъ чѣмъ не постоить, ничего не пожалѣть, а человекъ онъ богатый; въ будущемъ—если только царица Евдокія вернется къ прежнему положенію, Досиѳей, посвященный въ тайны царицы, долженъ былъ ея вліяніемъ и заступничествомъ пріобрѣсть видное положеніе, быть можетъ, даже вознестись до высшихъ ступеней духовной іерархіи...

«А дѣло явно къ тому идетъ, что не сегодня—завтра извлекутъ ее изъ забвенія,—думалъ Досиѳей, шагая въ раздумьѣ по своей кельѣ, послѣ того, какъ Глѣбовъ, охмѣлѣвшій отъ крѣпкаго стоялаго монастырскаго меда, заснулъ богатырскимъ сномъ на лежанкѣ.—Надо ей угодить да помирволить, да спутать ее съ этимъ удалцомъ; а тамъ и въ руки забрать и крѣпко держать за крылья, чтобы, ужъ если полетитъ подъ небеса, такъ и меня бы, грѣшнаго, съ собою захватила, и вынесла отсель, и вознесла... Такъ-то!»—И все ускоряя шаги, почти бѣгомъ носясь изъ угла въ уголь кельи, Досиѳей обдумывалъ всѣ подходы и всѣ подступы къ устройству своего «дѣла», соображалъ всѣ случайности и даже заранѣе распредѣлялъ роли тѣхъ лицъ, которыхъ нельзя было миновать, которыхъ нужно было допустить къ участию и подвести на всякій случай подъ извѣстнаго рода отвѣтственность, вознаградивъ ихъ за опасенія извѣстной долей барышей.

«Ну, прежде-то всѣхъ съ Каптелиной надо словечкомъ перекинуться,—раздумывалъ Досиѳей...—Этой не минешь, черезъ нее не переступишь. Ну, да съ этой за то же и сладить не трудно: шустра ужъ очень, все налету ловить... И сама на старости грѣшится, такъ и чужой грѣхъ покрывать станетъ... Ну, а затѣмъ, когда наладится все съ Каптелиной, надо черезъ нее и Меремьяну закупить, а черезъ Меремьянушку и къ матери-игуменѣ подѣлать... Такъ и такъ, молъ, не обезсудь, не побрезгай отъ усердья даръ принять да нашимъ грѣхамъ потерпѣть! А инока Марѳа жадна до денегъ и до всякаго добра»...

И Досиѳей сталъ въ умѣ рассчитывать, поименно перебирая нужныхъ ему лицъ, сколько и кому слѣдовало посулить, и сколько кому дать впередъ, для заманки, и какъ въ извѣстной постепенности распредѣлить дальнѣйшіе взносы посуловъ, чтобы держать всѣхъ въ своихъ рукахъ...

И тонко все это обдумывая и вычисляя, отецъ архимандритъ, конечно, разсчитывалъ, что всѣ эти щедрыя дающья должны будутъ пролиться изъ Глѣбовскаго кармана, то-есть сначала перейти въ его кошну и сундуки, а тамъ ужъ самъ онъ все распредѣлитъ, какъ ему Господь Богъ на душу положить...

«Чего жалѣть его!—продолжалъ соображать и разсчитывать Досиоей:—богатъ, тароватъ и волей слабъ... Ужъ какъ втемяшетъ что себѣ, такъ тутъ и море по колѣна, и пошелъ напрямикъ, что мѣдвѣдъ на рогатину! Вотъ хоть бы мнѣ, еще ничего-то не выдавши, а ужъ шубу соболью пообѣщаль, байберекомъ крытую, и побожился! Ну, а какъ настояще забереть его эта дурь-то, да и съ той-то стороны помѣхи не будетъ, что тогда?!»

Отецъ Досиоей самодовольно ухмыльнулся, погладилъ бороду и остановился среди кельи, прислушиваясь къ богатырскому храпу Глѣбова... Онъ рѣшилъ приняться за устройство «дѣльца» не медля, идти назавтра, послѣ обѣдни въ Покровскую обитель и, переговоривъ предварительно съ кѣмъ слѣдуетъ, просить у матушки царицы разрѣшенія на «тайную бесѣду» съ Глѣбовымъ въ ея кельѣ.

XV.

Царица-инокиня съ утра была въ сильномъ волненіи и тревогѣ. Еще между ранней и поздней обѣдней, архимандритъ Досиоей извѣстилъ Евдокію Θεодоровну, черезъ духовника ея Θεодора Пустыннаго, что въ тотъ день, послѣ вечеренъ, онъ тайно проведетъ къ ней для «бесѣды о самоважнѣйшихъ дѣлахъ» полковника Глѣбова, который будто бы имѣетъ отъ ея брата Абрама Θεодоровича такія свѣдѣнія, которыя можетъ сообщить царицѣ не иначе, какъ съ очей на очи.

Отказаться отъ свиданья съ Глѣбовымъ и рѣзко заявить о своемъ нежеланіи съ нимъ видѣться наединѣ было, конечно, первою мыслію, первымъ побужденіемъ Евдокіи Θεодоровны. Она очень хорошо понимала, что «тайно» кого-бы-то-ни-было провести въ обитель, послѣ того какъ ворота ея затворятся, было совершенно невозможно, не подкупивъ сторожа и управителя и не обезпечивъ себѣ заранѣе молчаливаго не то согласія, не то дозволенія со стороны матери-игуменни. А при такихъ условіяхъ «тайна посѣщенія» сдѣлалась бы достояніемъ, по крайней мѣрѣ, пяти или шести человѣкъ, не считая даже царицыной келейницы Калтелины и всей царицыной служни... Играть такую «тайной» было болѣе чѣмъ опасно, и царица-инокиня это сознавала. Вотъ почему она и хотѣла въ первую минуту, только что выслушавъ отъ своего духовника передаваемое имъ порученіе Досиоея, сказать духовнику, что она ему довѣряетъ всѣ переговоры съ Глѣбовымъ и его просить передать

ей все, что онъ узнаетъ отъ прїѣзжаго москвича. Но затѣмъ ей вдругъ показалось это неприличнымъ и даже опаснымъ.

— А что если у него и точно есть въ запасѣ такія свѣдѣнія, которыя мнѣ одной должно знать... А ихъ узнаетъ и духовникъ мой, и другіе черезъ него?.. Пусть ужъ лучше всѣ сестры знаютъ въ обители о томъ, что Глѣбовъ однажды у меня побывалъ, да не будутъ знать, за какимъ дѣломъ, нежели тайна, быть можетъ, государственная, станетъ извѣстна на сторонѣ...

Но къ этому довольно разумному соображенію примѣшивалось еще и другое, чисто женское чувство любопытства. Хотѣлось не только узнать тайну, но даже именно узнать ее изъ устъ этого красавца съ черными кудрями и съ пламенными черными глазами... Хотѣлось отъ него именно услышать, что онъ скажетъ и даже какъ станетъ говорить?.. Даже какъ станетъ относиться къ ней—царицѣ-инокинѣ?

И она, послѣ нѣкотораго молчаливаго раздумья, дала духовнику свое согласіе на свиданіе съ Глѣбовымъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ отецъ архимандритъ при немъ присутствовалъ.

Дала согласіе и сама своей смѣлости испугалась, хоть за послѣднее время и во многомъ «дерзала», во многомъ нарушала строгія положенія иноческаго устава обители...

Испугалась до такой степени, что чуть было не бросилась вслѣдъ за уходившимъ духовникомъ, чуть было не послала за нимъ Каптелину и цѣлый день была сама не своя, и ни за что взяться не могла, ни о чемъ ни говорить, ни думать не хотѣла, кромѣ предстоящаго ей свиданія и того, что долженъ былъ ей сообщить этотъ красавецъ-полковникъ...

— Келью-то прибрать не прикажешь ли, государыня?—вкрадчиво спрашивала ее лукавая Каптелина.

— Келью? Зачѣмъ?.. Да развѣ ее не прибирали сегодня утромъ?—отзывалась Евдокія Феодоровна, не вникая въ настоящій смыслъ вопроса своей келейницы.

— Какъ не прибирали, матушка?.. Прибирали... А только, я думала, можно бы убрусы къ иконамъ другіе, новыя, повѣсить, да вотъ полавочки перемѣнить бы другіе, съ бахромой... Потому какъ отецъ архимандритъ посулилъ придти... и этого...

— Такъ развѣ же отецъ архимандритъ первый разъ ко мнѣ въ келью приходитъ, и развѣ праздникъ сегодня какой, что мы шатерный нарядъ да убрусы мѣнять станемъ...

— Какъ твоей милости угодно,—соглашалась Каптелина и прибавляла:—а я такъ думала, что если, можетъ быть, съ архимандритомъ и гость его пожалуетъ...

— Ну, все равно!.. Хотъ бы и гость его пожаловалъ, а все же вичего не нужно ни убирать, ни мѣнять,—нетерпѣливо перебивала

Каптелину царица-инокиня. И только та уходила и исчезала за дверью, Евдокія Θεодоровна вдруг спохватывалась и уже находила предложеніе келейницы исполнѣ умѣстнымъ и разумнымъ, и звала ее, и возвращала въ келью и приказывала все прибрать и украсить, какъ передъ праздникомъ, и къ полавочникамъ еще добавляла какихъ-то два ковра, недавно присланные ей изъ Москвы въ подарокъ.

— Да ужъ если ты, великая государыня, дозволишь рабѣ твоей сказать... замолвить словечко, — опять издалекѣ заводитъ рѣчь Каптелина.

— Ну, ну, что такое? Говори скорѣе!

— Да мнѣ, рабѣ твоей, сдается, что и тебѣ сегодня не инокой скромной быть слѣдуетъ, по наряду-то, а государыней царицей... Чтобы гость тотъ и въ Москвѣ могъ государю-царевичу сказать...

— Что ты? Что ты? Какъ можно? При чужанинѣ, при заѣзжемъ въ мірское платье облекаться здѣсь. Да нѣтъ же! Это и подумать нельзя...

— Какъ твоей государской милости угодно, — опять съ подобострастіемъ отзывается Каптелина, — а только надо такъ сказать: жалости достойно на красоту твою смотрѣть въ ряскѣ-то этой, да...

— И не говори, не говори! Не сниму ни за что, не сниму! И не надѣну мірскаго платья, не надѣну! — горячилась Евдокія Θεодоровна, стараясь отогнать отъ себя всякіе помыслы о красотѣ своей, всякое желаніе нравиться кому бы то ни было...

И уходила въ свою опочивальню съ твердымъ намѣреніемъ не мѣнять одежды... Но взглядъ, украдкой брошенный въ зеркало, приводилъ ее въ ужасъ: она казалась сама себѣ постарѣвшею, измѣнившеюся, утратившею весь блескъ своей прежней красоты, и женское самолюбіе вдругъ пробуждалось въ ней, вдругъ заставляло ее подумать о своей внѣшности; и она съ лихорадочною поспѣшностью начинала рыться въ своихъ сундукахъ и выкладывала изъ нихъ цвѣтныя контуши, мѣховыя ожерелья, бархатныя шапочки съ собольей опушкой, фаты и убрусы съ жемчугами и золотой бахромой. И поспѣшно примѣряла лучшіе свои наряды и смотрѣлась въ зеркало, и опять принималась рыться и отыскивать въ своемъ небогатомъ запасѣ платья, одежды и уборовъ то, что могло ей быть болѣе къ лицу, что могло выгоднѣе выставить на видъ ея еще не поблекшую, еще поразительную красоту...

Когда отошла вечерня, и Евдокія Θεодоровна вернулась въ свою келью, ея вдругъ овладѣло такое волненіе, такое тягостное, тревожное чувство ожиданія, какое овладѣваетъ человѣкомъ только передъ большимъ счастіемъ или большою бѣдою. Она нигдѣ мѣста себѣ найти не могла, не могла успокоиться никакимъ уклоненіемъ

мысли въ сторону отъ главнаго преобладающаго стремленія, охватившаго все ея существо... Она садилась подъ окномъ и глядѣла безъ всякой мысли въ непривѣтную тьму глухой осенней ночи, уже наступавшей, уже окутывавшей своею мглою стѣны и башни Покровской обители... Потомъ вдругъ поднималась съ мѣста и начинала быстро, тревожно ходить взадъ и впередъ, изъ угла въ уголокъ кельи. И вдругъ приостанавливалась среди кельи, жадно прислушиваясь къ каждому шороху... Но что это? Калитка въ монастырскихъ воротахъ стукнула... По свѣгу слышенъ скрипъ шаговъ... Встѣ кто-то, и не одинъ, тяжелой стопою поднимается по маленькой боковой лѣсенкѣ... осторожные шаги уже слышны и въ сѣняхъ, ведущихъ къ кельѣ... Евдокія Θεодоровна не выдержала: крѣпко прижавъ къ груди трепетныя руки, она бросилась въ опочивальню и притворила за собою дверь.

— Сюда, сюда пожалуйте, отецъ архимандритъ,— суетилась между тѣмъ инока Каптелина, широко открывая дверь въ сѣни:— сюда благоволите и гостя дорогаго московскаго ввести... Тутъ и свѣтло, и тепло у насъ... А я сейчасъ и государынѣ о васъ доложу!

И введя гостей въ келью, Каптелина мигомъ шмыгнула въ опочивальню царицы-инокини.

— Убралась! Принарядилась, чай, для московскаго-то гостя!— шепнулъ Досиѳей Глѣбову, спѣшно и какъ бы мимоходомъ крестясь на иконы.—А ты это на усъ мотай, господинъ полковникъ.

Глѣбовъ улыбнулся многозначительно и бросилъ бѣглый взглядъ на келью, но не успѣлъ ничего разсмотрѣть, потому что дверь въ опочивальню отворилась, и на порогѣ ея показалась царица-инокиня, поддерживаемая подъ руку Каптелиною. Царица двигалась медленно на встрѣчу гостямъ, опираясь на руку Каптелины и привѣтливо кивая головой въ отвѣтъ на почтительные и низкіе поклоны Досиѳея и Глѣбова. Она была облечена въ темную рясу, которая широкими и строгими складками своими скрывала полноту тѣла Евдокіи и придавала ей нѣкоторую стройность и величавость; ея лицо, необычно блѣдное, было до половины прикрыто легкою дымкою иноческаго покрывала, изъ-подъ которой еще ярче еще заманчивѣе блистали ея чудныя очи. На сколько Глѣбовъ могъ разсмотрѣть царицу-инокиню при слабомъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ въ шандалѣ, на столѣ, царица показалась ему поразительно прекрасною... Когда она, подойдя подъ благословеніе Досиѳея, опустилась на скамью у стѣны, указывая гостямъ на мѣста у окна, Глѣбовъ такъ и впился глазами въ Евдокію и оторваться не могъ отъ ея лица. Она почувствовала на себѣ его взглядъ и смутилась до того, что не могла произнести ни слова. Досиѳей выручилъ ее изъ неловкаго молчанія и сразу выяснилъ настоящее положеніе дѣла.

— Вотъ, государыня,—сказалъ онъ, указывая на Глѣбова, который все еще не садился и стоялъ передъ Евдокіей Ѳеодоровной,— вотъ тотъ пріятель задушевный брата твоего, который сюда изъ Москвы присланъ для тайной бесѣды съ тобою, и ни мнѣ, ни духовнику твоему не хотѣлъ открыть того, что тебѣ долженъ оповѣстить съ очей на очи... Я просилъ твоего разрѣшенія... Ты разрѣшить изволила... Вотъ я его и привелъ, и удаляюсь...

— Куда же ты, отецъ архимандритъ?—почти съ испугомъ проговорила царица.—Останься здѣсь, мы можемъ и при тебѣ бесѣдовать...

— Нѣтъ, нѣтъ, всемилостивѣйшая!.. Какъ можно,—нѣтъ! Вы тутъ побесѣдуйте, а я у Каптелинушки посижу...

И, прежде чѣмъ царица успѣла еще добавить слово, Досиѳеѣй, всегда быстрый и юркій въ движеніяхъ, уже вскочилъ со своего мѣста, въ два шага очутился у порога кельи и скрылся за дверью сѣней.

Царица осталась съ глаза на глазъ съ Глѣбовымъ, который попрежнему стоялъ передъ нею, какъ свѣча передъ иконою, и не сводилъ съ нея своего пламеннаго алчущаго взгляда. Евдокія Ѳеодоровна, совершенно растерявшаяся, могла только произнести, не поднимая на него очей:

— Садись, господинъ Глѣбовъ... сказывай, съ чѣмъ присланъ отъ брата Абрама Ѳеодоровича...

Глѣбовъ, къ крайнему удивленію и смущенію Евдокіи, вдругъ опустился почти рядомъ съ нею на скамью и заговорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Прости, государыня, вѣрнаго раба твоего! Братецъ твой Абрамъ Ѳеодоровичъ мнѣ точно другъ и пріятель задушевный, но порученія и тайнаго сказа къ тебѣ мнѣ не давалъ... Зналъ онъ, что я буду здѣсь, по службѣ, и велѣлъ мнѣ разузнать доподлинно, какъ ты здѣсь живешь и о нуждахъ твоихъ... да я не утерпѣлъ... я самъ дерзнулъ... самъ осмѣлился просить отца архимандрита, чтобы доложилъ тебѣ... и чтобы просилъ тебя... такую милость мнѣ оказать...

Глѣбовъ окончательно растерялся и сталъ втупикъ, не зная, что ему дальше слѣдуетъ говорить, и, видимо, подыскивая слова... Но Евдокія Ѳеодоровна, уже поддавшаяся обаянію этой неожиданной близости къ красавцу Глѣбову, уже догадавшаяся чуткимъ женскимъ сердцемъ, что побудило его «дерзнуть», сжалилась надъ его смущеніемъ и помогла ему оправиться.

— Спасибо за усердіе,—сказала она мягко, достойная Глѣбова кроткимъ и ласковымъ взглядомъ.—Всѣми покинутая, всѣми забытая, глубоко цѣню...

Она не договорила, перешла къ разпросамъ о сынѣ, о братѣ, обо всей роднѣ.

Глѣбовъ отвѣчалъ коротко, недостаточно опредѣленно, видимо, опасаясь вдаваться въ подробности, опасаясь потерять минуту драгоцѣннаго времени, какъ бы спѣша перейти въ бесѣдѣ къ чему-то иному, лично его касавшемуся...

— Разсказываю я тебѣ, великая государыня, такое, что тебѣ вѣдомо,—вдругъ заговорилъ рѣшительно Глѣбовъ:—а того, что на сердцѣ-то у меня, того не договариваю. А сказать-то я тебѣ вотъ что порывался: что всѣ мы за тебя голову сложить готовы, что всѣ мы тебя законною государыней считаемъ и на престолѣ желаемъ видѣть во славу и чести царской, а не въ расѣ иноческой, что я первый въ огонь и въ воду готовъ...

И глаза его горѣли ярко и впивались въ очи Евдокіи, словно стрѣлы отравленныя, и все лицо было такъ оживлено, такъ проникнуто жаромъ его рѣчей, а отъ всей его свѣжей, красивой фигуры вѣяло такой мощью, такой порывистой рѣшимостью, что Евдокіи, радостно внимавшей его словамъ, вдругъ стало страшно... Она слегка отодвинулась отъ Глѣбова на лавкѣ, потомъ приподнялась со своего мѣста и, потушивъ очи, произнесла чуть слышно:

— Не смѣю, не должна я твои рѣчи слушать...

— Нѣтъ, выслушай! Выслушай, государыня, — воскликнулъ Глѣбовъ, совершенно увлеченный охватившимъ его порывомъ, тоже поднимаясь со своего мѣста и подступая къ царицѣ-инокинѣ.

— Не смѣю... Не могу!—прошептала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, отступая еще на шагъ къ дверямъ опочивальни.

— Выслушай, ради Бога!—повторилъ Глѣбовъ, хватая Евдокію за руку и крѣпко сжимая ее въ своей горячей рукѣ.

Но легкій, осторожный кашель, раздавшійся за дверью, заставилъ его очнуться, выпустить руку Евдокіи и отступить отъ нея на почтительное разстояніе: Досиѳей стоялъ на порогѣ двери.

— Прости, государыня,—сказалъ онъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:—вынужденъ прервать твою бесѣду... Есть еще дѣла у себя въ обители сеночь. А вотъ, можетъ, ты дозволишь гостю къ тебѣ еще разокъ зайти передъ отъѣздомъ?..

И лукавый инокъ вперилъ свой острый, пронизательный взглядъ въ лицо Евдокіи, которая съ трудомъ могла скрыть свое волненіе.

На вопросъ Досиѳея, поставленный въ упоръ, она хотѣла отвѣтить рѣшительнымъ, даже рѣзкимъ отказомъ, отозваться нездоровьемъ, сослаться на строгость обительскихъ порядковъ... Но ея смущенный взглядъ встрѣтился случайно съ пламеннымъ и умоляющимъ взглядомъ Глѣбова, и она сказала ему:

— Заходи... по времени... какъ соберешься въ отъѣздъ...

И она поспѣшно удалилась въ опочивальню.

— Ну, это значитъ—наша взяла!—шепнулъ Досиѳей торжествующему Глѣбову.

XVI.

Недѣлю спустя, рано утромъ, задолго до звона къ заутрени, когда еще зимняя тьма чуть-чуть начинала рѣдѣть надъ дворомъ Покровской обители, заваленнымъ сугробами снѣга, высокая темная фигура, окутанная въ медвѣжью шубу съ поднятымъ надъ головой воротникомъ, осторожно спустилась по боковому крытому крылечку, которое вело къ надворотной церкви и къ бруснянымъ кельямъ царицы Евдокіи. Темная фигура спустилась съ лѣстницы, оглянулась во всѣ стороны, прикуталась плотнѣе въ шубу и вскорѣ скрылась подъ сводами воротъ обители. Черезъ минуту задвижка брякнула, калитка скрипнула и захлопнулась, и топотъ коня раздался на дорогѣ, пролегавшей вдоль монастырской стѣны. Мало-помалу стихая, онъ замеръ въ отдаленіи... Тогда изъ-за угла крылечка выглянули осторожно двѣ головы: женская въ черномъ иноческомъ шлычкѣ и мужская въ мѣховомъ треухѣ.

— Что, матушка, изволила видѣть?—обратился старичекъ въ треухѣ къ старицѣ Маремьянѣ.

— Ужъ какъ же не видѣть... Видѣла! Видѣла, голубчикъ, Аѳанасій Ивановичъ! А кабы не видѣла—не повѣрила бы брату родному!—затараторила старица Маремьяна.

— Вотъ то-то не повѣрила бы! А развѣ не слыхивала: «блаженни не видящіе, но вѣрующіе!» Что-жъ я слѣпой, что ли? Третью ночь къ ней ходить... Вотъ!

— Да чего же ты-то смотришь, Аѳанасій Ивановичъ! Вѣдь управитель ты въ обители, аль нѣтъ? Кто же ему калитку-то открываетъ?

— А кто же, какъ не Мишка Родіоновъ? Вѣдь одна шайка... Всѣхъ ихъ закупилъ! Мошна-то вишь, говорятъ, очень толста!—размахивая руками, оправдывался старикъ управитель.

— Да ты хоть пристыжалъ-ли его? Хотъ выговаривалъ-ли? — продолжала настаивать старица Маремьяна.

— Какъ же не пристыжалъ, какъ не выговаривалъ? Вѣстимо!.. Свою службу знаю и въ отвѣтъ держу... Да съ нимъ что подѣлаешь? Глазищи во-какіе безстыжіе на меня уставилъ, избоченясь и говорить-то сталъ: «что де ты мнѣ за указъ? Мнѣ де съ повыше тебя указъ-то данъ держать калитку не на запорѣ, а коли ты сунешься на меня съ жалобою, такъ и самъ головы на плечахъ не сносишь». Вотъ тѣ и сказъ весь!.. Повернулся, да на глазахъ у меня къ Каптелиницѣ въ келью и пошелъ ночевать.

— Ахъ онъ, скрозьземельный! Прѣпасти на его нѣту! Ну, покой же, Аѳанасій Ивановичъ, коли у тебя на плечахъ голова не держится, такъ авось моя покрѣпче твоей окажется... Пойду-ка я къ матери-игуменѣ, попытаюсь ей доложить, да поговорить...

— Скатертью дорога, Маремьянушка! Только смотри, меня не впутай... Тутъ, чай, вѣдь и у самой игуменьи-то пушокъ на рыльцѣ есть...

Но Маремьяна, воспылавшая праведнымъ гнѣвомъ противъ вопіющихъ непорядковъ обители, уже не слыхала этихъ предостереженій старика-управителя и смѣло шагала черезъ дворъ по сугробамъ, прямо къ кельѣ игуменьи Марѳы.

Несмотря на раннюю пору утра, старица Маремьяна очень смѣло постучала подъ окопечкомъ Марѳиной кельи, около котораго спала ея келейница старица Дороея; а постучавшись подъ окномъ, тотчасъ же взялась за скобку двери и ею раза два еще-таки пристукнула, съ какою-то особенною самоувѣренностью и даже нѣкоторымъ задоромъ... «Ништо, молъ, вамъ: я не сплю, такъ можете и вы тоже безъ сна сегодня быть!»

На стукъ выглянула сначала въ оконцо широкая и скуластая фізіономія старицы Дороеи, потомъ послышались шаги босыхъ ногъ по сѣничкамъ, застучалъ за дверью желѣзный крюкъ, и дверь пріотворилась на столько, чтобы высунуться изъ-за нея старицѣ Дороеѣ:

— Кого Богъ несетъ?.. Ни свѣтъ, ни заря—ужъ и полѣзли!—проговорила она недовольнымъ тономъ.

— Ну, ну, посматривай, кого впускаешь, да на кого ворчишь! Довольно спать вамъ, матери, нето обитель, пожалуй, проспите...

Старица Дороея, не смѣя отвѣтить казначеѣ, выразила свое неудовольствіе тѣмъ, что, впустивъ Маремьяну, грохнула съ размаха дверью и очень громко заложила ее на крюкъ. На этотъ стукъ сейчасъ откликнулся изъ-за стѣны голосъ игуменьи Марѳы:

— Чего вы тамъ стучите!.. Бога не боитесь! Всю ночь съ боку на бокъ ворочалась, и подъ утро-то заснуть не дадите...

— Виновата, матушка! Виновата!—крикнула ей очень громко мать-казначей.—Это я провинилась—къ тебѣ по дѣлу пришла.

— По дѣлу-у? Въ этакую рань?—тревожно переспросила мать-игуменья.—Развѣ другого тебѣ времени нѣтъ?

Однако же, слышно было, какъ она поднималась и одѣвалась, и, надѣвъ босовики на ноги, поплелась къ дверямъ въ сѣни.

Маремьяна произнесла обычное духовное привѣтствіе, на которое игуменья отвѣтила изъ-за двери: «аминь», и мать казначей съ обычными поклонами и привѣтствіями переступила порогъ игуменьи.

— Ну, съ чѣмъ пожаловала?—сказала игуменья, опускаясь на лавку и не сажая Маремьяны.

— Съ худомъ, мать-игуменья, съ худомъ: неча грѣха таить,—смирненно произнесла мать казначей.

— За которой еще сестрой запримѣтила? Ты вѣдь за другими примѣчать горазда стала на старости лѣтъ.

Маремьяна поняла намекъ игуменьи и поспѣшила ей отвѣтить обиженнымъ тономъ:

— Я и въ молодыхъ лѣтахъ, матушка, соблюсти себя умѣла, не какъ иныя прочія...

— Ладно, ладно,—поспѣшно перебила ее Марѳа,—докладывай! Не то къ заутрени зазвонятъ...

— Неладное, матушка, у насъ въ обители творится... О-о-охъ, неладное! Не нажать бы намъ съ этимъ бѣды какой?..

— Да, ну же, договаривай, полно обиняками-то идти!—крикнула игуменья гнѣвно, отлично понявъ, о чемъ собирается докладывать ей Маремьяна.

Мать-казначей поспѣшила подробно доложить Марѳѣ все, что она видѣла, сослалась и на Аѳанасья Сурмина, управителя, мимоходомъ и на Мишку Родіонова нажаловалась, и Каптелину ругнула надлежащимъ образомъ...

Мать-игуменья все слушала молча, не поднимая глазъ и перебирая четки; только бровями поведетъ да пожуетъ желтыми морщинистыми губами, что всегда служило у нея знакомъ недовольства и нетерпѣнья.

— Ну, кончила? А? кончила?—спросила она у Маремьяны, когда та смолкла, истощивъ всю свою ябеду.

— Кончила, матушка, кончила! Совѣсть свою очистила, теперь тебѣ, государыня, надо ума приложить...

— Вотъ то-то! Своего-то у тебя, видно, мало, такъ тебѣ хорошо ко мнѣ за умомъ идти? А разсудила-ли ты: чтѣ я тутъ могу подѣлать? Разсудила-ли? Кабы простая инока такое-то завела, такъ я бы ее лозой поучила, въ желѣзахъ бы подержала, въ башню на хлѣбъ да на воду заперла бы... А тутъ что заведешь? Ну-ка! Пошевели мозговиной, посовѣтуй, попытайся!

Мать-игуменья не даромъ задала такую мудреную задачу Маремьянѣ: она давно знала о шапняхъ Глѣбова; подкупленная черезъ Ѳедора Пустыннаго Досиѳеемъ, она даже получила кое-какія посулы и подарки и дала молчаливое согласіе свое на то, что «творилось» въ монастырѣ за послѣднее время. Но она прикидывалась незнающею и недоумѣвающею, она обращалась къ Маремьянѣ за совѣтомъ, чтобы поискунѣ вывѣдать отъ нея, что именно и на сколько ей извѣстно...

— Умомъ не богата я, похвастать не смѣю,—отвѣчала съ униженнымъ поклономъ Маремьяна.—Одно знаю, матушка, что дальшето этого терпѣть нельзя: ты же въ отвѣтъ будешь!..

— Въ отвѣтъ?! Коли я въ отвѣтъ, такъ ты-то гдѣ же будешь? Или думаешь, что отъ отвѣта уйдешь? Я отъ тебя впервой слышу! А чтобы ты знала, что я злымъ дѣламъ ничѣмъ не потаковница и не потворщица, такъ я тебѣ вотъ что скажу: съ нынѣшней же ночи я Аѳонкѣ Сурьмину велю въ сторожкѣ у воротъ спать и

ключи отъ сторожки никому не давать, и не отпирать ни на какой зовъ и стукъ. А старицу Каптелиницу да Мишку Родіонова я съумѣю обуздать: скажи имъ, чтобы пришли ко мнѣ въ келью послѣ обѣдни...

Едва только мать-игуменья успѣла договорить эту рѣчь, какъ раздался первый ударъ колокола, благовѣстившаго къ заутрени... Мать-игуменья набожно перекрестилась на иконы и, кликнувъ Дороею, приказала подать себѣ шубу, видимо спѣша уйти изъ-подъ наблюдательнаго ока старицы Маремьяны.

Шагая по сугробамъ къ трехглавому собору обители, мать-игуменья такъ размышляла:

— Въ угоду Маремьяницѣ строгость покажу, а Каптелинѣ намекъ дамъ, чтобы его попридержала, пугнула бы незваными смотрѣльщиками. Пуцай денекъ другой-третій повременить и не приходите; а тамъ, какъ Аеонькѣ-то Сурьмину понадоѣстъ въ сторожкѣ спать, да захочется онять въ свой уголъ на печь, такъ онъ и самъ радешенекъ будетъ ключи-то передать Мишкѣ Родіонову... На все рукой махнетъ! Авось либо тогда и Маремьяница въ усердіи своемъ поуймется...

И мать-игуменья въ этихъ размышленіяхъ стала подниматься на крыльцо собора, набожно крестясь и шепча устами:

— Грѣхи! о-о-охъ грѣхи тяжкіе!

Послѣ вечерни ворота монастырскія заперлись наглухо, а часа два спустя захлопнулась и калитка...

Самъ старикъ-управитель, Аеанасій Ивановичъ Сурьминъ, своею ручкою задвинулъ засовъ калитки и на толстыхъ пробояхъ ея повѣсилъ винтовальный замокъ, и ключъ отъ замка сунулъ себѣ за пазуху. Сверхъ того, заботливый управитель приказалъ родному племяннику своему Петру Сопѣлѣ до полуночи колотить въ деревянную доску, около монастырскаго амбара, въ двѣ палки дробнымъ перебоемъ, чтобы слышно было къ матери-игуменѣ и въ келью и «гдѣ индѣ»... А послѣ полуночи Петру Сопѣлѣ дозволено было лечь спать подъ воротами, на длинномъ ларѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ приказано, если чуть что-нибудь грѣшнымъ дѣломъ за воротами слышится, сейчасъ дать знать дядѣ въ сторожку.

Долго ворочался на жесткомъ соломенникѣ старый Аеанасій Сурьминъ, долго онъ примачивался на новомъ мѣстѣ, непривычнымъ и не обмятомъ, долго думалъ всякія скорбныя думы, перебирая въ умѣ невзгоды и опасности, которыя могли ему угрожать при различныхъ случайностяхъ, долго вздыхалъ и охалъ, прислушиваясь къ дробному перебою своего племянника Сопѣли и наконецъ таки заснулъ... И привидѣлось ему, что сходитъ онъ узкимъ темнымъ проходомъ въ какое-то подземелье, и ведутъ его туда солдаты, поталкивая то въ бока, то въ потылицу.

— Да за что, родименькіе, за что это вы меня въ тюрьму подземельную ведете?—вопить-молить Аѳанасій Сурьминъ и слышать въ отвѣтъ чей-то грубый голосъ:

— За то ведемъ, что ты осмѣлился на нашу государыню лихое помыслить и въ ея царской волѣ ей препоны ставить...

Аѳанасій Ивановичъ только было собирался передъ солдатами оправдываться, приводить доводы въ свою пользу, какъ кто-то сталъ отчаянно теревить его за рукавъ, надъ самымъ ухомъ его выкрикивая:

— Дядя Аѳанасій, дядюшка! Вставай! Бѣда пришла!

Аѳанасій Ивановичъ подъ вліяніемъ своего тягостнаго сновидѣнія отвѣчалъ съ просонья, совершенно машинально приподнимаясь на постели:

— Бѣда? говоришь! Да я же не виноватъ, игуменья приказала, потому я препоны и ставиль... можешь ты это понять?

— Да проснись, выйди: стучать въ ворота, ломаются, грозятся!—проговорилъ отчаяннымъ голосомъ Согѣля, продолжая теревить дядю за рукавъ.

— Стучать? Ломаться?.. Что это, Господи Боже мой, за продерзость за такая... Вотъ погоди-ка, выйду, пугну ихъ!

Вышелъ изъ сторожки, прислушался и самъ оторопѣлъ. За воротами слышались голоса многихъ людей и фырканье коней, и звяканье удилъ и бляхъ конской упряжи:

— Да отопрешь-ли ты, сонная тетеря!—крикнулъ чей-то грозный, повелительный голосъ, и за этимъ возгласомъ послѣдовалъ мощный ударъ кулакомъ въ калитку.

— Не смѣемъ отпереть, голубчикъ! Не смѣемъ объ эту пору!—сладчайшимъ голоскомъ отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, воображая себѣ, что стучится Глѣбовъ.—Мать-игуменья на-строга запретила, послѣ вечеренъ отпирать калитку... И отъѣзжай, голубчикъ, не муди обитель...

— Да что тамъ за дуракъ такой еще выискался?—крикнулъ тотъ же голосъ еще грознѣе, еще повелительнѣе.—Объявляю тебѣ указъ государевъ отпереть немедля, не то велю своимъ людямъ калитку выломать, а съ тебя взыщу, какъ съ ослушника государевой воли!

— Ой батюшки! Пришла на насъ гибель неминучая!—прошепталъ растерявшійся старикъ.—Какъ быть, какъ повернуть дѣло?

Однако же новые удары въ калитку и крупная ругань, раздававшаяся за воротами, заставили его рѣшиться. Онъ крикнулъ во весь голосъ:

— Сейчасъ! сейчасъ! Уже отпираю! — и загремѣлъ связкою ключей, дрожавшими руками ощупывая замокъ.

Отворивъ ворота, онъ увидѣлъ передъ воротами на дорогѣ огромный рыдванъ, запряженный шестерикомъ коней и окруженный

десяткомъ вершниковъ съ фонарями. У самыхъ воротъ стояло челоуѣкъ шесть въ темныхъ плащахъ и шапкахъ, надвинутыхъ на глаза. Высокій мужчина, стучавшій въ ворота, указаль остальнымъ на Сурьмина и на Сошлю и сказалъ громко:

— Взять ихъ, и никого не выпускать изъ обители! Ну, а теперь, отче, веди меня не медля къ царицыной кельѣ.

Одна изъ фигуръ, стоявшихъ въ сторонѣ, выступила впередъ и направилась къ боковому крылечку, приговаривая:

— Сюда, батюшка, сюда пожалуй, Абрамъ Ѳеодоровичъ!

Обмлѣвшему отъ страха Сурьмину, показалось, что онъ узналъ голосъ Ѳедора Пустыннаго...

Абрамъ Ѳеодоровичъ, вмѣстѣ со своимъ проводникомъ, поднялся по узкой и темной лѣсенкѣ, освѣщая себѣ дорогу изъ-подъ плаща потайнымъ фонаремъ, добрался до кельи Каптелины, уже пробудившейся отъ стука и говора у воротъ. Она было выскочила въ сѣнцы, полуодѣтая и встревоженная.

— Миръ вамъ и миръ намъ,—проговорилъ Ѳеодоръ Пустынный условное привѣтствіе.—Поди-ка, мать, доложи государынѣ о пріѣздѣ братца ея кровнаго, Абрама Ѳеодоровича, съ радостною вѣстью... А мы покамѣстъ хоть въ твоей кельѣ обождемъ.

Не прошло и четверти часа, какъ двери царицыной кельи отворились настежь, и царица Евдокія Ѳеодоровна съ радостнымъ восклицаніемъ бросилась на шею любимаго брата.

Послѣ первыхъ поцѣлуевъ, объятій и привѣтствій, Абрамъ Ѳеодоровичъ обернулся къ двери въ сѣнцы, притворилъ ее плотно и проговорилъ вполголоса, наклоняясь къ сестрѣ:

— Объявляю тебѣ великую радость: сынъ твой возлюбленный сейчасъ слѣдомъ за мной будетъ здѣсь у тебя... Я отъ него впередъ посланъ къ тебѣ.

— Сынъ?! Царевичъ, мой! Алешенька мой ненаглядный! Охъ Господи!—воскликнула царица инокиня и, закрывъ лицо руками, изнемогая отъ радостнаго волненія, опустила на колѣни передъ иконами.

XVII.

Приближалась половина февраля 1707 года. Государь въ Москву не показывался, и даже слуховъ вполнѣ достовѣрныхъ не было о томъ, гдѣ онъ находится—въ Петербургѣ или въ Польшѣ. О войнѣ со шведомъ тоже ничего утѣшительнаго не было слышно. Но между тѣмъ поборы, наборы и непрерывныя требованія людей и денегъ для веденія войны не прекращались, возбуждая сильнѣйшій ропотъ и нескрываемое уже недовольство въ народѣ и нерѣдко ставя господъ министровъ въ самое тягостное затрудненіе въ «конзиліяхъ» долгими спорами и упорными преніями.

Князю Ромодановскому и господамъ сенаторамъ то и дѣло доносили фискалы, бродившіе среди народа, что въ народѣ творится недоброе, и рѣчи слышатся нехорошія... Роптали дѣти боярскія, говоря: «Какой де онъ государь! Нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ да крестьянъ всѣхъ побралъ въ даточные. Нигдѣ отъ него не уйдешь и пропасти на него нѣту!». Роптали крестьяне: «Какой онъ царь! Какъ на царство сѣлъ, такъ и свѣтлыхъ дней у насъ не стало—рубли да полтины, да подводы—однѣ тяготы на мѣръ»... Роптало и духовенство: «Хорошъ царь! Самъ облаатынился и всю церковь облаатынить хочетъ... Да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: у церкви колокола снимаетъ да пушки изъ нихъ льетъ»...

И вдругъ, среди этого-то общаго ропота и недовольства, пронесся слухъ по Москвѣ, что пріѣхалъ отъ царя какой-то посланецъ — Москву противъ шведовъ укрѣплять... Шведы, молъ, на Москву идутъ, и царь съ войскомъ впереди ихъ убѣгаетъ и въ Москвѣ отъ враговъ отсиживаться будетъ.

— Какъ ни бусурманился самъ, а отъ бусурманъ же ему терпѣть бѣды приходится! — съ большимъ ожесточеніемъ толковали всѣ враги Петра.—И вотъ хоть досель и ненашей силой держался, а звать свейскій-то король помудреніе его кудесить! Какого страха на нашего царя нагналъ! Къ самой Москвѣ его притиснуть хочетъ.

Это ожесточеніе и злорадство обратились въ цѣлую бурю негодованій, когда на площадяхъ прочитанъ былъ указъ государевъ, оповѣщавшій о созывѣ рабочихъ къ «валовому» дѣлу: съ каждаго московскаго двора требовалось по два человѣка съ тѣмъ, чтобы въ Китай и Кремль бревна и камень свозить, а по первой ростопели валъ дѣлать и рвы копать.

Загудѣли торжки и базары всякими толками, всякими слухами и свѣдѣніями самага разнообразнаго свойства; народъ собирался всюду на перекресткахъ и площадяхъ и большими толпами, и небольшими кучками, то обсуждая распоряженія властей, то чутко прислушиваясь къ рѣчамъ какого-нибудь странника или монашка, который дерзалъ открыто говорить о наступленіи вѣка антихристового и въ дѣйствіяхъ царя и его приближенныхъ указывалъ на признаки наступленія этой эпохи—ослабленіе довѣрія къ власти, сильно поколебленнаго слухами о возможности осады...

Въ это смутное время, когда самый ничтожный пустякъ собиралъ на улицѣ толпу зѣвакъ и вызывалъ тревожные толки, явилась однажды около Никольскихъ воротъ Китай-города цѣлая коммиссія, состоявшая изъ дьяковъ приказа каменныхъ дѣлъ и команды солдатъ и двухъ-трехъ офицеровъ, подъ начальствомъ бомбардиръ-поручика Ивана Корчмина, недавно присланнаго государемъ въ Москву съ Волыни.

Позади комиссія на двухъ подводахъ везли какіе-то колья, шесты, цѣпи, мѣдные инструменты на треногахъ.

Подводы остановились около Никольскихъ воротъ, охраняемая командой солдатъ и двумя подьячими, а вся комиссія съ Корчминымъ во главѣ направилась къ берегу Неглинной, мимо массы всякихъ старыхъ лачугъ, избъ и дворовъ, лѣпившихся около стѣны Китай-города. Само собою разумѣется, что около подвотъ собралась тотчасъ же 'густая масса зѣвакъ, которые, конечно, стали приставать къ солдатамъ и къ подьячимъ съ вопросами: что это за рожны на телѣгахъ лежатъ, да что за инструменты и для чего привезены сюда, и что думаетъ здѣсь дѣлать комиссія?

Изъ очень лаконическихъ и туманныхъ отвѣтовъ, которые давали толпѣ подьячіе и солдаты, для большинства выяснилось только то, что комиссія явилась землю городскую мѣрить и выбирать мѣста для постройки новыхъ валовъ и рововъ, на случай осады.

— Да гдѣ-жъ они тутъ будутъ рвы копать и насыпи дѣлать, когда тутъ кругомъ жилое мѣсто?—послышались голоса изъ толпы.

— Тутъ яблоку упасть негдѣ! Гдѣ домъ, а гдѣ дворъ, а рядомъ съ дворомъ — другой, и сзади не то садикъ, не то огородецъ,—гдѣ же тутъ копани быть?

— Развѣ что пройдетъ вдоль улицы?—рискнулъ кто-то скромно замѣтить.

— Экъ ты, дура-голова! Вдоль улицы! Что-жъ мы прямо изъ воротъ въ ровъ спускаться будемъ или на копань полѣземъ!—закричало нѣсколько голосовъ.

— Ну, чего вы на меня полѣзли, чай, не я копань-то провожу? Черти, прости, Господи!

Послышался смѣхъ, но поднялись и споры, и перебранка, и разсужденія о томъ, какъ и гдѣ пройдетъ копань среди жилого мѣста. Догадливые люди отдѣлились отъ толпы, окружавшей подводы, пошли слѣдомъ за комиссіей и стали прислушиваться къ разговорамъ офицеровъ съ дьяками, стараясь изъ урывками услышаннаго добыть себѣ уясненіе загадочныхъ затѣй комиссіи.

— Вотъ здѣсь, по этой линіи, — громко говорилъ бомбардиръ-поручикъ Корчминъ, указывая одному изъ дьяковъ на планъ, — должны будемъ мы эту часть города фортификовать. Въ моей инструкціи сказано: «укрѣпить отъ Неглинной до Москвырѣчки и Китай-города и вездѣ подѣлать болверки, рвы и контръ-эскарпъ»...

— Все это я понимаю, господинъ поручикъ, — отвѣчалъ ему дьякъ, приглядываясь къ плану, — да только одного въ толкъ не возьму: на чертежѣ у тебя за стѣной Китая пустое мѣсто показано, а тутъ, самъ изволишь видѣть, какъ застроено? Какъ же съ этимъ жильемъ быть?

— У меня въ инструкціи прямо сказано: «дворы же около Китая разломать, не замая до времени тѣхъ, которые придутся за контръ-эскарпомъ»... Такъ и поступать будемъ.

— А куда-жь мы жителей-то изъ тѣхъ домовъ выселимъ?—допрашивалъ Корчмина встревоженный не на шутку дьякъ.—Вѣдь имъ же надо сначала мѣста въ городѣ отвести, да ихъ дома туда переставить...

— Это меня не касается,—спокойно отвѣчалъ Корчминъ,—это ваше приказное дѣло. По мнѣ была-бы инструкція исполнена; я только за это и въ отвѣтъ передъ государемъ.

— Охъ, не легко это будетъ съ нашимъ народомъ уладить,—проговорилъ дьякъ, покачивая головою.—Много тутъ будетъ всячины...

Но Корчминъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ словъ дьяка, и, обратясь къ одному изъ младшихъ офицеровъ, отдалъ ему въ полголоса какія-то приказанія.

Офицеръ направился было къ подводамъ, но къ нимъ уже трудно было пробраться. Густая толпа народа, окружавшая подводы, шумѣла и галдѣла весьма грозно и внушительно...

— Чего тамъ?... Не давай ему землю мѣрить, и вся не долга!—слышалось въ толпѣ.

— Не дадимъ ему домовъ ломать да на мѣсто ихъ болванки ставить! Экъ что выдумалъ! Не дадимъ!

— А пуще всего, братцы, не позволяйте ему цѣпью мѣрить и колья заколачивать! Ужъ гдѣ противъ дома коль придется, тотъ домъ снесутъ безпремѣнно...

— Не давай! Не дава-а-ай! Вѣдомо! Пусть попробуетъ, сунется!—кричали буяны, выдвигаясь въ толпѣ на первый планъ и грозя издали кулаками всей комиссіи...

Такъ какъ офицеръ замѣшкался исполненіемъ приказанія, пробиваясь черезъ толпу, Корчминъ самъ пошелъ къ подводамъ и вдругъ наткнулся на неожиданное препятствіе.

Человѣкъ десять буяновъ окружили его и, не ломая передъ нимъ шапокъ, заговорили съ нимъ весьма дерзко и нахально:

— Ты это что затѣялъ? Жилые дома срывать, да на мѣсто ихъ рвы копать и какіе-то свои болванки ставить? Мы тебѣ этого не дадимъ.

Корчминъ отрѣчалъ имъ, не смущаясь:

— Не въ свое дѣло суетесь! На то власти есть... Не своей волею собираюсь я здѣсь рвы копать и болверки ставить, а по указу царскаго величества.

— Хоть бы и такъ! Не дозволимъ! Пусть лучше насъ расказнять, чѣмъ безъ крова намъ съ нашими сиротами остаться!—кричали, перебывая другъ друга, разные голоса въ толпѣ, собравшейся около буяновъ.

— Ну, значить, вы царскому указу учинитесь ослушниками,— твердо сказал Корчминь.—Такъ и знать буду... Вы въ винѣ, вы и въ отвѣтѣ. Эй, господинъ дьякъ, пожалуй-ка сюда! Вотъ перепиши мнѣ имянно переднихъ крикуновъ-ослушниковъ царскаго указа!

Передніе попятились за заднихъ, задніе стали отступать; въ толпѣ произошла сумятица и давка, но крики, шумъ и брань не прекращались, и общее настроеніе толпы не обѣщало ничего хорошаго...

Какъ разъ въ это время кто-то крикнулъ въ толпѣ:

— Ребята! Царевичъ ѣдетъ—изъ Срѣтенскаго монастыря отъ обѣдни возвращается! Его просить пойдѣмъ... Его молить, чтобы надъ нами, сиротами своими, сжалился!

Толпа заколыхалась и хлынула въ ту сторону, съ которой показался поѣздъ царевича, ѣхавшаго въ открытой коляскѣ съ духовникомъ своимъ, съ Кондратьемъ Вяземскимъ и Абрамомъ Лопухинымъ. Коляска, запряженная цугомъ изъ шести рослыхъ коней гнѣдой масти, окруженная десяткомъ вершниковъ, остановилась поневолѣ среди толпы, запрудившей всю улицу и жалобно взывавшей къ царевичу:

— Пощади, пожалуй, насъ, сиротъ твоихъ! Государь-царевичъ! въ конецъ пропадаемъ!—завопила толпа, окружая коляску царевича и падая передъ нею на колѣни.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—тревожно заговорилъ царевичъ, оглядываясь то на Абрама, то на отца Іакова, успѣвшихъ уже между собою переглянуться.

— Дома наши сносить, дворы разорять собираются будто бы по царскому указу!—кричали передовые вожаки толпы.

— Въ толкъ не возьму, чего они хотятъ?—спросилъ вполголоса царевичъ у Абрама.

— А тутъ комиссія, государь: Иванъ Корчминъ съ товарищами, что присланы Кремль и Китай фортификовать, видно, работы свои начать задумали, да весь народъ и перетревожили раньше времени.

— На мѣсто домовъ хотятъ какія-то болванки ставить, рвы копать! Пощади, государь, насъ съ малыми дѣтками... Не оставь безъ крова!—вопила между тѣмъ толпа, кланяясь царевичу.

— Что же мнѣ тутъ дѣлать?—въ нерѣшительности обратился царевичъ къ отцу Якову.

— Теперь работъ начать нельзя,—сказалъ отецъ Яковъ,—такъ можно было бы комиссію и отложить и подождать другого указа государева...

— Ну, да! Конечно, можно отложить... и подождать!—повторилъ царевичъ, обрадованный такъ быстро-найденнымъ рѣшеніемъ затруднительнаго вопроса.—Господинъ поручикъ, и вы, го-

спода дьяки,—обратился онъ къ подошедшимъ членамъ комиссіи,—прошу васъ теперь работы отложить... Я буду къ государю-батюшкѣ писать... Я попрошу... Мы подождемъ его отвѣта...

Бомбардиръ-поручикъ сурово нахмурилъ брови и смѣло отвѣчалъ царевичу:

— Не смѣю я ни ждать, ни откладывать, государь-царевичъ! Въ моей инструкціи стоитъ прописано: «все сдѣлать съ крайнимъ прилежаніемъ и поспѣшеніемъ», и я потому все исполнить долженъ...

— Когда я приказываю не дѣлать! Какъ смѣешь... мнѣ перечить!—крикнулъ царевичъ, краснѣя и горячася.—Не велю, не приказываю, и не смѣй!

— Твоя воля, государь,—отвѣчалъ Корчминъ съ негодованіемъ во взорахъ,—но твой и отвѣтъ!.. Я нынѣ же царскому величеству съ нарочнымъ донесеніемъ отправлю о твоёмъ...

Но слова его были заглушены шумнымъ взрывомъ радостныхъ кликовъ:

— Да здравствуетъ царевичъ, благодѣтель нашъ! Здравіе государю царевичу! Избавить, выволить насъ изъ бѣды нашей! Здравіе ему и многолѣтіе!

И среди этихъ радостныхъ кликовъ, коляска двинулась черезъ толпу далѣе, направляясь на Ильинку, къ дому Абрама, у котораго царевичъ въ тотъ день обѣдалъ.

Милостиво раскланиваясь народу на обѣ стороны, царевичъ, видимо очень довольный собою, радостно и весело смотрѣлъ на своихъ спутниковъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—что вѣдь выдумаютъ! Жилое мѣсто запустошать! Народу какая тягость—шутка-ли! Срываться съ прежняго мѣста... Безъ крова остаться... Страшно даже подумать! Нѣтъ, я напишу, я батюшкѣ все это выясню...

— Не очень-то твой батюшка посмотритъ на твои писанья,—какъ бы вскользь проговорилъ Вяземскій.

— А все же надлежитъ писать и за народъ болѣзновать,—строго замѣтилъ отецъ Іаковъ.—И неправедный судья умилился настойчивыми просьбами вдовицы...

— Да! Я буду просить, я постараюсь облегчить тяготы народныхъ!—восторженно отозвался царевичъ.

— Постарайся, чтобы народъ и всегда такъ же Бога молилъ за здоровье твое, какъ теперь молить!—сказалъ Абрамъ.—Въ тебѣ вся его надежда, вся его утѣха!

Призвательный и слегка подернутый слезою взглядъ, брошенный ему царевичемъ, былъ отвѣтомъ на его слова...

XVIII.

Въ тотъ день старый князь Феодоръ Юрьевичъ Ромодановскій рано удалился въ свою укромную свѣтелку, приказалъ себя раздѣть и, не поужинавъ, легъ въ постель; а въ домѣ князя всѣ ужъ знали, что если князь ложится не въ опочивальнѣ, а въ свѣтелкѣ, то это значитъ, что онъ или нездоровъ, или не въ духѣ, и въ такомъ случаѣ всѣми домашними князя принимались самыя экстренныя мѣры къ тому, чтобы какъ нибудь его не потревожить... Весь домъ какъ бы замиралъ на время; никто и нигдѣ не смѣлъ вздуть огонька; всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шепотомъ. Но эта мертвая тишина не могла въ тотъ вечеръ успокоить стараго князя, который то-и-дѣло ворочался на своемъ мягкомъ пуховикѣ, то натягивая, то отбрасывая свое соболье одѣяло, то переворачивая, то сердито комкая свое шелковое камчатое изголовье.

Неотвязныя заботы, тревоги и опасенія всякаго рода не давали ему покоя и въ постели, и голова его была полна черныхъ, мрачныхъ, неутѣшительныхъ думъ. Онъ чувствовалъ, что кругомъ его творилось что-то недобное, что-то такое, чему надо было, рано или поздно, такъ или иначе положить предѣлъ, и въ то же время не ощущалъ въ себѣ силы поступить круто, рѣшительно, открыто стать на ту или другую сторону... И это сознаніе своей личной слабости, эта борьба между чувствомъ долга, къ исполненію котораго князь всегда былъ особенно чутокъ, и личными симпатіями, отъ которыхъ онъ не могъ отказаться, страшно волновали стараго князя и вызывали въ немъ глубокое недовольство самимъ собою и всѣми окружающими.

«Какъ тутъ быть и что дѣлать?—думалъ князь, ворочаясь съ боку на бокъ. — Оттуда вѣсти недобрыя, нерадостныя идутъ... Царь весь туда ушелъ и помощи или совѣта отъ него не жди!... Въ бѣду попалъ онъ со Свейскимъ, а здѣшніе и рады, и разыгрались, и козни строить зачали, и царевичу-то голову вскружили... Тоже—возмечталъ, не замѣчаетъ, что изъ чужихъ рукъ смотреть! И царицу тоже дурить заставили... И на все на это приходится сквозь пальцы смотрѣть!... Все изъ-за дочки да изъ-за Абрама, который прямо такъ вотъ на ножъ и лѣзетъ!... А тутъ этотъ Корчминъ сегодня прибѣгаетъ, какъ полоумный, кричитъ, что онъ взялся исполнить дѣло, «какъ честный человекъ, который долженъ отвѣтъ дать передъ свѣтомъ и передъ Богомъ», и требуетъ, чтобы я отправилъ нарочнаго къ царю съ докладомъ!... Вотъ и гадаешь поневолѣ, какъ тутъ быть и что тутъ дѣлать? Хотъ бы ужъ развязалъ Господь со всѣмъ съ этимъ,—далъ успокоиться старымъ костямъ!».

Легкій, чуть слышный стукъ въ дверь заставилъ стараго князя приподнять голову и прислушаться: стукъ повторился съ легкимъ покашливаньемъ...

— Ты, что ли, Иванъ?—крикнулъ князь, спуская ноги съ постели, понимая, что его не даромъ рѣшились беспокоить.

— Я, батюшка!—отвѣчала князю Иванъ за дверью.—Къ тебѣ гонецъ отъ государя! Изъ Литвы либо съ Волыни...

— Гонецъ отъ государя!—прошенталъ князь Феодоръ Юрьичъ, крестясь.—Какія-то вѣсти!..

Черезъ минуту сынъ входилъ въ свѣтелку и подавалъ князю толстый сѣрый пакетъ съ бумагами.

— Ступай и подожди внизу, я постучу, какъ что понадобится,— говорилъ князь, поспѣшно вскрывая пакетъ у стола, на которомъ самъ зажегъ свѣчи.— Да накормить гонца, и чтобъ не ложился, пока его не позову, не повидаю его...

И онъ углубился въ пересмотръ бумагъ, къ которымъ было приложено письмо къ самому князю-кесарю «весьма тайное» и письмо къ царевичу, которое надлежало передать по полученіи «лично».

— Это—завтра утромъ передамъ, теперь ужъ гдѣ же? Вторые пѣтухи пропѣли... Ну, а мнѣ что писать изволить государь?

И онъ сталъ жадно пробѣгать глазами строки письма, написаннаго Петромъ, твердо и спокойно, безъ малѣйшихъ признаковъ тревоги или волненія. Петръ писалъ князю-кесарю объ измѣнѣ Августа и его отдѣльномъ договорѣ съ Карломъ, о ненадежности польской помощи, обо всѣхъ опасностяхъ и невзгодахъ, которыя его окружали, и дѣлалъ цѣлый рядъ распоряженій относительно новыхъ заготовокъ провіанта и всякаго матеріала...

И чѣмъ дальше читалъ князь Феодоръ Юрьевичъ эти дорогія строки, въ которыхъ все было такъ сжато, такъ опредѣленно, такъ ясно и логично изложено и такъ сильно, такъ ярко, такъ энергично выражено, тѣмъ болѣе онъ самъ успокоивался и ободрялся и воскресалъ духомъ... Даже глубокія морщины на челѣ его разгладились, даже лицо оживилось, и глаза заблестали изъ-подъ густыхъ сдвинутыхъ бровей...

За распоряженіями о заготовкахъ провіанта и военного матеріала слѣдовало десятка два строкъ, писанныхъ цыфирью, въ которыхъ Петръ писалъ князю-кесарю о царевичѣ и дѣлалъ распоряженія относительно разныхъ московскихъ порядковъ и видныхъ московскихъ дѣятелей... Князь-кесарь пробѣжалъ эту цыфирь и совѣмъ просіялъ: строки Петра были прямымъ отвѣтомъ на его скорбные тревожные вопросы, на мучительные укоры его совѣсти, на недовольство, вызванное слабостью духа, сомнѣніями и невольнымъ пристрастіемъ... Эти строки все предупреждали и все разрѣшали, снимая съ князя Феодора Юрьевича всякую личную отвѣтственность, обращая его въ простаго исполнителя царской воли...

— Слава Богу! Слава Богу!—говорилъ князь, крестясь на иконы.—Завтра же распоряжусь и все исполню...

И поспѣшно сталъ одѣваться, чтобы повидать гонца государева.

На другое утро Абрамъ Θεодоровичъ направился въ Преображенское, приглашенный на обѣдъ царевичемъ-племянникомъ. Абрамъ Θεодоровичъ поѣхалъ довольный, почти веселый, полный воспоминаній, льстившихъ его гордости и самолюбію, полный сознанія, что дѣло, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни, быстро подвигается къ вождѣлѣнному концу, что въ рукахъ его скопляются всѣ средства къ осуществленію его самыхъ смѣлыхъ упованій, что около него, какъ войны около знамени, собираются всѣ недовольные Петромъ и его порядками, всѣ тѣ, кто готовъ съ нимъ вести борьбу на смерть...

— Да, да! Теперь настало время, приблизился желанный часъ,— мечталъ Абрамъ, покачиваясь на сѣдлѣ въ тактъ мѣрной и быстрой рыси своего иноходца.

И ему припомнились всѣ подробности вчерашней тайной бесѣды съ царевичемъ и его духовникомъ «о возможныхъ случайностяхъ и превратностяхъ близкаго будущаго»; припоминалъ, какъ царевичъ, оживленный этой бесѣдой, неохотно покидалъ домъ дяди и убѣдительно просилъ его пріѣхать къ нему на завтра.

— Еще потолкуемъ, поразмыслимъ, погадаемъ всѣ вмѣстѣ, еще порадѣемъ о нашемъ будущемъ счастіи, когда грозы-то надъ нами не будетъ больше, — съ горячимъ увлеченіемъ говорилъ юноша, прощаясь съ Абрамомъ и сходя съ лѣстницы къ своей коляскѣ.

— Подогрѣвай, подогрѣвай его, Абрамъ Θεодоровичъ, не то застынетъ, — шепнулъ Лопухину и Яковъ Игнатьевъ, цѣлуясь съ нимъ на рундукѣ крылечка.

— Да, да! пора настала!—продолжалъ мечтать Абрамъ.—Москва теперь, что зѣлье пороховое, разомъ отъ искры вспыхнетъ... Надо ковать желѣзо, пока...

— Абрамъ Θεодоровичъ! Абрамъ Θεодоровичъ!—крикнулъ почти надъ ухомъ Лопухина нагонявшій его Колычевъ.—Да что ты это какъ задумался?.. Кричу, кричу тебѣ!..

И Колычевъ осадилъ своего коня около остановившагося Абрама.

— Ты небось къ царевичу-племяннику?—спросилъ его Колычевъ.

— Къ царевичу,—отвѣчалъ Лопухинъ, вопросительно взглядываясь въ лице Колычева.

— Ну, ужъ не знаю, повидаешь-ли его? Вѣдь тамъ теперь та-кой идетъ переполохъ, что ну!

— Да что же такое? Говори скорѣе! Въ чемъ дѣло?

— А въ томъ и дѣло, что получено письмо какое-то отъ вышнихъ, — сказалъ Колычевъ, понижая голосъ и наклоняясь къ Абраму на ухо,—и по тому письму царевичъ въ дорогу собирается...

— Какъ въ дорогу? — воскликнулъ почти въ ужасѣ Абрамъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Въ дорогу, — въ Литву, что-ли? А тутъ еще другая бѣда

страслась: царевичъ руку изъ пистолѣ прострѣлилъ... Да тамъ все, чай, и самъ узнаешь...

И не докончивъ рѣчи, Колычевъ повернулъ коня и погналъ къ мосту черезъ Язу, въ Нѣмецкую слободу.

— Письмо отъ вышнихъ... въ дорогу собирается... пистолей руку прострѣлилъ, — машинально повторялъ Абрамъ, самъ не будучи въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ своихъ словахъ.

И съ этимъ вѣхалъ въ ограду Преображенскаго и направился къ дворцу. Спѣшившись во дворѣ, Абрамъ уже засталъ на немъ такую суетню, бѣготню и снованіе служни во всѣ стороны, что, даже и не встрѣтивъ Колычева, могъ бы догадаться, что случилось нѣчто чрезвычайное, выходящее изъ ряда обыденщины. Изъ половины царевича тащили къ тремъ дорожнымъ колымагамъ сундуки и баулы, коробки и мѣшки; далѣе на второмъ дворѣ видны были около погребовъ и кухонъ повозки, на которыя спѣшно грузились дорожные припасы. Едва нашелся человекъ, которому Абрамъ Ѳеодоровичъ могъ передать поводья своего коня...

Перешагнувъ порогъ передней царевича, Абрамъ Ѳеодоровичъ почти лицомъ къ лицу столкнулся съ Яковомъ Игнатьевымъ, который былъ видимо очень встревоженъ, и тотчасъ увелъ Лопухина въ свою комнату и заперъ дверь на крюкъ.

— Читай,—сказалъ онъ ему, вынимая изъ-подъ рясы небольшой листокъ толстой синеватой бумаги, на которомъ Абрамъ прочелъ:

«Зооць! Отселѣ вижу, что ты живешь на Москвѣ безъ дѣла; а посему, по полученіи сего, не медля ни часа, приѣзжай ко мнѣ на смотръ въ Жолкву. Piter».

Лопухинъ чуть не выронилъ письма изъ рукъ: такъ велико было его волненіе... Онъ долженъ былъ опуститься на лавку, чтобы устоять на ногахъ... Яковъ Игнатьевъ далъ ему нѣсколько оправиться и сказалъ, положивъ ему руку на плечо:

— Ты твердъ и мужественъ, и на тебя какъ эти строки подѣйствовали! Ну, а тотъ сосудъ-то нашъ скудельный, какъ получилъ письмо, затрясся, позеленѣлъ и говорить: «спасите, спасите вы меня—лучше умереть, чѣмъ ѣхать туда!». Мы всѣ давай его и такъ и этакъ утѣшать, развлечь старались, а Никифору Вяземскій надъ нимъ и подшутитъ: «вотъ, — говоритъ, — онъ на смотръ тебя чертитъ заставить по геометріи и планы разные»... А царевичъ вдругъ ему: «не заставить—вотъ увидишь, что не заставить!» А у самого глаза горятъ, какъ угли... Побѣжалъ въ другую комнату, слышимъ — грохнула пистоля... Мы всѣ перепугались, всѣ туда: ужъ думали, храни Богъ!.. А онъ стоитъ и намъ показываетъ руку—прострѣлилъ въ ладонь... Кровь изъ нея бѣжитъ струею; а онъ сквозь слезы улыбается и говоритъ Никифору: «видишь, чай, теперь, что не заставить?». Вотъ онъ каковъ надѣжа-

то наша, да оборона, — съ горькой усмѣшкой добавилъ Яковъ Игнатьевъ, покачивая головою.

— Гдѣ же онъ? Что съ нимъ теперь?—спросилъ Абрамъ, поднимаясь съ мѣста и собираясь идти къ царевичу.

— Теперь къ нему нельзя: мы руку ему перевязали, и онъ лежитъ въ постели, уткнувшись въ подушки, и никого не хочетъ ни видѣть, ни принимать... Дохтура вишь ждетъ...

— Но мнѣ его необходимо видѣть! Мы условиться должны — цыфирь установить, и обо всемъ...

— Обо всемъ совѣтую тебѣ поговорить съ Никифоромъ, а съ самимъ царевичемъ не будетъ толку! Онъ теперь не слышитъ ничего, не видитъ и не разумѣетъ,—сказалъ Яковъ Игнатьевъ, направляясь къ выходу изъ комнаты.

Абрамъ еще собирался отвѣчать отцу Якову, когда при выходѣ въ сѣни увидѣлъ дьяка Сыдовнаго, который расхаживалъ передъ дверью комнаты духовника и прямо подошелъ къ Лопухину.

— Я къ твоей милости отъ князя Феодора Юрьевича,—сказалъ онъ, почтительно кланяясь Абраму.— Князь проситъ не медля къ нему пожаловать...

— Не медля? Я долженъ только повидать царевича, а тамъ...

— Князь проситъ не медля,—утвердительно повторилъ Сыдовный.— Есть дѣло до тебя...

Абрамъ съ неудовольствіемъ пожалъ плечами и сказалъ духовнику царевича:

— Скажи, что послѣ зайду проститься!—и направился къ хоромамъ князя, сопровождаемый дьякомъ.

Феодоръ Юрьевичъ встрѣтилъ зятя ласково и почти весело.

— Есть дѣльцо, есть и до тебя, голубчикъ!—сказалъ онъ.— Не прогнѣвайся, что слѣшно тебя затребовавъ изъ хоромъ царевича... Нарочнаго къ тебѣ собирался даже посылать... Ну, проходи въ свѣтелку, тамъ потолкуемъ...

Абрамъ, ничего не подозрѣвая, поднялся въ свѣтелку, погруженный въ свои мысли и думы... Слѣдомъ за нимъ явился и старый князь и тщательно приперъ за собою дверь. Когда онъ обернулся къ Абраму, тотъ былъ пораженъ перемѣною выраженія лица тестя.

— Дождался?!—проговорилъ князь Феодоръ Юрьевичъ глухимъ голосомъ, пристально взглядываясь въ лицо зятя.— Дождался, что и тебя царское величество вспомнилъ и милостью своей не обошелъ?...

— Что такое, батюшка? Въ толкъ не возьму!—проговорилъ оторопѣвшій Лопухинъ.

— Читай, тутъ все понятно писано!—проговорилъ съ принужденной улыбкой князь, подавая Абраму указъ государя, въ которомъ онъ князю-кесарю повелѣвалъ, не медля выслать Абрама Лопухина съ семьею изъ Москвы въ Петербургъ на житье для опредѣленія на службу по надзору за постройкой города, съ тѣмъ

непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы прежде всего онъ самъ для себя выстроилъ каменные хоромы на любомъ мѣстѣ города.

Абрамъ прочелъ указъ и слова вымолвить не могъ... Князь-кесарь, глубоко и пронизательно взглядываясь въ его лицо, понялъ все, что происходило въ гордой душѣ Лопухина. Положивъ руку на плечо зятя и печально покачивая головою, онъ проговорилъ съ самымъ искреннимъ сожалѣниемъ:

— Съ кѣмъ ты задумалъ вступать въ борьбу? Подумай съ кѣмъ?!.. Ну, гдѣ же всѣмъ намъ съ нимъ тягаться? Черви мы, гады ничтожные передъ нимъ... Подъ пятой вѣдь онъ насъ растопчетъ, задавить, голосу подать не дастъ!.. Видишь самъ на себѣ, что значить слово его единое, — слово изъ-за тридцать земель?.. Неотразимый онъ, несокрушимый!.. Не губи же ни себя, ни меня напрасно... Такъ-то, голубчикъ, такъ!

И онъ обнялъ и поцѣловалъ Абрама, который стоялъ у стола неподвижный, словно окаменѣлый...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

П. Полевой.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖЕНИТЬБА МОЕГО ДѢДА.

(Изъ семейныхъ воспоминаній).

ВЕЩЕ и представить себѣ невозможно, на что похожъ былъ городъ Пирятинъ въ началѣ текущаго столѣтїя. Дрянненькимъ, захолустнымъ городишкомъ остался онъ и понынѣ, но и то уже много, что въ настоящее время его, всетаки, можно назвать городишкомъ. Восемьдесятъ же лѣтъ тому назадъ онъ представлялъ собою что-то до того неурядное, безформенное и вмѣстѣ съ тѣмъ микроскопическое, что всякій неосвѣдомленный заранѣе челоуѣкъ, увидавъ его впервые, навѣрное затруднился бы опредѣлить, что именно видитъ онъ передъ собой. Село—не село, хуторъ—не хуторъ, а о томъ, что это городъ, и мысль никогда не могла прїйти въ голову, при видѣ этой горсти мазанокъ-хатъ, раскиданныхъ безъ всякаго строя и порядка.

Лавокъ въ городѣ совсѣмъ не было: всякая торговля производилась по домамъ. Понадобилось ли кому нибудь мясо, нужно было идти во дворъ къ «рѣзнику», но это еще не значило, что его можно было всегда достать: оно имѣлось только въ тѣхъ случаяхъ, когда торговецъ находилъ почему либо нужнымъ убить какую нибудь корову или овцу. Истоцался ли у кого нибудь запасъ мыла, дегтя, иголокъ, бумаги, или требовалась тесемка, опять таки за этимъ необходимо идти на домъ къ «крамарю», и у него, если только онъ не стерегъ своихъ кавуновъ на бакшѣ или не мололъ муки на мельницѣ, можно было на самодѣльные вѣсы или аршинъ прїобрѣсть подобный товаръ. Была въ городѣ еще одна торговка, бублешница, у которой разъ въ недѣлю можно было достать мягкихъ баранокъ. Вътъ въ рукахъ этихъ трехъ лицъ и сосредоточивалась вся тор-

говля Пирятина, да и та шла не бойко, потому что въ тѣ стародавнія времена всякъ обходился своимъ хозяйствомъ и запасами. Обыкновенно въ городѣ царствовала мертвая тишина, бывали дни что ни одной человѣческой души нельзя было встрѣтить на улицѣ. (Я говорю «на улицѣ», потому что хотя въ буквальномъ смыслѣ ихъ и не существовало, но нужно же какъ нибудь называть эти общественные проходы и проѣзды между усадьбами частныхъ владѣльцевъ). Но зато гусей и свиней водилось въ Пирятинѣ такое несмѣтное количество, что они положительно заплоняли собою всѣ закоулки, овраги и площади города.

Тихо и мирно, точно въ постоянномъ снѣ, текла жизнь обывателей Пирятина, какъ вдругъ въ одинъ достопамятный для лѣтописей этого города день 1812 года жители его были взволнованы необычайнымъ извѣстiемъ: къ нимъ скоро долженъ былъ прійти на стоянку Новгородскій кирасирскій полкъ. Извѣстiе это на разные слои пирятинскаго населенiя произвело и различное впечатлѣнiе. Городничiй потерялъ голову, не зная, какъ встрѣтить и гдѣ размѣстить нежданныхъ гостей, низшiй классъ перепугался, что къ нимъ идутъ «москаля», да еще «цiлою громадою», а мелкое уѣздное дворянство оживилось, рассчитывая на какiя нибудь удовольствiя и развлечения.

Пирятинѣ, навѣрное, со дня своего основанiя не видѣлъ такой кипучей дѣятельности, какая теперь загорѣлась въ немъ: на выгонахъ наскоро рылись землянки и ставились коновязи, черезъ овраги строились мосты и насыпались плотины, на пустошахъ и переулкахъ, какъ грибы, выростали новыя мазанки, долженствовавшiя служить квартирами для офицеровъ; всюду копошился народъ, раздавался стукъ топоровъ и лопать, двигались возы, наполненные глиною, хворостомъ или какимъ нибудь другимъ матеріаломъ, потребнымъ для построекъ.

Не меньшая же суета, хотя совершенно другого рода, поднялась, по мѣрѣ распространенiя этого извѣстiя, и по всему уѣзду. Тамъ открывались прадѣдовскiя «скрини», и изъ нихъ доставались старинныя «роброны» и «кунтуши», турецкiя шали и переходившiя изъ рода въ родъ дукатныя или коралловыя ожерелья; изъ сараевъ выдвигались, не бывшiе въ употребленiи по большей части со дня свадьбы ихъ владѣльцевъ, допотопныя «рыдваны», дворянскiя день ото дня закидывалась все новою и новою работою. Доморощенныя портнихи неустанно шили наряды для дамъ и дѣвицъ, «кравцы» ¹⁾ мастерили невообразимыя «либерiи» ²⁾ для кучеровъ и лакеевъ, кузнецы возились съ экипажами, кучера со сбруями, однимъ словомъ, работы у всѣхъ было по горло. И какъ ни странно это покажется,

¹⁾ Портные.

²⁾ Родъ шинели, ливрея.

но люди на этотъ разъ не охали и не ворчали, по обыкновенію, на своихъ господъ, а охотно и даже весело исполняли всѣ приказанія, не дожидаясь ихъ повтореній, словно и они рады были, что хотя что нибудь нарушить общій строй будничной, однообразной жизни ихъ хозяевъ. Въ господскихъ же домахъ, въ особенности, гдѣ много было барышень, радостнымъ ожиданіямъ и веселымъ хлопотамъ не было конца. Подумать только, что въ Пирятинѣ придутъ кирасиры, будетъ музыка, военные кавалеры! А тутъ еще съ каждымъ днемъ приходили все болѣе и болѣе пріятныя извѣстія: говорили, что будто бы въ полку много богатыхъ, холостыхъ офицеровъ, и что даже самъ командиръ, молодой красавецъ-гвардеецъ, тоже не женатъ. Откуда добывались эти свѣдѣнія, объяснить невозможно, и я не знаю, дѣйствительно ли много было въ то время среди офицеровъ Новгородскаго полка богатыхъ жениховъ, но что касается командира, то всѣ сообщенія о немъ доказывали, что новости добывались изъ источника вполне благонадежнаго. Новгородскимъ кирасирскимъ полкомъ командовалъ въ то время дѣдъ мой, Борисъ Сергѣевичъ Соковнинъ, двадцатидевятилѣтній, холостой полковникъ, служившій до того въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку.

Понятно, какъ должны были всѣ эти извѣстія волновать сердца уѣздныхъ барышень и ихъ родителей; городничаго положительно закидывали ежедневно записками изъ уѣзда съ разспросами, когда именно придетъ полкъ, и какія увеселенія предполагаются тогда въ городѣ.

Между тѣмъ, столь нетерпѣливо ожидаемый день приближался; вотъ въ городъ уже пришли квартирьеры, а черезъ три дня послѣ нихъ долженъ былъ вступить и весь полкъ. Пирятинскіе жители приготовились къ этой встрѣчѣ всякъ посвоему; низшее населеніе съ ранняго утра того дня, въ который ожидалось кирасиры, наглухо позаколотило ворота и калитки своихъ дворовъ, собралось семьями по хатамъ, опустило окна и со страхомъ неизвѣстности ждало нашествія «москалей», городская же и уѣздная «интеллигенція» высыпала на улицу, чтобы посмотреть на невиданное зрѣлище, а кто имѣлъ экипажи, выѣхалъ даже въ поле, къ дорогѣ, по которой должны были войти новгородцы.

Время близилось къ полдню, когда, наконецъ, надъ ближнимъ холмомъ разостлалось легкою дымкой небольшое облачко пыли, что-то будто показалось изъ-за его гребня, что-то опять блеснуло тамъ, и вдругъ воздухъ сразу переполнился звуками. Топотъ коней, бряцаніе оружія, звуки духовой музыки—все это слилось для непривычнаго уха пирятинцевъ въ такой странный гулъ и трескъ, что они положительно оцѣпенѣли на своихъ мѣстахъ. Эффектъ полкомъ былъ произведенъ полнѣйшій!

Нечего говорить, что съ приходомъ Новгородскаго кирасир-

скаго полка Пирятинъ сталъ неузнаваемъ. Помимо военнаго элемента, наплывъ помѣщичьихъ семействъ изъ уѣзда сразу значительно повысилъ цыфру его населенія. Въ городѣ положительно не оставалось не только ни одной хаты, но даже угла, который не былъ бы занятъ пріѣзжими господами. Уѣздъ совершенно опустѣлъ, и только въ ближайшихъ къ городу имѣнїяхъ помѣщики оставались на своихъ мѣстахъ. Все же дальнее перекочевало въ Пирятинъ, такъ какъ разѣзды отняли бы слишкомъ много времени, а какъ продолжительна будетъ стоянка полка, съ достовѣрностію никому не было извѣстно. Жизнь въ городѣ пошла совсѣмъ другая; въ нѣсколько дней всѣ улицы были очищены отъ бурьяна и выметены, по вечерамъ играла музыка, повсюду то и дѣло мелькали мундиры военныхъ, громыхали допотопные «рыдваны» мѣстныхъ дворянъ, и даже простое населеніе, найдя среди солдатъ полка много своихъ земляковъ, стало выползать изъ хатъ и заводить «братерство» съ «москалями». Барышнямъ же полсжително не давали покоя заготовленные ими наряды, и онѣ, понятно, больше всего интересовались извѣстіями о предполагаемыхъ удовольствїяхъ. Наконецъ, ихъ нетерпѣніе было удовлетворено сообщеніемъ, что на дняхъ городничій даетъ первый балъ новгородцамъ, и что по этому случаю къ его четырехконой хаткѣ придѣлывается наскоро что то, долженствующее изобразить собою танцевальный залъ и дамскую уборную. Сколько надеждъ, сколько волненій и хлопотъ вызвало это извѣстіе среди женскаго населенія Пирятина! Вѣдь это было, дѣйствительно, настоящее событіе для такого захолустья. Заволновались барышни, волновались ихъ маменьки, волновались даже горничныя, словно успѣхъ или неуспѣхъ ихъ повелительницъ долженъ былъ отразиться и на ихъ собственной судьбѣ.

Только въ многочисленной семьѣ мелкаго помѣщика и отставнаго поручика Ограновича это столь нетерпѣливо ожидаемое всѣми событіе не вызвало веселыхъ хлопотъ и радостныхъ надеждъ. Наоборотъ, здѣсь оно только напомнило и яснѣе дало почувствовать всю тяготу положенія небогатыхъ людей, о которой въ обычное время стараются не думать, и которая при заурядномъ теченіи жизни ступшевыается и по привычкѣ ужъ не замѣчается. У Ограновича тоже было нѣсколько дочерей, и при этомъ очень хорошенькихъ. Понятно, что родителямъ хотѣлось дать имъ возможность принять участіе въ общихъ удовольствїяхъ, но недостатокъ средствъ очень не кстати давалъ здѣсь себя чувствовать. Средства ихъ были такъ ограничены, что то, что для другихъ составляло предметъ радостныхъ надеждъ и мечтаній, здѣсь было, пожалуй, и не желательнымъ. Несомнѣнно, что всякое сватовство со стороны кого либо изъ ваѣзжихъ офицеровъ только поставило бы ихъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ въ подобномъ случаѣ потребовались бы новые расходы на приемы жениха, выѣзды и хотя на

какоенибудь, самое необходимое, приданое невесты. А гдѣ тутъ объ этомъ думать, когда свозить дѣвочекъ разъ-другой въ городъ и это было для нихъ тяжело.

Долго шли въ семьѣ Ограновича совѣщанія и производился самый тщательный осмотръ всевозможныхъ остатковъ отъ бабушкиныхъ и прабабушкиныхъ приданыхъ, не мало слезъ пролили дѣвочки надъ этимъ имуществомъ, такъ какъ его по непригодности приходилось по большей части браковать, а новаго купить было негдѣ и не на что, но, всетаки, съ разными ухищреніями два туалета смастерили кое-какъ, и рѣшено было, что мать поѣдетъ съ двумя дочерьми на балъ къ городничему.

Но здѣсь случилось одно совершенно неожиданное обстоятельство: въ самый день бала третья дочь, двѣнадцатилѣтняя Клавдія, относившаяся дотолѣ совсѣмъ равнодушно къ хлопотамъ и приготовлениямъ сестеръ, заявила самымъ рѣшительнымъ образомъ, что она тоже непременно поѣдетъ на балъ къ городничему.

— Глупенькая, — отвѣтила ей мать, выслушавъ это заявленіе, — да тебѣ и ѣхать-то не въ чемъ! Куда-жъ ты собралась?

— Какъ не въ чемъ? Я свое бѣлое платье надѣну.

— Что-жъ ты въ коленкоровомъ платьѣ на балъ поѣдешь?

— А то що-жъ?

— Да развѣ это можно? Столько тамъ чужихъ людей будетъ, а ты вдругъ явишься туда такую цацою? Ты сестеръ своихъ сконфузишь.

— Ни чуточки не сконфужу. Я и не пойду туда, гдѣ чужіе будутъ. Я гдѣнибудь изъ-за дверки погляжу. А сказала—поѣду, и поѣду. Вотъ увидите, что поѣду! Никогда я музыки не слышала, никогда военныхъ не видѣла, и вдругъ не поглядѣть таки на все это?

Мать пробовала уговаривать дѣвочку, но та и не слушала ея. Наладила одно: «поѣду, да поѣду», а дальше и знать ничего не хотѣла. Она такъ настойчиво и убѣдительно просилась, что даже отецъ принялъ ея сторону.

— Да ну, Богъ съ ней, пускай ѣдетъ, — сказалъ онъ женѣ. — Можетъ быть, ей и въ самомъ дѣлѣ никогда больше не доведется повидать чтонибудь подобное. Въ залъ она не пойдетъ, а кто изъ нашихъ увидитъ ее—не осудитъ: всякъ знаетъ, что наряжать ее не для чего.

Дѣвочка была въ восторгѣ. Она раньше всѣхъ причесала голову, надѣла свое бѣлое коленкоровое платье, обшитое, вмѣсто всякой отдѣлки, двумя узенькими полосками краснаго сукна по подолу, и пока сестры собирались и охорашивались, она накинула платокъ на плечи и усѣлась, въ ожиданіи отъѣзда, въ передней на коникѣ, боясь, чтобы ея не обманули какънибудь и не оставили бы дома. Наконецъ, къ крыльцу подкатилъ старый крытый тарантасъ, и

семья Ограновича, кое-какъ размѣстившись въ немъ, тронулась въ путь.

Съѣздъ къ городничему начался попровинціальному — часовъ съ пяти дня. Многія дамы и дѣвицы, прибывшія къ балу прямо изъ имѣній, здѣсь же и переодѣвались, благо, что простора въ домѣ городничаго было теперь много. Его прежняя пріемная превратилась въ гостинную, а къ ней примыкалъ большой, новый залъ, изъ зала дверь вела въ дамскую уборную, за которой шла еще одна горница для прислуги, имѣвшая отдѣльный выходъ въ садъ и черезъ сосѣдній съ нею кабинетъ хозяина сообщеніе съ остальными комнатами дома.

Маленькая Ограновичъ была несказанно довольна, что выпросилась у родителей на балъ. Ну, гдѣ увидила бы она всѣ эти диковины? И большущій залъ, и натертый воскомъ, скользкій, какъ ледъ, полъ, и множество приготовленныхъ восковыхъ свѣчъ по стѣнамъ, — все это было ново и необычайно для нея. Но въ особенности поразили ее изобиліе и красота женскихъ нарядовъ. Скромно усѣвшись въ сторонкѣ отъ всѣхъ въ дамской уборной, она широко-раскрытыми отъ удивленія глазами слѣдила, какъ изъ узловъ доставались легкія, нарядныя платья, какъ горничныя проворно и ловко причесывали головки своихъ барышень и накалывали цвѣты, и какъ барышни капризничали и волновались при этомъ. Но главное диво, привлекшее къ себѣ вниманіе дѣвочки, заключалось въ добытомъ гдѣ-то городничимъ огромномъ трюмо. Она положительно не могла отвести глазъ отъ него и съ полнымъ изумленіемъ и любопытствомъ, свѣсивъ для бѣльшаго удобства свою головку черезъ ручку дивана, заглядывала, какъ въ немъ ясно и вѣрно отражались туалеты и свѣженькія, молодыя лица франтихъ, въ которыхъ она, благодаря новымъ прическамъ, едва узнавала подругъ своихъ сестеръ и сосѣдокъ. Дѣвочкѣ непременно захотѣлось и самой посмотреть въ зеркало: какая-то она покажется въ немъ, велика ли она выросла, и какъ это вдругъ она увидитъ себя всю сразу, отъ макушки до носковъ ботинокъ. Желаніе это было такъ сильно, что, выбравъ минуту, когда передъ трюмо вертѣлась всего одна знакомая барышня, Ограновичъ встала и нерѣшительно подошла къ зеркалу. Глянула въ него и разсмѣялась: ей и странно было съ непривычки видѣть такое ясное отраженіе своей фигуры во весь ростъ, и почему-то она показалась ужасно смѣшною самой себѣ. Но, обойдясъ немного и разсмотрѣвъ себя en face, ей захотѣлось увидать себя и сбоку; она повернулась и, увлеченная созерцаніемъ своей особы, не замѣтила, какъ нечаянно толкнула стоявшую рядомъ съ нею, знакомую барышню.

— Ты-то еще чего лѣзешь? — рѣзко отозвалась та. — Тебѣ нечего чепуриться (охорашиваться): ты теперь ужъ никому не нужна. Уходи прочь.

Дѣвочкѣ обидно было, что ей и разу не дали посмотрѣться въ зеркало, но она ничего не отвѣтила и, молча, отправилась на свое прежнее мѣсто, сообразивъ, что она, когда начнется балъ и всѣ уйдуть въ залъ, будетъ имѣть возможность вдоволь наглядѣться въ зеркало и успѣетъ разсмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ. Но сильное освѣщеніе, непривычное мельканіе передъ глазами и напряженіе, съ которымъ она снова принялась было слѣдить за отражавшимися въ стеклѣ лицами и фигурами, утомили ее, и она почувствовала, что ее начинаетъ клонить ко сну. Прилечь въ уборной ей было негдѣ, и поэтому она вышла въ сосѣднюю съ нею комнату для прислуги, взобралась на стоявшую тамъ широкую лавку и, подложивъ чей-то бурнусъ и платокъ подъ голову, улеглась и скоро крѣпко заснула.

Между тѣмъ, домъ городничаго все больше и больше наполнялся гостями. Музыка давно уже была на мѣстѣ, собрались и офицеры и ждали только прибытія полковаго командира, чтобы начать танцы. Наконецъ, и онъ пріѣхалъ. Послѣ взаимныхъ представленій и отшаркиваній, дѣдушка (онъ же и командиръ) со стаканомъ поданнаго ему чая вышелъ въ кабинетъ хозяина и, не зная расположенія и назначенія комнатъ городничевского дома, хотѣлъ было пройти дальше, какъ увидѣлъ черезъ полуотворенную дверь, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то спитъ на лавкѣ. И не успѣлъ онъ повернуть назадъ, какъ спавшая дѣвочка, словно почуввавъ на себѣ его взглядъ, проснулась и въ свою очередь удивленно посмотрѣла на стоявшаго въ дверяхъ, въ странномъ для нея одѣяніи, господина.

— Скажите, пожалуйста, — обратился дѣдушка къ вошедшему вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ городничему, — чья это красавица дѣвочка спала сейчасъ въ слѣдующей комнатѣ?

Городничій заглянулъ въ дѣвичью и, увидя тамъ маленькую Клавдію, отвѣтилъ:

— Это, полковникъ, не дѣвочка, а мадамъ.

— Какъ мадамъ? — удивился дѣдушка. — Та была въ бѣленькомъ платьѣ, брюнетка.

— Ну, да; она и есть. Это мадамъ Долинская.

— Да какая же мадамъ? Она мнѣ совсѣмъ ребенкомъ показала.

— Да она и есть ребенокъ. Ей, должно быть, лѣтъ двѣнадцать теперь.

— Но какъ же это? Я не понимаю.

— А очень просто: у насъ сохранился еще до сихъ поръ обычай вѣнчать дѣтей. Такъ вотъ и она на одиннадцатомъ году была обвѣнчана съ однимъ здѣшнимъ помѣщикомъ Долинскимъ и послѣ вѣнца, какъ это водится, вернулась къ своимъ родителямъ. А теперь ее скоро, кажется, отвезутъ къ мужу. Жалкое дитя.

— Почему же жалкое?

— Да господинъ-то этотъ, мужъ ея... какъ бы это вамъ сказать? Ну, не симпатичный, что ли, человекъ. Слухи о немъ не очень-то красивы. Говорятъ, скряга страшнѣйшій, старикъ, разбитый не то параличемъ, не то подагрой, и при этомъ и характера довольно жестокаго.

— Господи, Боже мой, да зачѣмъ же родители выдавали ее за такого человекъ? Да еще такую красавицу!

— Видите ли: они люди малосостоятельные, дочерей у нихъ много, а Долинскій слыветъ богачемъ. Къ тому-жъ его почти никто не знаетъ здѣсь. Послѣ они, кажется, и жалѣли, да ничего не подѣлаешь.

— Кто же ея родители?

— А вы, вѣрно, не замѣтили тамъ, въ гостинной, даму въ коричневомъ платьѣ, госпожу Ограновичъ? Вотъ это и есть ея мать.

Звуки польскаго прервали разговоръ дѣдушки съ городничимъ. Оба они поспѣшили въ заль, гдѣ ихъ встрѣтили нетерпѣливые взгляды дамъ и дѣвицъ. Всѣ знали, что по этикету первый туръ полонеза командиръ пойдетъ съ хозяйкою дома, поэтому общій интересъ сосредоточивался на томъ, кого пригласитъ онъ на второй.

Дѣдушка, наскоро застегивая перчатку, вошелъ въ заль, оглянулся кругомъ и, не найдя здѣсь хозяйки, приостановился на минуту въ нерѣшимости; но городничій подошелъ къ нему и, извиняясь за неумѣстное отсутствіе жены, вышедшей, вѣроятно, для какихъ нибудь хозяйственныхъ распоряженій, просилъ открыть балъ безъ нея. Любопытство Пирятинскихъ дамъ удвоилось, онѣ неотступно слѣдили за глазами молодаго командира полка и пришли въ совершенное недоумѣніе, замѣтивъ, что онъ уходитъ въ гостинную, гдѣ теперь почти никого не оставалось. Это недоумѣніе перешло въ полнѣйшее изумленіе, когда черезъ нѣсколько минутъ дѣдушка снова показался въ дверяхъ подъ руку съ болѣе чѣмъ скромно одѣтою madame Ограновичъ.

— Что такое? Что это значить?—вслухъ выражалъ свое удивленіе прекрасный полъ, нимало не стѣсняясь присутствіемъ дочерей Ограновичъ.—Почему съ Ограновичъ? Почему ей такой преферансъ? Здѣсь есть дамы и старше ея.

Толковали ужъ о возрастѣ madame Ограновичъ, такъ какъ о положеніи ея не могло быть и рѣчи: въ этомъ отношеніи она мнѣе всѣхъ имѣла шансовъ на оказанное ей предпочтеніе. Дамы готовы были не на шутку рассердиться на дѣдушку за эту непонятную для нихъ выходку, и только его изысканная любезность и предупредительность ко всѣмъ въ остальное время бала не испортили вечера окончательно и спасли его самого отъ женскаго негодованія.

Баль у городничаго затянулся вплоть до разсвѣта, но дѣдушкѣ не удалось больше въ этотъ разъ увидѣть маленькую мадамъ До-

линскую, такъ какъ она все время оставалась въ уборной и потомъ, не дождавшись развѣзда, опять улеглась тамъ спать.

Когда на слѣдующій день городничій пріѣхалъ благодарить его за посѣщеніе, онъ сталъ подробнѣе расспрашивать его о Долинскомъ и объ этомъ странномъ бракѣ. Но городничій мало могъ удовлетворить его любопытство, такъ какъ лично Долинскаго не зналъ, потому что тотъ почти никогда нигдѣ не показывался и у себя принималъ только немногихъ ближайшихъ сосѣдей. Поэтому на всѣ вопросы дѣдушки гость могъ повторить только вчерашнее: скупъ, очень богатъ, старый и больной.

Услыхавъ, что имѣніе этого господина находится въ не особенно далекомъ разстояніи отъ города, дѣдушка рѣшилъ въ тотъ же день сдѣлать визитъ ему и, проводивъ городничаго, велѣлъ сейчасъ же закладывать лошадей. Зачѣмъ онъ ѣхалъ къ этому несимпатичному по рассказамъ старику, что именно влекло его къ нему, и къ чему такъ торопился онъ, въ этомъ онъ и самъ не давалъ себѣ яснаго отчета. Ему только казалось, что почему-то такъ нужно сдѣлать, и онъ дѣлалъ, хотя положительно не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ намѣреній и цѣли для этого визита. И только когда онъ отъѣхалъ уже порядочно отъ города, ему впервые пришелъ вопросъ въ голову: захочетъ ли еще больной и своенравный старикъ принять его? Но, додумавшись до этого, дѣдушка, однако, не вернулся; а наоборотъ, чѣмъ сомнительнѣе казался ему утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, тѣмъ настойчивѣе желалось добиться во что бы то ни стало этого свиданія. Еще ровно ничего онъ не уяснилъ себѣ, и ему только казалось, что свиданіе это было необходимо, словно самый видъ старика способенъ былъ разъяснить и разрѣшить то неопредѣленное «что-то», которое смутно носилось въ его головѣ.

Приближаясь къ цѣли своего путешествія, онъ чувствовалъ, что смущеніе все больше и больше овладѣваетъ имъ, и что предстоящее свиданіе съ таинственнымъ старикомъ волнуетъ его несравненно больше всякихъ парадныхъ выходовъ въ Зимнемъ дворцѣ. Но вотъ карета его въѣхала въ какое-то село; кучеръ остановилъ лошадей и спросилъ о чемъ-то проходившаго мужика; тотъ на непонятномъ нарѣчій объяснилъ ему что-то и указалъ рукою налѣво. Лошади опять тронулись, экипажъ свернулъ по указанному мужикомъ направленію и черезъ нѣсколько минутъ остановился.—Гей! Кто тамъ есть? Отворите ворота!—громко крикнулъ кучеръ. Дѣдушка опустилъ окно кареты и осмотрѣлся.—Передъ нимъ былъ большой дворъ, обнесенный низкимъ, дырявымъ плетнемъ, весь заросшій крапивою и дурманомъ, посреди его стояла длинная-предлинная хата съ крошечными оконцами и покосившимся крыльцемъ, на ея крышѣ лежало нѣсколько огромныхъ тыквъ, а подъ навѣсомъ мотались связанные въ пуки чеснокъ и кіюшки. Зачѣмъ же они пріѣхали сюда? Вѣдь это никакъ не усадьба даже самаго мелкопомѣстнаго великорусскаго барина. А гдѣ же замокъ скряги-богача?

Но недоумѣніе дѣдушки разрѣшилось выбѣжавшимъ на зовъ кучера босоногимъ хлопцемъ.

— Мнѣ нужно видѣть господина Долинскаго,—недовѣрчиво обращается къ нему дѣдушка.—Скажи, пожалуйста, куда намъ проѣхать къ нему?

— А ось тутычки, пожалуйста,—отвѣчаетъ тотъ, оттаскивая стороженныя изъ нѣсколькихъ жердей-перекладинъ полусгнившія ворота.

— Да куда-жъ къ барскому дому-то проѣхать?—въ свою очередь недоумѣваетъ кучеръ.

— Та ось прямо,—указываетъ хлопецъ на длинную хату.— Це и е господѣ. (Это и есть барскій домъ).

Карета обогнула дворъ и остановилась у покосившагося крыльца.

Дѣдушка вышелъ изъ экипажа, взобрался на крыльце, прошелъ въ сѣни, но никто не явился встрѣтить его. Онъ отворилъ на удачу дверь, что была направо, оттуда пахнуло затхлостью, но и тутъ ни одна живая душа не показалась. Онъ вошелъ въ горницу, кашлянулъ, нарочно звякнулъ нѣсколько разъ шпорами—тихо.

— Могу я видѣть господина Долинскаго?—какъ можно громче спросилъ онъ.

— Кто тамъ?—отозвался издали чей-то беззвучный голосъ.

— Мнѣ нужно видѣть господина Долинскаго.

— Пожалуйста сюда,—послышался опять тотъ же голосъ.

Дѣдушка, неловко ступая по глиняному полу, пошелъ на зовъ; миновалъ одну, другую комнату, вошелъ въ третью и остановился на порогѣ, не зная, кланяться ли ему, или нѣтъ. Здѣсь въ деревянномъ креслѣ грубой домашней работы, весь обложенный подушками въ грязныхъ, ситцевыхъ наволокахъ, сидѣлъ старикъ въ одеждѣ, которой трудно было дать какое либо названіе, съ увернутыми въ старый нагольный тулупъ ногами.

— Кого имѣю удовольствіе видѣть?—спросилъ онъ, смѣривъ молодаго человѣка съ головы до ногъ удивленнымъ взглядомъ.

— Борисъ Сергѣевичъ Соковнинъ, командиръ квартирующаго теперь въ Пирятинѣ Новгородскаго кирасирскаго полка, — отрекомендовался тотъ.

— Очень пріятно. Прошу садиться.

Щеголь-гвардеецъ непріязненно покосился на стоявшій возлѣ старика деревянный стулъ съ толстымъ слоемъ пыли на сидѣннѣ, но больше дѣваться было некуда, и онъ опустился на него.

— Чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ?

Какъ ни странно это покажется, но здѣсь случилось именно такъ, какъ и чудилось дѣдушкѣ: едва увидѣлъ онъ этого старика, какъ ему почему-то вдругъ стала совершенно ясна и цѣль его

визита къ нему, и въ головѣ необыкновенно скоро сложился планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Разочарованіе ли въ личности Долинскаго, представшаго, вмѣсто ожидаемаго надутаго, гордаго богача, въ видѣ грязнаго скряги-полуоборванца, отвратительная ли обстановка и тяжелый, специфическій воздухъ его жилища подѣйствовали такимъ отталкивающимъ образомъ на молодого гостя, но только онъ рѣшилъ не церемониться здѣсь особенно, и поэтому, желая на сколько возможно сократить свой визитъ, прямо, безъ всякихъ прелюдій и обиняковъ, приступилъ къ дѣлу.

— Вамъ можетъ показаться нѣсколько странно и необычною цѣль моего визита, но это будетъ зависеть отъ обстоятельствъ,—началъ онъ.— Чтобы не утруждать вашего вниманія посторонними вещами, я позволяю себѣ начать прямо съ дѣла, по которому пріѣхалъ.

— Это лучше всего.

— Такъ и я думаю. Вчерашній день я узналъ случайно, что годъ съ небольшимъ тому назадъ вы женились на дочери здѣшняго помѣщика, дѣвицѣ Ограновичъ,—сказалъ дѣдушка и посмотрѣлъ на старика, желая узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на него это вступленіе. Ужъ во всякомъ случаѣ оно должно было удивить его, ну, хотя бы неожиданностью.

Но тотъ не шевельнулъ ни одною чертой и продолжалъ сидѣть попрежнему, завалившись въ подушки и уставивъ свои тусклые, выцветшіе глаза на молодаго человѣка.

— Разность въ лѣтахъ вашихъ и вашей... жены, а также и ваше болѣзненное состояніе,—снова заговорилъ гость,—заставляетъ меня предполагать, что бракъ этотъ былъ заключенъ вами не по какому либо иному чувству, какъ единственно только изъ добраго желанія предоставить дѣвочкѣ лучшую... (онъ хотѣлъ сказать обстановку, но, оглянувъ комнату и самого старика, запнулся и замѣнилъ одно слово другимъ),—лучшія средства, чѣмъ тѣ, которыми располагаютъ ея родители. Если эти предположенія вѣрны, и я не ошибся, то думаю, что я не возбужу вашего гнѣва моимъ предложеніемъ, и вы не найдете въ немъ ничего для васъ непріятнаго. Если же я не такъ понялъ васъ, то заранѣе прошу извиненія, что позволилъ себѣ разсуждать о чужихъ поступкахъ и обезпокоилъ васъ моимъ посѣщеніемъ.

— Говорите.

— Мнѣ хотѣлось бы прежде знать, имѣю ли я основаніе продолжать этотъ разговоръ?

— Если ужъ начали, то и продолжайте.

— Зачѣмъ же? Если мои предположенія неправильны, тогда и предложеніе это будетъ не только неумѣстно, но даже дерзко, и я не позволю себѣ его высказать.

— Я не могу догадаться, о чемъ именно вы думаете говорить,

но только, по моему, во всякомъ дѣлѣ ничего не должно оставаться недосказаннымъ. Вы, молодой человѣкъ, желаете непременно знать: вѣрно ли вы разсудили мою женитьбу? Извольте, я отвѣчу вамъ: да, вы не ошиблись, я, дѣйствительно, женился потому, что имѣю средства, но не имѣю, кому ихъ оставить. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, еще потому, что не имѣю около себя близкаго лица, которое доглядѣло бы за мною. Вѣдь я совершенно одинокій и притомъ больной. Я почти не могу двигаться, да еще по временамъ отъ давнишней простуды у меня все тѣло покрывается ранами. Теперь сами разсудите, какъ же такому недужному жить одному. Вѣдь меня, въ случаѣ чего, и оборонить некому.

— Но вѣдь и подобный ребенокъ плохая для васъ защита. Мнѣ кажется, что даже въ вашемъ хозяйствѣ она не въ состояніи будетъ серьезно помогать вамъ.

— Вы говорите о Клавдіи? Да, это, видно, ужъ судьба ея такая, что именно она попала за меня. Тутъ, знаете, много сосѣди сбили. Пристали: женись да женись на Ограновичъ. Послѣ я ужъ и раскаивался, что связалъ ея судьбу... Да вотъ подите-жь! Такъ сложилось все.

Дѣдушка во все время этой рѣчи пылливо смотрѣлъ на Долинскаго, желая угадать, правду ли онъ говоритъ, или только съ какимъ нибудь умысломъ поддакиваетъ ему. Онъ такъ много наслышался дурного объ этомъ человѣкѣ, что теперь по неволѣ не вѣрилъ въ искренность его словъ. Но какъ ни всматривался онъ въ мутные, почти бѣлые глаза старика, ему ничего не удалось прочесть въ нихъ: они словно застыли съ однимъ выраженіемъ, или, вѣрнѣе, не выражали ничего.

— Если вы сами находите, что поступили неправильно, связавъ судьбу этого ребенка со своею, и такимъ образомъ, вмѣсто желаемаго добра, сдѣлали ошибку, о которой теперь сожалеете, тогда мнѣ не трудно высказать вамъ мою просьбу, потому что она даетъ вамъ возможность исправить то, въ чемъ вы сами, какъ говорите, раскаиваетесь. Я пріѣхалъ просить васъ уступить мнѣ ваши права на ту особу, о которой мы говоримъ.

— Какимъ же это образомъ? Вѣдь мы обвѣнчаны. Ограновичъ моя жена, а не невѣста. Я не могу отказаться отъ нея.

— Вы подадите прошеніе о разводѣ, конечно, съ предоставленіемъ вашей женѣ права на вторичное замужество. Всѣ хлопоты и расходы по этому дѣлу я принимаю на себя,—добавилъ дѣдушка, вспомнивъ рассказы о скупости Долинскаго, но сейчасъ же спохватился и сконфузился, подумавъ, не оскорбилъ ли онъ старика этимъ неумѣстнымъ напоминаніемъ о деньгахъ.

— А Клавдія и ея родители согласны на это?—спросилъ тотъ, прищуривая глаза, причемъ на его тонкихъ, синихъ губахъ промелькнуло, какъ показалось дѣдушкѣ, что-то въ родѣ ехидной улыбки.

— Я еще ничего не говорил имъ объ этомъ.

— Это вѣрно?

— Я, кажется, сказалъ вамъ, что только вчера на вечерѣ впервые узналъ это семейство, а сегодня, какъ видите, явился къ вамъ. Слѣдовательно, я даже не имѣлъ времени быть у нихъ.

— Такъ, такъ, такъ. А дѣвочка вамъ очень понравилась? Вѣдь она прехорошенькая.

— Да, она очень красива. Но, мнѣ кажется, говорить намъ объ этомъ не къ чему.

— Та-акъ-съ,—протянулъ старикъ, потирая свои костлявыя руки, тогда какъ въ тусклыхъ глазахъ его вдругъ забѣгала какой-то огонекъ.—Хорошо-съ,—черезъ минуту сказалъ онъ, словно сообразивъ что-то:—я согласенъ исполнить вашу просьбу... Но только такъ я не уступлю вамъ ее...

— «Это что же такое?—подумалъ дѣдушка.—Чего хочетъ старикъ? Вѣрно, онъ оскорбился и теперь просто издѣвается надо мною. Да и, дѣйствительно, съ моей стороны все это вышло ужасно смѣло и глупо».

А Долинскій между тѣмъ продолжалъ:

— Вы заплатите мнѣ за разводъ пять тысячъ рублей. И имѣйте въ виду, полковникъ: пять тысячъ чистыми деньгами—рублевыми, пятирублевыми и хоть гривнами, лишь бы чистыми денежками. Никакихъ росписокъ и векселей я не принимаю. И, кромѣ этого, всѣ расходы на вашъ счетъ.

— Когда прикажете явиться мнѣ за бумагами?—спросилъ дѣдушка, вставая.

— А какъ только у васъ будутъ готовы всѣ деньги. Я ждать себя не заставляю. Да куда-жъ вы спѣшите? Теперь, по нашему обычаю, надо бы по чарочкѣ горилки выпить.

— Благодарю васъ, я не пью. Итакъ, въ случаѣ согласія со стороны Ограновичей, я буду у васъ дня черезъ два. Можете вы приготовить къ этому времени всѣ нужныя бумаги?

— Конечно, конечно,—вдругъ оживился старикъ.—Пожалуйте, пожалуйста. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Да и чего имъ не согласиться? Скажите, что я ничего, ничего не имѣю противъ этого. А напрасно не хотите выпить.

Дѣдушка, молча, отшаркался и, не подавая на прощанье руки старику, поспѣшилъ выйти изъ его дома.

Неожиданность происшедшаго просто ошеломила его. Отправляясь на свиданіе съ Долинскимъ безъ всякаго опредѣленнаго плана въ головѣ, онъ даже не зналъ навѣрное, рѣшится ли заговорить съ нимъ о его молодой женѣ. Все зависѣло отъ личности этого таинственнаго старика и отъ пріема, какой онъ ожидаетъ своему нежданному гостю. Но если даже рѣшится, что выйдетъ изъ всего этого? Предугадать результатъ такой поѣздки

было положительно невозможно. Много самыхъ разнообразныхъ картинъ предстоявшаго свиданія рисовалось въ неясныхъ мечтаніяхъ молодого человѣка, но то, что случилось, было совсѣмъ невѣроятно. Онъ, кажется, перебралъ въ умѣ своемъ всякія возможности: и сцены негодованія и бурныхъ объясненій, и вызовъ, секунданты, дуэль, и ея двоякій исходъ и послѣдствія; и наоборотъ: рыцарское благородство и великодушіе, геройское самоотверженіе старика и добровольный отказъ отъ своихъ правъ, ради счастья любимой имъ дѣвушки. Однимъ словомъ, пока карета командира новгородцевъ, спокойно покачиваясь на рессорахъ, пробѣгала путь отъ Пирытина до имѣнія Долинскаго, ея сѣдокъ побывалъ и подъ судомъ за убійство на дуэли, и самъ лежалъ въ гробу, и былъ обвинчанъ съ разведенною женою стараго богача. Все было передумано молодымъ человѣкомъ, ко всему готовился онъ: и къ полнѣйшей неудачѣ, и къ невѣроятнымъ случайностямъ и подвигамъ для достиженія желанной цѣли. Но то, что ему придется за деньги купить свое счастье, что богачъ-старикъ продастъ свою жену, этого онъ ужъ никакъ не ожидалъ. Торгъ этотъ такъ возмутилъ его, что онъ сразу не почувствовалъ даже радости, что поѣздка его увѣнчалась успѣхомъ, и что самое главное и трудное уладилось такъ скоро и легко, какъ ему и во снѣ не могло присниться. Онъ старался поскорѣе разсѣять и забыть тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него разговоромъ со старикомъ, и принимался обдумывать дальнѣйшее, но едва дѣлалъ усиліе сосредоточиться на чемъ нибудь, какъ передъ нимъ или проносилось желтое лицо старика съ заискрившимся вдругъ огонькомъ въ потухшихъ, оловянныхъ глазахъ, когда онъ почуялъ возможность наживы, или слышался его глухой, словно удавленный голосъ, отчетливо и ясно произносившій на этотъ разъ: «рублевиками, пятирублевиками и хотъ гривнами, лишь бы чистыми денежками», или вспоминалось циничное предложеніе выпить «чарку горилки» по случаю выгодно заключеннаго торга. И онъ опять возмущался и сердился на самого себя за то, что снова отвлекся отъ того, о чемъ началъ было думать, и вернулся къ этому постылому свиданію. Его раздражала эта безуспѣшная борьба съ самимъ собою, и онъ положительно обрадовался, когда его карета вѣхала, наконецъ, въ городъ, надѣясь, что хотя что нибудь извнѣ дастъ другое направленіе его мыслямъ и поможетъ ему отдѣлаться отъ этихъ тяжелыхъ, неотвязныхъ воспоминаній.

На слѣдующій послѣ этого визита день, часовъ около двѣнадцати, когда семья Ограновича собиралась уже, по деревенской привычкѣ, сѣсть за столъ, къ нимъ во дворъ неожиданно вкатила щегольская карета, запряженная парюю рослыхъ, красивыхъ лошадей. Въ домѣ всѣ всполошились: кто кинулся одѣваться, кто

спѣшно убиралъ посуду со стола, кто отыскивалъ растерявшуюся и сбѣжавшую неизвѣстно куда прислугу, такъ что Ограновичу самому пришлось открыть двери гостю, въ которомъ по парадному выѣзду всѣ сразу угадали молодого командира полка. Этотъ неожиданный визитъ каждымъ членомъ семьи былъ истолкованъ по своему: Ограновичу пріятно было, что полковникъ, знакомясь съ помѣщиками, не обошелъ и его; жена его, всегда немножко мечтавшая о своей бонтонности, очень быстро объяснила себѣ, что молодому гвардейцу, какъ человѣку, привыкшему вращаться въ высшемъ обществѣ, не трудно было, не смотря на скромность ея положенія, отличить въ ней особу несравненно болѣе благовоспитанную, чѣмъ всѣ остальные пирятинскія дамы; двѣ дочери, бывшія на балѣ у городничаго, приняли это посѣщеніе на свой счетъ, и даже старшій сынъ вообразилъ почему-то, что молодой командиръ, должно быть, большой охотникъ и, узнавъ отъ кого нибудь, что у него есть очень породистыя борзые, вѣроятно, пріѣхалъ познакомиться именно съ нимъ. Одна только Клавдія попрежнему отнеслась совершенно равнодушно къ этому происшествію и ужъ никакъ не могла истолковать его въ свою пользу. Она даже не подозрѣвала, что этотъ красивый, молодой командиръ, о которомъ столько говорили въ послѣдніе два дня ея мать и сестры, и есть тотъ самый господинъ, котораго она видѣла мелькомъ въ домѣ городничаго. Теперь, пока сестры одѣвались и сутились передъ зеркаломъ, ея вниманіе было поглощено маленькой, изящной каретой, составлявшей предметъ удивленія и не для нея одной, такъ какъ въ то время провинціальныя кареты представляли еще собою нѣкое подобіе Ноева ковчега, влѣзать въ которыя нужно было по безчисленному количеству ступеней, словно на чердакъ или на второй этажъ по пожарной лѣстницѣ. Подсѣвъ къ окну, Клавдія, не отводя глазъ, смотрѣла на дѣдушкинъ выѣздъ и, навѣрное, не замѣтила бы, что гость сидитъ уже долго, если бы ей не захотѣлось ѣсть. Подождавъ еще немного и видя, что онъ не уѣзжаетъ, она не вытерпѣла больше, сбѣгала на кухню, добыла тамъ лепешку съ творогомъ и, вернувшись опять къ окну, принялась съ полнымъ удовольствіемъ проголодавшагося ребенка уплетать ее.

За этимъ занятіемъ и застала ее вбѣжавшая и очень чѣмъ-то взволнованная мать.

— Иди скорѣе въ гостиную, — сказала она дочери. — Да гдѣ гребешекъ? Поправь волосы. И, пожалуйста, не забывай, что руками разсуждать не годится.

— Я туда не пойду, тамъ чужіе есть, — отвѣтила та, не трогаясь съ мѣста.

— Некогда тутъ разговаривать. Иди скорѣе, если тебѣ приказываютъ.

Клавдія встала, торопливо дожевала и проглотила оставшіяся

у нея во рту кусокъ лепешки и, поправивъ на ходу прическу, послѣдовала за матерью.

Подойдя къ дверямъ гостиной, она было задичилась и хотѣла убѣжать назадъ, но изъ любопытства заглянула туда и, узнавъ въ важномъ гостѣ того самого господина, котораго она видѣла у городничаго, смѣло вошла въ комнату. На нее обыкновенно нагонялъ страхъ только самый видъ новаго лица; о томъ, что сумѣетъ ли она говорить и держать себя, что ее могутъ осудить, она никогда нисколько не беспокоилась. Поэтому и теперь, признавъ въ дѣдушкѣ уже разъ видѣннаго ею человѣка, она безъ всякаго смущенія вошла въ гостиную, сдѣлала реверансъ гостю и остановилась за кресломъ матери.

Дѣдушка почтительно, чуть не по придворному, расшаркался передъ маленькою «мадамъ» и тоже стоялъ.

Клавдію удивилъ и этотъ поклонъ, и заинтересовало, что такое зазвенѣло на молодомъ человѣкѣ, когда онъ кланялся ей. Она искоса оглядѣла его и, замѣтивъ шпоры, остановила на нихъ свой любопытный взглядъ.

Ограновичъ, видя, что дѣдушка продолжаетъ стоять, придвинулъ стулъ дочери и усадилъ ее.

— Клавдія, вотъ полковникъ, — обратилась къ ней мать, указывая глазами на дѣдушку, — дѣлаетъ намъ большую честь: проситъ руки твоей и непремѣнно желаетъ лично отъ тебя самой услышать, согласна ли ты принять его предложеніе.

Маленькая мадамъ опять покосилась на молодаго человѣка и отвѣтила:

— Мнѣ не можно: я повѣнчана.

Бонтонную мать покоробилъ этотъ отвѣтъ дочери на смѣшанномъ русско-малороссійскомъ нарѣчій, на какомъ обыкновенно говорила Клавдія, и за которое ей всегда доставалось, но на этотъ разъ она воздержалась и не сдѣлала ей при гостѣ замѣчанія. Она была довольна, что дочь хотя поняла ее и не сказала ничего глупаго.

— Объ этомъ я прошу васъ не беспокоиться, — обратился дѣдушка къ Клавдіи. — Вы только скажите мнѣ: желаете ли вы остаться женою господина Долинскаго, или вамъ угодно будетъ оказать мнѣ честь, принять мое предложеніе?

Клавдія вопросительно взглянула на мать, потомъ на отца, надеясь, что они выведутъ ее изъ затрудненія и подскажутъ должный отвѣтъ, но родители молчали, и она, не зная, что дѣлать, отвела глаза къ окну.

Въ это время дѣдушкинъ кучеръ проѣзжалъ по двору застоявшихся лошадей; плѣвившій дѣвочку экипажъ промелькнулъ мимо окна, въ которое она теперь смотрѣла, и, кажется, рѣшилъ дѣдушкину участь, потому что вслѣдъ за этимъ она еще разъ обела

всѣхъ присутствующихъ глазами и, остановивъ ихъ на мгновеніе на гостѣ, отвѣтила:

— Нѣтъ, я лучше съ вами поѣду.

Это «поѣду» выдало Клавдію; всѣ невольно улыбнулись, догадавшись, что дѣвочкѣ не столько понравился женихъ, сколько его экипажъ. Но никто, конечно, не придалъ важнаго значенія словамъ ребенка, и даже женихъ нимало не обидѣлся за оказанное его каретѣ предпочтеніе и только поспѣшилъ скрыть появившуюся при этомъ наивномъ отвѣтѣ улыбку на губахъ.

Но какъ бы то ни было, карета ли, не карета, была главною причиною согласія, а невѣсту, всетаки, нужно было благодарить за него. Дѣдушка подошелъ къ ней и въ самыхъ изысканныхъ и сердечныхъ выраженіяхъ сталъ благодарить за оказанную ему честь и въ заключеніе поцѣловалъ ей руку.

Послѣднее такъ смутило дѣвочку, что не успѣли присутствующіе оглянуться, какъ ея уже не было въ комнатѣ. Если бы женихъ просто поцѣловалъ ее, она, пожалуй, и глазомъ бы не моргнула: это было ей въ привычку, такъ какъ многіе знакомые здоровались еще съ нею, какъ съ ребенкомъ, подобнымъ образомъ; но этотъ поцѣлуй руки показался ей чѣмъ-то ужасно зазорнымъ. Она знала, что здѣсь не было ничего неприличнаго и не разъ видѣла, какъ мужчины цѣловали руки дамамъ, но вѣдь не ей же? Для нея это было такъ ново и необычайно, что ей даже показалось, словно теперь сама она вдругъ стала не она. Когда ее десятилѣтнимъ ребенкомъ вывели къ первому жениху, мать только сказала ей, что когда она станетъ большою, то будетъ жить вотъ съ этимъ старичкомъ, и старенькій, больной дѣдушка погладилъ ее при этомъ по головкѣ, поцѣловалъ щечку и общалъ много покупать гостинцевъ и часто возить къ папѣ и мамѣ, и больше ничего. И ей нисколько не было стыдно тогда. Теперь же съ нею обошлись несравненно деликатнѣе, и эта деликатность сконфузила ее. Она смутно отгадала своимъ женскимъ инстинктомъ, что этотъ молодой челоувѣкъ видитъ въ ней почему-то не то, что другіе, и что поэтому онъ и обошелся съ нею не такъ, какъ до сихъ поръ всѣ обходились съ ней. Она не понимала и не могла объяснить себѣ этого таинственнаго «почему», потому что въ себѣ самой не находила еще никакого отличнаго, невѣдомаго ей дотолѣ чувства къ жениху, но не ясно отгадывала нѣчто подобное въ немъ, и почему-то стыдилась этого. Въ дѣвочкѣ пробуждалась женщина, и этотъ поцѣлуй руки былъ для нея тою ступенью, которая сразу перевела ее изъ одного возраста въ другой.

Это минутное сознаніе и новизна впечатлѣній, въ которыхъ дѣтскому уму невозможно было разобраться, вихремъ налетѣла и закружила голову дѣвочкѣ, и какъ самый обыкновенный и естественный въ подобныхъ случаяхъ для дѣтей порывъ, у нея явилось желаніе бѣжать, и она убѣжала.

Между тѣмъ, быстрое и неожиданное исчезновеніе невѣсты поставило всѣхъ на нѣкоторое время въ неловкое положеніе: женихъ смутился, не понимая, чѣмъ могъ онъ вызвать подобный поступокъ со стороны дѣвочки; мать сконфузилась передъ нимъ за неблаговоспитанность своей дочери, одинъ отецъ скорѣе всѣхъ догадался отчасти, въ чемъ было дѣло, и сталъ увѣрять дѣдушку, что онъ просто перепугалъ его «хуторянскую дурочку» своимъ петербургскимъ обращеніемъ съ нею. Сестры кинулись было въ погоню за бѣглянкой, но гдѣ и какъ ни искали ея, а жениху на этотъ разъ такъ пришлось и уѣхать, не простившись съ невѣстою: ее нашли только къ вечеру, на краю деревни, запрятавшеюся въ чуланъ у своей бывшей кормилицы.

Собираясь дѣлать родителямъ Клавдіи предложеніе, дѣдушка, всетаки, побаивался, не встрѣтитъ ли онъ съ ихъ стороны какихъ либо препятствій къ разводу и вторичному браку ихъ дочери. Можетъ быть, они не пожелаютъ отдать ее за совсѣмъ неизвѣстнаго имъ и притомъ заѣзжаго человѣка, можетъ быть, какія нибудь національныя или религіозныя соображенія, или неловкое положеніе передъ первымъ мужемъ Клавдіи, вынудятъ ихъ отказать ему. Конечно, переговоры съ ними не представляли уже такихъ трудностей, какія воображалъ себѣ дѣдушка, готовясь къ объясненію съ Долинскимъ, но почему знать? Можетъ быть, самый процессъ развода и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ такъ запугаютъ этихъ хуторянъ, что они и не захотятъ подымать подобнаго дѣла.

Но и на этотъ разъ всѣ опасенія молодаго человѣка оказались напрасными. Едва только онъ заикнулся о своихъ намѣреніяхъ относительно ихъ дочери, какъ они съ нескрываемою радостью дали свое согласіе и только выразили при этомъ сомнѣніе, удастся ли имъ общими силами уломать старика отказать отъ своихъ правъ, не разоллится ли онъ и не станетъ ли по одному этому упираться изо-всѣхъ силъ. Дѣдушка въ этомъ отношеніи былъ совершенно покоенъ, но повятно, что передъ родителями онъ и словомъ не обмолвился о томъ, что уже покончилъ дѣло со старикомъ, и что послѣдній продалъ ему ихъ дочь, а свою жену. Онъ только просилъ предоставить пока ему одному право дѣйствовать, обѣщаясь въ самомъ непродолжительномъ времени побывать у Долинскаго и о результатѣ этого свиданія немедленно сообщить имъ.

Въ назначенный день дѣдушка снова отправился къ старику съ пятью тысячами денегъ въ карманѣ, и взявъ ихъ, по условію, получилъ отъ него всѣ нужныя бумаги и его прошеніе о разводѣ съ женой. Съ первую же отходившею изъ Пірятина почтою, минуя мѣстнаго архіерея, отправилъ онъ это прошеніе въ Петербургъ, присоединивъ къ нему цѣлый ворохъ писемъ къ своимъ знакомымъ, которые по своему общественному положенію такъ или иначе могли

содѣйствовать успѣшному и скорѣйшему окончанію бракоразводнаго дѣла.

Такимъ образомъ это оригинальное и необычайное сватовство совершилось вполне благополучно, безъ всякихъ затрудненій и препятствій съ чьей либо стороны, и теперь оставалось только запастись терпѣніемъ и ждать резолюціи синода на прошеніе. Въ томъ, что дѣло это будетъ имѣть желанный конецъ, то-есть, что просьбу Долинскаго уважатъ, и Клавдія получить право на вторичное замужество, дѣдушка нисколько не сомнѣвался; его только волновало, что оно затянется надолго.

А время было не спокойное: войска отовсюду стягивались къ границѣ, до полка то и дѣло доходили тревожные слухи, съ каждою почтой получалось заразъ по нѣскольку приказовъ отъ начальства, не сулившихъ ничего хорошаго. Для всѣхъ, въ особенности, конечно, для военныхъ начиналась та лихорадочная жизнь изо дня въ день, которая обыкновенно предшествуетъ такимъ важнымъ событіямъ, какъ война. Къ тожу же всѣ теперь понимали, что предстоящая война будетъ не легкая, что она поглотитъ безчисленное количество жертвъ, и что многіе уже не вернуться назадъ и сложатъ свои головы за родину.

Нечего и говорить, какъ все это омрачало счастье жениха; онъ безпрестанно бомбардировалъ своихъ столичныхъ знакомыхъ письмами и просьбами, воображая въ своемъ увлеченіи, что всѣ непременно должны близко принимать къ сердцу и сочувствовать его положенію, и что даже синодъ чуть ли не броситъ всѣхъ своихъ очередныхъ занятій ради его дѣла. Но, увы! ничего подобнаго не случилось, и въ одинъ достопамятный день молодой командиръ новгородцевъ получилъ секретное предписаніе быть съ своимъ полкомъ наготовѣ къ выступленію. У влюбленнаго чуть мозги не загорѣлись отъ этого извѣстія. Чтò тутъ дѣлать? Чтò предпринять теперь? Времени со дня подачи прошенія прошло еще слишкомъ мало, ждать на него отвѣта было рано, въ особенности если принять во вниманіе тогдашнія сообщенія такого захолустья, какъ Пирятинъ, со столицю; а приказаніе выступать могло прійти съ часу на часъ. Со страхомъ и трепетомъ вскрывалъ теперь дѣдушка всякій конвертъ, принесенный съ почты, съ усиленнымъ біеніемъ сердца прислушивался къ топоту копытъ каждаго всадника, проѣзжавшаго мимо его квартиры, воображая, что это эстафета.

И она дѣйствительно не долго заставила себя ждать.

Однажды вечеромъ, когда дѣдушка, только что возвратившійся передъ этимъ отъ Ограновичей, сидѣлъ въ своей мазанкѣ съ нѣсколькими офицерами и полковымъ священникомъ за чаемъ, къ его крыльцу подкатилъ курьеръ. За шумомъ голосовъ разговаривавшихъ никто изъ бывшихъ въ комнатѣ не слыхалъ, какъ этотъ вѣстникъ взоселъ на крыльцо и отворилъ дверь въ сѣни. Одному только дѣ-

душкѣ показалось, будто кто-то звякнулъ кольцомъ входной двери, и онъ незамѣтно сталъ прислушиваться, что будетъ дальше: почудилось ли ему такъ, или дѣйствительно еще кто нибудь пришелъ къ нему. Но вотъ въ сѣняхъ будто разговариваютъ; кто-то взялся за ручку комнатной двери, вотъ эта дверь отворилась, и въ переднюю вошли, и вошедшихъ будто двое.

— Подождите-ка на минутку,—сказалъ дѣдушка своему адъютанту, громко что-то повѣствовавшему.

Тотъ пріостановился и оглянулся на дверь, въ которой показался неизмѣнный деньщикъ дѣда, Филиппъ Ивановичъ, прозванный офицерами Дагоберомъ.

— Что тебѣ, Филиппъ?—спросилъ дѣдушка.

— Къ вамъ кулъеръ, ваше высокородіе,—отвѣтилъ тотъ, пропуская впередъ посланца.

Эта фраза произвела магическое дѣйствіе: всѣ разговоры и споры сразу смолкли, и въ комнатѣ воцарилась гробовая тишина. Всѣ взоры устремились теперь на вошедшаго, а съ него перенеслись на запечатанный пакетъ, который онъ подавалъ полковому командиру.

Послѣдній, молча, принялъ его, положилъ на столъ и, желая скрыть отъ товарищей свое смущеніе, всталъ, дѣлая видъ, что ищетъ костяной ножъ, которымъ обыкновенно взрѣзывалъ конверты.

— Борисъ Сергѣевичъ, да ну же, рвите такъ! Чего тамъ еще?—раздалось нѣсколько нетерпѣливыхъ голосовъ.

— Ишь, загорѣлось!—пересиливъ себя, улыбнулся дѣдушка.— Сейчасъ, сейчасъ узнаемъ, что тутъ такое,—на сколько могъ спокойно проговорилъ онъ, вскрывая конвертъ и пробѣгая глазами полученную бумагу.

Всѣ, затаивъ дыханіе, ждали, когда командиръ кончитъ чтеніе и что-то скажетъ онъ.

— Ну, поздравляю васъ съ походомъ, господа,—обратился онъ къ офицерамъ, складывая прочитанную бумагу.— Выступаемъ.

Съ минуту еще всѣ молчали, словно каждому хотѣлось сразу взвѣсить весь смыслъ этихъ словъ и угадать ихъ неизвѣстныя послѣдствія для себя. Какое будущее скрывалось въ нихъ? Кому что сулили они? Кому славу, награды, почести, а для кого имѣли значеніе смертнаго приговора? Кто именно здѣсь, среди собравшихся, былъ счастливецъ случая и кто обреченная жертва войны?

— Ото добре! Добывать его—такъ и добывать! Нехай не задрытятся,—нарушая общее молчаніе, не вытерпѣлъ и отозвался съ порога Филиппъ, подразумѣвая подъ словомъ «его» Наполеона.— Намъ тому не учиться! Бачили ихъ,—пренебрежительно закончилъ хохоль, побывавшій уже съ дѣдушкою подъ Аустерлицемъ, Фридрихландомъ и Гельзбергомъ.

Эта неожиданная тирада словно разбудила всѣхъ: заговорили всѣ разомъ, и въ комнатѣ, гдѣ за минуту предъ тѣмъ была мертвая тишина, теперь поднялся такой гамъ и шумъ, что ужъ ничего нельзя было и разобрать. Сыпались вопросы, высказывались предположенія, предрѣшались участи сраженій, дѣльхъ армій и чуть ли не государствъ. Одна фъраза порождала другую, каждое предположеніе вызывало опроверженія и споры, и преніямы этимъ не предвидѣлось конца. Народъ собрался все почти молодой, горячій, жаждавшій кипучей дѣятельности и подвиговъ. А между тѣмъ дѣдушкѣ ужасно хотѣлось остаться теперь одному,—не для того, чтобы обдумать свое положеніе: онъ сознавалъ, что тутъ, сколько ни думай, все равно не выдумаешь ничего такого, что въ состояніи было бы его измѣнить, а просто его стѣсняло присутствіе офицеровъ, отъ которыхъ въ такую минуту онъ долженъ былъ скрывать свое личное горе, подавая имъ, какъ начальникъ, примѣръ самозабвенія. Онъ съ трудомъ пересиливалъ себя, выслушивая обращенныя къ нему рѣчи и отвѣчая на сыпавшіеся на него, какъ на воина, уже бывалаго въ дѣлахъ, со всѣхъ сторонъ вопросы, но считалъ совершенно неумѣстнымъ предложить вошедшей въ азартъ молодежи прекратить пренія до слѣдующаго дня и разойтись по домамъ, боясь, чтобы подобнымъ предложеніемъ не дать повода думать, что самъ онъ словно не раздѣляетъ ихъ патріотическаго пыла или занять чѣмънибудь другимъ.

Всѣ офицеры знали исторію дѣдушкинаго сватовства и при другихъ обстоятельствахъ, конечно, поняли бы его невеселое положеніе и сами поспѣшили бы разойтись по домамъ, но привезенное извѣстіе слишкомъ было важно для того, чтобы помнить теперь о чьихъ либо частныхъ дѣлахъ. И они продолжали трактовать, судить и рядить, а дѣдушка молчалъ и крѣпился.

Неизвѣстно, сколько времени продолжалось бы подобное положеніе, если бы на выручку командиру не пришелъ полковой священникъ. Онъ меньше всѣхъ принималъ участіе въ общемъ разговорѣ и поэтому легче другихъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвело на командира полученное извѣстіе. Отъ него не укрылось, какъ послѣдній измѣнился въ лицѣ, когда ему доложили о прибытіи курьера, онъ видѣлъ, что и теперь дѣдушка перемогается, и догадывался, что ему хочется остаться одному. Но какъ помочь дѣлу? Подняться и уйти самому? Но въ пылу на это никто не обратитъ вниманія; молодежь такъ разволновалась, что ея теперь, пожалуй, и на арканѣ домой не утянешь. Сказать чтонибудь? Да, пойдѣ, ухитрись это сдѣлать! Разораторствовались всѣ безъ умолку, такъ что нельзя выбрать минуты вставить свое слово. Заговорить командиръ — на мгновеніе притихнуть всѣ, а едва только замѣтятъ, что его рѣчь подходитъ къ концу, и опять загалдятъ всѣ разомъ, такъ что и не сообразишь, какъ они понимаютъ другъ друга и кто слушаетъ кого.

Наконецъ, священникъ, выждавъ время, когда снова заговорилъ дѣдушка, рѣшился перебить его.

— Полковникъ, слѣдующее слово за мной, — сказалъ онъ, вставая.

Дѣдушка кивнулъ ему въ знакъ согласія головой и, окончивъ фразу, остановилъ движеніемъ руки собиравшихся опять спорить офицеровъ и обратился къ нему.

— Чтò вамъ угодно было сказать, батюшка?

— Да я вотъ чтò хотѣлъ вамъ сказать, господа, — повернулся тотъ къ офицерамъ: — всѣмъ вамъ дѣла будетъ теперь много, а командиру, понятно, больше всего; поэтому не лучше ли намъ разойтись теперь по домамъ и дать Борису Сергѣевичу возможность обдумать все, что нужно, и сообразиться со всѣмъ. А то мы, пожалуйста, такъ-то и до утра просидимъ тутъ. Да только разговоры — разговорами, а дѣло — дѣломъ. Такъ я полагаю.

Дѣдушка взглянулъ на священника, какъ на своего избавителя, и остался крайне доволенъ его тактичностью, что онъ, очевидно, сообразивъ важность минуты, не уводилъ молодежи подъ какимъ нибудь неумѣстнымъ при данныхъ обстоятельствахъ предлогомъ дать покой командиру, или что либо другое въ этомъ родѣ, а свернулъ все на необходимость заняться дѣлами, и подивился про себя, какъ самъ онъ растерялся на столько, что не придумалъ раньше ничего подобнаго.

— Да, господа; батюшка совершенно правъ, — сказалъ онъ: — дѣйствительно, разговоры — разговорами, а дѣло — дѣломъ. Наговориться мы еще успѣемъ вдоволь на досугѣ, а служба не терпитъ. Завтра утромъ прошу всѣхъ ко мнѣ.

Молодежь стала прощаться, и черезъ нѣсколько минутъ квартира командира опустѣла. Проводивъ гостей, дѣдушка торопливо раздѣлся и легъ въ постель; отпустивъ лакея и приказавъ ему загасить свѣчу, онъ остался совершенно одинъ въ душевной, темной комнаткѣ и могъ теперь предаться на свободѣ размышленіямъ о своемъ положеніи. А положеніе это, дѣйствительно, было очень некрасиво. Всѣ обстоятельства складывались ужасно скверно. Въ самомъ дѣлѣ: какого же конца можно было ожидать теперь для затѣянной имъ женитьбы? Онъ уйдетъ на войну, и очень вѣроятно, что совсѣмъ не вернется оттуда. Въ какое же положеніе попадетъ тогда Клавдія, разведенная съ первымъ мужемъ и потерявшая человѣка, въ которомъ заключалась ея дальнѣйшая судьба? О томъ, что она черезъ разводъ избавится отъ своего перваго брака, конечно, жалѣть особенно нечего, но не повредитъ ли ей этотъ процессъ въ будущемъ? Какъ посмотреть на все это полное предразсудковъ провинціальное общество? Можетъ быть, не смотря на всѣ дурныя качества старика, всетаки, было бы лучше, если бы она осталась его женой? Онъ, какъ старый и больной,

могъ умереть скоро, и она имѣла бы тогда и средства, и опредѣленное положеніе. А то ужъ именно ни дѣвица, ни вдова, ни замужняя жена. Или вдругъ ея женихъ явится съ войны такимъ искалѣченнымъ, что перецеголяетъ Долинскаго. Нечего сказать: очень пріятная для молодой дѣвушки участь промѣнять одного калѣку на другаго. Да въ первый разъ она хотя шла ребенкомъ, ничего не понимая, а ко второму браку успѣтъ подрости и должна будетъ принять такой жребій сознательно.

Всѣ эти гаданія и предложенія были ужасно мрачны и неутѣшительны, но вотъ явилась еще новая мысль, заставившая дѣдѣшку даже вскочить съ постели. А ну, какъ старикъ вздумаетъ воспользоваться его отсутствіемъ и умудрится какъ нибудь затереть свое прошеніе о разводѣ, благо, что дѣдушка, миновавъ мѣстнаго архіерея, далъ ему неправильный ходъ, надѣясь, что при его петербургскихъ связяхъ и знакомствахъ вести дѣло черезъ синодъ будетъ гораздо вѣрнѣе и главное — скорѣе? Но измѣнились обстоятельства, измѣнилось и положеніе вещей, и изъ лишняго шанса на выигрышъ вышла прескверная запятая. Обратись онъ прямо ко владыкѣ, тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ бы, что къ нему поступило подобное дѣло, и не допустилъ бы въ немъ никакой уловки со стороны Долинскаго и своихъ подчиненныхъ, а теперь стоитъ только старику подсунуть взятку кому слѣдуетъ, и прошеніе его, которое все равно перешлетъ къ архіерею, останется подъ сукномъ, и пока синоду напомнятъ о немъ, Долинскій успѣтъ потребовать жену къ себѣ, тѣмъ болѣе, что ей равняются года. И навѣрное, такъ сумѣютъ устроить все, что и родители ничего тутъ не подѣлаютъ. Эта мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ дѣдушки и не только не давала ему уснуть, но даже спокойно пролежать нѣсколько минутъ въ одномъ положеніи. Онъ вертѣлся съ боку на бокъ и безчисленное количество разъ задавался вопросами: можетъ ли дѣйствительно все это такъ случиться, и нельзя ли оградить себя какъ нибудь отъ подобныхъ продѣлокъ старика? Но въ отвѣтъ не получалось ничего сколько нибудь успокоительнаго. Развѣ можно было предугадать всѣ увертки, какія способны изобрѣсти и совершить дѣльцы, подобные Долинскому? И если бы даже удалось придумать что нибудь въ свое огражденіе,—для всего этого требовалось время, а его теперь не было.

Между тѣмъ, какъ дѣдушка волновался и метался на своей походной кровати, дверь въ его спальню отворилась, и въ ея просвѣтъ обрисовалась высокая, сухая фигура Филиппа.

— Борысъ Сергѣевичъ,—сказалъ онъ, измѣняя по своему обыкновенію въ имени Борисъ *и* на *и*,—что-жъ мы теперь будемъ зѣ барышнею робить?

— Ну, вотъ еще отозвался!—махнулъ дѣдушка рукой.— Уйди ты, пожалуйста, отъ меня. Мнѣ не до тебя теперь.

— Чего тамъ «уйди»? Я кажу, що намъ зъ барышнею робить?
 — Ничего не робить. Чтò-жь мы можемъ сдѣлать тутъ?
 — Якъ ничего? Аджэ и такъ кидати ее не можно.
 — Ну, чтò-жь намъ дѣлать, скажи на милость, хохоль ты упрямый?

— Якъ що? Возьмемъ ее відсіля (отсюда), та й усе тутъ!

— Одурѣль ты, что ли, голова безмозглая? — разсердился дѣдушка. — Кто-жь она такая, что намъ отдадутъ ее не вѣнчанную? Понимаешь ли ты, что мелешь?

— Чего не понимать? Усе понимаю.

— А понимаешь, такъ и не смѣй говорить мнѣ такихъ глупостей. Уходи. Я спать хочу.

Но хохоль и не подумалъ тронуться съ мѣста.

— Филиппъ, ты слышишь, чтò я тебѣ говорю?

— А то хйба ни? (А то развѣ нѣтъ?).

— Ну, такъ и уходи.

— Вы усе одно спать не будете, — не удостоивая ни малѣйшимъ вниманіемъ барскаго гнѣва, отвѣтилъ деньщикъ, позволявшій себѣ, когда онъ по своимъ соображеніямъ находилъ это нужнымъ, не слушаться своего начальника.

Дѣдушка догадался, что слѣдовательно Филиппъ не все еще высказалъ, если упирается, и что все равно онъ не уйдетъ теперь до тѣхъ поръ, пока не выложитъ всего, что засѣло въ его башкѣ. Поэтому, желая поскорѣе отдѣлаться отъ него, онъ спросилъ:

— Чтò-жь ты умнѣ этого ничего не придумалъ?

— А чего-жь еще выдумывать-то? Возьмемъ ее—та й годи!

— Вотъ болванъ-то упрямый, Господи, Боже мой! Да понимаешь ли ты, что никакіе родители не отдадутъ холостому мужчйнѣ своей дочери-барышни, хотя бы онъ и женихъ ея былъ, и былъ бы вотъ такой же осель, какъ ты, посмѣлъ бы сказать имъ такую дерзость.

— Ото, Матерь Божа! Та хйба-жь я кажу, що вамъ ее брати? Це я знаю, що не можно.

— Такъ о чемъ же ты толкуешь?

— Я возьму ее и отвезу въ Студенку, къ старой пани. Нехай вона (она) тамъ и живе, поки мы зворотимся. А тутъ ее кидати не можно.

Дѣдушку словно озарило. Господи, да что же это за день сегодня такой, что всѣ оказываются умнѣ его? Онъ цѣлую ночь провертѣлся на постели и ничего не могъ придумать, а мысль Филиппа была и умна, и возможна. Не согласятся ли, въ самомъ дѣлѣ, Ограновичи отпустить свою дочь, до окончанія войны, въ деревню къ его матери? Тогда онъ былъ бы гораздо покойнѣе за участь своей невѣсты и своего счастья.

Порѣшивъ въ первую же свободную минуту сѣздить къ родителямъ Клавдіи и всѣми правдами и неправдами добиться ихъ согласія на эту просьбу, дѣдушка нѣсколько успокоился и крѣпко заснулъ передъ разсвѣтомъ.

Утромъ онъ лежалъ еще въ постелѣ, какъ услышалъ, что Филиппъ громко разговариваетъ съ кѣмъ-то въ передней; по голосу ему показалось, что это полковой священникъ, и онъ опросилъ его изъ спальни:

— Это вы, батюшка?

— Я, я, Борисъ Сергѣевичъ. Дѣльце одно къ вамъ есть, и немаловажное,—отвѣтилъ тотъ.

— Пожалуйте. Я сію минуту буду готовъ. Заспался немного.

— Вѣрно, ночь не спали? Я такъ и зналъ.

Дѣдушка наскоро одѣлся и вышелъ къ раннему гостю.

— Чтò скажете, отецъ?—спросилъ онъ его, здороваясь съ нимъ.

— Да вотъ что я надумалъ, Борисъ Сергѣевичъ: позвольте я васъ обвѣнчаю съ госпожею Ограновичъ.

Это предложеніе, конечно, было еще заманчивѣе придуманнаго Филиппомъ, но дѣдушка сейчасъ же сообразилъ, что воспользоваться имъ онъ не можетъ.

— Я давно бы самъ просилъ васъ объ этомъ, батюшка, если бы моя невѣста была, какъ вы сейчасъ назвали ее, Ограновичъ; но вы знаете, что она замужемъ. Слѣдовательно, мнѣ остается только поблагодарить васъ, что вы вспомнили и подумали теперь обо мнѣ.

— Такъ что-жъ изъ того, что замужемъ? Помилуйте, какое же это замужество? Да подобный бракъ, по настоящему, все равно должно бы считать недѣйствительнымъ. Вѣдь онъ по духу-то своему совсѣмъ не согласуется съ нашими церковными постановленіями. У насъ при вѣнчаніи всегда спрашиваютъ жениха и невѣсту, вступають ли они въ супружество по своему собственному желанію, и не принуждаетъ ли ихъ кто нибудь. Ну, а чтò же подобное можно узнать отъ десятилѣтняго ребенка?

— Что-жъ изъ этого, батюшка? Все-таки она обвѣнчана, и бракъ ея законный.

— Да какая же тутъ законность? Никакого исполненія духа закона тутъ нѣтъ, а только одно соблюденіе формальностей. Нашли законность! Да это просто уловка, обходъ закона ради личныхъ выгодъ.

— Можетъ быть, суть дѣла и такова, да я-то отъ этого ничего не выиграваю. Бракъ совершенъ; а признавать или опровергать его мы съ вами, батюшка, не имѣемъ никакого права. Это дѣло высшей духовной власти.

— Я отлично знаю это, и не съ тѣмъ началъ говорить. Мнѣ хотѣлось только доказать вамъ, что если бы вы приняли мое пред-

ложеиіе, въ этомъ поступкѣ не было бы ничего такого, что могло бы тревожить вашу совѣсть. Вѣдь преступленія мы тутъ не совершимъ никакого. Все дѣлается съ общаго согласія. Мужъ и родители изъявили свое согласіе на ваше предложеніе, невѣста достигаетъ того возраста, въ какомъ бракъ допускается, прошеніе о разводѣ подано и, несомнѣнно, будетъ уважено. Слѣдовательно, что же задерживаетъ все дѣло? Одно соблюденіе формальностей? Такъ ихъ можно и по боку, въ виду такого важнаго обстоятельства, какъ война.

— И всетаки, батюшка, такой поступокъ будетъ противозаконнымъ, и я, какъ лице, которому ввѣрено управленіе отдѣльною частью, ужь никакъ не могу дѣлать того, отъ чего долженъ оберегать cadaго изъ ввѣренныхъ мнѣ людей. Какимъ же образомъ соглашусь я подводить и васъ, моего сослуживца, подъ подобное дѣйствіе? Будь еще я простой офицеръ, тогда дѣло было бы другаго рода, но, какъ начальникъ, я не могу позволить себѣ такого своеволія.

— Вы боитесь, что мнѣ достанется за васъ? Да вѣдь не повѣсятъ же меня за это? Есть о чемъ толковать!

— Я не боюсь, а не смѣю допустить васъ сдѣлать то, чего не должно дѣлать, по крайней мѣрѣ, когда это касается лично меня.

— Ну, хорошо, Борисъ Сергѣевичъ; если вы ужь не согласны, чтобы я обвинчалъ васъ, обратитесь съ этою просьбой къ какомунибудь здѣшнему священнику. Они лучше знаютъ законы и обычаи своего края. Можетъ быть, у нихъ и случается нѣчто подобное. Можетъ быть, и разумѣютъ они такіе браки какънибудь иначе, посвоему. Кто-жъ ихъ знаетъ: въ этой хохландіи ничего не разберешь. Они и православные, а крестятъ посвоему, хоронятъ посвоему, можетъ быть, и вѣнчаютъ посвоему! Право, потолкуйте.

— Да, вотъ развѣ это? Благодарю васъ, батюшка, за совѣтъ. Попытаю счастья.

— Такъ вы не откладываете, то-есть, я хотѣлъ сказать, не раздумывайте. Спросъ—не бѣда.

— Конечно. Сегодня же постараюсь повидать когонибудь изъ нихъ.

— Вотъ такъ-то и хорошо. А я вечеркомъ еще зайду къ вамъ узнать результаты.

Священникъ простился и ушелъ, а дѣдушка, какъ только кончилъ всѣ неотложныя дѣла по службѣ, сейчасъ же поѣхалъ для переговоровъ съ пирятинскими попами. Побывалъ у одного, у другаго—оба наотрѣзъ отказались обвинчать его, сказавъ, что хотя разводы по подобнымъ бракамъ и бывають иногда, но что новое бракосочетаніе до расторженія перваго допускаемо быть не мо-

жетъ, такъ какъ первое, хотя и совершается надъ несовершеннолѣтними, всетаки имѣетъ полную законность. Такъ дѣдушка и вернулся домой ни съ чѣмъ и поневолѣ опять остановился мыслью на выдумкѣ Филиппа, какъ на болѣе удобоисполнимой.

Вечеромъ, когда полковой священникъ снова пришелъ къ нему, въ его квартирѣ собрались почти всѣ офицеры.

— Ну, батюшка, поѣздка моя не имѣла успѣха,—обратился дѣдушка къ вошедшему.—Оба священника, къ которымъ я обращался съ просьбою, наотрѣзъ отказали мнѣ.

— Я такъ и ожидалъ. Развѣ можно съ этими хохлами столкнуться въ чемъ нибудь? Они и сами не знаютъ, что творять. Мозгами лѣнь шевельнуть,—проговорилъ тотъ.

— Чтò такое? Въ чемъ дѣло?—спросило нѣсколько офицеровъ.

— Да вотъ батюшка совѣтовалъ мнѣ обратиться съ просьбою къ кому либо изъ мѣстныхъ священниковъ обвинчать меня съ Клавдіею Ивановною до получения бумагъ изъ синода...

— Вотъ тебѣ и на! Батя, да что-жъ ты самъ-то на попятный дворъ?—обратился къ священнику одинъ изъ старыхъ офицеровъ.

— Конечно, конечно!—раздалось заразъ нѣсколько голосовъ.—Чего тамъ еще чужимъ кланяться, коли свой есть?

— Я это и предлагалъ Борису Сергѣевичу, да онъ и слышать не хочетъ.

Офицеры поняли дѣло такъ, что дѣдушкѣ, какъ командиру полка, дѣйствительно неловко было воспользоваться предложеніемъ своего же священника.

— Чтò-жъ теперь дѣлать? Пойдите! Знаете что, господа? Давайте, пойдемъ сейчасъ всѣ гуртомъ къ попу. Авось уломаемъ его какъ нибудь,—предложилъ адъютантъ.

— Что вы, что вы!—остановилъ его дѣдушка.

— Да и не въ томъ дѣло тутъ,—сказалъ батюшка.—Борисъ Сергѣевичъ не соглашается, потому что видитъ незаконность въ этомъ дѣлѣ. Я же доказывалъ, что преступленіе тутъ не велико, такъ какъ первый бракъ, хотя и дѣйствителенъ на бумагѣ, но по духу своему не имѣетъ того основанія, какое ему подобаешь...

— Борисъ Сергѣевичъ, да чего же вы думаете?—отозвался одинъ изъ эскадронныхъ командировъ.—Пишите сейчасъ письмо къ великому князю Константину Павловичу, изъясните ему все дѣло и просите, чтобъ онъ отъ себя приказалъ полковому священнику обвинчать васъ. Вотъ и все. Онъ васъ любитъ и, навѣрное, не откажетъ.

— Вотъ это дѣло! И правда! И давно бы такъ!—послышались со всѣхъ сторонъ одобренія.

— Этого еще не доставало! Великаго князя впутывать въ это дѣло,—возразилъ дѣдушка.

— Ну, вотъ опять не такъ! Да какое же это такое дѣло, что

нелзя просить здѣсь его содѣйствія? Оно вовсе не пустяки. Объясните ему, въ какое положеніе попадаетъ теперь ваша невѣста: съ первымъ мужемъ ее разводять, съ вами не вѣнчаютъ, потому что бумаги не пришли. Да шутъ ли въ нихъ, въ этихъ бумагахъ! Не все ли равно, если онѣ мѣсяцемъ или двумя позже придуть? Когда ихъ тутъ ждать, коли война на носу? Вѣдь не крадете же вы свою невѣсту и не вѣнчаетесь съ нею тайкомъ отъ перваго мужа?

— Вотъ и я доказывалъ Борису Сергѣевичу, что дѣло все только за формальностями,—вставилъ батюшка.

— Конечно. И, можетъ быть, что въ ту минуту, когда вы будете вѣнчаться, первый бракъ Клавдіи Ивановны будетъ уже и расторгнутъ. Да, ждите, пока это расторженіе приползетъ изъ Питера въ Цирятинъ.

— Да не то, господа...

— Вамъ, Борисъ Сергѣевичъ, все не то. А чего тутъ разсуждать, коли можно дѣло сдѣлать. Батюшка, ну-ка, садитесь, сочиняйте письмо.

— И отлично, и отлично!—засуетились всѣ.—Идите въ спальню, затворите дверь и начинайте съ Богомъ. Берите бумагу.

— Вотъ чернильница.

— Пойдите. Гдѣ перья?

— Дагоберъ, давай свѣчку.

Въ минуту священникъ снабженъ былъ всѣмъ необходимымъ для писанья и водворенъ въ отдѣльной комнатѣ, и не прошло часу, какъ письмо къ великому князю было готово. Къ чести его сочинителя нужно сказать, что написано оно было такъ ловко и умно, что, прочитавъ его, дѣдушка и самъ согласился, что въ подобной просьбѣ дѣйствительно нѣтъ ничего непозволительнаго.

Онъ отказывался исполнить совѣтъ товарищей не потому, чтобы боялся возбудить гнѣвъ великаго князя; онъ зналъ, что Константинъ Павловичъ, кромѣ того, что всегда очень милостиво относился къ нему, и по характеру своему серьезно сердиться не станетъ, если даже найдетъ выходку его неумѣстной, и самое большое приплететъ ему собственноручную записочку на синей, золотообрѣзной бумажкѣ, въ которой ловко подтрунить надъ не въ мѣру разгорячившимся влюбленнымъ, но дѣдушкѣ, какъ человѣку, имѣвшему уже такой солидный чинъ и положеніе, просто совѣстно было обращаться съ такою, чисто юношескою просьбой къ великому князю. Священникъ же такъ ловко повернулъ дѣло въ письмѣ, что вся романическая сторона этой исторіи совсѣмъ ступевалась, и главной понудительной причиной просьбы выставлялось крайне тяжелое положеніе дѣдушки передъ его полуразведенной съ первымъ мужемъ невѣстой и ея родителями. Не было въ этомъ письмѣ ничего претендующаго растрогать или умилостивить великаго князя, что

такъ не соотвѣтствовало бы лѣтамъ и положенію его отправителя; весь тонъ его былъ чисто дѣловой и крайне серьезный.

Перечитавъ нѣсколько разъ это посланіе и найдя его совершенно благопристойнымъ, дѣдушка переписалъ его и, не медля, отправилъ по назначенію. Онъ сообщилъ обо всемъ этомъ Ограновичамъ и убѣдительно просилъ ихъ, въ случаѣ, если великій князь не откажетъ ему и дастъ разрѣшеніе на бракъ, привезти тогда Клавдію туда, гдѣ будетъ въ то время находиться Новгородскій полкъ.

Тѣ обѣщали исполнить его желаніе.

На другой день послѣ отправки письма къ Константину Павловичу въ полкъ присланъ былъ приказъ пріостановиться выступленіемъ впредь до новаго распоряженія. Дѣдушка понималъ, что эта оттяжка будетъ непродолжительна, но, всетаки, несказанно обрадовался ей, такъ какъ этимъ выигрывалось время и получалась возможность надѣяться, что просьба успѣетъ сдѣлать хотя одинъ оборотъ, то-есть, что его письмо, по крайней мѣрѣ, дойдетъ до великаго князя. А и это было не маловажно.

И онъ не ошибся: отсрочка, данная полку, дѣйствительно оказалась очень кратковременною. Отъ великаго князя еще не могло быть никакихъ вѣстей, какъ имъ полученъ былъ новый приказъ немедленно выступить со своимъ полкомъ изъ Пирятина. Предпринимать теперь больше было ужъ нечего и волей-неволей приходилось покориться судьбѣ. Конечно, дѣдушкѣ, всетаки, было нѣсколько легче уѣзжать при такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ если бы онъ совсѣмъ не сдѣлалъ ничего, но и надежды его были очень слабы: слишкомъ мало оставалось времени и слишкомъ горяче оно было для того, чтобы разсчитывать, что все, затѣянное имъ, успѣетъ уладиться и прійти къ желаемому концу.

Но, вѣрно, не даромъ маленькая мадамъ такъ настойчиво просилась на балъ къ городничему; видно ей ужъ на роду было такъ написано, чтобы она, разъ уже обвѣнчанная, стала женою дѣдушки. Не успѣлъ еще Новгородскій кирасирскій полкъ отойти далеко отъ Пирятина, какъ его нагналъ курьеръ съ собственноручной запиской отъ великаго князя Константина Павловича на имя полковаго священника, въ которой говорилось: «обвѣнчать командира Новгородскаго кирасирскаго полка, Бориса Сергѣевича Соковнина, съ урожденною Ограновичъ, не дожидаясь прибытія изъ Петербурга бумагъ о расторженіи ея перваго брака. Цесаревичъ Константинъ».

Понятно, что радость дѣдушки была безгранична. Онъ сейчасъ же увѣдомилъ родителей Клавдіи о полученіи разрѣшенія на бракъ и просилъ ихъ, не медля ни минуты, трогаться съ его невѣстою въ путь, дабы имѣть возможность настигнуть полкъ, шедшій форсированнымъ маршемъ.

Семья Ограновичей догнала и застала новгородцевъ на дневкѣ

въ какой-то деревушкѣ; и въ тотъ же день въ походной полковой церкви совершенно было бракосочетаніе моего дѣда съ Клавдією Ивановною Ограновичъ, причѣмъ невѣста, за спѣшностью отъѣзда и невозможностью достать что либо въ Пирятинѣ, вѣнчалась въ томъ самомъ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ, съ двумя красными суконными полосками, вмѣсто отдѣлки, въ которомъ она увидѣла мелькомъ впервые своего суженаго, а за неимѣніемъ въ походной церкви вѣнцовъ для жениха и невѣсты сплетены были вѣнки изъ дубовыхъ вѣтвей. Въ полномъ смыслѣ слова: *à la guerre—comme à la guerre.*

У бабушки долго сохранялось это завѣтное платье, и она говорила, что непрѣменно легла бы въ немъ и въ могилу, если бы не выросла изъ него такъ невозможно, что ея прежняя юбочка впоследствии могла бы служить ей развѣ пелеринкой.

Я не помню по рассказамъ, куда именно провожала бабушка своего мужа, и гдѣ разстались они: знаю только, что вмѣстѣ прожили они послѣ своего бракосочетанія около мѣсяца. А затѣмъ дѣдушка присоединился со своимъ полкомъ къ арміи, а молодая жена его, въ сопровожденіи цѣлаго конвоя—изъ горничной, одного крѣпостнаго человѣка Ограновичей и двухъ лакеевъ и кучера изъ дворовыхъ людей ея мужа,—отправилась въ деревню къ своей свекрови, въ Орловскую губернію.

Увидавъ свою юную невѣстку, мать дѣдушки растерялась, не зная, что дѣлать съ ней и чѣмъ занять ее, чтобы она не скучала на чужбинѣ по роднымъ и мужу. Для «молодой барыни», какъ величала теперь дворян маленькую мадамъ, устроили качели, послали нарочнаго въ Орель за куклами и пригласили гостить дочь священника, годившуюся ей по годамъ въ компаніонки. Въ подобныхъ занятіяхъ и проводила время Клавдія Ивановна, привыкая къ своей новой семьѣ и ожидая возвращенія мужа съ войны.

Между тѣмъ, одно изъ мрачныхъ гаданій дѣдушки отчасти сбылось: въ достопамятный день Бородина онъ раненъ былъ пулею въ голову, и гранатою ему оторвало правую ногу выше колѣна. Лишась сознанія отъ потери крови и головной раны, онъ взятъ былъ въ плѣнъ, гдѣ и произведена была ему ампутація пострадавшей ноги, и куда неуклонно послѣдовалъ за нимъ и неизмѣнный Филиппъ Ивановичъ.

Дѣдушка всегда съ величайшею благодарностію вспоминалъ своихъ плѣнителей и положительно объяснить себѣ не могъ, чѣмъ снискалъ онъ такое расположеніе и вниманіе съ ихъ стороны. Какъ больной, онъ окруженъ былъ самымъ тщательнымъ уходомъ. Для совершенія надъ нимъ мучительной операціи, производившейся къ тому же въ тѣ времена безъ хлороформа, экстренно выписанъ былъ старшій дивизионный врачъ; лазаретный докторъ навѣщалъ его по нѣскольку разъ въ день, фельдшеръ находился при немъ неот-

лучно. Однимъ словомъ, на большее вниманіе онъ не могъ бы претендовать, если бы находился и у себя, на родинѣ. И, можетъ быть, только благодаря искусству французскихъ врачей и такому уходу, здоровье его на столько сохранилось, что онъ, раненый на тридцатомъ году, прожилъ до семидесяти лѣтъ, почти никогда не хвораая. Какъ плѣнный, онъ пользовался не меньшею же предупредительностью своихъ недавнихъ боевыхъ враговъ. Всякій, кто и какъ могъ, выказывалъ ему свое соболѣзнованіе и расположеніе. Достанетъ ли кто нибудь кусокъ сыру, мягкой булки или расживется гдѣ либо рюмкою вина, непременно подойдетъ къ его койкѣ и самымъ любезнымъ и убѣдительнымъ тономъ предложить:

— Colonel, prenez, je vous prie, vous êtes si faible encore.

Попадетъ ли номеръ газеты въ лазаретъ, его прежде припрятать отъ дѣдушки и просмотрять, нѣтъ ли въ немъ какихъ либо особенно мрачныхъ вѣстей для русскаго воина. Филиппу разрѣшено было все время находиться въ лазаретѣ при его больномъ баринѣ.

Все это, конечно, очень трогало дѣдушку, но мысль о молодой женѣ сильно волновала его. Онъ не на шутку трусилъ за свою встрѣчу съ ней. Что-то будетъ, какъ она увидитъ его такимъ? Вѣдь по своей наивности она способна просто бояться его теперь. Какое ей въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто изящнаго кавалера и ловкаго танцора, увидѣть калѣку, съ трудомъ передвигающаго одну уцѣлѣвшую ногу при помощи двухъ костылей. Въ супружествѣ они прожили слишкомъ мало, для того, чтобы можно было рассчитывать на особенно сильную привязанность жены-ребенка, сильную на столько, чтобы она въ состояніи была поборотъ ея дѣтскій страхъ при видѣ искалѣченнаго мужа. Красивая наружность дѣдушки нисколько не пострадала отъ ранъ, и головная рана нимало не беспокоила его, такъ какъ по своему мѣстонахожденію она должна была быть незамѣтной, когда отрутутъ обритые теперь волосы, но оторванная нога, какъ видимое убожество, сильно смущала его. Влюбленный самъ въ свою молодую жену, онъ боялся, что не найдетъ взаимности въ ней. Эта мысль неотвязно преслѣдовала и мучила его; ему не разъ хотѣлось, чтобы все ужъ рѣшилось поскорѣе, а между тѣмъ плѣненію его не видѣлось конца. Богъ знаетъ, когда-то будетъ размѣнъ плѣнныхъ, когда получить онъ возможность вернуться домой. Волненіе и тоска терзали его, ему не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ и высказать свои опасенія. Изъ близкихъ людей при немъ находился только Филиппъ, и дѣдушка попробовалъ какъ-то сказать ему:

— А чтѣ, Филиппъ, не испугается ли теперь наша молодая барыня, какъ увидитъ меня?

Но тотъ сдѣлалъ такіе не только удивленные, а просто испуганные глаза, что можно было подумать, что онъ усомнился въ

нормальности умственныхъ способностей своего командира. Для него, какъ для стараго воина, была какая-то особенная красота въ томъ, что его совѣмъ еще молодой баринъ ходитъ теперь на костыляхъ. «Совѣмъ, какъ есть настоящій боець! Есть съ чѣмъ намъ и домой вернуться! Даромъ ѣсть царскій хлѣбъ мы не при-выкли!» — всегда думалъ онъ, съ гордостію слѣдя глазами за своимъ молодымъ начальникомъ, медленно двигавшимся, при помощи двухъ костылей, между рядами больничныхъ коекъ.

По удивленной фізіономіи Филиппа дѣдушка увидѣлъ, что тотъ его не понимаетъ, и больше никогда ужъ не заговаривалъ съ нимъ объ этомъ. Онъ продолжалъ волноваться и мучиться молча, и только мрачное настроеніе его духа выдавало его тяжелое душевное состояніе.

Но молодость, крѣпкое здоровье и хорошій уходъ, всетаки, дѣлали свое дѣло: дѣдушка быстро поправлялся физически, такъ что мѣсяць спустя послѣ Бородинскаго боя могъ уже вставать съ постели и прохаживаться понемногу.

Въ одну изъ утреннихъ визитацій лазаретный докторъ подошелъ къ нему и, ощутивъ пульсъ, сказалъ:

— Eh bien! Les affaires ne vont pas mal. Mais pourquoi toujours si accablé, colonel? — и, желая чѣмъ нибудь утѣшить больного, добавилъ, что его, вѣроятно, теперь скоро отправятъ въ Парижъ. — Là vous pouvez vous distraire un peu.

— Cela, c'est bien triste pour moi, monsieur, — далеко не радостно отвѣтилъ раненый.

— Comment? — удивился французъ.

Дѣдушка объяснилъ ему, что онъ недавно, во время уже похода, женился и только около мѣсяца прожилъ со своею молодою женой; что теперь, понятно, онъ скучаетъ по ней, и что ему, хотя и лишенному свободы, всетаки, отраднѣе оставаться здѣсь, вблизи ея, чѣмъ ѣхать въ далекій Парижъ.

Особенно распространяться было не нужно: пылкое воображеніе француза легко дорисовало остальное, и изъ нѣсколькихъ словъ, брошенныхъ дѣдушкой, въ головѣ его слушателя быстро сложился цѣлый романъ. Онъ высказалъ свое сочувствіе молодому супругу и, крѣпко пожавъ ему руку на прощанье, ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора докторъ, войдя снова въ палату, гдѣ находился дѣдушка, направился прямо къ нему и, присѣвъ на край его койки, тихонько сообщилъ, чтобы — онъ готовился къ отъѣзду домой.

— Какъ? Чтò такое? — переспросилъ тотъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Очень просто: мы выпустимъ васъ на свободу. А то гдѣ же это ждать какихъ либо формальныхъ распоряженій относительно вашего освобожденія. Это можетъ протянуться и очень долго.

— О благодарю, благодарю васъ, — отвѣтилъ дѣдушка, тронутый

до слезъ его добротою.—Но, Боже мой! Могу ли я преодолѣть теперь всѣ трудности, сопряженныя съ возможностью воспользоваться этой свободой?—грустно проговорилъ онъ, взглянувъ на свою изувѣченную ногу.—Вѣдь я почти недвижимъ.

— Пожалуйста, ни о чемъ не беспокойтесь: мы все устроимъ, какъ нельзя лучше. Мы развѣдаемъ, гдѣ находится теперь вашъ полкъ, и дадимъ знать прямо туда, чтобы за вами пріѣхали. Ни посланныхъ отъ вашего полка, ни васъ самихъ нигдѣ не задержатъ. О времени, когда все будетъ готово, я сообщу вамъ.

Въ первую минуту дѣдушкѣ показалось, что онъ или бредитъ, или что все это ему снится во снѣ. Онъ позвалъ къ себѣ Филиппа и сообщилъ ему радостную вѣсть.

Тотъ подумалъ секунду, потомъ, утирая глаза суконнымъ рукавомъ мундира, только проговорилъ:

— Вотъ те и нехристи!

Самъ дѣдушка такъ радовался предстоявшему освобожденію и свиданію съ женой, что за личною радостію забылъ всѣ свои страхи и не думалъ больше о томъ, какъ-то она встрѣтитъ его. Онъ зналъ только, что скоро будетъ дома и увидитъ ее, а о чемънибудь другомъ ему теперь и размышлять не хотѣлось.

Понятно, съ какимъ волненіемъ и нетерпѣніемъ ждалъ онъ теперь каждой визитаціи доктора, надѣясь услышать отъ него заветное слово.

И вотъ однажды тотъ явился въ палату съ такимъ сіяющимъ лицомъ, что дѣдушка сразу догадался, что, вѣроятно, случилось чтонибудь хорошее. Онъ съ усиленнымъ біеніемъ сердца слѣдилъ, какъ докторъ, остановясь на минуту въ дверяхъ, торопливо отдавалъ какія-то приказанія фельдшеру и потомъ подходилъ къ его койкѣ.

— *Votre santé, colonel?*—громко спросилъ онъ своего пациента, здороваясь съ нимъ, потомъ тихонько добавилъ: — *tout est prêt. Demain au soir vous serez libre.*

Дѣдушкѣ казалось, что онъ положительно не дожидается этого счастливаго завтрашняго вечера, приходившагося на 28 число октября мѣсяца. Наступившій день тянулся мучительно долго. Заняться, чтобы убить время, было нечѣмъ, заснуть не давало волненіе.

Филиппъ тоже не зналъ, что дѣлать, и толкался изъ угла въ уголь. Онъ привыкъ непремѣнно хлопотать и суетиться передъ всякимъ отъѣздомъ, а тутъ укладывать нечего, сбѣгать на конюшню, потолковать съ кучеромъ, осмотрѣть со всѣхъ боковъ экипажъ, лошадей—тоже нельзя, потому что ничего этого не видать нигдѣ.

Наконецъ, въ корридорѣ зажгли уже лампы, и въ то же время къ госпитальному крыльцу подкатила громоздкая лазаретная фура.

Дѣдушка надѣлъ сюртукъ. Кто-то изъ французскихъ офицеровъ прислалъ ему свою шинель и фуражку. Филиппъ, по русскому обычаю, присѣлъ передъ отъѣздомъ со своимъ баринкомъ на койку, потомъ всталъ, помолился Богу и, взявъ въ руки небольшой узелокъ съ провизіей, тронулся за своимъ начальникомъ къ выходу.

Никому въ лазаретѣ не говорили, что дѣдушка получаетъ свободу и уѣзжаетъ домой, но, кажется, всѣ догадывались объ этомъ.

— Bon voyage, colonel!

— Soyez bien heureux!

— Recevez nos respects!—раздалось со всѣхъ коекъ, едва только дѣдушка направился къ двери.

— Adieu, Ivanich!

— Адью, хлопцы, адью. Оставайтесь себѣ съ Богомъ. Не поминайте лихомъ,—раскланивался Иванычъ на обѣ стороны.

— Adio, amico!—отозвался изъ угла одинъ тяжело раненный итальянецъ.

— Прощай, черномазый!—поцѣловался съ нимъ Филиппъ.— Чухрай-ко въ свою Гиталию. Да въ другой разъ не волочись изъ-за грошей за чужими царями драться.

Дѣдушку усадили въ фургонъ, Филиппъ Ивановичъ вскочилъ туда за нимъ, и лошади тронулись.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ въ совершенной темнотѣ по избитой, грязной дорогѣ, фура остановилась у какого-то перелѣска. Кучеръ сказалъ, что ему приказано именно сюда доставить полковника, и что здѣсь должны уже быть теперь его люди. Если же они почему либо опоздали, то чтобы дѣдушка и Филиппъ не трогались съ мѣста и дожидали бы ихъ тутъ. Для дѣдушки разостлали въ лѣсу на землѣ соломы, уложили его, укрыли шинелью и поверхъ ея опять навалили соломы, чтобы онъ не озябъ, такъ какъ ночь была сырая и холодная: дулъ сильный сѣверный вѣтеръ и моросилъ мелкій осенній дождь. Поставивъ около раненаго зажженный фонарь, кучеръ простился съ нимъ, и фура уѣхала обратно.

Филиппъ, не отходя далеко отъ дѣдушки, порыскалъ по лѣсу, покричалъ, поаукалъ, но никто не отозвался ему. Одинъ только вѣтеръ гудѣлъ по макушкамъ деревьевъ, да гдѣ-то вдали завывали волки. Холодно, сыро и жутко было въ лѣсу. Филиппъ вернулся къ барину, присѣлъ у него въ ногахъ на солому и сталъ дожидаться своихъ, изрядно таки ругая ихъ въ душѣ за такую неаккуратность. «А ну, какъ не туда попали они, или ихъ не пропустили въ цѣпи? Чтò намъ дѣлать тогда?—думалъ онъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра и треску въ лѣсу.—Борисъ Сергѣевичъ идти не могутъ, и мнѣ оставить ихъ нельзя, потому тутъ одни волки живьемъ человѣка слопаютъ, а намъ и оборониться отъ нихъ нечѣмъ. Чтò тутъ дѣлать? И какъ вѣдь увѣрялъ этотъ лѣকারъ, что все-то

устроить они любо какъ! А на тебѣ! Устроили! Заморозятъ больного человѣка, вотъ и все тутъ».

— Филиппъ, ты озябъ, должно быть?—спросилъ его дѣдушка, замѣтивъ, что онъ поминутно вскакиваетъ и ходитъ большими шагами по одному мѣсту.

— А ни, ваше высокородіе, я не змерзъ, а только осерчавъ дуже,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, чтò-жъ дѣлать? Подождемъ немного,—отвѣтилъ баринъ, понявъ, отчего «осерчавъ» его слуга.

Филиппъ вернулся на свое прежнее мѣсто и только хотѣлъ опять опуститься на солому, какъ вдругъ имъ обоимъ почудился какой-то неопредѣленный, усиленный шумъ въ лѣсу. Людской ли говоръ это, или налетѣлъ новый порывъ вѣтра и загудѣлъ по верхамъ?

— Наши! — громко крикнулъ Иванычъ, еще ничего не разобравъ толкомъ.

— Подожди, не откликайся,—остановилъ его дѣдушка.—Помни, что мы на войнѣ. Загаси-ка лучше фонарь.

Старикъ повиновался, но ужъ не сѣлъ больше, а остался на ногахъ, держа спички наготовѣ и прислушиваясь. Сухой валежникъ то затрещитъ будто подъ чьими-то шагами, то снова все стихнетъ кругомъ. Шумъ послышится то ближе, то совсѣмъ пропадетъ.

— Борисъ Сергѣевичъ, дозвольте я гукну разокъ!—не терпится хохлу.

— Молчи,—спокойно отвѣчаетъ тотъ.—Больше ждали.

— А якъ вони (они) насъ не найдутъ? Намъ треба до свѣта убраться відсіля (отсюда).

— Сиди ты смирно, сдѣлай милость. Посмотримъ, что дальше будетъ.

— Бо-ри-сѣ Сер-гѣ...—вдругъ послышалось ясно, и только конецъ слова оторвалъ и унесъ вѣтеръ.

— Ау!!..—изъ всей мочи заоралъ Филиппъ.

Перекличка усилилась, ауканья учащались и раздавались все ближе и ближе, и скоро въ темнотѣ, между стволами деревьевъ, замелькали фонари и при ихъ свѣтѣ вырисовалась фигура дѣдушкинаго лакея, Полякова, бѣжавшаго впереди всѣхъ на зовъ Филиппа.

— Ачъ, никчемный (ишь, никуда не годный), ма быть, заспався тамъ, а больного пана трохи не заморозивъ тутычки,—забранился Филиппъ.

Но тотъ не слушалъ его и бѣжалъ со всѣхъ ногъ, спотыкаясь на пни и сухія вѣтви, къ тому мѣсту, откуда отозвался ему дѣдушка. Увидавъ его блѣднаго и исхудалаго, лежащаго на соломѣ, преданный слуга кинулся къ нему и, упавъ на колѣна, зарыдалъ, прижимая къ губамъ его руку.

— Батюшка, ваше превосходительство, Борисъ Сергѣевичъ!

Живы? Ну, слава милосердному Богу! А мы-то и не знали ничего. Въ плѣну ли, убиты ли—думай, какъ хочешь! А вашей милости Георгія пожаловали, въ генералы произвели. Изъ дома письма есть,—высыпаль онъ всѣ новости, и плача, и радуясь, и помогая въ то же время своему барину подняться съ его импровизированнаго ложа.

Филиппъ пересталъ даже браниться и перемѣнилъ осанку, услышавъ, что Поляковъ назвалъ его господина «ваше превосходительство». Находясь со своимъ командиромъ въ плѣну, онъ не зналъ, что тотъ произведенъ уже въ генералы, и теперь эта вѣсть была для него самою важною и радостною новостью.

«Вотъ такъ мы! На тридцатомъ году енараль! Пойди-ко, уго-няйся за нами!»—самодовольно думалъ онъ. Состоя при дѣдушкѣ съ самаго поступленія того на службу въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ и сдѣлавъ съ нимъ всѣ походы 1805—1807 и 1812 годовъ, онъ такъ привыкъ считать себя однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ со своимъ господиномъ, что, говоря о немъ, иначе не говорилъ, какъ «мы», и теперь для него было рѣшительно все равно, его ли бы самого произвели въ генералы, или его барина. Онъ съ отмѣнною важною и суровою командовалъ теперь людьми, освѣщавшими дѣдушкѣ путь къ экипажу, и также важно отдавалъ приказаніе трогаться, когда того довели и усадили въ карету.

Такимъ образомъ, дѣдушка вернулся домой, пробывъ въ плѣну, благодаря великодушію своихъ враговъ, всего два мѣсяца, съ 26 августа по 28 октября.

Молодая жена встрѣтила его весело, такъ какъ у нея было теперь очень много обновокъ, которыми можно было похвастаться передъ мужемъ. На оторванную ногу она почти не обратила вниманія; ее только заинтересовалъ нѣсколько процессъ хожденія на костыляхъ, такъ что она не вытерпѣла и сама, поджавъ одну ногу, промаршировала на нихъ по гостинной, не мало насмѣшивъ этимъ свою свекровь и мужа.

Съ этого времени дѣдушка никогда ужъ больше не разлучался со своею женой, проживъ съ нею въ любви и полномъ согласіи безъ малаго сорокъ лѣтъ.

Неотлучно же находился при немъ и вѣрный Филиппъ, вначалѣ—какъ денщикъ, такъ какъ дѣдушкѣ за его заслуги высочайше повелѣно было и при отставкѣ его дать казенныхъ денщиковъ «натурою», а впослѣдствіи, когда окончилъ срокъ своей службы, какъ дядька его дѣтей.

Бокъ о бокъ и лежатъ эти неразлучные при жизни господинъ и слуга въ могилѣ; умершіе одинъ вслѣдъ за другимъ и погребенные, по просьбѣ послѣдняго и приказанію перваго, въ одномъ склепѣ.

Но всѣ перипетіи дѣдушкиной жевитыбы не закончились еще съ его возвращеніемъ съ войны. Прошло что-то ужъ много времени

со дня его бракосочетанія, кажется, лѣтъ пятнадцать, какъ имъ получено было изъ Петербурга извѣстіе, что на него сдѣланъ доносъ по поводу его незаконной женитьбы на Клавдіи Ивановнѣ Ограновичъ, Долинской тожъ. Это извѣстіе произвело впечатлѣніе удара грома въ ясную и тихую погоду, такъ оно было для дѣдушки неожиданно. Онъ тутъ только спохватился, что, живя мирно въ своей деревнѣ, не то чтобы считалъ не нужнымъ, а просто выпустилъ изъ виду всѣ обстоятельства, сопровождавшія его необычайный бракъ, и ни разу ему даже не пришла мысль въ голову справиться: былъ ли уже расторгнутъ первый бракъ его жены къ тому времени, когда онъ получилъ отъ великаго князя разрѣшеніе на женитьбу, или Константинъ Павловичъ прислалъ его, не наводя справокъ о дѣлѣ, и такимъ образомъ онъ вступилъ въ бракъ съ Клавдіею Ивановною, когда та не имѣла еще на это права. Теперь же дѣло выходило очень скверное. Помимо того, что союзъ этотъ будетъ признанъ незаконнымъ, и они съ женой могутъ быть подвергнуты наказанію, а дѣти ихъ, которыхъ къ этому времени было уже не мало, лишатся имени. И какъ ни поведи дѣло, надѣяться на его благополучный исходъ было не возможно: незаконность поступка была очевидна, и, слѣдовательно, всѣ шансы на сторонѣ доносчика.

Дѣдушка положительно потерялъ голову, не зная, что предпринять ему теперь. Былъ одинъ исходъ: просить милости государя. Но какъ знать: захочетъ ли онъ здѣсь, гдѣ главная виновность заключалась въ нарушеніи постановленій и законовъ церковныхъ, употребить свою власть? Кто зналъ государя Николая Павловича, тотъ могъ очень сомнѣваться въ этомъ. Но больше дѣлать было нечего, и дѣдушка рѣшился обратиться къ нему. Подробно изложивъ всѣ обстоятельства этого дѣла, за исключеніемъ участія въ немъ великаго князя Константина Павловича, онъ просилъ у государя прощенія за свой проступокъ и милости къ его ни въ чемъ неповиннымъ дѣтямъ. Это прошеніе дѣдушка отослалъ своему искреннему другу и сослуживцу по Конно-гвардейскому полку, графу Алексѣю Федоровичу Орлову, и просилъ его доложить о немъ государю.

Графъ Орловъ не замедлилъ исполнить просьбу стараго товарища и, выбравъ минуту, когда государь былъ не занятъ, рассказалъ ему всю исторію дѣдушкиной женитьбы и въ заключеніе подалъ самое и прошеніе.

Государь прочелъ его и, обращаясь къ Алексѣю Федоровичу, сказалъ:

— Всякій проступокъ непремѣнно самъ же влечетъ за собою наказаніе. Такъ вотъ и Соковнинъ, должно быть, не на шутку перетрусилъ теперь бѣдняга. Пусть же это и будетъ ему возмездіемъ. Довольно съ него и этого.

И, взявъ перо, онъ тутъ же положилъ резолюцію на дѣдуш-

кино прошеніе: бракъ генераль-маіора Бориса Соковнина признать законнымъ, равно и дѣтей, родившихся отъ этого брака. И впредь не допускать совершенія бракосочетаній надъ малолѣтними.

Только получивъ это увѣдомленіе отъ графа Орлова, дѣдушка успокоился окончательно и тутъ только задалъ себѣ вопросъ: кому же нужно было доносить на него? Враговъ, которые могли бы сдѣлать это изъ недоброжелательства или лести,—у него не было, Долинскій, несомнѣнно, давно уже умеръ, иначе про него слышно было бы что нибудь отъ Ограновичей, да и тогда онъ такъ былъ старъ и слабъ, что невозможно предположить, чтобы онъ былъ живъ до сихъ поръ... Но въ этомъ дѣдушка ошибался: доносъ былъ сдѣланъ именно Долинскимъ, а съ какою цѣлью,—объяснить трудно. Захотѣлось ли старику просто изъ любви къ искусству учинить какую нибудь пакость, прозналъ ли онъ, что дѣдушка, положительно осыпанный царскими милостями за свою службу, пользуется хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ, и думалъ еще разъ пожить отъ него? Неизвѣстно. Но, принимая во вниманіе алчность старика, скорѣе можно допустить послѣднее.

Вотъ только черезъ сколько лѣтъ суждено было закончиться свадебной Одиссеѣ моего дѣдушки. Для насъ, потомковъ этой столь необычайно обвѣнчанной пары, рассказы о ней не представляютъ уже никакого дива, потому что мы знаемъ ихъ съ дѣтства и на столько усвоили себѣ, что они потеряли въ нашихъ глазахъ всякую оригинальность. Но если взглянуть на эту исторію со стороны и вникнуть во всѣ случайности, сопровождавшія ее, она покажется даже не хитросплетеннымъ романомъ, а настоящею сказкой: до того все было въ ней необыкновенно. Въ самомъ дѣлѣ: нужно же было маленькой Клавдіи такъ настойчиво проситься на балъ къ городничему? Не сказочная ли это случайность, что она заснула въ такой комнатѣ, гдѣ могъ увидѣть ее дѣдушка, и не странно ли, что эта мимолетная встрѣча зарождаетъ въ молодомъ гвардейцѣ, проведемъ свою молодость въ высшемъ кругу столицы, такое сильное чувство къ этой хуторянской дѣвочкѣ, что онъ рѣшается испробовать преодолѣть даже такія препятствія, какъ ея замужество, и ѣдетъ на свиданіе къ совершенно неизвѣстному ему старику? Не диковинно ли, что старикъ продаетъ свою жену, и что подоспѣвшая къ этому времени война, всетаки, не помѣшала свадьбѣ, а только придала большую необычайность обстановкѣ, при которой она совершилась?

Когда кто либо изъ слушателей этого повѣствованія выражалъ свое удивленіе по поводу всѣхъ этихъ случайностей, бабушка всегда съ самымъ искреннимъ сожалѣніемъ восклицала: «и хоть бы я помнила, чтò снилось мнѣ подъ тотъ день, когда я просилась на балъ къ городничему и увидѣла тамъ впервые Бориса Сергѣевича!».

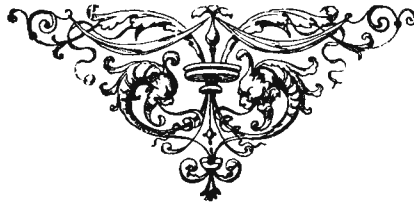
Дѣдушку больше всего смѣшило воспоминаніе о его поѣздкѣ

къ Долинскому: «ѣхалъ не знаю зачѣмъ и пріѣхалъ не вѣмъ куда,— всегда говаривалъ онъ, — вмѣсто замка богача попалъ въ какую-то труппу».

А если при этомъ случался Филиппъ, тотъ обыкновенно самымъ рѣшительнымъ и не допускавшимъ никакихъ возраженій тономъ пояснялъ, что «якъ судьба зайде, то и на печи найде».

Его словами закончу и я мои воспоминанія. Дѣйствительно, должно быть, отъ того, что назначено, не уйдешь, и чему слѣдуетъ быть, тому не помѣшаютъ совершиться никакія препятствія и обстоятельства.

К. Иксуль.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО ¹⁾.

ХІІІ.

Переходъ отряда въ Куринское укрѣпленіе. — Начало экспедиціи 1853 года. — Лагерь на Хоби-Шавданскихъ высотахъ. — Движеніе съ Баклановымъ. — Герой дня баронъ Николаи. — Оказія въ Грозную и приключеніе по дорогѣ. — Баронъ Врангель. — Фатальное купанье на Гойтѣ. — Отъѣздъ курьеромъ въ Тифлисъ. — Поѣздка въ Каджіоры. — Князь Барятинскій. — Представленіе главнокомандующему. — Отдыхъ въ Тифлисъ и возвращеніе въ Воздвиженское. — Объявленіе войны Турціи.

ЯНВАРЯ 15-го 1853 г. назначено было выступленіе изъ Воздвиженскаго, а черезъ недѣлю изъ Грозной, нашего отряда. Переходъ отъ Грозной до укрѣпленія Куринскаго, гдѣ мы должны были соединиться съ кабардинцами и вмѣстѣ войти въ составъ чеченскаго отряда, былъ крайне для насъ неблагопріятенъ. Отрядъ, съ обозомъ на колесахъ, съ перваго же шага попалъ подъ сильный снѣгъ съ морозомъ и страшною мятелью. Среди бѣлаго дня, во все время перваго перехода, зги Божьей не было видно. Порывистый сѣверный вѣтеръ надувалъ громадныя сугробы, по которымъ бѣдные солдаты вязли по самое брюхо. Колонна двигалась съ быстротою черепахи, такъ какъ колеса по ступицу тонули въ снѣгу, лошади выбились изъ силъ, и обозъ останавливался ежеминутно. Шумъ, крикъ и ругань фурштатовъ сливались съ отчаяннымъ стономъ прозябшихъ и совершенно из-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ЛІІ, стр. 355.

немогавшихъ рабочихъ, отряженныхъ отъ ротъ въ вѣдѣніе гевальдигеровъ, чтобы на себѣ вытаскивать грузныя фуры и повозки. И такъ мучился весь отрядъ съ 7 часовъ утра почти до сумерекъ, когда волей-неволей пришлось остановиться на ночлегъ въ степи безъ воды, а что ужаснѣе всего — безъ топлива. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ непрерывно падавшій снѣгъ былъ на столько глубокъ въ полѣ, что для постановки каждой палатки потребовалось до тридцати людей, которые лопатами разгребали кучи снѣга до твердаго грунта. Когда, послѣ продолжительныхъ усилій, удавалось оконченѣвшимъ солдатикамъ наконецъ натянуть палатку, то верхъ ея уже сравнивался съ массами окружающаго снѣга, и она, спрятанная въ яму, принимала видъ ледяного дома. Удобно было ночью спускаться въ эту преисподнюю. Но смѣли ли мы роптать, когда рядомъ съ нами столько людей не имѣли никакого убѣжища и подъ открытымъ небомъ, при разбушевавшейся бурѣ, провели всю ночь напролетъ, заваленные снѣгомъ, безъ пищи и огня? Безконечная ночь эта оставила пагубные слѣды въ отрядѣ. На другое утро жалкую картину представляли отважные бойцы зимней экспедиціи. Ознобленныя руки и ноги, распухшія лица и воспаленныя глаза ясно говорили о перенесенныхъ истязаніяхъ. Судьба, однако, сжалилась надъ горемычными и къ разсвѣту угомонила расхолодившіяся стихіи. Стихло, оттепло, и снѣгъ повалилъ хлопьями, безъ вихря. Прозябшій до костей и голодный отрядъ нашъ потащился впередъ, но не далеко, верстахъ въ трехъ не болѣе, у лѣвостаго берега Сунжи, былъ сдѣланъ приваль, чтобы варить горячую пищу. Запылала костры, закипѣла въ котлахъ каша, выпили по чаркѣ водки, и ожили солдаты. Гдѣ-то по близости раздался звонкій голосъ запѣвалы: «Не бѣды снѣги», и черезъ нѣсколько времени во всѣхъ углахъ широко занятаго bivуака полились молодецкія пѣсни. Герои кавказскіе, каждый кто васъ видѣлъ и имѣлъ возможность оцѣнить, преклонится передъ вами! Еще одну ночь проведя въ степи подъ открытымъ небомъ, на третій день роты бодро и весело вступили въ Куринское, гдѣ ожидалъ ихъ не рай, конечно, а только неподмоченные сухари и запасенныя дрова. Здѣсь же ждали насъ кабардинцы и драгуны. Когда мы съ шумомъ и трескомъ парадно входили въ убогое укрѣпленіе, узкія улицы его были наводнены встрѣчающими солдатами обоихъ полковъ этихъ. Не успѣли мы остановиться, какъ людей нашихъ нарасхватъ потащили кабардинцы и драгуны; обнимаясь истинно побратски, они бросились угощать утомленныхъ кунаковъ своихъ, являя и тутъ поразительный примѣръ тѣсной дружбы, составляющей непреклонную, непобѣдимую силу нашей кавказской арміи. Въ началѣ февраля мы опять очутились въ палаткахъ, откуда былъ обширный и прелестный кругозоръ. Недалеко у ногъ нашихъ обрисовывались крутые берега извили-

стой рѣки Мечика, за ней опять обширная поляна, а вдали, какъ рама, темнѣлъ сплошной черный лѣсъ на необозримыя пространства. Нашъ лагерь занялъ Хоби-Шавданскія высоты. Подъемъ на нихъ не обошелся безъ усиленныхъ хлопотъ; мѣстами на крутизны, по гололедицѣ, съ трудомъ карабкались лошади артиллеріи, а въ особенности отряднаго обоза, но, разъ взобравшись сюда, разставаться съ настоящей позиціей никому не хотѣлось. Простымъ глазомъ, безъ подзорной трубы, видны всѣ окрестности кругомъ на десятки верстъ, а слѣдовательно отъ внезапныхъ нападеній чеченцевъ мы были совершенно обезпечены; даже ночные караулы въ цѣпи здѣсь относительно были ничтожны. Равнымъ образомъ, пока стоялъ отрядъ здѣсь, на высотахъ, то и ночныхъ сюрпризовъ по лагерю ожидать было нельзя. Непрiятель въ виду у насъ, но въ артиллерійскихъ выстрѣловъ изъ лагеря; какъ муравьи, работали чеченцы цѣлые дни надъ укрѣпленіемъ противоположнаго берега. Завалы тамъ, по всей ломаной линіи рѣки, росли не по днямъ, а по часамъ. Работа у нихъ кипѣла и, видно, спасала байгушей отъ мороза, который изрядно пощипывалъ. При усиленной дѣятельности со стороны непрiятеля крайнее затишье въ нашемъ лагерѣ было явленіемъ ненормальнымъ. Всѣ мы ожидали бури, и она разразилась, но какъ! Преданіе свѣжо, а вѣрится съ трудомъ.

16-го февраля, вечеромъ, въ ту минуту, когда били вечернюю зорю, всѣ три батальона куринцевъ, 12 конныхъ орудій и вся наличная кавалерія, подъ начальствомъ Бакланова, тихо и скрытно двинулись съ Хоби-Шавданскихъ высотъ по сѣверному спуску въ лѣсистую лощину, тянущуюся въ сторонѣ Кумыкской площади. Безостановочно шла колонна, пробивая себѣ дорогу въ глубокомъ свѣгу, по дебрямъ и трупобамъ, задаваясь постоянно лѣвымъ плечомъ впередъ. Очевидно, мы совершали дальнее, очень утомительное и, судя по мѣстности, далеко не безопасное обходное движеніе. Около полуночи данъ былъ часовой привалъ. Ночь была звѣздная, но безлунная, тихая и очень морозная. Не смотря на это, остановившіеся для передышки люди, всѣ, какъ по командѣ, сняли папахи и стали обтирать потъ, обильно выступившій на лбахъ ихъ: «рубашку хоть выжми», поясняли солдаты, отдуваясь точь-въ-точь, какъ русскіе мужички, слѣзая съ верхней полки жаркой бани. Но вотъ въ авангардѣ зашевелилась кавалерія, а за нею тронулась уже остывшая на морозѣ пѣхота. Долго и еще по худшей лѣсной чащѣ, безъ малѣйшаго признака дороги, шагъ за шагомъ тянулась колонна. На этомъ переходѣ много хлопотъ и усилій потребовала конная артиллерія. Въ трехъ переѣздахъ черезъ крутыя балки орудія такъ глубоко проваливались въ сугробахъ, что буквально исчезали съ лафетами подъ свѣгомъ. Обезсиленные лошади рѣшительно отказывались тронуть съ мѣста; пришлось ихъ отпрягать и цѣлыми ротами вытаскивать на лямкахъ окунувшіяся орудія. Стало раз-

свѣтатъ, когда мы, отмѣривъ за всю ночь, по крайней мѣрѣ, до 30 верстъ, еще не были открыты непріателемъ. Почти все время пути нашего зарево отъ пылающихъ костровъ лагеря на высотахъ свѣтило намъ съ правой стороны, а передъ утромъ мы уже видѣли его далеко противъ себя, что явно доказало, что колонной сдѣлано обширное полукруговое движеніе. Теперь, по мѣрѣ приближенія дня и крѣпкой позиціи непріателя, ежеминутно надо было ожидать встрѣчи съ его пикетами, что и не замедлило осуществиться. Раздался сухой винтовочный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. «Рысью, маршъ», послышался громовой голосъ богатыря-Баклана, и вся кавалерія, а за нею и пѣхота, ринулись изъ всѣхъ силъ впередъ. Солдаты наши сразу встрепенулись и по глубокому снѣгу побѣжали, шумно, съ громкимъ говоромъ. Казалось, они были въ восторгѣ отъ окончанія обязательной тишины и молчанія, къ которымъ присуждены они были втеченіе двѣнадцатичасоваго хода. Но вскорѣ веселые возгласы бѣгущей массы людей снова пріутихли, и болтовня смѣнилась строгой сосредоточенностью. Впереди и съ боихъ божовъ раздались не одиночные выстрѣлы, а добрые залпы. Загорѣлся въ лѣсу бой горячій. Не прошло и десяти минутъ, какъ сквозь оглушительные выстрѣлы двухъ батарей нашихъ ясно слышались то здѣсь, то тамъ пронзительные гики чеченцевъ. Начались рукопашныя схватки, грозная штыковая работа куринцевъ и спѣшенныхъ драгунъ. Поились смѣшанные крики: алла! ура! и потоки русской и татарской крови. Штыками раскидывая громадные завалы, мы очищали путь для провоза орудій и медленно подвигались впередъ, повсюду встрѣчая отчаянный отпоръ уже скопившагося непріателя. Но вотъ просвѣчиваетъ чистая поляна, еще несколько десятковъ шаговъ, и, миновавъ опушку лѣса, мы уже на открытой плоскости въ тылу непріательскихъ окоповъ, на Мечикѣ. Восходящее солнце отчетливо и очень красиво яркими лучами окрасило намъ великолѣпнѣйшую панораму. Впереди насъ, версты за полторы, высились Хоби-Шавданскія высоты, съ живописно-раскинутымъ на нихъ лагеремъ, а внизу, на половинѣ разстоянія отъ насъ до отряда, на бѣломъ фонѣ выдѣлялись черныя фигуры непріателя, пораженнаго неожиданнымъ появленіемъ у себя въ тылу наступающей колонны. Но здѣсь мы удивлены были, не менѣе чеченцевъ, услышавъ громкую команду «стой!». вмѣсто того, чтобы массой кавалеріи, поддержанной нашими батальонами, не теряя минуты, атаковать врага, насъ вдругъ останавливаютъ на орудійный выстрѣлъ отъ его окоповъ и даютъ ему время и возможность, безнаказанно бросивъ позицію, бѣжать направо и налѣво въ лѣсъ.

Что это значитъ? Куда запряталъ Бакланъ свою отвагу? «Измѣна»,—послышалось въ рядахъ, ропотъ негодованія сталъ общимъ. Но что мы видимъ? Въ лагерѣ у насъ тревога. Бѣгутъ войска—

строятся, слышенъ колонный маршъ, громкое ура, и... запоздалый штурмъ очищенныхъ окоповъ. Все объяснилось, но послѣ, въ лагерѣ.

Въ 1853 году очередь «посвященія въ герои» стояла за командиромъ Кабардинскаго полка, барономъ Николаи. Мечикъ съ сильно укрѣпленными берегами представлялъ самую удобную арену для предрѣшеннаго начальствомъ подвига, но слишкомъ дѣятельная работа при сооруженіи укрѣпленій чеченцами, въ чемъ лично убѣдился при послѣдней рекогносцировкѣ самъ начальникъ отдѣла, дѣлала успѣхъ штурма сомнительнымъ. Крутые берега рѣки, съ отвѣснымъ подъемомъ и непрерывною стѣною заваловъ, при атакѣ прямо въ лобъ, обошлись бы слишкомъ дорого, а, быть можетъ, и совсѣмъ бы не дали въ руки. Въ силу этихъ соображеній начальникъ отряда (князь Барятинскій) и предложилъ «дѣду» (Бакланову) идти въ обходное движеніе (которое и исполнено имъ съ нашими батальонами) съ тѣмъ, чтобы утромъ 17-го явиться въ тылу укрѣпленій непріятеля въ тотъ самый моментъ, когда въ лагерѣ подготовленные къ штурму кабардинцы съ фронта тронутся на подвигъ. Задачу свою Бакланъ совершилъ съ блистательнымъ успѣхомъ, но, вѣроятно, не свѣривъ часовъ своихъ съ часами «земнаго солнца» (по выраженію Ильченка), вывелъ насъ изъ дремучаго лѣса на поляну прежде, чѣмъ кабардинцы успѣли начать свое побѣдное шествіе. Чеченцы, не посвященные въ тайну комбинацій нашего начальства, сочли черезчуръ невыгоднымъ попасть между двухъ огней, а потому, въ первую минуту изумленія, увидя себя обойденными, они со всѣхъ ногъ бросились наутекъ, совершенно очистивъ завалы. Но тутъ, въ силу «*mieux vaut tard que jamais*», по тревогѣ выстроились кабардинцы и съ командиромъ впереди отважно ринулись на штурмъ. Въ нѣсколько минутъ этого великолѣпнаго зрѣлища выпущены были сотни выстрѣловъ картечью, десятки тысячъ патроновъ и безчисленное количество возгласовъ ура. Гулъ, дымъ, трескъ—все явилось на сцену, не доставало одного—непріятеля. Кабардинцы заняли пустые завалы и носъ къ носу столкнулись съ куринцами Баклановской колонны. Казалось бы, разочарованіе? Нисколько. Не мудрствуя лукаво, въ донесеніи о штурмѣ сказано только о мужествѣ, отвагѣ и неустрашимости героя дня, барона Николаи. Но и тутъ «*pour sauver les apparences*», благо кабардинцы перешли Мечикъ, ихъ направили въ тотъ же день брать аулы Гурдалой и Аса-Юртъ, гдѣ имъ удалось потерять нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, что было необходимо, такъ какъ штурмъ окоповъ обошелся имъ безъ единой царапины.

Затѣмъ началась однообразная жизнь въ лагерѣ, нарушаемая ежедневными движеніями черезъ день взадъ и впередъ и рубкой лѣса. Все это надоѣло до тошноты, и мы только и мечтали о роспускѣ отряда послѣ нескончаемой экспедиціи этого года. По глу-

бокой грязи и зарядившему дождю доплыли мы, наконецъ, обратно въ Воздвиженское, гдѣ я нашелъ письмо отъ матери, очень грустное, такъ какъ младшаго брата моего, Митю, исключили за шалось изъ Пажескаго корпуса, а учился онъ хорошо и уже перешелъ во 2-й классъ, какъ стряслась надъ нимъ эта бѣда по собственной, впрочемъ, винѣ. По поводу его наружности и курчавой головы мать писала, что Митя привлекъ вниманіе государя Николая Павловича въ послѣднее посѣщеніе имъ Пажескаго корпуса. На вопросъ императора, какъ его фамилія и родственникъ ли онъ кавказскому Полторацкому, его величество громко, обращаясь ко всѣмъ пажамъ, выразился обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, поставивъ въ примѣръ отлично боевую службу и храбрость мою на Кавказѣ. Извѣстіе это очень отраднo на меня подѣйствовало среди нашей скуки и однообразія.

Кружокъ нашъ попрежнему былъ дружнымъ и тѣснымъ, увеличенный еще новой личностью Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ, человѣкомъ хорошимъ, честнымъ и очень сердечнымъ. Знакомства и всѣ связи его были въ Орловской губерніи, гдѣ онъ съ Сухотиннымъ, Шеншиными и другими увлекался псовой охотой, оставившей въ немъ самыя живыя и пріятныя воспоминанія. Раньше онъ кратковременно носилъ кирасирскій мундиръ Орденскаго полка; представляю себѣ маленькаго, очень пропорціонально-миніатюрнаго Бориньку въ кирасирскомъ мундирѣ! Любовь сильная, страстная, но несчастная, увлекла его на гибельный Кавказъ. Въ первое время онъ безъ надобности лѣзъ на опасность и какъ будто бы искалъ смерти, но время взяло свое. Теперь онъ не пьетъ, не играетъ, но съ пылкимъ увлеченіемъ говоритъ о своей любимой страсти — охотѣ.

Однако, для соблюденія хронологическаго порядка во всѣхъ важныхъ явленіяхъ на лѣвомъ флангѣ, не лишнимъ будетъ упомянуть, что неожиданно, негаданно (но, впрочемъ, для насъ въ Воздвиженскомъ, а не для высшихъ сферъ) произошла перемѣна въ начальствѣ нашемъ, а именно: князь Барятинскій назначенъ, вмѣсто генерала Коцебу, начальникомъ штаба, а генераль-лейтенантъ баронъ Врангель изъ Дагестана — къ намъ начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи. Объ этихъ крупныхъ новостяхъ услышалъ я только 12-го іюня утромъ, а слѣдующій день, съ 5-й и 6-й ротой Куринскаго и одной ротой линейнаго батальона, при двухъ орудіяхъ, отправился въ сквозную оказію до Грозной. Держался я правой цѣпи. У Ермоловскаго кургана по обыкновенію былъ сдѣланъ привалъ, а когда черезъ полчаса я тронулъ колонну, то самъ съ Вавилой и двумя казаками опять вернулся къ правой цѣпи. Отошли съ версту. Изъ-подъ казака вскопчилъ русакъ и потянулъ по направленію къ Грозной. Вавила съ неистовымъ азартомъ бро-

сился за нимъ и, во все горло атукая, старался указать его собакамъ, которыя метались изъ одной стороны въ другую и, высоко подпрыгивая надъ бурьяномъ, не могли всмотрѣться въ косаго. Не увлекаясь скачкой Вавилы и казаковъ, я подавался впередъ рысью, но, поровнявшись съ серединой вытянутой по дорогѣ колонны, я вдругъ увидѣлъ недалеко отъ авангарда влѣво на верхней плоскости между Ханъ-Кале и Грозненскою башней конную партію въ 20—25 человекъ чеченцевъ, стремительно несущихся съ уступа на перерѣзъ пути колонны. Тутъ ясно представилась уму моему другая травля, въ которой, конечно, роль зайца игралъ кто нибудь изъ нашихъ джигитовъ, уфхавшихъ впередъ отъ колонны. Стремглавъ бросился я къ авангарду и на скаку слышалъ залпъ ружейныхъ выстрѣловъ, но, еще не достигнувъ 5-й роты, за сотню шаговъ, увидѣлъ уже снятое съ передковъ орудіе и поднятый надъ нимъ пальникъ. «Отставъ, отставъ, тамъ наши!»—кричалъ я, что есть мочи, и къ счастью успѣлъ остановить выстрѣлъ, уже направленный на горсть толпившихся на дорогѣ всадниковъ, между которыми, очевидно, попались и наши. Не успѣлъ 3-й взводъ по приказанію моему броситься впередъ и пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ чеченцы пошли наутекъ степью къ Аргуну и тогда по нимъ въ догонку были пущены двѣ гранаты. Въ ту же минуту отъ мѣста схватки прискакалъ въ колонну растерянный, блѣдный, какъ смерть, баронъ Розень, и почти вслѣдъ за нимъ прибѣжала безъ сѣдла гнѣдая лошадь, по форменному сѣдлу которой артиллеристы признали ее лошадью ихъ взводнаго офицера. Въ это время изъ-за мелкихъ по дорогѣ кустовъ показался идущій пѣшкомъ и самъ артиллерійскій прапорщикъ, Щербачевъ. Молодой и краснощекій 19-ти-лѣтній юноша, Щербачевъ, за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ оставившій скамью артиллерійскаго училища, удивлявшій всѣхъ здоровьемъ и необыкновеннымъ тѣлосложеніемъ и силой, и въ эту минуту поразилъ насъ. Онъ шелъ медленными, но твердыми шагами, не хромя, не охая и только, когда спокойно подошелъ къ намъ, мы увидѣли, какъ онъ дорого поплатился чеченцамъ. Кровь буквально ключемъ была изъ ранъ его въ грудь и обѣ ноги пулями, въ животь ружейною картечью и по шеѣ шашечнымъ ударомъ. Въ колоннѣ не было ни доктора, ни фельдшера, пришлось работать ротнымъ цирюльникамъ, и Рыбokonъ довольно быстро и ловко принялся за перевязку раненаго. Между тѣмъ, Розень, нѣсколько оправившійся отъ перваго испуга, сумѣлъ объяснить, что они впятеромъ поѣхали отъ оказій впередъ, и что въ минуту нападенія горцевъ графъ Левъ Толстой, Павелъ Полторацкій и татаринъ Сада, вѣроятно, ускакали въ Грозную, тогда какъ Щербачевъ и онъ повернули лошадей на встрѣчу идущей колоннѣ.—«Ваше благородіе,—прервалъ артиллерійскій солдатъ, лежавшій на высококомъ возу сѣна,—тамъ на дорогѣ еще кто-то лежитъ, и сдается мнѣ, что онъ шевелится!».

Я крикнулъ 3-му взводу: «впередъ, бѣгомъ», и самъ бросился по дорогѣ, а за мною поскакалъ Вавила. Въ пяти стахъ шагахъ отъ авангарднаго орудія лежалъ убитый знакомый намъ вороной конь, а изъ-подъ него торчало изуродованное тѣло Павла. Громко сталъ онъ и отчаяннымъ голосомъ просить освободить его отъ невыносимой тяжести трупa. Соскочивъ съ лошади и бросивъ поводья Вавилѣ, я съ необычайною силой, однимъ удачнымъ взмахомъ опрокинулъ трупъ безжизненной лошади и освободилъ страдальца, исходящаго кровью. Всѣ раны были нанесены ему холоднымъ оружіемъ, тремя ударами по головѣ и четырьмя по плечу. Послѣднія были такъ жестоко сильны, что буквально разворотили на двое правое плечо, раскрывъ всю внутренность... Я послалъ Вавилу съ приказаніемъ всей колоннѣ подвинуться сюда, и здѣсь уже начались перевязки и приготовленіе носилокъ. Эскулапы наши, то-есть цирюльники, работали усердно; добывъ отъ кого-то чистое бѣлье, они его рвали на бинты и затягивали раны. Съ Щербачевымъ они справились отлично, но кровотеченія Павла, при громаднѣйшемъ размѣрѣ его раны, остановить никакъ не могли и требовали для этой цѣли спирта. Я вспомнилъ, что присутствовавшій здѣсь майоръ Карповъ на привалѣ у Ермоловскаго кургана потчевалъ меня только что вывезенною имъ изъ матушки Россіи березовой настоекъ, но она оказалась для питья невозможной, такъ какъ, настоящая російскимъ спиртомъ, обжигала ротъ и губы. Убийственная влага эта была налита въ фунтовую отъ одеколона склянку, я схватилъ ее изъ рукъ Карпова и, не долго думая, опрокинулъ ее всю въ рану Павла. Онъ неистово вскрикнулъ и отъ нестерпимаго обжога лишился чувствъ! Слишкомъ рѣшительная и необдуманная мною мѣра въ ту минуту меня испугала, но впоследствии оказалось, что она принесла несомнѣнную пользу, съ чѣмъ согласились и доктора госпиталя.

Все описанное произошло втеченіе нѣсколькихъ минутъ, давшихъ, однако, возможность намъ оказать первую помощь раненымъ, а Грозненской кавалеріи выскочить по тревогѣ изъ Грозной. Баклановъ, разсмотрѣвъ съ кургана спокойное положеніе колонны и уже скрывающихся на горизонтѣ чеченцевъ, счелъ излишнимъ за ними гнаться и вернулъ войска въ крѣпость, но отъ нихъ отдѣлилось нѣсколько всадниковъ, которые понеслись къ намъ въ колонну, стоявшую отъ Грозной не болѣе четырехъ верствъ. Прискакавшіе къ намъ были Пистолькорсъ и нѣсколько кунаковъ его, мирныхъ чеченцевъ грозненскихъ ауловъ.

Общими силами, соорудивъ для раненыхъ изъ солдатскихъ шинелей носилки, мы уложили обоихъ и тронулись впередъ. Пистолькорсъ гарцовалъ отъ одного къ другому и, вполне удовлетворивъ собственное любопытство, въ свою очередь сообщилъ намъ, что гр. Левъ Толстой съ татаринномъ Садой, хотя и были очень ретиво

преслѣдуемы семью чеченцами, но, благодаря быстротѣ коней своихъ, оставивъ имъ въ трофей одну сѣдельную подушку, сами цѣлы и невредимы достигли воротъ крѣпости. Всѣ пятеро хотѣли поскорѣй пріѣхать въ Грозную и отдѣлились еще у Ермоловскаго кургана. Маневръ этотъ, увы, слишкомъ извѣстенъ на Кавказѣ! Кто изъ насъ, обреченный на лихомъ конѣ двигаться шагъ за шагомъ, въ оказіи съ пѣхотною частью, не уѣзжалъ впередъ? Это такой соблазнъ, что молодой и старый, вопреки строгому запрещенію и преслѣдованію начальствомъ, частенько ему поддавался. И наши пять молодцовъ поступили также. Отѣхавъ отъ колонны на сотню шаговъ, они условились между собою, чтобы двое изъ нихъ для освѣщенія мѣстности ѣхали бы по верхнему уступу, а остальные нижнею дорогой. Только что поднялись Толстой и Сада на гребень, какъ увидали отъ Ханъ-Кальскаго лѣса несущуюся прямо на нихъ толпу конныхъ чеченцевъ. Не успѣвъ, по расчету времени, безнаказанно спуститься обратно, гр. Толстой сверху закричалъ товарищамъ о появленіи непріятеля, а самъ съ Садою бросился въ карьеръ, по гребню уступа, къ крѣпости. Остальные внизу, не сразу повѣривъ извѣстію и, конечно, не имѣя возможности сами увидѣть горцевъ, нѣсколько минутъ провели въ бездѣйствіи, а когда уже чеченцы (изъ которыхъ челоуѣкъ семь отдѣлилось въ погоню за Толстымъ и Садою) показались на уступѣ и ринулись внизъ, то Розень, повернувъ лошадь, помчался назадъ къ колоннѣ и счастливо достигъ ея. За нимъ бросился и Щербачевъ, но казенная лошадь его скакала плохо, и чеченцы, нагнавъ его, ранили и выбили изъ сѣдла, послѣ чего онъ пѣшкомъ добрался до колонны. Хуже же всѣхъ оказалось положеніе Павла. Увидѣвъ чеченцевъ, онъ инстинктивно бросился впередъ по направленію къ Грозной, но, тотчасъ же сообразивъ, что молодая, изнѣженная и черезчуръ раскормленная лошадь не выскочитъ въ жаркій день до пяти верстъ, отдѣляющихъ его отъ крѣпости, — онъ круто повернулъ ее назадъ въ ту самую минуту, когда толпа непріятеля уже спустилась съ уступа на дорогу, и, выхвативъ шашку наголо, очертя голову (какъ выразился самъ), хотѣлъ напроломъ прорваться въ колонну. Но одинъ изъ горцевъ вѣрно направилъ винтовку, и выждавъ приближеніе Павла, почти въ упоръ всадилъ пулю въ лобъ его вороному; онъ со всѣхъ ногъ повалился и прикрылъ его собою. Чеченецъ съ коня нагнулся къ Павлу и, выхвативъ у него изъ рукъ, въ серебро оправленную шашку, сталъ тащить съ него ножны, но при видѣ бѣжавшаго на выручку 3-го взвода онъ полоснулъ лежащаго по головѣ шашкой и поскакалъ самъ наутекъ. Его примѣру, одинъ за другимъ, послѣдовали еще шесть горцевъ, нанесшіе на всемъ скаку жестокіе удары шашками по головѣ и открытому плечу Павла, который

въ недвижимомъ положеніи, подъ тяжестью трупa убитой лошади, истекалъ кровью до самой минуты моего появленія...

Теперь рождался вопросъ, какъ уѣхавшихъ впередъ, слѣдовательно виновныхъ, но уже такъ жестоко пострадавшихъ, оправдать передъ начальствомъ. Еще недавно состоялся строжайшій приказъ по кавказскому корпусу о вмѣненіи въ непремѣнную обязанность колонныхъ начальниковъ открывать огонь по отбѣзжающимъ самовольно изъ оказіи впередъ и таковыхъ затѣмъ предавать военному суду. Вновь назначенный преемникомъ князя Барятинскаго начальникъ дивизіи и лѣваго фланга, баронъ Врангель, только что вступилъ въ должность, и хотя о немъ гремѣла слава, какъ о рыцарѣ «безъ страха и упрека», но онъ самъ еще никого изъ насъ не зналъ, и мы его не видѣли.

Чистосердечно доложить о проступкѣ пострадавшихъ значило бы навѣрняка подвергнуть ихъ строгой карѣ, и вотъ мы общимъ совѣтомъ рѣшили доложить, что въ виду крѣпости напали на мирныхъ чеченцевъ, ѣхавшихъ при колоннѣ, болѣе 30 человекъ немирныхъ, и потому Полторацкій и Щербачевъ, находившіеся въ головѣ колонны, бросились со стрѣлками выручать ихъ и поплавились собственной кровью.

У подѣзда дома начальника лѣваго фланга, отдавъ лошадь казаку, я вошелъ въ переднюю и, переступивъ порогъ въ пріемную, пріостановился. Мнѣ мелькнула мысль, что не лучше ли, вопреки условленной лжи, съ глазу на глазъ, объяснить всѣ обстоятельства несчастнаго происшествія. Но случайное обстоятельство измѣнило доброе рѣшеніе мое. Баронъ Врангель былъ не одинъ и, нетерпѣливо желая знать причину произведенной въ крѣпости тревоги, онъ вышелъ въ пріемную въ сопровожденіи шести-семи штабныхъ. На вопросъ его о слышанныхъ въ колоннѣ моей орудійныхъ выстрѣлахъ я не совсѣмъ твердымъ голосомъ отчеканилъ ему заученную басню, и баронъ, повидимому, не обнаруживъ къ ней недовѣрія, поспѣшилъ отдать мнѣ приказаніе представить сегодня формальное донесеніе и, съ участіемъ разспросивъ о состояніи раненыхъ, послалъ меня въ госпиталь. Устроивъ тамъ раненыхъ, я заѣхалъ къ Н. Н. Чихачеву. Разказавъ ему все подробно, мы порѣшили съ нимъ, для составленія донесенія, обратиться къ помощи общаго пріятеля нашего, М. Я. Ольшевскаго, но въ эту минуту онъ самъ явился къ намъ и обязательно вызвался помочь. Черезъ часъ оно было готово, и хозяинъ предложилъ намъ сѣсть обѣдать, послѣ чего я, утомленный всѣмъ происшедшимъ, повалился на постель хозяина и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Смеркалось, когда меня разбудили. Съ вытянутыми лицами стояли около меня Чихачевъ и гр. Ржевускій; послѣдній принесъ извѣстіе, что баронъ Врангель, узнавъ истину утренняго происшествія, назначилъ маіора Барабаша произвести на мѣстѣ строжай-

шее дознаніе для преданія меня за ложное донесеніе суду. Случилось это такъ: во время моего словеснаго доклада барону, въ числѣ прочихъ присутствующихъ, былъ приставъ Грозненскихъ ауловъ, майоръ Ббликъ. Не будучи никогда со мной въ нѣжныхъ отношеніяхъ, онъ сомнительно отнесся къ исторіи стычки между мирными и немирными, а потому поспѣшилъ навести справки въ своихъ аулахъ и затѣмъ, явившись къ обѣду барона Врангеля, прямо заявилъ, что дѣло было вовсе не такъ, и мирныхъ чеченцевъ въ колоннѣ не было вовсе. Баронъ сейчасъ же пѣшкомъ отправился въ госпиталь, гдѣ въ первой палатѣ лежалъ уже въ агоніи Щербачевъ.

Идетъ въ другую и застаётъ Павла въ полномъ сознаниі; ему зашили раны, залѣпили плечо и голову пластырями, и онъ, нѣсколько успокоенный отъ физическихъ страданій, забывъ причины, побудившія меня къ обману, малодушно поддался откровенію на ласковое участіе Врангеля и, не долго думая, выдалъ все своимъ чистосердечнымъ признаніемъ. Выходя отъ него, генераль подошелъ въ коридоръ къ вѣстовымъ отъ 5-й роты.

— Ребята, — сказалъ онъ, — господа офицеры во всемъ сознались, скажите и вы, какъ было дѣло.

И солдаты въ одинъ голосъ отчеканили:

— Точно такъ, ваше превосходительство, господа уѣхали впередъ.

Всѣ сомнѣнія уже исчезли, я обманулъ барона Врангеля, а онъ, олицетвореніе правды и чести, этого потерпѣть не могъ. Донельзя раздраженный моимъ поступкомъ относительно долга службы, а, быть можетъ, еще болѣе оскорбленный моимъ недовѣріемъ въ возможность великодушнаго воззрѣнія его на участь пострадавшихъ, онъ сейчасъ же нарядилъ слѣдствіе. Какъ быть? Чихачевъ съ Ржевускимъ бросились къ Ольшевскому и вмѣстѣ съ нимъ къ барону Врангелю. Долго и настойчиво они упрашивали его о смягченіи моей кары, баронъ не соглашался; но, наконецъ, уступая ихъ отзывамъ о моей боевой службѣ и репутаціи въ Куринскомъ полку, а также о мнѣніи обо мнѣ самого главнокомандующаго, Врангель согласился потребовать меня къ себѣ для объясненія. Я бросился къ нему со всѣхъ ногъ. Врангель былъ одинъ. На столѣ стоялъ скромный холодный ужинъ, до котораго онъ еще не прикасался, и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ.

— Зачѣмъ вы меня сегодня обманули? — строгимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Ваше превосходительство! Скрыть отъ васъ истину я позволилъ себѣ только для спасенія виновныхъ. Самъ я, какъ и всякій другой колонный начальникъ, не имѣлъ возможности удержать офицеровъ, разъ что имъ разрѣшено ѣздить верхомъ.

— Вы должны были въ силу приказа стрѣлять по нимъ картечью, а отнюдь не поощрять ихъ преступленій, подвергая самого себя отвѣтственности по закону за ложное донесеніе, — возразилъ генераль.

— Я знаю всю строгость этого закона, и если рѣшился на ложное донесеніе вашему превосходительству, то только потому, что не могъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ, обвинить офицеровъ, уже и безъ того жестоко наказанныхъ.

— Предоставьте старшимъ карать и миловать, — рѣзко замѣтилъ Врангель, но тутъ же, смягчая голосъ, продолжалъ: — расскажите мнѣ теперь все подробно, не скрывая ничего.

Я началъ рассказъ и видѣлъ, что добрѣйшій Александръ Евстаѣевичъ все благосклоннѣе и благосклоннѣе вслушивается; когда же я назвалъ въ числѣ прочихъ барона Розена, не могъ не замѣтить, что дѣло совсѣмъ повернуло въ мою пользу. Баронъ Врангель, какъ землякъ Розена, принималъ горячее участіе въ несчастномъ его положеніи, а потому онъ окончательно смягчился и приказалъ мнѣ сейчасъ же написать другое донесеніе, конечно, совершенно правдивое и за тѣмъ же номеромъ, что и первое, и отвезти его для обмѣна майору Барабашу.

Въ эту ночь Павелъ проспалъ съ спокойной совѣстью, а бѣдный Щербачевъ, въ страшныхъ мученіяхъ и не приходя въ себя, скончался до разсвѣта.

По возвращеніи въ Воздвиженское, меня ждали еще мелкія непріятности, но все это пустяки въ сравненіи съ происшествіемъ 3-го іюля, которое я вѣчно буду помнить.

Надобно сказать, что я совершенно изнемогалъ отъ удушливой жары. Приказавъ поднять полы палатки и сложить съ кровати матрасъ на землю, я переселился туда и, всетаки, не находилъ спасенія отъ 37 градусовой температуры. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго движенія, а солнце палило немилосердно. Раскиснувъ, какъ мокрая губка, я не сознавалъ за собою способности ни читать, ни думать. Вошелъ Николевъ.

— Ну, что вамъ жарко? Такъ пойдѣмте купаться, сразу освѣжитесь.

— Хорошо бы такъ, да гдѣ?

— А вы развѣ не знаете? Вчера я, Самойловъ, Мацкевичъ и Мухановъ отличнѣйшимъ образомъ выкупались въ Гойтѣ, — отвѣчала эта безшабашная, беспечнѣйшая головушка. — Мѣсто глубокое и грунтъ чудесный!

— А не опасно ли туда соваться, вѣдь рѣка далеко?

— Какая опасность! вчера мы безъ всякаго прикрытія среди бѣла дня ходили туда и съ наслажденіемъ болѣе часа плескались въ водѣ.

Такъ какъ предстояло идти вдоль всего лагеря и еще дальше

съ версту, то я потребовалъ неосѣдланнѣхъ лошадей, на недоуздахъ (чтобы ихъ тоже выкупать), а денщику Сидору и вѣстовому Пареенову приказалъ взять на всякій случай ружья и идти за нами. Черезъ минуту я вскочилъ на «Поросенка», а Вавила на «Милку». Собаки съ радостнымъ визгомъ завертѣлись около насъ, предполагая отъѣздъ на охоту. Николевъ схватилъ у Вавилы арапникъ и сталъ имъ хлопать. Шустрые кони всполошились и ринулись вскачь. Не имѣя силъ однимъ поводомъ удержать невзвужданнаго «Поросенка», я далъ ему волю, и мы вихремъ пронеслись вдоль лагеря. Выскочивъ въ степь и подскочивъ къ самой рѣкѣ, мы, чтобы съ размаху не ухнуть въ воду, шенкелями свернули лошадей по берегу. Здѣсь, находя дальнѣйшую скачку бесполезной, я спрыгнулъ съ лошади, думая удержать ее за поводъ, но ошибся въ расчетѣ. «Поросенокъ» проволокъ меня еще по землѣ, вырвался и, поднявъ хвостъ, умчался за Вавилой, который, сдѣлавъ вольтъ, скакалъ уже обратно къ лагерю. Утомленный жарой и притомъ усиленною скачкой, внезапно очутившись въ одиночествѣ и безъ оружія, въ верстѣ отъ лагеря, я нѣсколько минутъ недвижимо пролежалъ на берегу, въ густой травѣ, когда вдругъ послышался мнѣ шорохъ, и, поднявъ голову, я съ ужасомъ увидѣлъ съ той стороны рѣченки, изъ опушки лѣса, бѣгущихъ прямо ко мнѣ человекъ 15 пѣшихъ чеченцевъ. Быстро вскочилъ я на ноги. Въ одно мгновеніе сообразилъ я всю степень отчаяннаго моего положенія. До лагеря было около версты, все тамъ спало и не помышляло объ опасности, въ которую я брошенъ непредвидѣнною случайностью. Никто не могъ и увидать грозящей мнѣ драмы, такъ какъ я соскочилъ съ лошади за поворотомъ дороги къ рѣкѣ, а по прямому пути предстоящаго мнѣ для спасенія бѣгства стоялъ высокой стѣною бурьянъ. Изъ всѣхъ силъ закричавъ: «партія! партія!»,—я бросился бѣжать отъ берега въ ту секунду, когда двое передовыхъ чеченцевъ уже соскочили въ мелкій ручей. Насъ раздѣляло не болѣе 20 шаговъ... Пробѣжавъ нѣсколько по бурьяну, я изъ любопытства взглянулъ назадъ. Чеченцы, вытянувшись гуськомъ, съ ружьями въ чехлахъ, нагоняли меня. Мнѣ очевидно стало, что они рассчитывали захватить меня живьемъ. Въ этотъ моментъ, плохо разбирая подъ ногами, я упалъ, но живо вскочилъ и пустился бѣжать снова. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ; одна пуля зацѣпила верхъ фуражки, а другая пробила полу кителя, но ни одна, слава Богу, не задѣла меня. Шумъ шаговъ сзади видимо приближался. Я не вытерпѣлъ опять оглянуться и, отчетливо разсмотрѣвъ двухъ разбойниковъ не болѣе, какъ въ десяти шагахъ, снова запутался ногами въ бурьянъ и упалъ вторично. Вскочивъ и на этотъ разъ, я бросился впередъ, но, задыхаясь отъ жары, отъ бѣга и страха, въ ту минуту, когда замѣтилъ просвѣтъ сквозь густой бурьянъ,

отдѣлявшій меня отъ открытой къ лагерю мѣстности, я почувствовалъ слишкомъ близкій за мною порохъ, невольно обернулся и увидѣлъ въ двухъ шагахъ запыхавшагося горца, съ обнаженною пашкой въ рукахъ. Онъ напрягалъ всѣ усилія меня нагнать и, какъ дикій звѣрь, прыгалъ за мною. Сколько бы лѣтъ ни суждено мнѣ прожить на землѣ, никогда, до послѣдняго вздоха, не забуду я выраженія лица и всей фигуры этого чеченца. Образъ его глубоко врѣзался мнѣ въ память, и хотя я видѣлъ его одну секунду, но успѣлъ изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ... Съ великимъ трудомъ переводя духъ, я съ сверхъестественнымъ усиленіемъ ринулся еще впередъ, но нога скользнула, и я грохнулся въ скрытую подъ бурьяномъ яму. Въ тотъ же моментъ и вслѣдъ за мною, съ поднятою пашкой, растянулся рядомъ звѣрь-чеченецъ.

Въ этотъ кратчайшій промежутокъ времени я на себѣ испыталъ непостижимое явленіе. Увѣренный въ неизбѣжной гибели, я въ эту одну секунду успѣлъ сосредоточить все прошлое и настоящее. Мнѣ казалось даже, что мнѣ удалось совершить послѣдніе обряды христіанина: покаяться въ грѣхахъ, проститься съ родными. Въ одно мгновеніе я точно пережилъ всѣ ощущенія моей жизни.

Съ помощью Божьей мнѣ удалось, однако, выскочить изъ ямы прежде смертельнаго врага моего, ошеломленнаго внезапнымъ паденіемъ до такой степени, что онъ безпрепятственно допустилъ меня одолѣть еще нѣсколько шаговъ, по направленію къ чистой и спасительной полянѣ. Когда опомнился чеченецъ и сдѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ за мною, то на самой опушкѣ бурьяновъ концомъ пашки сбиль съ меня фуражку и на спинѣ пропоролъ китель... но вдругъ остановился, осѣкся и, какъ дикая кошка, осѣлъ на заднихъ лапахъ. Въ пяти шагахъ отъ насъ, со вскинутымъ на прицѣлъ ружьемъ, стоялъ деньщикъ мой Сидоръ. Онъ только что прибѣжалъ къ роковому мѣсту и когда сквозь рѣдкую бурьянъ замѣтилъ наше общее паденіе въ яму, то полагая, что я уже погибъ подъ ударами чеченца, онъ приложился и спустил курокъ, но, къ счастью, ружье осѣклось. Чеченецъ при неожиданной встрѣчѣ дула, въ упоръ на него направленнаго, понялъ, что роли измѣнились, и совершенно растерялся передъ солдатомъ, громко крикнувшимъ «ура»... Въ безсознательномъ и крайне расслабленномъ состояніи, нетвердыми шагами прошелъ я мимо моего спасителя, не перестававшаго цѣлиться въ чеченца, и, бессмысленно взглянувъ на бѣжавшихъ на встрѣчу солдатъ, растерянно ползлея къ лагерю. Меня не задѣла ни одна пуля, не достала и пашка, но нравственное потрясеніе было на столько сильно, что опасались горячки.

Въ лагерѣ били тревогу, нѣсколько казаковъ уже скакали въ

разсыпную. Черезъ нѣсколько минутъ пронесли тяжело раненаго урядника, затѣмъ провели двухъ раненыхъ лошадей.

5-го числа, я явился къ барону Врангелю проситься въ 14-тидневный отпускъ въ Тифлисъ. Онъ разрѣшилъ, но, желая дать какія-то частныя порученія, задержалъ меня у себя. Между тѣмъ пришелъ къ нему Жданъ-Пушкинъ, капитанъ генеральнаго штаба, вновь назначенный на мѣсто Ольшевскаго, и съ нимъ молодой донской казакъ хорунжій, котораго и представилъ барону, какъ назначеннаго ѣхать въ Тифлисъ курьеромъ. Пока генераль говорилъ съ казачьимъ офицеромъ, Жданъ-Пушкинъ въ полголоса спросилъ меня, по какому случаю я представляюсь начальству, и, выслушавъ отвѣтъ мой, предложилъ мнѣ исполнить порученіе, назначенное казаку, т. е. скакать курьеромъ въ Тифлисъ сейчасъ же. Я согласился, и баронъ Врангель, отпустивъ казака, далъ мнѣ свои порученія къ М. П. Кулебякину, приказавъ за полученіемъ экстренныхъ на имя главнокомандующаго бумагъ зайти къ Жданъ-Пушкину; при этомъ баронъ убѣдительно просилъ, не жалѣя себя, скакать, что есть силы, и непременно завтра же доставить бумаги по назначенію.

Въ первомъ часу я вышелъ отъ Врангеля, а въ два на бѣломъ красавцѣ своемъ Лабазанѣ выѣхалъ въ Сунженскія ворота, гдѣ меня ждала назначенная въ конвой сотня казаковъ. Въ Алханъ-Юртѣ перемѣнилась другая сотня, а далѣе и я смѣнилъ своего Лабазана на казачью лошадь.

Въ 2 часа ночи я выѣхалъ изъ Владикавказа на курьерской тройкѣ и погналъ во всю прыть. По дорогѣ встрѣчались задержки, напримѣръ, завалы, послѣ Ларса и на Гуть-горѣ, но, миновавъ все это благополучно гдѣ верхомъ, гдѣ на перекладной, я достигъ наконецъ Гартискара; здѣсь умылся, освѣжилъ, крѣпко перетянулъ ремнемъ и, ловко устроившись на исправномъ переплетѣ, въ 9-мъ часу вечера въѣхалъ уже въ Тифлисъ прямо ко дворцу главнокомандующаго. Свѣтлѣйшій находился въ Каджіорахъ, начальникъ штаба тамъ же, — таково было извѣстіе, мною здѣсь полученное. Пріѣзжаю къ зданію штаба кавказскаго корпуса. По темнымъ и крутымъ лѣстницамъ влѣзаю на верхъ, гдѣ застаю дежурнаго штабъ-офицера Вагнера. Прошу немедленнаго отправленія въ Каджіоры, на что онъ тутъ же отдаетъ приказаніе нарядить казачью лошадь и казака для сопровожденія меня до мѣста назначенія.

— Какъ? опять верхомъ? Я не доѣду, у меня силъ нѣтъ...

— Иначе нельзя, — объясняетъ Вагнеръ: — почтоваго тракта здѣсь нѣтъ, а впрочемъ, если хотите, то можете нанять легковаго извозчика, который васъ туда доставить.

Шатаюсь, схожу внизъ, съ трудомъ влѣзаю опять на перекладную и по злодѣйской мостовой трясусь по Головинскому про-

спекту, къ гостинницѣ Крылова. У подъѣзда стояло нѣсколько извозчичьихъ парныхъ дрожекъ. На спросъ мой, кто возьмется сейчасъ же везти меня въ Каджіоры, одинъ вызвался за 15 рублей, но съ тѣмъ, чтобъ я далъ ему время еще припрячь лошадь.

— Хорошо, но скорѣй!

Извозчикъ исчезъ снаряжаться, а я вошелъ въ гостинницу и потребовалъ чая. Корридорный ввелъ меня въ общую комнату, зажегъ на столѣ двѣ свѣчи и, оставивъ меня одного, убѣждалъ исполнить мое приказаніе.

Салонъ этотъ былъ большой, въ пять оконъ. Мягкая мебель заманчиво приглашала къ отдыху, но, проученный горькимъ опытомъ, я не поддался соблазну и не только не прилежъ, но сѣлъ прямо на вытяжку. Кругомъ царил тишина. Не вставая съ мѣста, я пристально смотрѣлъ на убранство свѣтлой комнаты, на картины по стѣнамъ, на люстру и мебель, какъ вдругъ увидѣлъ изъ-за малиновой драпировки среднего окна молодую женщину. Она, вся въ бѣломъ, манила меня къ себѣ рукой. Удивленный этимъ неожиданнымъ явленіемъ и ея движеніями, я всталъ, подошелъ къ окну и никого тамъ не нашелъ. Вернувшись къ своему креслу, я сѣлъ и пристально разсматривая драпировку, отчетливо и ясно увидѣлъ снова ту же незнакомку. Опять встаю, быстро подхожу къ ней, но она исчезаетъ еще быстрѣе. Въ третій разъ повторилось то же самое явленіе, но еще съ большею опредѣленностью. Я бросился къ ней, схватилъ драпировку и упалъ... Меня поднялъ и усадилъ на диванъ вошедшій съ подносомъ корридорный.

— Кто была здѣсь женщина?—допрашивалъ я.

— Никакой, сударь, женщины тутъ не было, — съ иронической улыбкой доказывалъ онъ, лукаво ухмыляясь и, вѣроятно, предполагая, что я хватилъ лишнее.

Мнѣ стало досадно на него и на себя и, чтобы не оставаться опять одному въ комнатѣ, я различными вопросами удержалъ его при себѣ, пока не проглотилъ стакана чаю и не увидѣлъ въ дверяхъ ямщика съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Выѣхавъ за городъ очень скромною рысью, тройка поднималась по безконечнымъ зигзагамъ крутаго подъема. Ночь было дивная: теплая, тихая и свѣтлая. Полная луна, бросая матовые лучи свѣта, обрисовывала фантастическія тѣни и фигуры. Я задремалъ, но не надолго. Въ пяти шагахъ отъ меня представился мнѣ живой ликъ Богородицы. Въ глазахъ ея, поднятыхъ къ небу, я мгновенно прочелъ все святое и блаженное, и, выпрыгнувъ изъ дрожекъ, я тутъ же преклонилъ передъ нею колѣни.

— Батюшка, что съ вами?—оглянувшись, вскричалъ извозчикъ и, видя, что я ползаю на травѣ на колѣняхъ, съ испугомъ бросился за мною, схватилъ за обѣ руки и насильно затащилъ въ дрожки. Проѣхали версты три спокойно. Чтобы не поддаться

снова видѣніямы, я вступилъ въ разговоръ съ возницей, но онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и неохотно отвѣчалъ. Молчаніе, однако, продолжалось недолго. Галлюцинація брала свое, и на одномъ изъ поворотовъ я безсознательно прыгнулъ изъ дрожекъ и сталъ нѣжно и страстно цѣловать пѣгую пристяжную въ морду.

Въ 11 часовъ вечера извозчикъ, одною рукой крѣпко придерживая меня за шиворотъ, остановилъ лошадей и внушительно объявилъ: «пріѣхали, теперь ступайте!». Куда пріѣхали? зачѣмъ?— я не понималъ вовсе и, вставъ на ноги, долго не приходилъ въ себя. Въ Каджіорахъ уже все успокоилось и, судя по отсутствію въ домахъ огня, все спало. На дачѣ, занятой княземъ намѣстникомъ, была совершенная тьма, а не вдалькѣ, въ сосѣднемъ домѣ, свѣтился еще огонь изъ оконъ. Добраться туда казалось не трудно, но я, рѣшившись идти къ нему напрямикомъ, попалъ на изгородь изъ колючки, въ кровь исцарапалъ себѣ руки и въ изнеможеніи ползкомъ дотащился до входа.

— Кто стоитъ здѣсь?—спросилъ я показавшуюся на крыльцѣ человѣческую фигуру.

— Начальникъ штаба, князь Барятинскій,—отвѣчалъ солдатъ.

О счастье! Я прямо наудачу попалъ куда слѣдуетъ. Князь Александръ Ивановичъ лечился методомъ Присница. Онъ принималъ въ эту минуту холодную ванну, т. е. лежалъ завернутый въ холодную простыню, и принять меня не могъ. Адъютантъ его, Давыдовъ, жившій въ томъ же домѣ и занимавшій помѣщеніе рядомъ съ княземъ, меня встрѣтилъ. Не довѣряя ему бумага на имя главнокомандующаго, я просилъ его доложить о моемъ пріѣздѣ князю Барятинскому, который черезъ стѣну, насъ раздѣляющую, громко поздоровался со мною и поручилъ привезенные конверты передать его адъютанту. Взглянувъ на число отправленія меня изъ Грозной, князь не повѣрилъ глазамъ своимъ и, все черезъ стѣну, завязалъ разговоръ со мною.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ вы вчера выѣхали изъ Грозной? Это невѣроятно быстро! Чего хотите, Полторацкій, чая или ужинать, прикажите, сейчасъ вамъ подадутъ.

Повалившись на диванъ около стѣны, насъ раздѣляющей, я попросилъ князя сдѣлать мнѣ одолженіе—разрѣшить сейчасъ же вернуться въ Тифлисъ, а явиться его свѣтлости дня черезъ два, когда сошьютъ мнѣ новый мундиръ. Главною же причиною этой просьбы было сознаніе ненормальнаго состояніи моего, очевидно, требовавшаго спокойнаго отдыха и сна. Князь въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ прокричалъ мнѣ изъ сосѣдней комнаты свое согласіе, и я, поблагодаривъ его, съ помощью любезнаго Давыдова, приказавшаго привести къ подъѣзду экипажъ мой, поспѣшилъ въ обратный путь. Это путешествіе совершилось благополучно, и въ третьемъ часу ночи я уже лежалъ на мягкой постели

въ гостинницѣ Крылова, но подробностей обратнаго путешествія описать не могу, такъ какъ галлюцинаціи достигли высшаго размѣра и даже не оставили меня, когда я очутился въ тишинѣ и на покоѣ. Усталость была такъ велика и раздраженіе нервовъ отъ бессонницы такъ сильно, что я сталъ метаться по постели и только къ утру забылся немного. Часовъ въ 8 поѣхалъ въ баню, гдѣ, долго просидѣвъ въ горячей ваннѣ, отдался въ руки персіянина-банщика, удивительно бойко и ловко расправившаго мнѣ всѣ суставы своими акробатическими, неподражаемыми приемами. Почувствовавъ облегченіе, я на обратномъ пути заѣхалъ къ портному, заказалъ ему платье и завернулъ на одну минуту къ Клавдію Ермолову. Но человекъ предполагаетъ... У него встрѣтилъ я А. М. Соколова, подвернулся Кулебякинъ, и мы съиграли пульку съ мизерами до завтрака, другую до обѣда, третью послѣ обѣда, продолжали вечеромъ и проиграли всю ночь на пролетъ до слѣдующаго дня. Откуда взялись силы! Уже утромъ, въ кунацкой Ермолова, на тахтѣ, не раздѣваясь, не зная, какъ случилось, заснулъ я непробуднымъ сномъ на 22 часа и на слѣдующій день всталъ, какъ встрепанный, здоровъ, веселъ и свѣжъ.

Получивъ отъ портнаго новый мундиръ, я отправился въ Каджіоры. На этотъ разъ, проѣзжая днемъ по живописной дорогѣ, я рѣшительно не узнавалъ мѣстности, полной видѣній и призраковъ той памятной ночи. Все по пути было прекрасно, но естественно и просто. Каджіоры представились мнѣ очень оригинальнымъ уголкомъ земнаго шара. Мѣстопробываніемъ князя-намѣстника они избраны имъ по причинѣ поразительной разницы климатическихъ условій съ Тифлисомъ. Въ Каджіорахъ въ самое знойные дни—свѣжесть и прохлада, а за 16 верстъ въ Тифлисъ, расположенномъ въ котловинѣ, отъ жары неимовѣрно страдаютъ и отъ солнечныхъ ударовъ зачастую умираютъ и люди, и животныя.

Приѣхалъ я къ князю Барятинскому. Приемъ ласковый и милый. вмѣстѣ отправились и къ свѣтлѣйшему—онъ съ портфелемъ, я съ надеждами. Князь Михаилъ Семеновичъ, узнавъ отъ начальника штаба о моемъ приходѣ, позвалъ къ себѣ, конечно, обнялъ нѣжно, освѣдомился о здоровьѣ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ не только благодарность, но и удивленіе за быстрое путешествіе мое сюда изъ Грозной и, позвавъ въ кабинетъ князя Барятинскаго, при мнѣ отдалъ категорическое приказаніе: при первой открывшейся адъютантской вакансіи, даже не спрашивая его самого, представить меня къ зачисленію адъютантомъ, а пока князь сталъ внушать мнѣ, что необходимо вернуться сейчасъ же въ полкъ, конечно, на очень короткое время, откуда я скоро буду вызванъ, въ виду ожидаемаго открытія вакансіи при немъ, вслѣдствіе ухода Давида Чавчавадзе или Ростислава Давыдова. Долго, ласково и мягко говорилъ свѣтлѣйшій и, покончивъ приглашеніемъ у него откушать, еще разъ обнялъ и отпустилъ изъ кабинета.

Ахъ, еще разъ поддался я увлекательнымъ обѣщаніямъ и лести-
вому краснорѣчію Михаила Семеновича, до тонкости умѣвшаго
своимъ обращеніемъ обворожить cadaго. Какое пошъ, такое и
приходъ. Любезностямъ и радушію при встрѣчѣ со мною всѣхъ
приближенныхъ князя не было предѣла. Мягко стелятъ эти господа,
да жестко спать. Въ тотъ же день я вернулся въ Тифлисъ, зару-
чившись разрѣшеніемъ пробыть здѣсь недѣлю или двѣ, пока меня
не потребуютъ для доставленія спѣшныхъ бумагъ барону Врангелю.

22-го августа, меня потребовали въ штабъ, вручили бумаги
для доставленія въ Грозную, и черезъ три дня, къ полному удо-
вольствію Вавилы, мы пріѣхали въ эту крѣпость безъ всякихъ
приключеній. Не доѣзжая, однако, нѣсколькихъ верстъ до станціи
Кавбекъ, я замѣтилъ, какъ мелькнулъ мимо меня отчаянно скачу-
щій фельдъегерь, а когда я самъ подъѣхалъ къ станціи, то увидѣлъ
смотрителя, стоящаго безъ шапки на площадкѣ въ недвижимомъ
положеніи. Не обративъ никакого на меня вниманія, онъ при-
стально смотрѣлъ на свою серебряную луковицу, изрѣдка взгля-
дывая на дорогу въ Коби. Я вылѣзъ изъ телѣги, крикнулъ лоша-
дей, но онъ не шевельнулся и продолжалъ свои наблюденія. На-
конецъ, какъ будто рѣшивъ трудную Пинеагорову проблему, онъ
обратился ко мнѣ со словами:

— Да-съ, много лѣтъ служу я по почтовому вѣдомству и здѣсь
на станціи уже шестой годъ смотрителемъ, а такого чорта, прости
Господи, не видалъ.

— Гдѣ вы, батюшка, чорта видѣли?—съ сомнѣніемъ, не рех-
нулся ли старикъ, спросилъ я.

— Да, какъ же, милостивый государь, не чортъ этотъ фельдъ-
егерь! Извольте посудить сами: изъ Петербурга онъ прискакалъ
сюда почти въ шестыя сутки. А вотъ-съ отъ меня, со стан-
ціи, до того вонъ, извольте видѣть, поворота, мѣрныхъ пять верстъ,
а онъ, какъ тронулъ съ мѣста, такъ и ухнулъ до того мѣста въ
7 минутъ и 40 секундъ. Видно, везетъ онъ важнѣйшія бумаги.

По возвращеніи въ Грозную, я сильно прихворнулъ, и хотя
31-го мѣ было уже лучше, но я еще не вставалъ съ дивана, на
квартирѣ у Кости Тришатнаго и Швахгейма. Часу въ четвертомъ,
когда оба собесѣдника куда-то улетучились, я услышалъ, что кто-то
съ улицы кричалъ Тришатнаго. Я приподнялся на диванѣ и у от-
крытаго окна увидѣлъ остановившагося верхомъ Оклобжіо. Ожи-
вленная фізіономія его и настойчивый вызовъ Тришатнаго заста-
вили меня пренебречь натянутыми между нами отношеніями и,
не скрывая любопытства, откликнуться на зовъ его.

— Война объявлена Турціи и, по приказанію главнокомандую-
щаго, наши 1-й и 3-й батальоны выступаютъ. Сейчасъ идетъ
оказія въ Воздвиженское, — второпяхъ и взволнованно передалъ
маіору, тотчасъ же ускакавшій хлопотать и распоряжаться.

Такъ вотъ важнѣйшія сообщенія, привезенныя фельдтегеремъ изъ Петербурга. Старичекъ смотритель былъ правъ. Но не злая ли насмѣшка судьбы? 1-й и 3-й батальоны идутъ въ Турцію, а я—командиръ роты во второмъ батальонѣ. Что дѣлать мнѣ? «Вавила, одѣваться!». Къ великому его изумленію, я вскочилъ на ноги и хотя съ гримасами отъ боли, но черезъ пять минутъ былъ одѣтъ и, опираясь на него, отправился къ дому барона Врангеля. Онъ принялъ меня, съ участіемъ выслушалъ мое плачевное повѣствованіе, но въ содѣйствіи отказалъ, посоветовавъ ѣхать въ штабъ-квартиру полка и обратиться къ командиру Ляшенку. «Но времени не теряйте, оказія сейчасъ уйдетъ»,—добавилъ баронъ. Забывъ всѣ прошлыя и настоящія боли, я чуть не рысью добѣжалъ до квартиры моей, поднялъ тамъ тревогу, разослалъ людей нанять подводу до Воздвиженскаго и, четверть часа спустя, ничкомъ лежа на телѣгѣ, потащился къ Ханъ-Каламъ. Удастся ли мнѣ тамъ устроить дѣло,—вотъ вопросъ, терзавшій меня похуже физическихъ страданій. Я не желалъ бы командовать ротой въ 1-мъ батальонѣ, пока во главѣ его стоитъ Оклобжію. Съ нимъ ужиться мнѣ невозможно, потому что характеры наши не сходятся или вѣрнѣе слишкомъ схожи, такъ какъ цѣль и стремленія у насъ обоихъ одни и тѣ же, а потому, встрѣчая другъ друга на пути къ нимъ, мы невольно ощущаемъ взаимное недоброжелательство... Впрочемъ и такъ изъ всѣхъ четырехъ ротныхъ 1-го батальона нѣтъ ни одного, который бы за все золото Калифорніи согласился помѣняться со мною ротою. Другое дѣло во второмъ батальонѣ: или Пелепейко, избалованный комфортомъ и спокойною жизнью, или Давыдовъ, бывшій полковой адъютантъ, никогда не слышшій за кровожаднаго, да къ тому же недавно женившійся. Такъ разсуждалъ я всю дорогу, конечно, не допуская мысли, чтобы Руденко или Кутлеръ могли представить мнѣ такія же надежды, какія я возлагалъ на Пелипейка и особенно на Давыдова. Легко вѣрится тому, чего желаешь, а я больше всего желалъ вести на турку 7-ю егерскую роту, которую зналъ и любилъ со дня моей службы въ Куринскомъ полку съ Гречневскимъ и съ 1848 и 1849 года, когда я [самъ ею командовалъ при Меллеръ-Закомельскомъ. Въ Воздвиженскомъ уже давно пробили зорю, когда колонна подходила къ крѣпости. Я поспѣшилъ къ Бреверну. Его я засталъ дома, и когда передалъ ему о войнѣ съ Турціей, а вмѣстѣ и о желаніи моемъ перейти въ его 3-й батальонъ, Бревернъ, восхищенный первымъ извѣстіемъ, съ радостью принялъ и второе, а потому, не теряя минуты, мы быстрыми шагами направились къ Ляшенку. Былъ одиннадцатый часъ ночи, но тревога въ его домѣ была полная. Всѣ должностные были въ сборѣ, толковали, суетились. Самъ Ляшенко семенялъ кривыми ножками и бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую растерянный. Но правда и было отъ чего. Пред-

писаніе, внезапно имъ полученное, о полномъ снаряженіи и отправленіи двухъ батальоновъ завтра раннимъ утромъ въ походъ въ Турцію, сбило бы съ ногъ и всякаго другаго. Вполнѣ понимая его положеніе, я, однако, изъ опасенія быть предупрежденнымъ другими, не могъ терять минуты и, перехвативъ его на пути суетливой бѣготни, энергически повелъ атаку. Нетерпѣливо, но довольно добродушно, выслушалъ онъ вступленіе, а затѣмъ и суть моей просьбы. Бревернъ въ томъ же смыслѣ поддержалъ меня и, заручившись на честное слово обѣщаніемъ Ляшенка, очень довольнаго, повидимому, возможностью такъ дешево отъ насъ отдѣлаться, мы соединенными силами приступили къ дальнѣйшему устройству дѣла.

Зала командира полка быстро наполнялась приходящимъ офицерствомъ. Оно являлось частью за полученіемъ прямыхъ приказаній, а частью для разъясненія тысячи мелкихъ вопросовъ, имѣющихъ громадное значеніе при предстоящемъ походѣ. Былъ и Пелепейко. Бревернъ его отвелъ въ сторону и въ полголоса заговорилъ съ нимъ; издали я слѣдилъ за ними и по выраженію лицъ обоихъ безошибочно заключилъ о постигшей меня неудачѣ. Хохоль Пелепейко съ чувствомъ полного достоинства, съ первыхъ же словъ Бреверна, рѣзко возразилъ, что честь не позволяетъ ему въ подобную минуту оставить ввѣренную ему часть, если бы даже онъ и зналъ впередъ о пагубномъ для него концѣ предстоящаго похода. У Давыдова также мы потерпѣли фіаско, не смотря на долгія убѣжденія Бреверна. Надеждъ оставалось мало. Толпа офицеровъ все прибывала, но въ средѣ ихъ не было никого, кто своимъ согласіемъ могъ бы меня выручить. Руденко и Кутлеръ не помнили себя отъ восторга идти на турку и только приставали къ Бреверну съ вопросами относительно разныхъ мелочей и часа выступленія. Грустный и убитый, легъ я въ ту ночь; не знаю, скоро ли заснулъ сосѣдъ мой, Бревернъ, но я долго еще думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать. Уже разсвѣтало, когда я заснулъ тяжелымъ сномъ; мнѣ грезились сраженія, турки въ чалмахъ, крики «алла, алла»...

— Вставайте,—шепотомъ надъ самымъ моимъ ухомъ послышалось мнѣ.

Открываю глаза и вижу не во снѣ, а наяву добродушную фигуру Карлуши Юргенсона.

— Вставайте скорѣе и пойдемте,—повторилъ онъ.

— Что случилось?

— Выйдемъ скорѣй, я все расскажу, а то разбудимъ Бреверна,—тихо объяснялъ добрый нѣмецъ.

— Я и такъ не сплю,—громко произнесъ Бревернъ,—въ чемъ дѣло?

— Я пришелъ, полковникъ, къ Владимиру Алексѣевичу объявить пріятное извѣстіе: Давыдовъ сдаетъ ему 7-ю роту.

Надо было видѣть, какъ при этихъ словахъ быстро вскочилъ съ постели Александръ Христофоровичъ. Никакія увѣренія въ его расположеніи и дружбѣ ко мнѣ не могли бы осязательнѣе убѣдить меня, какъ та радостная поспѣшность, съ которою онъ, въ одной ночной рубашкѣ, выскочилъ изъ спальни къ Юргенсону съ разспросами, кому и какъ удалось уговорить Давыдова. Объясненіе было очень просто. Давыдовъ послѣ переговоровъ съ нами зашелъ къ Юргенсону, гдѣ засталъ въ сборѣ всѣхъ офицеровъ 2-го батальона, остающагося въ Воздвиженскомъ. Подробно передавъ весь разговоръ съ нами, онъ встрѣтилъ полное неодобреніе своему упорству; долго судили и редили и кончили тѣмъ, что отправили его на совѣщаніе къ женѣ, отъ которой онъ только что вернулся съ рѣшеніемъ отказаться воевать съ туркой, и въ настоящую минуту ожидаетъ меня, чтобы сейчасъ же приступить къ сдачѣ и приему роты. Восторгу моему не было предѣловъ. Я въ двѣ минуты былъ одѣтъ и буквально бѣгомъ, забывъ боль въ поясницѣ и всѣ невзгоды, пустился къ Юргенсону, а оттуда вмѣстѣ съ Давыдовымъ — къ Ляшенку. Было только 6 часовъ утра, но командиръ былъ уже на ногахъ, да и врядъ ли ложился въ эту хлопотливую для него ночь. Получивъ разрѣшеніе объ обмѣнѣ нашихъ ротъ, о чемъ было сдѣлано распоряженіе объявить сейчасъ же приказомъ по полку, я повлекъ Давыдова въ казармы 6-й роты. Люди живо были выстроены, претензіи опрошены (ихъ не оказалось), провѣрены на лету въ канцеляріи ротныхъ книги, и 6-я егерская рота въ 20 минутъ была уже сдана. Такимъ же образомъ принялъ я и 7-ю роту. При опросѣ претензій: «никакихъ не имѣемъ, а ужъ очень рады служить съ вашимъ благородіемъ!» — былъ общій радостный крикъ молодцевъ 7-й роты. Растроганный, я распустилъ людей въ казармы собираться къ выступленію, а самъ зашелъ по приглашенію Давыдова къ нему на квартиру, гдѣ за стаканомъ чая мы подписали ротныхъ книги и обмѣнялись ротными квитанціями.

Въ 8 часовъ передъ казармами торопливо строились люди 3-го батальона. Послышались голоса ротныхъ, поздравлявшихъ съ походомъ, и дружные отвѣты нижнихъ чиновъ. «Прощайте, Давыдовъ, или лучше до свиданія!» Я вскочилъ на лошадь и подскакалъ къ возлюбленнымъ моимъ боевымъ товарищамъ. На поздравленіе мое съ предстоящимъ походомъ на турокъ громкое, непрерывное «ура» было ихъ отвѣтомъ. На всѣхъ лицахъ я видѣлъ восторженное выраженіе. «Съ Богомъ, братцы! Справа по отдѣленіямъ шагомъ маршъ!» И рота бодро, весело зашагала въ гору.

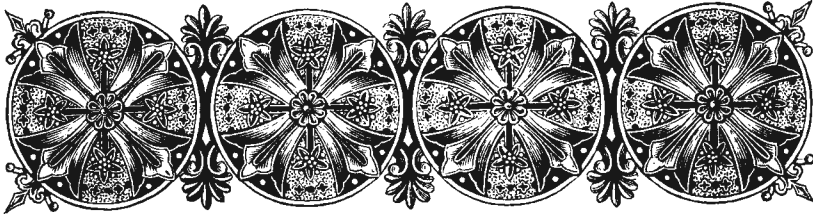
«Съ командиромъ хватскимъ весело служить,
«Съ нашимъ Полторацкимъ не о чемъ тужить!»—

раздался звучный голосъ запѣвалы, подхваченный, съ шумомъ и трескомъ тулумбаса и бубень, всемъ хоромъ пѣсенниковъ. Не выдержалъ я, и тутъ же выворотилъ все карманы въ ихъ пользу, а всего-то за душой было у меня рублей двадцать-пять.

В. Полторацкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВѢ РЪПИНЫ.

(Страничка изъ путешествія по нашему сѣверу).

ЯБХАЛЪ въ широкихъ и неуклюжихъ саняхъ, запряженныхъ небольшою, рыженькою лошадкою. Снѣгъ крупными хлопьями медленно падалъ съ неба, описывая на пути круги, цѣпляясь по вѣтвямъ елей и безшумно срываясь съ нихъ на землю. Ямщикъ-корелякъ дремалъ на козлахъ и сквозь сонъ тянулъ какую-то безконечно-заунывную пѣсню: «Я пошелъ въ лѣсъ, лѣсъ далъ мнѣ вичку, вичку я бросилъ въ печку, печка—мнѣ камешокъ, камешокъ я въ море, море мнѣ соли» и т. д. безъ конца. Заиндивѣвшія отъ морозу ели и сосны, плотно обступившія дорогу, казались какими-то заколдованными, призрачными въ своемъ снѣжномъ уборѣ. Ни одной живой души въ лѣсу... Тихо, какъ въ могилѣ... Невольно становится страшно и жутко среди этого лѣснаго царства, запорошеннаго снѣгомъ, зарытаго сугробами и лишеннаго всякаго признака жизни.

Только изрѣдка, кое-гдѣ, выскочить изъ лѣсу на дорогу заяцъ, присядеть на свои заднія лапы, посидитъ съ минуту, другую, и опять юркнетъ въ сторону и сразу же пропадетъ въ непроходимой чащѣ. Или тяжелый, старый воронъ, испуганный проѣзжими, грузно подыметъ на своихъ черныхъ крыльяхъ, встряхнетъ нѣсколько снѣжныхъ хлопковъ съ ели, на которой сидѣлъ, и перелетитъ на новое мѣсто, гдѣ, навѣрное, уже никто не нарушитъ его созерцательнаго спокойствія...

— Скоро ли до станціи доѣдемъ?—спросилъ я у своего возницы, когда морозъ чувствительно таки сталъ оцупывать мои ноги и бока...

— Не многа таперь, твѣ вирсты,—отвѣчалъ маленькій мужиченко, съ желтыми плоскими волосами, съ безкровнымъ, чахоточнымъ лицомъ...

— А тебѣ не холодно?

— Не...

— Да вѣдь ты плохо одѣтъ, у тебя одинъ кафтанъ, даже и шубы нѣтъ...

— Суба мнѣ не нусна, мы тѣпла... и опять что-то такое замурлыкалъ себѣ подъ носъ на своемъ трудно-понятномъ языкѣ: «море дало мнѣ соли, соль я высыпалъ въ квашню, квашня мнѣ дала тѣста, тѣсто я отдалъ сапожнику, сапожникъ—мнѣ сапожокъ, сапожокъ я курицѣ»...

— А скажи-ка, Пекко ¹⁾, кто у васъ въ приходѣ служить священникомъ?

— Свясенникъ?... священникъ у насъ отецъ Ифанъ.

— А фамилія его какая?

— Фамиль—Птица...

— Птицынъ... что ли ты хочешь сказать?

— Не... не Птицынъ, а птица такой есть, «кра» кричитъ, такъ вотъ и фамиль его такой...

— Не Вороновъ ли уже фамилія его?

— Та, та, Вороновъ,—съ радостью въ голосѣ заговорилъ корелякъ, обрадовавшись моею догадливости...

Ужели, думалъ я, это тотъ Вороновъ, который былъ моимъ товарищемъ по семинаріи и теперь священствуетъ въ этой глухой Корелѣ Повѣнецкаго уѣзда?... Мнѣ тотчасъ же представился бойкій живой юноша, съ пышными кудрями, съ свѣтлыми, отрадными взглядами на жизнь: «не робѣй, ребята, не пропадемъ... живы будемъ, и всякъ свое счастье найдетъ»... Его звонкій голосъ, бывало, раздавался по всему длинному коридору; крѣпкая, коренастая фигура не находила себѣ соперника по силѣ во всей семинаріи, и въ товариществѣ не было лучше человѣка, какъ Иванъ Вороновъ: выручить пріятеля изъ бѣды, помочь ему въ нуждѣ, скрыть подвыпившаго товарища отъ глазъ зоркаго начальства—никто не сумѣлъ бы такъ ловко, какъ онъ... И, при всемъ томъ, это была натура въ высшей степени честная: не зналъ ли когда Вороновъ урока, онъ кряду, по приходѣ учителя въ классъ, поднимался и заявлялъ ему, что сегодня отказывается отвѣчать... Сломаетъ ли нечаянно, развозившись съ товарищами, стекло, онъ прямо заявлялъ эконому о своей оплошности, молча платилъ послѣдніе гроши и никогда не слагалъ вины на безответный вѣтеръ...

¹⁾ Пекко—корельское имя, равносильное—Петръ.

«истор. вѣстн.», июнь, 1893 г., т. III.

Каковъ-то теперь этотъ Вороновъ?—думалъ я, вѣзжая въ убогое село. Еще ли измѣнился, или остался такимъ же славнымъ малымъ, какимъ я зналъ его прежде?

Темные домишки, крытые тесовыми двухскатными крышами, потянулись вдоль длинной фалангой и угрюмо выглядывали своими маленькими стеклянными глазами. Нѣсколько собакъ, съ лихо закрученными пушистыми хвостами, бойко выскочили на дорогу, навстрѣчу намъ и, громко заливаясь на лошадь, чуть не хватили ее за морду... У самой церкви, саженьхъ въ 15—20, стоялъ священнической домъ, отличавшійся отъ крестьянскихъ большей величиной оконъ и бѣлыми занавѣсками, мелькавшими въ нихъ.

— Это, кажется, священнической домъ?

— Та, та, священникъ...

— Такъ остановись же предъ нимъ, я на станцію не поѣду, остановлюсь лучше у священника...—И широкія сани остановились предъ низенькимъ крыльцомъ.

Сколько ни слыхалъ я прежде о необезпеченности нашего сѣвернаго духовенства, сколько ни видалъ на своемъ вѣку бѣдныхъ священниковъ, но, всетаки, такой бѣдности, такой нищеты, какая представилась теперь моимъ глазамъ, я и воображать даже не могъ. Небольшая кухня, въ которую я вошелъ, была догуста наполнена холоднымъ паромъ, который, какъ я потомъ узналъ, былъ надъшанъ теленкомъ, пристроившимся въ одномъ изъ переднихъ угловъ. Пахло навозомъ, дѣтскими пеленками, печеной рѣпой... До чего ни касалась рука, все было холодно, сыро и крайне неприятно для ощущенія...

— Кого Богъ еще принесъ?—съ явнымъ неудовольствіемъ заговорила невысокая, среднихъ лѣтъ женщина, вышедшая ко мнѣ навстрѣчу изъ другой комнаты.

Я отрекомендовался ей, догадываясь, что предо мной стоитъ попадья, супруга о. Ивана... Что-то льстивое, скверненькое, сразу появилось на лицѣ «матушки», узнавшей, что предъ ней—интеллигентный гость-баринъ, товарищъ ея мужа. Она какъ-то лихорадочно засуетилась около меня, развязывала шарфъ, разстегивала пальто, снимала шапку...

— Да вы пройдите, сдѣлайте милость, въ горницу, тамъ будетъ потеплѣе, да и почище...

Дѣйствительно, въ горницѣ было нѣсколько чище и теплѣе, чѣмъ въ кухнѣ... Но бѣдность вопіяла изъ каждаго угла, изъ каждаго стѣнной трещины. Посрединѣ комнаты висѣла люлька, привязанная полотенцемъ къ потолку. Въ какомъ-то неопредѣленномъ тряпѣ барахтался ребенокъ, выглядывавшій изъ колыбели своими невинными голубыми глазенками. Въ углу, подлѣ лежанки, стояла деревянная кровать, съ крашенинными синими наволочками на подушкахъ. На голыхъ стѣнахъ, замѣняя картины, были налѣ-

плены фабричныя клейма съ ситцевыхъ матерій и бумажки съ національной карамели Кудрявцева. На столѣ валялся одинъ изъ давнишнихъ номеровъ «Церковныхъ Вѣдомостей»...

— Гдѣ же о. Иванъ?—спросилъ я у матушки, убравшей мою одежду и взявшей уже было за самоваръ.

— А онъ у меня, видите ли, съ утра ужъ отправился по сбору, собираетъ по селу осеньщину ¹⁾. Сей годъ такая бѣда, такая нужда въ народѣ, до сихъ поръ никакъ не можемъ окончить сборовъ... Что подѣлаешь! не даютъ... У самихъ бѣдность...

Супруга о. Ивана оказалась очень словоохотливой женщиной: она подѣла поближе ко мнѣ и начала тотъ безконечный разговоръ, который обыкновенно заводятъ деревенскіе люди съ свѣжимъ человѣкомъ, особенно съ только что пріѣхавшимъ изъ губернскаго города.

— Подождите немножко, скоро теперь и «самъ» подойдетъ...

Она рассказывала о своемъ приходѣ, прихожанахъ-корелякахъ, о своемъ семействѣ (двое дѣтей были въ школѣ), но главнымъ образомъ о своей нуждѣ, бѣдности и недохваткахъ...

— Вотъ теперь, на прошлой недѣлѣ о. Иванъ былъ въ городѣ, привезъ опять кофею, чаю, гороху, конопляннаго масла на Рождественскій постъ... да какъ подсчиталъ лавочные счета, такъ оказывается, что одному купцу Зайцеву долженъ сто рублей слишкомъ, а когда ихъ уплатишь?.. Да вѣдь волосъ на головѣ не останется у моего батьки, если всѣ долги заплатитъ чистоганомъ... А гдѣ деньги взять? Приходъ нынче, въ эти годы, сталъ бѣдный, «подаяніе» скудное; народъ-мошенникъ того и глядитъ, какъ бы отлынить отъ платежа своему же батюшкѣ... Иной разъ ходишь, ходишь по приходу, не совру—скажу: не больше полтинника принесешь... Жалованья, кромѣ «законоучительскихъ», мы совсѣмъ вѣдь не получаемъ... Помилуй Богъ, что еще со школы даютъ шестьдесятъ рублей въ годъ, такъ хоть по крайности на «горячее» хватаетъ, да на сапожонки, а то въ лѣтнее время—хоть лапти обувай...

Самоваръ стоялъ уже на столѣ, окруженный тремя-четырьмя парами разнокалиберной чайной посуды; чайникъ, съ оловянной надставкой на рожкѣ, съ добрыхъ полчаса грѣлся надъ трубой, распаривая экономную щепотку матушкинаго чая, а о. Ивана все еще не было...

— Теперь скоро, должно быть, придетъ и батя... Вотъ откушайте стаканчикъ чайку, а онъ тѣмъ временемъ и подойдетъ... Извините только, что у насъ закуски-то никакой нѣтъ... Да и не достанешь ея здѣсь скоро, лавочекъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ; вотъ когда съ нарочнымъ прикажешь изъ города, тогда еще привезутъ кренделей или саекъ... А не угодно ли вамъ нашихъ овсянниковъ? По-

¹⁾ Осеньщина—сборы, производимые осенью.

пробуйте-ка; я думаю, что не ѣдали еще? У насъ здѣсь кореляки пекутъ...—и матушка принесла изъ кухни нивенькій, продолговатый хлѣбъ, испеченный изъ овсяной муки наполовину съ отрубями...

— Вотъ откушайте-ка нашего кормильца...

Я отрѣзалъ себѣ ломоть и началъ ѣсть... Хлѣбъ былъ цвѣтомъ темно-зеленый и очень черствый. Онъ какъ-то клочками оставливался въ горлѣ, жегъ подъ ложечкой и производилъ крайне непріятное вкусовое ощущеніе... Только ужъ большой голодъ могъ заставить ѣсть этотъ Божій даръ...

— Не хочешь ли и ты, Мисенька, хлѣбушка?—наклоняясь надъ колыбелью, любовно, дѣтскимъ языкомъ, говорила попадья своему ребенку...

— Хочешь, хочешь? На, миленькій, ѣшь на здоровьице, коли хочешь... И полугодовой ребенокъ, поймавъ въ рученки кусокъ овсяника, слюнявилъ его во рту, жевалъ беззубыми деснами и справлялся съ нимъ, какъ довольно опытный, привыкшій къ такого рода пищѣ...

— Да вотъ еще съ ребенкомъ сей годъ бѣда,—продолжала говорить матушка:—въ нынѣшнюю осень случилось съ нами наприбавокъ несчастье: корова, очень хорошая корова, 15 рублей бы ни за что не взяла, телилась и потомъ, Богъ знаетъ, что съ ней ужъ попритчилось, чрезъ нѣсколько дней взяла да и околѣла... До крайности жалъ коровы, да ничего не подѣлаешь... Вотъ теленокъ отъ нея теперь въ избу принесенъ; въ хлѣву нельзя держать, холодно; того и глядишь, что еще замерзнетъ... Такая бѣда въ эту зиму безъ коровы жить... Молока нѣтъ, ребенокъ плачетъ, а гдѣ хватишь ему молока? Купить въ каждый разъ—не по карману будетъ; такъ теперь надумала кормить жиденькой толоконной кашицей, вареной на водѣ... Ничего, съ Богомъ, ѣсть на здоровье... Да вотъ, кажется, и самъ домой идетъ,—заявила матушка, выглянувъ на улицу въ полуоттаившее окно...

Въ гору, по направленію къ священническому дому, медленно брелъ высокій мужчина, одѣтый въ нагольный сѣрый тулупъ, съ небольшимъ холщевымъ мѣшкомъ за спиной... Если бы не предупрежденіе матушки, мнѣ бы ни за что и въ голову не могло придти, что этотъ мужикъ—батюшка, мѣстный священникъ, мой бывший товарищъ Вороновъ. Большіе неуклюжіе сапоги-кенги, потертая мѣховая шапка, нечесанная борода, нагольный тулупъ и къ тому же еще этотъ холщевый мѣшокъ за спиной—все это давало возможность скорѣе предполагать въ идущемъ мѣстнаго кореляка, въ родѣ моего ямщика Пекко, но ни въ какомъ случаѣ не священника.

— Отецъ Иванъ, знаешь ли ты, что у насъ вѣдь гость?—предупреждала попадья своего мужа въ кухнѣ на счетъ моего посѣ-

щенія.— Говорить, что твой товарищъ по семинаріи; чай теперь кушаетъ въ горницѣ...

Разоблачившійся о. Иванъ вошелъ въ горницу... Въ коротенькомъ казINETОВОМЪ подрясникѣ онъ много напоминалъ прежняго бурсака Воронова. Все осталось въ немъ почти безъ перемѣнъ: тѣ же добродушные сѣрые глаза, полныя красныя губы, складывавшіяся въ мягкую добродушную улыбку. Только волосы и борода стали вдвое длиннѣе прежняго, и въ фигурѣ его замѣчалось больше неряшливости и опущенности. Онъ, улыбаясь, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку и какъ-то виновато усѣлся на уголкѣ рядомъ стоящаго стула.

— Какимъ образомъ Богъ занесъ тебя къ намъ, въ наши палестины? Вотъ ужъ по истинѣ, кого не чаялъ видѣть, такъ именно тебя. Жена говоритъ, что гость въ горницѣ. Кто такой, думаю?.. Оказывается, что ты... Ну, спасибо, другъ, что хоть вспомнилъ, заѣхалъ... Извини только, самъ видишь, не роскошно у меня... Ну, да знаю, что ты не взыщешь...—и о. Иванъ разспрашивалъ меня о моей жизни, гдѣ я служу, сколько получаю жалованья, женатъ ли, имѣю ли дѣтей, и звучный смѣхъ его, какой слыхалъ я въ прежніе годы, снова сталъ раздаваться въ неряшливой горницѣ...

— А вы, о. Иванъ, какъ поживаете?

— Да я, благодареніе Богу, ничего себѣ, живу помаленьку, вотъ ужъ пятый годъ, какъ въ здѣшнемъ приходѣ, и съ своей стороны не могу сказать о немъ ничего худаго...

— А народъ каковъ?

— Народъ хорошъ, народъ добрый; такого въ нашихъ русскихъ мѣстахъ не скоро и сыщешь. Я въ первое время, признаюсь самъ, даже терялся, когда выходилъ въ церкви говорить проповѣдь. О чемъ, думаю, буду говорить ему? О терпѣніи ли, честности ли, или воздержаніи?.. Такъ онъ терпѣливѣе и честнѣе меня въ тысячу разъ, и не ему у меня слѣдуетъ учиться, а скорѣе я могу поучиться у него. Вѣдь представъ себѣ: зимой, въ трескучіе морозы, градусовъ 30, въ плохой одеженкѣ, по поясъ въ снѣгу, возять цѣлыми днями бревна лѣсопромышленникамъ. И хоть бы ночью-то отогрѣлись въ теплой хатѣ, такъ вѣдь и того нѣтъ... «Вывозка» бревенъ бываетъ обыкновенно далеко отъ деревни, и ночь спать кореляки подъ открытымъ небомъ; подстелеть это подъ бокъ хвои, окутается овчинной шубенкой, въ которой, можетъ быть, мѣхъ такъ густъ, что, по пословицѣ, шерстинка отъ шерстинки—бѣгай съ дубинкой, и спать себѣ «страстотерпецъ» и на утро снова начинаеть свой каторжный трудъ. А о честности и говорить нечего... Да честнѣе ихъ наврядъ ли кого и сыщешь. Въ лѣтнее время, когда уйдуть всѣ на работу, дома свои оставляютъ незапертыми; замковъ здѣсь и не слыхали и не знаютъ, что такое и замокъ, а обыкновенно сунуть съ уличной стороны колъ въ дверное кольцо,

вотъ тебѣ тутъ и весь запоръ; и ничего, Богъ милуетъ, вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ я здѣсь, и не бывало до сихъ поръ ни одной кражи.

— Ну, а въ религіозномъ отношеніи каковъ здѣшній народъ?

— Вотъ въ религіозномъ отношеніи такъ ужъ, слѣдуетъ со-
знаться, невѣжа... Спрашиваю я тутъ у одного старичка, который
всѣми прихожанами считается за одного изъ самыхъ умныхъ и
и знающихъ людей, спрашиваю у него: кто такой Иисусъ Хри-
стосъ? А онъ мнѣ и говоритъ: «да какъ же мнѣ, батюшка, не знать?
У меня сыновья, слава Богу, дѣтей имѣютъ... Кто такой Иисусъ
Христосъ?.. Знамо, что братецъ Николы Угодника; буде Христосъ
умретъ, такъ Никола на Его мѣсто и вступитъ»... И никакъ вѣдь
не растолкуешь имъ путемъ, какъ слѣдуетъ. Порусски не пони-
мають, покорельски—я самъ плохо, не совсѣмъ правильно говорю,
да и языкъ у нихъ такой, что на немъ ни за что, ни за какія
блага, не изъяснишь догматическаго ученія; очень бѣденъ языкъ,
не развитъ, и на немъ можно обозначать лишь самыя обыденныя
житейскія понятія. А къ церкви, замѣтъ, народъ очень привязанъ;
соберутся въ праздничный день въ церковь и хоть въ богослуже-
ніи ни слова не понимаютъ, особенно бабы, но, тѣмъ не менѣе, мо-
лятся очень усердно, ставятъ свѣчи предъ иконами, крестятся и
постоянно въ слухъ шепчутъ одно и то же: Господи Сусей Хри-
стосъ, Господи Сусей Христосъ... какъ мухи жужжатъ въ лѣтній
день.

— Отчего же ихъ русскому языку не учать? Напримѣръ бы—
въ школахъ?..

— Да учать... Какъ же не учать?.. Исключительно вѣдь на од-
номъ русскомъ языкѣ все преподаваніе и ведется... Но въ томъ-то
и бѣда, что изъ своихъ уроковъ, заученныхъ на память, ученики
зачастую не понимаютъ ни слова. Зазубрятъ это наизусть, отвѣ-
чаютъ механически, безсознательно, какъ попугай, и хоть бы слово
одно понимали изъ своего отвѣта. «Богъ есть духъ — безтѣлес-
ный, всевѣдущій, всемогущій, вездѣсущій, всеблагой»...—отвѣчаетъ
бойко иной мальчишка, и самъ, знаешь навѣрно, ни шпильки не
смыслить. Или рассказываетъ учителю: «Соль есть минеральная
пи-и-ипша». И какъ растолкуешь имъ покорельски?.. Такъ вотъ
и ведется у насъ преподаваніе... Ежегодно кончаетъ курсъ въ на-
шей школѣ человекъ 5—6, и ни одинъ изъ нихъ толкомъ, пона-
стоящему, не знаетъ русской рѣчи... Пропшелъ годъ—два, и то не-
многое, что зналъ въ школѣ, забываетъ все безъ остатка... Жаль
кореляковъ, жаль... И духовно бѣдны... да и въ матеріальномъ отно-
шеніи не лучше того... Вѣдь здѣсь никакихъ почти промысловъ
нѣтъ, сами они никакихъ ремеслъ не знаютъ, земляшка плохая, и
живутъ отъ этого такъ бѣдно, что и сказать я тебѣ не могу. Да
вотъ надняхъ я разговорился съ однимъ изъ своихъ прихожанъ,

который недавно еще возвратился изъ города, изъ земской больницы. Спрашиваю его: «каково, Амосъ, въ больницѣ жить?» — «Да, говорить, батюшка, такой жизни мнѣ и во снѣ не снилось, такъ ужъ хорошо мнѣ было»... — «Что же?» — говорю. — «Да въ каждый день, говорить, гороховой каши ѣшь, сколько твоей душѣ угодно; ужъ ѣшь, ѣшь — больше не хочется, а сторожъ это ходитъ между кроватями, да покрикиваетъ еще: ѣшь, Амосъ, ѣшь, да чтобы худо тебѣ отъ этого не было?.. А какое, батюшка, худо? Развѣ отъ хорошей пищи когда худо бываетъ?» Такъ вотъ видишь, что за народъ у меня прихожане. Лучше гороху бѣдняга и пищи на своемъ вѣку не ѣдалъ и теперь всѣмъ своимъ землякамъ рассказываетъ, чуть не захлебываясь, что въ больницѣ — въ каждый день Свѣтлое Христово Воскресеніе... Это у кореляковъ самая высшая степень похвалы... Или у этого же Амоса въ прошломъ году женился сынъ; взялъ за себя одну дѣвушку, которая предъ этимъ только въ городѣ въ служанкахъ жила... Ну, извѣстно, какое же тамъ приданое у бѣдныхъ людей, а въ особенности у кореляковъ... Такъ нѣтъ... Приходитъ это ко мнѣ Амосъ и начинаетъ рассказывать, какое богатое приданое принесла имъ невестка: «вѣришь или нѣтъ, батюшка, у нашей невестки даже два хрустальныхъ стакана, два блюда съ золочеными каемками, кофейникъ изъ красной мѣди, вѣришь или нѣтъ? не знаю только, гдѣ она, шельма, достала все это?»... А на самомъ дѣлѣ оказывается что же? — два стеклянныхъ стакана, самыхъ обыкновенныхъ, пятикопеечныхъ, кое-какія два блюда и мѣдный кофейникъ, весь измятый и безъ ручки, а для Амоса и, Богъ знаетъ, что это за богатство, что за роскошь...

— Чудаки, однако, ваши прихожане; а къ вамъ они, отецъ Иванъ, какъ относятся?

— Какъ это — ко мнѣ?..

— Да къ вамъ лично, какъ къ священнику и какъ къ сосѣду?

— Ну, на счетъ этого и не спрашивайте... Отношенія у насъ первый сортъ, лучше и придумать нельзя: прямыя, искреннія, безъ всякаго манежничанья. Да нашъ корелякъ не только со мной, но даже и съ полицейскими и гражданскими своими властями обращается безъ всякой лести и притворства. Пріѣзжаетъ разъ сюда въ нашу мѣстность губернаторъ... Ну, самъ знаешь, пріѣздъ губернатора въ нашу трущобу — цѣлая эпоха... За мѣсяцъ раньше до пріѣзда начались приготовленія къ встрѣчѣ его. Зашныряли становые, забѣгаль исправникъ, урядники ежедневно занимались обученіемъ сотскихъ: какъ имъ слѣдуетъ держать себя при встрѣчѣ его превосходительства, какъ дѣлать поклоны, какъ произносить титулъ губернатора... И, всетаки, не смотря на такія приготовленія, встрѣча не обошлась безъ курьеза: сотскій, который былъ поставленъ у входа въ волостное правленіе и долженъ былъ открыть двери губернатору, вмѣсто почтительнаго поклона, протянулъ его

превосходительству руку и говорить: «Здравствуй, ваше благородіе, слава Богу, что ты пріѣхалъ, а мы вотъ уже цѣлый мѣсяцъ ждемъ тебя и отъ работы совсѣмъ отбились»... Урядникъ и становой, какъ увидѣли это, такъ и обомлѣли отъ страху...

Но, къ счастью, все кончилось благополучно. Губернаторъ только улыбулся и сказалъ сопровождавшему его исправнику: какіе они, однако, еще дикари, имъ слѣдуетъ еще много и много развиваться.

Такъ же точно со мной вотъ обращаются... Придешь это къ нимъ въ избу: требу ли исправлять, или просто такъ — посидѣть, каждый протягиваетъ тебѣ руку, и хозяинъ дома безъ всякихъ ужимокъ, безъ всякаго низкопоклонничанья, прямо спроситъ: батюшка, хочешь чаю или сядешь обѣдать? Скажешь ему, что спасибо, не хочу молъ; такъ ужъ не ожидай, чтобы другой разъ предложили; «а не хочешь, батька, такъ ужъ это твое дѣло»: этимъ и все угощеніе кончается. Не любить мой прихожанинъ разсыпаться на словахъ, не лебезить языкомъ, какъ это дѣлаетъ русскій человѣкъ.

— А теперь вы, о. Иванъ, по сбору ходили?

— Да, «осеньщину» собиралъ...

— Да гдѣ же она?

— А вотъ въ мѣшечкѣ,—и отецъ Иванъ встряхнулъ холщевый мѣшкъ, съ которымъ пришелъ изъ деревни, и изъ него, подпрыгивая по столу, выскочили двѣ рѣпины.

— Развѣ все тутъ?

— Да, все... и батюшка, прищуривъ свои сѣрые глаза, сморщивъ какъ-то уморительно носъ, залился добродушнымъ заразительнымъ смѣхомъ. Темнорусые густые усы его тихо шевелились отъ приступовъ смѣха, и вся фигура выражала такое благодушіе, такое довольство, что я невольно самъ вслѣдъ за нимъ какъ-то непріятно хихикнулъ нѣсколько разъ.

— Дали въ одномъ домѣ и говорятъ: снеси, батюшка, хоть ребятишкамъ въ гостинцы... Ну... взялъ, поблагодарилъ, и вотъ тутъ, въ двухъ рѣпинахъ вся, моя «осеньщина»...

Больше я уже не любопытствовалъ спрашивать о житьѣ-бытьѣ о. Ивана. Вся жизнь его была наружу, напоказъ, и двѣ его рѣпины, какъ ключъ къ загадкѣ, разъясняли все, что на первый разъ, можетъ быть, и казалось непонятнымъ. Мнѣ теперь яснымъ стало — и убогость обстановки, приниженная льстивость матушки, грязь и бѣдность о. Ивана,—все было для меня раскрыто. Я отпилъ скорѣе чай, приказалъ Пекко запрячь лошадь, простился съ батюшкой и матушкой, сѣлъ въ сани и долго дорогой не могъ забыть двухъ рѣпинъ... Онѣ, какъ живыя, стояли въ моемъ сознаніи, кивали мнѣ со смѣхомъ, дразнили меня, подпрыгивая по сосновому некрашенному столу... Село давно окончилось, и уже начался густой еловый лѣсъ, глубоко занесенный бѣлымъ пушистымъ снѣ-

гомъ, а я все думалъ о жизни нашего сѣвернаго духовенства, бѣднаго, заброшеннаго и забытаго всѣми...

— А скажи-ка, Пекко, каково живетъ вашему священнику, хорошо или худо?

— Насему священникъ?.. Одинъ хороше зить... Сто ему не зить? деньга постоянно... Мой ребенка крестиль, ри (три) копейка ему платиль, водкомъ поиль; твой вѣнчалсе—опять деньга платиль... Ему сто зить? Ему лутце меня зить...

— Да, псжалуй, только что лучше тебя,—подумалъ я и, завернувшись теплѣе въ шубу, больше уже не возбуждалъ разговора на ту же тему.

Н. О. Л—ковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА.

ВЕЧАТАЕМЫЯ здѣсь воспоминанія инженеръ - маіора В. Н. Погожева интересны въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, они рисуютъ мелкія и характерныя подробности жизни средняго класса людей въ Россіи въ первую половину отживаемаго нами столѣтія, и эта обрисовка тѣмъ болѣе колоритна, что авторъ воспоминаній, представляя собою типъ очень обыкновеннаго человѣка того времени и высказывая свои взгляды, служитъ какъ бы отраженіемъ взглядовъ переживаемой имъ эпохи. Во-вторыхъ, воспоминанія В. Н. Погожева говорятъ о жизни и развитіи двухъ маленькихъ, безвременно погибшихъ знаменитостей, пьянистокъ Вѣры и Натальи Погожевыхъ, обратившихъ на себя въ 40-хъ и 50-хъ годахъ большое вниманіе въ музыкальныхъ сферахъ не только Петербурга и Москвы, но и Лейпцига, гдѣ въ то время музыка вообще особенно процвѣтала подъ вліяніемъ знаменитаго Мендельсона Бартольди, основавшаго Лейпцигскую консерваторію и до смерти бывшаго ея директоромъ. Кое-какія подробности объ этой консерваторіи, о Веймарскомъ дворѣ, о волненіяхъ въ Германіи въ 1848 году такъ же не безынтересны въ воспоминаніяхъ Погожева.

Къ сожалѣнію, отрывочность воспоминаній не даетъ цѣльной картины, а представляетъ только эскизныя, хотя и очень интересныя по фактамъ, картинки описываемаго времени.

Ред.

I.

Вступленіе. — Происхожденіе моихъ родителей. — Начало ученія. — Манифестъ 1812 года и бѣгство изъ Москвы. — Нападеніе разбойниковъ на возвратномъ пути въ Москву. — Поѣздка въ Петербургъ. — Поступленіе въ 1-й кадетскій корпусъ. — Кадетскія шалости. — Нарушеніе дисциплины. — Арестъ. — Кадетская тюрьма. — Неожиданное появленіе на хорахъ лютеранской церкви въ похоронномъ костюмѣ. — Новая продѣлка во время дежурства и вторичный арестъ. — Гуманность штабсъ-капитана Мердера. — Производство въ офицеры. — Неистовый восторгъ кадетъ. — Объясненіе съ директоромъ корпуса. — Тяжкое вызваніе по жалобѣ архіепископа Филарета. — Радостное свиданіе съ матушкою.

Я пишу, что чувствовалъ и видѣлъ. Пишу мои записки и описываю мою жизнь, дабы ошибки и заблужденія мои послужили кому либо урокомъ. Думаю, что изъ этихъ записокъ всѣ возрасты могутъ извлечь пользу. Юноши увидятъ, какъ вредно слушаться ложныхъ сужденій сверстниковъ-лѣнтяевъ и шалуновъ. Молодые люди узнаютъ изъ моего опыта, какъ портится карьера нашей службы отъ ложнаго самолюбія, отъ нетерпѣнія перенести хладнокровно нѣкоторые непріятные случаи въ жизни. Люди совершеннаго возраста пожелаютъ, по примѣру моему, наслаждаться истиннымъ семейнымъ счастьемъ и, подобно мнѣ, воспитывать своихъ дѣтей. Наконецъ, старецъ утвердится въ вѣрѣ въ промыслъ Божій и, согласно съ моими понятіями о будущей жизни и наградѣ здѣсь и тамъ за добро и зло, будетъ запасаться добрыми дѣлами, чтобы оставить по себѣ вѣчную память.

Я родился 19-го января 1802 года въ Москвѣ. Отецъ мой былъ сынъ купца, именитаго гражданина города Великаго Устюга (Вологодской губерніи), а въ то время званіе именитаго гражданина было особенно почетно, и таковыхъ было не много. Дѣдъ мой былъ умный и дѣльный человѣкъ въ свое время, но къ концу жизни, по несчастному стеченію обстоятельствъ, лишился всего состоянія. Въ то время отечество наше только что начинало просвѣщаться, и даже дворяне неохотно отдавали дѣтей своихъ учиться; но дѣдъ мой отвезъ двухъ своихъ сыновей въ Голландію, гдѣ они и получили отличное образованіе. По возвращеніи въ Россію, старшій сынъ, Левъ Даниловичъ, служилъ въ статской службѣ и кончилъ жизнь свою, состоя начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ. Второй сынъ, Николай (отецъ мой), сначала служилъ въ военной службѣ, а потомъ въ московскомъ правительствующемъ сенатѣ и скончался на 32-мъ году, состоя въ должности оберъ-секретаря.

Мать моя, урожденная Горева, дочь коллежскаго совѣтника, вышла замужъ 14-ти лѣтъ. Нынѣ этого не можетъ быть, потому что высочайшимъ указомъ запрещено вѣнчаться дѣвицъ ранѣе 16-ти лѣтъ. На 22-мъ году она уже осталась вдовою съ тремя сыновьями.

Мнѣ, старшему, было тогда пять лѣтъ; второму, Петру, было два года, и третьему, Александру, полгода. Живо помню, какъ скончался мой отецъ; помню, что когда его клали въ гробъ, въ то время сенатскій курьеръ привезъ ему орденъ св. Владимира 4-й степени. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, отдали меня учиться въ школу. Очень помню, какъ мнѣ не хотѣлось ходить туда. Бывало, матушка выпроводить меня изъ дому, но я, подойдя къ школѣ, ухвачусь за тумбу и не иду далѣе. Провожавшая меня нянька Анна должна была тащить меня въ школу насильно, какъ мясникъ тащить барана. Потомъ отдали меня въ пансіонъ нѣмецкой кирки, и тутъ-то меня за лѣность сѣкли розгами каждую субботу и отпускали домой, гдѣ маменька и бабушка встрѣчали меня нѣжными ласками и пичкали разными сладостями.

Говорятъ, что будто острога, бойкость и понятливость ребенка означаютъ признакъ ума. Не знаю, можно ли съ этимъ согласиться. По крайней мѣрѣ, на опытѣ моей жизни я удостовѣрился, что шалуны и рѣзвые мальчики рѣдко дѣлали хорошую карьеру по службѣ. Напротивъ того, почти всѣ вялые, повидимому, малопонятливые или тупоумные, выходили, какъ говорится, въ люди прилежаніемъ, терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Я былъ острый мальчикъ съ отличнѣйшими способностями, но безъ терпѣнія и хладнокровія не далеко ушелъ по службѣ.

Ученіе мое въ пансіонѣ продолжалось два года; но когда одинъ изъ учениковъ, не помню въ ссорѣ или играя, разрубилъ мнѣ фехтовальною саблею одно ухо, то меня взяли совсѣмъ домой. Вскорѣ поступилъ я въ московскій пансіонъ Дельсала, гдѣ пробылъ годъ. Потомъ жилъ я нѣсколько времени въ одномъ знатномъ домѣ, гдѣ всѣ, даже няньки, горничная и барскій камердинеръ, говорили по-французски. Отсюда въ 1812 году поступилъ я въ пансіонъ при Московскомъ университетѣ, гдѣ и оставался до вступленія французовъ въ Москву.

11-го іюля 1812 года обнародованъ былъ высочайшій манифестъ императора Александра Павловича о вступленіи непріятелей въ Россію, и москвичи узнали, что государь самъ пріѣдетъ въ тотъ же день въ Москву. Съ умиленіемъ вспоминаю силу вѣры и единодушіе русскаго народа. Все вооружилось и вооружалось. Студенты и пансіонеры университета, даже и малолѣтніе пансіонеры, оживились воинственнымъ духомъ и, вооружившись кто чѣмъ могъ, просили гувернеровъ вести ихъ на защиту Москвы.

Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ мы, прицѣпивъ сабли и сдѣлавъ пики изъ половыхъ щетокъ, пришилили къ нашимъ фуражкамъ булавками кресты изъ лоскутковъ сукна, на подобіе ополченцевъ. Гувернеры улыбались, смотря на наши приготовленія къ защитѣ Москвы, и мы, пошумѣвъ и покричавъ, поужинали и легли спать.

Это было 1-го сентября. Вдругъ ночью будятъ меня, я протираю глаза и вижу передъ собою матушку; съ нею была ея горничная. Матушка мнѣ сказала, что мы уѣзжаемъ изъ Москвы. Я одѣлся и вышелъ изъ пансіона. У воротъ насъ дожидалась телѣга, запряженная въ одну лошадь: лучшаго экипажа не могли достать, а своего матушка не имѣла. Въ телѣгѣ сидѣли уже моя больная тетка, Е. Н. Быховцева, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми и мои два маленькіе брата. Меня тоже посадили, а матушка съ горничною пошли пѣшкомъ. Протащившись 50 верстъ, мы остановились, не помню, въ какой-то деревнѣ. Вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, мы увидали зарево московскаго пожара; большіе плакали, а мы, дѣти, глядя на нихъ, тоже. Всѣ проклинали Наполеона, называя его антихристомъ, злодѣемъ, клятвопреступникомъ... Когда непріятельскіе отряды начали разсѣиваться по окрестностямъ Москвы, то матушка со мною и двумя братьями моими отправилась въ нашу костромскую деревню, гдѣ мы и прожили до октября мѣсяца 1813 года. Въ это время ничего съ нами особеннаго не случилось, и мы жили въ такой глуши, что не видали почти никого, кромѣ партій рекрутовъ. Однако же, эти послѣдніе дѣлали намъ много неудовольствій. Всегда пьяные, буйные, своевольные; одна партія ихъ до того кричала и бѣсновалась, обступя нашъ домъ и требуя вина, что больная сестра моей матушки, Анна Михайловна, отъ испуга скончалась.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ матушка, взявъ меня съ нянькой Прасковьей, поѣхала въ Москву. Верстъ за 30-ть до Троицы-Сергія, въ одномъ селѣ, насъ уговаривали остаться ночевать и многіе предостерегали, что ночью ѣхать лѣсомъ не безопасно. Но матушка моя, не повѣривъ ихъ словамъ, полагая, что ее уговариваютъ остаться ночевать для своихъ выгодъ, приказала кучеру нашему ѣхать далѣе. Мы ѣхали въ кибиткѣ на тройкѣ своихъ деревенскихъ лошадей. Отѣхавъ верстъ 15, мы увидали выѣзжающихъ прямо къ намъ на дорогу изъ лѣсу двухъ крестьянъ или торговцевъ, въ синихъ армякахъ, въ санкахъ въ одну лошадь. Въ саняхъ лежало что-то, покрытое рогожею. Поровнявшись съ нами, два молодца старались заглянуть въ нашу повозку, вѣроятно, желая узнать, кто и сколько сидитъ людей. Матушка моя вспомнила о предостереженіи крестьянъ и, догадываясь, что эти два молодца хотятъ разглядѣть, мужчины или женщины сидятъ въ повозкѣ, высовывала мою голову впередъ, а сама съ нянькою моею Прасковьей пряталась, дабы тѣмъ показать, что сидятъ мужчины; на мнѣ же была мѣховая шапка съ длинными ушами.

Въ то время уже стемнѣло; наши спутники старались завести разговоръ съ кучеромъ. Ровняясь съ нашею повозкою, одинъ изъ нихъ почти всовывалъ голову свою къ намъ въ повозку, желая разглядѣть насъ, но кучеръ ударялъ по лошадямъ, и мы уѣзжали

впередъ. Но и наши молодцы не отставали отъ насъ. Маленькая вороненькая ихъ лошадка стрѣлой догоняла нашу тройку. Это еще болѣе намъ было подозрительно, чтобы у крестьянъ или мелочныхъ торговцевъ была такая хорошая и прыткая лошадь, рысакъ, за котораго въ Москвѣ дали бы большія деньги.

Мы не на шутку перепугались; матушка поблѣднѣла и молилась; нянька моя призывала всѣхъ святыхъ на помощь. Наконецъ, при спускѣ съ горы повозка наша раскатилась, и такъ какъ кучеръ гналъ лошадей, то мы и опрокинулись. Тутъ-то молодцы на насъ наѣхали... Матушка лишилась чувствъ, нянька и кучеръ были ни живы, ни мертвы. Что со мною было, не помню, но мнѣ казалось, что изъ саней, изъ-подъ рогожи, вылѣзали еще люди. Вдругъ съ противоположной горы послышались колокольчики, и мигомъ нѣсколько повозокъ съ конвоемъ казаковъ подѣхало къ намъ. Наши молодцы разбранили насъ, прибавивъ: «счастливы вашъ Богъ», и быстро скрылись въ ближайшемъ лѣсу. Казаціи конвой проводилъ насъ до перваго селенія, гдѣ былъ какой-то трактиръ или харчевня, куда и внесли матушку, бывшую еще въ сильномъ обморокѣ. Спасители наши были казаки, проважавшіе казенныя деньги.

Когда мы вѣхали въ Москву, я помню, что матушка и нянька горько плакали, видя обгорѣлые дома и церкви. Нашъ домъ тоже сгорѣлъ, и мы лишились всего имущества, зарытаго въ землю въ саду. Тогда матушка рѣшилась прибѣгнуть къ покровительству знатныхъ дамъ, членовъ вновь образовавшагося Патріотическаго общества. Матушкѣ дано было порученіе отвезти нѣсколько воспитанницъ въ Петербургъ, во вновь учрежденный Патріотическій институтъ. Онѣ отправились въ нѣсколькихъ кибиткахъ; меня съ двумя братьями, привезенными къ тому времени изъ деревни, помѣстили съ ними. По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы съ матушкою остановились у моего дяди Льва Даниловича. Матушка представила воспитанницъ въ институтъ, а объ опредѣленіи меня въ учебное заведеніе дядя мой просилъ начальника своего, бывшаго въ то время директора департамента податей и сборовъ, Ѳедора Петровича Опочинина, который и ходатайствовалъ у великаго князя Константина Павловича объ опредѣленіи сына моего дяди и меня въ императорскій лицей. Но великій князь спросилъ:

— Есть ли еще у нихъ братья?

Опочининъ ему отвѣчалъ, что у госпожи Погожевой есть еще двое сыновей, но они слишкомъ малолѣтны, 6-ти и 7-ми лѣтъ, и мать не желаетъ ихъ еще опредѣлять въ корпусъ.

— Вреть она, баба дура! — возразилъ его высочество, — сына Льва Погожева опредѣлить въ лицей, а троихъ сыновей вдовы Погожевой — въ Первый кадетскій корпусъ.

Итакъ, 22-го января 1814 года мы, трое братьевъ, были отве-

зены въ корпусъ. Я поступилъ въ резервную роту, а братья въ малолѣтнее отдѣленіе. Едва матушка и дядя уѣхали изъ корпуса, какъ меня окружили кадеты. Иные разспрашивали меня о домѣ и родныхъ, другіе дѣлали мнѣ гримасы и старались завести ссору, нѣсколько человѣчковъ обрывали пуговицы съ моей куртки. И теперь еще помню, что кадетъ Троицкій, выгнанный впоследствии изъ корпуса за лѣность и склонность къ воровству, снялъ съ меня сапоги и оторвалъ отъ каблуковъ мѣдныя подковки, съ которыми въ то время носились сапоги. Смѣшно вспомнить эти ребяческія продѣлки.

Инспекторъ классовъ, Михаилъ Степановичъ Перскій, впоследствии генераль-лейтенантъ и директоръ Перваго кадетскаго корпуса, очень любилъ французскій языкъ, а такъ какъ я говорилъ довольно бойко пофранцузски, то инспекторъ обратилъ на меня свое вниманіе и назначилъ въ 6-й средній классъ, а черезъ годъ перевелъ въ 6-й верхній и въ гренадерскую роту. Тутъ-то обнаружилась зависть моихъ товарищей и сверстниковъ. Меня стали называть шпиономъ, фискаломъ, наушникомъ и пересказчикомъ (кадетскія выраженія). Мнѣ казалось это обиднымъ, и чтобъ оправдать себя передъ товарищами, я пересталъ прилежно учиться, сталъ шалить и вскорѣ сдѣлался дурнымъ ученикомъ, худымъ кадетомъ во мнѣніи начальства, но молодцомъ и славнымъ товарищемъ между кадетами. Вотъ почему 1815, 1816 и 1817 годы просидѣлъ я въ одномъ классѣ; въ 1818 году былъ переведенъ въ 4-й верхній, а въ 1819 году по математическимъ наукамъ поступилъ въ третій, по словесности же, или, какъ въ корпусѣ называли, «по языкамъ», въ первый верхній классъ. Но такъ какъ шалости мои не выходили изъ обыкновеннаго круга, то-есть я не былъ грубиянъ или воришка, а просто острый мальчикъ, то меня произвели въ унтеръ-офицеры въ 1-ю мушкатерскую роту. Мнѣ слѣдовало выйти изъ корпуса въ 1820 году, но передъ самымъ назначеніемъ къ выпуску я поколотилъ одного кадета и за это былъ исключенъ изъ списковъ кадетъ, представленныхъ въ офицеры. Наконецъ, 30-го января 1821 года былъ я выпущенъ въ Софійскій пѣхотный полкъ. Отъ представленія до выпуска со мною было много непріятностей; недѣли двѣ я просидѣлъ въ тюрьмѣ и даже едва не попалъ въ солдаты. Во время обѣда, ефрейтору моей части, тоже выпускному въ офицеры, князю Енгальчеву, пришла мысль катать отъ одного стола до другаго деревянный кружокъ, который клался на столъ подъ суповую миску. Бывшій въ то время дежурнымъ по корпусу подполковникъ Гераковъ, хромоногій человѣкъ, очень добрый, но съ нѣкоторыми странностями, вздумалъ самъ ловить катящійся по полу кружокъ. Корпусные офицеры едва удерживались отъ смѣха, а кадеты громко хохотали. Тутъ и съ другихъ столовъ покатались кружки. Подполковникъ не успѣвалъ ихъ ловить; хохоть увеличи-

вался. Наконецъ, подполковникъ замѣтилъ, что кружокъ брошенъ съ моего стола, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Кто это у васъ, г. унтеръ-офицеръ, бросаетъ кружки?

Разумѣется, я не выдалъ товарища и отвѣчалъ, что не знаю. Тогда подполковникъ приказалъ мнѣ идти подъ арестъ. Я бодро прошелъ по столовой залѣ, гордясь своимъ нелѣпымъ геройствомъ, и вмѣсто хохота меня сопровождалъ одобрителный шепотъ тысячи кадетъ.

Явившись на гауптвахту, я прямо прошелъ въ арестантскую, не желая объясняться съ прапорщикомъ Нартовымъ, тоже моимъ товарищемъ, выпущеннымъ годомъ прежде меня изъ корпуса. Онъ же, намѣреваясь оскорбить, унижить меня и показать свое офицерство, громко спросилъ:

— Кто тамъ пришелъ? Поди сюда!

— Пойди самъ ко мнѣ,—гордо взглянувъ на него, отвѣчалъ я.

Вотъ какія понятія имѣлъ я о военной дисциплинѣ. Прапорщикъ смолчалъ, но немедленно пожаловался дежурному по корпусу, а тотъ, и безъ того будучи сердитъ на меня, доложилъ обо мнѣ директору корпуса, и меня черезъ полчаса посадили въ тюрьму. Эта тюрьма была особая комнатка или каморка на чердакѣ возлѣ лютеранской церкви, съ деревянною кроватью, на которой лежалъ соломенный тюфякъ. Возлѣ кровати стоялъ столикъ съ кружкою воды и кускомъ ржаного хлѣба. По приводѣ сюда, на меня надѣли сѣрый кафтанъ и оставили одного. Двойная дверь заперлась на ключъ и двойнымъ запоромъ. Мнѣ страшно стало одному въ каморкѣ. Я воображалъ себя заживо погребеннымъ. Будущность меня не страшила, но мнѣ грустно было вспомнить, какъ этотъ арестъ огорчить мою матушку...

Въ горѣ бросился я на постель и заснулъ. Но какъ ни ужасался я своего дѣйствительнаго положенія, будучи посаженъ въ тюрьму и ожидая еще худшаго наказанія за дерзость противъ офицера, но состояніе мое во снѣ было еще ужаснѣе. Разгоряченное воображеніе представляло мнѣ страшныя сновидѣнія. Я просыпался въ холодномъ поту, но страхъ мой еще болѣе увеличивался отъ какого-то визга, писка и стукотни. И наяву мнѣ чудилось, что въ углу шевелится что-то огромное и черное. Я сѣлъ на постель, сталъ молиться, крестясь и читая: «да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его»...

Въ тюрьмѣ было темно. Былъ ли то вечеръ или ночь, не могъ я разобрать; ни свѣчки, ни ночника у меня не было. Ободренный молитвою, встаю и иду въ уголь. И что же? Тамъ стояли похоронные факелы и лежали принадлежности похоронной процессіи: черныя мантии, шляпы и попоны для лошадей. Страхъ мой внезапно прошелъ, и я расхохотался. Приподнявъ рукою одну изъ попонъ, и изъ-подъ нея выскочило нѣсколько огромныхъ крысъ—

причина слышаннаго мною шума, бѣготни и писка. Успокоясь отъ напраснаго страха, я снова легъ и проспалъ долго. Проснувшись, я услышалъ скрипъ дверей; вошелъ сторожъ съ огромной корзиной пироговъ и булокъ. Товарищи меня не забыли, и весь корпусъ кадетъ не ѣлъ по утру булокъ, а за обѣдомъ пироговъ, и, подкупивъ сторожа, прислали мнѣ ихъ въ тюрьму. Это называлось «передать», и вотъ какъ это дѣлалось. При роздачѣ по утру булокъ или за обѣдомъ пироговъ кто нибудь изъ старыхъ кадетъ говорилъ:

— Господа! Погожеву въ тюрьму передавать булки и пироги.

И это воззваніе, какъ электрическою струею, сообщалось всѣмъ кадетамъ, и никто изъ нихъ не ѣлъ ни пироговъ, ни булокъ. Сторожа подкупали отдачею ему половины провизіи. Но горе сторожу, если бы онъ не согласился передать булки и пироги; ему не было бы житья, его бы стали безъ пощады преслѣдовать, разливали бы носимое имъ для себя изъ кухни кушанье, подставляли бы ему ноги, и онъ падалъ бы, колотили бы его въ шею, засыпали бы ему глаза пескомъ,—и все это внезапно, набѣгомъ, партизански. Кромѣ булокъ и пироговъ, присланы были мнѣ бумага, перья, чернила, свѣчи, табакъ и трубка. Но при всемъ этомъ изобилии я терзался мыслью, что огорчилъ матушку. Сторожъ мой однажды забылъ запереть двери; я выхожу на чердакъ и слышу звуки органа. Это напомнило мнѣ, что въ этотъ день было воскресенье, и что теперь совершается въ лютеранской церкви богослуженіе.

Однако со мною случилось смѣшное приключеніе, едва не навлекшее мнѣ большихъ неприятностей. Я такъ въ три дня привыкъ къ похороннымъ принадлежностямъ, что мнѣ нравилось лучше носить на себѣ черную мантию, нежели сѣрый, грубый, зловонный, наполненный насѣкомыми, армякъ. Итакъ, прогуливаясь по чердаку въ черной мантии и похоронной шляпѣ, я подошелъ къ стѣнѣ лютеранской церкви послушать органъ, прислонился спиною къ стѣнѣ, и вдругъ очутился на хорахъ. Сначала все въ церкви переполошилось и перепугалось, но кадеты узнали меня и захохотали. Я самъ перепугался. Мнѣ представлялось, что я облокотился о стѣну, а тутъ была маленькая дверь на хоры, которую я спиною и открылъ. Это происшествіе кончилось тѣмъ, что меня черезъ часъ перевели въ другую тюрьму. Здѣсь мнѣ было лучше и свободнѣе, потому что ко мнѣ впускали нѣкоторыхъ товарищей. Наконецъ, меня выпустили изъ тюрьмы, и я былъ встрѣченъ единоплеменнымъ восторгомъ кадетъ.

Однажды, состоя дежурнымъ по ротѣ, когда кадеты улеглись спать, а я ожидалъ только прохода главнаго рунда, чтобъ и самому лечь, вздумалъ я выкурить трубку табаку. Хожу и курю. Вдругъ слышу за собою шаги, бросаю въ испугѣ трубку въ первую кровать, но бывшій въ тотъ день главнымъ рундомъ штабсъ-

капитанъ (впослѣдствіи генераль-адъютантъ и дядька наслѣдника престола и великаго князя Александра Николаевича) К. К. Мердеръ сердито закричалъ:

— Что вы это? Вѣдь вы сдѣлаете пожаръ!

Я былъ посаженъ подъ арестъ, но поутру честнѣйшій и благороднѣйшій Мердеръ самъ пришелъ ко мнѣ въ арестантскую и, объяснивъ безразсудство моего поступка, приказалъ выпустить меня изъ-подъ ареста.

Въ одинъ вечеръ пронесся слухъ, что производство наше въ офицеры уже подписано государемъ императоромъ. Восторгъ выпускныхъ былъ неописанный. Вся наша рота, даже и маленькіе кадеты, вздумали кричать «ура», такъ громко, что ѣхавшій въ то время куда-то въ гости генераль Перскій, услыхавъ необычайный крикъ, воротился домой и послалъ за дежурнымъ по ротѣ. Дежурнымъ былъ я. Опасаясь какого нибудь несчастія отъ запальчивости генерала, который имѣлъ привычку своими руками бить кадетъ, я твердо рѣшился не допустить себя бить, особенно, зная о производствѣ въ офицеры.

Но думая и раздумывая, я, всетаки, долженъ былъ явиться къ директору. Едва только я вошелъ въ залъ, какъ генераль Перскій, сверхъ ожиданія моего, ласково спросилъ меня:

— Quelle tapage on fait dans votre compagnie? Et j'en suis bien sur, que vous avez commencé ce vacarme...

Я хотѣлъ было отвѣчать, но генераль мнѣ сказалъ порусски:

— Не отвѣчай. Я знаю, что вы радуетесь производству въ офицеры... Поздравляю!... Но умири бѣшенный восторгъ твоихъ сотоварищей.

На другой день намъ объявили о производствѣ, сняли съ насъ мѣрки для шитья офицерскаго платья, а черезъ недѣлю нарядили насъ на смотръ генерала Перскаго. Въ прежніе годы водили вновь произведенныхъ въ офицеры кадетъ къ государю императору, но его величества не было въ то время въ Петербургѣ. Генераль Перскій объявилъ намъ, что черезъ три дня мы будемъ присягать на вѣрность службы. Лишь только мы возвратились со смотра въ наши роты, какъ нѣкоторые изъ насъ, и, признаюсь, первый былъ я зачинщикъ, не снимая офицерскаго платья, вышли изъ корпусныхъ воротъ и отправились по своимъ домамъ. Нашему выходу никто не препятствовалъ, и генераль Перскій, узнавъ объ этомъ, махнулъ рукою и приказалъ дать свободу выходить изъ корпуса. Мнѣ это было особенно пріятно, потому что меня цѣлый годъ не увольняли домой, и вотъ по какому случаю.

У меня былъ пріятель — юнкеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Полетаевъ. Двоюродный братъ его, Деблицевъ, служилъ штабсъ-капитаномъ въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку. Я съ ними по субботамъ ходилъ ко всеобщей на Ярославское подворье,

гдѣ въ то время жилъ архіепископъ Филаретъ, вполнѣдствіи митрополитъ московскій. Но насъ привлекало въ церковь не великопостное служеніе архіерейское, не превосходный хоръ пѣвчихъ... Нѣтъ! Каюсъ, грѣшный, чистосердечно: мы ходили смотрѣть на хорошенькихъ богомолокъ и, разумѣется, дурачились. Высокопресвященный Филаретъ насъ замѣтилъ и, узнавъ наши фамиліи, сообщилъ о штабсъ-капитанѣ и юнкерѣ въ полки, гдѣ они служили, а обо мнѣ директору корпуса. Тѣхъ обоихъ перевели тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки, а меня цѣлый годъ, впредь до производства въ офицеры, не отпускали домой изъ корпуса.

Итакъ, я былъ вполнѣ счастливъ. Я почти бѣжалъ домой въ офицерскомъ платьѣ. Приходу моему матушка моя очень обрадовалась. Она плакала отъ радости, видя меня офицеромъ.

II.

Присяга и празднованіе именинъ при производствѣ въ офицеры. — Первая любовь. — Кумовство, разстроившее мечты о женитьбѣ. — Выборъ полка по билетикамъ. — Приѣздъ въ Ярославль. — Недовольство фронтной службой. — Архимандритъ Гавріиль. — Командировка въ военно-офицерское училище въ Могилевъ. — Цѣль этого учрежденія. — Удачный экзамень. — Неоправдавшіяся надежды. — Возвращеніе обратно въ полкъ. — Сельская школа М. А. Огарева.

Въ день моего ангела, 30-го января 1821 года, я сталъ настоящимъ офицеромъ, потому что присягнулъ на вѣрность службѣ царю и отечеству. О, сколько надежды на будущее! Какія пріятныя мечты лелѣетъ мое воображеніе! Я — гражданинъ. Я — офицеръ русской арміи. Помогите, Господи, въ новомъ періодѣ жизни.

Матушка моя праздновала мои именины и мое производство въ офицеры. У насъ были гости, и въ томъ числѣ баронесса Дистерло съ дочерью, умною, ловкою дѣвушкою, не болѣе какъ полгода выпущенною изъ Екатерининскаго института. Много было обожателей у этой прекрасной дѣвушки. Чуть ли не весь Васильевскій Островъ сходилъ съ ума отъ маленькой ножки и узкой талии Лизы Д. Почти всѣ наши корпусные офицеры, особенно молодежь, ухаживали за нею; даже и самъ директоръ, генералъ Перскій, былъ неравнодушенъ къ васильеостровской богинѣ. Но чудно, до какой степени простирается прихоть женскаго сердца. Эта дѣвушка предъ всѣми ея обожателями и поклонниками оказывала предпочтеніе молодому человѣку, чуть-чуть еще не мальчику, короче сказать, кадету 1-го кадетскаго корпуса, мнѣ, Василию Погожеву. Почти со дня выхода ея изъ института началась между нами эта симпатія сердець. Мы любили другъ друга глазами, блаженствовали въ передаваемыхъ тайно письмахъ и были счастливы, встрѣчаясь по воскресеньямъ и праздникамъ въ домѣ ея подруги или у насъ. Она

учила меня танцевать, я ее училъ играть на гитарѣ. Однимъ словомъ, я мечталъ, по выходѣ изъ корпуса въ офицеры, жениться. Но эти мечты разрушила благоразумная предусмотрительность матушки моей.

Въ день моего ангела и день выпуска изъ корпуса въ офицеры, 30-го января, у нашей горничной женщины родился сынъ, котораго назвали Василиемъ. Матушка моя пожелала, чтобъ малютку окрестили въ тотъ же день. И вотъ, когда собрались у насъ гости, пришелъ священникъ, принесли купель, и матушка поставила меня кумомъ, а Елизавету Д.—кумою. Мы, ничего не зная, что такое кумовство, радовались только случаю покумиться и весело стояли у купели. Но, когда обрядъ кончился, матушка моя, поздравивъ насъ, громко засмѣялась, сказавъ, что мы теперь въ духовномъ родствѣ, а потому мнѣ невозможно уже жениться на Елизаветѣ Михайловнѣ.

По успѣхамъ въ наукахъ, то-есть по классамъ, надлежало мнѣ быть выпущеннымъ изъ корпуса въ артиллерію, но мнѣ не нравился этотъ родъ службы: воображеніе рисовало мнѣ блестящія виды въ будущности, исполненія которыхъ я не могъ ожидать, служба въ артиллеріи. Однообразная жизнь и невозможность перейти въ другой родъ службы ужасали мой вѣтренный характеръ.

На экзаменѣ я притворился незнающимъ необходимыхъ для артиллерійскаго офицера частей математики. Инспекторъ корпуса, генераль-маіоръ Перскій, подозрѣвая меня въ притворствѣ, говорилъ мнѣ, что я послѣ буду раскаиваться въ моемъ малодушіи; но я твердъ былъ въ моемъ намѣреніи. Слова инспектора сбылись со мною. Меня изъ корпуса назначили было въ саперные офицеры, но, видя явное мое нехотѣніе, назначили въ армію.

Итакъ, надлежало мнѣ выбрать полкъ. Въ это же время корпусный поручикъ Кайгородовъ (Иванъ Ивановичъ) намѣревался перейти въ армію. Мы съ нимъ согласились служить въ одномъ полку. Однажды, когда мы вмѣстѣ съ Кайгородовымъ были на вечерѣ въ одномъ знакомомъ домѣ, дамы спрашивали насъ, въ какомъ полку мы будемъ служить. Пользуясь этимъ случаемъ, а болѣе желая пошутить, стали мы перебирать полки по названіямъ. Одна дѣвица, веселенькая, рѣзвая, только-что выпущенная изъ Смольнаго института, предложила намъ сдѣлать нѣсколько билетовъ и, написавъ на нихъ названія полковъ, положить къ образамъ и потомъ вынуть по одному. Такъ мы и сдѣлали. Кайгородову вышелъ Астраханскій гренадерскій, а мнѣ Капорскій пѣхотный. На этомъ мы было и остановились, потому что полкъ находился въ извѣстной въ то время дивизіи Сипягина. Но гармонія слова Капорскій противна была слуху прелестныхъ ушей, и мнѣ пришла въ голову мысль избрать въ той же дивизіи Софійскій

полкъ, въ память хорошенькой Софьи, предложившей выборъ полка по билетикамъ.

Я уѣхалъ въ Софійскій пѣхотный полкъ, который квартировалъ въ г. Мологѣ Ярославской губерніи. Признаюсь, мнѣ не понравилась армейская фронтовая служба. Вставать рано на ученіе; быть свидѣтелемъ жестокаго обращенія ротнаго командира, фельдфебелей и капральныхъ унтеръ-офицеровъ съ солдатами; ходить въ карауль и дежурить — было мнѣ непріятно. Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я, что въ Ярославлѣ находится настоятелемъ монастыря Толгской Божіей Матери, архимандритъ Гавріилъ, бывшій въ послѣднее мое время въ корпусѣ законоучителемъ. Онъ меня очень любилъ въ корпусѣ за прилежное ученіе Закона Божія, часто приглашалъ къ себѣ на чай, бесѣдовалъ со мною о священномъ писаніи. Архимандритъ очень обрадовался, увидавъ меня въ своемъ монастырѣ.

Этотъ благочестивый, умный и любезный человекъ такъ меня пристрастилъ къ духовному монашескому званію, что я, 20-ти лѣтъ отъ роду, желалъ постричься въ монахи. Но преосвященный со слезами уговаривалъ меня оставить это намѣреніе и служить царю и отечеству. Онъ откровенно мнѣ говорилъ о трудности монашескаго званія, взялъ съ меня честное слово не думать о монастырѣ, благословилъ на поприще службы и жизни свѣтской, и мы разстались.

Въ Мологѣ, однако, я недолго оставался: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи въ полкъ, меня съ нѣсколькими офицерами командировали въ г. Могилевъ на Днѣпрѣ, въ главную квартиру 1-й арміи, въ составъ вновь учреждаемаго военно-офицерскаго училища. Итакъ, снова надо было приниматься за ученіе.

Цѣль учрежденія офицерскаго училища, основаннаго начальникомъ штаба 1-й арміи барономъ Дибичемъ, была самая благодѣтельная и полезная — образовывать и готовить офицеровъ генеральнаго штаба. Положено было выбирать нѣсколько молодыхъ офицеровъ для усовершенствованія ихъ въ знаніи военныхъ наукъ. Курсъ наукъ должно было кончить въ два года, послѣ чего по экзамену распредѣлять такимъ образомъ: первоклассныхъ въ квартирмейстерскую часть, а второклассныхъ адъютантами къ бригаднымъ, дивизионнымъ и корпуснымъ командирамъ. По истеченіи года баронъ Дибичъ сдѣлалъ испытаніе молодымъ офицерамъ, остался очень доволенъ успѣхами ихъ и, желая современемъ распространить офицерское училище, упрочить его методу преподаванія и имѣть, изъ числа выпускаемыхъ офицеровъ, способныхъ для преподаванія военныхъ наукъ, приказалъ выбрать изъ учащихся офицеровъ помощниковъ къ каждому преподавателю и профессору (они были по большей части штабъ-офицеры квартирмейстерской части). Эти, такъ называемые, адъюнкты или репетиторы должны были преподавать

предварительно въ нижнемъ классѣ, подъ руководствомъ самого профессора, а по убыли профессоровъ современемъ занимать ихъ мѣста. Такимъ образомъ и я назначенъ былъ адъюнктомъ къ профессору фортификаціи, инженеръ-капитану Кобелякову. Вышло, однако, совсѣмъ иначе. Въ 1823 году баронъ Дибичъ былъ вызванъ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ Петербургъ и вступилъ въ должность начальника штаба его величества. вмѣстѣ съ нимъ всѣ наши надежды и всѣ будущіе виды мгновенно исчезли. Генераль-квартирмейстеръ гвардейскаго штаба, баронъ Толь, поступилъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Хотя онъ и казался къ нашему заведенію благосклоннымъ, но мы предвидѣли разрушеніе прежнихъ предположеній. Курсъ продлился болѣе положеннаго полугодомъ. Наконецъ, назначенъ былъ экзамень, въ присутствіи главнокомандующаго, графа Сакена, начальника артиллеріи князя Яшвиля, начальника штаба и многихъ другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся при главной квартирѣ. Испытаніе производилось въ продолженіе двухъ недѣль, по программѣ и по назначенію вопросовъ начальникомъ штаба. Слѣдовательно, никому нельзя было сдѣлать послабленія. При всемъ томъ офицеры отвѣчали весьма удовлетворительно, такъ что никто изъ учащихъ и изъ учащихъ не ожидалъ такого успѣшнаго экзамена. Я былъ такъ увѣренъ, что буду переведенъ въ генеральный штабъ, что выписалъ уже изъ Москвы шитье на воротникъ и эксельбанты. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

При главной квартирѣ (1824 года) было обыкновеніе, чтобы каждый воскресный и праздничный день состоящіе при штабѣ ходили по утру съ поздравленіями къ своему генералу, у кого состояли въ вѣдѣніи, потомъ къ дежурному генералу арміи, къ начальнику штаба и, наконецъ, къ главнокомандующему. Въ слѣдующее воскресенье послѣ экзамена пришелъ я къ начальнику штаба. Здѣсь уже были: дежурный генераль арміи, генераль-квартирмейстеръ, начальникъ учебныхъ заведеній, директоръ госпиталей, генераль-штабъ-докторъ, начальникъ канцеляріи главнокомандующаго, штабъ и оберъ-офицеры генеральнаго штаба, всѣ старшіе адъютанты штаба, дежурство и чиновники канцеляріи главнокомандующаго.

Спустя четверть часа вышелъ баронъ Толь. Раскланявшись со всѣми и поговоривъ съ генералами, взглянулъ онъ на меня, потомъ обратился къ генераль-квартирмейстеру и сказалъ:

— Генераль! Рекомендую подпоручика Погожева—это отличный офицеръ будетъ по вашей части. Другой—товарищъ его Браунсъ. Впрочемъ, еще есть нѣсколько офицеровъ, которыхъ я замѣтилъ.

Малодушіе и самолюбивое ослѣпленіе мое было столь велико, что я отъ этихъ ласкательныхъ словъ пришелъ въ такое смяте-

ніе, что едва могъ скрыть душевный восторгъ, невольно обнаружившійся на лицѣ моемъ. Я уже не помню, что послѣ того говорили, но лишь только начальникъ штаба ушелъ въ свой кабинетъ, какъ я былъ окруженъ всѣмъ находившимся въ залѣ собраніемъ. Всѣ, даже генералы, пожимали мою руку, поздравляя съ будущимъ счастьемъ.

— Вотъ, господа, такого лестнаго отзыва танцами не заслужишь,—сказалъ штабъ-докторъ Баталинъ.

Но, ахъ! всѣ блестящія мои надежды исчезли. Нѣсколько дней спустя встрѣтился я съ адъютантомъ главнокомандующаго, гвардіи капитаномъ Дмитріевымъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій онъ сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, что надежда ваша перейти въ свиту не сбудется?

Слова эти сильно поразили меня, но я еще былъ такъ самонадѣянъ, что имѣлъ дерзость въ гордости и кичливости сказать, что скорѣе солнце совратится съ пути своего, нежели я буду служить въ армейскомъ полку. На это Дмитріевъ отвѣчалъ слѣдующимъ стихомъ Державина:

«Изрекъ—и превратился въ прахъ!»

Затѣмъ, мы разстались. На другой день получаемъ приказъ: «всѣмъ гг. офицерамъ сдать свои учебныя книги и тетради, исключая подпоручиковъ Погожева и Браунса». Изъ числа 10 человекъ первоклассныхъ тремъ, въ томъ числѣ и мнѣ, выданы были аттестаты объ окончаніи курса высшихъ военныхъ наукъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ офицеры училища отправлены были въ свои полки, а мы съ Браунсомъ назначены преподавателями въ юнкерской школѣ: онъ—математики, я—словесности и россійской исторіи.

Быть всѣми уважаемому, получать двойное жалованье, хорошую квартиру, удостоиться лестнаго названія наставника юношей, наконецъ, быть въ виду первыхъ генераловъ арміи и имѣть блестящія надежды въ будущности, конечно, для каждаго должно бы казаться счастливымъ состояніемъ. Но я считалъ себя обиженнымъ, ропталъ, ссорился съ инспекторомъ юнкерской школы и просился въ полкъ. Начальникъ учебныхъ заведеній совѣтовалъ мнѣ спокойно ожидать моего перевода въ генеральный штабъ, совѣтовалъ быть терпѣливымъ, показывая представленіе меня къ награждѣ орденомъ. Но должность моя была преутомительная, и школярная жизнь мнѣ наскучила. Одинъ день я долженъ былъ преподавать въ юнкерской школѣ, а другой—давать уроки дѣтямъ начальника учебныхъ заведеній.

Здоровье мое отъ сидячей жизни разстроивалось, грудь болѣла, зрѣніе слабѣло. Я твердо рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ отказаться отъ должности моей и ѣхать въ полкъ. Этотъ случай

скоро представился. Изъ учебнаго карабинернаго полка назначено было нѣсколько унтеръ-офицеровъ въ пѣхотные полки. По осмотрѣ ихъ главнокомандующимъ, надобно было этихъ унтеръ-офицеровъ распредѣлить по дивизіямъ. Армейскихъ офицеровъ при главной квартирѣ не было, а такъ какъ въ то время были каникулы, то насъ съ Браунсомъ и командировали. Пользуясь этою временною командировкою, я просилъ объ отправленіи меня въ полкъ и, къ удовольствію моему, получилъ на это разрѣшеніе. Итакъ, я возвратился въ полкъ, въ первобытное состояніе. Товарищи, оставшіеся въ полку, болѣе меня выиграли по службѣ: узнали въ совершенствѣ фронтową службу; вошли въ довѣріе начальства; многіе командовали уже ротами; а что всего важнѣе, сохранили здоровье и душевное спокойствіе.

Въ 1825 году мнѣ, между прочимъ, пришлось быть свидѣтелемъ восхитительнаго зрѣлища. Съ нѣкоторыми офицерами нашего полка я былъ приглашенъ къ помѣщику Михаилу Алексѣевичу Огареву въ день рожденія жены его. По обычаю Тамбовской губерніи, какъ только гости соберутся, то карты въ руки и всѣ садятся за ломберные столы. Обыкновеніе выгодное для хозяевъ, потому что освобождаетъ ихъ отъ скучнаго этикета занимать гостей, — для тѣхъ, которыхъ умъ ограничивается вистомъ и бостономъ, и для лакеевъ дома, получающихъ по пяти рублей ассигнаціями за игру картъ, т. е. за двѣ колоды. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ присутствовать при экзаменахъ въ его деревенскомъ училищѣ. Крѣпостной человѣкъ М. А. Огарева, лѣтъ 50-ти отъ роду, съ профессорскою важностью вывелъ на середину зала нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, пріятной наружности и опрятно одѣтыхъ. Испытаніе началось съ Закона Божія; потомъ заставляли нѣкоторыхъ читать, иныхъ писать. Многіе изъ этихъ сельскихъ питомцевъ бѣгло рѣшали задаваемые имъ ариметическія задачи изъ первыхъ четырехъ правилъ, умно и скоро отвѣчали на всѣ дѣлаемые имъ вопросы. Учителемъ ихъ былъ вышесказанный крѣпостной человѣкъ. Въ заключеніе говорены были рѣчи, сочиненныя почтеннымъ наставникомъ, котораго я просилъ приказать для меня списать ихъ. И вотъ онѣ слово въ слово:

Одна дѣвочка:

«Въ сей хижинѣ живетъ
 «Наукъ словесныхъ показатель,
 «Не хочетъ въ землю скрыть талантъ,
 «Который далъ ему Создатель».

Одинъ изъ мальчиковъ (обращаясь къ посѣтителямъ и къ господину):

«Сколь много обязаны мы вашимъ вождедѣннымъ присутствіемъ, за которое приносимъ вамъ наичувствительнѣйшую нашу признательность. А паче обязаны вамъ, милостивый господинъ нашъ, за

ученіе насъ и благодаримъ васъ, со всѣмъ любезнѣйшимъ семействомъ вашимъ, за открытіе намъ сего малаго просвѣщенія, изъ котораго мы уже научились познавать Бога, почитать государя и повиноваться господамъ нашимъ и всякой узаконенной власти».

(Обратясь къ товарищамъ):

«А вы, любезные сверстники, научитесь твердо содержать всѣ наставленія въ вашей памяти и исполнять оныя въ жизни до-толѣ, доколѣ Царь славы и Творецъ нашъ воззоветъ насъ въ ту страну, гдѣ Самъ обитаетъ».

Этимъ кончилось испытаніе. Это зрѣлище истиннаго патриотизма и отеческой любви къ своимъ крестьянамъ было пріятнѣе всѣхъ баловъ и спектаклей.

III.

Жизнь въ городѣ Моршанскѣ.—Свадьба полковаго командира.—Генераль-адъютантъ Н. М. Сипягинъ.—Выступленіе полка изъ Моршанска.—Неудобства походной жизни.—Прибытіе въ Рязань.—Случайное приглашеніе на свадьбу.—Командировка въ Москву.

Прекрасный и, должно быть, богатый городъ Моршанскъ! Я въѣзжалъ въ него въ праздничный день. Все веселилось. Купцы и мѣщане прогуливались; иные сидѣли на скамейкахъ у воротъ своихъ домовъ. При первомъ взглядѣ узнаешь, что это торговый городъ. Чистые тротуары, красивые дома, большею частью каменные; богатые лавки, множество народа; рѣка, покрытая барками и судами; набережная, загроможденная балаганами съ хлѣбомъ: вотъ что мнѣ представилось при въѣздѣ въ Моршанскъ. Здѣшніе купцы и мѣщане богаты, но большая часть изъ нихъ — молокане (особая секта), и живутъ скупо. Главный промыселъ моршанскихъ жителей заключается въ переторжкѣ хлѣба, сала, скота и въ отдачѣ домовъ въ наймы комиссіонерамъ и иногороднымъ купцамъ, пріѣзжающимъ для закупки хлѣба. А потому зимою всѣ дома наполняются пріѣзжими, и квартиры бываютъ дороги. На дворахъ и на набережной строятъ большіе балаганы (шалаша) для складки хлѣба, который весною отправляется водою на баркахъ. Близъ Моршанска находится примѣчательная мельница графа Кутайсова, которая ежедневно вымалываетъ до 1.000 кулей ржи. Впрочемъ, у каждаго почти здѣшняго купца и мѣщанина имѣется своя домашняя машина, которая мелетъ лошадьми. Весною съ набережной представляется пріятный видъ на разнообразныя флаги судовъ и безчисленное множество мелькающаго народа. Бурлаки, или люди, провожающіе барку, отличаются лентою на шляпѣ. Забавно видѣть ихъ, въ ожиданіи отплытія судовъ, ша-тающихся по городу и на все съ любопытствомъ зѣвающихъ.

Когда же бываетъ полковой разводъ на площади, то этихъ бурлаковъ толпится нѣсколько тысячъ человѣкъ. Барки отваливаютъ отъ берега съ особенною церемоніей. Сначала священникъ служитъ молебень, потомъ начинаются угощенія, и наконецъ, при стеченіи на берегу множества любопытныхъ зрителей, барка съ громкими и радостными криками бурлаковъ отчаливаетъ отъ берега.

Крестьяне Моршанскаго уѣзда — весьма зажиточны, особенно изобилуютъ хлѣбомъ, и многіе имѣютъ свои домашніе конскіе заводы. Избы курныя, рѣдко-рѣдко встрѣтите съ трубою; но зато во всякой избѣ можно всегда найти пиво или брагу, которая не переводится круглый годъ. Крестьяне — добры, честны, смиренны, богобоязливы. Супружеская вѣрность и со стороны женъ не строго соблюдается; особенно дѣвки въ экономическихъ селеніяхъ живутъ развратно. Села большія, отъ 300 до 3.000 душъ, и многія имѣютъ по двѣ и болѣе церквей. Голова, земскій или писарь, сотскіе, десятскіе и понятые составляютъ сельскую полицію, имѣютъ свое правленіе, гдѣ каждый день бываетъ присутствіе. Порядокъ и устройство въ селахъ отличныя, и на случай пожаровъ имѣются пожарныя снаряды.

Общество города Моршанска было хорошее и дружелюбное. Я былъ рекомендованъ во всѣхъ лучшихъ домахъ полковымъ нашимъ адъютантомъ, моимъ пріятелемъ и товарищемъ по корпусу. Всѣ жители принимали живѣйшее участіе въ радости военныхъ, по случаю полученія монаршаго благоволенія за только что оконченные маневры, и по этому случаю были нѣсколько дней сряду балы и званые обѣды. Гостепримство — главная отличительная черта моршанскаго общества, но для меня странно казалось видѣть въ уѣздномъ городѣ чрезмѣрную роскошь въ обѣдахъ и винахъ. Шампанское пилось, какъ квасъ. Полковой командиръ нашего полка и нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, приглашены были на балъ въ усадьбу генеральши Адамовичевой, гдѣ совершалось сватовство нашего полковника. Мѣстоположеніе села Рыбнаго — прелестное; господскій домъ и садъ въ изящномъ вкусѣ; комнаты великолѣпно убраны, и во всемъ видно было изобиліе и даже роскошь. Нигдѣ не видалъ я такого порядка, какъ въ домѣ генеральши Адамовичевой. Какіе ловкіе и благовидные лакеи! Какъ они внимательны, услужливы и вѣжливы! Кажется, какъ будто угадываютъ желанія по глазамъ каждаго гостя. Балъ былъ великолѣпнѣйшій. Вездѣ видно было непритворное удовольствіе и веселость. Сельская простота и непринужденность отличали его отъ шумныхъ, тѣсныхъ столичныхъ баловъ и собраній. Черезъ нѣсколько дней послѣ бала, госпожа Адамовичева съ дочерью перѣехала въ городъ. Въ день дѣвичника былъ обѣдъ для мужчинъ у полковника. Послѣ обѣда шаферы пошли въ домъ невѣсты укладывать приданое, а какъ я въ этотъ день тоже обѣдалъ у пол-

ковника, то и мнѣ онъ предложилъ идти туда же. Въ 5 часовъ послѣ обѣда мы отправились въ домъ невѣсты, гдѣ уже были многія городскія барышни. По всѣмъ комнатамъ разложено было на столахъ богатое и блестящее приданое. Начали все укладывать въ большіе кованые и обитые краснымъ сафьяномъ сундуки, а серебро и прочія вещи на серебряные подносы. Приданое перевозилось въ домъ жениха на дрогахъ, покрытыхъ персидскими коврами и запряженныхъ въ четыре лошади цугомъ, съ фореиторомъ. Около дрогъ и лошадей шли по четыре лакея въ красныхъ ливреяхъ. За этою процессіею ѣхала парадная карета, въ которой сидѣла горничная невѣсты съ ключами отъ приданого на золотомъ блюдѣ. Въ 7 часовъ вечера гости, со стороны невѣсты и жениха, выѣхали на набережную. Здѣсь на водѣ спущенъ былъ великолѣпный и блестящій фейерверкъ. По возвращеніи въ домъ невѣсты, хоръ пѣвчихъ и полковая музыка встрѣтили жениха и невѣсту, которые открыли балъ, продолжавшійся почти до утра. Свадьба была сыграна безъ особенной пышности. Посаженымъ отцемъ былъ начальникъ 6-й дивизіи генералъ-адъютантъ Н. М. Сипягинъ, а матерью—княгиня Голицына. Былъ хорошій ужинъ, шампанское лилось въ изобиліи, и только танцевъ не было. На третій день послѣ свадьбы новобрачные давали балъ. Время пролетѣло весело и незамѣтно. Я полагалъ, что мы только часа три танцовали, но на другой день ноги мои напомнили мнѣ этотъ балъ.

Гдѣ я былъ? Не въ странѣ ли волшебной? Не въ области ли духовъ?—спрашивалъ я самъ себя, возвратясь съ бала дивизионнаго нашего командира. Предметы были столь поразительны, что я все считалъ за сонъ... Я обвороженъ, восхищенъ и теряюсь въ мысляхъ...

Вечеромъ въ день бала домъ дивизионнаго командира былъ блестяще иллюминированъ. У подъѣзда стояли жандармы; трубачи давали сигналъ трубою, когда кто пріѣзжалъ. По этому знаку адъютанты генерала встрѣчали гостей и провожали въ гостиную. Генералъ со всѣми былъ такъ вѣжливъ, такъ внимателенъ, что восхитилъ собою всѣхъ. Залъ освѣщенъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, блестяще и блистательно; стѣны украшены были жалонерскими равноцвѣтными значками, киверами, тесаками, ружейными штыками, что дѣлало вмѣстѣ съ освѣщеніемъ великолѣпнѣйшій видъ. Генералъ танцевалъ со всѣми дамами польскій и былъ душею всего собранія. Заужиномъ самъ хозяинъ не сѣлся за столъ, но безпрестанно потчевалъ всѣхъ. Послѣ ужина танцы продолжались. Генералъ былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что танцевалъ гроссъ-фатеръ и вальсировалъ съ молодою нашею полковницею.

Вѣчная память добрѣйшему, умнѣйшему, благороднѣйшему и любезнѣйшему Николаю Мартыановичу Сипягину! Это былъ на-

чальникъ благоразумный, умѣвшій кротко и деликатно образовывать молодыхъ офицеровъ, и даже исправлять строгивыхъ и порочныхъ. Зато, во время командованія дивизіею генераль-адъютанта Сипягина, 6-я пѣхотная дивизія была въ родѣ гвардейской, особенно полки Невскій, Софійскій и Нарвскій.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, доказывающихъ деликатность и умъ генерала Сипягина. Однажды, когда я являлся генералу въ ординарцы, замѣтилъ онъ у меня высунувшійся сверхъ мундиранаго воротника воротничекъ цвѣтнаго жилета. Генераль проситъ меня разстегнуть мундиръ, похвалилъ цвѣтъ и доброту матеріи жилета, спросилъ съ сардоническою улыбкою, гдѣ и почему покупалъ я эту матерію, присовокупляя, что и онъ бы себѣ сдѣлалъ такую же жилетку, еслибъ военнымъ не было запрещено носить цвѣтныя жилетки. Я стоялъ какъ бы на раскаленномъ желѣзѣ, и это насмѣшливое замѣчаніе начальника такъ сильно подѣйствовало на меня, что я сдѣлался исправнѣе по службѣ и аккуратнѣе въ соблюденіи формы.

Маршанское дворянство наперерывъ другъ передъ другомъ старалось отличиться балами. Два мѣсяца протекли такъ скоро, что я въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій не замѣчалъ полета времени. Но и городскимъ жителямъ, и пріѣхавшимъ изъ деревень помѣщикамъ разсѣянная жизнь наскучила. Все шумное исчезло, и прежній порядокъ въ жизни возобновился. Бывали тихіе и скромные вечера съ полковою музыкою, на которыхъ молодежь вертѣлась; бывали каждый день катанья по городу, и опять всѣ принялись за вистъ. Трудно повѣрить, чтобы въ уѣздномъ городѣ выходило картъ въ годъ на сумму до 10-ти тысячъ рублей ассигнаціями. Но это мною вѣрно вычислено.

Вскорѣ намъ пришлось проститься съ Моршанскомъ. Въ день выступленія, почти съ разсвѣтомъ, барабанный бой съ воинственными звуками сигнальныхъ рожковъ и музыки возвѣстилъ о времени выступленія въ походъ. Когда весь полкъ собрался на площади противъ собора, полковой священникъ при знаменахъ отслужилъ молебенъ, по окончаніи котораго штабъ и оберъ-офицеры подходили къ кресту, нижнихъ же чиновъ священникъ окроплялъ святою водою, ходя по рядамъ. Оставалось только барабанамъ ударить фельдмаршъ, но полковой командиръ, обратясь къ батальоннымъ колоннамъ, сказалъ:

— Граждане моршанскіе благодарятъ насъ за дружелюбное и спокойное квартированіе и просятъ выпить по чаркѣ водки.

Эти слова произвели пріятное волненіе между рядами солдатъ и всеобщее удовольствіе. Въ одну минуту ружья составлены были въ козлы, ранцы сняты, впереди явились столы съ калачами, привезена сороковая бочка вина, и началась распивка отъ чистаго сердца.

Офицерамъ также приготовлена была закуска, и когда бокалы наполнились шампанскимъ, то первый тостъ провозглашенъ былъ, при радостныхъ восклицаніяхъ солдатъ, за дравіе государя императора и его августѣйшаго семейства. Потомъ городской голова громогласно сказалъ: «за здоровье Софійскаго пѣхотнаго полка!» — а мы обратно отблагодарили тостомъ за здоровье моршанскихъ жителей.

Городничій, уѣздный судья, исправникъ, чиновники и проживающіе въ городѣ дворяне были при этомъ угощеніи. Многія дамы удостоили своимъ присутствіемъ наше прощанье съ городомъ, нѣкоторыя изъ нихъ тайкомъ утирали невольно катившіяся изъ глазъ слезы. Но вотъ пиръ кончился; полкъ собрался въ путь и проходилъ черезъ городъ съ церемонію, то-есть съ музыкою.

— Простите, прощайте,—поперемѣнно раздавалось во взвздахъ.

Начало похода было весьма непріятно. Грязь была несносная, такъ что даже солдаты съ трудомъ вытаскивали ноги и не шли, а, лучше сказать, плыли. Погода была самая непостоянная и обманчивая, впрочемъ такъ и должно было быть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Поперемѣнно то шелъ дождь, то градъ, то снѣгъ, то вдругъ на нѣсколько минутъ дѣлалось ясно.

Такъ добрались мы до Рязанской губерніи, гдѣ я получилъ назначеніе принять уроки для полка по шоссеиной дорогѣ. Это меня обязывало ѣхать въ Москву, что я принялъ съ восторгомъ. Въ Москвѣ я во очію долженъ былъ убѣдиться, что 13 лѣтъ, протекшія послѣ ухода французовъ, еще не уничтожили слѣдовъ пожара и разоренія.

IV.

Большой Петровскій театръ.—Неудачный дебютъ Молинару.—Сильное впечатлѣніе, произведенное на меня драмой «Отецъ и дочь».—В. В. Самойловъ.—Мои родные.—Нравы и обычаи Москвы.—Свѣтская жизнь.—Церкви и монастыри.—Зашнурованныя монахини.—Даниловскій монастырь.—Русскій аббатъ.—Анекдотъ объ Офросимовой.—Праздничныя катанія.—Загородныя гулянья, бульвары и сады.—Отъѣздъ изъ Москвы.

На другой день моего приѣзда въ Москву, былъ я въ театрѣ. Большой Петровскій театръ есть одно изъ зданій, украшающихъ Москву и удивляющихъ cadaго своею смѣлою архитектурою. Передній фасадъ выходитъ на площадь, и верхній барельефъ изображаетъ колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, которыми правитъ Аполлонъ. Внутри театра отдѣлка изящная; ложи висячія, въ четыре яруса. Этотъ театръ болѣе Петербургскаго, но жаль, что внутри не соблюдена акустика, отчего не вездѣ хорошо слышно произносимое на сценѣ. Играли, или, какъ говорится театральнымъ

языкомъ, давали трагедію «Танкредъ» и водевилъ «Человѣкъ въ тридцать тысячъ». Въ трагедіи въ первый разъ дебютировала въ роли Аменаиды дѣвица Молилари, дочь извѣстнаго петербургскаго кондитера. Игра ея вообще не понравилась зрителямъ. Слабый голосъ, принужденная мимика и дикція, изысканныя жесты и улюлюканія дѣлали ея весьма смѣшною. Въ одномъ концѣ театра зрители начинали со смѣхомъ аплодировать, въ другомъ шикали. Актеры смѣшались и старались скорѣе окончить пьесу, и, признаюсь, что если бы не поддерживала ихъ игра Мочалова, то произошелъ бы удивительный беспорядокъ. По окончаніи пьесы начали вызывать Молилари на сцену. Долго она не выходила, но стукъ кресель и палокъ, топанье ногъ и крики зрителей наконецъ принудили ея показаться. Едва выступила она на авансцену, вмѣсто восторженнаго крика браво раздалось шиканье и свистъ. Въ водевилѣ «Человѣкъ въ тридцать тысячъ, или находка хуже потери» Щепкинъ игралъ превосходно. Вотъ это актеръ по призванью, а не по ремеслу. Другія дѣйствующія лица были сносны. Вообще о Московскомъ театрѣ можно сказать, что на немъ комедіи, водевили и балеты въ хорошемъ состояніи, особенно балеты въ совершенствѣ, но опера въ упадкѣ.

На слѣдующій день былъ я чрезвычайно разстроены. Я опять былъ въ театрѣ. Давали оперу «Отецъ и дочь», передѣланную изъ романа Сесилья. Авторъ вывелъ на сцену несчастнаго отца, который сошелъ съ ума отъ побѣга дочери съ молодымъ офицеромъ. Сумасшествіе отца доходитъ до бѣшенства; онъ содержится въ сумасшедшемъ домѣ, откуда бѣжалъ въ лѣсъ, разорвавъ цѣпи. Его преслѣдуютъ; громъ, молнія и потоки дождя свирѣпствовали въ природѣ. Безумный скрывается въ лѣсу. Люди, посланные за нимъ въ погоню, послѣ тщетныхъ поисковъ возвращаются. Въ это же самое время молодая женщина съ ребенкомъ тоже была застигнута бурей въ лѣсу. Она встрѣчается съ безумнымъ; блѣдное лицо его, мрачный и дикій взоръ, беспорядокъ въ платьѣ, остатокъ цѣпей на рукахъ, приводятъ эту женщину въ ужасъ. Она всматривается въ лице безумнаго и содрогается. Лице ея выражаетъ страхъ, ужасъ и отчаяніе... Хочетъ приблизиться къ нему, но онъ, скрежеща зубами, кричитъ ей: «Прочь, прочь! Я не люблю дѣтей! Я не люблю дѣтей!» Ребенокъ на рукахъ матери заплакалъ; мать скрываетъ его за деревомъ; сама съ трепетомъ во всѣхъ членахъ подходитъ къ сумасшедшему и узнаетъ въ немъ злополучнаго отца своего. То была преступная дочь, которая, будучи брошена своимъ соблазнителемъ, скиталась по свѣту съ плодомъ порочной любви своей. Сцена между отцемъ и дочерью была претрөгательная. Онъ не узнавалъ ея, но, казалось, голосъ природы вѣщалъ въ душѣ его, что это дочь его. Онъ то невольно призывалъ ее къ себѣ, то опять отвергалъ, говоря: «Нѣтъ, нѣтъ у меня дочери! Она бросила

меня... Она подарила мнѣ эти цѣпи... Нѣтъ, она умерла!» — сказала онъ, заплакавъ и закрывъ лице свое руками. Роль отца игралъ Василій Васильевичъ Самойловъ, артистъ С.-Петербургскаго театра. Его мелодичный голосъ въ пѣніи, естественная игра произвели сильное волненіе въ душѣ моей. Я сострадалъ несчастному отцу и до того забылся, что плакалъ, горько плакалъ, едва удерживая рыданія. Хорошо еще, что кресло мое было въ самомъ углу, и близъ меня никто не сидѣлъ, а то бы я обратилъ на себя непріятное вниманіе и даже, можетъ быть, вызвалъ бы насмѣшки. И, дѣйствительно, странно въ нашъ эгоистическій вѣкъ видѣть въ театрѣ плачущаго молодого офицера.

Вотъ развязка этой пьесы. Злополучный старецъ перевезенъ въ свой домъ, и докторъ приказалъ, чтобъ въ саду, гдѣ онъ по утрамъ прогуливался, былъ прежній порядокъ. Безумный ходить по саду, и каждый кустъ, каждое дерево, каждая скамейка дѣлаютъ потрясеніе въ его нервахъ. Управительница приноситъ ему обыкновенный его утренній завтракъ; онъ удивляется, не вѣритъ самъ себѣ и спрашиваетъ, что все это значить. Ему отвѣчаютъ, что все попрежнему, и что дочь его въ бесѣдкѣ своей поетъ его любимый романсъ. Звуки голоса доходятъ до него; онъ спѣшитъ къ бесѣдкѣ, расположенной по ту сторону пруда; всходитъ на мостъ, и люди по приказанію доктора бросаютъ больнаго въ воду... Потомъ вытаскиваютъ, и жестокое потрясеніе всего его физическаго состава, произведенное испугомъ и дѣйствиємъ воды, вмѣстѣ съ возвращеніемъ чувствъ, возвращаетъ ему разсудокъ.

Не смѣю ничего сказать въ похвалу г. Самойлова, слова мои будутъ недостаточны и слабы. Но я бы хотѣлъ постоянно слышать его голосъ, трогающій струны моего сердца, какъ бы кто игралъ на немъ или въ немъ, какъ по клавишамъ фортепьяно. Послѣ оперы данъ былъ дивертисментъ. Танцовщицы восхитительны; но, признаюсь, для меня кажутся нѣкоторыя позиціи современной Терпсихоры весьма соблазнительными; я полагаю, что у древнихъ она была скромнѣе.

Изъ моей жизни въ Москвѣ я вынесъ впечатлѣніе, что ея жители вообще скучны и чѣмъ-то недовольны. Улицы узки и грязны, мостовая избита и въ рытвинахъ, тротуаровъ почти нигдѣ нѣтъ. Однимъ словомъ, Москва мнѣ показалась большимъ селомъ съ барскими усадьбами. Высшій слой общества замѣтно теряетъ русскую національность; гостепріимство и русское хлѣбосольство постепенно исчезаютъ. Но скажите, пожалуйста, отчего Москва угрюма и скучна. Отчего даже въ театрахъ и другихъ увеселеніяхъ видимъ горькую улыбку и принужденную веселость? И народные хороводы, и русская пляска, и кулачные бои уменьшились и измѣняются противъ прежняго. Бывало на святкахъ гадали дѣвицы и вдовицы о женихахъ, подслушивая на улицѣ говоръ проходящихъ, спраши-

вая имена проходящихъ, садясь передъ зеркаломъ и т. п. Бывало, молодежь пѣла подблюдныя пѣсни, хоронила золото, играла въ веревочку съ колечкомъ, въ «сизжу-посижу», мостила мостъ и т. п. А теперь всѣ чинны, всѣ важны, всѣ стараются скрывать себя, простодушіе и чистосердечіе улетѣли за «тридевятъ земель; въ тридесятое царство». Всѣ стараются обмануть другъ друга. Просвѣщеніе дало понятіе о комфортѣ жизни, и вотъ семейные люди начали жить сверхъ своего состоянія, а для этого надобно было изыскивать средства и способы, полупозволительные или даже незаконные. Воспитаніе сыновей началось уже не для семейнаго счастья, а по новой методѣ пристроить сына. Дочерей стали образовывать подобно тому, какъ въ магазинахъ или мастерскихъ полируютъ стальные или посеребренные вещи. Амуръ снялъ повязку съ глазъ и сталъ уже смотрѣть, какъ говорится, въ оба, но смотрѣть и разсматривать не сердце и достоинства, а приданое и другіе матеріальные предметы. Начался торгъ сердцами и глазами. Грустно, право, становится, грустно видѣть современное просвѣщеніе и ложное образованіе.

— Какъ проводите вы въ Москвѣ лѣто?—спросилъ я при встрѣчѣ съ одноклассникомъ моимъ, вышедшимъ въ отставку и живущимъ въ Москвѣ.

— По утрамъ бродимъ или толкаемся по городу ¹⁾,— отвѣчалъ онъ,—потомъ гуляемъ по Александровскому саду, ѣздимъ въ театръ или въ Марьину рошу, или въ Сокольники, или на Воробьевы горы. Впрочемъ, лучшія семейства выѣзжаютъ въ подмосковныя деревни. А зимою все, что современное просвѣщеніе, роскошь и праздность могли придумать, все у нихъ въ Москвѣ въ употребленіи и составило искусство или науку, подъ названіемъ *savoir vivre* и *égorgé le temps*. Утренніе визиты, званые и запросто обѣды, вечера, балы, собранія, театры и маскарады—вотъ времяпрепровожденіе лучшаго типа московскихъ людей и приѣзжающихъ изъ деревень, съ супругами и дочками, съ тугонабитыми бумажниками и кошельками.

Прибавлю къ этому и мои наблюденія. Французскій языкъ въ большомъ употребленіи и, кажется, послѣ 1812 года распространился еще болѣе. Въ настоящее время, кто не говоритъ пофранцузски, долженъ отказаться отъ знакомства съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ или тонными дамами. Молодой человекъ, желающій быть принятымъ въ большомъ свѣтѣ, необходимо долженъ имѣть слѣдующія качества: говорить пофранцузски, танцовать, знать хотя по названіямъ сочиненія новѣйшихъ авторовъ, судить о ихъ достоинствахъ, порицать старыхъ и все старое, разбирать играемыя на театрахъ пьесы, умѣть завести споръ о му-

¹⁾ Городъ въ Москвѣ—значитъ «Гостиный дворъ».

зыкѣ, сѣсть за фортепіано и взять небрежно нѣсколько аккордовъ, или сыграть что нибудь затверженное или промурлыкать романсъ или арію; знать наизусть нѣсколько стишковъ любимаго дамами или моднаго современнаго поэта. Но главнѣе всего—это играть въ карты по большой и быть одѣтымъ по модѣ. Кто имѣеть всѣ эти достоинства, тотъ можетъ съ честью явиться на сцену моднаго свѣта. Нынѣ не спрашиваютъ, есть ли у такого франта душа, а сколько именно душъ? Никто не хочетъ знать, откуда г. N. N. беретъ деньги на карточную игру и на прочія модныя жизненныя потребности. Все равно; старинное правило—не все то золото, что блеститъ—обратилось въ слѣдующую аксіому, или, лучше сказать, гипотезу: что блеститъ, то и золото. Посредствомъ картъ можно удобнѣе всего втереться въ богатый или знатный домъ, составить связи, знакомство даже съ вельможами и, составляя партіи въ карты, самому составить выгодную партію.

Пѣвчіе въ Шереметьевской больницѣ привлекаютъ въ церковь много богомольцевъ. Сюда простого народа не пускаютъ. Церкви Голицинской больницы, Коммерческаго училища, прихода Василя Блаженнаго, Вознесенія Господня, Всѣхъ Скорбящихъ Божьей Матери и Никиты Мученика наиболѣе посѣщаются высшимъ обществомъ. Вознесенскій и Алексѣевскій монастыри посѣщаются также; но мнѣ удивительнымъ показалось видѣть въ Алексѣевскомъ монастырѣ монахинь зашнурованными. Въ Даниловскій монастырь съѣзжается также много, особенно молодыхъ барынь, миленькихъ вдовушекъ и барышень. А для чего особенно? Вотъ для чего. Здѣсь есть молодой, красивый собою монахъ, постриженный въ это званіе изъ купцовъ. Всѣ желаютъ посмотрѣть на него, полюбоваться имъ. Его называютъ русскимъ аббатомъ. О, просвѣщеніе! О, времена!

Старушка Офросимова играетъ весьма значительную роль на сценѣ московскаго большого свѣта. Судить, рядить, поправляетъ всѣхъ, даетъ законы общежитія и нарядовъ, и все послушно ей и покорно. Но бывали случаи, что иные дерзали возставать противъ ея деспотизма. Такъ, на примѣръ, въ одномъ многолюдномъ и блестящемъ обществѣ г-жа Офросимова вздумала за что-то одному изъ модныхъ московскихъ франтовъ, извѣстному петиметру Асташевскому, дѣлать замѣчанія, но онъ осмѣлился рѣзко ей возразить. Тогда она сказала ему:

— Ахъ, батюшка, вишь какъ разсвирѣпѣлъ! Пожалуйста, не съѣшь меня.

— Будьте спокойны,—хладнокровно отвѣчалъ Асташевскій,—милостивая государыня, я—магометанинъ.

Большая часть гуляній происходитъ близъ монастырей. Въ старину всѣ гулянья сопровождались богомольемъ; и нынѣ любимѣйшее гулянье москвичей—это путешествія пѣшкомъ или въ эки-

пажѣ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Наканунѣ Вербнаго Воскресенія бываетъ гулянье въ Кремлѣ. Въ этотъ день появляется новая мода на экипажи, лошадей, сбрую и ливрею лакеевъ, или, лучше сказать, возобновляется старое. Старинныя дамы ѣздятъ въ большихъ старомодныхъ, четверомѣстныхъ каретахъ, набитыхъ воспитанницами и моськами. Безчисленные ряды разныхъ новомодныхъ и старинныхъ каретъ, линеекъ, дрожекъ, колясокъ, телѣжекъ, съ утра до вечера двигаются около рядовъ «города». Подъ видомъ, чтобъ доставить дѣтямъ удовольствіе видѣть вербы и разныя игрушки, московскія и пріѣзжія изъ деревень барыни вьзять показывать свой живой товаръ, дочекъ-дѣвицъ. Въ праздникъ Пасхи цѣлую недѣлю народъ толпится подъ Новинскимъ, и тоже разные экипажи двигаются въ линіяхъ, соблюдаемыхъ полиціею. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла строятся лубочныя театры и наполняются львами, тиграми, прыгунами на веревкѣ, ѣздоками, фокусниками и другими искусниками. На качеляхъ любители то возносятся горѣ, то спускаются долу. Эмблема жизни нашей! Спѣшимъ подняться вверхъ, — спускаемся и возвышаемся, и вновь падаемъ. Устроены деревянныя лошадки и колясочки. Карусели тоже изображеніе жизни человѣческой: вертимся по свѣту и опять возвращаемся на то же мѣсто, откуда отправились въ путь... Изъ земли взяты, въ землю и обратимся. Не одни маленькія дѣти катаются на каруселяхъ: я видѣлъ много взрослыхъ мужей, даже и стариковъ, съ сѣдыми бородами, съ веселымъ видомъ садящихся на деревянныхъ коней. Гулянья въ селѣ Всевятскомъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Марьиной роцѣ, въ Сокольникахъ, на Воробьевыхъ горахъ, отличаются тѣмъ, что гуляющіе, возвращаясь въ Москву, особенно купечество, украшаютъ экипажи свои, лошадей и кучеровъ зеленью и цвѣтами. Страсть къ загороднымъ гуляньямъ у московскихъ жителей чреамѣрная. Не только дворяне и богатые купцы нанимаютъ для себя лѣтнія квартиры (дачи), но и ремесленники съ женами и семействами отправляются за заставу обѣдать и дышать чистымъ воздухомъ. Это обыкновеніе весьма полезно, потому что воздухъ лѣтомъ бываетъ тяжелъ въ такомъ многолюдномъ городѣ, и надобно полагать, что какое-то особенное физическое чувство невольно влечетъ каждаго за городъ.

До нашествія французовъ, то-есть до 1812 года, гулянье на Прѣсеневскихъ прудахъ было весьма многолюдно; съ тѣхъ же поръ, какъ устроенъ Александровскій садъ, здѣсь болѣе гуляющихъ. Садъ Нескучный обыкновенно посѣщается московскою публикою по воскресеньямъ, но Корсаковъ садъ приманиваетъ къ себѣ болѣе гуляющихъ. Въ обоихъ этихъ садахъ по воскресеньямъ играютъ въ разныхъ мѣстахъ оркестры музыки, пускаютъ фейерверкъ или воздушный шаръ. Въ Корсаковомъ саду фейерверкъ изображаетъ

какое либо огненное представленіе, какъ, напримѣръ, морское или воздушное сраженіе и т. п. Садъ Лафертовскій запущенъ, и мало въ немъ бываетъ гуляющихъ, кромѣ купечества и страстныхъ любовниковъ, скрывающихся отъ глазъ любопытной публики на островкахъ, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ. Перова роца привлекаетъ къ себѣ много народа; она недавно сдѣлалась мѣстомъ публичнаго гулянья. Здѣсь по воскресеньямъ бываетъ звѣриная травля. На нѣмецкое кладбище по воскресеньямъ иностранцы пріѣзжаютъ обѣдать, пить кофе и чай. Это гулянье должно быть самое пріятное, потому что можно, восхищаясь природою, удаляясь отъ мірскаго шума, бесѣдовать на гробахъ родителей, супругъ и дѣтей. Здѣсь мысль о смерти и вѣчности дѣлаетъ человѣка возвышеннѣе духомъ и утишаетъ порывы страстей. Бульвары Тверской, Никитскій и Мясницкій посѣщаются болѣе по воскресеньямъ, и то весьма неохотно и мало. Тяжело мнѣ было разставаться съ Москвою и приниматься за службу, то-есть принимать отъ инженернаго офицера путей сообщенія поручика Кашперова уроки работы шоссе для нашего полка и наблюдать за производствомъ работъ.

V.

Село Ржевки.—Вторичная поѣздка въ Москву.—Непріятное приключеніе.—Домашній театръ въ усадьбѣ сенатора Постникова.—Новыя знакомства.—Деревенскія празднества.—Шарады.

Я познакомился съ помѣщицей генеральшей К. Дама лѣтъ 40, ловкая и свѣтская, живетъ открыто и, какъ замѣтно, старается выдать замужъ племянницу свою, 20-тилѣтнюю англичанку. Въ первой молодости генеральши, домъ ея былъ мѣстомъ собранія иностранцевъ, и одинъ изъ нихъ оставилъ на материнское попеченіе дочь свою—прелестную Фанни. Здѣсь полковникъ нашъ съ молодою женою и тещею и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, бывали каждое воскресенье. Обѣдали, прогуливались по саду, по рошицамъ въ родѣ англійскихъ парковъ, бѣгали, рѣзвились, вечеромъ шли въ бесѣдку или на балконъ пить чай; потомъ танцовали и далеко за полночь возвращались домой. Въ будніе дни каждый вечеръ у полковника передъ окномъ играла полковая музыка. Мы съ семействомъ его прохаживались, слушали съ удовольствіемъ занимательные рассказы генеральши Адамовичевой и иногда восхищались пѣніемъ и игрою на фортепіано 17-ти-лѣтней хорошенькой полковницы нашей. Два мѣсяца такимъ порядкомъ прошли незамѣтно. Время, назначенное для работъ, кончилось; полкъ отправлялся въ Звенигородскій уѣздъ на отдыхъ, а я отпросился въ Москву. Нашего полка маіоръ Лялинъ

пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ его коляскѣ. Въ Москвѣ провель я время въ полномъ упоеніи, но въ день моего отъѣзда изъ Москвы случилось со мною не совсѣмъ пріятное происшествіе. Я собирался выѣхать по утру, но меня удержали обѣдать. Какъ не остаться, когда миленькія тетушки и кузины просятъ, даже приказываютъ. Послѣ обѣда лошади были поданы, и я распростился, но какая-то непостижимая сила удерживала меня и вынудила согласиться на приглашеніе остаться пить чай. Итакъ я приказалъ солдату, бывшему со мной (деньщикъ мой, незадолго до поѣздки моей въ Москву, убѣждалъ, обокравъ меня), закупивъ кое-что, дожидаться меня съ лошадьми у заставы. Наконецъ, часовая стрѣлка напомнила мнѣ, что уже время ѣхать. Прощаюсь, беру извозчика и ѣду къ заставѣ, но лошадей тамъ не нахожу. Я бросался отъ одной заставы къ другой, но нигдѣ не нахожу солдата съ лошадьми. Жестоко раздосадованный, заѣзжаю къ родственникамъ моимъ Соколовымъ, гдѣ нахожу всю ту компанію, которую часа за два передъ симъ оставилъ. Солдатъ возвратился поздно вечеромъ въ тотъ домъ, гдѣ я обыкновенно останавливался. Оказалось, что онъ, не зная Москвы, заблудился, какъ онъ говорилъ, и, долго плутовавъ, рѣшился опять возвратиться туда, откуда выѣхалъ. На другой день рано по утру я отправился изъ Москвы и по дорогѣ заѣхалъ къ маіору Лялину.

— А, кстати, пріѣхалъ,—сказалъ онъ мнѣ,—завтра у насъ въ сосѣдствѣ балъ. Я уже въ томъ домѣ знакомъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ, и я тебя представлю.

Мнѣ очень не хотѣлось туда ѣхать, потому что надобно было поспѣшить явиться къ полковнику, тѣмъ болѣе, что я уже просрочилъ нѣсколько дней. Но всѣ эти затрудненія почтенный мой маіоръ уничтожилъ тѣмъ, что самъ на другой день обѣщался со мною ѣхать въ штабъ полка, а оттуда на обѣдъ и балъ вмѣстѣ со мною къ сенатору Постникову. Усадьба сенатора Постникова отъ города Звенигорода въ шести верстахъ. Въ часъ по полудни мы съ маіоромъ туда и отправились. Здѣсь нашли мы уже много гостей какъ изъ окрестностей, такъ и изъ Москвы. Хозяйка, женщина лѣтъ тридцати-пяти, разливала удовольствіе на все окружающее своею московскою болтливостью и французскою любезностью. Каламбуры сыпались со всѣхъ сторонъ. Въ этотъ день любезная сенаторша была именинница. Крестьяне съ семействами пришли поздравить госпожу свою, но у барыни была мигрень, почему она и опасалась въ ясный день 22-го іюля выйдти на балконъ отблагодарить добрыхъ крестьянъ за ихъ усердіе, а вмѣсто себя выслала французскаго учителя отпустить ихъ. Этотъ «французикъ изъ Бордо» съ важностью вышелъ на балконъ, объявилъ имъ, что барыня нездорова, сама не можетъ къ нимъ выйдти, но приказала ихъ благодарить. Добродушные поселяне не хотѣли

отойти отъ балкона, не увидавъ госпожи своей. Тогда французъ, *ami de la maison*, съ ироническою улыбкою, къ утѣшенію ихъ, сказалъ имъ пофранцузски:

— *Retirez vous, coquins!*

Близъ его стоявшіе полурусскіе громко захохотали и вынудили поселянъ отойти отъ балкона. Мнѣ показалось весьма оскорбительно, чтобъ какой либо, можетъ быть, бѣглець или преступникъ, избѣжавшій законовъ правосудія, такъ называлъ честныхъ, добрыхъ и трудолюбивыхъ русскихъ крестьянъ, снискивающихъ въ потѣ лица своего пропитаніе тщеславной барынь своей. Это меня такъ разстроило, что въ продолженіе всего обѣда я сидѣлъ, какъ говорится, повѣсивши носъ. По окончаніи обѣда пошелъ я въ садъ, но едва прошелъ одну аллею, какъ услышалъ звонкій голосъ г-жи сенаторши, приглашающій въ театръ.

Итакъ, подавивъ въ самомъ себѣ чувство негодованія, произведенное во мнѣ наглымъ французомъ, побрелъ и я вслѣдъ за другими. Насъ привели въ сарай, откуда всѣ экипажи были вывезены; на одномъ концѣ сарая сдѣлана была сцена съ каррикатурной занавѣсью, а противъ этой сцены поставлены были кресла и стулья для зрителей.

Играли трагедію «Эсѳиръ» на французскомъ языкѣ. Роль Эсѳири исполнена была превосходно дѣвицею Косошкиною, дочерью директора Московскаго театра. Ея костюмъ, голосъ, мимика, однимъ словомъ, все соотвѣтствовало плѣнительной ея наружности. Самая даже природа положила на лицѣ ея отпечатокъ меланхоліи. Прочія дѣйствующія лица представляли изъ себя болѣе комическаго, нежели трагическаго. Царь (французскій учитель) не зналъ назвусть своей роли; тѣлохранители и придворные шептали, а не декламировали свои роли, и при всей важности пьесы, размѣшенные суфлеромъ-барышнею, не могли удерживаться отъ смѣха. Царскій министръ Артабай (нѣмецкій учитель) болѣе походилъ на пьянаго жида.

За трагедію послѣдовала комедія «Новый Стернь, или сентиментальный путешественникъ». Стернь (учитель рисованія) на сценѣ былъ весьма смѣшонъ не по роли его, но по фигурѣ и неловкости. Онъ говорилъ отрывисто, съ замѣпательствомъ, и всѣ движенія его были не кстати. Роль слуги игралъ племянникъ Постниковыхъ, г. Копьевъ, и очень удачно. Роль маіора Сумина опять игралъ французскій учитель, и очень странно было слышать, чтобъ Суминъ, старый русскій маіоръ и патріотъ, худо говорилъ порусски.

Послѣ спектакля гости возвратились въ домъ пить чай. Молодежь начала танцовать, и я въ вихрѣ вальса съ сентиментальною Оленькою, племянницею хозяевъ, забылъ неприятное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ и французомъ по утру, и спектаклемъ вечеромъ въ зловонномъ сараѣ.

Въ городѣ Звенигородѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться во многихъ домахъ, между прочимъ, и въ домѣ князя Голицына. Мѣстоположеніе вообще во всемъ уѣздѣ восхитительное, но усадьба князя Голицына превосходитъ всякое описаніе. Не добъжая до дому почти версту, начинается роща, въ которой сама природа такъ искусно разсѣяла всѣ украшенія, что легко можно эту рощу счесть за искусственный англійскій паркъ. Съ этою рощею соединяется изящно отдѣланный садъ. Человѣкъ лѣтъ 70-ти, небольшого роста, съ добродушіемъ на лицѣ и съ какимъ-то непринужденнымъ, благороднымъ величіемъ, принялъ меня. Это былъ самъ князь, одѣтый въ такое платье, какое носили во время блаженной памяти Екатерины Великой. Все въ этомъ старикѣ показывало придворнаго человѣка и вельможу. Въ этотъ день семейства его не было дома, кромѣ одного сына, отставнаго гусарскаго полковника. Самъ князь словоохотливъ и рассказываетъ весьма занимательно. Онъ былъ лично знакомъ съ Вольтеромъ и даже нѣкоторое время гостилъ въ Фернейскомъ замкѣ его.

Въ одно воскресенье поѣхали мы съ маіоромъ Лялинымъ къ Постниковымъ. Это былъ второй мой визитъ; хозяйка приняла насъ привѣтливо и представила супругу своему, что считалось за большое съ ея стороны благоволеніе, потому что въ ихъ домѣ много ѣздить и такихъ гостей, которыхъ хозяинъ не знаетъ. Такъ водится въ московскомъ большомъ свѣтѣ: одни ѣздятъ къ хозяину, другіе къ хозяйкѣ, а часто ни тотъ, ни та не знаютъ гостя, что, впрочемъ, случается болѣе тогда, когда даютъ большой балъ. Тогда многіе привозятъ съ собою знакомыхъ своихъ, особенно танцующихъ кавалеровъ. Иногда подводятъ ихъ и рекомендуютъ хозяину или хозяйкѣ, а часто дѣло обходится и безъ рекомендацій. Мнѣ рассказывали, что однажды г-жа Постникова пригласила къ себѣ на обѣдъ какихъ-то извѣстныхъ французскихъ путешественниковъ, не предваривъ даже объ этомъ мужа своего, который, впрочемъ, и не зналъ французскаго языка. И вотъ сенаторъ выходитъ къ столу изъ своего кабинета; жена рекомендуетъ ему иностранныхъ гостей, но мужъ, будучи чѣмъ-то раздосадованъ, говоритъ женѣ:

— Что это ты, матушка, наводишь ко мнѣ всякой дряни, бродягъ?

Находчивая и умная сенаторша, нисколько не сконфузясь, обращается къ французамъ и говоритъ, что мужу ея весьма лестно ихъ посѣщеніе, но онъ сожалеетъ, что не можетъ объясняться съ ними, не зная ихъ языка.

Я обязанъ забавному случаю за вниманіе ко мнѣ сенаторши. Въ день бала, за ужиномъ, мнѣ пришлось сидѣть за кавалерскимъ столомъ. Мы съ маіоромъ Лялинымъ говорили о театрѣ; въ нашъ разговоръ вмѣшался нашего полка поручикъ Клайгельсъ, любезный и хорошо образованный молодой человѣкъ. Разговоръ мало-

по-малу оживлялся и наконецъ нечувствительно сдѣлался общимъ. Я осмѣлился кое-что сказать о домашнихъ спектакляхъ: это дошло до г-жи сенаторши, и вотъ причина ея благосклоннаго ко мнѣ вниманія. Пріятельская связь моя съ маіоромъ Лялинымъ, который сочинялъ и печаталъ стихи, и меня сдѣлала авторомъ и театральнымъ критикомъ.

Въ этотъ день мы обѣдали въ оранжереѣ, что было весьма пріятно въ жаркій день. Послѣ обѣда г-жа Постникова, отозвавъ меня и маіора въ сторону, сказала вполголоса:

— Вамъ, господа, можетъ быть, покажется странно, что я, бывъ мало еще съ вами знакома, дѣлаю васъ участниками моей тайны.

Примѣтя же удивленіе наше, она прибавила, громко засмѣявшись:

— Не бойтесь, здѣсь нѣтъ никакой интриги,—и, сказавъ это, пригласила насъ съ собой въ садъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—продолжала она:— 15-го августа будетъ рожденіе племянницы моей Маріи Ѳедоровны Кокоскиной, и мнѣ хочется сдѣлать ей сюрпризъ. Театра не будетъ, но я бы желала устроить живыя картины. Подайте мнѣ вашъ совѣтъ, помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Мы охотно согласились и послѣ многихъ толковъ и предположеній рѣшили, чтобъ живыя картины представляли парады: *мо-quer* (*maux-choeur*) и *ballade* (*bal-l'ade*). Любезный маіоръ своими поэтическими вымыслами привелъ въ восторгъ. Онъ обѣщаль самъ написать соотвѣтственную празднику балладу. Но вышло иначе. Маіоръ долженъ былъ уѣхать въ деревню къ графу Хвостову, почему обѣщанной имъ баллады и не было написано. Я предлагалъ выбрать одну изъ балладъ сочиненія Жуковского; предложеніе мое было принято холодно, и я оставилъ на произволь ихъ. Намѣревались было устроить маскарадъ, но въ Москвѣ не достали, какъ говорили, характерныхъ костюмовъ. Мы съ Копьевымъ хотѣли сыграть отрывокъ изъ какой либо комедіи и выбрали сцену изъ Чудаковъ—«дуэль Высоноса и Прилаза», но и это, не знаю, почему-то разстроилось. Погода наканунѣ праздника была дождливая и ненастная, но мы не теряли надежды на лучшую погоду въ день праздника. Изобрѣтательный геній Марья Ивановны (нашей хозяйки) не унывалъ при малыхъ этихъ препятствіяхъ. Она бѣгала съ лѣстницы на лѣстницу, суетилась, гоняла въ рабочее время крестьянъ своихъ то въ Москву, то въ Звенигородъ, то къ сосѣдямъ. Напоследокъ, утомившись, бросилась на диванъ и удостоила меня своего довѣрія, сказавъ, что у нея въ домѣ и 50-ти рублей нѣтъ, а праздникъ, всетаки, будетъ.

— Не правда ли,—сказала она мнѣ:—что я теперь похожа на дитя? Занимаюсь такими мелочами; не смѣйтесь, пожалуйста, надъ моимъ малодушіемъ: всякая малѣйшая неудача трогаетъ меня и доходитъ до сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день было обширное поле для ея дѣятельности. Всѣ двѣнадцать барышень, жившія у нея въ домѣ, шили себѣ костюмы, а мы, молодые гости и родственники г-жи Постниковой, занимались украшеніемъ оранжереи. Наконецъ столь желанный день наступилъ. Казалось, самъ Фебъ, въ честь царицы праздника, украсилъ горизонтъ златоблестящими лучами солнца. Мелодическое пѣніе птицъ, нѣжное колебаніе зефиромъ листьевъ, тихое журчанье ручья, небесное благоуханіе цвѣтовъ: все, казалось, поздравляло 17-ти-лѣтнюю Флору съ днемъ ея рожденія. Мы всѣ были у обѣдни; новорожденная была просто, но со вкусомъ одѣта въ бѣломъ платьѣ, съ завитыми локонами. Это означало, что ей минуло 17-ть лѣтъ, и что она появится зимою въ собраніяхъ невѣстою, по обыкновенію лучшаго тона московскихъ жителей. Наконецъ, около полудни начали сѣзжаться гости, званые и незваные. Полковая музыка гремѣла, и послѣ обѣда, примѣтя на многихъ миленькихъ личикахъ желаніе попрыгать, я поднялъ на вальсъ меланхолическую новорожденную Марію, за мною послѣ довали другіе, и танцы незамѣтно продолжались.

Въ 7 часовъ вечера зала въ оранжереѣ была освѣщена люстрами и разноцвѣтными шкаликами, поставленными кругомъ итальянскихъ оконъ; боковыя галереи были также освѣщены кенкетами; главныя аллеи въ саду иллюминированы площадками, и горѣлъ щить М. К. (Марія Кокошкина). Но вотъ всѣ гости собрались въ оранжереѣ, на всѣхъ лицахъ замѣтно нетерпѣливое ожиданіе. Наконецъ, двери въ боковую галерею открылись, всѣ бросились туда, и мы увидали живыя картины. Въ позолоченной рамѣ, подъ бѣлымъ флеромъ, три барышни въ неподвижномъ положеніи изображали трехъ Парокъ. Одна изъ нихъ сидѣла за прялкою и пряла нить жизни человѣческой, другая наматывала эту нить, а третья сидѣла съ ножницами въ готовности пресѣчь, перерѣзать ту нить, но купидонъ сзади рукою своею удерживаетъ руку злой Парки. Картина восхитительная, вымыселъ изящный и самый поэтический. Всеобщій восторгъ былъ неизъяснимый, и долго звуки мышки заглушаемы были аплодисментами и криками браво. Потомъ начались шарады. Въ концѣ другой боковой галереи, въ уединенномъ гротѣ, сидѣлъ оракуль (тоже барышня), который по приближеніи зрителей провозгласилъ таинственнымъ, то-есть тихимъ голосомъ, поздравленіе и предсказаніе счастливой жизни царицѣ праздника. Въ правой рукѣ оракула была ваза, изъ которой желающіе узнать судьбу свою вынимали билетки, и все это означало первую часть шарады «Маух». Послѣ сего всѣ возвратились въ прежнюю залу, гдѣ появился хоръ весталокъ, пѣвшихъ по-итальянски. Хоръ состоялъ изъ барышень и нѣмецкаго учителя. Представьте себѣ высокую, худую фигуру, лѣтъ 45-ти, обросшую черными волосами, въ женскомъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ

на головѣ и поющую картавымъ басомъ. Этотъ хоръ означалъ вторую часть парады—сhœur, а вся парада mœuer.

Вотъ и другая парада. Начался балъ польскимъ, послѣ котораго всѣ увидѣли прелестное зрѣлище. Хороводъ барышень, одѣтыхъ въ богатые сарафаны, съ блестящими повязками, выступилъ изъ боковой галереи, неся на носилкахъ, украшенныхъ древесными листьями и гирляндами изъ цвѣтовъ, пятилѣтнюю дочь хозяйки, также одѣтую порусски. Она означала богиню Ладу. Хоръ пѣлъ извѣстную каждому любителю отечественную пѣсню:

«А мы просо сѣяли, сѣяли,

«Ой, дядь Ладо, сѣяли» и проч.

Потомъ нѣмецкій учитель прочелъ вполголоса подъ названіемъ баллады сплетеніе нѣсколькихъ рифмованныхъ фразъ на французскомъ языкѣ, какъ онъ говорилъ, имъ самимъ сочиненныхъ.

Все это заключилось танцами и ужиномъ, и тѣмъ кончился праздникъ, надѣлавшій столько шума своими громкими приготовлениями.

Н. В. Погожевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЪЗДЪ.

(Очеркъ изъ жизни Малороссіи конца XVIII в.)¹⁾.

I.

ковъ св. Луки.

ВЫЛЪ КАНУНЪ Рождества Богородицы 1795 года. Наступали сумерки. На улицахъ села Казятина²⁾ было тихо и безлюдно. Дневныя работы закончились, въ хатахъ шли приготовленія къ празднику. Крестьяне и расквартированные въ селѣ солдаты ждали удара въ колоколь, чтобы идти ко всеошчной въ убогую деревянную церковь св. Луки.

Предпраздничная тишина на улицахъ вдругъ рѣзко была нарушена конскимъ топотомъ. По дорогѣ изъ города Махновки показался скакавшій въ карьеръ всадникъ-солдатъ того же Новгородскаго мушкатерскаго полка, 6-я рота котораго стояла въ Казятинѣ. Онъ подлетѣлъ къ хатѣ, гдѣ жилъ командиръ роты поручикъ Степанъ Михайловичъ Вельяминовъ. Поручикъ и два офицера его роты тотчасъ выскочили на встрѣчу посланному, подавшему Вельяминову запечатанный конвертъ. Тотъ быстро его вскрылъ, пробѣжалъ бумагу глазами и съ улыбкою передалъ товарищамъ. Всѣ переглянулись, усмѣхнулись и молча ушли въ хату...

¹⁾ См. хранящееся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ дѣлахъ Кіевской уголовной палаты, 2-й описи 5-й вязки, дѣло № 68.

²⁾ Село находилось въ 1795 г. въ Махновскомъ уѣздѣ Брацлавской губерніи и имѣло 400 душъ мужскаго пола. Нынѣ с. Казятинъ и станція юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ лежитъ въ Вердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

Прошло нѣсколько минутъ, и въ вечерней тишинѣ громко прозвучалъ рожокъ ротнаго горниста, трубившаго сборъ. Все село ожило, забѣгали солдаты, спѣшно, на ходу одѣвавшіеся, направляясь къ сборному пункту—хатѣ ротнаго командира. Крестьяне высыпали на улицу, обращаясь къ бѣгущимъ солдатамъ съ разспросами о причинѣ сбора. Но тѣ ничего не могли отвѣтить, такъ какъ и для нихъ эта тревога была совершенно не ожиданна. Знали они только, что прискакалъ фуршатъ изъ полковаго штаба, съ пакетомъ къ ротному командиру, а что тамъ въ пакетѣ писано—кто-жъ его знаетъ. Ротный командиръ ихъ хотя и молодъ, а человѣкъ строгій: не станетъ онъ зря болтать о приказахъ высшаго начальства... Можетъ быть, и на время уходитъ рота изъ Казятина, а, можетъ быть, и совсѣмъ: такія передвиженія нерѣдки были въ то неспокойное время и въ этомъ еще не умиротворенномъ краю, только за три года передъ тѣмъ (въ 1792 г.) окончательно воссоединенномъ съ Россіей.

Не одно пылкое сердце Казятинскихъ «молодицъ» и «дивчатъ» «захолонуло» при мысли, что бравые «москаля» совсѣмъ уйдутъ изъ села... Правда, «хозяева» и «парубки» думали иначе... Ну да видно бабьи молитвы оказались посильнѣе: любознательныя «жинки» скоро разнюхали, что рота идетъ въ походъ налегкѣ, безъ ротнаго и офицерскаго обоза, значить, не останется Казятинъ безъ москалей, скоро они и назадъ вернутся...

Но куда они идутъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ. На что ужъ пройдоха жидъ корчмарь Мовша: за поясъ заткнетъ своимъ всезнайствомъ всѣхъ бабъ и Казятина, и Вернигородка, и Верболозъ, и Чернявокъ Малой и Великой (сосѣднія села) и др. Но и Мовша, чувшій своимъ острымъ носомъ, что тутъ «щось таке діетца»...—и тотъ, какъ ни юлилъ около офицеровъ, а ничего ровно не добился.

Черезъ полчаса послѣ сигнала къ сбору солдаты выстроились, барабанъ пробилъ походъ, и рота двинулась подъ предводительствомъ Вельяминава и двухъ его товарищей. Обогнувъ панскую усадьбу, лежавшую на краю села и примыкавшую къ большому лѣсу, рота скрылась въ послѣднемъ.

Звуки барабана вызвали на улицу почти все населеніе усадьбы. Удостоили выглянуть на проходившую роту даже сами владѣльцы Казятина— «маіоръ войскъ краевыхъ» панъ Цепріянь и пани Текля Здеховскіе. Красная усатая рожа вѣчно-пьянаго пана и поблекшее лицо когда-то извѣстной красавицы пани Текли величественно выглядывали изъ-за тына, ограждавшаго отъ дороги панскій садъ, и гордо раскланивались съ проѣзжавшими мимо младшими офицерами. Но Вельяминовъ зналъ, что не получитъ отвѣта на свой поклонъ, и проѣхалъ молча, съ трудомъ сдерживая игривую на губахъ улыбку... При такихъ отношеніяхъ къ старшему

офицеру Здоховскимъ неловко было спросить у младшихъ офицеровъ о цѣли и продолжительности похода. Во всякомъ случаѣ Здоховскіе несказанно рады были уходу Вельяминова, который вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ не даетъ имъ покоя ни днемъ, ни ночью... Когда рота удалилась съ панскихъ очей, панъ Цепріянь послалъ по адресу Вельяминова большое количество «бочекъ дьяволовъ», а томная пани Текля воздала «хвалу пану Богу» за отъѣздъ «пана поручика»...

Но Вельямнновъ ничего не слышалъ, да и не до того ему было: онъ зналъ, что въ глубинѣ панской усадьбы заботливо думаетъ о немъ чья-то милая головка, что пара милыхъ глазокъ слѣдитъ за нимъ сочувственно и чье-то горячее сердце посылаетъ ему тысячи благословеній...

Не успѣла рота новгородцевъ скрыться въ лѣсу, какъ передъ панскія очи предсталъ Мовша и доложилъ пану, что при помощи «кварти горілки» ему удалось узнать отъ деньщика Вельяминова, что рота направилась въ Махновку, и что деньщику приказано приготовить тарантасъ поручика, съ лучшею тройкою лошадей, и выѣзжать вечеромъ по Махновской дорогѣ.

Эти вѣсти окончательно успокоили Здоховскаго, и онъ распорядился, чтобы на предстоящую ночь не ставились усиленные караулы изъ дворовыхъ людей и крестьянъ вокругъ панской усадьбы. Пусть люди пока отдыхаютъ, а вернется Вельяминовъ, опять придется ставить караулы...

II.

Наступила ночь. И въ селѣ, и въ панской усадьбѣ все заснуло крѣпкимъ сномъ. Не спала только одна юная владѣтельница Казятина (ей было только 15 лѣтъ) графиня Агнешка-Леоба Тышкевичъ, падчерица пана Здоховскаго. Для нея это была роковая ночь: рѣшался вопросъ о счастіи ея жизни и о дальнѣйшей судьбѣ... Пока все шло хорошо: ловко задуманнымъ планомъ Вельяминовъ обманулъ бдительность своихъ и ея враговъ. Караулы были сняты и вокругъ панской усадьбы и изъ-подъ оконъ и дверей комнаты графини. Самъ панъ Цепріянь вволю поусердствовалъ за ужиномъ надъ «старой вудкой» графскихъ погребовъ и теперь спалъ въ своей опочивальнѣ мертвецкимъ сномъ. Но вдругъ онъ проснется и задумаетъ провѣрить, спитъ ли графиня? Что если это случится именно въ тотъ часъ, когда придетъ пора графинѣ выдти изъ покоевъ на встрѣчу вернувшемуся Вельяминову?!.. Или кто изъ людей проснется, замѣтитъ движенія солдатъ около усадьбы и разбудитъ вотчима?.. Да и мало ли можетъ произойти глупыхъ, неожиданныхъ случайностей, которыя станутъ поперекъ намѣченнаго пути къ счастію... Не удайся планъ Вельяминова, графиня

окончательно потеряетъ надежду выдти за него замужъ и очутится вполнѣ во власти вотчима. Если теперь только по одному подозрѣнiю, что она любитъ Вельяминова и любима имъ, вотчимъ держитъ ее такъ строго, подъ неустаннымъ надзоромъ, то ужъ въ случаѣ неудачи плана Вельяминова, когда подозрѣнiя вполнѣ подтвердятся, графиню совсѣмъ лишатъ свободы. Тогда, пожалуй, вотчимъ исполнитъ свою постоянную угрозу: выпишетъ какого-то своего прiятеля, также «маiorа краевыхъ войскъ», такого же, какъ самъ, пьяницу и забудыгу и выдастъ графиню за него замужъ... Прощай тогда и дорогой ей сердцу Вельяминовъ, и мечта объ иной, лучшей жизни съ нимъ, вдали отъ этихъ опостылѣвшихъ людей и мѣсть...

Первая дрожь охватывала маленькую, стройную, изящную фигурку графини Леобы, ея головка горѣла... Леобѣ не сидѣлось: то подойдетъ къ окну, раскроетъ его и всматривается въ темный садъ, то выйдетъ въ сѣни и прислушивается, то подбѣжитъ къ часамъ... Какъ далеко еще до полуночи, когда онъ долженъ вернуться!..

Не выдержала бы она этой нервной тревоги, если бы не бесѣда съ своей старой няней Горпиной, посвященной во всѣ тайны графини. Говорили онѣ о неизвѣстномъ будущемъ Леобы, или перебирали ея прошлое, въ которомъ нечего почти и добромъ помянуть... Отца своего графа Гонорiя Тышкевича, «подкоморжiя двора Польскаго», она не помнитъ: онъ умеръ въ 1781 г., когда Леобѣ былъ одинъ годъ, а ея брату Фердинанду 5 лѣтъ. По рассказамъ только она знаетъ, что это былъ богатый вельможный панъ, рыцарь въ старо-польскомъ духѣ, гордый не столько личными достоинствами и заслугами, сколько своихъ предковъ... Какая была бы ея судьба при отцѣ,—кто знаетъ. Одно несомнѣнно, что онъ еще больше, чѣмъ вотчимъ, противился бы ея браку съ «москалемъ» Вельяминовымъ...

Леоба этого не понимала. И сердце, и разумъ твердили ей, что любви нѣтъ дѣла до политическихъ и національныхъ счетовъ и видовъ... Это искреннее свое убѣжденiе она выразила вполнѣдствiи, въ прошенiи на имя императрицы Екатерины II, гдѣ писала, что своею любовью къ Вельяминову она «не причинила ни малѣйшаго порока дому отца своего и матери»...

Такъ же думалъ и говорилъ и братъ ея графъ Фердинандъ Тышкевичъ. Леоба увѣрена, что и мать ея въ глубинѣ души готова благословить ея бракъ съ Вельяминовымъ... Когда послѣднiй былъ принятъ у нихъ въ домѣ, онъ на всѣхъ произвелъ хорошее впечатлѣнiе и своею красивою внѣшностью, и своимъ благороднымъ, открытымъ характеромъ. Увядающая пани Текля Здоховская такъ открыто восхищалась «паномъ поручикомъ», что на первыхъ порахъ мужъ ея сталъ даже ревновать жену къ Велья-

минову. Но это скоро прошло, когда Здоховскіе замѣтили, какое обаяніе производитъ Веляминовъ на молодую графиню и какъ самъ увлекается ею... Здоховскій попробовалъ прервать романъ въ началѣ: подѣ какимъ-то пустымъ предлогомъ онъ затѣялъ ссору съ Вельяминовымъ и отказалъ ему отъ дома, а за графиней учредилъ строгій надзоръ. Но уже было поздно: при посредствѣ старой своей няни Леоба вела переписку съ Вельяминовымъ... На бумагѣ они признались другъ другу въ любви, и Вельяминовъ построилъ планъ освобожденія графини.

Мать втайнѣ сочувствовала дочери, хотя та скрывала отъ нея все—и переписку, и планы о бракѣ. Леоба знала, что хотя мать любить ее, но еще больше любить своего пана Цепріана, который совершенно завладѣлъ волею матери, сталъ «властителемъ ея воли» (какъ выражался графъ Фердинандъ Тышкевичъ). Все, что ни задумаетъ Здоховскій, мать безпрекословно исполняетъ, хотя бы сама и не сочувствовала планамъ мужа.

III.

Если Здоховскій противился браку падчерицы съ Вельяминовымъ, то вовсе не изъ-за какихъ либо политическихъ и національныхъ мотивовъ, а по чисто матеріальнымъ расчетамъ... Для него всего выгоднѣе было, если бы графиня совсѣмъ не выходила замужъ, или, по крайней мѣрѣ, вышла за человѣка, который былъ бы вполнѣ въ рукахъ у Здоховскаго. Такого именно жениха онъ и припасалъ ей въ лицѣ своего пріятели маіора... А Вельяминовъ совсѣмъ не чета маіору: Здоховскаго онъ ненавидитъ, а главное дѣло, хотя онъ самъ имѣетъ нѣкоторыя средства, но не откажется постоять и за состояніе жены... Въ этомъ-то отношеніи Вельяминовъ и былъ опасенъ Здоховскому, успѣвшему порастратить состояніе жены своей и ея дѣтей.

Текля Здоховская, урожденная Богушевичъ, имѣла въ лицѣ пана Цепріана уже третьяго мужа. Въ первомъ бракѣ она была за графомъ Гоноріемъ Тышкевичемъ, отъ котораго имѣла двухъ дѣтей—Фердинанда и Леобу. Умирая, графъ оставилъ Теклѣ «въ доживотное (пожизненное) распоряженіе» свое имѣніе въ Махновскомъ уѣздѣ, села Казятинъ, Кашперовку и др., всего около 600 душъ мужскаго пола. Вмѣстѣ съ движимостью имѣніе оцѣнивалось въ 500.000 золотыхъ. Это имѣніе, доставшееся графу Гонорію отъ его дяди «каштеляна» графа Тышкевича, послѣ смерти графини Текли должно было перейти къ дѣтямъ.

Спустя годъ послѣ смерти мужа, графиня вышла замужъ за «маіора бывшихъ польскихъ войскъ» Піотровскаго, которому «тотчасъ записала» изъ имѣнія дѣтей «40 тысячъ злотыхъ». Съ нимъ она прожила три года, прижила дочь, а затѣмъ развелась,

причемъ Піотровскій взялъ къ себѣ дочь и черезъ судъ потребоваъ, чтобы мать «записала» на нее 40 тысячъ злотыхъ.

Около двухъ лѣтъ Текля пробыла «разводкою», пока снова не увлеклась другимъ маіоромъ Цепріяномъ Здеховскимъ. Выйдя за него замужъ, Текля и ему «записала» также 40 тысячъ злотыхъ. Кромѣ этихъ «записей», она надѣлала и другихъ долговъ, конечно, подъ вліяніемъ Піотровскаго и Здеховскаго. Такъ, часть имѣнія была отдана «въ заставную посессію» за 90 тыс. злотыхъ, часть лѣса продана за 18 тыс. злотыхъ, взыскано и растрчено долговъ разныхъ лицъ покойному графу Гонорію Тышкевичу на 38 тысячъ злотыхъ и проч.

И Піотровскій и Здеховскій не имѣли своихъ средствъ и всецѣло жили на средства Текли и молодыхъ Тышкевичей. Все движимое имущество графа Гонорія — лошадиный заводъ, рогатый скотъ, пчелы, «столовые и кофейные серебряные приборы», «бриллиантовые запонки», перстни, часы, платье, экипажи и пр., и пр. — все это исчезло, будучи растрчено какъ Теклей при двухъ выходахъ ея въ замужество, при разводѣ и пр., такъ и ея послѣдними мужьями. Оба они выжимали послѣдніе соки изъ крестьянъ графскаго имѣнія и совершенно разорили ихъ, такъ что болѣе 100 крестьянъ разбѣжались «еще до ревизіи» и въ ревизскіе списки не попали, хотя жили въ окрестныхъ деревняхъ.

Пока мать вдовствовала, на дѣтей было обращено должное вниманіе, и воспитаніемъ ихъ занимались какъ слѣдуетъ. При Піотровскомъ положеніе ихъ ухудшилось, но всеже было сносно. Но при Здеховскомъ дѣти были совсѣмъ заброшены матерью, а вотчимъ явно преслѣдовалъ ихъ. Дѣти не получили того воспитанія, какое, какъ выражалась впоследствии графиня Леоба, приличествовало ихъ «фамиліи и знатнымъ достоинствамъ отца», бывшаго «посломъ отъ воеводства» на сеймахъ. Невниманіе къ дѣтямъ доходило до того, что часто они нуждались въ приличномъ платьѣ, въ достаточной пищѣ и т. п. Вообще жизнь Фердинанда и Леобы при Здеховскомъ такъ была невыносима, что однажды дѣти убѣжали изъ своего дома къ роднымъ... Ихъ, конечно, вернули, но они всегда стремились вырваться изъ рукъ вотчима и поселиться у дѣда «подстоля» графа Юрія Тышкевича, жившаго въ с. Каменѣ, Махновскаго уѣзда, или у дяди графа Гавріила Тышкевича, «засѣдателя» Брацлавскаго верхняго земскаго суда. Однако дѣтскимъ мечтамъ не суждено было сбыться: и дѣдъ и дядя не симпатизировали вдовѣ графа Гонорія, особенно послѣ ея замужества съ однимъ и другимъ маіорами. Нелюбовь ихъ къ Теклѣ неволью перешла и на дѣтей ея отъ графа Гонорія. Хотя отецъ и братъ послѣдняго знали объ угнетенномъ положеніи Фердинанда и Леобы, но руку помощи имъ не протягивали. Когда весною 1795 г. графъ Фердинандъ достигъ совершеннолѣтія, онъ уѣхалъ изъ Казятина, но не

къ дѣду или къ дядѣ, а къ другимъ болѣе далекимъ роднымъ, и оттуда затѣялъ борьбу съ матерью и вотчимомъ изъ-за отцовскаго наслѣдства.

Въ апрѣлѣ 1795 г. графъ Фердинандъ подалъ въ Кіевскій градскій судъ жалобу на расточеніе Здеховскими имѣній его и сестры Леобы. Молодой графъ прямо выражается, что «власть двоихъ мужей привела мать къ потерянiю цѣлаго имѣнія»... Жалуясь на то угнетеніе, какому подвергались онъ и сестра отъ Здеховскаго, графъ въ концѣ своего прошенія проговаривается (онъ зналъ о любви Леобы къ Вельяминову), что сестра его «тѣми самыми обстоятельствами склонна удалиться съ того дому».

Это прошеніе графа Фердинанда было первымъ ударомъ для Здеховскаго. Онъ понялъ, что пришло время расчета съ ненавистными ему Фердинандомъ и Леобою. Приходится воевать съ Фердинандомъ, а тутъ и Леоба поднимается на ноги, и при помощи Вельяминава готова также бороться съ вотчимомъ за свои имущественныя права. Здеховскій возненавидѣлъ Вельяминава и рѣшилъ во что бы то ни стало помѣшать его союзу съ Леобой. Но вышло не такъ, какъ мечталось Здеховскому.

IV.

Конечно, не мысли о борьбѣ съ Здеховскимъ изъ-за наслѣдства занимали графиню Леобу, когда она въ ночь съ 7 на 8 сентября 1795 г. въ тревогѣ поджидала Вельяминава. Ничего она не понимала въ имущественной борьбѣ брата съ вотчимомъ и не интересовалась ею, хотя братъ и старался просвѣтить ее въ этомъ отношеніи. Леоба видѣла только, какъ съ каждымъ годомъ ухудшается ихъ когда-то богатая обстановка, какъ падаетъ имѣніе, крестьяне бѣднѣютъ и разбѣгаются... Слышала она жалобы матери и вотчима на плохія времена, на ничтожные урожаи, на недостатокъ денегъ. Плохо вѣрила она ихъ рѣчамъ, такъ какъ видѣла, что средства уходятъ главнымъ образомъ на кутежи вотчима, приемы его гостей и на разныя затѣи. Но никогда ни мать, ни вотчимъ, не говорили съ нею о правахъ ея и брата на Казятинское имѣніе, и никогда при ней Здеховскіе не вооружались противъ брака съ Вельяминовымъ изъ-за матеріальныхъ расчетовъ. Они ловко скрывали истинные мотивы своей ненависти къ Вельяминову, а на видъ выставляли совсѣмъ другое—религіозныя побужденія.

Много тяжелыхъ рѣчей пришлось выслушать Леобѣ отъ матери и особенно отъ вотчима на тему о «схизматической вѣрѣ» Вельяминава, о грѣхѣ союза «доброй католички» съ «москалемъ-схизматикомъ»... Не разъ призывался даже для этой цѣли ближайшій ксендзъ, который послѣ длинныхъ бесѣдъ съ маіоромъ за стаканомъ «добраго венгржина» принимался говорить проповѣди своей

духовной дочери Леобѣ... Но или «добрый венгржинъ» мѣшалъ успѣху проповѣдей, или вообще ксендзъ былъ не изъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, только его рѣчи слабо воспринимались графинею... Поздно Здеховскіе спохватились взяться за это средство: въ свое время они не сумѣли сдѣлать изъ Леобы «добрый католички», а теперь уже трудно было этого достигнуть.

Леоба росла безъ всякаго вліянія матери, довольно религіозной женщины. Пяти лѣтъ она была сдана на руки православной нянѣ Горпынѣ, вдовѣ какого-то пришлаго крестьянина, и съ тѣхъ поръ и до описываемаго времени Леоба находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой простой, доброй женщины. Горпына, не имѣвшая собственныхъ дѣтей, сердечно привязалась къ своей питомицѣ и, не мудрствуя лукаво, вложила въ ея воспримчивое сердце тѣ добрыя начала, какими сама была полна... Чуждая религіознаго фанатизма, Горпына передала и Леобѣ это свойство. Много разъ, въ частыя отлучки изъ дому матери и вотчима, няня водила молодую графиню въ свою церковь св. Луки. Леоба сначала съ любопытствомъ, а впослѣдствіи, когда подросла, и со вниманіемъ прислушивалась и присматривалась въ маленькой убогой церкви къ простымъ и понятнымъ службамъ, совершаемымъ сѣденькимъ батюшкою для этого бѣднаго измученнаго «быдла», къ которому Леоба, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Горпыной, чувствовала больше симпатій, чѣмъ къ той «гонорной шляхтѣ», какая собиралась для кутежей у вотчима... И этихъ чистыхъ впечатлѣтнѣй дѣтства, прочно засѣвшихъ въ душѣ Леобы, не могли никогда поколебать ни грозныя, бранныя рѣчи вѣчнопьянаго вотчима, ни томные вздохи чуждой ея сердцу матери, ни разглагольствованія пана ксендза съ краснымъ носомъ и сладкой улыбкой... Добрый ангель хранитель Леобы, ея старая и вѣрная Горпына, самый близкій для нея въ семьѣ человекъ, всегда была подлѣ графини и своимъ простымъ, отъ сердца идущимъ, словомъ парировала всѣ хитро-сплетенныя рѣчи «добрыхъ католиковъ»... Еслибъ они знали о такомъ могучемъ вліяніи няни на графиню, давно бы Здеховскій прогналъ ее изъ дому...

Къ счастью Леобы, этого не случилось, и ея сердце охотно внимало рѣчамъ няни, доказывавшимъ, что любовь къ «милому схизматіку» Вельяминову не составляетъ ни малѣйшаго грѣха ни предъ Богомъ, ни предъ людьми и совѣстью... И теперь въ самую рѣшительную минуту, когда она съ часу на часъ ждала возвращенія Вельяминова, именно эти ободряющія рѣчи няни лились прямо въ сердце Леобы и поднимали ея духъ до готовности преодолѣть всѣ препятствія, какія бы ни встали на ея пути къ счастью...

Глубоко поразилъ Леобу и крѣпко засѣлъ въ ея головкѣ одинъ разговоръ Горпыны изъ давно минувшей старины... Давно собиралась няня передать Леобѣ то, что слышала отъ своего «старого ба-

тюшки», но что-то останавливало ее раньше, а теперь, въ эту роковую ночь, она не могла молчать...

То была грустная повѣсть о томъ, какъ много-много лѣтъ назадъ предки графини Леобы Тышкевичъ, принадлежавшіе тогда къ той же православной вѣрѣ, какой съ незапамятныхъ временъ держались и ихъ «подданные», крестьяне, какъ эти православные Тышкевичи вдругъ бросили вѣру своихъ отцовъ и дѣдовъ и ради мірскихъ благъ перешли въ «панскую вѣру»... Горпына не была увѣрена въ этомъ событіи: она передавала о немъ, какъ о преданіи, дошедшемъ «отъ старыхъ людей»... Но Леоба охотно повѣрила этому и дала обѣщаніе, если выйдетъ замужъ за Вельяминова, исправить этотъ грѣхъ своихъ предковъ—вернуться къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ...

V.

Было уже близко около полуночи. Горпына еще разъ обошла домъ и людскія хаты и убѣдилась, что все благополучно, всѣ крѣпко спятъ, и никто не слѣдитъ за нею и за графиней. Проходя садомъ, она увидѣла, какъ по дорогѣ, лежавшей за тыномъ сада, неслышно промелькнуло нѣсколько тѣней, затѣмъ еще и еще... Она стала прислушиваться, не будетъ ли обѣщаннаго сигнала. Но его нѣтъ! Очевидно, это былъ передовой отрядъ вернувшейся роты, который долженъ былъ пройти дальше и оградить панскую усадьбу отъ села, на тотъ случай, чтобы крестьяне не могли прибѣгать на помощь, если бы на усадьбѣ поднялась тревога. Правда, казятинскіе крестьяне ненавидѣли Здеховскаго и «панночкѣ», напротивъ, сочувствовали. Но и къ «москалямъ» не лежало у нихъ сердце изъ-за «проклятыхъ бабъ»... Кто знаетъ, чью сторону они возьмутъ?..

Вельяминовъ, простоявъ съ ротою нѣсколько часовъ въ казятинскомъ лѣсу, въ 10-ти верстахъ отъ села, послалъ впередъ офицера съ полуротою и велѣлъ ему занять всѣ выходы изъ села къ усадьбѣ. Вслѣдъ за этимъ авангардомъ двинулся обратно къ Казятину и самъ Вельяминовъ съ другимъ офицеромъ и остальной полуротою. Часть ея товарищъ Вельяминова разставилъ цѣпью вокругъ панской усадьбы, а съ остальными солдатами Вельяминовъ направился къ той части сада, куда выходили окна комнаты Леобы.

Всѣ солдаты были съ заряженными ружьями и получили отъ ротнаго командира приказъ стрѣлять, если поднимется тревога, въ дворовую челядь Здеховскаго и въ крестьянъ, когда они вздумаютъ придти на помощь пану. Вельяминовъ хорошо понималъ, какое незаконное дѣло онъ творитъ, пользуясь вооруженной силой для своихъ личныхъ цѣлей... Но онъ не видѣлъ другаго средства спасти Леобу изъ рукъ Здеховскаго и соединиться съ нею... Ради

нея онъ готовъ былъ идти на все—на потерю службы, карьеры... Правда, онъ надѣялся на сочувствіе командира полка, полковника Мосолова, которому, какъ и другимъ сослуживцамъ, извѣстенъ былъ романъ Вельяминова. Его все любили въ полку и прямо совѣтовали увезти графиню, но никто не намекнулъ ему на возможность воспользоваться для этого военной силой. Это былъ собственный планъ Вельяминова, крайне опасный лично для него и Леобы и очень щекотливый для чести полка... Если дѣло и обойдется безъ кровопролитія, всеже Здеховскій не будетъ молчать и обвинить Вельяминова въ вооруженномъ «наѣздѣ» на его усадьбу... Въ недавнемъ прошломъ края эти «наѣзды» такъ часто практиковались между дворянами и въ другихъ сословіяхъ (даже духовенство нерѣдко отличалось на этомъ пути!), что въ понятіяхъ общества «наѣзды» не считались дѣломъ позорнымъ, и къ участникамъ ихъ относились болѣе чѣмъ снисходительно... Но мѣстный законъ не гладилъ по головкѣ рыцарей наѣздовъ...

Все это зналъ Вельяминовъ, но ничего лучшаго придумать не могъ... Онъ посвятилъ въ свой планъ ближайшихъ друзей-офицеровъ, и тѣ охотно взялись помогать ему. Какъ мы знаемъ, оба субалтернъ-офицера его роты приняли прямое участіе въ наѣздѣ, шли съ ротою. Два офицера верхами конвоировали экипажъ Вельяминова, въ которомъ должна была ѣхать Леоба. Остальные друзья поджидали влюбленныхъ въ Махновкѣ, гдѣ рано утромъ 8-го сентября должно было произойти вѣнчаніе.

Пока проходили передовые отряды солдатъ и занимали посты противъ села и вокругъ усадьбы, старая Горпына поджидала въ саду сигнала, троекратнаго свиста, по которому Леоба должна была выйдти изъ покоевъ въ садъ. Но Леоба не могла высидѣть этихъ послѣднихъ тревожныхъ минутъ въ комнатѣ и сама выскочила къ нянѣ... Та было пробовала отослать ее обратно въ комнаты: вдругъ кто проснется въ домѣ и хватится Леобы?!.. Но Леоба упорно стояла на своемъ, что теперь, когда солдаты окружають усадьбу, она чувствуетъ себя въ безопасности только подлѣ нихъ.

И она потащила Горпыну къ той старой грушѣ у тына, выходящаго на проѣзжую дорогу, гдѣ должна была произойти встрѣча съ Вельяминовымъ. Не было еще 12 часовъ, когда послѣдній появился здѣсь съ десяткомъ солдатъ. Не подавая сигнала, онъ перескочилъ черезъ тынъ въ садъ и неожиданно встрѣтилъ Леобу съ няней. Перекинувшись съ ними нѣсколькими словами, Вельяминовъ хотя и убѣдился, что погони нельзя, по крайней мѣрѣ, сейчасъ ожидать, но всеже не сталъ медлить и поскорѣе перенесъ Леобу черезъ тынъ и помогъ туда же перебраться нянѣ. Здѣсь онъ отдалъ послѣднія распоряженія товарищу, а затѣмъ понесъ свою дорожную ношу къ опушкѣ лѣса, гдѣ поджидалъ экипажъ и два офицера верхами. Няня едва поспѣвала за ними. Влюблен-

ные брали ее съ собою, зная, что первый и страшный гнѣвъ Здеховскаго обрушится на старую Горпыну.

Черезъ нѣсколько минутъ тройка унесла влюбленныхъ по дорогѣ въ Махновку.

На усадьбѣ все было тихо и спокойно. Сладко спавшему Здеховскому и во снѣ не грезилось, какъ зло подсмѣялся надъ нимъ Вельяминовъ.

Рота, исполняя приказъ Вельяминова, простояла вокругъ усадьбы до разсвѣта, такъ какъ можно было ожидать, что тамъ подымется тревога послучаюисчезновенія графини, и Здеховскій устроить погоню за влюбленными. Къ счастью, этого не случилось. На разсвѣтѣ, когда стало просыпаться село, рота собралась и вернулась въ село на радость казятинскихъ бабъ... Никто ни изъ крестьянъ, ни изъ дворовыхъ людей не замѣтили ночныхъ передвиженій роты около панской усадьбы, и все осталось бы въ тайнѣ, если бы не любопытность бабъ, выпытавшихъ всю правду у своихъ «кавалеровъ».

Было уже позднее утро, когда вѣсть о «наѣздѣ» Вельяминова достигла панскихъ покоевъ и всѣхъ подняла на ноги. Здеховскій металъ громаы и молніи, но помочь дѣлу не могъ. Однако, онъ немедленно выѣхалъ въ Махновку, въ надеждѣ, что бракъ еще не состоялся, и что онъ сумѣетъ помѣшать ему.

Но онъ опоздалъ: Степанъ Михайловичъ Вельяминовъ обвѣнчался съ графиней Леобой-Агнешкой Тышкевичъ еще раннимъ утромъ 8-го сентября 1795 года.

VI.

Здеховскій сталъ дѣйствовать другими путями. Прежде всего онъ подалъ жалобу командиру Новгородскаго мушкатерскаго полка полковнику Сергѣю Мосолову, обвиняя поручика Вельяминова «въ наѣздѣ на домъ» и «въ насильномъ взятіи» и «увезеніи» падчерицы Леобы. Такую же жалобу принесъ онъ и Брацлавскому губернатору Берхману. Мосоловъ командировалъ для производства слѣдствія маіора своего полка Густава Бистрома. Маіоръ отправился въ Казятинъ только 18-го сентября, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ губернатора поручикомъ Савутомъ Цубинскимъ.

Бистромъ и Цубинскій сняли показанія съ дворовыхъ людей Здеховскихъ, съ «войта» села и со всей «громады». И дворовые, и крестьяне единогласно показали, что во время исчезновенія «барышни» Леобы «всѣ во дворѣ спали, ибо то случилось въ самую глухую полночь». Не только никто не видѣлъ около усадьбы солдатъ, «но сама та барышня когда изъ покоевъ вышла, никто не слышалъ», и лишь на другой день всѣ «схватились» о пропажѣ «барышни».

Товарищей и солдатъ роты Вельяминова Бистромъ благоразумно не допрашивалъ, и такимъ образомъ слѣдствіе совершенно устранило прискорбный для чести полка фактъ «наѣзда» военной силы на усадьбу частнаго человѣка и содѣйствія той же силы благополучному окончанію романа частныхъ лицъ.

Въ Махновкѣ Бистромъ допросилъ молодую Любовь Вельяминову: она сдѣлала короткое заявленіе, что «по согласію ея сіе (то-есть увозъ изъ дому) учинено было, и сама она вышла на до-рогу» къ Вельяминову.

Впослѣдствіи, въ 1797 году, въ разгаръ процесса Вельяминовыхъ съ Здеховскими, полковникъ Мосоловъ далъ Вельяминову официальное «письмо», въ которомъ свидѣтельствовалъ, что слѣдствіе Бистрома показало невинность Вельяминова «въ наѣздѣ» на домъ Здеховскихъ «якобы» съ ротою вооруженныхъ солдатъ, въ похищеніи падчерицы и проч. Такое же «свидѣтельство» выдалъ тогда Вельяминову и маіоръ Бистромъ.

Потерпѣвъ неудачу у ближайшаго начальства Вельяминова, Здеховскій началъ «хождение по судамъ», длившееся болѣе 3 лѣтъ. Отъ имени своей жены Текли, матери Леобы, Здеховскій подалъ жалобу въ Махновскій земскій повѣтовый судъ, обвиняя Вельяминова въ насильномъ увозѣ Леобы, а послѣднюю въ самовольномъ выходѣ замужъ, безъ согласія матери. По словамъ матери, Леоба «бѣжала» изъ дома ночью. Въ разныхъ мѣстахъ с. Казятина Вельяминовъ разставилъ солдатъ своей роты, съ заряженными ружьями, а самъ съ остальными подѣхалъ къ дому, вывелъ дочь и увезъ ее, приказывая солдатамъ стрѣлять въ погоню, если она будетъ.

Подавъ повѣтовому суду «особливой акторатъ о наѣздѣ» Вельяминова, Здеховская заявляла, что вслѣдствіе самовольнаго выхода замужъ Леоба «должна лишиться приданого», согласно статьѣ Литовскаго статута (глава 5, артикуль 8): «гдѣ бы какая дѣвка мимо воли отца и матери вышла замужъ, таковая имѣетъ лишиться приданого и имѣній отца и матери»... По поводу же «наѣзда» Здеховская приводила главу 11, артикула 52, Литовскаго статута: «ежели кто кому гвалтъ и наѣздъ учинить, а сей 3 года не будетъ искать, вѣчно молчать долженъ»...

Въ своемъ «отзывѣ» суду Вельяминовъ требовалъ, чтобы Здеховская представила «доказательства» существованія наѣзда, въ противномъ случаѣ просилъ «штрафовать» ее за клевету. Въ то же время отъ имени жены (по «вѣрющему письму» отъ нея, подписанному Леобой попольски) онъ подалъ въ Брацлавское губернское правленіе просьбу о возвращеніи принадлежащаго ей, вмѣстѣ съ братомъ графомъ Фердинандомъ Тышкевичемъ, отцовскаго имѣнія недвижимаго (села Казятинъ, Капшеровка и др.) и движимаго, всего на 500 тысячъ złotych, большая часть котораго уже растратена вотчимомъ.

По предписанію уѣзднаго суда (предшественника повѣтоваго суда) нижній земскій судъ вмѣстѣ съ дворянскою опекою должны были произвести опись наслѣдства Тышкевичей, чего «не допуская» Здеховскій, оказавшій суду «грубости и непослушаніе». Но въ концѣ концовъ суду удалось списать (черезъ капитанъ-исправника) наслѣдство, «но только по однимъ словамъ» Здеховскаго, то-есть только то и внесено въ опись, что онъ показаль, а трисвидѣтеля-крестьянина боялись при немъ говорить правду, Вельяминовыхъ же и постороннихъ свидѣтелей при описи не было.

Здеховская протестовала противъ этихъ дѣйствій дочери ввеніемъ (въ іюнѣ 1797 г.) въ «земскія книги повѣта Махновскаго» акта «объ отреченіи отъ дочери» и о лишеніи ея правъ на наслѣдство за ея своевольный выходъ замужъ, за то, что Леоба «преступила природные (?) и гражданскіе законы, пренебрегла матернюю привязанность и любовь, воспитанію ея приличныхъ (?), равномѣрно и имени фамиліи ея»... Мать объявляла своимъ актомъ, что она дочь свою, «яко пренебрегающую правъ сего края, въ малую цѣну поставляющую врожденную любовь и привязанность, навсегда отвергаетъ изъ сердца и привязанности материнскихъ, равномѣрно навсегда отъ оной отрывается», а также «отрѣшаетъ и отдаляетъ» какъ ее, такъ и Вельяминова «отъ участванія или удѣленія отцовскаго и материнскаго имѣнія», какъ имѣющагося теперь, такъ и всѣхъ будущихъ пріобрѣтеній.

Вельяминовъ велъ процессъ жены и свой «персонально», проживая въ это время въ Махновкѣ. Неизвѣстно, переведенъ ли онъ былъ въ другую роту, или его роту перевели въ Махновку, во всякомъ случаѣ ему съ женою немислимо было оставаться въ Казятинѣ.

Со стороны Здеховскихъ процессъ велъ ихъ «уполномоченный» Михаилъ Селецкій, который однажды въ повѣтовомъ судѣ сказалъ Вельяминову: «ты за свой злой поступокъ тратишь (sic) будешь жизни, или служить будешь солдатомъ, а полковникъ твой (то-есть С. Мосоловъ) будетъ выгнанъ изъ службы... Вѣдь вамъ вольно было за императрицу красть и грабить, а теперь де императоръ!»...

Конечно, пророчество Селецкаго не сбылось... Вельяминовъ продолжалъ службу въ своемъ Новгородскомъ мушкатерскомъ полку, но въ 1798 г. мы встрѣчаемъ его уже «отставнымъ капитаномъ російскихъ войскъ». Добровольно ли онъ вышелъ въ отставку, или этой отставки потребовало его военное начальство, чтобы замѣять дѣло о «наѣздѣ» на усадьбу Здеховскихъ, — изъ дѣла не видно.

Но еще раньше этой отставки, въ 1797 году, Вельяминовъ подалъ прошеніе въ 1-й департаментъ Кіевскаго главнаго суда уголовныхъ дѣлъ, съ жалобою на Махновскій повѣтовый судъ (замѣнившій

уѣздный судъ), который приостановилъ рѣшеніе дѣла о наслѣдствѣ, пока Вельяминовъ не оправдается во введенномъ на него Здеховскими обвиненіи въ наѣздъ, то-есть вопреки прямому постановленію Литовскаго статута «соединилъ двѣ sprawy въ одинъ актъ», съ цѣлью сдѣлать угодное Здеховскимъ и «къ угнетенію въ моей бѣдности».

Было ли это напоминаніе о «бѣдности» со стороны Вельяминова только «краснымъ словомъ», или оно существовало въ дѣйствительности, неизвѣстно. Но и въ концѣ этого прошенія онъ снова повторяетъ, что судебныя проволочки довели его «съ семействомъ» до такой крайности, что они стали нуждаться «въ дневномъ пропитаніи»...

Оправдываясь передъ Кіевскимъ главнымъ судомъ противъ обвиненія въ наѣздѣ, Вельяминовъ ссылается на то, что въ 1797 г. полковникъ Мосоловъ выдалъ ему «свидѣтельство въ невинномъ моемъ чрезъ Здеховскихъ поношеніи»... Несправедливое отношеніе къ себѣ повѣтоваго суда онъ объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, что «подсудокъ» того суда Александръ Березовскій «имѣетъ въ закладѣ у себя» часть оспариваемаго наслѣдства, именно село Кашперовку, заложенное ему матерью Леобы за 120 тысячъ злотыхъ.

Оправдывая уходъ своей жены изъ дому Здеховскихъ, Вельяминовъ ссылается также и на то, что братъ Леобы, графъ Фердинандъ Тышкевичъ, вполне оправдывалъ побѣгъ сестры, такъ какъ самъ на себѣ испыталъ, на сколько невыносима была жизнь въ домѣ вотчима... Братъ съ своей стороны хлопоталъ какъ за себя, такъ и за сестру, добиваясь «уничтоженія доживннаго своей матери владѣнія», въ виду явной расточительности ея и вотчима. Онъ опровергалъ право матери лишать дочь отцовскаго наслѣдія.

Съ своей стороны и Любовь Вельяминова продолжала усиленно хлопотать о восстановленіи своихъ правъ на наслѣдство отца и дѣда. Еще осенью 1796 г. она подала чрезъ Брацлавское намѣстническое правленіе прошеніе на имя императрицы Екатерины II, въ которомъ говоритъ, что жила при матери до 15 лѣтъ, но, не видя отъ нея никакого о себѣ попеченія, «рѣшилась предаться разсужденіямъ и собственнымъ своимъ мыслямъ»... Скрывая «собственное желаніе» отъ матери и вотчима, «во избѣжаніе препятствій» съ ихъ стороны, она вышла замужъ за Вельяминова, чѣмъ «не причинила ни малѣйшаго порока дому отца моего и матери» и не нанесла ей и вотчиму «ни малѣйшаго убытку»: «при выходѣ изъ дому (она) не взяла даже собственнаго нужнаго одѣянія»...

Предъявляя свои права на имѣнія отца, сильно разстроенныя матерью и двумя вотчимами, особенно Здеховскимъ, Леоба напоминаетъ, что отецъ ея графъ Гонорій Тышкевичъ умеръ, не получивъ своей части изъ имѣній дѣда Леобы, «подстоія» графа Юрія Тышкевича, живущаго въ с. Каменѣ Махновскаго уѣзда. Дѣдъ не

принималъ никакого участія въ воспитаніи внука и внучки, ничего никогда не давалъ имъ изъ своихъ средствъ и не отдѣлилъ имъ, какъ дѣтямъ своего старшаго сына, принадлежащей имъ части имѣнія. Между тѣмъ, меньшему своему сыну, графу Гавріилу Тышкевичу, «засѣдателю» Брацлавскаго верхняго земскаго суда, дѣдъ далъ часть имѣнія и часть движимаго имущества. Повидимому, графъ Юрій хочетъ совсѣмъ устранить Леобу и Фердинанда отъ наслѣдства послѣ своей смерти... Къ тому же стремится и дядя графъ Гавріиль...

Леоба проситъ императрицу о выдѣлѣ части изъ дѣдовскихъ имѣній, принадлежащей ей, какъ наслѣдницѣ отца, не получившаго отъ дѣда своей доли. Проситъ она о такомъ же выдѣлѣ части и изъ имѣній отца, расточаемыхъ матерью.

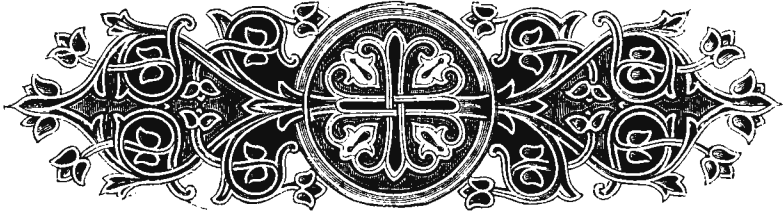
Кіевскій главный судъ, свободный отъ мѣстныхъ вліяній, подъ какими дѣйствовалъ Махновскій повѣтовый судъ, рѣшительно сталъ на сторону Вельяминовыхъ. Онъ предписалъ повѣтовому суду отдѣлить дѣло о наѣздѣ отъ дѣла «о разореніи» наслѣдства Тышкевичей Здеховскими и прислать все производство въ главный судъ.

Благодаря такому вмѣшательству высшей судебной инстанціи края, повѣтовый судъ въ 1798 г. призналъ права Любови Вельяминовой на отцовское наслѣдство и объявилъ незаконными домогательства Здеховской лишить дочь этихъ правъ.

Пересмотрѣвъ все производство повѣтоваго суда, Кіевскій главный судъ, въ сентябрѣ 1798 г., предписалъ первому «уничтожить» поднятое Здеховскими дѣло о «наѣздѣ» Вельяминова, такъ какъ главный судъ «не находитъ (здѣсь) никакого уголовного преступленія»... Мотивы такого постановленія главнаго суда были слѣдующіе: 1) Здеховскіе не доказали, чтобы при увозѣ Вельяминовымъ дочери была какая «драка», «гвалтъ» и т. п. 2) Слѣдствіе майора Бистрома подтвердило, что при уходѣ Леобы не было ни шума, ни драки... Произошло только то, что дочь «вышла изъ дому тайно» и «добровольно»... 3) Сама же Леоба объяснила, что ушла изъ дому вслѣдствіе «притѣсненій» вотчина и «обидъ» матери...

Этимъ приговоромъ и окончилось дѣло о «наѣздѣ» Вельяминова... Но имущественная борьба Вельяминовыхъ съ Здеховскими продолжалась еще долго, и чѣмъ она закончилась, мнѣ неизвѣстно, но нужно полагать, что исходъ ея былъ въ пользу Вельяминовыхъ.

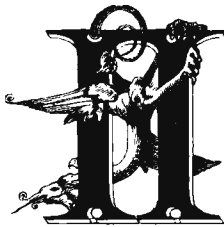
Н. Оглоблинъ.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ ¹⁾.

XIV.

Газовый заводъ.—Домъ гр. Разумовскаго и храмъ Вознесенія.—Ручей Кокуй.—Демидовская гора и Домъ Трудолюбія.—Граница иностранной колоніи въ до-Петровской Москвѣ.—Нѣмецкая кирка и школа при ней.—О старой киркѣ и находкѣ въ ея стѣнахъ.

НОЗАДИ Демидовской усадьбы, наискось отъ забора, отдѣляющаго садъ Межевой школы отъ пустынной Гороховской улицы, слишкомъ четверть вѣка тому назадъ широко и просторно раскинулись зданія газоваго завода, освѣщающаго всю ту Москву, которая заключена въ поясъ Садовой, т. е. Земляного вала. Англійская компанія, мечтавшая собирать большіе барыши съ москвичей, затѣвала заводъ на самую широкую ногу, для чего и приобрѣла отъ разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ, кажется, и отъ Воспитательнаго дома, владѣющаго бывшими домомъ и усадьбою графа Разумовскаго, обширный участокъ земли въ нѣсколько десятинъ. На постройку заводскихъ зданій, помнится, московскіе кирпичные заводчики поставили 5 милліоновъ кирпича, да и того, если не ошибаемся, не хватило, такъ что пришлось дѣлать дополнительный заказъ. Канализація произведена была съ неслыханною въ Москвѣ быстротою, какъ будто предприниматели оплакивали каждый день, отдѣлявшій ихъ отъ загребанія обильныхъ барышей;

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LII, стр. 389.

кстати сказать, они оказали, независимо отъ прямой своей цѣли, и косвенную, но весьма существенную пользу и городу, и домовладѣльцамъ: то и дѣло встрѣчаясь, при укладкѣ газопроводныхъ трубъ, то съ болотистыми топкими мѣстами, то съ подземными ключами и потоками, инженеры газоваго общества поневолѣ первыя осушали, вторые отводили въ сторону, и благодаря этому многія московскія улицы, въ томъ числѣ, на примѣръ, и знаменитая Черногрязка, послѣ прокладки газовыхъ трубъ, сдѣлались много опрятнѣе и суше, и если не вовсе, то въ значительной степени избавились отъ той ужасающей грязи, въ какой до того времени прозябали большую часть года. Расчеты компаніи, какъ извѣстно, не оправдались: она обанкрутилась, передала дѣло въ другія руки, и теперешніе контрагенты по освѣщенію Москвы тоже еле-еле сводятъ концы съ концами.

Газовый заводъ примыкаетъ, какъ мы сказали выше, къ обширнымъ владѣніямъ бывшимъ графа А. К. Разумовскаго, нынѣ Воспитательнаго дома, и отсюда начинается громадный уголь старинныхъ барскихъ усадебъ, одна сторона котораго кончается у такъ называемаго Райка, нѣкогда казеннаго кабака, а нынѣ престопаднаго трактира на углу Вознесенской и Нѣмецкой улицъ, а другая отъ этого пункта простирается вправо, пересѣкая Язуу, до ручейка, носящаго названіе Золотой Рожокъ и текущаго въ довольно глубокомъ оврагѣ въ Язуу близъ Андроньева монастыря.

Сторона отъ газоваго завода до Райка въ старину заключала въ себѣ лишь два владѣнія — Разумовскаго и П. Н. Демидова, которыя отдѣлялись другъ отъ друга знаменитымъ ручьемъ Кокуемъ, протекающимъ по лощинѣ Гороховаго поля въ Язуу и носящимъ теперь имя Чечоры.

По сторонѣ отъ Райка до Андроньева монастыря шли усадьбы Салтыкова, князя Рѣпина и графини Строгановой. Всѣ онѣ отличались обширностью своихъ размѣровъ, необычайнымъ среди столичнаго города истинно сельскимъ привольемъ жизни, огромными садами, похожими на рощи, и рощами, отдѣланными на подобіе садовъ, съ прудами, бесѣдками, ручейками, полянами, оврагами, безконечными аллеями.

О владѣніяхъ графа Разумовскаго извѣстно, что они даже въ то время безграничной барской роскоши поражали всѣхъ своею обширностью и великолѣпіемъ: и дѣйствительно, раскинутыя по всему пространству древняго Гороховаго поля, они простирались на нѣсколько верстъ въ окружности и заключали въ своихъ предѣлахъ на протяженіи болѣе версты Язуу, черезъ которую для ихъ соединенія были перекинуты мосты и устроены пристани съ лодками. Весь садъ графа Разумовскаго въ то время былъ протяженіемъ въ одну сторону болѣе 1½ версты и въ другую безъ

малаго въ версту. Убранство и отдѣлка сада не оставляли желать ничего лучшаго, и для его украшенія во всякое время готовы были оранжерейныя рѣдкости знаменитаго Горенковского сада, принадлежавшаго тому же владѣльцу и расположеннаго въ 18-ти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Горенкахъ, на Владиміркѣ. Всевозможнаго рода декораціями садъ изобиловалъ, и живописныя прудики и озерки чередовались въ немъ съ игривыми ручейками, протекавшими по свѣтлымъ полянамъ, а облитыя палящимъ солнцемъ луговины смѣнялись такими густолиственными аллеями, въ которыя никогда не проникалъ солнечный лучъ и гдѣ царили гайственное безмолвіе и освѣжающая прохлада. Самый дворецъ графа Разумовскаго пользуется извѣстностью сколько по роскоши внутренней отдѣлки, теперь уже исчезнувшей, столько же и потому, что онъ построенъ не изъ камня, а изъ дерева. Ему именно ставятъ въ особую заслугу то, что, будучи деревяннымъ, онъ до сихъ поръ крѣпче иного каменнаго, и на него указываютъ, какъ на единственный образчикъ такого рода грандіозныхъ построекъ изъ дерева. Не отрицая его монументальной прочности, не можемъ, однако, не сказать, что подобныхъ ему деревянныхъ домовъ въ тогдашней Москвѣ было не мало, да и подъ Москвой тоже: вотъ, напримѣръ, домъ бывшій графовъ Перовскихъ, родственниковъ графа Разумовскаго, на Новой Басманной, рядомъ съ частнымъ домомъ, немного моложе дома Разумовскаго, а тоже деревянный, и стоитъ доселѣ также прочно, какъ и его первообразъ. Кусковскій и Останкинскій дома, если не ошибаемся, даже старше Разумовскаго, а стоятъ не менѣе прочно, чѣмъ онъ, хотя и выстроены на изменной, болотистой почвѣ, тогда какъ Гороховое поле имѣетъ почву песчаную и сухую.

Вознесенская церковь съ своею оградой прилѣпилась къ саду Разумовскаго и составляла нѣкогда его усадебный храмъ, имъ и выстроенный, и усадьбы церковниковъ до сихъ поръ примыкаютъ къ каймѣ Разумовскаго сада, и садикъ при домѣ дьякона отдѣляется отъ сада при домѣ Разумовскаго лишь деревяннымъ заборомъ, а сады священника и одного изъ причетниковъ такъ прямо и глядятъ въ чащу Разумовскаго сада съ возвышенности, на которой они расположены.

Вознесенская церковь давно уже стала приходскою, и приходъ я считается однимъ изъ хорошихъ для духовенства какъ по размерамъ своимъ, такъ и по зажиточности прихожанъ, ибо ближайшія двѣ церкви, Никиты Мученика и Богоявленія въ Елоховѣ, стоятъ отъ нея на значительномъ разстояніи, первая болѣе $\frac{1}{2}$ версты, а вторая даже болѣе версты, что въ Москвѣ встрѣчается не часто.

Вблизи, за оградой церкви, протекаетъ поперекъ улицы, прикрытая дыривою мостовой, буйная Чечора, во времена до-Петров-

скія носившая имя Кокуя. Рѣченка эта, истекающая изъ болотистой мѣстности между Пятницкимъ кладбищемъ и Сокольничью роцей, вблизи Крестовской заставы, издревле славилась своимъ полноводіемъ, и еще на нашей памяти старожилы припоминали, какъ они ловили въ ней для домашняго обихода разную рыбу мелкихъ сортовъ. Что она была обильна водой, это доказывается и тѣмъ, что громадный Красный прудъ, до постройки желѣзнодорожныхъ вокзаловъ блиставшій своею зеркальною чистотой, изобиловавшій рыбой и походившій на порядочное озеро, по которому плавали постоянно огромныя стаи дикихъ утокъ, запруженъ изъ Чечоры. Стекая изъ пруда въ подземную трубу, пересѣкающую Красносельское шоссе, Чечора сквозь нѣсколько частныхъ владѣній, пользующихся также ея водою для прудовъ въ своихъ садахъ, выходитъ на Ольховскую улицу, а дальше, напоивъ своею водою еще нѣсколько прудовъ, подходитъ къ Елоховскимъ банямъ, которыя также существуютъ ея водою, пробирается подъ домомъ Карзинкина, пропитывая его стѣны неистребимой сыростью, а его обитателей ревматизмами и лихорадками; затѣмъ протекаетъ черезъ Елоховскую Покровку въ садъ 2-й гимназіи, бывшій графа Мусина-Пушкина, чрезъ Аптекарскій переулокъ, къ Денисовскимъ банямъ, недавно только уничтоженнымъ, стоявшимъ на землѣ, принадлежавшей нѣкогда Д. И. Фонвизину; эти бани точно также торговали ея водою. За Денисовской усадьбой она проходитъ чрезъ владѣнія нѣмца-котельника Даннтоуэра, недавно еще принадлежавшія генералу Семену Николаевичу Волкову, одному изъ интендантскихъ дѣятелей севастопольской эпохи, и выходитъ на Вознесенскую улицу. Отсюда она снимаетъ съ себя каменную покрывку и течетъ среди зелени, на полной свободѣ, до Яузы, въ которую и впадаетъ, составляя границу между бывшими владѣніями графа Разумовскаго и П. Н. Демидова, что нынѣ малолѣтняго отдѣленія Воспитательнаго дома и Елисаветинскаго института, который раньше былъ извѣстенъ подъ вычурнымъ названіемъ «Домъ трудолюбія».

Нечего и говорить, что «Домомъ трудолюбія» сталъ онъ по переходѣ отъ Демидовыхъ въ казну для употребленія на педагогическія цѣли; при нихъ же, какъ и Разумовскій домъ, былъ пріютомъ разнузданной роскоши, утонченной нѣги и тѣхъ удовольствій, на которыя такъ способно и падко было наше полуобразованное и мало воспитанное барство XVIII вѣка. Можно съ достовѣрностью предполагать, что во время своего блеска и славы домъ этотъ имѣлъ, такъ сказать, командующее значеніе надъ всею окружающею мѣстностью: такъ, самая гора, на гребнѣ которой онъ построенъ, носитъ доселѣ названіе Демидовской, равно какъ и переулокъ, параллельный Нѣмецкой улицѣ и идущій отъ его воротъ на соединеніе съ Аптекарскимъ, точно также именуется Демидовскимъ.

Не лишено интереса и то обстоятельство, что домъ этотъ построень на самой границѣ «православной Москвы» съ ея «поганымъ» приселкомъ и на территоріи, уже считавшейся поганою, ибо нынѣшняя Чечора, тогдашній Кокуй, и отдѣляла «чистую», «православную» территорію столицы отъ «поганаго», «басурманскаго», ея пригорода. Когда московскіе правители увидали, что и имъ трудно обходиться безъ заморскихъ и вообще иноземныхъ и иновѣрныхъ искусниковъ, да и этихъ послѣднихъ съ каждымъ царствованіемъ все больше и больше тянетъ къ Московіи, то они, быть можетъ, въ бессознательныхъ цѣляхъ подготовленія Петровской реформы, и сами ихъ изрѣдка зазывали и добровольно приходящихъ привѣчали, но, по высшимъ соображеніямъ государственной мудрости и религіозной ревности къ православію, отнюдь не допускали имъ распускаться въ средѣ московскаго населенія на подобіе того, какъ капля вина распускается въ сосудѣ съ водой, окрашивая всю ее въ свой цвѣтъ и сообщая ей въ той или другой мѣрѣ свой вкусъ и запахъ.

Чтобы они не отравляли незамѣтно ядомъ и горечью своего иновѣрія и своихъ на немъ основанныхъ нравовъ и обычаевъ всю массу московскаго населенія, а давали ему лишь аромать своихъ научныхъ знаній и практическихъ свѣдѣній, имъ отведено было для постоянного жительства одно изъ отдаленныхъ въ то время отъ Москвы урочищъ, слишкомъ въ двухъ верстахъ отъ Покровскихъ воротъ Бѣлаго города, въ пустынной мѣстности, прилегавшей къ землѣ села Елохова. А такъ какъ въ тѣ времена къ намъ, какъ и послѣ, да какъ и теперь, лѣзло всего больше нѣмцевъ, почему и народъ привыкъ называть нѣмцемъ всякаго иностранца, то и поселокъ, основанный ими, съ теченіемъ времени получилъ названіе Нѣмецкой слободы, и рынокъ, возникшій для надобностей этой слободы на границѣ села Покровскаго-Рубцова, прозвался Нѣмецкимъ, сохранивъ это имя доселѣ. А чтобы при расселеніи въ предѣлахъ этого урочища иноземцамъ не представлялось никакихъ затрудненій, и между ними и подлежащею властью не возникало никакихъ недоразумѣній относительно права селиться въ томъ или другомъ мѣстѣ, было установлено общее основное правило, что отъ границъ села Елохова и села Покровскаго къ створѣ города нѣмцы могутъ селиться только до ручья Кокуя, теченіе котораго и составило границу чужестранной колоніи отъ остальной Москвы. И какъ только это правило стало осуществляться на практикѣ, такъ народъ и далъ слободамъ, возникавшимъ, если смотрѣть отъ города, за этимъ ручьемъ, общее ироническое прозвище Кокуевской слободы, Кокуевки, соединяя съ этимъ наименованіемъ смыслъ ничуть не почтенный, а, напротивъ, весьма обидный, просто поганой слободы. Мало того, и безвинный ручей за то только, что по другую сторону его завелась поганая

слободка, сталъ именоваться въ народѣ безразлично—то Кокуемъ то Поганымъ, пока не былъ переименованъ въ Чечору, на подобіе того, какъ и прудъ, прежде слывшій, по другимъ совершенно причинамъ, за Поганый, былъ переименованъ въ Чистый.

Такое раздѣленіе православныхъ отъ иновѣрныхъ въ до-Петровской Москвѣ, помимо политическаго и нравственнаго, имѣло еще и большое практическое значеніе: о свободѣ передвиженія въ тѣ времена не было еще и рѣчи, и иноземцы, отмежеванные съ одной стороны отъ города роковымъ ручьемъ, съ другой стороны отъ людныхъ подмосковныхъ селъ, Елохова и Рубцова, нерасположеніемъ къ нимъ большинства народной массы, сидѣли въ своей за-Кокуевской слободѣ, какъ бы въ плѣну, отрѣзанные отъ тѣснаго общенія съ остальнымъ московскимъ міромъ, и лишь художники и мастера изъ нихъ, для цѣлей своего художества и ремесла, имѣли свободный доступъ и въ городъ, и въ его окрестныя селенія. Только Петръ широко растворилъ ворота для Нѣмецкой слободы въ Москву и для Москвы въ Нѣмецкую слободу, и нельзя сказать, чтобъ эта свобода общенія иноземцевъ съ москвичами, установившаяся притомъ столь внезапно, послужила къ нравственному благу послѣднихъ, ибо нравственный характеръ и вліяніе Нѣмецкой слободы на Петровскую Москву достаточно извѣстны, и не съ весьма благоприятной стороны.

Владѣнія Демидова составляли уголь, стороны котораго тянулись: одна отъ Кокуя до Райка, другая—вправо отъ послѣдняго, до Яузы, по улицѣ, составляющей продолженіе Нѣмецкой и доселѣ носящей имя Салтыковской. Впослѣдствіи обширныя полосы земли, прилегавшей къ улицамъ, были распроданы въ разныя руки, и къ каймѣ Демидовскаго сада прилѣпилось съ десятокъ обывательскихъ усадебъ, въ томъ числѣ одна тоже довольно большая, нынѣ составляющая собственность Невскаго стеариноваго завода, который вотъ уже полвѣка отравляетъ обоняніе окрестныхъ жителей удушливымъ, смраднымъ зловоніемъ, распространяющимся на ближайшія мѣстности въ тѣ дни и часы, когда на заводѣ производится очистка сала и другихъ пахучихъ и воючихъ предметовъ для извлеченія изъ нихъ потребнаго къ выдѣлкѣ свѣчей матеріала.

Противъ воротъ Демидовскаго дома возвышается зданіе новой лютеранской церкви св. Михаила, замѣнившей собою такъ называемую Старую Кирку, находившуюся въ Кирочномъ переулкѣ, между Нѣмецкою слободой и Коровымъ бродомъ, то-есть улицей, идущей отъ зданія Лефортовской части мимо Лефортовскаго и Слободскаго дворцовъ, и тутъ же упирающейся въ линію обывательскихъ домовъ. Старая Кирка, уже послѣ ея обращенія въ частную собственность, подарила любителей московской старины сколько неожиданнымъ, столько же и пріятнымъ сюрпризомъ: при разломкѣ одной изъ стѣнъ стариннаго зданія, принадлежащаго ей, былъ най-

день склепъ съ гробницами сподвижниковъ Петра: Гордона, Лефорта (какъ полагають) и еще двухъ, неизвѣстныхъ по именамъ. Прахъ ихъ былъ торжественно перенесенъ на нѣмецкое кладбище, гдѣ и преданъ землѣ.

Новая Кирка обладаетъ замѣчательнымъ церковнымъ органомъ, стоимость котораго опредѣляютъ въ 40 тысячъ рублей, и прекрасно устроеннымъ училищемъ, которое привлекаетъ въ свои стѣны не мало и русскихъ учениковъ, благодаря солидности и основательности преподаваемого имъ воспитанія и образованія, и въ этомъ отношеніи не уступаетъ Маросѣйской Петропавловской школѣ, о которой мы раньше упоминали.

XV.

Салтыковскіе мость, улица и гора. — Единовѣрческая церковь. — Усадьбы Рѣпниныхъ и Строгановыхъ. — Отрасль купеческой фамиліи Алексѣевыхъ-Строгановскихъ и ея судьба. — Теперешнее состояніе Строгановской усадьбы.

Салтыковская улица, продолжая Нѣмецкую слободу, спускается къ Яузѣ и, перейдя черезъ мость, доселѣ именуемый тоже Салтыковскимъ, поднимается по крутому подъему на холмъ, носящій также названіе Салтыковской горы. Эти прозвища объясняются различно: одни говорятъ, что нынѣшнее владѣніе купцовъ Свѣшниковыхъ, раскинувшееся вправо за мостомъ по косогорью, нѣкогда принадлежало фамиліи Салтыковыхъ; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что Салтыковская усадьба принадлежитъ нынѣ Единовѣрческой Троицкой церкви, именуемой Ново-Благословенною, и была пріобрѣтена у Салтыковыхъ специально для постройки на ней названнаго храма.

За Салтыковской горой начинается обширная равнина, которая на нашей памяти стояла заброшенною и даже не огороженною и принадлежала къ усадьбѣ князей Рѣпниныхъ, въ домѣ которыхъ, до конца 50-хъ годовъ, помѣщалась чернорабочая больница. Къ дому примыкалъ громадный садъ, спускавшійся къ самой Яузѣ и только ею отдѣлявшійся отъ сада графа Разумовскаго. Что касается помянутой обширной равнины, то она теперь вся сплошь и весьма тѣсно застроена, по крайней мѣрѣ, сотнею обывательскихъ домовъ, самый же домъ и садъ княжескіе въ указанныхъ годахъ перешли въ собственность владѣльцевъ сосѣдней Строгановской усадьбы, принадлежавшей въ то время одной изъ вѣтвей богатой купеческой фамиліи Алексѣевыхъ.

О сыновьяхъ Семена Алексѣева, Владиміръ и Петръ, мы уже раньше говорили, но у него былъ еще и третій сынъ, Василій, выдѣленный отцомъ изъ состава фирмы еще при жизни своей. По-

лучивъ отъ отца приблизительно такое же колоссальное богатство, какое досталось на долю каждаго изъ двухъ остальныхъ братьевъ, Василій Семеновичъ приобрѣлъ богатую и роскошную барскую усадьбу графини Строгановой, съ великолѣпнымъ домомъ, обширнымъ передъ нимъ лугомъ и еще болѣе обширнымъ, дремучимъ садомъ, въ которомъ даже въ половинѣ истекающаго вѣка имѣли свою резиденцію зайцы и другіе звѣри. Строгановская усадьба заключала въ себѣ свыше 60-ти десятинъ земли, и такъ какъ Василій Семеновичъ купилъ ее не ради однихъ удовольствій, то онъ и застроилъ обширный лугъ передъ окнами графскаго дворца громадными неуклюжими зданіями, въ которыхъ и открылъ суконную фабрику. При сыновьяхъ его, Александрѣ и Иванѣ Васильевичахъ, фабрика шла блистательно, Алексѣевскія сукна приобрѣли прекрасную репутацію; затѣмъ, послѣ смерти самого старика, братьямъ стало тѣсно двоимъ въ одномъ домѣ и на одномъ дворѣ. Они раздѣлились: младшій, Иванъ, выѣхалъ къ Покровскому мосту, гдѣ, на берегу Яузы, приобрѣлъ себѣ чей-то барскій домъ съ громаднымъ садомъ; старшій, Александръ, остался въ отцовскомъ Строгановскомъ гнѣздѣ. Но, не смотря на то, что братья разошлись почти съ равными богатствами, удержались они только въ родѣ младшаго. Что касается Александра Васильевича, то его дѣти, Семень, Иванъ и Андрей Александровичи, воспитанные на полу-европейскій манеръ, съ иностранными языками и заграничными путешествіями, но бѣлоручками, не умѣвшими, да и не хотѣвшими, самолично вникать во всѣ подробности фабричнаго дѣла, какъ оно попало въ ихъ руки, не замедлили и подорвать его. Много помогла имъ въ этомъ и ихъ личная расточительность, и притомъ нерѣдко курьезная: такъ, напримѣръ, про одного изъ нихъ рассказывали, что, довольно рѣдко посѣщая Петербургъ по торговымъ дѣламъ, и притомъ на короткое время, онъ тѣмъ не менѣе на случай своихъ приѣздовъ держалъ тамъ роскошную квартиру со всею обстановкой и полнымъ штатомъ прислуги; про другаго рассказывали, что когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ, то на станцію давали знать объ этомъ впередъ, и поѣздъ замедлялъ срокъ отъѣзда, если купцу Алексѣеву приходилось почему нибудь замедлиться въ дорогѣ на вокзалъ.

Нечего ужъ и говорить о томъ, что, проживая на одномъ дворѣ и въ одномъ домѣ, три брата, всѣ женатые, пользовались каждый своею отдѣльною квартирой, особымъ штатомъ прислуги, собственными лошадьми и т. д., и не только они, но и жены ихъ. А такъ какъ денегъ считать они не умѣли и не привыкли, и ихъ было съ женами шестеро, касса же одна, то и немудрено, что ея не надолго хватило. Только что прикупивъ къ своей усадьбѣ Рѣпинскую, безъ всякой въ ней надобности, братья почувствовали, что коммерческій кафтанъ ихъ трещить по швамъ, и что его, при благодѣтельной помощи дисконтеровъ, и въ ихъ числѣ пресловутаго

А. И. Лобокова, придется скоро выворачивать. Такъ и случилось. Но нужно имъ отдать справедливость, они не стали прибѣгать ни къ какимъ темнымъ средствамъ, чтобъ обездолить кредиторовъ, и подъ тяжестью конкурснаго управленія честно похоронили и свое состояніе, и свою коммерческую славу. Великолѣпныя усадьбы, Строгановская и Рѣпинская, съ полутора десятками фабричныхъ зданій, наполненныхъ дорогими машинами, съ огромнымъ дворцомъ и всею его роскошною обстановкой, проданы были за сумму не свыше 200 тысячъ рублей, тогда какъ стоили свыше милліона, и въ результатѣ получилось вотъ что: спасся одинъ меньшей братъ, Андрей, благодаря богатой женѣ, урожденной Мазуриной, сестрѣ мясницкаго милліонера Митрофана Сергѣевича, которая хотя и потеряла въ крахѣ 150-ти-тысячное приданое, но все же выхлопотала у брата мѣсто мужу въ 12 тысячъ рублей жалованья, и переехала съ нимъ и семьей на Мясницкую, въ даровую квартиру въ братниномъ домѣ. Старшій, Семенъ, женатъ былъ на своей родственницѣ и однофамилицѣ, дочери разореннаго отца, Семена Петровича, котораго самъ же и призрѣлъ послѣ его разоренія, давъ мѣсто при своей фабрикѣ тоже съ 12-ти-тысячнымъ окладомъ, и слѣдовательно теперь, разорившись самъ, не могъ ждать помощи отъ него; Иванъ женатъ былъ на сравнительно бѣдной дочери купца Четверикова, которую взялъ за красоту съ ничтожнымъ приданнымъ, отъ котораго и воспоминанія не осталось при многомилліонномъ крахѣ. Такъ этимъ эффектнымъ московскимъ коммерсантамъ 50-хъ годовъ и не удалось снова подняться на ноги, и жизнь свою они кончали въ бѣдности, переселившись, послѣ привычной обстановки чуть не владѣтельныхъ герцоговъ, въ дрянныя наемныя квартиры, причемъ Ивану Александровичу пришлось квартировать въ Сыромятникахъ, на берегу Яузы, какъ разъ противъ воротъ своей усадьбы, и изъ оконъ своей 25-ти-рублевой квартирки казаться, глядя на промотанное приволье своего дворца, садовъ и безконечнаго двора, протянувшагося отъ Сыромятниковъ до Золоторожской улицы на пространствѣ чуть не версты.

Это чуть ли не единственное по обширности своихъ размѣровъ частное владѣніе даже въ тогдашней Москвѣ перешло въ руки сначала пресловутаго Рогожскаго дисконтера Т. Т. Волкова, а потомъ къ Кокореву, который купилъ его для перепродажи только что основанному имъ же «Сѣверному обществу страхованія съ выдачей варрантовъ»; когда же это учрежденіе не пошло и преобразилось въ теперешнее «Сѣверное страховое общество» обычнаго типа, усадьба долгое время пустовала, ища покупателей и не находя ихъ; за это время прежнія фабричныя зданія, стоявшія безъ призора и даже безъ запоровъ со всѣми оставшимися отъ фабрики машинами, обратили на себя любознательное вниманіе наблюдательныхъ членовъ многочисленной Золотой Роты, расквартиро-

ванной за Рогожскою заставой, по ночлежнымъ домамъ Новой Деревни, для которыхъ и составляли болѣе года времени нѣчто въ родѣ золотоносныхъ розсыпей: какъ только случалось какому нибудь гренадеру-золоторотцу пропитаться дотла, спустивши даже рубаху за стаканъ водки, поправка требовала какихъ нибудь полчаса времени. Выбравъ сумерки потемнѣе, онъ смѣло перелѣзалъ черезъ заборъ «Сивернаго опчества», какъ его звало окрестное простонародье, направлялся въ любое изъ многочисленныхъ фабричныхъ зданій и тамъ, поприсмотрѣвшись къ машинамъ и ихъ разнообразнымъ принадлежностямъ, выбиралъ и отвинчивалъ отъ нихъ тѣ части, какія находилъ болѣе цѣнными, удобными для сбыта и легкими для доставки въ Рогожскую, въ ту или другую лавочку краденаго желѣза, и возвращался къ своимъ пенатамъ и пьяный, и въ новой рубахѣ, а то такъ и въ сапогахъ. Слишкомъ годъ продолжалась эта скрытая разработка предприимчивой ротой машинныхъ залежей въ пустопорожнихъ владѣнiяхъ бывшихъ миллионеровъ и продлилась бы, конечно, и еще, если бы не деморализація избаловавшихся добычниковъ: привыкнувъ втеченіе цѣлаго года на эту добычу смотрѣть, какъ на совершенно плѣвое дѣло, они потеряли всякую осторожность, для удобства своихъ экскурсій выломали и повалили цѣлое звено въ заборѣ, начали ходить на промыселъ цѣлыми шайками и даже въ пьяномъ видѣ, и, конечно, попались. Кое-кого изъ нихъ судили, вмѣстѣ съ лавочниками, которые перекупили у нихъ на десятки тысячъ товара за ничтожные гроши, безслѣдно пропитые, и тѣхъ и другихъ къ чему-то присудили, но машинамъ отъ этого лучше не стало, и онѣ остались на положеніи процентной бумаги съ отрѣзанными купонами. Вскорѣ послѣ этого происшествiя усадьба куплена была таможеннымъ вѣдомствомъ, и въ ней размѣстились широко и привольно его различные учрежденiя.

Однако, непрерывная цѣпь старинныхъ усадебъ, начинающаяся съ Демидовской, упомянуть о которой мы сочли необходимымъ потому, что окна ея глядятъ на Покровку, незамѣтно завела насъ очень ужъ далеко отъ нея, къ самому Андроньеву монастырю, котораго ворота, какъ извѣстно, глядятъ уже на Рогожскую, и потому считаемъ благовременнымъ возвратиться къ тому же пункту Басманной, отъ котораго свернули ради прогулки по ея окрестностямъ.

Начиная отъ храма Никиты Мученика и до границы села Елохова, то-есть на всемъ остальномъ своемъ протяженіи, Басманная изъ узенькой, тѣсно застроенной неказистыми домами, преобразуется въ широкую, прямую, съ обѣихъ сторонъ обставленную болѣе или менѣе солидными и красивыми зданіями улицу, способными поспорить своимъ благообразнымъ видомъ съ любую не только изъ московскихъ, но и изъ петербургскихъ фешенебельныхъ улицъ,

кромѣ развѣ чрезмѣрной высоты домовъ, Москвѣ вообще не симпатичной. Впрочемъ, трехъ-этажныхъ домовъ встрѣчается нѣсколько и здѣсь.

XV.

Домъ Куракиныхъ. — Фабрика Бостанжогло. — Домъ генерала Офросимова. — Кабакъ Разгуляй. — Происхождение Новой Басманной. — Ея барекія гвѣзда князей Голицыныхъ, Шереметевыхъ, другихъ Голицыныхъ, князей Урусовыхъ, графовъ Перовскихъ. — М. И. Кроткова и ея странности. — Московское гвѣздо Д. И. Фонвизина.

Первая барская усадьба въ этой части Басманной принадлежала князьямъ Куракинымъ, и ихъ грандіозный домъ съ обширною наружною лѣстницей и колоннадой надъ нею сохранялъ свою старинную наружность, величавую и исполненную строгаго изящества, до послѣдняго времени въ неприкосновенномъ видѣ. Межевое вѣдомство, получивъ его въ свою собственность, ограничилось тѣмъ, что приспособило его внутреннія огромныя помѣщенія подъ свое учебное заведеніе, которое въ этомъ домѣ и начало и окончило свое бытіе подъ названіемъ Константиновскаго межеваго института, и котораго директоромъ одно время былъ московскій баринъ, носившій имя Сергѣя Тимоѣевича Аксакова; на измѣненіе же и обезображеніе оригинальной наружности зданія не покусилось. Точно также домъ уберегся отъ этой бѣды и за время помѣщенія въ немъ межеваго архива и его служащихъ. Лишь нѣсколько лѣтъ назадъ, когда онъ поступилъ въ распоряженіе московскаго купечества для устройства въ немъ Александровскаго коммерческаго училища, надъ нимъ совершена была варварская операція запоздалаго обрѣзанія, послѣ которой онъ и принялъ тотъ куцый и какъ бы обципаный видъ, какимъ поражаетъ въ настоящее время, вызывая чувство скорби и негодованія въ тѣхъ, кто видѣлъ его прежнюю наружность. Съ этихъ же поръ уничтожена и существовавшая во дворѣ его обсерваторія, долгое время вѣрой и правдой служившая дѣлу метеорологіи вообще и московской въ частности.

Фабрика Бостанжогло, переѣхавшая на мѣсто квартировавшей тутъ нѣкогда богадѣльни Человѣколюбиваго общества, едва ли не самая старинная не только изъ московскихъ, но и изъ русскихъ табачныхъ фабрикъ, за исключеніемъ, разумѣется, Жуковской. Основатель ея, нѣжинскій грекъ Михаилъ Бостанжогло, былъ однимъ изъ первыхъ пионеровъ табачнаго производства въ Россіи, и едва ли не первый нанесъ жестокое пораженіе чубукамъ и трубкамъ, измысливъ для замѣны ихъ бумажныя гильзы или патроны. А какъ всякая удачная промышленная реформа непременно обо-

гащаетъ первыхъ ея изобрѣтателей и пропагаторовъ, то и нему-дрено, что онъ успѣлъ нажить миллионное состояніе, въ время нашедшисъ приспособить выдѣлку курительныхъ табаковъ къ новой манерѣ куренія, точно также какъ здѣшніе братья Петровы обязаны своимъ богатствомъ тоже простой мысли, которая до нихъ, однако, никому не пришла въ голову, — готовить на продажу готовые папирсы изъ всевозможныхъ сортовъ бумаги и табаку. Благодаря своей находчивости, Бостанжогло стяжалъ въ скоромъ времени большую популярность, которая оказывалась тѣмъ благодарнѣе, что замѣна громоздкихъ трубокъ крошечными бумажными трубочками распространила быстро куреніе табаку до неслыханныхъ раньше размѣровъ, удесятиривъ число любителей этой противоестественной и далеко не безвредной прихоти и, понятно, увеличивъ и обороты, и барыши немногихъ фабрикъ, между которыми Бостанжогловская долгое время занимала первое мѣсто.

Только при дѣтяхъ ея основателя черезчуръ ретивая конкуренція какъ бы затмила ея престижъ и даже почти вытѣснила ея товаръ изъ Москвы, но сильно повредить богатой средствами фирмѣ не успѣла: во-первыхъ, у нея осталась обширная клиентелла въ провинціи, гораздо болѣе столичной консервативная, и, во-вторыхъ, цѣлая Сибирь, гдѣ эта фирма сохранила за собой прежнюю популярность почти въ неприкосновенности. Наконецъ, и представители фирмы оказались людьми, чуткими къ своимъ интересамъ: сообразивъ, что въ современномъ табачномъ производствѣ выдѣлка бумажныхъ гильзъ играетъ совершенно такую же роль, какъ и приготовленіе самага табаку, они не остановились передъ временными затратами, чтобы расширить патронное отдѣленіе фабрики и удешевить выдѣлку гильзъ до крайнихъ предѣловъ возможности, въ чемъ и успѣли, благодаря широкимъ денежнымъ средствамъ, безъ особаго ущерба своимъ барышамъ. Изъ двухъ сыновей Михаила Бостанжогло, старшій Василій Михайловичъ, за свою долгую жизнь успѣлъ пробраться въ такъ называемое «благотворительное дворянство» и нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ, какъ говорятъ москвичи, генераломъ, въ сущности же дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Младшій братъ, Николай Михайловичъ, преданный преимущественно фабричному дѣлу, кажется, и доселѣ не измѣнилъ своему сословію, состоя всего лишь гражданиномъ, хотя, впрочемъ, и почетнымъ, и даже потомственнымъ.

Домъ, принадлежащій нынѣ фабриканту-милліонеру Бажанову (происхожденія, если не ошибаемся, какъ и большинство московскихъ фабрикантовъ, Богородско-Гуслицкаго), былъ построенъ на нашей памяти генераломъ-отъ-инфантеріи Офросимовымъ для собственнаго жительства, которое, однако, ему не удалось, такъ какъ онъ вскорѣ былъ назначенъ, послѣ смерти Тучкова, московскимъ генераль-губернаторомъ и переѣхалъ на Тверскую. Его небольшой

одноэтажный домикъ привлекалъ московскихъ зѣвакъ своею странною бесѣдкой въ крошечномъ садикѣ, отдѣленномъ отъ улицы прекрасною чугуною рѣшеткой. Самъ садикъ былъ почти голый, и бесѣдка, про которую всѣ отзывались, что она «какая-то чудная», стояла посреди этого сада, можно сказать, во всемъ величїи своего декоративнаго безобразїя. Она была такъ мала, что въ ней негдѣ было ни стать ни сѣсть, и весь смыслъ ея, если только былъ онъ въ ней, заключался въ трехъ декоративныхъ картинахъ, нарисованныхъ на ея внутренней стѣнѣ и глядѣвшихъ очень эффектно. Двѣ боковыя декорации изображали двѣ огромныя вазы, назначеніе которыхъ и цѣль предоставлялось угадывать зрителю; середняя изображала аллею изъ какихъ-то деревьевъ, уходившую какъ бы вглубь сада, и уходившую, нужно правду сказать, очень живо и естественно, такъ что можно было, пожалуй, испытать иллюзію, принявъ рисунокъ за дѣйствительность. Но что за цѣль и смыслъ были у этихъ рисунковъ, предназначенныхъ, повидимому, лишь для развлеченія прохожихъ и проѣзжихъ, ибо въ обнаженномъ отъ зелени садикѣ никогда никто не гулялъ,—это для насъ, какъ и для другихъ, осталось загадкой. Вскорѣ по назначеніи въ губернаторы генераль продалъ домъ съ чудною бесѣдкой какому-то Кармалину, а эту г-жѣ Ланиной, урожденной Хлудовой, дочери Алексѣя Иваныча, которая долго владѣла домомъ, сохраняя неприкосновенной и бесѣдку, и только нынѣшній владѣлецъ уничтожилъ ее, какъ зданіе рѣшительно ни къ чему не годное.

Обширный домъ, послѣдній на Басманной по правой ея сторонѣ, стоящій на углу ея и Доброслободскаго переулка, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія представлялъ изъ себя длинное, грязное, каменное, одноэтажное строеніе и среди тогдашнихъ нечистоплотныхъ кутиль и прожигателей жизни пользовался громкою славой. Это и былъ Разгуляй, раньше только казенный кабакъ, у самаго вѣзда въ село Елохово, а къ Екатерининской эпохѣ и кабакъ, и харчевня, и притонъ, и постоянный дворъ, и ночлежный домъ, и вертепъ дешеваго разврата, привлекавшій въ свое разгульное гнѣздо гулякъ со всей Москвы, на подобіе того, какъ теперь привлекаетъ ихъ, на примѣръ, какая нибудь смрадная и грязная «Чепуха», вертепный трактиришка за Крестовской заставой, и т. п. притоны. Стоя у самой черты тогдашняго города и представляя такимъ образомъ для всякаго подозрительнаго люда удобный пунктъ для пристанища, изъ котораго, въ случаѣ опасности за личную свободу, любой воръ и разбойникъ въ пять минутъ могъ очутиться далеко за городомъ, и слѣдовательно внѣ вліянія городской стражи,—Разгуляй всегда былъ биткомъ набитъ всевозможными отребьями общества. Въ страшное время чумы онъ также кишѣлъ народомъ, и послѣ того, какъ, вопреки усиліямъ Шафонскаго, нѣмцы-доктора не признали ея за таковую, а она, вопреки ихъ ученой экспер-

тизѣ, насмѣялась надъ ихъ невѣжествомъ, сваливъ съ ногъ чуть не весь Суконный дворъ (у Большого Каменнаго моста, гдѣ нынѣ Суконныя бани, а тогда была суконная фабрика), Разгуляю пришлось жестоко поплатиться за свое гостепрѣимство: когда обнаружилось, что на Суконномъ дворѣ страшная смертность, и прошелъ слухъ, что его закроютъ, а все его рабочее населеніе заберутъ въ полицію, больное для распредѣленія по больницамъ, а здоровое для препровожденія на родину, оно повалило со двора густыми толпами и разсѣялось по окраинамъ московскимъ. Немалая часть бѣглыхъ суконщиковъ, и здоровыхъ, и полу-больныхъ, и вовсе больныхъ, пристала и въ Разгуляѣ, переполнивъ и безъ того набитыя народомъ его ночлежныя логовища. Чума только того и ждала, обнаружившись среди его населенія съ новою силой, укладывавшей его обитателей въ могилу ежедневно цѣлыми десятками. Испуганные заразой, полу-больные жильцы вертепа, еле передвигая ноги, поползли, однако, изъ него вонъ и распозлились по Елохову, Покровскому, Красному и другимъ селамъ и поселкамъ, разнося чумный ядъ по всѣмъ прилегающимъ къ Разгуляю мѣстностямъ и тѣмъ обезпечивая заразѣ все болѣшіе и болѣшіе успѣхи въ будущемъ, которые и не замедлили проявиться въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ, всѣмъ извѣстныхъ и наводящихъ ужасъ на сердце при одномъ воспоминаніи о нихъ. За время чумы очутившись въ положеніи выморочнаго имущества, Разгуляй послѣ нея поступилъ въ частную собственность, и съ теченіемъ времени прикрылъ свою одноэтажную крышу вторымъ этажемъ, заполнилъ первый этажъ различными лавками и магазинами и, по старой памяти, завелъ въ верхнемъ этажѣ трактиръ, который, съ небольшими развѣ измѣненіями во внутреннемъ убранствѣ, сохранился до нашего времени и отличается, въ противоположность своему прототипу, сравнительнымъ благоприличіемъ и скромностью. За послѣднюю четверть вѣка имъ владѣлъ купецъ Куринскій, заботившійся, независимо отъ своихъ выгодъ, и о сообщеніи своему заведенію строго-приличнаго, степеннаго трактира и совершенно успѣвшій въ этомъ. Сколько намъ извѣстно, такой же характеръ отличаетъ его и теперь, при новомъ хозяинѣ.

У Разгуляя конецъ Басманной: дальше двигать свои усадьбы по прямой линіи басманникамъ было некуда, ибо тутъ начиналась территорія села Елохова; вправо—не хотѣлось, потому что пришлось бы жить очень ужъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ «басурманами» за-Кукуевской поганой Нѣмецкой слободы; а между тѣмъ надобность въ землѣ постоянно ощущалась: недолго думая, они взяли и повернули влѣво, начавъ застраивать проѣзжую дорогу отъ Елохова къ Мясницкой. Образовавшаяся съ теченіемъ времени по этой дорогѣ линія новыхъ построекъ, принадлежавшихъ все тѣмъ же басманникамъ, получила имя Новой Басманной, приба-

вивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ прежней Басманной эпитетъ Старой. До Петра ни та, ни другая Басманная ничѣмъ особеннымъ не отличались, кромѣ обширныхъ садовъ при своихъ усадьбахъ, а съ Петровской эпохи близость ихъ къ новой резиденціи двора обратила на нихъ вниманіе тогдашней знати, и она начала селиться и въ той, и въ другой, и въ послѣдней даже преимущественно. Счастливые своей старшей сестры Новая Басманная оказалась и въ томъ отношеніи, что ея знать дольше не выпускала изъ своихъ рукъ принадлежавшихъ ей усадебъ, хотя мѣстность эта перестала быть модной тотчасъ послѣ французскаго нашествія. Такъ, нынѣшняя Чернорабочая больница, раньше бывшая Сиротскимъ домомъ съ межевою школой при немъ, принадлежала еще не болѣе полувѣка назадъ князьямъ Голицынымъ; домъ нѣмецкаго коммерсанта Прове мы помнимъ принадлежавшимъ Шереметеву (не графской линіи); домъ знаменитаго московскаго благотворителя Фл. Як. Ермакова, успѣвшаго пожертвовать на устройство и содержаніе нѣсколькихъ образцовыхъ богадѣленъ до 10 милліоновъ рублей и не перестающаго до сихъ поръ подвизаться на поприщѣ филантропіи такимъ же широкимъ образомъ, тоже на нашей памяти купленъ имъ у другихъ князей Голицыныхъ; домъ Оленина, въ которомъ нѣкогда помѣщалась военная богадѣльня, впослѣдствіи переведенная въ село Измайлово, не болѣе какъ четверть вѣка назадъ принадлежалъ князьямъ Уросовымъ; домъ Пельцера купленъ у наслѣдниковъ Чаадаева послѣ его смерти, въ 50-хъ годахъ; домъ купца Алексѣева, родича и кузена Алексѣевыхъ-Строгановскихъ, купленъ нынѣшнимъ владѣльцемъ у наслѣдниковъ гр. Перовскаго.

Сравнительно раньше ушелъ изъ первоначальныхъ дворянскихъ рукъ домъ, нынѣ принадлежащій богородскимъ фабрикантамъ Шебаевымъ и ими такъ уродливо и аляповато разрисованный самыми яркими красками въ невозможномъ соединеніи и неизвѣстномъ вкусѣ; Шебаевы купили его у наслѣдниковъ купца Карпа Васильевича Соколова, а Соколовъ приобрѣлъ его послѣ знаменитой въ до-Филаретовскую эпоху барыни, Марѣи Ивановны Кротковой, извѣстной своими пріязненными отношеніями къ одному изъ предшественниковъ Филарета, и нѣжной любовью къ кашѣ вообще, и къ гречневой въ особенности: мы слышали отъ лицъ, объѣдывавшихъ у нея запросто, что чудачка ежедневно готовила не менѣе семи сортовъ каши, и каждой не только отвѣдывала, но и кушала какъ слѣдуетъ. Всѣ сидѣвшіе за столомъ должны были, подъ страхомъ ея неудовольствія, слѣдовать ея примѣру; раскладывала же она это любимое кушанье по тарелкамъ сама, причемъ размѣры порцій опредѣлялись степенью ея расположенія къ тому или другому гостю, такъ что любимцамъ и любимицамъ ея объѣдъ у нея былъ равносильнъ пыткѣ самаго безчеловѣчнаго свойства: на успѣвшій уже раньше насытиться желудокъ приходилось истребить сначала тарелку гречневой каши, потомъ манной, потомъ

ячневой, потомъ пшенной, потомъ еще, еще, еще и еще какойнибудь, или же, отказавшись или даже выказавши мало охоты къ этимъ безконечнымъ блюдамъ, навлечъ на себя немилость строптивой барыни. Проявлялись ея странности и болѣе забавнымъ образомъ. Не любила она музыки вообще, а уличныхъ шарманокъ и тѣмъ паче: и повадился вдругъ ходить по улицѣ шарманщикъ и хрипѣть на своемъ инструментѣ передъ самыми окнами ея моленной. Велѣла гнать—не идетъ, говорить: улица казенная, а не ваша. Марѣа Ивановна—къ квартальному: избавь, буду благодарна,—и въ руку ему червонецъ. Тотъ шарманщика прогналъ, но на другой день велѣлъ опять приходите: та же исторія, и такой же червонецъ. Такъ шли дѣла нѣсколько мѣсяцевъ: и у квартальнаго капиталъ, и шарманщикъ съ невиданнымъ барышемъ, и барыня довольна. Только вдругъ квартальный захворалъ: некому прогнать шарманщика, и онъ знай себѣ хрипите да скрипите день, другой, третій; барыня въ отчаяніи, приживалки въ бѣдѣ, прислуга въ трепетѣ. Наконецъ выздоравливаетъ квартальный, прогоняетъ шарманщика, получаетъ червонецъ, да и говоритъ: «Матушка Марѣа Ивановна, мнѣ безпремѣнно нужно поближе къ вамъ жить. Какъ бы только увидалъ его, подлеца, такъ бы его сейчасъ и на сѣзжую». — «А и то правда,—воскликаетъ Марѣа Ивановна:—переѣзжай-ка въ малый домъ, онъ у меня пустой стоитъ. И коли сдержишь свое слово, я тебѣ его подарю». А этотъ малый домъ, стоящій и доселѣ рядомъ съ большимъ, двухъэтажный, съ мезониномъ, каменный, прочно строенный, и по теперешнимъ цѣнамъ на худой конецъ тысячь 40—50 стоящій. Квартальный того и ждалъ: переѣхалъ, шарманщику таскаться запретилъ, и хотя лишился ежедневныхъ червонцевъ, зато получилъ недвижимую собственность въ подарокъ, которую потомъ и продалъ тому же К. В. Соколову.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ упомянуть и объ усадьбѣ Д. И. Фонвизина: имѣются свѣдѣнія и печатныя и устныя, что онъ владѣлъ домомъ, нынѣ принадлежащимъ купцамъ Четвериковымъ, на углу Вознесенской улицы и переулка, по его же имени и названнаго Денисовскимъ. Точно также его имя носили и бани, стоявшія на заднемъ планѣ его усадьбы, за обширнымъ садомъ, прудомъ и огородомъ. И тотъ, и другой, и третій доселѣ принадлежать къ Четвериковской усадьбѣ, что же касается бань, нынѣ уничтоженныхъ, о которыхъ мы уже говорили, намѣчая теченіе Чечоры, то онѣ съиздавна находились въ другихъ рукахъ и очевидно были проданы раньше всей остальной усадьбы. Домъ при этой усадьбѣ не слишкомъ большой, одноэтажный, но отъ него такъ и вѣетъ степеннымъ барствомъ прошлаго вѣка, тѣмъ болѣе, что онъ, по всѣмъ признакамъ, сохранился почти въ тогдашнемъ видѣ, не испытавъ значительныхъ метаморфозъ.

Д. Покровскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

С. П. ЖИХАРЕВЪ И ЕГО ЗАПИСКИ.

ЗАПИСКИ, или мемуары,—наиболѣе цѣнный матеріалъ для историка, ищущаго не точности и несомнѣнности фактовъ, но желающаго схватить духъ общества за какую либо истекшую эпоху, стать на уровень современныхъ ей понятій и уяснить себѣ качественное значеніе тѣхъ историческихъ явленій, внѣшнее содержаніе которыхъ онъ почерпаетъ изъ официальныхъ документовъ. Эта способность мемуаровъ переносить читателя въ міръ отдаленнаго прошлаго дѣлаетъ ихъ интересными не только для спеціалиста, но и для всякаго образованнаго читателя. Конечно, достиженіе подобной иллюзіи находится въ полной зависимости какъ отъ характера записокъ, такъ въ особенности отъ таланта ихъ автора. Въ этомъ отношеніи русская мемуарная литература похвастаться не можетъ. То ли мы плохіе наблюдатели, то ли сама русская жизнь не даетъ мѣста для развитія общественныхъ интересовъ, но во всякомъ случаѣ записки русскихъ людей мало знакомятъ съ современной имъ эпохой, обрисовывая на лучшей конецъ только личность самого писавшаго. На недостатокъ мемуаровъ, особенно за настоящее столѣтіе, пожаловаться нельзя; но это—главной массой записки военныхъ или административныхъ дѣятелей, прямой цѣлью которыхъ бываетъ сохранить путемъ печати хоть какіе нибудь слѣды своей собственной дѣятельности, можетъ быть, и почтенной, но весьма часто неважной для исторіи и неинтересной для публики. Лучшіе русскіе люди умираютъ безъ записокъ. Много ли нашихъ писателей и ученыхъ оставили подобное наслѣдство? Если они и вели лѣтопись своей жизни, то порой сами, какъ Пушкинъ, уничтожали эти драгоценные доку-

менты изъ непонятнаго суевѣрія, или же ихъ писаніе постигла довольно обыкновенная участь русскихъ документовъ — исчезновеніе безъ слѣда, либо храненіе подъ спудомъ до втораго пришествія. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, играетъ роль ужъ не простое невѣжество, но подчасъ и чересчуръ усердное стремленіе охранить честь какого либо лица, хотя бы оно и переселилось въ лучшій міръ сто лѣтъ тому назадъ. Такихъ записокъ, извѣстныхъ только по имени, очень много, и длинный перечень ихъ былъ напечатанъ когда-то на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Изъ мемуаровъ начала нынѣшняго вѣка характерными являются записки Жихарева, которыя недавно переизданы редакціей «Русскаго Архива». То, что мы говорили сейчасъ объ участи русскихъ мемуаровъ, относится отчасти и къ запискамъ Жихарева. Изъ печатныхъ указаній извѣстно, что онъ велъ подневныя записи съ 1806 по 1819 годъ, и это составило «Дневникъ студента» (со 2 января 1805 г. по 22 іюля 1806 г.) и «Дневникъ чиновника», изъ котораго появилась въ печати часть за время съ 25 августа 1806 г. по 31 мая 1807 г. Впервые эти документы появились на страницахъ «Москвитянина» (съ 1853 г.) и «Отечественныхъ Записокъ» (1855 г.), причѣмъ «Дневникъ студента» былъ изданъ и отдѣльно (Спб., 1859 г.). Наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 г. были выдержки изъ дневниковъ 1807—1816 гг. подъ заглавіемъ «Воспоминанія стараго театрала»; эти выдержки, между прочимъ, не вошли въ изданіе «Русскаго Архива». Кромѣ того, существуетъ указаніе, что подъ конецъ жизни Жихаревъ велъ еще «Дневникъ сановника». Куда все это дѣлось, одному Богу извѣстно. До насъ же только дошло извѣстіе, что записки Жихарева находились въ рукахъ его двоюроднаго брата князя С. С. Барятинскаго, который «еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть эти «Записки» и сдѣлать имъ строгій разборъ; изъ однѣхъ многое, по разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другое совсѣмъ уничтожилъ». «Отношенія и уваженія» надѣлали то, что «самое занимательное въ нихъ уничтожено»¹⁾. Не вдаваясь въ оцѣнку подобнаго родственнаго радѣнія, перейдемъ къ личности автора «Записокъ».

Степанъ Петровичъ Жихаревъ — одинъ изъ «арзамасцевъ», чему причиной отнюдь не литературныя его заслуги, а тѣ дружескія связи, какія у него установились съ молодыми поборниками литературныхъ традицій Карамзина. Родился онъ 18 февраля 1788 года и происходилъ изъ тамбовскихъ дворянъ. Учился сначала въ московскомъ пансіонѣ Ронка, а въ 1805—1806 гг. въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, слушая лекціи и въ университетѣ. Здѣсь у него установились знакомства со многими профессорами и, между прочимъ, съ тогдашнимъ свѣтиломъ университета А. Θ. Мерзляковымъ.

¹⁾ (См. предисловіе къ «Запискамъ».)

Однако Жихаревъ не очень надсѣдался надъ науками и, жуируя вообще, особенно увлекался театромъ. Видя, что въ ученѣй проку не будетъ, онъ бросилъ университетъ и въ 1806 г. опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Здѣсь, не имѣя первое время собственно никакихъ занятій, онъ продолжалъ жизнь вивера, также интересовался театромъ, литературой, слѣдя при этомъ и вообще за злобами дня. Дальнѣйшая біографія Жихарева также смутна, какъ и участь его записокъ. Извѣстно только, что изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (по дѣламъ котораго онъ былъ будто бы и на Вѣнскомъ конгрессѣ) онъ перешелъ въ министерство юстиціи, когда министромъ былъ И. И. Дмитриевъ, занималъ должность прокурора губернскаго правленія въ Москвѣ, затѣмъ былъ оберъ-прокуроромъ московскаго сената и наконецъ сенаторомъ. Въ Москвѣ же онъ женился на Ѳедосѣй Дмитриевнѣ Нечаевой, разбогатѣлъ, владѣлъ большимъ домомъ, но подъ конецъ жизни разорился. Послѣднею должностію его было предсѣдательство въ литературно-театральномъ комитетѣ при дирекціи театровъ. Умеръ онъ въ Петербургѣ 31 августа 1860 года.

Литературныя произведенія Жихарева принадлежать къ числу любительскихъ грѣховъ, и къ чести его ихъ было не много²⁾. Онъ и самъ не придавалъ имъ никакого значенія, называя одно изъ своихъ произведеній «смѣсью чуши съ галиматеею, помноженными на ахинею». Полная неудача его на литературномъ поприщѣ очень любопытный фактъ, потому что записки его даютъ возможность предположить въ немъ хотя и не крупное дарованіе, но, всетаки, нѣкоторую литературную способность. Во всякомъ случаѣ Жихаревъ былъ человекомъ развитымъ, хорошо зналъ русскую, французскую и даже нѣмецкую литературу, и это-то и послужило его сближеніямъ съ современными литераторами. Онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Гнѣдичемъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, братьями Тургеневыми и друг. Въ Арзамасѣ онъ носилъ прозвище «Громобоя». Батюшковъ, не забываящій никогда въ письмахъ къ своимъ друзьямъ переслать поклонъ Жихареву, упоминаетъ о немъ всегда въ шутовомъ тонѣ и въ одномъ изъ писемъ называетъ его «ораторомъ слабыхъ женъ» и «черножелтымъ». Другой современникъ, Ф. Ф. Вигель, сообщаетъ, что Жихаревъ, живя въ про-

¹⁾ Въ молодости онъ перевелъ оперу «Любовныя шутки» (1804 г.), написалъ трагедію «Артабанъ» (1806 г.), переводилъ съ Шаховскимъ, Гнѣдичемъ, Лобановымъ и Полозовымъ «Зайру» (1809 г.) и одинъ трагедію Крепильона «Атрей» и ком. «Чортъ розоваго цвѣта»; всѣ пьесы играны, кромѣ «Артабана», но не напечатаны. Затѣмъ онъ печаталъ стихи въ «Драма. Вѣстникѣ» (1808 г.), «Чтеніяхъ» въ «Бесѣдѣ» (1812 г., кн. VI) и въ «Сынѣ Отечества» (1816 [г.] и отд. повѣмъ «Барды» (1807 г.). Подъ конецъ жизни въ 1836 г. онъ поставилъ на сценѣ интермедію «Предпоследняя репетиція трагедіи Дмитрій Донской», но и она не имѣла успѣха.

винці, «принялъ всѣ ея навыки; съ большимъ умомъ, съ большими способностями, въ кругу образованныхъ людей, онъ никогда не могъ отстать отъ нихъ. Наружность имѣлъ онъ азіатскую: оливковый цвѣтъ лица, черные, какъ смоль, кудрявые волосы, черные блистающіе глаза, но которые никогда не загорались ни гнѣвомъ, ни любовію, и выражали одно флегматическое спокойствіе. Онъ казался мраченъ, угрюмъ, а не знаю, бывалъ ли онъ когда сердить или чрезвычайно весель».

Со стороны достовѣрности записки Жихарева, кажется, вполне удовлетворительны; уже самый способъ ихъ веденія—поденная запись говорить въ ихъ пользу. Другая, подкрѣпляющая довѣріе къ нимъ черта—это искренность тона, и хотя Батюшковъ, упоминая въ письмахъ про одно лице, говоритъ, что оно вретъ, «какъ календарь, какъ Жихаревъ», но это едва ли можетъ вызывать подозрѣніе къ нашему лѣтописцу. Эпоха Александра I изображена въ запискахъ очень живо, и хотя авторъ наблюденій не отличается особою глубиною возрѣній и часто не идетъ дальше самой пошлой оцѣнки фактовъ, тѣмъ не менѣе «мелочи жизни», которыя онъ въ массѣ заноситъ на страницы своего дневника, даютъ весьма наглядное представленіе о современномъ обществѣ. Передъ нами проходятъ живыя фигуры многихъ изъ передовыхъ людей того времени, цѣлая коллекція типовъ большого свѣта, группы современныхъ литераторовъ и актеровъ. Общество, въ которомъ вращался Жихаревъ, общество Москвы и Петербурга наканунѣ двѣнадцатаго года, стояло не на очень то высокомъ уровнѣ. Лишенная какой бы то ни было идейности, праздная и кичливая толпа проводила время въ балахъ, празднествахъ, пересудахъ и обдѣлываньѣ своихъ личныхъ дѣлишекъ. Это былъ міръ дворянской бюрократіи и буржуазіи, едва только начинавшій терпѣть литературу, которая носила характеръ невинныхъ любительскихъ упражненій, и третировавшій въ жизни того самаго актера, которому онъ апплодировалъ въ театрѣ. Гурманство и спортъ замѣняли для этой публики всякіе духовные интересы. «Образъ жизни,—говоритъ Вигель,—тогдашнихъ петербургскихъ гражданскихъ дѣльцовъ имѣлъ великое сходство съ тѣмъ, котсрый вели дворяне внутри Россіи. Тѣхъ и другихъ могъ совершенно развеселить одинъ только шумный пиръ, жирный обѣдъ и безпрестанно опоражниваемая бутылка». Яркимъ представителемъ тогдашняго общества является самъ Жихаревъ, конечно, молодой части его. Онъ, по словамъ Вигеля, «любилъ погулять, поѣсть, попить и самъ попотчевать: это заставило его войти въ долги и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ. Дурныя привычки, по нуждѣ въ молодости принятая, къ сожалѣнію, иногда отзываются и въ старости». Въстѣ съ тѣмъ Вигель говоритъ, что онъ «не встрѣчалъ человѣка, болѣе готоваго на послуги, на одолженія: это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сбли-

зили его со мною и съ другими». Портретъ, нарисованный Вигелемъ, оказывается очень схожимъ съ оригиналомъ, если взять записки послѣдняго. Въ Жихаревѣ особенно выставляется на видъ характерная черта современной молодежи—искательство, стараніе проникнуть и отрекомендоваться сильнымъ міра сего. Онъ пробирается къ Державину, Шаховскому, къ разнымъ министрамъ, не смущается, встрѣчая подчасъ холодный пріемъ, и вполне доволенъ, что можетъ занести на страницы своего дневника исторіи этихъ визитовъ.

Порою проскальзываютъ у Жихарева и свидѣтельства о впечатлѣніяхъ, которыя появлялись въ обществѣ подъ вліяніемъ современныхъ событій. А событія были въ самомъ дѣлѣ интересныя. Наполеонъ переполошилъ государей и дипломатовъ Европы. Но и нашъ молодой наблюдатель, и современное ему общество скользили по поверхности происшествій, не давая себѣ труда заглянуть въ нихъ поглубже. Потому-то не имѣютъ цѣны и тѣ вспышки стаднаго патріотизма, которыя вызывались, напримѣръ, представленіемъ «Дмитрія Донского». Ходульность этихъ ребяческихъ демонстрацій черезчуръ очевидна. И въ самомъ дѣлѣ, когда дворяне были призваны императоромъ въ Москвѣ составить ополченіе, вслѣдъ за восторженными кликами, патріоты начали стекаться въ Москву, и въ первопрестольной столицѣ воцарилось... гомерическое пьянство и картежный азартъ. Русское общество не далеко ушло отъ тѣхъ эмигрантовъ, обиженныхъ французской революціей, которые мутнымъ потокомъ расплылись по Европѣ и большою толпою пришли въ варварскую Россію, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями и содержали на государственнѣйшій счетъ. Типы этихъ родовитыхъ пролетаріевъ и паразитовъ встрѣчаются въ запискахъ Жихарева въ достаточномъ количествѣ. Конечно, онъ не пускается въ соображенія о легальности положенія въ русскомъ обществѣ этихъ бродягъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ духовное ничтожество не укрылось и отъ его взора. «Эти эмигранты,—говоритъ онъ,—точно дѣти, и М. Л. чуть ли не права, называя ихъ полоумными: то при малѣйшей неудачѣ нашихъ войскъ они упадаютъ духомъ и находятся въ какомъ-то состояніи безнадежнаго отчаянія; то вдругъ при извѣстии объ успѣхѣ нашей арміи, какъ бы ни былъ онъ маловаженъ, занесутся такъ высоко, что и земли не слышать подъ собою: дѣлать Францію, сажаютъ Бонапарте въ Бисетръ и вдаются въ другія подобныя несбыточныя предположенія». Подобное же отношеніе къ серьезнымъ политическимъ вопросамъ господствовало и въ русскомъ обществѣ, и смутное сознаніе этого факта иногда обнаруживается даже и у Жихарева.

У Вигеля находимъ, между прочимъ, слѣдующую фразу о Жихаревѣ: «Безвкусіе было главнымъ недостаткомъ его въ словесности, въ обществѣ, въ домашней жизни». Пожалуй, это и такъ. Но

что касается театра, оцѣнки игры, то въ данномъ случаѣ, кажется, въ Жихаревѣ мы встрѣчаемъ чуткаго знатока и страстнаго поклонника драматическаго искусства. Нужно отдать справедливость, что Жихаревъ не менѣе стремится завязать знакомство съ знаменитыми артистами, чѣмъ предстать предъ лице высокопоставленныхъ особъ. Эта приверженность къ театру дала возможность ему оказать большую услугу для потомства, ибо онъ заносилъ усердно въ свой дневникъ всѣ событія тогдашней театральной жизни. А эта область искусства, какъ извѣстно, наиболѣе страдаетъ отсутствіемъ историческихъ данныхъ. Жихаревъ былъ знакомъ съ Дмитревскимъ, Яковлевымъ, Шушеринымъ, Плавильщиковымъ, Сандуновымъ, и другими петербургскими и московскими актерами, бывалъ чуть не каждый день въ театрѣ и вообще велъ жизнь записнаго театрала. Не ограничиваясь русскимъ театромъ, онъ даетъ много свѣдѣній и о нѣмецкихъ и французскихъ труппахъ, гдѣ онъ также былъ своимъ человѣкомъ. Главный интересъ для Жихарева представляло сценическое исполненіе, и тутъ у него всегда замѣтно требованіе отъ игры естественности, простоты. Содержаніе пьесъ для него довольно безразлично: онъ въ восторгѣ отъ патріотическихъ пьесъ Озерова, ему нравятся классическія трагедіи, но онъ также любитъ и Шиллера, и нѣмецкія драмы, или мѣщанскія трагедіи, «коцебятину». Эта неопредѣленность и дала, очевидно, поводъ Вигелю обвинить Жихарева въ безвкусіи, которое гораздо болѣе замѣтно въ отношеніяхъ его къ чисто литературнымъ явленіямъ. Но едва ли можно тутъ прилагать къ нему строгую мѣрку, ибо неустойчивость взглядовъ была довольно общимъ явленіемъ, и даже эстетическія требованія не были ясно и точно опредѣлены никакой партией. У Жихарева еще не видно того разлада, который произошелъ между послѣдователями Карамзина и Шишкова, и литераторы у него раздѣляются на петербургскихъ и московскихъ. Въ Петербургѣ доживалъ свой вѣкъ Державинъ. Изъ записокъ Жихарева нельзя видѣть въ немъ величественнаго екатерининскаго поэта, и фигура его ничуть не выдѣляется изъ ряда Захаровыхъ, Хвостовыхъ и другихъ приспѣшниковъ зарождавшейся «Бесѣды». О зарожденіи послѣдней Жихаревъ сохранилъ весьма любопытныя указанія. Первоначально это были частныя собранія по очереди у Державина, Шишкова, Хвостова, Захарова и др. Засѣданія были скучныя, бесплодныя, и даже юные литераторы, поощряемые старцами, усердно ихъ избѣгали. Московскіе литераторы обѣщали гораздо больше. Тамъ былъ Мерзляковъ, не только ученый, поэтъ, но и критикъ; тамъ былъ молодой Жуковский, и они подавали надежды на лучшее литературное будущее; у нихъ мы встрѣчаемъ и взгляды на литературу серьезнѣе, тогда какъ у будущихъ охранителей «россійскаго слога» она является въ видѣ пріятнаго спорта. Помимо этой, такъ сказать, оффиціальной лите-

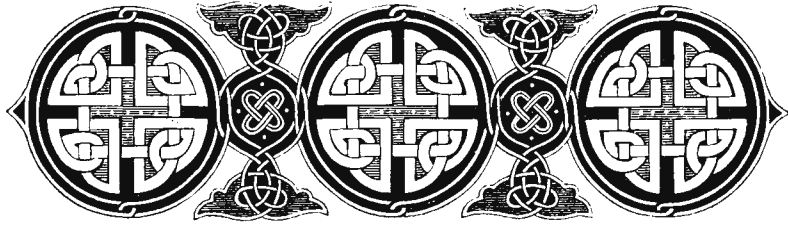
ратуры, Жихаревъ знакомить насъ съ довольно значительной литературой, распространявшейся безъ помощи типографскаго станка; тутъ и эпиграммы, и куплеты на современныя злобы дня и проч., и проч. Все это подчасъ любопытнѣе печатныхъ виршей того времени и служить хорошимъ освѣщеніемъ общества.

Въ нашей статьѣ мы старались намѣтить тѣ пункты, которые представляютъ господствующій интересъ въ запискахъ Жихарева. Не надо забывать, что дневникъ его дошелъ до насъ за два съ небольшимъ года, и если на такомъ небольшомъ промежуткѣ времени онъ даетъ такъ много цѣннаго матеріала, то нельзя не пожалѣть объ исчезновеніи остальныхъ его частей.

Покойный артистъ императорскихъ театровъ, П. А. Каратыгинъ, былъ очень талантливый рисовальщикъ. Послѣ него остался альбомъ, куда онъ набрасывалъ съ натуры всѣхъ, чѣмъ либо замѣчательныхъ людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться; въ этомъ альбомѣ, принадлежащемъ теперь П. Я. Дашкову, находится, между прочимъ, и портретъ Жихарева, копія съ котораго и прилагается къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Мих. Мазаевъ.

ЦЕРКОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАПОРОЖЬЯ.

ЗАПОРОЖСКІЕ казаки, при всей патриархальной простотѣ и при всей видимой разгульной жизни ихъ, всегда отличались глубокою религіозностью и искреннею, чуждою всякаго ханжества, набожностію. Защита предковской вѣры и православной церкви составляла основу всей жизни ихъ. Подъ вліяніемъ именно религіознаго чувства, многіе изъ запорожскихъ казаковъ, оставляя Сѣчь, уходили въ дремучіе лѣса, береговыя пещеры, рѣчные плавни и тамъ, живя между небомъ и землей, «спасались о Христѣ»; на этомъ поприщѣ являлись истинные подвижники, высокіе молитвенники, ревностные исполнители заповѣдей евангельскихъ и преданій апостольскихъ, каковы, на примѣръ, войскового есауль Дорошъ, казакъ Семень Коваль и другіе. Многіе созидали въ своихъ зимовникахъ часовни, устраивали скиты, воздвигали молитвенныя иконы, отдѣляли въ собственныхъ жилищахъ особыя «божницы», помѣщали въ нихъ иконы въ дорогихъ шатахъ и богатыхъ кіотахъ, ставили передъ ними неугасимыя лампы, зажигали отъ собственныхъ трудовъ восковыя свѣчи, курили дорогимъ ѳиміамомъ и, будучи грамотными, пѣли акаѳисты, произносили молитвы, читали житія святыхъ и тѣмъ привлекали къ себѣ неграмотныхъ, но набожныхъ и усердныхъ къ христіанской вѣрѣ другихъ своихъ сотоварищей. Многіе, особенно изъ войскового старшины, какъ, на примѣръ, Малышевичъ, Калнишевскій, Колпакъ, Третьякъ, Рудъ, Шульга, держали при себѣ греческихъ и славянскихъ монаховъ, пользовались ихъ добрыми совѣтами и старались жить согласно указаніямъ носителей слова Божія. Многіе посвящали всю свою жизнь единственно выкупу изъ далекой неволи несчастныхъ христіанъ, съ

опасностию жизни проникали въ страшный городъ Кафу, теперешнюю Феодосію, торговавшій «человѣческою неволею», пробирались въ самую столицу крымскихъ хановъ Бахчисарай и даже въ резиденцію турецкаго султана, Константинополь; тутъ, скитаясь подъ видомъ мусульманскихъ нищихъ, слѣпцовъ, калѣкъ и убогихъ, собирали свѣдѣнія о несчастныхъ невольникахъ христіанскихъ и то выкупали на свободу, то тайкомъ уводили изъ неволи «на ясни зѣри, на тыхи воды, у край весѣлый, мижъ мѣръ хрещеный». Многіе жили лишь для того, чтобы отбивать христіанскій «ясырь» у хищныхъ татаръ, ежегодно уводимый ими тысячами, десятками тысячъ изъ Украйны въ далекія области Малой Азіи, Индіи, Египта, Испаніи; они залегали по глубокимъ балкамъ, прятались по сторонамъ проѣзжихъ дорегъ, скрывались по чащамъ густыхъ лѣсовъ и, зорко подстерегая татарскіе отряды, внезапно нападали на нихъ и отбивали несчастныхъ невольниковъ, которыхъ потомъ на свой счетъ лечили, одѣвали, снабжали пропитаніемъ и возвращали на родину. Этими подвигами заслужили историческую извѣстность въ особенности казаки Хижнякъ, Шульга и Рудь, изъ коихъ послѣдній за свои высокіе христіанскіе подвиги получилъ награду въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и основалъ слободу Николаевку-Рудевку по рѣчкѣ Нижней-Терсѣ. Побуждаемые религіознымъ чувствомъ, запорожскіе казаки два раза въ каждомъ году мирнаго времени отправлялись «на прѣщу», то-есть на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ монастыри—Мотронинскій, Киевопечерскій, Межигорскій, Лебединскій, Мошенскій и Самарскій: въ первый разъ осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, послѣ обычныхъ лѣтнихъ занятій—рыболовства, коневодства, скотоводства, овцеводства и звѣроловства, во второй разъ передъ постомъ на масляницу; въ послѣднемъ случаѣ благочестивые паломники оставались въ святыхъ обителяхъ весь постъ до Пасхи и втеченіе этого времени говѣли, исповѣдывались и пріобщались¹⁾. Движимые тѣмъ же религіознымъ чувствомъ, многіе изъ запорожскихъ казаковъ совсѣмъ уходили въ монастыри—киевское Межигорье, греческій Аѳонъ, молдавскую Драгомирну, «гдѣ большая часть монашествующихъ была отъ російскаго роду, наипаче же отъ православно-именитыя страны Запорожскія»²⁾; сюда же притекали и тѣ казаки, которые давали какіе нибудь обѣты въ важнѣйшихъ случаяхъ ихъ жизни: такъ, въ «Тератургимѣ» киево-печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, жившаго въ началѣ XVII вѣка, разсказывается, какъ запорожцы, застигнутые однажды страшною бурей на морѣ, дали обѣтъ, въ случаѣ спасенія отъ явной смерти, послужить нѣсколько дней

¹⁾ Феодосій, «Историческій обзоръ церквей», Екатеринославъ, 1876, стр. 34, 51, 53, 58, 59, 64—67.

²⁾ Скальковскій, «Исторія Новой Сѣчи», Одесса, 1885, I, стр. 138.
«истор. вѣстн.», июнь, 1893 г., т. III.

иноками святой Кіево-Печерской обители и, когда опасность миновала, дѣйствительно сдержали свой обѣтъ, исполняя разныя черныя работы въ монастырѣ втеченіе двухъ недѣль ¹⁾). Въ силу того же религіознаго чувства запорожскіе казаки старались держать себя какъ можно дальше отъ раскольниковъ и жидовъ; оттого за все время своего болѣе чѣмъ двухсотъ-лѣтняго историческаго существованія они не знали въ своей средѣ ни раскола, ни лжеученія. Другія черты общей и частной жизни запорожскихъ казаковъ даютъ много примѣровъ истинной религіозной жизни ихъ. Такъ, на примѣръ, нигдѣ съ такимъ уваженіемъ не относились къ духовенству, какъ въ Запорожьѣ: умный, образованный и благочестивый архимандритъ Владиміръ Сокальскій, въ самый рѣшительный моментъ исторической жизни запорожцевъ, во время атакванія Сѣчи русскими войсками въ 1775 году, своимъ вліяніемъ подѣйствовалъ на нихъ не поднимать оружія даже и противъ москаля: «Онъ хотя и недругъ, но все же православной вѣры человекъ». «Знавъ, панъ-отче, що сказать!» ²⁾). Безчисленныя пожертвованія и различнаго рода вклады, которые дѣлали запорожскіе казаки въ монастыри, сѣчевыя и приходскія церкви, русскія и греческія обители деньгами, книгами, церковными облаченіями, сосудами, иконами, крестами, хоругвями, плащаницами, привѣсками, золотыми и серебряными слитками, жемчугомъ, драгоценными камнями, дорогими тканями, богатыми коралами,— все это свидѣтельствуетъ о большомъ усердіи запорожцевъ къ храму Божію и чтимымъ православною церковью праздникамъ. Но еще больше того религіозная черта характера запорожскихъ казаковъ сказалась въ построеніи ими церквей какъ внѣ Запорожья, на примѣръ, въ Кіевѣ и разныхъ городахъ Украины, такъ и въ самомъ Запорожьѣ. Всѣхъ церквей въ Запорожскомъ краѣ, по отрывочнымъ документамъ, насчитывается 56; кромѣ того, 13 часовень, 2 скитка и 1 молитвенный домъ. Первая церковь въ Запорожскомъ краѣ построена была въ такъ называемомъ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ.

Самарско-Николаевскій монастырь—замѣчательнѣйшая святыня запорожскихъ казаковъ и по историческимъ воспоминаніямъ, и по великимъ дѣяніямъ, подвижниковъ, и по исключительному его положенію: въ немъ возникла первая для всего Запорожскаго, тепершняго Новороссійскаго, края церковь; въ немъ положенъ былъ первый зародышъ просвѣщенія, монастырская школа, изъ него вышли первые апостолы вѣры и благочестія на весь край необозримой пустыни; въ немъ хранится множество вкладовъ напишъ именитыхъ предковъ; въ немъ почиваютъ кости замѣчатель-

¹⁾ Феодосій, «Историческій обзоръ церквей», Екатеринославъ, 1876, стр. 67.

²⁾ «Устное повѣствованіе Никиты Коржа», Одесса, 1842, стр. 46.

ныхъ дѣятелей южно-русскаго края и великихъ молитвенниковъ и постниковъ православной христіанской церкви. Годъ основанія самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря въ точности неизвѣстенъ; но на сколько можно судить по отрывкамъ документовъ и дошедшимъ до насъ преданіямъ, начало ему положено было скоро послѣ 1576 года, когда польскій король Стефанъ Баторій даровалъ казакамъ грамоту на владѣніе «стариннымъ» городомъ Трехтемировымъ съ монастыремъ и перевозомъ¹⁾. На 26 верстѣ выше устья рѣки Самары, лѣваго притока Днѣпра, среди дремучаго, вѣковѣчнаго и непроходимаго дубоваго лѣса, между Самарою и ея рукавомъ Самарчикомъ, раскинулся огромный низменный и совершенно ровный островъ; на немъ шныряли цѣлыя стаи дикихъ птицъ, бродили цѣлыя табуны разнаго рода звѣрей, а вокругъ росла густая, высокая и сочная трава; между травой блестяли чистые, какъ стекло, озера, наполненныя множествомъ рыбы, раковъ и всякаго рода лѣсныхъ пернатыхъ. На этомъ островѣ, Богъ вѣсть откуда, около 1576 года, водворились два какихъ-то монаха отшельника. Предаваясь молитвамъ, воздерживаясь отъ пищи и питія, они дальше своего убѣжища никуда не выходили и никого, кромѣ неба да лѣса, дикихъ звѣрей да пугливыхъ птицъ, не видали. Но, вѣроятно, уединенное мѣсто среди дремучаго лѣса манило къ себѣ не однихъ отшельниковъ, видимо оно влекло къ себѣ и тѣхъ, кому нужно было скрываться отъ преслѣдованія со стороны властей и кто занимался не молитвами и подвигами, а промыслялъ грабежомъ и кровавымъ разбоемъ. Такъ, вскорѣ послѣ водворенія великихъ подвижниковъ на островѣ, въ самарскомъ лѣсу явились такъ называемые каменники, то-есть разбойники, жившіе дотолѣ въ каменныхъ пещерахъ по берегамъ Днѣпра, противъ его пороговъ. Блуждая по лѣсу, они, вѣроятно, случайно набрали на монаховъ и, найдя избранныя ими мѣста во всѣхъ отношеніяхъ удобными для уединенной и безопасной жизни, упросили монаховъ принять ихъ въ свое сообщество, за что стали доставлять имъ пищу, приносить воду и помогать въ работахъ. Такъ прошло нѣсколько времени; монахи возносили свои молитвы къ Богу, каменники трудились за подвижниковъ и подѣ конецъ даже построили имъ небольшую келійку, но во все время своего совместнаго житія съ благочестивыми иноками пришельцы тщательно скрывали отъ нихъ свое званіе и свой промыселъ. Спустя, однако, нѣкоторое время, монахи узнали страшную тайну своихъ незваныхъ благодѣтелей и немедленно рѣшились отъ нихъ бѣжать. Разбойники, провѣдавшіе объ этомъ, удержали монаховъ, можетъ быть, изъ боязни, чтобы они не предали ихъ въ руки правосудія, а, можетъ, и въ видахъ того, чтобы ихъ молитвами испро-

¹⁾ Григорій Миллеръ, «Историческія сочиненія», Москва, 1846, стр. 43.

сидеть у Бога прощенье за свои великия злодѣянія. Такъ монахи волей неволею должны были оставаться жить съ разбойниками. Но «воръ воруетъ до поры, до времени», такъ и разбойники: уже давно прослышали объ ихъ злодѣяніяхъ запорожцы, давно уже слѣдили за ними запорожскіе разъѣзды и, наконецъ, преступники были открыты. Но можно себѣ представить удивленіе запорожцевъ, когда они вмѣстѣ съ разбойниками открыли и монаховъ. Однако же, недоумѣніе ихъ скоро разъяснилось, и запорожцы, схвативъ злодѣевъ, предоставили полную свободу дѣйствій отшельникамъ и даже даровали имъ разныя льготы и обставили возможными удобствами жизни. Мало того, вскорѣ послѣ этого запорожскій кошъ, узнавъ объ открытіи въ самарскомъ лѣсу отшельниковъ, велѣлъ на мѣстѣ ихъ жилища построить маленькую крѣпостцу съ погребами и тайными ходами, потомъ при крѣпостцѣ соорудить небольшую деревянную церковцу во имя святителя и великаго чудотворца Николая, при церковцѣ поставить «шпиталь» и нѣсколько жилыхъ построекъ для раненыхъ, недужныхъ, престарѣлыхъ и «зубожалыхъ» запорожцевъ; впослѣдствіи къ построенной церковцѣ «вельможный» кошъ отвелъ «влѣстные грунты», то-есть нѣкоторое количество лѣса, пахотной земли и сѣнокоса, и въ 1602 году вызвалъ изъ кievскаго Межигорскаго Спасопреображенскаго монастыря въ качествѣ настоятеля іеромонаха Паисія, родомъ волоха, человѣка начитаннаго въ священномъ писаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣвшаго «раны залѣчивать и больнымъ помогать». Прибывъ къ возникшей обители, іеромонахъ Паисій скоро возвелъ ввѣренную ему обитель на степень монастыря, добылъ для своего монастыря ставропигію, установилъ общія для монашествующей братіи правила, устроилъ общую для всѣхъ трапезу и ввелъ иноческій въ богослуженіи уставъ. Такимъ образомъ уже въ это время для запорожскихъ казаковъ Самарско-Николаевскій монастырь сдѣлался завѣтною святынею, палладіумомъ всего края. «Это рай Божій на землѣ, это истинная Палестина, это истинно новый Іерусалимъ!» — говорили они въ умиленіи. Взирая на святую обитель и высокіе подвиги ея иноковъ, они подъ старость и сами нерѣдко удалялись въ Самарскій монастырь или же селились близъ него своими зимовниками и селами.

Съ тѣхъ поръ исторія Самарско-Николаевскаго монастыря тѣсно переплелась съ исторіей запорожскихъ казаковъ: какъ запорожцы во всю свою жизнь вели борьбу съ врагами православной вѣры — турками, татарами и поляками, такъ и Самарскій монастырь выступалъ на борьбу съ тѣми же врагами, не избѣгая борьбы и съ физическими бѣдами. Много разъ братія монастыря приходилось терпѣть и отъ поляковъ, татаръ и турокъ, много разъ приходилось испытывать страданія и отъ моровой язвы, страшнаго голода, лютой зимы, нестерпимаго зноя и разрушительныхъ наводненій,

но все вынесли иноки Самарскаго монастыря ради спасенія православной церкви и отеческой вѣры. Въ XVII вѣкѣ Самарско-Николаевскій монастырь не разъ посѣщаль и дѣлалъ въ немъ денежные вклады князь Василій Васильевичъ Галицынъ, устроив-

Самарскій Запорожскій монастырь (1782—1787 г.).

шій близъ него такъ называемую Новобородицкую крѣпость, какъ передовой базисъ, въ виду наступательныхъ походовъ Росіи на Крымъ. Въ XVIII вѣкѣ у Самарскаго монастыря подвижился миргородскій полковникъ Давилъ Апостоль, впоследствии

знаменитый гетманъ малороссійскихъ казаковъ; въ то же время Самарскій монастырь часто посѣщали сподвижники фельдмаршала Миниха, графъ Вейсбахъ и генераль Леонтьевъ: въ виду происшедшей въ то время войны Россіи съ Турціей генералы дали Самарскому монастырю видъ твердой крѣпости и приспособили его къ боевымъ цѣлямъ; генераль-маіоръ Штокманъ, командиръ Муромскаго и Углицкаго полковъ, не разъ посѣщалъ Самарскій монастырь и дѣлалъ богатые вклады на благолѣпіе храмовъ его; командиръ «Новороссійской губерніи», генераль-маіоръ Исаковъ, нарочно ѣздилъ въ Самарскій монастырь и бесѣдовалъ съ почтенными старцами его; греческій митрополитъ Игнатій, руководившій переселенцами-греками изъ Крыма въ Россію, нашель пріютъ, вмѣстѣ со многими переселенцами, въ томъ же Самарскомъ монастырѣ; во время русско-турецкой войны 1770—1774 годовъ Самарскій монастырь открылъ свои келіи для больныхъ и раненыхъ, одинаково какъ христіанъ, такъ и враговъ Христовыхъ; изъ послѣднихъ многіе обратились въ православную вѣру, сдѣлались иноками монастыря и снискали себѣ всеобщее уваженіе; таковы инокъ Николай изъ турокъ и инокъ Георгій изъ татаръ. Сами запорожцы ежегодно цѣлыми толпами, преимущественно въ дни великаго поста, посѣщали свою «Палестину», говѣли, исповѣдывались и пріобщались въ ней; многіе изъ нихъ здѣсь и дни свои кончали. Таковъ, на примѣръ, запорожскій кошевой атаманъ Филиппъ Федоровъ, умершій здѣсь на 101 году своей жизни; таковъ бывшій такъ называемый «дикій попъ», Кирилль Николаевичъ Тарловскій, умершій здѣсь въ 1784 году послѣ замѣчательныхъ подвиговъ въ своей жизни, какъ то значится въ синодикѣ церкви села Воскресеновки, Новомосковского уѣзда: «Родъ священно-іерея Кирилла Тарловскаго, онъ же создатель храма сего (въ селѣ Воскресеновкѣ) и преставился въ Самарскомъ монастырѣ, въ каменной церквѣ погребенъ 1784 года, декабря дня 4-го»¹⁾. Но, кромѣ запорожцевъ, здѣсь покоятся кости умершихъ святителей-архіереевъ: Аванасія Иванова, Платона Любарскаго, Онисифора Боровика и Іова Потемкина, роднаго племянника «блестящаго» князя Г. А. Потемкина.

Послѣ паденія Запорожья Самарско-Николаевскій монастырь въ 1780 году былъ приписанъ къ кievскому Межигорскому Спасо-преображенскому монастырю, а въ 1791 году сдѣланъ былъ «домомъ Екатеринославскихъ архіереевъ», каковымъ и въ настоящее время числится. За все время историческаго существованія въ Самарскомъ монастырѣ воздвигались церкви—въ первый разъ около

¹⁾ Авторъ статьи видѣлъ этотъ синодикъ въ прошедшее лѣто въ церкви села Воскресеновки; онъ писанъ въ 1794 году, марта 10-го дня, и принадлежитъ «помѣщику прапорщику Василю Ивановичу Тарловскому».

1587 года, въ второй—около 1670 года, въ третій—въ 1732 году, въ четвертый—въ 1787 году, въ пятый—въ 1815 году и наконецъ въ шестой разъ въ 1832 году. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ монастырь съ главною церковью, во имя святителя Николая, заложенною въ 1782 году стараніемъ «дикаго попа» Кирилла Тарловскаго и оконченною въ 1787 году трудами бывшихъ запорожскихъ войсковыхъ старшинъ Филиппа Оедорова, Максима Косолапа, Оедора Золотаря, Оедора Стовбы и Ереміи Максимовича Малого.

Въ настоящее время въ трехъ церквахъ бывшаго Самарскаго монастыря хранятся разныя вещи, памятники усердія запорожскихъ казаковъ къ храмамъ Божиимъ. Такъ, въ главной церкви во имя святителя Николая, стоитъ драгоценная святыня монастыря, икона Богоматери съ надписью, сдѣланною на серебряной позлащенной ризѣ ея: «Сія шата сооружена стараніемъ и ѹкоштомъ его вельможности пана кошеваго атамана Петра Ивановича Калнишевскаго въ 1772 году 30-го декабрия, вѣсомъ 3 фунта и 21 лоть». Кромѣ иконы, въ этой же церкви хранятся три напрестольныхъ креста, изъ коихъ одинъ «сооруженъ» казакомъ Василиемъ Бѣлымъ въ 1783 году, другой монахомъ Авраомомъ Запѣчнымъ въ 1768 году, третій работъ божиимъ Василиемъ Оедоровскимъ въ 1785 году; двѣ серебряныя позлащенные чаши, изъ коихъ одна «наданна» казакомъ Захаромъ Мартыновымъ, другая бывшимъ кошевымъ атаманомъ Алексѣемъ Бѣлицкимъ въ 1771 году; одинъ серебряный большой ковчегъ, сооруженный Іереміемъ Максимовичемъ Малымъ въ 1780 году, и два евангелія, изъ коихъ первое пожертвовано за отпущеніе грѣховъ казака Никифора Рябошайки въ 1740 году, а другое «наданно» казакомъ Демьяномъ Дегушею. Въ другой церкви, во имя Георгія Побѣдоносца, уцѣлѣла икона, «отмѣненная» казакомъ Степаномъ Ченересомъ, и евангеліе, данное изъ Сѣчи въ монастырь Нехворощанскій Заорельскій архимандритомъ Гавріиломъ въ 1731 году, но перешедшее въ Самарско-Николаевскій монастырь. Въ третьей церкви, во имя Преображенія Господня, уцѣлѣло евангеліе, сооруженное атаманомъ Величковскаго куреня Демьяномъ Легушею въ 1759 году, и икона Господа Вседержителя, въ высокой тиарѣ на головѣ, въ пурпурной мантии на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и съ державнымъ яблокомъ въ лѣвой. Въ этой иконѣ особенно интересно именно державное яблоко: на немъ представленъ лѣсъ, посреди лѣса озеро, изъ озера протянута рѣчка, черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и ко всему этому изображены три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удить рыбу, другой стоитъ въ камышахъ и цѣлится въ плавающихъ по рѣчкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ какую-то пищу; около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, «мажа», а около рѣчки виднѣтся одномачтовая казацкая чайка. Мысль, вложенная ху-

дожникомъ въ икону, очевидна: онъ хотѣлъ показать, что Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, оттого и держитъ ихъ въ своемъ державномъ яблокѣ.

Въ двухъ верстахъ около бывшаго Самарско-Николаевского монастыря стоялъ у запорожскихъ казаковъ городъ Новая Самарь, Самарчукъ, Самарчикъ, просто Самарь, впоследствии слобода Новоселица или Новоселовка, теперь уѣздный городъ Новомосковскъ, гдѣ у нихъ сооруженъ былъ великолѣпный деревянный соборъ во имя Св. Троицы. Какъ церковь святителя Николая въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ можетъ считаться первою церковью во всемъ Запорожскомъ краѣ, такъ соборъ въ Новой Самари послѣдней церковью, по крайней мѣрѣ, послѣдней какъ по своей превосходной отдѣлкѣ, такъ и по своему долговременному, больше чѣмъ столѣтнему со времени паденія Запорожья, существованію. До построенія знаменитаго собора въ Новой Самари была деревянная церковь, передѣланная изъ простой хаты послѣ того, когда запорожцы вернулись изъ-подъ крымскаго хана, то-есть около 1734 года: на простой хатѣ выведенъ былъ второй верхъ, на этомъ верху сдѣлана была камышевая крыша, на крышѣ поставленъ былъ желѣзный крестъ, и вышла первая церковь въ Новой Самари. Церковь эта просуществовала до 1773 года; объ этой церкви говорится въ «настойной грамотѣ» кievскаго митрополита Арсенія Могилянскаго¹⁾; за ея время въ городѣ Самари около 1709 года учреждено было такъ называемое духовное намѣстническое правленіе, именованнаго староказацкимъ запорожскимъ правленіемъ, главнымъ священникомъ котораго, или «крестовымъ намѣстникомъ», былъ Григорій Ивановичъ Порохня и при немъ семь священниковъ, частію исправлявшихъ церковныя требы, частію присутствовавшихъ въ намѣстническомъ правленіи. Въ 1773 году эта церковь въ городѣ Самари оказалась уже довольно ветхой, и потому рѣшено было воздвигнуть новую церковь вмѣсто старой обветшавшей.

О построеніи второй церкви въ городѣ Самари сохранились и письменныя данныя, и изустныя преданія. Преданія прежде всего говорятъ, что, рѣшивъ построить вмѣсто старой церкви новую, запорожскіе казаки съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшили, что въ сооружаемомъ храмѣ не должно быть ни одного желѣзнаго гвоздя, потому что «не годится въ храмъ Спасителя, распятаго на крестѣ и прибитаго къ нему желѣзными гвоздями, вбивать въ дерево гвозди, а нужно вставлять деревянные тыбли и на нихъ крѣпить основу церкви». На собравшейся потомъ паланочной радѣ у ктитора Якова Андреевича Легкаго и состоявшей изъ паланочнаго сердюка, есаула, подѣсаулія, писаря, подписаря, шафаря, протопопа, священниковъ, начальника ближняго Самарско-Николаевскаго монастыря и нѣ-

¹⁾ Θεοδοσίη, «Историческій обзоръ церквей», Екатеринославъ, 1876 г., стр. 69.

скольких почетныхъ обывателей города, рѣшено было строить храмъ «на девять баштъ или куполовъ, по три башты въ рядъ со всѣхъ четырехъ сторонъ»; для сооруженія храма приглашенъ былъ искусный мастеръ изъ села Водолагъ Харьковской губерніи, по

Самарскій Запорожскій соборъ (1773—1778 г.).

фамиліи Якимъ Погребнякъ; онъ договоренъ былъ за 2.000 рублей. но послѣ совершенія контракта изъ договорной суммы уступилъ на поминъ своей души 24 рубля; при этомъ мастеръ долго не могъ растолковать запорожцамъ, что хотя верхъ церкви будетъ состоять

изъ четырехъ сторонъ и на каждой сторонѣ будетъ по три башты въ рядъ, но всѣхъ баштъ выйдетъ не 12, а 9: запорожцы забыли, что четвертая сторона входила въ счетъ баштъ, бывшихъ по счету въ трехъ первыхъ сторонахъ, отчего и выходило всѣхъ баштъ не 12, а 9. «Погребняку трудно было имъ объяснить расчетъ, на основаніи котораго ювелиръ одной византійской императрицы, дѣлая ей крестъ, умудрился украсть изъ него нѣсколько данныхъ ему драгоценныхъ камней: онъ расположилъ ихъ такъ, что число ихъ, считая по продольной и поперечной части креста, по каждой порознь, и потомъ сложенное вмѣстѣ, выходило вѣрно, а на самомъ дѣлѣ было меньше»¹⁾. Заключивъ условіе, мастеръ однако, усомнился въ собственномъ искусствѣ, убѣжалъ въ самарскіе камыши и тамъ скрывался нѣсколько дней, пока ему во снѣ не явился сѣдой старичекъ, Николай Чудотворецъ, и не показалъ, какъ строить задуманный храмъ. Мастеръ очнулся отъ своего видѣнія, тотъ же часъ сдѣлалъ изъ «оситнягу» модель церкви и по ней уже приступилъ къ постройкѣ храма. Храмъ заложенъ былъ по благословенію кіевского митрополита Гавріила Розанова въ 1773 г., какъ значителенъ въ старой «Описи имущества», хранящейся въ Новомосковскѣ, а не въ 1775 г., 2 іюня, какъ показываетъ издатель «Матеріаловъ для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи»²⁾. Главный престолъ его посвященъ былъ святой живоначальной Троицѣ, боковой правый — апостоламъ Петру и Павлу, боковой лѣвый — святителямъ Василию Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту. Блустителями построенія храма были бывшіе запорожскій судья Антонъ Головатый и кошевой атаманъ Иванъ Чепига. Вся церковь, кромѣ каменнаго фундамента, сооружена была изъ дубоваго и сосноваго лѣса, доставленнаго изъ сосѣдняго самарскаго лѣса и сложеннаго при помощи «тыблей», то-есть шиповъ по срединѣ бревень, и замковъ, то-есть особо вырѣзанныхъ связей по концамъ ихъ. Храмъ оконченъ былъ, кромѣ боковыхъ иконостасовъ, уже послѣ паденія Запорожья, въ 1778 году и въ этомъ же году, 13 мая, былъ освященъ проѣзжавшимъ по епархіи преосвященнымъ Евгеніемъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Θεоктистомъ. Въ 1780 году, 30 августа, освящены были мѣстнымъ протопопомъ, Григоріемъ Порохней, и боковые придѣлы храма.

Самарскій соборъ по красотѣ, великолѣпію, изяществу общихъ очертаній и «смѣлой до дерзости постановкѣ» считался у казаковъ лучшимъ храмомъ во всемъ Запорожьѣ. Архитектура его была проста: мастеръ не далъ ей ни колоннъ, ни внѣшнихъ украшеній; снаружи онъ обшилъ его шелевкой и по шелевкѣ побѣлилъ бѣлою краскою; куполь окрасилъ зеленою ярью; внутри росписалъ стѣны

¹⁾ Надхлинъ, «Память о Запорожьѣ», Москва, 1877 г., стр. 59.

²⁾ Θεодосій, «Матеріалы», Екатеринославъ, 1880 г., I, стр. 309.

и своды картинами религіознаго содержанія, а иконостасъ возвелъ до сводовъ и украсилъ его великолѣпною рѣзбой съ разными фестонами и завитками и превосходною, въ старинномъ византійскомъ стилѣ, живописью, мѣстами наложивъ на него серебряныя позлащенные шаты, мѣстами же отдѣлавъ тончайшею и искуснѣйшею инкрустаціей. Вся высота церкви—31 сажень, объемъ 58 сажень; общая стоимость постройки, кромѣ колокольни, 16.785 рублей и 71 копейка. При церкви въ послѣдствіи поставлена была отдѣльно колокольня съ 6 колоколами, изъ коихъ самый большой вѣсилъ 262 пуда и 24 фунта, цѣною въ 7.220 рублей; около колокольни построены были два дома и тутъ же выкопанъ колодезь съ деревяннымъ навѣсомъ надъ нимъ, а вокругъ всей церкви сдѣлана была ограда, окрашенная бѣлою краскою. Близъ западной двери повѣшено было чугунное «било», съ украшеніями вверху въ видѣ двухъ лошадиныхъ головъ и съ какими-то въ срединѣ, на подобіе буквъ, углубленіями, издававшее пріятный серебристый звукъ отъ удара по немъ деревяннымъ молотомъ. За постройку храма мастеру Игнату Погребняку выданъ былъ аттестатъ, хранящійся и по настоящее время въ Новомосковскѣ въ самомъ храмѣ; тутъ же находилась и первоначальная модель изъ «оситнягу», весьма недавно распавшаяся отъ ветхости, самый же соборъ въ настоящее время передѣлывается совершенно по тому же образцу, какъ онъ былъ построенъ при запорожцахъ.

Отъ запорожскихъ казаковъ въ настоящее время сохранились въ Самарскомъ соборѣ нѣсколько церковныхъ вещей, каковы: картины, иконы, шесть евангелій, пять напрестольныхъ крестовъ, двѣ чаши, три дискоса, двѣ ризы, плащаница, подризникъ, дарохранительница и антиминь. Изъ картинъ интереснѣйшая картина, изображающая собой страшный судъ съ демонами, огненными языками, смолой, орудіями пытки и множествомъ людей, раздѣленныхъ по сословіямъ, начиная съ архіереевъ и кончая простыми мужиками; изъ иконъ интересна икона «Собора апостоловъ», «отмѣненная» казакомъ Иваномъ Терещенкомъ въ 1774 году; изъ евангелій одно пожертвовано казакомъ Лаврентіемъ Плихою въ 1750 году, другое — Иваномъ Серебряникомъ въ 1782 году, третье—казакомъ Иваномъ Прудкомъ въ 1773 году; остальные—неизвѣстными лицами. Изъ пяти крестовъ четыре пожертвованы общимъ коштомъ запорожскаго войска (1771, 1772, 1774, 1775 годовъ), а послѣдній принесенъ въ даръ отдѣльно тремя казаками—атаманомъ Булахомъ, Иваномъ Неклесою, Иваномъ Булахомъ «съ прочими ихъ товарищи въ 1782 году». Изъ трехъ чашъ одна пожертвована казакомъ Иваномъ Чумакомъ въ 1754 году, другая—казакомъ Ѳедоромъ Колотнечю въ 1766 году, третья—общимъ коштомъ запорожскаго войска. Изъ дискосовъ два пожертвованы общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1761 и 1771 годахъ, третій прине-

сень въ даръ казакомъ Федоромъ Колотнечю въ 1763 году; изъ остальныхъ вещей дарохранильница пожертвована общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1768 году, ризы—одна коштомъ войска запорожскаго въ 1764 году, другая—коштомъ священника Михайлова въ 1763 году, подризникъ—коштомъ казака Стефана Прилуки въ 1758 году, наконецъ, антиминсъ привезенъ въ церковь въ 1780 году, освященъ архіепископомъ Евгеніемъ въ 1779 году, а выданъ архіепископомъ Никаноромъ въ 1780 году.

Д. Эварницкій.

СИБИРСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ Д. И. ЧИЧЕРИНЪ.

РЕДИ цѣлаго ряда правителей Сибири имя губернатора Чичерина, «батюшки Дениса Ивановича», до сихъ поръ еще живо сохраняется въ памяти народной.

Блестящій офицеръ Преображенскаго полка, время императрицы Елисаветы, попавшій затѣмъ въ опалу при Петрѣ III, Чичеринъ со дня вступленія на престолъ Екатерины быстро двинулся по службѣ, и въ 1763 году былъ назначенъ губернаторомъ въ Сибирь. 18 лѣтъ провелъ онъ въ Тобольскѣ, и эти годы Чичеринскаго управленія до сего времени не изгладились изъ памяти сибиряковъ. Роскошныя празднества, торжественныя обѣды, сопровождаемые музыкой, громомъ пушекъ и неумолкаемой ружейной пальбой, балы и маскарады, на которые съзывался весь Тобольскъ, масса челяди, постоянно сопровождавшей всякій парадный выѣздъ Чичерина, любившаго торжественность и блескъ,—все это поражало скромныхъ обывателей отдаленнаго Тобольска и дало обильный матеріаль для легендарныхъ сказаній о тогдашнемъ времени, затмевающихъ подчасъ дѣйствительность. Легенды перешли въ исторію, а дѣйствительныя заслуги этого замѣчательнаго администратора, сумѣвшаго избавить Сибирь отъ ужасовъ Пугачевщины и проведшаго цѣлый рядъ разныхъ крупныхъ мѣропріятій къ установленію порядка во ввѣренной его управленію странѣ,—пока все еще въ тѣни и ждутъ справедливой оцѣнки.

Года два тому назадъ, одинъ изъ скромныхъ дѣятелей по изслѣдованію сибирской старины, Е. В. Кузнецовъ, разбирая въ Тобольскомъ губернскомъ архивѣ уцѣлѣвшія отъ пожаровъ бумаги и дѣла бывшей полицеймейстерской конторы, извлекъ оттуда и напечаталъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» цѣлый рядъ найденныхъ имъ распоряженій Чичерина по полиціи¹⁾. Распоряженія эти, рельефно обрисовывающія Чичеринскіе распорядки, любопытны съ одной стороны какъ образчикъ административныхъ приемовъ второй половины XVIII вѣка, а съ другой — поучительны и интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ, до какой степени въ Тобольскѣ борьба изъ-за благоустройства и благочинія въ городѣ не далеко ушла впередъ за прожитыя 125 лѣтъ. Какъ тогда, такъ и теперь, къ концу XIX вѣка, слышатся все тѣ же окрики на загрязненіе города, неисправность мостовыхъ, извозчичьи безобразія и т. п. Какъ тогда, такъ и теперь, идетъ усиленная борьба администраціи съ тѣми же правонарушеніями, — борьба, далеко не всегда успѣшная и удачная. Мѣры, принимавшіяся Чичеринымъ, должны занять не безынтересную страничку въ исторіи полицейскаго права въ Россіи, служа въ то же время доказательствомъ тому, что одними полицейскими распоряженіями достигнуть въ этомъ направленіи многого нельзя, и что единственный вѣрный способъ къ упорядоченію общественной жизни въ городахъ — это общее поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня обывателей.

Человѣкъ инициативы, обладавшій рѣдкой энергіею, Чичеринъ, въ заботахъ по управленію громаднымъ Сибирскимъ краемъ, находилъ время неуклонно слѣдить и за порядкомъ въ своей резиденціи; не довольствуясь воздѣйствіемъ въ этомъ направленіи на лицъ, стоявшихъ во главѣ полиціи, онъ въ большинствѣ случаевъ самъ распоряжался, проявляя нерѣдко замѣчательную твердость и непреклонность въ защитѣ общественныхъ интересовъ, нарушаемыхъ тѣми или другими лицами. Въ борьбѣ этой Чичеринъ употреблялъ всю силу своей власти, часто переходившую за предѣлы законности и благоразумія; онъ бывалъ беспощаденъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, добываясь желаемого, какъ истый сынъ своего вѣка, неслышанными строгостями, часто граничившими съ жестокостью.

Больше всего возмущало Чичерина сплошное, повальное загрязненіе города. Обстоятельство это очень характерно, если принять во вниманіе, что въ то время не только Москва, но и Петербургъ далеко не отличались особенной чистотой; казалось бы, отдаленному Тобольску и Богъ велѣлъ мирно жить среди традиціонной, полуторавѣковой грязи. Не такъ, однако, смотрѣлъ на это Чичеринъ; его взглядъ на санитарныя требованія значительно опередилъ вѣкъ.

¹⁾ «Тобольскія Губернскія Вѣдомости», 1891 г., № 11—14.

Признавая загрязненіе улицъ и дворовъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ появленія и распространенія повальныхъ болѣзней, онъ требовалъ, чтобы «въ городѣ нечистоты никакой не имѣли, навозъ и прочее вывозить на рѣку, на пустыри, а на озерахъ и рѣчкахъ Курдюмкѣ и Монастырской не класть, во избѣжаніе тѣмъ заразительнаго весною воздуха». Не довольствуясь подобнымъ категорическимъ приказаніемъ, онъ старается объяснить частое нарушеніе такого простого и, казалось, столь не обременительнаго правила. «Не взирая на то, что сіе учреждено въ пользу общую всѣмъ жителямъ, безразсудные и привыкшіе къ упрямству многіе жители, хотя равный трудъ имѣютъ, что на проѣздъ вывозить или на пустыри вываливать, но единственно по злонравію своему стремятся противоборствовать учрежденіямъ и понынѣ вывозятъ въ запрещенныя мѣста. Неудивительно, — пишетъ далѣе Чичеринъ, — что злонравные бездѣльники, каковъ есть Шишмолинъ и тому подобные, которымъ всѣ полезныя учрежденія противны, привыкли только къ самолюбію и угождать своимъ нравамъ, но тѣмъ паче презрительно, что многіе благородные, которымъ и самимъ того наблюдать и пресѣкать должно было, напротивъ, и сами тѣмъ бездѣльникамъ и ослушникамъ послѣдуютъ, во вредность себѣ и всему обществу».

Распоряженіе свое о воспрещеніи сваливать навозъ въ рѣчки и озера и требованіе объ очисткѣ дворовъ Чичеринъ приказываетъ объявить всѣмъ домохозяевамъ съ подписками; этимъ, однако, онъ не ограничивается. По его приказанію, въ распоряженіе полиціи командировается отрядъ конныхъ гусаръ и пѣшихъ гренадеръ, на обязанность которыхъ возлагалось денно и ночью разъѣзжать дозоромъ по городу, «присматривать ослушниковъ, ловить ихъ и доставлять въ полицеймейстерскую контору» на расправу. А расправа была крутая, ослушникамъ приказывалось «чинить публичное жестокое наказаніе плетьюми», записывая ихъ имена въ особый журналъ. Послѣднее имѣло немаловажное значеніе: попавшагося во второй разъ препровождали уже прямо въ губернаторскую канцелярію, откуда, по наказаніи кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ въ каторжную работу.

Повидимому, угрозы столь жестокими наказаніями не очень, однако, пугали тобольскихъ обывателей, несомнѣнно имѣвшихъ свой взглядъ на необходимость и полезность санитарныхъ мѣропріятій; попрежнему улицы, дворы и пустыри заваливались всякими отбросами; разъѣзды дозорныхъ гусаръ и гренадеръ, едва ли понимавшихъ даже что собственно отъ нихъ требовалось, не много способствовали очищенію города; должно быть, ужъ очень не трудно было обывателямъ войти съ ними въ соглашеніе и скрыть свои грѣшки. Видя это, Чичеринъ идетъ далѣе; 13-го марта 1773 года онъ чрезъ плацъ-маіора Якова Мейбома объявляетъ, что если че-

резь недѣлю не будетъ убранъ «навозъ и всякая нечистота» съ улицъ и пустырей, «и противъ чьего дома или по близости на пустырь усмотрится какая нечистота, то въ такомъ случаѣ благороднаго званія хозяевъ ихъ люди или работники, а нижнихъ чиновъ сами хозяева, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ та нечистота окажется, сѣчены нещадно будутъ плетьюми». Любопытный административный приемъ, такъ хорошо рисующій вѣкъ, когда за людей «благороднаго званія» отвѣчали спины ихъ холоповъ.

Въ своихъ распоряжкахъ полицейскихъ Чичеринъ не стѣснялся приемами и былъ положительно неисчерпаемъ въ изобрѣтеніи все новыхъ административныхъ взысканій! Такъ, черезъ два мѣсяца послѣ изданія вышеприведеннаго распоряженія онъ узналъ, что на Тырковкѣ (одна изъ глухихъ частей города), въ буеракѣ навалено множество сваливашагося отъ падежа скота, «отчего великій идетъ по городу смрадъ и людямъ происходитъ вредъ». И вотъ, «въ наказаніе жителямъ за неисполненіе прежде отдаваемыхъ о зарытіи того скота приказовъ», онъ предписываетъ плацъ-маіору Мейбому «нарядить по числу душъ живущихъ въ городѣ посадскихъ, цеховыхъ, ямщиковъ, крестьянъ и разночинцевъ, всего двѣсти человекъ, и тотъ падежный скотъ весь зарыть въ землю».

Не мало причинялъ Чичерину хлопотъ бродячій скотъ, шатавшійся по улицамъ, особенно когда въ городѣ появился падежь. Строго регламентируя выпускъ скота въ поле, Чичеринъ предписываетъ полиціи забирать бродячую по улицамъ скотину и «отводить прямо для порціи больныхъ въ гошпиталь». Когда въ городѣ появился падежь рогатаго скота, рекомендовалось жителямъ не гонять коровъ на водопой, а поить ихъ дома, такъ какъ «скоту падежь единственно происходитъ отъ соединенія скота на водопой». Черезъ три дня послѣ этого предписывалось «отнюдь изъ домовъ своихъ скота на улицу не выпускать» и съ цѣлью сохраненія его отъ зараженія «пускать зашейную кровь и дѣлать въ груди заволочку». Послѣднее распоряженіе не пришлось по вкусу обывателямъ, очевидно, не желавшимъ безъ особой надобности терзать своихъ буренушекъ. Тогда Чичеринъ выступаетъ съ новымъ приказомъ: «Въ пользу всего общества и въ прекращеніе падежа скота всѣмъ объявлено о учиненіи заволочъ и кровь пустить, однако-жъ замерзѣлый въ упрямствѣ народъ въ свою пользу исполнить не хотитъ и тѣмъ и себѣ и другимъ вредъ наводитъ. И для того объявить: ежели у кого скотина усмотрѣна будетъ безъ заволочки, то взята будетъ на гошпиталь». Неизвѣстно, внялъ ли увѣщаніямъ Чичерина «замерзѣлый въ упрямствѣ народъ»; данныхъ, чтобъ судить объ этомъ, мы не имѣемъ, но что скотъ продолжалъ бродить безпрепятственно по улицамъ, явствуетъ изъ послѣдующихъ распоряженій по этому поводу, изъ которыхъ одно, отъ 12-го марта 1776 года, особенно любопытно, ибо въ немъ властный гу-

бернаторъ самъ признаеть, что всѣ его приказы весьма мало дѣйствительны: «Всѣ отдаваемые отъ меня полиціи приказы дѣйствіе свое имѣютъ никакъ только одинъ день»,—пишетъ Чичеринъ тобольской полицеймейстерской конторѣ, и какой грустной ироніей звучать эти слова въ устахъ всесильнаго сибирскаго губернатора...

Истребленіе бродячихъ собакъ тоже не было упущено изъ виду Чичеринымъ. Первоначально приказано было убивать таковыхъ съ разборомъ, щадя охотничьихъ, борзыхъ, къ которымъ Чичеринъ, какъ самъ охотникъ, не былъ равнодушенъ; впоследствии, ради достиженія цѣли, пришлось отказаться отъ этого, и, какъ видно изъ приказа генеральнаго дежурства отъ 16-го іюля 1776 года: «его превосходительство Денисъ Ивановичъ изволилъ приказать: гдѣ бы онѣ (борзые собаки) ни были, то оныхъ колоть».

Какъ въ наше время, такъ и тогда, скорая ѣзда была слабостью сибиряка; проѣздка бѣшенымъ аллюромъ по главнымъ улицамъ города составляетъ и составляла всегда одно изъ любимѣйшихъ развлеченій обывателей города Тобольска; правда, частенько подобная ѣзда тяжело отзывалась на прохожихъ, но въ этомъ, по мнѣнію сибиряковъ, виноваты сами прохожіе: зачѣмъ зѣваютъ. Конечно, Чичеринъ не могъ не обратить вниманія на такое явное нарушеніе общественной безопасности; онъ неоднократно предписывалъ подтвердить обывателямъ, «чтобы отнюдь скоро на лошадяхъ не ѣздили, кто бы какого званія ни былъ». Предписанія эти, какъ можно думать, оставались мертвою буквою, и Чичеринъ, по видимому, не особенно настаивалъ на строгомъ исполненіи ихъ, пока въ дѣло не замѣшались извозчики. Если еще можно было терпѣть скорую ѣзду лицъ извѣстнаго ранга, то со стороны извозчиковъ это было уже дерзостью. «По происходящимъ великимъ беспорядкамъ, скорымъ ѣздамъ отъ извозчиковъ, многіе вредные опыты уже оказались»,—пишетъ Чичеринъ,—«узнать ихъ, кто они такіе, никакъ не можно, потому что всякій, сдѣлавъ вредъ обществу, поврежденіе здоровья человѣческаго, не можетъ быть сысканъ и пойманъ». Чтобы въ корнѣ уничтожить это зло, энергическій губернаторъ поступаетъ весьма рѣшительно. «Для того предлагаю тобольской полиціи, съ полученія сего, всѣмъ извозчикамъ впредь до учрежденія настражайше запретить, чтобъ ни единого не было, а ежели кто завтрашнее число въ извозѣ явится, тѣхъ брать подъ караулъ». Къ сожалѣнію, уцѣлѣвшіе архивные документы не сообщаютъ, что за учрежденіе придумалъ Чичеринъ для обузданія извозчиковъ, но такъ или иначе онъ разрѣшилъ впоследствии заниматься извозомъ въ городѣ, что видно, между прочимъ, изъ приказа его отъ 22-го декабря 1776 года, которымъ онъ требуетъ, чтобы съ 1-го января 1777 года ни одинъ извозчикъ не пробовалъ извозничать, не взявъ установленнаго билета на тотъ годъ.

Характерная особенность тобольской почвы — ее необыкновенная вязкость, была причиною весьма ранняго появленія мостовыхъ въ городѣ. За отсутствіемъ камня, котораго ближе 500 верстъ достать было нельзя, улицы мостились и мостятся до сихъ поръ деревомъ. На поперечные толстые брусья кладутся продольныя доски-плахи, вершковъ трехъ толщиной, основательно прикрѣпляемыя къ брусьямъ. Получается очень покойная и удобная мостовая, пока она новая. По времени, плахи начинаютъ стираться, причемъ особенно страдаютъ концы ихъ, такъ что обыкновенно плаха относительно еще крѣпка, а конецъ ея готовъ обломиться. Вотъ тутъ-то начинается штопаніе мостовой: изломанный конецъ отпиливаютъ и приставляютъ соотвѣтствующій кусокъ доски. Эти приставки не обладаютъ устойчивостью цѣлой плахи, очень скоро раскрѣпляются, и тогда мостовая является опаснѣйшимъ капканомъ для проѣзжающихъ по ней. Штопанье мостовой — хроническая болѣзнь тобольскихъ обывателей, и никакія полицейскія мѣры, принимаемыя во всѣ времена, не излечили и даже не ослабили этого порока. Чичеринъ, какъ увидимъ ниже, дошелъ до крайности, но и его ни съ чѣмъ несообразныя по строгости своей наказанія не устрасили обывателя, продолжающаго и теперь все попрежнему штопать свою мостовую сомнительными дощечками. Происшествіе, которое дало поводъ Чичерину жестоко наказать хозяина того дома, противъ котораго мостовая оказалась неисправной, случилось въ апрѣлѣ 1774 года. Въ одинъ изъ злополучныхъ дней этого мѣсяца, во время проѣзда по улицѣ полковника Булгакова, цуговая лошадь ногой проломила мостовую и сломала себѣ ногу, а сидѣвшій на ней фореиторъ, перелетѣвъ черезъ голову, поднятъ былъ полумертвымъ; виною всему оказалась проклятая штопка, на этотъ разъ дорого обошедшаяся хозяину дома. По приказанію Чичерина его велѣно было «высѣчь на рынкѣ съ барабаннымъ боемъ нещадно плетми и, выбривъ голову, употреблять два мѣсяца въ каторжную работу». Характерный образчикъ правомѣрности взысканій въ блестящую Екатерининскую эпоху!

Въ заботахъ своихъ о благоустройствѣ города въ санитарномъ отношеніи, Чичеринъ обратилъ вниманіе на доставленіе обывателямъ возможности пользоваться прогулкою на свѣжемъ воздухѣ. Въ видахъ этихъ «для пользы и удовольствія всего гражданства и для гулянья подчищены съ немалымъ трудомъ близъ самаго города рощи», въ которыхъ, конечно, стражайшимъ образомъ запрещалось рубить деревья; однако «злонравный и упрямый народъ дѣлается послушнымъ; имѣя довольно мѣста для рубки дровъ, но единственно изъ злости и упрямства въ запрещенныхъ мѣстахъ рубить». Крестьянинъ Аванасій Филатовъ и деньщикъ поручика Домекова Мелетій Байбаковъ, пойманные развѣдомъ на мѣстѣ преступленія, заплатились за порубку своими спинами; имъ

опредѣлено было «учинить жестокое наказаніе» плетью для крестьянина и батожемъ для деньщика.

Въѣздъ и выѣздъ изъ города лицъ, не жившихъ постоянно въ Тобольскѣ, былъ обставленъ извѣстными формальностями, за несоблюденіе которыхъ виновные въ томъ подвергались нешуточнымъ взысканіямъ. О каждомъ вновь прибывшемъ въ Тобольскъ и оставившемся въ чемъ либо домѣ предписывалось немедленно доводить до свѣдѣнія полиціи. Какъ строго относился Чичеринъ къ этому требованію, видно изъ того, что когда однажды купецъ Григорій Мисаиловъ, пустивъ къ себѣ въ домъ пріѣхавшаго изъ Исетска канцеляриста Карагаева, не далъ знать о его пріѣздѣ, Чичеринъ приказалъ «купца Мисаилова, яко ослушника и не наблюдающаго полезныхъ для общества распоряженіевъ, взять въ полицію подъ карауль, посадить въ цѣпь на три дня и давать хлѣбъ и воду, а по прошествіи трехъ дней доложить». Еще строже запрещалось безъ объявленія полиціи увезти кого либо изъ Тобольска. Виновные въ томъ «по изобличеніи» наказываемы были кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и ссылались въ каторгу.

Эти строгія мѣры, какъ можно предполагать, вызывались желаніемъ обезопасить городъ отъ нашествія бѣглыхъ и бродягъ, въ изобилии обрѣтавшихся въ окрестностяхъ Тобольска и несомнѣнно представлявшихъ большую опасность съ точки зрѣнія общественнаго благочинія. Не смотря на значительное количество войскъ, сосредоточенныхъ въ Тобольскѣ, и постоянные разѣзды гусаръ и гренадеръ, безопасность жителей была мало гарантирована отъ любителей чужой собственности. Всѣ принимаемыя мѣры оказывались недостаточными, почему Чичеринъ прибѣгаетъ къ очень оригинальному способу противодѣйствія этому злу. Онъ предписываетъ всѣмъ домохозяевамъ имѣть заряженные ружья, рекомендуя «стараться воровъ стрѣлять по ногамъ, дабы чрезъ то можно было всю сію злодѣйскую шайку собрать».

Лѣтомъ Тобольскъ, благодаря частымъ и сильнымъ вѣтрамъ, а также обилію деревянныхъ построекъ, въ пожарномъ отношеніи городъ далеко не безопасный. Исторія на страницахъ своихъ сохранила описаніе безчисленныхъ пожаровъ, періодически истреблявшихъ городъ. Столь энергическій администраторъ, каковымъ былъ Чичеринъ, не могъ, конечно, не принимать извѣстныхъ мѣръ къ предотвращенію пожарныхъ случаевъ. Прежде всего онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы вновь возводимыя постройки строились по плану, и не допускалъ ни подъ какимъ видомъ скученности построекъ. Денежный штрафъ и немедленная сломка построеннаго грозила ослушникамъ. Пожарный обозъ былъ приведенъ въ порядокъ, на чтѣ употреблены суммы, собираемыя по разнымъ случаямъ полиціей. Особыми циркулярами Чичеринъ предупреждалъ жителей о необходимости осторожнаго обращенія съ огнемъ, требо-

валь, чтобы во всѣхъ домахъ трубы были въ исправности, а въ дни особо вѣтренные рекомендовалъ совсѣмъ не топить печей. Особенно зорко слѣдилъ онъ за банями, которыхъ въ то время было множество, чуть ли не по банѣ на каждомъ дворѣ. Однажды онъ даже приказалъ опечатать всѣ бани и затѣмъ велѣлъ сломать тѣ изъ нихъ, которыя оказались ветхими или близко стоящими къ жилымъ помѣщеніямъ.

Какъ добрый хозяинъ, Чичеринъ заботливо слѣдилъ за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ на рынокъ. Вѣсы и безмѣны торговцевъ неоднократно повѣрялись. Замѣтивъ какъ-то, что на рынкѣ появилась недоброкачественная мука, Чичеринъ распорядился опечатать всѣ мучныя лавки и, взявъ пробу изъ каждого закрома, испечь хлѣбы и ему представить. Привозная мука тоже подверглась контролю; продавать ее позволялось лишь послѣ «апробаціи печеніемъ хлѣба», что возлагалось на обязанность полиціи. Въ своемъ рвеніи къ порядку Чичеринъ доходилъ до того, что указывалъ время для мороженія таракановъ въ харчевняхъ и пекарняхъ...

Приведенныя мѣропріятія Чичерина, принимавшіяся имъ въ видахъ благоустройства и благочинія въ городѣ, несомѣнно указываютъ, что это былъ человѣкъ замѣчательной энергіи и далеко не дюжинныхъ административныхъ способностей. Его взгляды на тѣсную зависимость народнаго здравія отъ санитарнаго состоянія города должны были казаться современникамъ болѣе чѣмъ странными; взгляды эти и сейчасъ далеко не всѣми раздѣляются въ Тобольскѣ,—тѣмъ болѣе дѣлаетъ это чести Чичерину, опередившему такъ значительно свой вѣкъ. И строгія кары, столь широко имъ примѣняемыя, не должны умалить значеніе его административныхъ распоряженій; въ то тяжелое время тѣлесныя наказанія были обычнымъ явленіемъ, и если Чичеринъ зачастую по крутости нрава и переходилъ предѣлы власти, то дѣлалъ это не изъ личныхъ какихъ либо видовъ, а ради общественной пользы, которую всегда ставилъ на первое мѣсто.

К. Газенвинкель.

ТУРЕЦКОЕ ПРИДВОРНОЕ ПРАЗДНЕСТВО XVI ВѢКА.

В О ВРЕМЯ расцвѣта могущества Оттоманской имперіи, торжества, происходившія при дворѣ султановъ, отличались поразительнымъ блескомъ. Стамбульскій дворъ точно стремился подражать роскоши своего предшественника, двора византійскихъ императоровъ, великолѣпіе котораго никогда и никѣмъ еще не было превзойдено.

Достигнувъ апогея силы и богатства, турецкіе султаны забыли простоту, отличавшую ихъ царственныхъ предковъ, и окружили себя почти сказочною роскошью, вызывавшею въ европейцахъ не-притворное изумленіе. Чѣмъ болѣе Турція стала клониться къ упадку, тѣмъ расточительнѣе становились ея повелители, какъ бы желая сіяніемъ празднествъ ослѣпить народъ и отвлечь его вниманіе отъ все ухудшавшихся условій существованія имперіи, скованной мечемъ цѣлаго ряда первыхъ султановъ-воителей.

Одна изъ выдающихся турецкихъ придворныхъ церемоній происходила въ Константинополь въ XVI столѣтіи, по случаю обрѣзанія сына султана Мурада III. Къ ней приготавливались втеченіе многихъ лѣтъ, и она была долгое время главнымъ предметомъ заботъ султана и всѣхъ переговоровъ Оттоманской Порты.

Подробное описаніе пришедшихъ по этому случаю празднествъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что церемоніи эти бросаютъ яркій свѣтъ на внутренній бытъ государства, внушавшаго тогда сильный страхъ европейскимъ державамъ,—на великолѣпіе турецкаго двора, на соревнованіе въ роскоши не только между вельможами, но и между торговыми и промышленными корпораціями, выразившееся въ ослѣпительной пышности процес-

сій,—на тогдашній составъ этихъ корпорацій и, наконецъ, на вкусы и увеселенія тогдашней толпы.

Мурадъ III, отличавшійся, повидимому, крайне мстительнымъ характеромъ, такъ какъ исторія сохранила одно изъ любимѣйшихъ его изреченій: «мщеніе не старится даже и тогда, когда оно посядѣтъ», желалъ отпраздновать обрѣзаніе своего сына и наследника престола рядомъ торжествъ, никогда не виданныхъ и неслыханныхъ. И, дѣйствительно, въ глазахъ турецкихъ историковъ, блескъ и пышность этихъ торжествъ не были превзойдены ни ранѣе, ни позже.

Самыя приготовленія къ празднеству, назначенному на 1582 годъ, начались болѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ. О времени совершенія его посланы были официальные сообщенія государямъ Азіи, Африки и Европы. Чауши (особые придворные чины, чрезъ которыхъ разсылались именныя султанскія повелѣнія) были отправлены съ приглашеніями ко всѣмъ генераль-губернаторамъ. Тѣ изъ этихъ послѣднихъ, которые почему либо не могли присутствовать лично на церемоніи, могли откупиться отъ обязательнаго путешествія въ Константинополь присылкою вмѣсто себя богатыхъ даровъ.

Карабали-бей былъ назначенъ распорядителемъ, а Хамза-бей—надсмотрщикомъ предстоящихъ празднествъ: на расходы имъ было выдано изъ государственнаго казначейства полмилліона аспровъ. 60 аспровъ составляли цехинъ, или червонецъ, слѣдовательно отпущенная на празднества сумма равнялась двадцати пяти тысячамъ металлическихъ рублей, сумма по тому времени очень крупная, такъ какъ самая стоимость денегъ была тогда по сравненію съ нынѣшнею въ десять разъ больше. Лишь затѣмъ аспръ, какъ монета, сталъ обезцѣниваться подъ вліяніемъ какъ умышенной порчи его внѣшняго вида, такъ и низкопробности, что вызвало жалобу одного дефтердара (чиновника финансоваго вѣдомства), утверждавшаго въ 1589 году, что аспръ сдѣлался такъ легокъ, «какъ миндальный листочекъ, и такъ малъ, какъ капелька росы»¹⁾.

Мѣстомъ, гдѣ должно было происходить торжество, былъ избранъ Атъ-мейданъ (древній Гипподромъ). Въ одной изъ частей обширной площади деревянная ограда окружала четырехугольное пространство, имѣвшее по каждой своей сторонѣ по сту шаговъ протяженія; здѣсь были устроены кухни для приготовленія угощеній, игравшихъ крупную роль въ церемоніи. Напротивъ того мѣста, гдѣ нынѣ возвышается мечеть Ахмедіе, и гдѣ тогда находился дворецъ султанскаго зятя Ибрагима-паши, были устроены кіоски и трибуны для султана, его наследника и султаншъ. Немного от-

¹⁾ Aus der Türken und Jesuitenzeit vor und nach dem Jahre 1600, von Libloi, 11 — 12.

ступя отъ этого сооруженія было возведено трехэтажное деревянное зданіе на каменномъ основаніи, имѣвшемъ 6 футовъ вышины; первый этажъ предназначался для пословъ иностранныхъ державъ, второй для придворныхъ евнуховъ, третій для высшихъ сановниковъ — бейлербеевъ и визирей. Далѣе шла галлерей, въ которой должны были помѣщаться капуданъ-паша (генераль-адмираль) и морскіе офицеры.

На противоположной сторонѣ прощади, то-есть тамъ, гдѣ впоследствии султаномъ Ахмедомъ построена была мечеть, отличающаяся отъ прочихъ своими шестью минаретами, тогда какъ у всѣхъ остальныхъ мечетей минаретовъ только по четыре, — было устроено помѣщеніе для придворной музыки и для особыхъ украшеній, употребляемыхъ только во время свадьбъ и обрѣзаній. Украшеніе это носитъ названіе пальмы (нахль) и состоитъ изъ деревянной пирамиды, иногда огромной вышины, обвитой лентами, флагами, золотой бумагой, гирляндами цвѣтовъ и серебряными и золотыми нитями и пластинками, что въ общемъ должно изображать снопь, какъ эмблему изобилія и благоденствія. Съ той же стороны площади была возведена для персидскаго посольства особая трибуна, подъ сводомъ которой была повѣшена люстра съ нѣсколькими сотнями свѣтильниковъ, рядомъ съ этой трибуной и какъ разъ напротивъ галлерей капудана-паши была разбита обширная палатка для приготовленія шербетовъ и прочихъ прохладительныхъ.

По срединѣ площади стояла красная мачта, составленная изъ двухъ частей. Верхняя ея часть съ прикрѣпленнымъ къ ней огромнымъ деревяннымъ кругомъ, уставленнымъ многими тысячами свѣтильниковъ, по вечерамъ спускалась и служила къ освѣщенію всей площади.

Румили-бейлербей Ибрагимъ-паша, въ качествѣ главнаго распорядителя—дугунджи-баши, надзиралъ за порядкомъ и за общимъ ходомъ празднествъ. Полицейскія обязанности исполнялись пятьюстами человекъ, одѣтыми въ шутовскіе кожаные костюмы, и которые расхаживали по площади съ мѣхами, надутыми воздухомъ, и били ими всѣхъ нарушителей благочинія. Начальникъ этихъ полицейскихъ разбѣждалъ верхомъ на ослѣ, покрытомъ соломенною попоной, и одновременно съ исполненіемъ своихъ высокихъ обязанностей долженъ былъ потѣшать народъ своимъ скоморошествомъ.

1-го іюня, султанъ Мурадъ III съ большою помпой переѣхалъ изъ Сералы во дворецъ Ибрагима-паши, близъ котораго, какъ сказано выше, устроены были царскія логи. Шествіе открывали чауши и другіе придворные, одѣтые въ парчевые кафтаны, придворные евнухи и войска. Затѣмъ двигались праздничныя пальмы, изъ которыхъ четыре, имѣвшія болѣе десяти саженъ вышины,

были окружены конвоемъ, каждая отрядомъ изъ 80 янычаровъ. За ними слѣдовалъ сынъ султана, наследникъ престола и главный виновникъ торжества; онъ былъ въ ярко красномъ платьѣ, шитомъ золотомъ и въ чалмѣ, украшенной двумя черными цаплиными перьями. Въ одномъ ухѣ у него красовалась серьга съ огромнымъ рубиномъ, на пальцѣ блисталъ такой же огромный изумрудъ; сабля его была осыпана драгоценными камнями. Въ рукахъ царевича была сигнальная боевая булава, голова которой была изъ шлифованнаго горнаго хрустала съ золотыми украшениями. Подойдя къ отцу, онъ поцѣловалъ ему руку. Въ то же время, при звукахъ музыки, праздничныя пальмы были поставлены на приготовленные для нихъ заранѣе мѣста.

Три дня спустя на Атъ-мейданъ прибыли султанши въ сопровожденіи цѣлаго каравана съ сладостями. Произведенія придворныхъ кондитеровъ изображали 9 слоновъ, 17 львовъ, 19 леопардовъ, 22 коней, 21 верблюда, 4 жирафовъ, 25 соколовъ, 11 журавлей, 8 аистовъ, 8 утокъ и множество другихъ мелкихъ предметовъ; все это везлось пятнадцатю лошадьми, изъ которыхъ у восьми попоны были изъ красной парчи, а у семи остальныхъ изъ серебряной. Вслѣдъ за этими лошадьми несли праздничныя пальмы еще бѣльшей величины, чѣмъ въ предыдущемъ кортежѣ; вышиною отъ десяти до пятнадцати сажень, онѣ были раздѣлены на семь частей и состояли изъ семи разноцвѣтныхъ восковыхъ шаровъ, расположенныхъ пирамидою. Самая малая изъ пальмъ имѣла отъ 2 до 2½ сажень въ окружности. Пальмы эти, на которыхъ были навѣшаны изображенія птицъ, звѣрей, а также фрукты, зеркала и разныя мелочи, олицетворяли собою эмблему мужественной силы и плодородія. Для того, чтобы пронести по городу эти громадныя украшенія, пришлось расширить нѣкоторыя улицы и сломать нѣсколько домовъ.

Во время раздачи народу сладостей начались увеселенія: акробаты и шуты выдѣлывали разные фокусы какъ на особо устроенныхъ для лазанія мачтахъ, такъ и на стоящихъ среди площади остаткахъ сѣдой древности—obeliskъ и колоннѣ, возобновленной еще Константиномъ Порфиророднымъ. Прибывшіе въ кортежъ султаншъ двѣнадцать христіанскихъ плѣнниковъ, взятые на границахъ Босніи и Венгріи, рубили себя для общей потѣхи саблями, пронзали себя копьями. Одинъ изъ нихъ воткнулъ себѣ въ тѣло наконечникъ копья, у другихъ на рукахъ торчали металлическія острія стрѣлъ, покрывавшія ихъ, какъ иглы ежа; у нѣкоторыхъ, наконецъ, лошадиныя подковы были прибиты гвоздями къ спинѣ, изъ которой бѣжали ручьи крови. Восхищенный ихъ мужествомъ и равнодушіемъ къ боли, Мурадъ III наградила ихъ сообразно званію каждаго. Главный изъ самоистязателей получилъ отъ султана во владѣніе цѣлый тимаръ (ленный удѣлъ) доходностью въ

4.000 аспровъ. Но такъ какъ двое изъ этихъ несчастныхъ плѣнниковъ истекли кровью и умерли отъ ранъ, то подобныя свирѣпыя зрѣлища были, по приказанію султана, запрещены на все остальное время описываемыхъ празднествъ.

На слѣдующій день было представленіе султану визирей и поднесеніе ими подарковъ. Великій визирь, Синанъ-паша, подарилъ Мураду III пять лошадей въ великолѣпной сбруѣ, а сыну его—богатыя одежды, трехъ лошадей съ чапраками, сплошь вышитыми крупнымъ жемчугомъ; стоимость его подарковъ оцѣнилась въ сорокъ тысячъ червонцевъ.

Это былъ тотъ самый Синанъ, который изъ простыхъ албанскихъ свинопасовъ возвысился до званія великаго визиря и по смерти своей въ 1596 году оставилъ колоссальное богатство. Его наслѣдство состояло изъ 600 собольихъ шубъ, 600 шубъ лисьихъ, 61 мѣры жемчуга, 600.000 червонцевъ въ золотой монетѣ и около трехъ милліоновъ аспровъ въ серебряной монетѣ, не считая многихъ другихъ драгоценностей.

Визирь Сіавушъ-паша поднесъ 8 коней и три парчевыхъ одѣянія, цѣною всего на 20.000 червонцевъ; евнухъ Мезихъ-паша — 4 лошади, изъ которыхъ двѣ въ полной сбруѣ, и 150 одеждъ—стоимостью всего на 30.000 червонцевъ. Магометь-паша, по прозвищу джеррахъ (то-есть хирургъ; прозвище свое приобрѣлъ, благодаря тому, что, прежде чѣмъ стать визиремъ, онъ былъ простымъ султанскимъ цирюльникомъ) принесъ въ даръ коней, одежды, рабынь и разныя серебряныя вещи, всего на 15.000 червонцевъ. Кехая-бей (министръ внутреннихъ дѣлъ) подарилъ серебряную посуду и черкесскихъ и грузинскихъ мальчиковъ, всего цѣнностью на 10.000 червонцевъ.

Около ста грековъ изъявили въ тѣ дни желаніе обратиться въ мусульманство; для этого обращенія достаточно было обнажить голову и поднять одинъ палецъ къ небу,—этого человѣка тотчасъ же вели въ сераль и подвергали обрѣзанію.

Во все продолженіе празднествъ, каждый вечеръ выставлялось на площади болѣе тысячи блюдъ съ пилавомъ и отъ 16 до 20 быковъ, зажаренныхъ цѣликомъ съ рогами и копытами. Народъ стремительно набрасывался на эти кушанья, и въ одно мгновеніе ока все уничтожалось, и на землѣ валялись лишь черепки разбитыхъ блюдъ и кое-какіе объѣдки. Для очистки площади отъ сору было приставлено двѣсти невольниковъ изъ арсенала; дабы уничтожить пыль, пятьдесятъ водоносовъ непрерывно поливали площадъ.

При наступленіи вечера, кромѣ большой люстры, о которой уже было сказано, зажигались еще сто-пятьдесятъ другихъ люстръ, развѣшанныхъ по бокамъ площади, и, кромѣ того, отъ времени до времени сжигали потѣшные огни и спускали фейерверкъ.

6-го іюня, по городскимъ улицамъ прослѣдовала процессія пяти-сотъ полицейскихъ, наряженныхъ въ самые фантастическіе костюмы. Вечеромъ же было сдѣлано подобіе осады венгерскаго редута; у воюющихъ вмѣсто копій были палки, а вмѣсто щитовъ подушки.

Вечеромъ 7-го іюня, въ самый разгаръ фейерверка, въ толпу бросили живыхъ медвѣдей, собакъ и лисицъ, къ хвостамъ которыхъ были привязаны зажженные факелы и шутихи.

Ужасъ, вызванный въ народѣ неожиданнымъ появленіемъ звѣрей, крайне позабавилъ сидѣвшихъ въ ложахъ зрителей, слушавшихъ въ то время чтеніе разными поэтами стиховъ, воспѣвавшихъ обрѣзаніе молодаго принца. Мавританскіе танцы и жидовская комедія продлили удовольствія этого дня до глубокой ночи.

8-го іюня, султанъ далъ блестящій банкетъ янычарскимъ офицерамъ, сидѣвшимъ по 70 человекъ за каждымъ столомъ. Роль хозяевъ исполняли великій визирь и янычарскій ага. Послѣ обѣда пейки и солаки (султанскіе лучники) упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука въ цѣль и въ метаніи копій въ чучела, одѣтыя въ латы и стальные шлемы.

9-го іюня, былъ банкетъ для шейхъ-уль-ислама, кази-аскеровъ, шейховъ, имамовъ и вообще для улемовъ, для которыхъ было накрыто 70 столовъ. Затѣмъ, въ 62 колесницахъ были привезены султанскіе пажы, только что окончившіе курсъ своего ученія и поступившіе въ кавалерію—сипахи. Они были допущены къ цѣлованію султанской руки, послѣ чего народу было показано при-мѣрное сраженіе.

На двухъ концахъ площади были воздвигнуты два замка: одинъ болѣе значительныхъ размѣровъ, увѣшанный красными и желтыми знаменами, представлялъ изъ себя мусульманскую крѣпость; другой, на которомъ развѣвались знамена съ красными и голубыми крестами по бѣлому полю, изображалъ собою крѣпость христіанскую. Послѣ сильной пушечной канонады между обоими замками, гарнизонъ перваго изъ нихъ бросился на приступъ христіанской крѣпости и лишь только приблизился къ ней, какъ стѣны ея тотчасъ же обрушились, и изъ-за нихъ выскочили четыре свиньи, долженствовавшія изображать собою четыре христіанскихъ державы, представители которыхъ сидѣли тутъ же. Чтобы придать этой, по мнѣнію турокъ, остроумной шуткѣ еще болѣе соли, пятая свинья, которую нарочно привели изъ дворца, занимаемаго австрійскимъ посольствомъ, была въ виду всѣхъ отдана на растерзаніе лвамъ. Въ антрактахъ жида и мавры исполняли—первые пляску скомороховъ, маттезини, а вторые—особый военный танецъ, мореска.

11-го іюня, послѣ пира даннаго Мурадомъ III офицерамъ кавалеріи—сипахи, начались торжественныя процессіи различныхъ це-

ховъ. Втеченіе цѣлыхъ 21 дня процессіи эти слѣдовали непрерывно одна за другою, принося султану, со всевозможными пожеланіями счастія, образцы производимыхъ разными цехами товаровъ, въ отвѣтъ на что падишахъ давалъ имъ по нѣскольку горстей только что отчеканенныхъ аспровъ.

Цехи состязались между собою роскошью и великолѣпіемъ своихъ процессій. Первою по порядку, вѣроятно, изъ угожденія султаншамъ, шла процессія башмачниковъ и фабрикантовъ головныхъ платковъ. Оба эти цеха шли съ хоругвами изъ золотыхъ и серебряныхъ матерій и съ балдахинами, переливавшими тысячью самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Они поднесли султану въ огромномъ сафьяновомъ, шитомъ золотомъ, башмакѣ юнаго ученика съ розовыми щечками, одѣтаго въ парчу. За ними шли шуты, показывающіе маріонетокъ и китайскія тѣни, а въ хвостѣ кортежа — жиды, одѣтые въ костюмы германскихъ и испанскихъ солдатъ. Зажженные ночью лампы развѣшаны были такъ, что образовывали собою Пиеагоровъ пятиугольникъ, называемый турками Соломоновой печатью.

12-го іюня, бумагопрядильщики поднесли Мураду III сдѣланныя изъ нитокъ изображенія львовъ и разныхъ морскихъ чудовищъ.

На другой день былъ банкетъ для сапожниковъ и сѣдельниковъ: первые прошли мимо султанской трибуны съ увитыми зеленью тирсами въ рукахъ, на одномъ изъ тирсовъ было изображеніе Соломоновой печати; они подарили султану громадный сафьяновый сапогъ и желтыя туфли то же поразительныхъ размѣровъ. Сѣдельники вели за собою поставленную на шести колесахъ цѣлую мастерскую, въ которой множество рабочихъ занимались сѣдельнымъ мастерствомъ. За ними, со знаменемъ желто-краснаго цвѣта, шли мастера, на обязанности которыхъ дѣлать складки на кафтанахъ и шелковыхъ одѣяніяхъ; съ ними же двигалась колесница окруженная сотнею мальчиковъ, одѣтыхъ въ шелковые костюмы. На колесницѣ мальчикъ показывалъ свое искусство складыванія, пользуясь для этого бритой головою хозяина, замѣнявшею въ данномъ случаѣ употребляемую обыкновенно для того мраморную доску.

Ночью капуданъ-паша, знаменитый Кылычъ-Али, спустилъ фейерверкъ, красотою и разнообразіемъ фигуръ затмившій все, что было показано въ этомъ родѣ въ предыдущіе вечера: тутъ горѣли изображенія кораблей, башенъ, замковъ, слоновъ. Во время перерывовъ народъ забавляли жонглеры и канатные плясуны.

14-го іюня, сначала былъ турниръ сипаховъ, а затѣмъ 900 христіанскихъ невольниковъ, принадлежавшихъ вдовѣ великаго визиря Соколи, исполнили разныя воинственныя пляски, закончившіяся примѣрнымъ изображеніемъ боя св. Георгія Побѣдоносца съ дракономъ. Потомъ публикѣ была показана сцена морскаго абордажа

между двумя галерами, изъ которыхъ одна была съ бою взята не-пріятелемъ и съ торжествомъ вытащена съ гипподрома, приче-мъ флагъ ея волочился сзади въ пыли.

Послѣ этого военнаго зрѣлища и нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ, исполненныхъ оркестромъ вдовы Соколи, была представлена миеологическая пантомима. Подъ звуки лютея и скрипокъ какой-то итальянскій разбойникъ приближается къ ребенку, одѣтому Амуромъ, и желаетъ его увлечь то лаской, то насиліемъ, но молодая дѣвушка съ копьемъ, нѣчто въ родѣ нимфы Діаны или амазонки, приходитъ на помощь Амуру и въ концѣ концовъ прогоняетъ преслѣдователя.

15-го іюня, была очередь процессій кондитеровъ и фабрикантовъ золотыхъ и серебряныхъ нитей. По уходѣ ихъ состоялась карусель между офицерами сипаховъ и силихдаровъ (сипахи и силихдары составляли два рода турецкой кавалеріи) и стрѣльбы по золотому яблоку, утвержденному на длинномъ шестѣ. Двое изъ этихъ кавалеристовъ, одѣтые въ греческія латы съ золотою насѣчкою, показывали свое искусство въ наѣздничествѣ.

На слѣдующій день явились къ султану съ поздравленіями дервиши (турецкіе монахи) разныхъ орденовъ: по дорогѣ одни изъ нихъ вертѣлись съ ужасающею быстрою, восклицая постоянно «Аллахъ, Аллахъ!» или просто «Ху!» (онъ); другіе брали въ ротъ раскаленное желѣзо, либо глотали ножи и продѣлывали тому подобныя штуки къ вѣщему ужасу присутствовавшихъ при этомъ зрѣлищѣ турчанокъ, которыя со страхомъ, смѣшаннымъ съ жалостію, смотрѣли на всѣ эти бѣснованія. Одинъ изъ дервишей помѣстился въ бочкѣ, наполненной змѣями, и показывалъ видъ, что онъ совершенно доволенъ своими сосѣдями; другому положили на грудь камень, съ трудомъ поднятый восемью человекъ, и ударами молота разбили его на кусочки. Третій, наконецъ, съ опасностію жизни перепрыгивалъ черезъ ножи и сабельные клинки, воткнутые въ землю остриемъ кверху.

День закончился фейерверкомъ, устроеннымъ по мысли одного греческаго священника и представлявшимъ садъ и лѣсъ изъ кипарисовъ.

17-го іюня, по Атъ-мейдану проходили процессіи крутильщицъ шелковыхъ нитокъ и фабрикантовъ веревокъ и шнурковъ; на головахъ у нихъ всѣхъ были надѣты колпаки и шляпы самыхъ причудливыхъ фасоновъ. Затѣмъ, шли пироженки и приготавлиющіе шербеты со всѣми инструментами своего мастерства. Они тутъ же на ходу пекли пироженки и дѣлали прохладительныя напитки, раздавая все тотчасъ же народу.

Процессіи того дня закончились прохожденіемъ ткачей, поднесшихъ султану самыя тонкія произведенія своего искусства, и мастеровъ кожаныхъ издѣлій, дары которыхъ состояли изъ боль-

шихъ кожаныхъ скатертей, шитыхъ золотомъ, и особенныхъ кожаныхъ кубковъ и чашъ.

18-го іюня, былъ сначала банкетъ въ честь Ибрагима-паши, какъ главнаго распорядителя празднествъ, послѣ чего потянулись снова, смѣняя другъ друга, процессіи торговцевъ фруктами, полотномъ и передниками. Послѣдними шли ювелиры, окруженные тремястами юношей въ одеждѣ изъ золотой парчи.

Выдѣлывающіе свѣчи и попоны предстали предъ султаномъ 19-го іюня и поднесли ему лучшіе образцы своего мастерства.

Слѣдующій день начался банкетомъ въ честь капудана-паши и морскихъ офицеровъ. Послѣ пира показались процессіи горшечниковъ и торговцевъ коврами.

Вслѣдъ за ними шли греки Перы и Галаты со знаменами, составленными изъ четырехъугольниковъ красныхъ, желтыхъ, синихъ и бѣлыхъ. Эти греки численностью въ сто человѣкъ шли попарно въ рядъ: они были одѣты въ красныя куртки и фригійскіе колпаки, на ногахъ у нихъ были бубенчики, а въ рукахъ обнаженные сабли.

Самостоятельною частью греческаго кортежа было свадебное греческое шествіе. Тридцать юношей въ золотыхъ одеждахъ и бархатныхъ шапкахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями, и тридцать другихъ юношей, переодѣтыхъ дѣвушками, предшествовали балдахину, подъ которымъ шли женихъ и невѣста. Новобрачныхъ сопровождало множество юношей, одѣтыхъ въ такіе же костюмы, какъ и шедшіе впереди кортежа.

Сто грековъ, о которыхъ только-что было сказано, исполнили предъ султанскою трибуной сладострастный александрійскій танецъ, свадебное же шествіе станцовало болѣе скромную пляску—ромеяку.

Послѣ этого начались снова процессіи цеховъ: вотъ прошли оружейники, находу выковывая и полируя оружіе; сто изъ нихъ были въ древнемъ вооруженіи съ позолотою. За ними потянулись переплетчики и бумажные торговцы съ бумажными знаменами. Ихъ окружали сто тридцать юношей, одѣтыхъ въ костюмы изъ разноцвѣтной бумаги; вмѣстѣ съ ними двигалась на колесницѣ цѣлая двухъэтажная лавка: въ первомъ этажѣ приготавливали бумагу, во второмъ—мальчики читали коранъ.

За цехомъ обойщиковъ везли сто-пятьдесятъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ золотую парчу и сидѣвшихъ на парчевыхъ тюфякахъ и подушкахъ.

Торговцы зеркалами и живописцы по фарфору вели за собою полтора ста мальчиковъ, сплошь покрытыхъ маленькими кусочками зеркалъ, въ которыхъ предъ изумленными взорами зрителей играли и переливались преломлявшіеся въ нихъ солнечные лучи. Процессія гребенщиковъ закончила зрѣлища этого дня.

Втеченіе слѣдующихъ дней такимъ же порядкомъ прошли слѣдующіе цехи: портные, водоносы, стекольщики, мелочные торговцы, пуговичники, цвѣточники, купцы стараго и новаго Безестана (особое отдѣленіе большаго базара, гдѣ торгуютъ попреимуществу оружіемъ и рѣдкостями), плетельщики цыновокъ, точильщики, торговцы коралловыми издѣліями и одѣялами, выдѣлывающіе стрѣлы и копья, мастера выючныхъ сѣдель, сундуковъ и подсвѣчниковъ, заклинатели змѣй, торговцы посудой и ладаномъ, красильщики, часовщики, рыбаки, гребцы, конопатчики судовъ, булочники, бирючи, торговцы кафтанамъ, коноплей, сахаромъ, пряностями, метелками, салфетками, арабскими одеждами (аба), пивомъ, купцы египетскаго Безестана, плотники, ножевщики, стремянники, кузнецы, баньщики, борцы (пехлеваны), погонщики муловъ, фабриканты тюрбановъ, бумажныхъ колпаковъ, фесокъ, шкатулокъ, мускуснаго мыла, вѣровъ, вуалей, тетивъ, ножницъ и уздечекъ, жонглеры, старьевщики, содержатели харчевенъ и бань, мясники, слесаря, котельники, канатные плясуны, жонглеры-лѣвши, плясуны, торговцы сафьяномъ, желѣзомъ, ведрами, дичью и цыплятами, птичники, жарильщики кебаба, ткачи шелковыхъ тканей, кучера, носильщики, корзинщики, граверы, штукатуры, каменщики, мѣнялы, дубильщики, фабриканты чернилъ, чернильницъ, обсахаренныхъ фруктовъ, праздничныхъ пальмъ (нахль), кушакъ, султановъ изъ искусственныхъ цаплиныхъ перьевъ, деревянныхъ сандалій, торговцы перьями (для писанія), известкой, египетскими пряностями, наконецъ, брусскіе и арабскіе купцы, которые съ нѣкоторыми мелкими подраздѣленіями и составляли, вмѣстѣ съ перечисленными ранѣе, сто сорокъ восемь цеховъ, существовавшихъ въ то время въ Турціи ¹⁾.

7-го іюля, произошло, наконецъ, событіе, окруженное такими пышными церемоніями: сынъ Мурада III, Магометъ, былъ обрѣзанъ. Въ этотъ же день была раздача народу золотыхъ и серебряныхъ монетъ, и скачка на разстояніе отъ деревни Чатальджи до Адрианопольскихъ воротъ Стамбула, т. е. около тридцати пяти верстъ; награда побѣдителю была тысяча червонцевъ.

20-го іюля, былъ парадъ чаушамъ, на слѣдующій день пятистамъ полицейскимъ, составлявшимъ спеціальную полицію Ать-мейдана на все время празднествъ, а 22-го іюля, послѣ пятидесятидневныхъ непрерывныхъ торжествъ, султанъ Мурадъ III возвратился въ свой дворецъ въ Сераль.

В. Тепловъ.

¹⁾ Они подробно перечислены у Hammer'a въ его «Histoire de l'empire Ottoman», VII, стр. 402.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЯПОНІИ ¹⁾.

XVI.

Открытие японскаго парламента.—Въ столицѣ микадо.

ЯТНАДЦАТАГО ноября 1890 года былъ обнародованъ слѣдующій императорскій указъ:

«Въ силу VII-й статьи императорской конституціи и статьи V-й закона о палатахъ, мы повелѣваемъ открыть императорскій парламентъ 29-го дня сего 11-го мѣсяца.

«Дано 27-го дня 11-го мѣсяца 23-го года Мейджи».

Въ тотъ же вечеръ появилось экстренное прибавленіе къ «Официальной Газетѣ», гдѣ объявлялось, что «его величество императоръ посѣтитъ парламентъ 29-го ноября и лично прочтетъ первое императорское посланіе къ конституціонному собранію».

Интересно было взглянуть на японскую столицу и столичную толпу въ день такой большой исторической важности для этой страны, и мы 17-го (29-го) ноября, съ тѣмъ поѣздомъ, что отходитъ изъ Йокохамы въ 8 часовъ утра, отправились въ Токио. Разстояніе здѣсь всего 25 верстъ, которыя пассажирскій поѣздъ проходитъ въ 40—45 минутъ. Вагоны узкіе, низкіе, не блещутъ роскошью отдѣлки, но содержатся чисто, гораздо чище, чѣмъ на линіи Кобе-Осака-Киото. Въ одномъ купѣ съ нами сидитъ какой-то важный японскій чиновникъ въ формѣ: на головѣ треугольная

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. III, стр. 473.

шляпа съ перьями и плюмажемъ, мундиръ, на которомъ красуется нѣсколько орденовъ, расшитъ золотомъ, съ боку — шпага, въ общемъ костюмъ, напоминающій парадное платье нашихъ придворныхъ чиновъ или дипломатическихъ агентовъ.

Промежуточныхъ станцій между Йокогамой и Токио—четыре; остановки минутныя.

Столичный вокзалъ, кромѣ величины, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ вокзаловъ большихъ городовъ Японіи; замѣчательнъ, впрочемъ, тѣмъ, что имѣетъ отдѣльную дамскую комнату,—единственную на всей желѣзнодорожной сѣти страны.

Мы велѣмъ везти себя въ Imperial Hotel, объ открытіи котораго, обставленномъ большой помпой, сообщали нѣсколько дней тому назадъ йокогамскія газеты. Когда мы, устроившись наскоро въ отелъ, взяли дженерикчей, чтобы отправиться къ парламенту, послышались отдаленные пушечные выстрѣлы: они возвѣщали вступленіе императора въ парламентъ. Густыя толпы народа запружали всѣ улицы; вскорѣ оказалось невозможнымъ двигаться въ коляскахъ, и мы, оставивъ ихъ, пошли пѣшкомъ. Не смотря на присутствіе огромныхъ массъ людей, не было замѣтно вообще никакой сумятицы. Намъ всюду давали дорогу, и мы, безъ всякихъ непріятностей, добрались, наконецъ, до улицы, по которой долженъ былъ прослѣдовать, на обратномъ пути изъ парламента, императорскій кортежъ: вдоль одной стороны ея вытянулись войска столичнаго гарнизона (пѣхота, кавалерія и артиллерія), по другой—тѣснился народъ. Повсюду виднѣлись группы полицейскихъ. Одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ подошелъ къ намъ и, поставивъ немного впереди толпы, вѣжливо попросилъ моего мужа снять шляпу при проѣздѣ императора, что, конечно, было само собой понятно и безъ этого предупрежденія. Окрестная площадь была залита моремъ головъ. Полицейскіе анонсы, появившіеся за день до торжества, предупреждали публику, что внутри квартала, гдѣ стоитъ парламентъ, всякое движеніе воспрещается, начиная съ 8 часовъ утра 29-го ноября вплоть до окончанія церемоніи. Достаточно было такихъ объявленій, чтобы японская толпа не только не нарушила этого спеціальнаго запрещенія, но и не пыталась выйти за границы предоставленной ей части дороги. Ни давки, ни шума, ни этихъ «осаживаній», ни оригинальныхъ приемовъ, извѣстныхъ у насъ подъ кличкой «честью просять», мы здѣсь не видѣли; а между тѣмъ вся ширина пути была совершенно свободна.

Но вотъ толпа, и безъ того мало шумливая, совсѣмъ притихла: вдали показалась голова кортежа. Впереди ѣхали шагомъ два улана съ пиками на перевѣсѣ; на нѣкоторомъ разстояніи позади ихъ—группа кавалеристовъ, составлявшая авангардъ; затѣмъ три открытыя, запряженныя великолѣпными лошадьми коляски, въ которыхъ сидѣли принцы крови въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, въ

лентахъ и звѣздахъ: ихъ было шесть человѣкъ; за принцами ѣхалъ отрядъ уланъ со значками, составлявшій передовой отрядъ собственно императорскаго конвоя, такъ какъ онъ непосредственно предшествовалъ «государственной каретѣ», гдѣ сидѣлъ императоръ: шесть прелестныхъ, покрытыхъ чапраками лошадей, на которыхъ сидѣли придворные конюхи, везли цугомъ блистающій золотомъ экипажъ, увѣнчанный на крышѣ золотымъ фениксомъ. Окна были спущены, и внутренность кареты ярко освѣщалась солнечными лучами. Она медленно проѣхала въ пяти шагахъ отъ насъ, и я имѣла достаточно времени разсмотрѣть императора: онъ казался 40-лѣтнимъ человѣкомъ средняго роста и плотности; чуть замѣтная сѣдина тронула уже его густые, черные волосы и небольшую бороду; застывшія, точно окаменѣвшія черты лица смотрѣли безстрастной маской; отъ всей фигуры вѣяло холодной, неподвижной важностью: здѣсь въ полной силѣ еще сказывались, очевидно, требованія древняго японскаго этикета. На императорѣ былъ мундиръ европейскаго покроя, на головѣ треугольная шляпа. Онъ не одинъ ѣхалъ въ каретѣ: противъ него сидѣлъ толстый, сѣдой придворный, съ низко опущенной, непокрытой головой, въ позѣ, выражающей глубочайшее почтеніе: это былъ маркизъ Токудайджи, оберъ-камергеръ двора. За императорскимъ экипажемъ слѣдовалъ второй отрядъ конвоя, потомъ кареты и коляски министровъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Сильный эскортъ уланъ замыкалъ шествіе.

Такъ вотъ онъ, этотъ таинственный микадо, потомокъ боговъ, государь, приковавшій въ теченіе послѣднихъ 23-хъ лѣтъ вниманіе всего цивилизованнаго міра къ своей маленькой странѣ и оставшійся, всетаки, загадкой для этого міра. Что онъ? Дѣйствительно ли реформаторъ въ духѣ Петра Великаго, или простая игрушка въ рукахъ кучки талантливыхъ людей, пораженныхъ успѣхами западной цивилизаціи и въ ней увидѣвшихъ единственное спасеніе своей страны отъ внутренняго разложенія и иноземнаго пораженія? Какъ бы тамъ ни было, а съ его именемъ навсегда будетъ связана одна изъ самыхъ захватывающихъ страницъ японской исторіи, полная того глубокаго трагизма, какой характеризуетъ всѣ эпохи великихъ общественныхъ переворотовъ.

Удивительное зрѣлище представляла столичная толпа, смотрѣвшая на проѣздъ своего верховнаго владыки: она точно застыла; гробовое молчаніе царствовало здѣсь среди необозримаго людскаго моря, и это молчаніе было такъ странно для европейскаго уха, привыкшаго слышать въ подобныхъ случаяхъ оживленный говоръ и громкіе крики.

Но вотъ кортежъ переѣхалъ каменный мостъ, переброшенный черезъ каналъ, и скрылся за каменными стѣнами наружныхъ ва-

ловъ замка. Народъ повалилъ по домамъ, и такъ какъ время было завтракать, то мы вернулись въ нашу гостинницу.

Imperial Hotel представляетъ трехэтажное каменное зданіе, дворъ котораго, усыпанный мелкимъ щебнемъ и усаженный тамъ и сямъ мелкими деревьями, обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокой чугунной рѣшеткой на каменномъ фундаментѣ. Широкій, крытый подъѣздъ для экипажей поддерживается рядомъ массивныхъ гранитныхъ колоннъ. Весь отель освѣщенъ электричествомъ и соединенъ телефонами съ парламентомъ, редакціями нѣкоторыхъ туземныхъ газетъ, большими книжными магазинами города, центральнымъ полицейскимъ управленіемъ, министерствами и проч. Внутренняя отдѣлка и обстановка дышатъ царственной роскошью. Нижній этажъ занимаютъ: контора отеля, огромные вестибюли съ цѣлымъ рядомъ деревянныхъ рѣзныхъ колоннъ, нѣсколько большихъ гостинныхъ, пріемныхъ и карточныхъ комнатъ, читальное зало съ картами Стараго и Новаго Свѣта, Японіи и Токио по стѣнамъ и со множествомъ туземныхъ и англійскихъ газетъ на столахъ, три большія столовыя, изъ которыхъ особенно хороша одна съ великолѣпнымъ рѣзнымъ деревяннымъ потолкомъ, покрытымъ золотистымъ лакомъ, съ рѣзнымъ каминомъ и золотистыми парчевыми портьерами, и наконецъ—роскошный концертный и балный залъ, въ два свѣта, съ чуднымъ деревяннымъ рѣзнымъ потолкомъ и зеркальными стѣнами. Вездѣ, за исключеніемъ концертнаго зала, полы устланы толстыми пушистыми коврами. На дверяхъ и окнахъ красивыя портьеры изъ парчи или бархата, съ шелковыми шнурами и кистями. Мебель крыта дорогимъ японскимъ шелкомъ. Люстры съ электрическими лампами блещутъ позолотой. Въ общемъ, все необыкновенно богато, эффектно и въ то же время оригинально изящно. Второй и третій этажи занимаютъ номера: они прекрасно обставлены и щеголяютъ изысканнѣйшей чистотой. Прислуга (исключительно мужчины) тиха, исполнительна; одѣты они всѣ въ европейскіе костюмы: не во фраки, а въ специальную отельную мундирную форму; на лицахъ ихъ нѣтъ того нахально-почтительнаго выраженія, которое такъ противно въ лакеяхъ большихъ европейскихъ отелей. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, между японцами это отсутствіе ремесленнаго клейма.

Цѣны здѣсь такія же, какъ и вездѣ на Востокѣ: съ одного человека три-четыре доллара (4—5 рублей зол.) въ сутки, на полномъ, конечно, пансіонѣ.

Отель, стѣящій болѣе полумилліона долларовъ, принадлежитъ туземной акціонерной компаніи. Одна компанія, начавшая его строить, разорилась; другой грозила та же участь, если бы ея не выручили нѣкоторые богатые токійскіе купцы и высокопоставленные лица. Отель долженъ былъ быть оконченъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1890 года, къ открытію всеяпонской выставки въ Токио, но не

поспѣлъ, и работы по его отдѣлкѣ закончились только на прошлой недѣлѣ. Учредители сильно рассчитывали при этомъ, съ одной стороны, на приливъ богатыхъ иностранцевъ изъ Европы и Америки, а съ другой—на провинціальныхъ депутатовъ; но, кажется, сильно ошиблись: пріѣзжіе депутаты предпочли дешевизну и привычную обстановку старыхъ своихъ гостинницъ дорого стѣющему блеску императорскаго отеля съ его стѣснительнымъ и неуютнымъ, съ японской точки зрѣнія, комфортомъ, а иностранныхъ туристовъ оказалось на этотъ разъ не много.

Послѣ завтрака мы отправились на главную улицу Токио—проспектъ Гинзу. Imperial Hotel единственная гостинница на Востокѣ, имѣющая своихъ собственныхъ дженерикчей. Колясочки ея щеголяютъ изысканной чистотой и украшены гербомъ гостинницы; курма одѣты въ красивые темно-синіе костюмы и фуражки съ тѣмъ же гербомъ. Гинза начинается отъ желѣзнодорожной станціи и тянется на нѣсколько верстъ. Она очень широка, прекрасно вымощена и окаймлена рядами высокихъ деревьевъ. По срединѣ улицы проложены рельсы конно-желѣзной дороги. Послѣ большого пожара 1872 года, истребившаго Гинзу дотла, правительство приказало застроить ее на европейскій ладъ. Вышло, однако, ни то, ни се. Старый оригинальный стиль зданій исчезъ, а новый quasi-европейскій смотритъ удивительно аляповато въ японской передѣлкѣ. Не высокіе двухъэтажные домики Гинзы уродливой европейско-японской архитектуры представляютъ, главнымъ образомъ торговыя заведенія, товарные склады и конторы. Здѣсь расположились лучшіе столичныя магазины; но ни витринъ съ соблазнительно выставленными въ нихъ предметами роскоши, ни великолѣпныхъ подъѣздовъ, ни толпы экипажей у нихъ вы не увидите: все такъ же просто и незатѣйливо, какъ въ любомъ японскомъ городѣ. Движеніе большое: вагоны конно-желѣзной дороги такіе же, какъ наши петербургскіе; омнибусы тащатъ такія же заморенныя клячи, какъ и наши столичныя; сотни дженерикчей, постоянно лавирующихъ, чтобы дать дорогу другъ другу или лошадямъ; кареты богатыхъ людей и тысячи пѣшеходовъ снуютъ взадъ и впередъ по этой длинной улицѣ, представляющей необыкновенно оживленную картину.

Толпа ничѣмъ не разнится отъ толпы любого другаго японскаго города: костюмъ мужчинъ — это большею частью пестрая смѣсь стараго туземнаго одѣянія съ нѣкоторыми принадлежностями европейскаго туалета: японскій традиціонный кимоно и котелокъ на головѣ; европейское длинное пальто, изъ-подъ котораго выглядываютъ ноги, обутыя въ сандалии; или на ногахъ ботинки, на головѣ цилиндръ, а прочее все чистая японщина и т. д., и т. д. Удивительно нелѣпый видъ имѣютъ всѣ эти уродливыя помѣси. Попадается также много мужчинъ, переодѣвшихся цѣликомъ въ евро-

пейское платье; но они не умѣютъ еще носить его и выглядятъ часто жалкими, комичными фигурами: платье сидитъ на нихъ некрасиво, какими-то мертвыми складками, точно на манекенахъ. Женщины—другое дѣло: въ среднемъ и низшемъ сословіи онѣ цѣликомъ сохранили свой національный костюмъ, который такъ идетъ къ нимъ, къ ихъ маленькимъ домикамъ, садикамъ, ко всей ихъ уютной домашней обстановкѣ. Только женщины японскаго большаго свѣта приняли европейскія моды, и такъ какъ средства позволяютъ имъ одѣваться у хорошихъ модистокъ, или даже выписывать туалеты изъ Парижа, то онѣ часто безукоризненно изящны.

Въ тотъ же день мы были въ домѣ нашего посланника. Домъ русскаго посольства находится какъ разъ противъ помѣщенія парламента. Послѣдній занимаетъ рядъ длинныхъ невысокихъ зданій европейской архитектуры, помѣщающихся внутри желѣзной рѣшетчатой ограды, возведенной на каменномъ фундаментѣ. У воротъ виднѣются полицейскіе и кавалерійскіе солдаты. Входъ въ парламентъ безусловно воспрещенъ дамамъ: не любезно, но въ высшей степени характерно для японскаго взгляда на женщину.

Въ домѣ посланника мы застали нѣсколько человекъ изъ мѣстнаго европейскаго дипломатическаго міра. Предметомъ разговора собравшагося общества было, конечно, главное событіе дня—открытие парламента и тотъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто у зданія нашего посольства, о которомъ я здѣсь впервые услышала. Дѣло вотъ въ чемъ: императорскій кортежъ, на пути изъ парламента, долженъ былъ огибать уголъ нашего посольства; здѣсь, въ этомъ углу, внутри высокихъ стѣнъ двора, возвышается искусственный холмъ, на которомъ устроена бесѣдка, гдѣ собрались дамы нашей миссіи посмотреть на торжественное шествіе. Императоръ, проѣзжая мимо бесѣдки и узнавъ посланницу, снялъ шляпу и низко поклонился ей; но едва успѣлъ онъ завернуть за уголъ, какъ кто-то изъ толпы бросилъ камень по направленію къ русскимъ дамамъ. Прислуга посланника, стоявшая на холмѣ, имѣла неосторожность отвѣтить тѣмъ же. Тогда на бесѣдку посыпался цѣлый градъ камней, заставившій дамъ искать спасенія въ бѣгствѣ; въ то же время толпа начала ломиться въ желѣзныя ворота посольства. Подоспѣвшій сильный отрядъ полицейскихъ съ трудомъ могъ водворить порядокъ и разогнать разбушевавшуюся публику. Весь этотъ рассказъ былъ до того страненъ, что я не повѣрила бы ему, если бы услышала его гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а не въ домѣ нашей миссіи. На столѣ въ гостиной лежалъ одинъ изъ тѣхъ камней, которые едва не произвели катастрофы: то былъ большой, увѣсистый булыжникъ, очевидно, прямо вывернутый изъ мостовой.

На вопросъ: какой смыслъ имѣла эта народная вспышка, мнѣ отвѣтили, что здѣсь, вѣроятно, замѣшаны со-ши.

Со-ши—это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не доучившіеся

молодые люди, нахватавшіеся различныхъ плохо переваренныхъ европейскихъ соціально-революціонныхъ идей и претендующіе на роль политическихъ вождей страны. Въ Японію, вмѣстѣ съ другими новшествами, пришедшими съ запада, явились и западныя революціонныя идеи. Отсутствие въ странѣ извѣстнаго экономическаго субстрата, въ видѣ безземельнаго пролетаріата и фабричныхъ рабочихъ, лишило туземную соціально-революціонную партію той почвы, которая одна даетъ практическую силу такимъ политическимъ группамъ, и сдѣлало изъ партіи со-ши сборище общественныхъ утопистовъ и мечтателей всякихъ сортовъ, гдѣ идеи, составляющія послѣднее слово западнаго космополитическаго анархизма, самымъ страннымъ образомъ перемѣшиваются съ проповѣдью ненависти къ иностранцамъ, и атеизмъ уживается рядомъ съ признаніемъ божественности происхожденія микадо. Образование партіи со-ши относятся къ 1888 году. Уже не мало правительственныхъ и частныхъ вліятельныхъ лицъ, мнѣнія которыхъ по различнымъ общественнымъ вопросамъ оказались несогласными со взглядами, проводимыми со-ши въ ихъ листкахъ и рѣчахъ, заплатились за это своими боками: любимый и сравнительно еще невинный способъ расправы у со-ши — толстыя дубинки, которыя они, не стѣсняясь, пускаютъ при случаѣ въ ходъ даже въ общественныхъ мѣстахъ. Нѣкоторыя громкія политическія преступленія послѣднихъ лѣтъ приписываются также членамъ этой партіи. Таково, на примѣръ, покушеніе на убійство министра иностранныхъ дѣлъ графа О-Кума, имѣвшее слѣдующую подкладку: въ 1889 году между японскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и нѣкоторыми великими державами, заключившими трактаты съ Японіей, шли весьма оживленные переговоры о пересмотрѣ этихъ трактатовъ; переговоры были на столько успѣшны, что заинтересованные иностранные представители ожидали ратификаціи ихъ и вступленія въ силу съ февраля 1890 года. Однимъ изъ существенныхъ пунктовъ здѣсь являлось разрѣшеніе иностранцамъ свободно проживать и заниматься торговлей во всей странѣ, а не въ однихъ только определенныхъ портахъ. Это вызвало въ Японіи сильное броженіе, и 19-го октября 1889 года графъ О-Кума былъ тяжело раненъ динамитной бомбой, которую бросилъ въ него одинъ изъ членовъ партіи со-ши; а вмѣстѣ съ его удаленіемъ съ политической сцены была отложена на неопредѣленное время и ратификація новыхъ договоровъ.

Традиціонная ненависть къ иностранцамъ представляетъ тотъ огонекъ, который постоянно тлѣетъ подъ пепломъ наружнаго японскаго добродушія; она, сказывается въ послѣдніе годы, даже въ высшемъ обществѣ Японіи, замѣтнымъ отчужденіемъ и холодностью по отношенію къ иностранцамъ. Огромное значенія имѣли здѣсь тѣ неудачи, какія постигали до сихъ поръ всѣ попытки японскаго

правительства подчинить иностранцевъ, прсживающихъ въ Японіи, судамъ страны. Уничтоженіе неподсудности иностранныхъ подданныхъ законамъ страны, такъ называемаго права консульской юрисдикціи, выговореннаго первыми трактатами иностранныхъ государствъ съ Японіей, составляетъ предметъ страстнаго желанія не только государственныхъ людей страны, но и всего образованнаго класса ея. Эта статья трактатовъ ставитъ Японію наравнѣ съ самыми варварскими государствами, не смотря на весь блескъ усвоенной ею европейской цивилизаци и введеніе у себя западныхъ учрежденій до парламента включительно; она является постоянной раной на національномъ самолюбіи этого гордаго народа, сознающаго свое безсиліе бороться съ мощью соединенной Европы и Америки.

Возвращаюсь снова къ инциденту у зданія нашего посольства. Если этотъ случай былъ дѣломъ рукъ со-ши, актомъ насилія, имѣвшимъ подкладкой ненависть къ иностранцамъ, то что же, всетаки, вызвало вспышку въ такой именно формѣ, и отчего объектомъ ея сдѣлалась именно русская миссія, а не какая либо другая? Все, что я слышала въ домѣ нашего посланника, не давало отвѣта на этотъ вопросъ. Наиболѣе вѣроятное объясненіе причины даннаго случая я нашла потомъ въ мѣстныхъ англійскихъ газетахъ. Дѣло въ томъ, что по японскимъ понятіямъ никто не имѣетъ права смотрѣть на микадо сверху внизъ; русскіе, помѣстившись на холмѣ, нарушили этотъ обычай страны, — проступокъ, усугублявшійся тѣмъ, что его совершили женщины; низкій поклонъ императора этимъ женщинамъ еще болѣе обозлилъ толпу, и вотъ нашлось среди нея нѣсколько смѣльчаковъ, быть можетъ, дѣйствительно изъ партіи со-ши, которые и вздумали проучить иностранокъ камнями.

Я до сихъ поръ не сказала еще ничего о томъ, что дѣлалось въ этотъ день въ парламнтѣ. Церемонія открытія парламента императоромъ состоялась въ верхней палатѣ. Къ 10-ти часамъ утра галерея, окружающая съ трехъ сторонъ палату, наполнилась; только императорская ложа и мѣста для дипломатическаго корпуса не были еще заняты. Приглашенныхъ гостей было до 400 человекъ; ихъ составили главнымъ образомъ туземные чиновники высшаго класса; количество же иностранцевъ постарались довести до наибольшаго minimum'a. Въ качествѣ представителей японской прессы допустили только 10 лицъ, иностранной—5.

За нѣсколько минутъ до 11-ти часовъ звукъ трубъ возвѣстилъ собравшимся о приближеніи императорскаго кортежа. Ровно въ 11 часовъ императоръ вступилъ въ ограду парламента. Его встрѣтили президенты, вице-президенты, секретари и члены обѣихъ палатъ. Пройдя черезъ ряды будущихъ законодателей страны, государь, сопровождаемый графомъ Ито, президентомъ верхней палаты, вошелъ въ императорскую комнату, гдѣ и оставался четверть часа, чтобы дать время членамъ палаты занять ихъ мѣста. Шествіе чле-

новъ парламента открывали перы. Перы дѣлятся здѣсь на три класса: 1) наслѣдственныхъ, которые были одѣты въ богатые костюмы своего сословія; 2) назначенныхъ императоромъ изъ оффиціального міра, на нихъ были мундиры соотвѣтственныхъ чиновъ, и 3) тѣхъ, которые получили званіе перовъ, какъ представители крупнаго капитала и плательщики самыхъ большихъ поземельныхъ налоговъ; они были въ черныхъ фракахъ. Съ перами явился и графъ Ито. Они заняли мѣста на правой сторонѣ амфитеатра скамей. Лѣвую сторону наполнили члены нижней палаты. Депутаты были всѣ въ скромныхъ вечернихъ костюмахъ, за исключеніемъ двоихъ, одѣтыхъ въ мундиры. Затѣмъ явился дипломатическій корпусъ, размѣстившійся въ отведенныхъ ему ложахъ. Кабинетъ и другіе чины министерскаго званія, съ министромъ-президентомъ графомъ Ямагата во главѣ, собрались по правой сторонѣ трона. Всѣ стояли. Глубокое молчаніе царствовало въ этой блестящей толпѣ.

Ровно въ 11^{1/4} часовъ, при громѣ пушечной пальбы, императоръ, предшествуемый высшими придворными чинами, несшими императорскія регалии, и сопровождаемый принцами и дворомъ, вступилъ въ залу верхней палаты. Всѣ склонили головы. Императоръ сталъ у трона. Графъ Ямагата съ глубокимъ поклономъ вручилъ ему свитокъ, заключавшій въ себѣ текстъ тронной рѣчи. Голосомъ, отчетливо слышавшимся во всей палатѣ, государь прочиталъ слѣдующее:

«Мы объявляемъ членамъ палаты перовъ и палаты депутатовъ, что всѣ учрежденія, относящіяся къ внутреннему управленію страны, появившіяся втеченіе 20-тилѣтняго періода со времени нашего вступленія на престоль, доведены въ настоящее время до положенія, отвѣчающаго правильному устройству ихъ. Съ помощью вліянія святыхъ предковъ нашихъ и въ согласіи съ вами самими, мы надѣмся продолжить и расширить эти средства управленія, пожать благіе плоды дѣла конституціи и этимъ показать и дома, и за границей величіе нашей страны, лойяльный и предприимчивый характеръ нашего народа. Мы всегда старались сохранить дружественныя отношенія съ другими странами и расширить престижъ нашего собственнаго государства. Наши отношенія съ державами, заключившими съ нами трактаты, находятся въ положеніи постоянно возростающей дружбы и довѣрія. Для сохраненія домашняго спокойствія и внѣшней безопасности существенно важно, чтобы дѣло завершенія системы нашей военной и морской обороны стало предметомъ неусыпнаго вниманія. Мы прикажемъ нашимъ министрамъ представить вамъ бюджетъ на 24-й годъ Мейджи и нѣкоторые проекты законовъ. Мы надѣмся, что вы обсудите и обдумаете ихъ съ безпристрастіемъ и благоразуміемъ, и вѣримъ, что вы установите такіе прецеденты, какіе могли бы служить хорошимъ руководствомъ для будущаго».

По окончаніи чтенія этой рѣчи, графъ Ито приблизился къ трону, принялъ свитокъ изъ рукъ императора, поклонился ему и удалился. Императоръ, дворъ и кабинетъ немедленно покинули палату. Остальная публика оставалась еще нѣсколько минутъ, пока звуки національнаго гимна не возвѣстили о послѣдовавшемъ отъѣздѣ императора во дворецъ.

Въ слѣдующій день 18-го ноября было воскресенье, и мы воспользовались имъ, чтобы побывать въ церкви при русской православной миссіи, гдѣ должна была произойти рѣдкая здѣсь церемонія: епископъ Николай рукополагалъ въ дьяконы одного туземца. Мы выѣхали изъ отеля часовъ въ 8 утра. Стоялъ ясный холодный день съ рѣзкимъ вѣтромъ. Не смотря на очень близкое разстояніе отъ Йокогамы, климатъ Токио гораздо холоднѣе и суше. Причина та, что Йокогаму защищаетъ рядъ высотъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, тогда какъ Токио открыто для нихъ.

Ѣхать пришлось довольно долго: отъ отеля до миссіи считается версть 7—8. Улицы повсюду широкія, хорошо вымощенныя. Попадается много красивыхъ двухъ-трехъ-этажныхъ зданій европейской архитектуры. Это различныя правительственныя учрежденія: канцеляріи, присутственныя мѣста, министерства, и проч. Близъ отеля много площадей и вообще эта часть города отличается своимъ просторомъ и сравнительнымъ малолюдствомъ. За каналомъ, вдоль котораго мы нѣкоторое время ѣдемъ, виднѣтся бывшая крѣпость шогуновъ, а нынѣ императорская резиденція, занимающая огромное пространство. Дворцовыя зданія лежатъ на высокомъ холмѣ, окруженномъ въ видѣ спирали рядами гигантскихъ каменныхъ валовъ, на которыхъ мѣстами виднѣются старыя, широко-вѣтвистыя японскія сосны. По угламъ крѣпости торчатъ четырехъ-угольныя башни въ видѣ бѣленькихъ домиковъ съ крышами чернаго цвѣта. Искусственные круговые каналы обвиваютъ подножіе крѣпостныхъ стѣнъ. Черезъ нихъ переброшены мосты, на которыхъ стоятъ красивые электрическіе фонари. Вотъ показался вдали православный соборъ, высоко поднявшій надъ городомъ свой темный куполъ и бѣлыя стѣны. Становится все люднѣе и люднѣе. Пустынныя площади смѣняются густо-застроенными улицами. Миссія занимаетъ большой кусокъ земли на холмахъ Суруга-дай. Она вся обнесена теперь высокимъ, рѣшетчатымъ, желѣзнымъ заборомъ. Мы вошли въ двухъ-этажное, каменное зданіе, въ которомъ живетъ преосвященный Николай, гдѣ помѣщается временная церковь и нѣкоторыя учрежденія миссіи. Епископъ Николай, высокій, сухощавый, крѣпко скроенный человекъ, производитъ впечатлѣніе необыкновенно-бодрого, энергическаго дѣятеля, именно дѣятеля, и кажется гораздо моложе своихъ лѣтъ (ему далеко за 50), не смотря на глубокія морщины, которыя провели по его лицу 30 лѣтъ неустаннаго труда. Онъ охотно отвѣчалъ намъ на всѣ наши раз-

спросы, и страннымъ чѣмъ-то вѣяло отъ его словъ: человѣкъ практическаго дѣла, организаторъ цѣлаго ряда учреждений, имѣющихъ отношеніе къ созданной имъ церковной общинѣ въ самой дальней странѣ дальняго востока, устроитель всѣхъ этихъ школъ, пріютовъ, хоровъ церковнаго пѣнія на японскомъ языкѣ, наконецъ, строитель великолѣпнаго собора, который могъ быть начатъ и оконченъ, благодаря лишь его неутомимо-настойчивой энергіи, епископъ Николай всѣмъ своимъ духовнымъ обликомъ будилъ въ памяти образы тѣхъ подвижниковъ Русской земли, что строили когда-то въ дремучихъ лѣсахъ лавры и скиты, гдѣ спасались не отъ міра, а на міру, и сами, съ топоромъ и заступомъ въ рукахъ, полагали начало новой вѣры и гражданственности среди дикаго, темнаго люда. Времена святительскія, эпохи первобытнаго хозяйства миновали, однако, безвозвратно, и новое время требуетъ для всякаго дѣла того орудія, безъ котораго всякая вѣра теперь мертва есть, т. е. денегъ. Деньги—это источникъ вѣчныхъ заботъ и хлопотъ преосвященнаго Николая: все здѣсь держится добровольными пожертвованіями, даже самый соборъ, стоящій болѣе 300 тысячъ рублей, выстроенъ почти цѣликомъ на средства частной благотворительности. И сколько пришлось перемучиться почтенному епископу, пока была добыта вся нужная сумма, объ этомъ, конечно, знаетъ только онъ одинъ. Для успѣха православной проповѣди въ Японіи, этой ультра-практической странѣ, быть можетъ, и нуженъ именно такой практический дѣятель, какъ о. Николай.

Позволю себѣ здѣсь еще одно замѣчаніе, которое, быть можетъ, и совсѣмъ невѣрно въ данномъ случаѣ, но которое такъ и напрашивается подъ перо, являясь результатомъ перваго впечатлѣнія, производимаго этой оригинальной личностью. Мнѣ почему-то кажется, что два отца Николая не могли бы ужиться въ одномъ Токио. Это именно тотъ типъ талантливыхъ русскихъ людей, которые сильны только въ одиночку и у которыхъ, при всѣхъ ихъ огромныхъ достоинствахъ, есть всегда порядочная доза деспотическаго самовластія, да еще, пожалуй, неспособность мѣрять другихъ иначе, какъ на собственный аршинъ, а аршинъ-то этотъ для обыкновенныхъ смертныхъ—цѣлая сажень.

Отецъ Николай сообщилъ намъ, между прочимъ, что православіе распространяется больше на сѣверѣ страны, чѣмъ на югѣ, и въ деревняхъ находитъ лучшую почву, чѣмъ въ большихъ городахъ. Число православныхъ японцевъ доходитъ до 29,000 душъ. Въ православныхъ церковныхъ общинахъ имѣются маленькія мѣстныя церкви, гдѣ всѣ требы совершаются туземными православными священниками. Проповѣдники выходятъ изъ такъ называемой катехизаторской школы, находящейся при миссіи, гдѣ они слушаютъ полный курсъ нашихъ семинарій. Другія христіанскія ученія, въ особенности протестантскія секты, гораздо шире раски-

нули свою дѣятельность, что объясняется бѣльшимъ количествомъ миссіонеровъ, въ особенности американскихъ религіозныхъ общинъ, обиліемъ матеріальныхъ средствъ, дающимъ имъ возможность распространять массою свои брошюры, и могучей поддержкой изъ Европы и Америки. Однѣхъ американскихъ миссіонерокъ здѣсь насчитывается до 500. Большею частью это—очень образованныя женщины, владѣющія нѣсколькими европейскими языками, музыкой, знаніемъ литературы и исторіи. Туземная аристократія и вообще богатые сословія Японіи охотно берутъ ихъ въ свои семьи въ качествѣ домашнихъ учительницъ къ дѣтямъ. Онѣ же составляютъ главный контингентъ наставницъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ высшихъ женскихъ школахъ. Ихъ дѣятельность здѣсь подчинена, говорятъ, строгому правительственному контролю, но несомнѣнно, что онѣ могутъ вліять въ духъ своей религіи однимъ своимъ нравственнымъ значеніемъ и примѣромъ.

Простившись съ о. Николаемъ, мы въ ожиданіи обѣдни отправились осмотрѣть воздвигнутый соборъ во имя Воскресенія Христа. Онъ представляетъ огромное каменное зданіе, спокойной, величественно-красивой архитектуры, безъ лишнихъ затѣй и замысловатыхъ украшеній. При возведеніи его фундамента, стѣны и въ особенности купола, были взяты въ расчетъ тѣ сотрясенія почвы, которыя такъ обычны въ этой вулканической области, и приняты соотвѣтственныя мѣры въ видѣ особыхъ желѣзныхъ скрѣпленій, или обручей, охватывающихъ все зданіе. Соборъ можетъ вмѣстить до 1.500 человекъ. Какъ свѣтло въ немъ, какъ просто все и въ то же время оригинально-изящно: масса большихъ высокихъ оконъ; бѣлыя, ослѣпительно-бѣлыя стѣны; бѣлый иконостасъ, гдѣ мѣста для иконъ обведены золоченымъ бордюромъ, золоченыя врата и двери, и больше ничего, никакихъ другихъ цвѣтовъ, только бѣлый и золотой. Рядомъ съ храмомъ высокая колокольня, съ деревянной, не выкрашенной, а сплошь лакированной лѣстницей: даже неловко какъ-то ступать въ обуви по этому блестящему полу. Съ вершины ея открывается обширный видъ на все Токио и его далекіе пригороды. Что за чудовищный городъ! Это какое-то безконечное море крышъ, широко раскинувшееся вперемежку съ садами по равнинѣ и невысокимъ холмамъ. Узкой лентой вьется рѣка, протекающая по городу; а тамъ вдали свѣтлѣетъ полоса морскаго залива. Холодный вѣтеръ, свободно гуляющій на такой высотѣ, съ рѣзкой силой врывается въ открытыя окна верхней площадки и заставляетъ волей-неволей разстаться съ этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ видомъ.

Обѣдня началась ровно въ 10 часовъ. Небольшая, низенькая церковь, помѣщающаяся во второмъ этажѣ зданія миссіи, была биткомъ набита прихожанами обоюго пола и всякаго возраста. Служба шла на японскомъ языкѣ. Пѣлъ большой хоръ мальчиковъ и дѣ-

вочекъ изъ воспитанниковъ училища при миссіи и пѣлъ очень хорошо, немного только какъ будто растягивалъ; но такъ, можетъ быть, и слѣдуетъ по особенностямъ языка. Странно какъ-то было слышать это стройное пѣніе, эти знакомые церковные мотивы на чужомъ языкѣ въ такой дали отъ Россіи. Нѣкоторыя слова, какъ, напримѣръ, «исполаети деспота», пѣлись безъ измѣненія, очевидно, потому, что такія греческія выраженія и въ русскомъ богослуженіи оставлены безъ перевода. Служилъ самъ о. Николай въ епископскомъ облаченіи въ сослуженіи съ двумя священниками изъ японцевъ и однимъ дьякономъ, тоже японцемъ. Его могучая фигура рѣзко выдѣлялась среди окружающей толпы туземцевъ. Прихожане молились очень усердно, истово клали крестныя знаменія и, повидимому, вносили и сюда ту щепетильную аккуратность, которая составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ этой націи. Не только церковь была полна, но и площадка передъ нею и вся лѣстница была усыпана народомъ. Становилось очень душно, и мы съ трудомъ могли выбраться черезъ густую толпу молящихся на свѣжій воздухъ.

Изъ нашей духовной миссіи мы отправились въ городской округъ—Хонджо-ку, гдѣ находится университетъ, единственный во всей странѣ. Такъ какъ христіанское воскресенье, съ появленіемъ иностранцевъ, главнымъ образомъ американцевъ и англичанъ, свято чтущихъ его, сдѣлалось и въ Японіи днемъ отдыха отъ служебныхъ занятій, или, какъ говорится въ нашихъ календаряхъ, днемъ неприсутственнымъ, то мы не застали въ университетѣ никого, кромѣ дежурныхъ чиновниковъ и нѣсколькихъ студентовъ въ лабораторіяхъ. Я не стану описывать этого университета; достаточно сказать, что онъ устроенъ по европейскому образцу и дѣйствуетъ по европейскимъ программамъ. Закончили мы этотъ день осмотромъ главнаго базара—Канкоба, и главнаго городского округа—Коджимачи.

Очень великъ этотъ базаръ, но ничѣмъ особеннымъ, кромѣ своей величины, не отличается отъ аналогичныхъ ему учреждений другихъ японскихъ городовъ: та же масса всевозможныхъ издѣлій главнымъ образомъ туземной рыночной промышленности, между которыми, впрочемъ, попадаются иногда весьма недурныя вещицы; та же дешевизна товаровъ и та же японская простонародная толпа, медленно передвигающаяся отъ одного торговца къ другому. Меня удивило здѣсь множество превосходныхъ и очень не дорогихъ зеркалъ, отъ самыхъ маленькихъ, карманныхъ, до большихъ стѣнныхъ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ базаромъ расположились зданія высшихъ судебныхъ учреждений какъ мѣстныхъ, городскихъ, такъ и обще-имперскихъ. Вообще округъ Коджимачи представляетъ центръ официальной столичной жизни. Здѣсь находятся: министерства финансовъ, народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ, правительственная типографія, одно изъ самыхъ изящныхъ зданій

Токио; дома членовъ императорской фамилии, русское, англійское, германское, итальянское и китайское посольства и многія другія официальные учрежденія. Здѣсь же, въ окрестностяхъ замка, помѣщаются казармы войскъ токійскаго гарнизона; онѣ обнесены со стороны улицы высокими деревянными оградами, стоящими на каменномъ фундаментѣ и покрытыми черепичными крышами. За этими оградами, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, были резиденціи феодалныхъ князей, семьи которыхъ, по тогдашнимъ законамъ, должны были шесть мѣсяцевъ въ году проживать въ Токио въ качествѣ заложниковъ вассальной вѣрности ихъ представителей правившей династіи шогуновъ. Съ паденіемъ шогуната, княжескія семьи разлетѣлись во всѣ стороны изъ этихъ почетныхъ тюремъ, какъ птицы, выпущенныя изъ клѣтки, а ихъ жилища, отошедшія въ казну, были приспособлены къ казармамъ вновь организованнаго столичнаго корпуса войскъ.

19-е ноября. На дворѣ гораздо теплѣе. Вѣтра нѣтъ. Голубой день ярко смотритъ съ яснаго зимняго неба. Утромъ мы отправились въ округъ Шиба, представляющій резиденцію нынѣшней столичной знати, — Сен-Жерменское предмѣстье Токио. Улицы здѣсь большею частью широкія; многія усажены деревьями; лавокъ и вообще торговыхъ заведеній сравнительно мало. Дома скрыты за оградами и садами. Самую привлекательную часть этого округа составляетъ роскошный вѣковой паркъ, занимающій огромную площадь.

Даже зимою, при значительно порѣдѣвшей зелени, онъ смотритъ густымъ лѣсомъ, черезъ который мѣстами съ трудомъ проникаютъ солнечные лучи. Онъ прорѣзанъ широкими аллеями и тропинками и представляетъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ уголковъ Токио. Въ немъ нашли послѣднее свое успокоеніе шесть шогуновъ Токугавской династіи. Могильныя мавзолеи ихъ представляютъ одни изъ величайшихъ перловъ стариннаго японскаго искусства. Все то, что нынѣ составляетъ общественный паркъ Шиба, было нѣкогда собственной землей огромнаго буддійскаго монастыря Зозоджи, принадлежавшаго сектѣ Іодо. Монастырь, основанный въ 1393 году, устроился на этомъ мѣстѣ въ 1596 году. Основатель Токугавской династіи Іеязу выбралъ храмъ Зозоджи своимъ родовымъ храмомъ, гдѣ онъ самъ и его наслѣдники должны были возносить мольбы предкамъ. Отсюда и пошелъ обычай погребать умершихъ членовъ Токугавской семьи въ священной землѣ Зозоджи. 1-го января 1874 года главныя монастырскія зданія были истреблены пожаромъ, а въ 1877 году правительство конфисковало монастырскую землю, и паркъ Шиба сдѣлался общественнымъ достояніемъ. Отъ прежнихъ зданій остался только небольшой, красиво изукрашенный рѣзьбою и позолотою храмъ, содержащій въ себѣ большое вызолоченное изображение Амиды, божества, которому былъ посвященъ монастырь.

Эту статью приписываютъ рѣзцу знаменитаго буддѣйскаго священника и артиста Э-шина (942—1017 гг.).

Я не буду описывать всѣхъ мавзолеевъ Токугавъ, погребенныхъ въ Шива. Самое подробное описаніе, даже если бы оно было идеально хорошо, не въ состояніи, какъ я думаю, дать понятіе объ этихъ оригинально-причудливыхъ массахъ деревянной рѣзбы, позолоты, древняго лака, странныхъ письменъ и картинъ, силою искусства строителя слитыхъ въ одно стройное цѣлое, полное странной красоты и величія. Виды европейской природы, формы европейскаго искусства поддаются до нѣкоторой степени художественному описанію, потому что они намъ понятны: мы съ дѣтства освоились съ ихъ основными мотивами. Здѣсь же все такъ чуждо нашимъ привычнымъ представленіямъ, такъ непохоже на нашу природу, жизнь, искусство, что, повторяю, перо даже великаго художника слова было бы въ данномъ случаѣ бессильно. Надо самому вдохнуть воздухъ этой страны, коснуться почвы этой удивительно причудливой культуры, самому увидѣть эти перлы туземнаго искусства въ рамкѣ зелени окружающаго ихъ вѣковаго лѣса, чтобы понять своеобразный характеръ японскаго творческаго гения. Я ограничусь поэтому только слабой попыткой дать нѣкоторую идею о характерѣ тѣхъ сооружений, что зовутся могильными храмами и мавзолеями Токугавъ. Изъ нихъ самыми характерными и изящными образцами являются въ Токио памятники, воздвигнутые на могилѣ втораго погуна—Хидетада, сына и наслѣдника великаго Іеязу. Мавзолей и надмогильный храмъ втораго погуна находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ главнымъ храмомъ Зозоджи. Пройдя черезъ дворъ, гдѣ стоитъ колоколь, звонъ котораго до пожара 1874 года разносился далеко по всему окрестному округу, мы видимъ направо жилище мѣстнаго священника. Мы даемъ здѣсь небольшую плату, получаемъ пропускные билеты, и самъ же священникъ является затѣмъ нашимъ гидомъ. Не великъ этотъ надмогильный храмъ Хидетада; но какая это красиво-оригинальная игрушка! Верхняя часть его стѣнъ украшена рельефной рѣзбой птицъ, богато вызолоченныхъ и росписанныхъ красками. Двѣ огромныя золоченыя колонны, стоящія по правую и по лѣвую сторону алтаря, поддерживаютъ высокую сводообразную крышу, построенную изъ разукрашенныхъ перекладинъ, расположенныхъ въ видѣ сѣти. Алтарь, которому теперь 250 слишкомъ лѣтъ, покрытъ прелестнымъ золотымъ лакомъ. На такихъ же чудно отлакированныхъ столахъ предъ нимъ стоятъ металлическія вазы съ гигантскими букетами піоновъ, сдѣланныхъ изъ золоченой бронзы. Отсюда насъ приводятъ къ какому-то высокому черному забору; на двери, продѣланной въ немъ, виситъ замокъ; его отпираютъ, и предъ нами опять черная масса досокъ въ видѣ коробки, закрытой раздвижными стѣнами и запертой на замокъ. Въ эту-то огромную коробку и заключенъ мавзолей

надъ останками Хидетады. Она устроена для того, чтобы защитить художественное сооруженіе отъ дожда, вѣтра, зноя и т. п. стихійныхъ вліяній. Мавзолей имѣетъ внутри форму небольшой, высокой восьмиугольной залы. Восемь колоннъ, покрытыхъ мѣдными вызолоченными листами, поддерживаютъ крышу. Стѣны лакированы драгоценнымъ лакомъ, поверхъ котораго наведена позолота. На верхней части ихъ видна роскошная золоченая рѣзба и живопись на золотомъ фонѣ работы художника Теннина. Центръ потолка росписанъ рукою того же художника. Посреди залы, на каменномъ фундаментѣ возвышается восьмисторонняя пирамида, сдѣланная изъ дерева и вся покрытая чуднымъ чернымъ лакомъ. Верхняя часть ея разрисована видами священныхъ озеръ: китайскаго—Сіао-Сіанга и японскаго—Бива; внизу изображены: левъ, царь звѣрей, и піонъ, царь цвѣтовъ по японскимъ понятіямъ. Тѣло Хидетады лежитъ подъ каменнымъ поломъ мавзолея. Говорятъ, оно заключено въ смѣсь изъ киновари и угольнаго порошка, чтобы предохранить его отъ тлѣнія. Свѣтъ въ мавзолей проникаетъ только черезъ двери, выходящія на крытую галлерею, стѣны которой при насъ были раздвинуты.

Въ окрестныхъ улицахъ ключемъ бьетъ живая, горячая жизнь; на дворѣ сіяетъ яркій день, а здѣсь такъ сумрачно, такъ глубоко спокойно подъ этой величественно-угрюмой сѣнью вѣковаго лѣса!...

По выходѣ изъ мавзолея, священникъ, провожавшій насъ, обращаетъ наше вниманіе на два камня, около двухъ футовъ высоты каждый, покрытые грубой рѣзбой: на одномъ изображена смерть Будды, на другомъ встрѣча на небесахъ святыми вмѣстѣ съ Амидой души умершаго человѣка.

Изъ парка Шиба мы отправляемся на холмъ, лежащій не подалеку отсюда и служащій однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ для прогулокъ у столичной публики. Широкая, крутая каменная лѣстница, вдоль середины которой протянута толстая желѣзная цѣпь, ведетъ на вершину холма (извѣстнаго подъ названіемъ Атаго-яма), гдѣ находится большая площадка, окаймленная рощей старыхъ деревьевъ и высокихъ кустарниковъ. Небольшой синтосскій храмъ и нѣсколько чайныхъ домиковъ пріютились тутъ же въ тѣни деревьевъ. По краямъ обрывистыхъ скатовъ разбросаны деревянные скамейки, гдѣ можно отдохнуть и полюбоваться на панораму лежащаго внизу города. Посрединѣ площадки красуется новенькій каменный ресторанъ европейской архитектуры съ высокой 3-хъ или 4-хъ-этажной башней. Ресторанъ служитъ мѣстомъ сборища столичной кутящей молодежи. Съ вершины его башни открывается чудный видъ на городъ съ его предмѣстьями и на заливъ Іеддо, изрѣзанный многочисленными бухтами. Вдали въ туманной мглѣ синѣютъ извивы хребтовъ противоположнаго берега.

Въ этотъ же день послѣ завтрака мы отправились въ храмъ

Сенкакудзи, въ городское предмѣстье Таканаву, лежащее неподалеку отъ желѣзнодорожнаго вокзала Шимбаши. Самъ храмъ не представляетъ ничего интереснаго, но на его кладбищѣ, расположенномъ на холмѣ среди вѣковыхъ деревьевъ, находятся могилы сорока семи рониновъ, мучениковъ вассальной преданности своему господину, типичнѣйшихъ героевъ ветхозавѣтной Японіи. Ихъ подвигъ прогремѣлъ по всей странѣ, былъ воспѣтъ туземными поэтами и послужилъ сюжетомъ одной изъ популярнѣйшихъ драмъ японскаго театра, извѣстной подъ именемъ Чіу-шин-гура. На небольшой возвышенной площадкѣ, обнесенной каменной оградой, покрытой темновеленымъ мохомъ, подъ тѣнью дубовъ, криптомерій и камфарныхъ деревьевъ, стоятъ 46 каменныхъ столбиковъ, вытянувшихся стройнымъ рядомъ вдоль стѣны забора. Это и есть могилы рониновъ. Могила 47-го ронина, ихъ предводителя, стоитъ отдѣльно, въ самомъ дальнемъ углу отъ входа; неподалеку отъ нея могила того самаго князя, вѣрность которому они доказали цѣною собственной жизни. Эти скромные могильные памятники на столько же просты, на сколько исторія лежащихъ подъ ними мертвецовъ необыкновенна и трагична.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой драмы, разыгравшейся почти 200 лѣтъ тому назадъ. Весною 1701 года Азано-Такуми-но-Ками, дайміо¹⁾ Ако, служившій при дворѣ шогуна, получилъ приказаніе принять и занимать императорскаго посла, прибывшаго къ шогуну. Это была очень важная обязанность въ то время. Азано былъ хорошій воинъ, но плохой знатокъ придворныхъ тонкостей и рѣшилъ посоветоваться насчетъ подробностей этикета съ нѣкимъ Кира-Кодзуке-но-сукэ, старымъ придворнымъ, специалистомъ въ такихъ дѣлахъ. Послѣдній, нехотя давши нѣсколько наставленій, сталъ потомъ вездѣ рассказывать, что Азано не достоинъ носить званіе дайміо, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ принялся всячески язвить его. Нѣкоторое время Азано переносилъ молчаливо насмѣшки Кира-Кодзуке; но однажды онъ былъ такъ глубоко оскорбленъ словами послѣдняго, что, забывъ все, выхватилъ свою саблю, чтобы убить обидчика. Присутствующіе помѣшали ему, однако, нанести смертельный ударъ, и Кира-Кодзуке успѣлъ спастись. Такъ какъ эта сцена произошла во дворцѣ шогуна, гдѣ обнажить оружіе считалось однимъ изъ величайшихъ преступленій, то Азано получилъ приказаніе совершить хара-кири, то-есть самоубійство путемъ распарыванія себѣ живота. Имущество его было конфисковано, свита распущена и обратилась въ рониновъ, то-есть людей, лишенныхъ своего господина. Среди этихъ свитскихъ былъ нѣкто Оиши-Курано-сукэ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ покойнаго Асано. Онъ задумалъ отмстить Кирѣ за смерть своего госпо-

¹⁾ Князь.

дина, и къ участию въ этомъ предпріятіи привлечь 46 вѣрнѣйшихъ слугъ умершаго князя. Заговорщики поклялись умертвить Кира-Кодзюке. Въ глазахъ тогдашняго общества кровавая месть пользовалась глубокимъ почетомъ; отказъ отъ своего права мстить вель за собой исключеніе изъ извѣстной общественной среды; но законъ строго каралъ такой самосудъ, и правительство зорко слѣдило за людьми, дѣлавшимися подозрительными въ этомъ отношеніи. Для успѣха задуманнаго предпріятія, Оиши и его 46 товарищей рѣшили прежде всего усыпить бдительность правительства: они разсѣялись по разнымъ городамъ, занялись кто торговлей, кто ремесломъ; нѣкоторымъ изъ этихъ ремесленниковъ удалось въ послѣдствіи получить доступъ въ жилище Киры-Кодзюке, изучить расположеніе его комнатъ и садовъ. Самъ Оиши отправился въ Киото, предался здѣсь разгулу и даже прогналъ отъ себя жену и дѣтей. Обо всемъ этомъ, конечно, было донесено шпионами кому слѣдуетъ, и Кира понемногу совѣмъ успокоился. Вдругъ, ночью 30-го января 1703 года, во время жестокой снѣжной мятели, заговорщики врываются въ домъ своей жертвы, убиваютъ слугъ, пытавшихся оказать имъ сопротивленіе, и находятъ Киру-Кодзюке подъ кучей дровъ и угля, куда онъ вздумалъ было спрятаться. Глава заговорщиковъ, принимая во вниманіе высокой санъ Киры, предложилъ ему почетную смерть, самоубійство путемъ хара-кири. Кира отказался. Тогда заговорщики убили его, отрубили ему голову и торжественно понесли ее на могилу своего господина. Развѣло. Народъ, толпами стекавшійся имъ навстрѣчу, громко хвалилъ ихъ подвигъ. Одинъ старый даймію, мимо дворца котораго они проходили, выслалъ имъ угощеніе. Въ храмѣ Сенкакудзи ихъ принялъ самъ настоятель. Шогунальный судъ приговорилъ ихъ затѣмъ къ хара-кири. Они совершили этотъ актъ поодиночкѣ въ домахъ различныхъ даймію, которые ихъ взяли на поруки. Всѣ 47 ронинновъ погребены на одномъ и томъ же кладбищѣ, рядомъ со своимъ отмщеннымъ княземъ.

Обычай, извѣстный подъ именемъ хара-кири, развился въ Японіи втеченіе междоусобицъ среднихъ вѣковъ: побѣжденные, не желая попасть въ руки своихъ враговъ и предпочитая смерть безчестью, часто производили надъ собой хара-кири. Такъ какъ этотъ способъ самоубійства практиковался воинами на полѣ брани, то онъ постепенно вошелъ въ почетъ и въ мирное время у военнаго класса вообще и у феодальнаго дворянства страны въ особенности. А затѣмъ изъ обычая онъ сдѣлался привилегіей этого класса. Нынѣшнее японское правительство лишило хара-кири его ореола благородства и относится къ нему, какъ ко всякому самоубійству вообще. Обычай этотъ, однако, не исчезъ совѣмъ изъ жизни, и память людей, погибшихъ путемъ хара-кири, донинѣ чтится народомъ. Такъ, напримѣръ, Нишино Бунтаро, сянтооскій фанатикъ, зарѣзавшій министра народнаго просвѣщенія, виконта Мори, 11-го февраля 1889 года и

совершившій тутъ же надъ собой хара-кири, почитается почти какъ божество: его могила постоянно убрана цвѣтами, предъ нею жгутся благовонія, къ ней ходятъ на поклоненіе. (Мотивомъ этого преступленія послужило то обстоятельство, что Мори, войдя въ одинъ синтооскій храмъ, оказалъ явные знаки неуваженія къ святылицѣ)¹⁾.

20-е ноября. Сегодня мы отправились въ паркъ Уено, лежащій въ округѣ Шитаяя, въ сѣверо-восточной части города. Это довольно далеко отъ нашего отеля: около $\frac{3}{4}$ часа быстрой ѣзды на дженерикчахъ. Проѣзжаемъ очень оживленными улицами. Какая масса книжныхъ лавокъ повсюду! По большому бульвару Одори несутся вагоны конно-железной дороги, биткомъ набитые публикой; шапинскіе дилижансы плетутся своей унылой рысцей, подпрыгивая и покачиваясь на каменной мостовой; курумы, согнувшись въ три погибели, мчатся во весь человѣческій карьеръ и зорко посматриваютъ, какъ бы не наскочить на вагонъ или заѣввавшагося прохожаго. Тысячная толпа снуетъ взадъ и впередъ по широкой улицѣ, которая кажется еще шире отъ обступившихъ ее низенькихъ домиковъ. Но вотъ мы и у парка. Предъ нимъ лежитъ большая площадь Ямаста, усаженная деревьями, уставленная лотками съ дѣтскими игрушками и другимъ мелкимъ товаромъ. Тутъ же толкуются продавщицы разноцвѣтныхъ воздушныхъ шаровъ и большихъ бумажныхъ змѣевъ въ видѣ зонтиковъ, птицъ и проч. Паркъ разбитъ на невысокихъ холмахъ и смотреть издали густымъ, дремучимъ лѣсомъ. Мы вѣзжаемъ въ широкую аллею между холмами, составляющую собственно продолженіе большой улицы Одори, поворачиваемъ затѣмъ влѣво и, обходя подножіе холма, приближаемся къ озеру, имѣющему около $1\frac{1}{2}$ версты въ окружности. На маленькомъ полуостровкѣ, вдающемся въ это озеро, стоитъ небольшой храмъ, посвященный богинѣ Бентенъ. Среди порѣдѣвшей зелени деревьевъ виднѣется статуя богини съ лютней у ея ногъ. Здѣсь же пріютились два чайныхъ домика. Все озеро покрыто увядшими теперь листьями лотоса; но въ іюль мѣсяцѣ, когда лотосъ цвѣтетъ, оно, говорятъ, представляетъ прелестное зрѣлище. Имя озера Шинобазу-но-Ике. На противоположномъ берегу его виднѣется большое бѣлое зданіе европейской архитектуры. Это медицинская школа. Поднимаемся вверхъ и приходимъ къ маленькой гостинницѣ полуевропейскаго, полуяпонскаго характера, носящей имя Сей-йо-Кен-отель. Она буквально утопаетъ въ густой зелени и цвѣтахъ. Неподалеку находится катокъ, построенный на высокихъ столбахъ, нѣчто въ родѣ того, что французы зовутъ «montagnes russes». Здѣсь постоянно цѣлая куча лю-

¹⁾ Лѣтомъ 1891 года состоялось общее правительственное распоряженіе, воспрепятствующее посмертнымъ почестямъ самоубійцамъ, совершившимъ предъ смертью какое либо кровавое преступленіе.

«истор. вѣстн.», июнь, 1893 г., т. III.

бителей этой странной забавы, и грохотъ катящихся взадъ и впередъ саней глухо раздается подъ сводами вѣковыхъ деревьевъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ гостинницы стоитъ подъ открытымъ небомъ огромная бронзовая статуя Будды съ полузакрытыми глазами, большимъ толстымъ носомъ и выкрашенными губами, — самая безобразная изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Японіи статуй великаго Сакья-Муни. Дальше, все на той же лѣвой сторонѣ (правая занята небольшими, ничѣмъ не замѣчательными храмами, часовнями и чайными домами, уютно расположившимися подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ и сосенъ), начинается другая аллея, менѣе широкая, чѣмъ главная дорога. Въ началѣ этой аллеи стоитъ огромное черное каменное тори и близъ него колоссальный каменный фонарь. За тори открывается аллея столѣтнихъ гигантовъ, уставленная съ обѣихъ сторонъ густыми рядами каменныхъ фонарей; въ концѣ аллеи опять тори и опять рядъ фонарей; затѣмъ одно за другимъ три тори и еще аллея фонарей подъ тѣнью вѣковаго лѣса. На правой сторонѣ высится стройная пятиэтажная пагода, шпиль которой находится на одномъ уровнѣ съ вершиной деревьевъ. А влѣво виднѣется небольшой храмъ, чрезвычайно изящное сооруженіе, гдѣ всѣ части носятъ слѣды самой тщательной отдѣлки и представляютъ своего рода артистическіе шедевры. Главный порталъ этого миниатюрнаго храма богато украшенъ золотомъ и рѣзьбой. Повсюду чеканная золоченая бронза, золото, драгоценный золотистый и черный лакъ, какой умѣли дѣлать только въ старину, и на всемъ гербы Токугавскаго рода: трилистникъ въ кругѣ. На дорогомъ алтарѣ стоитъ, между прочимъ, кіотъ или божница, содержащая въ себѣ деревянную статую Іеязу, которая каждое 17-е число выставляется для молитвъ и поклоненія. (Годовщина смерти Іеязу — 17-е апрѣля). По стѣнамъ висятъ портреты 36 знаменитыхъ древнихъ поэтовъ Японіи. Храмъ этотъ былъ выстроенъ въ 1626 году и посвященъ первому погуну Токугавскаго династіи Іеязу, обожествленному послѣ смерти подъ именемъ То-шо-гу. Ряды фонарей, что мы видѣли по дорогѣ къ храму, представляютъ даръ феодальныхъ князей-дайміо памяти своего великаго вождя. Каждый изъ нихъ помѣченъ годомъ, соответствующимъ 1650 году нашего лѣтосчисленія, и именемъ жертвователя.

Той же дорогой мы возвращаемся изъ храма Іеязу къ главной аллеѣ и приходимъ затѣмъ на обширную площадь среди парка, гдѣ по бокамъ видны еще временные павильоны закрывшейся осенью всеяпонской выставки, а въ глубинѣ высится прекрасное каменное двухъэтажное зданіе, предъ которымъ разбитъ цвѣтникъ и садикъ въ стилѣ европейскихъ общественныхъ садовъ, со скамейками и бесѣдкой для музыкантовъ. Это новый музей. Насъ приводятъ сначала въ образовательный отдѣлъ его, помѣщающійся позади главнаго зданія, учрежденный въ 1877 году и заключающій въ себѣ

весьма поучительныя естественно-историческія коллекціи. Музей состоитъ изъ ряда высокихъ свѣтлыхъ залъ, уставленныхъ вдоль стѣнъ и посрединѣ витринами и шкапами. Коллекція минераловъ очень полна и даетъ, между прочимъ, наглядное представленіе о минеральныхъ богатствахъ страны. Модели золотыхъ рудниковъ на островѣ Садо и Фунатамѣ съ поперечными и продольными разрѣзами горъ изображаютъ ходъ работъ въ шахтахъ, общій видъ золотоносныхъ рудниковъ, различныя орудія, употребляемыя при добываніи золота и проч. Коллекціи бабочекъ, рыбъ и пищевыхъ продуктовъ тоже очень богаты. Красиво устроено собраніе японскихъ цвѣтовъ и растений. Затѣмъ идетъ коллекція животныхъ и птицъ какъ мѣстныхъ, такъ и чужестранныхъ. Изъ образовательнаго музея переходимъ въ историческій, наполненный предметами японскаго былаго искусства во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ. Тутъ выставлены: собраніе императорскихъ колесницъ и носилокъ и модель «государственнаго катера» шогуновъ; огромная коллекція всевозможнаго древняго оружія, начиная съ каменныхъ стрѣлъ и копій доисторической эпохи и кончая саблями, копьями, аркебузами и пищальми феодальнаго періода, бывшихъ въ ходу до революціи 1868 года; множество панцырей, шлемовъ, забралъ и другихъ рыцарскихъ доспѣховъ; предметы, употреблявшіеся нѣкогда въ синтоскихъ и буддійскихъ храмахъ; немногочисленныя старыя христіанскія реликвіи; коллекція образцовъ древняго скульптурнаго и гончарнаго искусства; масса картинъ древнихъ мастеровъ; цѣлый рядъ платьевъ дайміо, придворныхъ костюмовъ мужчинъ и женщинъ разныхъ ранговъ; предметы домашней утвари изъ дерева, крытаго драгоцѣннымъ лакомъ, принадлежавшіе князьямъ, шогунамъ, придворной знати; всевозможныя туземныя монеты, начиная съ VIII столѣтія; музыкальные инструменты и театральныя маски; словомъ, предъ нами проходитъ, въ исторической послѣдовательности, вся бытовая обстановка старой Японіи. Остановлюсь нѣсколько на христіанскихъ реликвіяхъ этого въ высшей степени интереснаго музея. Большинство ихъ до самаго недавняго времени составляло частную собственность княжеской фамиліи Дате въ Сендаѣ. Исторія ихъ происхожденія такова: въ 1614 году, Дате Масамуне, владѣтельный князь Сендая, отправилъ въ Римъ посольство съ нѣкимъ Хашикура-Рокуеомонъ во главѣ. Японскіе историки говорятъ, что оно было послано по желанію шогуна, для того, чтобы изучить политическую силу и военныя средства христіанской Европы; но европейскіе писатели утверждаютъ, что это былъ актъ подчиненія извѣстной части японскихъ князей, принявшихъ христіанство, верховной власти папы, о чемъ имѣется свидѣтельство самихъ членовъ посольства. Римскій дворъ очень хорошо принялъ представителей далекой страны, и въ 1620 году посольство вернулось на родину съ богатыми подарками. Музей Уено содержитъ слѣдую-

щіе предметы, относящіеся къ этому интересному эпизоду: картину, писанную масляными красками и изображающую Хашикуру, молящагося предъ распятіемъ; грамоту на латинскомъ языкѣ, которою Хашикурѣ были пожалованы права гражданина города Рима; портретъ Хашикуры въ итальянскомъ костюмѣ; фотографіи съ письма князя Дате Масумуне къ папѣ на японскомъ и латинскомъ языкахъ; четки, распятія, священныя картины и т. п. вещи. Въ той же витринѣ находятся, между прочимъ, продолговатыя металлическія доски съ горельефными фигурами Христа предъ Пилатомъ, Снятія со Креста, Богоматери съ Младенцемъ и другими священными христіанскими изображеніями. Это тѣ самыя доски, которыя въ эпоху гоненій, воздвинутыхъ на христіанскую религію, должны были топтать ногами туземцы, навлекшіе на себя подозрѣніе въ исповѣдываніи «преступной вѣры». Такой актъ являлся въ глазахъ правительственныхъ властей достаточнымъ доказательствомъ невинности заподозрѣннаго въ подобномъ тяжкомъ въ тѣ времена государственномъ преступленіи. Музей Уено открытъ ежедневно (за исключеніемъ понедѣльниковъ) лѣтомъ отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ по полудни; зимою отъ 9 до 4 часовъ. Пока мы осматривали этотъ музей, въ обширныхъ залахъ его все время толклось множество туземцевъ всякаго возраста и пола, принадлежавшихъ къ низшимъ и среднимъ классамъ населенія, не исключая и деревенскихъ обывателей. Они медленно передвигались отъ одной витрины къ другой и подогу простаивали предъ ними, слушая объясненія своихъ провожатыхъ.

Въ глубинѣ парка, за зданіями музея, находятся два надгробныхъ храма, содержащіе въ себѣ таблицы съ посмертными именами шести шогуновъ Токугавской династіи, ихъ жень, матерей, сыновей и дочерей.

То, что составляетъ теперь паркъ Уено, принадлежало нѣкогда фамиліи То-до. Въ 1625 году шогуноу Іемитзу отобралъ эту землю, чтобы построить на ней, въ сѣверо-восточной части города, такіе буддійскіе храмы, которые превзошли бы всѣ другія своимъ блескомъ и величіемъ. Главный храмъ Тойейзанъ былъ воздвигнутъ на мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь зданія музея. Въ 1868 году, во время кровавой битвы между императорскими и шогунальными войсками, онъ сгорѣлъ дотла. Говорятъ, онъ считался первымъ храмомъ во всей странѣ и представлялъ собою высшее торжество японскаго строительнаго искусства. Въ эпоху Токугавъ главнымъ священникомъ храма былъ всегда сынъ царствующаго императора. Здѣсь, конечно, играли роль прежде всего политическія соображенія правителей страны: для Токугавъ было очень удобно держать въ своей власти одного изъ тѣхъ, кто могъ бы быть провозглашенъ императоромъ, въ случаѣ если бы дворъ Кіото вздумалъ серьезно воспротивиться политикѣ погуната. Во время смутъ перваго періода цар-

ствованія нынѣшняго микадо, первосвященникъ Уено былъ такимъ образомъ возведенъ на тронъ партизанами шогуната и увезенъ въ Аидзу; послѣ паденія шогуната, микадо простилъ этого самозванца и послалъ его учиться въ Германію. Онъ нынѣ извѣстенъ подъ именемъ принца Кита-Ширакава.

Императорское правительство послѣ низверженія Токугавской династіи конфисковало земли Тойейзанскаго монастыря и сдѣлало паркъ Уено общественнымъ паркомъ. Кромѣ музея, здѣсь же помѣщаются еще зданія академіи изящныхъ искусствъ, очень красивой архитектуры, и зоологической садъ, наполненный представителями японскаго животнаго царства. Цѣлый день мы провели въ этомъ прелестномъ паркѣ, завтракали въ его гостинницѣ, бродили по его широкимъ, тѣнистымъ аллеямъ, не разъ возвращаясь къ чуднымъ храмамъ Токугавъ, этимъ безмолвнымъ памятникамъ былаго величія падшей династіи и искусства старой Японіи.

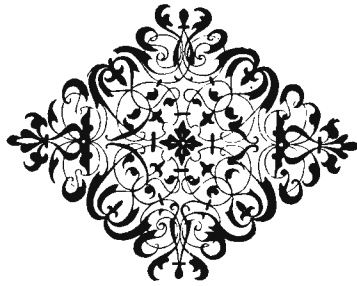
Недаромъ Токио звали городомъ Токугавъ. Здѣсь все полно еще ихъ именемъ, ихъ славой. Нѣсколько дней еще мы провели въ Токио, осматривая его достопримѣчательности; но я не стану останавливаться на всѣхъ этихъ храмахъ, садахъ, новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, и проч. Скажу въ заключеніе только два слова объ исторіи города. Нынѣшняя столица Японской имперіи до 1869 года носила ими Іеддо и 300 лѣтъ тому назадъ была маленькой ничтожной крѣпостью одного удѣльнаго князька. Начало благоденствію и росту Іеддо положилъ основатель послѣдней династіи шогунатъ — Іеязу. Рѣшивъ по различнымъ стратегическимъ и политическимъ соображеніямъ сдѣлать Іеддо своей столицей, онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1700 года, употребилъ цѣлую армію въ 300.000 человекъ рабочихъ на ея устройство. Въ западной части Іеддо были вырыты каналы, и земля отсюда пошла на заполненіе болотистыхъ пространствъ возлѣ бухты. Обширная часть холма Суруга-дай была срѣзана, и этой землей заполнено около 5 кв. верстъ узкихъ проливовъ въ южной части города. Далѣе, Іеязу расширилъ замокъ, вырылъ вокругъ него рвы и каналы и выстроилъ зданія. Его вѣра въ будущность города видна въ его приказаніи вырыть огромный наружный каналъ и выстроить городскія ворота и башни, хотя еще не было ни стѣнъ между ними, ни жилищъ внутри. Великій человекъ объявилъ, что стѣны выстроятся, и городъ не только наполнить ихъ, но и далеко разростется за ними. Предсказаніе его оправдалось: черезъ 50 лѣтъ городъ расширился до двухъ-третей его теперешней величины, и въ 1700 году имѣлъ уже 500 тысячъ душъ населенія. Здѣсь, впрочемъ, играли роль и нѣкоторыя мѣры шогунальнаго правительства, искусственно увеличивавшія населеніе города. Таковъ, на примѣръ, законъ Іемитзу (внукъ Іеязу), по которому всѣ феодальные князья должны были ежегодно являться въ Іеддо и жить въ

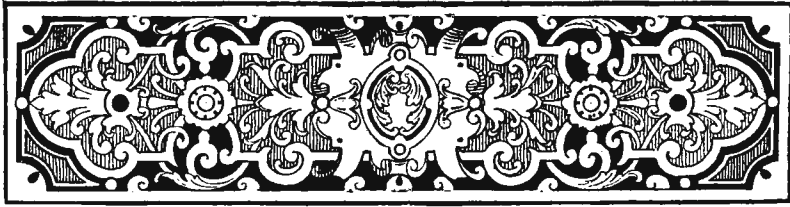
немъ полгода, а другую половину года обязаны были проживать здѣсь ихъ семьи. Темитзу также проложилъ новые и углубилъ старые каналы. Въ 1653 году были проведены въ Іеддо великолѣпные водопроводы, дающіе воду изъ рѣки Тама-гавы (за 50 верстъ отъ столицы). Іеддо много разъ былъ истребляемъ опустошительными пожарами. Такъ, въ 1601 году, весь городъ былъ обращенъ въ груды пепла. Въ 1657 г. пожаръ уничтожилъ 500 княжескихъ домовъ, 770 домовъ дворянъ, 350 храмовъ и 1.200 улицъ. Болѣе 100 тысячъ человѣкъ погубило въ пламени. Чтобы похоронить эту массу тѣлъ, правительство приказало вырыть одну гигантскую могилу близъ храма Эко-инъ и пригласило священниковъ всѣхъ буддѣйскихъ сектъ молиться втеченіе семи дней о душахъ умершихъ. Въ 1665 г. произошелъ снова страшный пожаръ, истребившій весь городъ. Этимъ прежнимъ большимъ пожарамъ много способствовало то обстоятельство, что крыши домовъ были крыты не черепицей, какъ теперь, а соломой. Изъ пожаровъ новѣйшаго времени особенно опустошительны были тѣ, которые случились въ 1845 и 1872 годахъ. Послѣдній имѣлъ своимъ результатомъ то, что улица Гинза застроилась этими некрасивыми каменными полуевропейскими зданіями, которыя такъ непріятно рѣжутъ европейскій глазъ. Изъ другихъ бѣдствій, обрушивавшихся на Іеддо втеченіе его исторической жизни, особенно тяжки бывали землетрясенія и повальные болѣзни. Въ 1703 году страшное землетрясеніе погубило въ одномъ только городѣ 37 тысячъ человѣкъ. Эпидемія, свирѣпствовавшая въ 1773 году, унесла до 200 тысячъ душъ. Въ жестокую зиму 1812 года много людей погубило отъ холода; рѣка Сумида-гава, на которой стоитъ Токио, почти вся замерзла. 11-го ноября 1855 года было послѣднее большое землетрясеніе, разрушившее болѣе 14.000 жилыхъ домовъ и 16.000 товарныхъ складовъ. Рассказываютъ, что въ это время погубило до 80.000 человѣкъ. Вообще говоря, исторія «города Токугавъ» представляетъ длинный рядъ смѣняющихся другъ друга разрушительныхъ стихійныхъ вліяній: пожаровъ, наводненій, урагановъ, эпидемій и землетрясеній. Населеніе столицы съ ея предмѣстьями доходитъ въ настоящее время до 1.300.000 душъ. Иностранцевъ здѣсь немного: всего около 800 человѣкъ. Въ городѣ насчитывается, между прочимъ, 1.275 храмовъ и 1.225 различныхъ учебныхъ заведеній.

Послѣ паденія Токугавской династіи и вступленія императора въ дѣйствительную власть, городъ Іеддо 13-го сентября 1868 года былъ переименованъ въ То-Кію, что значитъ: восточная столица, въ противоположность Сай-Кію (Кіото), или западной столицѣ. Въ ноябрѣ того же года императоръ въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ, и 26-го марта 1869 года Токио сдѣлалось резиденціей государя. Рядъ мѣръ, принятыхъ новымъ правительствомъ: уничтоженіе бывшихъ княжескихъ жилищъ, или обращеніе ихъ въ ка-

зармы и товарные склады, исчезновеніе «людей о двухъ сабляхъ», замѣна паланкиновъ дженерикчами, усвоеніе многими туземцами европейскаго костюма, введеніе европейской прически для мужчинъ, постройка европейскихъ зданій, обмундированіе войскъ на западный образецъ,—все это лишило улицы Еддо того фантастически-живописнаго колорита, который такъ поражалъ первыхъ путешественниковъ по «странѣ восходящаго солнца». Старая «живописная Японія» осталась теперь только въ книгѣ Эмбера и ушла изъ жизни навсегда.

Женщина-врачъ А. А. Черевкова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

K. Waliszewski. Le roman d'une imperatrice. Catherine II de Russie d'après ses mémoires, sa correspondance et les documents inédits des archives d'état. Paris. E. Plon, Nourrit et Cie. 1893.

ВТОРЪ КНИГИ, заглавіе которой нами выписано, не въ первый разъ касается русской исторіи. Еще въ 1885 году приходилось ему затрогивать ее въ этюдѣ о русскихъ финансахъ, а затѣмъ, въ другой разъ, въ завлекательно написанномъ изслѣдованіи о «Потоцкихъ и Черторыйскихъ», которое посвящено борьбѣ національной и руссофильской партіи въ Польшѣ въ періодъ, предшествовавшій раздѣленію, ему уже прямо пришлось коснуться правленія Екатерины. Въ настоящее время, въ изслѣдованіи, занимающемъ компактный томъ въ шестьсотъ страницъ, онъ выступаетъ передъ нами въ роли историка Екатерины Второй. Царствованіе великой императрицы въ послѣднее время освѣтилось во всѣхъ частностяхъ изобиліемъ появившихся въ печати матеріаловъ, синтеза которыхъ до сихъ поръ почти что еще не сдѣлано. Уже трудно становится даже обозрѣть всю массу источниковъ, открытыхъ теперь для историка: бумаги государственнаго архива, изданія переписки многихъ современниковъ, записки, разнообразныя документы въ отдѣльныхъ сборникахъ или въ драгоценномъ собраніи Императорскаго Историческаго общества, «Русскаго Архива», «Русской Старины» и т. д. Для разработки всего этого изобилія сдѣлано еще очень мало. Мы имѣемъ лишь монографіи болѣе или менѣе отрывочнаго характера, посвященныя одному какому нибудь лицу или событію, а общіе труды почти отсутствуютъ. Трудъ профессора Брикнера, затрудняющій читателя своимъ

неудобнымъ распредѣленіемъ матеріала, въ настоящее время чуть не единственный въ нашей литературѣ. Недавно другой трудъ былъ начать г. Бильбасовымъ, но здѣсь авторъ съ самаго начала поставилъ себѣ такіа цѣли, которыя сдѣлали окончаніе его труда до настоящаго, по крайней мѣрѣ, момента совершенно невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ появляется у насъ изданный на французскомъ языкѣ трудъ г. Валишевскаго. Трудъ этотъ основанъ на изученіи не только печатнаго, но и рукописнаго матеріала, собраннаго авторомъ весьма тщательно: одинъ списокъ источниковъ и пособій занимаетъ у него до 12 страницъ. Задачу себѣ авторъ поставилъ сравнительно узкую: онъ взялся дать не исторію царствованія Екатерины, а скорѣе исторію ея личной жизни и характеристику ея, какъ женщины и правительницы. Книга рассчитана не на специалистовъ, но на большую публику, вслѣдствіе чего было бы излишнимъ подвергать ее специальному разбору. На дальнѣйшихъ немногихъ страницахъ рецензентъ ставитъ себѣ цѣлью лишь, на сколько это при ограниченности мѣста возможно, ознакомить читателей съ главнымъ содержаніемъ и общимъ характеромъ интересующаго насъ труда.

Мы указали выше на задачу, поставленную себѣ г. Валишевскимъ: возсоздать передъ читателями образъ великой императрицы, не вдаваясь въ болѣе подробный и обстоятельный обзоръ всего того, что было сдѣлано въ ея правленіе. Для этой цѣли онъ дѣлитъ свой трудъ на двѣ части: первая должна объяснить намъ, какъ образовался характеръ Екатерины, какое вліяніе оказала на нее семейная среда, воспитаніе въ Германіи, вторичное воспитаніе въ Россіи при дворѣ Елисаветы, знакомство съ русскимъ придворнымъ бытомъ и т. д.; вторая, болѣе обширная, должна представить по возможности всестороннюю характеристику Екатерины, какъ женщины и какъ императрицы. Подъ общимъ заглавіемъ: «Великая княгиня», первая часть содержитъ двѣ книги: «Отъ Штеттина до Москвы» и «Завоеваніе власти». Отдѣльныя главы этой части трактуютъ о «нѣмецкой колыбели» (*le berceau allemand*), о дѣтствѣ Екатерины, прибытіи въ Москву, выходѣ замужъ, вторичномъ воспитаніи великой княгини, молодомъ дворѣ, борьбѣ за престолъ и, наконецъ, побѣдѣ. Весь отдѣлъ написанъ, какъ это признаетъ и самъ авторъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Бильбасова, хотя, конечно, гораздо болѣе кратко, съ меньшимъ количествомъ подробностей: онъ не выходитъ за предѣлы личной жизни великой княгини и современныя политическія событія затрогиваетъ лишь на столько, на сколько это необходимо для пониманія послѣдней. Сильно въ этомъ отдѣлѣ сказываются та невыгодная черта, которая неприятно поражаетъ мѣстами во всемъ этомъ новомъ трудѣ о великой государынѣ: погоня автора за тѣмъ, что можетъ доставить книгѣ дешевый успѣхъ въ публикѣ, особенно за такими подробностями, за которыя въ концѣ книги самъ г. Валишевскій принужденъ просить извиненія у своихъ читателей и особенно читательницъ (р. 577: *nous demandons pardon à nos lecteurs, et surtout à nos lectrices, d'avoir soulevé le voile que le temps et l'oubli ont jeté sur ces détails etc*). Дополненія, которыя онъ дѣлаетъ къ труду г. Бильбасова, болѣею частью такого характера. Съ другой стороны, однако, отдѣлъ этотъ представляетъ много достоинствъ. Лица и событія очерчены съ большимъ художественнымъ талантомъ, всѣ проблемы, представляемыя этимъ періодомъ жизни великой княгини и молодой императрицы, если и не разъяснены въ надлежащей степени

что едва ли и возможно), зато отданы вполне на судъ читателю: авторъ приводитъ наиболѣе характеристичныя выдержки изъ всего имѣющагося въ наличности для ихъ разъясненія историческаго матеріала. Приводимъ слова, которыми г. Валишевскій резюмируетъ содержаніе первой части своего труда. «Екатерина была незначительной нѣмецкой принцессой, предназначенной родителями выйти замужъ за какого нибудь болѣе или менѣе надѣленнаго сосѣдняго князька; для этой цѣли специально воспитала ее француженка Кардель... Случай, однако, привелъ ее въ Россію, а стеченіе обстоятельствъ, не менѣе не предвидѣнное, въ соединеніи съ совокупностью рѣдкихъ природныхъ и приобретенныхъ собственно энергіею способностей, заставило занять тамъ положеніе, къ которому она, казалось бы, вовсе не была подготовлена.... Рано она замѣтила, что въ принявшей ее странѣ она предназначена играть совершенно иную роль, чѣмъ лишь декоративную, или служить интересамъ династическимъ. Не трудно было ей замѣтить, что честолюбіе ея шло гораздо дальше. И въ томъ была ея заслуга, что къ этому послѣднему она присоединила соотвѣтствующее напряженіе энергій и старанія, которыя равнымъ образомъ необыкновенны у особы ея возраста и пола. Стремясь къ тому, чтобы закрѣпить за собою на всякій случай возможно болѣе значительное число людей преданныхъ и симпатизирующихъ, она постаралась и о томъ, чтобы сдѣлаться достойною этой преданности. Она взялась сама вторично за свое воспитаніе. Усидчивымъ, упорнымъ трудомъ она ассимилировалась и съ геніемъ націи, которой предположила править, и съ тѣми зачатками западной культуры, которые Пётръ Первый хотѣлъ перенести на эту націю. Она научилась говорить порусски, беря уроки у Ададурова и разговаривая со старыми дамами своей свиты; она научилась исторіи и политикѣ, читая Вольтера и Монтескье.. Такимъ образомъ достигла она внутренняго превосходства и могущества, которыя, еще при жизни Елисаветы, давали знать о себѣ, возбуждали безпокойства и надежды, ревность и страхъ... Государственные люди, министры и иностранные дипломаты обратили на нее вниманіе, армія—эта сила, не знавшая соперника, создательница правителей и правительницъ въ обширной и полудикой странѣ,—въ концѣ концовъ устремила на нее глаза свои. Такимъ-то образомъ сдѣлалась она политической сообщницей Вестужева и Уильямса и нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ... Съ счастьемъ, которое, казалось, не имѣло равнаго, сумѣла она примирить интересы свои со своими влеченіями, сердечную привязанность съ политикою и найти въ капризахъ своего сердца и чувства могущественнѣйшихъ союзниковъ грядущей своей славы... И такъ при смерти Елисаветы все оказалось подготовленнымъ для переворота, который, казалось, указывалъ лишь каждому подобающее ему мѣсто, предоставляя молодой супругѣ то, что по праву принадлежало ея мужу».

«Екатерина, какъ женщина, какъ императрица и какъ другъ философовъ» — таковы главные три отдѣла второй части сочиненія г. Валишевскаго, къ которымъ прибавлена еще особая книга объ интимной жизни государыни, заканчивающая эту часть. Въ книгѣ, озаглавленной «Женщина», первая глава удѣлена физическому облику Екатерины, ея характеру и темпераменту. Эта глава одна изъ наиболѣе безсодержательныхъ во всемъ трудѣ: авторъ передаетъ много анекдотовъ, цѣлый рядъ болѣе или менѣе противорѣчивыхъ свидѣтельствъ современниковъ и, всетаки, въ концѣ кон-

цовъ у него получается лишь нѣсколько общихъ положеній, довольно голо-словныхъ. Минувъ и вторую главу, въ которой есть интересныя подробности о научныхъ познаніяхъ государыни, мы много любопытнаго находимъ въ главѣ третьей, посвященной идеямъ и принципамъ Екатерины. По мнѣнію г. Валишевскаго, императрица не имѣла опредѣленныхъ принциповъ. Взаимѣ ихъ у нея были по временамъ своего рода *idées fixes*, которыя она упорно отстаивала и старалась проводить во что бы то ни стало, но черезъ какое нибудь мгновение бросала и замѣняла другими: это были не звѣзды, руководившія ея жизнью, а временно являвшіяся кометы. Единственною мыслью, съ которой она не разставалась въ теченіе всей своей жизни, была идея необъятной мощи ея новаго отечества, сквозящая во всѣхъ ея политическихъ планахъ, особенно въ знаменитомъ греческомъ проектѣ. Неустойчивость ея политическихъ воззрѣній особенно ясно сказала въ отношеніи ея къ либеральнымъ идеямъ XVIII вѣка. Въ 1769 году не было въ Европѣ болѣе восторженной защитницы свободы, чѣмъ она; въ это время она помогала возстанію корсиканцевъ и собственноручно написала имъ посланіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Господа! Спротивленіе притѣсненіямъ, защита и спасеніе отечества отъ несправедливой узурпаціи, борьба за свободу—вотъ то, чему уже нѣсколько лѣтъ Европа свидѣтельница въ вашихъ подвигахъ. Долгъ всякаго человѣка помогать всѣмъ и поддерживать всѣхъ, кто носить въ своей душѣ чувства столь благородныя, столь великія и столь естественныя». Проходить пятнадцать лѣтъ, и, испуганная ужасами французской революціи, императрица пишетъ своему довѣренному Гримму: «Я предлагаю всѣмъ протестантскимъ державамъ принять греческую религію. Лишь она одна ихъ сохранить отъ этой безбожной, безнравственной, анархической, преступной и дьявольской заразы, противницы Бога и престола. Это единственная апостольская и истинно христіанская религія. Это дубъ съ глубочайшими корнями». Замѣчательно, замѣтимъ кстати, съ какимъ почти пророческимъ даромъ Екатерина предвидѣла появленіе Наполеона. 11-го февраля 1794 года она писала Гримму: «Если Франція выйдетъ изъ этого состоянія, у нея будетъ больше силы, чѣмъ когда бы то ни было; она будетъ послушна и смиренна, какъ овечка; нуженъ лишь человѣкъ высшаго порядка, способный, смѣлый, стоящій выше своихъ современниковъ и, можетъ быть, даже выше своего вѣка. Родился ли онъ? Или нѣтъ его еще? Придетъ ли онъ? Все зависитъ отъ этого обстоятельства. Если онъ найдется, то преградить путь дальнѣйшему паденію, и оно остановится тамъ, гдѣ онъ найдется, во Франціи ли, или въ другомъ мѣстѣ».

Начальная глава второй книги, озаглавленная «Искусство управления», не можетъ назваться вполнѣ удачной. Слишкомъ обще хотѣлъ здѣсь взглянуть авторъ на Екатерину, какъ правительницу, и въ результатѣ у него получился рядъ разнообразныхъ анекдотовъ и свидѣтельствъ и ничего цѣльнаго, опредѣленнаго. Изумляться этому обстоятельству нельзя, такъ какъ подобная общая картина и невозможна, за неимѣніемъ такихъ общихъ чертъ, которыя характеризовали бы правленіе государыни за все время. Вѣрно подмѣчены здѣсь, впрочемъ, нѣкоторыя особенности, скорѣе, однако, въ характерѣ Екатерины, чѣмъ въ ея способѣ управленія: необыкновенная сангвиничность и оптимизмъ при всѣхъ рѣшительно обстоятельствахъ, страсть къ рекламѣ, которую она сумѣла сдѣлать силою далеко

немаловажною, и ея странное сужденіе о государственныхъ способностяхъ ея приближенныхъ, извѣстныхъ ей со стороны заслугъ лишь чисто личнаго характера. Глава, удѣленная внутренней политикѣ, очень необширна. Она начинается съ краткаго обзора попытокъ сверженія Екатерины, и заканчивается характеристикою дѣйствій Степана Ивановича Пешковского; далѣе разсматриваются законодательныя мѣры государыни,—довольно, всетаки, поверхностно,—хотя общая оцѣнка ихъ у г. Валишевскаго и вѣрна приблизительно. Въ отдѣлѣ судебной администраціи дается для западныхъ читателей не безинтересное подробное описаніе кнутаго расправы. Гражданская и финансовая администрація изложены болѣе чѣмъ кратко и рисуются у автора не особенно ясно, очевидно, вслѣдствіе недостаточнаго ознакомленія съ законодательнымъ матеріаломъ. Войску удѣлено немного больше одной страницы.

Свой выводъ изъ обзора внутренней дѣятельности Екатерины г. Валишевскій резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ общемъ Екатерина предприняла и начала очень многое, но ничего или почти ничего она не привела въ исполненіе. Въ ея характерѣ было идти впередъ, не обращая никакого вниманія на то, что оставалось позади. Она оставила за собою много развалинъ. «Еще до смерти Екатерины,—писалъ современникъ,—большинство памятниковъ ея правленія представляло изъ себя развалины. Какой-то демонъ гналъ ее впередъ, гналъ ее всегда вдаль отъ настоящаго, отъ результата, уже полученнаго, не давая ей даже возможности оглянуться и полюбоваться на совершенное ею... Но, можетъ быть, таково именно было предназначеніе, свыше предопредѣленное великой царицѣ, можетъ быть, и должна она была именно такъ повлечь за собою по неимоვნому быстрому пути втотъ народъ, этого гиганта, спавшаго подъ снѣжными покровомъ, вѣкового сна котораго не успѣлъ разогнать и Петръ I, и котораго лишь нужно было вывести изъ его оцѣненія, чтобы онъ пошелъ по природному естественному пути своему и направился бы, подобно потоку, котораго ничто не въ состояніи остановить, къ таинственной своей будущности».

Конспективный обзоръ внѣшней политики, занимающій въ книгѣ г. Валишевскаго приблизительно шестьдесятъ страницъ, раздѣленъ на части по отдѣльнымъ государствамъ: прусскій союзъ, союзъ съ Австріею, Англія, Франція, Польша, Швеція и Турція. Отношеніямъ къ Франціи удѣлено наиболѣе мѣста: почти треть главы о внѣшней политикѣ. Отношеніе автора къ раздѣленію Польши объясняется и извиняется его національною, хотя и здѣсь мы находимъ одно вѣрное замѣчаніе: о громадной ошибкѣ, сдѣланной при присоединеніи милліона русскихъ галичанъ къ Австріи (р. 404: *Notons qu'il n'y avait pas que des Polonais en Galicie. Il y avait aussi des Ruthènes, du rite grec, des Russes, par consequent, de vrais Russes, suivant le classement ethnique qui prévaut aujourd'hui. Et ils sont toujours là, qui appartiennent à l'Autriche, qui portent le joug allemand sans qu'on ait songé à les emanciper. Les Slaves de Sophia, qui ne sont que des Bulgares, ont eu plus de chance*). Довольно замѣчательно также и отношеніе автора къ фантастическимъ планамъ Екатерины о движеніи на востокъ. Говоря о неудачѣ этихъ плановъ, онъ замѣчаетъ: «Таково, однако, было назначеніе ея и народа, связавшаго судьбу свою съ нею, что пришелъ, всетаки, день, когда грѣсы эти одѣлись въ плоть и кровь, когда денежные жертвы и похороненныя въ каспійскихъ пескахъ жизни человѣческія оказались не совсѣмъ на-

прасными, когда безумная авантюра импровизированнаго генерала, развернувшего на этихъ дальнихъ берегахъ русское знамя, казалось, проложила путь грандіознымъ предпріятіямъ, уже менѣе бесплоднымъ и готовящимъ, можетъ быть, полное чудесъ будущее. Обычная ошибка предпріятій Екатерины была та, что она не соразмѣрялась съ настоящимъ; но русскій народъ стоялъ за нею, и современемъ терпѣніе, составляющее одно изъ его достоинствъ, и то напряженіе силы, на которое онъ способенъ своею массою, дали и дадутъ еще ему возможность заполнить эту пустоту.

Артистическимъ, научнымъ и литературнымъ вкусомъ и занятіямъ Екатерины удѣлена 3-я книга 2-й части, озаглавленная «L'Amie des philosophes». Мы ошиблись бы, если бы стали искать въ этомъ отдѣлѣ у Валишевскаго свѣдѣній о литературномъ и научномъ движеніи въ Россіи при Екатеринѣ: этого здѣсь нѣтъ. Авторъ, какъ и вездѣ, на первый планъ ставитъ характеристику воззрѣній и вкусовъ государыни, главнымъ образомъ, на основаніи ея писемъ и кое-какихъ сообщеній современниковъ, а затѣмъ останавливается на отношеніи ея къ иностраннымъ свѣтиламъ. Русскимъ именамъ удѣлено очень не много мѣста. Намъ показалась весьма странною, между прочимъ, одна фраза о Татищевѣ: «Et déjà, du vivant de Catherine, un historien plus independant, Tatitchef, faisait son apparition». Дѣло въ томъ, что Татищевъ умеръ въ 1750 году. Впрочемъ, надо признаться, что это едва ли не единственное подобное недоразумѣніе у г. Валишевскаго. Зато прекрасно сдѣланъ сжатый разборъ литературныхъ произведеній Екатерины, какъ и обзоръ ея журнальной дѣятельности. Небольшая глава подъ заглавіемъ «Catherine pédagogue» даетъ любопытную картину различныхъ фазисовъ педагогической дѣятельности государыни.

Ясное въ достаточной мѣрѣ представленіе о содержаніи послѣднихъ главъ «Романа императрицы» даетъ простое перечисленіе главнѣйшихъ заголовковъ: вслѣдствіе этого мы на нихъ подробно останавливаться не будемъ. Глава первая четвертой книги трактуетъ о домашней жизни императрицы; главное содержаніе ея: день Екатерины, ея удовольствіе и времяпрепровожденіе, поѣздки, празднества, кружокъ Эрмитажа. Вторая глава посвящена семейной жизни императрицы и, главнымъ образомъ, ея отношеніямъ къ великому князю Павлу Петровичу. Третья глава озаглавлена: «Moeurs intimes. Le Favoritisme». Интересна здѣсь приведенная г. Валишевскимъ, по даннымъ Кастера, сумма того, сколько стоили государству Екатерининскіе временщики. Общій итогъ равняется 92.820.000 рублей, изъ коихъ 50 милліоновъ приходится на долю Потемкина. Небольшое заключеніе (13 стр.) резюмируетъ содержаніе всего тома. А. Л.

Очерки Кавказа. Поѣздка на Кавказъ осенью 1888 г. Съ 41 рисункомъ. В. С. Кривенко. С.-Петербургъ. 1893.

«Не разъ мнѣ приводилось ѣздить по Кавказу,—говоритъ В. С. Кривенко,—причемъ послѣдняя моя поѣздка, осенью 1888 г., совпала съ пребываніемъ на этой окраинѣ Ихъ Величествъ. Богатое прошлое, интересное настоящее и, наконецъ, рядъ торжествъ по поводу пріѣзда царской семьи—все это даетъ столько разнообразнаго матеріала, что у путешественника, имѣющаго хотя небольшую склонность къ перу, кавказскія впечатлѣнія просятся на бумагу. Въ 1891 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» мною помѣ-

щенъ небольшой очеркъ: «Поѣздка на югъ Россіи»; теперь я нѣсколько расширилъ рамки статьи, пополнилъ новыми данными и выпускаю въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. На заглавномъ листѣ своей книги «Очерки Кавказа» я ставлю I, предполагая выпустить впоследствии вторую часть, въ которой постараюсь сгруппировать историческія данныя о Кавказѣ».

Изъ этого краткаго вступленія видно, что авторъ настоящій трудъ составилъ изъ путевыхъ замѣтокъ и впечатлѣній. Такъ это и есть, но прежде, чѣмъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ этой во многихъ отношеніяхъ весьма любопытной и прекрасно изложенной книги, последуемъ за авторомъ въ его пути по Кавказу.

Описаніе поѣздки начинается съ Ростова-на-Дону. Отсюда авторъ проѣхалъ на станцію «Минеральныя воды» и дальше въ Владикавказъ. Здѣсь устроена была торжественная встрѣча царской семьи, и Государь сдѣлалъ смотръ войскамъ, а Государыня совершила прогулку къ станціи «Казбекъ». Изъ Владикавказа одинъ прямой путь въ Тифлисъ: военно-грузинская дорога. Но движеніе по ней огромнаго царскаго поѣзда со свитой и множествомъ повозокъ было признано неудобнымъ. Государь предпочелъ проѣхать въ Новороссійскъ, оттуда моремъ въ Батумъ и по Закавказской желѣзной дорогѣ въ Тифлисъ. Г. Кривенко весьма живо и картинно описываетъ весь этотъ путь. Не довольствуясь изображеніемъ парадныхъ встрѣчъ и приемовъ, степныхъ, морскихъ и горныхъ пейзажей, онъ излагаетъ вкратцѣ исторію достопримѣчательностей края, а также экономическіе и стратегическіе взгляды, заслуживающіе полнаго вниманія. Остановившись нѣсколько дольше на Тифлисѣ, авторъ переходитъ къ описанію Баку съ ея нефтяными источниками и Каспійскаго моря. Затѣмъ слѣдуютъ Дагестанъ, Елизаветполь, Кутаисъ, опять Батумъ и Севастополь. Въ прибавленіи онъ рассказываетъ о крушеніи царскаго поѣзда 17-го октября.

Такимъ образомъ, оказывается, что г. Кривенко осмотрѣлъ все самое главное и важное на Кавказѣ. Говоря о громадномъ природномъ богатствѣ этого края, онъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что оно весьма мало эксплуатируется, а если что и приноситъ большіе доходы и тщательно разрабатывается, такъ только то, что попало въ руки иностраннымъ капиталистамъ. Въ степной полосѣ орошеніе заставляетъ желать лучшаго. Тысячеверстная черноземная скатерть Ставропольской губерніи прорѣзывается рѣчками, которыя мелѣютъ съ каждымъ годомъ. Терская и Кубанская области имѣютъ весьма плохосодержимые каналы, а ихъ природные водные пути находятся въ пренебреженіи. Скотоводство, какъ и земледѣліе, стоитъ на невысокомъ уровнѣ. Минеральныя богатства Кавказа лежатъ почти нетронутыми. Правильное виводѣліе только что зарождается, шелководство въ упадкѣ, нефтяное дѣло въ рукахъ иностранцевъ. Не смотря на такіе на первый взглядъ неутѣшительные выводы, авторъ наглядно и убѣдительно показываетъ, какіе успѣхи дѣлаетъ съ каждымъ годомъ русская колонизація на Кавказѣ. Одинъ за другимъ возникаютъ здѣсь русскіе поселки и станицы, растутъ и крѣпнутъ города, теряя свой восточной характеръ, красуясь одинъ передъ другимъ мостовой, садами, огромными каменными домами, театрами и училищами.

Кавказъ стоилъ Россіи многихъ милліоновъ. Но еще дороже намъ тѣ тысячи живней, которыя пришлось отдать за каждую пядь земли, взятую у горцевъ съ боя. Такова цѣна Кавказа для Россіи, и поэтому въ высшей

степени важны тѣ замѣчанія г. Кривенка, въ которыхъ онъ говоритъ о враждебномъ намъ 600-тысячномъ населеніи Дагестана, вооруженномъ съ ногъ до головы, ознаменовавшемъ себя кровавымъ возстаніемъ въ прошлую турецкую войну и готовомъ возмутиться при первомъ удобномъ случаѣ. Рассказывая о подавленіи возстанія, авторъ сожалеетъ, что тогда же не было приступлено къ поголовному обезоруженію обитателей Дагестана. Само собою разумѣется, онъ считаетъ колонизацію Кавказа дѣломъ далеко неоконченнымъ. «Недостаточно имѣть въ своей межѣ землю, — справедливо говоритъ онъ, — хотѣлось бы пользоваться ею, и притомъ пользоваться безбоязненно. Для этого необходимо, чтобы не десятки, а сотни тысячъ русскихъ сѣли крѣпко казачьими поселками среди обезоруженныхъ туземцевъ, не только по Кубани и Тереку, но и по всѣмъ уголкамъ края».

Съ вѣншей стороны книга издана очень хорошо. Напечатана она на велевой бумагѣ и прекрасно иллюстрирована набросками и рисунками гг. Самокиша, Юмудскаго и другихъ художниковъ. Рисунки большей частью сдѣланы съ фотографіи перомъ и воспроизведены факсимиле. Они изображаютъ виды, мѣстности, города, церкви, но главнымъ образомъ и лучше всего передаютъ туземные типы, изъ которыхъ нѣкоторые исполнены вполне художественно.

Вообще настоящій трудъ г. Кривенка производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Характерную особенность его, рѣзко отличающую его отъ обычныхъ путевыхъ замѣтокъ, составляютъ именно ясно сформулированные экономическіе и политическіе взгляды, — взгляды мыслителя, и притомъ истинно русскаго, преданнаго своей родинѣ, человѣка. Анат. Л.—нѣ.

Краткая исторія русскаго флота. **Ө. Веселаго.** Выпускъ I. Спб. 1893.

Благодаря неутомимой и просвѣщенной дѣятельности **Ө. Ө. Веселаго**, въ послѣднее время русская наука обогатилась множествомъ драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи морскаго дѣла въ Россіи. Подъ непосредственнымъ руководствомъ г. Веселаго подробно описанъ архивъ морскаго министерства за старые года, изданы шесть томовъ «Морскихъ списковъ» и нѣсколько томовъ «Матеріаловъ для исторіи русскаго флота». Но всѣ эти изданія, заключающія въ себѣ сырой матеріалъ, представляютъ интересъ исключительно для лицъ занимающихся. Теперь г. Веселаго задумалъ обработать собранный имъ матеріалъ и дать публикѣ сжатый очеркъ исторіи нашего флота. Эта прекрасная мысль и исполнена имъ прекрасно. Въ первомъ выпускѣ труда г. Веселаго, обнимающемъ эпоху отъ Петра Великаго до Александра I, передъ читателемъ проходитъ, въ живомъ и популярномъ изложеніи, яркая картина начала и развитія нашихъ морскихъ силъ. Зачавшись знаменитымъ ботикомъ, случайно найденнымъ въ сараѣ, нашъ флотъ, созданный Петромъ, уже при немъ является грозной силой, такъ какъ втеченіе его царствованія было построено болѣе тысячи разныхъ судовъ; затѣмъ, постепенно упавая въ послѣдующія царствованія, онъ возникаетъ вновь при Екаторинѣ II и покрываетъ себя славой почти на всѣхъ моряхъ. Описывая морскія дѣйствія и подвиги нашихъ моряковъ, г. Веселаго не упускаетъ изъ виду и административную сторону, описывая сооруженіе и вооруженіе судовъ, комплектованіе и обмундированіе командъ, средства для содержанія

флота, морское законодательство и судопроизводство, гидрографическія работы и т. д. По выходѣ второго выпуска сочиненія г. Веселаго, мы сдѣлаемъ болѣе подробный его обзоръ, а пока ограничимся пожеланіемъ, чтобы слѣдующій выпускъ вышелъ поскорѣе. С. Ш.

В. Буренинъ. Плѣнникъ Византіи. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1893.

Среди своихъ журнальныхъ и фельетонныхъ работъ В. П. Буренинъ не перестаетъ заниматься и поэзіею. Суровый критикъ, бичующій въ критическихъ статьяхъ литературную ложь и бездарное самолюбіе, переносится, къ сожалѣнію нечасто, отъ скучной и пошлой дѣйствительности въ область идеала, увлекается не только лирическими порывами, но создаетъ драматическія картины изъ жизни древняго міра, воскрешаетъ классическіе образы Медеи, Калигулы, Агрипины. Теперь онъ обратился къ исторіи Византіи и набросалъ очеркъ ея жизни въ VI вѣкѣ, эпизодическій, но вѣрно рисующій ея бытъ и нравы. Драма весьма сценична, полна движеній и неожиданнхъ эффектовъ. Положеніе дѣйствующихъ лицъ обрисовывается широкими чертами съ первыхъ явленій. Жена Велизарія, Антонина, взяла въ любовники плѣннаго гота Адольгота и сообщаетъ ему, что король готовъ Тотила объявить войну Юстиніану. Адольготъ, давно уже негодующій на себя за то, что продалъ душу за ласку женщины, хочетъ бѣжать къ своимъ братьямъ. Антонина, конечно, не соглашается отпустить его и видя, что онъ упорствуетъ, приказываетъ стражѣ арестовать его. Но Велизарій, явившійся на шумъ, называетъ честнымъ порывъ плѣнника и даетъ ему свободу. Вторая картина переноситъ зрителя въ лагерь готовъ, въ ущелье близъ кратера Везувія. Византійцы, подъ начальствомъ Нарвеса, нападаютъ на варваровъ, они разсѣяны, король ихъ убить, раненый Адольготъ, старый боецъ Гильдебрандтъ и Зелла, готка изъ королевскаго дома, попадаютъ въ плѣнъ. Она выросла вмѣстѣ съ Адольготомъ и признается ему въ любви. Но приведенный въ Византію варваръ снова подпадаетъ подъ обаяніе своей прежней страсти. Во второмъ актѣ есть еще эффектная сцена, рассказываемая прислужкой Антонины: она приказала начальнику звѣринца выпускать для прогулки по двору ея любимую пантеру, и она, перескочивъ черезъ ограду двора, бросается на Велизарія, ѣхавшаго верхомъ домой. Его спасаетъ Адольготъ и получаетъ за это во второй разъ свободу, но въ то же время въ Византіи происходитъ возстаніе плѣнныхъ готовъ, которыхъ моряютъ голодомъ приставленные къ нимъ стражи, крадущіе деньги, идущія на содержаніе плѣнниковъ. Доведенные до отчаянія готы являюся къ Велизарію просить защиты и хлѣба ихъ женамъ и дѣтямъ. Начальникъ стражи, конечно, видитъ въ этомъ бунтъ и приказываетъ схватить зачинщиковъ мятежа, такъ какъ Велизарій уѣхалъ изъ города. Но Антонина останавливаетъ «неразумныхъ слугъ, свой долгъ забывшихъ», обѣщаетъ исправить зло, перенесенное плѣнными, и отпустить ихъ на родину. Зелла бросается сначала благодарить Антонину за то, что всѣ плѣнники вмѣстѣ съ нею и Адольготомъ вернутся въ отчизну, но когда византійка говоритъ, что Адольготу выпалъ жребій счастья, и онъ останется между своими побѣдителями, готка видитъ въ этомъ не счастье, а развратъ, и оскорбляетъ ее, называя «разнузданной фигляркой иподрома». Это одна

изъ лучшихъ и энергичныхъ сценъ драмы. Приводимъ цитату изъ монолога Зеллы, чтобы показать, какими сильными, блестящими стихами написана пьеса:

Нѣтъ, не безумье говорить во мнѣ,
А ненависть къ надменному пороку,
Забывшему и женскій стыдъ и долгъ.
Меня рабыней ты зовешь, бродячей.
Поднявши гордо голову, ты мнѣ
Напоминаешь о своемъ величьи
И самою похваляешься своимъ:
Припомни лучше, чѣмъ была ты прежде.
Припомни, какъ полунагая ты
Плясала передъ чернью на аренѣ
И била по лицу сама себя,
Съ гримасой плутовской раздувши щеки.
Припомни, какъ своею красотой
И ласками безстыдно торговала...

Упреки эти могутъ показаться слишкомъ рѣзкими, обвиненія преувеличенными, но они вполнѣ историческіе. Позорную жизнь Антонины передаютъ византійскіе хронографы; жена Велизарія была дочерью возницы въ циркѣ и славилась распутствомъ, какъ большая часть женъ византійскихъ патрициевъ. Лѣтописи не говорятъ только, что она исполняла роль фиглярки на ипподромѣ, и подробности этого фиглярства, приводимыя г. Буренинымъ, авторъ секретной исторіи Византіи, Прокопій, относитъ цѣликомъ, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ къ Теодорѣ, сдѣлавшейся потомъ женою Юстиніана и императрицею. Ея представленія въ циркѣ поражаютъ своею странностью и доказываютъ, какъ не далеко ушло эстетическое развитіе византійцевъ, если они могли восхищаться тѣмъ, что изъ трехъ сестеръ, выходившихъ на арену, въ то время, когда одна играла въ пьесѣ, другая плясала, третья, Теодора, дѣлала только гримасы, надувала щеки и била себя по этимъ щекамъ, извлекая далеко не гармоническіе звуки. Это дикое фиглярство за Прокопиемъ подробно описываетъ Гиббонъ, упоминаетъ о немъ Бароній, Силенціарій и др. Драма г. Буренина оканчивается неизбежною катастрофой. Оскорбленная готкою, Антонина приказываетъ убить ее Адольготу и, когда тотъ отказывается, сама закалываетъ ее на берегу моря, куда собираются плѣнные готы, чтобы уѣхать на родину. Адольготъ хочетъ наказать ее за убійство, но ее защищаетъ стража, и онъ падаетъ подъ ея ударами. Старый готъ Гильдебрандтъ обрекаетъ ее проклятію небесъ въ ожиданіи правой казни. Антонина не идетъ, однако, въ монастырь замаливать свои грѣхи, какъ ея подруга Теодора, которую Сарду въ своей драмѣ заставляеть вопреки исторіи пасть отъ руки Юстиніана, который 22 года прожилъ съ бывшей фигляркой, очень спокойно примирившись со всѣми ея пороками, какъ примирился и Велизарій со своей Антониной.

Такова новая эффектная пьеса В. П. Буренина, написанная звучнымъ, пятистопнымъ ямбомъ. Всегда чуткій къ гармоніи стиха, авторъ только въ немногихъ мѣстахъ допускаетъ четырехстопный и трехстопный стихъ. Тѣлохранители и стража мѣстами говорятъ прозой и даже каламбурами, придавая слову «гость» его двойное значеніе. На обложкѣ драмы помѣчено, что она одобрена къ представленію 4 октября 1890 года. Но мы, вѣроятно, очень богаты серьезными и капитальными пьесами, если въ четыре года наша театральная дирекція не удосужилась поставить на сцену драму г. Буренина, которая несомнѣнно имѣла бы успѣхъ. В. З.

«истор. вѣстн.», июль, 1893 г., т. lll.

16

Сборникъ трудовъ врачей с.-петербургскаго родовспомогательнаго заведенія, издаваемыйъ подъ редакціею помощника директора И. М. Тарновскаго. Выпускъ I. Спб. 1893.

С.-Петербургское родовспомогательное заведеніе преслѣдуетъ не только филантропическія, но и научныя цѣли. Его врачи постоянно пользуются имѣющимся въ немъ матеріаломъ для работъ въ прессѣ и для своихъ диссертаций; но эти работы были до сихъ поръ разрознены и неизвѣстны для заинтересованныхъ лицъ. Въ настоящее время предпринято ими изданіе «Сборника», который будетъ давать не только полную картину всей дѣятельности врачей въ стѣнахъ заведенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчать научнымъ требованіямъ родовспомогательнаго искусства. Въ первомъ выпускѣ «Сборника», кромѣ специальныхъ статей по акушерству и гинекологіи, помѣщенъ «Историческій очеркъ дѣятельности родовспомогательнаго заведенія со времени его основанія», составленный д-мъ И. М. Тарновскимъ и имѣющій для насъ общій, бытовой интересъ. Оказывается, что первоначально родовспомогательное заведеніе (основанное въ царствованіе Екатерины II въ 1771 г., по проекту Бецкаго, на пожертвованный дворяниномъ П. Демидовымъ капиталъ въ 20.000 р.) помѣщалось въ одномъ изъ отдѣленій С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома на 20 кроватей для бѣдныхъ, незамужнихъ роженицъ и не имѣло особаго зданія. Тѣмъ не менѣе уставомъ его преслѣдовалась гуманная цѣль: «всѣхъ приходящихъ беременныхъ женщинъ, для разрѣшенія отъ бремени, привратнику принимать тотчасъ, ни о чемъ не спрашивая, какъ днемъ, такъ и ночью, и тотчасъ отводить ихъ въ залу къ повивальнымъ бабкамъ. Во всю ихъ бытность отнюдь не спрашивать, кто онѣ и откуда. Если которая не хочетъ и лица своего показать, оное ей дозволяется во все время, да и въ прочемъ все обстоятельство оныхъ женщинъ свято сохранять въ тайности».

Впослѣдствіи, въ 1890 г., это деликатное условіе пріема было измѣнено подъ благовиднымъ предлогомъ ограничить доступъ въ заведеніе замужнимъ женщинамъ за неимѣніемъ мѣстъ для незамужнихъ, и пришлось отъ каждой поступающей женщины въ заведеніе требовать паспортъ. Кромѣ того, съ замужнихъ женщинъ взимается плата, а сохраненіе тайны сдѣлалось постояннымъ болѣе или менѣе зажиточныхъ женщинъ. По внесеніи суммы отъ 40 до 60 руб. въ мѣсяцъ, беременныя и роженицы могутъ не предъявлять паспорта и оставаться все время никому неизвѣстными. Развитіе родовспомогательнаго заведенія шло очень медленно: до 1821 года въ немъ было отъ 25 до 516 родовъ въ годъ; смертность родильницъ была ужасающая, и потребность въ новомъ зданіи, со всѣми приспособленіями антисептики, росла съ каждымъ годомъ. По инициативѣ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго въ 1864 году было построено новое родовспомогательное заведеніе на Надеждинской улицѣ, отвѣчающее всѣмъ научнымъ требованіямъ. При родильномъ госпиталѣ еще въ 1784 г., по инициативѣ И. И. Бецкаго, было учреждено повивальное училище. Первымъ въ немъ профессоромъ повивальнаго искусства былъ приглашенный изъ Германіи акушеръ Моренгеймъ, а первымъ репетиторомъ д-ръ Крузе. Учебныя пособія, рисунки и пр. выписывались изъ Страсбурга, Вѣны, Флоренціи и Болоньи. Первыми воспитанницами повивальнаго училища были 8 питомицъ, присланныхъ изъ Московскаго Воспитательнаго дома. Такъ какъ проф. Моренгеймъ читалъ

лекціи нѣмецки, то при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ учрежденъ былъ нѣмецкій классъ, изъ котораго болѣе способныя воспитанницы поступали вполсѣдствіи въ повивальное училище. Первые повивальныя бабки, опредѣленныя Бецкимъ, были нѣмецкаго происхожденія: Ольдбергъ, Розелюсъ, Кизляинъ; но уже въ 1789 г. помощницами ихъ являются окончившія курсъ въ училищѣ русскія повивальныя бабки: Аксифорова, Триполи, Никитина, Петрова. Всего до 1836 года было выпущено изъ повивальнаго училища 163 повивальныхъ бабокъ; съ этого времени число учащихся понемногу увеличивается: въ 1836 году ихъ было 25, въ 1840 году—30, а въ 1870 г.—142. Съ званіемъ повивальныхъ бабокъ изъ училища выпущено съ 1836 года 4.741 человекъ.

А. Фаресовъ.

Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Сочиненіе Е. Альбицкаго и А. Ширгена. Саратовъ. 1893.

Сочиненіе гг. Альбицкаго и Ширгена написано еще въ 1889 г. на соисканіе золотой медали, которая и присуждена имъ юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета въ январѣ 1890 года. Издавая его теперь, авторы, какъ заявляютъ они въ предисловіи, «приложили всѣ усилія къ тому, чтобы пополнить нѣкоторые отдѣлы новыми данными, появившимися съ тѣхъ поръ и въ литературѣ объ исправительныхъ пріютахъ, и въ практикѣ этихъ заведеній, конечно, на сколько это оказалось возможнымъ въ условіяхъ научныхъ занятій въ провинціи».

Въ нашей литературѣ по этому вопросу имѣются спеціальныя сочиненія («Молодые преступники») профессоровъ Богдановскаго (1871) и Кистяковскаго (1878), а также обстоятельныя статьи проф. Тальберга (въ Журналахъ гражд. и угол. права и мин. нар. проsv. 1882 г.). Но они уже значительно устарѣли для настоящаго времени и притомъ не обнимаютъ даннаго вопроса со всѣхъ сторонъ, преслѣдуя главнымъ образомъ ближайшія практическія цѣли. Отсюда *raison d'être* труда гг. Альбицкаго и Ширгена, которые поставили себѣ задачу: изобразить послѣдовательное развитіе идеи принудительнаго воспитанія молодыхъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, какъ она выразилась въ дѣятельности западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ исправительныхъ учреждений, а отчасти и у насъ въ Россіи,—«подробно разсмотрѣть послѣдовательное движеніе идеи принудительнаго воспитанія на Западѣ, отмѣчая критическіе моменты этого движенія, и попытаться выдѣлить изъ ея конкретныхъ формъ такія общія начала, которыя въ сущности образуютъ душу принудительнаго воспитанія». И потому III и IV главы, занимающія большую часть книги, посвящены: очерку историческаго развитія и современнаго состоянія заведеній принудительнаго воспитанія, въ связи съ законодательствомъ по этому предмету, и внѣшней и внутренней организаціи такого воспитанія. Этими основными главамъ предпосланы: разсмотрѣніе уголовныхъ законодательствъ по отношенію къ вопросу о вмѣненіи и наказаніи молодыхъ преступниковъ (гл. I) и разсужденіе о непримѣнимости къ нимъ общихъ наказаній, а также о началахъ принудительнаго воспитанія (гл. II). Наконецъ, въ V главѣ трак-

туется о патронатѣ для освобожденныхъ молодыхъ преступниковъ и покровительствѣ нравственно-заброшеннымъ дѣтямъ.

Общія положенія, къ которымъ пришли авторы, составляютъ слѣдующія desiderata: необходимо законодательное опредѣленіе возраста, до котораго дѣти совершенно невмѣняемы и не подлежатъ уголовному преслѣдованію, а для дѣтей втораго періода—опредѣленіе условной вмѣняемости и смягченіе наказаній, съ измѣненіемъ ихъ природы; необходимо установить третій періодъ — достовѣрной вмѣняемости и смягченія наказаній до наступленія совершеннолѣтія; смягченіе наказаній для молодыхъ преступниковъ должно состоять, съ одной стороны, въ устраненіи смертной казни, тягчайшихъ видовъ лишенія свободы, полицейскаго надзора и т. п., а съ другой — въ уменьшеніи сроковъ остальныхъ видовъ лишенія свободы; необходимо изолированіе молодыхъ преступниковъ на все время производства предварительнаго слѣдствія; желательно уничтоженіе публичности и торжественности судебныхъ процессовъ относительно молодыхъ лицъ; необходимо законодательное предписаніе объ отдачѣ малолѣтнихъ, оправданныхъ судомъ за недостаткомъ разумія, подъ режимъ принудительнаго воспитанія путемъ судебного приговора; желательно предоставить судѣ право на основаніи судебного приговора помѣщать осужденныхъ, отбывшихъ назначенное имъ наказаніе, подъ режимъ принудительнаго воспитанія; необходимо законодательное опредѣленіе точнаго минимальнаго и максимальнаго сроковъ пребыванія молодыхъ лицъ въ заведеніяхъ принудительнаго воспитанія путемъ условнаго досрочнаго освобожденія; патронатъ для молодыхъ преступниковъ составляетъ право и обязанность государства и долженъ осуществляться послѣднимъ чрезъ посредство частныхъ обществъ, но подъ надзоромъ и при содѣйствіи правительства; желательно учрежденіе особаго попечительства при каждомъ исправительномъ-воспитательномъ заведеніи для несовершеннолѣтнихъ и чтобы общества патроната имѣли по закону право принудительной опеки надъ питомцами со времени освобожденія ихъ изъ исправительнаго учрежденія до наступленія совершеннолѣтія; необходимо законодательное ограниченіе или даже временное, подлежащее отмѣнѣ, лишеніе правъ родительской или опекунской власти въ случаяхъ явнаго, по суду доказаннаго, злоупотребленія ими въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей или подопечныхъ.

«Всѣ эти положенія,—говорится въ предисловіи,—представляютъ согласованныя между собою истины, стояція внѣ спора, или такія, за которыя высказались либо подавляющее большинство на международныхъ тюремныхъ конгрессахъ и національныхъ съѣздахъ, либо наиболѣе компетентные криминалисты и тюремовѣды и д. д.». По тѣмъ же вопросамъ, по которымъ не имѣется еще такихъ отвѣтовъ, авторы воздерживаются отъ категорическихъ сужденій. Въ этомъ отношеніи, намъ кажется, они болѣе осторожны, чѣмъ слѣдуетъ. При массѣ тщательно собраннаго матеріала, у нихъ почти совершенно отсутствуетъ критика: излагая различныя, иногда диаметрально-противоположныя мнѣнія по существеннымъ вопросамъ принудительнаго воспитанія, гг. Альбицкій и Ширгенъ относятся къ нимъ пассивно, не высказывая своихъ взглядовъ. Въ объясненіе того, почему они «вмѣсто того, чтобы сражаться въ рядахъ защитниковъ или противниковъ тѣхъ или иныхъ педагогическихъ взглядовъ и практическихъ пріемовъ воспитанія, предпочли ограничиться ролью зрителей, впрочемъ, далеко не безучастныхъ»,

они говорятъ: «Мы иногда ограничивались простымъ сопоставленіемъ фактовъ и мнѣній, воздерживаясь отъ собственныхъ выводовъ и выбора между ними. такъ какъ, во-первыхъ, трактуемый вопросъ у насъ въ Россіи слишкомъ новый, а, во-вторыхъ, принявъ подъ свою защиту какое либо мнѣніе, пришлось бы подкрѣпить его фактами, на которые противники этого мнѣнія тотчасъ же выдвигаютъ артиллерію противоположныхъ данныхъ; опровергать ихъ, не имѣя подъ ногами почвы опыта, мы оказались бы не въ силахъ, а замалчивать не сочли бы позволительнымъ».

Мы не думаемъ, чтобы приведенныя соображенія оправдывали такой излишній объективизмъ. Во-первыхъ, изъ того, что разсматриваемый предметъ новъ (и притомъ не совсемъ новъ) въ Россіи, совсемъ не слѣдуетъ, что русскіе авторы по нему не могутъ «смѣть свое сужденіе имѣть», тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о принудительномъ воспитаніи вообще и главнымъ образомъ о постановкѣ его въ Западной Европѣ. Во-вторыхъ, для того, чтобы составить опредѣленное мнѣніе по такимъ принципиальнымъ вопросамъ воспитанія, какъ вопросы о сущности педагогической дѣятельности, о значеніи интеллектуальнаго развитія и роли привычки, о тѣлесныхъ наказаніяхъ, нѣтъ никакой нужды «имѣть подъ ногами почву (личнаго) опыта». Рѣшеніе вопросовъ этого рода часто болѣе зависитъ отъ данныхъ (твердо установленныхъ) антропологии, этики и социологии, чѣмъ отъ экспериментовъ. Кроме того, и опытъ (по крайней мѣрѣ, западно-европейскій) даетъ въ этомъ отношеніи не мало. Осторожность въ сужденіяхъ, конечно, прекрасное качество, но и въ ней, какъ во всемъ, должна быть мѣра. Спорныя положенія нуждаются въ строго-критическомъ изслѣдованіи, и боязнь ошибки не должна служить препятствіемъ къ такому изслѣдованію: *du choc des opinions jaillit la vérité... jaillit* только тогда, когда не ограничиваются «простымъ сопоставленіемъ фактовъ и мнѣній, воздерживаясь отъ собственныхъ выводовъ и выбора между ними». Мы нашли нужнымъ указать на этотъ недостатокъ почтеннаго труда молодыхъ юристовъ потому, что, мотивируя изданіе своего сочиненія, они ссылаются, между прочимъ, на «необходимость новой, горячей пропаганды идеи принудительнаго воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ»; рассчитываютъ «пробудить въ нашемъ обществѣ интересъ къ участи несчастной молодежи». Между тѣмъ, «горячая пропаганда идеи», пробужденіе общественнаго интереса требуютъ, чтобы сами проповѣдники были твердо убѣждены въ томъ, что они говорятъ, представляли бы дѣло ясно, въ опредѣленныхъ чертахъ, а не расплывались среди всевозможныхъ мнѣній и не ограничивались «ролью зрителей», хотя бы и не безучастныхъ. С.

Гастонъ Буасье. Паденіе язычества. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. С. Корелина. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1893.

Имя Гастона Буасье пользуется вполне заслуженной извѣстностью на Западѣ, небезизвѣстно оно и русской публикѣ, благодаря тому, что двѣ его крупныхъ работы «Цицеронъ и его друзья» и «Римская религія отъ Августа до Антониновъ» давно уже существуютъ въ русскомъ переводѣ М. Корсака. Къ послѣднему труду тѣсно примыкаетъ «Паденіе язычества»,

изданное теперь г. Солдатенковымъ. Это произведеніе блестящаго французскаго академика посвящено культурѣ IV-го вѣка по Р. Х. и излагаетъ, какимъ образомъ христіанство, окончательно низвергнувъ языческую религію, впитало въ себя всё наиболѣе жизненные соки античной цивилизаціи. Вся работа распадается на шесть книгъ. Первая книга занята отношеніемъ къ христіанству Константина Великаго и Юліана, прозваннаго Отступникомъ. Характеристика Константина вышла довольно неясной вслѣдствіе того, что г. Буассе выставляетъ его переходъ въ христіанство результатомъ глубокой вѣры и совершенно отрицаетъ вліяніе политическихъ расчетовъ на образъ дѣйствій этого императора. Конечно, такая точка зрѣнія не можетъ быть признана истинной, на что уже и указано редакторомъ русскаго перевода въ предисловіи. Зато характеристика Юліана безукоризненно хороша. Напрасно только авторъ, указывая на иронію и нерасположеніе Юліана къ христіанству, на нѣсколько крутыя мѣры его касательно церкви, не выяснилъ, какія вещи устраивали сами христіане несчастному Отступнику. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ церквахъ открыто молились о погибелі Юліана, извѣстно, что епископы, нисколько не стѣсняясь, съ каеэды изливали на императора потоки отборныхъ ругательствъ. Это былъ, по ихъ словамъ, драконъ, врагъ рода человѣческаго, ассириецъ, чудовище, Навуходносоръ, Иродъ, кровожадное пугало; «онъ апостать (отступникъ) по природѣ жестокъ, какъ Ахавъ, самый гнусный изъ людей; развѣ можно назвать Гидру, Химеру, Цербера и Сциллу кроткими и человѣкоподобными; этотъ великоумный глупецъ, эта обезьяна, подражающая христіанскимъ учрежденіямъ, этотъ скоморохъ, архилжецъ и тайный развратникъ еще сдѣлаетъ то, чего не успѣлъ сдѣлать...». Но эти фразы невинны и мягки въ сравненіи съ клеветами, которыя изливались изъ святыхъ устъ на нравственно чистаго и гуманнаго Юліана. Немудрено, что послѣ такихъ комплиментовъ онъ рѣшался употребить противъ христіанъ нѣкоторыя репрессалии. Вторая и третья книги посвящены языческому воспитанію и вліянію его на христіанскихъ писателей. Эти двѣ книги, равно какъ и четвертая («латинская христіанская поэзія»), показываютъ на рельефныхъ примѣрахъ, какимъ образомъ классическая литература принимала новую окраску и выходила перерожденной изъ-подъ пера христіанскихъ писателей. Это тотъ процессъ, который вслѣдствіи привелъ къ возвращенію на науку, какъ на служавку богословія. Пятая книга прекрасно рисуетъ картину языческаго общества IV-го вѣка, когда оно доживало свои послѣдніе дни. Послѣдняя книга, шестая, озаглавлена «Послѣдняя борьба». Въ сущности, борьбы тутъ никакой уже нѣтъ. Христіанство восторжествовало окончательно. Отъ язычества остались только жалкіе обломки. Но христіанство не терпитъ рядомъ съ собою даже обломковъ умирающаго культа и старается уничтожить ихъ какъ духовными средствами, въ родѣ полемическихъ трактатовъ, такъ и насильственными мѣрами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣчается удивительная перемена положеній. При языческихъ императорахъ христіанство стояло за вѣротерпимость, а язычество ее отвергало. Теперь, наоборотъ, язычники напоминаютъ христіанамъ, что къ чужимъ убѣжденіямъ надо относиться съ терпимостью. При этомъ необходимо замѣтить, что язычники гнали христіанъ не за ихъ религіозные взгляды, а какъ людей, вносящихъ смуту въ государство, т. е. какъ антигосударственный элементъ. Наоборотъ, христіане вооружаются противъ язычниковъ именно

за то, что эти послѣдніе не хотятъ отказаться отъ своихъ вѣрованій и присоединиться къ господствующей религіи. Тутъ уже, очевидно, дѣло ведется не съ государственной, а съ узко религіозной точки зрѣнія. (Разница между языческими и христіанскими гоненіями прекрасно выяснена въ любопытной брошюрѣ кіевскаго профессора Кулаковскаго: «Христіанская церковь и римскій языкъ». Въ разбираемомъ трудѣ Буасье эта разница недостаточно оттънена). Въ шестой книгѣ особенно любопытна третья глава, ставящая вопросъ, отвѣтственно ли христіанство за паденіе имперіи. Гастонъ Буасье перебираетъ наиболѣе важныя изъ обвиненій, выставляемыхъ по данному вопросу противъ христіанства, и находитъ, что причины, разрушившія Римское государство, начали свою пагубную работу еще до появленія христіанства. Слѣдовательно, — заключаетъ онъ, — христіанство не виновато въ паденіи имперіи. Г. Корелинъ присоединяется къ его мнѣнію. Но выводъ, какъ намъ кажется, не вполне логиченъ. Правильнѣе было бы такое построеніе: разрушительные факторы начали свое дѣйствіе до христіанства. Вотъ главные изъ нихъ: экономическій упадокъ, партійный духъ, уклоненіе отъ общественныхъ обязанностей, уменьшеніе населенія, ослабленіе воинственности и патріотизма. Христіанство вначалѣ, какъ показываютъ современныя свидѣтельства, увѣщевало своихъ членовъ не вступать въ общественныя должности, такъ какъ съ ними соединялась обязательность участія въ языческихъ обрядахъ; съ другой стороны оно, ставя безбрачіе выше брака, не могло воспрепятствовать убыли населенія; затѣмъ масса христіанъ считала войну противной своей вѣрѣ; далѣе, вниманіе христіанина было сосредоточено на небесной родинѣ, такъ что привязанность его къ земному отечеству несомнѣнно должна была охладѣть. Дальнѣйшее развитіе христіанства сопровождалось появленіемъ массы ересей, и такимъ образомъ политическая партійность осложнилась религіозными распрями. Изъ всего этого ясно, что христіанство, если и не создало новыхъ разрушительныхъ явленій, во всякомъ случаѣ усилило старыя, и въ виду этого намъ кажется необходимымъ присоединиться къ мнѣнію Фюстель-де-Куланжа и Ренана, включающихъ христіанство въ число факторовъ, разрушившихъ древній міръ.

Не смотря на указанныя неточности, книга Гастона Буасье заключаетъ въ себѣ такъ много интереснаго, что переводъ ея на русскій языкъ нельзя не считать весьма желательнымъ вкладомъ въ нашу небогатую литературу по этой эпохѣ. Пользованіе разбираемой книгой тѣмъ болѣе можно рекомендовать, что редакторъ русскаго перевода, г. Корелинъ, прибавилъ къ изданію свое предисловіе, въ которомъ указываетъ какъ достоинства, такъ и недостатки труда Гастона Буасье.

С. А—въ.

Московскій библиографическій кружокъ. Очеркъ дѣятельности за время съ 4-го октября 1890 г. по 1-е декабря 1891 г. Москва. 1892.

Мы переживаемъ въ литературѣ періодъ поистинѣ библиографической. Чѣмъ прельщаютъ и уловляютъ подписчика наши иллюстрированные еженедѣльники, еще такъ недавно зазывавшіе публику пестрой мазней «художественныхъ» олеографій? Полными собраніями сочиненій русскихъ классиковъ (весьма сомнительныхъ) съ библиографическими примѣчаніями! Такое время, конечно, благодать для библиографовъ. Они ожили, воспрянули духомъ и... основали въ Москвѣ кружокъ, разумѣется, предварительно клик-

нужь кличь по всей Русской землѣ. Дѣятельность кружка оказалась весьма плодотворной, и въ результатѣ предъ нами «отчетъ» на великолѣпной бумагѣ, съ художественно разрисованной виньеткой на обложкѣ и содержаніемъ, доставляющимъ много веселыхъ минутъ для «непосвященнаго» читателя. Отчету предпослана статья: «Понятіе о библиографіи и значеніе ея, какъ науки». Съ серьезностью, полною глубокаго комизма, авторъ этой статьи старается убѣдить, что библиографія не только наука, а, такъ сказать, наука всѣхъ наукъ, или, какъ значитъ на печати кружка (ужь если есть общество, то должна быть и печать): «библиографія есть ключъ всѣхъ наукъ». Какимъ же образомъ сія новая наука попала на столь недосыгаемую высоту? «Обязанность — располагать книги въ систематическомъ порядкѣ, въ связи съ трудомъ изложенія содержанія книги и ея исторіи, главнымъ образомъ и выдвинула библиографію изъ ряда вспомогательныхъ наукъ на самостоятельное мѣсто наукъ первостепенныхъ... Отсюда, на нашъ взглядъ, прямой переходъ къ тому, что въ нашихъ университетахъ должны быть учреждены кафедръ библиографіи, съ которыхъ члены московскаго кружка возгласятъ таинства этой науки. Увы! очевидно, члены библиографическаго кружка опередили свой вѣкъ: имъ пришлось получить неожиданный репримандъ со стороны Московскаго университета, который не допустилъ ихъ рыться въ свою бібліотеку и не пожелалъ мѣняться изданіями, подчеркнувъ, что «изданія университета высылаются только лишь въ обмѣнъ на ученые изданія другихъ учреждений».

Обойдемъ исторію возникновенія кружка и обратимся къ дѣятельности его членовъ. Ихъ интересовали «многіе хозяйственныя, административныя, а также и спеціально библиографическія вопросы, изъ коихъ одинъ—о способѣ описанія книгъ, занялъ 12 засѣданій!! Вотъ настоящій примѣръ трудолюбія и усидчивости, которымъ могли бы воспользоваться и не библиографическія общества. 12 засѣданій! Это ужь превосходитъ осторожное «семь разъ примѣрь — одинъ отрѣжь». Рѣшили или вѣтъ свой важный вопросъ члены кружка, мы, какъ не спеціалисты, точно не уразумѣли, но поняли только то, что для изученія какой либо книги надо не читать ее, а измѣрять сантиметрами. Но, кромѣ столь полезной общей дѣятельности, каждый членъ посильно трудился и въ одиночку. Такъ одинъ членъ «описалъ съ натуры болѣе 1,000 книгъ», другой «описалъ съ натуры свыше 700 книгъ»; одинъ «разрѣзывалъ и расклеивалъ на карточки свыше 20,000 названій», другой «доставилъ 25,000 наклеенныхъ карточекъ», третій выбиралъ что-то изъ газетъ, «вырѣзывалъ и наклеивалъ въ особія книги съ обозначеніемъ источника, откуда взято, что составило за цѣлый годъ 12 обширныхъ томовъ», и т. д. Какое поистинѣ трогательное трудолюбіе и какое умилятельное и ужь подлинно невинное занятіе, напоминающее свѣтлую пору младенчества, когда, бывало, вырѣзываешь пѣтушковъ изъ синей бумаги и наклеиваешь ихъ на бѣлую. И такой-то безобидной, зато, конечно, и безплодной дѣятельности преданы мужи зрѣлые и почтенные; большинство изъ нихъ принадлежитъ къ книгопродавческому міру. Неужели же ихъ обольстила столь мишурная слава? Не было ли бы достойнѣй и почетнѣй, вмѣсто того, чтобы сочинять кружки и науки, заняться хотя бы изданіемъ дешевыхъ книжекъ для народа, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые изъ ихъ собратій по торговлѣ.

М. М.

И. С. Некрасовъ. О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзи. (Изданіе Общества древней письменности). Спб. 1892.

Въ послѣднее время и въ обществѣ, и въ литературѣ, слышатся упреки, что наши ученые, хотя бы, напримѣръ, историки литературы, зарываются въ раскапываніе и изученіе мелочей, пренебрегая общими, интересными для всѣхъ вопросами,—вопросами, которые всегда интересовали читающую публику. У насъ жалуется на недостатокъ популярныхъ сочиненій, яко бы развивающихъ верхоглядство, на отсутствіе работъ по общимъ, теоретическимъ вопросамъ, на узость взглядовъ и сужденій въ ученыхъ трудахъ, на исключительно узкую спеціализацію и т. п. Публика оказывается черезчуръ требовательною и не хочетъ видѣть черновыхъ трудовъ, сборниковъ матеріаловъ и т. п.,—она требуетъ общихъ взглядовъ, но, разумѣется, не такихъ, которые уже обветшали.

И вотъ появляется книга г. Некрасова, посвященная вопросу общаго характера, повидимому, предлагающая изложеніе или обсужденіе задачъ изученія двухъ обширныхъ областей нашей словесности — древней письменности и народной поэзи. Въ массѣ библиографическихъ розысканій, какъ приличнѣе было бы назвать нѣкоторыя изслѣдованія по исторіи литературы, вышедшія въ свѣтъ за послѣдніе годы, давно не являлось ни одной книги, авторъ которой посвятилъ бы свои силы разсмотрѣнію вопроса болѣе общаго характера, нежели, напримѣръ, установка точной даты сочиненія и т. п. Книга г. Некрасова видимо представляетъ попытку загладить этотъ пробѣлъ, и нельзя не сочувствовать автору, задавшемуся благой цѣлью напомнить гг. ученымъ авторамъ не читаемыхъ твореній объ истинныхъ задачахъ всякаго изученія литературныхъ явленій.

Говорить о задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзи представляется намъ далеко нелишнимъ, въ особенности оглянувшись на поприще, пройденное русской наукой въ послѣдніе годы. Какъ и во многихъ другихъ наукахъ, мы и въ изученіи народной поэзи, не размышляя много, скромно пошли по слѣдамъ западныхъ ученыхъ. Сначала принялись за миеологию и вмѣстѣ съ германскими и также иными славянскими учеными-миеологами населили Олимпъ массой боговъ, изъ которыхъ едва ли не половина оказалась самозванцами. Затѣмъ мы бросились въ другую крайность—съ небесъ спустились на землю и въ исторіи фактической стали искать исключительнаго объясненія образовъ народной фантазіи. Но не всѣ удовольствовались этимъ: школа, основанная Бенфеємъ, отразилась и у насъ, и наши ученые бросились влѣдъ за другими искать заимствованій и съ авартомъ стали отрещиваться заодно и отъ своего родного: уже давно было замѣчено, что мы всегда отличались способностью доводить до абсурда мнѣнія, заимствованныя у иностранцевъ.

Школа народной психологіи также нашла у насъ послѣдователей, которые впервые показали, что для изученія памятниковъ народнаго творчества прежде всего нужно знакомство съ психологіей вообще, а затѣмъ съ психологіей низшихъ малокультурныхъ расъ. Она показала, что, происходя отъ подобныхъ предковъ, мы унаслѣдовали отъ нихъ не только массу фактическихъ переживаній, но и много сторонъ душевной дѣятельности — умѣнье, вѣрнѣе, привычку опредѣленнымъ образомъ символизировать, вы-

ражать въ описаніяхъ свои мысли. И прежде рѣшенія многихъ вопросовъ, казавшихся (напримѣръ, миеологу) столь простыми и несложными, пришлось обратиться къ изученію многосторонней дѣятельности мозга, къ изученію возникновенія и развитія мыслей и ихъ ассоціаціи у простого народа, сохранившаго болѣе чертъ первобытнаго человѣка. Этнографія, психологія и исторія культурныхъ вліяній заинтересованы въ изученіи памятниковъ народнаго быта и творчества. Занятіе народной поэзіей переходитъ такимъ образомъ изъ ряда диллетантскихъ увлеченій и произвольныхъ теорій въ задачу серьезную и необходимую для философа и историка.

Мы изложили вкратцѣ тѣ соображенія, которыя могли занять мысль автора, желавшаго говорить публнкѣ о задачахъ изученія хотя бы народной поэзіи, и ознакомили читателя съ тѣмъ, чего можно было бы требовать отъ автора названной выше книги. Теперь обратимся непосредственно къ ея содержанію. «Нерѣдко отъ молодыхъ ученыхъ приходится слышать,—начинаеть почтенный авторъ,—что трудно выбрать тему для ученой работы занимающемуся исторіей древней русской литературы»,—и далѣе предлагаетъ темы, на которыхъ стоитъ остановить свое вниманіе молодымъ ученымъ. Мы до сего времени полагали, что если человѣкъ изъ обильнаго запаса не можетъ выбрать ничего достойнаго его вниманія, то значить нечего ему и выбирать: пусть онъ ищетъ иного такого занятія, гдѣ, безъ колебанія взявшись за дѣло, сможетъ быть наиболѣе полезнымъ. Если же онъ упорствуетъ, то пусть помнитъ, что отсутствіе живого интереса уже заранѣе сдѣлаетъ начатую изъ-подъ указки работу мертворожденной. Но, видно, г. Некрасовъ считаетъ науку и ученость ремесломъ, для котораго необходимо лишь усердіе; стремленіе получить степень, профессуру, а иной интересъ, стремленіе пролить свѣтъ въ неизслѣдованную область, чистое желаніе разработать неподнятый доселѣ вопросъ, любовь къ знанію—все это вещи не важныя, излишнія, да, пожалуй, и вредныя! Итакъ г. Некрасовъ предлагаетъ тему, именно—изслѣдовать лѣчебники, и указываетъ рядъ авторовъ, отчасти занимавшихся этимъ вопросомъ. Но странно: почтенный одесскій профессоръ совершенно позабываетъ отмѣтить изслѣдованіе именно въ желательномъ ему родѣ—о «Физиологѣ», принадлежащее перу г. Карнѣева и напечатанное въ той же серіи изданій общества любителей древней письменности ¹⁾. Кажется дѣйствительно комичнымъ, что даже само общество это, преслѣдующее главнымъ образомъ «усвоеніе развитія нашихъ предковъ», въ лицѣ завѣдующихъ редакціей печатаемыхъ трудовъ проглядѣло такое странное противорѣчіе и даже умаленіе своихъ заслугъ со стороны г. Некрасова. Но какъ бы то ни было, а заявивъ, что у насъ нѣтъ изслѣдованій въ области лѣчебниковъ, г. Некрасовъ идетъ столь же побѣдоносно далѣе и на стр. 5 включаетъ свой панегирикъ лѣчебникамъ слѣдующей тирадой: «Но достаточный ли интересъ представляетъ такое изслѣдованіе? Во всякомъ случаѣ гораздо больше историко-литературнаго интереса представляютъ лѣчебники, тѣмъ масса являющихся за послѣдніе годы работъ, которыя заходятъ въ область исторіи литературы церковной»... Не знаемъ, быть можетъ, изслѣдованіе лѣчебниковъ и дастъ богатые результаты и представитъ большой интересъ (только не историко-литературный, а этнографическій), но отрицать важ-

¹⁾ А. Карнѣевъ. Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи «Физиолога», изданіе Общ. люб. др. письм., 1890 г., ХСІІ.

ность и интересъ изученія нашей древней церковной литературы представляется намъ шагомъ крайне рискованнымъ. Вѣдь если мы заглянемъ въ литературу до-Петровской Руси, то найдемъ лишь незначительное количество повѣстей свѣтскаго содержанія, огромная же часть читавшихся книгъ принадлежала къ литературѣ церковной, канонической или апокрифической, чего не слѣдовало бы забывать почтенному профессору. Да врядъ ли изученіе лѣчебниковъ дастъ такой ужъ богатый историко-литературный интересъ, какъ апокрифическія сказанія, вошедшія въ народное сознаніе и отчасти вытѣснившія преданія язычества, отчасти слившіяся съ ними.

Послѣ двухъ страницъ указаній пособій и изложенія своихъ личныхъ соображеній, разобранныхъ нами, г. Некрасовъ даетъ рядъ выписокъ изъ лѣчебниковъ, представляющихъ двѣ трети всей книги, и пересыпаетъ ихъ своими личными замѣчаніями въ родѣ: «Есть лѣчебники, которые начинаются такъ же, какъ хронографы» (стр. 5). «Въ лѣчебникахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ вопросовъ хозяйственныхъ» (стр. 21). «Травники и лѣчебники могутъ доставить огромный матеріалъ для составленія словарей названій растений» (стр. 22) и т. п. Послѣ выписокъ изъ лѣчебниковъ выписка изъ старопечатнаго служебника 1646 г., впрочемъ, довольно интересная, характеризующая народные свадебные обычаи, сохранившіеся на югѣ Россіи до сихъ поръ. Затѣмъ авторъ приводитъ ничѣмъ не связанную логически съ предыдущимъ выписку изъ «Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» — извѣстную легенду о князѣ, женившемся на невѣстѣ своего отрока. Послѣ этого г. Некрасовъ ех abrupto объявляетъ старую истину, что «исчерпаемый источникъ для ученыхъ работъ представляетъ наша народная поэзія», и затѣмъ мы читаемъ нѣчто въ высшей степени странное: безъ должной критики, безъ всякаго разбора, авторъ приводитъ мнѣнія представителей мѣологической и исторической школъ, не ссылаясь ни на кого (кромя, впрочемъ, Гильфердинга и Рыбникова, изъ которыхъ выписываетъ страницами) и склеивая всѣ разнородныя воззрѣнія въ какую-то странную массу общихъ мѣствъ. Затѣмъ г. Некрасовъ пересказываетъ частью буквально, частью съ незначительной перестановкой словъ, взгляды представителя школы народной психологіи, недавно скончавшагося профессора А. А. Потебни, о необходимости формальнаго дѣленія пѣсенъ по напѣвамъ и метрамъ, по символамъ, образамъ и общимъ типическимъ мѣстамъ, и завершаетъ этотъ удивительный конгломератъ взглядовъ и выводовъ, набранныхъ у разныхъ лицъ и школъ, такимъ своимъ замѣчаніемъ: «Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ главныя задачи, на которыя должно быть обращено вниманіе ученаго, который хочетъ заниматься изслѣдованіемъ памятниковъ нашей древней письменности и народной поэзіи» (?).

Что же это? Гдѣ же здѣсь, въ этомъ поистинѣ удивительномъ сочиненіи, хотя бы слово о тѣхъ задачахъ, съ которыми, судя по заглавію, хотѣлъ познакомить насъ авторъ? Мы, не вѣря глазамъ, еще разъ перелистываемъ брошюру, ищемъ и, какъ раньше, не находимъ ни полслова о томъ, о чемъ обѣщался говорить авторъ. Неужели онъ такъ только, шутя загромождаетъ страницы выписками и повтореніемъ избитыхъ фразъ, чтобы, въ концѣ концовъ, придти къ пустозвонному, ничего не говорящему заключенію? Эта книга, снабженная громкимъ и даже заманчивымъ заглавіемъ, напоминаетъ намъ школьныя ученическія упражненія, въ которыхъ ученикъ, наговоривъ рядъ нахватавшихся чужихъ словъ и фразъ, горделиво завершаетъ свою рѣчь традиционнымъ: «читая, мы видимъ»...

Но, быть можетъ, мы напрасно обвиняемъ почтеннаго автора въ суетномъ желаніи занять безплоднымъ краснорѣчіемъ читателя. Быть можетъ, авторъ лишь по недосмотру далъ такое громкое заглавіе своей компіляціи, завалавшейся въ его портфель съ школьной скамьи и не въ добрый часъ появившейся на свѣтъ Божій...

С. Т—скій.

**Родъ князей Голицыныхъ. Составилъ кн. Н. Н. Голицынъ.
Томъ первый. Матеріалы родословныя. Спб. 1892.**

**Родъ князей Мосальскихъ (XIV—XIX ст.). Н. Е. Бранденбургъ.
Спб. 1892.**

Русская историческая литература очень небогата трудами генеалогическими. Не смотря на то, что родословныя бояръ, дворянъ, древнихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ имѣютъ несомнѣнно большое значеніе у насъ, ихъ еще очень немного. Объясняется это отчасти кропотливостью самой работы, отчасти же недостаткомъ матеріала. Ислѣдователь при всемъ своемъ стараніи не можетъ дать точной, вполне установленной родословной. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить трудъ кн. Голицына, который приложилъ всѣ заботы къ тому, чтобы дать полную генеалогію своего рода и избѣжать ошибокъ. Болѣе сорока лѣтъ онъ собиралъ матеріалъ, въ 1880 г. все собранное напечаталъ и въ корректурахъ разослалъ членамъ рода и знатокамъ исторіи, прося у нихъ дополненій и поправокъ. Не смотря, однако, на всѣ эти заботы, болѣе 64 лицъ остались непріуроченными, до сотни вопросовъ неразрѣшенными. То же самое можно сказать и о трудѣ г. Бранденбурга, которому не удалось также дать точной генеалогіи князей Мосальскихъ, особенно за древнѣйшій періодъ. Г. Бранденбургъ, впрочемъ, меньше заботился объ этомъ и далеко не исчерпалъ всего матеріала. Такъ, напримѣръ, онъ совершенно не воспользовался семейными архивами князей Мосальскихъ, хотя несомнѣнно они существуютъ. Это, конечно, должно было сказаться не только на точности и полнотѣ генеалогіи, но также на біографіяхъ и оцѣнкѣ главнѣйшихъ представителей рода. Несомнѣнно, что личность Игнатія Мосальскаго, епископа виленакаго, игравшаго замѣтную роль при раздѣлахъ Польши, могла быть очерчена гораздо рельефнѣе, полнѣе, если бы авторъ воспользовался архивомъ Игнатія. Уступая въ этомъ отношеніи труду кн. Голицына, исслѣдованіе г. Бранденбурга выигрываетъ въ другомъ отношеніи. Оно отличается большей научностью, отсутствіемъ всякой тенденціи. Авторъ даетъ вездѣ вполне безпристрастную оцѣнку всѣхъ представителей рода. Такъ, напримѣръ, еп. Игнатія, котораго онъ считаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей рода Мосальскихъ, г. Бранденбургъ прямо выставляетъ человѣкомъ двуличнымъ, легко склонявшимся на ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ, и соблюдавшимъ исключительно свои личные интересы. Кн. Голицынъ въ первомъ томѣ даетъ только голую родословную. Но изъ предисловія, а также изъ возраженія рецензенту газеты «Голось», который въ 1880 г., по поводу пробнаго изданія «Матеріаловъ» кн. Голицына, высказалъ мысль, что Голицыны играли очень скромную роль въ русской исторіи, можно видѣть, что авторъ относится далеко не безпристрастно къ представителямъ своего рода. Объ этомъ, впрочемъ, говорить еще рано, такъ какъ передъ нами всего два, три факта, взятыхъ изъ предисловія и

возраженій. Слѣдующіе томы, въ которыхъ будетъ собранъ, по словамъ автора, біографическій матеріалъ, будутъ несомнѣнно гораздо интереснѣе и дадутъ больше данныхъ какъ для оцѣнки всего рода, такъ и для уясненія отношенія къ своему роду кн. Голицына.

В. Б.

Исторія эллинизма. Соч. І. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго, дополненнаго авторомъ изданія, подъ редакціей А. Буше-Леклерка. Томъ II. Исторія діадочовъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1893.

О первомъ томѣ «Исторія эллинизма», вышедшемъ два года назадъ и заключающемъ въ себѣ исторію Александра, былъ своевременно данъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (см. 1891 г. июнь) отчетъ, въ которомъ указана нѣсколько субъективная точка зрѣнія автора на великаго македонскаго культуртрегера. Лежащій передъ нами второй томъ излагаетъ такъ называемую исторію діадочовъ, до утверженія Антигона Гоната на македонскомъ престолѣ. Это, какъ извѣстно, эпоха крайне смутная и печальная, переполненная страшными по кровопролитіямъ и ничтожными по своимъ общимъ послѣдствіямъ войнами, эпоха, приведшая тогдашнее культурное челоуѣчество, повидимому, только къ отрицательнымъ результатамъ. Много надо было имѣть любви къ дѣлу, чтобы такъ войти въ ея детали, какъ это сдѣлалъ Дройзень, который не только подвергъ внимательному обследованію всѣ тексты и вообще весь матеріалъ, бывшій въ рукахъ его предшественниковъ, но и привлекъ къ дѣлу рядъ открытыхъ въ послѣднее время надписей и др. документовъ. А результатъ, всетаки, получился отрицательный, какъ этого и слѣдовало ожидать. Всѣ войны эпохи діадочовъ Дройзень совершенно справедливо объединяетъ стремленіемъ сохранить единство всемірной монархіи, основанной Александромъ, и взаключеніе признаетъ, что всѣ попытки оказались бесплодными, послѣ чего и самый вопросъ о способахъ удержать это единство сходитъ съ исторической сцены. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы вся дѣятельность Александра Македонскаго оказалась безрезультатной,—сѣмена эллинской цивилизаціи, посѣяныя имъ по всему азіатскому востоку, дали богатые плоды: явилась на свѣтъ новая цивилизація, соединяющая въ себѣ восточные и западные элементы, и весь историческій міръ сталъ единымъ цѣлымъ.

Дройзену въ этомъ томѣ пришлось вывести на сцену множество новыхъ вліятельныхъ дѣятелей и покончить съ помощниками Александра, которые при жизни героя играли роли второстепенныя, а теперь выступили на первый планъ; пришлось попытаться нарисовать характеристики тѣхъ и другихъ. Но бѣда въ томъ, что въ такія смутныя эпохи разгара мелкихъ страстей и сплетенія мелкихъ личныхъ интересовъ съ унаслѣдованными и непровѣренными идеями, характеры выдѣляются сравнительно слабо. Точно въ плохой драмѣ актеры говорятъ и дѣйствуютъ не какъ живые люди, не въ силу внутреннихъ побужденій, а въ силу каприза автора, который и самъ не знаетъ, кого и зачѣмъ вывелъ онъ на сцену. Оттого и источники Дройзена заняты не героями, а ихъ приключеніями; оттого и у Дройзена въ этомъ томѣ вышли удачными и рельефными только немногія характеристики, напримѣръ, Димитрія Полиоркета (стр. 249 и слѣд.); другія же,

напримѣръ, Дмитрія Фалерскаго (стр. 245), Эвмена (стр. 170) и пр.—крайне блѣдны.

Переводъ этого тома также добросовѣстенъ, какъ и перваго, и также мѣстами тяжеловатъ. Едва ли хорошо дѣлаетъ переводчикъ, отступая отъ общепринятаго произношенія собственныхъ именъ и вводя, пожалуй, болѣе правильныя, но неупотребительныя формы: Павзанія (им. пад.), Димосеенъ, Миеридать и пр.

А. К.

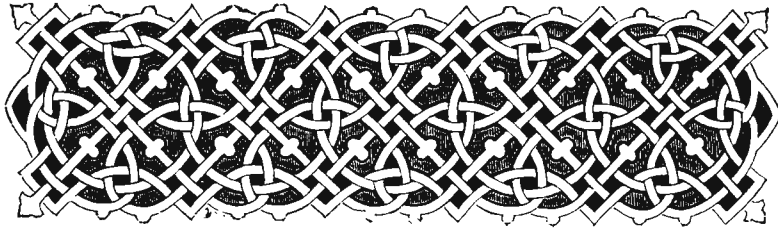
Слѣпой Домрачей. Историческіе рассказы для юношества изъ русской, турецкой и молдаванской жизни. О. И. Роговой, съ рисунками Л. Бакета. Спб. 1892.

Подъ этимъ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ г-жа Рогова напечатала отдѣльной книжкой четыре рассказа, изданныхъ весьма опрятно извѣстной фирмой Девриена. Г-жа Рогова, опытная писательница, и ея повѣсти читаются легко... взрослыми. Та излишняя игра фантазіи и запутанность положеній, въ которыя любитъ ставить своихъ персонажей г-жа Рогова, которыя являются вообще во всѣхъ ея произведеніяхъ характерными особенностями ея дарованія, не вызываютъ сочувствія и не увеличиваютъ занимательности въ глазахъ ея юныхъ читателей. То же можно сказать и про эти четыре рассказа. Въ нихъ г-жа Рогова обнаруживаетъ большое знакомство съ бытовой стороной той жизни и той эпохи, которой она касается, но эти во множествѣ и съ излишкомъ нагроможденныя бытовыя черточки страннымъ образомъ не только не даютъ болѣе яркаго представленія о томъ, что она живописуетъ, но и не выкупаютъ отсутствія простоты, задушевности и интереснаго замысла.

Кромѣ того, г-жѣ Роговой, щеголяющей столь разностороннимъ знаніемъ исторіи и быта своихъ героевъ и ихъ времени, не слѣдовало бы уже допускать въ этомъ отношеніи маленькихъ промаховъ. Такъ, описывая «ватажокъ чумаковъ», предводимый «атаманомъ», авторъ увѣряетъ, что они везли ковры, сукна и разные товары, тогда какъ извѣстно, что чумаки, кромѣ соли и соленой рыбы, никогда ничего не возили. Также, можетъ быть, случайно г-жа Рогова называетъ «калачомъ» нашъ теперешній московскій калачъ, что г. Бакетъ и поясняетъ соответствующей иллюстраціей, а между тѣмъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (царствованіе царя Алексѣя Михайловича), калачомъ назывался сладкій пирогъ съ сахарными украшеніями, нѣчто въ родѣ нашего торта.

Л. Л.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Студенческіе годы Вильгельма II.—Прусская королева Луиза безъ легендарнаго лоска. — Эльзасскій вопросъ и Гамбетта. — Воспоминанія рабочаго о Карлѣ Марксѣ.

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ ВИЛЬГЕЛЬМА II. Амедей Пижонъ напечаталъ въ книжкѣ «Revue de Famille», отъ 15-го апрѣля, свои воспоминанія о жизни германскаго императора въ Бонскомъ университетѣ, гдѣ Пижонъ былъ преподавателемъ французскаго языка. По его словамъ, тогдашній принцъ Вильгельмъ поселился въ концѣ 1878 года въ Боннѣ, избранномъ для его двухлѣтняго пребыванія по тремъ причинамъ: во-первыхъ, въ университетѣ этого города слушалъ лекціи его отецъ, во-вторыхъ, этотъ университетъ былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ въ Германіи, и, въ-третьихъ, общество какъ въ университетѣ, такъ и въ самомъ городѣ, отличалось въ тѣ времена космополитическимъ характеромъ, благодаря большому числу иностранцевъ, французскимъ женамъ нѣсколькихъ профессоровъ и вообще воспоминаніямъ о французскомъ владычествѣ, которыя нѣсколько умѣрили исключительность нѣмецкаго элемента. Во всѣхъ отношеніяхъ этотъ маленькій городокъ съ его университетскими лекціями, студентскими комершами, пріятнымъ, скромнымъ, буржуазнымъ обществомъ, очень любящимъ театръ и въ особенности музыку, что совершенно понятно для города, гдѣ родился Бетховенъ и похороненъ Шуманъ, — былъ вполне подходящимъ мѣстопребываніемъ для молодаго принца, какъ переходъ отъ школьной скамьи къ политической дѣятельности. Вильгельмъ жилъ въ небольшомъ домѣ на Кобленцкой улицѣ, между двумя садами, простиравшимися до самаго берега Рейна; комнатъ было немного, и онѣ отличались самой скромной мебелью. Въ кабинетѣ обращали на

себя вниманіе книжные шкафы, въ которыхъ рядомъ съ нѣмецкими классиками и учеными трудами бонскихъ профессоровъ видѣлись сочиненія Жюль Верна и Диккенса, и, кромѣ того, портреты всѣхъ членовъ императорской семьи и фотографіи германскихъ военныхъ судовъ, на которыя часто заглядывался молодой человѣкъ, жаждавшій тогда предпринять морскія путешествія, начиная съ Египта. Въ этой обстановкѣ скромно существовалъ молодой принцъ съ своимъ товарищемъ Якоби и военнымъ наставникомъ Либенау; прислуга состояла изъ двухъ лакеевъ; въ сосѣднемъ отелѣ помѣщались лошади и три экипажа; всего чаще принцъ обѣдалъ вдвоемъ съ Якоби и никогда не приглашалъ къ своему столу болѣе четырехъ или пяти человѣкъ; обѣдъ былъ постоянно очень простой, и принцъ пилъ въ умѣренной дозѣ красное и бѣлое вино. Не смотря на свои прилежныя занятія и усердное посѣщенія лекцій вмѣстѣ съ товарищемъ и наставникомъ, Вильгельмъ не отказывался почти ни отъ одного приглашенія на балы и вечера, которые часто давались зимой въ Боннѣ, и плѣнялъ всѣхъ своимъ веселымъ добродушіемъ. Однажды въ годъ, именно въ день своего рожденія, онъ устраивалъ балъ у себя дома, и тогда хозяйкой была жена его наставника. Офицеры мѣстнаго гусарскаго полка часто приглашали его въ свое казино, но, согласно распоряженіямъ отца, онъ избѣгалъ ихъ общества. Напротивъ, каждый свободный вечеръ онъ охотно проводилъ въ студенческой корпораціи Боруссовъ и, слегка прикасаясь губами къ полкружкѣ легкаго пива, онъ съ удовольствіемъ слушалъ старинныя нѣмецкія пѣсни и смотрѣлъ, какъ товарищи опорожняли громадные рога съ пивомъ въ два литра вмѣстимости, которые были прикрѣплены къ потолку длинными шнурками. «Часто,—разсказываетъ французъ,—мой ученикъ приглашалъ меня на студенческія дуэли, и я нѣсколько разъ присутствовалъ вмѣстѣ съ нимъ на этихъ, какъ выражаются нѣмцы, «mensur». Онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми перипетіями поединковъ и нервный, блѣдный, указывалъ мнѣ на ловкіе удары соперниковъ, осуждалъ ихъ ошибки и выхвалялъ побѣдителей. Онъ былъ совершенно счастливъ, смотря на эти побоища, среди которыхъ обильно льется кровь, и часто на полу валяются отрѣзанный носъ и кусокъ щеки. Его удовольствіе увеличивалось еще сознаніемъ, что полиція была одурачена, такъ какъ дуэли официально запрещены, хотя на нихъ смотрятъ сквозь пальцы. Вообще онъ любилъ всѣ физическія упражненія: хорошо плавалъ, гребъ въ лодкѣ, ѣздилъ верхомъ и часто по нѣсколько дней охотился на тетеревей; онъ также былъ неутомимымъ пѣшеходомъ и посѣщалъ пѣшкомъ всѣ окрестности города. Во время карнавала въ Кельнѣ депутація отъ комитета, организовавшаго празднества, являлась къ нему съ приглашеніемъ и шапкой шута, украшенной бубенчиками. Онъ любезно принималъ то и другое, отправлялся въ Кельнъ, принималъ участіе въ уличныхъ процессіяхъ, ходилъ по домамъ съ маскированными лицами и отъ всей души веселился съ товарищами-студентами. Ихъ удовольствія были его удовольствіями, и никакая принужденность не омрачала его тогдашнихъ минутъ свободы». По временамъ Вильгельмъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Дармштадтъ и Кобленцъ, а во время вакацій отправлялся въ Берлинъ, Лондонъ и Парижъ, гдѣ его всего болѣе занимали драгоценныя сокровища въ Кюни, Луврѣ, Люксембургѣ и Версали. Ему не нравилась современная архитектура въ Трокадеро и новыя улицы Парижа, онъ находилъ чарующую прелесть въ остаткахъ старины и въ особен-

ности въ термахъ Юліана, которыя считалъ жемчужиной древняго Парижа. Вообще, подъ вліяніемъ отца и матери, онъ отличался художественными стремленіями; очень любилъ музыку, благоговѣлъ передъ Бетховеномъ, Моцартомъ и Шуманомъ, съ интересомъ относился къ картинамъ нѣмецкихъ художниковъ, особенно восхищаясь итальянскими видами Ахенбаха и «Кузницей» Менуеля, а главное, по мнѣнію Пижона, относился вполне безпристрастно къ французскому и нѣмецкому искусству, слѣдуя въ этомъ эклектическимъ и либеральнымъ идеямъ своихъ родителей. То же настроеніе онъ высказывалъ въ своихъ разговорахъ съ учителемъ о политикѣ, которой они, однако, не часто касались, и о литературѣ, составлявшей постоянный предметъ ихъ бесѣдъ. Въ числѣ французскихъ классиковъ онъ не любилъ Расина, но восхищался Мольеромъ и Ла-Брюэромъ; изъ современныхъ писателей онъ оказывалъ предпочтеніе Теофилю Готье, отдавалъ справедливость гению Виктора Гюго, хотя не могъ забыть, что онъ назвалъ его дѣда Шиндерханомъ, интересовался новыми произведеніями Кюппе и Бурже, даже отзывался съ похвалою о нѣкоторыхъ страницахъ извѣстной книги Тиссо о берлинскихъ трущобахъ и, прочитавъ, по совѣту Пижона, нѣкоторыя изъ произведеній Тургенева и Гоголя во французскомъ переводѣ, пристрастился къ этимъ писателямъ. При такой разносторонней умственной пищѣ и безпристрастномъ направленіи своего ума, молодой принцъ ясно видѣлъ патріотическія увлеченія профессора Морибрехера, который, рассказывая исторію Наполеона I, подвергалъ его слишкомъ усерднымъ осужденіямъ и слишкомъ легко унижалъ его побѣды изъ угожденія нѣмецкому патріотизму. Будущій германскій императоръ слушалъ съ улыбкою эти антифранцузскія выходки и потомъ указывалъ очень мѣтко на ошибки профессора.

Нарисовавъ сочувственный портретъ своего ученика, Пижонъ старается въ нѣсколькихъ словахъ объяснить метаморфозу, превратившую добродушнаго, мягкаго и безпристрастнаго въ своихъ сужденіяхъ студента въ непреклоннаго повелительнаго императора, врага всего французскаго и противника старой системы преподаванія въ нѣмецкихъ университетахъ. По его словамъ, Вильгельмъ естественно является на престолѣ выразителемъ тѣхъ принциповъ, которыми Германія старается оправдать свои прошедшія и подготовляемая ею будущія побѣды. Эти принципы развиваются въ безчисленномъ числѣ книгъ, выходящихъ ежедневно въ Берлинѣ, и въ особенности въ сочиненіи Феликса Дана «Мольтке воспитатель», въ которомъ доказывается, среди безусловной апологій войны со всѣми ея ужасами, что великій стратегъ даже въ литературномъ отношеніи выше Лессинга и Ранке, что пора замѣнить устарѣвшій культъ Гете культомъ Мольтке, и что всякій порядочный нѣмецъ долженъ поставить въ своей бібліотекѣ сочиненія Мольтке рядомъ съ твореніями Шиллера. «Молодой германскій императоръ,—говоритъ его бывший учитель,—отлично понималъ въ юности, когда онъ былъ принцемъ, музыку Бетховена и Моцарта, восторгался картинами Ахенбаха и выражалъ искреннее сочувствіе ко всѣмъ художественнымъ произведеніямъ. Очутившись на престолѣ и среди жестокой борьбы за существованіе, онъ болѣе обращаетъ вниманіе на солдатъ и броненосцевъ, чѣмъ на увертюру «Леоноры», и прислушивается охотнѣе къ голосу Мольтке и Феликса Дана, чѣмъ Гоголя и Тургенева. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сознаетъ, какая тяжелая обуза лежитъ на

немъ и сколько энергіи ему требуется, чтобъ, находясь между наблюдающей за нимъ Россіей и смотрящей на него Франціей, сохранить то, что приобрѣли его предшественники. Онъ избралъ себѣ девизомъ: «Я удержусь», а это значитъ: я удержу побѣды моего дѣда, я буду, какъ онъ, воевать съ вѣшними и внутренними врагами, я буду могущественнымъ и всѣми уважаемымъ Гогенцоллерномъ. Что же удивительнаго въ такой перемѣнѣ?».

— Кровь Гогенцоллерновъ. Какъ извѣстно, Вильгельмъ II не упускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобъ превозносить до небесъ славную германскую кровь Гогенцоллерновъ, представителемъ младшей линіи которой онъ состоитъ, а въ извѣстной своей эрфуртской рѣчи въ прошедшемъ году онъ гордо противопоставилъ аристократическому величію своего чисто германскаго національнаго рода плебейское происхожденіе корсиканскаго авантюриста. На ту же тему онъ говорилъ недавно въ Зигмарингенѣ, на свадьбѣ наслѣдника румынскаго престола, сына главы старшей линіи Гогенцоллерновъ, принца Леопольда Гогенцоллерна Зигмарингенскаго. Но оказывается по исторической справкѣ французскаго публициста Фридерика Массона, напечатанной въ «Revue de Famille», что въ крови Гогенцоллерновъ и даже въ старшей его линіи дважды примѣшана французская кровь полу-аристократическая и полу-плебейская, и притомъ эта примѣсь совершена ради именно корсиканскаго авантюриста. При Людовикѣ XVI жилъ въ Парижѣ принцъ Сальмъ-Кирбургскій, который извѣстенъ тѣмъ только, что построилъ себѣ прекрасный дворецъ и отличался скупостью; когда вспыхнула революція, то онъ старался всячески доказать свою преданность новымъ принципамъ и сдѣлался депутатомъ Лотарингіи въ генеральныхъ штатахъ, а также начальникомъ баталіона парижской національной гвардіи, но все это ему не помогло, и онъ былъ казненъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Гогенцоллернской, отъ которой имѣлъ сына, служившаго впоследствии въ рядахъ Наполеоновской арміи и храбро сражавшагося противъ Пруссіи, а его сестра была замужемъ за принцемъ Антономъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскимъ и находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ графиней Жозефиной Богарна. Благодаря этой дружбѣ, когда Жозефина сдѣлалась женой перваго консула, а потомъ императрицей, принцесса Амалія пользовалась милостями корсиканскаго авантюриста, который возвратилъ сиротамъ князя Сальмъ-Кирбургскаго его помѣстья и создалъ для нихъ особое княжество въ Мюнстерскомъ епископствѣ, а принцевъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскихъ ввелъ въ составъ Рейнскаго союза. Мало того, онъ женилъ сына принцессы Амаліи, принца Карла, на племянницѣ Мюрата, короля неаполитанскаго, который былъ сыномъ кабатчика въ провинціальномъ французскомъ городкѣ. Эта молодая дѣвушка, по имени Антуанета была дочерью морскаго офицера, убитаго при Трафальгарѣ, и только по милости Наполеона называлась принцессой. Такимъ образомъ одинъ изъ предковъ теперешняго главы старшей линіи Гогенцоллерновъ женился на ней только потому, что она была племянницей любимаго корсиканскаго авантюриста, забывая чисто плебейскую кровь этой внучки французскаго кабатчика. Сынъ ея, принцъ Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій, былъ первымъ министромъ Пруссіи и женился на принцессѣ Жозефинѣ Баденской, дочери принцессы Стефаніи, которую удочерилъ Наполеонъ I изъ любви къ Жозефинѣ, такъ какъ она была двоюродной сестрой ея перваго мужа графа Богарна. Старшій сынъ этой четы, принцъ Леопольдъ,

именно тотъ Гогенцоллернъ, которому маршалъ Примъ предложилъ въ 1870 году испанскую корону, и кандидатурой котораго воспользовался Бисмаркъ для возбужденія войны между Пруссіей и Франціей. Одинъ изъ его братьевъ—король румынскій, а другой принцъ Фердинандъ—наслѣдникъ румынскаго престола, на свадьбѣ котораго германскій императоръ краснорѣчиво превозносилъ аристократическую германскую кровь Гогенцоллерновъ, забывая или не зная, что въ этой крови большая доля французской крови и притомъ чисто плебейской, такъ какъ теперешній глава старшей линіи Гогенцоллерновъ, принцъ Леопольдъ, и его братья—правнуки французскаго кабатчика.

— Прусская королева Луиза безъ легендарнаго лоска. Въ первомъ майскомъ номерѣ того же французскаго журнала «Revue de Famille» помѣщена статья Поля Ремера о частной жизни прусской королевы Луизы, о которой нѣмцы составили себѣ такую патріотическую легенду, что до сихъ поръ рука историка не рѣшалась дотронуться до величественнаго образа этой женщины, служащей для всякаго нѣмца олицетвореніемъ благородства, не останавливающагося ни передъ какими жертвами любви къ родинѣ. Рядомъ съ этой легендарной королевой Луизой, которой вслѣдъ за нѣмцами поклоняются и англичане, имѣется другое не менѣ легендарное о ней представленіе, созданное французами подъ впечатлѣніемъ своей Наполеоновской легенды и представляющее эту пламенную патріотку просто красавицей, думающей лишь о томъ, чтобъ нравиться. Для исполнѣнія справедливаго сужденія объ этой замѣчательной исторической личности слѣдуетъ, конечно, отрѣшиться отъ той и другой легенды, и только имѣть въ виду оцѣнку женщины, а не національной героини. Подобной цѣлью задался Поль Ремеръ въ своей небольшой, но интересной статьѣ, которая рельефно рисуетъ Луизу, какъ молодую дѣвушку, женщину и королеву въ частной жизни, при чемъ, по его собственному замѣчанію, если въ этой реальной картинѣ блѣднѣетъ легендарный ореолъ, то зато замѣняющій его терновый вѣнецъ человѣческихъ страданій служить лучшимъ украшеніемъ настоящей женщины, чѣмъ всякій ореолъ.

Королева Луиза, дочь принца Мекленбургскаго, рано лишилась матери и получила прекрасное воспитаніе у своей бабки въ Дармштатѣ; это была чрезвычайно умная женщина, другъ Гете и Шиллера, а потому скромная нѣмецкая принцесса, сама чинившая себѣ шелковыя туфли для бала, находилась въ обществѣ передовыхъ умовъ Германіи, которые отзывались о ней съ величайшимъ восторгомъ: такъ, Гете называлъ ее «вѣбеснымъ видѣньемъ», а Жанъ-Поль-Рихтеръ, посвящая ей свой романъ «Titan», превозноситъ ея красоту и грацію. Дѣйствительно, это была прелестная, умная, очаровательная молодая дѣвушка, съ пламенными стремленіями къ любви и всѣмъ удовольствіямъ жизни. Семнадцати лѣтъ, веселая, живая, беззаботная Луиза, любимымъ развлеченіемъ которой было качать воду во дворѣ скромнаго дома, въ которомъ она жила, вышла замужъ по обоюдному влеченію за наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма и сразу попала въ рутинную обстановку придворнаго этикета. Хотя эта впоследствии коронованная чета вела самую тихую, буржуазную, семейную жизнь, но рѣзкій контрастъ между серьезнымъ, молчаливымъ, меланхолическимъ и далеко не блестящимъ мужемъ и веселой, страстной, жаждущей сильныхъ ощущений женой, не могъ гарантировать полнаго счастья, по крайней мѣрѣ, Луизѣ. Впрочемъ,

въ минуты ея увлеченій она находила въ своемъ спокойномъ, добромъ, преданномъ мужѣ не ревнивца, а друга, который всегда тихо, нѣжно возвращалъ ее на путь долга. Первый ея романъ начался черезъ мѣсяць послѣ замужества, и героемъ его былъ принцъ Людвигъ-Фердинандъ, племянникъ Фридриха Великаго, «пруссійскій Алкивиадъ», какъ его всѣ называли за его блестящіе свѣтскіе успѣхи. Что произошло между ними, осталось навсегда неизвѣстнымъ, но статсъ-дама молодой принцессы, графиня Фоссъ, записала въ свой дневникъ слѣдующія знаменательныя слова: «Сегодня она уѣхала съ мужемъ въ Потсдамъ; она много плакала, но эти слезы были ея спасеніемъ». Во всякомъ случаѣ Луиза съ благодарностью къ добротѣ мужа вернулась къ нему и какъ въ этой первой романтической исторіи, такъ и въ послѣдующихъ, она съ помощью его постоянно одерживала верхъ надъ своей кожной кровью, которая побуждала ее сдѣлаться не идеальной героиней, а легкомысленной красавицей, по примѣру ея сестры, которая бѣжала изъ Берлина съ графомъ Сольмъ. «Это не статуя, а женщина»,—говорили про нее современники и, зная ея истинную натуру, тѣмъ болѣе цѣнили ея побѣды надъ собой. Какъ наследная принцесса и въ первые годы царствованія ея мужа, она не вмѣшивалась въ политику и вела себя очень просто, скромно, часто, однако, нарушая правила этикета къ ужасу придворныхъ. Она старалась ввести при дворѣ буржуазныя нравы и рѣзко возставала противъ роскошныхъ туалетовъ, предпочитая легкія кисейныя платья самымъ богатымъ костюмамъ. Такой же простой женщиной она была и въ своей роли матери, заботясь, чтобъ ея сыновья получили хорошее воспитаніе, но наравнѣ съ дѣтьми простыхъ смертныхъ. Она была чрезвычайно добра къ бѣднымъ и, посѣщая лично самыя отвратительныя трущобы, говорила: «Не слѣдуетъ обсуждать вопроса: стоитъ ли помощи тотъ или другой бѣдный? Какъ можно разрѣшить подобный вопросъ, когда границы отвѣтственности за свои несчастья и неотвѣтственности совершенно перешаганы».

Впервые сознаніе, что она королева, пробудилось въ Луизѣ въ 1805 году передъ роковой войной съ Франціей. Король обнаруживалъ болѣе чѣмъ когда либо слабость и нерѣшительность: дворъ былъ раздираемъ интригами противъ и въ пользу войны; тогда-то королева поняла, что долгъ предписывалъ ей дѣйствовать въ пользу своей родины, и первымъ ея шагомъ на этомъ пути было заключеніе союза Пруссіи съ императоромъ Александромъ. Во время его пріѣзда въ Берлинъ она окружила его всѣми чарами своей красоты и кокетства. Ея усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и она могла гордиться своимъ первымъ триумфомъ. Впрочемъ, къ этому триумфу королевы примѣшивалось и удовлетворенное самолюбіе женщины, потому что только впоследствии несчастья научили ее быть исключительно королевой и подчинять свою красоту и кокетство требованіямъ политики. Результатъ ея побѣды былъ, однако, печальный. Наполеонъ уничтожилъ Пруссію, и король въ своемъ безпомощномъ положеніи послалъ въ Тильзитъ королеву, чтобъ добиться если возможно менѣе тягостныхъ условій мира. Она рѣшилась на эту тяжелую жертву и для пользы родины ввѣлась очаровать побѣдителя. Но, не смотря на ея великолѣпные туалеты и всѣ чары ея кокетства, Наполеонъ не поддался, хотя онъ самъ говоритъ, что упалъ бы въ разставленныя сѣти этой прелестной красавицы, еслибъ король грубымъ, неосторожнымъ словомъ не нарушилъ ея магическаго обаянія. Исторія со-

хранила слова королевы, которая она произнесла, взявъ изъ рукъ Наполеона розу: «По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ вмѣстѣ Магдебургъ, ваше величество». Дѣйствительно, крѣпость Магдебургъ была ставкой въ этой игрѣ между кокетливой красавицей и самымъ могущественнымъ человѣкомъ своего времени. «Вы меня жестоко обманули, ваше величество»,—были послѣднія слова, сказанныя Наполеону королевой, которая безъ всякой пользы принесла въ жертву побѣдителя свое достоинство. Въ третій разъ Луиза пожертвовала собой изъ политическихъ цѣлей въ 1808 году, предпринявъ путешествіе съ мужемъ въ Петербургъ. Пруссія издыхала, и только одинъ Александръ могъ ее спасти. Королева, не смотря на свои нравственные и физическія страданія, всячески старалась роскошными туалетами и вызывающимъ кокетствомъ, которое подавало поводъ къ злымъ сплетнямъ, поддержать чары своей уже увядшей красоты. «Она заглушала въ себѣ голосъ гордости, даже нравственности,—говоритъ Поль Ремеръ,—и отбросивъ всякое чувство, которое могло бы ее сдержать, стремилась только къ исполненію того, что она считала своимъ долгомъ, какъ королевы въ отношеніи своего народа. Тутъ она выказала такой патріотизмъ, который вполне оправдываетъ культъ нѣмцевъ къ ея легендарной личности». Вернувшись въ отечество, она всеми силами старалась содѣйствовать поднятію національнаго духа въ Пруссіи и служила посредникомъ между королемъ и Штейномъ. Но среди этой плодотворной дѣятельности она созавала, что все было кончено для нея: «Я ничего не надѣюсь увидѣть хорошаго въ своей жизни,—писала она незадолго до своей преждевременной смерти:—я сдалась на капитуляцію, и если не могу похвастаться счастьемъ, то спокойно покоряюсь своей судьбѣ. Все случилось такъ, какъ должно было случиться. Провидѣнію угодно создать въ свѣтѣ новые порядки, и все старое безвозвратно погнбло». Дѣйствительно, королева Луиза умерла въ 1810 году и не видала ни обновленія Пруссіи, ни торжества своей родины надъ ея заклятымъ врагомъ, но славный образъ этой патріотической мученицы былъ путеводной звѣздой прусской арміи въ 1813 и 1815 годахъ, когда на полѣ битвы многіе нѣмецкіе солдаты умирали съ ея именемъ на устахъ.

— Эльзаскій вопросъ и Гамбетта. Извѣстный французскій писатель Жанъ Мазэ, авторъ «Исторіи кусочка хлѣба» и основатель общества распространенія народныхъ бібліотекъ во Франціи, недавно выставившій свою кандидатуру на академическое кресло послѣ смерти Тэна, обнародовалъ въ «Revue Nouvelle» отъ 15-го апрѣля историческій документъ, рельефно освѣщающій вопросъ объ Эльзасѣ до прусско-французской войны. Это декларация, подписанная двадцатью пятью эльзацами и двадцатью пятью нѣмцами, преимущественно изъ сосѣдняго Бадена, 19-го мая 1867 года, когда вслѣдствіе побѣды подъ Садовой отношенія между Пруссіей и Франціей обострились, и въ воздухѣ стало пахнуть войной: «Нижеподписавшіеся жители обѣихъ сторонъ Рейна,—говорится въ ней:—энергично отвергаютъ всякую идею о насильственномъ присвоиваніи однимъ народомъ власти надъ другимъ и торжественно высказываются противъ проповѣди ненависти и войны, съ какой бы стороны она ни появилась среди нихъ. Они полагаютъ, что достаточно каждой странѣ заботиться о своемъ собственномъ прогрессѣ, о расширеніи числа своихъ полноправныхъ гражданъ и о примѣненіи своихъ патріотическихъ стремленій къ упроченію народнаго блага безъ

того, чтобъ искать случая доказать величіе національной чести и превосходство своей расы на полѣ брани. Они приглашаютъ всѣхъ своихъ согражданъ, которые раздѣляютъ ихъ взгляды, присоединиться къ нимъ для образованія въ обѣихъ странахъ партіи мира, единственно честнаго и надежнаго, такъ какъ онъ будетъ основанъ на общемъ уваженіи и братской помощи». Это движеніе, начатое масонскими ложами въ Эльзасѣ, имѣвшими прямыя сношенія съ нѣмецкими ложами, сперва пошло успѣшно, и страсбургскій комитетъ быстро собралъ тысячу подписей, но кельнскій, не смотря на то, что въ немъ засѣдали такіе люди, какъ знаменитый юристъ Блунчли, получилъ предписаніе отъ великой ложи въ Берлинѣ прекратить всякую пропаганду, а затѣмъ и самый вопросъ кануль въ воду. Рассказывая объ этомъ неизвѣстномъ эпизодѣ отношеній между Эльзасомъ и Германіей, Жанъ Масэ, самъ эльзасецъ, доказываетъ историческими справками, что его родина никогда не считала себя насильственно отторгнутой отъ Германіи, и что дѣйствительно ее уступили Франціи протестантскіе князья сѣверной Германіи, во главѣ которыхъ находился курфюрстъ бранденбургскій, предокъ императора Вильгельма, за помощь, оказанную ему кардиналомъ Ришелье въ ихъ борьбѣ противъ общаго врага—Австріи. Добровольно уступленный такимъ образомъ нѣмцами Эльзасъ съ 1648 года до французской революціи спокойно жилъ рядомъ съ Франціей, пользуясь ея покровительствомъ, но не составляя съ нею одной семьи и болѣе имѣя дѣло съ своими феодальными владѣльцами, чѣмъ съ французскимъ правительствомъ, которое вовсе не вмѣшивалось въ его внутреннія дѣла. Но когда 14-го іюля 1789 года Франція уничтожила у себя всѣ остатки средневѣковаго феодализма, которые сохранились наиболѣе въ Эльзасѣ, то эта маленькая страна отдалась тѣломъ и душой Франціи, которая, освободивъ ее отъ вѣковаго гнета феодальныхъ владѣтелей, стала теперь для нея настоящимъ отечествомъ, и для защиты его эльзасцы не жалѣли своей крови въ борьбѣ съ тѣми самыми нѣмцами, которые впоследствии вздумали разыгрывать роль освободителей этого, будто бы силой отнятаго уголка германскаго отечества. Вотъ почему,—замѣчаетъ Масэ,—Эльзасъ, соединенный неразрывными узами съ Франціей не Вестфальскимъ миромъ, а революціей, до сихъ поръ, не смотря ни на что, не хочетъ признавать другой родины, какъ Францію. Что касается до нѣмцевъ, то, по мнѣнію автора, они до 1848 года никогда не питали мысли о захватѣ Эльзаса силою отъ Франціи, и только подъ влияніемъ реакціи, господствовавшей въ Германіи послѣ неудачнаго либеральнаго движенія того времени, возбужденнаго февральской революціей, стала распространяться легенда о вавилонскомъ плѣнѣ эльзасцевъ. Такимъ образомъ Масэ прямо высказываетъ ту мысль, что германскій народъ овладѣлъ Эльзасомъ въ совершенномъ невѣдѣніи настоящаго смысла Эльзасскаго вопроса и этимъ завоеваніемъ связалъ себя по рукамъ и по ногамъ, такъ какъ никакое новое либеральное движеніе въ Германіи не мыслимо, пока нѣмцы находятся подъ ключемъ въ прусской казармѣ.

Какъ извѣстно, Гамбетта всегда имѣлъ въ виду возвращеніе Франціи Эльзаса и Лотарингіи, если не путемъ войны, то дипломатическими переговорами. Въ «*Revue Illustrée*» неизвѣстный авторъ статьи о тайной политикѣ Гамбетты, очевидно, близко знакомый со всѣми фактами, о которыхъ онъ рассказываетъ, приводитъ очень характерныя бесѣды Гамбетты по этому вопросу съ графомъ Генкелемъ-Донерсмаркомъ, довѣреннымъ лицомъ Бис-

марка, и кардиналомъ Часки, папскимъ нунціемъ въ Парижѣ. Первая изъ этихъ бесѣдъ произошла въ 1876 году и была подготовлена, благодаря посредничеству Криспи, который, узнавъ отъ одного изъ друзей Гамбетты о желаніи послѣдняго поставить вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи на дипломатическую почву, переговорилъ объ этомъ съ германскимъ посланникомъ въ Римѣ барономъ Кеделемъ, и спустя нѣсколько дней къ Гамбеттѣ неожиданно явился германскій посланникъ въ Парижѣ съ неизвѣстнымъ господиномъ. «Имѣю честь представить вамъ графа Генкеля-Донерсмарка,—сказалъ онъ:—графъ пользуется полнымъ довѣріемъ князя Бисмарка, которому извѣстны ваши идеи о мирномъ возвратѣ Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Онъ желалъ бы, чтобъ вы изложили подробно ваши мысли по этому предмету графу Генкелю и условились бы съ нимъ о свиданіи съ княземъ Бисмаркомъ. Прощайте, я не хочу мѣшать вашему разговору». Бесѣда между импровизированными представителями Франціи и Германіи продолжалась долго. Графъ Генкель высказалъ, что, «можетъ быть, была возможность уладить дѣло о Лотарингіи, но не раньше смерти стараго императора, а на счетъ Эльзаса не возможно было и начинать никакого дипломатическаго разговора. Прощаясь съ своимъ собесѣдникомъ, Гамбетта резюмировалъ весь смыслъ ихъ разговора въ слѣдующихъ словахъ: «Скажите князю Бисмарку, что когда бы ни состоялось наше свиданіе, на которое онъ проситъ моего согласія, я буду говорить съ нимъ только объ одномъ вопросѣ: о возвратѣ Франціи Эльзаса и Лотарингіи дипломатическимъ путемъ; если онъ желаетъ объясниться со мною по этому грустному вопросу, и только по этому вопросу, то я согласенъ на просимое имъ свиданіе». По словамъ автора статьи, этого свиданія никогда не состоялось, хотя много говорили и даже писали о тайномъ посѣщеніи Гамбеттой Бисмарка въ Фридрихсру. Бесѣда съ папскимъ нунціемъ происходила въ 1881 году тотчасъ послѣ образованія министерства Гамбетты, въ которомъ онъ взялъ себѣ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Нунцій вмѣстѣ съ другими посланниками сдѣлалъ официальный визитъ новому министру и, удаляясь, сказалъ въ полголоса, что имѣетъ сообщить ему кое-что конфиденціальное отъ имени папы. Черезъ полчаса Гамбетта посѣтилъ его и съ удивленіемъ узналъ, что папа согласенъ помочь ему всѣми силами возвратить Франціи Эльзасъ и Лотарингію подъ условіемъ, чтобъ французское правительство прекратило свою анти-клерикальную политику. Но на самомъ интересномъ мѣстѣ разговоръ ихъ былъ прерванъ новымъ посѣтителемъ, а когда при слѣдующемъ свиданіи съ Гамбеттой нунцій хотѣлъ его возобновить, то Гамбетта, переставшій уже быть первымъ министромъ, отказался отъ всякихъ разговоровъ на эту тему подъ тѣмъ предлогомъ, что его роль теперь состояла лишь въ ожиданіи событій.

Воспоминанія рабочаго о Карлѣ Марксѣ. По случаю десятилѣтней годовщины со смерти Карла Маркса, 14-го марта настоящаго года нѣмецкій журналъ «Die Neue Zeit» помѣстилъ статью Фридриха Леснера, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ авторомъ «Капитала» въ продолженіе многихъ лѣтъ и сообщаетъ интересныя о немъ свѣдѣнія. Впервые онъ познакомился съ Марксомъ въ Лондонѣ, гдѣ работалъ тогда въ качествѣ портного и исполнялъ скромную обязанность разсылнаго для передачи знаменитаго манифеста Маркса и Энгеля въ типографію, такъ какъ никто посторонній, кромѣ делегатовъ, не допускался на совѣщанія, на которыхъ обсуждался этотъ манифестъ. Въ слѣдующемъ году Леснеръ про-

должалъ играть такую же незначительную роль, но уже въ Кельнѣ, гдѣ Марксъ и Энгель издавали «*Neue Rheinische Zeitung*», онъ разносилъ по городу номера этой газеты и читалъ рабочимъ выдающіяся въ ней статьи. При изгнаніи Маркса изъ Кельна онъ раздѣлилъ его судьбу, а потомъ пять лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Только въ 1856 году его выпустили на свободу, и онъ вернулся въ Лондонъ, гдѣ принялъ участіе въ учрежденіи Международной Ассоціаціи, членомъ общаго совѣта которой онъ долго состоялъ. Тутъ онъ вошелъ въ тѣ дружескія отношенія съ Марксомъ, которыя сохранилъ до смерти послѣдняго. По его словамъ, Марксъ придавалъ большое значеніе личнымъ бесѣдамъ съ рабочими и всегда съ любопытствомъ добивался узнать ихъ мнѣнія о стоявшихъ на очереди социальныхъ вопросахъ. Онъ никогда не пропускалъ ни одного засѣданія совѣта ассоціаціи, а потомъ вмѣстѣ съ членами этого совѣта переходилъ въ маленькую приличную таверну и тамъ за кружкой пива продолжалъ обсужденіе принциповъ, лежавшихъ въ основѣ руководимаго имъ движенія. Даже возвращаясь домой, большею частью съ Леснеромъ, онъ говорилъ о рабочемъ вопросѣ и преимущественно о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, который вошелъ въ его программу съ 1866 года. Марксъ тогда жилъ въ Гаверстокѣ, и его домъ былъ всегда открытъ сочувствовавшимъ ему лицамъ; его жена, красивая женщина высокаго роста, очень умная и любезная, принимала всѣхъ приходившихъ къ ея мужу одинаково привѣтливо. Вообще, по свидѣтельству Леснера, пріятные часы, проведенные въ этомъ домѣ, никогда не забудутся лицами, бывавшими въ скромномъ Гаверстокекомъ жилищѣ. Три дочери Маркса отличались съ юности пламеннымъ сочувствіемъ къ рабочему классу; онъ не терпѣлъ атрибутовъ родительской власти и былъ всегда только другомъ, совѣтникомъ и товарищемъ своихъ дѣтей. Впрочемъ онъ питалъ глубокое сочувствіе и нѣжную любовь ко всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія. Леснеръ, постоянно гулявшій и бесѣдовавшій съ нимъ, говорить, что онъ былъ чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ, который невольно очаровывалъ всѣхъ слушавшихъ его. Онъ очень чутко относился къ распространенію своихъ идей и приходилъ въ восторгъ отъ всякой подобной побѣды: такъ, къ 1863 году при выходѣ русскаго перевода перваго тома его «Капитала» онъ устроилъ праздничный банкетъ для своихъ друзей.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русскія волшебныя сказки въ англійскомъ переводѣ.—Воспоминанія о графѣ Толстомъ.—Репортеръ въ Ясной Полянѣ.—Нѣмецкій авантюристъ XVII вѣка въ Москвѣ.—Финны въ древнія времена.—Англичанинъ на Араратѣ.—Египетская принцесса и англійская гувернантка.—Дѣти бѣдняковъ въ Нью-Йоркѣ.— Китайскія повѣсти.—Гиксосы въ Египтѣ.—Анекдоты XVIII столѣтія.

КЪ СБОРНИКАМЪ славянскихъ, преимущественно русскихъ сказокъ, переведенныхъ на англійскій языкъ Вратиславомъ Кортиномъ и миссъ Годжетъ, прибавился переводъ Нисбета Бэна волшебныхъ сказокъ, выбранныхъ изъ Полевого: «Russian fairy tales, selected and translated from the skazki of Polevoi, by R. Nisbet Bain». Переводчикъ говоритъ въ предисловіи, что для дѣтей всѣ подобныя народныя сказки должны быть переработаны (manipulated), но вѣдь отъ всякой литературной обработки уменьшается ихъ значеніе, какъ народнаго творчества, теряется ихъ оригинальная наивность и свѣжесть. Такого рода передѣлкѣ подверглись лѣтъ сорокъ тому назадъ чешскія сказки Божены Нѣмцовой, и съ тѣхъ поръ вошла въ моду подобная работа. Ею занялся и П. Н. Полевой, переработавъ собраніе народныхъ сказокъ Аонасьева. Англійскій критикъ называетъ П. Н. Полевого «однимъ изъ неутомимыхъ русскихъ авторовъ», хвалитъ его «Художественную Россію» и особенно «Исторію русской литературы», которая будетъ жить дольше «Исторіи рускаго народа» его отца. Допустивъ обработку народныхъ преданій г. Полевымъ, необходимо принять и обдѣлку ихъ переводчикомъ согласно съ требованіями англійской публики, и трудъ Бэна явится вполнѣ литературнымъ. Въ русскихъ сказкахъ предоставляется полный просторъ восточной фантазіи, для которой нѣтъ ничего невозможнаго, совершающей подвиги, невысказанные для другихъ народовъ. Ни одинъ народъ не живетъ въ такой тѣсной связи, не ведетъ такихъ интимныхъ бесѣдъ съ окружающими его животными, какъ русскіе. Героини этихъ сказокъ—писанныя красавицы, заключенныя злымъ волшебникомъ, погруженныя въ очарованный сонъ въ неприступныхъ замкахъ до которыхъ

не легко добратъся храброму витязю, какъ пушкинскому Руслану. Надобно было много смѣлости и поѣту, чтобы заставить петербургскіе салоны читать сказки, рассказанныя его няней, перенести ихъ въ литературу изъ крѣпостного міра. Героями сказокъ у Бэна являются Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Кащей безсмертный, Баба-Яга, Морозко, прототипъ Некрасовской повмы. Бэнь находитъ, что русскія сказки гораздо выше нѣмецкихъ и по содержанію и по изложенію, и нѣмцы, покоряя славянскія плена, напрасно присвоили себѣ многія изъ славянскихъ преданій.

— Книга г. Берса «Воспоминанія о графѣ Львѣ Толстомъ» переведена на англійскій языкъ г. Тернеромъ, лекторомъ этого языка въ Петербургѣ. Авторъ присоединилъ къ ней письмо къ французскимъ женщинамъ о Крейцеровой сонатѣ. (*Recollections of count Leo Tolstoj, together with letter to the women of France, by C. A. Behrs. Translated from the russian by Charles Edward Turner, english lecturer at St. Petersburg.*) Англійская критика говоритъ, что гр. Толстой несомнѣнно самая интересная личность въ современной Россіи. Онъ такъ оригиналенъ, такъ независимъ, такой настоящій русскій человекъ и въ то же время такой космополитъ, что нельзя не принимать живѣйшаго участія во всемъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ. Проповѣдуетъ ли онъ евангеліе первобытнаго христіанства, или возстаетъ противъ учрежденія брака, какъ мы понимаемъ его и какимъ онъ является въ нашихъ романахъ вмѣстѣ съ теоріей любви, раздастъ ли онъ обильныя пособія голодающему крестьянству своей страны, возстаетъ ли противъ недостатковъ и несправедливостей мѣстнаго управленія, пишетъ ли прекрасные рассказы, полные тонкаго и глубокаго анализа—всегда Толстой обращаетъ на себя вниманіе не только Россіи, но Европы и Америки. Что же привлекаетъ весь міръ къ этому человеку? Онъ не такой великій стилистъ, какъ Тургеневъ, но онъ вполне искренній и гуманный писатель. Поэтому все, что онъ говоритъ, вся его домашняя жизнь не можетъ не имѣть важнаго значенія, и если онъ не такъ остроуменъ, какъ Вольтеръ, то конечно, высказываетъ вѣрныя и любопытныя замѣчанія о лицахъ и предметахъ, и если въ этомъ отношеніи мы не находимъ въ книгѣ г. Берса ничего особенно выдающагося, въ этомъ уже вина не гр. Толстого. Въ книгѣ говорится больше всего о простотѣ его жизни, дѣйствительно привлекательной по своей искренности и непринужденности, о томъ, что писатель любитъ игры и нерѣдко беретъ у усталого косаря косу и работаетъ не хуже его, не какъ дилетантъ, а съ полнымъ знаніемъ дѣла. Г. Берсъ, на сестрѣ котораго жевать графъ, могъ бы привести изъ его жизни и болѣе интересные факты. Что онъ совершенно счастливъ въ своей семейной жизни, это мы знали и до воспоминаній г. Берса, прибавляющаго только, что графиня была помощницею мужа въ его литературныхъ трудахъ и въ теченіе восьми лѣтъ, когда писался романъ «Война и миръ», семь разъ переписывала его, занимаясь въ то же время воспитаніемъ четверыхъ дѣтей. Она одна только въ состояніи разобрать гіероглифы рукописей своего мужа. Берсъ говоритъ, что Толстой самъ училъ своихъ дѣтей, никогда не наказывая, если они дурно знали уроки, но награждая, если учились хорошо. Но названіе «христіанскаго Руссо», придаваемое Берсомъ нашему писателю, вовсе не характеризуетъ его. Въ статьѣ Берса о Крейцеровой сонатѣ видно полное согласіе со взглядами автора, а между тѣмъ изъ предисловія книги видно, что, бывши прежде безуслов-

нымъ поклонникомъ Толстовскаго ученія, переводчикъ вполсѣдствіи разошелся съ нимъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. Странными и несогласными съ убѣжденіями Л. И. Толстого кажутся намъ также слова его, когда г. Берсъ, собиравшійся поступить въ монахи, спросилъ, вѣрять ли онъ въ будущую духовную жизнь, и писатель отвѣчалъ ему: относительно этого я ничего не знаю и не знаю. Въ цѣломъ книга Берса, впрочемъ, весьма замѣчательна.

— Репортеръ Cornhill Magazine'a передаетъ о своемъ свиданіи съ гр. Толстымъ слѣдующія подробности: въ домѣ была только дочь графа, Марія, воспитанная въ идеяхъ отца, похожая на него серьезностью и характеромъ и исполняющая должность его секретаря. Появленіе репортера произвело небольшое волненіе: послѣ статьи «Московскихъ Вѣдомостей», утверждавшихъ, что писатель въ статьѣ своей, въ Daily News, волнуеъ крестьянъ, враги гр. Толстого стали кричать, что его слѣдуетъ отправить въ Сибирь или въ домъ сумасшедшихъ. Извѣстія объ этомъ уже появились въ иностранныхъ газетахъ, и нужно было употребить власть, чтобы заставить молчать клеветниковъ. Писатель говорилъ репортеру, что не видитъ причины, для чего люди соединяются въ общей молитвѣ, когда каждый можетъ молиться отдѣльно и втайнѣ, что русскіе крестьяне исповѣдуютъ непротивленіе злу и терпѣніе; слѣдуетъ больше обращать вниманіе на жизнь, чѣмъ на формы и обряды. Все свое имущество Толстой хотѣлъ сначала отдать бѣднымъ, потомъ отдалъ женѣ и дѣтямъ, не оставивъ себѣ ни копейки. «Большое заблужденіе,—говоритъ онъ,—думать, что сердце у человѣка дурное. Въ самой испорченной натурѣ есть всегда искра добра, и намъ дано вызвать его. Гаррисонъ и Беллоу проповѣдуютъ это ученіе въ Америкѣ съ большимъ успѣхомъ, и ему вѣрять штундисты и менониты саратовскихъ колоній». Графъ говоритъ также, что готовитъ новую книгу «Война и правительство». Объ этомъ предметѣ есть уже на нѣмецкомъ языкѣ замѣчательное сочиненіе; въ немъ говорится, что болѣе сотни австрійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ объявили, что убивать ближнихъ противно ихъ совѣсти. Война между націями смѣшна и не логична, и отъ нея слѣдуетъ отказаться. Толстой прибавилъ, что не можетъ отказаться отъ своей миссіи, къ которой его приковываетъ долгъ или слабость. «Какъ Моисей на горѣ Хоривъ, я не увижу плодовъ моихъ усилій, никогда не узнаю, худо или хорошо я поступалъ. Думаю однако, что все это только пальятивныя средства».

— Бывшій студентъ русскаго университета, Пирлингъ, сдѣлавшійся іезуитомъ и написавшій нѣсколько любопытныхъ историческихъ изслѣдованій о сношеніяхъ Россіи съ Западною Европой, издалъ монографію «Докторъ-дипломатъ Лаврентій Рингуберъ съ береговъ Рейна» (Un medecin diplomate Laurent Rinhuber de Reinufer). Это былъ одинъ изъ авантюристовъ, пытавшихся въ царствованіе Алексѣя Михайловича эксплуатировать Московію, какъ непочатый край. У насъ онъ прослужилъ всего полтора года, какъ «докторъ», а потомъ силлся разыгрывать роль дипломата, съ единственною цѣлью нажиться. Въ немъ не было никакихъ особенныхъ достоинствъ; онъ не отличался даже ни ловкостью, ни пронырливостью, ничего не достигъ и не успѣлъ никого обморочить. Поэтому не стоило обращать вниманія на эту ничтожную личность, а между тѣмъ о немъ явилось одновременно четыре изслѣдованія: Пирлинга въ Парижѣ, профессора Брикнера, Цвѣтаева въ Москвѣ и анонимнаго автора въ Готѣ.

И у литературныхъ проходимцевъ есть своя судьба. Рингуберъ не доучился медиции въ Лейпцигѣ, но былъ, всетаки, приглашенъ Блументростомъ на службу въ Москву, куда прибылъ въ 1668 году. Его, однако, скоро разгадали, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ занятія медициной и сдѣлался учителемъ. Въ 1673 году онъ отправился курьеромъ съ посольствомъ въ Италію, потомъ поступилъ на службу къ герцогу Саксенъ-Готскому Эрнсту, отправившему его вторично въ Россію въ качествѣ дипломата. Рингуберъ представилъ Матвѣеву 20 статей о реформахъ, необходимыхъ для Россіи, а по недостатку въ ней свѣдущихъ людей предложилъ выписать ихъ изъ Саксоніи. Царь послалъ къ Эрнсту подъячаго Протопопова съ Рингуберомъ для устройства соглашенія. Переговоры не привели ни къ чему, Рингуберъ вернулся въ Москву, обиженный герцогомъ и русскимъ посломъ, не успѣвши содрать съ нихъ, что можно, но оставилъ Россію, сѣзидилъ зачѣмъ-то въ Шотландію, потомъ явился въ Вѣнѣ и предложилъ свои услуги Австріи, а въ 1675 году явился снова въ Москвѣ въ качествѣ австрійскаго доктора и переводчика. Посольство черезъ полгода вернулось въ Вѣну ни съ чѣмъ, но Рингуберъ остался въ Москвѣ въ званіи доктора. Черезъ полтора года его, однако, уволили отъ царской службы. Рингуберъ сдѣлался настоящимъ бродягой, скитался по Англіи, Франціи, Италіи, а въ 1679 году явился въ Римѣ отступникомъ отъ лютеранства и ярымъ католикомъ. Онъ предлагалъ свои услуги для окатоличенія Россіи и въ слѣдующемъ году былъ отправленъ въ Варшаву къ папскому нунцію, но въ 1681 году очутился въ Парижѣ и въ вѣрноподданническомъ письмѣ къ Людовику XIV предлагалъ ему свое посредничество для открытія торговыхъ сношеній съ Россіей. Потерявъ и тутъ неудачу, онъ въ концѣ года уѣхалъ въ Саксонію и выпросилъ у курфюрста мѣсто доктора, перейдя опять изъ католичества въ лютеранство. За это въ 1684 году его еще разъ отправили съ посольствомъ въ Москву. Тамъ за опіску въ царскомъ титулѣ посольскій приказъ пригрозилъ ему ссылкой въ Сибирь, но его выручилъ князь Голицынъ, любимецъ правительницы Софьи. Но Рингуберъ на этотъ разъ поторопился оставить Россію и, вернувшись въ Саксонію, пропалъ безслѣдно для исторіи, гдѣ уже болѣе не встрѣчается его имя. Врядъ ли стоило возобновлять для потомства и то, что знали современники о пройдохѣ-авантюристѣ.

— Вышло изслѣдованіе финскаго народа въ древнія времена (*The people of Finland in archaic times*), составленное преимущественно по источникамъ, представляемымъ Калевалой. Много легендъ взято прямо изъ этой народной поэмы финновъ, похижденія полубоговъ Вайнемейнена, Ильмаринена и Лемменкайнена, дочери радуги Пойолы и др. Авторъ изслѣдованія Браунъ не опредѣляетъ времени происхожденія этихъ легендъ, обработанныхъ Топеліусомъ въ 1822 году и Лёнротомъ въ 1835-мъ, но находитъ въ нихъ и слѣды христіанскихъ преданій, какъ, напримѣръ, исторія Маріатты, дѣвы-матери, родившей ребенка въ хлѣву. Въ числѣ древнихъ обычаевъ Браунъ говоритъ и о баняхъ, общихъ для обоихъ половъ, гдѣ нерѣдко среди горячаго пара отъ поливки водою раскаленныхъ камней финскія женщины разрѣшались отъ бремени среди нагихъ мужчинъ. Авторъ говоритъ, что племя суоми, или финское, явилось на берегахъ Балтійскаго моря и Ладожскаго озера не раньше конца VIII и начала IX вѣка. До него Финляндія была занята лапландцами (саами) и еще раньше іотунами. Но нельзя вслѣдъ за авторомъ видѣть въ племени *fenii* Тацита финновъ, или

признавать ихъ отраслью индоевропейскихъ аріевъ, пришедшихъ изъ Литвы. Напротивъ, путь финновъ можно прослѣдить до средняго теченія Волги и далѣе до страны между Ураломъ и Алтаемъ. Финны принадлежатъ несомнѣнно къ туранскому племени. Сходство ихъ съ короткоголовыми монголами очевидно. Языкъ ихъ также принадлежитъ къ группѣ туранскихъ нарѣчій, и напрасно д-ръ Браунъ ведетъ потомство Ноя отъ Аарата въ Финляндію, чтобы доказать происхожденіе ея жителей отъ праотца. Авторъ также мало говоритъ о родствѣ ихъ съ мадырами, этой помѣсью гунновъ и разныхъ туранскихъ племенъ, занявшею послѣ Аттилы плодородныя равнины Панноніи. Но, кромѣ вопросовъ спорныхъ и малодоказательныхъ, въ книгѣ Брауна много интересныхъ фактовъ и подробностей.

— Какой-то спеціальный корреспондентъ описываетъ свои впечатлѣнія «въ странѣ Аарата, или на кровлѣ міра» (*The land of Ararat or up the roof of the world. By a special correspondent*). Корреспондентъ это върядъ ли видѣлъ вблизи эту кровлю, зато спеціально обсуждаетъ отношенія турокъ къ армянамъ и курдамъ и разные политическіе вопросы. Онъ говоритъ также о своемъ путешествіи изъ Трапезунта въ Эрзерумъ, потомъ отъ Карса и Александрополя до Закаспійской дороги и отъ Тифлиса до Батума. Странствовалъ онъ зимою 1891—1892 года, когда земля покрыта снѣгомъ, и потому «долженъ былъ ограничить свои наблюденія», но онъ много говоритъ о неудобствахъ и затрудненіяхъ въ пути, хотя вездѣ доволенъ приемомъ властей. Онъ рассказываетъ также объ угнетеніи христіанъ курдами и черкесами, оставившими русскія владѣнія. Турки преслѣдуютъ армянъ за то, что они держатъ сторону Россіи, но если бы ими управляли безъ притѣсненій, они охотно примирились бы съ турецкимъ владычествомъ. Въ турецкой Арменіи нѣтъ сплошнаго первобытнаго населенія, и потому она не можетъ быть самостоятельною. Можно бы спросить автора: почему же это? но подобныхъ вопросовъ пришлось бы дѣлать немало по многимъ предметамъ въ книгѣ, гдѣ любопытны только нѣкоторыя подробности, но общіе выводы и заключенія автора весьма шатки и несостоятельны.

— Любопытны «Воспоминанія египетской принцессы, записанныя ея англійской гувернанткой во время пятилѣтнаго пребыванія при дворѣ хедива Исмаила-паши». (*Recollections of an egyptian princess by her english governess, beeing a record of five years residence at the court of Ismail-pasha, khedive*). О семействѣ Мегмета-Али мистрисъ Пуль написала 50 лѣтъ назадъ интересную книгу: «Англійская женщина въ Египтѣ», и съ тѣхъ поръ только въ 1865 году мистрисъ Лоттъ, гувернантка дѣтей Ибрагима-паши, сына хедива Исмаила, издала книгу о египетскомъ дворѣ. Теперь съ подобнымъ же сочиненіемъ является миссъ Ченнель, воспитательница, потомъ подруга принцессы Зейнебы, дочери хедива. Она провела пять лѣтъ въ гаремѣ, въ семьѣ хедива, и только теперь рѣшилась обнародовать свои воспоминанія, относящіяся къ 1871—1876 годамъ, когда низвергнутый Исмаиль, заключенный въ Эмиргіанскомъ дворцѣ на Босфорѣ, потерялъ уже надежду вернуться въ Египетъ. Теперь воспитаніе мусульманскихъ женщинъ европейскими гувернантками—обыкновенное дѣло, но въ семидесятыхъ годахъ это была смѣлая реформа. Миссъ Ченнель жила сначала въ опустѣлой виллѣ близъ Каира, куда за ней привозили на уроки въ закрытыхъ экипажахъ, въ сопровожденіи свиты, принцесу Зейнебъ и черкешенку Копсесъ. Обѣ онѣ уже умерли. Когда имъ

было 13 лѣтъ, ихъ заключили въ гаремъ, куда переселилась и миссъ Ченнель. 15-ти лѣтъ Зейнебу выдали замужъ, и она просила свою воспитательницу не покидать ее въ новой жизни. Ченнель описываетъ Каиръ, Ниль, пирамиды, Эмиргіанскій дворець, куда Измаиль ѣздилъ каждое лѣто. Замужемъ Зейнеба, воспитанная въ европейскіхъ идеяхъ, была плохой мусульманкой, не соблюдала поста рамазана, не читала ежедневно положенныхъ молитвъ, носила парижскіе туалеты, платья въ 7.000 рублей, играла въ безикъ въ священные дни и давала своимъ гостямъ европейскіе обѣды, на которыхъ открыто пила вино. Но миссъ Ченнель была единственною свободою женщиною въ домѣ, всѣ остальные были рабыни. Между ними были музыкантши, танцовки, пѣвицы, стоявшія иногда очень дорого, до десяти тысячъ; черную работу исполняли негрятки. Рабыни были безотлучно при своей госпожѣ, и она не могла ни съ кѣмъ говорить иначе, какъ въ ихъ присутствіи. Гаремная жизнь непомѣрно скучна и въ ней укоренились невозможные беспорядки, не смотря на надзоръ сотни евнуховъ, самыхъ лѣнивыхъ существъ и почти постоянно спящихъ. Много любопытныхъ чертъ передаетъ миссъ Ченнель объ этой жизни въ домѣ своей бывшей ученицы, умершей неожиданно отъ тифозной горячки въ 1875 году.

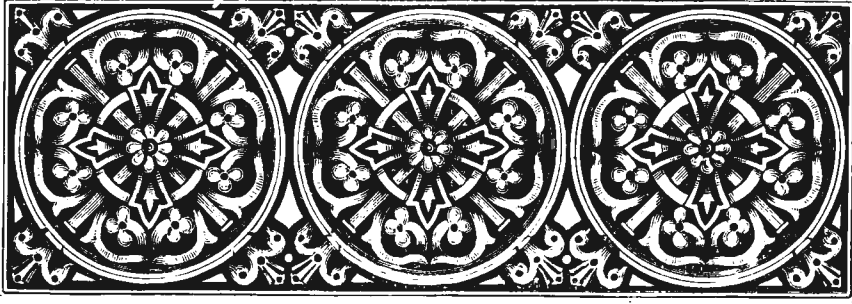
— Американскій публицистъ Джакъ Дейсъ издалъ нѣсколько времени назадъ изслѣдованіе, возбуждавшее общее вниманіе: «Какъ живетъ другая половина» (How the other half lives). Половина эта принадлежитъ, конечно, обездоленнымъ сословіямъ, жизнь которыхъ даровитый писатель обрисовалъ яркими патетическими красками. Въ дополненіе къ своему социальному этюду онъ написалъ теперь очеркъ «Дѣти бѣдняка» (The children of the poor), изображающій низменные и порочные слои нью-іоркскаго населенія. Но въ то же время онъ говоритъ и о попыткахъ филантроповъ облегчить по возможности участь этихъ паріевъ общества. Американскіе пролетаріи отличаются отъ европейскихъ тѣмъ, что большею частью принадлежатъ не къ туземной, а пришлой расѣ, но положеніе ихъ такое же печальное, какъ и бѣдняковъ кореннаго населенія. Особенно бѣдствуютъ переселенцы изъ южныхъ странъ Европы, какъ, напримѣръ, многочисленная колонія итальянцевъ въ улицѣ Мольтера. Авторъ описываетъ подробно ихъ жалкій бытъ. Теперь, впрочемъ, въ Нью-Йоркѣ гораздо больше польскихъ, русскихъ и румынскихъ жидовъ, промышляющихъ нищенствомъ, бродяжничествомъ и мелкими кражами. Ихъ до 111.000 въ городѣ, и постоянный наплывъ ихъ сильно беспокоитъ городскія власти, хотя правительство издаетъ суровые законы, ограничивающіе иммиграцію бѣдняковъ. Для дѣтей ихъ общество учреждаетъ пріюты и школы. По послѣднимъ статистическимъ исчисленіямъ изъ 60.000 дѣтей въ Нью-Йоркѣ 15.000, достигнувшія 14-ти лѣтъ, добываютъ себѣ хлѣбъ трудомъ, изъ 23.000, перешедшихъ за 7 лѣтъ, треть посѣщаетъ школы. Это большею частью дѣти евреевъ, понимающихъ, какъ важно въ наше время знаніе, и старающихся изучить англійскій языкъ. Болѣе всѣхъ заботится объ участи дѣтей «общество предупрежденія жестокаго обращенія съ дѣтьми», основанное 19 лѣтъ назадъ квакеромъ Райтомъ. Въ прошломъ году оно изслѣдовало до 8.000 случаевъ подобнаго обращенія и спасло 3.583 дѣтей, взявъ ихъ изъ дома порочныхъ и преступныхъ родственниковъ. Проступки дѣтей съ тѣхъ поръ тоже уменьшились. Другое благотворительное общество, приносящее не меньше пользы—«доставленіе чистаго воздуха», основанное въ 1877 году Виллардомъ Парсономъ, переселяло въ то время

изъ города въ сельскія мѣстности 60 дѣтей, а въ 1891 году размѣщаетъ по деревнямъ уже 13.568 человекъ. Содержаніе каждаго бѣдняка въ лѣтнее время обходится благотворителямъ въ два доллара. Авторъ не даромъ считаетъ «дѣтскій вопросъ» самымъ важнымъ въ ряду социальныхъ задачъ и обращаетъ на него усиленное вниманіе.

— Робертъ Дугласъ издалъ «Китайскіе рассказы» (Chinese stories), любопытные уже потому, что беллетристика въ Китаѣ процвѣтала уже въ то время, когда Европа была погружена въ варварство среднихъ вѣковъ. Авторъ приводитъ историческую повѣсть XIII вѣка «Сан-Кво-чи» (исторія трехъ царствъ), взятую изъ эпохи смутъ, возникшихъ послѣ паденія династіи Гань. Уже въ то время китайцы смотрѣли на войну, какъ на зловредный, ненормальный фактъ, и въ то время, когда у арийскихъ племенъ солдатъ является народнымъ героемъ, военные подвиги вовсе не возбуждаютъ ни восторга, ни сочувствія въ китайцахъ, и герой ихъ рассказовъ не воинъ, побѣдившій врага, а прилежный ученикъ, хорошо выдержавшій экзаменъ и изучившій своихъ классическихъ писателей. Типическимъ лицомъ такого рода является герой повѣсти «Гао-Чю-чуанъ» (счастливый союзъ), скромный, почтительный и добродѣтельный ученый. Похожденія его очень длинны и скучны, но весьма поучительны. Религіознаго элемента нѣтъ вовсе въ китайскихъ рассказахъ, и этотъ многомилліонный народъ какъ-то умѣетъ обходиться и въ литературѣ, какъ въ домашнемъ быту, безъ жрецовъ, безъ вѣры въ будущую жизнь, почти безъ обрядовъ. Есть въ его рассказахъ и юморъ, конечно, грубый, чаще всего переходящій въ площадной фарсъ, какъ въ исторіи купца, прожившаго Маэусаиловъ вѣкъ, и которому его 62-я жена отплачиваетъ за все, что онъ продѣлывалъ со своими прежними женами. А прожилъ онъ такъ долго оттого, что богъ подземнаго міра вырвалъ нечаянно изъ реестра, куда вписывались поступки всѣхъ людей, листокъ и съ именемъ Чонча, и потому онъ прожилъ 960 лѣтъ. Свообразнымъ юморомъ отличается и повѣсть «о невѣрной женѣ». Ученый Чвангъ, счастливый мужъ третьей жены Ти-иенъ, имѣетъ привычку во время своихъ прогулокъ обсуждать вопросы философіи. Однажды онъ встрѣчаетъ у свѣжей могилы молодую женщину, заботливо обмахивающую вѣеромъ гробовой холмъ. Она объясняетъ ему, что дала обѣтъ не выходить вторично замужъ, пока земля на могилѣ ея мужа не высохнетъ совершенно, и поэтому прибѣгла къ обмахиванью могилы. Чвангъ беретъ помочь ей въ этомъ благочестивомъ занятіи, за что награждается улыбками и вѣеромъ, которыми онъ такъ усердно работалъ. Жена Чванга, узнавъ отъ мужа объ этомъ случаѣ, клянется, что если бы онъ умеръ, то она и черезъ пять лѣтъ не подумала бы выдти за другого. Исторія оканчивается, конечно, тѣмъ, что Ти-иенъ обманываетъ мужа еще при его жизни. Юмористическимъ оттѣнкомъ отличается и повѣсть «Китайская дѣвушка съ дипломомъ». Чтобы получить этотъ дипломъ, она въ мужскомъ платьѣ вступаетъ въ школу, гдѣ въ нее влюбляется одна дѣвушка, считающая ее мужчиною, и два студента, разглядѣвшіе ея переодѣванье. Но недаромъ получившая дипломъ дѣвушка ловко выпутывается изъ этой тройной интриги. Въ чисто китайскомъ духѣ и другія повѣсти, какъ «Брачный обманъ», «Дважды обвинянная чета» и пр. Всѣ онѣ взяты изъ сборника «Кин ку-ки-кванъ», вышедшаго еще во время династіи Минговъ. Эти рассказы повторяютъ удивныя сказочки большихъ городовъ, и этотъ родъ литературы въ большомъ уваженіи у желтой расы. И въ Европѣ онъ возбуждаетъ интересъ.

— Римскій археологъ Чезаре де-Кара написалъ огромное исследование о «Гиксосахъ, или царяхъ-пастыряхъ «Египта» (*Gli Hyksos o re pastori di Egitto*), которымъ историки посвящаютъ обыкновенно нѣсколько десятковъ страницъ. Но Кара захотѣлъ подробно изучить, откуда явился этотъ народъ варваровъ, какъ онъ покорилъ Египетъ, долго ли владѣлъ имъ, и кто были его цари. Источниковъ объ этой эпохѣ немного: изысканія Манеона и рѣдкія свидѣтельства самихъ гиксосовъ и писателей послѣдующаго времени. Кара собралъ много новыхъ извѣстій объ этомъ народѣ, владѣвшемъ Египтомъ, когда туда явился Иосифъ съ евреями, въ царствованіе фараона Анофиса. Вотъ главные выводы археолога: гиксосы не были отдѣльнымъ народомъ, а союзомъ разныхъ мелкихъ племенъ, обитавшихъ преимущественно въ сѣверной Сири. Это та самая конфедерація, которая при XVIII и XIX династіи приняла названіе Гаттитовъ или Рутону. Это было воинственное племя, безъ труда захватывшее Египетъ, хотя онъ не былъ раздѣленъ на федеральныя области, облегчавшія, черезъ 20 вѣковъ послѣ того, вторженія ассирійцевъ и египтовъ. Кара опровергаетъ показанія Манеона, что гиксосы были варварами, разрушавшими города, обращавшими жителей въ рабство. У нихъ была своя цивилизація, своя храбрая армія, захватившая власть потому, что фараонъ былъ застигнутъ врасплохъ, не успѣлъ собрать войско и дать отпоръ. Гиксосы владѣли страной втеченіе полутора вѣка, пока египетскіе цари XVII династіи не возстали противъ нихъ и не изгнали изъ Египта. Они поклонялись богу Сутеху, выстроили городъ Аварисъ (нынѣшняя Пелуза), у нихъ были знаменитые въ то время фараоны: Саматисъ, Акунри, Ракененъ. Но Манеонъ былъ, всетаки, правъ, говоря, что они жгли города и убивали жителей. Какое же завоеваніе страны обходилось безъ жестокостей въ древній времена, когда и теперь войны сопровождаются насиліемъ и варварствомъ?..

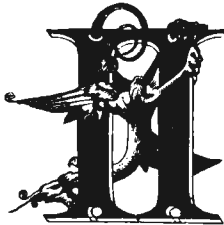
— Викторъ дю Бле, въ своемъ сборникѣ «Общественная комедія въ XVIII вѣкѣ» (*La comedie de société au XVIII siècle*) приводитъ нѣсколько малоизвѣстныхъ очерковъ нравовъ этой эпохи. Вотъ, напримѣръ, исторія, какъ плохой куплетистъ Ложанъ, написавшій всего десятокъ пѣсенъ, попалъ въ члены академіи не за представленіе ей своего сочиненія, а за сожженіе чужого. Онъ отыскалъ средневѣковую рукопись романа, изъ котораго Корнель взялъ цѣликомъ содержаніе своей трагедіи «Родогуна», только переложивъ его въ стихи. Вольтеръ, писавшій тогда свои комментаріи на Корнеля, старался всѣми силами достать эту рукопись у Ложана, который рассказывалъ объ ней академикамъ, но тѣ отсовѣтовали ему послать манускриптъ, тѣмъ болѣе, что обнародованіе его броситъ тѣнь на славу Корнеля. Ложанъ, опасаясь, что Вольтеръ какъ нибудь воспользуется рукописью и начнетъ говорить объ ней въ печати, предложилъ съжечь ее, и академики, похваливъ его за патріотическій подвигъ, избрали его въ награду въ число безсмертныхъ.—Безобразный принцъ Кюнти, уѣзжая въ армію, говорилъ своей женѣ: «Не обманывайте меня, по крайней мѣрѣ, въ мое отсутствіе».—«Будьте спокойны,—отвѣчала она:—эта мысль приходитъ мнѣ, только когда я васъ вижу». Герцога де Бюсси также не любила его жена. «Говорите мнѣ, по крайней мѣрѣ, ты, чтобы показать другимъ, что вы расположены ко мнѣ».—«Хорошо,—отвѣчала она:—убирайся отсюда!». Такихъ анекдотовъ множество въ книгѣ дю Бле.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Записка изъ казуснаго дѣла.

Свѣжо преданіе, а вѣ-
рится съ трудомъ...

ПРИВОДИМАЯ нами ниже сего «Записка изъ казуснаго дѣла»... является весьма любопытной, какъ характеристика положенія палачей въ нашей администраціи. Чтобы долго на этомъ не останавливаться, достаточно указать, что въ 1847 г. въ Москвѣ палачъ получалъ жалованья 400 рублей (четыреста—не опечатка), а въ это же время въ той же самой Москвѣ законоучитель 2-й гимназіи получалъ по штату жалованья 235 р. 90 к. ¹⁾ Впрочемъ записка на столько любопытна и интересна сама по себѣ, что не требуетъ длинныхъ предисловіи, а потому мы и ограничимся сказаннымъ.

Записка изъ казуснаго дѣла объ опредѣленіи на казенные заводы Восточной Сибири палачей.

Обстоятельства дѣла. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ въ рапортѣ правительствующаго сената 1-му департаменту, отъ 11-го августа 1847 года, донесъ, что Иркутскій губернский совѣтъ встрѣтилъ недоразумѣніе каса-

¹⁾ П. С. З., т. XXII, отд. II, прил. къ № 21233, 1847 г. 16-го мая. Мы приводимъ эту записку въ выдержкахъ, опустивъ нѣкоторыя повторенія.

тельно опредѣленія по казеннымъ заводамъ палачей для наказанія преступниковъ, такъ какъ выбирать въ эту должность изъ ссыльно-поселенцевъ, находящихся на свободѣ, было бы затруднительно и не удобно, а изъ поселенцевъ подсудимыхъ не всегда можно имѣть палачей съ такими качествами, какія для этого нужны. Бывшій генераль-губернаторъ Восточной Сибири, увѣдомляя его, г. министра внутреннихъ дѣлъ, о вышеизъясненномъ, сообщилъ списокъ съ состоявшагося по сему предмету въ совѣтъ тамошняго главнаго управленія журнала, изъ коего видно: 1) что въ казенныхъ заводахъ можно имѣть вольно-наемныхъ палачей какъ изъ людей свободныхъ, такъ и изъ ссыльно-поселенцевъ, изъявившихъ на то добровольное желаніе, на томъ основаніи, какъ полагаются вольно-наемные палачи въ другихъ мѣстахъ; 2) что въ томъ случаѣ, когда нельзя будетъ отыскивать вольно-наемныхъ палачей, во всѣ казенные заводы можно назначать палачами способныхъ къ тому ссыльно-поселенцевъ, которые по суду будутъ обвинены въ преступленіяхъ, показанныхъ въ 35-мъ п. высочайше утвержденнаго 12-го іюля 1840 года мнѣнія государственнаго совѣта, опредѣляя таковыхъ ссыльно-поселенцевъ въ означенную должность безъ согласія ихъ на это и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождать сихъ людей отъ тѣлеснаго наказанія и отъ ссылки въ каторжную работу, соотвѣтственно тому, какъ освобождаются внутри имперіи поступающіе въ палачи преступники присужденные къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. 3) Что въ отношеніи палачей по казеннымъ заводамъ какъ вольно-наемныхъ, такъ и назначаемыхъ въ эти должности по распоряженію начальства изъ ссыльно-поселенцевъ, слѣдуетъ поступать на точномъ основаніи высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта, 27-го декабря 1833 г., пунктовъ 2-го и 3-го и 18-го ноября 1836 г., п. 1, 3 и 4-го. Въ высочайше утвержденномъ 27-го декабря 1833 г. мнѣніи государственнаго совѣта изъяснено: 1) На содержаніе палачамъ производить удвоенное количество положенныхъ для арестантовъ по табели кормовыхъ денегъ, съ выдачею имъ одежды на положенные сроки, для арестантовъ опредѣленной: въ случаѣ же многочисленности семействъ палачей, если опредѣляемаго содержанія окажется недостаточно, то предоставить министру внутреннихъ дѣлъ дѣлать по усмотрѣнію его на содержаніе ихъ прибавку изъ экстраординарной суммы. 2) Чтобы палачи находились всегда въ тюремныхъ замкахъ подъ надзоромъ смотрителей. Другимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 18-го ноября 1836 года постановлено: 1) Палачей, поступающихъ изъ преступниковъ по добровольному ихъ на то согласію, назначать въ сію должность безсрочно; но если кто изъ нихъ окажется неспособнымъ къ дальнѣйшему отправленію своей должности отъ старости или болѣзни, то распредѣляеть таковыхъ, примѣняясь къ указу 15-го марта 1798 года, на жительство въ 60-ти-верстномъ разстояніи отъ губернскаго города, для пропитанія посильными трудами; тѣхъ же, у которыхъ есть родственники, отдавать на попеченіе сихъ послѣднихъ, буде они пожелаютъ; но во всякомъ случаѣ палачи должны оставаться въ мѣстахъ ихъ семейства, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства. 2) Вольнонаемныхъ палачей назначать только тогда, когда бы никого не было желающихъ изъ преступниковъ, осужденныхъ къ наказанію плетми и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или къ отдалѣ въ арестантскія роты. 3) Опредѣлять въ эту должность людей сво-

боднаго состоянія изъ низшихъ сословій по добровольнымъ съ ними условіямъ. 4) Въ случаѣ же если бы не было въ виду желающихъ къ отправленію должности палача изъ вольнонаемныхъ, назначать по сей необходимости въ заплечные мастера изъ преступниковъ, въ положеніи 27-го декабря 1833 года упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ несогласіе, съ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія и съ обязанностью пребыть въ этомъ званіи по крайней мѣрѣ три года, а по истеченіи сего срока, буде оставаться болѣе не пожелаетъ, отправлять къ мѣсту назначенія, согласно состоявшимся о нихъ приговорамъ судебныхъ мѣстъ. Сообразивъ вышеизложенное, онъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, не находитъ возможнымъ назначать въ палачи, какъ полагаетъ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, изъ преступниковъ, присуждаемыхъ въ каторжную работу, потому что палачъ изъ каторжныхъ въ случаѣ обращенія его впослѣдствіи въ работу можетъ подвергнуться тамъ мщенію преступниковъ, кои поступили въ оную послѣ тѣлеснаго надъ ними наказанія, если онъ исполнялъ это наказаніе какъ слѣдуетъ¹⁾. При томъ ссыльно-поселенцы, обращаемыя въ каторжную работу болшею частью важныя и закоренѣлыя преступники, при опредѣленіи въ палачи, легко могутъ бѣжать, ибо хотя заплечные мастера содержатся въ тюремныхъ замкахъ подъ надзоромъ тюремнаго смотрителя, но съ дозволенія послѣдняго могутъ выходить изъ сихъ замковъ. Имѣя все сіе въ виду, онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, къ устраненію изъясненныхъ выше недоразумѣній Иркутскаго губернскаго совѣта, полагалъ бы постановить, чтобы въ томъ случаѣ, когда нельзя будетъ отыскать вольнонаемныхъ палачей, назначать способныхъ къ тому ссыльно-поселенцевъ, кои за новыя преступленія будутъ подлежать тѣлесному наказанію, безъ ссылки въ каторжную работу; но если и изъ подобныхъ преступниковъ не будетъ способныхъ занять должность палача, то дозволить мѣстному начальству выбирать въ это званіе изъ приходящихъ въ Сибирь партиі ссыльно-поселенцевъ, освобождая, однако, таковыхъ палачей отъ сей должности по прошествіи 3-хъ лѣтъ, если долѣе не пожелаютъ въ оной оставаться; во всемъ же прочемъ по опредѣленію и содержанію палачей поступать на точномъ основаніи изъясненныхъ выше узаконеній».

Копія съ циркулярныхъ предписаній г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 9-го января 1834 г. и 17-го декабря 1836 г., въ коихъ изъяснены высочайшія повелѣнія объ опредѣленіи палачей изъ преступниковъ и означены имъ содержанія.

Господину гражданскому губернатору. По поводу слѣданныхъ его свѣтлостью принцемъ Петромъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ во время путешествія по Россіи замѣчаній о положеніи палачей, входилъ онъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, съ общимъ съ министромъ юстиціи представленіемъ въ

¹ Очевидно, хорошо было тѣлесное наказаніе какъ слѣдуетъ, если само начальство боялось, чтобы послѣ него наказанные не убили палача.

государственный совѣтъ, полагая: назначать и нынѣ въ палачи... попрежнему преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылке на поселеніе и наказанію плетью, освобождая ихъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ тѣлеснаго наказанія, но если бы никто изъ нихъ не изъявилъ желанія быть заплечнымъ мастеромъ, то предоставить губернскимъ правленіямъ опредѣлять въ эту должность или изъ людей, присуждаемыхъ къ отдачѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ, а въ случаѣ неимѣнія и сихъ послѣднихъ, полагать въ палачи преступниковъ, въ положеніи 27-го декабря 1833 года упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ согласіе. Соотвѣтственно тому они, гг. министры, признавали нужнымъ, въ пополненіе высочайше утвержденнаго 27-го декабря 1833 года положенія о палачахъ постановить: 1) Палачей, поступающихъ изъ преступниковъ, по добровольному на то ихъ согласію, назначать въ сію должность безсрочно... 2) Вольнонаемныхъ палачей назначать тогда только, когда бы никого не было желающихъ изъ преступниковъ, осужденныхъ къ наказанію плетью и ссылкой въ Сибирь на поселеніе или къ отдачѣ въ арестантскія роты. 3) Опредѣлять въ эту должность людей свободнаго состоянія изъ низшихъ сословій по добровольнымъ съ ними условіямъ. 4) Ежегодная плата вольнонаемнымъ палачамъ можетъ простирается въ столицахъ отъ 300 до 400 рублей, а въ губернскихъ городахъ отъ 200 до 300 рублей, сверхъ одежды и удвоеннаго количества кормовыхъ денегъ, для арестантовъ по табели положенныхъ, или казеннаго провіанта натурою. 5) Потребную на содержаніе вольнонаемныхъ палачей сумму, отпустить изъ земскаго сбора. 6) Во все время отправленія должности вольнонаемные заплечные мастера, сообразно 3 п. положенія 27-го декабря 1833 года, должны находиться въ тюремныхъ замкахъ отдѣльно отъ арестантовъ подъ надзоромъ смотрителей, по истеченіи же условеннаго срока или, въ случаѣ неспособности, по увольненіи ихъ отъ должностей, оставлять въ прежнемъ сословіи. 7) При наймѣ палачей объявлять желающимъ поступить въ это званіе условіе, обязывающее ихъ находиться въ тюремномъ замкѣ на все время исправленія должности; и 8) въ случаѣ же, если бы не было въ виду желающихъ къ отправленію должности палача изъ вольнонаемныхъ, назначать по сей необходимости въ заплечные мастера изъ преступниковъ, въ положеніи 27-го декабря 1833 года упоминаемыхъ, не взирая уже на ихъ несогласіе, съ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія и съ обязанностью пребыть въ этомъ званіи по крайней мѣрѣ три года, а по истеченіи срока, буде оставаться долѣе не пожелаютъ, отправлять къ мѣсту назначенія, согласно состоявшимся о нихъ приговорамъ судебныхъ мѣстъ»...

Въ этомъ смыслѣ и состоялось опредѣленіе 1-го департамента правительствующаго сената, подъ которымъ подписались слѣдующіе сенаторы: М. Н. Жемчужниковъ, М. Н. Муравьевъ, С. С. Ланской, кн. И. А. Лобановъ-Ростовскій, Л. А. Перовскій, графъ К. К. Сиверсъ и Ф. П. Вронченко.

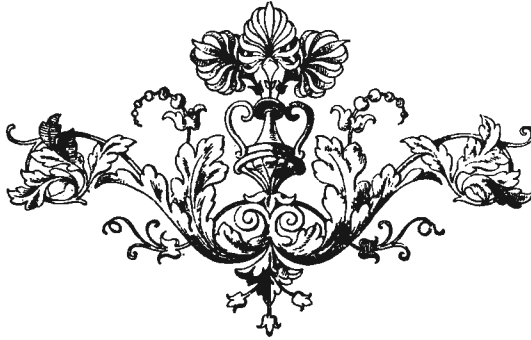
Опредѣленіе это было внесено на заключеніе общаго собранія и затѣмъ поднесено на высочайшее утвержденіе.

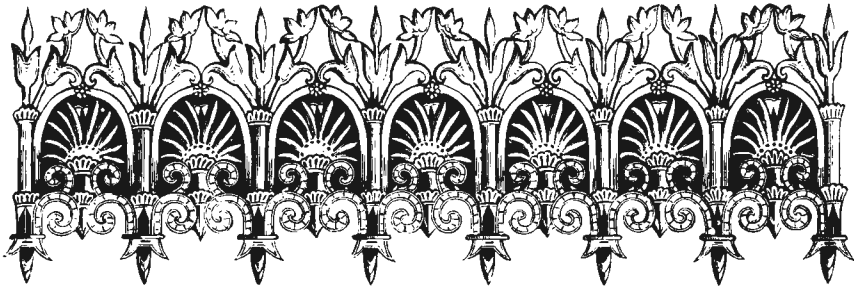
Въ заключеніе небезынтересно отмѣтить еще слѣдующее, приведенное редакторами этой записки, высочайше утвержденное 12-го іюля 1840 г.

мнѣніе государственнаго совѣта о дополненіи и измѣненіи правилъ относительно ссыльныхъ и каторжныхъ, п. 35: «За преступленія, подвергающія виновнаго, по общимъ законамъ, ссылкѣ на поселеніе, наказываются: поселенецъ отъ 10 до 15-ти ударовъ кнута, съ обращеніемъ въ каторжную работу; каторжный же 50-ю ударами кнута, съ постановленіемъ клеймъ, если еще ихъ не имѣетъ, а по роду преступленія оныя слѣдуетъ, и съ употребленіемъ въ работу въ цѣпяхъ, въ теченіе 15-ти лѣтъ»...

В. Л. Банштокъ.

СМѢСЬ.

ТРИДЦАТИЛѢТІЕ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. 17-го апрѣля исполнилось тридцатилѣтіе отмѣны у насъ тѣлесныхъ наказаній. Официальную постановку вопросъ объ этой отмѣнѣ получилъ вслѣдствіе инициативы кн. Н. А. Орлова, тогдашняго нашего посланника въ Бельгію. Записка его, выслушанная въ совѣтѣ министровъ подъ предѣдательствомъ самого государя, была передана въ особый комитетъ, составлявшій новый воинскій уставъ о наказаніяхъ. Комитетъ предварительно истребовалъ отзывы военнаго и морскаго министерствъ. Генераль-адъютантъ Сухожанецъ, соглашаясь на отмѣну шпирутенонъ, стоялъ за сохраненіе розогъ до 300 ударовъ. Зато самую горячую поддержку встрѣтила гуманная инициатива кн. Орлова въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича. «Тѣлесныя наказанія, — писалъ онъ, — составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей. Тѣлесныя наказанія могутъ быть терпимы въ государствѣ лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности обойтись безъ нихъ». Комитетъ одобрилъ предложенія кн. Орлова и въ свою очередь высказался, что тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ ни достоинству человѣка, ни духу времени. Предположенія комитета были разосланы на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями. Большинство ихъ высказалось за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, въ томъ числѣ военный министръ Д. А. Милютинъ, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ и шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ. Двое, гр. Адлербергъ и М. Н. Муравьевъ, предлагали не отмѣну, а лишь смягченіе тѣлесныхъ наказаній. Четверо: митрополитъ Филаретъ, министръ юстиціи гр. В. Н. Па-

нинъ, государственный контролеръ Анненковъ, главноуправляющій путями сообщения Чевкинъ рѣшительно выступили противъ отмѣны плетей, розогъ и клейменія. Самую горячую защиту тѣлесныхъ наказаній ознаменовалъ себя гр. Панинъ. Трудно сказать, чему слѣдуетъ приписать такой образъ мыслей министра юстиціи: его ли безграничному благоговѣнію предъ существующею рутинною, но исторія даетъ тотъ назидательный фактъ, что въ то время, какъ представители самыхъ жестокихъ видовъ юстиціи—военный и морской, отказывались отъ шпицрутеневъ и кошекъ, не опасаясь поколебать суровую дисциплину, представитель мирнаго гражданского суда считалъ невозможнымъ разстаться съ клейменіемъ, съ шпицрутенами, плетями даже по отношенію къ женщинамъ. Графъ Панинъ объяснялъ, между прочимъ, что тѣлесное наказаніе «вполнѣ понятно» простолюдину, «не имѣющему или потерявшему» нравственное достоинство, а что касается до женщинъ, то онѣ, по мнѣнію графа Панина, совершаютъ часто преступленія, обнаруживающія еще болѣе (?) разврата въ лицахъ, къ ихъ полу принадлежащихъ, чѣмъ въ мужчинахъ, или позволяютъ себѣ дѣйствія, явно свидѣтельствующія объ отсутствіи всякой стыдливости. Панинъ не только не соглашался на отмѣну тѣлесныхъ наказаній, но даже жалѣлъ, что нельзя восстановить равнѣ ноздрей, «возбранявшее преступнику навсегда возможность вернуться въ общество». Но здравый взглядъ на наказаніе взялъ верхъ, и реформа, одинъ изъ человѣчнѣйшихъ актовъ кроткаго государя, была введена по его волѣ. Реформа была встрѣчена народомъ съ энтузіазмомъ, какъ свидѣлствуютъ очевидцы.

Археологическая выставка. Въ Петербургѣ втеченіе апрѣля во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича была открыта археологическая выставка В. С. Передольскаго. Коллекція этого археолога отчасти знакома петербургской публикѣ по ея прежнимъ выставкамъ въ археологическомъ институтѣ. Она состоитъ изъ предметовъ каменнаго вѣка, выкопанныхъ въ Великомъ Новгородѣ и древнихъ областяхъ его. За послѣднее время коллекція значительно пополнилась, такъ что въ качественномъ и количественномъ отношеніи она теперь занимаетъ видное мѣсто. Производя, съ цѣлью доисторическаго изслѣдованія, раскопки въ древнихъ областяхъ Великаго Новгорода, В. С. Передольскій открылъ еще въ 1888 году слѣды человѣка, жившаго здѣсь въ отдаленнѣйшую, палеолитическую эпоху, относящуюся къ тому древнѣйшему періоду каменнаго вѣка, когда человѣкъ не былъ знакомъ съ металломъ и всѣ орудія выдѣлывалъ изъ камня, кости и дерева. Объ этихъ первыхъ находкахъ г. Передольскимъ былъ сдѣланъ докладъ на русскомъ археологическомъ конгрессѣ въ 1891 году. Затѣмъ, продолжая свои изслѣдованія въ самомъ Новгородѣ и его районахъ, г. Передольскій въ послѣдующіе годы добылъ множество доисторическихъ предметовъ, остатковъ ископаемыхъ животныхъ, нѣсколько человѣческихъ череповъ и другихъ частей костяка, относящихся къ названной эпохѣ. Всѣ животныя и человѣческіе остатки носятъ на себѣ слѣды огня; въ трехъ случаяхъ плечевыя кости человѣка имѣютъ слѣды поврежденій, произведенныхъ острымъ орудіемъ. Изъ животныхъ найдены остатки первобытнаго буйвола, лося, вепря, медвѣдя, бобра, волка, рыси, лисицы, мелкихъ хищниковъ, грызуновъ и кости рыбъ. Изъ предметовъ доисторической индустріи добыты: различные обломки глиняной посуды съ орнаментами, какъ гравированными, такъ и сдѣланными рельефами; кремневые орудія частью грубой, частью довольно старательной обработки, между которыми встрѣчаются: лезвія для ножей, скребки, топоры, молотки, пилы, оконечники стрѣлъ и копій и проч.; предметы изъ костей: иглы, шилы, оконечники стрѣлъ и метательныхъ копій (гарпуновъ) и разнаго рода другія принадлежности охоты и домашняго обихода, между прочимъ, обломки роговъ лося и оленя въ видѣ ручекъ для ножей, молотковъ и т. д. Доисторическому человѣку было

небезвѣстно и художественное искусство, о чемъ свидѣлствуютъ двѣ костяныя пластинки, представляющія птичью голову и человѣческую, съ длиннымъ носомъ, острымъ подбородкомъ и въ шапкѣ, напоминающей ту-рецкую феску. Слѣдуетъ упомянуть и о просверленныхъ клыкахъ медвѣдей, рысей, волковъ и другихъ животныхъ,—кычкахъ, наизывавшихся украшенія ради и служившихъ доисторическому человѣку каменнаго вѣка амулетами. О самомъ обитателѣ палеолитической эпохи новгородскаго района г. Передольскій того мнѣнія, что онъ принадлежалъ къ первобытному племени, которое въ періодъ каменнаго вѣка обитало на берегахъ Ладожскаго озера. Съ другой стороны, строеніе черепа этого палеолитическаго человѣка представляетъ много сходства съ черепами, найденными въ курганахъ Новгородской губерніи, вообще—западной и южной Россіи. Кровь этихъ охотниковъ и рыболововъ каменнаго вѣка, смѣшавшись съ кровью другихъ народовъ, пришедшихъ позже, продолжала еще долго течь въ жилахъ ихъ послѣдующихъ поколѣній и течетъ понынѣ въ ихъ потомкахъ, многими столѣтіями отдѣленныхъ отъ палеолитической эпохи. Нѣтъ надобности пояснять о томъ важномъ для доисторической археологіи значеніи, какое представляютъ полныя интереса изысканія г. Передольскаго. Слой земли, подъ которыми найдены экспонаты г. Передольскаго, состоитъ изъ обломковъ раковинъ, что служитъ доказательствомъ близости первобытныхъ новгородцевъ къ ледниковому періоду. Чтобы имѣть понятіе о новгородцахъ каменнаго вѣка, должно осмотрѣть обширную и интересную коллекцію череповъ ихъ, собранную археологомъ. Форма черепа совершенно не та, какую приходится наблюдать у современнаго человѣка: она значительно удлинена въ затылочной части; въ оскаленныхъ челюстяхъ виденъ рядъ длинныхъ, блестящихъ какъ перламутръ зубовъ. Нѣкоторыя кости имѣютъ темный глинистый цвѣтъ и отличаются тяжестью. Любопытны и произведенія рукъ этого древняго человѣка: образцы глиняной посуды. На нихъ видны слѣды невзвѣливаго рисунка, какія-то ямки, квадратики, черточки... Разузнется, отъ этой посуды остались одни только черепки, но по нимъ современный человѣкъ можетъ судить о жизни и нравахъ своихъ отдаленныхъ предковъ. Внутренняя часть посуды покрыта чернотой и пригаромъ, вѣроятно, въ нихъ что нибудь варилось или жарилось. Собраны также камешки на подобіе стрѣлъ съ отточеннымъ концомъ—этими они поражали врага; камни, имѣющіе форму ножей и топоры. В. С. Передольскій не профессиональный антропологъ (онъ присяжный повѣренный Петербургскаго округа), что, однако, не мѣшало ему произвести цѣлый рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій и обогатить нашу доисторическую археологію весьма цѣннымъ матеріаломъ въ отношеніи одной изъ менѣе изученныхъ эпохъ первобытной жизни человѣка. Теперь этотъ цѣнный матеріалъ былъ представленъ на общій судъ, и каждый могъ видѣть, сколько положено на него труда и энергіи.

Могила Говарда. Вопросъ о томъ, гдѣ настоящая могила Говарда, возбужденъ въ «Одесскихъ Новостяхъ». Извѣстно, что знаменитый филантропъ Говардъ похороненъ въ Херсонѣ. Чѣмъ же объяснить находженіе его могилы совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, а именно, въ Ковалевкѣ, бывшемъ имѣніи Потоцкихъ, теперь княгини Щербатовой, въ 7-ми верстахъ отъ Немирова? Тамъ находится гробница съ надписью на ней. Гробница расположена на островкѣ, среди пруда, въ господскомъ ковалевскомъ паркѣ, и такъ густо заросла деревьями и зеленью, что доступъ къ ней очень труденъ. Мѣстная легенда говоритъ, что Говардъ проѣзжалъ черезъ Херсонъ, по пути къ своему другу гр. Потоцкому въ Немировъ. Когда онъ умеръ, то графъ съелъ долгомъ оказать знаменитому филантропу посмертное гостепримство, послѣ того, какъ ему не удалось это по отношенію къ живому. Онъ снарядилъ пышный похоронный кортежъ, который и перевезъ прахъ Говарда въ Немировъ и Ковалевку изъ Херсона. Здѣсь графъ устроилъ поэтиче-

скую гробницу, мало доступную человѣческому глазу и потому забытую. Такъ ли это было, или нѣтъ. Извѣстно ли что либо о перенесеніи праха Говарда изъ Херсона въ Ковалевку, или все еще предполагаютъ, что онъ повоится въ Херсонѣ въ могилѣ? Надпись на памятникѣ составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«*Sy git*

«*John Howard*

«*o toi qui vis dans les plaisirs, environné du pouvoir et de l'abondance, pense à ceux qui languissent dans la maladie, le besoin, l'obscurité des prisons privés de l'air commun à tous.*»

Открытіе новыхъ фресокъ въ Кіевскомъ соборѣ. Фрески эти открыты на столбахъ алтарной арки, ниже мозаичнаго образа Благовѣщенія. По очисткѣ словесъ извести, на переднихъ выступахъ, въ красныхъ рамахъ, оказались четыре древнія изображенія мучениковъ, фресковой иконописью, по два на каждомъ изъ двухъ столбовъ, одно надъ другимъ. Эти изображенія, писанныя греческими художниками сухой краской 850 лѣтъ тому назадъ, при создателѣ собора великомъ князѣ кіевскомъ Ярославѣ, сынѣ св. Владиміра, сохранились довольно хорошо, безъ особенныхъ поврежденій. На бокахъ выступовъ замѣтны также остатки фресокъ, и къ очисткѣ ихъ приступлено. Настоящее открытіе показываетъ, что алтарная преграда, замѣненная впослѣдствіи иконостасомъ, находилась въ алтарной аркѣ между пилонами и далѣе ихъ впередъ не выступала. Преграда эта не превышала 1½ сажени и состояла изъ мраморныхъ колоннъ съ перекладиной вверху и малыми тумбами внизу; весь алтарь былъ, такимъ образомъ, открытъ взору предстоящихъ въ храмѣ. Теперь возбужденъ вопросъ объ уменьшеніи длины вышшняго иконостаса или о замѣнѣ его новымъ мраморнымъ, который не закрывалъ бы открытыхъ фресокъ. Иконостасъ, совсѣмъ закрывающій алтарь, не есть необходимая принадлежность православной церкви. Это нововведеніе появилось въ новгородской епархіи только въ XIII вѣкѣ и затѣмъ постепенно распространилось по всей Россіи. Что, однако, будетъ сдѣлано съ иконостасомъ Софійскаго собора, если осуществится мысль о сохраненіи фресокъ открытыми? Иконостасъ, пожертвованный императрицею Елисаветой, хотъ и въ стилѣ рококо, но по своему великолѣпенъ.

Реставрація Новгородскаго собора. По почину архіепископа новгородскаго Феогноста, въ настоящемъ году предпринимается реставрація знаменитаго Софійскаго собора. Это по древности вторая святыня на Руси. Соборъ построенъ въ 1045 году Владиміромъ Ярославичемъ и имѣлъ для новгородцевъ такое вліяніе въ религіозномъ и политическомъ значеніи, что существованіе Новгорода тѣсно связывалось съ существованіемъ св. Софіи: «Къдѣ святая Софія, ту Новгородъ». Софійскій соборъ былъ построенъ въ стилѣ греко-византійскихъ храмовъ. Всѣ его общія массы сохранились въ первоначальномъ видѣ и только пристроены въ позднѣйшее время паперти. Своды собора поддерживаются десятью пилонами. Съ трехъ сторонъ находятся обширныя хоры. Съ западной стороны къ собору примыкаетъ Круглая башня. Вся внутренность собора была украшена царьградскими художниками фресковой живописью, которая въ XV столѣтіи, съ передѣлкою штукатурки храма, была, къ сожалѣнію, уничтожена. Сохранилось нѣсколько фресокъ только въ главномъ куполѣ, гдѣ изображеніе Спасителя. Другая главная святыня собора—образъ св. Софіи въ видѣ юноши огненнаго цвѣта. Онъ съ крыльями, украшенъ царскими одеждами и сидитъ на престолѣ, утвержденномъ на семи столбахъ. При главномъ входѣ въ соборъ красуются знаменитыя корсунскія двери. Изъ другихъ древностей особенно любопытны: иконостасъ, мозаика въ алтарѣ, царское и святительское мѣста въ видѣ часовенъ и проч. Затѣмъ цѣлое хранилище драгоценныхъ вещей находится въ соборной ризницѣ. Въ Софійскомъ храмѣ мощи самого строителя князя

Владимира Ярославича (сконч. въ 1052 г.), мать его княгиня Анна, вѣтъмъ мощи Никиты, епископа новгородскаго (сконч. въ 1108 г.), князя Мстислава Ростиславича, кн. Феодора Ярославича и др. Словомъ, Софійскій соборъ является въ то же время и усыпальницей великихъ русскихъ людей. Реставрація храма будетъ заключаться главнымъ образомъ въ возстановленіи живописи и орнамента украшеній по всѣмъ стѣнамъ собора въ строгомъ стилѣ, соотвѣтствующемъ времени построенія Софійскаго собора. Составленіе подробныхъ рисунковъ реставраціи и наблюденіе за ней поручается академику архитектуры В. В. Суслову. Работа чрезвычайно сложная и требующая огромныхъ научно-археологическихъ знаній.

Юбилей П. И. Вейнберга. 27-го апрѣля происходило скромное чествованіе педагога, ученаго и литератора Петра Исаича Вейнберга, по случаю двадцатипятилѣтія его педагогической дѣятельности. Однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ юбиляра инспекторъ педагогическихъ курсовъ И. Ф. Рапескій, какъ представитель того учрежденія, съ которымъ тѣсно связано имя юбиляра. Болѣе 15 лѣтъ состоялъ онъ преподавателемъ на этихъ курсахъ, читая лекціи по исторіи словесности. Педагогическая дѣятельность П. И. Вейнберга началась въ Варшавскомъ университетѣ въ 1868 году, гдѣ онъ занималъ профессорскую кафедру. Изъ Варшавы, гдѣ онъ профессорствовалъ всего 5 лѣтъ, онъ перешелъ въ Петербургъ. Кромѣ преподавателя высшихъ женскихъ курсовъ, онъ состоялъ здѣсь инспекторомъ женской Коломенской гимназіи. Это учебное заведеніе тоже почтило юбиляра. Депутація педагогическаго совѣта гимназіи преподнесла П. И. адресъ, въ которомъ выражаетъ свою признательность за его плодотворную педагогическую дѣятельность. Между прочимъ, по инициативѣ П. И. Вейнберга въ Коломенской гимназіи были введены литературные вечера, причемъ на нихъ участвовали корифеи литературы: Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ. Депутація, пользуясь случаемъ, отблагодарила инициатора за это прекрасное нововведеніе. Другой не менѣе лестный адресъ былъ отъ частной гимназіи Гедде, гдѣ юбиляръ состоитъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта. Не остались въ долгу передъ юбиляромъ и литераторы. Его посѣтили А. А. Потѣхинъ, С. В. Максимовъ и нѣкоторые члены литературнаго фонда. Отъ комитета литературнаго фонда поздравилъ юбиляра телеграмою товарищъ предсѣдателя проф. В. А. Манасеинъ. Получено много привѣтственныхъ писемъ и телеграмъ, преимущественно отъ бывшихъ слушательницъ женскихъ курсовъ. Имя П. И. Вейнберга въ педагогической литературѣ пользуется заслуженной извѣстностью. Его выдающіеся труды: «Русскіе писатели въ классѣ» (10 выпусковъ), «Европейскіе классики» (8 выпусковъ), «Русская исторія въ поэзіи» и друг. Свою литературную дѣятельность онъ началъ переводами древнихъ поэтовъ еще студентомъ. Образованіе П. И. получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1854 году. Онъ первый началъ чтеніе публичныхъ лекцій въ Солянскомъ городкѣ. Онъ перевелъ на русскій языкъ лучшія сочиненія Гейне, девять драмъ Шекспира, «Сарданапала» Байрона, «Ченчи» Шелли, двѣ комедіи Шеридана, много лирическихъ пьесъ Ленау, Фаллерслебена, Гервега, Шамиссо, Гуцкова, Коппе и др. Въ 1860 году онъ былъ редакторомъ журнала «Вѣкъ», продолжавшагося всего одинъ годъ. Множество юмористическихъ стихотвореній его напечатано въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Развлеченіи» и другихъ журналахъ. Стихъ его всегда звучитъ, правиленъ, вѣрно передаетъ оригиналъ. Въ настоящее время П. И. работаетъ надъ переводами произведеній Гете; подъ его редакцію вышелъ уже 5-й томъ полнаго собранія сочиненій Гете... Родился онъ въ 1830 году и происходитъ отъ еврейскаго племени.

Первое десятилѣтіе дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства съ 22-го сентября 1882 по 22-е сентября 1892 г. Единство цѣлей и задачъ, преслѣ-

довавшихся возникшими въ 60-хъ годахъ православными братствами: Прибалтійскимъ Христа Спасителя и Гольдингенскимъ Покрова Божіей Матери, изъ коихъ первое распространяло свою дѣятельность на весь Прибалтійскій край, а второе ограничивало ее лишь Гольдингенскимъ и Газенпотскимъ уѣздами Курляндской губерніи, а также явившееся у послѣдняго братства предположеніе измѣнить свой уставъ, въ смыслѣ расширенія круга его дѣятельности, породили мысль о соединеніи обоихъ братствъ, удостоившуюся одобренія покровительницы Гольдингенскаго братства, Государыни Императрицы, выразившей волю о сліянніи братствъ въ одно учрежденіе, съ однимъ общимъ уставомъ. Выработанный, проектъ устава былъ утвержденъ синодомъ, и образовавшееся такимъ образомъ новое братство, принятое Императрицею подъ ея покровительство, начало свою дѣятельность, подъ наименованіемъ Прибалтійскаго православнаго братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, 22-го сентября 1882 года. Истекшее первое десятилѣтіе дѣятельности соединеннаго братства обявываетъ обзорѣтъ прошедшую его дѣятельность, взвѣситъ средства, коими оно располагало, и подвести итоги сдѣланному. При своемъ образованіи братство располагало капиталомъ въ 146.723 руб. 18¹/₂ коп., въ томъ числѣ неприкосновеннымъ въ 130.823 руб. 39 коп. и недвижимымъ имуществомъ — каменнымъ и деревяннымъ домами при каменномъ братскомъ храмѣ въ Гольдингенѣ и землю, съ возведенными на ней постройками, въ количествѣ около 70 десятинъ, при смежномъ съ Гольдингеномъ Евгеньевскомъ поселкѣ, и имѣло въ ближайшемъ вѣдѣніи (по содержанію и ремонту) 2 церкви (въ Гольдингенѣ и Уббенормѣ) и 1 школу (въ Уббенормѣ). Въ теченіе прошедшаго десятилѣтія: капиталъ братства возросъ до 488.339 рублей 7¹/₂ коп., въ томъ числѣ общаго неприкосновеннаго 141.083 рубля 39 коп. и спеціальныхъ суммъ 193.230 руб. 50 коп., изъ него израсходовано 279.590 руб. 92¹/₂ коп. и въ остаткѣ въ наличности 208.748 руб. 5 коп., болѣе противъ принятаго при образованіи на 62.025 руб. 96¹/₂ коп.; недвижимая собственность умножилась возведеніемъ каменнаго храма въ городѣ Якобштадтѣ (Курляндской губерніи) и школьныхъ зданій въ Якобштадтѣ же (Владиміро-Маринское училище) и въ м. Іевве (Эстляндской губерніи) и приобрѣтеніемъ дома, съ землею, для женскаго Маринскаго училища въ Якобштадтѣ; оказано матеріальное содѣйствіе: къ устройенію Успенскаго Богородицкаго женскаго монастыря на Святой горѣ, въ Пюхтицѣ, Эстляндской губ., и къ приобрѣтенію для него земли, къ покупке для Илукстскаго женскаго монастыря (Курляндской губ.) смежнаго съ монастыремъ участка земли и къ устройству 2-хъ церквей (домовой въ м. Іевве и въ Усть-Нарвѣ) и 1 часовни (въ Ревелѣ); открыто 6 новыхъ школъ (2 въ Якобштадтѣ, 1 въ Гольдингенѣ, 1 въ Пильтенѣ, 1 въ Фрауенбургѣ и 1 въ Іевве), 1 пріютъ (въ Пюхтицѣ) и 1 лечебница для приходящихъ (въ Іевве); обезпечена неприкосновеннымъ капиталомъ, по содержанію и устройству общаго стола для учениковъ, одна школа (въ Уббенормѣ); открыто одно общежитіе для бѣдныхъ (въ Гольдингенѣ); исходатайствовано надѣленіе 3-хъ школъ казенными земельными участками (Гривской, Кастолацкой и Палломойзской); учреждено 2 стипендіи (въ Якобштадтскомъ городскомъ училищѣ и въ Илукстскомъ женскомъ монастырскомъ училищѣ); выговорено бесплатное помѣщеніе въ переданной министерству народнаго просвѣщенія Іеввенской школѣ до 25 стипендіатовъ братства и 10 ученицъ въ Якобштадтскомъ Маринскомъ женскомъ училищѣ; сверхъ того, обучается ежегодно бесплатно въ братскихъ школахъ до 100 бѣдныхъ православныхъ дѣтей; уплачено за содержаніе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ 11 пансіонеровъ братства до 6 тыс. рублей; издано книгъ духовнаго содержанія: на латышскомъ языкѣ — 4, въ количествѣ 20.000 экз., и на востонскомъ — 8, въ количествѣ 47.000 экз., и до 500.000 экз. «Церковныхъ Листковъ» на подобіе Московскихъ Троицкихъ, и оказано де-

нежное пособие на 2 издания на мѣстныхъ нарѣчіяхъ; выдано разныхъ пособій деньгами до 90.000 рублей; отпущено безвозмездно бѣднымъ приходамъ: колоколовъ на 210 пудовъ, иконъ 1.039, церковной утвари 6.521 предметъ, 129 полныхъ комплектовъ священно-служительскихъ облачений, 447 отдѣльныхъ предметовъ церковныхъ и священно-служительскихъ облачений и до 2½ тысячъ аршинъ разнаго рода матеріаловъ на постройку таковыхъ; исходатайствовано сношеніями съ министерствомъ государственныхъ имуществъ: надѣленіе причтовъ 4-хъ церквей земельными участками (Леальской, Гривской, Геймадрской и Мало-Іоанновской) и продленіе сроковъ арендованія казенныхъ имѣній для нѣкоторыхъ другихъ; исходатайствованъ бесплатный отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ на отопленіе 3-хъ церквей (2-хъ Якобштадтскихъ и 1-й Гольдингенской) и 4-хъ учебныхъ заведеній; отпущено въ мѣстныя школы 2.954 книги и 356 разныхъ учебныхъ пособій. Независимо отъ такой дѣятельности совѣта братства въ Петербургѣ, братство, согласно своему уставу, образовало въ Прибалтійскихъ губерніяхъ 9-ть отдѣленій, которыя, служа органами центрального управленія братства, имѣютъ и свой мѣстный, независимый кругъ дѣятельности. Строго держась въ предѣлахъ устава, братство не касалось миссіонерской дѣятельности и обращенія иновѣрцевъ въ православіе, ограничиваясь исключительно изысканіемъ мѣръ и способовъ къ укрѣпленію въ православіи пребывающихъ въ немъ, къ обезпеченію въ правилахъ вѣры и русской народности, воспитанія дѣтей и къ вѣщшему обезпеченію приходовъ въ ихъ насущныхъ нуждахъ. Въ управленіи дѣлами братства, за десятилѣтній періодъ времени, приняло участіе всего 38 человекъ, изъ коихъ выбыло за смертію 11 человекъ. Экстренное общее собраніе состоялось только одно, въ 1892 году, для разрѣшенія вопроса о позаймствованіи изъ общаго неприкосновеннаго капитала 10 тыс. рублей въ пособіе Іеввенскому отдѣленію братства и 4.000 руб. на постройку школьно-причтового дома при Преображенской Александро-Высотской церкви въ Ригѣ. Очередныя собранія созывались для выбора новыхъ членовъ совѣта, разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ и отчетовъ, избранія почетныхъ членовъ, и по другимъ предметамъ. Отдѣленій братства въ настоящее время девять. Образованы выдѣленіемъ изъ общаго неприкосновеннаго капитала, неприкосновенные же спеціальныя капиталы, для обезпеченія навсегда существованія учрежденій, созданныхъ братствомъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

† 14-го апрѣля, Юліанъ Ивановичъ Симашко, своими педагогическими и научными трудами давно уже вписавшій свое имя въ исторію просвѣщенія Россіи. Изъ Павловскаго кадетскаго корпуса въ 1838 г. семнадцатилѣтній юноша выдержалъ экзамень при Петербургскомъ университетѣ на учителя математики и уѣхалъ учительствовать въ Шлиссельбургъ, въ мѣстное уѣздное училище. Провинціальная служба доставила Ю. И. много свободнаго времени, которымъ онъ воспользовался для обстоятельнаго изученія естественной исторіи. Павловскій кадетскій корпусъ пригласилъ его въ 1844 г. занять должность учителя естественной исторіи. Поселившись въ Петербургѣ, покойный свои досуги посвятилъ кабинетнымъ занятіямъ, и вскорѣ издавъ «Русскую Фауну». Этотъ научный трудъ сразу сдѣлалъ имя Симашки извѣстнымъ. Еще ранѣе онъ напечаталъ свои изслѣдованія и наблюденія о пластахъ девонской системы въ Петербургской губ., о сухопутныхъ и прѣсноводныхъ моллюскахъ въ Россіи и др. Министерство народнаго просвѣщенія, обративъ вниманіе на энергичную полевою дѣятельность покойнаго, поручило ему составить учебникъ зоологіи для гимназій. Съ замѣчательнымъ успѣхомъ онъ исполнилъ это порученіе, и изданный имъ учебникъ съ рисунками былъ причиной болѣе нормальной постановки преподаванія естественной исторіи въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1857 г. Ю. И. издалъ учебный атласъ всеобщей географіи для гимназій, которыя пользовались до того времени примитивными атласами Максимовича

и Лоскутова. Въ 50-хъ годахъ педагогическая дѣятельность покойнаго распространилась на многія учебныя заведенія; онъ преподавалъ естественную исторію въ первомъ, второмъ и Павловскомъ кадетскомъ корпусахъ, въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и читалъ въ Лѣсномъ институтѣ специальный курсъ лѣсной энтомологіи и орнитологіи. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Мандерштерномъ, учредилъ Энтомологическое общество и явился въ первое время самымъ дѣятельнымъ его членомъ. Его ежемѣсячныя ученныя сообщенія въ засѣданіяхъ общества, его публичныя лекціи привлекали массу слушателей, а личныя изслѣдованія вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ Петербургской губерніи и имъ организованныя изслѣдованія хлѣбнаго червя въ средней Россіи и саранчи на югѣ ея придали Энтомологическому обществу значеніе полезнаго для государства ученаго учрежденія. Тогда же, по инициативѣ покойнаго, общество обогатилось отдѣленіями ботаническимъ и другими. Симашко съ особенной энергіей настаивалъ на необходимости для Россіи мѣстныхъ естественно-историческихъ изслѣдованій. Министерство народнаго просвѣщенія впервые ассигновало на эти изслѣдованія 4.000 рублей, особая комисія при участіи профессоровъ Петербургскаго университета выработала програму для изслѣдованій; при провинціальныхъ университетахъ стали учреждаться натуралистическія общества. Признавая начальное обученіе болѣе нужнымъ обществу, чѣмъ специально научныя изслѣдованія, Симашко въ 1868 г. прекратилъ на время свою дѣятельность въ Энтомологическомъ обществѣ и подъ псевдонимомъ Я. Фосса издалъ до 400 брошюръ, обнимающихъ, кромѣ лингвистики, почти все предметы домашняго обученія. Его образовательныя игры, пособія по элементарному обученію (азбуки, прописи, классныя счеты, модели рисованія), пособія для среднихъ учебныхъ заведеній (анатомическія и кристаллографическія модели, карты, атласы, рельефъ земной поверхности) получили обширное распространеніе. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній потерялъ въ немъ своего перваго и главнаго устройства. Для распространенія правильныхъ взглядовъ на дѣло преподаванія и обученія Симашко основалъ журналъ подъ названіемъ «Семья и школа» и редактировалъ его до 1878 г., когда по желанію министерства финансовъ отправился за границу для изслѣдованія техническаго и ремесленнаго образованія, Ю. И. съ 1856 г. по 1874 г. былъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 1874 г. по 1884 г.—окружнымъ инспекторомъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ послѣднее время онъ занимался описаніемъ русскихъ метеоритовъ. Умеръ Симашко на 72-мъ году.

† 7-го апрѣля, Петръ Евгеньевичъ Астафьевъ—авторъ цѣльныхъ литературныхъ работъ по философскимъ вопросамъ. Образование получилъ онъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета; съ 1872 г. по 1875 г. читалъ въ Демидовскомъ лицей исторію философіи права, затѣмъ былъ мировымъ посредникомъ въ юго-западномъ краѣ, съ 1881 г. въ продолженіе многихъ лѣтъ завѣдывалъ университетскимъ отдѣленіемъ Московскаго лица цесаревича Николая и читалъ въ немъ психологію, этику и логику. Въ Москвѣ П. Е. принималъ дѣятельное участіе въ популяризаціи знаній и выступалъ въ различныхъ аудиторіяхъ въ качествѣ публичнаго лектора. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Кіевлянѣ», въ 1877 г. руководилъ литературнымъ отдѣломъ «Русской Газеты». Изъ его крупныхъ сочиненій, изданныхъ отдѣльно, главныя: «Монизмъ и дуализмъ», «Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки», «Понятіе психическаго ритма, какъ научное основаніе психологіи половъ», «Симптомы и причины современнаго настроенія», «Смыслъ исторіи и идеалы прогресса», «Страданіе и наслажденіе жизни», «Чувство, какъ нравственное

начало», «Старое недоразумѣніе». Покойный въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ является противникомъ равноправности мужчинъ и женщинъ, которой, по его мнѣнію, и быть не можетъ, такъ какъ женщина по своему органическому строенію рѣзко отличается отъ мужчины. Характеризуя душевныя качества женщинъ, Астафьевъ болѣе восхищается ими, нежели порицаетъ. Онъ скончался скорострѣжно на 47 году.

† Въ Нижнемъ Новгородѣ предсѣдатель мѣстной ученой архивной комиссіи Александръ Серафимовичъ Гацискій. Имя его пользуется заслуженной извѣстностью, какъ одного изъ лучшихъ провинціальныхъ этнографовъ, археологовъ и статистиковъ. Онъ въ продолженіе 30 лѣтъ съ замѣчательной энергіей и большимъ успѣхомъ занимался изученіемъ мѣстныхъ этнографическихъ данныхъ и разработывалъ мѣстные архивныя матеріалы. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ Гацискій поселился въ Нижнемъ Новгородѣ, сталъ служить въ канцеляріи губернатора и свои досуги посвятилъ изученію мѣстныхъ этнографическихъ особенностей. Наблюдательному ученому удалось записать въ первое же время нѣсколько произведеній народнаго творчества. Они, напечатанныя въ 60-хъ годахъ въ «Нижегородскомъ сборникѣ» подъ заглавіемъ «Приговариванье повадильщика», заключали въ себѣ четыре народныхъ разсказа: «Солдатъ и проклятая», «Мать и сынъ», «Убогій» и «Ярмарочныя райки». Затѣмъ А. С. занялся археологическими розысканіями. Въ качествѣ предсѣдателя архивной комиссіи онъ руководилъ описаніемъ архивовъ уѣздныхъ судовъ и монастырей, и въ этихъ описаніяхъ принималъ самъ дѣятельное участіе. Такъ, ему принадлежатъ обширныя историческія справки объ основаніи Нижняго Новгорода, сдѣланныя по случаю чествованія 700-лѣтней годовщины великаго князя Георгія Всеволодовича, разсужденія объ историческихъ нижегородскихъ дняхъ, о видѣніи Минына, статьи о смутномъ времени, о жизни и литературномъ значеніи автора «Философскихъ писемъ» П. Я. Чаадаева и другія, разбросанныя въ 10 выпускахъ «Дѣйствій нижегородской архивной комиссіи». Между прочимъ покойнымъ составлена карта Ардатовскаго уѣзда, съ занесеніемъ на нее кургановъ городищъ. Благодаря стараніямъ Гацискаго и содѣйствію нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова, Нижний Новгородъ обогатился археологическимъ музеемъ, пріютившимся въ старинномъ домѣ на Почайнѣ. Изъ капитальныхъ трудовъ его — главные: «Исторія нижегородскаго театра съ 1798 г. по 1867 г.», «Нижегородскій лѣтописецъ», «Нижегородка, путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и по Нижегородской ярмаркѣ», «Люди Нижегородскаго Поволжья» (біографическіе очерки). А. С. не ограничивался исключительно литературной и служебной дѣятельностью. Онъ принималъ дѣятельное участіе, какъ гласный, въ городскихъ и земскихъ дѣлахъ и въ дѣлахъ мѣстной благотворительности. Онъ издавалъ «Нижегородскій Сборникъ», посвятивъ его всестороннему обозрѣнію экономическаго быта и мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Недавно имъ пріобрѣтены были для архивной комиссіи двѣ старинныя изразцовыя печи, изъ которыхъ одна предназначалась имъ для нижегородскаго «Петровскаго музея». Какъ человекъ, онъ обладалъ симпатичнымъ характеромъ. Будучи старожиломъ и внатокомъ Нижняго Новгорода, онъ отличался замѣчательной доступностью, добротою и готовностью всегда помочь осуществленію всякаго добраго дѣла. Когда Россію постигъ неурожай, Гацискій былъ вызванъ въ Петербургъ въ качествѣ представителя Нижегородской губерніи по организаци общественныя работъ и много содѣйствовалъ по оказанію помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу одного стихотворенія Т. Г. Шевченки.

Горячій поклонникъ поэзіи покойнаго Т. Г. Шевченки, стихотворенія котораго знаю почти всё наизусть, я съ большимъ интересомъ прочелъ напечатанную въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» замѣтку г. Демьянова и, говоря откровенно, меня огорчили искаженія, которыя вкрались въ напечатанное извѣстное стихотвореніе поэта. Стихотвореніе это я знаю твердо на память и поэтому считаю себя обязаннымъ возстановить его подлинность.

Прежде всего я долженъ сказать, что приведенное г. Демьяновымъ стихотвореніе было напечатано... гдѣ именно, въ «Кобзарѣ» или какомъ либо журналѣ, не помню, но что оно было напечатано—это фактъ, въ противномъ случаѣ оно было бы мнѣ не извѣстно, потому что рукописныхъ произведеній поэта я никогда не читалъ и крайне объ этомъ сожалѣю, такъ какъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ ними. Мало того, я могъ бы рассказать кое-что и о самомъ Т. Гр. Шевченкѣ, потому что поэтъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ покойнымъ зятемъ, А. В. Марковичемъ, который былъ женатъ на моей родной сестрѣ (Марко-Вовчекъ). Но въ 1838 г., когда Т. Гр. Шевченко проѣзжалъ чрезъ Кіевъ, я былъ слишкомъ юнъ и, къ сожалѣнію, больше интересовался охотой, нежели бесѣдой о всѣхъ и о вся въ кружкѣ горячихъ читателей малороссійскаго поэта. Да и не мудрено; мнѣ, юношѣ-великороссу, въ то время были совершенно чужды малороссійскія гражданскія чувства. Я хорошо зналъ малороссійскій языкъ, полюбилъ этотъ чудный край, его дивную природу и еще не испорченный въ тѣ времена честный народъ и любилъ Шевченка не какъ народника, плакавшаго объ утратѣ никому ненужной казацкой вольности, а какъ поэта, творца дивныхъ поэмъ, полныхъ высокой поэзіи и жизненной правды. Полюбилъ я его тою же любовью, какъ и Некрасова, произведенія котораго глубоко запали въ мою душу.

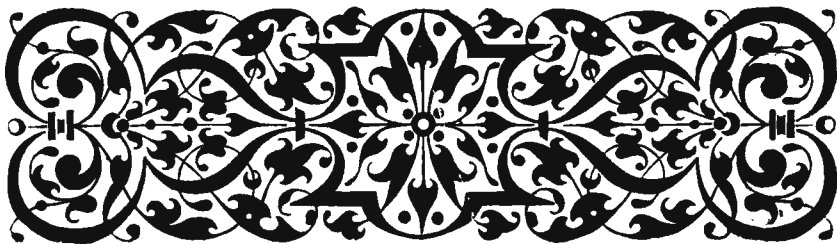
Не могу припомнить, когда именно Т. Гр. Шевченко былъ, по возвращеніи изъ ссылки, въ Кіевѣ, равнымъ образомъ не могу съ точностью указать, когда издавался журналъ (на малороссійскомъ языкѣ, кажется) «Основа», но мнѣ кажется, что чуть ли не въ одномъ изъ нумеровъ этого журнала, который недолго существовалъ, и было напечатано стихотвореніе, которое я привожу дословно, такъ какъ оно отлично сохранилось въ моей памяти.

На що мені чорни брови,
 На що кари очи,
 На що літа молоді,
 Весели дивочи?
 Літа моя молоді
 Марно пропадають,
 Очи плачуть, чорни брови
 Одъ вітру лияють...

Сердце в'яне, нудить світомъ,
 Мовъ пташка въ неволі!..
 Нащожь мені краса моя,
 Коли нема долі?..
     Тяжко мені, сиротині,
     На симъ світі жити..
     Свой люде—якъ чужіи..
     Нема съ кімъ дружити..
 Нема кого распитати,
 Чого плачуть очи..
 Нема кому розказати
 Чого сердце хоче..
     Плачь же, сердце, плачьте, очи,
     Пѣки не заснули..
     Голосуйте, жалобнійте,
     Щобъ вітры почувы..
 Щобъ понесли, буйнесеньки,
 За синее море—
 Чорнявому, вродливому
 На лютее горе..

Димитрій Вилинскій.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КНИЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССИИ ВЪ 1892 ГОДУ.

II.

Книжное дѣло въ Россіи въ 1892 году.

НСКЛЮЧАЯ всякое предварительное объясненіе, мы начинаемъ настоящій обзоръ прямо съ данныхъ о книгопечатной дѣятельности въ Россіи за минувшій годъ, обо всемъ же томъ, что въ какомъ либо отношеніи останавливаетъ на себѣ вниманіе, скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ 1892 году въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, было напечатано 9.588 сочиненій разныхъ наименованій, которыя были изданы въ количествѣ болѣе 30.639.530 экземпляровъ; сравнительно съ 1891 годомъ число сочиненій было болѣе на 535. Распредѣляя общее число сочиненій по языкамъ, на которыхъ они напечатаны, получаемъ: на русскомъ языкѣ—7.188 сочиненій и 24.819.933 экземпляра и на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ—2.400 сочиненій и 5.819.597 экземпляровъ. Если обратиться къ сравненію съ 1891 годомъ, то въ группѣ русскихъ сочиненій оказывается увеличеніе на 600, а во второй—уменьшеніе на 65 сочиненій; сообразно этимъ выводамъ получается увеличеніе для русскихъ сочиненій на 1.901.828 экземпляровъ и уменьшеніе для иностранныхъ сочиненій на 368.257 экземпляровъ, но при этомъ замѣтимъ, что увеличеніе экземпляровъ для русскихъ сочиненій должно быть значительно болѣе приведеннаго числа, такъ какъ на этотъ счетъ не имѣется свѣдѣній относительно 260 сочиненій, разрѣшенныхъ духовною цензурою, и о нѣкоторыхъ другихъ.

По времени выхода въ свѣтъ всѣхъ изданій 1892 года распредѣлялись такъ:

Мѣсяцы.	Наименованій.	Количество экземпляр.	Въ томъ числѣ не на русск. яз. Сочиненій. Экземплярровъ.	
Январь	719	1.494.988	188	314.722
Февраль	726	1.992.089	177	417.415
Мартъ	893	2.298.910	222	383.392
Апрѣль	767	2.443.153	182	566.850
Май	730	1.798.098	188	334.630
Июнь	722	2.488.726	188	324.630
Июль	696	3.594.246	131	375.937
Августъ	704	2.892.602	177	512.435
Сентябрь	736	2.739.529	223	654.050
Октябрь	834	2.857.124	219	785.998
Ноябрь	828	2.512.952	237	560.366
Декабрь	960	3.307.113	234	588.672

и, кромѣ того, въ теченіе года, но неизвѣстно, въ какихъ именно мѣсяцахъ, выпущено было 273 соч. въ количествѣ значительно болѣе 220 тысячъ экземпляровъ. Эти данныя не нуждаются въ сравненіи съ данными 1891 года, такъ какъ не представляютъ собою особаго уклоненія отъ нихъ.

Возвращаемся опять къ общимъ выводамъ. Конечно, не всѣ сочиненія, выходящія въ теченіе какого либо года, составляютъ совершенно новыя изданія, въ числѣ ихъ найдется много и такихъ, которыя выпускаются не только вторымъ, но и значительно большимъ по счету тисненіемъ; такихъ не новыхъ произведеній въ 1892 году было выпущено — 1.127. Исключая это послѣднее число изъ общаго — 9.588, получаемъ совершенно новыхъ изданій — 8.461 и изъ нихъ: на русскомъ языкѣ—6.140 сочиненій и на иностранныхъ языкахъ—2.321 сочиненіе. Кромѣ того, для болѣе полнаго представленія развитія литературной дѣятельности въ Россіи укажемъ еще на то, что изъ общаго числа вышедшихъ въ 1892 году сочиненій было переводныхъ всего 702 сочиненія, слѣдовательно оригинальныхъ произведеній вышло — 8.886. Какое число ихъ приходится на долю русскихъ и иностранныхъ сочиненій, объ этомъ скажемъ ниже, когда будемъ разсматривать каждую группу въ отдѣльности. Для положительно точнаго опредѣленія числа сочиненій, понимаемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, а не какъ только печатное изданіе, намъ слѣдуетъ исключить альбомы, ноты и другія имъ подобныя изданія, такъ какъ они, не смотря на имѣющіеся въ нихъ печатный текстъ, не могутъ быть подведены подъ то понятіе, которое придается слову сочиненіе или, вообще, книга. Этихъ изданій было всего 40 и такимъ образомъ собственно книгъ, не исключая, конечно, и брошюръ, въ 1892 году издано было — 9.548 наименованій.

Чтобы опредѣлить степень развитія нашего книгопечатанія сравнительно съ западно-европейскими государствами, въ которыхъ, какъ извѣстно, печатное слово находится въ совершенно иныхъ и наиболѣе благопріятныхъ для него условіяхъ, было бы нужно привести для того нѣсколько данныхъ, но, къ сожалѣнію, мы не располагаемъ ими. Можно, однако, полагать, что у насъ въ этомъ отно-

шеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ, болѣе склонны къ преувеличенію съ одной стороны и чрезмѣрному умаленію съ другой, а потому для установленія болѣе правильнаго взгляда на этотъ предметъ не излишнимъ будетъ и слѣдующій примѣръ. Въ 1891 году въ Англіи вышло 5.706 книгъ, т. е. сочиненій, изъ которыхъ 1.277 составляли новыя изданія прежнихъ сочиненій. Книги эти по предметамъ распредѣлялись такъ: богословскихъ—727, по филологіи и классикамъ—694, для юношества—447, по беллетристикѣ—1.216, юридическихъ—109, по политической экономіи и торговлѣ—136, по искусству—116, по географіи и путешествіямъ—271, историческихъ и біографическихъ—413, драмъ и поэмъ—210, альманаховъ и сочиненій въ выпускахъ—316, медицинскихъ—175, ученыхъ монографій—254 и брошюръ и смѣси—731. Въ томъ же году въ Россіи было напечатано только на русскомъ языкѣ—6.588 сочиненій, изъ нихъ прежнихъ вновь изданныхъ—927. Взявши тѣ же предметы, что и для англійскихъ сочиненій, находимъ: по богословіи—789, по филологіи—96, дѣтскихъ—181, беллетристическихъ—590, юридическихъ—224, по политической экономіи и торговлѣ—56, по искусству—28, по географіи и путешествіямъ—79, историческихъ и біографическихъ—396, драматическихъ—272, медицинскихъ—476, ученыхъ монографій—2 и разныхъ брошюръ и смѣси—475. Такова видимая, виѣшняя, сторона, выводы же изъ нея предоставляемъ сдѣлать самому читателю.

Переходимъ къ частностямъ, начиная, какъ и въ прежнихъ обзорахъ, съ изданій, вышедшихъ въ минувшемъ году на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ.

Выше указано, что всего такихъ сочиненій было издано 2.400, въ количествѣ 5.819.597 экземпляровъ. Изъ этого общаго числа сочиненій было прежнихъ изданій, вновь отпечатанныхъ—79, перепечатанныхъ изъ періодическихъ журналовъ—51 и переводныхъ—181, причемъ переведенныхъ съ русскаго языка насчитывается всего 26 сочиненій. Слѣдовательно въ этой группѣ изданій было совершенно новыхъ—2.321 и оригинальныхъ—2.219.

Распредѣляя, въ нисходящемъ порядкѣ, всѣ иностранныя сочиненія по языкамъ, на которыхъ они были напечатаны, получаемъ слѣдующій выводъ:

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
На польскомъ языкѣ	765	1.747.469
» нѣмецкомъ »	390	550.633
» еврейскомъ »	376	976.270
» латышскомъ »	202	719.460
» эстонскомъ »	198	861.000
» грузинскомъ »	114	156.220
» армянскомъ »	113	159.660
» французск. »	48	56.210
» тюркскомъ »	32	85.780
» латинскомъ »	31	24.015
» арабскомъ »	17	243.800

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
На черемисск. языкѣ	13	?
» арабо-тюркскомъ языкѣ	12	112.700
» русско-польскомъ »	10	9.430
» русско-нѣмецкомъ »	8	7.100
» нѣмецко-русско-латышск. языкѣ.	6	40.500
» англійскомъ языкѣ	6	13.710
» чувашскомъ »	6	1.200
» киргизскомъ »	5	?
» еврейско-русскомъ языкѣ	4	9.300
» калмыцкомъ языкѣ	4	2.570
» вотскомъ »	4	?
» финскомъ »	3	14.000
» турецкомъ »	3	4.800
» турецко-османскомъ языкѣ	3	4.100
» русско-итальянскомъ »	3	3.400
» мордовскомъ ¹⁾ »	3	?
» греческомъ »	2	4.000
» русско-грузинскомъ »	2	1.300
» нѣмецко-латышскомъ »	2	1.000
» русско-армянскомъ »	2	1.000
» русско-французскомъ »	2	810
» русско-франц.-нѣм. »	1	3.000
» эстонско-русскомъ »	1	3.000
» русско-польско-нѣм. »	1	2.000
» франц.-русско-нѣм.-англ. языкѣ	1	2.000
» персидскомъ языкѣ	1	1.000
» новогреческомъ языкѣ	1	1.000
» русско-латышскомъ языкѣ	1	950
» абхазскомъ »	1	800
» русско-тюркскомъ »	1	400
» русско-якутскомъ »	1	?
» татарскомъ »	1	?
В с е г о	2.400	5.819.597

Въ общемъ выводѣ иноязычная печать въ Россіи не представляетъ собою, сравнительно съ 1891 годомъ, какого либо особаго видоизмѣненія ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Уменьшеніе ея коснулось главнымъ образомъ литературы болѣе культурныхъ народностей и нѣсколько уравнилось благодаря появленію сочиненій на мордовскомъ, киргизскомъ, черемисскомъ, вотскомъ, абхазскомъ, калмыцкомъ и другихъ языкахъ. Сочиненія, изданныя на этихъ послѣднихъ языкахъ, не составляютъ собою богатаго вклада въ

¹⁾ На монганскомъ нарѣчій.

литературу инородцевъ Россіи: большая часть ихъ изданія духовно-миссіонерскаго характера, частью же—вызванныя особыми обстоятельствами, т. е. холерою минувшаго года.

Характеризуя въ обзорѣ 1891 года литературу культурныхъ народностей, населяющихъ Россію, преимущественно же польскую и нѣмецкую, мы сказали, что она игнорируетъ русскую литературу, науку и жизнь. На это мы встрѣтили, какъ и ожидали, замѣчаніе, что судимъ такъ потому, что знакомы съ этой печатью только съ видимой, но не внутренней, ея стороны. Совершенно вѣрно и совершенно понятно, такъ какъ если бы мы знали даже всѣ языки, на которыхъ печатаются книги въ Россіи, то, обозрѣвая все вышедшее въ теченіе года, не имѣли бы физической возможности перечитать всѣ сочиненія. Но и внѣшнее знакомство съ такимъ предметомъ, какъ книга, не отнимаетъ еще возможности приходить къ довольно вѣрному заключенію, ссылка же на то, что вотъ де одно-два сочиненія на сотни и даже тысячи другихъ трактуютъ о произведеніяхъ какого либо русскаго автора, едва ли будетъ достаточна для того, чтобы окончательно опровергнуть наше мнѣніе. Да, наконецъ, и самая жизнь даетъ намъ иногда такіе факты, которые только подкрѣпляютъ наше воззрѣніе. Для этого достаточно вспомнить исторію редактора газеты «Валгусъ», г. Кырва, который подвергся изгнанію изъ Эстонскаго литературнаго общества только за то, что держался русскаго направленія, а не балтійскихъ тенденцій этого общества. Такъ поступила литературная корпорація, притомъ даже не нѣмецкая, также можетъ поступить и, вѣроятно, поступаетъ нерусскій читатель—онъ исключаетъ того писателя, который ему, такъ сказать, не по духу, т. е. перестаетъ интересоваться имъ, читать его, и такому писателю, конечно, не остается ничего болѣе, какъ оставить перо, или же плыть по вѣтру.

Кромѣ того, по поводу нашего указанія на то, что въ 1891 году переводъ сочиненій Лермонтова былъ сдѣланъ только на армянскій и грузинскій языки, намъ замѣтили, что, вѣроятно, большая часть книгъ, выходящихъ на инородческихъ языкахъ, не идетъ далѣе азбуки. Это также не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ на ряду съ азбуками встрѣчается много изданій совершенно иного характера, да притомъ же мы и не думали сѣтовать на то, что не переводили Лермонтова вояки или киргизы.

Относительно изданій 1892 года на иностранныхъ языкахъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ.

Наибольшее число переводовъ находится въ польской литературѣ, 77 изъ общаго числа 181, но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного съ русскаго языка, фигурируютъ же преимущественно переводы французскихъ беллетристическихъ и медицинскихъ сочиненій. Въ числѣ нѣмецкихъ изданій заслуживаютъ вниманія два сочиненія историческаго характера, а именно: «Die grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland» и «Johann Casimir Brandts Aufzeichnungen uber Ereignisse und Hoffentlichkeiten aus der Zeit Herzog Friedrich Casimirs von Kurland und den nachfolgenden Jahren 1689—1701».

Изданій на финскомъ языкѣ, сравнительно съ 1891 г., немного увеличилось, и потому нельзя не пожелать дальнѣйшаго въ этомъ дѣлѣ развитія. Но, высказывая такое желаніе, было бы въ то же время отраднo встрѣчаться съ бо-

лѣ серьезными вещами и видѣть въ нихъ стремленіе способствовать къ сближенію двухъ народностей и къ установленію правильныхъ воззрѣній на взаимныя ихъ отношенія. Начало этому положено вышедшимъ въ прошломъ году сочиненіемъ З. «Отношенія Финляндіи къ Россіи». Книга эта составлена по разнымъ источникамъ и въ числѣ ихъ по русской книгѣ Ѳ. П. Евсѣева «Финляндскій вопросъ». Чѣмъ больше будетъ подобныхъ книгъ, тѣмъ менѣе возможными станутъ такія празднества, какимъ было недавнее празднованіе дня Рунеберга.

Въ прошломъ году въ первый разъ изданы были въ Петербургѣ на калмыцкомъ языкѣ «Калмыцкія народныя сказки, собранныя въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губерніи и въ подлинномъ калмыцкомъ текстѣ изданныя А. М. Позднѣвымъ». Съ одной стороны ограниченность экземпляровъ этого изданія (всего 110), а съ другой — извлеченіе этихъ сказокъ, въ видѣ отдѣльнаго оттиска, изъ «Записокъ восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества», даетъ право думать, что названная книга не предназначена для распространенія среди калмыцкаго народа. Кромѣ того, и также въ Петербургѣ были изданы на калмыцкомъ языкѣ: хрестоматія и священная исторія Новаго Завѣта. Изъ переводовъ съ русскаго языка отмѣчаемъ: на французскій языкъ — поэма Лермонтова «Демонъ», на армянскій языкъ — сказка Щедрина «Премудрый пискарь» и Гоголя «Тарасъ Бульба»; затѣмъ упомянемъ еще о переводѣ «Поученій Сократа» на турецкій языкъ.

Къ числу изданій, встрѣчаемыхъ нами тоже въ первый разъ, слѣдуетъ отнести книгу на абхазскомъ языкѣ, вышедшую въ Тифлисѣ — «Абхазская азбука. Главнѣйшія молитвы и заповѣди на абхазскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ». Этимъ мы могли бы закончить обзоръ изданій на иностранныхъ языкахъ, но не можемъ не указать еще на изданіе грузинскаго поэта г. Парадшвили. Какъ бы вы думали, что вдохновило поэта? Какъ ни странно, но предметомъ вдохновенія была холера, и г. Парадшвили подарилъ своихъ читателей «Стихами о холерѣ».

Обращаясь къ сочиненіямъ, вышедшимъ на русскомъ языкѣ. Такихъ сочиненій, какъ сказано выше, было выпущено въ 1892 году — 7.188, изъ нихъ изданныхъ въ первый разъ — 6.140, извлеченныхъ изъ періодическихъ изданій — 365 и переводныхъ — 521; исключая это послѣднее число изъ общаго, получаемъ 6.667 оригинальныхъ сочиненій. Для того, чтобы опредѣлить, на сколько въ минувшемъ году обогатился книжный рынокъ болѣе или менѣе серьезными и заслуживающими вниманія русскими произведеніями, мы должны исключить изданія справочнаго характера, разные отчеты, лубочныя, смѣсь и, кромѣ того, альбомы и ноты. За всѣми этими исключеніями получается 5.783 сочиненія.

Располагая въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій всѣхъ изданій на русскомъ языкѣ по ихъ содержанію, получаемъ слѣдующій выводъ:

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
Духовно-богословскихъ	910	4.803.207 ¹⁾
Справочныхъ	707	5.303.382

¹⁾ Значительно больше, такъ какъ для 135 изданій вѣтъ свѣдѣній о числѣ экземпляровъ.

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
Беллетристическихъ	644	2,041,097
Медицинскихъ	635	1,290,385
Учебныхъ	621	3,744,268
Отчеты разные	370	163,924
Историческихъ	340	274,655
Драматическихъ	243	277,509
Дешевыхъ и народныхъ	229	1,399,270
Юридическихъ	219	298,737
Естествознаніе	205	255,811
Дѣтскихъ	195	1,402,012
Техническихъ	193	185,077
Статистическихъ	174	103,825
Сельско-хозяйственныхъ	172	274,652
Биографическихъ	168	647,002
Сжъсь	164	183,433
Военное дѣло	127	180,314
Лубочныхъ	124	1,087,650
Географія и путешествія	97	94,677
Педагогическихъ	91	130,771
Библиографія и критика	67	45,620
Языкознаніе	63	106,021
Политика и общественные вопросы	61	68,229
Астрономія и метеорологія	59	30,609
Исторія словесности и литературы	50	37,880
Промышленность и торговля	45	23,575
Математическихъ	43	23,047
Философскихъ	38	53,450
Альбомы съ текстомъ	36	122,995
Изящныя искусства	30	31,512
Финансы	20	17,472
Вогослужебныя (на славянскомъ языкѣ)	16 ¹⁾	95,000
Счетоводство	11	11,040
Политическая экономія	9	9,085
Ноты съ текстомъ	4	800
Филологія	3	450
Морское дѣло	3	1,120
Ученые сборники	2	550
Всего	7,188	24,819,933

Сравнивая эти данныя съ данными за 1891 годъ, мы находимъ наибольшее увеличеніе числа сочиненій въ первыхъ четырехъ отдѣлахъ, т. е. духовныхъ,

¹⁾ Съ присоединеніемъ этого отдѣла къ духовнымъ число послѣднихъ будетъ 926 соч.

Авт.

справочныхъ, беллетристическихъ и медицинскихъ, но оно касается также и другихъ изданій, хотя и не въ такой мѣрѣ. Указанія на это будутъ сдѣланы въ своемъ мѣстѣ при отдѣльномъ разсмотрѣннн нѣкоторыхъ изъ названныхъ группъ сочиненій, къ которому мы и переходимъ.

Отдѣлъ духовно-богословскихъ сочиненій возросъ, сравнительно съ 1891 г., на 137 изданій и болѣе чѣмъ на 908.000 экземпляровъ, причѣмъ въ этомъ же отдѣлѣ находится 15 изданій, напечатанныхъ на славянскомъ языкѣ церковной печати и одно на томъ же языкѣ, но гражданской печати. Изъ общаго числа духовныхъ сочиненій собственно новыхъ было—653, что же касается старыхъ, то одно изъ нихъ вышло 116-иъ тисненіемъ. Въ отдѣлѣ духовныхъ книгъ преобладаютъ изданія проповѣдей и поученій, а также и житія святыхъ, рѣже попадаются по предметамъ богословія и еще продолжаютъ встрѣчаться полемическія брошюры, направленные противъ воззрѣній гр. Толстого. Характеристическою особенностью духовныхъ сочиненій служить то, что они обыкновенно издаются въ значительномъ числѣ экземпляровъ, а это, въ свою очередь, указываетъ на распространенность ихъ въ простонародной средѣ. На второмъ мѣстѣ стоятъ справочныя книги, и хотя изданія этого отдѣла постоянно блещутъ новизною, но въ то же время едва ли могутъ похвастаться своею содержательностью и, такъ сказать, серьезною полезностью. Справочный отдѣлъ, переполненный преимущественно календарями, оставляетъ мало мѣста другого рода справочнымъ изданіямъ и положительно подавляетъ послѣднія своею количественностью: такъ, въ 1892 году было выпущено 223 календаря на 707 общаго числа справочныхъ изданій, и хотя это составляетъ менѣе половины, зато календари выпущены въ количествѣ 3.920.279 экземпляровъ, а всѣ остальные 484 изданія имѣли лишь 1.383.103 экземпляра. Замѣтимъ здѣсь, что въ минувшемъ году число календарей на иностранныхъ языкахъ было нѣсколько больше русскихъ, ихъ вышло 243 (въ количествѣ 1.476.348 экземпляровъ), и что, слѣдовательно, всѣхъ вообще календарей было издано 456, въ 5.396.627 экземплярахъ. Въ заключеніе, всетаки, скажемъ, что, кромѣ нѣсколькихъ новыхъ выпусковъ энциклопедическихъ словарей, мы встрѣтили здѣсь кое-что хорошее по специально-справочной части, таковы: «Медицинскій словарь» Виларе, изданный подъ редакціей проф. Тарханова, «Реальная энциклопедія медицинскихъ наукъ» — проф. Аванасьева, «Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь» — С. Богданова, вторая серія «Обиходной рецептуры» — Эльпе и «Химическій словарь фотографа» — Алекс. Чехова.

Литературный, или беллетристическій, отдѣлъ далъ въ минувшемъ году 644 изданія въ количествѣ 2.041.097 экземпляровъ, болѣе противъ 1891 года на 54 изданія, но менѣе въ числѣ экземпляровъ. Изъ общаго числа изданій прошлаго года было новыхъ—552 и старыхъ, вышедшихъ вторымъ, третьимъ и т. д. тисненіемъ—92; переводныхъ сочиненій—140 и оригинальныхъ—504. Прежде всего напомнимъ, что въ 1892 году истекло 50 лѣтъ со дня смерти А. В. Кольцова, и потому произведенія поэта стали общимъ достояніемъ. Но событіе это въ теченіе минувшаго года, быть можетъ, по краткости срока (въ октябрѣ мѣсяцѣ), не отразилось рѣзко на книжномъ дѣлѣ — вышло всего 10 отдѣльныхъ изданій сочиненій А. В. Кольцова въ количествѣ 86.950 экземпляровъ, отпечатанныхъ

въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, но ни одного въ Воронежѣ, на мѣстѣ родины поэта. Изъ всѣхъ этихъ изданій наилучшимъ, по справедливости, слѣдуетъ признать иллюстрированное изданіе Гоппе.

Ничего выдающагося новаго изъ числа беллетристическихъ сочиненій прошлаго года не было, что же касается произведеній старыхъ авторовъ, то указываемъ на выпускъ: 4-го изданія соч. Достоевскаго, 5-ти томовъ соч. В. Крестовскаго (псевдонимъ), стихотвореній А. М. Жемчужникова, 6-го изданія соч. И. С. Никитина и 11-го изданія соч. Надсона; кромѣ того, изданы: историческія повѣсти гр. Е. А. Салиаса «Тятинъ-Балтійскій» и «Тьма», рассказъ К. К. Случевскаго «Профессоръ безсмертія», романы, повѣсти и рассказы А. С. Аоанасьева-Чужбинскаго, юристическая поэма Я. П. Полонскаго «Собаки», повѣсти и рассказы Цотапенка, «Море и моряки» А. Н. Чернаго и друг.

Отдѣлъ историческій составляютъ 340 сочиненій, въ количествѣ 274.655 экземпляровъ, что сравнительно съ 1891 годомъ будетъ болѣе на 86-ть сочиненій. Здѣсь мы находимъ 328 новыхъ изданій и только 38-мъ переводныхъ и, кромѣ того, едва ли не самое большое число такихъ сочиненій, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Сюда же присоединяемъ мы еще и изданія біографическаго характера, какъ имѣющія весьма близкое отношеніе къ исторіи. Біографическихъ сочиненій было издано 168-мъ въ количествѣ 647,002 экзempl., но, конечно, не всѣ они принадлежатъ къ числу крупныхъ произведеній, такъ какъ мы относили къ нимъ и небольшія жизнеописанія, въ родѣ некрологовъ. Въ этомъ отдѣлѣ было переводныхъ 7-мъ и выпущенныхъ вторымъ тисненіемъ 9-ть и, затѣмъ, встрѣчаются два біографическихъ очерка Кольцова. Наиболѣе богатыми изданіями и сочиненіями, заслуживающими особаго вниманія, является въ минувшемъ году, какъ уже сказано, историческій отдѣлъ, и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ» — проф. Собѣстіанскаго; «Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка» — проф. А. Лебедева, заключающіе въ себѣ еще почти не изслѣдованный періодъ отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя; «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» — Р. В. Зотова; «Очерки исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія» — М. Грушевскаго; «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства» — М. Милюкова. Строго говоря книга эта — рецензія на сочиненіе Лаппо-Данилевскаго: «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ», но рецензія на столько серьезная, что можетъ считаться самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Далѣе слѣдуютъ: «Исторія запорожскихъ казаковъ» — Д. Эварницкаго; «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II» (2-я ч. 3-го т.) — Н. Семенова; «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами» (т. IX) — проф. Маргена, заключающее трактаты съ Англіей съ 1710 — 1801 гг.; «Бессарабія» — посмертное изданіе П. Батюшкова; «Списки титулованныхъ родовъ и лицамъ Россійской имперіи» (справочно-историческое изданіе); «Матеріалы для историко-географическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ Россійской имперіи» — В. Звѣринскаго, въ которыхъ описано до двухъ тысячъ монастырей; «Опытъ русской исторіографіи» — проф. Иконни-

кова, обнимающей развитие русской исторической науки отъ начала у насъ книжнаго дѣла и до настоящаго времени; «Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ» (1-й вып.)—Масловскаго, относящихся къ началу Сѣверной войны; «Русская Историческая Библіотека» (XIII т.), изданіе археографической комиссіи, заключающее въ себѣ матеріалы, относящіяся къ Смутному времени; «Архивъ князя Воронцова» (XXXVII кн.); «Сборникъ Императорскаго Историческаго общества»: т. 80-й (1736—1739 гг.), т. 81-й (1730—1733 гг.) и т. 82-й (1805—1806 гг.); «Исторія русской этнографіи» (т. IV)—А. Пыпина; «Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ» (съ 1741—1811 г.); «Архивъ князя Куракіна» (III т.), царствованіе Петра Великаго; «Труды тибетской экспедиціи 1889 и 1890 годовъ подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова», орографической очеркъ сѣверо-западнаго Тибета и геологическое описаніе Кузнь-Луна и Тянь-Шаня; «Самосожженіе въ русскомъ расколѣ»—Д. Сапожникова, изслѣдованіе о зарожденіи и развитіи этого вѣрученія.

При настоящемъ обзорѣ исторической литературы нельзя пройти молчаніемъ такого событія, какъ празднованіе 500-лѣтія кончины преподобнаго Сергія Радонежскаго. Событіе это вызвало появленіе на книжномъ рынкѣ многихъ книгъ и брошюръ, посвященныхъ описанію подвиговъ преподобнаго Сергія и судьбъ, связанной съ именемъ его, Троицкой лавры, но изъ числа ихъ отличается своею серьезностью только трудъ Голубинскаго.

Переходя къ историко-біографическимъ изданіямъ, укажемъ на слѣдующія: «Императрица Марія Оеодоровна» (т. I) Шумигорскаго—описаніе дѣятельности этой государыни до воцаренія императора Павла; «Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина» (т. IV), изд. проф. Брикнеромъ; «Арсеній Сухановъ», изслѣдованіе С. Бѣлокурова; «Родъ Шереметевыхъ» (т. VI),—А. Барсукова; «Жизнь и труды М. П. Погодина (ч. VI),—Н. Барсукова, описаніе, обнимающее періодъ 1840—1843 г. Юбилей 400-лѣтія открытія Америки даль намъ нѣсколько переводныхъ историко-географическихъ описаній этой страны и жизнеописаній Колумба; изъ этихъ изслѣдованій выдѣляется трудъ Лустина Уинсора «Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки», переведенный подъ редакціей О. И. Булгакова.

Въ заключеніе упомянемъ здѣсь же о сочиненіи С. Н. Шубинскаго «Историческіе очерки и рассказы», относящемся къ историко-беллетристическимъ произведеніямъ, въ которомъ живо и популярно очерчены картины придворнаго и общественнаго быта въ Россіи въ XVIII ст.; это изданіе иллюстрировано портретами и рисунками.

Медицинскихъ сочиненій въ минувшемъ году, сравнительно съ 1891 г., вышло болѣе на 159-ть соч. и 770.281 экзempl. Изъ общаго числа сочиненій этого отдѣла было: оригинальныхъ 558, переводныхъ 77-мь, вышедшихъ вторымъ и т. д. тисненіемъ 57-мь и диссертацийъ 74. Если увеличеніе числа изданій въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ было вызвано, какъ мы указывали, юбилейными событиями, то здѣсь такимъ юбилеемъ была холера. Полялся цѣлый потокъ брошюръ разныхъ калибровъ: «Что такое холера», «Какъ избѣжать холеры», «Что надо ѣсть и пить во время холеры» и т. п., и положительно затопилъ собою медицинскую литературу, но едва ли принесъ ей по этому предмету какой

либо капитальный вкладъ. Впрочемъ, обстоятельство это не исключало возможности появленія и основательныхъ трудовъ по медицинской части, къ указанію которыхъ и переходимъ. Изъ категоріи этихъ послѣднихъ сочиненій заслуживаютъ наибольшаго вниманія слѣдующія: «О психическомъ леченіи внутреннихъ болѣзней» — проф. Розенбаха, «Лекціи о сравнительной патологіи» — проф. Мечникова, «Общая терапія» — посмертное изданіе Э. Эйхвальда, «Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ» — Гагера, «Учебникъ фармакологіи» — Г. Шапиро, новое изданіе «Домашней медицины» — В. Флоринскаго и друг.

Ближайшею группою къ этому отдѣлу будетъ группа сочиненій по естествознанію вообще. Въ этомъ отдѣлѣ сочиненій встрѣчается 183 оригинальныхъ произведеній на 205 общаго числа ихъ; отмѣтимъ болѣе крупныя изъ нихъ: «Первобытные люди» — Дебьера, «Изъ жизни русской природы» — М. Богданова, «Флора средней Россіи» — Маевского, «Міръ, какъ цѣлое» — Н. Страхова, «Сопъ, какъ треть жизни человѣка» — М. Манасеиной, «Очерки психологіи» — проф. Гейдинга, «Рыбы Россіи» — Сабанѣва и друг.

Идя послѣдовательно, останавливаемся на отдѣлѣ сельско-хозяйственномъ. Никогда не отличаясь особеннымъ богатствомъ, отдѣлъ этихъ сочиненій, сравнительно съ 1891 годомъ, уменьшился на 16-ть сочиненій, причемъ всѣ вновь вышедшія въ минувшемъ году изданы, въ среднемъ, не много болѣе тысячи экземпляровъ на сочиненіе. Но и въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ ранѣе разсмотрѣнныхъ, есть нѣсколько капитальныхъ и прекрасныхъ трудовъ, а именно: «О способахъ сбереженія почвенной влаги при обработкѣ озираемаго поля» — князя В. Кудашева, «Метеорологическія сельско-хозяйственныя наблюденія въ Россіи за 1888—1889 гг.» — А. Воейкова, «Наши степи прежде и теперь» — проф. В. Докучаева, «Пчела и улей» — А. Лангестрата, «Пчеловодство» — проф. Цесельскаго, «Курсъ лѣсоводства» — проф. Арнольда, «Живыя изгороди и лѣсныя опушки» — Р. Шредера, «Бесѣды о русскомъ лѣсѣ, краснолѣсье» (3-е изд.) — проф. Кайгородова и еще нѣсколько другихъ.

Въ отдѣлѣ сочиненій, посвященныхъ путешествіямъ, указываемъ на слѣдующіе труды: «По Южной Америкѣ» — Юнина, «По Египту и Палестинѣ» — Картавцова, «По Индіи и Цейлону» — кн. Щербатовой и, наконецъ, продолжающее выходить отдѣльными выпусками и въ текущемъ году соч. А. А. Суворина «Палестина», роскошное иллюстрированное изданіе.

Просматривая приведенныя выше статистическія данныя о числѣ сочиненій по отдѣльнымъ рубрикамъ, читатель, быть можетъ, остановится на отдѣлѣ драматическихъ произведеній, такъ какъ число ихъ можетъ показаться ему преувеличеннымъ. Объясняемъ, что строго драматическихъ сочиненій, дѣйствительно, было издано значительно менѣе, но такъ какъ къ нимъ присоединены и сокращенныя изданія (либретто) драмъ и т. п. произведеній, какъ, напримѣръ, весь репертуаръ Дузе, то указанное нами число становится повятнымъ. Въ минувшемъ году вышли: «Медея» (3-е изд.) А. С. Суворина и В. П. Буренина, соч. Дьячевко, Гоголя; здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о критическомъ разсужденіи Д. Аверкіева «О драмѣ».

По весьма небольшимъ отдѣламъ публицистики и критики указываемъ: «Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ» — Э. Ватсона, «Воспоминанія» —

Н. Страхова, «Литература и жизнь» — Н. Михайловскаго и «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» — Н. Шелгунова.

Другую тоже небольшую группу составляют изящныя искусства и художественныя иллюстраціи (альбомы). Здѣсь упоминаемъ: «Евангеліе въ памятникахъ русскаго и византійскаго искусства» — изслѣдованіе проф. Покровскаго, «Русское кружево и русскія кружевницы» — Давыдовой, «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія», изданіе Ровинскаго, и рядъ альбомовъ: изданія Ѳ. И. Булгакова «Альбомъ русской живописи», картинъ К. Маковскаго и И. Шишкина и альбомъ академической выставки 1892 г., затѣмъ альбомы, иллюстрирующіе произведенія нѣкоторыхъ русскихъ писателей, и, наконецъ, сборникъ снимковъ «Памятники древнерусскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губ.».

Въ отдѣлѣ, специально посвященномъ военному дѣлу, нельзя найти ничего особенно выдающагося, но можно указать на слѣдующіе труды: «Ставучанскій походъ 1739 года», «Петръ Великій въ кампанію 1707—1708 г.» и «Русская военная сила», второе изданіе И. Кушнарева подъ редакціей генерала Петрова.

Затѣмъ изъ остальныхъ крупныхъ книжныхъ отдѣловъ слѣдуетъ остановиться еще на учебныхъ, дѣтскихъ, народныхъ и лубочныхъ изданіяхъ, но здѣсь не придется дѣлать какихъ либо указаній на отдѣльныя сочиненія, изданія эти приходится разсматривать болѣе съ внѣшней, чѣмъ съ внутренней стороны.

Въ отдѣлѣ учебныхъ книгъ никогда не замѣчается оскуднѣнія, онъ всегда прогрессируетъ и даетъ книжному рынку богатый вкладъ, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи. Въ минувшемъ году учебныхъ изданій вышло, сравнительно съ 1891 г., болѣе на 47-мь, но по числу экземпляровъ, представляется небольшое сокращеніе. Если бы въ этомъ отдѣлѣ приходилось чаще встрѣчаться съ старыми изданіями, — въ 1892 году ихъ было 304 на 621 общаго числа, и изъ нихъ задачникъ Евтушевскаго вышелъ 96-мь тисненіемъ, — то это было бы, по нашему мнѣнію, весьма естественнымъ, но, напротивъ, вы скорѣе должны удивляться ежегодному обилію новизны, такъ какъ хорошо знаете, что учебныхъ программъ ежегодно не мѣняютъ. Въ минувшемъ году было издано новыхъ учебниковъ 317, почти столько же было ихъ и въ 1891 г. и т. д., чѣмъ же это вызывается, и есть ли въ томъ существенная надобность? Вопросъ этотъ въ первой своей половинѣ остается безъ отвѣта, а во второй — возбуждаетъ основательное сомнѣніе.

Рядомъ съ учебными изданіями должны быть поставлены изданія для дѣтей, такъ какъ они имѣютъ воспитательное назначеніе. Но отдѣлъ послѣднихъ книгъ представляетъ совершенную противоположность первому, при значительномъ господствѣ иноземщины, въ которой первенствующее мѣсто принадлежитъ сочиненіямъ Ж. Верна, хотя, безспорно, прекраснымъ. Сочиненія этого автора вышли въ прошломъ году въ количествѣ 650 тысячъ экземпляровъ, что составляетъ безъ малаго половину всего числа выпущенныхъ дѣтскихъ изданій.

Мы уже обращали вниманіе читателя на ту борьбу лубочныхъ и дешевыхъ изданій, которая замѣчается нами съ 1887 года, она продолжается и теперь: въ прошломъ году дешевыхъ изданій вышло болѣе лубочныхъ на 105-ть и на 311.620 экземпляровъ. Говоря объ этой борьбѣ, какъ раньше, такъ и теперь, мы не утверждаемъ и не утверждали, что она достигла или очень скоро достигнетъ полной побѣды, нѣтъ — лубочный рынокъ будетъ еще долго и много

нѣтъ своихъ сторонниковъ, жаждущихъ чтенія такихъ произведеній, какъ, на-примѣръ, «Женщина съ головой мертвеца, таинственное преданіе», изданное въ прошломъ году книгопродавцемъ Е. Губановымъ, но все же число ихъ неминуемо должно будетъ постепенно сокращаться. Мы гдѣ-то и недавно читали, что наши книгоноши озабочены отысканіемъ какого-то въ родѣ вышеприведеннаго сочиненія, что покупатели книгоношей мало развитая и только грамотная масса, почти не интересуются сочиненіями для народа, гр. Л. Н. Толстого и другими такого же рода дешевыми изданіями. Дѣйствительно такъ и мы знаемъ о томъ изъ собственнаго опыта послыки книгъ въ деревни, но что же доказываетъ это? По нашему то, что дешевыя изданія идутъ нѣсколько въ разрѣзъ съ настоящими требованіями народной массы, съ только грамотнымъ читателемъ. Читатели же эти требуютъ преимущественно такъ называемыхъ «божественныхъ книжекъ» и еще историческихъ, которыя они истрепливаютъ до послѣдней степени, а такихъ-то именно книжекъ въ дешевыхъ изданіяхъ не особенно много. Конечно, такого рода изданія, какъ «Дешевая Библіотека» и «Новая Библіотека» А. С. Суворина и имъ подобныя, приносятъ большую пользу, но, пока, они обращаются въ средѣ болѣе или менѣе интеллигентныхъ читателей, въ народную же массу проникнуть еще не скоро. Поэтому болѣе скорая побѣда надъ лубочнымъ рынкомъ стоитъ въ прямой зависимости, такъ сказать, отъ содержимаго дешевыхъ изданій, но будемъ радоваться и тому, что изданія эти появились и продолжаютъ множиться.

Теперь опять переходимъ къ общимъ даннымъ о книжномъ дѣлѣ за минувшій годъ. Всѣ изданныя въ этомъ году какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ 9.588 сочиненій были отпечатаны въ 163 городахъ, не считая изданныхъ въ Вѣнѣ и Лейпцигѣ (по одному). Сравнительно съ 1891 годомъ районъ книгопечатанія нѣсколько увеличился, но распредѣленіе книгопечатной работы между городами остается крайне неравномѣрнымъ. Располагая 163 города по числу напечатанныхъ въ нихъ сочиненій въ восходящемъ порядкѣ, получаемъ слѣдующую группировку:

Издано сочиненій:				Число городовъ:		Издано сочиненій:				Число городовъ:	
Отъ	1	до	10	131	Отъ	191	до	200	1		
»	11	»	20	14	»	271	»	280	1		
»	21	»	30	2	»	301	»	320	1		
»	31	»	40	2	»	321	»	330	1		
»	51	»	60	1	»	331	»	340	1		
»	71	»	80	1	»	391	»	400	1		
»	151	»	160	1	До			1.000	1		
»	171	»	180	1	Свыше			2.000	1		
»	181	»	190	1	»			3.000	1		

Изъ этого видно, что свыше ста сочиненій было напечатано въ двѣнадцати городахъ, такое же число было и въ 1891 году, слѣдовательно централизація книжнаго дѣла осталась безъ измѣненія, и пункты ея также остались прежніе. Въ первой группѣ, составляющей 131 городъ, насчитывается 58-мь городовъ, въ которыхъ отпечатано по одному сочиненію, и 27—по два сочиненія. На сколько

незначительна книжная дѣятельность во многихъ нашихъ губернскихъ городахъ, въ которыхъ, какъ административныхъ центрахъ большихъ районовъ, сосредоточивается умственная и образовательная сила, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, расположенныхъ въ восходящемъ порядкѣ, причѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что затѣмъ остается еще много губернскихъ городовъ, въ которыхъ не напечатано ни одной книги.

	Число напеч. соч.		Число напеч. соч.
Вологда	1	Оренбургъ	7
Ломжа	1	Гродно	8
Могилевъ	1	Екатеринославъ	8
Омскъ	1	Орель	8
Симбирскъ	1	Пермь	8
Витебскъ	2	Петроковъ	8
Петрозаводскъ	2	Курскъ	10
Владимиръ	3	Нижній Новгородъ	10
Кострома	3	Тверь	10
Тамбовъ	3	Астрахань	12
Пенза	4	Рязань	13
Полтава	4	Тула	13
Калуга	5	Ярославль	15
Смоленскъ	5	Воронежъ	16
Уфа	5	Минскъ	16
Иркутскъ	6	Псковъ	16
Каменецъ-Подольскъ	6	Саратовъ	17
Радомъ	6	Вятка	18
Самара	6	Ковна	23
Томскъ	6	Новгородъ	28
Архангельскъ	7	Люблинъ	36

Приводя эти данныя, мы должны сказать, что на нихъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на случайныя или идущія только ко взятому времени. Конечно, могутъ быть и бывають измѣненія: тамъ, гдѣ два, будетъ три, гдѣ три—тамъ четыре и т. д., но будетъ и обратно: гдѣ было три, станетъ два и т. д., слѣдовательно, въ общемъ картина не измѣнится. Что же касается центровъ русскаго книгопечатанія и того, какъ отразился на немъ минувшій годъ, то объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго сопоставленія, въ которомъ города расположены въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій.

Города:	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч. въ 1892 г.	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч. въ 1891 г.
Петербургъ . . .	3.210	177	3.338	3.025	168	3.193
Москва	1.962	40	2.002	1.790	58	1.848
Варшава	95	903	998	88	1.003	1.091
Кіевъ	394	5	399	315	13	328

Города:	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч. въ 1892 г.	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч. въ 1891 г.
Казань	251	87	338	230	72	302
Одесса	292	34	326	220	45	265
Рига	57	260	317	49	248	297
Тифлисъ	91	187	278	82	173	255
Вильна	61	139	200	54	142	196
Юрьевъ (Дерптъ)	15	172	187	11	173	184
Харьковъ	161	2	163	106	—	106
Ревель	23	132	155	11	110	121

Изъ этой таблицы видно, что книгопечатаніе въ 1892 году увеличилось во всѣхъ его центральныхъ пунктахъ, за исключеніемъ г. Варшавы, гдѣ оно понизилось.

Въ обзорѣ книжнаго дѣла въ Россіи за 1891 годъ мы слегка коснулись книгопечатной дѣятельности типографій и привели данныя о ней для Петербурга и Москвы. Этого далеко недостаточно, и всякаго, конечно, скорѣе можетъ интересовать вопросъ о томъ, сколько вообще въ Россіи типографій, кому онѣ принадлежатъ и сколько каждая изъ нихъ печатаетъ книгъ въ теченіе года. Вопросъ этотъ, на сколько намъ извѣстно, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ, остается и нынѣ открытымъ.

Такъ какъ книжное дѣло и воспроизводящій книгу типографскій станокъ неразрывно связаны между собою, то и разрѣшеніе этого вопроса здѣсь является весьма умѣстнымъ и, кромѣ того, не бесполезно же въ самомъ дѣлѣ выяснитъ себѣ, кто же именно въ настоящее время хозяинъ въ дѣлѣ книгопечатанія, т. е. мы ли, русскіе, которымъ оно, казалось бы, должно принадлежать преимущественно, какъ по праву, такъ и по тому, что и сочиненій на русскомъ языкѣ выходитъ болѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ языкахъ; или же и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы добровольно уступили первенство другимъ. Приступая къ такому совершенно новому и довольно сложному изслѣдованію, приходится, однако же, сказать, что достигнуть положительныхъ данныхъ можно было бы только въ такомъ случаѣ, когда бы книжное дѣло всюду стояло у насъ въ одинаковыхъ условіяхъ и находилось бы въ полномъ развитіи, безъ чего выводы являются только приблизительными, хотя и не лишенными значенія.

Выше было указано, что всѣ вышедшія въ 1892 году сочиненія были отпечатаны въ 163 городахъ, всѣхъ же участвовавшихъ въ этомъ же году въ книгопечатаніи типографій насчитывается 720-ть, а такъ какъ всѣхъ изданныхъ сочиненій было 9.588-мь, то приходится по 13,3 сочиненія на каждую типографію. Изъ общаго числа типографій, въ которыхъ печатались въ 1892 г. книги, было: принадлежащихъ правительственнымъ и общественнымъ (городскимъ и земскимъ) учрежденіямъ 110 и частнымъ лицамъ и ихъ учрежденіямъ 610. Въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, считается девяносто губерній и областей и 169 уѣздовъ, округовъ и другихъ административныхъ дѣленій, въ которыхъ, какъ извѣстно, находятся центральные пункты управленія, т. е. губернскіе, уѣздные и окружные города. Допустивъ, что въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ находится по одной казенной типографіи, получимъ 859-ть типографій, принадлежащихъ адми-

нстративнымъ учрежденіямъ, а за исключеніемъ изъ нихъ 51-ой, нами взятыхъ, 808 типографій; если къ этому послѣднему числу присоединить 610 частныхъ, то получится для всей Россіи 1.418-ть типографій. Мы имѣемъ основаніе думать, что это число должно довольно близко подходить къ дѣйствительно существующему у насъ числу типографій, имѣющихъ у себя всѣ приспособленія для книгопечатанія. Думаемъ же такъ, во-первыхъ, потому, что книгопечатаніе въ Россіи производится теперь въ весьма ограниченномъ числѣ городовъ, а это даетъ поводъ предполагать, что большинство городовъ не имѣетъ нужныхъ для того средствъ, во-вторыхъ, потому, что, допуская нѣкоторое преувеличеніе въ счетѣ казенныхъ типографій, мы въ то же время, вѣроятно, уменьшаемъ счетъ такихъ же частныхъ заведеній и, наконецъ, потому, что данныя о напечатанныхъ сочиненіяхъ каждую типографію въ отдѣльности, какъ это будетъ видно ниже, не допускаютъ иного заключенія. Кромѣ того, не надо забывать, что здѣсь идетъ рѣчь не о всѣхъ типографіяхъ вообще, а только о тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ у себя книгопечатные станки.

Теперь посмотримъ, кто именно владѣльцы тѣхъ 610 типографій, которыя принадлежатъ частнымъ лицамъ. Для этого опредѣленія мы должны были руководствоваться исключительно только фамиліями типографо-владѣльцевъ и на такомъ основаніи насчитали принадлежащихъ: несомѣнно русскимъ—220 типографій, нѣмцамъ—143 типографіи, евреямъ—116 типографій, полякамъ, армянамъ и грузинамъ—131 типографію. Слѣдовательно 390 типографій находятся во владѣніи людей не русской національности, и потому если присоединить къ частнымъ русскимъ типографіямъ еще типографіи правительственныхъ и общественныхъ учреждений, то и тогда перевѣсъ окажется не на нашей сторонѣ.

Какъ распредѣлились по городамъ всѣ тѣ 720-ть типографій, въ которыхъ печатались вышедшія въ 1892 году книги, это видно изъ нижеслѣдующаго:

Число типографій.	Число городовъ.
По одной типогр. въ	86
До 5-ти » »	61
» 10-ти » »	4
» 15-ти » »	4
» 20-ти » »	2
» 30-ти » »	2
» 75-ти » »	2
Болѣе 140 » »	1

Само собою разумѣется, что наибольшее число типографій оказывается въ тѣхъ городахъ, гдѣ централизуется русское книжное дѣло, въ другихъ же пунктахъ печатаніе книгъ представляется какъ бы случайнымъ. Въ этихъ книгоиздательскихъ центрахъ книгопечатаніемъ въ минувшемъ году занималось слѣдующее число типографій: въ Петербургѣ—149, въ Москвѣ—75, въ Варшавѣ—72, въ Одессѣ—30, въ Тифлисѣ—22, въ Кіевѣ—19, въ Ригѣ—17, въ Вильнѣ и Ревелѣ по 15, въ Харьковѣ—14, въ Казани—11 и въ Юрьевѣ (Дерптѣ)—7. Приводя эти данныя, не безынтересно указать и на распредѣленіе числа типографій между ихъ владѣльцами, которое дѣлается на тѣхъ же, какъ и выше, основаніяхъ.

Города.	Печать и книжное дѣло					Другимъ.
	Казенн. тип.	Принадл. русск.	Принадл. нѣмц.	Принадл. еврейск.		
Петербургъ	19	50	37	19	24	
Москва	9	44	11	7	4	
Варшава	7	1	9	11	44 ¹⁾	
Одесса	1	8	6	10	5	
Тифлисъ	1	—	—	—	21 ²⁾	
Кіевъ	3	10	2	2	2	
Рига	1	—	14	2	—	
Вильна	2	—	—	13	—	
Ревель	1	1	11	2	—	
Харьковъ	3	6	1	4	—	
Казань	3	7	—	1	—	
Юрьевъ (Дерптъ)	—	—	7	—	—	

Если центры книгопечатанія, за весьма впрочемъ немногими исключеніями, оказались не особенно богатыми типографіями, то, конечно, въ другихъ мѣстахъ будетъ ихъ еще менѣе; такъ, въ 44 губернскихъ городахъ, находящихся въ предѣлахъ Европейской Россіи и царства Польскаго и не упомянутыхъ выше, насчитывается: въ 11-ти городахъ — по 1-й, въ 15-ти городахъ — по 2, въ 9-ти городахъ — по 3 и въ остальныхъ 9-ти — отъ 4 и не болѣе 6.

Въ минувшемъ году, какъ указано выше, было выпущено на книжный рынокъ 30.639.530 экземпляровъ книгъ, и въ этомъ отношеніи наибольшую производительностью отличались типографіи нижепоименованныхъ городовъ, отпечатавшія слѣдующее число экземпляровъ:

Въ С.-Петербургѣ	12.520.302 экзempl.
» Москвѣ	9.702.183 »
» Варшавѣ	2.309.682 »
» Одессѣ	1.047.425 »
» Кіевѣ	952.027 »
» Ригѣ	864.045 »
» Ревелѣ	646.035 »
» Казани	606.883 »
» Вильнѣ	602.865 »
» Юрьевѣ (Дерптѣ)	418.830 »
» Тифлисѣ	385.198 »
» Митавѣ	240.760 »
» Харьковѣ	218.547 »
» Люблинѣ	135.950 »

Такимъ образомъ четырнадцать городовъ съ ихъ 458 типографіями выпустили почти все количество отпечатанныхъ въ 1892 году книгъ, а именно 30.650.732 экземпляра. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣятельность остальныхъ за-

¹⁾ Польскихъ.

²⁾ Армянскихъ и грузинскихъ.

«истор. вѣстн.», июнь, 1893 г., т. III.

тѣмъ 262 типографій была весьма незначительна, хотя бы къ нимъ было присоединено и печатаніе тѣхъ сочиненій, о количествѣ экземпляровъ которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Но чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное представленіе о книгопечатной дѣятельности типографій въ Россіи въ минувшемъ году, для того приводимъ ниже подробныя о томъ свѣдѣнія.

По числу выпущенныхъ типографіями въ свѣтъ сочиненій онѣ группируются такимъ образомъ:

Печаталось сочиненій.		Число типографій.	Печаталось сочиненій.		Число типографій.
Отъ 1 до 10	. . . . .	522	Отъ 101 до 110	. . . . .	2
» 11 » 20	. . . . .	63	» 121 » 130	. . . . .	1
» 21 » 30	. . . . .	35	» 131 » 140	. . . . .	1
» 31 » 40	. . . . .	39	» 141 » 150	. . . . .	1
» 41 » 50	. . . . .	14	» 161 » 170	. . . . .	4
» 51 » 60	. . . . .	15	» 181 » 190	. . . . .	1
» 61 » 70	. . . . .	11	» 221 » 230	. . . . .	1
» 71 » 80	. . . . .	4	» 231 » 240	. . . . .	1
» 81 » 90	. . . . .	2	» 261 » 270	. . . . .	1
» 91 » 100	. . . . .	2			

Въ виду ограниченной, вообще, дѣятельности типографій получаетъ нѣкоторое значеніе указаніе на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ печаталось наиболѣе, сравнительно съ другими, сочиненій. Такія типографіи въ 1892 году были въ Петербургѣ: типографія Академіи Наукъ, напечатавшая 225 сочиненій, а за ней идутъ: типографія «Общества Польза»—178 соч., Стасюлевича—175 соч. и Суворина—162 соч.; въ Москвѣ: Снегиревой—262 соч., Сытина—187 соч., Университетская—161 соч., Вильде—146 и Кушнерова—129 соч. Въ провинціальныхъ городахъ—въ Варшавѣ: Немѣры—106 соч. и Оргельбранда—87 соч.; въ Вильнѣ: Сыркина—35 соч.; въ Юрьевѣ (Дерптѣ): Шнакенбурга—68 соч. и Матисена—66 соч.; въ Казани: Университетская—227 соч., въ Кіевѣ: Чоколова—92 соч. и Университетская—64 соч.; въ Митавѣ: Штеффенгагена—48 соч. и Зислака—26 соч.; въ Одессѣ: Фессенко—96 соч. и Шульца—40 соч.; въ Ревелѣ: Матисена—56 соч. и Миквица—45 соч.; въ Ригѣ: Гротгуса—40 соч. и Миллера—38 соч. и въ городѣ Харьковѣ: Гусева—41 соч. и Дарре—40 соч. Слѣдовательно въ минувшемъ году по числу отпечатанныхъ сочиненій первенствовали типографіи: Снегиревой въ Москвѣ, Казанскаго университета и, наконецъ, типографія Академіи Наукъ.

При распредѣленіи типографій по числу отпечатанныхъ въ нихъ экземпляровъ книгъ получается нижеслѣдующая группировка ихъ:

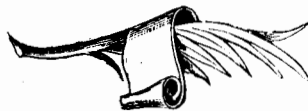
Отпечатано экземпляровъ.		Число типографій.	Отпечатано экземпляровъ.		Число типографій.
Менѣе 1.000	—	. . 125	» 20.000 »	30.000	. . 40
Отъ 1.000 до 5.000	. . 228		» 30.000 »	40.000	. . 20
» 5.000 » 10.000	. . 80		» 40.000 »	50.000	. . 15
» 10.000 » 20.000	. . 62		» 50.000 »	60.000	. . 14

Отпечатано экземпляровъ.			Число типографій.	Отпечатано экземпляровъ.			Число типографій.
Отъ 60.000	до	70.000	16	Отъ 280.000	до	300.000	1
» 70.000	»	80.000	10	» 330.000	»	340.000	1
» 80.000	»	90.000	6	» 340.000	»	350.000	1
» 90.000	»	100.000	6	» 350.000	»	360.000	1
» 100.000	»	110.000	6	» 380.000	»	400.000	2
» 110.000	»	120.000	7	» 410.000	»	420.000	1
» 120.000	»	130.000	4	» 420.000	»	430.000	1
» 130.000	»	140.000	5	» 440.000	»	450.000	1
» 140.000	»	150.000	2	» 480.000	»	500.000	1
» 150.000	»	160.000	3	» 630.000	»	640.000	1
» 160.000	»	170.000	2	» 660.000	»	670.000	1
» 170.000	»	180.000	3	» 680.000	»	700.000	1
» 180.000	»	190.000	1	» 770.000	»	780.000	1
» 190.000	»	200.000	3	» 850.000	»	860.000	1
» 200.000	»	210.000	5	» 860.000	»	870.000	1
» 210.000	»	220.000	1	Свыше	»	1.000.000	1
» 220.000	»	230.000	2	»	»	1.100.000	1
» 230.000	до	240.000	1	»	»	1.300.000	1
» 240.000	»	250.000	1	»	»	1.400.000	1
» 260.000	»	270.000	4	»	»	1.500.000	1
» 270.000	»	280.000	1				

До чего ничтожна дѣятельность многихъ изъ тѣхъ типографій, которыя значатся въ первой группѣ этого вывода, можно заключить изъ того, что число отпечатанныхъ въ нихъ экземпляровъ сочиненій колеблется между 20-ю и 50-ю. Здѣсь должны останавливать на себѣ вниманіе типографіи, отпечатавшія болѣе милліона экземпляровъ — это слѣдующія пять: типографія Гатцука въ Москвѣ, напечатавшая 1.023.400 экзempl., Дрессена въ Петербургѣ — 1.146.420 экзempl., «Общества Польза» тамъ же — 1.380.035 экзempl., Вильде въ Москвѣ — 1.448.370 экзempl. и Сытина тамъ же — 1.550.920 экзempl. Къ этимъ типографіямъ наиболѣе приближаются: типографія Вольфа, напечатавшая 869.985 экзempl. и Суворина — 859.683 экзempl.

Заканчивая этотъ обзоръ типографской дѣятельности въ Россіи, считаемъ нужнымъ сказать, что въ данныя о ней не входитъ печатаніе книгъ ежемѣсячныхъ періодическихъ изданій, какъ самостоятельныхъ, такъ и приложеній, выдаваемыхъ также ежемѣсячно.

Л. Павленковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ АПРѢЛѢ 1893 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 31-й.

- Авенариусъ, В. П.** Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзии. Изд. 4-е. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Аксаковъ, А. Н.** Анимизмъ и спиритизмъ. Съ 8 фототипіями. Спб. 1893 г. Ц. 2 т. 3 р.
- Алгренъ, Э.** Деньги. Романъ. М. 1893 г. Ц. 60 к.
- Андреевъ, В.** Наша родина и чужія страны. (Краткая географія). Изд. 3-е. Кіевъ. Ц. 30 к.
- Апухтинъ, А. Н.** Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Ардовъ, Е. И.** Эскизы. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Арнольдъ, Эдвинъ.** Свѣтъ Азій. Поэма. Переводъ А. Анненской, подъ редакціей В. Лесевича. Изд. 2-е, иллюстр. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Астафьевъ, П. Е.** Урокъ эстетики. (Памяти А. А. Фета). М. 1893 г. Ц. 30 к.
- *) **Байронъ.** Сарданапаль. Трагедія. (Дешевая Библиотека, № 145). Спб. Ц. 20 к.
- Барсуковъ, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7-я. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бахтиаровъ, А.** Слуги печати. Очерки книгопечатнаго дѣла. Съ рисунками. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Безобразовъ, П. В.** Историческія статьи. Вып. I. М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Беранже.** Полное собраніе пьесенъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XVIII, XIX и XX. Тифлисъ. Ц. за вып. 20 к.
- Бенетовъ, А. Н.** Питаніе человека въ его настоящемъ и будущемъ. М. 1893 г. Ц. 10 к.
- Бертранъ, Эд.** Уходъ за пасѣкою. Календарь пчеловода. Съ рисунками. Спб. 1893 г. Ц. 90 к.
- Бершадскій, С. А.** О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ по Литовскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.
- Бехтеревъ, В.,** проф. Проводящіе пути мозга. Казань. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Биографическая библиотека** Ф. Павленкова: Дагерръ и Ніапль.—В. Я. Струве.—Давидъ Юмъ.—Бетховенъ.—Е. Ф. Канкринъ. Съ портретами. Спб. Ц. за кн. 25 к.
- Блаватская, Е. П.,** и современный жрецъ истины. Отвѣтъ г-жи Игрекъ г. Соловьеву. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Съ рисунками. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Боборыкинъ, П. Д.** Трупъ. Разсказъ. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Богаевская, А.** Любимыя сказки. Слова и музыка. Спб. Ц. 1 р.
- Брандесъ, Эд.** Гость. Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ. М. 1893 г. Ц. 15 к.
- Брюль, Н. Л.** 4-й вып. Дополненій къ 3-му ч. Систематическаго Сборника дѣйствующихъ на русскихъ ж. д. узаконеній и распоряженій Правит. по 1-е февраля 1893 г. Спб. Ц. 3 р.
- *) **Буренинъ, В.** Пѣлникъ Византін. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Дешевая Библиотека, № 146). Спб. Ц. 15 к.
- Бьернстjerne-Бьернсонъ.** Леонарда. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Моя Библиотека, №№ 20 и 21). Спб. Ц. 40 к.
- Бѣляевъ, Д. Ѡ.** Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византийскимъ древностямъ. Кн. II. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.
- Веббъ, С.,** и **Ноксъ, Х.** 8-ми-часовой рабочий день. М. 1893 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Веберъ, Н. Н.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, terra-cottovýchъ издѣлій и пр. Спб. 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

- Вильне, А.** Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Вып. I. Спб. Ц. 50 к.
- Вирховъ, Р.** Школа и наука. Рѣчь. М. 1893 г. Ц. 30 к.
- Войславъ, С.** Уходъ за паровыми котлами и машинами. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. Ц. 1 р.
- Волковъ, А.** Краткое руководство топографической анатоміи. Съ таблицами рисунковъ. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Въ гаремѣ.** Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Галузѣвъ, В.** Вексельно-курсовые вычисления и арбитражъ. Спб. Ц. 45 к.
- Гейманъ, Л.** Французское произношеніе. Одесса. Ц. 40 к.
- Гейне, Генрихъ.** Пѣсни. Съ иллюстраціями П. I. Грога, съ портретомъ и факсимиле Г. Гейне. Спб. Ц. съ перепл. 3 р. 25 к.
- Гейнце, Н. Э.** Арачкеевъ. Историческій романъ въ 2-хъ т. Т. I. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Георгіади, А. А.** Текущіе процентные счета. Одесса. 1893 г. Ц. 4 р.
- Германъ, И. Е.** Исторія межеевого законодательства отъ уложенія до генеральнаго межееванія (1649—1765). М. 1893 г. Ц. 3 р.
- Горбачевскій, Л. И.** Новый и полный самоучитель польскаго языка. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Гражданское зодчество.** Руководство, составленное професс. и преподав. Инст. гражд. инженеровъ по общей программѣ, разработанной проф. Д. Д. Соколовымъ. Ч. IV. Отд. 1-й. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.
- Гринъ, Дж. Р.** Исторія англійскаго народа. Т. IV. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гурьевъ, А. Н.** Къ реформѣ Государственнаго Банка. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Дамье, Н.** Общій алфавитный указатель къ собранію узаконеній и распоряженій правительства 1880—1892. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- *) **Динненсъ, Ч.** Лавка древностей. Романъ. 2 т. (Новая Библіотека Суворина, №№ 12 и 13). Спб. 1893 г. Ц. за т. 60 к.
- Дитмаръ-фонъ, С.** Полевой бинокль. Съ чертежами. Казань. 1893 г. Ц. 25 к.
- Догель, И. М., проф.** Возможность предупрежденія и леченія холеры. Публичная лекція. Казань. Ц. 20 к.
- Дройзень, I. Г.** Исторія эллинизма. Т. II. М. 1893 г. Ц. 3 р.
- Дурново, В. И.** Оздоровленіе Москвы, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ въ строительско-санитарномъ отношеніи. М. 1893 г. Ц. 50 к.
- *) **Еновъ, Николай.** Облака и другіе рассказы. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- «Живая Старина».** Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи Имп. Русск. Географическаго Общ., подъ редакцію В. И. Ламанскаго. Вып. I. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Жуновскій, В. А.** Агасверъ, вѣчный жидъ. Поэма. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.
- Захарьинъ, Г. А., проф.** Клиническія лекціи. Изд. 3-е. Вып. I. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Зео.** Новые рассказы. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р.
- Зилвъ, П. А., проф.** Галилео Галилей. Рѣчь. Варшава. 1873 г. Ц. 50 к.
- Ибсенъ, Г.** Счастливецъ. (Строитель Сольнесъ). Спб. Ц. 40 к.
- Ивановъ, А. О.** Обь устройствѣ керосино-провода отъ Каспійскаго моря къ Персидскому заливу. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Ивановскій, В.** Государство, какъ юридическое отношеніе. Казань. 1893 г. Ц. 50 к.
- Югель, М.** Мученики міра. Романъ изъ жизни вашихъ знакомыхъ. М. Ц. 1 р. 50 к.
- Юнниъ, А. С.** По южной Америкѣ. Т. III. Съ картою южной Америки. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.
- *) **Карновичъ, Е. П.** Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ гравюрами. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Карринъ, Дж., д-ръ.** Гомеопатія, какъ увлеченіе и ученіе. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.
- Карѣвъ, Н.** Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Квасковъ, Я. Г.** Реформа библиотечнаго дѣла. М. 1893 г. Ц. 25 к.
- Кингсфордъ, Анна.** Научныя основанія вегетаріанства или безубойнаго питанія. М. 1893 г. Ц. 30 к.
- Клопотовскій, В. И.** Сборникъ постановленій и распоряженій начальства по университету св. Владиміра и пр. русскимъ университетамъ съ 1878 по 1891 г. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ковалевскій, П. И., проф.** Иоаннъ Грозный и его душевное состояніе. Харьковъ. 1893 г. Ц. 1 р.
- Кольбе, Б. Ю.** Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. I. Статическое электричество. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Коменскій, Янъ Амосъ.** Избранныя педагогическія сочиненія. Ч. I. Великая дидактика. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Комовъ, А. А.** Систематическій задачникъ по техническому прозекціонному черченію. Вып. I. Тѣло вращенія. Воронежъ. Ц. съ атласомъ 80 к.

Корнблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XI. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Koch, J. L. A., d-r. Частная діагностика душевныхъ болѣзней. М. 1893 г. Ц. 75 к.

Кратъ, В. А. Маркшейдерская практика. Собрание статей изъ маркшейдерской практики въ Алтайскомъ горномъ округѣ. 9 ч. Спб. 1892 г. Ц. за 9 ч. 8 р.

Кривенно, В. С. Очерки Кавказа. I. Поездка на Кавказъ осенью 1888 г. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Кудашевъ, В. А., князь. О принципѣ сбереженія почвенной влаги, при обработкѣ озимаго поля. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Харьковъ. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Курерь-Белль, Ш. (Шарлотта Бранте). Дженни Эйръ. Романъ-автобіографія. (Моя Библиотека, №№ 41, 42, 43 и 44). Спб. Ц. 80 к.

Лабутичъ, И. «Ученые-свѣтъ». Календарь для учащихся на 1893—1894 учебный годъ. Спб. Ц. 15 к.

Лагевичный, В. Ѳ. О средствахъ усиливающихъ боевую силу арміи: I. Чтеніе въ войскахъ.—II. Грамотность въ войскахъ и народѣ. Одесса. Ц. 1 р. 50 к.

Ланге, проф. Бактеріологическія данныя для діагностики заразныхъ болѣзней животныхъ. Казань. 1893 г. Ц. 50 к.

Леффлеръ, А. К. Воспоминанія о Софьѣ Ковалевской. Съ приложеніемъ біографіи А. К. Леффлеръ и съ 2 портретами. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Либень, П., и Шуйская, А. Краткій курсъ русской исторіи. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Липранди, А. П. (А. Волынецъ). «Отторженная возвратихъ». Паденіе Польши и воссоединеніе западно-русскаго края. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лисовскій, Н. М. Обзорніе литературы по театру и музыкѣ за 1889—1891 гг. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

— Новые матеріалы для біографіи И. С. Тургенева. Три письменныхъ отвѣта И. С. Тургенева на магистерскомъ экзаменѣ, сообщенныхъ А. П. Вороновымъ. Спб. Ц. 75 к.

Лихтенштадтъ, О. М., и Путиловъ, П. Н. Руководство къ примѣненію волостными судами устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Новгородъ. Ц. 80 к.

Лозинскій, А. А., д-ръ. Гомеопатія по ученію ея авторитетовъ. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Лѣтневъ, П. Бархатные когти. Романъ. Кіевъ. Ц. 1 р.

Мались, Ю. Г., д-ръ. Врачебная тайна. Этюдъ по врачебной деонтологіи. Спб. 1893 г.

Мензбиръ, М. А., проф. Птицы Россіи. Вып. I Съ рисунками. М. 1893 г. Ц. по подпискѣ на 5 вып. 8 р.

Мерчинскій, Аркадій. Мои досуги. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Мижувъ, П. Г. Вильямъ Гладстонъ. (Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ, № 9). Спб. Ц. 10 к.

Милорадовичъ, графъ. Любечъ и его святыня. Черниговъ. 1892 г. Ц. 25 к.

Мирославскій, К. П. (Винниковъ). Збирникъ творивъ. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Моссо, Анджело, проф. Усталость. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Муналовъ, Н. Народная школа въ Юго-Западномъ краѣ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изданіе А. Гарбель и Комп. Вып. 63, 64 и 65. М. Ц. за вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. 2 ч. Спб. 1893 г. Ц. кажд. ч. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Слестеновскіе милліоны. Романъ. М. 1893 г. Ц. 2 р.

*) — I. Въ пустыняхъ.—II. Затерянный въ океанѣ.—III. Въ тихой и мирной пристани (Жизнь и природа у океана). (Дешевая Библиотека, № 141). Спб. Ц. 20 к.

— По закону! Романъ. Кіевъ. Ц. 1 р.
Николай — онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Нордау, Мансъ. Болѣзни вѣка. Романъ. М. 1893 г. Ц. 2 р.

— Движенія человѣческой души. (Психологическіе этюды). М. 1893 г. Ц. 1 р.

Образцовъ, А. Греческій синтаксисъ по первой книгѣ «Воспоминаній о Сократѣ». Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

«Общая польза». Изданіе иллюстрированное. Вып. I. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

О. Д. Краткое описаніе о содержаніи, уходѣ и разводѣ комнатныхъ птицъ и звѣрей. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса. Ц. 50 к.

Пальчикова, Н. В. Двѣ сказки для дѣтей. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Пантюховъ, И. И. Антропологическія наблюденія на Кавказѣ. Тифлисъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Переписка, Ю. О. Самарина съ баронессою Э. О. Раденъ. 1861—1876 гг. М. 1893 г. Ц. 1 р.

Первая молитва Джессики. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к., въ папкѣ 65 к.

Повторительный курсъ по гражданскому праву. Особенная часть. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Постройка плотинъ въ оврагахъ. Сиб. Ц. 25 к.

Потопенно, И. Н. Проклятая слава. Разсказъ. М. 1893 г. Ц. 15 к.

Противъ пьянства. М. 1893 г. Ц. 15 к.

Прѣсняковъ, А. Е. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. Сиб. 1893 г. Ц. 20 к.

Птицынъ, А. В. Наблюденія надъ развитіемъ периферической нервной системы у цыпленка. Варшава. 1892 г. Ц. 25 к.

Путешествіе въ Америку. Изъ дневника Петра А—истова. Сиб. 1893 г. Ц. 60 к.

Пятицнй, И. И. Къ вопросу о строеніи хвоста у человѣка и о хвостахъ человѣческихъ вообще. Диссертация. Изд. 2-е. М. 1893 г. Ц. 1 р.

Радда-Бай. (Е. П. Блаватская). Загадочныя племена на «Голубыхъ горахъ». — Дурбаръ въ Лагорѣ. Сиб. Ц. 1 р. 75 к.

Repetitorium по гинекологіи со включеніемъ гинекологическихъ операцій, массажа и электротерапіи (Спутникъ гинеколога). Сиб. 1893 г. Ц. 80 к.

Ривье, А., д-ръ. Учебникъ международнаго права. М. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Розенбахъ, П. Я. Ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ. Публичная лекція. Сиб. 1893 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Липинскій, А. Практическое земледѣліе. Переводъ П. Костычева, съ измѣненіями и дополненіями въ примѣненіи къ Россіи. Изданіе 5-е, вновь просмотрѣнное и дополненное. Сиб. 1893 г. Ц. 3 р.

Рудзній, А., прсф. Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ. Изданіе 2-е, исправленн. и дополненн. Сиб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Русская классная бібліотека, подъ редакціей А. Н. Чуднова. Вып. XIV. А. П. Сумароковъ. Избранныя драматическія произведенія. Сиб. Ц. 50 к.

Русскій флотъ. Изданіе великаго князя Александра Михайловича. Изд. 2-е. Сиб. 1893 г. Ц. 10 р.

Руссовъ, Алексѣй. Милліонщики.—Вѣчная любовь. — Англичанинъ. — Другъ. (Разсказы). Сиб. Ц. 75 к.

Рысинъ, С. О. Купленный митрополитъ или рогожскіе милліоны. Романъ изъ исторіи раскола. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Салиасъ, Е. А., гр. Заира. Романъ. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Панъ Круль. Историческій романъ (1772 г.). М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Труды Юридическаго Общ. при Имп. Московскомъ университетѣ. Т. I. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сенатскій архивъ. Т. V. Сиб. 1892 г. Ц. 2 р.

Сениговъ, Н. Новое ученіе о параллельныхъ линіяхъ. М. 1893 г. Ц. 75 к.

Сеневичъ, Ген. Повѣсти и разсказы. М. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сименсъ-фонъ, Вернеръ. Мои воспоминанія. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 3 портретами. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р.

Словарь иностранныхъ словъ, наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Подъ редакціей М. За—скаго. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Кіевъ. Ц. 35 к.

Срезневскій, Вс. Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 года въ копіи начала XIX вѣка. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.

Станюновичъ, К. М. Безъ исхода. Романъ. Изд. 2-е. Сиб. 1893 г. Ц. 2 р.

Студентскій, М. С. Краткій словарь техническихъ словъ и выраженій вексельнаго права и вексельныхъ операцій русско-нѣмецко-англо-итальянскій. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к.

*) Суворинъ, А. С. Въ концѣ вѣка. Любовь. Романъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) Суворинъ, А. А. Палестина. Иллюстриров. изданіе, съ рисунками Клевшенко и В. И. Навозова. Вып. III, IV и V. Сиб. Ц. за вып. 1 р. 50 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія для человѣка. Съ вступительной статьей «Первая ступень» Л. Н. Толстого. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Уставъ гражданскаго судопроизводства и правила о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ О. И. БУЛГАКОВА:

П. А. Федотовъ и его произведенія

Художественныя и Литературныя

КАРТИНЫ, АКВАРЕЛИ И РИСУНКИ (изъ галлерей П. М. Третьякова, К. Т. Солдатенкова, Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея, изъ коллекцій А. И. Сомова и А. И. Бегрова) съ поясненіями П. А. Федотова въ стихахъ и прозѣ и автографическими факсимиле.

СТИХОТВОРЕНІЯ, БАСНИ И ПѢСНИ.

Съ 6 портретами П. А. Федотова, автобіографіей его и воспоминаніями о немъ. Роскошное фототипическое и автотипическое изданіе на слонової бумагѣ. Ц. 5 р., перес. 75 к.

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ:

Картины и рисунки проф. И. И. Шишкина.

2 портрета, 29 картинъ, 12 рисунковъ и 5 офортвъ.

Роскошное фототипическое и автотипическое изданіе на слонової бумагѣ.

Ц. 2 р. 50 к., перес. 50 к.

Новыя этюды профессора И. И. Шишкина.

10 фототипій съ портретомъ И. И. Шишкина на этюдахъ.

Цѣна 60 к., съ перес. 85 к.

КАРТИНЫ Г. СЕМИРАДСКАГО.

На слонової бумагѣ. Цѣна 2 р. 50 к., перес. 50 к.

Картины К. Маковского.

На слонової бум. Ц. 2 р. 50 к., перес. 50 к.

КАРТИНЫ В. ОРЛОВСКАГО.

На веленовой бумагѣ. Ц. 2 р., перес. 50 к.

Альбомъ Декабрьской Выставки 1890 г.

КАРТИНЫ:

Айвазовскаго, Вилдгурова, Загорскаго, Каванцева, Кившенко, Ковалевскаго, Крачковскаго, Бумжицкаго, Лагорио, Мещерскаго, Пимоненко, Писемскаго, Платонова, Самокина, Сергѣева и Степанова.

20 фототипій на слонової бумагѣ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 к.

АЛЬБОМЫ АКАДЕМИЧ. ВЫСТАВКИ

1887 г. и 1888 г. распроданы.—1889 г. (90 иллюстрацій). Ц. 1 р. 25 к., на слонової бумагѣ 2 рубля 50 к.—1890 г. Вып. II. Фототипическое изданіе на слонової бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к. Вып. I и III распроданы.—1891 г. 3 выпуска. 45 фототипій на слонової бумагѣ. Ц. 4 р. 50 к., въ папѣ 5 р., пересылка 75 к. Каждый выпускъ отдѣльно 1 р. 50 к. (весьма незначительное число экз.).—1892 г. Фототипическое изданіе на слонової бумагѣ. Ц. 3 р. распродано.—1893 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. 50 к.

„НАШИ ХУДОЖНИКИ“

(ЖИВОПИСЦЫ, СКУЛЬПТОРЫ, МОЗАИЧИСТЫ, ГРАВЕРЫ И МЕДАЛЬЕРЫ)

на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія

БИОГРАФИ, ПОРТРЕТЫ ХУДОЖНИКОВЪ И СНИМКИ СЪ ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ. ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за оба тома 17 р., въ кожаной папкѣ 18 р., съ перес. 19 р. Отдѣльно I-й томъ (А—К) 10 р., съ перес. 11 р., II-й томъ (Л—Я) 12 р., съ перес. 13 р. За папку каждаго тома—50 к. Учебныя заведенія, адресующія свои требованія на изданіе „НАШИ ХУДОЖНИКИ“ непосредственно къ автору изданія (Спб., Верейская, д. 16), платятъ за оба тома въ папѣ только 13 р. (пересылка по разстоянію), а при покупкѣ отдѣльныхъ томовъ пользуются уступкою 20 процентовъ. Одобрено ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебн. заведеній.

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ СКУЛЬПТУРЫ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПРОФЕССОРА М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

Съ его портретомъ и изображеніемъ парижской студіи.

Роскошное фототипическое изданіе на слонової бум. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Иванъ Грозный.—Петръ Великій.—Христосъ передъ судомъ народа.—Голова Іоанна Крестителя.—Умирающій Сократъ.—Послѣдній вздохъ (Христосъ на крестѣ).—Портретъ барона Марка Гинцбургъ († 1878).—Спиноза передъ кончиной.—Мефистофель.—Лѣтописецъ Несторъ.—Ермакъ, покоритель Сибири.—Безвозвратная потеря (портретъ сына художника, † 1876).—Надгробный памятникъ княжны М. А. Оболенской въ Римѣ.—Не отъ міра сего (христіанка первыхъ временъ въ катакомбахъ).—Офелія.—Спаситель (для надгробнаго памятника).—Христосъ, укрощающій бурю на морѣ.—Ангель (надгробный памятникъ).—Ярославъ Мудрый.—Бюстъ В. В. Стасова.—Бюстъ Мефистофеля.

Адресующіеся къ автору этихъ изданій (Спб., Верейская, д. № 16) за пересылку не платятъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ **Е. И. ВУЛГАКОВА**

Павель Андреевичъ Федотовъ и его произведенія ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

ТЕНСТЪ. О значеніи П. А. Федотова и объ изданіи его произведеній.—Автобиографическая записка П. А. Федотова 1848 г.—Изъ «Воспоминанія» А. В. Дружинина о П. А. Федотовѣ 1853 г.—Нравственная личность П. А. Федотова (изъ воспоминаній 1858 г.).—П. А. Федотовъ во время душевной болѣзни.—Художественныя произведенія П. А. Федотова.

СТИХОТВОРЕНІЯ П. А. ФЕДОТОВА: 1) Къ моимъ читателямъ, стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ.—2) Поэма «Сватовство маіора или поправка обстоятельствъ женитьбою»: а) разсужденіе маіора; б) объясненіе картины «Сватовство Маіора».—3) Совѣты и разказы инвалида.—4) Стихотвореніе въ альбомъ.

БАСНИ П. А. ФЕДОТОВА: 1) Пчела и цвѣтокъ.—2) Тѣнь и солнце.—3) Два цвѣтка (къ картинѣ «Выпускъ институтки»).—4) Садовники.—5) Конь.—6) Усердная Хавронья.—7) Гастрономъ.

ПѢСНИ И РОМАНСЫ П. А. ФЕДОТОВА: 1) Солдатская пѣсня.—2) Куку.—3) Романсъ «Душенька» (слова и музыка).

ФОТОИЛЛЮСТРАЦІИ. Портреты П. А. Федотова: Факсимиле его собственнаго рисунка.—Федотовъ въ мундирѣ л.-гв. Финляндскаго полка.—Съ литографіи 50 хъ гг.—Съ фотографіи 50-хъ гг.—П. А. Федотовъ въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ (съ акварелей А. Е. Вейдемана).—Федотовъ въ частной лечебницѣ душевно больныхъ (съ рисунка 1853 г.).

Картины, акварели и рисунки съ объясненіями автора въ стихахъ и провѣ: Встрѣча въ лагерѣ л.-гв. Финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича 1837 г. (акварель—собственность е. в. великой княгини Екатерины Михайловны).—Утро послѣ пирушки или Свѣжій кавалеръ (картина 1846 г.—въ галлерей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея).—Пріѣздъ жениха или сватовство маіора. Поправка обстоятельствъ женитьбою (картина въ галлерей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея).—Вдовушка (картина—первый экземпляръ—въ галлерей К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ).—Прерванный завтракъ аристократа (картина въ галлерей К. Т. Солдатенкова).—Пѣвица (акварель—неизвѣстно гдѣ находится).—Все холера виновата! (акварель въ библіотекѣ Академіи Художествъ).

Изъ галлерей П. М. Третьякова въ Москвѣ. Мышеловка или опасное положеніе бѣдной, но красивой дѣвушки.—Старость художника.—Модный магазинъ.—Первое утро обманутаго молодого.—Житіе на чужой счетъ.—Смерть Фидельки.—Послѣдствія смерти Фидельки.—Гулянье во время дождя въ Москвѣ.—Передняя пристава подъ праздникъ.—Портретъ графини Е. П. Ростопчиной.—Мужской портретъ.—Портретъ отца художника.—Игроки.—Во время холеры.—Старость и юность.—«Сафонъчъ—на!»

Юмористическіе рисунки карандашемъ съ автографическими факсимиле.

Изъ коллекціи А. И. Сомова. Дѣвочка надѣваетъ на Федотова чепчикъ.—Маларное искусство.—Какъ хорошо имѣть въ ротѣ портныхъ!—Встрѣча гостя.—Генераль Вяткинъ.—Шитье на похоронахъ.—«Это ужасно пятая рота!»—«Надѣво кру!»—«Какъ люди садятся.»—Звѣзда возвращаетъ рожденіе генія живописи.—Зачатіе генія.—«Что ни шагъ, то расходъ!»—Г. Муттершпигель (акушеръ) повторяетъ въ свободное время старыя свои академическія упражненія.—«Съ чѣмъ-съ—съ сыномъ—дай Богъ ему!»—Чрезвычайно быстрое развитіе способностей генія разстраиваетъ его здоровье.—«Жена, молись, насъ слава ожидаетъ!»—«Система Галля. Бугоръ живописи развитъ чрезвычайно. Какая непомѣрная ширина лба!»—«Воспитаніе генія.»

Изъ коллекціи А. И. Бегрова. Юный художникъ.—Капиталисты.—Неразборчивая невѣста.—Важная дама.—Любознательный племянникъ.—Москва-спасительница.—Невѣста съ расчетомъ.—Быстрая подготовка.—Разспросы дворника.—Въ магазинѣ обуви.—Извозчикъ и квартальный.—Музыка, которую смотрѣть надо.—Богомольный мужъ.—Ласковый подчиненный.—Пожеланіе.—Дѣвочка-лакомка.—Дѣва, отвѣдывающая водку.—Жена, скукающая безъ гостей.—Мужъ-непосѣда.—Что лучше—карты или сплетни?—Продается пустооружное мѣсто.—Жизнь напоказъ.—Долго-ль до грѣха.—Чтеніе четьяминей.—Христосованіе до Петрова дня.—Львица.—Вася и брыська.—Умиленные супруги.—«Невѣсть сюда!»—Жирный подмалевокъ.

Роскошное фототипическое и автотипическое изданіе на слонової бумагѣ (20 листовъ in octavo). Ц. 5 р.; пер. 75 к.

Адресующіе свои требованія къ автору изданія (Спб., Верейская, 16) за пересылку не платятъ.

ПРОСЯТЪ О ПОМОЩИ ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ СЛѢПОТЫ.

Слѣпота есть великое несчастье въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во время сдѣланной операціи или инаго рода лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазами болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у Предсѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грога, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПРОДАЮТСЯ

ПЯТЬ ТОМОВЪ ОФФИЦІАЛЬНАГО ИЗДАНІЯ ДОКУМЕНТОВЪ,
ХРАНЯЩИХСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АРХИВѢ ПРАВИТЕЛЬ-
СТВУЮЩАГО СЕНАТА, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„СЕНАТСКІЙ АРХИВЪ“.

Въ I томѣ этого изданія напечатаны именныя указы императора Павла I съ 1796 по 1801;

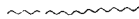
во II — журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената 1732, 1735 и съ 1737 по мартъ 1741 г.;

въ III — журналы и опредѣленія Сената съ марта по іюнь 1741 г.;

въ IV — журналы и опредѣленія съ іюня по октябрь 1741 г.;

въ V — тѣ же акты съ октября 1741 г. по 15-е декабря 1743 г. и, сверхъ того, журналъ и протокольная записка собранія министровъ и генералитета съ 25-го ноября по 12-е декабря 1741 г., т. е. въ первые дни царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Цѣна каждаго тома **2** рубля.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЗРТЬЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

